ИНДЕКС РОСПЕЧАТЬ 48561 ISSN 1997-9878

**И увидел я новое небо и новую землю,
ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...
Откр. Иоанна Богослова 21:1**

ВЕСТНИК ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: НОВЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (40), 2014 г.

**Журнал издается по благословению архиепископа
Белгородского и Старооскольского Иоанна**

Журнал включен в перечень ведущих периодических изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований.

Журнал включен в список научных журналов, признаваемых общецерковной аспирантурой и докторантурой им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия ведущими периодическими изданиями, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней кандидата и доктора богословия.

© Коллектив авторов

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор:

Н. А. Исаев, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Заместитель главного редактора:

Ф. А. Литвин, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета

Исполнительный секретарь:

М. Ю. Горлач, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права Орловского государственного университета

Члены редколлегии:

Н. А. Богданова, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Т. Н. Гелла, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Орловского государственного университета

Я. И. Гилинский, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Н. Кристи, доктор права, профессор, Институт криминологии Университета Осло, Норвегия

В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, Волгоградский государственный университет

Д. А. Липинский, доктор юридических наук, профессор, директор института права, Тольяттинский государственный университет

К. Ласковска, доктор права, профессор Белостокский университет, Польша

А. Лепс, доктор юридических наук, профессор, член Римского клуба, профессор Таллинского университета, Эстония

В. Н. Махов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, кафедра уголовного процесса, Российский университет дружбы народов

С.Ф. Милюков, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

И. Ю. Сизова, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и статистики, Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс

В.Ю. Сморгунова, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки России, декан юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

И. А. Стернин, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики, Воронежский государственный университет

И.Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, кафедра государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ

М. Шейност, доктор права, профессор, директор Института криминологии и социальной превенции, Прага, Чехия

Редакция не несет ответственности за достоверность рекламной информации.
Редакция не вступает в переписку с читателями и не дает справок.
Все материалы, присланные в Редакцию, рецензируются и в случае отрицательной рецензии не публикуются и не возвращаются. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения Редакции.
Полное или частичное копирование материалов возможно только с письменного разрешения Редакции.Редакционная коллегия образуется из числа известных ученых, обладающих высокой научной репутацией и принимающих активное и полезное участие в развитии журнала, в том числе на регулярной основе, участвующих в научном редактировании материалов, представляющих интересы журнала в научных центрах и на научных конференциях, обеспечивающих взаимодействие журнала с партнерскими организациями. Все вопросы, связанные с формированием редакционного совета и редакционной коллегии жупнала, а также вопросы реализации редакционной политики принимаются главным редактором.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Телефон редакционной коллегии: 89192002020
e-mail: nikolajisaev@yandex.ru

THE POSTAL INDEX 48561 ISSN 1997-9878

And I saw a new heaven and a new earth,
since the former heaven and the former earth have passed...
The Revelation of St. John the Divine 21:1

BULLETIN OF OREL STATE UNIVERSITY

SERIES: NEW HUMANITARIAN RESEARCH

FEDERAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

№ 5(40), 2014 г.

The Journal publication is blessed by Joann,
Archbishop of Belgorod and Stary Oskol

A magazine is plugged in the list of leading magazines of the Higher attestation commission of Department of education of Russian Federation for the publication of basic results of dissertations researches.
The journal is included into the list of scientific magazines that are recognized by the General Church Postgraduate school named after St. Cyrill and St. Mephodij as leading periodicals for publishing results of researches made by competitors for kandidat and doctoral degrees in theology

© Team of authors

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief:

Isaev N.A., Doctor of Law, Professor, St. Petersburg State Pedagogical University named after A.I .Herzen

Deputy Editors-in-Chief:

Litvin F.A., Doctor of Philology, Professor, honored worker of science of Russia, Orel State University

Executive Secretary:

Gorlach M.Yu., Candidate of Law, Associate Professor, Orel State University

Editorial Staff Members:

Bogdanova N.A., Doctor of Law, Professor, Lomonosov Moscow State University

Gella T.N., Doctor of History, Professor, Orel State University

Gilinsky Ya. I., Doctor of Law, Professor, St. Petersburg State Pedagogical University named after A.I .Herzen

Christie N., Doctor of Law, Professor, Institute of Criminology, University of Oslo, Norway

Karasik V. I., Doctor of Philology, Professor, honored worker of science of Russia, (Volgograd state University).

Lipinsky D.A., Doctor of Law, Professor, Togliatti State University

Laskowsk A. K., Doctor of Law, Professor, University of Belostok, Poland.

Leps A., Doctor of Law, Professor, member of the Club of Rome, University of Tallinn, Estonia.

Makhov V.N., Doctor of Law, Professor, honored lawyer of Russia, Peoples` Friendship University of Russia

Milykov S. F., Doctor of Law, Professor, St. Petersburg State Pedagogical University named after A.I .Herzen

Sizova I. Yu., Doctor of Economy, Professor, Head of the Department of World Economics and Statistics, State University - Science and educational-industrial complex

Smorgunova V.Yu., Doctor of Philosophy, Professor, honored worker of science of Russia, St. Petersburg State Pedagogical University named after A.I .Herzen

Sternin I. A., Doctor of Philology, Professor, honored worker of science of Russia, Voronezh state University

Chestnov I. L., Doctor of Law, Professor, St. Petersburg Institute of the General Prosecutor of the Russian Federation

Scheinost M., Doctor of Law, Professor, Institute of criminology and social prevention, Prague, Czech

The Editorial Staff is not responsible for inauthentic advertisement information.
The Editorial Staff does not correspond with the readers and does not issue references.
All materials sent to the Editorial Staff are reviewed and in case of a negative critique are neither published, nor returned. The author's opinion may differ from the Editorial Staff's point of view. The materials may be copied fully or partially only with a written consent of the Editorial Staff.
Editirial staff includes famous scientists and scholars of high reputation taking active part in the development of the magazine and editing the scientific papers, representing the magazine in scientific centres and conferences, providing for co-operation with partners' organizations.
All questions connected with forming of editorial staff and council as well as realization of editorial policy are solved by the Editor-in-chief.

INFORMATION FOR CONTACT

Tel.: 8 919 200 2020,
e-mail: nikolajisaev@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

№ 5(40), 2014 г.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бондаренко М.В. К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ПРАВА В СОЗНАНИИ КАК ОСНОВНОГО КРИТЕРИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВИДОВ ПРАВОСОЗНАНИЯ 13
Бочкарева Т.Н. ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ШКОЛ ФРГ) 15
Бумагин А.Н. ПУБЛИЧНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ К СУДУ 20
Гришина Е.Б. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ 24
Комарницкий А.В. НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ И КИБЕРПРОСТРАНСТВО: ВОПРОСЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ 29
Косарев С.Ю. НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ ИЛИ БАЗЫ ДАННЫХ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА 33
Кулев А.Г. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА НАРУШЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 37
Лавров В.В. К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОБ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 39
Миленин Ю.Н. ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ КОНТРОЛЯ И ЗАПИСИ ПЕРЕГОВОРОВ - КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ С ПРОСЛУШИВАНИЕМ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ - КАК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ 46
Соловьев О.Г. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ 49
Сорокин А.И. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭКСТРЕМИЗМА 52
Фомичёв А.Ю. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ СИЛ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ. 55
Шаталов Е.А., Дубровский О.Н. ОРГАНЫ ВЧК В СИСТЕМЕ АППАРАТА ПРИНУЖДЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ, ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ 58

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Капустина Е.Г., Лимарева Е.С. БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОТРАСЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 62
Лавицкая М.И. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОСЛОВИЯ ИНОРОДЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – XIX ВЕКОВ 66
Рянский Р.Л. СОВРЕМЕННИКИ О РОЛИ СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ В РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОМЕЩИЧЬИХ ХОЗЯЙСТВ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 71
Тихонова А.В. НАДЗОР ЗА ИНОСТРАНЦАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1801–1861 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ 75

СОЦИОЛОГИЯ

Осипова Л.Б., Горева О.М. ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЕЖИ 80
Шилова Н.Н., Устинова О.В., Дейнеко С.В. ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА 85
Рудица Н.Б., Комаров О.Е., Хаматханова М.А. ПРИЧИНЫ СДЕРЖИВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СТРАН ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА 88

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Баева Т.А., Богданова Н.В. ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ 91

Горшкова В. В., Ковалева Н.Л. АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРИЧИНЫ НАРУШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ 97

Горшкова В.В., Семухина Е.В. ФИЛОСОФИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗИРУЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА 101

Ковров В.В. ПРИОРИТЕТЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА 105

Ковтунович М.Г. СТИЛИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ И ТЕРМИНАЛЬНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ 108

Медведева В.Е. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ 113

Осипова А.А., Барсукова О.В. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ЧЕСТОЛЮБИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БАРЬЕРА 116

Осипова А.А., Буряк В.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ 119

Осипова А.А., Котельницкая Л.И. ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БАРЬЕРА 123

Расщепкина Н.А. СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ САМОПОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВУЗА 127

Сытников А.Ф. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВПО 131

Шишов М.А., Торохтий В.С. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАЧАЛЬНИКОВ ГРУПП В УСЛОВИЯХ ПЕРЕПОДГОТОВКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ 135

Цагарева А.К. ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ 141

Якушев М.В. УЧЕБНИК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ 144

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бузальская Е.В. РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЭССЕ: ИНВАРИАНТ И МОДИФИКАЦИИ 149

Гордиевская М.Л. СКРЫТЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ 153

Иваненко Т.И. ТЕСТОВЫЙ КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ ТЕСТОВОЙ СИСТЕМЫ MARLINS ENGLISH LANGUAGE TEST) 157

Исгендерова Вусаля ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО И СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ 162

Карабулатова И.С., Ниязова Г.М. ИНФОРМОНИМ КАК СВЕРНУТЫЙ ОНОМАСТИЧЕСКИЙ МИФ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ТАТАРСКИХ СМИ) 167

Карабулатова И.С., Поливара З.В. СОВРЕМЕННАЯ СПЕЦИФИКА ЭТНОИНТОНОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК В РЕЧИ УКРАИНЦЕВ - БИЛИНГВОВ В УСЛОВИЯХ ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЫ РОССИИ И УКРАИНЫ 171

Карабулатова И.С., Федорова Е.А. МИФОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТОПОНИМА СИБИРЬ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ) 177

Киева З.Х. К ВОПРОСУ МЕТАФОРИЗАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА 181

Койше К.К. ЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКИХ КАЗАХОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКА 184

Мещерякова О.А., Зубцова М.Л. ПЕРЦЕПТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ОПИСАНИИ ВНЕШНОСТИ ГЕРОЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ХОРЬ И КАЛИНЫЧ» И.С. ТУРГЕНЕВА) 188

Ниязова Г.М. ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ ЭТНОЛИНГВОИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ 191

Тананыхина А.О. КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО СКАЗОЧНО-ФАНТАЗИЙНОГО ТРИЛЛЕРА 194

Тариева Л.У. ФУНКЦИЯ ЛИЦА ПРОИЗНОСЯЩЕГО, РАЗВОДЯЩАЯ ЯЗЫКИ РАЗЛИЧНЫХ СТРАТЕГИЙ 197

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антипова Т.В. ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ 200

Бобков А.Л. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УРОВНЯ ТЕХНОЛОГИИ В МОДЕЛИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ФИРМ 206

Какосьян Э.К. СТРАТЕГИИ И РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОЛГОСРОЧНОГО СОЦАИЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО КОМПЛЕКСА 209
Яковлев Н.А. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ КРЕСТЬЯНСКОГО (ФЕРМЕРСКОГО) ХОЗЯЙСТВА 211

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Дудар Т.Е. ЛЕГИТИМАЦИЯ ТРУДОЛЮБИЯ, БЕРЕЖЛИВОСТИ И БОГАТСТВА В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ 216
Коротков Д.М. ШОПЕНГАУЭР: ОПЫТ-ТЕКСТ 219
Кузнецова О.Н. РАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ В ПРАВОСЛАВНОЙ ИКОНЕ «ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ» 226
Куракина Е.В. ПРОБЛЕМА ФАКТОРОВ ПЕРЕХОДНЫХ СОСТОЯНИЙ ОБЩЕСТВА 229
Сорокина Г.А. П. КЛОДЕЛЬ И М. ВОЛОШИН – ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОСТОКА 232

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абрамова М.В. ИНТЕРАКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ 235
Акимович Е.В. ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ КРИЗИСНЫХ КОММУНИКАЦИИЙ 239
Аргунова М.П. НАПРАВЛЕННОСТЬ САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ УЧАЩИХСЯ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 241
Артемова Л.А. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И МЕТОДЫ ЕЁ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКИМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ 245
Белоусова Л.Д. ВАРИАНТНОСТЬ, СИНОНИМИЯ И АНТОНОМИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ 248
Булатецкий А.С. СЛЕДСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ – ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО НА МЕСТЕ КРАЖИ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ ИЗ ТРУБОПРОВОДОВ 252
Ван Хаоюй СТРУКТУРА ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СВОЙСТВ СОВЕСТИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ 256
Ван Чаоцин ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ: ШОС СТАЛКИВАЕТСЯ С НОВОЙ СИТУАЦИЕЙ 258
Воронич Е.А. ИССЛЕДОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ ДОШКОЛЬНИКОВ 261
Гассельблат О.А. КОНЦЕПТ «РОЖДЕСТВО» В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ 264
Губарь А.И. МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905Г.: РАЗРАБОТКА И УТВЕРЖДЕНИЕ 268
Демидович Д.М. ДОМОВАЯ ПРИСЛУГА ПЕТЕРБУРГСКИХ ДОХОДНЫХ ДОМОВ: ДВОРНИК КАК ФЕНОМЕН ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ 272
Дзуматова З.Р. МУХАДЖИРСТВО ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ТУРЦИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И РЕЗУЛЬТАТАХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ) 275
Дмитриева Т.Ф. ТЕХНОЛОГИИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ 278
Желтова Н.В. НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ 284
Зинченко А.А. МИФОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОГО НЕНЕЦКОГО ШАМАНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ ЯМАЛА) 287
Касумова А.Ш. ТЕМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НИКНЕЙМОВ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 290
Качмар С.Л. ПОНЯТИЕ ЛОГОСА В САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ МЫСЛИ 292
Климчук Ю.Ю. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА 296
Ковальчук Д.В. ПОНЯТИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 299
Колесников С.С. КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАРКОПРОФИЛАКТИКИ 303
Кононов А.Д. ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ПЕДОФИЛИЯ» КАК ЯРКИЙ ПРИМЕР ПАТОЛОГИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ 307
Костенко Н.И. ВОПРОСЫ ДУАЛИСТИЧЕСКОГО И КООПЕРАТИВНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ 312
Кочеток Н.Г. ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА 317
Кузнецова Ю.В. ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ И ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ 320

Матвеев А.П. ГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ 325
Никитина Ю.В. ТЕНДЕНЦИИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В ПЕТЕРБУРГЕ В XX ВЕКЕ 330
Пашкина О.Ю. ПОНЯТИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ В ТЕОРИИ ОМОНИМИИ 333
Прокошева Е.Д. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТРАДИЦИИ 336
Салимзянов А.И. ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСИКЕ ЗОНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ 341
Семенов В.В. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ 344
Токмаков А.А. НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ АВТОРСКОЙ ПРОГРАММЫ ЗАНЯТИЙ СПОРТИВНЫМ ТУРИЗМОМ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ 348
Ушакова Н.Б. РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ 352
Фадеева М.А. ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОРГАНОВ: ПРАВА ДОНОРА И РЕЦИПИЕНТА В КОНТЕКСТЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ЗАКОНА 356
Фам Тхи Зьеу Тху ОБУЧЕНИЕ ПЛАНИРОВАНИЮ КАК ВЕДУЩЕЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ ПРИ РЕШЕНИИ СТЕРЕОМЕТРИЧЕСКИХ ЗАДАЧ 359
Филатов А.Н. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ИНТЕРАКТИВНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМЫ И ТИПОЛОГИИ 364
Шейхи Хоссейн УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В ЯЗЫКЕ СМИ 369
Штоколок В.С. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДВИГАТЕЛЬНОЙ САМОРЕАБИЛИТАЦИИ ПРИ ТРАВМАХ ПОЗВОНОЧНИКА С ПОВРЕЖДЕНИЕМ СПИННОГО МОЗГА ПОСЛЕ ВЫПИСКИ ИЗ СТАЦИОНАРА 373
Яковлева А.А. ОБРАЗ ВЛАСТИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» В 1970-Е ГОДЫ 376

НОВОСТИ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ НА АВТОРЕФЕРАТЫ

Дьяченко А.П. ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ ПОДДУБНОЙ Е. В. «ИЗНАСИЛОВАНИЕ И НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КВАЛИФИКАЦИЯ», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК (ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 12.00.08 -УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО) 381
Исаев Н.А. ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК САМОЙЛЕНКО К.В. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕМЬЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08) 383

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ 384
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 388

CONTENTS

№ 5(40), 2014 г.

JURIDICAL SCIENCES

Bondarenko M.V. REFLECTION ON THE RIGHTS CONSCIOUSNESS AS THE BASIC CRITERION RAZGGRANICHENIYA CERTAIN LEGAL 13
Bochkareva T.N. CAPACITY OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION (CASE STUDY OF ALTERNATIVE SCHOOLS GERMANY) 15
Bumagin A.N. PUBLICITY JUSTICE AS FORMS OF SOCIAL CONTROL OF THE JUDICIARY AND PUBLIC TRUST FACTOR TO COURT 20
Grishina E.B. FEATURES OF FORMATION OF INDICATIONS OF THE VICTIM AND WITNESS 24
Komarnitsky A.V. MINORS AND CYBERSPACE: QUESTIONS OF SOCIALIZATION AND VIKTIMOLOGICHESKY PROTECTION 29
Kosarev S.Ju. COPYRIGHT INFRINGEMENT ON OF THE COMPUTER PROGRAM OR DATABASE AS THE SUBJECT OF A CRIMINAL ASSAULT 33
Kulev A.G. CRIMINAL LIABILITY FOR PUBLIC CALLS FOR ACTION AIMED AT VIOLATING THE TERRITORIAL INTEGRITY OF THE RUSSIAN FEDERATION 37
Lavrov V.V. TO THE QUESTION ABOUT THE SUBJECT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF THE LAWS ON THE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS 39
Milenin Y.N. QUESTIONS OF CORRELATION OF CONTROL AND RECORD OF NEGOTIATIONS - AS INQUISITIONAL ACTION WITH LISTENING OF TELEPHONE NEGOTIATIONS - AS OPERATIVELY-SEARCH EVENT 46
Solovyov O.G. USING THE TECHNIQUES OF LEGISLATIVE TECHNIQUE IN CRIMINAL LAW-MAKING 49
Sorokin A.I. ON THE CONCEPT EXTREMISM 52
Fomichyov A.Yu. ORGANIZATION OF POLICE FORCES IN WESTERN EUROPE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES 55
Shatalov E.A., Dubrovsky O.N. CHEKA BODIES IN THE SOVIET STATE APPARATUS OF COERCION: THE CONCEPT, OBJECTIVES AND FUNCTIONS 58

HISTORICAL AND POLITICAL SCIENCES

Kapustina E.G., Limareva E.S. SECURITY AS A BRANCH OF THE GOVERNMENT 62
Lavitskaya M.I. LEGAL BASIS FOR THE FORMATION OF ESTATE FOREIGNERS IN THE RUSSIAN EMPIRE XVIII - XIX CENTURIES 66
Ryansky R.L. CONTEMPORARIES' OPINIONS ABOUT THE HUMAN FACTOR'S ROLE IN THE SOLUTION OF A PROBLEM OF THE NOBLEMAN'S PATRIMONIES RATIONALIZATION OF RUSSIA IN THE 1ST HALF OF THE 19TH CENTURY 71
Tikhonova A.V. SUPERVISION OF FOREIGNERS IN THE RUSSIAN EMPIRE (1801–1861): HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM 75

SOCIOLOGY

Osipova L.B., Goreva O.M. FORMATION CIVIC VALUES AMONG YOUNG PEOPLE 80
Ruditsa N.B., Komarov O.E., Hamathanova M.A. CAUSES STIFLING INNOVATION AS A FACTOR OF COMPETITIVENESS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE COUNTRY CUSTOMS UNION 85
Shilova N.N., Ustinova O.V., Deineko S.V. INFLUENCE OF THE MEDIA ON THE SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT SOCIETY 88

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Baeva T.A., Bogdanova N.V. INFORMATION-EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE OF STUDENTS IN NON-LANGUAGE HIGHER SCHOOL 91

Gorshkova V.V., Kovaleva N.L. AGGRESSIVE BEHAVIOR AND THE CAUSES OF VIOLATIONS SOCIAL ADAPTATION ORPHANAGES 97

Gorshkova V.V., Semukhina E.V. PHILOSOPHY OF CONTINUING EDUCATION: INTELLECTUAL AND PROFESSIONAL ELITE UNDER COMMUNITY MODERNIZES 101

Kovrov V.V. PRIORITIES OF EDUCATION AND THE PROVISION OF PSYCHOLOGICAL SAFETY OF THE PERSON OF THE MODERN STUDENT 105

Kovtunovich M.G. DECISION-MAKING STYLES AND LIFE TERMINAL VALUES OF LEADERS 108

Medvedeva V.E. THE PROBLEM OF FORMATION OF CONFLICTOLOGICAL COMPETENCE OF STUDENTS IN THE UNIVERSITY 113

Osipova A.A., Barsukova O.V. PSYCHOANALYTIC INTERPRETATION AMBITIONS AS A PSYCHOLOGICAL BARRIER 116

Osipova A.A., Buryak V.A. PSYCHOLOGICAL BARRIERS IN TRAINING OF SCHOOLBOYS 119

Osipova A.A., Kotelnitskaya L.I. TYPOLOGICAL ANALYSIS OF PSYCHOLOGICAL BARRIERS 123

Raschepkina N.A. SUBJECT-ORIENTED APPROACH TO PEDAGOGICAL SUPPORT OF STUDENTS' SELF COGNITION IN THE FRAMEWORK OF UNIVERSITY STUDENT SELF-GOVERNANCE 127

Sytnikov A.F. INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN EDUCATIONAL PROCESS VPO 131

Shishov M.A., Torokhtii V.S. SOCIO-PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL IDENTITY GROUP CHIEF UNDER TRAINING IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS 135

Tsagaraeva A.K. INTERACTIVE METHODS IN DEVELOPING COMMUNICATIVE MOBILITY WHILE TEACHING AND TRAINING INTERNATIONAL ECONOMISTS 141

Yakushev M.V. A FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOK IN THE SYSTEM OF TEACHING MEANS 144

PHILOLOGICAL SCIENCES

Buzalskaya E.V. SPEECH GENRE OF THE ESSAY: THE BASIC STRUCTURE AND ITS MODIFICATIONS 149

Gordievskaya M.L. LATENT SEMANTIC CATEGORIES OF RUSSIAN LANGUAGE: THE PROBLEM DESCRIPTION 153

Ivanenko T.I. TEST CONTROL OF FOREIGN LANGUAGE KNOWLEDGE (ON THE EXAMPLE OF TEST SYSTEM MARLINS ENGLISH LANGUAGE TEST) 157

Isgenderova Vusala GRAMMATICAL FEATURES VERBS REALITY AND PASSIVE VOICE IN FRENCH AND AZERBAIJANI LANGUAGES 162

Karabulatova I.S., Niyazova G.M. HOW TO FOLD INFORMONIM MIF ONOMASTIC ETHNIC IDENTITY (FOR EXAMPLE NAMES TATAR MEDIA) 167

Karabulatova I.S., Polivara Z.V. MODERN SPECIFICITY ETNO-INTONATIONAL PERFORMANCE OF SPEECH UKRANIAN-BILINGUALS IN THE FOREIGN ETHNICITY PROTECTION OF RUSSIA AND UKRAINE 171

Karabulatova I.S., Fedorova E.A. MYTHO-LINGUISTIC STRATEGY PRESENTATION TOPONYM SIBERIA IN MODERN CINEMA (BASED ON THE NAMES OF FEATURE FILMS) 177

Kieva Z.H. THE QUESTION METAPHORIZATION IN LINGUISTIC TERMINOLOGY INGUSH 181

Koyshe K.K. LINGUISTIC ACTIVITY OF SIBERIAN KAZAKHS AS A REFLECTION OF THE CULTURE OF THE NOMAD 184

Mesheryakova O.A., Zubtsova M.L. PERCEPTIVE VOCABULARY IN THE DESCRIPTION OF APPEARANCE OF THE CHARACTERS (BASED ON THE STORY «HOR AND KALINICH» BY I.S. TURGENEV) 188

Niyazova G.M. THE PROBLEM OF REFLECTION OF INTERETHNIC CONFLICT DISCOURSE IN CONTEMPORARY ETHNO-LINGUISTIC-RUSSIAN INFORMATION SPACE 191

Tananykhina A.O. COMPOSITIONAL STRUCTURE OF THE MODERN ENGLISH FAIRY-TALE THRILLER 194

Tarieva L.U. FUNCTIONS OF THE PERSON UTTERING, DISTRIBUTING LANGUAGES DIFFERENT STRATEGIES 197

ECONOMIC SCIENCES

Antipova T.V. INNOVATIVE STATE CONTROL OF GOVERNMENT PROCUREMENT 200

Bobkov A.L. USE OF THE INDICATOR OF THE ECONOMIC LEVEL OF TECHNOLOGY IN MODELLING OF ORGANIZATIONAL DEVELOPMENT OF FIRMS 206

Kakosyan E.K. STRATEGIES AND RESOURCE POTENTIAL LONG-TERM ECONOMIC DEVELOPMENT SOTSAILNO SPA COMPLEX 209

Yakovlev N.A. FEATURES PROVISION OF LAND FOR PEASANT (FARMER) FARMS 211

PHILOSOPHY AND RELIGION STUDY

Dudar T.Ye. LEGITIMATION OF INDUSTRY, THRIFT AND WEALTH IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE REVIVAL 216
Korotkov D.M. SCHOPENHAUER: TEXT AS EXPERIENCE 219
Kuznetsova O.N. RATIONAL AND METAPHYSICAL IN THE ORTHODOX ICON «TRANSFORMATION OF THE GOD» 226
Kurakina E.V. PROBLEM FACTORS SOCIETY TRANSITION STATE 229
Sorokina G.A. P. CLAUDEL AND M. VOLOSHIN – LITERARY INTERPRETATION OF THE ORIENT 232

DISSERTATION RESEARCHES

Abramova M.V. THE INTERACTIVE POTENTIAL OF A TRAINING SCIENTIFIC TEXT IN TEACHING RUSSIAN TO FOREIGN STUDENTS 235
Akimovich E.V. CONCEPTUAL FRAMEWORK OF MODERN CRISIS COMMUNICATION THEORY 239
Argunova M.P. SELF-DEVELOPMENT ORIENTATION IN THE CONTEXT OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE 241
Artemova L.A. INTERFERENCE AND PREVENTION WAYS OF IT IN THE PROCESS OF TEACHING CHINESE AUDIENCE RUSSIAN ADJECTIVES 245
Belousova L.D. VARIABILITY, SYNONYMY AND ANTONYMY OF PHRASEOLOGICAL UNITS CHARACTERISING PEOPLE'S APPEARANCE IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES 248
Bulatetskiy A.S. INVESTIGATORY SITUATION - DETENTION OF THE SUSPECT ON THE SPOT THEFT OF OIL AND PETROLEUM PRODUCTS FROM PIPELINES 252
Wang Hyaoyu STRUCTURE AND PROPERTIES OF LIFE VALUES OF CONSCIENCE RUSSIAN STUDENTS 256
Wang Chaoqing CHALLENGES AND PROBLEM FACING THE SCO IN THE NEW SITUATIONS 258
Voronich E.A. THE STUDY OF NONVERBAL COMPONENT O F COMMUNICATION SKILLS PRESCHOOLERS 261
Gasselblat O.A. THE CONCEPT OF " CHRISTMAS" IN THE DIACHRONIC ASPECT OF THE EXAMPLE OF RUSSIAN POETRY 264
Gubar A.I. MANIFESTO OF OCTOBER 17, 1905.: DEVELOPMENT AND APPROVAL 268
Demidovich D.M. HOUSEHOLD SERVANTS OF THE APARTMENT HOUSES IN ST. PETERSBURG: JANITOR AS THE CITY LIFE PHENOMENON 272
Dzumatova Z.R. RESETTLEMENT OF HIGHLANDERS OF THE NORTHERN CAUCASUS TO TURKEY IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY (TO THE PROBLEMS OF THE CAUSES AND EFFECTS OF MIGRATION) 275
Dmitrieva T.F. TECHNOLOGY APPLICATIONS OF TECHNICAL AND CRIMINALISTIC MEANS IN INSPECTION OF THE SCENE 278
Zheltova N.V. SOME LEGAL ASPECTS OF ADAPTATION AND RESOCIALIZATION OF CONVICTS IN PRISONS AND INTERACTION WITH NGOS 284
Zinchenko A.A. MYTH-LINGUISTIC BASIS OF TRADITIONAL NENETS SHAMANISM (FOR EXAMPLE OF THE YAMAL NENETS TUNDRA) 287
Kasumova A.Sh. THEMATIC CHARACTERISTICS OF NORTH CAUCASIAN YOUTH'S NICKNAMES 290
Kachmar S.L. THE NOTION OF LOGOS IN SELF-IDENTIFICATION IN RUSSIAN ORTHODOX THOUGHT 292
Klimchuk Yu.Yu. SOME ASPECTS OF THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF TEENAGERS WITH HEARING IMPAIRMENT 296
Kovalchuk D.V. CONCEPT OF THE CIVIL SERVICE PERSONALL IN PUBLIC ADMINISTRATION 299
Kolesnikov S.S. CONSTRUCTION CONCEPT OF "SOCIAL REHABILITATION" IN THE CONTEXT OF MODERN DRUG PREVENTION 303
Kononov A.D. THE LEGAL CATEGORY "PEDOPHILIA" AS AN ILLUSTRATIVE EXAMPLE OF THE PATHOLOGIZATION OF CRIMINALITY 307
Kostenko N.I. QUESTIONS AND DUALISTIC COOPERATIVE FEDERALISM IN GERMANY TODAY 312
Kochetok N.G. PROBLEMS OF INCLUSIVE EDUCATION IN THE CONDITIONS OF MODERN SOCIETY 317
Kuznetsova Yu.V. EXTRACURRICULAR ACTIVITIES AS A WAY AND PROCESS OF SOCIALIZATION OF TEENAGERS 320
Matveev A.P. GRAPHIC PARALINGUISTIC MEANS OF COMMUNICATION IN THE MODERN JAPANESE LANGUAGE 325
Nikitina Yu.V. TRENDS AND DEVELOPMENT STAGES OF THE ADULT ART EDUCATION IN ST. PETERSBURG IN THE XX CENTURY 330
Pashkina O.Y. NOTION GRAMMATICAL HOMONYMS IN THE THEORY OF HOMONYMY 333
Prokosheva E.D. THE HISTORICAL CONTINUITY OF SPIRITUAL-CULTURAL ASPECTS OF CIVILIZATIONAL TRADITION 336

Salimzyanov A. I. SPECIAL ECONOMIC ZONES AS AN INSTRUMENT FOR ATTRACTING FOREIGN INVESTMENTS TO A NATIONAL ECONOMY 341
Semenov V.V. NEUTRALIZATION COUNTER DISCLOSING CRIMES COMMITTED BY PRISON OFFICERS 344
Tokmakov A.A. SCIENTIFIC JUSTIFICATION OF THE AUTHOR'S PROGRAM OF OCCUPATIONS BY SPORTS TOURISM FOR CHILDREN WITH THE CHILDREN'S CEREBRAL PALSY 348
Ushakova N.B. RUSSIAN LABOR MARKET: PROBLEMS AND TRENDS 352
Fadeeva M.A. HUMAN ORGAN TRANSPLANTATION: THE RIGHTS OF DONORS AND RECIPIENTS IN THE CONTEXT OF JUSTICE ACT 356
Pham Thi Dieu Thuy TEACHING PLANNING AS LEADING COMPONENT OF INDEPENDENT ACTIVITIES OF STUDENTS WHILE SOLVING PROBLEMS IN SOLID GEOMETRY 359
Filatov A.N. ARTISTIC IMAGE IN INTERACTIVE ARTWORK: PROBLEMS AND TYPOLOGY 364
Sheykhi Hossein USE THE VERB OF SPEAKING WITH VALUE TRANSMITTING INFORMATION (ON THE MATERIAL LANGUAGE MEDIA) 369
Shtokolok V.S. THEORETICAL BASES IN MOTOR SELF-REHABILITATION SPINE INJURY WITH SPINAL CORD INJURY AFTER DISCHARGE FROM HOSPITAL 373
Yakovleva A.A. IMAGE OF AUTHORITY IN THE MAGAZINE «CROCODILE» IN THE 1970S 376

NEWS IN SCIENTIFIC PUBLICATIONS, REVIEWS, OPINIONS, REFERENCES

Dyachenko A.P. COMMENT ON THESES PODDUBNAYA EV "RAPE AND SEXUAL ASSAULT: CRIMINAL LEGAL DESCRIPTION AND QUALIFICATIONS", PRESENTED FOR THE DEGREE OF CANDIDATE OF LEGAL SCIENCE (SPECIALTY 12.00.08 -UGOLOVNOE LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL LAW ENFORCEMENT) 381
Isaev N.A. COMMENT ON ABSTRACT THESIS FOR A MASTER OF LAWS DEGREE SAMOYLENKO KV CRIMINAL AND KRIMINOLOGICHESKIE MEASURES TO SEXUAL VIOLENT CRIME IN THE FAMILY (SPECIALTY 12.00.08) 383

INFORMATION MATERIALS

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 384
INFORMATION FOR AUTHORS 388

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ПРАВА В СОЗНАНИИ КАК ОСНОВНОГО КРИТЕРИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВИДОВ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Бондаренко М.В.,
кандидат юридических наук,
Академия ФСО России

Ключевые слова: сознание, правосознание, правовая установка правомерное поведение
Key words: consciousness, sense of justice, the legal setting legal conduct

Аннотация. В статье дается целостное, концептуально определенное представление о многообразии форм отражения правовой действительности в сознании человека и об их влиянии на свойства его правосознания.

The article presents a holistic, conceptually some idea of the variety of forms reflect legal reality in human consciousness and their influence on the properties of his sense of justice.

Познание окружающей действительности базируется на различных формах общественного сознания. Эти формы могут проявляться в нравственной, духовной, политической, экономической и иных сферах. Выступая отражением юридической действительности, правовое сознание также является одной из форм общественного сознания.

Если учесть, что общество – это совокупность отдельных индивидов, то индивиды предшествуют общественному сознанию. Последнее есть в таком случае ни что иное, как сумма индивидуальных взглядов, представлений, идей, верований, чувств, в которых отражается общественная и, в частности, юридическая действительность. Стоит согласиться с мыслью о том, что люди, рождаясь, не выбирают общественный строй, а «включаются» в сложившуюся систему общественных отношений и занимают «ниши», которые есть в существующем обществе[1].

«В реальной жизни право существует не в виде самостоятельного явления, развивающегося по своим закономерностям, – отмечает А. И. Овчинников, – в действительности отношения между людьми содержат неразделимый клубок правовых, морально-нравственных, политических, религиозных ценностей и устремлений. Право не поддается лишь одному измерению, одному единственно верному определению, оставаясь неуловимым в акте научной рациональности и рефлексии. Его интуиция определена теми национально-культурными смысловыми образами, которые впитывает человек с малых лет»[2].

«Правосознание, – пишет В. Н. Хропанюк, – представляет собой совокупность идей, взглядов, чувств, традиций, которые выражают отношение людей к правовым явлениям общественной жизни»[3].

Н. М. Юрашевич видит правосознание как «систему чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей субъектов права (носителей правосознания), отражающих правовую действительность и оценочное отношение к ней (социально-правовым установкам и ценностным ориентациям общества; прошлому, действующему или ожидаемому праву) и выполняющих посредством этого роль своеобразного регулятора (саморегулятора) их поведения в юридически значимых ситуациях»[4].

Таким образом, правосознание – это осознанное отношение людей к закону, внутреннее осознание ими права, отношение к нему в форме представлений, эмоций, мыслей, положительной или отрицательной психической реакции. Представления формируются посредством уже существующих в юриспруденции терминов и теорий. Эмоции и чувства людей отражают их психологическое восприятие правовых явлений. Нормативные акты, судебные решения могут вызвать как чувства понимания и удовлетворения, так и, наоборот, гнев, непонимание у граждан.

В классический период существования советского права большинство авторов выделяли три вида правосознания: общественное, групповое и индивидуальное[5], придавая последним двум общественный (социальный) характер.

Элементами общественного сознания выступают правовая культура, юридическая наука и государственно-правовая идеология. Несмотря на название «общественное», данный вид правосознания неразрывно связан с государством, поскольку правовой массив, содержащийся в законодательстве, принимается государственным органом, представляющим общество. Свое воплощение общественное сознание находит в массовых взглядах, идеологических институтах, политике, морали, искусстве, религии и т. д.

Общественному сознанию необходимо время, для того чтобы, будучи коллективным сознанием социальных групп, трансформироваться и стать важным элементом психики отдельных граждан. Это лишний раз свидетельствует о том, что психологическая природа правосознания

1. Хрючкина И. В. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание. – М., 2001. – С. 7–18.
2. Овчинников А. И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 275.
3. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. – М., 2001. – С. 203.
4. Юрашевич И. М. Эволюция понятия правового сознания // Правоведение. – 2004. – №2. – С. 165–181.
5. Бельский К. Т. Социалистическое правосознание. – Ярославль, 1979. – С. 54; Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. – М., 1971. – С. 234.

детерминируется социально-демографической структурой общества[6].

О существовании различных специфических форм общественного правосознания в юридической литературе упоминалось неоднократно. Так, например, Е. Л. Жуков, взявший за основу анализа профессиональное правосознание сотрудников уголовного розыска, отмечает, что «правовые взгляды, представления, идеи, чувства сотрудников, формирующиеся в процессе оперативно-розыскной деятельности, выполняют роль регулятора поведения оперативных работников как субъектов правоохранительной функции государства»[7].

Таким образом, любой отдельно взятой социальной группе свойственна своя специфичная юридическая деятельность. Специфичность выражается в особом отношении внутри группы к праву, закону и правомерному в целом.

Индивидуальное правосознание целиком и полностью связано с субъективным миром человека, при этом оно не является прямой проекцией, миниатюрным вариантом правосознания общества. Его формирование и проявление происходит несколько иначе, чем правосознание общества и общественных групп. Индивидуальное правовое сознание образуется у каждого индивида в отдельности, вне зависимости от момента его включения в общественные отношения, партии, структуры. Механизмы формирования индивидуального правосознания многовариативны. Это юридическая литература, средства массовой информации, представления о праве, полученные на обывательском уровне, представления, идущие из глубины веков.

Индивидуальное правосознание индивида имеет множество граней: от приспособленчества, законопослушности до нигилизма, отрицания действующего законодательства. В конечном итоге индивидуальное правосознание – это фактор формирования активности личности, стимулирования использования прав, свобод и исполнения обязанностей.

Индивидуальное правосознание – относительно самостоятельная величина, формирующаяся посредством сочетания множества специфических социальных и психических детерминантов. Индивидуальные потребности и интересы в сочетании с представлениями о правовой действительности, конкретно-неповторимые черты восприятия, исповедуемая нравственность, внутренняя культура и самооценка – те факторы в жизни человека, под совокупным влиянием которых формируется его правосознание.

Индивидуальное правосознание является своего рода критерием социальной зрелости, ее уровня и масштаба. Она формируется в зависимости от того, насколько точно индивид осознает существующее в обществе право, какова степень его информированности о нормах, отраслях, институтах, которые связаны с функционированием права, каково внутреннее отношение индивида к данным явлениям.

Обыденное правосознание является наиболее распространенным, поскольку оно присуще большинству граждан. Элементы обыденного правосознания присутствуют и у профессиональных юристов, но лишь фрагментарно, так как в их сознании преобладает профессиональный тип мышления, связанный с их деятельностью в сфере публичного (конституционного, административного, финансового и т. д.) или частного (семейного, трудового, жилищного и т. д.) права.

Профессиональное правосознание – это специфичная юридическая система правовых знаний, навыков, умений и убеждений, с помощью которых индивид строит свою модель поведения. Профессиональное правосознание по объему юридических знаний очень близко к теоретическому сознанию; оно формируется в результате усвоения правовой системы государства, природы и роли права, изучения дисциплин юридической направленности, правоприменительной деятельности. Для профессионального правосознания человека характерно усвоение правовых знаний как системы, понимание взаимосвязи различных правовых норм, представление о воздействии права на общественные отношения, мотивы поведения личности в правовой сфере.

Профессиональное правосознание юриста помимо комплекса теоретических знаний об общих принципах права как регулятора общественных отношений содержит в себе профессиональные представления об отдельных отраслях права: гражданского, административного, трудового, семейного, уголовного. Это правосознание определенной группы людей, для которых юридическая практика – это профессиональная деятельность, требующая специальных знаний, подготовки и образования.

Научный уровень правосознания содержит в себе несколько подсистем:

– правосознание юристов (практикующих юристов, адвокатов, судей и т. п.);

– юридическую технику (знание законодательной процедуры);

– правовую идеологию (научные представления о праве, юридические школы).

Во многом подобная «правовая палитра» в юридической литературе объясняется тем, что бы единый теоретический взгляд на право преломляется через функционально различные виды практической деятельности, включая законодательную и исполнительную.

Данный уровень правосознания очень близок по своему содержанию к юридической доктрине. Отмеченная тождественность проявляется в системе научных понятий, духовно воспроизводящих функционирующую и развивающуюся юридическую систему.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что правосознание – это комплекс индивидуального, группового и общественного сознаний, тесно связанный с правовой действительностью посредством юридических знаний, оценок права и практики его применения.

6. Щегорцев В. Л. Социология правосознания. – М., 1981. – С. 56.
7. Жуков Е. Л. Профессиональное правосознание сотрудников уголовного розыска : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 15.

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ШКОЛ ФРГ)

Бочкарева Т.Н.,
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра международного права,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: право, образовательное учреждение, автономия, права и свободы
Key words: law, educational institution, autonomy, rights and freedoms

Аннотация. Статья посвящена правовому положению образовательных учреждений Германии. Автор отмечает, что автономия школы включает в себя три аспекта: педагогический, экономический и правовой. Задачу регулирования отношений между ними выполняет право, главным образом посредством института прав и свобод.

The article is devoted to a legal status of educational institutions in Germany. The author notes that the autonomy of schools includes three aspects: pedagogical, economic and legal. Task of regulating the relationship between the right to perform, mainly through the Institute of human rights and freedoms.

Образование в Федеративной Республике Германии представляет собой достаточно сложную и разветвленную систему, в которой наряду с государственным сектором функционируют и негосударственные школы. Причем, образовательные учреждения соответственно второй группы можно разделить на два основных типа: школы религиозного направления и школы с особой философской и педагогической концепцией.

Правовое положение таких образовательных учреждений базируется на международных и национальных нормах института прав и свобод, а также кооперативной модели германского федерализма.

Нормативные акты, образующие свод положений германского школьного права, образуют собой «ранговую пирамиду»[1]. В ее основании находится международное право. Оно включает в себя различные акты: о согласованной политике в области образования и интеграции в образовании, о статусе образовательного учреждения, о положении педагога, о признании учебных курсов и дипломов, о правовом положении учащихся, о стандартизации в образовании и т.п.[2]. Общие принципы образовательного права содержатся, в частности, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свободах (04.11. 1950 г.) с девятью дополнительными протоколами[3]. Статья 2 Первого дополнительного протокола фиксирует:

- не отчуждаемость права на образование;
- ответственность государства за организацию образовательного процесса;
- право родителей выбирать для детей образовательное учреждение в соответствии со своими религиозными и мировоззренческими убеждениями.

Хотя подобная трактовка образовательного права уже предложенной во Всеобщей декларации прав человека (10.12.1948 г.)[4], она предусматривает контроль за соблюдением европейскими государствами данных норм и закрепляет «принцип справедливости»[5].

Среди международно-правовых источников особого внимания, по нашему мнению, заслуживает «Рекомендация о положении учителей» от 5 октября 1966 г.[6]. В ней содержатся положения, определяющие положение субъектов экономико-правовых отношений в образовании, причем, эти нормы гарантируют автономию образовательного учреждения.

Так, например, на государство возлагается обязанность определения общей политики в образовании (IV - 10), обеспечения достаточной сети школ, бесплатного образования и материальной помощи нуждающимся (IV - 10 с), предъявления к образовательному учреждению (как государственному, так и к негосударственному) требований, отвечающих минимальным (курсив наш. - Т.Б.) педагогическим нормам (IV - 10 с).

Образовательное учреждение, в свою очередь, имеет гарантированную правовыми нормами возможность самостоятельно организовать учебный процесс, выбрать профиль и статус учебного заведения. Причем, участники образовательного процесса (учителя, ученики и родители) имеют право «высказывать свое мнение относительно» организации учебного процесса, «жизни, работы и дисциплины в педагогическом заведении» (V - 27) и защищать свои интересы (VIII - 82; 83); преподаватели «пользуются академической свободой» (VII - 61), имеют возможность для совершенствования своей работы и повышения собственной квалификации (VI - 31 - 37; VIII - 95). Экономически самостоятельное образовательное учреждение может экономически застраховать своих преподавателей: т. е. гарантировать справедливое вознаграждение за труд (X), предоставить социальное страхование для учителей, включая систему пенсий, пособие по болезни и беременности, а также оплачиваемый отпуск (VII - 59 - 60; VIII - 96 - 103).

Итак, нормы европейских правовых актов регламентируют деятельность субъектов экономико-правовых отношений в образовании и закрепляют единый подход к образованию в странах этого региона, не допуская чрезмерного вмешательства государства в педагогическую и экономическую область функционирования учебного заведения и создавая, таким образом, необходимые условия для их автономии[7].

Немаловажную роль в правовом закреплении экономической самостоятельности школы играет деятельность международных организаций в области образования. Растущее число и активизация деятельности их свидетельствуют об интенсивности интеграционных процессов в этой области. К таким организациям относятся «Европейский Форум за свободу в образовании» (E\F\F\E), «Европейская Ассоциация Преподавателей» (EAT), Дом Европы (FIME), Международная организация для развития свободы в образовании (OIDEL) и др. Например, E\F\F\E объединяет около 2 000 единомышленников из 30 стран. В качестве основных целей своей деятельности Форум провозглашает «разработку правовых, экономических и социально-педагогических предпосылок для перехода от госу-

дарственной системы образования — к общественной, при которой всестороннее развитие индивида будет центром образовательной системы»[8].

Несмотря на то, что полная реализация права на образование является предметом ведения отдельных государств, международные документы формируют международный стандарт, «служащий для государства руководящим ориентиром и средством аргументации для политики в области образования»[9].

Поведение субъектов отношений в области образования, степень их прав, свобод и обязанностей закрепляются не только нормами международного права и международного опыта, оформленного в виде «международных стандартов»[10], а также регулируются нормами национального законодательства.

Правовые основы автономии школы по теории Р. Штайнера «должны исходить из правосознания»[11], следовательно, развитие этого фактора возможно если он приобретает особую организацию в рамках правового государства. Именно на государство возложена забота о внешнем порядке и управлении совместной жизнью. В самом деле, правовые нормы должны «помочь осуществить эффективную дифференциацию правовых и экономических факторов»[12] и их взаимодействие.

С точки зрения правового анализа субъектами отношений в сфере образования являются:

• государство, выступающее заказчиком на рынке образовательных услуг, утверждающее правовые нормы и регулирующее экономические отношения других субъектов;

• юридические лица: образовательные учреждения; фирмы, финансирующие конкретные услуги для своих работников, частные предприниматели;

• физические лица: индивидуальные потребители.

Деятельность субъектов в рассматриваемой области во многом определяется степенью их прав и свобод в рамках единого общества. Институт прав и свобод можно классифицировать по следующим основаниям:

• по исключающим друг друга признакам: на нормы, закрепленные международным стандартом и нормы национального законодательства;

• по характеру субъектов: на индивидуальные и коллективные[13];

• по сфере действия: на частные и публичные[14];

• по содержанию: на политические, социально-экономические, социально-культурные, личные[15];

• по значимости: на основные и дополнительные[16].

Нам представляется наиболее существенной классификация прав и свобод на основные и дополнительные (последние производны от первых и конкретизируют их).

К основным правам относятся право на свободное развитие личности, равенство перед законом свободу вероисповедания, совести и убеждения, свободу собраний, право на образование и свободный выбор профессии, право на собственность, право на достоинство и неприкосновенность, демократию и образование.

Право на образование гарантируется различным образом:

• право на свободный и равный доступ в различные учебные заведения;

• право на предоставление знаний и умений, необходимых в современном обществе (так называемое «минимальное право»);

• право на свободное развитие индивидуальных способностей и интересов, т.е. право на свободный выбор школы (как государственной, так и негосударственной);

• право участия в работе образовательного учреждения[17].

Основные права и свободы выступают не только в роли защитных средств от органов государственной власти, но и «создают принципы социальной жизни»[18]: возможность для индивидуального потребителя получить часть благ и возможность для образовательных учреждений обеспечить индивидуальных потребителей соответствующими потребностями.

Международными критериями правовых гарантий в реализации права выбора образовательного учреждения (по версии Европейской Ассоциации Преподавателей) являются, во-первых, возможность создания различных типов образовательных учреждений; во-вторых, осуществление равнозначного финансирования школ со стороны государства (как государственных, так и негосударственных). Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает положение, гарантирующее независимость школы в педагогическом, правовом и финансовом плане (курсив наш. — Т.Б.).

Итак, с одной стороны, каждый человек имеет право пользоваться образованием как благом для своего жизнеобеспечения, с другой, государство посредством права позволяет реализовать эту потребность. Так, родители (их законные представители) вправе избрать для учащихся образовательное учреждение, школа обладает значительной самостоятельностью при определении стратегии ее развития и путей реализации педагогической концепции, а также распоряжении финансовыми ресурсами.

Правовой аспект автономии школы, по нашему мнению, включает в себя следующие составляющие:

• регулирование отношений субъектов в сфере образования посредством определения круга прав, свобод и обязанностей участников образовательного и воспитательного процесса;

• закрепление принципов управления образованием, в целом, и образовательным учреждением, в частности;

• разграничение компетенции между центральными, региональными и местными органами управления образованием в отношении школы;

• гарантию реализации гражданами права выбора в образовании.

Таким образом, в рамках формирующегося единого европейского образовательного пространства теория реформирования образования большинства европейских государств, в том числе — ФРГ, рассматривает школу в качестве основного звена преобразований в этой области. Одним из условий повышения качества образования является развитие автономии школы. Развитие автономии образовательного учреждения выступает как продукт, так и инструмент европейской интеграции в области образования.

В соответствии с антропософской концепцией о социальном организме автономия школы включает в себя три аспекта: педагогический, экономический и правовой. Они, с одной стороны, действуют независимо друг от друга, с другой - взаимодействуют между собой.

К национальным нормативно-правовым актам ФРГ относятся Конституция ФРГ («Grundgesetzt fuer die Bundesrepublik Deutschland»)[19], Решения федерального Конституционного суда (например, «Das Bundesverfassungsgerichturteil» vom 8. April 1987)[20], Конституции земель («Die Verfassungen der deutschen

Bundeslaenderr»)[21]. К важнейшим источникам этого права относятся законы о школе (например, «О школе» («Schulgesetz fuer Baden-Wuertemberg»), «О частной школе»(«Gesetz fuer die Schulen in freier Traegerschaft (Privatschulgesetz)», «О финансировании школ-заменителей» «Ersatz-schulfinanzierungsgesetz»)[22]. Немаловажную роль играют уставы школ, правила внутреннего трудового распорядка, положения, регламентирующие права учащихся и их родителей в самоуправлении школой и т.п.

Правовые основы самостоятельности образовательного учреждения заложены в ряде конституционных норм. К ним, в частности, относятся:

• определение законодательной компетенции (ст.74, п.7; 12; 13);

• основные положения структурной политики, направленные на обеспечение социального равенства и развития (ст.72, аб. 2, п. 3; ст. 74, п. 18; 19-а; ст. 75, п. 4; ст. 94-а, аб. 1,п.1; ст. 91-б; ст. 104-а, аб. 4; ст. 107, аб. 2);

• экономическая ответственность государства, выходящая далеко за пределы возможной социализации (ст. 15; ст. 74, п.15);

• общая цель выравнивания экономических условий на всей территории страны (ст. 104-а, аб. 4, п. 1; ст. 109, аб. 2; ст. 115, аб. 1);

• стратегия хозяйственного развития в целом (ст. 104-а, аб. 4, п. 1)[23].

Так Основной закон ФРГ содержит гарантии свободы создания негосударственных школ, в частности, по Конституции Германии «все немцы имеют право свободно избирать для себя… место получения образования» (ст. 12, п. 1) и право «каждого на развитие своей личности» (ст. 2, п. 1). Из таких правовых положений вытекает «естественная задача государства» гарантировать «многообразие школ»[24].

С данной гарантией связано три основных свободы: свобода образования школ и организации преподавания в них; свобода выбора учителей; свобода приема учеников.

Вместе с этим, субъекты отношений в области школьного образования приобретают три дополнительных права:

Каждый учитель имеет право на выбор образовательного учреждения в качестве места работы.

Каждый родитель имеет право на выбор как государственной, так и негосударственной школы для обучения своего ребенка.

Каждый ребенок имеет право выбрать школу для своего обучения.

В рамках реализации вышеназванного права, нам представляется важным признание необходимости разнообразия и плюрализма в образовании и как гарантии его ─ автономия образовательных учреждений.

Следует отметить, что такой объем прав и свобод имеет конституционные ограничения. Во-первых, «все школьное дело находится под надзором государства»[25]. Надзор осуществляет правительство округа и министр культуры земли (Школьная («das Schulbehoerde») и Высшая школьная инспекции («das oberste Schulbehoerde»)[26].

В контексте такого надзора государство по отношению к негосударственным школам обладает следующими полномочиями:

• определяет правовой статус образовательного учреждения;

• влияет на содержание образовательного и воспитательного процесса через определение общих принципов и целей, а также на локальное законодательство школы;

• устанавливает образовательный стандарт;

• вырабатывает критерии оценки и регламент экзаменов.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает обязательное требование осуществлять государственный надзор исключительно в соответствии с законом[27]. Во-вторых, гарантия упомянутой нами выше нормы ст. 2, п.1 Конституции ФРГ обуславливает к школе требование по защите интересов и безопасности общества, в целом, и учащихся (курсив наш. ─ Т.Б.). Речь идет о полицейской охране образовательного учреждения, обучении школьников в соответствии с образовательным стандартом, формировании у учащихся необходимых умений и навыков, нравственно-этическом и профессиональном соответствии преподавательского состава, достаточной и объективной информации об образовательном учреждении.

Кроме того, гарантия свободы создания и функционирования негосударственной школы тесно связана с установленной для образовательных учреждений такого подтипа процедуры «разрешения» («die Genehmigung»). Этот вопрос рассматривается на основании заявления от образовательного учреждения (заявление содержит широкий круг сведений о претендующей стороне), направленного в соответствующее министерство земли, как правило - в министерство культуры и спорта (в Тюрингии такое заявление рассматривает министерство образования и науки). Среди условий, при соблюдении которых прошение о «разрешении» должно быть удовлетворено, можно выделить как требования федерального, так и местного уровней. К первой группе относятся следующие требования:

• частные (негосударственные) школы не должны уступать публичным (государственным) школам «по своим учебным целям и организации»28;

• квалификация преподавательского персонала и их мате риальное положение должны быть адекватны аналогичным показателям для преподавателей государственных школ29;

• организация обучения и воспитания в частной школе не должна «способствовать разделению учащихся в зависимости от имущественного положения их родителей»30.

В «разрешении» может быть отказано, если учредителями не выполнены обязательные (в соответствии с федеральным и земельным законодательством) условия, а также, если недостатки, на которые указал регистрирующий орган, не были устранены в предусмотренный законом срок.

Согласно ст. 70, п. 1 Конституции ФРГ, правовое положение негосударственных школ определяется законодательством земель. Однако благодаря кооперативной модели федерализма и в рамках выравнивания положения между субъектами Федерации большую роль играют федеральное законодательство и соглашения между землями по вопросам образования. Так, в частности, решения Федерального Конституционного Суда Германии позволяют:

• разъяснить конституционные нормы;

• достичь формальной и фактической совместимости федерального права и права земель;

• устранить расхождения между землями при исполнении федерального права.

Что касается соглашений, то «хотя эти документы и не имеют силы закона, но служат ориентиром для принятия

правовых решений в этой области»[31]. Важнейшими для негосударственного сектора в образовании договоренностями являются «Решение согласительной конференции министров культуры о частной школе» от 10.11.1951 г., «Соглашение между землями ФРГ об унификации в области образования» от 4.10.1971 г.

Законодательство ФРГ гарантирует свободу создания и функционирования негосударственных школ в соответствии с общей для европейских государств тенденцией развития образования и позволяет реализовать принцип автономии школ, в частности, ее экономического аспекта. «Право регулирует» в этой связи означает:

- определение поведения субъектов экономических отношений в образовании;
- распределение круга компетенции между отдельными субъектами, определяя направление развития автономии «свободной школы»;
- установление определенных условий этого развития.

Каждое из выделенных составляющих понятие, в рамках института прав и свобод, содержит правовые положения, гарантирующие автономию негосударственных школ Германии. Они представлены в следующей таблице:

Таблица 1. Правовые гарантии автономии негосудаственных школ ФРГ. Право определяет поведение субъектов отношений в образовании

правовые положения	*элементы автономии негосударственной школы*
1. Право на развитие своей личности. 1. Право на образование и воспитание. 2. Право на создание различных образовательных учреждений. 3. Свобода преподавания. 4. Свобода родителей в выборе образовательного учреждения.	Гарантия свободы создания и функционирования негосударственной школы как самостоятельно хозяйствующего субъекта.

Право распределяет круг компетенции между субъектами, определяя направление развития автономии школы

правовые положения (1)	элементы автономии негосударственной школы (2)
1.Государство в отношении негосударственной школы: • гарантирует ее существование; – предоставляет возможность для устройства («долг защиты»); – обеспечивает равные права с государственными школами («равные шансы для всех жизнеспособных школ»; – определяет особую структуру финансирования. 2. Образовательное учреждение должно организовать процесс воспитания и образования с учетом: направленности на развитие личности, уважения его прав и свобод; соответствия нормам права (международного, национального законодательства); 3. Родители учащихся негосударственной школы имеют право на официальную материальную поддержку.	Закрепление общегосударственного значения негосударственных школ посредством выделения бюджетных ассигнований. Обязанность государства предоставить экономические возможности для фактического соблюдения «равенства шансов». Выделение признанных затрат, подлежащих обязательному финансированию. Юридическое закрепление государственной финансовой помощи в качестве гарантии саморазвития школы. Юридическое закрепление взноса родителей в бюджет школы как источника финансирования.

Право определяет условия развития автономии школы

правовые положения	*элементы автономии негосударственной школы*
1.Государство в отношении негосударственной школы: • осуществляет надзор за школьным делом; • передает школу под юрисдикцию земель; • в «содействии свободным школам не допускает дискриминации»;	Ограничение вмешательства государства в сферу негосударственного образования. Гарантия защиты от экономической дискриминации.
• дает разрешение на создание; • выделяет средства на строительство зданий; 2.Образовательное учреждение обязано: • не разделять детей по имущественному положению их родителей; • застраховать своих учителей; • не уступать публичным школам по целям обучения, оборудованию и научной подготовке своих учителей. 3. Родительские взносы для негосударственных школ не должны быть большими, чтобы не ограничивать права ребенка.	Необходимость государственного «санкционирования» школы для предоставления финансовой поддержки. Определение приоритетного направления государственного финансирования. Два финансовых требования к негосударственной школе. Регулирование и размещение родительских взносов.

Таким образом, институциональная автономия школы включает в себя автономию педагогического, экономического и правового факторов. Эти три сферы образовательного учреждения, с одной стороны, действуют независимо друг от друга, с другой - взаимодействуют между собой. Задачу регулирования отношений между ними выполняет право, в частности, посредством института прав и свобод. Данный институт, закрепленный международным правом и нормами германского законодательства, определяет следующие черты модели экономической автономии негосударственной школы ФРГ:

Косвенные методы правового регулирования экономических отношений.

Наличие рациональной и стабильной правовой структуры в рамках которой возможна автономия негосударственной школы ФРГ.

Признание недопустимости чрезмерного вмешательства государства в сферу деятельности школы.

Обязанность государства создавать условия для реализации потребностей граждан, в частности, условия для получения образования в различных образовательных учреждениях (государственных и негосударственных), а также, для их автономии.

СНОСКИ

1. Gampe H., Knapp R., Zum schulrechtlichen Handlunsrahmen // In: Neubauer u.a. Konflikte in der Schule. Moeglichkeiten und Grenzen kooperativer Entwicklungsfindung. 1985. S. 71.

2. Документы международного права по вопросам образования. М.: Готика, 2003. С. 25-30.

3. Документы международного права по вопросам образования. М.: Готика, 2003. С. 309-323.

4. Документы международного права по вопросам образования. М.: Готика, 2003. С. 25-30.

5. Карташкин В.А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и становление правового государства в России // Права человека и политическое реформирование. М.: ИГиП РАН, 1997. С. 42.

6. Документы международного права по вопросам образования. М.: Готика, 2003. С. 437-455.

7. Бочкарев С.В., Бочкарева Т.Н. Особенности международной кодификации норм права на образование и свободу воспитания // Соотношение международного и национального права. Теория, практика, проблемы преподавания. СПб.: Астерион, 2009. С. 32-43.

8. Mason P. Independent Education in Western Europe. London, 1992. S. 42.

9. Йенкнер З. Введение // Сборник материалов и документов по образовательному праву. Т. 1. Ч. 1. СПб.: СПГУПМ, 1996. С. 10.

10. Шкатулла В.И. Введение в международное образовательное право // Международное законодательство об образовании. Ч.1-4. М.: Ассоциация «Гуманитарий», 1994. С. 4.

11. Краних Р. Свободные Вальдорфские школы. М.: Московский центр вальдорфской педагогики, 1992. С 16.

12. Карлген Ф. Воспитание к свободе. М.: Московский центр вальдорфской педагогики, 1995. С. 17.

13. Гаджиев Г.А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации. М.: Манускрипт, 1995. С. 15.

14. Гаджиев Г.А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации. М.: Манускрипт, 1995. С. 17

15. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М.: Юрист, 1994. С. 151.

16. Страшун Б.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т.1. М.: БЕК, 1993. С. 75.

17. Йенкнер З. Введение // Сборник материалов и документов по образовательному праву Т. 1. Ч. 1. — СПб.: СПГУПМ, 1996. С. 8.

18. Государственное право Германии. Т. 2. М.: ИГиП РАН, 1994. С. 231.

19. Конституции зарубежных государств. М.: Юрист, 1996. С. 143-230

20. Hardorp B., Ramin J. Waldorfschulen: Paedagogische Initiative und gesellschaftliches Umfeld. Mannheim: Bund der Freien Waldorfschulen, 1989. S. 47.

21. Verfassungen der deutschen Bundeslaenderr. Landesverfassungsgerichte. Muenchen: Duetscher Taschenbuch Verlag, 1995.

22. Bildung und Erziehung in freier Traegerschaft. Das recht der Privatschulen, Kindergaerten und Heime / J.P. Vogel, H. Kundsen. B. 1. Darmstaadt: Luchterhand Verlag, 1994.

23. Государственное право Германии / Под ред. Б.Н. Топорнина. Т. 2. М.: ИГиП РАН, 1994. С. 72.

24. Grungbegriffe des Rechts der Bildungseinrichtungen // Bildung und Erziehung in freier Traegerschaft / J. P. Vogel, H. Kundsen. B. 1. Darmstadt: Luchterhand Verlag, 1994. S. 13—26.

25. Grundgesetz die Bundesrepublik Deutschland. Stand: Dezember 1992. Bonn, 1993. Art. 7-1. Bundesgesetzblatt. T. 1. 1993. № 31. S. 1002.

26 Landesgesetz ueber die Errichtung und Finanzierung von Schulen in freier Traegerschaft (Rheinland-Pfalz) Abschnitt 1., § 17 // Bildung und Erziehung in freier Traegerschaft / J. P. Vogel, H. Kundsen. B. 1. Darmstadt: Luchterhand Verlag, 1994. S. 40.10-5.

27. Wimmer R. Die staatliche Leistungspflicht gegenueber Ersatzschulen nach der Rechtsprechung des Bundesverfassungsgerichts // Neue Perspektiven zur Finanzierung Freier Schulen. 1989. № 8. S. 9-13.

28. Hardorp B., Ramin J. Waldorfschulen: Paedagogische Initiative und gesellschaftliches Umfeld. Mannheim: Bund der Freien Waldorfschulen, 1989. S. 114.

29. Конституции зарубежных государств. М.: Юрист, 1996. С. 155.

30. Grungbegriffe des Rechts der Bildungseinrichtungen // Bildung und Erziehung in freier Traegerschaft / J. P. Vogel, H. Kundsen. B. 1. Darmstadt: Luchterhand Verlag, 1994. S. 13—26.

31. Regelungen des Privatschulrechts // Bildung und Erziehung in freier Traegerschaft / J. P. Vogel, H. Kundsen. B. 1. Darmstad: Luchterhand Verlag t, 1994. S. 22-1.

ПУБЛИЧНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ К СУДУ

Бумагин А.Н.,
Председатель суда,
Арбитражный суд Орловской области

Ключевые слова: правосудие; судебная власть; публичность; социальный контроль; общественное доверие
Key words: justice, judicial authority, publicity, the social control, public trust

Аннотация. Статья посвящена исследованию ряда проблем, связанных с обеспечением социального контроля судебной власти и общественного доверия к суду. Если социальный контроль правосудия ограничен в демократическом обществе в целях обеспечения независимости судей, то требование общественного доверия к судам является абсолютным, не подлежащим ограничениям по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Если общество перестает доверять правосудию, усматривает в судебной деятельности источник коррупции и других злоупотреблений, включая протекционизм, лоббирование, местничество, национализм и т.п. – судебная власть перестает играть ту важнейшую роль, которая отведена ей конституционными принципами и нормами.

Clause is devoted to research of some the problems connected with maintenance of the social control of judicial authority and public trust to court. If the social control of justice is limited in a democratic society with a view of maintenance of independence of judges the requirement of public trust to courts is to absolute, not a subject restrictions on sense of item 55 of the Constitution of the Russian Federation. If the society ceases to trust justice, sees a source of corruption and other abusings in judicial activity, including protectionism, lobbying, regionalism, nationalism, etc. - the judicial authority ceases to play that major role which is allocated to it by the constitutional principles and norms.

В условиях конституционного государства судебная власть имеет важное демократическое предназначение. Вследствие этого конституционные функции судебной власти имеют тенденцию к расширению. Они охватывают не только традиционное разрешение дел, точное и строгое соблюдение закона, обеспечение твердой законности и правопорядка. Суды символизируют государственную власть в целом. Граждане, чаще всего, именно вследствие конкретных судебных решений ощущают на себе силу государственного принуждения, функционирование суверенной государственной власти. Однако в современной России процессы демократизации общественных отношений затронули преимущественно законодательную и исполнительную ветви власти. Полноценной демократизации судоустройства и судебной деятельности пока не произошло.

Понятие демократии – сложное и неоднозначное в конституционно-правовой науке. Чаще всего, этот феномен связывается с необходимостью обеспечения высокой степени политической свободы, дебатов, дискуссий, конкуренции политических партий, периодической смены их лидирующих или оппозиционных ролей в парламентах и правительствах. В этом аспекте данные конституционные ценности демонстрируют свою неприемлемость для судоустройства и правосудия. Скорее напротив, конституционное государство призвано всемерно защищать общество от «политизации» судебных инстанций, от какого-либо политического вмешательства в независимость правосудия. В судебной власти немыслимы партийные выборы, предвыборные программы, наказы избирателей, досрочный отзыв вследствие утраты доверия населения. Судьи не могут в своей деятельности руководствоваться общественным мнением, если только оно не нашло своего выражения в конкретных нормах права, принятых законодательным органом (в том числе – по результатам широких парламентских дебатов).

Вместе с тем, эти обстоятельства не ставят под сомнение демократическую природу правосудия с конституционно-правовой точки зрения. Судебная власть является частью государственного аппарата, который связан общим конституционным указанием о суверенитете российского народа. Суды не могут быть обособлены от народа, действовать вопреки народной воле, осуществлять какие-либо интересы помимо народных потребностей и желаний (ст. 3 Конституции РФ). Эти конституционно-правовые идеи далеко не сразу были адекватно поняты и приняты государственной властью. Потребовалось время, чтобы цивилизованные сообщества полноценно признали демократическую сущность правосудия.

В качестве примера сошлемся на положения Французской декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г., которая подтверждена французской конституцией от 4 октября 1958 г., признана юридически обязательной решением Конституционного совета Франции от 16 июля 1971 г. и входит в реестр ЮНЕСКО «Память мира» в качестве одного из памятников конституционного правотворчества. В числе прочего, Декларация предписывает, что: источником суверенной власти является нация; никакие учреждения или индивиды не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации; закон есть выражение общей воли; закон должен быть единым для всех вне зависимости от его охранительной или карающей функции; все граждане равны перед законом и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их нравственным качествам и способностям без каких-либо иных различий; никто не может подвергаться принуждению иначе как в случаях и формах, предусмотренных законом; произвольные действия подлежат наказанию, однако каждый гражданин должен повиноваться законным требованиям и несет ответственность за сопротивление им.

В целом демократическая сущность судебной власти может быть охарактеризована с помощью таких категорий, как «социальный контроль» и «общественное доверие». Эти понятия имеют самостоятельное значение, но вместе с тем – общую природу. В той или иной степени, они раскрывают публичный, общественный и гласный характер

правосудия, его направленность на реализацию общественных потребностей и интересов. Рассмотрим их более подробно.

Термин «социальный контроль» трактуется весьма неоднозначно в современных научных исследованиях. По мнению Т.С.Мангушевой, социальный контроль проявляется при обеспечении социально приемлемых образцов поведения на основе принятых в обществе норм и ценностей[1]. С точки зрения Е.М.Кузнецовой, сущность социального контроля определяется необходимостью поддержки управляемости общества в поведенческих реакциях и индивидуальном сознании членов социума. Связывая природу социального контроля с феноменом социальных элит, автор утверждает о возможности его «перевода» из абстрактно-философской сферы в область практических мероприятий, которые поддаются прогнозированию, планированию, анализу результатов с учетом имеющихся причин, механизмов и следствий на основе параметров внешней и внутренней среды, инфраструктуры социальных институтов и ресурсных возможностей[2]. По утверждению А.В.Новикова, социальный контроль представляет собой атрибут демократии, призванный отражать интересы и волю членов гражданского сообщества. Ссылаясь на положения ст. 3 Конституции РФ о верховенстве народного суверенитета, автор считает, что субъекты властеотношений несут публично-правовую обязанность «служения обществу», т.е. работа государственного аппарата и его кадров должна быть построена «не ради самой власти». В связи с этим ученым выделяются такие органические черты социального контроля, как подконтрольность и подотчетность власти народу, право народа «спрашивать с власти» за качество деятельности и ее эффективность, наличие контрольной деятельности на всех уровнях государственного управления, особенно через структуры народного представительства, судов и гражданского общества[3].

Соглашаясь в целом с приведенными точками зрения представителей философской и социологической наук, нельзя не отметить, что применительно к юридической системе ценностей, особенно – в связи с анализом публичности правосудия, имеется ряд важных особенностей и оговорок. Во-первых, социально приемлемые образцы поведения на основе принятых в обществе норм и ценностей – неотъемлемое свойство функционирования судебной власти, которое свидетельствует скорее о законности и нравственности, чем о социальном контроле. Во-вторых, управляемость общества в поведенческих реакциях и индивидуальном сознании членов социума присуща скорее функционированию гражданского общества, отчасти – органов законодательной и исполнительной власти. Однако целью правосудия не является и не может являться «управляемость» как таковая. Суды напрямую не управляют обществом (они не планируют, не мотивируют, не организуют и не контролируют управленческий процесс). Управленческий эффект от реализации судебных решений может достигаться лишь косвенным образом ввиду властной природы правосудия. В-третьих, воля и интересы членов гражданского общества во взаимодействии с правосудием проявляют себя не императивно (как в случае их взаимодействия, например, с народным представительством), а конкурентно. Именно различия в воле и интересах соответствующих субъектов правоотношений побуждают их к обращению в судебные инстанции с целью разрешения возникших между ними разногласий, противоречий и неопределенности. Социальный контроль при подобных обстоятельствах не может означать право социума вмешиваться в правосудие, оказывать на него давление через СМИ, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование. Однако при всех подобных оговорках нельзя упускать из внимания главное: судебная власть есть социальный институт, который в целом является подконтрольным обществу. Суды не могут поставить себя «над» обществом. Именно общество является источником и главным «контролером» судебной власти.

Социальный контроль судебной власти, безусловно, необходим в демократическом обществе. Но формы социального контроля законодательной и исполнительной ветвей власти принципиально отличаются от соответствующих форм социального контроля правосудия. Правосудие подконтрольно обществу в том смысле, что: во-первых, ему имманентно присущи социально полезные функции; во-вторых, оно строго руководствуется законодательством, которое является продуктом деятельности демократически избранного и подконтрольного народу парламента; в-третьих, граждане имеют право на участие в отправлении правосудия через демократический механизм назначения или выборов профессиональных судей, а также институты присяжных и арбитражных заседателей; в-четвертых, защита граждан от несправедливых судебных решений гарантируется механизмом обжалования решений судов первой инстанции в судах апелляционной, кассационной, надзорной инстанций и по вновь открывшимся обстоятельствам; в-пятых, граждане и их объединения, пользуясь свободой слова и правом выражения мнения, управомочены свободно обсуждать судебные решения и функционирование судебной системы в целом, подвергать их критике, вносить предложения о совершенствовании законодательства и правоприменительной практики. Все это в целом характеризует феномен публичности правосудия.

Специфика судебной деятельности во многом обусловлена необходимостью исследования фактических обстоятельств юридических дел и их правовой оценки. Безусловно, эти функции отчасти способны осуществлять и субъекты гражданского общества. Однако субъекты гражданского общества не всегда располагают необходимой информацией, им не всегда доступны конкретные доказательства по конкретным делам, они не связаны процессуальным законодательством, которое обязывает выслушать обе стороны и дать им равные возможности для предоставления доказательств, обоснования соответствующей правовой позиции. В результате субъекты гражданского общества неизбежно вовлекаются в процесс односторонней интерпретации фактов в пользу конкретного лица или группы лиц, что оказывает вредное воздействие на независимость правосудия, его стремление к объективности и беспристрастности. В связи с этим законодательство запрещает вмешательство гражданского

1. См.: Мангушева Т.С. Социальный контроль организации в условиях демократизации управленческих отношений. Дисс… канд. социол. наук. Саратов, 2006. С. 35.

2. См.: Кузнецова Е.М. Социальный контроль как элемент социального управления. Дисс… канд. философ. наук. Омск, 2006. С. 21, 49.

3. См.: Новиков А.В. Социальный контроль в условиях трансформации российского общества. Дисс… докт. социол. наук. М., 2000. С. 18.

общества в отправление правосудия.

Но социальный контроль судебной власти не всегда сопряжен с вмешательством в правосудие. Если, например, при том или ином судебном органе власти создается общественный или научно-консультативный совет, целью которого является конструктивное обсуждение проблем правового регулирования и судебной практики, выработка рекомендаций по их совершенствованию – принцип независимости правосудия не является нарушенным. Напротив, судебная власть таким образом становится объектом правомерного, конституционно допустимого социального контроля. Если журналист, пользуясь законодательно гарантированными правами и свободами, проводит независимое журналистское расследование того или иного юридического дела и высказывает свое мнение относительно перспектив соответствующего судебного решения – это также не является вмешательством в независимость правосудия. Однако если гражданин, ссылаясь на ст. 33 Конституции РФ, пытается повлиять на судебную практику посредством обращения в органы законодательной или исполнительной государственной власти, тем более – органы местного самоуправления, он тем самым провоцирует неконституционный путь разрешения юридических споров, поскольку никакие ветви власти не вправе вмешиваться в правосудие, давать конкретные указания судам, по своему усмотрению интерпретировать юридические факты и обязывать суды именно к такому их толкованию.

В конституционно-правовой науке сравнительно продолжительный период наблюдается дискуссия между концепциями свободного и императивного мандата депутата или выборного должностного лица. Сторонники концепции императивного мандата считают, что депутаты и выборные должностные лица непосредственно подконтрольны избирателям. В связи с этим избиратели вправе давать наказы, обязательные для исполнения, досрочно отзывать народных представителей и т.п. Сторонники концепции свободного мандата, не отрицая саму идею социальной подконтрольности народного представительства, доказывают необходимость относительной свободы народных депутатов и выборных должностных лиц, связанность их деятельности собственными представлениями о справедливости и народных интересах. Единственным ощутимым средством воздействия избирателей на деятельность народных представителей в концепции свободного мандата является право избирателей отказать в доверии на очередных выборах, проголосовать за других кандидатов. Если уместна подобная аналогия, на наш взгляд, судебная власть пользуется максимально свободным мандатом народа, более свободным, чем выборные главы государств и депутаты представительных органов. Именно для достижения справедливости, беспристрастности, объективности и независимости правосудия общество наделило суды достаточной для этого конституционной свободой. Однако свободная природа «мандата» судебной власти не означает утраты социальной подконтрольности судов в целом. Общество имеет достаточно «рычагов» влияния на судебную систему, включая поправки в законодательство, конституционные реформы, учреждение и упразднение тех или иных судов, наделение судов новой компетенцией или, напротив, изъятие из судебной юрисдикции соответствующих категорий юридических дел.

С феноменом социальной подконтрольности правосудия тесно связана проблема общественного доверия судам, их авторитета в обществе, признания и легитимности. Если социальный контроль правосудия ограничен в демократическом обществе в целях обеспечения независимости судей, то требование общественного доверия к судам является абсолютным, не подлежащим ограничениям по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Если общество перестает доверять правосудию, усматривает в судебной деятельности источник коррупции и других злоупотреблений, включая протекционизм, лоббирование, местничество, национализм и т.п. – судебная власть перестает играть ту важнейшую роль, которая отведена ей конституционными принципами и нормами. По мере утраты доверия граждан правосудию, в обществе снижается уровень правосознания, доминируют силовые методы разрешения социальных конфликтов, в конечном итоге, теряется вера в справедливость – главный источник законности и правопорядка.

Г.С.Ромашкин считает, что доверие представляет собой сложный феномен общественного сознания и поведения, имеющий свою структуру, типы и уровни. В связи с этим, прежде всего, выделяется микроуровень общественного доверия, который представляет собой некую совокупность чувств и установок, рационально характеризующих поведение и сознание субъектов (доверие граждан судьям). На макроуровне общественное доверие проявляется в деперсонифицированных, институциональных формах (доверие граждан к судебной системе, правосудию в целом)[4]. Укрепление доверия общества судебной власти требует организованных, систематических усилий в самых различных направлениях.

По мнению Ю.Н.Копыловой, недостаток доверия общества к институтам власти и конкретным должностным лицам обусловлен культурно-историческими, организационными причинами, а также излишней корпоративностью властных структур и недостаточностью публичной информации об их деятельности. Автор отмечает наличие в общественном мнении отрицательного образа властных структур, который приобрел характер устойчивого стереотипа. Кроме того, подчеркивается сложившееся представление в общественном мнении, что органы власти работают «на себя», а не «на общество», что они руководствуются в основном личными или узкими групповыми интересами, а не общественно значимыми установками, что власти в целом присущ низкий уровень профессионализма. Отмечается также недостаточность объективной информации о деятельности государственных и муниципальных органов, что население слабо осведомлено о методах, целях и задачах функционирования публичной власти[5]. Подчеркнем, что приведенные Ю.Н.Копыловой данные – это не следствие объективной информации, построенной на конкретных показателях деятельности властных структур. Речь идет о представлениях граждан, об их мнении, что выявляется эмпирическим путем в результате анализа репрезентативных социологических опросов.

Прежде всего, доверие обеспечивается самим качеством правосудия, повседневной позитивной деятельностью судей и судов. Если судьи в процессе исполнения своих кон-

4. См.: Ромашкин Г.С. Доверие в российском обществе: экономико-социологический анализ. Дисс… канд. социол. наук. Тюмень, 2011. С. 176.

5. См.: Копылова Ю.Н. Доверие населения как фактор повышения социального статуса органов государственной власти. Дисс… канд. психол. наук. М., 2003. С. 162.

ституционных обязанностей демонстрируют фактическую беспристрастность, стремление к объективности и независимости – это, безусловно, будет замечено тяжущимися сторонами, их контрагентами, адвокатами, прокурорами, в конечном итоге – всем обществом. Каждый (зачастую, даже незначительный) случай отступления судей от этих важных конституционных принципов подрывает доверие общества к судам, формирует негативное отношение граждан к правосудию в целом.

Однако кроме «внутреннего» аспекта поддержания доверия общества судам важное значение имеет также ряд «внешних» обстоятельств. В соответствии с Бангалорскими принципами поведения судей (Гаага, 2002 г.), в демократическом обществе необходимо соблюдение, по крайней мере, шести принципов, критериев и показателей: это независимость, объективность, честность и неподкупность, соблюдение ряда этических норм, равенство, компетентность и старательность судей. В частности, судья не только исключает любые не соответствующие должности взаимоотношения либо воздействие со стороны исполнительной и законодательной ветвей власти, но делает это так, чтобы подобное поведение «было очевидно даже стороннему наблюдателю». Он проявляет и поощряет «высокие стандарты поведения» с целью укрепления общественного доверия к судебным органам. Образ действия и поведение судьи должны поддерживать «уверенность общества в честности и неподкупности» судебных органов. Недостаточно просто осуществлять правосудие, нужно «делать это открыто» для общества. Соблюдение этических норм и демонстрация их соблюдения предполагают, что судья не допускает проявлений некорректного поведения. Постоянное внимание со стороны общественности налагает на него обязанность добровольно принять ряд дополнительных ограничений, несмотря на то, что рядовому гражданину они могли бы показаться обременительными.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ

Гришина Е.Б.,
кандидат юридических наук, преподаватель,
кафедра уголовного процесса,
Орловский юридический институт им. В.В. Лукьянова

Ключевые слова: показания потерпевшего, свидетеля, процессуальный статус потерпевшего, свидетеля
Key words: indications of the victim, witness, procedural status of the victim, witness

Аннотация. В статье анализируются отличительные особенности формирования показаний потерпевшего и свидетеля, указываются различия между предметом показаний данных участников уголовного судопроизводства. Автор высказывает предположения о внесении изменений в некоторые аспекты таких видов доказательств как показания потерпевшего и свидетеля.

In article distinctive features of formation of indications of the victim and witness are analyzed, distinctions between a subject of indications of these participants of criminal legal proceedings are specified. The author suggests about modification of some aspects of such types of proofs as indications of the victim and the witness.

Законодатель вполне осмысленно включил в содержание п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК такие виды процессуальной формы сведений, как показания потерпевшего и показания свидетеля. Эти виды процессуальной формы на первый взгляд однородны в связи с близостью процессуального статуса свидетеля и потерпевшего при производстве следственных действий, связанных с дачей показаний, а также в связи с единым порядком получения показаний. Однако процессуальная форма показаний определяется не только порядком производства процессуального действия, но и статусом его участников, а также предметом показаний.

Близость процессуального статуса свидетеля и потерпевшего, позволившая законодателю объединить два вида показаний в одном пункте, заключается в процессуальной обязанности давать показания и наличии уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. В остальном процессуальный статус свидетеля и процессуальный статус потерпевшего принципиально различаются. Также различно законодатель определяет и предмет показаний потерпевшего и свидетеля.

Действительно, различие в процессуальном статусе применительно к даче показаний заключается лишь в том, что свидетель обязан давать показания, в то время как потерпевший вправе давать показания. Это значит, что при выраженном желании потерпевшего быть допрошенным, отказать в таком ходатайстве нельзя.

Реализация права давать показания – одна из форм обеспечения государством доступа к правосудию (ст.52 Конституции) и реализации общего назначения уголовного судопроизводства – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления (п.1 ч.1 ст.6 УПК). В процессе допроса потерпевший может, не ограничиваясь сообщением известных ему сведений, заявить ходатайство, отвод, т.е. реализовать иные (помимо сообщения относимых сведений) представленные ему законом права, что отражается в протоколе допроса и является показаниями, хотя и не доказательствами.

Обобщение судебной практики выявило, что любые оглашенные в судебном заседании показания, полученные в ходе предварительного расследования, могут быть положены в основу обвинительного приговора вне зависимости от того, какие показания давал свидетель (потерпевший) в суде в присутствии подсудимого и что он отвечал на вопросы стороны защиты. Не влияет на использование оглашенных показаний и то, имел ли подсудимый реальную (а не иллюзорную) возможность лично допросить свидетеля (потерпевшего). Практика использования оглашенных показаний указывает на то, что в основу обвинения кладутся именно показания свидетелей (потерпевших), полученные в ходе предварительного расследования, как более правдивые, а показания свидетеля (потерпевшего) в суде, если они в пользу подсудимого, почти всегда признаются судом недостоверными или не учитываются. Суду дается ничем не ограниченное право выбора между показаниями, полученными следователем, дознавателем, и показаниями, полученными в суде[1].

В ч.2 ст.277 УПК содержится правило, согласно которому потерпевший с разрешения председательствующего может давать показания в любой момент судебного следствия. По мнению А.А. Петуховского Н.Г. Шурухнова данное положение должно распространяться и на предварительное расследование[2]. Поэтому, представляется, что п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК целесообразно изложить в следующей редакции: «давать показания в любой момент производства по делу. Ходатайство потерпевшего о допросе подлежит обязательному удовлетворению».

Обозначенное очевидное различие в процессуальном статусе потерпевшего и свидетеля применительно к даче показаний, тем не менее не исключает влияния на процессуальную форму показаний этих участников судопроизводства и других различий в их правах и обязанностях.

Так, потерпевший в отличие от свидетеля вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК), представлять доказательства (п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК), участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя (п. 9 ч.2 ст. 42 УПК), знакомиться по окончании предварительного расследования, в том числе в случае прекращения уголовного дела, со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимая копии с материалов уголовного дела (п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК), получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного

1. Васяев А.А..Князькин С.А. «стандарты европейского суда по правам человека части условий оглашения показаний свидетеля (потерпевшего) в ходе судебного следствия в Российская судебная практика» // Адвокат №7. 2013.

2. Петуховский А.А., Шурухнов Н.Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве и порядок производства следственных действий. Учеб.пособие. М. 2002. С. 28.

дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания, получать копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК) и копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы. Наличие этих прав у потерпевшего неизбежно влияет на предмет его показаний.

Различие в предмете показаний потерпевшего и свидетеля подчеркивает и законодатель. В предмет показаний потерпевшего законодатель включил сведения о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняемым (ч.2 ст.78), а в предмет показаний свидетеля – любые относящиеся к уголовному делу обстоятельства, в том числе сведения о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями (ч.2 ст.79 УПК).

Р.В. Костенко верно указывает, что определение понятий «показания потерпевшего» и «показания свидетеля» предполагает совершенно любые по содержанию сведения, сообщенные на допросе[3]. С его точки зрения ст.ст. 78, 79 УПК также необходимо уточнить, указав, что сведения должны устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Мы солидарны с тем, что любые обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, должны быть доказаны, поэтому если бы усматривалась необходимость унифицировать предмет показаний потерпевшего и свидетеля, то вполне достаточно было бы определить его через «обстоятельства, имеющие значение при производстве по уголовному делу» или «обстоятельства, подлежащие доказыванию», что представляет собой тождественные понятия.

Полагаем, что вышеуказанное различие в процессуальном статусе неизбежно обусловливает различие в предмете показаний потерпевшего и свидетеля. Так, потерпевший, в отличие от свидетеля, вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК). Конституционный Суд Российской Федерации истолковал данную норму как предполагающую обязанность следователя довести до сведения потерпевшего не только сам факт предъявления обвинения конкретному лицу, но и содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, включая описание фактических обстоятельств инкриминируемого лицу преступления и его юридическую оценку. Отсутствие в названной норме прямого указания на порядок, в соответствии с которым следователь знакомит потерпевшего с предъявленным обвиняемому обвинением, и на обязанность вручить потерпевшему копию постановления не означает, что до окончания предварительного расследования этот участник уголовного судопроизводства не вправе на основании п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК ознакомиться с текстом постановления и снять с него копию. Иное противоречило бы закрепленному в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации принципу состязательности и равноправия сторон, на основе которого осуществляется судопроизводство, поскольку ограничивало бы возможности потерпевшего по отстаиванию своей позиции по уголовному делу и оспариванию решений, непосредственно затрагивающих его права и законные интересы[4].

Обязанность ознакомить потерпевшего с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого с учетом правил о процессуальной аналогии предполагает обязанность ознакомить потерпевшего и с процессуальным актом, ставящим лицо в положение подозреваемого (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление об избрании меры пресечения, протокол задержания, уведомление о подозрении в совершении преступления). В этой связи п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК необходимо изложить в следующей редакции: «знать о возникшем подозрении, предъявленном обвиняемому обвинении, получать копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а также процессуальных актов, ставящих лицо в процессуальное положение подозреваемого».

Отсюда усматривается и возможность потерпевшего выразить свое отношение к факту привлечения в качестве обвиняемого, постановки лица в процессуальное положение подозреваемого, а также к содержанию соответствующих документов. Сведения о таком отношении – элемент предмета показаний потерпевшего, в отличие от предмета показаний свидетеля, который не имеет права на ознакомление с вышеуказанными обстоятельствами и документами.

Таким образом, предмет показаний потерпевшего отличается от предмета показаний свидетеля. Отсюда представляется правильным сформулировать ч. 2 ст. 78 УПК следующим образом: «Потерпевший может быть допрошен относительно возникшего подозрения, предъявленного обвиняемому обвинения, имеющихся в уголовном деле доказательств, а также о любых обстоятельствах, имеющих значение при производстве по уголовному делу».

Анализируя особенности показаний потерпевшего, отдельные авторы относят к их предмету выводы, объяснения по поводу обстоятельств дела и мнения о них[5]. Вряд ли следует отрицать возможность делать выводы, давать какие-либо объяснения, не связанные с изложением фактов и для свидетеля, а равно и для любого допрашиваемого участника судопроизводства. Однако эти выводы и объяснения, являясь содержанием показаний, не представляют собой доказательств. В то же время чем полнее и предметнее будет допрошен свидетель или потерпевший, тем самым уменьшается вероятность заведомо ложных сведений указанных участников по различным мотива и основаниям. Хотя в практическом аспекте установление истинной побудительной причины заведомо ложных показаний свидетеля, потерпевшего бывает весьма сложно установить, судебно-следственная практика свидетельствует о немалочисленности таких преступлений. Например, для заведомо ложных показаний свидетеля, потерпевшего

3. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. … докт. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 34.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 300-О по жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 47. Ст. 4940.

5. Порубов Н.И. Допрос в уголовном судопроизводстве. Минск, 1968. С. 126-130.

наиболее характерными являются два мотива:корыстный мотив (около 75%) и мотив мести (около 25%)[6].

Свидетель определяется законодателем как лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела и которое вызвано для дачи показаний (ч. 1 ст. 56 УПК). Исходя из этой нормы, многие авторы делают вывод о том, что процессуальный статус свидетеля лицо приобретает с момента получения повестки о вызове на допрос. Именно с этого момента у него появляется обязанность явиться и дать правдивые показания. Если же лицо явилось на допрос по собственной инициативе, то в случае принятия решения допросить явившегося, процессуальный статус свидетеля лицо приобретает с момента разъяснения ему прав и обязанностей свидетеля[7]. Существует мнение, что правоспособность свидетеля в случае явки его по собственной инициативе возникает с момента удостоверения личности[8]. Тот же автор полагает, что правоспособность свидетеля возникает также в момент, когда лицу стало известно о каких-либо обстоятельствах совершенного или готовящегося преступления[9].

Оба мнения С.А. Саушкина весьма оспоримы. В.А. Лазарева и Д.В. Попов справедливо замечают, что лицо, располагающее информацией, значимой для производства по уголовному делу, но не вызванное на допрос, не несет обязанности дать правдивые показания и потому свидетелем не является[10].

Момент удостоверения личности в случае явки лица для допроса по собственной инициативе также нельзя признать моментом наделения статусом свидетеля, ибо за этим необязательно следует решение допросить лицо.

В.А. Лазарева и Д.В. Попов полагают, что необходимо различать двух, не всегда совпадающих в одном лице, процессуальных субъектов: свидетеля и лицо, вызываемое в качестве свидетеля. Не всякое вызванное лицо является субъектом обязанности дать показания, хотя несет обязанность явиться и ответственность за неявку без уважительной причины[11].

Не считают уважаемые авторы свидетелем и лицо, юридически допрошенное в качестве свидетеля, однако не обладающего значимыми для уголовного дела сведениями[12]. Отсюда свидетель определяется как вызванное в установленном законом порядке физическое лицо, осведомленное об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, подлежащее допросу в качестве свидетеля и обязанное сообщить все известное об этих обстоятельствах. Очевидно, что такой подход позволяет решить вопрос о возможности считать лицо свидетелем лишь к моменту окончания его первого допроса[13].

Представленные В.А. Лазаревой и Д.В. Поповым мнения, несомненно, интересны, однако не менее спорны. Неясно, в качестве кого допрашивается лицо на первом допросе, почему ему разъяснялись права и обязанности свидетеля. Кроме того, фактическое обладание значимой для производства по уголовному делу информацией может остаться невыясненным и к моменту окончания первого допроса, если допрошенный дал ложные показания. Признание правильным изложенного взгляда на свидетеля влечет за собой решение вопроса о возможности допроса в качестве свидетеля не должностным лицом, ведущим производство по делу, а вызванным на допрос, оценивающим, обладает или нет он значимой информацией. Очевидно, что прояснить этот вопрос можно лишь в ходе допроса, когда лицу будут поставлены конкретные вопросы. При этом даже лицо, не обладающее значимой информацией, обязано правдиво об этом сообщить.

Таким образом, лицо, хотя фактически и не обладающее информацией, значимой для производства по уголовному делу, но вызванное на допрос в качестве свидетеля, является свидетелем. Конечно, вызов на допрос в качестве свидетеля, как и принятие любых иных процессуальных решений, возможен лишь при условии, что имеется достаточно доказательств, дающих основание обоснованно предположить, что данному лицу может быть известно что-либо значимое для производства по уголовному делу.

Таким образом, свидетеля можно определить как лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что ему могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для производства по уголовному делу и которое вызвано для дачи показаний за исключением лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетеля. Данное определение полагаем целесообразным закрепить законодательно в ч. 1 ст. 56 УПК.

Свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, имеющих значение при производстве по уголовному делу. Законодатель конкретизирует эту общую посылку указанием на то, что свидетель может быть допрошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями (ч. 2 ст. 79 УПК).

В процессуальной литературе остро обсуждается вопрос о возможности допроса в качестве свидетелей должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с целью выяснения обстоятельств производства процессуальных действий и решения вопроса о допустимости полученных доказательств.

Наиболее часто следователь приглашается в суд для дачи свидетельских показаний в тех случаях, когда подсудимый отказывается от данных на предварительном следствии признательных показаний, ссылаясь на примененные к нему незаконные методы воздействия или на иные причины, например, на то, что допрашивался в отсутствие адвоката. При этом судебная практика исходит из положений ч.8 ст. 234 УПК РФ о том, что «по ходатайства стороны в качестве свидетелей могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов», и ч. 1 ст.271 УПК РФ, согласно которой в подготовительной части судебного заседания «председательствующий опрашивает стороны, имеются ли у них ходатайства о вызове новых

6. Дубилин Л.Г. «Мотивы заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего» // Российский следователь. № 6. 2012 г.

7. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005. С. 297.

8. Саушкин С.А. Актуальные вопросы теории и практик участия свидетеля в уголовном процессе (в досудебном производстве): дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 46.

9. Там же. С. 48.

10. Лазарева В.А., Попов Д.В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. 2009 г. С. 58.

11. Там же.

12. Там же. С. 59.

13. Там же. С. 59-60.

свидетелей», которые могут быть им удовлетворены. На этих положениях в принципе и основывается практика вызова допроса следователя в суде в качестве свидетеля[14].

В.А. Лазарева и Д.В. Попов отрицают возможность допроса в качестве свидетелей должностных лиц, производивших процессуальные действия, с целью решения вопроса о допустимости полученных в результате таких действий доказательств, с точки зрения указанных авторов такая практика не соответствует смыслу уголовно-процессуального закона[15]. Несмотря на то, что Конституционный Суд Российской Федерации не отверг возможность допроса в качестве свидетелей должностных лиц, производивших процессуальные действия, исключив лишь возможность допроса этих лиц о содержании показаний, признанных впоследствии недопустимыми, В.А. Лазарева и Д.В. Попов полагают, что допрос должностных лиц, производивших следственное действие даже исключительно с целью решения вопроса о допустимости доказательства, по сути, является средством уточнения, дополнения и исправления протокола следственного действия, а потому недопустим. Допрос данных лиц с точки зрения указанных авторов возможен лишь об обстоятельствах, лежащих за пределами установленных законом требований к содержанию и форме протокола, т.е. по другим уголовным делам (например, о лжесвидетельстве)[16].

Полагаем, что допрос данных лиц в качестве свидетелей, действительно, не всегда правомерен,однако не по причинам, указанным В.А. Лазаревой и Д.В. Поповым. Неправомерен допрос данных лиц в качестве свидетелей в тех случаях, когда имеются сведения о преступных нарушениях, допущенных должностным лицом, производящим процессуальное действие. В таких ситуациях должностное лицо фактически является заподозренным в правонарушении, а иногда и в преступлении. В.В. Золотых вполне обоснованно отмечает, что в случае, когда участники следственного действия заявляют о преступных нарушениях со стороны должностных лиц, производивших процессуальное действие, проверка законности их действий должна осуществляться в рамках проверки сообщения о преступлении[17].

Полагаем, в этом случае допрос в качестве свидетеля должностного лица ограничивает его право на защиту. Субъект, производивший следственное действие, может быть допрошен лишь в качестве подозреваемого или обвиняемого по другому уголовному делу, в случае, если оно будет возбуждено.

В случае возникновения сомнений в законности действий должностного лица не в результате сообщения о совершении им преступления, проверка законности его действий судом может сопровождаться допросом данного лица в качестве свидетеля, который, однако, может воспользоваться положением ст. 51 Конституции РФ и не свидетельствовать против самого себя. Несмотря на то, что в данном случае выясняется не вопрос о причастности должностного лица, производившего процессуальное действие, к преступлению, сообщение им о допущенных им нарушениях должно рассматриваться как свидетельствование против самого себя.

В тех ситуациях, когда сомнение в допустимости полученного доказательства не связано с возможной незаконностью действий субъекта, производившего процессуальное действие, он может быть допрошен в качестве свидетеля.

Допрос данных лиц в качестве свидетелей служит основанием для отвода от исполнения иных процессуальных функций.

Исходя из изложенного, вряд ли целесообразно нормативно конкретизировать общее положение о том, что свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, имеющих значение для производства по уголовному делу. Однако, как отмечалось выше, допрос лица о его причастности к совершению преступления в качестве свидетеля невозможен.

Также, на наш взгляд, не должен производиться допрос в качестве свидетеля лица об обстоятельствах, основанных исключительно на его специальных знаниях.

Поэтому ч. 2 ст. 79 УПК полагаем целесообразно сформулировать в следующей редакции: «Свидетель может быть допрошен о любых, относящихся к уголовному делу обстоятельствах, за исключением его причастности к совершению преступления и обстоятельствах, основанных на специальных знаниях».

БИБЛИОГРАФИЯ:

[1] - Васяев А.А..Князькин С.А. «стандарты европейского суда по правам человека части условий оглашения показаний свидетеля (потерпевшего) в ходе судебного следствия в Российская судебная практика» // Адвокат №7. 2013. С. 19-25.

[2] – Петуховский А.А., Шурухнов Н.Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве и порядок производства следственных действий. Учеб.пособие. М. 2002. С. 28.

[3] – Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. …докт. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 34.

[4] – Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 300-О по жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 47. Ст. 4940.

[5] - Порубов Н.И. Допрос в уголовном судопроизводстве. Минск, 1968. С. 126-130.

[6] - Дубилин Л.Г. «Мотивы заведомо ложных показаний свидетеля и потерпевшего» // Российский следователь. № 16. 2012 г.С. 40-41.

[7] - Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005. С. 297.

[8] - Саушкин С.А. Актуальные вопросы теории и практик участия свидетеля в уголовном процессе (в до-

14. Смолькова И.В. «Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде» // Российский судья № 6. 2013 г.

15. Лазарева В.А., Попов Д.В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. 2009 г. С. 76.

16. Там же. С. 77-79. Сходного мнения придерживаются и другие авторы. См., например: Курс советского уголовного процесса. Часть общая / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. С. 575.

17. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. С. 258-259.

судебном производстве): дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 46.

[9] - Саушкин С.А. Актуальные вопросы теории и практик участия свидетеля в уголовном процессе (в досудебном производстве): дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 46.

[10] - Лазарева В.А., Попов Д.В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. 2009 г. С. 58.

[11] - Там же. С. 58.о

[12] - Там же. С. 59.

[13] - Там же. С. 59-60.

[14] - Смолькова И.В. «Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде» // Российский судья № 6. 2013 г. С.11-14.

[15] - Лазарева В.А., Попов Д.В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. 2009 г. С. 76.

[16] - Там же. С. 77-79. Сходного мнения придерживаются и другие авторы. См., например: Курс советского уголовного процесса. Часть общая / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. С. 575.

[17] - Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. С. 258-259.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ И КИБЕРПРОСТРАНСТВО: ВОПРОСЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ

Комарницкий А.В.,
кандидат юридических наук, доцент, профессор,
кафедра уголовного права,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: несовершеннолетние, киберполитика, киберпространство, киберсоциализация, киберпреступность, кибербезопасность виктимогенность, виктимологическая защита
Key words: minors, cyberpolicy, cyberspace, cybersocialization, cybercrime, cybersafety viktimogennost, viktimologichesky protection

Аннотация. По мнению автора, процесс традиционной социализации несовершеннолетних наполнился новым, креативным содержанием – киберпространством. Необходимость становления личности несовершеннолетнего в киберпространстве, потребность организовывать жизнедеятельность в Интернет-среде с каждым днем все более актуальна и реальна. Киберсоциализация несовершеннолетних, являясь относительно инновационным феноменом, уже давно стала фактической реальностью окружающего мира, неотъемлемой частью социализации современной личности, а также двигателем научно-технического, экономического и социального прогресса человеческого общества. Процесс киберсоциализации и виктимологической защиты несовершеннолетних может быть успешно реализован при наличии государственной ювенальной политики, нормативно-правовой базы, социального контроля над киберпреступностью и реальной виктимологической защитой их от киберзависимости.

According to the author, process of traditional socialization of minors was filled with the new, creative contents – a cyberspace. Need of formation of the identity of the minor for a cyberspace, requirement to organize activity in the Internet environment every day is more and more actual and real. Cybersocialization of minors, being rather innovative phenomenon, for a long time I became the actual reality of world around, an integral part of socialization современ ache persons, and also the engine scientific техническо го, economic and social progress человечес whom society. Process of cybersocialization and viktimologichesky protection of minors can be successfully realized in the presence of the state juvenile policy, standard and legal base, social control over cybercrime and real viktimologichesky protection them from cyberdependence.

Объективным феноменом современности является устойчивое развитие информационной сферы. Кардинальные изменения в области обработки информации, происходящие в истории человеческой цивилизации, информационные революции выступают предпосылками появления социально-психолого-правового феномена киберсоциализации человека.

На наш взгляд, в современном мире информация играет столь же важную, если не большую, роль, как земля, рабочая сила, капитал и сырье. Кто владеет информацией, тот владеет миром. Сегодня в мире существует более 800 миллионов персональных компьютеров — один на каждые 7-8 человек. Используется более 500 миллиардов компьютерных чипов, многие из которых содержат более 100 миллионов транзисторов-переключателей, а фирма «Хьюлетт-Паккард» нашла способ поместить миллиард или даже триллион транзисторов «размером с молекулу» на одном крохотном чипе. Сегодня существует около 4 миллиардов переключателей, щелкающих почти для каждого живущего на планете человека. Подсчитано, что ежегодно 100 миллиардов все более мощных чипов наводняют рынок[1].

К настоящему времени число пользователей Интернета в мире колеблется между 700 000 000 и 900 000 000 человек. В целом по оценкам «Цифровой планеты», в 2004 году оборот на рынке информационных технологий превышал 2,5 триллиона долларов. В этой сфере работает 750 000 компаний, и ожидается дальнейший рост. Компьютерная революция не является единственным источником глубоких изменений в указанном нами направлении. База научных знаний быстро расширяется во всех областях[2].

По данным М. Кастельса, в 1995 г. в мире насчитывалось менее 10 млн. пользователей Интернета, к концу 2003 г. их стало около 700 млн. К 2005 г. численность этой аудитории достигла около 1 млрд. (даже с учетом громадной разницы между развитыми и развивающимися странами). Интернет становится универсальным социальным пространством деятельности и коммуникации[3]. Число пользователей глобальной компьютерной сети по данным на 2010 г. составляло 1 млрд. 966 млн. человек[4]. Интернет вполне может считаться инновационным медиасредством массовых коммуникаций XXI в., сочетающим в себе атрибуты межличностного, группового и массового общения. Социально-культурные и экономические преобразования, происходящие в современном мировом сообществе, интенсивно влияют на различные сферы жизнедеятельности личности. В этой связи приобретают новую актуальность проблемы социализации и виктимологической защиты несовершеннолетних.

Процесс традиционной социализации несовершеннолетних наполнился новым, креативным содержанием – киберпространством. Необходимость становления личности в киберпространстве, потребность организовывать жизнедеятельность в Интернет-среде с каждым днем все более актуальна и реальна. Киберсоциализация несовершеннолетних, являясь относительно инновационным феноменом, уже давно стала фактической реальностью окружающего мира, неотъемлемой частью социализации современной личности, а также двигателем научно-технического, экономического и социального прогресса человеческого общества.

1. Тофлер Э. Революционное богатство. М., 2008. С. 22.
2. Тофлер Э. Указ. соч. С. 22-23.
3. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Образование как ресурс информационного общества // Социол. исслед. 2005. № 7. С. 107–108.
4. URL: http://perevod.yandex.ru/en/ids=74327&url= http://www.internetworldstats. com/stats.htm

Известно, что социализация представляет собой многоаспектный процесс, в ходе которого осуществляется приобщение несовершеннолетнего, если говорить в широком смысле, к «всеобщему социальному» и постоянное открытие, утверждение себя как субъекта социальной мировой культуры. Современный мир преображается и изменяется, вследствие чего меняются факторы социализации несовершеннолетних.

Социализация – процесс и результат усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности[5].

Как и любые другие социальные группы, несовершеннолетние имеет свои особые черты. Это в первую очередь связано с наличием точек бифуркации в психосоциальном развитии несовершеннолетнего, его становлении во взрослой жизни и выборе той общественно-полезной роли, которую он сможет успешно выполнять.

С появлением и развитием компьютерных технологий, особенно благодаря динамичной киберэволюции всемирной глобальной сети Интернет (которую некоторые исследователи смело называют «альтернативой человеческому мозгу»), современный молодой человек, как Homo Sapiens, на рубеже XX—XXI вв., фактически превращается в уникальный новый вид – Homo Cyberis (человек киберсоциализирующийся), а психолого-правовая наука обогатилась появлением инновационного социально-правового феномена - процесса киберсоциализации человека[6].

Особенно явно включены в процесс социализации в киберпространстве киберсоциализацию вообще, медиасоциализацию и Интернет-социализацию, в частности, - подрастающие поколения: несовершеннолетние.

Киберпространство (англ. cyberspace) – метафорическая абстракция, используемая в философии и в компьютерной технологии, является (виртуальной) реальностью, которая представляет ноосферу, второй мир как «внутри» компьютеров, так и «внутри» компьютерных сетей.

У несовершеннолетних — активных пользователей социальных сетей и других ресурсов Интернет-среды — иначе, чем у «киберстерильных» представителей населения, организуется жизнедеятельность, развиваются интеллектуально-познавательные способности, они по-другому воспринимают внешний мир и составляющее его окружение — как бы в ином социально-временном сетевом измерении. Речь идет не только о навыках владения современными информационно-коммуникационными технологиями и компьютерной техникой, но и об изменениях фундаментальных духовно-культурных структур[7], понятийного поля и многообразных представлений, мировоззрения.

По данным МСЭ на 2011 г. 47% населения (свыше 2,5 миллиардов человек) развивающихся стран составляет молодежь в возрасте до 25 лет, что определяет колоссальные перспективы увеличения числа пользователей Интернета.

В России, по данным ВЦИОМ на март 2014, среди ежедневно посещающих Сеть - 78% - 18-24-летних и 73% - 25-35-летних. Доля пользователей, которые выходят в глобальную Сеть каждый день или несколько раз в неделю, превысила 80%. Результаты опросов не учитывают самую юную часть российской Интернет - аудитории. В России ежедневно пользуются Интернетом 89% несовершеннолетними в возрасте 12–17 лет, что вместе с подростков до 12 лет составляет еще около 10 млн. пользователей[8].

Пользователей «Рунета» 70 миллионов человек, это самый большой показатель среди европейских стран. Сфера общего образования — не исключение. В России около 47 тысяч школ, Интернет имеется фактически в каждой.

Зависимость интенсивности использования Интернета от возраста респондентов отмечается во многих исследованиях: чем ниже возраст опрошенных, тем сильнее они вовлечены в Интернет - коммуникацию. По данным на октябрь 2014 года, Интернетом пользуются 66% граждан России от 18 лет и старше или 76,3 млн. человек. Ежедневно выходят в Сеть – 46% или 53,6 млн. взрослых россиян. Доля пользователей, которые выходят в глобальную Сеть каждый день или несколько раз в неделю, превысила 80%. Годовой прирост Интернет - пользователей составил 9%, а для суточной аудитории данный показатель равен 12%. По количеству пользователей Интернета Россия еще в 2012 году вышла на первое место в Европе, которое ранее занимала Германия, и на шестое место в мире. Первое место в мире занимает Китай, где веб-пользователей более 600 млн. человек, далее идут США, Япония, Индия и Бразилия[9].

Киберонтологическая концепция развития личности и жизнедеятельности современного человека призвана обосновывать потенциал использования социализирующих, обучающих и воспитательных возможностей ИКТ, компьютерных, Интернет - и цифровых технологий, исходя из социокультурных, психовозрастных, гендерных, этноконфессионалъных, личностных и индивидуальных особенностей человека[10].

Сегодня такие слова и словосочетания, как «киберпространство», «киберспорт», «киберполитика», «электронная демократия», «киберпреступность», «киберугроза», «кибератака хакеров», «киберглпионаж», «кибервойна», «кибертерроризм», «кибермошенники», «киберхулиганы», «кибербезопасность», «киберэкономика», «кибербизнес», «киберрынок», «киберрелигия», «кибертерапия», «электронные деньги», «электронная школа», «электронный дневник школьника», «школьный электронный журнал», «сетевая журналистика» и многие другие считаются трендовыми, их активно используют политики, экономисты, ученые разных областей наук, а также журналисты в своей речи.

Термин киберсоциализация (виртуальная компьютерная социализация) введен в научный оборот в 2005 г. В течение последних лет определение «киберсоциализация» претерпевало свои изменения[11].

На наш взгляд, социализацию несовершеннолетних в киберпространстве можно определить, как процесс качественных изменений структуры самосознания и потребностно-мотивационной сферы индивидуума, про-

5. Психология. Словарь. М., 1990.

6. Плешаков В. А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiensa до Homo Cyberis. М., 2012. С.8.

7. Плешаков В. А. Киберсоциализация и Православие: к постановке проблемы духовно-нравственного развития и воспитания российских школьников и студенческой молодежи // Вестник ПСТГУ, 2010. - № 2 (17). - С. 68-76.

8. Исследования ВЦИОМ на март 2014 г. [Электронный ресурс].

9. По данным Левада-Центр, март 2014 г. [Электронный ресурс].

10. Плешаков В. А. Теория психовозрвстного статуса личности и технологии его развития в контексте профессиональной подготовки педагога – психолога. М., 2010. С. 284.

11. Плешаков В. А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiensa до Homo Cyberis. М., 2012. С.21.

исходящий под влиянием и в результате использования современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства несовершеннолетним культуры в рамках персональной жизнедеятельности.

В процессе киберсоциализации перестраиваются и сфера досуга, и информационная сфера, изменяются семейные взаимоотношения и характеристики учебного процесса. Кроме того, киберпространство существенно влияет на процесс социального воспитания несовершеннолетних в контексте усвоения социальных и правовых норм, формирования ценностных ориентаций, являясь зачастую средой неформального образования и просвещения.

Киберпространство есть некое созданное и постоянно дополняющееся человечеством сетевое информационное воплощение ноосферы (сфера разума; сфера взаимодействия общества и природы).

Темпы развития киберпространства в XXI в. высоки и продолжают динамически нарастать как за счет роста объемов информации в мире, распространения сотовых (мобильных) технологий, так и за счет увеличения количества пользователей компьютерами и сетью Интернет во всех регионах земного шара, ставшей за последнее десятилетие не только чрезвычайно масштабным сектором киберпространства, но и удобной средой и средством удовлетворения многочисленных и разнообразных потребностей современного человека[12].

Данные веб-мониторинга, проведенного в период с июня по август 2011 г. Т. В. Обидиной[13], показывают, что за рубежом пользователи сети Интернет активно обсуждают феномен киберсоциализации человека, иногда используя при этом сочетание слов «Cyber Socialization».

Так, международная поисковая система Google.com по запросу «Cyber Socialization» (на 29 августа 2011 г.) отображает более 2 500 документов, в которых встречается данное словосочетание[14].

К сожалению, на наш взгляд, исследование феномена киберсоциализации человека и несовершеннолетних в частности, в российском обществе не отличается достаточным обсуждением и научной активностью.

Модель киберсоциализации несовершеннолетних в современном информационном обществе представляет собой, с нашей точки зрения, единство следующих компонентов: объект киберсоциализации (влияние киберпространства на жизнедеятельность); субъект киберсоциализации (удовлетворение потребностей в киберпространстве); криминальная жертва киберсоциализации (преступления); виктимологическая жертва неблагоприятных общие условий киберсоциализации (опасности киберпространства и их источники).

Киберпространство является новым пространством для организации жизнедеятельности несовершеннолетнего, предъявляя к нему определенные требования, влияет на его социализацию, что позволяет воспринимать его как виктимологический объект киберсоциализации.

Киберпространство привлекает несовершеннолетних именно тем, что в нем они могут представить себя кем угодно и как угодно. В киберпространстве несовершеннолетние могут делать то, что пожелают и поступать так, как им хочется, общаться с теми людьми, кто интересен, не всегда открывая реальную информацию о своей личности. Такая свобода действий в киберпространстве в контексте социализации и полезна и вредна, даже опасна (аддиктивный потенциал киберпространства очень высок, а постоянные эксперименты вызывают зависимость).

В XXI в. несовершеннолетние все чаще становятся жертвой неблагоприятных условия киберсоциализации из-за тех опасностей, которые таит в себе киберпространство такие, как: эксплуатация доверия; доступ к порнографии; сайты с деструктивным содержанием, например, с инструкциями по изготовлению взрывчатых или наркотических веществ; увлечение жестокими играми, а также сетевыми играми с насилием, которые повышают агрессивность.

Самыми распространенными, относительно безобидными негативными последствиями киберсоциализации (виктимогенные факторы) можно назвать пренебрежение питанием или прием пищи без отрыва от процесса (68% опрошенных), пренебрежение сном и ночные часы времяпрепровождения в Интернете — у 21% опрошенных такое бывает часто, а еще у 12% регулярно. При этом, 32% опрошенных отмечают нарушения, расстройства сна с тех пор, как они стали использовать компьютер и Интернет в своей жизнедеятельности ежедневно. Интернет может стать препятствием и для выполнения домашних дел - 12% опрошенных часто, а 13% регулярно пренебрегают ими, чтобы провести больше времени в Интернете. От Интернета страдает живое общение — около 15% опрошенных часто или регулярно отказываются ради Интернета от встреч с друзьями (несмотря на то, что лишь 38% опрошенных полагают киберкоммуникацию более простым и привлекательным занятием). Наконец, около 20% респондентов признались в том, что жизнь без Интернета кажется им скучной, пустой и безрадостной[15].

Проблема Интернет - зависимости многогранна. Прежде всего, она касается физического и психологического здоровья несовершеннолетних (ослабление иммунной системы, проблемы с позвоночником, весом, различные заболевания глаз, депрессия, тревога и общее психическое истощение). Она затрагивает и социальные отношения: многочасовое Интернет-пользование отрывает несовершеннолетнего от непосредственных контактов в обществе, возникают проблемы в семье и школьной среде. По словам одного из ведущих исследователей Интернет - зависимого поведения К. Янг, степень зависимости определяется не количеством проведенного в Интернете времени, а суммой потерь в реальной жизни[16]. Наконец, феномен Интернет - зависимости приводит к серьезным экономическим проблемам (значительные финансовые траты из-за онлайн - покупок, участия в играх и т.д.). Таким образом, Интернет-пользование со временем охватывает все большую активную часть несовершеннолетних, нанося ущерб в со-

12. Плешаков В. А. Интеграция, киберсоциализация и социальное воспитание: студент и преподаватель в информационном пространстве//педагогическое образование и наука, 2010. - № 1. С. 27-31.

13. Обидина Т. В. Результаты веб-мониторинга англоязычных упоминаний феномена киберсоциализации человека // Проблемы педагогического образования. Сборник научных статей: Выпуск39. / Под ред. Е. А. Левановой. - М.: МПГУ - МОСПИ, 2011. - С. 178-182.

14. Плешаков В. А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens,a до Homo Cyberus,aM., 2012. С. 22

15. Плешаков В. А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiensa до Homo Cyberusa. М., 2012. С. 41-42.

16& Young, K.S. Treatment Outcomes with Internet Addicts // CyberPsychology & Behavior. – 2007. – Vol. 10, № 5. – P. 671-679.

циальной, экономической, психологической и физической сферах.

С каждым годом количество несовершеннолетних пользователей Интернета непреклонно увеличивается, также как и количество времени, проводимое за компьютером, в Интернете.

Среднестатистический современный подросток (от 10 до 14 лет), не имеющий иных увлечений и интересов, уделяет от 80% до 100% своего свободного времени компьютеру и Интернету.

Соответственно, неотрывно от темы киберсоциализации стоит проблемный вопрос о кибераддикции как зависимости несовершеннолетних от среды, созданной посредством, компьютерных, цифровых технологий и средств сотовой (мобильной) связи и, непосредственно, об Интернет - зависимости.

Интернет-зависимость — вид нехимической зависимости; психическое расстройство, проявляющееся в навязчивом, желании несовершеннолетнего подключиться к Интернету, а также болезненной неспособности вовремя отключиться от него.

Феномены кибераддикции и Интернет - зависимости, пока не признанные на официальном уровне и не включены в классификацию заболеваний и расстройств, тем не менее, существуют в нашей действительности и позволяют говорить о несовершеннолетних, как жертвах киберсоциализации.

Отдельно необходимо упомянуть о таких Интернет - феноменах, как лудомания, троллинг, кибербуллинг, киберхарассмент, киберсталкинг.

Лудомания (от латинского ludus – игра) или игромания. Лудомания – это игровая зависимость или патологический гэмблинг. В.Д. Менделевич, давая психологическую характеристику несовершеннолетним лудоманам, указывает на их стремление говорить неправду, ярко выраженный экстернальный локус контроля и повышенную тревожность. Поведенческая диспозиция формируется в детстве. Те, кто не наигрался в позитивные игры в детском и юношеском возрасте, кого не долюбили, недопоняли, о ком не позаботились, в ком не закрепили с детства уверенность в себе – это будущие лудоманы. Несовершеннолетние, попавшие в игровую зависимость, в сущности, становятся жертвами этой зависимости и латентными делинквентами. Делинквентность начинает проявляться в школьных прогулах, в конфликтности со сверстниками из-за результатов игр (выигрыша или проигрыша в азартные игры), мелких кражах (при поиске средств на компьютерные игры в клубах/классах). Игровая зависимость фактически уводит несовершеннолетних от социально-значимой деятельности.

Троллинг (блеснение, ловля рыбы на блесну) - размещение в киберпространстве интернет-среды (чаще всего на форумах, в дискуссионных группах, на страницах интернет-дневников и т.п.) провокационных сообщений и /или комментариев с целью вызвать «спор ради спора», создать конфликтную ситуацию между участниками, спровоцировать взаимные оскорбления и т.п. Такого интернет-хулигана, занимающегося троллингом, называют «троллем», что совпадает с названием враждебного человеку мифологического существа.

Троллинг является настоящим социальным феноменом: ведь троллями не рождаются, троллями становятся в результате развития девиантного поведения в процессе воспитания, совершенствования навыков агрессивной и провокационной киберкоммуникации.

Кибербуллинг (киберзапугивание) — использование возможностей и свойств киберкоммуникации, чтобы запугать человека, как правило, сообщениями угрожающего содержания или размещением неправдивой, а также компрометирующей информации о нем. Корни кибербуллинга кроются в распространенном поведении маленьких детей и подростков, которые часто дразнят и обзывают друг друга с целью притеснения. Если же хотя бы один пользователь взрослый, то его поведение называется уже сетевыми домогательствами, или киберхарассментом.

Киберсталкинг (киберпреследования) обычно включает в себя сбор информации о жертве, с помощью поисковиков, привлечение общественности и осквернение личности через форумы, блоги и социальные сети.

Совершенно очевидно, что с ростом компьютеризации и интернетизации современного общества, если планомерно не заниматься формированием киберкультуры личности, число кибер - и Интернет - аддиктов будет только увеличиваться, особенно среди несовершеннолетних.

Киберсоциализация несовершеннолетних есть современный феномен киберонтологии личности в рамках теории социального воспитания в контексте социализации, а также интегративной концепции педагогики, психологии и права жизненного пути личности несовершеннолетнего.

Вспоминая слова А. С. Макаренко: «воспитывает не только или не столько сам воспитатель, сколько среда, которая организуется наиболее выгодным образом»[17], мы убеждены, что выявление всех положительных и отрицательных тенденций, особенностей и характеристик феномена киберонтологии личности несовершеннолетнего поможет лучше узнать их психологию и минимизировать их виктимизацию.

Процесс киберсоциализации и виктимологической защитой несовершеннолетних может быть успешно реализован при наличии государственной ювенальной политики, нормативно-правовой базы, социального контроля над киберпреступность и реальной виктимологической защитой их от киберзависимости.

17. Макаренко А. С. Книга для родителей. Саратов. 1953. С. 35.

НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ ИЛИ БАЗЫ ДАННЫХ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

Косарев С.Ю.,
доктор юридических наук, профессор,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургская юридическая академия

Ключевые слова: программы для ЭВМ и базы данных, авторские права, преступления, интеллектуальная деятельность, интеллектуальная собственность, программные средства, государственная регистрация.
Key words: computer programs and databases, copyright, crime, intellectual activity, intellectual property, software, state registration

Аннотация. В статье рассматриваются программы для ЭВМ и базы данных как результаты интеллектуальной деятельности, которым предоставляется правовая охрана, описываются особенности авторских прав на них как объектов уголовно-правовой охраны.

The article discusses computer programs and databases as the results of intellectual activity, which legal protection is granted, describes the features of a copyright on them as objects of legal protection.

Программы для ЭВМ и базы данных являются результатами интеллектуальной деятельности.

Предметом преступления о нарушении авторских прав на программы для ЭВМ или базы данных является конкретное выраженное на материальном носителе произведение.

В первую очередь необходимо установить, является ли произведение объектом авторских прав. Объекты авторских прав – это произведения науки, литературы и искусства, независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения.

Гражданский кодекс РФ дает открытый перечень таких объектов.

При этом объектом авторского права является только тот результат, который создан творческим трудом. Причем, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом. Отсутствие новизны, уникальности или оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права[1].

Программы для ЭВМ и базы данных являются результатами интеллектуальной деятельности, которым предоставляется правовая охрана, то есть являются интеллектуальной собственностью[2]. На них признаются интеллектуальные права, а именно: исключительное право (имущественное право), личные неимущественные права и иные права.

База данных – это представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины[3].

Программа для ЭВМ – это представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования электронных вычислительных машин и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения[4]. Программы для ЭВМ могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код.

К программным средствам относятся:

1. операционные системы – специальные программы, обеспечивающие взаимодействие всех устройств компьютера между собой и с оператором (пользователем); это единственная программа, хранящаяся в оперативном запоминающем устройстве компьютера в течение всего времени работы с ним до выключения питания;

2. сервисные (обслуживающие) программы (например, NORTON COMMANDER);

3. средства и языки программирования, то есть программы, создающие программы;

4. средства обработки текстов и изображений (текстовые и графические редакторы и процессоры);

5. системы управления базами данных (ORACLE, Microsoft SQL Server) и системы управления знаниями (экспертные системы);

6. средства для обработки цифровых данных, обеспечивающие создание электронных таблиц для выполнения расчетов и подготовки расчетных документов;

7. интегрированные пакеты, включающие в себя различные возможности: обработка текстов; манипулирование данными; обработка электронных таблиц; коммуникации между компьютерами; и другие;

8. игровые программы;

9. специализированные программные средства, которые реализуют узкие задачи в конкретной предметной области, предназначенные для узкого класса применений (например, программы, обеспечивающие обмен данными между компьютерами и нетипичными периферическими устройствами, компьютеров между собой)[5].

Авторские права распространяются на все программы для ЭВМ и базы данных, которые могут быть как обнародованными, так и необнародованными, выраженные в какой-либо объективной форме, созданные творческим трудом автора.

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» – п.28.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 08 ноября 2008 г.) – п.1 ст.1225.

3. Там же. – Абз.2 п.2 ст.1260.

4. Там же. – Ст.1261.

5. Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления. М., 1997. С. 94 - 95.

Интеллектуальные права не зависят от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражены программа для ЭВМ или база данных[6].

Правообладатель для оповещения о принадлежащем ему исключительном праве на программу для ЭВМ или базу данных вправе использовать знак охраны авторского права, помещаемый на каждом экземпляре произведения и состоящий из трех элементов:

1) буквы «С» в окружности;

2) имени (наименования) правообладателя;

3) года первого выпуска программы для ЭВМ или базы данных в свет.

Авторские права на базу данных признаются при условии соблюдения авторских прав на произведения, включенные в базу данных. Авторские права на произведения, помещенные в базу данных, сохраняются. Эти произведения могут использоваться независимо от такой базы данных. Авторские права на базу данных и авторские права на произведения, включенные в такую базу данных, охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав. Авторские права на базу данных не препятствуют другим лицам создавать самостоятельный подбор и организацию произведений и материалов, включенных в данную базу данных.

Программы для ЭВМ охраняются как литературные произведения, а базы данных как составные произведения, то есть произведения, представляющие собой по подбору или расположению результат творческого труда.

Для признания и осуществления авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей. Однако по желанию правообладателя такая регистрация возможна.

Правообладатель в течение срока действия исключительного права на программу для ЭВМ или на базу данных может по своему желанию зарегистрировать такую программу или такую базу данных в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатент), находящейся в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации[7].

Регистрация заключается в следующих административных процедурах:

> прием заявки на регистрацию;

> проверка документов и материалов заявки на регистрацию;

> оформление результатов проверки заявки на регистрацию;

> внесение записей в Реестр программ для ЭВМ и Реестр баз данных и выдача свидетельства о государственной регистрации;

> публикация сведений о государственной регистрации в официальном бюллетене Роспатента «Программы для ЭВМ. Базы данных. Топологии интегральных микросхем»;

> ведение архива заявок на регистрацию[8].

Правом на государственную регистрацию программы для ЭВМ или базы данных обладает правообладатель. Заявка на государственную регистрацию программы для ЭВМ или базы данных (заявка на регистрацию) должна относиться к одной программе для ЭВМ или к одной базе данных.

Заявка на регистрацию должна содержать:

заявление о государственной регистрации программы для ЭВМ или базы данных с указанием правообладателя, а также автора, если он не отказался быть упомянутым в качестве такового, и места жительства или места нахождения каждого из них;

депонируемые материалы, идентифицирующие программу для ЭВМ или базу данных, включая реферат;

документ, подтверждающий уплату государственной пошлины в установленном размере или наличие оснований для освобождения от уплаты государственной пошлины, либо для уменьшения ее размера, либо для отсрочки ее уплаты.

При положительном результате проверки Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам вносит программу для ЭВМ или базу данных соответственно в Реестр программ для ЭВМ и в Реестр баз данных, выдает заявителю свидетельство о государственной регистрации и публикует сведения о зарегистрированных программе для ЭВМ или базе данных в официальном бюллетене этого органа.

Сведения, внесенные в Реестр программ для ЭВМ или в Реестр баз данных, считаются достоверными, поскольку не доказано иное. Ответственность за достоверность предоставленных для государственной регистрации сведений несет заявитель[9].

В Реестр программ для ЭВМ и Реестр баз данных вносятся регистрационный номер, входящий номер заявки на регистрацию, дата поступления заявки на регистрацию, название программы для ЭВМ или базы данных, сведения о правообладателе, сведения об авторах, если они не отказались быть упомянуты в качестве таковых, дата государственной регистрации[10].

Договоры об отчуждении исключительного права на зарегистрированные программу для ЭВМ или базу данных и переход исключительного права на такую программу или базу данных к другим лицам без договора подлежат государственной регистрации. Другие договоры, в том

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 08 ноября 2008 г.) – п.1 ст.1227.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 2004 г. № 299 (ред. от 07 ноября 2008 г.) «Об утверждении положения о Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам» – п.2.

8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 октября 2008 г. № 324 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по организации приема заявок на государственную регистрацию программы для электронных вычислительных машин и заявок на государственную регистрацию базы данных, их рассмотрения и выдачи в установленном порядке свидетельств о государственной регистрации программы для ЭВМ или базы данных» – п.42.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 08 ноября 2008 г.) – ст.1262.

10. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 октября 2008 г. № 324 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по организации приема заявок на государственную регистрацию программы для электронных вычислительных машин и заявок на государственную регистрацию базы данных, их рассмотрения и выдачи в установленном порядке свидетельств о государственной регистрации программы для ЭВМ или базы данных» – п.65.

числе лицензионные договоры о предоставлении права использования программы для ЭВМ или базы данных, государственной регистрации не подлежат.

Сведения об изменении обладателя исключительного права вносятся в Реестр программ для ЭВМ или в Реестр баз данных на основании зарегистрированного договора или иного правоустанавливающего документа и публикуются в официальном бюллетене федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Итак, правообладателем является изначально автор; правообладателями могут быть физические и юридические лица, которые приобрели исключительное право на результаты интеллектуальной собственности в силу закона или договора, в том числе по наследству, по договору об отчуждении исключительного права, по лицензионному договору, по договору авторского заказа и др. При этом, пока не доказано иное, автором произведения или обладателем исключительного права на произведение считается лицо, указанное в качестве такового на экземпляре произведения. Необходимость исследования иных доказательств может возникнуть в случае, если авторство лица на произведение оспаривается[11]. Если договор об отчуждении исключительного права не подлежит государственной регистрации в Роспатенте, то по общему правилу, если соглашением сторон не предусмотрено иное, исключительное право на результат интеллектуальной деятельности переходит в момент заключения такого договора. Если же такой договор подлежит государственной регистрации, то момент перехода исключительного права определяется в силу закона императивно – моментом государственной регистрации этого договора, и все условия, устанавливающие иной момент перехода исключительного права, ничтожны[12]. В случае предоставления права использования результата интеллектуальной деятельности по лицензионному договору, по общему правилу за лицензиаром сохраняется право самому использовать его. Таким образом, он не утрачивает права правообладателя. Однако в договоре об исключительной лицензии стороны могут предусмотреть, что такое право за лицензиаром не сохраняется[13].

К авторским правам относятся.

1. Исключительное право на программу для ЭВМ или базу данных (право использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом). Исключительное право первоначально возникает у автора. Оно может быть передано автором другому лицу по договору, а также может перейти к другим лицам по иным основаниям. Иные правообладатели также вправе распоряжаться исключительным правом на произведение[14].

2. Право авторства (право признаваться автором программы для ЭВМ или базы данных)[15].

3. Право автора на имя (право использовать или разрешать использование программы для ЭВМ или базы данных под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени, то есть анонимно)[16].

4. Право на неприкосновенность программы для ЭВМ или базы данных (право на защиту произведения от различных извращений, искажений и иных изменений, а также от посягательств на такие действия, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию автора)[17].

5. Право на обнародование произведения (право обнародовать или разрешать обнародовать путем опубликования (выпуска в свет) программы для ЭВМ или базы данных). При этом под выпуском в свет понимают воспроизведение в материальной форме и распространение среди публики экземпляров произведения, которое можно прочесть или зрительно воспринять иным образом[18]. Российское законодательство конкретизировало данное положение: под опубликованием (выпуском в свет) понимается выпуск в обращение экземпляров произведения, представляющих собой копию произведения в любой материальной форме, в количестве, достаточном для удовлетворения разумных потребностей публики исходя из характера произведения[19]

Автору программы для ЭВМ или базы данных также могут принадлежать и иные права (в частности, право на вознаграждение за использование служебного произведения).

Для квалификации содеянного по статье 146 Уголовного кодекса Российской Федерации также имеет большое значение срок действия авторских прав на программы для ЭВМ или базы данных.

Авторство, имя автора и неприкосновенность программы для ЭВМ или базы данных охраняются бессрочно[20].

Исключительное право на программы для ЭВМ или базы данных действует в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора. Если программа для ЭВМ или база данных были созданы в соавторстве, то исключительное право на них действует в течение всей жизни автора, пережившего других соавторов, и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом его смерти.

Срок действия исключительного права на обнародованные анонимно или под псевдонимом программу для ЭВМ или базу данных истекает через семьдесят лет, считая с 1 января года, следующего за годом его правомерного обнародования. Если в течение указанного срока автор программы для ЭВМ или базы данных, обнародованные анонимно или под псевдонимом, раскроет свою личность или его личность не будет далее оставлять сомнений, исключительное право будет действовать в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора. Исключительное право на произведение, обнародованное после смерти автора, действует в течение семидесяти лет после обнародования произведения, считая с 1 января года, следующего за годом

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» – п.42.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» – п.13.3.

13. Там же. – П.14.

14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 08 ноября 2008 г.) – п.1 ст.1270.

15. Там же. – П.1 ст.1265.

16. Там же. – П.1 ст.1265.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 08 ноября 2008 г.) – п.2 ст.1266.

18. Всемирная конвенция об авторском праве от 24 июля 1971 г.

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 08 ноября 2008 г.) – абз.2 п.1 ст.1268.

20. Там же. – П.1 ст.1267.

его обнародования, при условии, что произведение было обнародовано в течение семидесяти лет после смерти автора.

Когда программа для ЭВМ или база данных создана по договору, предметом которого было ее создание (по заказу), исключительное право на такую программу или такую базу данных принадлежит заказчику, если договором не предусмотрено иное. Если исключительное право на программу для ЭВМ или базу данных принадлежит заказчику, подрядчик (исполнитель) вправе использовать такую программу или такую базу данных для собственных нужд на условиях безвозмездной простой (неисключительной) лицензии в течение всего срока действия исключительного права. Если же в соответствии с договором исключительное право на программу для ЭВМ или базу данных принадлежит подрядчику (исполнителю), заказчик вправе использовать такую программу или такую базу данных для собственных нужд на условиях безвозмездной простой (неисключительной) лицензии[21].

Если программа для ЭВМ или база данных создана при выполнении договора подряда или договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ, которые прямо не предусматривали ее создание, исключительное право на такую программу или такую базу данных принадлежит подрядчику (исполнителю), если договором не предусмотрено иное. В этом случае заказчик может использовать такую программу или базу данных в целях, для достижения которых был заключен соответствующий договор, на условиях простой (неисключительной) лицензии без выплаты за это использование дополнительного вознаграждения. Если в соответствии с договором исключительное право на программу для ЭВМ или базу данных передано заказчику либо указанному им третьему лицу, подрядчик (исполнитель) вправе использовать созданные им программу или базу данных для собственных нужд на условиях безвозмездной простой (неисключительной) лицензии в течение всего срока действия исключительного права[22].

Вопрос о том, является ли конкретное произведение служебным, решается исходя из положений законодательства. Служебное произведение – это произведение, созданное в пределах установленных для работника (автора) трудовых обязанностей.

Для определения того, является ли созданное работником по конкретному заданию работодателя произведение служебным, необходимо исследовать вопрос о том, входило ли это задание в пределы трудовых обязанностей работника. Если такое задание работодателя в его трудовые обязанности не входило, то созданное произведение не может рассматриваться как служебное – исключительное право на него принадлежит работнику, его использование работодателем возможно лишь на основании отдельного соглашения с работником и при условии выплаты ему вознаграждения.[23]

Если исключительное право на служебное произведение принадлежит работнику (автору) изначально, работодатель имеет право использовать такое произведение способами, обусловленными целью служебного задания, и в пределах, вытекающих из задания, а также обнародовать такое произведение, если иное не определено договором между ним и работником. Работник при этом вправе по своему усмотрению использовать служебное произведение способами, не обусловленными целью служебного задания, а также способами, хотя и обусловленными целью задания, но за пределами этого задания.[24]

Автор созданных по заказу или при выполнении работ по договору программы для ЭВМ или базы данных, которому не принадлежит исключительное право на такую программу или такую базу данных, имеет право на вознаграждение.

При передачи права использования программы для ЭВМ или базы данных договор может быть заключен путем заключения каждым пользователем с соответствующим правообладателем договора присоединения, условия которого изложены на приобретаемом экземпляре таких программы или базы данных либо на упаковке этого экземпляра. В данном случае начало использования таких программы или базы данных пользователем, как оно определяется этими условиями, будет означать его согласие на заключение договора[25]. Лицензионный договор заключается в письменной форме и должен содержать следующие существенные условия: предмет договора; способы использования результата интеллектуальной деятельности.

В возмездном лицензионном договоре к существенным условиям также относится размер вознаграждения за использование произведения или порядок исчисления такого вознаграждения.

В лицензионном договоре могут быть также предусмотрены по желанию сторон и другие условия: срок действия договора; территория, на которой допускается использование результата интеллектуальной деятельности; возможность переуступки прав по договору и другие условия.

Таковы особенности программ для ЭВМ и баз данных как результатов интеллектуальной деятельности, которым предоставляется уголовно-правовая охрана.

21. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 08 ноября 2008 г.) – ст.1296.

22. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 08 ноября 2008 г.) – п.2 ст.1297.

23. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» – п.39.1.

24. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» – п.39.3.

25. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 08 ноября 2008 г.) – п.3 ст.1286.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА НАРУШЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кулев А.Г.,
кандидат юридических наук, старший преподаватель,
кафедра уголовного процесса и криминалистики,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Ключевые слова: экстремистская деятельность, экстремизм, публичные призывы, территориальная целостность Российской Федерации, безопасность государства, дифференциация уголовной ответственности, конкуренция общей и специальной нормы права
Key words: extremist activity, extremism, public appeals, territorial integrity of the Russian Federation, safety of the state, differentiation of criminal liability, competition of the general and special rule of law

Аннотация. В статье исследуются проблемы регламентации уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. На основе уголовно-правовой характеристики данного состава и его соотношения с иными смежными составами делается вывод об обоснованности включения ст. 2801 в УК РФ.

In article problems of a regulation of the criminal precept of law providing responsibility for public appeals to implementation of the actions directed on violation of territorial integrity of the Russian Federation are investigated. On the basis of the criminal and legal characteristic of this structure and its ratio with other adjacent structures the conclusion about validity of inclusion of Art. 2801 in the criminal code of Russian Federation is drawn.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[1] в гл. 29 УК была включена ст. 2801, устанавливающая ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ. Как отмечалось в пояснительной записке к данному закону, «территориальная целостность государства не рассматривается действующим российским уголовным законодательством в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Она выступает лишь в качестве факультативного объекта, причинение вреда которому способно повысить степень общественной опасности того или иного преступления. Предлагаемый законопроект призван ликвидировать данный пробел»[2]. По мнению авторов законопроекта вводимые изменения позволят предупреждать возможные сепаратистские тенденции и призывы к действиям по уступке частей территории России иностранным государствам, а также пресекать распространение сведений, оправдывающих эти действия. Попытаемся осуществить научную оценку действующей редакции ст. 2801 УК РФ.

Согласно п. 6 Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537[3] территориальная целостность является одним из компонентов национальной безопасности наряду с конституционными правами и свободами, достойным качеством и уровнем жизни граждан, суверенитетом, устойчивым развитием РФ, ее обороной и безопасностью. Возникает вопрос: почему законодатель закрепил уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных лишь только на нарушение территориальной целостности РФ, проигнорировав другие составляющие национальной безопасности государства? Дело в том, что такие элементы безопасности как конституционные права и свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, устойчивое развитие РФ не способны претендовать на роль основного объекта преступлений гл. 29 УК, а поэтому должны охраняться нормами других глав кодекса. Однако подобного нельзя сказать о суверенитете и обороне (обороноспособности) государства, а также о его территориальной неприкосновенности[4], которые в совокупности образуют понятие «безопасности государства» и, следовательно, попадают в орбиту рассматриваемой главы УК.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что объект преступления, зафиксированного в ст. 2801 сформулирован узко: в качестве такового должна выступать не только территориальная целостность государства, а его безопасность в целом. То есть необходимо установить уголовно-правовой запрет на публичные призывы к осуществлению действий, направленных против безопасности РФ. Понятие безопасности государства с перечислением компонентов в силу его фундаментальности необходимо закрепить в Федеральном законе «О безопасности» от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ[5], а не в подзаконном нормативном акте, как это имеет место в настоящее время.

Далее остановимся на вопросе о соотношении норм, закрепленных в ст. 280 и 2801 УК. В ст. 280 регламентирована ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности. Определение экстремистской деятельности (экстремизма) содержится в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[6], под которой, помимо прочего, понимается деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и целостности Российской Федерации. Таким образом, ст. 280 вполне охватываются публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ.

1. См.: СЗ РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6998.
2. URL: http: // 1 point.ru/bill/403815-6 (дата обращения: 04.09.2014).
3. См.: СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
4. Термины «целостность» и «неприкосновенность» государственной территории разграничиваются в Конституции РФ (ч. 3 ст. 4).
5. См.: СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
6& См.: СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

Следует отметить, что при разработке и обсуждении законопроекта отдельными депутатами (в частности, А.Г. Тарнавским) указывалось на данный факт, в связи с чем они, поддерживая в целом идею о необходимости введения в УК ст. 2801, настаивали на юридико-техническом совершенствовании предлагаемой нормы, чтобы она не дублировала уже существующую норму ст. 280 УК. В ответ на указанное замечание один из авторов законопроекта (депутат Ю.П. Синельщиков) отметил, что создаваемая ст. 2801 будет предусматривать ответственность не за экстремизм, а за «нечто иное», хотя, по его словам, экстремизм частично охватывается данной нормой.

Но, по мнению правотворца, экстремизм - это склонность к политическому насилию, а действия, охватываемые предлагаемой ст. 2801, не всегда связаны с таким насилием.

Думается, что формальные основания для подобных выводов отсутствуют. Рассматриваемый ФЗ № 114, закрепляя в качестве одного из проявлений экстремизма, деятельность, направленную на нарушение целостности РФ, не связывает ее исключительно с проявлением насилия. О проявлении насилия говорится лишь применительно к деятельности, устремленной на изменение конституционного строя. Следовательно, публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ полностью охватывались ст. 280 УК. Выделив отдельную ст. 2801, законодатель создал тем самым специальную норму, охраняющую более узкую сферу государственной безопасности - территориальную целостность РФ.

Обоснованным ли выглядит введение анализируемой специальной нормы? Представляется, что вряд ли. Как верно отмечается в литературе, смысл введения специальных норм заключается в «дифференциации (изменении) наказания, говоря иначе, в его смягчении или усилении»[7]. Именно в силу того, что законодатель придает санкции специальной нормы целенаправленный усиливающий или смягчающий эффект, такая норма при квалификации имеет приоритет перед общей (ч. 3 ст. 17). Если мы сравним санкции ст. 280 и 2801, то убедимся, что они абсолютно одинаковые как по видам наказаний, так и размерам[8]. В этой связи ч. 1 ст. 2801 представляет собой некий «аппендикс» - ненужный придаток, который имплантирован в материю уголовного закона.

Далее обратимся к сопоставлению частей вторых рассматриваемых статей. До принятия Федерального закона от 21 июля 2014 года № 274-ФЗ «О внесении изменений в ст. 2801 Уголовного кодекса Российской Федерации»[9] в них устанавливалась повышенная ответственность за призывы, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекомуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Данным законом диспозиция ч. 2 ст. 2801 была расширена засчет указания на электронные сети, которые используются при призывах. Странно, что подобные уточнения не коснулись квалифицирующего признака ч. 2 ст. 280, как и некоторых других (ч. 2 ст. 2052, ч. 2 ст. 354)[10]. Получается интересная ситуация: непубличные призывы к экстремистской деятельности и к деятельности против территориальной целостности РФ караются одинаково, а публичные призывы к экстремизму, совершенные с использованием электронных сетей караются менее строго, чем такие же призывы к нарушению целостности страны. Не иначе как сбоем законодательной техники, бессистемностью вносимых в закон изменений такую ситуацию назвать нельзя.

Но на этом парадоксы не заканчиваются. Разнятся и санкции анализируемых частей вторых. В обеих из них содержатся два альтернативных наказания. Но, если в ч. 2 ст. 280 ими являются принудительные работы и лишение свободы, то в ч. 2 ст. 2801 - обязательные работы и лишение свободы. Срок наказания в виде лишения свободы в санкциях совпадают. Следовательно, вопрос о том какая из санкций более или менее суровая, зависит от сопоставления уровня репрессивности обязательных и принудительных работ. Исходя из «лестницы» наказаний, установленных в ст. 44 УК, более строгим видом наказания являются принудительные работы. Таким образом, с одной стороны (если иметь ввиду наказуемость призывов с использованием электронных сетей) ч. 2 ст. 2801 является более строгой, а с другой стороны - санкция ст. 280 обладает более сильным карательным эффектом.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что введение в УК ст. 2801 является непродуманным и поспешным шагом законодателя. Ничего кроме засорения, и так уже далеко нестерильного текста УК, и проблем правоприменительным органам данное нововведение не дало.

По нашему мнению, если того требует криминогенная обстановка, то устанавливать уголовную ответственность нужно за публичные призывы не к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, а к осуществлению действий против безопасности государства в целом. Причем, санкция этой нормы должна быть строже, чем санкция ст. 280 ввиду высокой общественной опасности соответствующих действий.

7. Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М., 2010. С. 44.

8. Попутно отметим, что в качестве одного из видов наказаний в ч. 1 ст. 2801 УК законодатель ввел арест. Поскольку этот вид наказания не применялся с момента вступления УК РФ в силу и до сих пор предпосылки его применения не созданы, то никакого смысла включать его в санкции вновь создаваемых норм нет. Видимо, вскоре подобное можно будет сказать и о принудительных работах.

9. См.: СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть 1). Ст. 4257.

10. О необходимости изложения квалифицирующих обстоятельств преступления по «блоковому принципу» уже многое написано в литературе (см.: Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб. 2008. С. 240-278).

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОБ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Лавров В.В.,
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры

Ключевые слова: объект культурного наследия, недвижимое имущество, кадастровый учет, охрана объектов культурного наследия, культура, ценность, прокурорский надзор
Key words: object of cultural heritage, real estate, cadastral account, protection of objects of cultural heritage, culture, value, public prosecutor's supervision

Аннотация. В статье проводится анализ понятия «объект культурного наследия» как правовой категории. Делается вывод о сложном типологическом и видовом составе объектов культурного наследия. Рассматриваются отдельные вопросы деятельности прокуратуры Российской Федерации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране памятников истории и культуры.

In article the analysis of the concept «object of cultural heritage» as legal category is carried out. The conclusion about difficult typological and specific structure of objects of cultural heritage is drawn. Single questions of activities of prosecutor's office of the Russian Federation for implementation of public prosecutor's supervision of performance of the legislation on protection of historical and cultural monuments are considered.

Согласно данным государственного доклада «О состоянии культуры Российской Федерации в 2013 году» состояние объектов культурного наследия в стране характеризуется продолжающимся разрушительным воздействием внешней среды (как в результате естественных факторов, так и антропогенных) только 14 % памятников находятся в хорошем состоянии, состояние 58 % характеризуется как удовлетворительной, состояние 19 % - неудовлетворительное, а состояние соответственно 6% и 3 % как аварийное и руинированое.[1]

Среди факторов, оказывающих разрушительное воздействие на объекты культурного наследия, выявляются следующие: гидротехническое строительство, распашка земель, промышленное и дорожное строительство (предприятия, средства коммуникаций, в том числе системы транспортировки углеводородного сырья, горюче-смазочных веществ, линии электропередач, карьеры и другие объекты), гражданское строительство. Особую проблему вызывают грабительские раскопки памятников археологии, в результате которых уничтожается уникальная научная информация, наносится огромный ущерб государству.

Эффективность выполнения органами государственной власти и местного самоуправления задач по охране объектов культурного наследия может быть обеспечена качеством надзорной деятельности прокуратуры, которая, обладает значительным потенциалом присущих ей методов и средств.

Прокурорский надзор за исполнением законов об охране объектов культурного наследия на сегодняшний день находится в стадии своего становления, постепенно приобретая систематический характер и требует выработки научных концепций и построенных на их основе методических рекомендаций по наиболее эффективному осуществлению прокурорской деятельности.

Для правильного определения предмета надзора перечня, законов надзор за исполнением которых, должны осуществлять органы прокуратуры, очевидна необходимость обратиться к проблеме легальных и научных определений понятия «объект культурного наследия» и близких ему категорий.

Проблема научного определения понятия «объект культурного наследия» («памятник истории и культуры») неоднократно рассматривалась в научных исследованиях. К определению указанного термина обращались как авторы научных исследований в сфере юриспруденции,[2] так и исследователи в области философии, культурологии и истории.[3]

Объекты культурного наследия рассматривались, прежде всего, как разновидность культурных ценностей и культурного наследия, что обусловлено отдельными положениями законодательства Российской Федерации о культуре.

Так, согласно абзацу 3 статьи 3 «Основ законодатель-

1. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации за 2013 год С. 38 – 40 / Текст доклада размещен на официальном сайте Министерства культуры российской Федерации / [Электронный ресурс]: http://mkrf.ru/report/gosoklad/ - дата рецепции 02. 11. 2014.

2. Стешенко, Л.А. Охрана памятников культуры в СССР // Советское государство и право. -1975. - № 11. С. 44 - 45. Стешенко, Л.А. Правовые вопросы охраны и использования памятников истории и культуры // Советское государство и право. - 1977. - № 6. - С. 35 - 36. Стешенко, Л.А. О памятниках истории и культуры. - М.: Юридическая литература, 1977. - С. 25 - 3; Васильева М.В., Савельева И.В. Памятники истории и культуры как объекты гражданско-правовой охраны // Советское государство и право. 1985. N 10. С. 105 – 106; Бобоедова Н. Д. Административно-правовые проблемы охраны и использования памятников истории и культуры. Автореферат дисс. … канд. юридич. наук. М., 1988. С. 10. Сергеев, А.П. Там же. С. 20 -21, 34 - 36.; Егорова Е.Ю. Государственно-правовая защита культурных ценностей. Дисс. канд. юрид. наук. М., 1996; Долгов С.Г. Культурные ценности как объекты гражданских прав и их защита: гражданско-правовой и криминалистический аспекты. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2000. – С. 46. Михайлова Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века. – М., 2001. – С. 18.

3. Дьячков А.Н. Памятники истории и культуры в системе предметного мира культуры // Памятник и современность. М., 1987. С.52; Боярский П.В. Введение в памятниковедение. М., 1990. С.17-60; Базанов В.Л. Проблемы сохранения историко-культурного наследия в условиях обновления общества (на примере материальных памятников истории и культуры РФ). Автореф. дисс. канд. филос. наук. М., 1991. С.8; Кулемзин, А.М. Правильное определение предмета памятникоохранительной деятельности — начало ее успеха // Культурологические исследования в Сибири. - 1999. - № 1, - С. 51 — 57; Шестова С. М. Историко-культурологический анализ нормативного регулирования охраны и использования памятников истории и культуры в России. Автореферат диссертации кандидата культурологи. СПб., 2009; Шухободский А. Б. Памятник истории и культуры как специфический вид культурной ценности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 356 – 365.

ства Российской Федерации о культуре» утв. Верховным Советом РФ 09.10.1992 № 3612-1, культурные ценности включает в себя в том числе имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты». В соответствии с абзацем 8 статьи 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» к культурному наследию народов Российской Федерации относятся материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию».

Культурное наследие отличается от культурных ценностей тем, что первое всегда обладает свойством старины. Данные понятия могут быть соотнесены таким образом, что не всякая культурная ценность может относится к культурному наследию, однако все, что относится к культурному наследию есть культурная ценность.[4] Понятие «культурная ценность» носит более широкий характер, чем понятие объект культурного наследия (памятник истории и культуры), поскольку оно охватывает как круг объектов, имеющих статус памятников и подлежащих по законодательству ряда стран государственному учету и регистрации, так и объектов, еще не имеющих такого статуса.[5]

В современной юридической литературе, на основе действующего законодательства Российской Федерации сложилось представление о том, что объекты культурного наследия являются разновидностью культурных ценностей.

Так, М. А. Александрова, предлагает «под объектами культурного наследия понимать культурные ценности, взятые под охрану государства в установленном законом порядке». [6]

А. А. Джамбатов считает, что объект культурного наследия представляет собой «созданную трудом человека сложную недвижимую вещь либо имущественный комплекс, зарегистрированный в установленном порядке, обладающий свойствами оригинальности и имеющий исключительное значение с точки зрения истории народов России, ее культуры и науки».[7]

Е. А. Лачина под памятниками истории и культуры понимает «недвижимые объекты материальной культуры, ценные в историческом, научном, культурном, эстетическом и другом значении, имеющие особое значение для общества, внесенные в Список памятников истории и культуры и охраняемые государством на основании соответствующих нормативно-правовых документов».[8]

Н. Ю. Трещетенкова, делая вывод на основании законодательства зарубежных государств, считает, что «определяющим фактором для правовой охраны категории «памятник» того или иного предмета является внесение его по решению компетентных органов в специальный реестр, каталог».[9]

А. К. Вахитов рассматривает объект культурного наследия как «объект недвижимого имущества, в отношении которого имеется заключение государственной историко-культурной экспертизы, признающее его культурную ценность, и установлена правовая охрана».[10]

А. Н. Панфилов считает, что «под объектами культурного наследия необходимо понимать совокупность созданных человеком или подвергнутых его целенаправленному воздействию в прошлом недвижимых культурных ценностей, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на основании нормативного правового акта уполномоченного органа публичной власти».[11]

Л. В. Федорова на основе анализа теоретических и нормативных понятий объектов культурного наследия делает вывод, «что определяющим критерием идентификации любых объектов культурного наследия является их отнесение к явлениям и предметам духовного бытия, созданным в прошлом».[12]

В связи с вопросами возникающими в надзорной деятельности органов прокуратуры, попытаемся рассмотреть термин «объект культурного наследия» основываясь на систематическом анализе законодательства Российской Федерации.

Действующее законодательство (абзац 1 статьи 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия») содержит следующее определение:

Согласно абзацу 1 статьи 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия» к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее - объекты культурного наследия) в целях настоящего Федерального закона относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Далее (абзацы 4 – 5 указанного закона) установлено, что объекты культурного наследия включают в себя объ-

4. Панфилов А. Н. Полномочия органов местного самоуправления в области охраны объектов культурного наследия: проблемы правового регулирования и реализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Тюмень, 2011.

5. Богуславский М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М., - Юрист, 2005. – С. 31.

6. Александрова М. А. Гражданско-правовой режим культурных ценностей в Российской Федерации. Дисс. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Спб., 2007. – С. 48.

7. Джамбаров А. А. Гражданско-правовой режим объектов культурного наследия: дис. АР

8. Лачина Е. А. Уголовно-правовая охрана памятников природы, истории и культуры АР. Рязань, 2005.

9. Трещетенкова Н. Ю. Охрана памятников истории и культуры в Польше // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М., 2005. – С. 85.

10. Вахитов А. К. Административно-правовая охрана объектов культурного наследия АР М., 2007.

11. Панфилов А. Н. Полномочия органов местного самоуправления в области охраны объектов культурного наследия: проблемы правового регулирования и реализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Тюмень, 2011. С. 31-32.

12. Федорова Л.В. Правовое регулирование приватизации недвижимых объектов культурного наследия: монография. М.: Юстицинформ, 2012. С. 28.

екты археологического наследия, памятники, ансамбли и достопримечательные места.

Согласно пункту 2 статьи 1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия» объекты культурного наследия являются особым видом недвижимого имущества.

Как видно из приведенного определения объект культурного наследия обладает следующими признаками:

1. является объектом недвижимого имущества (в некоторых случаях объекты движимого имущества);

2. представляет определенную ценность в культурном отношении.

Именно на рассмотрении этих двух свойств объектов культурного наследия было сосредоточено внимание в юридической литературе.

Для решения вопроса о ценности объекта в культурном отношении следует обратиться к определениям понятий «ценности» и «культуры».

В существующей литературе понятие культура по разному определяется специалистами. Существует более сотни определений культуры, накопленных наукой на протяжении более трех столетий.[13] Анализ существующих определений показывает, показывает, что каждое из них фиксировало одно из свойств культуры, но ни одно из них не было исчерпывающим. Дело в данном случае в особой уникальности культуры как сложной системы, сущность которой не исчерпывается каким-либо одним определением, поскольку обладает качествами, обозначенными всеми этими определениями, и безусловно, еще рядом других. Осознание культуры как специфической формы бытия строится на исходной оппозиции «натура / культура». Однако указанное противопоставление является весьма условным. Как показывает исторический опыт формирование человеческой культуры является во многом результатом взаимодействия человеческого общества и природы на протяжении всей истории филогенеза.[14] В результате указанного взаимодействия формируется трехчастная структура бытии: человеческое общество – культура – природа. При этом культура (прежде всего материальная) как и природа образуют окружающую человека среду. Указанные замечания относительно соотношения природы и культуры имеют важное значение для настоящего исследование – многие объекты культурного наследия из перечисленных в статье 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия» являются природными объектами (совместные творения человека и природы, культурные и природные ландшафты). Указанное обстоятельство должно учитываться в законотворческой деятельности Российской Федерации, где традиционно существует различное правовое регулирование охраны природы и охраны объектов культурного наследия, что вызывает определенные сложности в правоприменительной деятельности. Российскому законодательству в рассматриваемой сфере можно противопоставить опыт международно-правового регулирования охраны природного и культурного наследия, осуществляемого в рамках единой Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Определенные тенденции намечаются и в российском законодательстве об охране окружающей среды.

Так, Федеральный закон от 10 января 2001 года № 7 – ФЗ «Об охране окружающей среды» содержит понятие «окружающей среды» (статья 1) как совокупности компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов. В свою очередь «природно-антропогенными объектами» (статья 1) являются природные объекты, измененные в результате хозяйственной и иной деятельности, либо объекты, созданные человеком, обладающие свойствами природных объектов и имеющих рекреационное и защитное значение. К «антропогенным объектам», в соответствии с законом (статья 1) относятся объекты, созданные человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающие свойствами природных объектов.

Антропогенные объекты и их деятельность в связи с их потенциальным или имевшим место загрязнением окружающей среды регулировалось и ранее природоохранным законодательством. Однако они не рассматривались как компоненты окружающей среды. Подход подобного рода, по мнению отдельных исследователей, можно было считать «революционным поворотом в российском законодательстве» об охране окружающей среды, который может иметь далеко идущие теоретические и, самое главное, практические последствия.[15]

Согласно статье 4 Федерального закона «Об охране окружающей среды» в число объектов окружающей среды, которые подлежат особой охране наряду с природными объектами могут быть включены природные или природно-антропогенные объекты – в их числе объекты, включенные в Список всемирного культурного наследия и Список всемирного природного наследия, места традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, объекты, имеющие особое научное, историко-культурное, эстетическое, и иное ценное значение.

Разграничении предметов правого регулирования законодательства об охране объектов культурного наследия и законодательства об охране природного наследия основано на различном ценностном значении этих предметов.

Так, уникальные природные объекты представляют собой ценность с точки зрения охраны природы, в то время как объекты культурного наследия имеют ценность для культуры.

Понятие «ценность» относиться прежде всего к области философии и ее разделу аксиологии. Однако основанием для отнесения материального объекта прошлых эпох к объекту культурного наследия как объекта государственной охраны является его ценность. Следовательно, категория «ценности» из области аксиологии перемещается в правовую сферу. Сточки зрения аксиологии, ценность представляет собой предпочтение личностью или обществом определенного образа или состояния, отнесение к ценности может быть определено как способ обнаружения субъектом значения объекта.[16] В Федеральном законе «Об объектах культурного наследия» установлена (статьи 16.1, 18, 22, 23) процедура отнесения объектов материального

13. Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследия. – М.: Наука. – 1982. – С. 3; Каган М. С. Философия культуры. – Санкт-Петербург. – ТОО ТК «Петрополис», 1996. – С. 12 – 19.

14. ; Каган М. С. Философия культуры. – Санкт-Петербург. – ТОО ТК «Петрополис», 1996. – С. 56; Лихачев Д. С. Экология культуры / Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. – Ленинград: Наука. – 1985. С. 49 – 63.

15. Боголюбов С.А. Новый Федеральный закон «Об охране окружающей среды» // Журнал российского права. - № 6. - 2002 – С. 56 – 63.

16. Каган М. С. Философская теория ценности. – Спб. ТОО ТК «Петрополис», 1997. – С. 51 – 52.

мира к категории памятников истории и культуры, в результате которой издается соответствующий правовой акт уполномоченного органа государственной власти. Основное значение в данном случае играет заключение историко-культурной экспертизы (статьи 28 – 32), которую проводят лица, обладающие специальными познаниями и включенные в списки экспертов.

Второй вопрос, который следуют рассмотреть – вопрос о том, возможно ли рассматривать все объекты культурного наследия, перечисленные в статье 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия» исключительно как объекты недвижимого имущества.

Легальное определение термина «недвижимое имущество» содержится в пункте 1 статьи 130 ГК РФ, в соответствии с которым, к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество.

Приведенная норма ГК РФ и практика ее применения на сегодняшний день породила такое большое количество вопросов, что едва ли найдется другая статья ГК РФ, которая подверглась столь широкой критике.[17]

В российском праве традиционный законодательный подход отнесения имущества к недвижимости обладает некоторыми особенностями, одной из которых является возможность федеральными законами дополнять перечень недвижимых объектов, установленный основным кодифицированным актом. Это дает возможность пополнять перечень объектов недвижимости в том числе и законами, которые регулируют отношения, не составляющие предмет гражданского права.[18]

Понятие и содержание категории «недвижимость» определяется в большей степени правовым режимом соответствующих объектов, который установлен национальным законодательством, нежели их естественно-физическими свойствами.[19]

Объект недвижимости в соответствии с законодательством Российской Федерации обладает следующими признаками:

> это индивидуально-определенная вещь;

> она находится в прочной связи с землей, что влечет невозможность ее перемещения без несоразмерного ущерба ее назначению;

> права на недвижимое имущество, а также их возникновения, изменения, ограничения, переход и прекращение требуют обязательной государственной регистрации.[20]

Согласно пункту 2 статьи 1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия» предметами регулирования настоящего Федерального закона являются отношения, связанные с особенностями владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия как особым видом недвижимого имущества.

Недвижимые вещи всегда являются индивидуально-определенными.[21]

Пространственная определенность является юридически значимым признаком объекта недвижимого имущества.[22]

На сегодняшний день основным средством предания объекту недвижимости черты индивидуально-определенной вещи является постановка его на кадастровый учет в соответствии с требованием Федерального закона 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости».

Согласно пункту 2 статьи 1 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости», по государственным кадастром недвижимости понимается систематизированный свод сведений об учтенном в соответствии с настоящим Федеральным законом недвижимом имуществе, а также сведений о прохождении Государственной границы Российской Федерации, о границах между субъектами Российской Федерации, границах муниципальных образований, границах населенных пунктов, о территориальных зонах и зонах с особыми условиями использования территорий, о территориях объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, иных предусмотренных настоящим Федеральным законом сведений. Государственный кадастр недвижимости является федеральным государственным информационным ресурсом. В соответствии с пунктом 3 государственным кадастровым учетом недвижимого имущества признаются действия по внесению в государственный кадастр недвижимости сведений о недвижимом имуществе, которые подтверждают существование такого недвижимого имущества с характеристиками, позволяющими определить такое недвижимое имущество в качестве индивидуально-определенной вещи, или подтверждают прекращение существования такого недвижимого имущества.

Указанный Федеральный закон (пункт 5 и 6 статьи 1) регулирует отношения, связанные с кадастровым учетом

17. Виноградов П. Недвижимое имущество: историческое и современное понимание // Бюллетень нотариальной практики. – 2008. – № 2 – С.

18. Степанов С.А. Недвижимое имущество в гражданском праве. М.: Статут, 2004. – С. 24.

19. Суханов Е.А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4 – С.

20. Гонгало Б.М. Понятие недвижимого имущества // Правовое регулирование оборота недвижимого имущества. Екатеринбург, 2002. С. 4 - 5; Кузьмина И.Д. Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости. Томск, 2002. С. 8 - 9; Смышляев Д.В. Правовое положение объектов незавершенного строительства, особенности регистрации прав на такие объекты // Правовое регулирование оборота недвижимого имущества. Екатеринбург, 2002. С. 14 - 32; Писков И.П. Гражданско-правовой режим зданий и сооружений: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2003. С. 5 - 7, 15 - 16; Киндеева Е.А. Государственная регистрация прав на объекты незавершенного строительства // Государственная регистрация прав на недвижимость: проблемы регистрационного права. М.: Ось-89. – 2003. – С. 421 - 453; Богданова И.С. Осуществление государством права собственности на недвижимое имущество, составляющее его казну (на примере зданий и сооружений) / под науч. ред. Н.Ф. Качур. М.: Юриспруденция, 2012. – С. 53.

21. Российское гражданское право: В 2 т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: Учебник. Том. 1. – 2-е издание, стереотипное / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: «Статут». – 2011.

22. Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М.: Статут, 2006. – С. 57 - 61 .

земельных участков, зданий, сооружений, помещений, объектов незавершенного строительства, подземных сооружений, если иное не предусмотрено федеральным законом. В отношении отдельных объектов недвижимого имущества (участков недр, воздушных и морских судов, судов внутреннего плавания и космических объектов, предприятий как имущественных комплексов) положения Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» не применяются.

Отношения, связанные с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество регулируются Федеральным законом «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». В соответствии с абзацем 2 статьи 1 указанного закона государственной регистрации подлежат права на земельные участки, участки недр, здания, сооружения жилые и нежилые помещения, предприятия как имущественные комплексы, а также те объекты, которые связаны с землей таким образом, что их перемещение без несоразмерного ущерба их назначению не возможно.

Отдельны объекты культурного наследия подпадают под объекты кадастрового учета, перечисленные в Федеральном законе «О государственном кадастре недвижимости» (здания, сооружения, помещения) и являются объектами недвижимости обязательная регистрации возникновения, перехода и прекращения прав на которые регулируется Федеральным законом от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Термины «здание», «сооружение», «помещение», которые содержаться в законодательстве о недвижимости (прежде всего ГК РФ, Федеральный закон «О государственном кадастре недвижимости» и Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним») могут быть раскрыты через Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».

Согласно подпункту 6 пункта 2 статьи 2 Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», зданием является результат строительства, представляющий собой объемную строительную систему, имеющую надземную и (или) подземную части, включающую в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенную для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных. В соответствии с подпунктом 23, сооружение – это результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов. Под помещением (подпункт 14) понимается часть объема здания или сооружения, имеющая определенное назначение и ограниченная строительными конструкциями.

Приведенные определения относятся к терминологии Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», однако они отражают внешнюю составляющую объектов недвижимости таких как здания, сооружения и помещения их природные, естественно-физические характеристики и свойства. По крайней мере, приведенный закон является единственным нормативно-правовым актом данного уровня, в котором раскрываются рассматриваемые понятия.

В отношении зданий сооружений и помещений, которые являются объектами культурного наследия, может быть в соответствии с предусмотренной законодательством процедурой произведен кадастровый учет и последующая государственная регистрация прав возникших в отношении их как объектов недвижимого имущества.

Объектами культурного наследия могут быть как отдельные здания и сооружения, так и их группы, образующие ансамбли. При этом каждое из зданий и сооружений образующих ансамбль является самостоятельным объектом недвижимого имущества, но ценность для культуры они представляют в совокупности. Как объект недвижимого имущества ансамбль в некоторых может представлять собой единый недвижимый комплекс (статья 133.1 Гражданского кодекса Российской Федерации), как совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей. К единым недвижимым комплексам применяются правила о неделимых вещах. Следует отметить, что на сегодняшний день законодателем не установлен порядок регистрации прав и кадастрового учета имущественных комплексов как единого объекта вещных прав. На практике, регистрация прав и кадастровый учет осуществляется отдельно в отношении каждого здания и сооружения входящих в состав ансамбля. Кроме того в границах ансамбля образующие его здания и сооружения, могут находиться в собственности различных лиц. Охрана целостности ансамбля как объекта культурного наследия заключается в установлении в соответствии с требованиями градостроительного и земельного законодательства ограничений и запретов на строительство и ведение иных работ, которые могут повлиять на нарушение его объемно-пространственных характеристик (статья 5.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия»).

Достопримечательные места могут включать в себя как объекты созданные человеком, так и природные объекты. К последним, относятся культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей.

Включение природных и культурных ландшафтов в число охраняемых объектов культурного наследия связано с тем, что деятельность человека во все времена влияла на экологические системы и их компоненты, приводя к изменениям равновесного положения в растительном и животном мире, вызывая те или иные изменения в окружающей природной среде.

Однако данные изменения могут рассматриваться не только с точки зрения их негативных последствий. Окружающая среда в ряде случаев получает существенное преобразование, необходимое для обеспечения жизнедеятельности человека. Неверно рассматривать окружающую природу как обособленную, замкнутую от человека структуру. Неживая природа, растительный, животный и человеческий миры взаимосвязаны. Окружающая среда может рассматриваться не только как «кладовая» естественных богатств, но и как «сокровищница» в которой собраны лучшие достижения человеческой деятельности.

В структуре культурного ландшафта можно выделить

две составляющие – природную и антропогенную. При этом антропогенная составляющая ландшафта включает в себя все результаты человеческой деятельности, такие как культурные характеристики местности и населяющих ее людей. Каждый культурный ландшафт создается человеческим духом под воздействием природной основы.[23]

Особым видом достопримечательных мест могут быть центры исторических поселений.

Как и в случаях с ансамблями в границах территорий достопримечательных мест действуют ограничения по строительству и иным видам хозяйственной деятельности (статьи 5.1, 56.4, 59 – 60 Федерального закона «Об объектах культурного наследия») в соответствии с требованиями градостроительного и земельного законодательства.

Особым видом объектов культурного наследия являются объекты археологического наследия. Из содержания статьи 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия» можно выделить следующие свойства объектов археологического наследия как особого объекта правового регулирования:

Объекты археологического наследия признаются объектами недвижимого имущества. Но данный вид недвижимости имеет свою специфику. При проведении археологических раскопок археологические предметы, являющиеся движимыми вещами извлекаются из археологического слоя и предаются в музейный фонд. Археологический слой в процессе исследования полностью уничтожается. В отдельных случаях сохраняются для последующей музеефикации останки древних строений и сооружений, которые были полностью или частично скрыты под землей. Открытые остатки строений и сооружений впоследствии могут охраняться как отдельные памятники, либо включаться в состав ансамблей или достопримечательных мест. Таким образом, охрана археологических слоев необходима для их последующего изучения после которого археологический слой перестает существовать.

Требования в сфере охраны археологических объектов влекут за собой определенные в законодательстве ограничения в отношении использования земельного участка, в границах которого располагается объект археологического наследия (статьи 5.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия»).

Подводя итог можно отметить следующее.

Объекты культурного наследия имеют сложный видовой состав, являясь одновременно:

уникальной ценностью, обусловившей их государственную охрану;

недвижимого имуществом в отношении которого законодатель устанавливает ограничения прав владения, пользования и распоряжения;

объектом градостроительной деятельности;

территория объекта культурного наследия является объектом земельных отношений, связанных со специальным порядком охраны и использования земель;

территория объекта культурного наследия включает в себя природные объекты, представляющие ценность для культуры.

Указанные свойства объектов культурного наследия определяют комплексный состав законодательства регулирующего отношения, связанные с их охраной. Таким образом, отношения связанные с охраной объектов культурного регулируются законодательством об охране, сохранении и использовании объектов культурного наследия, земельным, гражданским законодательством, законодательством о градостроительной деятельности и охране окружающей среды.

Сложный видовой и типологический состав объектов культурного наследия определяет межведомственный характер государственного и муниципального управления отношениями в области охраны и использования памятников истории и культуры. Данное обстоятельство определяет перечень органов, организаций и должностных лиц поднадзорных прокурору при осуществлении надзора исполнением законов об охране объектов культурного наследия, определяемых исходя из статьей 21 и 26 Федерального закона «О прокуратуре». К их числу можно отнести: федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, органы военного управления, организации независимо от форм собственности, а также должностные лица указанных органов и организаций.

Среди федеральных органов исполнительной власти следует выделить следующие:

Специально уполномоченном органом исполнительной власти в области государственной охраны объектов культурного наследия и государственного контроля в данной сфере на сегодняшний является Министерство культуры Российской Федерации, которое имеет свои территориальные органы.[24]

Управление объектами культурного наследия находящимися в федеральной собственности как объектами имущественных отношений осуществляет Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество).[25]

Федеральная службе государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) осуществляет государственное управление в сфере, кадастрового учета недвижимости, регистрации прав на объекты недвижимого имущества, являющиеся объектами культурного наследия, регистрацию соответствующих ограничений, обременений, а также государственный надзор в сфере использования земель.[26]

Отдельны вопросы, связанные с исполнением законов об охране объектов культурного наследия входят в сферу компетенции и иных федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Так, организация

23. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М., 1988. – С. 26.

24. Положение о Министерстве культуры Российской Федерации : утв. постановлением Правительства Российской Федерации «О Министерстве культуры Российской Федерации» от 20.07.2011 № 590 (ред. от 23.09.2014) // Первоначальный текст документа опубликован в СЗ РФ, 01.08.2011, № 31, ст. 4758 / [Электронный ресурс]: СПС «Консультант плюс»: версия проф. Режим доступа постоянный.

25. О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 (ред. от 30.07.2014) // Первоначальный текст документа опубликован в СЗ РФ 09.06.2008, N 23, ст. 2721 / [Электронный ресурс]: СПС «Консультант плюс»: версия проф. Режим доступа постоянный.

26. Положение о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии: утв. постановлением Правительства РФ от 01.06.2009 № 457 (ред. от 02.11.2013) «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» // Первоначальный текст документа опубликован в СЗ РФ 22.06.2009, № 25, ст. 3052 / [Электронный ресурс]: СПС «Консультант плюс»: версия проф. Режим доступа постоянный.

и проведение государственной экспертизы проектной документации объектов капитального строительства, являющихся объектами культурного наследия федерального значения осуществляет Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору.[27]

К числу органов государственной власти субъекта Российской Федерации относятся в первую очередь органы, осуществляющие государственное управление охраной объектов культурного наследия и контроль в данной сфере. Управление объектами культурного наследия, находящимися в собственности субъектов Российской Федерации осуществляют соответствующие органы государственной власти субъекта. К числу поднадзорных прокурору органов в рассматриваемых отношениях можно отнести органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих управление в области бюджетных, градостроительных и земельных отношений в части исполнения ими законодательства об охране объектов культурного наследия.

К предмету прокурорского надзора за исполнение законодательства об охране объектов культурного наследия органами местного самоуправления и их должностными лицами относятся правовые акты и действия указанных органов и лиц по осуществлению своих полномочий по вопросам местного значения, связанных с сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности поселения, охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории поселения, по распоряжению имуществом, находящимся в муниципальной собственности, а также по решению вопросов связанных с земельными, градостроительными отношениями и благоустройством.

В настоящее время коммерческие и некоммерческие организации обладают на различных правах объектами культурного наследия. Кроме того на земельных участках, расположенных на землях историко-культурного назначения или в границах зон охраны объектов культурного наследия активно ведется хозяйственная деятельность различными субъектами. Если следовать буквальному толкованию пункта 1 статьи 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», то прокурор вправе осуществлять надзор за исполнением законов органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций. Однако, согласно пункту 2 того же закона, органы прокуратуры при осуществлении надзора не подменяют иные государственные органы. На практике часто получается, что органы, осуществляющие государственный контроль в сфере охраны объектов культурного наследия, не исполняют в силу ряда причин свои обязанности.

При проведении в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2014 году анкетирования работников прокуратур (прокуроров городов и районов, заместителей прокуроров городов и районо, помощников прокуроров городов и районов, общее количество 397 человек) многие респонденты связали низкий уровень состояния законности в сфере охраны объектов культурного наследия с бездействием и неадекватностью мер принимаемых органами государственного контроля (41 %). Поэтому на практике часто случается ситуация когда именно органы прокуратуры выявляли нарушения законодательства об охране объектов культурного наследия различными организациями, что может быть основанием для применения мер прокурорского реагирования в отношении органов государственного контроля. Указанная ситуация была обусловлена недостаточной степенью правого регулирования деятельности органов государственного контроля в рассматриваемой сфере общественных отношений.

На сегодняшний день существенные изменения были внесены в Федеральный закон «Об охране объектов культурного наследия» Федеральным законом от 22.10.2014 № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Основные положения нового закона вступают в силу с 22 января 2015 года.

Из содержания государственной охраны объектов культурного наследия изъят контроль за их сохранением и использованием (статья 6 редакции Федерального закона от 22. 10. 2014 № 315). Но при этом новую редакцию получила статья 11, в которой вместо государственного контроля в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия вводиться государственный надзор за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия. В прежней редакции статьи 11 деятельность государственного контроля в рассматриваемой сфере регулировалась соответствующим Постановлением Правительства Российской Федерации. В новой редакции закона раскрывается содержание предмета государственного надзора в области охраны объектов культурного наследия и устанавливаются полномочия должностных лиц, осуществляющих данный надзор. Указанное изменение отражает общую тенденцию наделения широкими полномочиями государственных надзорных органов Российской Федерации последнее время (можно сравнить соответствующие изменения в Земельном кодексе в части земельного надзора, Федеральном законе «Об охране окружающей среды» в части экологического надзора и т.д.). С принятием указанных изменений, направленных на расширение полномочий органов государственного надзора за охраной объектов культурного наследия, может быть снижена нагрузка на органы прокуратуры в части осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в рассматриваемой сфере. Теперь органы прокуратуры могут в большей степени сосредоточить свои усилия на надзоре за соблюдением прав человека на доступ к объектам культурного наследия, исполнением законов об охране объектов культурного наследия органами, организациями и должностными лицами поднадзорными органам прокуратуры, в том числе, органами государственного надзора за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия, а также соответствием законам правовых актов, издаваемых в рассматриваемой сфере поднадзорными органам прокуратуры субъектами.

27. Положением об осуществлении государственного строительного надзора в Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства РФ «О государственном строительном надзоре в Российской Федерации» от 01.02.2006 № 54 (ред. от 29.04.2014) // Первоначальный текст документа опубликован в СЗ РФ 13.02.2006, № 7, ст. 774. / [Электронный ресурс]: СПС «Консультант плюс»: версия проф. Режим доступа постоянный.

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ КОНТРОЛЯ И ЗАПИСИ ПЕРЕГОВОРОВ — КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ С ПРОСЛУШИВАНИЕМ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ — КАК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Миленин Ю.Н.,
кандидат юридических наук, старший преподаватель,
кафедра уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Ключевые слова: контроль и запись переговоров, прослушивание телефонных переговоров, следственное действие, оперативно-розыскное мероприятие, порядок производства
Key words: control and record of negotiations, listening of telephone negotiations, inquisitional action, operatively-search event, order of production

Аннотация. В связи с тем, что ученые продолжают спорить о соотношении контроля и записи переговоров, как следственного действия, с прослушиванием телефонных переговоров, как оперативно-розыскного мероприятия, в настоящей статье автором анализируется соотношение данных понятий.

In connection with that scientists continue to argue about correlation of control and record of negotiations, as an inquisitional action, with listening of telephone negotiations, as an operatively-search event, in the real article an author is analyse correlation of these concepts.

Статья 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту Закон об ОРД) определяет перечень оперативно-розыскных мероприятий, в числе которых есть и такое, как прослушивание телефонных переговоров. С принятием уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту УПК РФ) в юридической литературе все чаще ведутся споры о статусе контроля и записи телефонных и иных переговоров в уголовном процессе. Это обусловлено тем, что прослушивание телефонных переговоров может производиться как при производстве оперативно-розыскной деятельности, так и при производстве следственных действий. Так, Е.В. Пугачев, указывая на соотношение результатов прослушивания телефонных и иных переговоров с оперативно-розыскной деятельностью, пишет: «Хотя законодатель не назвал данное следственное действие аналогично с ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров, однако они совпадают по своей сути и содержанию, кроме того, они проводятся теми же оперативно-техническими подразделениями правоохранительных органов – и процедуры осуществления следственного действия и ОРМ совпадают».

Основанием выделения в отдельное следственное действие контроля и записи телефонных и иных переговоров послужило внесение дополнения в 1990 г. в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик ст.35-1 «Прослушивание телефонных и иных переговоров». Указанное дополнение, введенное еще в то, нелегкое для страны время, вызвало среди ученых-процессуалистов разногласия, в связи с чем мнения разделились.

Так, одни авторы рассматривают прослушивание телефонных переговоров как оперативное действие: И.Л. Петрухин относит природу прослушивания телефонных переговоров к оперативной деятельности []; С.А. Шейфер возражает против облечения негласной звукозаписи телефонных переговоров в процессуальную форму, поскольку это не соответствует познавательному и процессуальному критериям, которым должно удовлетворять каждое следственное действие.

Другая группа авторов высказывается в пользу прослушивания телефонных переговоров как следственного действия. Л.М. Карнеева указывает на процессуальную меру, регламентированную законодателем как следственное действие, несмотря на ее очевидный негласный характер []. А.А. Давлетов пишет, что прослушиванию переговоров придан режим следственного действия. Л.Л. Каневский также считает, что прослушивание телефонных переговоров должно быть регламентировано как следственное действие.

Соглашаясь с юристами, высказывающимися за прослушивание телефонных переговоров в качестве следственного действия, следует отметить, что уголовно-процессуальный закон относит к нему лишь те из процессуальных действий, которые непосредственно направлены на обнаружение, закрепление, проверку и исследование доказательств в установленном порядке. Существуют общие правила, предусмотренные законом, для всех следственных действий (ст.164 УПК РФ).

Следственные действия (в большинстве своем) производятся после возбуждения уголовного дела, что является процессуальной гарантией защиты граждан от необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Исключением является осмотр места происшествия (ч.2 ст.176 УПК РФ).

Каждое следственное действие требует наличия фактических и правовых оснований для его производства. Фактическими основаниями являются конкретные данные, обуславливающие необходимость производства того или иного следственного действия. Некоторые из следственных действий требуют не просто наличия каких-то конкретных данных, а определенной совокупности, устанавливающей наличие предусмотренных законом обязательных условий. Относительно прослушивания закон подчеркивает необходимость достаточных оснований полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Решение о проведении следственных действий принимается следователем самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение разрешения суда. К числу таковых относятся: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; производство обыска и (или) выемки в жилище; производство

выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; производство личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных статьей 93 УПК РФ; производство выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; наложение ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящихся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; контроль и запись телефонных и иных переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч.1 ст.165 УПК РФ).

Формулируя в п. 14.1 ст. 5 УПК РФ определение контроля телефонных и иных переговоров законодателем в качестве основных признаков указаны осмотр и прослушивание фонограмм. Соглашаясь с мнением Крашенинникова С.В., следует отметить, что «данные признаки не являются существенными, поскольку сам контроль заключается в прослушивании и записи переговоров органами, которым поручается техническое осуществление контроля и записи. Осмотр же и прослушивание фонограмм является неотъемлемой частью процессуального оформления следственного действия. К существенным следует относить такие признаки, которые позволят разграничить определяемое понятие от смежных и будут отражать его общность с другими понятиями уголовно-процессуального права».

В ст.164 УПК РФ предусматривается возможность применения в следственных действиях различных технических средств, в том числе звукозаписи. При прослушивании телефонных переговоров также применяется звукозапись.

Е.В. Пугачев, указывая на «ненужность» прослушивания телефонных и иных переговоров, пишет: «Следователь, не зная, как обеспечить тайну проведения данного следственного действия, в порядке ст.38 УПК РФ дает поручение оперативному подразделению на проведение соответствующего оперативно-розыскного мероприятия, а затем решает вопрос о приобщении результатов ОРМ к уголовному делу путем рассекречивания полученных данных». Продолжая критиковать данное следственное действие, он обозначает следующие недостатки: «… фактические сведения, полученные в ходе проведения следственного действия – контроль и запись переговоров, и оперативно-розыскные сведения, полученные в ходе ОРМ – прослушивание телефонных переговоров, и приобщенные к материалам уголовного дела, имеют равнозначное положение при использовании их в уголовно-процессуальном доказывании. …Результаты вышеуказанного следственного действия должны приобщаться к уголовному делу только в тот момент, когда необходимость в его проведении отпала и вынесено соответствующее постановление следователя, иначе проведение данного мероприятия теряет всякий смысл. …Следует также сказать, что следственное действие – контроль и запись переговоров подразумевает под собой контроль и запись не только телефонных, но и иных переговоров. Однако на практике реализовать его на данный момент практически невозможно. …В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством оперативное подразделение, участвующее в реализации контроля и записи переговоров, при передаче результатов следователю должно указать краткие характеристики использованных при этом технических средств, которые в большинстве случаев составляют государственную тайну».

Интересным представляется решение автором последнего недостатка, указанного выше. Так, Е.В. Пугачев считает, что «достаточно предоставить право эксперту обратиться с запросом в соответствующее оперативное подразделение, выполняющее следственное действие – контроль и запись переговоров или оперативно-розыскное мероприятие – прослушивание телефонных переговоров, о предоставлении технических характеристик специальной техники, с помощью которой осуществляется указанное следственное действие и ОРМ с приложением копии постановления следователя о назначении указанной судебной экспертизы».

Сравнивая результаты прослушивания телефонных переговоров и контроля и записи телефонных и иных переговоров, Е.В. Пугачев считает, что они отличаются только тем, что указанное следственное действие проводится на основании постановления следователя и только после возбуждения уголовного дела, а оперативно-розыскное мероприятие можно проводить и до возбуждения уголовного дела на основании задания, утвержденного начальником органа дознания.

Говоря о преимуществе осуществления оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» перед следственным действием «контроль и запись телефонных переговоров» Батурин С.С. отмечает то, что «при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия сторона защиты не сможет затребовать материалы, полученные в результате этого мероприятия, так как не будет знать о факте его проведения».

Хотя ученые-теоретики и продолжают свои споры по поводу соотношения указанных категорий, на практике дело обстоит иначе. Закон об ОРД и УПК РФ четко определили критерии производства прослушивания телефонных переговоров и контроля и записи телефонных и иных переговоров, в связи с чем на практике, как таковых, проблем в разграничении данных институтов не возникает. Если существует необходимость прослушивания телефонных переговоров до возбуждения уголовного дела, то необходимо руководствоваться Законом об ОРД, а если после возбуждения уголовного дела, то УПК РФ.

Соглашаясь с тем, что следственное действие - контроль и запись переговоров частично схоже с оперативно-розыскным мероприятием - прослушивание телефонных переговоров, необходимо отметить, что данное следственное действие «не случайно» выделено законодателем в отдельную статью уголовно-процессуального кодекса РФ (ст.168). В поддержку данного положения выступают ученые-процессуалисты, которые указывают на отличительные черты обозначенных выше мероприятий: «процедура принятия решения о контроле и записи переговоров предусмотрена уголовно-процессуальным законом, является достаточно детальной, что выступает дополнительной гарантией обо-

снованности принимаемого решения; инициатива контроля и записи переговоров как следственного действия исходит от должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу; должностное лицо, принявшее решение о возбуждении перед судом ходатайства о разрешении контроля и записи переговоров, имеет возможность влиять на продолжительность собственно контроля и записи; допустимость результатов контроля и записи переговоров как следственного действия определяется действиями следователя, в то время как для оперативно-розыскного мероприятия необходимым условием является правильное вовлечение его результатов в сферу уголовно-процессуального доказывания».

Конечно же, разница в производстве данных действий незначительна, однако с точки зрения законодательной техники такое разделение видится вполне обоснованным и оправдывающим себя.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

Соловьев О.Г.,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и криминологии,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Ключевые слова: уголовное право, законодательная техника, приемы, абстрактный, казуистичный, диспозиция, простая, описательная, отсылочная, бланкетная, примечание, дефиниция
Key words: criminal law, legislative technique, methods, abstract, casuistic, disposition, simple, descriptive, referential, blanket, note, definition

Аннотация. В статье исследуются приемы юридической техники в законотворческой практике, рассматриваются абстрактный, казуистический и смешанный приемы, их значение для конструирования норм уголовного закона. Автор анализирует особенности построение простых, описательных, отсылочных и бланкетных диспозиций, примечаний и дефиниций в УК РФ.

In article methods of legal technique in legislative practice are investigated, the abstract, casuistic and mixed receptions, their value for designing of standards of the criminal law are considered. The author analyzes features creation of simple, descriptive, referential and blanket dispositions, notes and definitions in the criminal code of Russian Federation.

Несомненно, что особое место в ряд у элементов, составляющих содержание законодательной техники, занимают приёмы (способы, методы). Заметим, что в правовой литературе приёмы часто смешиваются с правилами и, наоборот[1]. На наш взгляд, говорить о правилах применительно к законодательной технике мы можем в тех случаях, когда какое-либо положение, устанавливающее определённый порядок работы с законодательным материалом, становится обязательным либо в силу общепринятого обычая, либо в силу нормативного установления. Следовательно, можно говорить о перерастании того или иного технического приёма в правило тогда, когда, например, приём единой сквозной нумерации статей в кодифицированном законодательстве и унифицированного деления статей на части и пункты будет закреплён в соответствующем нормативном акте. Не случайно в ст. 1 проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» говорится об «установлении … правил законодательной техники»[2].

Приёмы законодательной техники, используемые при юридическом изложении и закреплении воли законодателя выражают особенности юридико-словесного построения законодательного акта. Они в определённой степени касаются и внешней документальной формы закона, но в первую очередь «… способствуют полному, точному, экономному, «строго юридическому» изложению содержания нормативных предписаний»[3]. В этом смысле большинство авторов, относящих приёмы к элементам законодательной техники, подразделяют такие приёмы на две группы в зависимости от: 1) степени обобщения конкретных показателей нормы; 2) способа изложения элементов нормы[4]. В первую группу включают два приёма – абстрактный и казуистический, во вторую три – прямой (простой и описательный), отсылочный (ссылочный), бланкетный. Полагаем, что к основным (стратегическим) элементам конструирования норм уголовного права необходимо отнести и такие приемы как примечание и дефиниция.

Отметим, что в юридической литературе выделяют и иные приёмы законодательной техники. Так, В.К. Бабаев к приёмам законодательной техники дополнительно относит: конституционные поправки, классификацию (приём, который состоит в подразделении юридических явлений на группы, виды, разделы), а также примечание в нормативном правовом акте как особый приём, представляющий элемент вспомогательной графики4. С.С. Алексеев указывает на приёмы, касающиеся документального выражения содержания нормативных актов: приёмы законодательной стилистики, общего делопроизводства, информационной техники и т.д.[5]

К примеру, во внутренней законодательной технике можно вычленить и такой прием, как законодательная конкретизация уголовно-правового значения обстоятельств дела. Так, в ст. 62 УК РФ, в сравнении с УК РСФСР, формализовано значение отдельных смягчающих обстоятельств. Уточнение непосредственно в уголовном законе (ч. 1 ст. 62 УК РФ) силы влияния явки с повинной, активного способствования раскрытию преступления и т.п. обстоятельств на наказание («срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания») стало гарантией реального учета деятельного раскаяния при избрании судом меры уголовно-правового воздействия. Нетрудно заметить, что данный прием выступает одним из элементов обеспечения справедливости при выборе средств уголовно-правового воздействия. Тем не менее, последние отмеченные приемы необходимо считать вспомогательными, второстепенными.

Переходя к оценке основных приемов, отметим, что абстрактный и казуистический приемы различаются тем, что первый - подразумевает обобщающую формулировку (с помощью родовых признаков), а второй связан с детальным изложением норм при помощи индивидуальных (конкретных) признаков. И тот и другой имеют как преимущества, так и недостатки. Так, абстрактный прием позволяет кратко и сжато изложить соответствующие правовые нормы, уменьшить объем нормативного акта, что обеспечивает гибкость и подвижность закона; в то же время он связан с опасностью субъективного истолкования

1. См., например: Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 11 и далее.
2. См.: Проект Федерального закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации // http://arbitr.spb.ru/cgi-bin/docbigview.plst-138.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций в 2-х томах. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 148.
4. См., например: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства: В схемах и определениях. М., 2000. С. 85; Алексеев С.С. Указ. соч. 148–149.
5. См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 155.

предписаний, искажения смысла закона. Казуистические предписания не всегда позволяют охватить все возможные ситуации, на которые рассчитаны соответствующие предписания.

В этой связи следует согласиться с мнением М.И. Ковалева о том, что прием казуистического описания диспозиций свидетельствует исключительно о недостаточной юридической культуре, а отечественное законодательство всегда пользовалось и пользуется способом абстрактного (обобщающего) описания диспозиций, потому что этот способ имеет бесспорные преимущества перед казуистическим[6]. Излишние казуистические формулировки отдельных предписаний УК РФ (например, ст. 1411, 1421, 1855, примечание 1 к ст. 228 и др.), являются неоправданными и не отвечающими требованиям техники построения уголовно-правовых предписаний. Вместе с тем следует учитывать негативные моменты присущие излишне абстрактным формулировкам, которые обусловлены чрезмерной обобщенностью, неконкретностью и неопределенностью признаков преступления, что затрудняет их правильное понимание, создает предпосылки для поливариантного толкования[7]. По мнению отдельных авторов, диспозиция, по возможности, должна содержать исчерпывающий перечень действий, которые образуют состав преступления, а казуистичность способна даже повысить эффективность нормы[8].

Следовательно, и формальный, и абстрактный методы в отдельности имеют наряду с положительными моментами и определенные изъяны, которые необходимо учитывать при конструировании уголовно-правовой нормы. Искать оптимальный механизм нормативного конструирования в некоторых случаях необходимо на стыке двух отмеченных приемов, в русле использования формально-оценочного приема. По мнению М.И. Ковалева норма уголовного права только тогда является полной, когда в ней правильно сочетаются элементы формализма и оценки[9]. П.И. Люблинский называл формально-оценочный прием наиболее конструктивным, определяющим все существенные признаки преступления[10]. В современной теории уголовного права общепризнанным становится мнение, что развитая юридическая техника должна обеспечить правильное соотношение абстрактного и казуистичного приемов изложения диспозиций.

Конструирование составов преступлений невозможно без использования прямого, бланкетного и ссылочного приемов законодательной техники. Первый из них характеризуется тем, что в нормативном предписании описывается соответствующее правило поведения, признаки которого понятны и интерпретируются без обращения к иным нормативно-правовым актам. Примером конструирования простых диспозиций являются нормы закрепленные в ст. 126, 127, 131 УК РФ и др. Несомненным достоинством данного приема следует признать стабильность соответствующего нормативного предписания, его конкретность и точность.

Ссылочная (или отсылочная) диспозиция характеризуется наличием отсылки к другой статье (части, пункту статьи) уголовного закона. Учитывая многогранность и подвижность общественных отношений в сфере экономической деятельности, очевидно, что бланкетный и отсылочный приемы являются базовыми в регламентации преступных деяний и традиционно рассматриваются как способ экономии нормативного материала.

Отсылочный прием используется в УК РФ в нескольких вариантах. Одним из примеров использования отсылок при описании уголовно-правовых запретов традиционно может служить описание квалифицированных составов, когда законодатель применяет формулировки «те же деяния, совершенные …» (ч. 2 ст. 175 УК РФ) либо «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные …» (ч. 3 ст. 175 УК РФ). В других случаях отсылка может осуществляться в рамках статьи, например в ч. 1 ст. 1711 УК РФ при перечислении предметов преступления указано «…за исключением продукции, указанной в части третьей настоящей статьи», либо в рамках главы 22 УК РФ, например, в ч. 1 ст. 195, которая, при описании способов банкротства, указывает на исключение «случаев, предусмотренных статьей 1721 настоящего Кодекса».

Третий вариант предусматривает ситуацию, когда ссылочные диспозиции используются с целью компактного изложения существа запрета, когда признаки преступного деяния полностью или хотя бы частично раскрываются с помощью ссылки на другую статью или часть статьи УК РФ (например, Как правило, данный прием чаще всего используется в диспозициях статей Особенной части УК РФ при описании признаков составов преступлений (см., в частности, ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 117 и др.), однако используется он в скрытом виде и в санкциях статей: так, для установления минимального размера штрафа, минимального срока обязательных работ, ограничения свободы и лишения свободы, которые могут быть назначены за т.н. простую кражу, ответственность за которую предусмотрена ч. 1 ст. 158 УК РФ, необходимо обратиться к соответствующим положениям ст. 46, 49, 53, 56 и 88 УК РФ.

Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы характеризуется законодательной отсылкой к другим отраслям права. Такая конструкция статей УК неизбежна и необходима для охвата тех или иных меняющихся по опасности элементов составов преступлений. Значение существования бланкетных диспозиций состоит, во-первых, в экономии законодательного материала в статьях уголовного закона; во-вторых, в обеспечении гибкости и подвижности уголовного. Текст бланкетной диспозиции нормы УК может оставаться стабильным достаточно долго, а содержание меняться в связи с изменением корреспондирующих норм иных отраслей права. Бланкетная диспозиция предполагает не просто интерпретацию и использование закрепленных в ней признаков, но и уяснение и применение положений нормативных актов других отраслей права. Без этого невозможно установить в полном объеме признаки объективной стороны данного состава преступления. Типичными «бланкетными» нормами уго-

6. См.: Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 143.

7. См., например: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 90.

8. См.: Иванов С.А. Преодоление коррупциогенных факторов уголовного закона: понятие и основные методы // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 68.

9. См.: Ковалев М.И. Указ. соч. С. 62 - 63.

10. См.: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного закона // Записки юрид. факультета Петроградского ун-та. Вып. 5. СПб., 1917. С. 23.

ловного закона являются, к примеру, ст. 143, 185, 195, 198, 199, 246, 264 УК РФ и др.

Анализируя конструирование уголовно-правовых норм, отметим, что в ряде случаев приём примечания в уголовном законе не только эффективен, но и выступает самым оптимальным, а порой и единственным, вариантом технико-юридического решения проблемы. Например, специальные виды освобождения от уголовной ответственности целесообразно закреплять именно в примечаниях к статьям Особенной части. В этом случае освобождение от ответственности выступает изъятием из основных положений статьи. Вместе с тем прописано это изъятие должно быть именно в данной статье, поскольку касается исключительно деяний, в ней закреплённых. Используемые в нормах Особенной части примечания располагаются за пределами изложения соответствующей статьи, конкретизируя и дополняя последнюю. Считаем, что специальные виды освобождения от уголовной ответственности, нормы-дефиниции, количественные (стоимостные) показатели целесообразно закреплять именно в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части УК РФ.

Правовые дефиниции - еще один значимый способ организации юридической материи. Правовую дефиницию, являющуюся приемом юридической техники, следует признать составной частью нормы права, существующей в виде нормативно-правового предписания, представляющего собой способ текстуального выражения частей норм права (гипотез, диспозиций). Таким образом, четкое определение понятий, содержащихся в текстах нормативных правовых актов, является необходимым условием их эффективного использования в механизме правового регулирования. Именно благодаря правовым дефинициям нормы права находят свое закрепление в юридических документах, становятся официально действующими предписаниями. Напомним, что дефиниции размещенные в Особенной части УК могут распространять свое действие на: 1) одну статью – примечание 2 к ст. 1271, примечание 1 к ст. 3222, примечание к 359; 2) группу статей – примечание 2 к ст. 2054, примечание к ст. 290; 3) статьи конкретной главы - примечание 3, 4 к ст. 158, примечание 1, 4 к ст. 285; 4) статьи всего кодекса - примечание 1 к ст. 158, примечание 2, 3 к ст. 285, примечание к ст. 318 УК РФ.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭКСТРЕМИЗМА

Сорокин А.И.,
кандидат юридических наук, преподаватель,
кафедра уголовного права, криминологии и психологии,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, понятие, язык права
Key words: extremism, terrorism, the notion of language rights

Аннотация. Поднимается вопрос об отсутствии единого определения понятия «экстремизм» в современном российском законодательстве и о необходимости введения такого определения.

Raises questions about the absence of a common definition of «extremism» in modern Russian legislation and the need to introduce such a definition.

Проблеме экстремизма посвящено значительное количество трудов в самых разных областях науки, однако говорить о выстроенной системе знаний об экстремизме преждевременно. Прежде всего, следует обратить внимание на отсутствие единого правового определения понятия «экстремизм». Как следствие, нет единства в понимании сути данного явления, а в правоприменении - не выработано единого подхода к оценке того или иного деяния как экстремистского.

В современном русском языке экстремизм определяется как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [4. С. 949]. Расплывчатость определения очевидна: «Не совсем ясно какие взгляды следует признавать «крайними», а какие - нет, и кто будет это определять. Под «взглядами» с определенным приближением можно понимать идеологию, идейные убеждения, не всегда связанные с какими-либо практическими, тем более противоправными действиями. А меры, в свою очередь, предусматривают совершение каких-либо конкретных действий, в том числе насильственных, направленных на свержение конституционного строя или дестабилизацию ситуации в стране» [1].

Особая сложность выражается в юридическом осмыслении и законодательном закреплении терминологического определения данного феномена. На сегодняшний день существует несколько законодательно закрепленных трактовок экстремизма. Пунктом 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, ратифицированной Российской Федерацией, экстремизм трактуется как деяние, которое направлено на захват власти или ее удержание насильственными методами, на изменение конституционного строя государства посредством насилия, а равно как насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуется в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством

Законодательное определение экстремизма содержится в статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии

экстремистской деятельности», где само понятие «экстремизм» приравнивается к понятию «экстремистская деятельность» и трактуется как реализация следующих видов деяний:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы);
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Как видим, по сути, следует говорить не об определении понятия «экстремизм», а о перечне деяний, имеющих экстремистскую направленность, являющихся формами проявлениями экстремизма. Но и отдельные деяния, включенные в данный перечень, также требуют детализированного описания. Так, «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» может иметь самые различные проявления и выражаться, например, в призывах к насильственным действиям против лиц определенной национальности, в распространении сведений о якобы незаконных действиях лиц определенной национальности, совершении ими преступлений (краж, грабежей, изнасилований, убийств), в заявлениях об отсталости национальности от цивилизованного развития общества, в заявлениях о присущих национальности отрицательных моральных и физических качествах, в заявлениях о склонности представителей национальности к совершению преступления, в пропаганде исключительности нации посредством распространения идей о якобы особых дарованиях, присущих лицам определенной национальности, в пропаганде исключительности религии посредством распространения идеи о признании ее единственно правильной, тогда как все другие религии являются ложными (поэтому их последователи - ущербные люди) и пр. (см.: [5. С. 783-784]). Необходимость такой детализации проистекает из того, что само деяние определяется посредством оценочных понятий («возбуждение», «рознь», см. также «ненависть», «вражда» в другом пункте), что категорически неприемлемо в тексте юридического документа (подробнее см. [3]).

Как следует из содержания указанных нормативных правовых актов, в них отсутствует четкое определение термина «экстремизм». Российский Закон своей интерпретацией экстремистской деятельности закрепляет перечень однородно-обособленных наказуемых деяний, характеризующих экстремизм, но не раскрывает его сущностной природы, а равно не определяет его основополагающие признаки. На сегодняшний день в юридической науке не выработан единый концептуальный подход к определению экстремизма. Само по себе явление экстремизма может характеризоваться как распространение радикальных идей, догм, доктрин с целью устранить возможность осуществления свободного распространения и обмена идеями; с целью установить собственную идеологию в качестве государственной.

Трудность правоприменения в области противодействия экстремизму обусловливается не только отсутствием единого определения экстремизма в современном правовом дискурсе, неопределенностью и / или оценочностью понятий, используемых при описании деяний экстремистской направленности, но и целым рядом иных факторов, таких, в частности, как разнообразие форм самого экстремизма (политический, этнический, конфессиональный, экономический, социальный, экологический), его частного проявления - национализма (бытовой, личный, инонациональный, институциональный, клерикальный и др. [2]), идеологических установок (крайне левых, крайне правых, сепаратистских, великодержавных и др.), даже типов личности экстремиста (см., например, типы личности экстремиста: идейно-самостоятельный и зависимый («экстремист за компанию») и подтипы: экстремист-хулиган, корыстный экстремист, простой экстремист [6. С. 20-22]).

В связи с вышесказанным представляются справедливыми предложения введения единого, обобщающего для всех видов деяний экстремистской направленности определения. Так, например, Р. М. Узденов вместо закрепления перечня экстремистских деяний с целью решения проблем, связанных с формированием соответствующего понятийного аппарата, предлагает определить экстремизм как «социальное, негативное явление, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний, совершаемых в соответствии с определенной системой взглядов, воззрений, убеждений, возведенных в культ, с целью достижения определенного результата, предусмотренного этой системой взглядов, в какой-либо области общественных отношений, существующий порядок в которой отрицается экстремистами» [6. С. 16-17]. Такое определение дает общее представление о любом деянии экстремистской направленности как противоправном (общественно опасном), выделяет мотив и цель такого деяния. Список же самих деяний, представленных в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», фактически представляет собой отсылку к соответствующим статьям административного и уголовного кодексов. Эффективное правоприменение в области противодействия экстремизму будет возможно только тогда, когда будут даны официальные разъяснения по спорным вопросам правоприменения данных норм, основанные как на анализе имеющейся практики, так и на переосмыслении и корректировке ряда понятий, входящих в диспозиции соответствующих статей закона. Россия - многонациональное государство, в котором национальная и религиозная терпимость, интернационализм - не просто дань традиции, а насущная необходимость. То, что на современном этапе российское общество нуждается в срочном «лечении» от экстремизма, - общепризнанный факт. Однако несовершенство антиэкстремистского законодательства, во многом основанное на неопределенности самого понятия «экстремизм», ведет к ошибкам в правоприменении, что, в свою очередь, порождает неприятие самого противодействия экстремизму частью общества.

Таким образом, необходимо выработать максимально емкое определение понятия «экстремизм», которое полно осветит все грани сущностной природы этого негативного феномена, что даст возможность любому субъекту общественных отношений регулировать свое поведение в соответствии с ним. Дефиниция должна отражать все специфические особенности экстремизма, действовать в рамках национального и международного законодательства по вопросам прав и свобод человека, что не позволит органам государственной власти широко трактовать рассматриваемое понятие и исключит тем самым должностной произвол. Следует учитывать также многообразие сфер жизни, в которые проник экстремизм.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бирюков, В. В. Еще раз об экстремизме [Электронный ресурс] // Адвокат. 2006. № 12. / Справочно-правовая система Консультант Плюс.

2. Джунусов, М. С. Национализм: словарь-справочник. М., 1998. 286 с.

3. Костромичева, М. В. Оценочные понятия в юриди-

ческом тексте: ст. 282 УК РФ // Формирование языковой личности специалиста средствами родного, иностранных и русского языков: сб. материалов межвуз. «круглого стола» / Орел, 2012. С. 46-50.

4. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. ; М., 2008. 960 с.

5. Уголовное право России: учебник: в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. 2: Особенная часть. М., 2005. 944 с.

6. Узденов, Р. М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ СИЛ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Фомичёв А.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра административного права и административной деятельности ОВД,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В.Лукьянова

Ключевые слова: полиция, модель управления полицией, история, системы управления
Key words: police, model of management of police, history, management systems

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты становления и развития органов полиции в Западной Европе в конце XIX — начале XX вв. Различные подходы к организации и функционированию полицейских сил.

The article deals with the historical aspects of the formation and development of the police divisions in Western Europe end of XIX – beginning XX centuries. Different approaches to organization and functioning of police forces.

Организационно-правовые принципы функционирования полицейских сил в Западной Европе в XIX — начале XX вв. обусловливались, с одной стороны влиянием распространенных в обществе демократических идей, с другой - национально-исторической спецификой.

Именно в ту пору окончательно сложились два подхода к полицейской деятельности — “британский” и “континентально-европейский”. В основе их лежало различное толкование объема полномочий полиции. В Великобритании обязанности полиции ограничивались тремя задачами: во-первых, поддержанием порядка; во-вторых, раскрытием преступлений, в-третьих, регулированием уличного движения в городах. Считалось, что эти обязанности взаимосвязаны и образуют единую полицейскую функцию обеспечения общественной безопасности. В Австрии, Германии, Франции, Италии, Испании и других странах европейского континента задачи полиции были гораздо многообразнее. На нее возлагалась еще и задача предотвращения правонарушений, которая трактовалась в самом широком смысле, и поэтому трудно было назвать какую-либо сферу социальной деятельности, которая так или иначе не была бы связана с полицейской превенцией. В Пруссии, например, имелись: ветеринарная, охотничья, пожарная, рыболовная, страховая, строительная полиции и ряд других.

Для Великобритании характерными были общее руководство и контроль за полицией со стороны местных выборных властей. Только Лондон имел королевскую полицию, начальник которой назначался короной, а деятельность определялась и направлялась министром внутренних дел, причем муниципальные инстанции не могли вмешиваться в полицейские дела. Такое положение обусловливалось тем, что Лондон являлся не только местопребыванием монарха, парламента и правительства, но одновременно и общественно-политическим центром империи.

Известный английский государствовед Э. Поррит писал: “На деле столичная полиция является таким же имперским учреждением, как армия или флот. За управление ею отвечает перед парламентом министерство внутренних дел так же, как за управление армией или флотом отвечает военное или морское министерство. В противоположность другим большим городам, столичная полиция не подлежит никакому контролю муниципальной администрации”.

В 1835 г. британский парламент издал Акт о муниципальных корпорациях, согласно которому совет каждого города, имеющего полицейский отряд, должен был создавать на выборной основе наблюдательный комитет, который наделялся правом “издавать инструкции для членов полиции и определять их обязанности”. В развитие указанного акта в 1856 г. был принят закон о региональной полиции. Он предусматривал создание на местах инспекторатов МВД, контролирующих работу полицейских формирований на местах. Если ими признавалось, что последние функционируют удовлетворительно, то соответствующему совету графства ежегодно выплачивалось из имперской казны до половины всех средств, необходимых на соответствующие расходы. Названные акты по существу заложили основу системы управления полицейскими силами Великобритании, действующей по сей день.

Что касается континентальных европейских стран, прежде всего Франции и Германии, пример которых в области организации деятельности полиции во многом стал образцом для многих других государств, то там складывалась иная картина.

Во Французской Республике полиция к началу XX века состояла из двух частей: государственной и муниципальной. Первая, наиболее многочисленная, обслуживала регионы в целом и города, вторая функционировала параллельно с полицейскими учреждениями центрального подчинения лишь в городах, причем общее руководство всеми силами охраны правопорядка, дислоцированными в провинциях, осуществлялось специальными правительственными чиновниками, назначенными распоряжением президента — префектами и комиссарами.

Полицейские функции от имени государства реализовывались собственно полицией МВД и Корпусом жандармов, своеобразной организованной и вооруженной по армейскому образцу структурой, созданной еще Наполеоном I для дополнительного укрепления позиций верховной власти в сфере обеспечения правопорядка. Корпус имел статус компонента вооруженных сил и как таковой действовал под общим ведением президента страны. В повседневности сотрудники жандармерии находились и тройном подчинении: в области охраны общественного порядка — министра внутренних дел, в деле раскрытии и расследования правонарушений — министра юстиции и в отношении прохождения службы, дисциплины и материального обеспечения — военного министра.

В Германии конституция не упоминала о полиции вообще и поэтому там не имелось единообразной национальной системы полицейского устройства. Каждое королевство, герцогство или вольный город решали вопросы организации и управления полицией самостоятельно. Типичным являлось преобладание правительственного

руководства полицейскими формированиями. И лишь в некоторых регионах они находились в ведении муниципальных властей. Так, в Пруссии, Баварии и Саксонии полиция всех крупных городов была подчинена королевскому МВД. В Берлине она действовала под общим управлением прусского министра внутренних дел, а непосредственные руководители, включая полицай-президента, назначались короной.

В 1845 г. в Германской империи, так же как и во Франции была создана жандармерия. Немецкий корпус жандармов в служебной деятельности был подчинен МВД, а снаряжение, материальное обеспечение и вооружение его обеспечивало военное министерство. Жандармские подразделения активно использовались для проведения в жизнь имперского законодательства.

В целом же процесс эволюции полицейских организаций в Западной Европе XIX — начале XX в. проходил в условиях борьбы централистских и децентралистских тенденций в сфере государственного управления на фоне распространения либеральных взглядов на роль полиции в обеспечении правопорядка.

Различные варианты этой эволюции, как и мнения по поводу роли и задач правительства в сфере охраны правопорядка, были обусловлены, на наш взгляд, национальными особенностями природы государственности в Великобритании и континентальных западноевропейских странах. Британская модель сложилась как продукт длительного непрерывного развития древнейших форм общинного самоуправления, а представления о руководстве брали свое начало в средневековых институтах замкнутых социальных групп и сообществ. "Континентальная" западноевропейская государственность образовывалась, напротив, в результате отхода от традиций, под влиянием идей Великой Французской Революции 1789 г., вожди и теоретики которой абсолютизировали роль централизованного государственного управления. Не случайно, что в этой части Европы главная ответственность за состояние правопорядка и деятельность правоохранительного механизма ложилась на национальные, а не региональные власти.

В странах Центральной и Восточной Европы к началу XX века сложилась в основном централизованная модель управления полицией. В Австро-Венгрии, Болгарии, Румынии, Сербии руководство полицейскими силами осуществлялось МВД и правительственными представителями на местах. Влияние муниципальных органов на полицию оставалось весьма слабым. Это можно объяснить стремлением правящих династий максимально упрочить свою власть в условиях многонационального государства (Австро-Венгрия), регионального сепаратизма (Румыния) или явной и постоянной внешней угрозы (Болгария, Сербия).

В азиатских и африканских колониях европейских держав имел место особый подход к организации и управлению полицейскими формированиями. Общее руководство полицией осуществлялось из метрополии, а непосредственное было возложено на глав колониальной администрации. Под ее началом действовали полицейские отряды, комплектуемые из европейцев (главным образом жандармерия) и местных жителей. Причем дислокация последних производилась с учетом принципа "разделяй и властвуй": в Индии, например, полицейские-мусульмане направлялись в области проживания индусов, а полицейские-индусы в города и села, где преобладало мусульманское население. О какой-либо национальной полицеистике не было и речи.

Необходимо, однако, отметить: организация европейцами полиции в колониях способствовала тому, что многие народы, ранее не имевшие собственной государственности, восприняли общую идею, модели управления и правового регулирования, формы и методы деятельности этого правоохранительного института, а впоследствии, став независимыми, воссоздали его, сохранили или установили вновь связи с полициями прежних метрополий, причем многие включились в процесс международного полицейского сотрудничества. Конечно, становление и развитие полиции бывших колоний имело подчас ярко выраженный национальный колорит, зависело от специфических политических, социальных и экономических условий. "Классические" принципы полицейского функционирования серьезно искажались, когда, например, в африканских странах (Нигерия, Сенегал, Чад и др.) руководство полицией передавалось по наследству вождям этнических племен. И тем не менее, можно с уверенностью утверждать: европейские нации выполнили важную цивилизаторскую миссию, приобщив оказавшееся под их влиянием население различных континентов к достижениям в области полицейского дела.

Подчеркнем, что аналогичная заслуга принадлежит и русским, по существу положившим начало возникновению систем обеспечения правопорядка у народов теперешнего "ближнего зарубежья", не имевших до присоединения к России национальной государственности (казахов, киргизов, латышей, эстонцев и др.).

Полицейская система США возникала под влиянием демократических идей Декларации независимости 1776 г. и принципов Конституции 1787 г.

Вместе с тем, она сохранила и некоторые полицейские образования. связанные с англо-саксонскими институтами. В США сложились три уровня государственной власти: федеральный, штатов и местный, причем власти штатов и местные органы изначально пользовались значительной самостоятельностью. В соответствии с данной системой органов власти организовывались полицейские силы. К началу XX в. они включали:

1) Полицейские организации в городах и поселках.

2) Шерифов и возглавляемые ими агентства в графствах.

3) Полицейские формирования штатов.

4) Полицейские организации федерального правительства, входившие в департаменты юстиции, почт, казначейство, министерства внутренних дел, обороны и др.

Полиция США характеризовалась довольно широкой децентрализацией. Федеральная полиция теоретически вообще не имела права вмешиваться в компетенцию местных полицейских сил, и если такое вмешательство осуществлялось, то лишь в ограниченных масштабах. Основываясь на полномочиях, закрепленных за штатами, их полицейские формирования действовали автономно одно от другого и от полиции федерации. В соответствии с таким распределением полномочий каждая полицейская организация функционировала на конкретной территории.

В качестве главной причины того, что в США полиция изначально развивалась как децентрализованная структура, американские исследователи называют желание

избежать угрозы деспотии, которой чревата централизация управления полицейским аппаратом. К примеру, утверждается, что основатели США “стремились не допустить превращения его в репрессивную силу и не сочли нужным закреплять за государством полномочия по наблюдению за публичным порядком. Эту обязанность они возложили на самих жителей деревень, городов и штатов молодой страны”.

Очевидно, что это не в полной мере соответствует действительности. На процесс организационного и правого становления полицейской системы Соединенных Штатов определяющие влияние оказали, конечно, особенности англо-саксонский ментальности, ориентированной на общинное самоуправление. Но, вероятно, существенную роль сыграла и другая причина. Дело в том, что североамериканские колонии издавна служили пристанищем религиозных и политических “диссидентов”, а также лиц с криминальным прошлым. Таким образом, весьма значительная часть населения США изначально имела негативный опыт общения с органами правопорядка и относилась к ним враждебно. Иммигранты предпочитали защищать свою жизнь и имущество самостоятельно, без помощи полиции или при содействии избираемых из своей же среды шерифов. Им было гораздо удобнее иметь дело не с государственной, а местной полицией. Естественно, что подобные взгляды отразились на организации полицейских сил США и их правовом статусе. Примечательно, что органы полиции центрального подчинения, например ФБР, появились в этой стране лишь в начале XX столетия.

В XX в. две основные модели — демократическая и авторитарная — окончательно кристаллизовались и получили наиболее полное воплощение в организации деятельности зарубежных полицейских систем.

ОРГАНЫ ВЧК В СИСТЕМЕ АППАРАТА ПРИНУЖДЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ, ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ

Шаталов Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Хакасский государственный университет им.Н.Ф. Катанова,
Дубровский О.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тувинский государственный университет

Ключевые слова: ВЧК, чрезвычайные комиссии, органы принуждения
Key words: Cheka, Extraordinary Commission, organs of coercion

Аннотация. В статье исследуется организационно-правовые основы деятельности, правовая природа, статус чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией в системе органов государственной власти РСФСР. В ней предложен авторский подход к определению понятия, задач, функций органов ВЧК.

The article examines the organizational and legal basis, the legal nature, status of the Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution in the public authorities of the RSFSR. In it the authors approach to the definition, objectives, functions of the Cheka.

В современной науке нет единого мнения об организационно-функциональной сущности ВЧК и её органов. Среди ученых ведутся активные научные диспуты на этой почве. В связи с чем, исследуемые органы характеризуются с использованием различных понятий и терминов; «карательные», «репрессивные» и даже «карательно-репрессивные»[1]. Также существует мнение о том, что ЧК – это, прежде всего карательные органы, так как их деятельность связана с массовыми политическими репрессиями. С этим утверждением сложно не согласиться[2]. Причём такое положение имеет под собой юридическую основу. Согласно принятому в 1918 г. президиумом ВЦИК постановлению по поводу опубликования ВЧК статьи «Нельзя миндальничать», в период вооруженной борьбы рабоче-крестьянское государство не собиралось отказываться от репрессивных мер[3]. Тем более, что ВЧК не отрицала карательного начала в деятельности её местных органов. 8 января 1921 г. ВЧК был издан приказ «О карательной политике органов ЧК», где в самом названии нормативного акта подчеркивалась репрессивная сентенция используемых комиссиями методов реализации государственных функций[4]. Меры уголовного принуждения, применявшиеся ЧК во внесудебном порядке, привели к террору против общества в целом, подтверждением чему служат архивные документы[5]. Однако указанные научные точки зрения не совсем полно отражают организационные и нормативно-правовые основы деятельности ЧК. Не стоит забывать о том, что они учреждались не только как квазисудебные органы, но и как оперативно-розыскные. Комиссии осуществляли охрану интересов Советской власти путем предупреждения, пресечения и выявления преступлений. В соответствии с оперативно-информационными ориентировками ВЧК «Об обнаружении и установления негласного надзора», её органами на местах систематически проводилась работа по поимке подозреваемых, обвиняемых в антисоветских, общеуголовных преступлениях, находившихся во всероссийском розыске[6].

Под большим вопросом стоит возможность использования таких современных юридических понятий как «правоохранительные органы»[7] или «чрезвычайные правоохранительные органы»[8], которые используется учеными в их исследованиях. При этом в них недостаточно полно аргументируется состоятельность используемой правовой терминологии.

Дело в том, что под юридическим термином «правоохранительный орган» понимается государственный орган, основной функцией которого является охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, борьба с преступностью[9]. Исходя из этимологии указанного термина, достаточно сложно говорить о наличии каких-либо правовых институтов, правовой системе в целом, защите прав и свобод человека органами ЧК. Тем более что в государстве приоритет был отдан не правовым нормам, а

1. Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века.: дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1997. – С. 319; Рассказов Л.П. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества (1917-1941 гг.): дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1994; Гринберг М.С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право. – 1993. – № 1. – С. 65; Швеков Г.В. Первый Советский Уголовный кодекс. – М., 1970. – С. 18.

2. Боева Л.А. Деятельность ВЧК-ОГПУ по контролю за лояльностью граждан политическому режиму (1921-1924 гг.): дис. … канд. истор. наук. – М., 2002. – С. 138; Мардамшин Р.Р. История Башкирской ЧК 1917-1922 гг.: дис. … канд. истор. наук. – Уфа, 1995. – С. 50 – 61; Рожнева Ж.А. Политические судебные процессы в западной Сибири в 1920-1930 – е гг.: автореф. дис. … канд. истор. наук. – Томск, 2003. – С. 14.

3. Декреты советской власти. Т. 3. – М., 1964. – С. 451

4. См.: Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 1999. - № 2. – С. 61.

5. См.: Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. – 1999. – № 5. – С. 72.

6. Архивный отдел Администрации города Ачинска Красноярского края (АОАГАКК). Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 21. Л. 202, 232; Д. 62. Л. 1 – 23.

7. См.: Кобзов В.С. Семенов А.И. Правоохранительные органы Урала в годы гражданской войны. – Челябинск, 2002. – С.66.

8. См.: Угроватов А.П. НЭП и законность (1921-1929 гг.). – Новосибирск, 1997. – С. 34.

9. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М., 1998. – С. 526.

правовым обычаям и революционному правосознанию[10].

VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов еще 8 ноября 1918 г. принял постановление «О точном соблюдении законов», по которому органам ЧК предоставлялись полномочия по отступлению от предписаний нормативно-правовых актов в борьбе с контрреволюционными преступлениями[11].. Нормативные акты, прежде чем вступить в силу, в обязательном порядке подлежали согласованию с представителями и руководящим составом ВЧК и её органов, для недопущения ограничения оперативно-служебной деятельности последних рамками права[12]. Отметим, что общероссийские декреты, регламентировавшие деятельность ЧК не предусматривали задач по охране права. Советский законодатель никогда не оперировал термином «правоохранительный орган». При этом анализ общегосударственных нормативных актов, принятых в период организации ЧК, позволяет сделать вывод о том, что сущность этих органов заключалась в охране советской власти путем осуществления функций по обеспечению революционной дисциплины - строгое повиновение всех советских граждан, госслужащих революционному порядку и правилам, установленным государством и его полномочными органами. Первые юридические акты - декрет «Социалистическое отечество в опасности», принятый 21 февраля 1918 г., и постановление СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. конкретизировали компетенцию ЧК в этой области[13].

В подтверждение вышеуказанного также следует отметить, что лица, нарушавшие революционную дисциплину приговаривались ЧК к лишению свободы, что следует подчеркнуть особо, «со строгой изоляцией» - усиленный режим содержания заключенных в концлагерях[14]. В изоляции лиц, совершивших контрреволюционные уголовно-наказуемые деяния, также прослеживается охранная сущность этих мер. Дело в том, что заключенных (закрепленных за ЧК), не представлявших опасность для республики Советов и не совершавших преступлений против Советской власти, не изолировали столь строго, а перевоспитывали и порой даже отпускали на поруки[15].

Сотрудники ЧК не отрицали того факта, что их органы исполняли функции охраны. Так, на I конференции ВЧК Председатель Камышинской уездной ЧК заявил: «Нам говорят, что это «охранка». Да, это охранка, направленная против контрреволюции, есть охрана Советской власти»[16]. При этом подчеркнем, что сотрудник проводил аналогию между деятельностью охранных отделений МВД Российской империи и советскими органами ЧК. В этой связи некоторые ученые справедливо отмечают, что ЧК стали полноправными преемницами имперских сыскных органов[17]. Однако следует сказать о том, что предмет деятельности органов ВЧК был гораздо шире. В соответствии с декретом «О спекуляции» от 22 июля 1918 г., последние также были обязаны организовать работу по борьбе с экономическими преступлениями, в том числе пресекать и предупреждать скупку товаров потребления по завышенным ценам[18], незаконную торговлю драгоценными металлами, ценными бумагами, иностранной валютой, а также подделку денежных знаков – «экономическая контрреволюция»[19].

Органы ВЧК осуществляли уголовное преследование по делам о должностных преступлениях. С постепенным развитием товарно-денежных отношений взяточничество буквально захлестнуло государственный аппарат[20]. В

10. Положения о недопустимости ограничения процесса борьбы с контрреволюционерами нашли свое отражение во многих периодических изданиях первых лет советской власти. В частности, такого рода высказывания содержатся в работах Г.В. Плеханова, П. Стучки, В.И. Ленина, А.О. Сольца, Я.Х. Петерса, В.В. Фомина, А.Г. Гойхбарга. Все они единогласно указывали, что необходимо стоять не на почве законности, а на почве революции и что вопрос о правовом регулировании ЧК – главного органа в процессе политической борьбы – абсолютно не уместен и нецелесообразен. Известия ВЦИК. – 1918. – 23 октября; Еженедельник ЧК. – 1918. – № 3; Второй съезд РСДРП. Протоколы. – М., 1903. – С. 182; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. – С. 504; Правда. – 1917. – 24 мая; Известия ВЦИК. – 1924. – 24 ноября; Гойхбарг А.Г. Пролетариат и право. Сборник статей. – М., 1919. – С. 12.

11. СУ РСФСР. – 1918. – № 90. – Ст. 908.

12. См.: Рассказов Л.П. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества (1917-1941 гг.): дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1994. – С. 93; Портнов В.П. Становление аппарата борьбы с преступностью в РСФСР: автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 1973. – С. 8, 17; Смыкалин А.С. Пенитенциарная система советской России 1917 – нач. 1960-х гг.: дис. … докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – С. 52; Исаев И.А. Революционная психология и революционная законность // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 146 – 148.

13. Известия ВЦИК. – 1918. – 23 февраля.

14. Приказ ВЧК «По лагерям принудительных работ подведомственных ВЧК» от 3 марта 1920 г. // Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р. 188. Оп. 1. Д. 1. Л. 183; Гусев Л.Н. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917-1954 гг. Сборник документов. – М., 1955. – С. 58.

15. По мнению таких ученых, как И.Л. Авербах А.П. Печников В.М. Курицын А.С. Смыкалин М.В. Рубинов Е.М. Гиляров В.М. Исаков А.Ю. Данилов., в лагерях ЧК, как и в общих местах заключения, задачи уголовно-исполнительной политики преследуют цель: с помощью общественно-полезного труда и культурно-воспитательной работы перевоспитать противников советской власти. Авербах И.Л. От преступления к труду. – М., 1936. – С. VI; Печников А.П. Становление организационно-правовых форм исправления и перевоспитания осужденных в исправительно-трудовых учреждениях РСФСР (октябрь 1917-1925 гг.): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1991. – С. 18 – 19; Курицын В.М. Советское государство и право в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918-1920 гг.). – М., 1960. – С. 56; Исаков В.М. Правовое регулирование и организация трудовой занятости осужденных в исправительных учреждениях советского государства (1917-1990 гг.): дисс. … докт. юрид. наук. – М., 2000. – С. 58; Гиляров Е.М. Становление и развитие исправительно-трудовых учреждений РСФСР в первые годы советской власти (1917-1925 гг.): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1986. – С. 17; Рубинов М.В. Становление и развитие советской пенитенциарной системы 1918-1934: дис. … канд. истор. наук. – Пермь, 2000. – С. 78; Данилов А.Ю. Местные ЧК в 1918-1922 гг. (На материалах Ярославской и Рыбинской губерний): дис. … канд. истор. наук. – Ярославль, 1999. – С. 222; Смыкалин. А.С. Пенитенциарная система советской России 1917-нач. 1960-х гг.: дис. … докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – С. 73; Приказ ВЧК от 8 января 1921 г. // АОАГАКК. Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

16. См.: Еженедельник ЧК. – 1918. – № 4. – С. 24.

17. См.: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. – М., 1994. – С. 491; Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 г. – М., 1997. – С. 249; Еженедельник ЧК. – 1918. – № 4. – С. 24.

18. СУ РСФСР. – 1918. – № 54. – Ст. 605.

19. См.: ВЧК и начало НЭПа // Свободная мысль. – 2000. – № 4. – С. 122 – 123; Говоров И.В. Советское государство и преступный мир (1920-е-1940-е гг.) // Вопросы истории. – 2003. – № 11. – С. 144; Ходяков М. Сомнительные деньги. Фальшивомонетчики в годы революции и гражданской войны // Родина. – 2003. – № 7. – С. 72 – 73; Павлов А.Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. – 2004. – № 10. – С. 137; Мозохин О.Б. ВЧК-ГПУ. На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. – М., 2004. – С. 1 – 10.

20. См.: Куракин А.В. Предупреждение и пресечение коррупции в период формирования и функционирования административно-командной системы (1917-1991 годы) // Следователь. – 2003. – № 3. – С. 26.

связи с чем ЧК в соответствии с декретами СНК «О борьбе со взяточничеством» от 8 мая 1918 г. и «О борьбе со спекуляцией, хищениями, подлогами и другими злоупотреблениями по должности» от 21 октября 1919 г., а также «О борьбе со взяточничеством» от 16 августа 1921 г. были предоставлены полномочия по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий, проведению следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершенных должностными лицами[21]. Для предупреждения, пресечения, выявления преступлений ЧК учреждали собственные оперативно-розыскные подразделения. Осведомители ЧК имелись в жилых кварталах, на транспорте, в военных учреждениях, в общественных и увеселительных местах, учебных заведениях, в селах и деревнях, даже в местах лишения свободы[22].

Для обеспечения ЧК революционной дисциплины в условиях действия особых правовых режимов ВЦИК принял постановление «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20 июня 1919 г. В соответствии с постановлением особые отделы, губчека, уездные ЧК должны были осуществлять уголовное преследование за организацию поджогов и взрывов, бандитизм (участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей), пособничество им, укрывательство, разбой и вооруженный грабеж, торговля кокаином[23]. Укажем при этом, что органы ЧК наделялись достаточно широкими полномочиями для расследования наиболее опасных общеуголовных преступлений[24].

Для охраны государственных интересов в условиях войны и военного положения органы ЧК совместным постановлением ВЦИК и СТО от 28 мая 1920 г. и положением ВЦИК «О местностях, объявленных на военном положении» от 13 августа 1920 г. наделялись полномочиями военных ревтрибуналов, с непосредственным правом применения смертной казни. Органам ВЧК также были предоставлены полномочия по охране интересов республики Советов в сфере её обороноспособности. Особые отделы производили оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия по уголовным делам о взрывах, поджогах, шпионаже, спекуляции военным имуществом, преступной халатности при проведении охраны военных складов, и т.д.[25]

Декреты обязывали комиссии оперативно пресекать любые попытки покушения на интересы Советской власти, абсолютно неважно, в какой сфере административного управления: оборонной, политической, экономической и т.д.. При этом ни в одном нормативно-правовом акте советского государства не говорится об обеспечении законности и соблюдении прав и свобод человека. Задача по обеспечению прав и свобод человека в период гражданской войны не имела статуса общегосударственной. В государстве допускалась эксплуатация, ликвидация представителей общественно-социальных классов, относящихся к «буржуазии»[26]. Поэтому главной целью оперативно-розыскной, процессуальной и внесудебной деятельности ЧК являлась охрана республики Советов. В связи с этим, достаточно трудно согласиться с точкой зрения ученых, которые полагают, что ЧК являлись правоохранительными органами. Наиболее корректным термином на наш взгляд здесь будет «охранительно-репрессивный». При этом под охранительно-репрессивной деятельностью ЧК нами понимается система организационно-административных (полицейских), юридических мер, обеспечивавших революционную дисциплину и охрану республики Советов. Целесообразность применения такой терминологии обусловлена тем, что реализуемая ЧК деятельность была ориентирована на достижение следующих целей: «охранительной» - охрана институтов советской власти, путем обеспечения революционной дисциплины, и «репрессивной» - согласно определению означающее карательную меру, наказание[27].

Репрессия – это средство, применяемое органами ЧК для устрашения населения, террора, демонстрации силы принуждения новой власти, ликвидации политической оппозиции, в том числе в форме массовых показательных казней, которые имели место во многих губерниях. При этом заметим, что репрессивные меры ЧК были направлены на решение двух групп задач. Во-первых, прямой – охрана республики Советов. Во-вторых, косвенной – принуждению к исполнению законодательных, партийных актов, нормы которых в военных условиях в большей степени имели императивный характер. В связи с чем, термин «орган принуждения» наиболее полно отражает административную сущность органов ЧК. В широком смысле слова под принуждением принято понимать насильственное воздействие на индивида или группу с целью осуществления ими требуемых действий[28]. В период гражданской войны неисполнение требований административных органов влекло за собой насильственное принуждение по законам военного времени. В.И. Ленин в свою очередь указывал, что без принуждения, существование рабоче-крестьянского государства абсолютно немыслимо[29]. В свою очередь, под системой принуждения подразумевается бинарная структура органов уголовной юстиции, наделенных судебно-следственными (органы НКВД, ревтрибуналы, суды) и

21. Декреты советской власти. Т. 2. – М., 1962. – С. 241 – 242; Т. 6. – М., 1974. – С. 217 – 318; СУ РСФСР. – 1921. – № 60. – Ст. 421.

22. См.: Бычков Л. ВЧК в годы гражданской войны. – М., 1940. – С. 70; Центральный архив ФСБ Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 66. Оп. 1. Д. 36. Л. 12; Дьяченко О.В. Органы государственной безопасности в реализации пенитенциарной политики советского государства (1917-1941 гг.): дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002. – С. 35.

23. СУ РСФСР. – 1919. – № 27. – Ст. 301.

24. См.: Маручек А.А. Становление органов охраны правопорядка РСФСР (1917-1922). – Омск, 1999. – С. 27.

25. Декреты советской власти. Т. 8. – М., 1976. – С. 256; Т. 10. – М., 1980. – С. 51.

26. По словам Я.В. Старосельского, А.Я. Вышинского, в период борьбы большевиков за власть, «каждый буржуа самим фактом своего существования, был социально опасен для пролетарской революции», в борьбе с ним по утверждениям Я.М. Свердлова, Н.И. Бухарина, и др. целесообразнее всего было использовать террор во всех его проявлениях. Косицын А.П. Социалистическое государство. Закономерности возникновения и развития. – М., 1970. – С. 68 – 69; В.И. Ленин о социалистическом государстве и праве. – М., 1969. – С. 97; Роль В. И. Ленина в становлении и развитии советского законодательства. – М., 1969. – С. 125; Игнатенко Д.И. Ромашов Р.А. Социалистическая законность (юридическое закрепление права на государственный произвол) // История государства и права. – 1999. – № 1. – С. 14; Старосельский Я.В. Принцип построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. – 1927. – № 2. – С. 85; Вышинский А.Я. Суд и карательная политика Советской власти. – Л., 1925. – С. 53; Свердлов Я.М. Избранные произведения. Статьи, речи, письма. – М., 1976. – С. 213; Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988. – С. 162.

27. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1998. – С. 391.

28. М.И. Еникеев, О.Л. Кочетков. Общая, социальная и юридическая психология. Краткий энциклопедический словарь. – М., 1997. – С. 361.

29. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 36. – С. 162 – 163.

квазисудебными (органы ВЧК) полномочиями по применению насильственных мер к нарушителям революционной дисциплины. Именно перечисленные управленческие органы составляли советский аппарат принуждения[30]. Органы ЧК занимали доминирующее положение в этом механизме. Это обусловливалось широтой квазисудебных полномочий, масштабностью исполняемых ими функций. Милиция преимущественно наделялась оперативно-розыскными полномочиями[31]. Ревтрибуналы наделялись судебно-следственными правами, но не осуществляли оперативно-розыскную деятельность[32]. ЧК наделялись правами всех органов уголовной юстиции вместе взятых.

Отметим, что в зависимости от военно-политического status quo в деятельности органов ЧК могла преобладать репрессивная или охранительная цель. Так, с началом НЭПа органы ЧК лишались права применять репрессивные меры вовсе. К 1921 г. советское руководство, не нуждаясь более в репрессивной деятельности ЧК, прикладывало максимальные усилия для воплощения в жизнь принципа законности, который на практике мешала реализовать гражданская война. В этих условиях ВЦИК 23 июня 1921 г. издает декрет «Об объединении всех военных трибуналов республики». По этому декрету внесудебные полномочия ЧК ограничивались применением уголовного наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет и только за принадлежность к антисоветским политическим партиям или к явно белогвардейским элементам[33].

В качестве альтернативы «особым совещаниям» ЧК, в системе губчека учреждались камеры народного суда, которые стали переходным этапом на пути к смягчению уголовной политики РСФСР[34]. Судебные документы камеры народного суда Якутской губчека за период с декабря 1921 г. по январь 1922 г. свидетельствуют, что ЧК лишались квазисудебных полномочий. Полномочия губчека ограничивались производством розыска и предварительного следствия. Якутская губчека больше не рассматривала в административном порядке уголовные дела о спекуляции, растрате и хищении, трудовом дезертирстве, саботаже и т.п.[35] После окончания предварительного следствия по уголовным делам последние в зависимости от степени важности направлялись либо в ревтрибунал, либо в камеру народного суда губчека. В связи, с чем деятельность органов ЧК к началу 1922 г. приобретала исключительно охранительный характер.

Проведение теоретико-правового анализа целью, которого явилось изучение основных функций и задач чрезвычайных комиссий позволяет сделать некоторые обобщения в вопросе определения понятия этих органов. Чрезвычайная комиссия – охранительно-репрессивный элемент системы органов принуждения РСФСР периода гражданской войны, наделенный оперативно-розыскными, процессуальными, внесудебными полномочиями. Задачи деятельности этих органов заключались в предупреждении, пресечении и выявлении угроз, представлявших опасность для Советской власти и её представителей, путем осуществления следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по государственным и тяжким общеуголовным преступлениям.

30. См.: Петров Г.И. В.И. Ленин и создание советских государственных органов принуждения // Правоведение. – 1969. – № 4. – С. 18.

31. См.: Шумахер. Организационные формы уголовно-розыскных учреждений в 1917-1924 // Рабоче-крестьянская милиция. – 1924. – ноябрь. – С. 44; Из истории взаимоотношений ЧК и ревтрибуналов // Вопросы истории. – 1990. – № 7. – С. 157 – 161; Апнян Н.А. Органы государственной безопасности советской Армении в период строительства социализма (1920-1934 гг.): автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 1980. – С. 12.

32. Титов Ю.П. Правовые формы организации и деятельности революционных трибуналов РСФСР // Вопросы права и законности в первые годы советской власти. Сборник научных трудов: ВЮЗИ. – М., 1984. – С. 26 – 30.

33. СУ РСФСР. – 1921. – № 51. – Ст. 294.

34. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 353. Оп. 4. Д. 85. ЛЛ. 92, 94.

35. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 861. Оп. 1. Д. 80; Ф. 53. Оп. 6. Д. 215; Оп. 1. Д. 184; Д. 199; Д. 222

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОТРАСЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Капустина Е.Г.,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Лимарева Е.С.,
старший преподаватель,
кафедра административного права и административной деятельности ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Ключевые слова: безопасность, защищенность, государственная политика, Федеральная служба безопасности, внутренняя и внешняя угроза
Key words: safety, security, public policy, Federal security service, internal and external threat

Аннотация. В статье рассматриваются общетеоретические вопросы системы противодействия внешним и внутренним факторам, направленным на ухудшение существующего положения или осложнение функционирования определенных структур. Раскрывается понятие безопасности как многоаспектной категории, которая включает в себя деятельность по обеспечению безопасности государства (национальной безопасности), деятельность по обеспечению общественной безопасности, деятельность по обеспечению экологической безопасности, вопросы безопасности личности, иные виды безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

The article deals with the theoretical issues of the system to counter external and internal factors, aimed at worsening the existing situation or complication functioning of certain structures. A concept of security as a multi-category, which includes activities to ensure the security of the state (national security), the activities to ensure public safety and security activities to ensure environmental safety, issues of personal security, other security, provided by the legislation of the Russian Federation.

Под безопасностью понимается состояние защищенности от какого-либо негативного воздействия. В широком смысле безопасность является сложной системой противодействия внешним и внутренним факторам, направленным на ухудшение существующего положения или осложнение функционирования определенных структур. Исходя из этого, можно говорить о таких видах безопасности, как личная, национальная, экономическая, социальная, политическая, экологическая, информационная, международная и т.п. При этом следует отметить, что для обеспечения безопасности, уничтожения источников угроз, ликвидации последствий деструктивных воздействий используются самые различные средства и методы[1].

Национальная безопасность - состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства[2].

В Федеральном законе «О безопасности» не дается конкретного определения понятия безопасности Российской Федерации, но проанализировав нормы, содержащиеся в данном нормативно-правовом акте, можно сделать вывод, что безопасность представлена как многоаспектная категория, которая может быть рассмотрена как национальная безопасность.

Данный Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета Безопасности Российской Федерации[3].

Основными принципами обеспечения безопасности являются:

> соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;

> законность;

> системность и комплексность применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности;

> приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности;

> взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности.

Принцип соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина имеет прямую конституционную основу, содержащуюся в ст. 17 Конституции РФ, где установлено, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ. Статья 2 Конституции РФ провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства[4].

Стратегия национальной безопасности отражает стремление государства обеспечивать права и свободы человека и гражданина. Так, определяется, что стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, охрана суверенитета РФ, ее независимости и территориальной целостности, а также сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе[2].

Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются снижение уровня социального и имущественного неравенства населения, стабилизация его численности в среднесрочной перспективе, а в долгосрочной перспективе - коренное улучшение демографической ситуации. Повышение качества жизни российских граждан гарантируется путем обеспечения личной безопасности, а также доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг, достойной оплаты активной трудовой деятельности. Одними из главных направлений обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе определяются продовольственная безопасность и гарантированное снабжение населения высококачественными и доступными лекарственными препаратами[5].

В международном праве принцип всеобщего уважения прав человека приобретает характер всеобщего с момента принятия Устава Организации Объединенных Наций (ООН), получив свое дальнейшее развитие во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.[6] и двух пактах 1966 г. - Международном пакте о гражданских и политических правах [7] и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах[9].

Данные международные документы носят преимущественно декларативный характер и соблюдение прав человека в основной массе остается внутренним делом соответствующего государства и его национального права.

Еще одним отражением в законодательстве принципа соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина и специфическим видом его гарантии являются многочисленные нормы о порядке реализации правоохранительными органами и спецслужбами своих специальных полномочий, а также нормы, закрепляющие порядок обжалования гражданами действий или бездействия должностных лиц, в результате которых нарушены те или иные виды прав и свобод.

Статья 6 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности» устанавливает следующее содержание данного принципа: государство гарантирует соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении Федеральной службой безопасности своей деятельности. Не допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральными конституционными законами и федеральными законами[8].

Следующим принципом является законность. Применительно к сфере обеспечения безопасности Российской Федерации, учитывая всеобщие и частные связи всех групп общественных отношений, законность следует рассматривать в трех аспектах.

Первый аспект состоит в том, что законность в сфере обеспечения безопасности - это соблюдение всеми субъектами таких отношений законодательства в сфере обеспечения всех видов безопасности. Второй аспект заключается в том, что законность здесь означает также соблюдение в рамках обеспечения безопасности требований иного законодательства - не только законов и иных нормативно-правовых актов в сфере безопасности, но и всего законодательства. С этим тесно граничит третий аспект - необходимость гармоничного нормотворчества, так как законность - это требование, распространяющееся и на правотворчество.

Следующий принцип - системность и комплексность применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности.

Принцип имеет материальную основу в системном характере самой безопасности как динамического состояния защищенности социально-природной среды (общества, личности, природы и государства как части и формы общества), а эта среда сама носит системный характер.

Системность в рамках деятельности по обеспечению безопасности предполагает прежде всего преодоление рассогласованности этой деятельности - начиная со стадии прогнозирования и определения угроз и планирования мер и заканчивая контролем реализации мер и постоперативными мероприятиями. Этот принцип призван не допустить деструктивных противоречий в ходе обеспечения всех видов безопасности. Оптимальным представляется здесь системное единство деятельности по прогнозированию угроз, определению мер и средств и осуществлению мер, взятых в адекватной динамике общественного развития документов стратегического планирования[1].

Следующий принцип - приоритет превентивных (предупредительных) мер в области обеспечения безопасности. Как известно - лучше предупредить, нежели исправлять. Такие меры определены в качестве приоритетных потому, что позволяют (при их адекватности) предотвратить либо действие угрозы, либо само возникновение угрозы. Поэтому превентивные меры теснейшим образом зависят от надлежащего прогнозирования угроз безопасности. Прогнозирование предопределяет четкое определение (выявление) угроз и их всесторонний анализ на предмет уровня, характера и возможной динамики развития. На основании этого осуществляется и само стратегическое планирование в сфере обеспечения безопасности.

Например, п. 10 Военной доктрины РФ определяет в качестве одной из военных угроз резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отно-

шений) и создание условий для применения военной силы. В связи с этим п. 27 одной из задач Вооруженных Сил в мирное время определяет стратегическое сдерживание, в том числе предотвращение, военных конфликтов[9].

Статья 13.1 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности» также устанавливает ряд норм о применении данной структурой превентивных мер - в рамках профилактической деятельности. К мерам профилактики, применяемым органами ФСБ, относятся внесение представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности, и объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесены законодательством к ведению органов Федеральной службы безопасности[8].

Следующий принцип - взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности.

Под взаимодействием надлежит понимать слаженную работу всех звеньев системы обеспечения безопасности, то есть сил и средств обеспечения безопасности - Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная или правоохранительная служба, а также федеральных органов государственной власти, принимающих участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства - в рамках деятельности по обеспечению безопасности[1].

Государственные органы, а также предприятия, учреждения и организации обязаны оказывать содействие органам ФСБ в осуществлении ими возложенных на них обязанностей. Физические и юридические лица в РФ, предоставляющие услуги почтовой связи, электросвязи всех видов, в том числе систем телекодовой, конфиденциальной, спутниковой связи, обязаны по требованию ФСБ включать в состав аппаратных средств дополнительные оборудование и программные средства, а также создавать другие условия, необходимые для проведения оперативно-технических мероприятий ФСБ. В целях решения задач обеспечения безопасности РФ военнослужащие органов ФСБ могут быть прикомандированы к государственным органам, предприятиям, учреждениям и организациям независимо от форм собственности с согласия их руководителей в порядке, установленном Президентом, с оставлением их на военной службе. Взаимодействие ФСБ со спецслужбами, с правоохранительными органами и иными организациями иностранных государств устанавливается на основании международных договоров[8].

Минобороны России осуществляет свою деятельность во взаимодействии с иными федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями[10].

Также, например, МЧС России осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями[11].

Ряд форм взаимодействия с иными субъектами обеспечения безопасности определен и для главного координирующего органа в данной сфере - Совета Безопасности. В частности, по решению Председателя Совета Безопасности могут проводиться совместные заседания Совбеза и совещательных и консультативных органов при Президенте. В целях подготовки заседаний и оперативных совещаний Совета, совещаний по стратегическому планированию, а также в целях рассмотрения отдельных проблем обеспечения национальной безопасности и совершенствования координации деятельности в данной области Секретарь Совета по поручению Президента РФ проводит совместные с полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах выездные совещания в субъектах РФ с участием руководителей федеральных органов исполнительной власти, высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и иных должностных лиц[12].

Государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер. Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности определяет Президент Российской Федерации. Государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления на основе стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации. Граждане и общественные объединения участвуют в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности.

Таким образом, можно сделать вывод, что безопасность – это многоаспектная категория, так как включает в себя деятельность по обеспечению безопасности государства (национальной безопасности), деятельность по обеспечению общественной безопасности, деятельность по обеспечению экологической безопасности, вопросы безопасности личности, иные виды безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Под безопасностью в более узком смысле, понимается национальная безопасность, т.е. безопасность народа России, а также безопасность конкретной личности, ее конституционных прав и свобод, обеспечение которых состоит в реализации правовых гарантий личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина, в упрочении демократии, в создании правового, социального государства, в достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Котухов С.А., Кузьмин В.А., Соболева Ю.В. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс, 2011.

2. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // «Российская газета», № 88, 19.05.2009.

3. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // «Парламентская газета», № 1-2, 14-20.01.2011

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, № 4, ст. 445.

5. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», 10.12.1998 г.

6. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 12, 1994 г.

7. Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 12, 1994 г.

8. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 07.05.2013) «О Федеральной службе безопасности» // «Российская газета», № 72, 12.04.1995.

9. Указ Президента РФ от 05.02.2010 № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 15.02.2010, № 7, ст. 724.

10. Указ Президента РФ от 16.08.2004 № 1082 (ред. от 23.07.2013) «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 23.08.2004, № 34, ст. 3538.

11. Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 868 (ред. от 29.06.2013) «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // «Собрание законодательства РФ», 12.07.2004, № 28, ст. 2882.

12. Указ Президента РФ от 06.05.2011 № 590 «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 09.05.2011, № 19, ст. 2721.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОСЛОВИЯ ИНОРОДЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – XIX ВЕКОВ

Лавицкая М.И.,
доктор исторических наук, профессор,
кафедра теории и истории государства и права,
Российский государственный социальный университет

Ключевые слова: российское общество, социальные страты, сословия, инородцы.
Key words: Russian society, social strata, estate, foreigners.

Аннотация. В данной статье показана специфика формирования инородцев как особой социальной страты российского общества на основе анализа различных источников.

Юридическое положение отдельных групп инородцев было крайне различно, что обусловливалось их принадлежностью к определенному этносу. Предмет исследования составляют нормы, регулирующие правовое положение инородцев в российском обществе XVIII – XIX веков.

Автором были реализованы следующие задачи: рассмотреть процесс складывания сословия инородцев на протяжении XIX столетия; исследовать правовое положение «восточных инородцев» и «западных инородцев» в XVIII – XIX вв.; проанализировать основные направления эволюции имперского законодательства в отношении инородцев.

Исследование правового статуса инородцев позволило заключить, что в условиях складывания и существования сословного строя в России (XVIII – начало XX в.) инородцы, как и другие группы населения, представляли собой особое сословие.

This article shows the specificity of formation of foreigners as a particular social strata of Russian society on the basis of the analysis of various sources. The legal position of certain groups of foreigners was very different, which makes their belonging to a particular ethnic group. The subject of research in the rules governing the legal status of foreigners in Russian society XVIII - XIX centuries.

The author has implemented the following tasks: to consider the process of folding class of foreigners during the XIX century; investigate the legal status of the «eastern foreigners» and «western foreigners» in the XVIII - XIX centuries; analyze the main directions of evolution of imperial legislation concerning foreigners. The study of the legal status of foreigners allowed to conclude that, in the folding and the existence of caste system in Russia (XVIII - beginning of XX century.) foreigners, as well as other groups, are a special class.

В сословно-социальной структуре российского общества существовала специфическая группа инородцев, сформировавшаяся после присоединения к России новых территорий. Правовой статус данной категории населения Российской империи постоянно изменялся согласно политике правящей власти. Характеризуя две различные группы инородцев, Н.М. Коркунов назвал одну из них – евреев – «западными инородцами», другую – «восточными инородцами» [1], хотя в законодательстве подобные наименования отсутствуют.

«Восточные инородцы» в подавляющем большинстве являлись коренными жителями присоединенных к России территорий. С конца XVI в. началось присоединение к России сибирских земель. Главной обязанностью присоединенных народов с XVII в. стала выплата казне ясака драгоценными мехами «по вся годы» и без всякого «ослушания» [2]. Ясачный режим преследовал цель получения максимально высоких и гарантированных доходов в царскую казну. Поэтому правительство до начала XVIII в. проводило по отношению к народам Сибири, отличавшимся своей верой (в большинстве своем они были язычниками), занятиями и общественным устройством, политику правового невмешательства в их внутреннюю жизнь. Одним из первых актов юридического оформления прав и обязанностей туземного населения Сибири явилась Инструкция, данная пограничным дозорным Фирсову и Михалеву от 27 июня 1728 г. Инструкция и дополнение к ней от 30 июня вменяли в обязанность родоначальников сбор ясака натурой и деньгами. Родовая знать получила право управлять своими сородичами и вершить над ними суд по маловажным делам (воровство, драки и т.п.). Ясачные прикреплялись к определенным родам, и переход из одного рода в другой запрещался.

4 июня 1763 г. Екатериной II была подписана новая инструкция –«Инструкция, данная лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву о действии вверенной ему ясачной комиссии». Данный документ оставался наиболее полным законодательным актом в отношении народов Сибири до 1822 г. Основные его положения соответствовали Инструкции 1728 г., кроме того он определял порядок сбора ясака, регламентировал вопросы торговли с иноверческим населением, ограничивал въезд в кочевья и улусы торговых людей одним разом в год.

Оседлые инородцы, занимавшиеся торговлей, промыслами или земледелием, были уравнены в правах и обязанностях с русскими сословиями купцов, мещан и крестьян и подчинены всем законам Российской империи. Оседлые земледельцы включались в число государственных крестьян и несли те же подати и повинности, что и последние, кроме рекрутской. За земледельцами закреплялись земли, которыми они владели, на которых жили и работали с давних времен. Оседлые инородцы, принимавшие христианскую веру, не отличались от россиян особыми названиями; если же они исповедовали языческую или мусульманскую веру, то именовались «оседлыми иноверцами».

Кочевые инородцы приравнивались к крестьянскому сословию по уплате податей и некоторым личным правам, но отличались «от него в образе управления» и освобождались от рекрутской повинности. За ними сохранялись все их прежние права, и никто не мог насильно зачислить их в сословие крестьян или без их согласия включить в какое-либо другое сословие. По своему желанию кочевники могли переходить на оседлость и записываться «без всякого ограничения» в любое сословие: купцов, мещан или

государственных крестьян - с сохранением свободы от рекрутства. За каждым родом утверждались во владение земли, на которых они жили к моменту принятия Устава. Разделение земель внутри рода на участки зависело от самих кочующих: либо по жребию, либо по другим их «обыкновениям». На землях кочевников не разрешалось самовольно селиться никому из россиян. Кочевые могли заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами «на водах и землях, каждому роду назначенных»; могли торговать предметами своего труда и лова в городах, селениях и на ярмарках. Все кочевые инородцы пользовались свободой вероисповедания и богослужения. Дети их могли учиться как в своих, так и в государственных школах. Кочевые платили государственный налог (ясак), поступавший в Кабинет его императорского величества, шкурами или деньгами, участвовали в общих по губернии земских повинностях и исполняли внутреннюю повинность по содержанию степного управления. Каждый из кочевников, так же как и целые роды, имели полную свободу жаловаться на стеснения и обиды.

Все инородцы, носившие почетные звания (князьцы, тоэны, тайши, зайсанги, шуленги и пр.), сохраняли их и пользовались всеми почестями, предоставляемыми им обычаями и степными законами. Однако почетные инородцы не имели дворянских прав в империи, кроме тех случаев, когда дворянство присваивалось особыми грамотами или производством в чины.

Все кочующие и бродячие сибирские инородцы управлялись по их собственным степным законам и обычаям, но при этом, как отмечалось в Уставе, в них смягчалось «все дикое и жестокое». В случае недостатка при решении дел степных законов они могли дополняться российскими законами. По уголовным делам (возмущение, намеренное убийство, разбой, насилие, изготовление фальшивой монеты, похищение казенного и общественного имущества) и в отношении проступков, совершенных в русских городах и селениях, инородцев судили на основании общих законов империи. Исковые дела рассматривались словесными судами по степным законам и обычаям. Роль словесных судов (расправ) исполняли родовые управления (первая степень словесной расправы), инородные управы (вторая степень) и земская полиция (третья степень). Главная обязанность словесной расправы заключалась в прекращении несогласий между инородцами и в примирении спорящих. Степные думы словесными судами не являлись.

Вслед за Уставом об управлении сибирских инородцев был принят целый ряд законодательных актов об управлении других групп инородцев. При разработке их учитывались кардинальные положения устава М.М. Сперанского 1822 г.: о разрядах инородцев, их правах и обязанностях, особой системе административного управления и суда, налогообложении. Так, в один день с общим уставом о сибирских инородцах был принят Устав о сибирских киргизах, кочевавших во внешних округах Омской области [3].

Поскольку киргизы (казахи) принадлежали к кочевым инородцам, закон наделил их теми же правами, какие имели и остальные кочевники Сибири, кроме участия в общих по области повинностях, содержания степного управления и порядка сбора ясака. Одновременно сибирские киргизы имели свои особые права и обязанности. В частности, Устав разрешал им переходить в другие сословия и селиться внутри империи, поступать на государственную службу и записываться в гильдии, где пожелают, на общих правилах. Вступая в новое податное сословие, они пользовались пятилетней льготой от уплаты податей и свободой от несения рекрутской повинности. Устав запрещал впредь приобретать киргизов в частное владение и неволю, защищал их от притеснений со стороны местной знати - султанов. Сами султаны, составлявшие «высшее и почетнейшее между киргизами сословие», освобождались от телесного наказания. Любой киргиз мог иметь недвижимую собственность. Киргизам, пожелавшим заняться хлебопашеством или иметь другие хозяйственные постройки, отводилась земля - рядовым 15 дес. на душу, старшинам - 30 дес., султанам - 45 дес. Все эти земли переходили им в наследство как недвижимая собственность. Киргизы могли торговать не только внутри своей территории, но и вне ее, во внутренних губерниях.

6 февраля 1827 г. было утверждено «Учреждение для управления Кавказской областью» [4], где кочевали ногайцы, караногайцы, трухмены, киргизы и другие мусульмане. Они управлялись «особенным начальством» на основании их степных обычаев и обрядов. Общества кочевников могли принимать в свои ряды желавших причислиться к ним семейства ногайцев, холопов и ясырей из-за Кубани, а также киргизов, обитавших за Астраханью, абазинцев и др. Принятые освобождались на три года от всех повинностей. Сами ногайцы с разрешения главного пристава кочующих народов Кавказской области могли переходить из одного общества в другое. Государственную (кибиточную) подать ногайцы платили с имущества: со скота или промысла. Помимо этого ногайцы, как и все кочевые, исполняли земские и мирские повинности.

Дальнейшим развитием Устава об управлении инородцев 1822 г. явился так называемый «самоедский устав» – «Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии», принятый 18 апреля 1835 г. [5]. Он относил самоедов (ненцев) к разряду бродячих и аналогично с Уставом 1822 г. отмечал, что они «составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличного от онаго в образе управления». Самоеды обладали теми же правами и исполняли те же повинности, что и сибирские бродячие. Отличались они лишь составом родового управления: в него помимо старосты входили от одного до двух помощников. Все они избирались на три года и утверждались военным губернатором. Старосты производили дела словесно, но для сношения с земской полицией, для учета населения и записи явочных наймов к ним назначались писари. Земли, на которых обитали самоеды, предоставлялись им в потомственное владение.

Несколько ранее «самоедского устава» - 24 ноября 1834 г. - было утверждено «Положение об управлении калмыцким народом» [6], кочевавшим в Астраханской губернии и Кавказской области (Ставропольской губернии). Согласно Положению территория проживания калмыков состояла из семи улусов (пяти владельческих и двух казенных), они разделялись на аймаки (роды), а последние – на хотоны, включавшие кибитки отдельных семей кочевников. Владельческие улусы управлялись нойонами, казенные – правителями, которые избирались на три года из числа нойонов, не имевших улусов, и почетных зайсангов и утверждались астраханским военным губернатором. В аймаках управление принадлежало зайсангам, в хотонах - старшинам, выбираемым из благонадежных калмыков. Все эти управители обязаны были следить за тем, чтобы каждый

аймак и хотон имели кочевья только на землях, отведенных улусу, чтобы никто из калмыков не мог кочевать отдельно от своего хотона или аймака и отлучаться от кочевья свыше двух дней без разрешения хотонского старшины.

Население калмыков состояло из феодалов – нойонов-владельцев (владельцев улусов), родовых зайсангов, владевших или не владевших аймаками, духовенства и феодально-зависимых людей – простых калмыков.

В законе были четко определены обязанности и права нойонов-владельцев, правителей улусов и зайсангов (управлявших аймаками). Они должны были следить за тишиной и спокойствием в улусах и аймаках, проявлять заботу о благосостоянии подвластных им калмыков, а при необходимости оказывать им материальную помощь. Нойоны-владельцы и правители, кроме того, следили за тем, чтобы аймачные зайсанги не притесняли простых калмыков и не производили самовольно сборов. Нойоны-владельцы исполняли и судебные функции: они разбирали тяжбы, примиряли спорящих, рассматривали жалобы и подвергали виновных исправительным наказаниям. Нойонам-владельцам и правителям были подвластны все калмыки. Но при этом нойонам, а также и зайсангам было запрещено продавать, закладывать и дарить простолюдинов. С целью сохранения и упрочнения владений нойонов и зайсангов Положение запрещало дробить улусы и аймаки между наследниками: они должны были переходить без раздела к старшему в роду. Нойоны-владельцы и члены их семей по закону освобождались от телесных наказаний. Дети их принимались на военную службу наравне с детьми дворян. Нойоны и зайсанги, получавшие офицерские чины по военной службе или чины 8 класса по гражданской, а также имевшие ордена, пользовались правами потомственных дворян. Те, кто имел гражданские чины ниже 8 класса, – личных дворян. Зайсанги, не имевшие чинов, получали права потомственных почетных граждан. Нойоны и зайсанги могли определять своих детей на военную и гражданскую службу, а также в казенные учебные заведения на правах тех сословий, к которым они принадлежали: дворян или почетных граждан. Нойонам-владельцам, правителям улусов и почетным зайсангам разрешалось свободно передвигаться по Астраханской губернии; для выезда в другие губернии или столицы им выдавались билеты военным губернатором.

Судебные органы калмыков включали областной суд Зарго и улусный. Уголовные дела, как и у других инородцев, рассматривались по российским законам, а тяжебные и по опеке – по древнейшим калмыцким постановлениям (Степному уложению 1640 г., законам хана Дондук-Даши 1758 г. и обычному праву).

14 июня 1844 г. было принято «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» [7] (казахами). Оно констатировало, что управление оренбургскими киргизами, или киргизами Малой орды, состояло из общего и частного. Частное находилось внутри кочевьев и все должностные лица управления – султаны-правители и аульные начальники – в отличие от сибирских киргизов назначались правительством и подчинялись Пограничной комиссии. Они должны были следить за поведением киргизов, содержать их в порядке и «всегдашней верности и послушании правительству», собирать сведения о народонаселении, числе кибиток и скотоводстве. Земли, занимаемые населением, находились в ведении Министерства иностранных дел. Государственные подати оренбургских киргизов складывались из выплаты кибиточного сбора в размере 1,5 руб. серебром с каждой кибитки и плакатного в размере 15 коп. серебром в месяц за билеты, получаемые кочевниками при уходе в наем. Земские повинности состояли из сбора денег на расходы по содержанию властей. Оренбургские киргизы по делам в измене, убийстве, разбое, захвате русских и в возмущении своих соплеменников против правительства судились военным судом; за воровство, насилие, тайный переход через линию – в Пограничной комиссии гражданским уголовным судом по общим государственным законам, а за маловажные преступления и по искам до 50 руб. – по народным обычаям под наблюдением местного киргизского начальства.

В 1847 г. было утверждено новое «Положение об управлении калмыцким народом» [8], поскольку, как отмечалось в именном указе, «двенадцатилетний опыт показал необходимость в некоторых изменениях и дополнениях, сообразных с местными потребностями и пользами калмыков». Положение 1847 г. не только уточняло систему местных органов управления и суда, но более полно и детально рассматривало права и обязанности калмыков и вопросы их поземельного устройства. Узаконение впервые формировало в Калмыкии органы самоуправления – сходы, которые в основных своих чертах были аналогичны волостным и сельским сходам государственных крестьян.

Положение 1847 г. несколько расширяло и уточняло права калмыков. В казачье сословие теперь могли переходить все желающие с сохранением пятилетней льготы по повинностям. Получили они и право наследования имущества. От телесного наказания освобождались, помимо семей нойонов-владельцев, и семьи зайсангов. Как и прежде, калмыкам разрешалось торговать со всеми, кроме чиновников калмыцкого управления. Свободно они могли продавать только свои изделия и скот, а для продажи в городах других товаров должны были иметь установленные для торговли свидетельства. Кибиточныи сбор (теперь в серебре) и натуральные повинности, распределяемые по общественным приговорам на три года, сохранялись в прежнем размере и объеме. Часть кибиточного сбора поступала в общественный капитал. В общественный капитал поступал и 15-копеечный сбор за билеты, получаемые простыми калмыками при отлучке их из улусов для найма на работу. Если же они отъезжали из хотона в пределы своего улуса на срок до семи дней, то получали разрешение на отлучку у хотонного старшины, а при отъезде за пределы улуса на срок свыше семи дней им выдавались в улусном правлении бесплатные письменные свидетельства. Владельцы и зайсанги при выезде за пределы Астраханской губернии получали из Палаты государственных имуществ паспорта сроком на год, однако при занятии ими какой-либо должности в улусах, им выдавались паспорта только на срок их отпуска.

Несколько изменился состав судебных органов: был ликвидирован областной суд Зарго. Теперь все преступления, совершенные в пределах улусов, рассматривались местными улусными судами Зарго, а совершенные вне улусов – разбирались в общих судебных местах. Суд Зарго состоял из председателя, двух членов и двух заседателей из калмыков. Местное управление в улусах возлагалось на улусное управление, в аймаках управление принадлежало родовому зайсангу, в хотонах – хотонному старосте.

Чтобы привлечь калмыков к принятию христианства, закон сохранял за нойонами и зайсангами, принявшими христианскую веру, все принадлежавшие им по происхождению права и оставлял в их владении подвластных им калмыков. Простолюдинам, принявшим христианское исповедание, отпускалось из казны «на хозяйственное обзаведение» для семейных по 15 руб., а холостых - по 8 руб., разрешалось оставлять владельца и переходить в другие сословия, в том числе сословие государственных крестьян. При этом им отводились для поселения свободные казенные земли.

В начале 60-х годов XIX в. к России были присоединены новые территории Средней Азии, из которых в 1867 г. создано Туркестанское генерал-губернаторство в составе Сырдарьинской и Семиреченской областей и принято Временное положение об управлении данных областей [9]. Инородческое население района состояло из оседлых (сарты) и кочевых (киргизы) жителей. Оседлые инородцы распадались на сельские общества (аксакальства), а кочевые, подобно сибирским киргизам - на волости и аулы. В каждом ауле полагалось от 100 до 200 кибиток, в каждой волости - от 1 до 2 тыс. кибиток. Волости составлялись из аулов, соседствовавших по земельному пользованию зимними стойбищами. Авторы Временного положения разработали систему местного управления, которая создавалась по образцу крестьянских волостных и сельских сходов. Волости возглавляли волостные управители, аулы - аульные старшины, села - аксакалы. Все эти должностные лица выбирались народом на три года. Причем в должности мог быть избран каждый, кто пользовался «уважением и доверием народа, не опорочен по суду, не находится под следствием» и не моложе 25 лет. Данная статья закона лишала местную феодальную аристократию привилегий при занятии должностей в местном управлении, что отвечало задачам правительства, стремившегося к русификации инородческого населения.

21 октября 1868 г. «для устранения затруднений и неудобств в управлении киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств, равно как Уральским и Сибирским казачьим войсками» именным указом были образованы четыре области: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская и утверждено Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях [10]. Состав и компетенции местного управления и суда киргизов данных областей были такими же, как у кочевого населения Туркестанского генерал-губернаторства. В Положении 1868 г. уделялось должное внимание правам инородческого населения и особенно вопросам их землеустройства. Местное население – киргизы-кочевники, как и все кочевые инородцы, сравнивались в правах и обязанностях с сельскими обывателями и освобождались от рекрутской повинности. Их внутренняя жизнь строилась на основании народных обычаев. Они могли переходить в другие сословия, а вступая в податные сословия, как и ранее, получали пятилетнюю льготу от податей и пользовались пожизненно свободой от рекрутства. Киргизам, принимавшим христианство, разрешалось «прикочевывать» к русским селениям в степи с сохранением своих прав и приписываться к любым городским и сельским обществам без приемных приговоров.

Положения 1867-1868 гг. об управлении Туркестанского генерал-губернаторства и степных областей принимались на два года, но действие их затянулось на два десятилетия. За это время произошли изменения в административно-территориальном делении районов, охваченных Положениями, за счет присоединения к России земель Бухарского и Хивинского ханств. В результате в начале 80-х годов в Туркестанский край входили Сырдарьинская и Ферганская области, Заравшанский округ и Амударьинский отдел, и было создано Степное генерал-губернаторство в составе Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Уральской областей. В связи с произошедшими территориальными изменениями встал вопрос о разработке новых положений. 12 июня 1886 г. было принято Положение об управлении Туркестанского края [11], в который вошли Самаркандская, Сырдарьинская и Ферганская области. По закону туземцы областей как кочевые, так и оседлые, жившие в селениях, пользовались правами сельских обывателей, а проживавшие в городах – правами городских обывателей. Преимущества, присвоенные другим состояниям Российской империи, приобретались инородцами на основании общих законов.

Инородцы, кочевавшие к востоку от Каспийского моря, управлялись на основании Временного положения об управлении Закаспийской областью, принятого 6 февраля 1890 г. [12]. Права их были аналогичны правам всех кочевых инородцев. Сверх того, в Положении особо выделялось их право пользоваться бесплатной медицинской помощью и казенными больницами и лазаретами. Наравне с кочевниками Туркестанского края и Степных областей инородцы Закаспийского края платили кибиточную подать (от 1,5 руб. до 3 руб. серебром) и исполняли денежные и натуральные земские повинности. Такими же были у них местное управление и народные суды, за исключением одного: волостные управители и аульные старшины в крае не избирались населением, а назначались властями из «лиц благонадежных, распорядительных и по преимуществу имеющих между ордынцами влияние».

Положения об управлении народов Закаспийской области, Туркестанского края и Степных областей были последними актами, принятыми законодателями в отношении инородцев. В 1892 г. во 2 том Свода законов Российской империи, представлявший собой Свод губернских учреждений, составители включили раздел «Положение об инородцах». В основу раздела легли все принятые и рассмотренные выше уставы и положения об инородцах сибирских, архангельских (самоедских), Кавказской области (Ставропольской губернии), калмыках, кочевавших в Астраханской губернии и Кавказской области, киргизах, кочевавших в степях между Каспийским морем, Уральской областью и Астраханской губернией. Кроме того, в том вошли в полном объеме Положение об управлении Туркестанского края 1886 г., Временное положение об управлении Закаспийской областью 1890 г. и Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской 1891 г.

Таким образом, в своде были объединены все вышедшие в 20-х – начале 90-х годов законы, определявшие права и обязанности инородцев севера и юга Европейской России, Сибири, Туркестана и Степных областей. После 1892 г. каких-либо новых узаконений в отношении управления этими народами принято не было, кроме отдельных небольших дополнений и изменений. Поэтому, на наш взгляд, можно со всей очевидностью сказать, что в 1892

г. законодатели подвели черту под формированием в империи сословия «восточных инородцев». Это подтверждается и другим фактом – в издании 1899 г. Свода Законов о состоянии (т. 9 Свода законов Российской империи) в разделе «О состоянии инородцев» приведен материал исключительно о правах евреев, для которых еще не было выработано единого положения. Все вышеназванные инородцы, составлявшие абсолютное большинство российских инородцев (свыше 99%), были лишь упомянуты в главе «Общие положения».

Разрабатывая уставы и положения об управлении инородцами, авторы стремились, с одной стороны, оградить инородческое население от произвола местной администрации, ограничить власть феодально-родовой знати, упорядочить взыскание податных сборов, сохранив при этом их обычаи и степные законы, а с другой – подчинить инородцев действию общероссийского законодательства (сибирские инородцы участвовали в общих по губернии повинностях, по уголовным делам все инородцы судились на основании общих законов империи и пр.) и постепенно слить их со всеми россиянами путем перевода кочевников в оседлые. В развитие уставов и положений принимались и специальные законы, направленные на «поощрение» инородцев, переходивших из кочевого в оседлое положение и принимавших христианство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. - СПб., 1908. - С. 274.
2. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири. - М., 2010. - С. 10.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) - I. Т. 38. № 29127.
4. ПСЗ -II. Т. 2. № 878.
5. ПСЗ -II. Т. 10. № 8071.
6. ПСЗ – II. Т. 10. № 7560.
7. ПСЗ -II. Т. 19. № 17998.
8. ПСЗ -II. Т. 22. № 21144.
9. ПСЗ -II. Т. 42. № 44831.
10. ПСЗ -II. Т. 43. № 46380.
11. ПСЗ -III. Т.6. № 3814
12. ПСЗ -III. Т. 10. № 6576.

СОВРЕМЕННИКИ О РОЛИ СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ В РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОМЕЩИЧЬИХ ХОЗЯЙСТВ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Рянский Р.Л.,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии юго-востока Руси,
Курский государственный университет.

Ключевые слова: крепостное право, помещичье хозяйство, аграрная рационализация, сословный менталитет
Key words: serfdom, serf economy, nobleman's patrimony, agrarian rationalization, class mentality

Аннотация. Статья посвящена представлениям современников о субъективных трудностях, препятствовавших совершенствованию аграрного строя крепостного сектора России, что должно способствовать более глубокому и полному пониманию данной проблемы.

Present article was devoted to contemporaries' opinions about subjective hardships that impeded agrarian structure of Russian serf sector enhancement. Acquaintance of item must be further more pervasive and total comprehension of degree of complexity of agrarian innovation' introduction.

На пути развития помещичьего сельскохозяйственного производства, в том числе и его рационализации, в первой половине XIX в. были существенно значимые субъективные факторы, носившие социально-психологический характер. Реформы Петра I ориентировали благородное сословие на обязательную государственную военную или гражданскую службу. Несмотря на то, что «Жалованная грамота» сделала службу не обязательной, дворяне не спешили освободившееся время посвящать своему хозяйству. Эта тенденция продолжилась и в первой половине XIX в. Дворянское состояние и в рассматриваемый период ассоциировалось прежде всего с роскошью, более того, столичные дворяне, являвшиеся для своих провинциальных собратьев законодателями мод, лишь увеличивали свои расходы.

Хотя для большинства помещиков сельское хозяйство было основным источником существования и денежных поступлений (в то время как потребность в деньгах постоянно росла), его совершенствование не стояло в числе их приоритетов, а рачительное управление имением и оптимизация экономических решений в нем не воспринималась как первостепенная сословная добродетель. К тому же, находясь на службе, дворянин был лишен возможности приобрести необходимый опыт хозяйствования у управления имением. Анонимный автор писал по этому поводу: «Возьмем русского помещика, каких между нашею братиею множество: лет семнадцати, выучившись кое-как и кое-чему, но вовсе не тому, что ему полезно было знать, его отдали на службу; пока он не достигнет нарядного чина, то есть лет через тридцать, ни родители не позволяют, ни ему самому не захочется оставить службу; он служит да служит, и если честный человек, то жалования далеко не станет, и он добавляет его своими деньгами или займом, за губительные проценты; женится, плодит детей, и наконец сам вступает во владение имением, которого совершенно не знает, ибо жил всегда в отдаленности, а батюшка не вводил его в таинства сельского хозяйства, может быть и потому, что сам его разстроил...»

По его мнению, решающее значение имело правильное воспитание детей: «…приучайте с малолетства ваших детей к умеренности и порядку; потом дайте им воспитание основательное и полезное в жизни, по окончании воспитания, тех из сыновей, которые почувствуют в себе охоту деятельно продолжать государственную службу запишите, куда каждый желает, и с прочими, до поры до времени, оставайтесь в деревне, хозяйничайте, вводите хорошее новое, пригодное краю, где живете, и сыновья ваши, изучившие химию, технологию, механику, гидравлику и агрономию вместо нынешних напрасных на них издержек по белу свету, обогатят вас, превосходно устроят имение и самому государству принесут несравненно больше пользы, чем праздною службою. Жените сыновей, выдавайте замуж дочерей в соседстве прародительского крова» [5].

Некий «Воронежец» считал важнейшими составляющими успешного хозяйствования такие качества помещика, как умение учитывать местные условия и предвидеть последствия своих действий, расчетливость, жизнь по средствам, умеренность, забота о крестьянском хозяйстве, которых не хватало соседним помещикам: «Тот только во всяком месте может быть отличным хозяином, кто мастерски примеряется к местности имения, бережет силы его и не гонится за большим неверным, а хлопочет всячески о верном; обрабатывает землю тщательно, заботится о богатстве крестьян, как о первом условии его собственного хозяйства и расходы свои рассчитывает по приходу. Отчего большая часть помещиков беднеет? Отчего многие имения заложены в кредитных учреждениях и просрочены в платеже процентов, столь благодетельно умеренных? – Отчего живут они без гроша денег? – От неурожаев, от неудач по хозяйству, от низких цен на хлеб, скажут они. – Нет, государи мои милостивые, я сам имею честь принадлежать к сословию вашему и громко докладываю вам, что худые обстоятельства наши, просрочки в опекунские советы, безденежье, – суть следствия нашей неразсчетливости, безпечности, надежды на будущее и жизни не по доходам» [4].

С точки зрения автора «Размышлений о сельских хозяевах и сельском хозяйстве» негативную роль играли дворянские сословные предрассудки, в частности, соображения сословного престижа: «У нас, например, мелкопоместный владелец, который, не подражая в обычаях и расходах людям с большим достоянием, мог бы жить в своем роде припеваючи, считает за стыд не тянуться за богатыми людьми» [8].

О необходимости разумной бережливости и умеренности помещиков в расходах, уменьшении числа домашней прислуги пишут Дуброво и Рельи [2, с.76].

О порочности образа жизни значительной части дворянского сословия пишет курский помещик-рационализатор Пфеллер: «Братья-помещики, удалясь от шумных

городов, живут в деревне, и не находя удовольствия в охоте, сидят с утра до глубокой ночи за картами, разстраивая имение вместе со здоровьем» [11, с.92].

Праздность и тяга к роскоши значительной части русского поместного дворянства дополнялась, по мнению хозяев-практиков и агрономов, нежеланием вникать в дела управления собственным имением, нерасчетливостью, а также отсутствием толковых практических руководств и квалифицированных управляющих, готовых предложить систему организации хозяйства с учетом российских реалий.

Корреспонденты единодушны в необходимости перехода от праздности и тяги к роскоши к правильно организованному управлению имениями, указывая на ряд проблем, требующих неотложного решения.

Примером этому могут служить мысли и рассуждения болховского помещика Лаврова, причины массовой неустроенности российского сельского хозяйства крылись во многом в лености и неповоротливости значительной части помещиков в деле благоустройства своих имений в вопросах повышения их доходности, несоразмерности расходов и доходов. Выход из этой ситуации виделся ему в самодисциплине в вопросах умеренности в собственных запросах и внимания к хозяйству. С негодованием замечает он, что значительная часть помещиков, интересующихся сельских хозяйством, хотела заниматься им в тиши и роскоши московских кабинетов и на досуге, а отнюдь не в сельской местности и поле. Отсюда, между прочим, Лавров выводит и моду на рационализацию: потребность в переводах иностранных книг, много досужих рассуждений о европейском земледелии, выпуск журналов и создание курсов, составленных на сведениях и выводах иностранных агрономов. Однако, замечал он, кабинетные агрономы совершенно не знали условий и особенностей собственного российского сельского хозяйства. Вместе с тем, он сетовал по поводу того, что мало кто из хозяев ведет записи о собственном хозяйстве и очень немногие из них представляют их на суд общественности, опасаясь даже не столько критики, сколько насмешек, направленных на занятие сельским хозяйством и бережливость. В России «слишком мало практических руководств, опытных советов и замечаний на все предметы сельского хозяйства, тогда как мы имели и теперь имеем немало отличных практических агрономов; но они уносят свои познания и опытность в могилу, не передав их печатно соотечественникам. Здесь ущерб для науки и потеря для государства. Положение всех молодых или неопытных хозяев весьма затруднительно! Каждый из них должен, при начале своего земледельческого поприща, идти долгим и убыточным путем достигать вожделенного знания хорошо управлять хозяйством». В тоже время, по мнению Лаврова, в России было довольно много небогатых владельцев, усовершенствовавших свои хозяйства и расширивших масштаб их производства, сумевших исключительно на сельском хозяйстве сделать себе состояния. И именно поместья этих людей, по мнению Лаврова, и должны были бы стать для русских сельских хозяев образцовыми хуторами и фермами [9, т.XXXV. № 6. Отд.IV. С.4 – 6.].

Данная проблема, по его мнению, дополнялась тем, что не только научиться тому было не у кого, но и тем, что невозможно было найти квалифицированного управляющего и на стороне. Русские приказчики, по его мнению, в основном из вольноотпущенных или дворовых, за негодностью уволенных на оброк, как правило, хозяйственной части не знали и о хозяйстве не радели, но не лучше было и в случае найма иностранных специалистов: «Управители-иностранцы, конечно, гораздо знающее наших и несравненно их подвижнее и деятельнее, но и они заслуживают несколько важных упреков; вот их главные недостатки: первый – излишняя нетерпимость и взыскательность в обхождении с нашими крестьянами, непривыкшими к точной и отчетливой исполнительности. Здесь некоторым оправданием этим господам служит только то, что крестьяне наши действительно имеют необыкновенный дар вывести хоть кого из терпения. Второй недостаток – излишняя уверенность в своих теоретических познаниях в агрономии. В этом отношении, они не терпят никаких возражений. «Как нам не знать сельского хозяйства лучше туземцев и старожилов! – говорят они, – когда мы учились в Германии, на такой-то образцовой ферме, или в такой-то земледельческой академии!» Эта самонадеянность при отсутствии опытности и знания местности, вводила этих господ в большие промахи, а доверителей их в значительные убытки». Хорошие же местные управители, считал Лавров, могли появиться только тогда, когда существовало бы достаточное количество частных благоустроенных хозяйств [9, т.XXXVI. № 9. Отд.IV. С.11 – 12.]. Надо сказать, в своем мнении относительно несовершенства управления большинством русских помещичьих имений Лавров был не одинок.

На заседании Лебедянского общества сельского хозяйства в 1850 г. при обсуждении вопроса о заведении многопольных севооборотов его участники пришли к выводу о том, что такой переход затрудняет «недостаток подготовленных людей» [6].

Сходную оценку давал автор «Размышлений о сельских хозяевах и сельском хозяйстве»: «В наших поместьях больших, средних и малых, где хозяйничает или сам помещик или управитель, приказчик, или, наконец, бурмистр, староста, войт, – все эти начальствующие лица имеют странное понятие, что их дело лишь показать, посмотреть или оштрафовать…». В качестве важнейшей составляющей успеха в управлении имением он считал приобретение личного практического опыта хозяйствования, дополненного теоретическими сведениями современной агрономической науки [12].

О невозможности в начале 1840-х гг. найти хорошего управляющего или самому получить основы теоретических знаний по управлению имением крепостным имением пишет автор еще одной корреспонденции в «Курских губернских ведомостях», даже потому, что им неоткуда было взяться: Главная причина бедственного положения русского зернового производства, по мнению автора, – «недостаток света познаний в основательном рациональном сельском хозяйстве, которого негде и почерпнуть главным производителям сельского хозяйства, помещикам… Правда, – оговаривается он, – у нас есть школы земледельческие, но только для казенных крестьян, крепостных людей и разночинцев». Однако, отмечает он, помещичье хозяйство отличается от крестьянского. Вотчинное управление строится на других принципах, «которого сложная машина требует особых усилий, ума, воли, дарования, обширных познаний и значительных капиталов на делопроизводство и на поддержку всех хозяйственных заведений».

Даже и толковых приказчиков из выпускников земледельческих школ, по мнению автора, тоже не выйдет,

так как они не знают «русского домоводства, управления дворовыми людьми и крестьянами и их работами. И мало какой помещик вверит мальчику управление своим имением, отчет на 500, тысячу душ с разными заводами, который вовсе незнаком с оным русским сельским хозяйством, ничего не слыхал о главной его части, русском домоводстве с крепостною собственностью, не производил никаких хозяйственных оборотов, не управлял дворовыми людьми и крестьянами, не распоряжался работами не только сотен, но и десятков тягол… Русский сельский хозяин есть в одно и тоже время земледелец, скотовод, производитель сельских ремесел, купец и отец, судья, охранитель своих людей и крестьян, которых он кормит и бережет, которым дает суд и расправу, не покидает без призрения и пособий ни сиротства, ни одиночества, ни бедности, не болезней…».

Но где и как научить всему этому русского дворянина? Единственный выход из этого критического положения корреспондент видит в организации дворянских сельскохозяйственных училищ, где русский дворянин познавал бы «правила сельского хозяйства и расчетливого домоводства, ухо прислушалось бы к названиям, глаза увидели б чертежи, модели разных хозяйственных строений, земледельческих орудий и машин; лучшие сочинения о сельском хозяйстве сделались бы известными, и все это вкоренилось бы глубоко с малолетства в голове благородных юношей. Дворяне-помещики, обучавшиеся в дворянских училищах сельского хозяйства, не стали бы основывать на поверьях и предразсудках старины своего хозяйства, восставать против улучшений и нововведений в сельском хозяйстве… напротив того, понимая основательно рационально промышленность сельского хозяйства, но и влеклись бы к улучшениям, усовершенствованиям и соревновали бы друг другу в просвещенных трудах». Таким образом, выход из сложившейся ситуации автор видел в организации системы сельскохозяйственного образования для дворян [13, с.14 – 15, 17 – 18].

Особенно обстоятельно обоснован управленческий фактор в публикациях Ф. Унгерн-Штернберга и Н. Пузанова.

Ф. Унгерн-Штернберг писал, что система хозяйства и качество управления в помещичьем имении полностью зависели от владельца или управляющего. Но часть помещиков, занятых на государственной службе, не обладали временем для управления собственными имениями, часть – не обладала должным знаниями и опытом для учреждения правильной системы хозяйства. Староста, зачастую занимался лишь полицейским надзором за крестьянами в имении, не обладая должным опытом и кругозором, не помышлял ни о каких улучшениях, а тем более о нововведениях. Обыкновенный русский управляющий, не обучавшийся в специальных заведениях, был еще бесполезнее старосты, так как не имел основательных теоретических познаний, не знал местных условий и крестьян. В тоже время, управляющие-иностранцы, несмотря на знание теории сельского хозяйства и практической стороны его ведения за границей, как правило, совершенно не знали местных условий и русской действительности, да и качество их, в основном, оставляло желать лучшего. А потому управляющие из русских или иностранцев, желая блеснуть познаниями, не зная местных условий или слепо внедряя западные образцы нововведений, частенько вводили доверителя в прямой убыток, а то и разорение.

Подводя итог, Унгерн-Штернберг заключал, что «…у наших помещиков не достает удобного средства к учреждению в имениях приличной, правильной системы, к ревизии хода хозяйства и действий управляющих, к выбору и правильной оценке самих имений, и к строгому выбору управителей имениями. Недостаток этого средства принадлежит к числу главных причин, останавливающих развитие в России сельского хозяйства в помещичьих имениях» [14].

О зачастую низкой квалификации управляющих («прикащиков») и о необходимости надзора за их деятельностью (а для этого самому хорошо знать собственное хозяйство) писал курский помещик-рационализатор Пузанов:

«Мы избираем для смотрения за крестьянами и их работами: бурмистров, старост, или атаманов, и те от всех работ крестьянских освобождаются; хозяин же помещик, если он только будет заниматься в полном смысле своим сельским хозяйством и крестьянами, вверенными его отеческому попечению, как главный распорядитель всего, безпрестанно должен быть занят своим хозяйством... В нашем сельском хозяйстве, если упустишь день, и что нужно было сделать да не сделаешь, то вся работа и пойдет в разлад: готовое, накошенное сено от случившихся дождей почернеет, или и совсем пропадет, хлеб стоящий на корне переспеет и много его высыпется, сжатый же прорастет, и перестоялая пшеница потеряет свою ценность…

…Многие помещики, нанимая прикащиков, полагаются во всем на них, предоставляя все в их распоряжение. Прикащика можно иметь, но он должен быть только деятельным исполнителем хозяйских распоряжений; в тех же имениях где сами помещики не живут, а находятся напр. на службе… конечно, управляющие не обходимы – но опытные и добросовестные. Они, распоряжаясь уже в имениях на праве самого владельца, получая достойное жалование, о хозяйственных занятиях должны заботиться с полным усердием, дабы хозяйство под их управлением могло находиться в хорошем состоянии.

…Может ли тот помещик назваться хорошим хозяином, который, положась на прикащика, не видит, что на полях его, по посеве хлебов, растет трава; это значит, что земля обработана очень дурно, не вся сплошь вспахана. Само собой разумеется, что тут польза уже хозяину ожидать и хорошего урожая от своих хлебов; на кого же тогда роптать как не на самого себя? С прикащиком что хотите делайте, удерживайте его жалование, если он еще не забрал вперед, увольняйте его, а хлеба все таки нет, и выписанныя за дорогие цены веялки и молотильные машины будут стоят без действия; потому что ни молотить ни веять будет нечего». В заключение же Пузанов предостерегает владельцев от «кабинетных умствований», не сообразных с климатом, почвой и хозяйственными условиями, чреватыми лишь напрасной тратой денег, замечая, что много есть примеров, когда «хозяева, особенно молодые, прочитав кое о чем в книгах, бросаются на нововведения, не понимая всех условий хозяйственных; изстратят капитал – разстроют имение, и после проклинают книжные наставления; а между тем, вся беда произошла от невнимания к делу, или лучше сказать от незнания дела, а не от книг» [10].

Но мало того, что неудачные попытки введения рационального хозяйства разоряли конкретные имения, они служили негативным примером для окружающих.

«Теперь же управители, большею частию из иностран-

цев, – утверждает составитель «Военно-статистического обозрения Тульской губернии», – хотя и производят нововведения в имениях богатых помещиков, но чуждые знания местных средств, свойств почвы, духа людей и потребности того или иного продукта они редко предпринимают что-либо обдуманно, и чаще своими нововведениями разоряют, а не улучшают имения. А между тем, их неудачные опыты производят вообще сильное впечатление на соседних владельцев, которые видя такой пример, не доверяют никаким убеждениям в пользу нововведений. Вот одна из главных причин, почему многие полезные и сообразные с местностию улучшения доселе еще не в употреблении». Именно поэтому многие помещики, признавая пользу и необходимость улучшения в хозяйстве и введения новых сельскохозяйственных орудий, но сомневаясь в применимости нового порядка в их владениях, довольствовались «первобытным способом возделывания земли», или приступали к преобразованиям «медленно, по мере средств своих» [12, с.64 – 65].

О негативных последствиях неудачных попыток введения европейских новшеств сообщал также и один из тульских губернаторов [7].

Одним из важнейших элементов успеха в хозяйственной деятельности Г. Безобразов называл «точное сведение об управляемом имении» и, как следствие «нетребование от него доходов свыше возможности». По его убеждению, знание потенциала своего хозяйства было одним из оснований, чтобы «извлекать существенную выгоду, не расстраивая своего состояния» [1, с.5 – 6].

Так видели хозяева-практики и опытные агрономы-рационализаторы субъективные трудности на пути совершенствования аграрного строя помещичьих хозяйств, вытекающие из социокультурных стереотипов, присущих поместному дворянству дореформенной эпохи. Без их преодоления и нежелания вникать в дела своего хозяйства, отсутствия толковых практических руководств и управляющих, нерасчетливости и увязывания уровня доходов с уровнем расходов повышение уровня земледелия в масштабах крепостной экономики было едва ли достижимо. Таким образом, русские публицисты, преимущественно помещики-практики, имели, с нашей точки зрения, достаточно точное представление о тех качествах, которыми должны были обладать предприниматели и управленцы для создания рационально организованного и эффективно функционирующего хозяйства. Однако в аграрном секторе крепостнической России они находились в лучшем случае в зачаточном состоянии, что препятствовало широкому распространению рационализаторства в помещичьих имениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Безобразов Г. Взгляд на сельское управление и хозяйство в великороссийских губерниях. М.: Б. и., 1853. 24 с.

2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. Т.XIII. Ч.3. Курская губерния. СПб.: В типографии департамента Генерального штаба, 1850. [2], 248 с.; 35 л. табл.

3. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Генерального штаба. Т.VI. Ч.4. Тульская губерния. СПб.: В типографии департамента Генерального штаба, 1852. [1], 168 с.; 6 л. табл.

4. Воронежец. Кое-что о причинах упадка помещичьих имений // Курские губернские ведомости (далее КГВ). 1844. № 11. Отд.II. Ч.неоф. С.110 – 113.

5. Дружеский совет // КГВ. 1842. № 4. Отд.II. Ч.неоф. С.43 – 44.

6. Записки Лебедянского общества сельского хозяйства за 1850 г. М., 1851. С.57

7. Крутиков В.И. О попытках перестройки некоторых помещичьих хозяйств Тульской губернии в 30 – 50-х гг. XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. Отв. ред. В.К. Яцунский. М.: МГУ, 1970. С.256 – 264

8. КГВ. 1857. № 8. Отд.II. Ч.неоф. С.47.

9. Лавров. И.О. Отчет за одиннадцать лет о ходе и произведения Болховского хозяина // Отечественные записки. 1844. Т.XXXV. № 6. Отд.IV. С.1 – 16; Т.XXXVI. № 9. Отд. IV. С.1 – 30; Т.XXXVII. № 12. Отд.IV. С.1 – 24.

10. Пузанов Н. Практические замечания по сельскому хозяйству в отношении благосостояния владельца и его крестьян // КГВ. 1856. № 22. Отд.II. Ч.неоф. С.141 – 146.

11. Пфеллер А.И. Сведения о хозяйстве в черноземных имениях Тульской, Рязанской, Орловской и Курской губерний // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1846. № 2. С.91 – 109.

12. Размышления о сельских хозяевах и сельском хозяйстве // КГВ. 1857. № 8. Отд.II. Ч.неоф. С.45 – 46.

13. Речь о средствах, которыми можно оживить и утвердить на основании прочном и незыблемом промышленность сельского хозяйства в России // КГВ. 1842. № 2. Отд. II. Ч.неоф. С.13 – 18.

14. Унгерн-Штернберг Ф. Меры к улучшению частных имений // КГВ. 1846. № 36. Отд.II. Ч.неоф. С.424 – 425.

НАДЗОР ЗА ИНОСТРАНЦАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1801–1861 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Тихонова А.В.,
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России,
Смоленский государственный университет

Ключевые слова: надзор, иностранцы, Российская империя, историография, 1801, 1861
Key words: supervision, foreigners, the Russian Empire, historiography, 1801, 1861

Аннотация. В статье дан обзор научной литературы по теме, малоизученной в отечественной и зарубежной историографии. Рассмотрены работы, посвященные деятельности Особенной канцелярии при Министерстве полиции (позже Министерстве внутренних дел) и III Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Основное внимание автор уделил публикациям по истории надзора за иностранцами в первой половине XIX века. В статье подчеркнуто, что в последние годы наблюдается исследовательский интерес к указанной проблеме.

The article contains an overview of scientific literature about the theme, which is insufficiently studied in Russian and foreign historiography. The author examines scientific works about the activities of the Special chancery of the Police Ministry (later the Ministry of Internal Affairs) and Third Department of His Majesty the Own Emperor`s Chancery. The main attention is paid to publications on the history of supervision of foreigners in the first half of the XIX century. The author pointed out that in the last years there has been research interest in this problem.

Проблема надзора за иностранцами в Российской империи относится к малоизученным темам в отечественной и зарубежной историографии. Традиционно внимание уделялось истории высших государственных органов, специально уполномоченных императором осуществлять контроль над иностранцами на территории России. Работы, посвященные этим вопросам, логично разделить на научную литературу об Особенной канцелярии при Министерстве полиции (позже МВД) и III Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

В дореволюционной историографии об Особенной канцелярии упоминалось как о структуре, подведомственной Министерству полиции, а затем МВД, позже упраздненной в связи с созданием III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии[1]. В советский период полномочия Особенной канцелярии эпохи Александра I были описаны Н.П. Ерошкиным. В рамках изучения истории государственных учреждений императорской России он отметил как одно из направлений деятельности этого органа контроль над иностранцами[2].

В 1990-е годы среди публикаций, посвященных высшим органам управления империи, стоит остановиться на работе финского историка Петере Мустонена. В своей монографии «Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления»[3] он, характеризуя деятельность названного учреждения в первой половине XIX века, подчеркнул, что усилению российской охранительной политики в этот период способствовала политическая нестабильность в Европе. Правительство империи в этих условиях стремилось сохранить «systemé destabilité»[4]. Мустонен считает, что отнесение Собственной Его Императорского Величества канцелярии к высшим органам управления не совсем справедливым, учитывая, что «чиновники канцелярии, за несколькими исключениями, не обладали распорядительной властью, но и не имели права принимать самостоятельные решения без императорской санкции»[5]. По мнению П. Мустонена, с функциональной точки зрения Канцелярию стоит рассматривать «как учреждение-агент или межведомственное личное агенство самодержца, составную часть ИС» (исполнительной системы), а с точки зрения методов управления историк предлагает определить ее «как неформально управляемую структуру»[6]. П. Мустонен подчеркнул архаичную природу Канцелярии на всем протяжении рассматриваемого периода.

Из отечественных историков в 1990-х годах Ф.Л. Севастьянов охарактеризовал деятельность Особенной канцелярии в собственной диссертационной работе[7], статьях[8] и монографии[9]. Последняя посвящена истории высших политических органов от Тайной экспедиции до создания III Отделения. Ф.Л. Севастьянов подчеркнул преемственность в деятельности тайной полиции в течение XVIII – первой четверти XIX века и на конкретном материале показал совершенствование методов ее работы. В монографии Л.Ф. Писарьковой «Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение» справедливо было обращено внимание на стремление правительства наладить согласованность действий всех уровней государственного управления и налаживание каналов информации между Собственной Его Императорского Величества канцелярией, министерствами и губернаторами[10].

Традиционно в отечественной историографии проявлялся интерес к *II* Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии как учреждению, контролировавшему все основные направления внутриполитической жизни страны. Именно как орган политического сыска, противостоявший радикальным общественным настроениям, III Отделение изучалось в дореволюционный и советский периоды. Еще в 1856 году вышла в свет работа Ф.И. Проскурякова, в которой упоминались основные положения указа о III Отделении[11]. Столь же кратко характеризовал этот орган в своем труде «Полицейское право» Н.Е. Андриевский[12]. Свою лепту не столько в изучение роли III Отделения, сколько в присвоении ему заведомо отрицательной оценки внес политический памфлет «Правда об императоре Николае I», анонимно опубликованный в 1854 году в Париже Н.И. Сазоновым, членом кружка А.И. Герцена[13]. В дореволюционных работах начала XX века авторы обращали внимание на различные аспекты деятель-

ности III Отделения, например, цензурные ограничения[14], привлечение к суду за государственные преступления[15], влияние личности монарха на «идейное» содержание и подбор доверенных лиц, осуществлявших его волю[16].

Определенным этапом в исследовании деятельности III Отделения стала публикация известной монографии И.М. Троцкого (1930)[17], в которой были затронуты вопросы структуры и штата этого правительственного учреждения. В последующие годы материалы III Отделения попали в спецхран и изучение этой темы находилось фактически под запретом.

В 1960–1980-е годы, уже в иной общественно-политической обстановке, вновь проявляется исследовательский интерес к этому учреждению, но, главным образом, как к органу борьбы с революционно-освободительным движением[18]. В работах Н.П. Ерошкина по истории государственных учреждений обращалось внимание на преемственность деятельности III Отделения и Особенной канцелярии в системе государственного управления России, а также на возможность оперативного взаимодействия обоих учреждений с императором как носителем верховной власти[19]. Характеристика ситуации, предшествовавшей созданию III Отделения, его структура были даны в статье Т.Г. Деревниной[20]. Вопросами организации политического сыска в дореволюционной России начал заниматься А.Г. Чукарев[21]. Изучению внутреннего устройства, направлений деятельности этого учреждения, значения его в сдерживании революционных настроений в условиях абсолютной монархии уделил внимание И.В. Оржеховский в своей монографии «Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.)»[22].

Из иностранных авторов историей III Отделения занимались американский историк С. Монас[23] и английский ученый П. Сквайер[24], которые в своих работах отмечали значительное влияние III Отделения на принятие российским государем и правительством важных политических решений. С. Монас провел сравнение III Отделения с аналогичными органами тайной полиции в Европе, созданными еще в конце XVIII века, и находил схожие черты, более подробно остановившись на цензурных мероприятиях III Отделения. П. Сквайер в своей монографии уделил внимание в числе других и проблеме надзора за иностранцами. В целом же он оценил работу жандармского корпуса как малоэффективную.

Начиная с 1990-х годов изучение деятельности III Отделения как органа политического сыска ведется особенно активно. В научной литературе были освещены вопросы, связанные со спецификой работы III Отделения[25], комплектованием его штатов, биографиями отдельных руководителей[26], реагированию этого органа на изменения общественно-политической обстановки в начальный период правления Александра II[27]. Событием стала источниковедческая диссертационная работа М.В. Сидоровой, анализирующая архивные фонды III Отделения и его преемника – Департамента полиции МВД[28].

Из работ постсоветского периода следует отметить коллективную монографию «Власть и реформы. От самодержавия к советской России»[29], в которой с опорой на работы Н.П. Ерошкина и П.А. Зайончковского, были перечислены структурные изменения в ходе реформы Канцелярии Его Императорского Величества и законодательные акты, касавшиеся III Отделения. Авторы монографии, резюмируя итоги реформы, подчеркнули, что «в России императорская власть при Николае I представала как военно-полицейская диктатура»[30]. В докторской диссертации А.Г. Чукарева «Третье Отделение и русское общество во второй четверти XIX в. (1826–1855 гг.)»[31] основное внимание было уделено борьбе III Отделения с антиправительственными проявлениями. Предметом научного изучения стала и личность А.Х. Бенкендорфа, которая с 1990-х годов и до настоящего времени привлекает все большее внимание исследователей[32].

В 2000-е годы число работ, посвященных политической полиции, резко возрастает. Одной из обобщающих работ стала коллективная монография «Жандармы», освещавшая разные аспекты деятельности политической полиции[33]. Тот же А.Г. Чукарев провел анализ деятельности III Отделения в период правления Николая I в своей монографии «Тайная полиция России (1825–1855)»[34].

«Место политического сыска во взаимоотношениях власти и общества» в николаевское время попыталась определить О.Б. Рослякова в своей кандидатской диссертации «III-е Отделение в период царствования Николая I»[35]. Вполне логично автор коснулась истории появления, вопросов структуры, кадрового состава, методов работы этого учреждения, а также рассмотрела изменения общественного мнения и реакцию на это III Отделения при Бенкендорфе и графе Орлове. Стоит подчеркнуть, что в упомянутой работе было обращено внимание и на предысторию создания III Отделения. В 2010 году О.Б. Рослякова в соавторстве с В.И. Порохом опубликовала монографию «III Отделение при Николае I»[36], в которой был обобщен большой фактический материал по проблеме.

Тем не менее, все вышеперечисленные работы мало касались надзора за иностранцами. Именно по данной теме научные публикации единичны и относятся к последнему десятилетию. Первой стала статья М.В. Сидоровой и Е.И. Щербаковой «Наблюдение за иностранцами в Российской империи»[37], в которой был представлен краткий обзор значительного по объему документального материала фонда III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Авторы привели конкретные примеры из архивных дел, свидетельствующие об осуществлении III Отделением секретного наблюдения в отношении иностранцев. Впервые в статье было упомянуто о деятельности Комитета об иностранцах, созданного в 1841 году. Авторов интересовал лишь один вид надзорных мероприятий – наблюдение за иностранцами. Активные действия властей в отношении иностранных подданных в статье не затрагивались. Временные рамки, избранные М.В. Сидоровой и Е.И. Щербаковой, не были четко обозначены, но упоминание материалов архивного фонда III Отделения позволяет предположить, что это период деятельности данного учреждения – 1826–1881 годы. В реальности же излагаемые в статье сюжеты ограничиваются временным отрезком – 1826–1861 годы. Исследование М.В. Сидоровой и Е.И. Щербаковой было представлено на IX Царскосельской научной конференции, а потому статья не претендовала на полноту, являясь своего рода обозначением интересной научной темы, которую возможно исследовать на богатом материале архивного фонда III Отделения. Сами авторы подчеркнули, что «позволили себе лишь слегка прикоснуться» к многосторонней и обширной теме «Иностранцы в России».

Вопросы организации паспортного режима, участия III Отделения в реализации мер по ограничению влияния иностранных подданных на общественную жизнь России, контроля над ними были рассмотрены в публикациях саратовского историка О.Ю. Абакумова[38]. Они характеризуют деятельность III Отделения в 1830-х – начале 1860-х годов, то есть охватывают большую часть эпохи Николая I и начало правления Александра II. Автор, привлекая новые архивные документы, подробно остановился на деятельности агентуры III Отделения, сумел реконструировать биографии некоторых сотрудников и агентов этого учреждения, показать методы их работы. Особое внимание было уделено вопросам цензуры, которую осуществляло III Отделение. О.Ю. Абакумов отметил деятельность Комитета об иностранцах, но посчитал, что работа этого высшего органа управления сводилась к согласованию позиций III Отделения и ключевых министерств в отношении иностранных подданных и не имела конкретного результата. Последнее не соответствует действительности, так как на основе обнаруженных архивных данных удалось выяснить, что по инициативе Комитета Министерство внутренних дел организовало в течение 1841–1844 годов сбор статистических сведений об иностранцах, проживавших на территории Российской империи. Не снижая высокой оценки исследовательской работы О.Ю. Абакумова, можно согласиться с замечанием В. Мильчиной, отметившей в своей рецензии, что историком была упущена проблема взаимодействия ведомств и местных властей при осуществлении контроля над иностранцами[39].

III Отделение осуществляло контроль над иностранными учителями и воспитателями, на примере гувернанток во второй половине XVIII– первой половине XIX века этого вопроса коснулась в своей монографии О.Ю. Солодянкина[40].

Одной из последних работ, затронувших тему иностранцев в николаевской России на материалахIII Отделения, стала монография

Н.В. Макаровой «Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I»[41]. В ней автор, рассматривая иностранцев как особую социальную группу, проанализировала документы III Отделения, отражающие отдельные аспекты их пребывания в России. Н.В. Макарова перечислила названия большого количества архивных дел, которые позволяют составить об этом представление: жалобы колонистов; прошения о въезде в Россию и желании вступить в российское подданство; предложения проектов развития отдельных отраслей и услуг и просьбы о материальной поддержке; материалы о передвижениях по службе; прошения о разрешении вступить в брак или взыскать долги; описание мер в отношении совершивших противозаконные поступки. Однако надзорные функции как отдельное направление автором не были выделены.

Названия дел нередко указывают на причины их составления и свидетельствуют о стремлении III Отделения контролировать действия отдельных категорий иностранцев (врачей, учителей), а также предотвращать нанесение ущерба казне и российским подданным со стороны иностранных авантюристов и мошенников. В качестве меры пресечения действий последних применялась высылка из столичных городов или за пределы страны[42]. Изучая документы, Н.В. Макарова пришла к выводу об ошибочности утверждения И.В. Оржеховского о том, что III Отделение стремилось активно вмешиваться в дела иностранцев. Напротив, по ее мнению, сами иностранцы часто обращались с прошениями к губернаторам, а те подготавливали соответствующие представления в III Отделение, которое вынуждено было реагировать и применять меры надзора[43]. Материал, изложенный Н.В. Макаровой, довольно пестрый, фрагментарный, что, вероятно, было связано с желанием автора охватить все стороны жизни иностранцев, отраженные в документах III Отделения.

Именно многосторонняя, разнообразная деятельность этой организации, наделенной широкими полномочиями, позволила автору рассмотреть положение всех слоев российского общества в эпоху Николая I[44]. При этом Н.В. Макарова отметила, что «слой иностранных подданных был почти равным другим привилегированным слоям российского общества»[45]. Однако не ясными остались основания для такого утверждения. Может быть, по мнению этого историка, достаточно того, что «часть их [иностранцев] находилась на военной и гражданской службе»[46]. Кроме того, деловая активность иностранцев «была больше, чем у российских подданных», и «иностранцы того времени активно осваивали российский рынок услуг, получая немалые деньги»[47]. Но насколько вескими являются эти доказательства «почти» привилегированного положения, можно спорить. Н.В. Макарова упоминает и, вполне справедливо, о нежелании российского правительства брать на себя содержание неимущих иностранцев[48]. Единственное реальное преимущество иностранных подданных, вскользь упомянутое исследовательницей, – это сохранение личной свободы и запрет на обращение в крепостное состояние[49].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время освещение деятельности контрольно-надзорных органов в отношении иностранцев является проблемой, которая только начала привлекать исследователей. В то же время имеющиеся работы свидетельствуют, что по данной теме существует значительный круг архивных источников, содержащий разнообразный и интересный материал для ее раскрытия.

СНОСКИ

1. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. СПб., 1861. Кн. 1. Ч. 3. С. 10.

2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. 357 с.; Он же. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. С. 43–268.

3. Мустонен П. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления». Хельсинки: Kikimora Publications, 1998. 357 с.

4. Там же. С. 90.

5. Там же. С. 302.

6. Там же. С. 303.

7. Севастьянов Ф.Л. «Высшая полиция» в России в первой четверти XIX в.: структуры, кадры, основные направления деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Санкт-Петербургский гос. университет экономики и финансов. СПб., 1999. 19 с.

8. Севастьянов Ф.Л. Проблема организации «высшей

полиции» в ходе государственных преобразований в России начала XIX в. // Клио. 1999. № 3. С. 110–117; Он же. Развитие «высшей полиции» при Александре I // Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. С. 201–247.

9. Севастьянов Ф.Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением. От тайного сыска к политическому розыску. М.: Межрегиональный институт экономики и права, 2008. 304 с.

10. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. С. 327.

11. Проскуряков Ф. И. Руководство к познанию действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов. СПб., 1856. Т. 1. С. 92 – 93.

12. Андриевский Н. Е. Полицейское право: в 2 т. СПб.,1871–1873.

13. Сазонов Н. И. Правда об императоре Николае // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41–42. С. 213–214.

14. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам III отделения С.Е.И.В. канцелярии. СПб., 1909. 614 с.

15. Государственные преступления в России в XIX веке: сб. извлеченных из официальных изданий и правительственных сообщений / сост. В. Базилевский (В. Богучарский): в 3 т. СПб., 1903–1905.

16. Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. 436 с.

17. Троцкий И.М. III-е Отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990. 318 с.

18. Дьяков В.А. Освободительное движение в России. 1825–1861 гг. М.: Мысль, 1979. 286 с.; Бажева Т.М. Система правительственного контроля за общественными организациями в России (1825–1861 гг.) // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск, 1986. С. 92–102.

19. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Московский гос. ист.-арх. институт, 1965. 417 с.; Он же. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз, 1960. 395 с.; Он же. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М.: Третий Рим, 1997. 357 с.; Он же. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. С. 43–268.

20. Деревнина Т.Г. Из истории образования III-го Отделения // Вестник МГУ. История. 1973. № 4. С. 51–69.

21. Чукарев А. Г. Организация политического розыска царской России в XIX–XX вв. // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Т. 9. Владивосток, 1973. С. 160-169.

22. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.

23. Monas S. The Third Section.Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961.362 p.

24. Squire P.S. The Third Department: The Establishment and Practice of the Political Police in the Russia of Nicholas I. London, 1968. 755 p.

25. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб.: Час пик, 1992. 412 с.; Мулукаев Р. С. Полиция в России (XI в. – начала XX в.). Н.Новгород: Б.и., 1993.

26. Сидорова М.В. Дубельт Л.В. и его родственники // Из глубины времени. 1994. № 3. С. 168–178; Она же. Штаты III Отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии // Из глубины времен. Вып. 4. СПб., 1995. С. 3–11.

27. Абакумов О.Ю. III Отделение в период общественного подъема конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Саратовский гос. университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1994. 17 с.

28. Сидорова М.В. Архивы центральных органов политического розыска России XIX – начала XX вв.: III Отделение с. е. и. в. канцелярии и Департамент полиции МВД: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02 / Московский гос. историко-архивный институт. М., 1993. 24 с.

29. Власть и реформы. От самодержавия к советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.

30. Там же. С. 239.

31. Чукарев А.Г. Третье Отделение и русское общество во второй четверти XIX в. (1826–1855 гг.): автореф. дис. …д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ярославский гос. университет. Ярославль, 1998. 49 с.

32. Олейников Д.И. Александр Христофорович Бенкендорф // Российские консерваторы. М.: Б.и., 1997. С. 63–97; Чукарев А.Г. Александр Христофорович Бенкендорф // Российский исторический журнал. 2001. № 2. С. 3–16; Он же. Александр Христофорович Бенкендорф. Следствие и суд над декабристами // Российский исторический журнал. 2003. № 2. С. 30–48; Севастьянов Ф.Л. Александр Христофорович Бенкендорф // Жандармы России. СПб.: Нева, 2002. С. 411–420; Бибиков Г. Н. Александр Христофорович Бенкендорф (1781–1844): исторический портрет // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8. История. 2007. № 1. С. 36–60 и др.

33. Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. 638 с.

34. Чукарев А.Г. Тайная полиция России (1825–1855). М.: Кучково поле, 2005. 701 с.

35. Рослякова О.Б. III-е Отделение в период царствования Николая I: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Саратовский гос. университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2003. 19 с.

36. Порох В.И., Рослякова О.Б. III Отделение при Николае I. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2010. 238 с.

37. Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Петербург – место встречи с Европой: материалы IX Царскосельской научной конференции. СПб.: Царское Село, 2003. С. 303–316.

38. Абакумов О.Ю. «… Большая часть из них канальи…» (Надзор за иностранцами в России 1840–1860-х гг.) // Туризм и культурное наследие: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 45–77; Он же. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е–начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. 212 с.

39. Мильчина В. Труды и дни борцов с заразой. – Рецензия на книгу: Абакумов О.Ю. «…Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III

Отделения с европейским влиянием в России (1830-е–начало 1860-х гг.). Саратов, 2008 // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 384–391.

40.Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII–первая половина XIX века). М.: Academia, 2007. 511 с.

41.Макарова Н.В. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I. М.: Экон-информ, 2012. 393 с.

42.Там же. С. 241–249.

43. Там же. С. 247.

44.Горелова С.И., Михеенков С.П. Н.В. Макарова. Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I (по материалам III Отделения) // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 170–172.

45.Макарова Н.В. Указ. соч. С. 252.

46.Там же. С. 239.

47.Там же. С. 250.

48. Там же. С. 248.

49. Там же. С. 245.

СОЦИОЛОГИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЕЖИ

Осипова Л.Б.,
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра Государственного и муниципального управления,
Тюменский государственный архитектурно-строительный университет,
Горева О.М.,
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра Математических методов в экономике,
Тюменский государственный нефтегазовый университет

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, воспитание, гражданин, гражданственность, патриотизм, молодежь
Key words: values, value orientations, education, citizen, civic spirit, patriotism, learning youth

Аннотация. Гражданские ценности – важнейший элемент мировоззренческой системы личности и общества, определяющий жизненную позицию молодежи. В статье авторы затрагивают проблему формирования гражданской компетентности молодежи, определяют условия для воспитания гражданина-патриота. Особый акцент сделан на рассмотрении диагностической методики, позволяющей определить уровень развития понятийно-категориального понятия «гражданственность» у молодых людей.

Civic Values are the core element of world outlook system of a personality which determines the attitude to life of the youth. The author touches upon the problem of the formation of civic competence of the youth, defines the conditions of education of a citizen and a patriot. The emphasis is made on examination of a diagnostic model which allows defining the level of development of the notion of civic spirit for the young people.

Радикальные изменения, произошедшие в 80-е годы XX века в общественно-политической жизни России, имеют важнейшие и неоднозначные последствия для развития российского общества в XXI веке. Современная ситуация в стране сложна и противоречива. Изменение роли и значения различных социальных институтов, криминализация сфер жизни общества, резкая социально-экономическая дифференциация населения страны, появление новых личностных образцов для подражания – все это повлекло возникновение ряда проблем в жизни современного российского общества и привело к девальвации гражданских ценностей молодежи.

Молодежь одна из крупных социально-демографических групп общества, ежегодно пополняющая экономически активное население страны. В.Т. Лисовским справедливо замечено: «Молодежь – важный субъект социальных перемен, огромная инновационная сила. И как использовать эту силу, куда ее направить, на достижение каких целей, от решения этой задачи зависит благополучие нашего общества» [5]. В силу своего статусного состояния молодежь своей деятельностью как бы включает закономерности прошлого в настоящее и тем самым обусловливает переход в будущее. В этом случае важнейшим фактором развития современного общества являются ценности, социальные нормы и нравственные установки современной молодежи. В связи с этим постараемся раскрыть сущность научных категорий «ценности» и «ценностные ориентации».

Сегодня распространенным является определение «ценности» восходящее к К. Клакхону. По его мнению, «ценности представляют собой точку пересечения между индивидуумом и обществом, а ценностный подход в целом направлен на изучение и объяснение межкультурных вариаций [3]. По мнению В.П. Тугаринова, «ценности» - это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов, а так же идеи и их побуждения в качестве нормы, цели и идеала» [9]. Социальные психологи рассматривают ценностные ориентации как важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида. Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностных ориентаций образует своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности, выраженную в направленности потребностей и интересов. По мнению Кириловой Н.А., система ценностных ориентаций имеет многоуровневую структуру. Вершина ее – ценности, связанные с идеалами и жизненными целями личности [4]. Можно полностью согласиться с В.Т. Лисовским, что система ценностей человека есть «фундамент» его отношения к миру. Ценности – относительно устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных общественных благ [5]. Лисовский В.Т. утверждает, существуют «сквозные» ценности, являющиеся стрежневыми в любой деятельности. К ним можно отнести: трудолюбие, образованность, воспитанность, порядочность, терпимость, человечность.

Становление гражданственности имеет свою давнюю историю. Гражданская проблематика присутствует в сочинениях Платона, Аристотеля, Цицерона. Позднее в тру-

дах зарубежных классиков Ф. Бэкона, Б. Спинозы, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье, И. Канта, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, К. Маркса данная проблема наполняется предметным содержанием, становясь системной. Анализ понятий «патриотизм», «гражданственность», «гражданский долг», «гражданские обязанности» довольно часто можно встретить в сочинениях Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, М.М. Ковалевского, П.А. Новгородцева, Б.Н. Чичерина. Основу анализа гражданственности заложили отечественные педагоги А.С Макаренко, К.Д. Ушинский, В.А. Сухомлинский. Психологическое обоснование проблем воспитания гражданина дано в трудах Л.И. Божович, С.Н. Иконниковой, С.Л. Рубинштейна. В современный период особый интерес представляют научные публикации К.Г. Барбаковой, В.В. Гаврилюк, З.Т. Голенковой и др.

Несмотря на присутствие гражданской тематики в проблемном поле гуманитарных наук, категория «гражданственность» относится к числу мало изученных и редко употребляемых. В науке существуют различные подходы к толкованию сущности понятия «гражданин». В словаре В. Даля, слово «гражданин» означает «городской житель, член общины или народа под общим управлением, каждый человек или лицо из составляющих народ [2]. Рассуждая о гражданине, исходим из понятия данного А.Б. Барихиным «Гражданин – в конституционном и международном праве – человек, обладающий всей совокупностью прав и обязанностей, имеющий гражданство данного государства» [1].

При всей незавершенности построения современной модели гражданского общества в России, в русской культурной традиции сложилось свое понимание гражданственности, весьма актуальное для современной российской действительности. Гражданственность – это совокупность убеждений и взглядов, которая предполагает, с одной стороны, высокую степень независимости и самостоятельности индивидуальных суждений об обществе, с другой – приоритет нерушимой социальной солидарности, коллективизма, выражающийся в активном участии человека в жизни общества.

Формирование гражданственности – процесс непрерывный, сложный и который проходит через всю жизнь человека. Г.Н. Филимонов определяет гражданственность как «комплекс субъективных качеств личности, проявляющихся в отношениях и деятельности человека, выполняющего основные социальные функции – осознанной законопослушности, патриотической преданности в служении Родине и защите интересов Отечества, в подлинной и честной приверженности к ориентациям на общепринятые нормы и нравственные ценности» [11].

Однако реальное содержание данных качеств зависит от того, какая социокультурная программа (или их совокупность) выступает в качестве базовой культуры общества. В соответствие с этим авторы предлагают модель формирования гражданственности, которая позволяет получить целостное представление о состоянии рассматриваемого феномена (Рис.1). Как видно, гражданственность репрезентируется на трех взаимосвязанных, но в то же время относительно независимых друг от друга, уровнях: культурном, социосистемном, личностном. Каждый из этих уровней является системой взаимосвязанных между собой элементов. При этом, культурный и социосистемный уровень представляют структурный аспект гражданственности, личностный – субъектно-деятельностный. Ядром гражданственности, на уровне культурной подсистемы, является социокультурная программа, которая включает в себя гражданские ценности, модели гражданского поведения, универсум знаний, релевантных гражданской сфере общества. Однако надо учесть, что ее содержание меняется под воздействием социальной системы и системы личности, с которыми она взаимодействует с «внешней средой», а также под воздействием внутренних факторов.

На уровне социальной системы основным элементом является «социетальная гражданственность» - совокупность базовых, сложившихся на определенный момент времени, гражданских ценностей и норм, систему гражданских ролей, принятых в обществе за образец. На уровне «подсистемы личности» гражданственность включает следующие элементы: *когнитивный компонент,* (информированность, гражданская компетентность); *ценностные ориентации* (ориентация на гражданские ценности); *гражданская идентичность.*

Когнитивный компонент гражданственности личности обозначает степень осведомленности о событиях и процессах, происходящих в пространстве гражданской сферы общества.

Ценностный аспект гражданственности сконцентрирован на выявлении значимых для личности-субъекта гражданских ценностей.

Идентификационный компонент гражданственности определяется как процесс и результат отождествления личности с релевантными объектами гражданской сферы (государством, гражданскими структурами и т.д.).

Отметим, что субъектный уровень гражданственности личности является лишь условием некоторой подлинной гражданственности, реализованной в деятельности. Деятельностная гражданственность определяется как созидательная активность гражданина-личности в пространстве гражданской сферы общества, в результате которой субъектные предпосылки (когнитивный, ценностный, идентификационный компонент) становятся реальностью гражданской сферы [6].

Современная социальная ситуация диктует потребность в воспитании молодого гражданина, владеющего способами и средствами сохранения и развития себя как личности, умениями преобразования общества, способностью транслировать образцы культурных взаимодействий во всем многообразии социальных отношений с людьми, природой. В сознании учащегося ценности гражданской культуры должны быть представлены в форме идеалов, целей, норм его жизнедеятельности и воплотиться в отношениях, поступках, деятельности [10].

С этой целью важно зафиксировать и понять ценности, которыми руководствуется подрастающее поколение. В 2013 году проведен социологический опрос среди старшеклассников образовательных учреждений Сургутского района. Опросу подлежали подростки в возрасте 14-16 лет в количестве 125 человек. Возраст респондентов выбран не случайно, это период активного формирования социальных интересов и жизненных идеалов, интеллектуального и физического развития, профессионального самоопределения. Правильность выбора подтверждает высказывание В.А. Сухомлинского, «в этом возрасте появляется интерес к мировоззренческим вопросам, стремление оценивать собственными умственными усилиями те или иные события, желание иметь собственное суждение, мнение по тому

или иному вопросу» [8].

Гражданские ценности учащейся молодежи представляют содержательно-образующий аспект гражданской культуры. Как показали результаты исследования, высоким уровнем гражданственности обладает 9,2% подростков, средним уровнем – 39,8%, низким – 37,4%, крайне низким – 13,6%. Выявлено, что не все подростки знают свои конституционные и гражданские права, а, следовательно, испытывают затруднения в применении их в реальной жизни [7].

Надо отметить, что молодое поколение в большей степени подвержено влиянию общественно-политической и социально-экономической ситуации. Результаты исследования, представленные в табл. 1, подтвердили гипотезу авторов о том, что учащаяся молодежь при оценке собственных ценностных суждений о различных проблемах общества повторяют мнения родителей и педагогов, СМИ, а так же друзей.

Таблица 1. Мнение подростков о наличии проблем в современной России, в %

ПРОБЛЕМЫ	I группа респондентов 14 и 17 лет					
	2013 г. – 9 класс			2013 г. – 11 класс		
	Сургут	Лянтор	Нижний Сортым	Сургут	Лянтор	Нижний Сортым
Коррупция во властных структурах	15	6	3	57	21	19
Рост преступности	56	42	35	56	49	44
Межнациональная напряженность	10	17	21	18	32	28
Опасность распада России	12	3	6	7	12	3
Культурный кризис	8	14	4	27	37	24
Экологическая ситуация	5	18	12	33	49	43
Социальное «расслоение» общества	6	11	2	9	14	23
Инфляция, рост цен	45	38	43	62	52	54
Безработица	4	7	19	30	49	41
Агрессия из-за рубежа (НАТО)	18	9	3	26	12	17
Скатывание к гражданской войне	1	-	5	25	22	19
Терроризм	14	12	9	35	28	31
Безразличие граждан к происходящему	2	7	5	26	28	32
Затрудняюсь ответить	74	31	27	8	3	2

Однако, в большинстве подростки настроены весьма патриотично, выразили желание жить в великой стране, обеспечивающей достойную жизнь своим гражданам, уважающей их права и свободы. Половина респондентов верит в будущее России: надеемся увидеть ее высокоразвитой державой мира – 51,2% респондентов; страной со средним уровнем развития – 37,6%; не верю в успешность завтрашнего дня – 6,2%; затруднились с ответом – 5,0%.

Воспитывая гражданина-патриота, необходимо формирование определенных ценностей, задающих архитектуру пространства жизнедеятельности подростков, где идет определение смысла жизни для человека. Образование как основа интеллектуального и профессионального становления стала ценностью для молодежи. Стремление получить хорошее образование одинаково актуально для молодежи в разные периоды общественной жизни. На вопрос «Удовлетворены ли Вы получением образования в школе?» результаты оказались следующими: удовлетворен – 21,3%, вполне удовлетворен – 31,3%, частично удовлетворен – 20,7%, неудовлетворен – 18,2%, затруднились в ответе – 8,5%. Определяя образование как важную жизненную ценность, треть респондентов испытывает неудовлетворенность качеством школьного образования. В ответах молодежи отмечается низкий уровень преподавания отдельных учебных предметов: физики, химии, иностранного языка. Отмечают недостаточное внедрение инновационных программ в образовательный процесс, низкий уровень профессионализма отдельных педагогов, тип образовательного учреждения. Анализируя в динамике изменения приоритеты жизненных ценностей в общественном мнении молодого поколения, результаты распределились следующим образом (Табл. 2):

Таблица 2. Жизненные ценности респондентов, в %

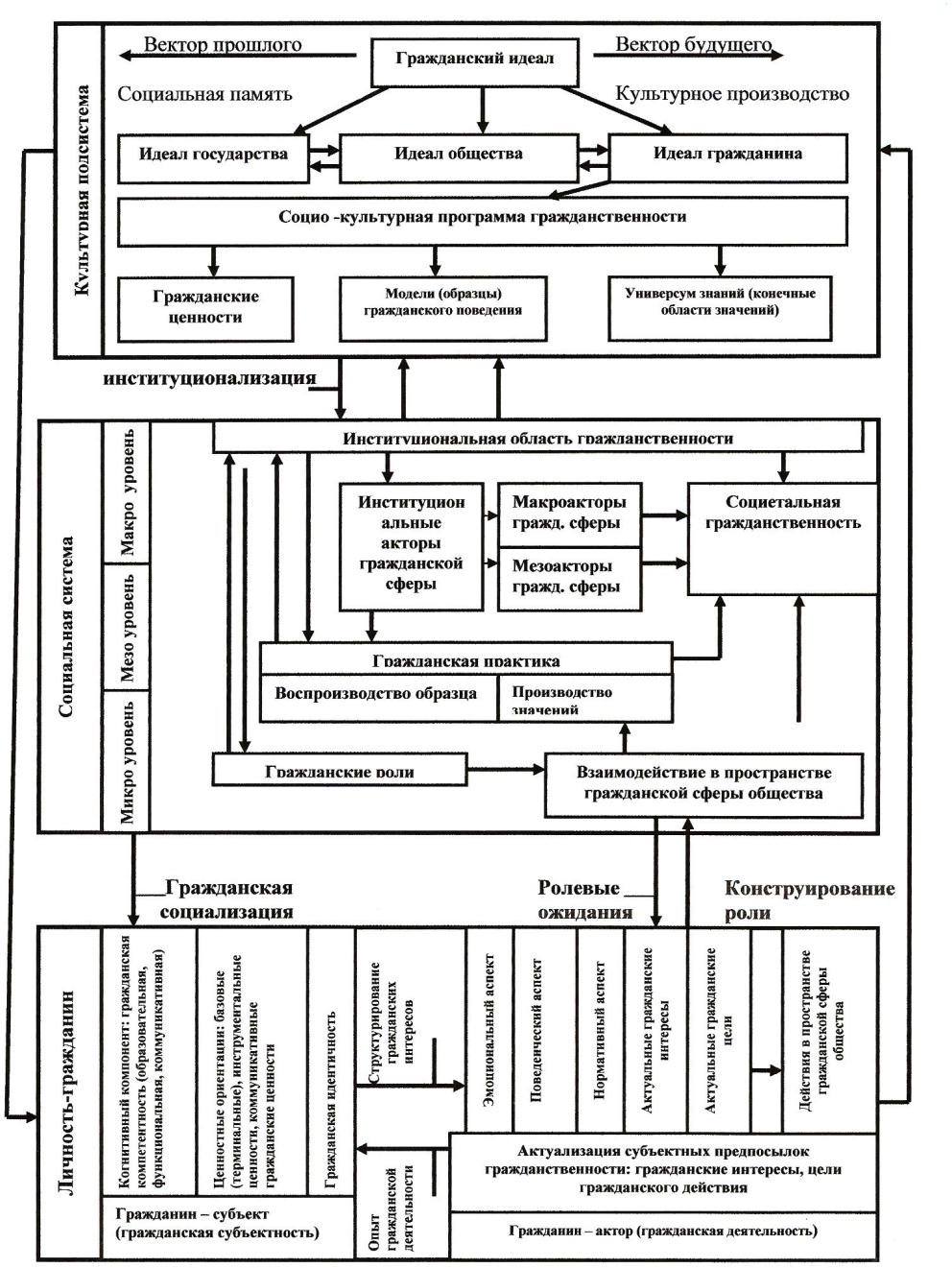
Показатели	2013г.	2012г.
Возможность получения образования	68	62
Иметь хорошую работу	53	49
Деньги	47	41
Карьера	31	27
Семья	48	37
Жилищная проблема	27	21
Здоровье	34	26
Взаимоотношения с родителями	17	21
Материальная независимость от родителей	18	24
Любовь	11	17
Возможности отдыха	16	27

Итак, ценностный ряд молодежи выглядит в следующей последовательности: 1. Образование. 2. Работа. 3. Семья. 4. Деньги. 5. Здоровье. Сформированные ценности молодого поколения являются гарантом стабильного развития, как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Одновременно в ходе опроса выявлены представления респондентов о личностных качествах современного гражданина. По результатам опроса в молодежной среде превалируют такие качества, как порядочность (46,4%), социальная мобильность (36,6%), оптимизм (32,5%), толерантность (28,3%), деловитость и организованность (26,8%) и прагматизм (18,5%). Можно сделать вывод, что базовая система ценностей подростков остается традиционной. Общество имеет поколение, ориентированное на устойчивое развитие и созидательный труд, как гражданскую норму в обществе.

Таким образом, авторы пришли к выводу, что школьная молодежь достаточна практична, стремится в большинстве ситуаций полагаться на себя, ориентирована на более успешное будущее, что, по сути, характерно для данной возрастной категории. При этом молодежь склонна к максимальной реализации своего потенциала, творческой энергии для достижения успехов в жизни.

Рис. 1. Концептуальная модель формирования гражданственности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барихин, А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь [Текст] : словарь / авт. и сост. А. Б. Барихин. – М. : – Книжный мир, 2004. – 720 с.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 – х томах. Т. 1 : Р - V [Текст] : / В. И. Даль - М. : Русский язык, 1998. – 683 с.

3. Kluckhohn C. Values and Value Orientations..., p. 411

4. Кирилова, Н.А. Ценностные ориентации в структуре интегральной индивидуальности старших школьников [Текст] / Н.А. Кирилова // Вопросы психологии. – 2000. - № 4.- С. 18.

5. Лисовский, В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России [Текст] : учеб. пособие / В. Т. Лисовский. – СПб. : СПбГУП, 2000. - 519 с.

6. Осипова Л.Б. Гражданские и политические ценности в системе ориентации молодежи [Текст] / Л.Б. Осипова - // Ученые записки кафедры социального менеджмента «Менеджмент в социальной сфере» /Под. ред. А.Н.Силина. – Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2006. – Вып.8. – С. 123-131.

7. Осипова Л.Б. Гражданско-патриотическое воспитание в системе образования [Текст] //Учитель. ООО «Приоритет-МВ». – 2007.- №3. – С.63-67

8. Сухомлинский, В.А. Рождение гражданина [Текст] : Монография /В.А. Сухомлинский; пер. с укр. Н. Дангуловой. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 336 с.

9. Тугаринов, В.П. Избранные философские труды [Текст] / В.П. Тугаринов. - Л. : ЛГУ им. А. А. Жданова, 1998. – 343 с.

10. Устинова О.В., Артюхов А.В. Влияние ценностных ориентаций граждан на их репродуктивное поведение. // Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений. – Тюмень, 2012. - №4. – С. 56-59.

11. Филимонов, Г. Н. Гражданское воспитание: Реальность и тенденции. [Текст] : / Г.Н. Филимонов // Педагогика. – 1999. – № 8. – С. 45-51.

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Шилова Н.Н.,
доктор экономических наук, профессор,
Тюменский государственный нефтегазовый университет,
Устинова О.В.,
кандидат социологических наук, доцент,
Тюменский государственный архитектурно-строительный университет,
Дейнеко С.В.,
соискатель,
Тюменский государственный нефтегазовый университет

Ключевые слова: общество, духовно-нравственное развитие общества, ценности, социализация, средства массовой информации
Key words: society, spiritual-moral development of society, values, socialization, mass media

Аннотация. На современном этапе общественного развития средства массовой информации оказывают существенное влияние на формирование мировоззрения личности и ценностные ориентации общества. В статье анализируются механизмы воздействия средств массовой информации на духовно-нравственное развитие общества.

At the present stage of social development-media have a significant impact on the formation of Outlook of the personality and values of society. The article analyses the mechanisms of mass media influence on the spiritual and moral development of society.

Влияние средств массовой информации на духовно-нравственное развитие общества, равно как и взаимодействие общества с масс-медиа, обусловлено в немалой степени уровнем развития информационной культуры. [1] Информационная культура является частью современной культуры, разделяемой обществом или отдельными макросоциальными группами, которая в исследовательском контексте рассматривается в двух измерениях. Так называемое вертикальное измерение культуры обеспечивает взаимосвязь и преемственность поколений, формируя тем самым ее ядро, не изменяющееся в течение длительного периода. Горизонтальный срез культуры, напротив, является ее динамическим компонентом, обеспечивающим взаимосвязь и макроидентичность между различными социальными группами.

Согласно Х. Де Смаеле, «культура - это набор определяющих поведение ценностей, норм и убеждений, разделяемых относительно большой долей общества и передаваемых от одного поколения к другому». [2] Связь культуры с поведением индивидов весьма примечательна в контексте духовно-нравственного развития: мотивы действий и их оценка с позиции духовности и нравственности во многом задаются теми установками, которые происходят из плоскости информационной культуры. [3] Последняя, в свою очередь, характеризует степень зависимости общества от транслируемых средствами массовой информации просоциальных и асоциальных установок. В таком случае культура вообще, и информационная культура, в частности, может рассматриваться как некая система, генерирующая, передающая и обрабатывающая социальную информацию.

Источником социальной информации является само общество, создающее информационные поводы. Средства массовой информации, призванные информировать, просвещать и отчасти воспитывать, выступают обособленным актором, независимо от общества принимающим решение о том, какую информацию, в каком объеме и с какой «оценкой» транслировать. В этом проявляется двойственность их роли и назначения: являются ли они ведущими или ведомыми, следует ли их рассматривать как «зеркало» культурного развития общества или как «четвертую власть», формирующую эту культуру и устанавливающую ее рамки. Обе представленные точки зрения имеют равное право на существование.

Если рассматривать общество в качестве активной стороны взаимодействия диады «общество - средства массовой информации», то средства массовой информации как пассивная сторона такого взаимодействия выступают средством рефлексии процессов и явлений, разворачивающихся в социуме.

В этом случае общество, с учетом динамики уровня его духовно-нравственного развития в различные периоды времени, направляет средствам массовой информации запрос на содержание контента в соответствии с той системой ценностей и духовно-нравственных установок, которая доминирует в конкретном историческом периоде (рис. 1).

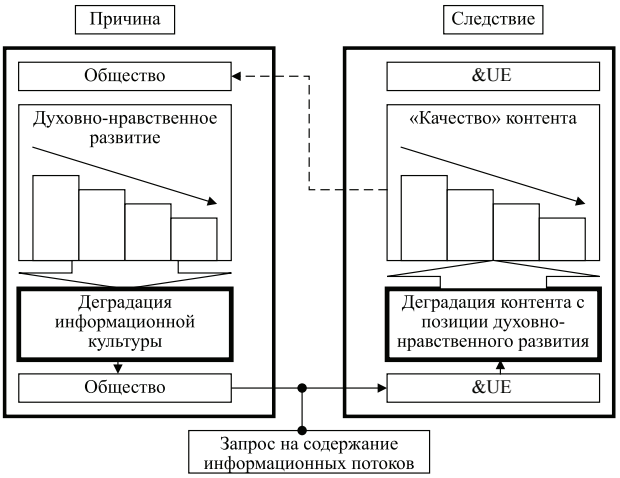

Рис. 1. Механизм активного воздействия духовно-нравственных установок общества на средства массовой информации

Авторы считают обоснованным, что если средства массовой информации выступают пассивной стороной в рассматриваемых социальных взаимодействиях, то транслируемый контент есть рефлексия набирающих популярность в обществе негативных социальных практик, дискредитирующих культурные и духовно-нравственные основы современного общества. Запрос общества на трансляцию негативно окрашенного, асоциального контента в таком случае следует рассматривать как индикатор, симптом деградации. Тогда обоснованным становится признание за средствами массовой информации роли инструмента диагностики процессов падения нравов.

В рамках описанного подхода именно культура определяет содержание информационного потока, а средства массовой информации выступают лишь носителем, средством «транспорта» идей и ментальных ценностей в буквальном смысле этого слова.

Признание пассивной роли средств массовой информации в духовно-нравственном развитии общества открывает в исследовательском плане следующие перспективы и возможности:

– использование средств массовой информации как системы диагностики процессов деградации в обществе, на основе которой будут выстраиваться механизмы корректирующего воздействия через другие институты социализации;

– поиск иных факторов девальвации духовно-нравственных установок общества, нежели средства массовой информации.

Если первая альтернатива в прикладном аспекте не является дискуссионной, то вторая требует дополнительных комментариев. Так, в исследовательской и обывательской среде популярной является точка зрения, согласно которой именно средства массовой информации определяют динамику духовно-нравственного развития общества и отчасти влияют на его деградацию. Аргументация в этом случае выстраивается по следующей логической цепочке: семья и школа как базовые институты социализации за годы «не стали хуже», влияние церкви не столь сильно, но вместе они не могут противостоять де-факто наблюдаемой духовно-нравственной деградации, причина которой заключается в воздействии средств массовой информации.

В то же время, приведенная аргументация опровергается историческим опытом античных обществ. Несмотря на относительную компактность территории их проживания, уровень развития средств массовой информации был совершенно не сопоставим с современным. При этом институты социализации - семья и школа - играли существенно более значимую роль, а духовенство в буквальном смысле доминировало. Тем не менее, исторически зафиксирован факт падения нравов, например, древнеримского общества, когда популярными стали порок и разврат, а в обществе широкое распространение получили такие негативные социальные практики, как сибаритство, гедонизм, пьянство, проституция, мужеложство, многоженство и т.д. Однако, единственным средством массовой информации того времени (с определенными допущениями) можно назвать арену, которая транслировала сценические постановки, являясь местом массовых гуляний и волнений Таким образом, духовность и нравственность - есть производные от культуры, деградация которой воздействует на транслируемый контент.

Сказанное позволяет констатировать наличие иных, помимо средств массовой информации, фасилитаторов и катализаторов деструктивного развития духовности и нравственности в обществе. Так, по мнению И.В. Ерофеевой, «за популярными в народе содержательными, структурными и жанровыми особенностями информационного пространства стоит список многих нерешенных проблем российского общества». [4]

Принимая за основу альтернативную точку зрения, согласно которой средства массовой информации выступают активной стороной во взаимодействии с обществом и в воздействии на уровень его духовно-нравственного развития, можно признать, что такая концепция может быть подстроена под описание имеющих место процессов и явлений девальвации и деградации общественно-разделяемых ценностей. Такой подход коррелирует с концепцией «средства массовой информации - четвертая власть».

В аргументацию последнего утверждения можно привести общепринятую трактовку власти. Власть номинальная, формальная или официальная задает рамки, правила и нормы поведения, устанавливает границы взаимодействия различных социальных групп, особенности применения социальных статусов, выстраивает запретительные и ограничительные механизмы, призванные охранять существующую систему базовых ценностей. В контексте духовно-нравственного развития светского общества и на фоне нарастающей секуляризации церкви можно предположить, что формальная власть обеспечивает лишь охрану сферы интересов личности, индивида, выражая свое волеизъявление в форме законов. Таким образом, основополагающие духовно-нравственные ценности (неприкосновенность личности, право на образование, медицинскую помощь, защиту частной собственности и т.д.) защищены государством, что, тем не менее, не делает их свободными от посягательств со стороны социальных групп, их не разделяющих. [5]

«Четвертая власть» устанавливает систему ценностей, позволяющих индивидам вырабатывать индивидуальную оценку приемлемости или неприемлемости формальных правил, лежащую в основе макросоциальной идентичности, отсылающей к вопросам духовно-нравственного развития. Поскольку уважение к Закону, то есть к формальной власти, есть одно из проявлений духовно-нравственного развития, то просоциальные нормы и ценности в рассматриваемом контексте предстают как «надзаконная» система поведения, вводящая дополнительные внутриличностные и общественно разделяемые регуляторы тех социальных практик, которые законом прямо не запрещены, но вступают в противоречие с духовно-нравственными установками. В этом смысле уместным будет обратиться к закону «О средствах массовой информации» [6], который содержит исключительный перечень запрещенных к распространению по их каналам образцов негативных социальных практик. Под запретом находятся пропаганда терроризма, экстремизма, порнографии, культа насилия и жестокости, производства и распространения наркотиков. Все прочие пороки общества, которых можно насчитать не один десяток, прямо к транслированию средствами массовой коммуникации не запрещены. Данная диспозитивная норма права очень часто является предметом злоупотреблений со стороны телеканалов, прессы и администраторов интернет-сайтов.

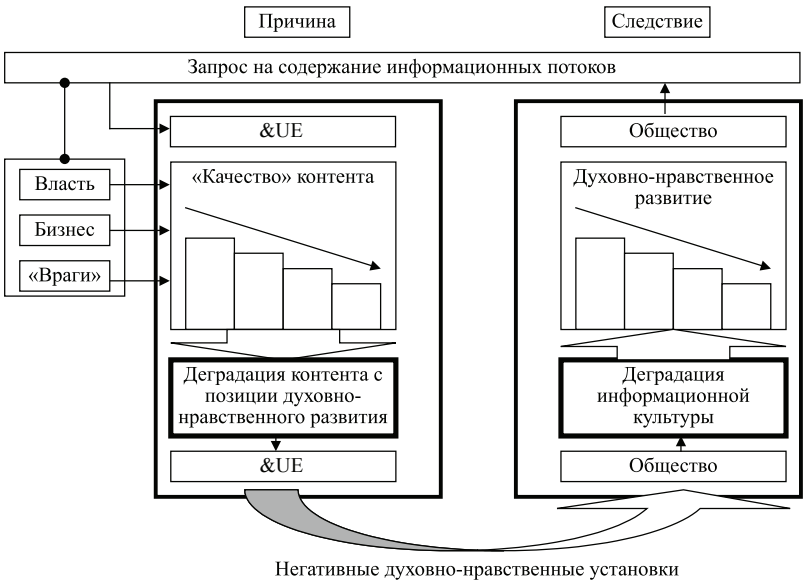

Рис. 2. Механизм активного воздействия средств массовой информации на духовно-нравственные установки общества

Исходя из возможности влияния средств массовой информации на духовно-нравственное развитие общества, можно констатировать, что они действуют в интересах собственников или иных стейкхолдеров. Заинтересованные стороны адресуют средствам массовой информации запрос на специфический контент, содержание и направленность которого нередко способствуют девальвации духовных и нравственных установок общества или отдельных его групп (например, когда необходимость поддержания здорового образа жизни дискредитируется завуалированной пропагандой активного употребления спиртных напитков).

На этом фоне имеет место деградация информационной культуры общества, традиционные институты социализации вытесняются информационным потоком, главная характеристика которого - популярность, как реакция на неудовлетворенность каких-либо ценностей (рис. 2).

Достигаемое снижение уровня духовно-нравственного развития, являющееся основной или побочной целью заинтересованных сторон, запускает рекурсивный механизм девальвации запрашиваемых от средств массовой информации установок. Таким образом, спрос рождает предложение, и в обществе возникает эффект «снежного кома», когда падение норм нравственности и духовности в средствах массовой информации повышает интерес к ним и обусловливает дальнейшее обесценивание транслируемых духовно-нравственных установок. [7] Принимая во внимание уровень развития информационных технологий, авторы считают описанный сценарий вполне реалистичным.

Подводя итог, авторы признают очевидность признания средств массовой информации активной стороной в процессе воздействия на духовные идеалы и нравственные ориентиры сообщества. Это выводит на передний план необходимость изыскания, разработки и адаптации механизмов управления духовно-нравственным развитием общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Устинова О.В., Соболев С.Е. Роль современных информационных технологий в жизни общества. / В сб.: Современные тенденции в образовании и науке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 октября 2013 г.: в 26 частях. – Тамбов, 2013. – С. 130-131.

2. De Smaele, H. Media and the Information Climate in Russia / H. De Smaele // Europe-Asia Studies, Vol. 59, No. 8 (Dec., 2007), pp. 1299-1313 - p. 1305.

3. Осипова Л.Б. Социальные ценности современной российской молодежи: состояние, динамика, направленность. // Международная научно-практическая конференция «Проблемы колонизации Сибири и Севера в XXI веке», Тюмень, ТюмГАСУ, 2011. - С. 55-58

4. Ерофеева И.В. Роль современных средств массовой информации в трансформации российской духовности. – Дисс. к.филос.н. - Чита, 2003. - С. 126.

5. Устинова О.В., Артюхов А.В. Влияние ценностных ориентаций граждан на их репродуктивное поведение. // Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений. – Тюмень, 2012. - №4. – С. 56-59.

6. Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 г. №2124-1 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru.

7. Устинова О.В., Пивоварова И.В. Преодоление кризиса института семьи в России. // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2014. - №1. – С. 78-82.

ПРИЧИНЫ СДЕРЖИВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СТРАН ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

Рудица Н.Б.,
доктор PhD, кандидат социологических наук, профессор,
кафедра истории, географии и социальных дисциплин,
Инновационный Евразийский университет,
Комаров О.Е.,
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра экономики, права и философии,
Павлодарский государственный педагогический институт,
Хаматханова М.А.,
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра экономики товарных рынков,
Тюменский государственный нефтегазовый университет

Ключевые слова: конкурентоспособность, инновационная деятельность, качество образовательных услуг, высшее учебное заведение
Key words: competitiveness, innovation, quality of educational services, higher education institution

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются причины сдерживания инновационной деятельности высших учебных заведений стран Содружества и некоторые пути повышения их конкурентоспособности.

This article examines the reasons for stifling innovation of higher education institutions of the Commonwealth and some ways to increase their competitiveness.

На всем постсоветском пространстве высшая школа в числе других государственных институтов одной из первых оценила современные тенденции развития инновационных процессов, их роль и значение в реформировании экономики, разработке новых прорывных технологий, создании конкурентоспособной наукоемкой продукции. Учет этих тенденций нашел свое отражение в поставленных вузами стран Таможенного Союза стратегических целях. Вместе с тем, при всех достижениях за последнее пятилетие реализация последних во многих случаях сдерживается по ряду причин.

В первую очередь, следует отметить отсутствие понимание необходимости формирования полного инновационного цикла вуза с учетом приоритетных направлений развития науки и техники - от генерации знаний, проведения фундаментальных и прикладных исследований до выпуска «продукции высшей школы» на внутренний и внешний рынки, включая рынок образовательных услуг. Очевидно, что для этого требуются отсутствующие сегодня полноценные методики оценки инновационных проектов, поиск и нахождение путей финансирования и способов продвижения новых образовательных продуктов и услуг.

Во-вторых, в настоящее время недостаточна, на наш взгляд, мотивация, обеспечивающая тотальное и эффективное вовлечение ученых, профессорско-преподавательского состава, сотрудников, аспирантов, магистрантов и бакалавров в вузовский инновационный процесс. В частности; в наших странах:

не создана система комплексной поддержки образовательных и научно-технических инноваций с привлечением бизнес-инкубаторов, технопарков и других инновационных структур;

имеет место слабая концентрация научного и научно-технического потенциалов на проведение приоритетных исследований и разработок;

слабо стимулируется привлечение студентов и молодых специалистов к участию в научных конференциях и семинарах, к самой научной деятельности посредством их участия в реализации учебных и научных проектов.

В-третьих, далеко не во всех вузах России, Казахстана и Беларуси созданы службы по защите объектов интеллектуальной собственности. Существующая в них инфраструктура во многих случаях не способствует интеграции новых образовательных и научных процессов, созданию единого информационного пространства, объединяющего учебный, научный и инновационный блоки вуза и основанного на автоматизированном документообороте.

Наконец, недопустимо медленными темпами развивается сотрудничество вузов стран Содружества с международными, межрегиональными и региональными организациями, поддерживающими бизнес-инициативы в сфере образования, не проводится системная апробация в рамках университетов и академий новых финансово-экономических механизмов поддержки инновационной деятельности (венчурное финансирование, привлечение средств международных организаций, благотворительных фондов и др.). Маркетинговая деятельность наших вузов находится в зачаточном состоянии, ориентирована, в основном, на изучение рынка потенциальных абитуриентов и не предусматривает коммерциализации применения разработанных высшей школой новых технологий и их трансфера.

Перечисленные проблемы развития приоритетных направлений инновационной деятельности не позволяют поднять статус высшей школы на всем постсоветском пространстве, выйти на уровень, способный отвечать запросам рынка [1]. Решить их быстро и все сразу, по нашему мнению, нереально, однако важно двигаться к намеченному пусть небольшими шагами, но стабильно. В организационном плане можно начать с создания при наших вузах в рамках общего процесса формирования инновационной инфраструктуры служб продвижения нововведений на

внутренний и внешний рынки, например, маркетинговых отделов. Благодаря подобным инфраструктурным звеньям осуществляются информационное обеспечение научной и предпринимательской деятельности образовательного учреждения, анализ рыночной конъюнктуры, сервисная поддержка наукоемкой продукции и услуг, поиск новых ниш их сбыта и сам сбыт [2].

В качестве одного из первых шагов активизации инновационной деятельности в вузе следует также рассматривать реальную интеграцию образовательных и научных процессов, проводимую на основе использования таких современных экономических инструменты, как кредитование, лизинг, страхование рисков, венчурное финансирование и т.п. Опыт развитых стран показывает, что наиболее эффективными структурами по интеграции науки и образования являются технопарковые, в которых создаются надлежащие условия для быстрого осуществления инноваций и многократного увеличения их количества [3]. Если средств для создания технопарка у вуза на данном этапе формирования инновационной инфраструктуры не хватает, то можно акцентировать усилия на разработке и внедрении образовательных нововведений в виде учебно-методических комплектов - «кейсов», TV-технологий, интернет-технологий и методик электронного образования - или в виде различных моделей дистанционного обучения

Достигаемый при этом синергетический эффект находит свое выражение в повышении профессионального уровня профессорско-преподавательского состава вуза, вовлечении студенческой молодежи в научную деятельность и выявлении у нее предпринимательской жилки, возможности прохождения обучающимися квалифицированной практики в самом образовательном учреждении и т.д.

Развитие инновационной деятельности вузов стран Таможенного Союза связано не только с объективными, но и с субъективными факторами, в частности, с тем, как налажен менеджмент в образовательном учреждении. Первоочередная задача современного руководителя вуза состоит в том, чтобы формировать будущее учреждения высшего профессионального образования и успешно вести его через все этапы роста с целью раскрытия его максимального потенциала. Это достигается при следующих условиях:

> наличии глубокого осознания стратегических задач вуза всеми членами его коллектива;

> соответствии действий каждого работника целевому назначению и системе ценностей, принятой в вузе; совершенствовании себя и других;

> существовании программ мотивирования и осуществлении открытого обмена информацией, а также создании среды, которая стимулирует достижение экстраординарных результатов и предоставляет членам вузовского коллектива полномочия для этого. Необходимо думать о будущем вуза и обсуждать данную концепцию на всех уровнях управления образовательным учреждением.

Сегодня руководители преуспевающих вузов наших стран понимают, каким образом внедрять видение перспективы, миссию и ценности в жизнь. Они последовательно формируют инновационную инфраструктуру, которая поддерживает положительные результаты единого научно-образовательного процесса посредством эффективного управления персоналом, планирования и регулирования учебно-методической и научно-исследовательской работы, рационального использования материальных и финансовых ресурсов вуза.

Современная организация инновационной деятельности в вузе требует от его первых лиц руководствоваться совокупностью принципов, методов и форм управления нововведениями. Ректоры, как топ-менеджеры учреждений высшего профессионального образования, стремящиеся создать на постсоветском пространстве успешные вузы с устойчивой конкурентной позицией, понимают, что конкурентные преимущества обеспечивают инновации, а инновации проводятся особенными людьми, движимыми общей страстью решать проблемы и превращать идеи в реальность. Итак, наилучший способ гарантировать конкурентоспособность вуза состоит в том, чтобы строить собственную деятельность, базируясь на инновациях.

Говоря об управлении нововведениями в вузе как о целостной системе, важно отметить, что хотя у каждого руководителя структурного подразделения (заведующего кафедрой, научной лабораторией, декана и т.п.) существуют свои «рамочные», делегируемые ему свыше права и обязанности, при стратегической ориентации на инновации следует поощрять и его межфункциональную инновационную деятельность. Для этого высшему руководству образовательным учреждением следует создать неформальную атмосферу доверия и добиться, чтобы руководители структурных подразделений разделяли его взгляды на будущее вуза. Только тогда можно говорить о создании сплоченной, единой команды управленцев, способной, эффективно взаимодействуя как между собой, так и с профессорско-преподавательским составом и обучающимися, добиваться общего успеха. Любопытно, что в ряде ведущих вузов Казахстана и России (МГТУ имени Н.Э.Баумана, МГУ имени М.В.Ломоносова, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Казахстанский национальный университет имени Аль-Фараби и др.) такое взаимодействие в последние годы обусловило появление не только формальных, но и неформальных управленческих команд, способных развивать инновационные направления образовательной и научной деятельности, а также находить и заполнять рыночные ниши.

Отсюда, в наступившую эпоху системных нововведений для наших вузов на всем постсоветском пространстве гораздо важнее обеспечить совершенство межфункциональной инновационной деятельности, чем специализироваться только в одной определенной области. К сожалению, приходится констатировать, что лишь небольшая часть учреждений высшего профессионального образования стран Таможенного Союза, которые получают максимальную отдачу от созданных ими технологий, способна диверсифицировать свои научные и научно-технические разработки в другие области своей деятельности: образовательный процесс, учебно-производственные практики, лабораторно-экспериментальную базу, учебные полигоны, информационную инфраструктуру вуза и т.д.

Тезис о том, что инновационная деятельность сегодня становится обязательным и профильным элементом любого вуза, актуализируется проблемой конкурентоспособности образовательных систем России, Казахстана и Беларуси. Конкуренция не просто стимулирует, а застав-

ляет вузы участвовать в формировании рынка инноваций, развивать собственную научную экспериментальную базу, проводить исследования на кооперационных началах с другими вузами или организациями; оформлять заказы на осуществление научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для образовательных и иных учреждений.

Способность учреждений высшего профессионального образования к конкурентной борьбе обеспечивается целым рядом факторов, как традиционных (разнообразие ассортимента предлагаемых образовательных услуг, привлекательные программы по их реализации, доступная стоимость обучения, хорошая материальная база, эффективная профориентационная работа и т.п.), так и новых, среди которых ведущая роль принадлежит системным нововведениям. Данные факторы определяют необходимость разработки конкурентных стратегий вуза, что требует, на наш взгляд, учета трех моментов:

- выбор направления, когда не обязательна строго расписанная, детализированная программа, но актуален сам вектор движения вуза, его стратегическая ориентация;
- поиск и сбор информации о состоянии, фактических и потенциальных изменениях, происходящих во всех сегментах рынка образовательных услуг, а также о действиях конкурентов;
- достижение высокой эластичности вузовской деятельности, как мера эффективного реагирования на выше указанные изменения внешней среды, на угрозы со стороны вузов-конкурентов;
- систематическое проведение внутривузовского аудита по обнаружению и устранению так называемых уязвимостей (морально устаревшая материальной база, низкая остепененность профессорско-преподавательского состава, закостеневшая структура управления вузом и др.) в целях повышения социально-экономической безопасности функционирования вуза [4].

Такой постоянно действующий мониторинг эффективности функционирования вуза и качества предоставляемых образовательных услуг лежит в основе системы управления конкурентоспособностью учреждения высшего профессионального образования [5].

Разумеется, конкурентная стратегия инновационного развития наших вузов должна разрабатываться не с позиций узкокорпоративных или ведомственных интересов их учредителей и попечителей, как это, к сожалению, до сих пор случается в странах постсоветского пространства, а с точки зрения перспектив их успешной интеграции в мировую образовательную систему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Рудица Н.Б. Инновационные преобразования высшей школы, в странах ближнего и дальнего зарубежья. - Тюмень: Вектор Бук, 2004. – 160 с.

2. Лазарев В.А., Мохначев С.А. Конкурентоспособность вуза как объект управления. Монография. – М.: Изд. дом «Пригородные вести». – 2009. – 360 с.

3. Мохначев С.А. Современная тенденция развития управления конкурентоспособностью вуза. - М.: Юнити, 2009. – 305 с.

4. Хаматханова М.А., Карашаш Н.К. Построение экономической безопасности малого и среднего предпринимательства в странах Таможенного Союза//Вестник Орловского государственного университета. – 2013. - №4. – С.146-150.

5. Комаров О.Е. Потребительский мониторинг как метод самооценки и управления качеством. // Материалы региональной научно-практической конференции «III Капеновские педагогические чтения» - Павлодар: ПГПИ, 2010. Том II – С. 264-267.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Баева Т.А.,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
кафедра иностранных языков,
Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова,
Богданова Н.В.,
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра «Международные отношения»,
Институт международных образовательных программ,
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Ключевые слова: профессиональная иноязычная компетенция, информационная образовательная среда, новые информационные технологии, материально-технический компонент, организационно-содержательный, виртуальный компонент, Интернет-ресурсы
Key words: professional foreign language competence, information-educational environment, new information technologies, material- technical component, organizational-substantive component, virtual component, Internet-resources

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования профессиональной иноязычной компетенции в условиях современной информационно-образовательной среды, структуру которой составляют материально-технический, организационно-содержательный и виртуальный компоненты. Исследованы системная интеграция новых информационных технологий и дополнительные педагогические условия при овладении студентами всеми видами иноязычной речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) для реального общения в сфере профессиональной коммуникации на примере информационно-образовательного пространства медицинского вуза.

The paper deals with the process of the professional foreign language competence development in modern information-educational environment which is composed of the material-technical, organizational-substantive and virtual components. The systemic integration of new information technologies and additional pedagogical conditions in the mastering all kinds of foreign language speech activities (listening, speaking, reading, and writing) for real communication in the professional field on the example of the information-educational environment in medical school are investigated.

В начале XXI века происходят кардинальная трансформация системы образования, обусловленная все более активным применением новых информационных технологий (далее НИТ). Интенсивное проникновение НИТ во все сферы жизни общества и человека предполагает все более широкое их использование в образовании. В настоящее время становится невозможным формирование готовности личности к жизнедеятельности в новом информационном обществе путем осуществления педагогической деятельности традиционными средствами. Технологически опосредованное обучение с точки зрения как педагогической, так и информационной становится главным средством удовлетворения потребностей непрерывного образования. В национальной доктрине образования Российской Федерации, разработанной на период до 2025 г., к числу важнейших задач отнесено создание программ, реализующих информационные технологии в образовании и в развитии открытого образования [1]. Проблемам информатизации образования, в частности, исследованию возможностей НИТ, посвящены исследования И.В. Роберт, в которых описаны педагогическая целесообразность их применения и перспективные направления разработки и использования [2].

По проблеме исследования эффективности применения НИТ в обучении иностранным языкам существуют разнообразные мнения – от утверждения о неэффективном использовании их в образовательном процессе до многократного увеличения эффективности по сравнению с традиционными методами. Например, С. Лесков указывает, что знания с помощью новых информационных технологий усваиваются на 40–60 % быстрее, чем по традиционной методике. Это позволяет интенсифицировать образовательный процесс, увеличить скорость восприятия, понимания и глубину усвоения огромных массивов знаний, усилить мотивацию учения, а также индивидуализировать и дифференцировать процесс обучения, реализуя интерактивный диалог, предоставляя возможность самостоятельного выбора режима учебной деятельности и компьютерной визуализации изучаемых объектов. Индивидуальная работа за компьютером создает комфорт при выполнении предусмотренных программой

условий: каждый работает с оптимальной для него нагрузкой, так как не чувствует влияния окружающих [3]. По другим данным, стоимость обучения, базирующегося на новых информационных технологиях, снижена на 30–40 %, а продолжительность – на 20–40 % [4, с. 54]. Согласно исследованиям П.И. Образцова, применение НИТ в учебном процессе позволяет повысить результативность обучения по дисциплинам гуманитарного цикла в среднем на 4,4 %, по дисциплинам общепрофессионального цикла – на 3 %, а «сохраняемость» знаний, умений и навыков на протяжении месячного срока увеличивается на 2,4 %. Анализируя психолого-педагогические аспекты применения НИТ в высшей школе, П.И. Образцов определил использование информационных технологий обучения (ИТО) как дидактический процесс, организованный с использованием совокупности внедряемых в системы обучения принципиально новых средств и методов обработки данных (методов обучения), представляющих целенаправленное создание, передачу, хранение и отображение информационных продуктов (данных, знаний, идей) с наименьшими затратами и в соответствии с закономерностями познавательной деятельности, в которой ключевое место занимают информационные технологии [5].

Считая создание информационно-образовательной среды (ИОС) одним из приоритетных направлений процесса информатизации образования, В.М. Монахов полагает, что она основана на использовании НИТ в качестве средства обучения, совершенствующего процесс преподавания, повышающего его качество и эффективность; инструментов обучения, познания себя и действительности; средства творческого развития обучаемого; средств автоматизации процессов контроля, коррекции, тестирования и психодиагностики; для организации интеллектуального досуга [6, с. 78].

Рассматривая психолого-педагогические возможности информационных технологий обучения, В.А. Красильникова выделяет их воздействие на основное содержание работы педагога: становится главным не передача сведений по определенному вопросу, а организация направляемой самостоятельной исследовательской деятельности обучаемого [7]. Необходимость применения в процессе обучения иностранным языкам средств НИТ рассматриваются в многочисленных научно-методических исследованиях. Ученые подчеркивают такие преимущества НИТ, как осуществление автоматизированного контроля и самоконтроля результатов обучения, компьютерной визуализации учебной иноязычной информации путем наглядного представления лексического, грамматического и фонетического материала, незамедлительной обратной связи между обучаемым и средством обучения при интерактивном иноязычном диалоге в процессе формирования умений осуществлять информационную деятельность по сбору, хранению, передаче и тиражированию учебной иноязычной информации; отработка умений и навыков речевой деятельности (чтения, говорения, аудирования и письма) [8].

Использование новых информационных технологий в обучении иностранным языкам предоставляет возможность одновременного воздействия на различные каналы восприятия путем использования текста, графики, звука, анимации, способствует облегчению усвоения учебного материала, интенсификации процесса обучения, высвобождению учебного времени для самообучения, самостоятельной проработки учебного иноязычного материала и др. [9]. Резерв повышения эффективности обучения иностранным языкам в медицинском вузе нам видится в комплексном использовании традиционных средств обучения и средств НИТ, которые являются полноправным компонентом системы обучения. Они взаимодействуют с другими компонентами системы – задачами, содержанием, методами и организационными формами.

Для достижения высокого уровня сформированности профессиональной иноязычной компетенции требуется определение педагогических целей использования НИТ в обучении, рассмотрение их дидактических свойств и функций, а также разработка новых форм и методов организации учебного процесса. Все это предлагается делать на базе модели формирования профессиональной иноязычной компетенции в условиях информационно- образовательной среды.

Анализ педагогических исследований в области использования информационных технологий в образовании дает основание говорить о необходимости совершенствования подготовки врача с учетом требований к современному высшему образованию, и в связи с этим методика формирования профессиональной иноязычной компетенции ориентирована на информационную подготовку студентов. Мы полагаем, что важным условием формирования профессиональной иноязычной компетенции является информационно-образовательная среда (ИОС). В научной литературе под средой понимается «окружающий мир, пространство, материал для развития» [10, с. 320]. В представлении ученых Г.Г. Коннычевой и Е.Е. Симдянкиной, ИОС образовательного учреждения является специально организованным комплексом компонентов, обеспечивающих системную интеграцию информационных технологий в образовательный процесс с целью повышения его эффективности [11, с.19].

В ходе анализа научно-методической литературы сложилось собственное понимание этого понятия. Информационно-образовательная среда представляет собой основанную на использовании компьютерной техники программно-телекоммуникационную среду, обеспечивающую системную интеграцию новых информационных технологий в обучение иностранным языкам студентов, в нашем случае медицинских вузов, что создает дополнительные условия для повышения эффективности формирования профессиональной иноязычной компетенции. Это комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов: материально-технического, организационно-содержательного и виртуального. Онтологическая система информационно-образовательной среды показана на рисунке, на котором очевидна взаимосвязь и влияние всех ее компонентов, обеспечивающих целостность информационно-образовательной среды и способствующих формированию профессиональной иноязычной компетенции.

Рассмотрим организационную структуру, обеспечивающую эффективное взаимодействие пользователей (преподавателей и студентов) информационно-образова-

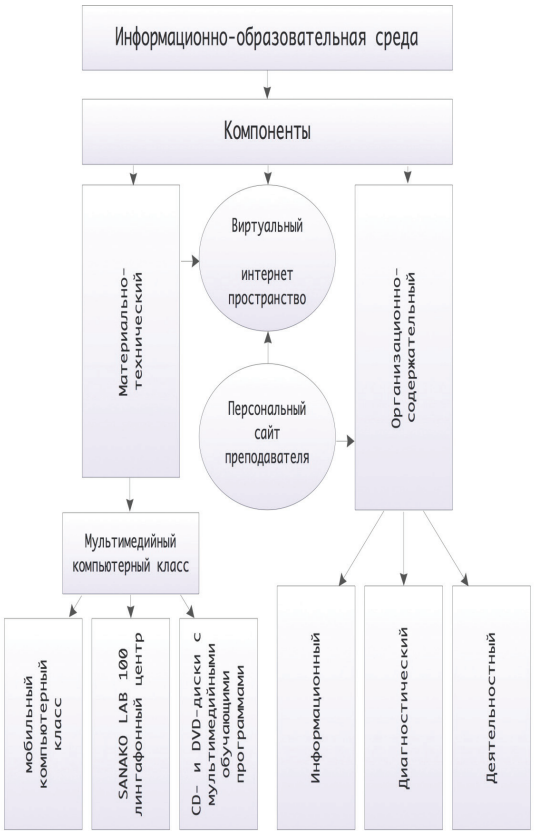

Рис. Структура иноязычной информационно-образовательной среды

тельной среды. Информационный и виртуальный компоненты разрабатываются с учетом специфики обучения иностранным языкам в неязыковом (медицинском) вузе. [12]. Материально-технический компонент составляет совокупность материально-технических средств, на основе которых формируется образовательная среда, отвечающая целям и задачам обучения, и включает в себя мультимедийный компьютерный класс, созданный на основе мобильного компьютерного класса, оборудованный многофункциональным лингафонным центром и оснащенный CD- и DVD- дисками с мультимедийными обучающими программами. Базовой основой мультимедийного класса является комплекс программно-технических средств, обеспечивающих проведение занятий по иностранному языку с помощью компьютерных коммуникаций в режиме постоянного контакта преподавателя со студентами посредством ведения диалога: «преподаватель – студент», «студент – студент», «студент – партнеры по общению в виртуальном пространстве», что позволяет создавать базы данных учебной информации и использовать ее для разработки индивидуальных заданий. Мультимедийный компьютерный класс сочетает в себе технические и программные средства учебного назначения, обладающие дидактическими функциями, способными отвечать современным требованиям процесса обучения иностранному языку в медицинском вузе и формировать профессиональную иноязычную компетенцию студентов – будущих медиков.

Перейдем ко второму компоненту информационно-образовательной среды – организационно-содержательному, который состоит из трех блоков: информационного, деятельностного и диагностического. Первый блок включает общие сведения об изучаемой дисциплине, график прохождения тем и разделов по данной учебной дисциплине и программно-методический комплекс (учебный план медицинского вуза, рабочая программа и учебные пособия по иностранному языку для медицинских вузов, методические указания к выполнению заданий и методические указания для самостоятельной работы студентов по иностранному языку на основе новых информационных технологий). На персональном сайте преподавателя представлен «Тематический план по иностранному языку для студентов 1 курса по специальности «Лечебное дело». Необходимо сотрудничество и синхронизация работы лингвистов и преподавателей специалистов как в процессе развития и разработки модели, так и в ходе ее использования. Данная концепция соответствует идее о координации обучению языку и специализации в целях развития компетенций у изучающих профессиональный язык и язык для специальных целей на занятиях иностранному языку[13].

Второй блок – деятельностный – предполагает взаимодействие двух сторон – обучающего и обучаемого. Эффективность применения НИТ в учебном процессе зависит, как от готовности преподавателей рационально использовать возможности этих технологий, так и от компьютерной грамотности обучающихся, их интеллектуальной потребности принять ИОС. Применение НИТ в обучении коренным образом изменяет отношения в системе «преподаватель – студент». Традиционная система обучения предполагала авторитарную схему отношений, где преподаватель выступал в роли субъекта, а обучаемый являлся объектом его деятельности. Процесс обучения с интенсивным использованием НИТ порождает новые отношения, где и преподаватель, и обучаемый выступают в роли субъектов учебно-воспитательного процесса, а их взаимоотношения складываются на основе сотрудничества. Правомерно встает вопрос о роли преподавателя иностранного языка в условиях ИОС. При использовании новых информационных технологий в учебном процессе необходимость помощи педагога возникает при решении обучаемыми творческих, исследовательских, проблемных задач. В ходе исследования мы пришли к выводу о необходимости гибкой, эффективной системы преподавания, базирующейся на наиболее передовых технологиях и средствах обучения. В распоряжении преподавателя новейшие информационные технологии, обеспечивающие доступ к аутентичной иноязычной информации. Е.С. Полат отмечает, что при использовании НИТ в учебном процессе часть функций педагога передается компьютеру, но это не приводит к вытеснению педагога за рамки образования, не ограничивает функции преподавателя, не ставит его в роль пассивного наблюдателя за работой обучаемого. Роль преподавателя лишь видоизменяется и усложняется. В задачи преподавателя теперь входит создание познавательной, творческой атмосферы в аудитории; стимулирование интереса обучаемых к самостоятельному приобретению знаний; организация самостоятельной познавательной деятельности; обучение навыкам самостоятельного добывания знаний; обучение умениям критически анали-

зировать получаемые знания и применять их на практике [14]. Полагаем, что в условиях информационно-образовательной среды роль преподавателя иностранного языка медицинского вуза включает также разработку методики использования средств НИТ в процессе формирования профессиональной иноязычной компетенции, определение оптимального соотношения новых педагогических технологий на базе новых информационных технологий и традиционных методов обучения. Важнейшим условием эффективной профессиональной деятельности становятся такие требования к каждому преподавателю, как:

> знание основных возможностей новых информационных технологий и умение ими пользоваться (современные сайты, включающие в себя учебный материал для студентов – будущих медиков);

> умение соответствующим образом подбирать учебный материал, задания разного уровня сложности, проблемные ситуации, реализованные конкретными средствами НИТ;

> умение правильно подбирать такие варианты использования возможностей новых информационных технологий, которые способны привести к повышению эффективности формирования профессиональной иноязычной компетенции студентов медицинских вузов.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что информационно-образовательная среда предъявляет новые требования к профессиональным качествам и уровню подготовки преподавателя иностранного языка медицинского вуза, а средства новых информационных технологий являются важным инструментом, призванным помочь ему в формировании профессиональной иноязычной компетенции студентов – будущих медиков.

Методологической основой проектирования информационно-образовательной среды, на наш взгляд, является личностно-ориентированная парадигма в образовании [15]. Основными дидактическими принципами личностно-ориентированного обучения в условиях информационно-образовательной среды являются: учет индивидуума, подход к обучаемому как к активному субъекту познания, опора на субъективный опыт обучаемого, ориентация на саморазвитие, самообучение, автономию обучаемого, учет его индивидуальных психофизических особенностей, развитие коммуникативных способностей личности. Применительно к формированию профессиональной иноязычной компетенции студентов медицинских вузов в условиях информационно-образовательной среды учет принципов личностно-ориентированного подхода позволяет рассматривать в комплексе личностную позицию каждого студента, его иноязычные знания, умения, ценностные ориентации, интересы и мотивы. При этом отметим, что средства самостоятельной работы с помощью НИТ в условиях ИОС являются наиболее важными для практики обучения иностранному языку в неязыковых вузах в связи с сокращением объема аудиторных часов.

Третий блок – диагностический – включает в себя тесты различного вида: тесты для определения исходного (стартового) уровня подготовки обучающихся и тесты для промежуточного и итогового контроля. Планируемый результат возможен при четком определении задач (диагностичность и конструктивность), при адекватном отборе содержания и методов обучения, при единстве работы «преподаватель – студент», а также при сформированности мотивации обучаемых.

Виртуальным компонентом информационно-образовательной среды является Интернет-пространство, эффективно используемое в обучении иностранному языку студентов медицинского вуза, поскольку электронные ресурсы сети Интернет рассматриваются нами не только в качестве средства поиска и получения иноязычной информации, но и в качестве средства развития существующих форм обучения и создания новых. Доступ к специализированным информационным Интернет-ресурсам (в нашем случае к иноязычным медицинским сайтам) предполагает достаточно свободное владение не только компьютерными технологиями, но и иностранным языком: всеми видами речевой деятельности.

Иноязычное обучение студентов медицинского вуза с применением образовательных Интернет-ресурсов осуществляется во время аудиторных занятий в мультимедийном компьютерном классе и через персональный сайт преподавателя во внеаудиторное время. Веб-сайт преподавателя, рассматриваемый нами как средство эффективного внедрения образовательных возможностей Интернет-технологий в процесс иноязычного обучения студентов медицинского вуза языку специальности, содержит следующие разделы: Portfolio – электронная версия педагогического портфолио преподавателя (информация о преподавателе, о его достижениях, методические разработки, мастер-классы, научные статьи, доклады и презентации); Medical English – материалы к проведению занятий, учебные пособия и медиатека (обучающие видеофильмы и мультимедийные презентации); Cross-cultural communication – информация по страноведению; Educational Resourses – Интернет-маршруты, учебные Интернет-материалы, образовательные сайты для интерактивного изучения английского языка (подъязык медицины); Языковой портфель студента-медика, советы и информация для студентов и аспирантов («For Medical Students» и «For Post-graduate Students») [16].

В связи со своими большими возможностями Интернет привлек внимание преподавателей-практиков и методистов, он создает уникальные возможности для изучения иностранного языка, создавая естественную языковую среду. Основные функции Интернета связаны с вещательными, интерактивными и поисковыми услугами, а также с информационными ресурсами сети, которые могут быть полезны в образовательном процессе. К вещательным услугам относят книги, методическую литературу, газеты, журналы в электронном виде; обучающие компьютерные программы; электронные библиотеки, базы данных, информационные системы; обучающие электронные книги, справочные файлы, словари, справочники. К интерактивным – электронную почту, электронные телеконференции, IRC (Internet Relay Chat). Поисковые услуги – это каталоги, поисковые системы, метапоисковые системы. Резюмируя вышеизложенное, отметим, что Интернет со всеми своими возможностями и ресурсами является одним из важнейших современных средств формирования профессиональной иноязычной компетенции.

Обобщая научные данные по проблеме проектирования

ИОС, рассматриваемой в исследовании как основа формирования профессиональной иноязычной компетенции студентов медицинских вузов, можно констатировать, что сложилась определенная теоретическая база для исследования данной проблемы, на основе которой нами разработана структура информационно-образовательной среды и предложены способы ее использования в рамках исследуемой проблемы. Применение общедидактических принципов обучения и реализация всех компонентов информационно-образовательной среды при обучении иностранным языкам в образовательном процессе медицинского вуза, по нашему мнению, будут способствовать формированию общих и профессиональных компетенций специалистов, повышению качества подготовки будущих медиков.

Медицина является одной из самых широких международных сфер научной деятельности, где обмен знаниями и успешное общение требуют от специалистов особого отношения к языку, культуре, личности и обществу. Именно этим обусловлен в последние годы повышенный интерес к английскому подъязыку медицины как языку ESP, который считается одной из разновидностей языка для специальных целей. В современном обществе все чаще возникает потребность в специалисте, способном конкурировать с зарубежными профессионалами, умеющем работать с иноязычными информационными потоками. Формирование профессиональной иноязычной компетенции призвано решить задачу достижения студентами-медиками продуктивного и творческого уровня профессионально-ориентированного общения. Анализ педагогической и научной литературы позволил определить содержательные характеристики понятия «профессиональная иноязычная компетенция» как ведущей цели обучения иностранному языку в процессе профессиональной подготовки будущего врача. В то же время анализ особенностей обучения иностранному языку в медицинском вузе, ориентированного на профессиональные потребности будущих медиков, показывает, что в условиях информационно-образовательной среды существующая система иноязычной подготовки студентов испытывает потребность в новых образовательных технологиях, не обеспечиваемых традиционными подходами к обучению. Соответственно, становится особенно актуальной проблема оптимизации учебного процесса, и возникает необходимость поиска наиболее эффективных технологий, методов и приемов работы со студентами. Одним из эффективных способов решения данной проблемы нам представляется внедрение и активное использование всех компонентов ИОС в учебный процесс неязыковых вузов.

Обобщая вышесказанное, мы пришли к следующим выводам:

При изучении особенностей обучения иностранному языку в неязыковом вузе, ориентированного на профессиональные потребности будущих специалистов выделены следующие направления: осуществление общения в профессиональной сфере; доступ к иноязычной профессионально значимой информации, формирование образованной социокультурной толерантной личности. Ориентация системы языкового образования на повышение качества профессиональной подготовки предполагает необходимость формирования у будущего специалиста профессиональной иноязычной компетенции. Формирование профессиональной иноязычной компетентности студентов медицинских и других неязыковых вузов будет протекать успешнее, если основой ее является специально организованная учебная деятельность в информационно-образовательной среде с применением средств информационных и коммуникационных технологий, создающих условия для работы студентов над всеми видами иноязычной речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) и для реального общения в сфере профессиональной коммуникации.

Анализ отечественных и зарубежных исследований по проблеме формирования профессиональной иноязычной компетенции свидетельствует, что достижение обучаемыми определенного уровня развития искомого качества профессиональной деятельности, в том числе и иноязычной, может быть гарантировано специально спроектированным процессом обучения, построенном на основе информационно-образовательной среды. Информационно-образовательная среда, структуру которой составляют материально-технический, организационно-содержательный и виртуальный компоненты, обеспечивает интегративность процесса обучения иностранным языкам студентов неязыковых вузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации. 2004 // Официальный сайт Министерства образования и науки РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_06/prm201-1.htm (дата обращения 20.11.2010).

2. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. –М.: Изд-во ИИО РАО, 2010. – 140 с.

3. Лесков С.Л. Мышление XXI века. – М.: Просвещение, 2010.– 256 с.

4. Данильчук Е.В. Информационные технологии в образовании: Учеб. пособие. – Волгоград: Перемена, 2002. – 184с.

5. Образцов П.И. Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения. – Орел: Изд-во ОГТУ, 2000. – 145 с.

6. Монахов В.М. Педагогическое проектирование – современный инструментарий дидактических исследований // Школьные технологии. – 2001.– № 5. – С. 75–89.

7. Красильникова В.А. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: Учеб. пособие.– М.: Дом педагогики, 2006. – 231с.

8. Богданова Н.В., Баева Т.А. Аудирование и интерпретация текста как средство формирования коммуникативной компетенции // Вестник СПбГМА им. И.И. Мечникова. СПб. , 2009.№4.С.87–91.

9. Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 216 с.

10. Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М.: НМЦ СПО, 1999. – 538 с.

11. Коннычева Г.Г., Симдякина Е.Е. Информационная

образовательная среда – средство повышения эффективности обучения // Директор школы. – 2004. – №1. – С.18–22.

12. Баева Т.А., Богданова Н.В. Особенности обучения иностранному языку студентов медицинских вузов на современном этапе. // Научное мнение. СПб. 2014, №7. С. 311–319.

13. Богданова Н.В., Коротков А.С. Интеграционная модель обучения иностранным языкам участников академической мобильности // Орел: Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. №2 (37), 2014. С.56-63.

14. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / Под ред. Е. С. Полат. – М.: Академия, 2007. – 368 с.

15. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня №8. –2006. – С. 20–26.

16. Богданова Н.В., Баева Т.А., Назарова А.В. Европейский языковой портфель в медицинских вузах (ELP – European Language Portfolio) – как средство формирования единого образовательного пространства в области овладевания иностранными языками студентами неязыковых вузов // Вестник СПбГМА им. И.И. Мечникова СПб, 2007, №3, с.153 –155.

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРИЧИНЫ НАРУШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Горшкова В.В.,
доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой социальной психологии,
Ковалева Н.Л.,
аспирант,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Ключевые слова: социальная адаптация, интеллектуальные нарушения, агрессивное поведение, современный воспитанник детского дома, социально-культурные факторы
Key words: social adaptation, intellectual impairment, aggressive behavior, modern orphanage, socio-cultural factors

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы девиантного, в частности. агрессивного поведения и причины нарушений социальной адаптации воспитанников детских домов. Проводится анализ экспериментальных данных,. полученных в результате исследования, проведённого на базе трёх детских домов Санкт-Петербурга. Выявляются различия в проявлении девиаций детьми и подростками с интеллектуальными нарушениями и воспитанниками сиротских учреждений с сохранным интеллектом. В конце статьи излагаются выводы и прилагается список литературы.

In this article deviant behaviory problems of mentally retarded orphan child from children's home were carefully examined. The author had carried out analysis of the experimental data, received as a result of the research work on the base of three children's home of St. Petersburg. There have revealed itself differences in the manifestation of behaviour deviations of mentally retarded children comparted to children with safe intellect. At the end of the article, author's conclusions and the list of literature are applicated.

В современной литературе принято выделять пять типов девиантного поведения в зависимости от способа взаимодействия с реальностью. Менделевич В. Д. [9] предлагает следующую классификцию:1) делинквентное поведение; 2) аддиктивное поведение; 3) патохарактерологическое поведение; 4) психопатологическое поведение; 5) отклоняющееся поведение на основе гиперспособностей

В отношении детей и подростков с особым статусом развития актуальными являются первые четыре типа.

Шипицына Л.М. и Иванов Е.С. [11] описывают основные формы девиантного поведения, наиболее часто встречающегося у детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья. Это: агрессия и аутоагрессия; злоупотребление веществами, вызывающими состояние измененной психической деятельности (алкоголизм, наркомания, токсикомания); характерологические и патохарактерологические реакции; коммуникативные девиации; аномалии сексуального поведения.

Такие формы девиаций как агрессия и аутоагрессия, злоупотребление химическими веществами, патохарактерологические и психопатологические отклонения часто носят сочетанный характер и представляют собой так называемое саморазрушающее или аутодеструктивное поведение. Аутодеструкция проявляется в виде алкоголизации и наркотизации, а также аутоагрессии, которая может выступать в форме суицидального или парасуицидального поведения. Кроме того, подчеркивают авторы [11], аутодеструкция часто проявляется в виде маскированной депрессии, которая опасна возможностью суицидов.

Возникновение девиаций в значительной степени обусловлено не только генетическими факторами, но и социально-культуральными. Шипицына Л. М. и Иванов Е. С.[11], рассматривая такую распространенную среди детей с интеллектуальной недостаточностью и задержкой психического развития девиацию как агрессия, выделили восемь форм ее проявления, в которых присутствуют как биологические, так и социальные факторы. Это: агрессия как проявление компенсаторной реакции при инфантильно-гедонистической мотивации в связи с трудностями в учебе; агрессия как проявление эксплозивности при умственной отсталости; агрессия как проявление извращенных влечений; агрессия при психомоторном и аффективном возбуждении; агрессия как реакция протеста на трудности коммуникативного характера; агрессия при дисфорических нарушениях; агрессия подражательного характера; агрессия как проявление групповой солидарности.

Исследование было посвящено изучению особенностей агрессивного поведения воспитанников детских домов, преимущественно социальных сирот.

Нами были поставлены следующие задачи:

1) Изучить особенности проявления агрессивного поведения воспитанников детских домов с нарушениями в интеллектуальной сфере и задержкой психического развития в сравнении с агрессивным поведением их сверстников с сохранным интеллектом, живущим в аналогичных условиях;

2) Исследовать влияние биологических и социально-культуральных факторов в механизме возникновения агрессии;

3) Рассмотреть возможности ранней социализации сирот как средства предупреждения агрессии и других девиаций.

Исследование проводилось в трех детских домах г. Санкт-Петербурга: детском доме №18 и детском доме №23 для «особых» детей, а также в детском доме №9 смешанного типа, дети и подростки с нарушениями интеллекта живут в условиях интегрированного воспитания совместно с детьми, имеющими задержки психического развития и с нормально развивающимися в интеллектуальном отношении сверстниками.

Общее количество обследованных детей составило 101 человек.

Всего было обследовано 69 детей с интеллектуаль-

ными нарушениями легкой степени выраженности, в возрасте от 7 до 14 лет. Из них мальчики составили 45 человек, девочки - 24.

В качестве контрольной группы было обследовано 32 школьника с нормальным интеллектом в возрасте от 7 до 12 лет, воспитывающимися в условиях детского дома. Из них мальчиков – 21 человек, девочек – 11.

Экспериментальная группа была представлена двумя подгруппами. Первую подгруппу составили дети и подростки с интеллектуальной недостаточностью с девиантным поведением, ведущим компонентом которого являлась агрессивность.

Вторую группу составили умственно отсталые дети и подростки, в поведении которых присутствовали различные аддикции (преимущественно зависимое поведение).

Контрольную группу составили дети и подростки, имеющие сохранный интеллект и живущие в аналогичных условиях, с такими же формами девиантного поведения.

В Исследовании применялись следующие методы: биографический, метод наблюдения, беседа, тестирование.

Беседа с детьми дополнялась беседой с воспитателями и учителями.

В статистической обработке полученных данных применялся корреляционный анализ и t-критерий Стьюдента.

Учитывая личностные особенности детей с особым статусом здоровья, проективные тесты оказались более приемлемыми для решения поставленных задач, нежели вопросно-ответные формы.

Используемые проективные тесты включали в себя ассоциативный метод (Hand-тест), экспрессивный метод (“Нарисуй человека”), методы выбора (тест Сцонди и тест Люшера). В ходе беседы с подростком также использовалась методика Дембо-Рубинштейн с целью выявления уровня самооценки.

В исследовании применялся восьмицветный субтест методики М.Люшера и социально-перцептивный интуитивный тест Сцонди. Новизна исследования заключалась в их совместном использовании с дальнейшим анализом выявленных взаимосвязей.

В примечании к компьютерной версии, разработанной А.Б.Добровичем, А.Л.Пажитневым и В.В.Герасимовым [5], авторы указывают на соответствие 4-х характеристик по тесту Сцонди 4-м основным факторам второго порядка широко распространенного в психодиагностике:

F1 - (тревожность - приспособленность) – возбудимость;

F2 - (экстраверсия - интроверсия) – открытость;

F3 - (динамическая стабильность - утонченная эмоциональность) – эмоциональная восприимчивость;

F4 - (независимость - подчиненность) – степень готовности противопоставить себя социальному окружению.

Статистически достоверная связь между предпочтениями фотопортретов с одной стороны и выраженностью упомянутых факторов с другой подтверждена специальным исследованием на 1000 испытуемых, в котором получены также средние значения шкал для клинически здоровых лиц на российском материале [5]. Имеются также новые данные, полученные на 100 клинически здоровых лицах молодого возраста [6].

В наборе проективных тестов использовался тест “Нарисуй человека” была предложена инструкция: “Нарисуй человека, любого, какого хочешь”. Для выполнения задания предлагался стандартный лист бумаги формата А4, простой и цветные карандаши, фломастеры, ластик. По окончании рисования проводилась беседа на тему рисунка.

Применение биографического метода и беседы позволило проследить, как во многих случаях формировался отрицательный стереотип поведения детей и подростков с интеллектуальной недостаточностью. Их личные дела полны описаний сцен насилия, свидетелями которых дети были в семьях своих асоциальных родителей. Кроме того, бродяжничая по улицам, ночуя в подвалах, многие из них попадали в подростковую асоциальную группу, где, как правило, занимали одно из последних мест, выполняя приказания лидера группы.

Отягощенные грузом неблагоприятной наследственности, а также психотравмирующим опытом социальных воздействий, такие дети, попадая в детский дом, подвергаются фрустрирующему контролю и волевым воспитательным воздействиям. Выдержать давление со стороны взрослых таким детям часто оказывается довольно сложно как в силу биологических факторов (недоразвития высших потребностей, воли, интернального локуса контроля и слабым торможением низших потребностей), так и вследствие приобретенного деструктивного стереотипа социального поведения.

Наблюдения показали, что в таких условиях дети и подростки с отклонениями в интеллектуальном развитии испытывают чувство психологического дискомфорта, которое они не всегда в состоянии осознать и вербализовать, но которое явно просматривается в интерпретационной картине проективных тестов.

Изучение показателя агрессивности по Hand-тесту позволило выделить в группе «особых» воспитанников детских домов две подгруппы испытуемых с девиантным поведением, первую из которых составили агрессивные, а вторую – неагрессивные дети. Контрольная группа не имела столь четких разграничений. Интегральный показатель агрессивности в группе агрессивных испытуемых оказался выше, чем в контрольной группе, и составил значение, равное 2,59, а в группе неагрессивных испытуемых этот показатель был значительно меньше, чем в контрольной группе и равнялся -1,59. В контрольной группе интегральный показатель агрессивности оказался равным 0,97. Показатель агрессивности «особых» подростков оказался значительно выше за счет малого количества ответов по шкале аффектации, понимаемой здесь как выражение привязанности, любви, эмоционально положительного, благожелательного отношения к людям. По этой шкале наиболее высокий показатель отмечен у испытуемых из контрольной группы (1,6), а наиболее низкий – у агрессивных с интеллектуальной недостаточностью(0,59). Это подтверждает мнение специалистов о том, что для формирования социально адаптированной личности необходимо создание в детском доме благожелательной и психологически комфортной для ребенка и подростка среды [2, 4, 11].

Как у агрессивных, так и у неагрессивных «особых» детей и подростков наблюдались расторможенность, усиление инстинктивных проявлений, следование сиюми-

нутным желаниям, отсутствие критичности и незрелость волевых актов. Однако поведенческие нарушения у этих групп испытуемых проявлялись по-разному. Если для агрессивных детей и подростков основными девиациями выступали такие формы поведения, как побеги, поджоги, физическая агрессия и аутодеструктивное поведение, то у неагрессивных наиболее часто встречался такой вид отклоняющегося поведения, как коммуникативное расстройство, проявляющееся в форме гиперобщительности, связанной с болтливостью, навязчивостью, неспособностью долгое время находиться в одиночестве и т. д. Все эти и другие девиации, возникая и формируясь в результате психического дизонтогенеза усиливают свое патогенное проявление под влиянием неблагоприятных социальных факторов. Исследование позволило определить наиболее характерные из этих факторов:

1). Опыт проживания в асоциальной семье или бродяжничества до момента поступления в детский дом;

2). Условия проживания в большом коллективе, когда неизбежно формируются различные группы, в которых могут возникать девиации подражательного характера;

3). Не всегда возможный, часто в силу объективных причин, индивидуальный подход к каждому ребенку и подростку;

4) разрушительное воздействие на неустойчивую психику компьютерных игр, телевизионных и видеофильмов, наполненных сценами жестокости и насилия.

Анализ подсознательных тенденций и проблемных зон изучаемых групп детей и подростков выявил, что показатель ситуативной тревожности как одного из проявлений змоциональной нестабильности, во всех группах, включая контрольную, отличается от средней нормы в сторону повышения тревожности. Так, если средний показатель по тесту М.Люшера равен 21,23, то у агрессивных и неагрессивных подростков с особым статусом здоровья и испытуемых из контрольной группы он равен соответственно 29,29; 26,31; и 27,75. Эти результаты позволяют нам предположить, что данные показатели обусловлены не столько биологическими факторами, сколько социальными, такими, как проживание в детском доме, отсутствие любящих и заботливых родителей и т. д.

Экспериментальные данные по результатам совместного использования тестов Люшера и Сцонди показали, что на активность и работоспособность детей и подростков с интеллектуальной недостаточностью влияют такие патохарактерологические особенности, как истероидность и склонность к жестокости и насилию, а также наличие или отсутствие депрессии, в том числе, скрытой.

Склонность к жестокости и насилию у «особых» воспитанников детского дома часто проявляется наряду с истероидностью. Чем выше эти показатели, тем выше активность. У этих детей и подростков и испытуемых из контрольной группы обнаружилась отрицательная связь между активностью и депрессивным состоянием. У неагрессивных «особых» детей и подростков с другими ведущими девиациями, напротив, чем выше оказывался показатель активности, тем чаще обнаруживалось наличие депрессии. Маскированная повышенной активностью депрессия особенно опасна тем, что ее сложно своевременно распознать и предотвратить возможные попытки суицидов. Аутодеструктивное поведение таких детей может выражаться также в злоупотреблении наркотическими и другими токсичными химическими веществами, в приобщении к асоциальным группам, где им уготована роль ведомых, послушных исполнителей лидера группы. Беседы с воспитателями, а также истории жизни этих детей, как правило, подтверждали предположение о том, что аутодеструктивное поведение неагрессивных воспитанников сиротских учреждений, имеющих нарушения в интеллектуальной сфере часто является внезапным и как будто бы не мотивированным, поскольку признаки депрессии скрыты.

Исследование выявило положительную корреляцию между показателями работоспособности и истероидности в обеих изучаемых группах «особых» детей и подростков. В отличие от этих групп, у исследуемых воспитанников с сохранным интеллектом такая корреляция оказалась отрицательной. Полученные данные позволяют предположить, что патохарактерологические особенности в ряде случаев у детей с интеллектуальной недостаточностью могут выполнять определенные адаптивные функции, в то время как у детей и подростков с сохранным интеллектом они являются скорее фактором дезадаптации.

В обеих экпиреметальных группах не прослеживается связь между полом испытуемого и склонностью к жестокости и насилию (“шкалой садизма”, в терминах Сцонди), в то время как в контрольной группе такая связь обнаруживается: у мальчиков этот показатель выше, чем у девочек.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Структура девиантного поведения детей и подростков с нарушениями в интеллектуальной сфере и детей и подростков с сохранным интеллектом, проживающих в аналогичных условиях, различна;

2. В возникновении девиантного поведения у «особых» подростков первичным является интеллектуальный дефект, а поведенческие отклонения выступают как вторичные нарушения в результате воздействия неблагоприятных социально-культуральных факторов.

3. Своевременная социальная и коррекционно-психологическая работа, направленная на социализацию детей с отклоняющимся поведением, позволяет снизить риск возникновения и степень выраженности девиаций;

4. Отсутствие корреляции между шкалами теста Сцонди и ситуативной тревожностью по тесту Люшера, что позволяет предположить обусловленность уровня тревожности детей скорее не биологическими факторами, а социальными;

Депрессия, проявляющаяся в виде повышенной активности, создает трудности в ее распознавании, и поэтому представляет собой опасность скрытого суицидального поведения.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Бгажнокова И. М., Гамаюнова А.Н. Проблемы социальной адаптации детей-сирот с нарушениями интеллекта //Дефектология, 1997, №1

2. Биологические и социальные факторы нарушений поведения у детей и подростков. // Межвузовский сб. научных трудов. / Отв. Ред. Л. М. Шипицвна. Л., 1989.

3. Клиническое руководство: модели диагностики и

лечения психических и поведенческих расстройств/Под ред. В.Н. Краснова, И.Я. Гуровича. М. 1999.

4. Комплексное сопровождение и коррекция развития детей-сирот: социально-эмоциональные проблемы / Под. Научн. ред. д. б. н., профессора Шипицыной Л. М. и д.п. н., профессора Казакова Е. Ц. СПб., 2000.

5. Кривенков С.Г., Болобовко Г.В. Дифференциальный подход при профподготовке инвалидов по специальности "оператор ПК" с целью их интеграции в общество // Сб. "Образование как фактор интеграции инвалидов общество: теория, практика, перспективы", ИОВ РАО СПб., 1999

6. Кривенков С.Г., Рысев Ю.В. Значение учета личностных акцентуаций и социально-психологических установок для практики обучения взрослых инвалидов. Сб.: "Научно-практические проблемы образования инвалидов как социальной группы", Институт образования взрослых Российской Академии образования, СПб., 2000.

7. Макартычева Г.И. Коррекция девиантного поведения. СПб., 2007.

8. Менделевич В.Д. Психиатрическая пропедевтика. М. 1997.

9. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. – СПб., 2005.

10. Собчик Л.Н. Тест восьми влечений Сцонди. М., 1999.

11. Шипицына Л.М., Иванов Е.С. Нарушения поведения учеников вспомогательной школы. Уэллс, Великобритания., 1992

12. Шипицына Л. М. «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. – СПб., 2005.

ФИЛОСОФИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗИРУЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА

Горшкова В.В.,
доктор педагогических наук, профессор,
зав.кафедрой социальной психологии,
Семухина Е.В.,
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра социальной психологии,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Ключевые слова: непрерывное образование, компетенции,
интеллектуально-профессиональная элита, модернизирующийся социум
Key words: continuing education, competence, intellectual and professional elite modernizing society

Аннотация. В статье раскрыты философские и педагогические факторы результативности непрерывного образования в современной России в условиях модернизирующегося социума. Приоритетным направлением непрерывного образования и созидания определено становление интеллектуально-профессиональной элиты. Охарактеризована концепция непрерывного образования, в которой актуализированы не только интеллектуально-профессиональные аспекты, но и духовно-нравственные, культурные, психологические, без акцента на которые, по мнению авторов, невозможными становится развитие интеллектуально-профессиональной элиты в условиях модернизирующегося социума.

The article reveals the philosophical and pedagogical factors effectiveness of continuing education in modern Russia in the conditions of a modernizing society. Priority continuing education and creation determined the formation of the intellectual and professional elite. Characterized by the concept of lifelong education, which is updated not only intellectual and professional aspects, but also spiritual, moral, cultural, psychological, without an accent which, according to the authors, the impossible becomes the development of intellectual and professional elite in terms of modernizing society.

Образование – привилегия высших слоев общества; элитарный характер образования сформировался недавно, со времени проникновения влияния западного просвещения на умы и культуру нашей страны. В условиях модернизирующегося социума глобальной проблемой следует считать непрерывность образования в силу его:

– всеохватности, т.е. объединения общей целью и вовлечения всего населения, всех его социально-демографических, социально-профессиональных групп;

– преемственности, т.е. сохранности или изменчивости во времени и пространстве общесоциальных целей и способов их реализации;

– индивиуализированности, т.е. учета по времени (жизненным ритмам и циклам), типам, направленности индивидуальных потребностей.

Ключевое значение для осуществления непрерывного образования имеет преемственность звеньев образовательной системы и разветвленность каналов неформального образования за пределами базового образования.

Реализация непрерывного образования опирается на ее вертикальную интеграцию, при которой каждый уровень образования предполагает возможность перехода на следующий. Отличительной особенностью модернизирующегося общества является то, что возникают несогласованные и не поддающиеся никакому контролю «синкопированные» короткие ритмы, сменяющие свои рисунки несколько раз за жизнь одного поколения (поколение, в отличие от продолжительности жизни человека, – это 18-20 лет). Человеку, таким образом, приходится «социализироваться», т.е. заново включаться в систему изменившихся стандартов образа жизни, не один раз за свою жизнь. Важный содержательный признак непрерывного образования – «горизонтальная интеграция», т.е. соотнесенность образования, получаемого вне формальной образовательной системы, в том числе спонтанно приобретаемых знаний и жизненного опыта с образованием в учебных заведениях и по специальным программам (дополнительного образования). Среди функций непрерывного образования условно выделяют:

– компенсирующую, выражающуюся в восполнении пробелов в базовом образовании, а также удовлетворении потребностей творческого роста;

– адаптивную, реализующуюся вследствие требований модернизирующегося социума (меняющихся производств и социальной ситуации).

Когда речь идет об образовании взрослых, то предполагается, следовательно, что они недостаточно социализированы или утратили требуемую для полноценного исполнения какой-нибудь социальной функции квалификацию. Однако надо тщательно отличать требования социализации со стороны процессов модернизации от того, что называют воспитанием, развитием личности, нравственным совершенством и возможностью духовной реализации человека. Обычно все это сплавляют в неразличимую массу, но на самом деле, это все – разноуровневые понятия. Современный социум управляется не только государством и другими институтами, – он управляется идеологически. Он устроен таким образом, что учения, основанные на вере, перестали играть значимую роль в регулировании социальных и культурных процессов, их заменила идеология, тем более что информационная доступность мира, знакомство с множеством различных верований, культурных традиций, культов привело к тому, что современный человек имеет перед собой довольно разнообразный выбор. Существует тенденция, вполне сознательная и тоже вполне утопическая, – к объединению всех верований и религиозных течений как способ созидания и опоры модернизирущегося общества. Однако отметим, что утопическое сознание – характер-

ная черта модернизирующихся социумов. Ведь в них нет устойчивых ориентиров, каковыми были в традиционном обществе: иерархическое строение социума и культуры, а, следовательно, устойчивость метафизической картины мира, которая хотя и обсуждалась непрерывно, но, тем не менее, не меняла своих главных принципов. Эта тенденция, конечно, всегда остается на уровне проекта, как философского, так и практического, но не реализуемого.

В предшествующие периоды истории образование выполняло функцию, ориентированную по преимуществу на воссоздание производительных сил общества. Относительно медленная эволюция общественного производства обуславливала и относительное постоянство структуры и содержания образования и общего, и специального. Фактически был сформирован тип «итогового» образования, продиктованный научить навсегда, т.е. тому и так, чтобы это пригодилось человеку на протяжении всей его социальной и профессиональной деятельности.

В модернизирующемся обществе, напротив, образование не есть привилегия, оно является настоятельной необходимостью для всех слоев социума, поскольку они все вовлечены в процессы модернизации. Почему важно вовлечение в образовательные процессы разных уровней максимального числа людей? Для любого преобразования нужна критическая масса хорошо ориентированных и информированных людей. С точки зрения модернизации процессы изменения в обществе происходят во всех институтах социума и культуры. Возникло парадоксальное явление: не только быстро растет объем научных знаний, но и изменяется характер наук: даже точные науки признали «множественность истины», случайность и непредсказуемость открытий, необходимость их этической оценки.

Социум в считанные десятилетия совершил поворот к совершенно новому типу социокультурного наследования, в рамках которого важным стало не усвоение прежних рецептов, а подготовка к овладению инновационными методами и формами познания, ранее нигде не существовавшими. Культура по отношению к социуму представляет собой нормативную систему, т.е. как сами нормы непосредственно, так и определенный аспект ценностей и знаний обладают модусом долженствования, принудительностью для исполнения конкретным индивидом. Если в современном мире некоторые восточные страны сумели сохранить некоторые традиционные черты не только своей культуры, но и методов управления, то это не означает, что «давление» модернизационных процессов ослаблено. В каждом конкретном случае есть свои особенности взаимодействия западной цивилизации, источника этого «давления», и характера местных традиций. Отметим необходимые составляющие глобального процесса модернизации: в современной европейской истории — это промышленная революция (Англия, Голландия), демократическая революция (Франция) и революция в образовании и совершенная образованием. Современное образование принципиально отличается от традиционного воздействием на саму социальную структуру. Образование есть, прежде всего, институт социализации человека. Социализация происходит с целью исполнения социального заказа на позиции, которые возникают в процессе модернизации, и тех заместителей обозначенных позиций, у которых будут сформированы профессиональные компетенции. Известно, что компетенция является производным понятием от компетентности и обозначает сферу приложения знаний, умений и навыков, компетентность мы понимаем как «некий знаниевый багаж человека». Вообще «компетенция» – понятие, пришедшее в Россию из англосаксонской традиции образования, получившее широкое распространение в отечественных академических кругах, особенно после присоединения России к Болонскому процессу, и по сути означает описание интегрированного результата образовательного процесса или компетентностного подхода в процессе подготовки специалистов (бакалавров, магистров). Компетенции рассматриваются как явление новой образовательной культуры. Поскольку формирование компетенций происходит на протяжении всего профессионального пути, то характеризуется постоянным динамизмом и незавершенностью, т.е. является основанием для непрерывного образования. Позиционные структуры современных обществ имеют разветвленную структуру, и сами институты интенсивно дифференцируются. Поэтому на всех участников образовательного процесса ложится громадная нагрузка. Когда речь идет об образовании взрослых, то предполагается, следовательно, что они недостаточно социализированы или утратили требуемую для полноценного исполнения какой-нибудь социальной функции квалификацию.

В процессе социализации, кроме образования, играют важные роли и другие социальные и культурные образования – гражданское общество, семья, СМИ. В ходе взаимодействия с ними потенциальные способности человека оформляются, т.е. ограничиваются таким образом, чтобы они соответствовали принятым в данном социуме и меняющимся стандартам. Эти стандарты суть нормы, ценности и знания, образующие корпус культуры социума.

Созидательная роль концепции непрерывного образования в модернизирующемся обществе заключается также и в формировании системы профессиональных стандартов, в настоящее время проходящей экспертизу и согласование на региональных и федеральном уровнях. В Государственной Думе РФ находится законопроект об обязательности применения профстандартов. Эта система включает все уровни профессионального образования. Инновационным фактором системы профессиональных стандартов является актуализация тех профессий, без которых невозможно развитие страны, производства, общества, человека. Несмотря на то, что в основе понятия «стандарт» заложено соответствие определенным критериям, тем не менее, конечной целью этой концепции является формирование интеллектуально-профессиональной элиты (от представителя рабочей профессии до представителя государственной и муниципальной власти). Подтверждением тому являются запланированные мероприятия, такие как «профессиональные конкурсы», президентские гранты, именные стипендии от министров и губернаторов, законодательные механизмы мотивации человека к ведению здорового образа жизни.

В традиционном обществе система норм не претерпевает стремительных изменений. Эти изменения по времени сопоставимы с циклом жизни человека. Социум традиционного общества интегрирован на основе духовной иерархии. Поэтому социализация имеет характер не формального усвоения наличных норм, знаний и ценностей,

а продвижения по иерархической духовной лестнице. Когда в связи с образованием говорят о «духовно-нравственном воспитании», то, по существу, также имеют в виду социализацию. Используется этот оборот речи безо всякого размышления, как если бы он обладал самоочевидностью научного понятия. Но это ложное впечатление. Он не обладает никакой очевидностью, мало того, этот оборот вообще не есть понятие в собственном смысле слова, это смысловой «кентавр», потому что соединяет в себе разнородные, разноуровневые и даже несовместимые реалии. Собственно нравственность есть часть нормативной системы, Дух не относится к этой системе, никак ею не определяется. В самой общей форме («в пределах только разума») можно говорить о соотношении двух частей нормативной системы, но тогда речь будет идти о морали и религии. Мораль же, как мы узнаем от автора самой стройной философской системы, «отнюдь не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе» [2].

В России, где ситуация требует особого понимания, т.к. она отнюдь не стандартна в силу спутанности исторических ритмов (длинные ритмы – естественное развитие процессов и системы в целом – постоянно «сбивались» негармоничным и нелогичным вмешательством чуждых коротких «острых» ритмов, подобных революции, войнам, недавней перестройке), начинать надо с создания интеллектуально-профессиональной элиты. Без этого никакая модернизация невозможна; на это и должно ориентироваться образование. Но «воспроизведение» интеллектуально-профессиональной элиты вряд ли возможно без сохранения и феноменальных результатов «образовательной революции», которая произошла в СССР в конце XX в. Модернизация невозможна ни в сфере инноваций, производства, ни в сфере государственного строительства и права, то есть ни в одной области жизни общества без доступности непрерывного образования для всех слоев населения.

Целью непрерывного образования выступает профессиональное самосовершенствование, представляющее собой сознательный, целенаправленный процесс повышения уровня профессиональной компетентности и развития профессионально значимых качеств в соответствии с внешними социальными требованиями, условиями профессиональной деятельности и личной программой развития. Самосовершенствование как социальный процесс базируется на требованиях общества и профессии к личности человека, специалиста, трудящегося, представителя гражданского общества. Причем предъявляемые требования должны быть несколько выше наличных возможностей конкретного человека, поскольку амбициозность, безусловно, один из признаков интеллектуально-профессиональной элиты. Достижение целей непрерывного образования как философско-педагогической концепции приводит к формированию интеллектуально-профессиональной элиты, потому что истина и высшее благо есть ее «моральная максима», по словам И. Канта.

Идея необходимости обучения «через всю жизнь», трансформированная в теории «непрерывного образования», сегодня принята во всем мире. Как свидетельствует статистика, число обучающихся взрослых в России неуклонно растет. По данным Высшей школы экономики, образование взрослых частью респондентов (42,6 %) воспринимается как «осознанная необходимость».

В целях совершенствования нормативной правовой базы функционирования системы непрерывного образования на согласование представлен вопрос о внесении изменений в приказ Минобрнауки России от 29 августа 2013 г. № 1008 «Об усилении регулирования дополнительного образования». Реализация концепции непрерывного образования закреплена также в Проекте Федерального Закона Российской Федерации 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «О дополнительном образовании», где определено совмещение образовательных программ для детей и взрослых в имеющихся учреждениях в целях расширения доступа населения к образованию и оптимизации масштабов привлечения дополнительных ресурсов. Комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации по развитию дополнительного профессионального образования разработан проект Концепции непрерывного образования взрослых, которая в данное время проходит согласование.

Для систематизации и распространения опыта обучения взрослого населения в субъектах Российской Федерации на федеральном уровне инициировано проведение Всероссийского конкурса региональных образовательных систем «Обучающийся регион». Вышесказанное закрепляет не только философско-педагогические, социальные, психологические факторы непрерывного образования как такового, но и переводит его формы, методы, приемы в правовое поле, что, безусловно, является фактором созидания модернизирующегося социума.

Приоритетным направлением, результатом реализации концепции непрерывного образования в условиях модернизирующегося социума становится формирование интеллектуально-профессиональной элиты. Интеллектуально-профессиональную элиту нельзя отождествлять ни с учеными, ни с интеллигенцией в общепринятом смысле слова; и достаточно трудно определить ее суть на основе одной преобладающей ценности – власти, денег, влияния. Это понятие достаточно разнородное (по уровню образования, соотненесенностью с профессиональной группой, возрастом и пр.). Взгляд на элиту как целостную систему и форму бытия социума, в основе которого лежат связи между индивидуальностью человека, как источником множественности образов реальности и культурными образами природы человека. Человек старается найти или сконструировать свое «я», а культура – создать осмысленный образ общественной реальности. Процесс становления интеллектуально-профессиональной элиты затрагивает многоуровневые и иерархические системы, механизмы адаптации, самоидентификации, своего поведения с родовыми инвариантами, самоорганизацию и взаимодействие с другими системами. Взаимодействие когнитивной, аффективной и ценностной систем взрослого человека влияют на формирование мировоззрения, основу его духовности, порождают стиль жизни. Антропологическая система кодирует и декодирует информацию, являясь передаточным и преобразующим слоем системы интеллектуально-профессиональной элиты, формирующей бытие, распространяющей особое состояние жизни. Как писал М.К. Мамардашвили: развитая «…личность – это форма и способ бытия, особое состояние жизни, находка ее эволюции» [4]. Самонастра-

иваемость ее проявлений не зависит от всезнания или каких-либо высших ориентиров. Подлинная интеллектуально-профессиональная элита – та, которая устанавливает новые отношения с социумом, в котором живет; она поднимается над цивилизацией, к которой принадлежит, сопротивляясь «приобщению к определенной культуре». Отстраняясь от цивилизации и общества, интеллектуально-профессиональная элита проявляет онтологические основы универсализма. Миссия интеллектуально-профессиональной элиты заключается не только в развитии страны, промышленности, общества, духовности, личности, потребностей, но и в сохранении духовного и материального капиталов, т.е. в работе на вечность. Интеллектуально-профессиональная элита продвигает возможность «градационного» (т.е. восходящего к более совершенному уровню) образованию, не деградационного, то есть участвует в смене главных ориентиров в культуре и идеологии.

Сейчас не только материальные ресурсы являются у нас сырьем, но и знания, образование, культура и сам человек рассматривается в таком же регистре. Поэтому задачи непрерывного образования и подготовки интеллектуально-профессиональной элиты не есть частный вопрос, это вопрос существования всего современного социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова В.В. Онтология непрерывного образования // «Педагогика», № 8, 2014. С. 53-57.

2. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.6. М. 1994. С.5.

3. Непрерывное образование взрослых: социокультурные аспекты / Под ред. д.п.н., проф. В.В. Горшковой. – СПб.: УРАО ИОВ, 2010. - 400 с.

4. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М., 1990. С 173.

5. Семухина Е.В. и др. Инновационное развитие педагогического образования // Формирование профессионально-иннновационного потенциала в условиях непрерывного образования. – Архангельск, 2013. С. 17-22.

ПРИОРИТЕТЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА

Ковров В.В.,
кандидат педагогических наук, профессор,
кафедра педагогической психологии,
Московский городской психолого-педагогический университет

Ключевые слова: нравственное воспитание, образовательная среда, психологическая безопасность личности, психическое здоровье современного школьника
Key words: moral upbringing, educational environment, psychological safety of the individual, psychological health of a modern student

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для отечественной системы образования проблема, связанная с обеспечением психологической безопасности личности современного школьника и сохранением его психологического здоровья. Нравственное воспитание является основой обеспечения психологической безопасности образовательной среды школы, должно быть приоритетным направлением в образовательной практике сегодня и на качественном уровне интегрированным в единый процесс обучения и развития учащихся.

The paper considers relevant for the national education system problem related to the provision of psychological security of the individual and the psychological health preservation of modern student. Moral upbringing is the foundation of the psychological safety of school educational environment; it should be presently a priority in educational practice and integrated at the quality level in a single process of schoolchild learning and development.

В условиях модернизации российского образования при обновлении содержания и организации образовательного процесса значительно должны быть актуализированы его воспитательные функции. Однако, к сожалению, приходится констатировать, что в школьной образовательной практике зачастую заметны тенденции девальвации ценности воспитания, снижения воспитательной и социализирующей функций образования, распространения отношения к образованию как «образовательной услуге», а в организации воспитательной работы в школе деградируют формы воспитательной деятельности, искажаются методики воспитания.

Воспитание подрастающего поколения представляет собой отдельную, особо сложную проблему, которая становится национальным делом любого государства, целью которого является развитие у школьников духовности и культуры, гражданской ответственности и правового самосознания, инициативности, самостоятельности, толерантности, способности к успешной социализации в различных социальных средах, активной адаптации на рынке труда. «Культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные «коды» – это сфера жесткой конкуренции, порой – объект открытого информационного противоборства. От того, как мы воспитываем молодежь, зависит, сможет ли Россия сберечь и приумножить себя саму», – заявил президент РФ Владимир Путин на совещании по вопросам нравственного и патриотического воспитания молодежи в Краснодаре 12 сентября 2012 года.

Социальный прогресс немыслим без права на автономию и выбор, каким обладает духовно богатый интеллектуально и нравственно развитый человек. Морально здоровая личность понимает, на что направлены её активность и трудоспособность, инициатива и пристрастность. Без стабильности, самодостаточности, субъективного ощущения социально-психологической безопасности и своего благополучия в мире других людей человек не может влиять на прогресс общества. Психологическое здоровье человека представляет собой богатство нации, от него зависят стабильность общества и государства. Безопасность человека в её психологическом аспекте, его психологическое здоровье напрямую связано и определяются целостностью процесса воспитания, в основу которого положены духовно-нравственная культура.

Анализ современной образовательной практики свидетельствует, что в образовательных учреждениях наблюдается доминирование «мероприятийной» педагогики, исходящей негласно из положения: качество результата воспитания определяется количеством проводимых мероприятий. Такой подход к воспитанию характеризуется преобладанием мероприятий, проводимых взрослыми для детей, над делами, совместно организованными взрослыми и детьми. Наблюдается усиление объективно существующей в современной культуре тенденции к изоляции детской и молодежной субкультур от мира взрослых. Практически отсутствует учет психологических механизмов личностного развития и возрастных особенностей детей и подростков.

Важно обратить внимание и на рассогласованность действий различных субъектов воспитания (образовательных институтов, семьи, детских и молодежных объединений, средств массовой информации, органов власти и общественных организаций), на излишнюю бюрократизацию управления воспитательным процессом, на стимулирующую имитацию воспитательной деятельности, избыточное администрирование, авторитарность в ущерб развитию потенциала самоорганизации. Это не позволяет обеспечить необходимые психолого-педагогические условия для становления личности взрослеющего ребёнка.

Совершенно очевидным является то, что сегодня подростка нужно защищать от агрессивной пропаганды вседозволенности и насилия, примитивизма и цинизма, учить достойно жить в меняющемся социуме, создавая «островки безопасности» в различных детских (молодёжных) общественных объединениях и проектировать дружественную социальную среду. С другой стороны, взрослеющего ребёнка необходимо активно вводить в практику личностного самоопределения, формирования

собственных взглядов и позиций, основанных на ненасильственном и толерантном взаимодействии с окружающими его людьми. Эти обстоятельства являются серьёзной угрозой для обеспечения психологической безопасности образовательной среды, учебно-воспитательного процесса, свидетельствуют о наличии проблем в деле обеспечения психологической безопасности воспитания и развития личности, сохранения и укрепления психологического здоровья детей.

Известно, что отношение к чему-либо закрепляется в поведении ребёнка и становится его привычкой в том случае, если у него есть опыт соответствующей деятельности. А.С. Макаренко отмечал, что ребенок должен правильно поступать не потому, что он сел и подумал, а потому, что у него сформированы привычки нравственного поведения. Поэтому определяющим в системе воспитания является организация разнообразной деятельности ребенка, закрепляющей нравственные навыки. [1]

Важно подчеркнуть: каким бы ни был воспитательный шаг (пусть он всего лишь реплика), он будет тогда эффективным, если воздействует одновременно на разум и чувства, на поведение и деятельность ребенка. Знание даже нравственных норм не делает человека лучше. Один использует это знание, чтобы подняться нравственно выше, а другой – чтобы занять повыше положение в свете. «Научить ребенка считать очень просто. Методическая наука достигла в этом совершенства. Главное, чтобы с этим умением считать, – говорил известный педагог С.Т. Шацкий, – ребенок не стал ... обсчитывать». [1]

Таким образом, воспитание, являясь важнейшей и неотъемлемой составляющей образования, сегодня требует самого пристального внимания со стороны государства и общества, постепенно возвращающихся к осознанию приоритетности в образовании именно духовно-нравственного воспитания, интегрированного в единый процесс обучения и развития.

Духовность и нравственность, как известно, не врожденные, а приобретенные качества человека, которые формируются в процессе воспитания и самовоспитания, усвоения культуры, удовлетворения эстетических потребностей человека, обмена научными и культурными достижениями, что происходит в течение всей жизни человека и являются предметом его гордости и достоинства. Духовно-нравственная культура – высокий уровень развития способности принимать и сохранять человеческое в человеке; знание и внутренне принятие норм общественной морали, регулирующее поведение личности и её отношения к миру, к себе, гармония нравственных чувств, сознания и поведения. Основу её составляет:

- признание безусловной ценности человека, соответствующее гуманной парадигме образования с его ориентацией на приоритеты свободы, прав и достоинств личности, сознательный патриотизм человека как основ построения гражданского общества;

- стремление к поиску истины, добра, красоты, определяющее цель, смысл жизни и призвание человека, диалектически связанное с самосовершенствованием личности и общества в целом;

- вера, любовь, свобода, совесть – ценности, составляющие духовную основу всех сфер жизни, приносящие удовлетворение личности и пользу обществу и государству;

- общинность – соборность – коллективизм, обеспечивающие гармонию соотношения личных и социальных целей в решении важнейших задач современности.

С точки зрения педагогики духовно-нравственное в человеке следует рассматривать и как его сопричастность к окружающему миру, осознанную им в форме моральных обобщений и идей. Духовность и нравственность человека не сводится к цивилизованности, информированности и тем более развитию интеллекта. Роль педагога заключается в содействии духовным усилиям субъекта (ребенка) через формирование в его сознании образа жизни, достойного Человека, демонстрируя образцы соответствующего ненасильственного (по отношению к себе и к окружающим его людям) поведения, опираясь при этом на то, что образ жизни всегда является продуктом усилий самого человека.

Мы полагаем, что специально организованные психолого-педагогические условия воспитания духовно-нравственных качеств личности (на основе соответствующих им ценностных ориентиров) и создаваемые в образовательном учреждении возможности их проявления в общении и взаимодействии участников учебно-воспитательного процесса, «порождают» феномен психологической безопасности в образовательной среде школы, исключающей (значительно минимизируя) угрозы (риски) проявления психологического насилия. [3] При этом, под психологическим насилием мы понимаем такое физическое, психическое, духовное воздействие на человека (социально организованное), которое понижает его нравственный, психический (т.е. моральный, коммуникативный) и жизненный статус (в том числе правовой, социальный), причиняя ему физические, душевные и духовные страдания, а также угроза такого воздействия. [2]

Духовно-нравственные отношения в образовательной среде исключают притеснение, принуждение, злоупотребление властью в школьной среде и иные виды психологического насилия. Духовность и нравственность во взаимодействии субъектов образовательной среды (как основа воспитывающих отношений в образовательной практике) исключают возможность реагирования субъектов образовательного процесса в агрессивной и насильственной форме, порождают основу для регулирования отношения субъектов на основе диалога и сотрудничества. Это, в свою очередь исключает нарушение общепринятых норм, нарушение дисциплины, аутоагрессию, деструктивные действия. Кроме этого, можно с уверенностью сказать, что духовность и нравственность – есть основа построения личностно-доверительного общения и отношений субъектов образовательной среды, обеспечения референтности образовательной среды для учащихся и педагогов, обеспечения психологического здоровья всех участников образовательного процесса.

Рассматривая проблему психологического здоровья ребёнка, И.В. Дубровина подчёркивает: «Забота о психологическом здоровье предполагает внимание к внутреннему миру ребёнка, к его чувствам и переживаниям, увлечениям и интересам, способностям и знаниям, его отношению к себе, сверстникам, взрослым, к окружающему миру, происходящим семейным и общественным событиям, к жизни как таковой. Психологическое здоровье позволяет личности стать постепенно самодостаточной, когда она всё больше ориентируется в своём поведении и

отношениях не только на извне задаваемые нормы, но и на внутренние осознанные ориентиры». [2]

Задача взрослых – педагогов, психологов, родителей – помочь ребёнку в соответствии с его возрастом овладеть средствами самопонимания, самопринятия и саморазвития в контексте гуманистического взаимодействия с окружающими его людьми и в условиях культурных, социальных, политических, экономических и экологических реальностей окружающего мира.

Ориентация школьников на духовно-нравственные ценности приобретает характерные сущностные черты, если:

- в учебно-воспитательном процессе обеспечивается восхождение личности к общечеловеческим ценностям: Познание (истина), Человек (добро), Красота (гармония); к ценностям мира: Жизнь – Отечество – Труд, в общей совокупности составляющих системообразующие, интегрирующие линии содержания образовательной деятельности школы;

- в единстве учебной и внеучебной деятельности школьников, регулируемой духовно-нравственными ценностями, актуализируется и происходит возвышение потребностей в саморазвитии: самопознании, самоуважении, самосозидании, самореализации;

- реализуются возможности построения жизненной перспективы, профессионального и нравственного самоопределения на основе ненасильственного взаимодействия с окружающим миром;

- происходит обмен ценностями между учеником и учителем в процессе ученического самоуправления, восхождение учителя к ценностям детства;

- обеспечивается овладение механизмами ориентации: происходит интеграция и расширение свободы поиска-оценки-выбора и проекции в жизнедеятельности школьника, обращенных к присвоению ценностей культуры (прошлое), к преобразованию личности на основе присвоенных ценностей (настоящее) и к самопроектированию (будущее). [3]

Процесс воспитания духовно-нравственной культуры школьников может быть представлен как смыслопоисковое взаимодействие субъектов образовательной среды (ученик, педагог, родитель), включающее следующие этапы: целеполагания, переживания (формирование образов духовно-нравственных ценностей), осмысления, отношений, саморефлексии, моделирования и «преодоления». Результатом духовно-нравственного воспитания является целостная личность, обладающая духовным содержанием, включающим взаимосвязь единичности, уникальности конкретного смысла жизни (субъективность) и универсальности общечеловеческого смысла жизни (подлинность).

Духовность и нравственность как обобщённые характеристики ценностных ориентиров ученика, его референтной группы в образовательном учреждении, безусловно, влияют на его психологическую безопасность и защищённость, посредством минимизации проявления рисков насилия в образовательной среде школы. Высокая духовность предполагает высокую нравственность и отсутствие угрозы проявлять насилие по отношению к другим. Низкий уровень нравственности, эгоистичность и антигуманность целей, которые преследует человек, означают низкий уровень духовности, высокую вероятность проявления насилия, являются угрозой психологической безопасности и психологическому здоровью окружающих его людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Избранные педагогические сочинения: В 2-х т./Под ред. Н.П. Кузина, М.Н. Скаткина, В.Н. Шацкой. – М.: Педагогика, 1980.

2. Ковров В.В. Психологическая безопасность детей, находящихся в трудной жизненной ситуации в образовательной среде школы: опыт эмпирического исследования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. Т. 1. №3. – С. 156-162.

3. Ковров В.В. Воспитательная работа в общеобразовательной организации как ресурс обеспечения психологической безопасности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. №7. – С. 116-125.

4. Практическая психология образования / Под ред. И.В. Дубровиной. – М., 2012.

СТИЛИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ И ТЕРМИНАЛЬНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Ковтунович М.Г.,
кандидат педагогических наук, доцент, профессор,
кафедра Организационной и экономической психологии,
Московский городской психолого-педагогический университет

Ключевые слова: ценности, управленческие решения, стили управления
Key words: value management solutions, management styles

Аннотация. В данной работе предпринята попытка анализа основных направлений в изучении ценностей и ценностных ориентаций, особенностей процесса принятия управленческих решений и выявления роли ценностей в структуре принятия управленческих решений. В результате этого были раскрыты и проанализированы характерные черты процесса принятия управленческих решений.

In this paper we attempt to analyze the main directions in the study of values and value orientations, features management decision making and to identify the role of values in the structure of decision-making. As a result of this have been disclosed and analyzed the characteristics of the process of decision-making.

Сегодня становится все более очевидным, что в условиях быстроменяющегося современного мира человек вынужден постоянно находиться в ситуации выбора и непрерывно адаптироваться к нестабильным экономическим, политическим, социальным и экологическим условиям. Одновременно развиваются информационные технологии, позволяющие человеку усовершенствовать возможности поиска наибольшего количества альтернатив выхода из сложных и неопределенных ситуаций и обуславливающие многообразие технологий и методов принятия решений.

Все эти факторы являются психологическими условиями становления нового мышления и затрагивают мотивационно-ценностную сферу руководителей, ответственных за успешное развитие вверенных им организаций, а также способствуют изменению организационных процессов, и в особенности, процесса принятия решений.

В данной ситуации становятся актуальными исследования процесса принятия управленческих решений, как составляющей системы функционирования организации и взаимодействия в ней. Также важную роль приобретают особенности ценностей и ценностных ориентаций руководителей в структуре управленческих процессов. Целью нашего исследования является попытка анализа, осмысления и разрешения существующих организационных проблем путем изучения эффективности управленческой деятельности, которая в наибольшей степени зависит от качества процесса принятия управленческих решений [3].

В качестве базы исследования было выбрано Государственное казенное учреждение города Москвы «Пожарно-спасательный центр», являющееся составной частью сил Московской городской территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (МГСЧС) и относящееся к силам постоянной готовности, предназначенные для оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации и проведения работ по их ликвидации.

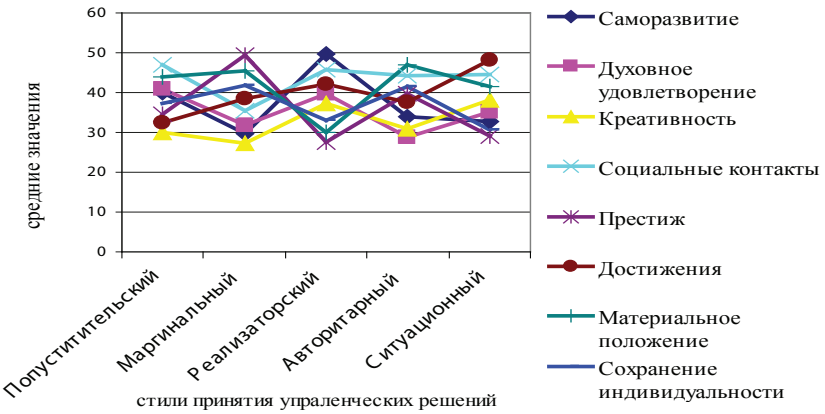
В нашем исследовании приняло участие 50 человек, относящихся к управленческому персоналу системы МЧС России, а именно начальники отделов учреждения, начальники и заместители начальников структурных подразделений ГКУ «ПСЦ» в возрасте от 30 до 65 лет.

Испытуемым были предложены морфологический тест жизненных ценностей В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной [4; 5] и психодиагностическая методика опросного типа «Стиль принятия управленческих решений» А.В. Карпова [2], вследствие чего мы получили следующие результаты:

В таблице 1 представлено соотношение стилей принятия решений и иерархии жизненных ценностей, выраженное через средние показатели распределения рассматриваемых ценностей.

Таблица 1. Соотношение стилей принятия решений и терминальных жизненных ценностей по средним значениям

Стиль принятия решений	Попуститительский	Маргинальный	Реализаторский	Авторитарный	Ситуационный
Жизненные ценности	Среднее	Среднее	Среднее	Среднее	Среднее
Саморазвитие	40,0	29,6	49,6	34,1	32,7
Духовное удовлетворение	41,0	31,9	39,6	28,8	35,3
Креативность	30,0	27,4	37,3	30,8	38,1
Социальные контакты	47,0	35,4	45,7	44,2	44,4
Престиж	34,7	49,4	27,6	39,6	29,1
Достижения	32,3	38,6	42,1	37,5	48,2
Материальное положение	44,0	45,5	29,9	47,1	41,6
Сохранение индивидуальности	37,3	41,9	33,1	41,6	30,7

Диаграмм. 1. Соотношение жизненных ценностей и стилей принятия управленческих решений

Проиллюстрируем полученные данные на диаграмме 1. На ней приведена усредненная структура системы ценностей каждой из пяти групп управленцев, которые обладают идентичными особенностями применения стилей принятия решений в проблемных ситуациях.

Так, управленцы, предпочитающие попустительский стиль принятия решений характеризуются низкими показателями ценностей «креативность» и «достижения» и высокими показателями по факторам «социальные контакты» и «материальное положение».

В группе с наиболее частым проявлением маргинального стиля принятия решений наиболее низкие показатели ценностей «креативность» и «саморазвитие», а высокие показатели факторов «престиж» и «материальное положение».

Группа с преобладанием реализаторского стиля принятия решений отличается низкими показателями факторов «престиж» и «материальное положение» и высокими показателями ценностей «социальные контакты» и «саморазвитие».

В группе с авторитарным стилем принятия управленческих решений низкие показатели относятся к ценностям «креативность» и «духовное удовлетворение», а высокие к факторам «социальные контакты» и «материальное положение».

И для последней группы, где превалирует ситуационный стиль принятия управленческих решений более низкие показатели факторов «престиж» и «сохранение индивидуальности» и высокие показателями ценностей «социальные контакты и «достижения».

Таким образом, сравнив группы, ориентированные на выбор различных жизненных ценностей, мы выявили, что для каждой из групп характерно преобладание тех или иных ценностей, отличающих руководителей, принадлежащих к определенному типу от всех остальных типов.

Далее выявим, как соотносятся нравственно-деловые ценности и эгоистически-престижные ценности у групп руководителей, отличающихся особенностями преобладающего стиля принятия управленческих решений. Для проведения данного анализа рассчитаем средние показатели нравственно-деловых и эгоистически-престижных групп, основываясь на полученных ранее данных по ценностям, входящим в эти группы, проведя их группировку по стилям принятия управленческих решений. Полученные результаты представлены в таблице 2 и на диаграмме 2.

Из диаграммы видно, что в структуре жизненных ценностей руководителей, выбирающих попустительский, реализаторский и ситуационный стили принятия управленческих решений преобладают нравственно-деловые ценности, а в структуре ценностей руководителей, предпочитающих в своей деятельности маргинальный и авторитарный стили наиболее высокий показатель у группы эгоистически-престижных ценностей.

Исходя из этого, приходим к заключению, что ценности, преобладающие в системе иерархической структуры личности управленческого персонала являются немаловажных фактором, определяющим особенности их стилевого поведения в проблемной ситуации принятия решений.

Для подтверждения зависимости выбора стиля принятия решений от сложившейся системы жизненных стилей управленца, воспользуемся коэффициентом корреляции Пирсона. Сводные результаты расчета попарного сравнения стилей принятия решений согласно соответствующим значениям ценностей приведены в таблице 3.

Таблица 2

	Попустительский	Маргинальный	Реализаторский	Авторитарный	Ситуационный
Нравственно – деловые ценности	38,8	31,1	43,0	34,5	37,6
Эгоистически – престижные ценности	37,8	43,8	33,2	41,4	37,4

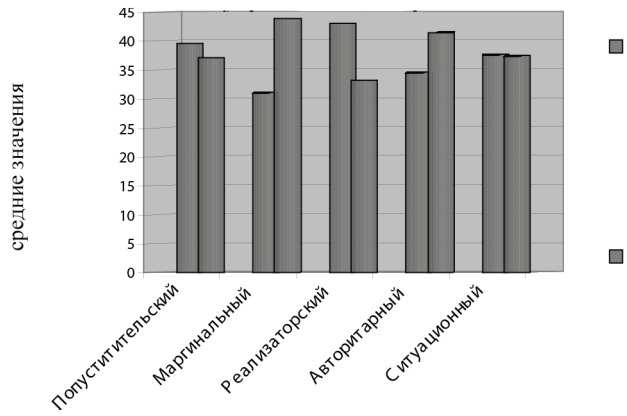

Диаграмма 2. Соотношение нравственно-деловой и эгоистически-престижной групп ценностей по стилям принятия управленческих решений

Таблица 3. Коэффициенты корреляции жизненных ценностей по Пирсону

	попустительский	маргинальный	реализаторский	авторитарный	ситуационный
попустительский					
маргинальный	0,089	- 0,75			
реализаторский	0,219	0,521	- 0,34	0,233	
авторитарный	0,489	- 0,149	0,343		
ситуационный	0,135				

В таблице коэффициентов корреляции нет ни одного значимого коэффициента, соответственно данные стили принятия управленческих решений не имеют связей по исследуемому признаку.

Отсюда делаем вывод, что управленцы с преобладанием различной структуры жизненных ценностей обладают разными стилевыми особенностями принятия управленческих решений.

Основным результатом нашего исследования является подтверждение гипотезы о существовании у управленческого персонала системы МЧС России характерной отличительной системы ценностей и ценностных ориентаций, которые непосредственно связанны с особенностями управленческой деятельности, а именно стилями принятия решений.

Также в ходе нашего исследования мы выявили стили принятия управленческих решений, являющиеся приоритетными среди руководящего персонала ГКУ «ПСЦ». Наиболее распространенным оказался ситуационный стиль принятия решений, который характеризует использующих его управленцев как зрелых работников с высоким уровнем профессиональных знаний и компетентности, выраженной потребностью в независимости, склонностью к творчеству, потребностью в личностном росте, интересом, способностями и готовностью к работе, ориентацией на стратегические цели, стремлением к равноправию в отношениях. Преобладание сотрудников с данным стилем управления способствует улучшению коммуникативных связей в организации, оптимизации социально-психологического климата, повышению мотивации работников, что способствует росту производительности и эффективности организации.

Вторым по популярности является авторитарный стиль, что можно объяснить особенностями деятельности ГКУ «ПСЦ», среди которых важными являются необходимость к оперативному реагированию в различных чрезвычайных ситуациях, разработке и реализации решений в условиях дефицита времени, техники и информации, когда данный стиль является наиболее оптимальным и позволяет выполнять действия с максимальной эффективностью.

Таким образом, учитывая значительное преобладание двух данных стилей принятия решений можно прогнозировать благоприятные перспективы развития ГКУ «ПСЦ».

Сравнивая сформированные из перечисленных выше ценностей группы нравственно-деловых и эгоистически-престижных ценностей, мы установили преобладание на 2,3% эгоистически-престижной направленности иерархической структуры системы жизненных ценностей, что говорит о том, что в образе жизни руководителей значительное место занимает позиция, направленная на реализацию своего профессионального, творческого потенциала, использование коммуникационных навыков и способностей и стремление приобрести высокий социальный статус, общественное положение и добиться признания в обществе.

Положительная связь наблюдается между ценностями «саморазвитие», «духовное удовлетворение», «креативность» и «социальные контакты»; «духовное удовлетворение», «достижения» и «креативность»; «престиж», «материальное положение» и «сохранение индивидуальноси» и значимая отрицательная корреляция - между «престижем» и «креативностью», «креативностью» и «материальным положением», «креативностью» и «сохранением индивидуальности». При этом, основываясь на значении коэффициентов корреляции, отражающих высокую положительную взаимосвязь ценностей, можно предположить, что управленцы данной системы обладают целостностью иерархической структуры ценностей личности.

Значимое место в нашей работе занимает соотнесение индивидуальных стилей принятия решений руководителями и присущих им ценностей и ценностных ориентаций. Преобладание тех или иных ценностей в структуре личности управленца является одним из предопределяющих факторов выработки того или иного стиля принятия решений.

На основании вышесказанного можно заключить, что работник с преобладанием терминальной ценности «соци-

альные контакты» более склонен к пассивному поведению в проблемной ситуации принятия решений и к перекладыванию своих обязанностей на подчиненных.

Если у управленца ведущим является такая терминальная ценность, как «престиж», то с наибольшей вероятностью для него характерной стратегией поведения будет организация работы группы и контроль за подчиненными в сочетании с ориентацией на исполнение указаний, поступающих от вышестоящих структур в целях избегания неудач.

В случае приоритетного положения терминальной ценности «саморазвитие», можно предположить направленность управленца на достижение результата, либеральное отношение по отношению к коллективу и низкой требовательностью к нему. При этом принимаемые таким управленцем решения не могут противоречить интересам группы.

При главной роли терминальной ценности «материальное положение», управленец, скорее всего, ориентирован на себя и на дело, но в большей степени, отличается личностной направленностью. Она проявляется через демонстрацию производственных показателей, которые достигаются путем жестких дисциплинарных мер и тотального контроля деятельности подчиненных.

В ситуации наибольшей значимости терминальной ценности «достижения», управленца можно охарактеризовать как ориентирующегося на объективные особенности производственной ситуации, а не на личностные предпочтения сотрудника.

Таким образом, зная ведущие ценности в структуре личности управленца можно предположить особенности, стратегии и способы его поведения в проблемной ситуации принятия решений.

В ходе нашего исследования мы убедились, что ценности играют значительную роль в жизни каждого человека, как на личностном уровне, так и в профессиональной сфере деятельности, в том числе в процессе принятия управленческих решений. Каждый сотрудник организации поступает, исходя из своей индивидуальной системы ценностей, опираясь на свой жизненный опыт. Организация, сотрудники которой являются единомышленниками и имеют сходные системы индивидуальных ценностей, отличаются большей результативностью и чаще добиваются успеха. Также следует отметить, что каждой организации присуща своя особенная система ценностей, которая должна соответствовать целям, стоящим перед ней.

Несомненно, что принятие решений является одной из ключевых компетенций управленческого персонала любой организации [1]. Также данный процесс является функцией управленцев всех уровней, в подготовке и реализации которой принимают участие сотрудники данной, а возможно, и других смежных организаций. Именно поэтому процесс принятия решений можно рассматривать в качестве основы профессиональной деятельности управленческого персонала, а сами решения как продукт, через который управленцы реализуют свою деятельность. Продуктом непосредственной деятельности управленца является принятие грамотных решений, а незначительный сбой в функционировании данного механизма может привести к серьезным последствиям, способным негативно отразиться на работе всей организации.

В процессе принятия управленческих решений на личность управленца оказывают воздействие многочисленные внутренние и внешние факторы. Поскольку изучение процесса принятия управленческих решений мы вели с точки зрения психологической науки, в качестве исследуемого фактора, способного влиять на данный процесс, был выбран фактор поведенческого характера, а именно, такая его составляющая, как ценности и ценностные ориентации управленческого персонала.

В данной работе предпринята попытка анализа основных направлений в изучении ценностей и ценностных ориентаций, особенностей процесса принятия управленческих решений и выявления роли ценностей в структуре принятия управленческих решений. В результате этого были раскрыты и проанализированы характерные черты процесса принятия управленческих решений на примере управленческого персонала ГКУ «ПСЦ».

Согласно мнению ряда ученых, стиль управленческой деятельности является сложным интегративным образованием, составными элементами которого являются стилевые особенности реализации отдельных управленческих функций, а стиль принятия управленческих решений формируется как синтез двух управленческих характеристик: способа организации взаимодействия руководителя с подчиненным и способа поведения руководителя в проблемной ситуации.

Под понятием «ценность» подразумевают результат осмысленного, сознательного отношения человека к окружающей действительности (к себе, обществу, миру), выступающий в виде некоторой меры значимости, отражения смысла этой действительности для общества и человека.

Проведенное нами исследование может быть использовано отделом кадров исследуемой организации при подборе, подготовке, обучении и повышении профессионального уровня управленческого персонала с целью развития их компетенций в принятии и реализации управленческих решений. Также данная работа может быть полезна для оценки и прогнозирования эффективности работы организации и конкретного руководителя, стремящегося к наиболее полной реализации своего профессионального потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Искакова Г.К., Теслинов А.Г., Сабалакова А.У. Методологические подходы к разработке и принятию управленческих решений в контексте развития организации : [электронный ресурс] // Социально-экономические и психологические проблемы управления / Под общей ред. М.Г. Ковтунович, Часть1. – М.: МГППУ, 2013. URL: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_/issue/63196.shtml

(дата обращения: 01.12.2014)

2. Карпов А.В., Маркова Е.В. Психология стилей управленческих решений: Учеб.пособие / Ин-т «Открытое о-во», Междунар. акад. психол. наук. Ярославль, 2003.

3. Ковтунович М.Г., Русакова Д.А. Влияние ценностей и ценностных ориентаций личности управленческого персонала МЧС России на процесс принятия управленческих решений /// Социально-экономические и психологи-

ческие проблемы управления // Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции, проходившей в Московском городском психолого-педагогическом университете с 26 по 27 апреля 2010 года / Под общей ре. М.Г. Ковтунович. – М.: МГППУ, 2010. – С. 243 – 249.

4. Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей. Руководство. Ярославль: Содействие, 1991.

5. Сопов В. Ф., Карпушина Л. В. Морфологический тест жизненных ценностей: Руководство по применению. Методическое пособие. – Самара: Изд-во Сам ИКП – СНЦ РАН, 2002.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Медведева В.Е.,
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра социального управления и конфликтологии,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: конфликтологическая компетентность, образовательный процесс, профессиональная готовность, компетенция
Key words: conflictological competence, educational process, professional readiness, competence

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальной проблемы формирования конфликтологической компетентности студентов в высших учебных заведениях, рассмотрению содержания понятия «конфликтологическая компетентность», ее структурных составляющих, а также определению возможностей формирования конфликтологической компетентности в высшем учебном заведении.

The article is devoted to actual problems of formation of conflictological competence of students in higher educational institutions, review the content of the term «conflictological competence», its structural components, as well as to identify opportunities for the formation of the conflictological competence in higher education.

В современном обществе, характеризующемся возросшей конфликтогенностью, низкой толерантностью, стремлением к доминированию эгоистических тенденций, все большую актуальность приобретают вопросы сохранения мира, установления гармоничных отношений, профилактики конфликтности в целом. Конфликты являются необъемлемой частью жизни человека, источником прогрессивных индивидуально-личностных изменений, влекут за собой серьезные социально-общественные перестройки. Несмотря на неизбежный и двойственный характер функций конфликта, наибольшую важность приобретают вопросы предупреждения деструктивного влияния конфликтного взаимодействия.

Разнообразие конфликтов проявляется на различных уровнях социально-психологической организации жизни человека: от конфликтов на уровне структурных элементов личности (внутриличностный конфликт) до конфликтного взаимодействия на уровне социальных групп – малых (семейные, организационные и т.д.) и больших (межгосударственные, межнациональные и др.). Анализ конфликта как сложного целостного многопланового феномена предполагает выделение как его структурных элементов, так и требует рассмотрения с учетом динамичности данного явления. Независимо от характера участников, включенных в конфликтное взаимодействие, роль личности в конфликте неоспорима. На возникновение и развитие конфликта значительное влияние оказывают субъективные факторы (личностные детерминанты), которые представляют собой психологические особенности конкретной личности, включенной в конфликтное взаимодействие. Личностные элементы нередко выступают в качестве источника конфликта - несовпадение интересов, целей, мотивов, различие в ценностных ориентациях, выраженность определенных черт характера, неадекватные оценки и восприятия - способствуют возникновению конфликта. Личность, являясь центральным звеном любого социального взаимодействие, в том числе и конфликта, влияет на ход его развития. Наиболее ярко индивидуальные особенности конкретной личности проявляются в конфликтах на уровнях структурных элементов личности (внутриличностный) и межличностного взаимодействия (межличностный).

Современная ситуация развития общества, характеризуясь выраженной нестабильностью, конфликтностью, демонстрирует требования, необходимые для сохранения гармоничных взаимоотношений, поддержания целостности личности. Особую актуальность приобретают вопросы профилактики конфликтности на различных уровнях социальной системы.

Возросшее число конфликтов в современном обществе обусловлено противоречивостью его требований и потребностей самой личности. Естественными стремлениями личности являются потребности в любви, привязанности, близости с другими людьми, уважении, достижение которых затрудняется неуверенностью в себе, страхом быть отвергнутым. Достижение этих социальных потребностей, открытое выражение своих чувств, эмоций человек воспринимает как уязвимость, затрудняющую процесс успешной самореализации. Такие трудности обусловлены требованиями современного общества: для достижения успешности, благосостояния необходимо включаться в различные конкурентные отношения, быть жестким, целеустремленным, смело отстаивать собственные интересы даже в ущерб интересов другого человека. Конкурентная стратегия поведения, рассогласованность собственных интересов с интересами партнеров по общению провоцирует социальную напряженность, агрессивные тенденции, межличностные конфликты. Неумение личности расставлять жизненные приоритеты, гармонизировать требования общества со своими потребностями, страх быть неуспешным в различных областях жизнедеятельности, часто приводит к внутриличностным конфликтам (адаптационным, ролевым, конфликтам нереализованного желания и др.), нередко приобретая даже форму невротического конфликта.

Ряд авторов, рассматривая возможности и качественные характеристики личности, способствующие предупреждению и грамотному поведению в конфликтном противоборстве, используют термин «конфликтная компетентность» (Н.В.Гришина, Н.И.Леонов, Б.И.Хасан, Л.А.Петровская, М.М.Кашапов и др.), что в контексте нашей трактовки «конфликтологической компетентности» выступает в качестве синонима. Понимание «конфликтной компетентности» в ряде работ рассматривается в

рамках более широких понятий: социальной компетентности (В.П.Куницина), коммуникативной компетентности (Н.В.Гришина), компетентности в общении (Л.А.Петровская). Конфликтолог А.Я.Анцупов использует понятие «конфликтологическая устойчивость», трактуя его как способность личности максимально гармонично управлять конфликтными ситуациями, проявляя наличие практических умений конфликторазрешения. Н.И. Леонов не считает возможным отождествление понятие «конфликтная компетентность» с термином «конфликтологическая компетентность», объясняя более сложным и интегративным содержанием последней.

В нашем понимании «конфликтологическая компетентность» представляет собой интегративное свойство личности, проявляющееся в нацеленности на поддержание бесконфликтного взаимодействия, ценности и значимости сложившихся социальных отношений (внутрисемейных, дружеских, профессиональных и т.д.), владении навыками саморегуляции и самоконтроля в процессе социального взаимодействия, наличии таких качеств как эмоциональная устойчивость, эмпатия, толерантность, ответственность, выраженном стремлении к сотрудничеству, принятию компромиссных решений. Формирование данного свойство личности наиболее важно осуществлять во время становления жизнеопределяющих ценностей, моральных и нравственных норм, на этапе перехода к взрослой жизни, а именно начиная с психологического периода юности, соответствующего хронологически вузовскому образованию.

Затрудняет формирование конфликтологической компетентности тот факт, что эмпатия, толерантность, способность личности принимать компромиссные решения, учитывать интересы другого в контексте современного сообщества нередко ошибочно могут трактоваться как проявления слабости собственной жизненной позиции, что во многом затрудняет процесс развития конфликтологической компетентности. В процессе межличностного взаимодействия конфликтологическая компетентность личности предполагает владение навыками общения и тесно сопряжена с морально-нравственной позицией человека.

Вузовское образование представляет собой неразрывный процесс обучения, воспитания, развития личности. В виду этого, независимо от специальности и направления подготовки, воспитательно-развивающие задачи являются необходимым компонентом образовательного процесса вуза даже в рамках учебной работы. Формирование конфликтологической компетентности личности студента в вузе является важным условием подготовки выпускника к будущей профессиональной деятельности, так как будет способствовать бесконфликтному взаимодействию в будущем трудовом коллективе, гармоничному социальному взаимодействию в ходе реализации должностных обязанностей. Эти требования заложены в федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования в виде компетенций «ОК-5: готов к кооперации с коллегами, работе в коллективе» (Физическая культура), «ОК-14: умеет работать в коллективе, готов к сотрудничеству с коллегами, способен к разрешению конфликтов и социальной адаптации» (Химия), «ОК-7: способность к восприятию личности другого, эмпатии, установлению доверительного контакта и диалога, убеждению и поддержке людей» (Психология) и т.д.

Структурно конфликтологическая компетентность личности студента может быть представленная следующими компонентами:

Мотивационно-ценностный (мотивы сохранения мира, поддержание бесконфликтного взаимодействия, ценность сложившихся социальных отношений, стремление к сотрудничеству и поиску компромиссных решений противоречивых вопросов).

Личностный (эмпатия, толератность, эмоциональная устойчивость, ответственность).

Практико-действенный (навыки саморегуляции и самоконтроля в процессе социального взаимодействия, навыки общения).

В зависимости от специальности и направления подготовки содержание конфликтологической компетентности может быть дополнено. Технологически данный аспект в учебной работе может быть представлен учебной дисциплиной «Конфликтология», которая наряду с представленными компонентами конфликтологической компетентности позволяет дополнить знаниевый компонент за счет изучения теоретических основ конфликтологической науки, а также обогатить практико-действенный компонент умениями и навыками конструктивного разрешения конфликтов.

Конфликтологическая компетентность является важной составляющей личности на современном этапе развития общества, необходима для поддержания мира на различных уровнях функционирования социальной системы. Развитие конфликтологической компетентности может носить как целенаправленный характер (формирование конфликтологической компетентности), так и стихийный, слабо осознаваемый (в процессе включения личности в социальные отношения, конфликтное взаимодействие, как результат интериоризации социальных отношений).

Положительное влияние на повышение конфликтологической компетентности людей в нашем обществе оказывает то, что практическая конфликтология в России на данный момент находится на уверенном пути своего становления. Деятельность специалистов конфликторазрешения в различных социальных областях способствует постепенному повышению конфликтологической грамотности населения нашей страны, развитию навыков анализа конфликтных ситуаций, умений находить компромиссные решения.

Развитие конфликтологической компетентности личности позволяет предупреждать межличностные конфликты, способствует более целостному осознанию собственной личности, установлению гармоничных социальных отношений, позволяет избегать и выраженных переживаний внутриличностных конфликтов, что является очень важным условием профессиональной успешности выпускника вуза.

ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вербицкий А. А., Щербакова О. И. Конфликтологическая культура личности специалиста: контекстный подход.- М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2010.

2. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Второго Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов – СПб., 2014.

3. Митяева А.М Индивидуализация образовательной деятельности студентов вузов: монография - СПб, 2003.

4. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования бакалавриата по направлениям подготовки Химия, Физическая культура, Психология, Конфликтология.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ЧЕСТОЛЮБИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БАРЬЕРА

Осипова А.А.,
кандидат психологических наук, доцент,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Ростовский институт (филиала) Российского Экономического университета им Г.В. Плеханова,
Барсукова О.В.,
кандидат психологических наук, доцент,
кафедра психологии образования,
Академия психологии и педагогического образования Южного Федерального университета

Ключевые слова: психологический барьер, психоанализ, честолюбие, невроз, детское развитие
Key words: psychological barrier, psychoanalysis, ambition, neurosis, children's development

Аннотация. В статье рассматривается понимание честолюбия как психологического барьера в психоанализе. Честолюбие есть стремление личности к значимости и признанию другими людьми. В психоанализе это рассматривается психологический барьер, который приводит личность к неврозу. Развитие честолюбия как психологического барьера происходит в детстве.

In article the understanding of ambition as psychological barrier in psychoanalysis is considered. The ambition is aspiration of the personality to the importance and recognition by other people. In psychoanalysis it is considered a psychological barrier which leads the personality to neurosis. The development of Ambition as psychological barrier happens in the childhood.

Проблема психологического барьера как внешней или внутренней преграды, влияющей на развитие человека (внешнее или внутреннее), всегда находилась в сфере интереса различных психологических школ и направлений, перемещаясь то в фокус исследовательского интереса, то вытесняясь на обочину психологической науки.

Впервые в зарубежный психологический оборот термин «психологический барьер» ввел З. Фрейд. Согласно психоаналитической теории личности З. Фрейда, поведение человека, все психодинамические процессы разворачиваются в результате взаимодействия инстинктивных влечений и барьеров – внешних и внутренних. З. Фрейд использует для описания человеческого поведения такие категории как «катексис» (под которым понимается психическая энергия инстинктивной сферы, направленная на определенные объекты и требующая разрядки) и «антикатексис» (под которым понимается барьер, делающий невозможным прямое удовлетворение инстинкта).

По З. Фрейду, целью любой формы человеческого поведения является уменьшение напряжения, вызванного неприятным скоплением энергии, и он указывает на два основных способа снижения напряжения: первый заключается во взаимодействии с проблемной ситуацией, вызвавшей тревогу и преодоление возникших трудностей, что приводит к уменьшению возможности повторения ситуации. Второй способ заключается в искажении или отрицании самой проблемной ситуации и подобное поведение З. Фрейд обозначил термином «психологическая защита». Таким образом, с точки зрения психоаналитика, психологический барьер проявляется в форме психологической защиты от неприятных переживаний [6].

Развивая идеи отца, его дочь, А. Фрейд, предложила типологию психологических защит и уточнила их содержательные характеристики. В ее трактовке психологическая защита выполняет роль прямого психологического барьера, ограждающего и защищающего личность от психотравмирующих переживаний.

В дальнейшем произошло развитие понимания психологического барьера в рамках психоаналитической школы (К. Хорни, А. Адлер, К. Юнг).

Так, А. Адлер рассматривал комплекс неполноценности в качестве барьера развития, который начинает постепенно формироваться в детском возрасте, «кирпичик за кирпичиком» выстраивая стену между внутренним миром ребенка и внешним миром взрослых вследствие искажающего воздействия взрослых на ребенка. В тех случаях, когда комплекс сформирован, позитивный личностный рост и развитие затормаживается, замедляется, искажается. Барьер неполноценности формируется в детском возрасте под воздействием трех основных факторов: физической неполноценности, чрезмерно балующего воспитания, пренебрежения ребенком, что вызывает у ребенка перенапряжение.

Дети перестают чувствовать себя в безопасности, становятся повышенно тревожными и для того, что бы справиться с возникшим глубоким чувством неполноценности, начинают формировать и развивать стратегию психологической защиты. В результате действия барьера неполноценности задерживается развитие социального интереса, снижается уровень активности, необходимый для правильного решения своих жизненных проблем. И только выход за барьер комплекса, «прорыв» через него, создает возможность для резкого и бурного скачка в личностном росте.

В теории личности А. Адлера это явление получило название «гиперкомпенсации», «сверхкомпенсации». В результате преодоления этого личностного барьера, по мнению А. Адлера, происходят изменения во всех сферах личности человека – в самооценке, эмоциональной сфере, сфере творчества и т.д. [3].

В большинстве психоаналитических теорий проблема психологических барьеров рассматривается в контексте личности, через призму определенных характерологических черт, которые формируются у человека под влиянием жизненного опыта и имеют особое неповторимое сочетание.

В психоаналитической трактовке честолюбие – это желание человека быть значимым и занимать значимое место в системе отношений с другими людьми. Данное желание «расшифровывается» как стремление к власти, господству и славе, желание занять влиятельное поло-

жение в обществе и быть лидером, потребность в уважении и признании. Например, с позиций ортодоксального психоанализа, каждому человеку свойственны мечты и желания стать таким как известные, популярные и вызывающие восхищение ученые, политики, киноактеры, писатели и т.п. По мнению П.Рикера, такое желание нередко подвергается вытеснению, но при этом определяет модальность человеческих желаний [5] .

Следует отметить, что такие понятия как «честолюбие», «тщеславие», «амбициозность» в психоаналитической литературе (З. Фрейд, А. Адлер, А. Лоуэн) используются как синонимичные.

В основе честолюбия, с одной стороны, лежит потребность в самоутверждении и признании; с другой стороны, согласно П. Куттеру, – жадность как глубинный мотив всех желаний. Эти мотивы заставляют человека возвышать собственную личность и привлекать к себе внимание, которое льстит нарциссическим чувствам [4].

В индивидуальной психологии А. Адлера честолюбие является одной из форм самовыражения, антисоциальной амбицией, одним из пороков, разрушающих счастье и культуру всего человечества. Основу честолюбия составляет стремление к власти (превосходству) и чувство неполноценности, приводящие к стремлению к успеху, к преодолению ситуации.

Таким образом, в психоанализе, по сути, выделяются два вида честолюбия – здоровое и невротическое, которое собственно и является психологическим барьером, препятствующим развитию личности и межличностных взаимоотношений. При этом, акцент делается на невротическим честолюбии, что, в принципе, традиционно для психоаналитического подхода. Здоровое честолюбие, создавая напряжение между идеальными и реальными представлениями человека о себе, способствует развитию личности. Успешное самоутверждение и приобретение авторитета связаны с преодолением комплекса неполноценности и его заменой на здоровое чувство собственного достоинства. Человек с болезненным, невротическим честолюбием для достижения самоутверждения способен пожертвовать любовью к детям, близким.

Честолюбие формируется и развивается в детстве, его основой является детский опыт – позитивный или негативный. Наиболее подробно особенности формирования как здорового, так и невротического честолюбия представлены в работах А. Адлера, основанных на анализе случаев из клинической практики.

Согласно А. Адлеру нормальное честолюбие возникает из ощущения силы и является естественной функцией человека, его умеренная доза необходима каждому ребенку как одно из условий нормального роста и развития. Основой невротического честолюбия являются слабость и неуверенность, и его удовлетворение достигается за счет унижения и подавления других.

Основой честолюбия выступает стремление ребенка компенсировать свои слабости. Честолюбие как черта характера связана:

с наличием физического недостатка;

с неправильным стилем воспитанием, здесь возможны два крайних варианта – избалованность или жесткость.

По мнению А.Адлера честолюбие ребенка любого возраста проявляется в желании доминировать над родителями.

А. Адлер выделяет следующие семейные ситуации, приводящие к возникновению и развитию честолюбия как черты характера:

1. Ребенок ощущает себя отверженным, угнетенным, слабым. Отсутствие любви и внимания в детстве детерминируют возникновение чувства неуверенности и комплекса неполноценности. Уверенность в успехе, по мнению З.Фрейда, связанная с любовью и взаимоотношениями ребенка с родителями, способствует достижению реального успеха.

2. Данная черта характера является фамильной – приобретённый аристократизм необходим, чтобы отличаться от других и гордиться этим. Требование привилегий по праву рождения и определяет тип поведения.

А. Адлер также указывает на взаимосвязь между положением ребенка в семье и возникновением честолюбия:

1. Самый младший ребенок (первый тип). Ребенку не нравится все время быть самым маленьким, неспособным и др.; такое положение заставляет его доказывать, что он тоже может делать все сам и поэтому вырастает человеком, стремящимся к превосходству, к тому, чтобы быть лучшим во всем, то есть честолюбивым.

2. Самый младший ребёнок (второй тип). Ребенок не может превзойти старших детей в семье и у него развивается другая разновидность честолюбия, которое «заставляет его увиливать от решения вопросов и заниматься деятельностью, находящейся вне насущных проблем, с тем, чтобы по возможности избегать такой опасности, как объективная проверка его способностей» [2, с. 132].

Поэтому родителям и педагогам не следует подстегивать тщеславие ребёнка – его желание «быть первым и лучшим», так как это приводит к одностороннему развитию ребенка, и лишает его возможности вырасти хорошим человеком. Такой ребенок думает о себе, беспокоится о том, чтобы его не обогнали, завидует и ненавидит других, тревожится за свое положение, в семье он превращается в участника соревнования, который стремится всех превзойти.

«Первому типу, тому, кто всегда стремится быть лучшим, хорошо живется в мире, где ценится соревнование ради соревнования. Такой человек будет сохранять свое душевное равновесие только за счет других. Индивидуумы второго типа оказываются раздавлены своим комплексом неполноценности и страдают от невозможности примириться с жизнью до самого конца» [2, с. 134].

3. Второй ребенок (особенно если в семье двое детей, при чем первая и старшая девочка, а второй и младший мальчик) в семье все время борется за превосходство и относится к жизни как к гонкам, что определяет его цель. Второй ребенок стремится превзойти первого, так как убежден, что его презирают и им пренебрегают.

«Социальная установка второго ребенка подобна социальной зависти низших классов общества» [2, с. 135].

Отмечая порядок рождения детей в семье, А. Адлер приводит примеры из Библии и сказок разных народов о старших и младших братьях и сестрах. Младший ре-

бенок всегда обходит своих старших братьев и является победителем: «Это, вероятно, вызвано тем обстоятельством, что в старые времена фигура младшего ребёнка была более очевидной, чем сегодня. Вполне возможно, что этот возрастной тип всегда находился в центре событий в силу того, что был легко заметен в примитивных условиях» [1, с. 101-102].

Стиль жизни ребенка, как правило, складывается к 4-5 годам, когда сложилось отношение к среде и развитие идет в соответствии с неосознаваемой интерпретацией своего положения во взаимоотношениях с другими.

А. Адлер различает две группы детей по проявлению честолюбия в поведении и взаимоотношении с другими:

1. Дети, которые любят показать свою силу более слабым детям, демонстрировать себя в опасных ситуациях.

2. Дети, которые пытаются удовлетворить свои желания при помощи мелочей, так как уже «на чём-то обожглись». Во взрослом возрасте такие люди жалуются на несчастливую судьбу, ищут оправданий («если бы…») и удовлетворяют честолюбивые замыслы в мечтах и фантазиях.

Обнаружить проявление честолюбия можно в детских играх и фантазиях. В игре ребенок старается побеждать, руководить и управлять, в фантазиях и мечтах стремится к власти, что выражается в словах «когда я вырасту», представляет себя рыцарем, спасителем и др. и даже просто считает и ведет себя как сильный и взрослый.

А. Адлер предложил классификацию путей стремления к превосходству в зависимости от степени уверенности ребенка в себе:

стремление к превосходству направлено в полезное русло (например, ребенок хочет быть послушным и хорошим учеником);

стремление к превосходству проявляется в желании отличиться (чтобы быть первым, ребенок много времени уделяет какому-либо одному занятию и не уделяет должного внимания другим) – это показатель чрезмерного честолюбия.

А. Адлер указывает на две формы честолюбия – вторая форма сменяет первую, когда в результате поражения ребенок или уже взрослый человек утрачивает мужество:

1. Честолюбие стоит позади человека и гонит его вперед (очевидно, что это здоровое честолюбие).

2. Честолюбие находится перед человеком и гонит его назад; это боязливое честолюбие, свойственное, прежде всего невротикам. В данном случае честолюбие становится психологическим барьером препятствующим развитию, как самого ребенка, так и выстраиванию отношений с другими детьми и взрослыми.

Подводя итог рассмотрению вопросов, связанных с честолюбием, А.Адлер делает вывод: «… честолюбие и тщеславие в той или иной степени присущи любому человеческому существу в зависимости от его индивидуального метода борьбы за власть над другими. В том, как они выражаются, мы можем ясно различать борьбу индивидуума за самоутверждение и наблюдать как она ведётся в конкретном случае. … преувеличенные амбиции и тщеславие мешают упорядоченному развитию личности: рост социального чувства либо заторможен, либо невозможен вообще. Из-за раздражающего действия этих двух черт не только замедляется эволюция социального чувства, но властолюбивый индивидуум идёт на встречу собственной гибели» [2, с. 246-247].

Чрезмерное честолюбие развивает такие черты как зависть, ревность, высокомерие, неуживчивость, неуверенность в успехе; собирательство и коллекционирование, способные перейти в жадность и воровство; появляются головные и желудочные боли; в подростковом возрасте – злоупотребление алкоголем, сексуальная распущенность, совершение преступлений, самоубийство.

Оценивая ребенка только по его успехам, родители и воспитатели развивают у него чрезмерное честолюбие, желание превзойти всех и одновременно неспособность преодолевать трудности. В итоге для ребенка успех без признания практически не имеет значения; в сложной ситуации для него становится важным сохранить лицо, а не решить проблему.

Поэтому воспитание должно быть организованно таким образом, чтобы развить в ребенке социальное чувство (или чувство солидарности с обществом) – это фактор и показатель нормального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов/ Пер. с англ. А.А. Велеева и Р.А. Велеевой (The Education of Children. Gateway Editions, Ltd. South Bend Indiana, 1978). Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1998. - 448 с.

2. Адлер А. Понять природу человека / Пер. Е.А. Цыпина – СПб.: «Академический проект», 2000 – 256 с.

3. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. - Москва: Наука, 1995. - 376 с.

4. Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. Перевод с немецкого С.С. Панкова. – СПб.: Б.С. К., 1998. – 115 с.

5. Райгородский Д.Я. (редактор - составитель). Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 1997 – 640 с.

6. Теория личности в западно-европейской и американской психологии. Самара,Бахрах,1996,480 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ

Осипова А.А.,
кандидат психологических наук, доцент,
Буряк В.А.,
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Ростовский институт (филиал) Российского Экономического университета им. Г.В. Плеханова

Ключевые слова: тип психологического барьера, обучение и воспитание школьников, ценностно-смысловой барьер, внешний и внутренний барьер, способ преодоления барьера
Key words: types of psychological barriers, education and upbringing of schoolchildren, value-semantic barrier, the outer and inner barrier, the way of overcoming the barrier

Аннотация. В статье рассматриваются психологические барьеры в обучении и воспитании школьников. Рассматриваются различные типологии барьеров, а также способы их преодоления школьниками.

The article deals with the psychological barriers in the education and upbringing of schoolchildren. Various typologies of barriers as well as the ways of overcoming them by the schoolchildren are also considered here.

В фундаментальных работах Л.С Выготского и С.Л. Рубинштейна было показано, что внешние факторы и условия создают предпосылки для реализации внутренних возможностей, проявления внутренних факторов и условий развития личности.

Чтобы обучение и воспитание было результативным, оно должно осуществляться в зоне ближайшего развития, то есть в условиях повышенной сложности. Повышение сложности, проблемности задач и заданий вызывает у школьников психолого-педагогический барьер. Преодоление психолого-педагогических барьеров является важным условием развития, саморазвития личности, более успешного овладения деятельностью.

В психолого-педагогической в литературе (В.А. Кан-Калик, А.В. Коржуев, Н.В. Кузьмина, А.Н. Леонтьев, А.К. Маркова, А.И. Пилипенко, Н.А. Подымов, Л.А. Поварницына) описаны следующие типы психологических барьеров, возникающих у школьников в процессе обучения:

1. Барьер учебной установки.
2. Барьер авторитарности.
3. Барьер дидактогенного воздействия.
4. Барьер эмоциональной невосприимчивости.
5. Барьер эмоциональной памяти.
6. Барьер перегрузки [2, с.12].

Барьер учебной установки заключается в том, что ученик выполняет познавательную деятельность без эмоционального переживания материал. В своей деятельности он ориентируется только на оперативное запоминание и воспроизведение материала, исходя при этом из мотивов долженствования, либо ради оценки. В этом случае, отношение к учебе лишено личностного смысла, формализовано, что приводит к быстрому забыванию материала.

Барьер авторитарности возникает в тех ситуациях, при которых учитель подает учебный материал излишне академично, безапелляционно, при этом школьники интеллектуально пассивны, отстранены от активного участия в познавательной деятельности.

Барьер дидактогенного воздействия может возникать у учащихся при взаимодействии с учителями, плохо контролирующими свое эмоциональное состояние, склонных к нотациям, насмешкам, злоупотребляющих замечаниями, не умеющих скрывать свою раздражительность, склонных к конфликтному стилю общения. В этой ситуации у учащихся могут возникать состояние школьной тревожности, могут возникать школьные неврозы (возникает патологический страх школы, ответов у доски, учителя и т.д.), при этом возникшее эмоциональное напряжение блокирует познавательные процессы.

Барьер эмоциональной невосприимчивости отмечается у учеников с неразвитой эмоциональной сферой, с достаточно примитивным восприятием мира и слабо развитым воображением. Таким учащимся сложно воспринимать и улавливать смысловые оттенки учебного материала, сопереживать учителю и одноклассникам.

Барьер эмоциональной памяти проявляется в транслировании эмоциональных состояний, предшествующих учебной деятельности на познавательный процесс. Хорошо известно, что после большой перемены или урока физкультуры учащимся трудно сразу сосредоточиться на учебном материале.

Барьер перегрузки заключается в угнетенном психофизиологическом состоянии учащихся, вызванным большим количеством учебного материала, монотонным интеллектуальным трудом, дефицитом двигательной активности. Это проявляется в состояниях апатии, рассеянности, равнодушному отношению как к процессу, так и результату учебной деятельности.

По мнению Бакулина А.В. «.. для понимания тех затруднений, которые возникают в учебном процессе в связи с проблемами инициации смыслообразования учащихся, необходимо по новому осмыслить так называемые ценностно-смысловые барьеры… Ценностно-смысловые барьеры должны пониматься как личностные препятствия инициации мыслительного действия, связанные с отчуждением ценностно-смысловых центраций субъекта познавательной деятельности от постигаемого содержания, с нарушением процесса «раскристаллизации» смысла, невозможностью вывести познаваемое на уровень личностного смысла. …Особенности ценностно-смысловых барьеров обусловлены мотивацией познающего, его готовностью к познанию на основе определенных смысловых установок и той специфической ценностью, которая может быть раскрыта в познаваемом как личностный смысл познающего, а также степенью устойчивости и сформированности его смысложизненных ориентаций» [1].

В психолого-педагогической литературе выделяют психологические барьеры, соответствующие индивидуальным особенностям учащихся и субъективным функциям учебной деятельности:

- барьеры, связанные с индивидуальными особенностями – физиологические барьеры;
- барьеры, связанные с функциями субъекта самопознания в обучении – личностные барьеры;
- барьеры, связанные с функциями субъекта общения в обучении – коммуникативные барьеры;
- барьеры, связанные с функциями субъекта познания – познавательные барьеры.

А.С. Горминым была предложена теория, обосновывающая эффект развивающего обучения одаренных подростков - теория барьерной педагогики. Основной теоретической базой барьерной педагогики является представление о том, что главную роль в познавательном интересе играют ценностно-информационные барьеры, которые создают неопределенность в удовлетворении познавательной потребности.

Центральными категориями барьерной педагогики являются понятия «внешний барьер учебной деятельности» и «внутренний барьер учебной деятельности». «Под внешним барьером понимается учебная или воспитательная задача, которая ставится перед учеником и препятствует достижению им состояния самоактуализация в учебной деятельности, а также испытанию «чувства победителя.. В этом качестве может выступать не всякая задача, только та, которая вызывает реально ощущаемое индивидом затруднение в деятельности и провоцирует определенные эмоциональные реакции на возникшее затруднение. ….. Учебная задача может рассматриваться как внешний барьер лишь в условиях включения личностного смысла в учение. Внешний барьер в парадигме педагогики играет роль актуализатора внутреннего барьера, без чего преодоление последнего невозможно» [3, с.104].

Под внутренним барьером личности А.С.Гормин понимает «..психическое состояние, обусловленное двумя основными (базовыми) причинами:

1) осознанием противоречия между фиксируемым как препятствие внешним барьером и отсутствием достаточных сил (средств, времени, интеллекта, воли и т.п.) по его преодолению;

2) эмоциональной реакцией на указанное выше осознание. Эмоциональная реакция представляет собой переживание отрицательной модальности, которое негативно влияет как на результативность деятельности и на ее продолжительность.

По мнению А.С.Гормина, преодоление внешних барьеров в учебной деятельности не только способствует эффективному обучению, но и формирует такие важные личностные качества как толерантность к фрустрационным, отрицательным эмоциям. При этом освобождение от негативных качеств, провоцирующих формирование внутренних барьеров сопровождается «приростом» противоположных качеств, например, освобождение от тревоги – уверенностью в своих силах, освобождение от некомпетентности – компетенцией, освобождение от психологической зависимости – ощущением свободы и т.д.» [3,с.106].

Основная прикладная идея барьерной педагогики заключается в следующем: следует не адаптировать внешние барьеры ученика в учебном процессе, а посредством гуманистических методов адаптировать личность ученика по отношению к стоящим перед ним барьерам. Снижение или разрушение внутренних барьеров учебной деятельности является условием развития личности учащихся, особенно таких личностных качеств как толерантности к фрустрации, стрессоустойчивости, воли др.

Однако А.С Гормин отмечает, что существуют некоторые ограничения в применении барьерной педагогики в условиях массовой школы, связанные с личностью ученика и личностью учителя. Так, при недостаточно развитом интеллекте и отсутствии выраженной мотивации обучения у некоторой части учащихся делает барьерное преодоление невозможным. Для того, чтобы реализовать идеи барьерной педагогики в практике обучения педагог должен наряду с развитием компетенций по дидактически обоснованной постановке внешнего барьера также должен развивать компетенции по выявлению тех возрастных и индивидуальных особенностей личности обучающегося, которые послужат основой формирования внутренних барьеров обучения и при постановке внешнего барьера педагог необходимо должен учитывать наличие и специфику внутренних барьеров ученика, преодоление которых станет одной из целей его педагогической деятельности.

В ряде исследований (Л.И.Божович, Л.С.Славина и др.) была обнаружена и описана ситуация, при которой справедливые требования взрослых вызывают у подростков негативное отношение и приводят их к эмоциональному срыву. Это объясняется тем, что подростки и взрослые вкладывают в требования различный смысл и смысловой барьер в данном случае имеет для них личную ценность и неодинаковое содержание. Результативность любого воздействия на подростка определяется тем, насколько предъявляемые требования подросток считает значимыми для себя и, если он посчитает данные требования чрезмерными, то происходит формирование смыслового барьера

В работах Л.С.Славиной было выделено и описано 2 вида смыслового барьера. Смысловой барьер первого вида возникает у подростка по отношению к определенному требованию и обязательным условием, приводящим к формированию барьера данного барьера является неучет мотивов, обусловивших тот или иной поступок, то или иное поведение.

Барьер второго типа возникает по отношении к определенному человеку при условии повторения одних и тех же воздействий, особенно тогда, когда они являются безрезультатными [6].

Выделяют следующие типы смысловых барьеров:

1. Барьер самоутверждения;
2. Барьер по форме предъявления;
3. Дифференцированный барьер;
4. Часто повторяющийся барьер;
5. Несогласованность деятельности подростков и взрослых;
6. Барьер разнонаправленных требований [4].

Барьер самоутверждения может проявляться в агрессивном поведении подростка – по мнению подростка мужчина должен уметь постоять за себя и дать сдачи в драке. Внешне соглашаясь с тем, что нельзя самоутверждаться за счет более слабых, что в драке можно покалечить другого человека, подросток тем не менее не склонен уступать и будет продолжать демонстрировать свою силу в соответствующих ситуациях.

Барьер по форме предъявления связан не с содержанием деятельности, а с формой предъявления требований. Происходит смещения мотива деятельности на форму предъявления. В случае неверного выполнения учебных

действий, когда педагог указывает подростку на ошибки, то он не стремится их исправлять, а заявляет- «Ко мне постоянно придираются».

Дифференцированный барьер возникает по отношению к тем взрослым, требования которых воспринимаются подростком как несправедливые. Абсолютно одинаковые требования из уст одних взрослых воспринимаются спокойно, по отношению к другим взрослым воспринимаются агрессивно, «в штыки».

Часто повторяющийся барьер возникает в случае частых неудач или действий, постоянно и жестко регламентируемых взрослыми. Частые напоминания об одном и том же надоедают подростку и он начинает считать их бесполезными – «зачем постоянно наводить порядок на столе - у меня там свой порядок, я и так легко могу отыскать нужную вещь».

Барьер несогласованности деятельности взрослых и подростка возникает в том случае, когда от подростка требуют соблюдать определенные формы поведения, которых сами взрослые не придерживаются – подростку запрещают курить, но многие члены семьи сами курят.

Барьер разнонаправленных требований появляется в том случае, когда подростку предъявляются одинаковые по значимости и ценности, но разнонаправленные или даже противоположные требования - в одно и то же время подростку предлагается посетить дополнительное занятие по английскому языку и в спортивной секции, при этом каждый родитель настаивает на важности именно того занятия, которое лично он считает более важным для подростка.

В результате теоретического анализа и эмпирического исследования Бакулиным А.В. были выделены и интерпретированы следующие виды ценностно-смысловых барьеров в учебном процессе:

1. «**Барьер самоотношения.** Этот барьер проявляется в затрудненной смысловой актуализации направленного желания соотнести внешний объект деятельности с внутренней потребностью познающего субъекта. Развитие личностно-смысловой сферы ученика обусловливает стремление заниматься определенного рода деятельностью, постоянное возвращение к определенной проблематике. Подобно тому, что человек мыслит модельно и его личностное восприятие мира осуществляется модельно, к внутренним личностным структурам он «примеряет» факты реальной действительности, соотнося их с самим собой.

2. Барьер ценностно-смысловой экстраполяции – невозможность субъективного переноса смыслового содержания одной ситуации в другие условия. Чем выше уровень развития смысловой сферы, тем дальше может быть осуществлен смысловой перенос. Жизненная необходимость, логика взаимоотношений с миром предполагает, что обучаемый в процессе развития идет от ближнего переноса смысла (в рамках одной ситуации) к среднему (сходные или подобные ситуации) и дальнему переносу, когда смысл, раскрывшийся в одной ситуации, определяет характер смыслопорождения, в совершенно другой.

3. Барьер глубины личностного отношения. Определяется степенью зрелости смысловой системы (смысложизненной концепции как совокупности высших смыслов) – особым образом организованной целостной многоуровневой системы, включающей в себя целый ряд смысловых структур. Глубина определяется «сверху вниз», наличие у человека устойчивых смысловых структур – свидетельство большей глубины смысловой сферы, преобладание ситуативных смыслов – показатель малой глубины смысловой сферы. Глубина личностного отношения субъекта определяется уровнем смысловой самоактуализации (возможность осознавать реальные, ведущие мотивы), выводящей на ценности самоактуализирующейся личности, к числу которых А. Маслоу относил истину, доброту, целостность, отсутствие раздвоенности, справедливость, самодостаточность. Предпочтение этих ценностей указывает на стремление к гармонии с самим собой и здоровым отношениям с окружающими людьми.

4. Барьер ценностно-смысловой эмпатии. Составная часть общей эмпатической способности человека, проявляющаяся в принятии смысловой сферы другого человека, в понимании уровня значимости для другого выражения себя в процессе раскрытия индивидуализированного смысла. Подобно тому, как эмоциональная сфера в эмпатическом процессе может не совпадать между субъектами общения (или совместного познания, или взаимопознания), т.к. один человек понимая и принимая позицию другого, отнюдь не обязан испытывать те же чувства и переживания и полностью разделять позицию другого, в отношении к определенной ситуации, так и в смысловом ракурсе, эмпатия предполагает принятие смысловой оценки, не подразумевает смысловой идентичности.

5.**Барьер ценностно-смысловой идентичности.** В отличие от смысловой эмпатии как раз и подразумевает отождествление, уподобление индивидуализированного смысла с тем смыслом, который раскрывается в процессе познания или общения, идентификация может быть ближней – принятие смысла другого как сходное своему («он думает так же, как я»), средней – с социализированными смыслами микрогруппы («у них такие же ценности, как у меня»), дальней – с высшими смыслами, «откристаллизованными» обществом, как общечеловеческие ценности и запечатленные в произведениях искусства (Человек, говорящий о себе: «Я поэт», явно предполагает определенный способ раскрытия смыслов окружающего мира).

6.Барьер ценностно-смысловой презентации – это сложности в раскрытии своего смысла для другого. Чаще всего этот показатель определяется уровнем развития вербализации смысла, однако в данном исследовании под презентацией (смыслораскрытием), мы понимали не только возможности учащихся рассказать об особенностях своей пристрастности к чему-либо («мне это нравится, потому что… .», «мне этого хочется узнать, т.к. … .» и т.д.), но и как возможность выразить свои смысловые особенности через другие знаковые и образные системы (рисунки, схемы и т.д.) как способ выражения себя для других» [2, с.12].

По мнению Мыслицкого В.В., отдельные барьеры могут перерастать в систему, а степень опасности перерастания отдельных барьеров системы «с эффектом полной психологической блокировки развития личности, определяется мерой их развернутости в тех или иных сферах человеческой жизнедеятельности. Это связано с представлением о диапазоне и различных видов психологических барьеров, поэтому необходимым логическим этапом в изучении психологических барьеров является анализ стратегии преодоления социально-психологических барьеров» [5,с.17].

В психолого-педагогической литературе описываются следующие способы преодоления психологических барьеров у школьников:

1. Устранение барьеров усилиями педагога (за счет формирования продуктивной учебной деятельности учащихся);
2. Совместное с учениками преодоление барьеров за счет обучения школьников приемам и стратегиям преодоления барьеров;
3. Мобилизация личностных ресурсов школьника для самостоятельного преодоления барьера;
4. Искусственное создание барьеров с постоянно нарастающей сложностью - для развития у учащихся умений по преодолению препятствий.

У многих детей существуют особые формы стратегий преодоления барьеров, которые исследователем Гансом Томе были обозначены как «техники существования». Исследования Г.Томе показали, что большинство детей преодолевают внешние барьеры, используя всего одну или несколько преобладающих техник существования:

1. Техники достижения, применяемые для решения конкретных проблем, связанных с удовлетворением потребностей.
2. Техники приспособления, для которых характерно изменение собственных переживаний или поведения, обеспечивающих соответствие требованиям окружающего мира, а так как при этом изменяется поведение ребенка, то он тратит меньше усилий, модифицируя уже известные и используемые формы поведения согласно новым условиям и требованиям.
3. Защитные техники которые представляют собой отрицание проблемы или ее отсрочку, однако эти реакции не являются патологическими, а вполне соответствуют психологической норме.
4. Избегающие (эвазивные или эксгрессивные) техники, которые обозначают длительное уклонение от конфликта (барьера) без попыток разрешения (преодоления).
5. Агрессивные техники, имеющие весьма разнообразные формы (угнетение, подчинение, прямое нападение и т.п.) и направленные на прямое нанесение вреда окружающим [7].

По мнению целого ряда исследователей, преодоление психологического барьера является важным условием развития личности школьника , позволяет актуализировать скрытые возможности, приводит к мобилизации ресурсов, выявлению внутренних резервов, неизвестных самому человеку.

Преодоление психологического барьера ведет не только к нормальному функционированию психики человека (снижению тревожности, нормализации психических процессов), но и к появлению новообразований (формированию адекватной самооценки, развитию самообладания, умения принимать конструктивные решения и т.д.) .

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимова Е.Е. Психолого-педагогические особенности преодоления ценностно-смысловых барьеров педагогов-руководителей в процессе повышения квалификации. //Дисс.канд. псих.н., Ростов-на-Дону, 2011, 195 с.
2. Бакулин А.В. Ценностно-смысловые барьеры как категория психолого-дидактического анализа // Северо-Кавказский вестник, 2009, № 7/2, с.11-16.
3. Гормин А.С.Барьерная педагогика – педагогика обучения одаренных подростков //Инновации в образовании, 2003, №4, с. 103-108.
4. Казанская В.Г. Подросток. Трудности взросления., СПб, Питер, 2008, 283 с.
5. Мыслицкий В.В. Социально-психологические барьеры личности в процессе реорганизации российских компаний //Дисс. канд.псих.н., Москва, 2004, 144 с.
6. Славина Л.С. Индивидуальный подход к неуспевающим и недисциплинированным ученикам. М. 1958, 214 с.
7. Thomae H. Uber Daseinstechniren sozial auffallinger Jugendischer|| Psychologische Forschung bd 24.S. 11-33.1952.|

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БАРЬЕРА

Осипова А.А.,
кандидат психологических наук, доцент,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Котельницкая Л.И.,
кандидат технических наук, доцент,
кафедра информационных технологий,
Ростовский институт (филиал) Российского Экономического университета им Г.В.Плеханова

Ключевые слова: психологический барьер, тип психологического барьера, структура психологического барьера
Key words: psychological barrier, type of a psychological barrier, structure of a psychological barrier

Аннотация. В статье рассматриваются проблема психологического барьера , его виды и типы барьеров.

In article the problem of a psychological barrier, its types and types of barriers are considered.

Развитие психологического знания – процесс непрерывный, отражающий основные этапы развития любого научного знания. Научное познание представляет собой не только фиксацию явлений и фактов объективной или субъективной реальности в форме научного понятия, термина, но и закрепление в поле научного знания через соотношение с уже имеющимися понятиями, терминами, дефинициями. По мере накопления нового знания происходит его осмысление через обобщение, выделение соответствующих кластеров понятий, систематизацию, классификацию и типологизацию различных уровней. Такой путь научного осмысления реальности характерен для большинства гуманитарных наук и психологическая наука не является исключением.

Этиологический анализ понятия «психологический барьер» показывает, что традиционно в психологической науке данное понятие рассматривалось в контексте проблемы преодоления препятствий: как внешних (объективных), так и внутренних (субъективных) на пути развития и становления человека как социального субъекта. В данном контексте термин «барьер» использовал еще К.Д. Ушинский, который полагал, что «существование препятствий есть необходимое условие существования деятельности – такое условие, без которого сама деятельность невозможна...» [14, с.421].

В зарубежной психологии проблема психологического барьера представлена в основных направлениях различных школ: психоаналитических теориях развития личности, когнитивном и гуманистическом направлениях психологии.

Впервые в зарубежный психологический оборот термин «психологический барьер» ввел З.Фрейд. Согласно психоаналитической теории личности З.Фрейда, поведение человека, все психодинамические процессы разворачиваются в результате взаимодействия инстинктивных влечений и барьеров - внешних и внутренних. З.Фрейд использует для описания человеческого поведения такие категории как «катексис» (под которым понимается психическая энергия инстинктивной сферы, направленная на определенные объекты и требующая разрядки) и «антикатексис» (под которым понимается барьер, делающий невозможным прямое удовлетворение инстинкта).

По З.Фрейду, целью любой формы человеческого поведения является уменьшение напряжения, вызванного неприятным скоплением энергии и он указывает на два основных способа снижения напряжения: первый заключается во взаимодействии с проблемной ситуацией, вызвавшей тревогу и преодоление возникших трудностей, что приводит к уменьшению возможности повторения ситуации. Второй способ заключается в искажении или отрицании самой проблемной ситуации и подобное поведение З.Фрейд обозначил термином «психологическая защита». Таким образом, с точки зрения психоаналитика, психологический барьер проявляется в форме психологической защиты от неприятных переживаний [13].

В дальнейшем произошло развитие понимания психологического барьера в рамках психоаналитической школы (К. Хорни, А. Адлер, К. Юнг).

Так, А.Адлер рассматривал комплекс неполноценности в качестве барьера развития, который начинает постепенно формироваться в детском возрасте, «кирпичик за кирпичиком» выстраивая стену между внутренним миром ребенка и внешним миром взрослых вследствие искажающего воздействия взрослых на ребенка. В тех случаях, когда комплекс сформирован, позитивный личностный рост и развитие затормаживается, замедляется, искажается. Барьер неполноценности формируется в детском возрасте под воздействием трех основных факторов: физической неполноценности, чрезмерно балующего воспитания, пренебрежения ребенком, что вызывает у ребенка перенапряжение.

Дети перестают чувствовать себя в безопасности, становятся повышенно тревожными и для того, что бы справится с возникшим глубоким чувством неполноценности, начинают формировать и развивать стратегию психологической защиты. И только выход за барьер комплекса, «прорыв» через него, создает возможность для резкого и бурного скачка в личностном росте. В теории личности А.Адлера это явление получило название «гиперкомпенсации», «сверхкомпенсации». В результате преодоления этого личностного барьера, по мнению А.Адлера, происходят изменения во всех сферах личности человека – в самооценке, эмоциональной сфере, сфере творчества и т.д. [2].

В когнитивном направлении психологической науки барьер рассматривается, в основном, как преграда, существующая в личностно-познавательной сфере. Несколько иной подход к пониманию сущности и проявлений психологического барьера мы можем наблюдать у представителей гуманистического направления в психологии.

Так, рассматривая проблему личностного роста, К.Роджерс вводит понятия «конгруэнтности» и «неконгруэнтности» как меру отношения человека с миром. По К.Роджерсу, состояние неконгруэнтности возникает у че-

ловека в том случае, когда происходит расхождение (несоответствие) между воспринимаемым Я и актуальным субъективным опытом. Это состояние переживается человеком как сильное напряжение и внутреннее замешательство. Неконгруэнтность во внешнем мире проявляется в виде высказываний типа «Я не знаю, чего Я хочу», «Я не могу принять решение», «Я никогда не могу остановиться ни на чем определенном» и тому подобных. В этом случае неконгруэнтность выступает в качестве внутреннего барьера, препятствующего достижению гармонии с внешним миром и с самим собой. «Я полагаю,.. что основной барьер, мешающий общению между людьми, это наша естественная тенденция судить, оценивать, одобрять или не одобрять утверждения другого человека или другой группы» [10].

В концепции личности Э.Берна человек рассматривается как своеобразная энергетическая система, стремящаяся к сохранению собственного равновесия и состояния покоя. Психические напряжения проявляются в виде таких сил как либидо и мортидо, которые стремятся проявиться немедленно. Вышедшая из равновесия энергия (напряжение) проявляется в человеке психически (в виде чувства беспокойства и удрученности) и физически. Потребности в снятии напряжения и каким-нибудь образом восстановления равновесия Э.Берн называет желаниями и проблема человека заключается в том, что ему приходится откладывать снятие некоторых напряжений во избежание возникновения новых, более сложных. Основная задача человека – удовлетворять эти желания, не вступая в конфликт с самим собой, с другими людьми и в целом с окружающим миром. В теории Э.Берна барьер трактуется как напряжение, мешающее удовлетворению желаний [5].

Теоретические основы понимания психологических барьеров в отечественной психологической науке были заложены в работах С.Л. Рубинштейна, который, подчеркивая взаимосвязь деятельности и эмоции, отмечал: «В ходе деятельности есть обычно критические точки, в которых определяется благоприятный для субъекта или неблагоприятный для него результат, оборот или исход его деятельности. Человек как сознательное существо более или менее адекватно предвидит приближение таких критических точек. При приближении к ним в чувстве человека - положительном или отрицательном - наступает разрядка» [11].

В современной психологической литературе существуют различные классификации психологических барьеров, в основе которых лежат различные критерии:

1. Широта и специфика охвата деятельности человека:

Познавательно-психологический барьер (Б. М. Кедров):

Ценностно-ориентационный, предметно-преобразовательный, барьер дефицита информации (Р.Х. Шакуров);

Барьер неверия в свои силы, функционально-мыслительный и семантический барьеры (А. В. Антонов).

2. По характеру проявления барьеры подразделяются на:

Внутренние и внешние барьеры (Т. Дембо);

Перцептуальные, интеллектуальные и эмоциональные (А. Холл);

Личностные и организационные барьеры в творчестве (П. Хилл).

3. С точки зрения морфологического подхода барьеры подразделяются на: мотивационно-смысловые и предметно-операциональные.

Большой вклад в развитие научных представлений о генезисе и типологии внутренних психологических барьеров внесли работы академика Б.М.Кедрова. Рассматривая особенности научного творчества и обстоятельства свершения крупных научных открытий, он выдвинул фундаментальную идею о том, что у многих ученых, совершивших научные открытия, собственно открытию предшествовал некий период интеллектуальной стагнации, своего рода «интеллектуального накопления силы», период «топтания на месте», после которого происходил «прорыв», выход на принципиально новый уровень научного познания. Это явление он назвал «психолого-познавательным барьером», существование которого крайне необходимо «… для развития научной мысли, так как именно он готовит переход на следующую, более высокую степень всеобщности» [8, с.117].

По мнению Р. М. Грановской, сущность психологического барьера заключается в тенденции использования штампов. Автор считает, что при решении творческих задач первоначально человек начинает мыслить «традиционным» образом и не может придумать ничего оригинального. Существующий в сознании штамп сужает зону поиска гипотез, не позволяя решить творческую задачу. Исходя из такого понимания психологического барьера, автор выделяет следующие виды психологических барьеров:

1. Барьеры самоограничения, связанные с инертностью и трафаретностью мышления;

2. Барьер преклонения перед авторитетами;

3. Запреты, основанные на ложной аналогии [7].

В рамках динамической теории одаренности Ю.Д.Бабаева выделяет три группы барьеров, которые она называет «преградами»:

1. Когнитивные преграды – барьеры, связанные с дефектным развитием познавательных процессов;

2. Творческие преграды - барьеры, тормозящие развитие креативности.

3. Личностные преграды-барьеры, обусловленные особенностями личности и тормозящие проявления одаренности [4].

В своей фундаментальной статье «Барьер как категория и его роль в деятельности» Шакуров Р.Х. предпринял попытку преодоления разрыва между внешними и внутренними психологическими барьерами. По его мнению, понятия «барьер» и «преодоление» связаны с онтогенезом всех психических структур и барьер выполняет актуализирующую и динамизирующую роль в деятельности человека. Рассматривая ряд функциональных особенностей барьеров, он выделяет в качестве основной -функцию мобилизации внутренних ресурсов индивида для преодоления сопротивления среды процессу удовлетворения его потребностей: «.. то, что является непреодолимой преградой для слабого, не является таковой для сильного. Внешние барьеры неразрывно связаны с внутренними, продуцируют их» [17, с.6].

Рассматривая особенности творческой деятельности, Антонов А.В. выделяет следующие виды психологических барьеров:

1) Барьер неверия в собственные силы, который заклю-

чается в недоверии человека к собственным возможностям решения интеллектуальных задач. Он носит комплексный характер и включает в себя ряд частных барьеров:

а) барьер гиперсложности, при котором человек склонен переоценивать объективную сложность задачи;

б) боязнь авторитетов, мнения руководителя;

в) укоренение в обществе различных запретов и «принципа возможности».

2) Функционально - мыслительный барьер, который представляет собой:

а) стереотипность мышления;

б) барьер выбора и переноса знаний, который заключается в том, что человек, обладая глубокими знаниями, не может их применить в конкретной обстановке, при этом мыслительная задача оказывается нерешаемой [3].

Начальным этапов в изучении вопроса типологизации психологических барьеров явились эксперименты Т.Дембо с «нерешаемыми задачами». Т. Дембо разделила барьеры на внешние и внутренние: внутренними барьерами она называла те, которые препятствуют достижению цели, а внешними — те, которые не дают испытуемым выйти из ситуации [18, с.15].

Развивая идеи Т.Дембо в русле барьерной педагогики, А.С. Гормин выделяет и описывает внутренние и внешние барьеры учащихся. Под внутренним барьером он понимает «..психическое состояние, обусловленное двумя основными причинами:

1. Осознанием противоречия между внешним барьером и отсутствием достаточных сил (средств, времени, интеллекта, воли и т.п.) по его преодолению или осознанием борьбы мотивов при преодолении внешнего барьера.

2. Эмоциональной реакцией на указанное выше противоречие. Эмоциональная реакция представляет собой переживание отрицательной модальности, которое негативно влияет как на результативность деятельности, так и на ее продолжение.

Под внешним барьером понимается учебная или воспитательная задача, которая ставится перед учеником и препятствует достижению им состояния самоактуализации в учебной деятельности, а также испытанию «чувства победителя». Внешний барьер ... играет роль актуализатора внутреннего барьера, без чего преодоление последнего оказывается невозможным.» [6, с.104].

Американские исследователи А.Холл и П.Хилл, изучая проблемы развития познавательной сферы человека, провели анализ специфических особенностей творческого и критического мышления и пришли к выводу о том, что в качестве психологических барьеров могут выступать такие внутренние образования как цензура (понимаемая ими как страх выражения собственных идей, неумение и нежелание творчески подходить к решению возникающих проблем), пассивность в реагировании, конформизм, ригидность (понимаемые ими как неумение ставить и решать проблемную задачу).

А. Холл указывает, что барьеры, препятствующие развитию творческого мышления, могут создаваться как внешним окружением, так и собственным характером человека [16].

П.Хилл к психологическим барьерам относит препятствия как психологического, так и органического порядка, замечая при этом, что они могут перекрываться [15].

В отечественной психологической науке (в рамках деятельностного подхода) психологический барьер рассматривается как фактор, стимулирующий либо разрушающий деятельность. В рамках данного научного направления человеческая деятельность может разворачиваться как во внешнем, предметном плане, так и во внутреннем (психическом), соответственно, те препятствия, которые возникают как во внутреннем, так и во внешнем плане, могут быть обозначены как внешние или внутренние психологические барьеры.

С этой точки зрения психологические барьеры подразделяются на: когнитивные (З. А. Нолиу, Р. П. Козлова); смысловые (Л. И. Божович, М. С. Неймарк); эмоциональные; тактические; барьеры в общении (В. А. Кан-Калик, Н. Н. Обозов, Б. Д. Парыгин); барьеры в различных видах инновационной деятельности (А. Н. Хон, А. И. Пригожин, Л. С. Подымова).

В современной типологии барьеров как определенных индивидуальных препятствий, возникающих у человека в процессе взаимодействия с окружающим миром и познанием самого себя, можно выделить ценностно-смысловые барьеры как специфический вид психолого-дидактических затруднений, связанных с особенностями ценностно-смыслового развития личности и возможностью взаимодействовать с окружающим и внутренним миром на личностном уровне.

По мнению Абакумовой И.В. «..ценностно-смысловые барьеры представляют из себя личностные препятствия инициации мыслительного действия, связанные с отчуждением ценностно-смысловых центраций субъекта познавательной деятельности от постигаемого содержания, с нарушением процесса «раскристаллизации» смысла, невозможностью вывести познаваемое на уровень личностного смысла. …В зависимости от уровня сформированности смысловой сферы личности ценностно-смысловые барьеры будут отличаться по динамическим и содержательным характеристикам.» [1, с. с. 249].

Рассматривая психологические особенности учителя и социально-психологические особенности той общности, в которую учитель входит, А.И. Пригожин выделяет особый тип психологических барьеров – психологический барьер к инновациям, который он определяет как психологический внутриличностный барьер, проявляющийся в защитных высказываниях, которые аргументируются стереотипами, существующими в обществе относительно конкретных инноваций [9].

В.А. Сластенин и Л.С. Подымова, изучая специфику инновационной деятельности учителя, выделили два типа психологических барьеров, которые возникают у учителей при соприкосновении с новым, неизвестным:

когнитивные психологические барьеры, которые проявляются в отсутствии определенного знания о новом, в нечувствительности к новизне и вызывающие пассивное противодействие;

регулятивные психологические барьеры, которые проявляются в недоверии к инициаторам, руководству, к самим нововведениям и проявляющиеся в активном противодействии этому.

В.А. Сластенин, рассматривая психологические барьеры, препятствующие эффективной творческой реализации учителя, выделяет следующие их разновидности:

склонность к конформизму, выражающаяся в доминирующем над творчеством стремлении быть похожим на

других людей, не отличаться от них в своих суждениях и поступках;

боязнь оказаться «белой вороной» среди людей, показаться им глупым и смешным в своих суждениях;

боязнь показаться слишком экстравагантным, даже агрессивным в своем неприятии и критике мнения других людей;

боязнь возмездия со стороны человека, чья позиция критикуется;

личностная тревожность, неуверенность в себе, негативное самовосприятие, характеризующееся заниженной самооценкой и боязнью открыто высказывать свои идеи;

ригидность («вязкость») мышления, проявляющаяся в тенденции человека использовать приобретенные знания без их разнообразия [12, с.129-130].

Определенный интерес представляют исследования К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анциферовой и др., в которых личность рассматривается как единая система, функционирующая в трех основных сферах: когнитивной, аффективной и поведенческой. В соответствии с данной моделью функционирования личности у человека могут возникать психологические барьеры как внутри каждого структурного уровня, так и психологические барьеры, обусловленные всей системой их функционирования.

В когнитивной сфере личности в качестве психологических барьеров могут выступать такие элементы структуры сознания и самосознания как смыслы, представления, знания и т.д. В аффективной сфере психологические барьеры проявляются в виде эмоциональных переживаний и психических состояний (чаще всего негативных), таких как тревога, фрустрация, страх и т.д. В поведенческой сфере психологические барьеры выражаются в виде неадекватного снижения активности субъекта.

Анализ научной литературы показывает, что в различных психологических школах накоплен значительный материал, отражающий различные аспекты проблемы типологизации психологических барьеров, однако процесс осмысления и интерпретации различных точек зрения еще далек от своего завершения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова И.В., Ермаков П.Н. Смыслодидактика. Учебник для магистров. М., КРЕДО, 2011, 457 с.

2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. - Москва: Наука, 1995, 376 с.

3. Антонов А.В. Психология изобретательского творчества.- Киев: Вища школа, 2008, 359 с.

4. Бабаева Ю.Д. Динамическая теория одаренности // Основные современные концепции творчества и одаренности /Под ред. Д.Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997, 416 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., Прогресс, 1988, 399 с.

6. Гормин А.С. Барьерная педагогика – педагогика обучения одаренных подростков.// Инновации в образовании, 2003, № 4, с.103-108 .

7. Грановская Р. М., Крижанская Ю. С. Творчество и преодоление стереотипов. СПб, 1994, 190 с.

8. Кедров Б.М. О творчестве в науке и технике М., 1987, 192 с.

9. Пригожин А.А. Нововведения: стимулы и препятствия. М., 1989, 272 с.

10. Психология личности. Хрестоматия. Самара, Бахрах, 1999, 359 с.

11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 т., т.2. ,М., Педагогика, 1989, 150 с.

12. Сластенин В.А., Подымова Л.С. Педагогика: инновационная деятельность. М, Магистр, 1997, 224 с.

13. Теория личности в западно-европейской и американской психологии. Самара, Бахрах, 1996, 480 с.

14. Ушинский К. Д. Педагогическая антропология: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Ч. 2. – М.: Изд-во УРАО, 2002,512 с.

15. Хилл П. Наука и искусство проектирования. Методы проектирования, научное обоснование решений. М.: Мир, 1973, 263 с.

16. Холл А.Д. Опыт методологии для системотехники. М., «Советское радио», 1975, 448 с.

17. Шакуров Р. Х. Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии, №1, 2001,с.3-18.

18. Dembo T. Der Arger als dynamisches Problem. Psychol. Forsch., 1931, 15, 144 p.

СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ САМОПОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВУЗА

Расщепкина Н.А.,
кандидат химических наук, доцент,
кафедра химии,
Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королёва
(национальный исследовательский университет)

Ключевые слова: активность, самопознание, самоопределение педагогическая поддержка, студенческое самоуправление
Key words: commitment, self-cognition, self-determination, pedagogical support, self-governance

Аннотация. В статье показано, что педагогическая поддержка самопознания студентов относится к развивающему обучению и воспитанию. Субъектно-ориентированный подход, придающий целевые, содержательные и процессуальные свойства такой поддержке, можно реализовать с помощью принципов: развития, саморазвития, индивидуализации, проблемности и диалогичности. Вся совокупность указанных принципов, дополняющих и конкретизирующих друг друга, позволяет выявить систему условий, способствующих активности студентов в познании себя в рамках студенческого самоуправления вуза. Отношение к студенту как самоценности является системообразующим условием.

The paper shows that pedagogical support of students' self-cognition is part of developing education. The subject-oriented approach which imparts target-oriented, informative and processual properties to this kind of support can be implemented on the basis of the following principles: development, self-development, individualization, problematicity and dialogueness. The complex of the principles mentioned that complement and concretize each other makes it possible to find out the system of prerequisites contributing to the students' proactive attitude and self-cognition within the framework of university student self-governance. A system-forming condition is the attitude to the student as the inherent worth.

В связи с объективным смещением акцента с общественного воспитания на самовоспитание и саморазвитие личности в педагогике высшей школы усиливается интерес к студенческому самоуправлению как форме организации жизнедеятельности молодежи. Активность студентов выступает в качестве основы этого социального института. Поскольку активность является ведущей характеристикой субъекта [3, 7], то субъектно-ориентированный подход считаем важным для изучения студенческого самоуправления в вузе. Вслед за Э. Г. Юдиным подход понимаем как «точку зрения, с которой рассматривается объект изучения, как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования» [13, с. 69]. Применение субъектно-ориентированного подхода для определения условий, способствующих становлению инновационного потенциала студентов, показало [8], что самопознание студентов в рамках развития студенческого самоуправления технического вуза выступает в качестве такого условия и для его реализации нужно осуществлять педагогическую поддержку.

О. С. Газман, Н. Б. Крылова, Н. Н. Михайлова, С. М. Юсфин разработали теорию педагогической поддержки, последовательно развивающую принципы личностно ориентированного образования. Опираясь на субъектный подход в психологии, представленный в работах Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской, В. В. Знакова, А. А. Волочкова, И. А. Джидарьян, выделим принципы, с помощью которых можно реализовать субъектно-ориентированный подход в педагогической поддержке самопознания студентов вуза. В центре нашего внимания находится студент вуза как субъект. Рассматриваем активность студента в качестве меры его субъектности. Воспитательное воздействие всех субъектов образовательной среды (и ее самой) на личность, по мнению И. А. Зимней [Приводится по: 8, с. 96], осуществляется посредством создания условий. Разделяя эту точку зрения, педагогическую поддержку самопознания студентов понимаем как систему научно обоснованных условий, способствующих их активности в познании себя. Для обеспечения становления инновационного потенциала студентов необходимо выявить названную систему условий в рамках студенческого самоуправления вуза.

Собственная активность человека, его способность выстраивать самому линию своей жизни возводится в принцип развития в теориях Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского. Принцип развития предполагает, что самопознание человека как процесс формирования им системы представлений о себе не имеет временных границ. По А. В. Брушлинскому, постепенное осознание внутренних условий – это процесс изменения, динамики становления и развития самого субъекта [Приводится по: 3, с. 34].

Субъектный подход в психологии развития (В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев) [12] выделяет ступени в динамике преобразований «со-бытийной общности», устойчивой системы связей и отношений между людьми, имеющей единые ценностно-смысловые образования. Последовательность ступеней и смена форм развития субъективности в онтогенезе определяются единым ценностно-смысловым содержанием и целевой детерминацией развития. В связи с этим категория возраста, которую определяют как форму развития [12, с. 190], является важной для выявления принципов и условий педагогической поддержки процесса формирования молодым человеком системы представлений о себе.

Студенческий период жизни человека, как правило, относится к его юности. В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев рассматривают студенческий возраст как форму развития в период становления со-бытийности на ступени индивидуализации [12]. Индивидуализация – это самоопределенность и обособленность личности, ее выделенность из общества, оформленность ее отдельности, уникальности и неповторимости. Сутью человеческой субъективности, по В. И. Слободчикову, является отношение человека к миру,

к другим людям, к самому себе. Иными словами, индивидуальность проявляется, прежде всего, в отношении молодого человека к происходящему – к тому, что происходит с ним и вокруг него. Ему самому это отношение дано в его эмоциях – эмоциональных реакциях и состояниях, которые становятся побуждениями к высказываниям, поступкам, деятельности, воплощаются в оригинальных продуктах.

Отсюда ясно, что студенческий возраст является особо сензитивным для самопознания и его реализации через самоопределение, которое осуществляется в индивидуальной, своеобразной форме и уникальном содержании. В связи с этим принцип индивидуализации выступает в качестве принципа педагогической поддержки самопознания студентов.

В юности, по М. Р. Гинзбургу, самопознание – это активный процесс присвоения определенных ценностей и их осознание как своих собственных [1]. Определение субъектом себя в обществе как личности подразумевает занятие активной позиции относительно социокультурных ценностей и тем самым - определение смысла существования. Для молодых людей личностные качества становятся особой ценностью. Согласно В. И. Слободчикову и Е. И. Исаеву вхождение в новую общность характеризуется кризисами рождения [12]. Кризис юности (17–21 год) субъект переживает как разрыв идеала и реальности. Мировоззренческая ценностно-смысловая направленность жизни молодого человека является в переживании как динамической единице сознания, его субъективной составляющей.

По В. В. Знакову [3], субъект – это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самопонимания.

Итак, самопознание выступает как необходимая предпосылка и условие самоопределения. Реализация самопознания происходит через самоопределение личности как выявление и утверждение собственной позиции, как выбор. Переживание являет собой основу, на которой молодой человек формирует свою жизнь и преодолевает все препятствия в мире конкретных условий, возможностей и требований, в том числе и студенческих общественных организаций вуза, действующих в нём на основе принципов самоуправления.

В соответствии с принципом индивидуализации признаются адекватными и ценными все эмоциональные отношения, переживания, личностные позиции, выборы молодых людей в рамках деятельности общественных объединений студентов, если они выражаются и проявляются в социально приемлемых формах, поскольку в этом случае они и есть проявления их активности в самопознании.

А. Н. Леонтьев, исходя из идей Л. С. Выготского и развивая теорию деятельности, предположил, что деление онтогенеза на периоды необходимо проводить по критерию деятельности и смены типов деятельности, для каждого периода определил ведущей тип деятельности, в рамках которой наиболее интенсивно происходят психическое развитие и зарождаются другие формы деятельности [6]. В юности ведущей деятельностью является личностное и профессиональное самоопределение.

В концепции ведущей деятельности субъекта (А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, П.И. Зинченко, П.Я. Гальперин, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин) процесс развития рассматривается как процесс самодвижения субъекта благодаря его деятельности. Исходя из этой концепции, полагаем, что личностное и профессиональное самоопределение студентов в рамках студенческого самоуправления вуза обеспечивает их активность в познании себя, так как самопознание является необходимой предпосылкой и условием самоопределения. Отсюда ясно, что принцип саморазвития выступает в качестве принципа педагогической поддержки самопознания студентов.

Педагогическая поддержка самопознания студентов, несомненно, может быть отнесена к развивающему обучению и воспитанию, поскольку она прямо ориентирована на закономерности развития. Наиболее близкими для неё принципами развивающего обучения являются не только принцип индивидуализации, о котором, говорилось выше, но и принципы проблемности и диалогичности. Поскольку самоопределение студентов осуществляется в индивидуальной, своеобразной форме и уникальном содержании, то принцип индивидуализации рассматриваем в качестве системообразующего принципа педагогической поддержки самопознания рамках студенческого самоуправления вуза. Применительно к такой поддержке рассмотрим трактовку принципов проблемности и диалогичности. Центральным понятием в проблемном обучении, которое представляет собой один из типов развивающего обучения, является понятие проблемной ситуации. Проблемная ситуация - это «психическое состояние субъекта, испытывающего познавательную или практическую трудность» [5, с. 15]. В данном случае эта трудность (проблемная ситуация) может возникнуть применительно к способностям студентов осознания и оценивания себя, поскольку, В.Ф. Сафиным показано [11], что универсальным механизмом самоопределения выступает осознание и соотнесение (самооценивание) сущностных сил субъекта (мотивационно-потребностная сфера, способности и возможности, характерологические и психофизиологические особенности) с внешней необходимостью (особенности социальной ситуации). Основная задача преподавателей состоит в том, чтобы способствовать посредством создания условий студентам в разрешении названных выше проблемных ситуаций и таким образом обеспечивать их самодвижение в познании себя.

Способность осознания себя и особенностей своего внутреннего мира рассматривается через рефлексию. А.В. Карпов [4] выделяет три модуса рефлексии. Рефлексия выступает и как психический процесс, и как психическое состояние, и как психическое свойство. Рефлексивность как психическое свойство выполняет интегративную функцию. А. Ю. Попов показал, что центральным компонентом структуры активности студентов вуза как субъектов жизни является активность в сфере рефлексии, которую автор интерпретирует как ведущую [7]. Результаты проведённого нами исследования [9] указывают на низкий уровень рефлексивности первокурсников технического вуза. Поэтому побуждение студентов к активности в сфере рефлексии в рамках студенческого самоуправления вуза рассматриваем как условие педагогической поддержки их самопознания.

В рамках адаптационного семинара, который проводится ежегодно в оздоровительном спортивном лагере «Полёт» для первокурсников всех факультетов Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С.П. Королева (СГАУ), студенты исследуют мотивационную основу своей активности с помощью мето-

дики «Оценка привлекательности профессии инженера», разработанной Е.П.Кораблиной, и опросника А. А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудачи». В основе методики Е.П.Кораблиной лежит принцип парного сравнения утверждений, отражающих основные аспекты привлекательности профессии инженера (мотивы). Методика позволяет оценить силу следующих аспектов привлекательности профессии инженера: 1) перспективы творчества и самостоятельности в работе; 2) возможность заниматься другой деятельностью; 3) возможность развития и самоутверждения; 4) престиж профессии; 5) возможность достижения профессионального успеха; 6) согласие с авторитетным мнением; 7) эмоциональное отношение к профессии; 8) ориентация на общение в профессиональной среде; 9) интерес к процессу инженерной деятельности. За каждый выбор (предпочтение) проставляется 1 балл. Далее подсчитывается, сколько раз был выбран тот или иной аспект привлекательности профессии инженера. Силу мотива отражает его ранг (чем сильнее мотив, тем выше ранг). Опросник А. А. Реана имеет две шкалы: «Мотивация на успех» (20 – 14 баллов), «Мотивация на неудачу» (12 и ниже). Первокурсники самостоятельно с интересом проводят обработку и интерпретацию своих результатов, используя подготовленные для этой цели методические указания. Кураторы, в роли которых выступают студенты старших курсов, отмечают активность первокурсников в сфере рефлексии, как в ходе исследования, так и после его проведения в процессе адаптационного семинара.

Учение и обучение студентов с мотивацией боязни неудачи активизируют защитные механизмы личности вместо процессов адаптации к вузовскому обучению и развитию. Поэтому первокурсников с низкими баллами (12 и ниже) по опроснику А. А. Реана приглашают на тренинги, которые проводит социально-психологический центр управления внеучебной работы СГАУ. С таким студентами ведётся индивидуальная работа.

Результатом самооценивания (соотнесения) выступает самооценка. Психологи едины в том, что самооценка вызвана необходимостью в объективном знании себя и своих качеств в деятельности и общении на основе оценочного отношения к миру. Адекватность самооценивания выражает степень соответствия представлений человека о себе объективным основаниям этих представлений. В самооценке слиты эмоционально-ценностное и когнитивное отношение к себе как субъекту жизнедеятельности. Во внутреннем обращении к самому себе человек по отношению к значимой деятельности диалогически соотносит различные возможности по осуществлению этой деятельности. Наиболее значимая возможность («могу»), становясь «ядром» процесса самооценивания, предстаёт перед субъектом как цель деятельности. Значимость цели опирается на его устойчивое отношение к себе.

Исходя из сказанного, предоставление вузом студенческим общественным организациям, действующим на принципах самоуправления, возможностей для осуществления разнообразной деятельности выступает как условие педагогической поддержки самопознания студентов, поскольку тогда каждый студент сможет раскрыть и реализовать свои возможности.

В СГАУ созданы условия для работы таких общественных объединений студентов, как студенческие конструкторские бюро и научные общества, студенческий инженерный центр, молодёжный центр развития программ мобильности обучающихся, молодёжный научно-инновационный центр, 11 культурно-массовых клубов, 17 спортивно-туристических клубов, военно-патриотический клуб□, молодёжный театр «Light», 6 научно-просветительских клубов, студенческие советы, студотряд «Крылья», состоящий из 6 групп, профсоюзная организация студентов, студенческие СМИ, включающие видеошколу,□ кинотеатр СГАУ, фотоклуб «Иллюминатор», клуб молодых журналистов, редакцию газеты «Полет». Поскольку у значительной части первокурсников выражено стремление быть авторитетным, влиять на других людей, развиваться, то, обнаружив его в ходе адаптационного семинара, они активно включаются в работу студенческих общественных организаций СГАУ. Студенты, опираясь на отношение к себе как самоценности, выбирают одно или несколько из этих объединений, работают в нём (них) и так проявляют своё «Я» для себя и других людей.

Самооценка своей значимости как результат соотнесения своего отношения, оценки с отношением к субъекту окружающих, с оценкой его значимыми людьми является, по В.Ф. Сафину [10], внутренним условием активности студентов в личностном самоопределении. Отсюда ясно, что важным для самодвижения молодых людей в познании себя является ощущение того, что их уважают, видят их человеческие качества, ценят их как личность, а не просто как хорошо успевающих студентов. Поэтому подлинное чувство уважения к студенту, признание ценности его переживаний, личностных качеств, позиций, выборов (отношение к нему как самоценности), укрепляющее самооценку его значимости, и адекватную и своевременную оценку преподавателями вуза результатов его деятельности в рамках студенческого самоуправления, направленную на формирование им адекватной самооценки, рассматриваем как условия педагогической поддержки самопознания студентов. Проведение ежегодных молодёжных конференций таких как «Королёвские чтения», «Развитие студенческого самоуправления», фестивалей, например, студенческая весна или Самарский робототехнический фестиваль, конкурсов социальных проектов, кураторов студенческих групп, «Я - лидер», грантов «Молодой учёный СГАУ» и других способствует реализации этих условий.

В рамках деятельности студенческих общественных организаций проявление эмоциональности одного студента сталкивается с проявлением эмоциональности другого. Возникает проблема совместимости, соотношения, совместности не только эмоциональных реакций, но и позиций, оценок, целей молодых людей. Разрешается такая проблемная ситуация в равноправном взаимодействии одного человека с другим - в диалоге. Согласно А.Н. Славской, механизмом диалогического сознания в контуре «Я - Другие» выступает интерпретация межличностных отношений, которая проявляется в том, чтобы «встать на позицию другого человека, отказавшись от своей, или отстоять свою позицию, проигнорировав позицию другого» [11, с. 91]. Безусловно, в диалогическом общении другой человек не является объектом отношения, и отношения двух субъектов симметричны и равноправны. Субъект не только познает особенности других, но и осознает собственные особенности, сопоставляя их. Самооценивание включает в себя в той или другой степени оценки значимых для личности людей, становящихся «внутренними

собеседниками». Как отмечает И.А. Джидарьян, «посредством общения достигается не только сближение, согласование, взаимопонимание и индивид становится как бы ближе к окружающим другим людям, но выявляется и формируется уникальность, самобытность, индивидуальность его личности и достигается самоосуществление в общении» [2, с. 156]. Поэтому диалогическое общение и субъект-субъектные отношения в рамках студенческого самоуправления вуза выступают как условия педагогической поддержки самопознания студентов.

Поддержка деятельности студенческих советов факультетов и вуза, студенческих общежитий и студенческого городка, осуществляемая управлением внеучебной работы, включает регулярное проведение семинаров, на которых создаются условия для самонаблюдения, самоанализа, сравнения, рефлексии, субъект-субъектных отношений, диалога студентов, выявления их лидерских качеств и вовлечения в деятельность университета, обучения социальному проектированию.

За период с 2011 по 2013 год, благодаря реализации всех названных выше условий в СГАУ, общее количество молодых людей, участвующих в деятельности студенческих объединений, увеличилось с 2167 до 4200 человек, число студентов, которые приняли участие в городских, областных, общероссийских соревнованиях, конкурсах, фестивалях, выросло до 500 человек. Работа творческой лаборатории «Территория диалога», дискуссионного клуба, молодёжного научно-инновационного центра и других молодёжных объединений СГАУ способствуют проявлению творческих сил, то есть индивидуальности студентов, диалогическому общению. Следует отметить, что в 2,5 раза возросло число участников университетского конкурса социокультурных проектов, в 3 раза увеличилось количество творческих работ представленных на университетские выставки за указанный выше период, 50 инициативных научно-инновационных проектов обучающихся прошли экспертизу советов факультетов в 2013 году, тогда как в 2011 году их было всего 21.

Таким образом, реализация выявленных условий в вузе позволяет молодому человеку не только проявить своё «Я» для себя и других людей, но и укрепить самооценку его значимости и тем самым способствовать самодвижению в познании себя и определении своей позиции, преодолению всех препятствий при воплощении в оригинальном продукте самой ценной его возможности.

Субъектно-ориентированный подход, придающий целевые, содержательные и процессуальные свойства педагогической поддержке самопознания студентов вуза, можно реализовать с помощью принципов: развития, саморазвития, индивидуализации, проблемности и диалогичности. Принцип индивидуализации выступает в качестве системообразующего. Вся совокупность указанных принципов, дополняющих и конкретизирующих друг друга, позволила выявить систему условий, способствующих активности студентов в познании себя в рамках студенческого самоуправления вуза. Отношение к студенту как самоценности, обеспечивающее реализацию принципа индивидуализации, предстаёт в качестве системообразующего условия, поскольку такое отношение укрепляет самооценку значимости студента и тем самым способствует его самодвижению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. – 1994. - № 3. – С.43-52.

2. Джидарьян И. А. Психология общения и развития личности // Психология формирования и развития личности; отв. ред. Л. И. Анцыфирова. – М.: Наука, 1981, С. 127-158.

3. Знаков, В. В. Психология субъекта А. В. Брушлинского, герменевтика М. Фуко и психология человеческого бытия // Личность и бытие: субъектный подход: матер. науч. конф., 15–16 октября 2008 г. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. — С. 31-38.

4. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика его диагностики //Психологический журнал.–2003.– Т. 24. – № 5. – С. 45–57.

5. Кудрявцев Т. В. Система проблемного обучения // Проблемное и программированное обучение; под ред. Т. В. Кудрявцева, А. М. Матюшкина. – М.: Советская Россия, 1973. – С. 10 – 29.

6. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т.1. – 391 с.

7. Попов А. Ю. Активность субъекта жизни: структура и функции интегральной индивидуальности (на примере студентов вуза): автореф. дис. канд. псих. наук. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2010. – 27 с.

8. Расщепкина Н. А Самопознание студентов как условие становления инновационного потенциала в рамках развития студенческого самоуправления вуза//Образование и саморазвитие.–2013. - № 4. – С. 96- 100.

9. Расщепкина Н. А. Субъектно-ориентированный подход к формированию потенциала самоопределения как компонента инновационного потенциала студента // Сибирский педагогический журнал. –2013. - № 3. – С. 121–127.

10. Сафин В. Ф. Самоопределения личности: теоретические и эмпирические аспекты исследования.– Уфа: Гилем, 2004. – 258 с.

11. Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. – Дубна: Феникс+. 2002. – 240 с.

12. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. – М: Школьная Пресса, 2000. – 416 с.

13. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 444 с.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВПО

Сытников А.Ф.,
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра философии и истории
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»

Ключевые слова: инновационные технологии в высшем образовании; информационно-коммуникативные технологии (ИКТ); информационные технологии в образовании (ИТО); E-learning; образовательные мультимедийные технологии; средства мультимедиа; Интернет-ресурсы; технологии тестирования
Key words: innovative technologies in higher education; Information and communication technology (ICT); Information Technologies in Education (ITE); E-learning; educational multimedia technology; multimedia; Internet resources; testing technology

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы внедрения информационных и коммуникативных технологий (ИКТ) в образовательный процесс ВПО. Проанализированы характерные особенности современной методики преподавания в вузе с использованием мультимедийных средств. Показаны возможности использования Интернет-ресурсов и средств мультимедиа в повышении эффективности учебного процесса. Выявлена и обоснована необходимость синтеза традиционных и инновационных подходов в преподавании в вузе.

This article deals with the problems of introducing information and communication technologies (ICT) in the educational process VPO. Analyzed the characteristics of modern methods of teaching at the university using multimedia. The possibilities of the use of Internet resources and multimedia tools to improve the efficiency of the educational process. Identified and the necessity of synthesis of traditional and innovative approaches to teaching in high school.

Более десяти лет прошло с момента присоединения России к Болонскому процессу сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования. За это время в РФ удалось решить многие проблемы высшего профессионального образования (ВПО), значительно повысить его конкурентоспособность, но вместе с тем появились и новые трудности: организационно-структурные, финансовые, демографические, кадровые, дидактические и т.д.

На первый план выходят проблемы, связанные с использованием информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Проблема внедрения инновационных технологий в учебный процесс актуальна, сложна и многопланова, поэтому предлагается акцент сделать на рассмотрении использования средств мультимедиа и Интернет-ресурсов как основных составляющих элементов E-learning. «Принципиальное изменение организации российского образовательного пространства с учётом условий современного информационного общества, межкультурной и междисциплинарной интеграции требует кардинального переосмысления роли e-learning в обучении» [3, с.46]. Современное состояние ВПО в информационном обществе требует обобщить накопленный опыт по внедрению инновационных технологий в образовательный процесс. Глобальная компьютерная сеть Интернет открывает практически безграничные возможности поиска и потребления знаний, даёт возможность получать знания без посредника (преподавателя). Однако это только первый уровень компетенций (знаниевый). Наличие заученных предметных знаний ещё не дает возможность их практического применения. Безмерное обилие хаотично подаваемой информации без указания источников и возможность коррекции копируемого достоверного материала создают опасность бесконтрольного распространения не только неверных знаний, но и концепций, так как «информация является результатом отражения одного объекта в другом, используемым в конечном счете для формирования управляющих воздействий» [9, с.171]. Поэтому глубокое усвоение знаний возможно только под руководством опытного преподавателя, который не позволит утонуть в огромном объёме научной и учебной информации. «Учитель – человек, который может делать трудные вещи легкими» (Ральф Уолдо Эмерсон) [11].

Возрастают требования к компетентности специалиста. Уровень подготовки любого специалиста в значительной степени определяется его владением ИКТ, которые позволяют использовать для профессионального роста мировое информационное пространство через Интернет. Постоянно меняющиеся потребности работодателей делают необходимым опережающее развитие образовательной среды: систематическая разработка новых образовательных программ с учётом перспектив изменений спроса рынка образовательных услуг. Со всей остротой встаёт необходимость ликвидации разрыва между требованиями рынка образовательных услуг и уровнем подготовки выпускников вузов и образовательными возможностями преподавателей. В ходе образовательного процесса «обнаруживается весьма принципиальное противоречие между качеством и доступностью образования» [4, с.9-10].

В современном образовательном процессе изменяется роль преподавателя, требуется внедрение инновационных методов преподавания. Обилие непроверенной, а зачастую и недостоверной, информации в Интернете, основанной на авторских домыслах и амбициях некоторых «популяризаторов» науки, особенно социально-гуманитарных, не только представляет серьёзную проблему, но и ставит перед преподавателем неотложную задачу создания собственной базы информационных источников по тому или иному направлению науки, что является трудоёмкой работой. Это создание и регулярная работа с личным сайтом преподавателя в Интернете, на котором размещаются раздаточные материалы для студентов, а также специальная программа для тестирования знаний студентов с целью контроля успеваемости и качества

образования. Для контроля успеваемости и качества знаний можно воспользоваться сайтом «НИИ мониторинга качества образования» [10].

Информационные технологии обеспечивают виртуальный доступ к библиотечным фондам, к сайтам образовательных организаций и научных центров, музеев и т.д. Появилась возможность дистанционного общения с преподавателем, оперативного обмена информацией как с российскими, так и с зарубежными учёными в социальных сетях Интернета. В этих условиях перед образованием встаёт одна из стратегических задач: оно должно, наряду с обеспечением получения студентами базовых предметных знаний, способствовать вхождению преподавателей и студентов в особую культуру сетевого общения, взаимодействия со специалистами своего направления в науке, результатом которого должно стать получение нового знания и его практическая реализация. Широкое распространение в проведении занятий получили метод кейсов и метод учебных проектов.

Быстрый рост объёма научной информации потребовал широкого внедрения новых информационных технологий в образовательный процесс, традиционная система преподавания уже не справляется в полной мере со своими задачами. В этих условиях необходимо синтезировать традиционные подходы в методике преподавания и инновации, сохранив всё лучшее, что наработано в традиционной системе образования. Инновация в образовании - это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно повышает эффективность действующей образовательной системы.

Предпосылками внедрения ИКТ в сфере высшего профессионального образования являются:

– необходимость выстраивания в России эффективной системы непрерывного образования;

– ускорение процесса образования;

– неуклонная общемировая тенденция к снижению уровня затрат на образование;

– расширение возможностей дистанционного высшего профессионального образования;

– растущий спрос на образовательные услуги как один из видов досуга и личной конкурентоспособности.

В условиях глобализации рыночной экономики знание становится товаром и образование потеснено СМИ, Интернетом и консалтингом. Серьёзной проблемой стала коммерциализация написания различных научных работ, в том числе и выполнение учебных заданий, заказанных через Интернет. Существует опасность стирания граней между научной информацией и знанием, полученным через Интернет. Широко распространилось мнение о том, что в Интернете есть всё, надо только правильно ориентироваться. Это, в конечном счете, приводит к упадку способности творческого мышления, к самостоятельным открытиям, к удержанию вне реальной практической деятельности. Способен ли студент без преподавателя правильно ориентироваться в огромном объёме информации, в сжатые сроки найти достоверную и воспользоваться ею на практике? Скорее всего нет. Объём научной информации увеличивается с каждым днем и она становится важным фактором, влияющим на развитие культуры, образования и науки.

В настоящее время переход на электронные формы представления, хранения, передачи и обработки научно-образовательной информации стал объективной реальностью и наиболее эффективным средством её доставки до потребителя. Онлайновый доступ к научной информации через Интернет или использование баз данных на различных носителях электронной информации во много раз повышает эффективность работы по сравнению с традиционной бумажной технологией.

Широкие возможности перед преподавателем и студентами открывает использование в образовательном процессе различных приложений к Майкрософт Офис (PowerPoint, Exell, Movie Maker и т.д.) и специальных компьютерных программ (Adobe Photoshop, Macromedia flash MX, INDIGO, Айрен, АСТ-Тест и др.).

Создание и чтение лекций с сопровождением мультимедийных презентаций даёт возможность активного деятельностного обучения. В ходе лекции можно использовать в презентации гиперссылки на скрытые слайды с вопросами и заданиями для активизации и оперативной проверки мыслительной деятельности учащихся. Заранее подготовленные скрытые слайды можно использовать также во время ответов на прогнозируемые вопросы по теме лекции. Обучение становится занимательным и эмоциональным, принося эстетическое удовлетворение студентам и повышая качество излагаемой преподавателем информации. Проведение таких лекций требует от преподавателя специальной компьютерной подготовки. Подготовка лекции с использованием презентации в Microsoft PowerPoint характеризуется представлением теоретического материала в виде гипертекста, наличием большого количества графических иллюстраций, анимации, видео и фото фрагментов [13, с. 9-12]. Фреймовая подача знаний способствует систематизации и интенсификации учебного процесса. Идеографическое восприятие информации способствует более глубокому её пониманию. Здесь не обойтись без знания психологии коммуникации, психологии геометрических фигур, цвета и т.д. Помощь в создании качественных презентаций в программе PowerPoint окажут многочисленные обучающие сайты в Интернете.

Лекции становятся интереснее, эмоциональнее, они позволяют студентам в процессе восприятия задействовать зрение, слух, воображение, что даёт возможность глубже погрузиться в изучаемый материал. Лекция с использованием мультимедийных презентаций даёт возможность подать информацию в наглядной, легко воспринимаемой и запоминающейся форме.

Использование технологий мультимедиа позволяет добиться максимальной информационной наполняемости лекций и тем самым смягчить противоречие между увеличивающимся объёмом научной информации и сокращением учебного времени. Презентации с использованием аннимационных эффектов дают возможность показать динамику процессов и закономерность явлений, сконцентрировать внимание на главном, на обсуждении наиболее сложных фрагментов учебного материала.

Презентации структурируют учебный материал, дают возможность его оптимально дозировать по сложности и объёму в зависимости от уровня подготовки студентов, позволяют определить темп и порядок изложения учебного материала. В целом ИКТ дают возможность

экономить аудиторное учебное время, используя для самостоятельного изучения раздаточный материал на сайте преподавателя. В раздаточный материал обычно помещают фрагменты текстов первоисточников, объёмные по информации слайды лекции, схемы, таблицы, ссылки на видео и фото материалы в Интернете с обязательной последующей проверкой знания и понимания студентами этого учебного материала.

В чтении лекций с мультимедийным сопровождением есть свои организационно-технические и методические сложности. К числу организационно-технических можно отнести наличие и функционирование специализированных аудиторий с мультимедийным оборудованием и возможностью доступа в Интернет для работы в режиме онлайн, например, при проведении студенческих межвузовских научно-практических Интернет-конференций. Использование специализированных аудиторий особенно важно при контроле знаний студентов в режимах диагностического, текущего и аккредитационного тестирования в рамках ФЭПО. Особую трудность представляет своевременная установка и обновление лицензионных новых компьютерных программ и умение работать с ними.

Не меньшую сложность представляют методические проблемы. Это необходимость всегда следовать заранее составленному плану лекции, ограничивающему как экспромт, так и импровизацию преподавателя. В этом есть как плюсы, так и минусы. С одной стороны, чётко структурируется учебный материал и время его подачи, а с другой стороны живое общение преподавателя может превратиться в казённо-механическое. Другой крайностью является невольное превращение учебной лекции с использованием мультимедийных презентаций в публичную. Студенты порой воспринимают учебный материал на экране как кино, поэтому задача преподавателя найти правильное соотношение конспектируемого текста лекции и помещённого в раздаточный материал на сайте преподавателя для самостоятельного изучения. Целесообразно в конспект лекции записывать тему и вопросы содержания лекции, основные определения понятий и категорий, проблемные вопросы и возможные варианты их решения с обоснованием наиболее оптимального.

Серьёзной проблемой всегда был выбор правильного соотношения темпа лекции, объёма информации и индивидуальной способностью усвоения учебной информации слушателем. Опыт чтения учебных лекций с использованием мультимедийных средств показывает, что в большинстве случаев эффективно студенты воспринимают информацию в течении двух - четырех академических часов, затем интерес и внимание постепенно снижаются.

Процесс подготовки мультимедийных лекций достаточно трудоемкий, сложный и кропотливый. Преподавателю необходимо не только знать своё направление в науке, методику преподавания дисциплины, но и владеть умением пользоваться несколькими компьютерными программами. Качественной лекция будет только в том случае, если мультимедийное сопровождение её будет подготовлено самим лектором.

Интеллектуальные затраты не всегда в полной мере учитываются при расчёте нагрузки преподавателя. Слабая мотивация преподавателя тормозит внедрение инновационных технологий в образовательный процесс. Преподавателю часто приходиться делать работу, которую трудно регламентировать, например, дистанционное общение со студентами, работа в Интернете в социальных сетях, виртуальное посещение научных центров и лабораторий, предприятий, музеев и т.д.

Использование ИКТ способствует повышению эффективности качества высшего профессионального образования, повышает интерес студентов к науке, позволяет достичь большей глубины понимания учебного материала, вносит существенные изменения в деятельность преподавателя, изменяет его роль и функции. E–learning стал удобным инструментом получения знаний при дистанционном обучении [3]. Специалисты ЮНЕСКО в доступной для понимания формулировке определяют E–learning как обучение с помощью Интернет и мультимедиа [12]. Электронное обучение позволяет использовать индивидуальный подход с учетом требований и предпочтений каждого студента при постоянном контакте с преподавателем. Использование возможностей тестирования студентов, представленных НИИ мониторинга качества образования, значительно облегчает работу преподавателя по контролю успеваемости и качества знаний студентов. При этом следует иметь ввиду, что к «тестовому контролю знаний в социально-гуманитарных науках следует относиться осмотрительно, так как эти науки специфичны; особенность их заключается в том, что существуют объективная неоднозначность трактовки некоторых понятий, а также незавершенность определений» [6, с.185] В целом ИКТ в образовании приветствуются студентами, т.к. знания, умения, навыки пригодятся в профессиональном самосовершенствовании и дальнейшем карьерном росте. Информационные коммуникационные технологии стали их рабочим инструментом. Важно подчеркнуть, что мультимедийные технологии не исключают живого общения студентов с преподавателем, а рождают новые формы этого общения.

Таким образом, доступность образования, расширение круга обучаемых должны быть дополнены созданием нового образовательного пространства с использованием ИКТ.

Учебно-методическая работа должна выйти на новый уровень за счёт сотрудничества со специалистами в области педагогики, психологии, информационных технологий, математики и т.д. при создании учебных материалов нового поколения с акцентом на развивающее обучение.

Для преодоления противоречия между доступностью информации и её качеством должна быть создана собственная информационная база учебного материала по каждой дисциплине с учётом междисциплинарных связей.

Чтобы получить качественное образование необходимо не только слушать и запоминать информацию, но и получить навык её практического применения.

Необходимо использовать четкие критерии оценки знаний с учётом компетентностного подхода. Тестовый контроль качества знаний и успеваемости должен быть дополнен устным на экзамене с целью проверки логического мышления студента и его умением практического применения приобретенных знаний.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие / Сост. ТГ Мухина. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2013 – 97 с.

2. Аникушина Е.А., Бобина О.С., Дмитриева А.О., Егорова О.Н., Калянова Т.А., Мамонтова М.Ю., Старцева С.П., Фомин В.С. Инновационные образовательные технологии и активные методы обучения: Методическое пособие. – Томск: В-Спектр, 2010. 212 с.

3. Голышева М.Д., Диденко А.В., Власова М.Н. E-learning и дистанционное образование в России и за рубежом: проблемы и пути решения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2011. - № 4. - с. 46-50.

4. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И.Г. Захарова. – 6-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. - 192 с.

5. Инновации в образовании // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Орел: Модуль-К, 2013. – 273 с.

6. Панникова А.М. Компьютерные технологии в преподавании социально-гуманитарных дисциплин // Альманах современной науки и образования. - 2007. - № 1. – с. 184-186 .

7. Петригина В.А. Новые подходы в использовании информационно-коммуникативных технологий в образовании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2012.- № 5.- Ч. 1. С. - 227-231.

8. Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина – 3-е изд., стер. - М.: Издательский центр «Академия», 2010. - 368 с.

9. Рыжков Д.Л. «Информационное общество» к вопросу о содержании и использовании понятия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 2 № 3 С. 171-178.

10. http://www. i-exam.ru «НИИ мониторинга качества образования».

11. http://www. onlinedosug-planet.net›aforizmy/ralf-uoldo-emerson.

12. http://www. ru.wikipedia.org

13. Yastrebova L.N. Presentation in Power Point: making life easier for students and teachers // Альманах современной науки и образования. - 2009. - № 8. - Ч. 2. – с. 9-12.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАЧАЛЬНИКОВ ГРУПП В УСЛОВИЯХ ПЕРЕПОДГОТОВКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Шишов М.А.,
соискатель,
Торохтий В.С.,
доктор педагогических наук, профессор,
Московский городской психолого-педагогический университет

Ключевые слова: социальное сопровождение, социально-психологическое сопровождение, психология группы, социально-психологические явления, психологический потенциал группы, групповое мнение профессионального сообщества, групповые профессиональные традиции, межличностные профессиональные отношения.
Key words: social support, social and psychological support, group psychology, socio-psychological phenomena, psychological potential of the group, group opinion of the professional community, group professional traditions, interpersonal professional relationships.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы современной социальной психологии в сфере профессиональной деятельности, связанные с развитием профессиональной идентификации у обучающихся в условиях образовательной организации среднего профессионального образования, а также пути их разрешения средствами социально-психологического сопровождения процесса профессиональной идентификации специалистов.

The article deals with problems of modern social psychology in professional activities related to the development of professional identity among students in terms of educational institutions of secondary vocational education, as well as ways to resolve them by means of social and psychological support of the process of professional identification specialists.

Под сопровождением понимается метод, обеспечивающий создание условий для принятия субъектом развития оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора. (Упрощенная трактовка: сопровождение – это помощь субъекту в принятии решения в сложных ситуациях жизненного выбора.) При этом под субъектом развития понимается как развивающийся человек, так и развивающаяся система. Ситуации жизненного выбора – множественные проблемные ситуации, при разрешении которых субъект определяет для себя путь прогрессивного или регрессивного развития.

В научно-методической литературе понимание термина «сопровождение» различно в зависимости от решаемых задач в педагогике, психологии, социальной педагогике, социальной работе. С учетом данных факторов выделяют различные виды сопровождений: психологическое, педагогическое сопровождение, психолого-педагогическое, социальное, медико-социальное, социально-педагогическое сопровождение.

Психологическое сопровождение — это вид психологической практики, основой которого является особым образом организованное взаимодействие между клиентом и специалистом. Его сущностная характеристика состоит в создании между специалистом и клиентом надежных доверительных отношений, которые становятся условием личностных изменений (преобразования отношения клиента к себе и другим).

Социальное сопровождение рассматривается как целенаправленный процесс передачи обществом социального опыта с учетом особенностей и потребностей различных категорий учащихся с особыми адаптивными возможностями при активном их участии и обеспечении адекватных для этого условий, в результате которого происходит включение их во все социальные системы, структуры, социумы и связи, предназначенные для здоровых людей, а также активное участие в основных направлениях жизни и деятельности общества в соответствии с возрастом и полом, подготавливая их к полноценной и взрослой жизни, наиболее полной самореализации и раскрытию как личности.

Психолого-педагогическое сопровождение индивидуального развития ребенка в образовательном процессе – это система профессиональной деятельности различных специалистов по созданию условий принятия субъектом оптимальных решений для развития личности и успешного обучения в ситуациях школьного взаимодействия.

Социально-психологическое сопровождение — это психологическое явление, характерное для сферы взаимодействия личности и психологического потенциала социума и проявляющееся: в виде системы психологических зависимостей личности от развивающих воздействий социальной среды; в виде специфической психосоциальной деятельности специалистов по разрешению проблем социализации личности; в виде процесса преобразования потенциала среды в качественные изменения психологии личности или психологии целой группы.

Социально-психологическое сопровождение развития профессиональной идентичности специалиста — это разновидность психологической помощи, проявляющееся в предоставлении человеку, включенного в профессиональную (учебную) деятельность значимых для него психологических ресурсов и возможностей социальной среды для развития необходимых профессиональных качеств на основе идентификации с образом специалиста, адекватным требованиям нормативных документов.

Из этого следует, что социально-психологическое сопровождение развития профессиональной идентичности непосредственно связано с проблемой создания условий эффективности самого процесса профессиональной идентификации специалиста в условиях его переподготовки.

Процесс профессиональной идентификации – это поэтапное управляемое развитие значимого качества личности – профессиональной идентичности к конкретной деятельности. Это поэтапное наращивание психологических возможностей специалиста в овладении профес-

сиональными знаниями, навыками и умениями, а также значимыми для него психологическими и профессиональными качествами, в конечно итоге воплощенных в профессиональной идентичности. Следует заметить, что данное качественное изменение личности осуществляется средствами социально-психологического сопровождения, основными из которых являются: групповое мнение профессионального сообщества, групповые профессиональные традиции, межличностные профессиональные отношения. Значимым социально-психологическим механизмом развития профессиональной идентичности специалиста является профессиональное общение и вытекающее из него профессиональное взаимодействие.

Социально-психологическое сопровождение развития профессиональной идентичности специалиста в условиях переподготовки в образовательной организации – это составная часть учебно-воспитательного процесса, заключающаяся в обеспечении идентификации специалистов с целью развития значимых профессиональных качеств, стиля общения и деятельности, адекватных должностному их предназначению.

Понятие социально-психологическое сопровождение представляет одно из значимых явлений в психологической науке. Оно употребляется в широком и узком смысле:

Социально-психологическое сопровождение в широком смысле, рассматривается как социально-психологическое явление, отражающее процесс предоставления (использование) социумом своих значимых возможностей, ресурсов личности, оказавшейся в длительно-сложной психологической ситуации с целью разрешения проблем путем реализации психологических возможностей и социума и самой личности. В данном случае социально-психологическое сопровождение «практически отождествляется с социальным взаимодействием».

Социально-педагогическое сопровождение в узком смысле рассматривается как психосоциальная деятельность сотрудников образовательного учреждения и обучающихся по реализации психологического потенциала социальных институтов (образовательной организации, педагогического коллектива, коллектива слушателей) для разрешения проблем личности. Социально-психологическое сопровождение выступает как средство реализации психологических возможностей социума для разрешения проблем профессиональной адаптации специалистов.

Субъектом социально-психологического сопровождения может выступать как отдельный специалист (педагогический работник, психолог, руководитель структурного подразделения), группа (коллектив сотрудников, педагогических работников), так и сама личность, осуществляющая связь с психологическими возможностями социума, выступающая в качестве посредника между личностью и ресурсами. В качестве средств социально-психологического сопровождения могут рассматриваться: профессиональная деятельность, социальные отношения, социальные институты (семья, учреждение образования, общественные организации и молодежные объединения) и другие элементы социума.

Важным при этом является рассмотрение самого процесса развития идентичности специалиста, как профессиональной идентификации, в ходе которой развиваются значимые качества идентичности специалиста. Фактически речь идет о сопровождении процесса качественного изменения личности, процесса профессиональной идентификации, результатом которого является появления у нее профессиональной идентичности.

В этом случае, основные задачи социально-психологического сопровождения развития профессиональной идентичности специалистов сводятся к следующему:

- изменение ситуации, представляющей проблему профессионального становления личности;
- реализация социальных потребностей на преодоление трудностей социальной адаптации;
- развитие социальной мотивации успеваемости обучающихся;
- нормализация социальных отношений с сотрудниками образовательных учреждений;
- налаживание социальных отношений в учебной группе;
- активизация процесса формирование образа жизни и стиля деятельности, адекватного функциям должности;
- создание социально-психологических предпосылок для успешности освоения профессионально значимой идентичности;
- профессиональная самореализация личности в социальной среде и приобретение профессионального статуса;

Под социально-психологическим сопровождением следует понимать интегративное, многоуровневое междисциплинарное образование, имеющее сложную операциональную структуру, реально существующее в практике психосоциальной работы.

Социально-педагогическое сопровождение существует и проявляется одновременно: а) как система психологических зависимостей личности от развивающих воздействий социальной среды; б) как процесс преобразования потенциала среды в качественные изменения психологии личности или психологии целой группы; в) как специфическая психосоциальная работа специалистов по разрешению проблем идентификации личности будущей профессиональной деятельности.

Основу социально-психологического сопровождения как системы составляют: специалист (психолог, руководитель учебного подразделения), выступающий в роли помощника, советчика, посредника личности, обратившейся за помощью (субъект); обучающийся с его проблемами (объект); психологические ресурсы и возможности социума, значимые для решения проблемы обучающегося; технологии реализации психологического потенциала социума в интересах обучающегося; социальные программы и проекты реализации потенциала социума; управленческие, организаторские структуры; совокупность критериев оценки эффективности социально-психологического сопровождения как системы. Система характеризуется комплексностью, многопрофильностью, непрерывностью, имеет структурно-логическую направленность на формирование межсубъектного взаимодействия в изменяющихся условиях профессиональной деятельности.

Социально-психологическое сопровождение как система психологических зависимостей личности от развивающих взаимодействий с социальной средой, направлено на качественные и количественные изменения личности.

На этом уровне социально-психологическое сопровождение отражает совокупность субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий с целью максимальной реализации психологических возможностей социума для разрешения проблем подготовки специалистов. Взаимодействие — это согласованная деятельность по достижению совместных целей и результатов, по решению участниками значимой для них проблемы и задачи. Психологическое взаимодействие — случайный или преднамеренный, частный или публичный, длительный или кратковременный, вербальный или невербальный личностный контакт психолога и обучающегося, имеющий следствием взаимные изменения их поведения, деятельности, отношений, установок. Взаимодействие является одним из основных способов активизации идентификации обучающегося с его будущей профессией. Основу социально-психологического сопровождения как системы составляют: обучающийся с его проблемами (объект); специалист — психолог, выступающий в роли помощника, советчика, посредника (субъект); психологические ресурсы и возможности, значимые для решения проблемы обучающегося; технологии их реализации в интересах обучающегося; совокупность критериев оценки эффективности социально-психологического сопровождения как системы. Система характеризуется комплексностью, многопрофильностью, непрерывностью, имеет долговременную направленность на формирование межсубъектного взаимодействия. Собственно система психологического взаимодействия включает:

- взаимодействие специалиста (психолога, педагога) и обучающегося по изучению психологических ресурсов и возможностей самой личности, включающей совокупность индивидуально-психологических особенностей поведения в различных социальных ситуациях;

- психологическое взаимодействие специалистов (психологов) и обучающихся по формированию у них социальных потребностей, социальных способностей и социальных ценностей профессиональной деятельности, включая развитие навыков и умений обучающихся по самовоспитанию и самосовершенствованию личностных качеств, значимых для профессии;

- психологическое взаимодействие специалистов и обучающихся по изучению и реализации психологического потенциала социальной деятельности, значимой для развития профессиональной деятельности;

- психологическое взаимодействие специалистов (психологов) и обучающихся по восстановлению психологического потенциала социальной деятельности, значимой для развития профессиональной деятельности.

Социально-психологическое сопровождение как процесс преобразования потенциала среды в качественные изменения психологии личности или психологии целой группы с целью создания условий для реализации ее социальных потребностей и социальных способностей в конкретных профессиональных обстоятельствах. Основное содержание рассматриваемого процесса состоит в преобразовании психологических ресурсов и возможностей социума в собственный профессионально-психологический потенциал обучающихся.

Социально-психологическое сопровождение — это продолжительный и длительный процесс, динамичный, предельно гибкий и оперативный и, как правило, изначально полностью не заданный, а поэтому формирующийся и развивающийся по мере возрастания масштаба и сложности проблем, порождая при этом те или иные новые промежуточные задачи и результаты, основными этапами которого являются:

1. подготовительный этап, включающий социально-психологическую диагностику психологического потенциала социума и социальных потребностей, социальных способностей образования личности, сущность и сложность проблем профессиональной идентификации, а также информационный поиск методов, служб и специалистов, способных помочь решить проблему;

2. этап выбора варианта социально-психологической помощи, социально-психологических технологий ее оказания и путей решения проблемы;

3. этап установления специалистом взаимодействия между личностью и психологическим потенциалом социума (психологией группы) для реализации избранного варианта помощи;

4. этап стимулирования личности по организации собственной образовательной деятельности, включающего три стадии: стадия оказания сопровождаемым первичной помощи в начале реализации плана действий, стадия активного участия личности в самореализации своих образовательных потребностей и стадия совершенствования собственного личного опыта образования на основе психологического потенциала социума;

5. этап самостоятельной деятельности личности, самостоятельного решения собственных проблем и внесения корректив в собственную образовательную деятельность;

6. контрольно-оценочный или аналитический этап, включающий оценку результатов социально-психологического сопровождения образования, учет вновь возникших проблем и внесение корректив в его процесс.

Как и любой процесс, социально-психологическое сопровождение профессиональной идентификации специалистов обладает рядом свойств, основными из которых являются:

- научность — опора на всесторонне обоснованные данные теоретического поиска и практического применения опыта социально-психологического сопровождения с обучающимися;
- активность — постоянное изучение изменений решаемой проблемы обучающегося и наращивание усилий в целях наступления необратимых перемен;
- адресность — учет индивидуально-психологических особенностей каждого обучающегося в выборе актуальных задач и конечного результата взаимодействия с ним специалиста;
- комплексность — возможность одновременного использования в отношении проблемы обучающегося различных возможностей и условий;
- гибкость — способность оперативно переключиться на решение сопутствующих задач, изменять тактику их решения к многовариантности действий, закрепляя положительное и эффективно приспосабливаться к изменениям обстановки;
- динамичность — готовность решать проблемы обучающихся в конкретно сложившейся обстановке, помня, что пребывает в движении;
- непрерывность — решение проблем обучаю-

щегося сопровождается непрерывным наращиванием ее психологических возможностей идентификации.

Социально-психологическое сопровождение как специфическая психосоциальная работа специалистов по разрешению проблем будущей профессиональной деятельности с помощью идентификации личности. Оно представляет собой активность субъектов и объектов по реализации психологического потенциала социума в развитии профессиональной идентичности обучающихся.

В виде специфической психосоциальная работа специалистов оно может комплексно представлено следующими составляющими:

- основная деятельность специалиста (психолога) по реализации психологического потенциала социума в разрешении проблем идентификации личности с результатом - развитие идентификационной способности обучающихся к будущей профессиональной деятельности.

- вспомогательная деятельность, обеспечивающая основную деятельность специалистов и включающая: совокупность подготовительных мероприятий для выполнения специалистами поставленных задач деятельности по обеспечению эффективности профессиональной идентификации обучающихся.

- деятельность самого обучающегося по самосовершенствованию собственных личностных индивидуально-психологических и социальных качеств .

Социально-психологическое сопровождение имеет свою структуру, которая обуславливается содержанием разновидностей психосоциальной работы и особенностями, вызванными условиями ее выполнения. Основными составляющими социально-психологического сопровождения являются:

1. Социально-психологический анализ актуальной задачи идентификации (проблемы) сопровождения.

2. Социально-психологическая диагностика потенциала личности обучающегося и потенциала социума;

3. Прогнозирование возможных социально-психологических проблем обучающегося на различных стадиях его профессионального обучения или в изменяющихся условиях жизни;

4. Социально-психологическая помощь и поддержка: консультирование, коррекция, профилактика, реабилитация;

5. Социализация обучающихся в экстремальной обстановке;

6. Моделирование, прогнозирование деятельности специалиста (психолога) по предоставлению помощи и поддержки обучающимся, оказавшимся в жизненно трудных обстоятельствах;

7. Психологическая подготовка специалистов (психологов, обучающихся) к профессиональной деятельности, общению;

8. Разработка и внедрение методик оценки, методик деятельности и общения, социально-психологических техник и технологий;

9. Обобщение и распространение опыта социально-психологического сопровождения развития профессиональной идентичности обучающихся за рубежом, инноваций в разработках специалистов (психологов) других стран в психосоциальной работе.

Объектом внимания социально-психологического сопровождения может быть ситуация обязательно несущая в своем содержании какую-либо угрозу профессиональному становлению специалиста или его профессиональному статусу, процессу деятельности или общения личности обучающегося или его окружению, препятствующая нормальному усвоению функциональных обязанностей или реализации им своих потребностей. Это может быть: ситуация, предшествующая проявлению неправильных действий, решений на деятельность, поведение различной этимологии; ситуация непонимания действий других смежных специалистов или сослуживцев, сопровождающаяся нарушением нормальной структуры общения и угрозой потери или снижения своего статуса; ситуация затруднения при выборе возможного ответственного решения, социально значимого для личности и коллектива; неумением включиться в социально-значимую деятельность и приобретением большого числа ошибок и замечаний со стороны участников совместной деятельности, угрожающих нарушению отношений; ситуация непринятия требований, норм и правил профессиональной деятельности, учебного процесса, общественного поведения, создающих угрозу окружающим; ситуация явной угрозы окружающим в любой форме или виде, выраженная любым способом или действиями и другие.

Таким образом, представляя социально-психологическое сопровождение как форму психосоциальной работы, обозначим объект ее внимания: профессиональная идентичность начальников групп.

Это ее основное направление усилий и цель, отражающая содержание всей процедуры преобразования психологического потенциала социума в развитии профессиональной идентичности обучающихся.

Профессиональная идентичность, как интегративное психологическое качество представляет собой совокупность компонентов, отражающих социально-психологическую сторону жизнедеятельности личности обучающегося в конкретном виде профессиональной деятельности.

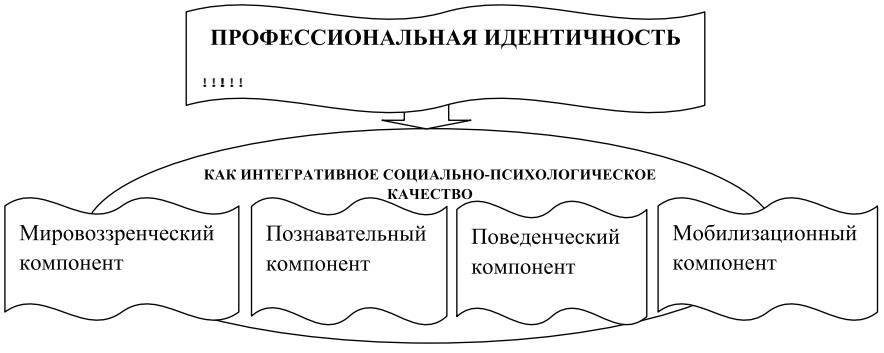

Рис. 1. Содержание профессиональной идентичности обучающегося

Анализ имеющихся в научной литературе оценок по проблеме развития идентичности специалиста и, в частности, профессиональной идентичности, позволяет сделать вывод о том, что ее основными структурными компонентами являются: мировоззренческий, познавательный, поведенческий и мобилизационный. См.: Рис.1.

Рассмотрим каждый из названных компонентов в отдельности.

Мировоззренческий компонент проявляется в сложившихся знаниях, взглядах и убеждениях обучающегося по проблемам своей профессии, образа жизни, стиля взаимодействия с окружающей средой, спецификой жизнедеятельности как собственным жизнеустройством.

Это наиболее сложная форма человеческого самосознания своего места и роли в профессиональном сообществе.

Мировоззрение играет значительную роль в жизни человека: дает человеку ориентиры и цели для его профессиональной деятельности; позволяет людям понять, как лучше достичь и реализовать это качество, вооружает их методами профессионального поведения; дает возможность определять истинные профессиональные ценности. Мировоззренческий компонент может проявляться на обыденном (или житейском уровне); научном (теоретическом уровне).

Мировоззрение придаёт профессиональной деятельности организованный, осмысленный и целенаправленный характер.

Познавательный компонент представляет собой комплекс способов познания окружающей человека действительности, ориентации при обосновании сущности и сложности социально-психологической ситуации, разнообразие и широта самооценочных суждений, форм выбора решения, адекватного обстановке, разнообразие суждений о себе и самооценке своих действий. Познавательный компонент отражает понимание правил профессионального общения и взаимодействия, а также готовность к определению пути профессионального развития и самоуправляемому обучению, к саморефлексии своих действий и отношений, наконец - своего статуса.

Поведенческий компонент отражает образ социально-значимых качеств

личности, обеспечивающих ей эффективность реализации целей деятельности, Я-образ как систему социальных установок обеспечивающих ей приспособление к профессиональной среде. Я-образ представляет собой относительно устойчивую и, осознанную систему представлений о своей роли в профессии, на основе которой строятся все взаимодействия с другими специалистами и самим собой. Этот целостный, но зачастую и противоречивый образ себя в системе связей с другими людьми включает сложную систему собственных качеств, свойств, внешности, статуса и т.д.; переживание этих знаний о себе (например, самоуважение, себялюбие и т.д.); деятельность, направленную на завоевание уважения к себе со стороны других, со стороны самого себя, самосовершенствование, достижение личностно значимых целей.

Он задает желательное поведение личности на базе самоконтроля и самонаград: он сам отбирает и создает в жизни благоприятные ситуации и избегает нежелательные, он руководствуется рациональными мотивами поведения, положительно относится к «естественному» (привычному для данной профессии) правопорядку. Обычно он ставит перед собой достаточно четко определенные социально-значимые цели, умеет выбирать эффективные средства их достижения, а также способен «правильно» (в соответствии с нормами и ценностями профессиональной среды) оценивать противоборствующие силы.

Мобилизационный компонент предполагает: а) развитие психологических качеств личности, необходимых для профессиональной деятельности: оптимистичность, инициативность, коллективизм, наблюдательность, осторожность, готовность к оправданному риску, социальная ответственность, эмоциональная устойчивость, социабельность, личностная активность, адекватная самооценка, волевой контроль, уверенность в себе, толерантность, мотивация достижения развитие выносливости, стрессоустойчивости; б) устойчивые профессиональные привычки, необходимые для профилактики и преодоления многих опасных профессиональных ситуаций; в) развитие волевых черт характера: целеустремленности, настойчивости, выносливости, смелости, решительности; г) развитие готовности к прогнозированию, профилактике, к преодолению и ликвидации последствий вредных и опасных факторов жизнедеятельности; д) развитие опыта самоконтроля в ситуации профессионального выбора, самоконтроль при профилактике и преодолении вредных и опасных факторов для профессии и статуса обучающегося.

Обучающихся начальников групп в системе среднего профессионального образования отличает поиск идентичности, формирование общественных интересов, нравственных взглядов и принципов, изменение интересов в сторону развития социальных способностей, формирование картины собственного будущего стремления реализовать себя в серьезной самостоятельной профессиональной роли.

Понимание характера, динамики изменений и возникновения социально-психологических новообразований у обучающихся учреждений среднего профессионального образования чрезвычайно важно в реализации деятельностного подхода для формирования профессиональной идентичности как интегративного социального качества, совокупности профессиональных ценностных ориентаций, личностных особенностей, разносторонних способностей, базовых знаний, позволяющих им успешно функционировать и гармонично развиваться в динамично меняющемся социуме.

В социально-психологическом сопровождении проявляется сам факт того, насколько каждый обучающийся в состоянии реализовать насущные запросы общества в конкретной профессии на данном этапе его исторического развития.

В личностном контексте социально-психологическое сопровождение выражается в высоком уровне социальной активности личности, направленной прежде всего, на формирование самой личности в соответствии с целями профессии и на преобразование и социальной и профессиональной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осухова Н.Г. Психологическое сопровождение лич-

ности в кризисных ситуациях: опыт эмпирического исследования. - М.: ООО «Издательство «ВАРСОН», 2008. – 210 с.

2. Психолого-медико-социльное сопровождение детей: проблемы, поиски, перспективы: сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Хабаровск, 24-25 мая 2010 г.) / под ред. Е.Н. Ткач. - Хабаровск: Изд-во ДВГГУ. 2010. -С. 112.

3. Торохтий В.С. Современные проблемы социальной педагогики. –Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.- 333 с.

4. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2006. – 268 с.

5. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография. М.: МОСУ, 2001 г. 272 с. .

6. Мумендий А. Как преодолеть негативную идентификацию // Иностранная психология, -Т. 1, - № 1, 1993....» [Источник: http://psychlib.ru/mgppu/sh1/SH1-003-.HTM]

7. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности. // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом “Бахрах-М”, 2000. – С. 589 – 601.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Цагарева А.К.,
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра иностранных языков для естественнонаучных факультетов,
Северо - Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова

Ключевые слова: коммуникативная мобильность, интерактивные методы, деловая игра, сократический диалог, метод кейсов, профессиональные и коммуникативные компетенции
Key words: communicative mobility, interactive methods, business game, Socratic method, case studies, professional and communicative competence

Аннотация. В статье проанализированы современные требования рынка труда, предъявляемые к экономистам-международникам. Описано понятие коммуникативной мобильности, рассмотрены способы ее формирования, оценена важность данного компонента в становлении студента как специалиста. Новизна и практическая значимость статьи определяются тем, что рассмотрены и обоснованы различные варианты использования интерактивных методов обучения с целью развития коммуникативных и профессиональных компетенций будущих экономистов-международников.

The article analyzes today's labor market requirements for international economists. Concepts of communicative mobility, ways of its developing, its importance while making students professional experts all these aspects are described and explained in this article. Novelty and practical relevance of the article are determined by making research within ways of interactive teaching techniques that can develop communicative and professional competence of future international economists.

В условиях активно развивающейся в нашей стране бизнес-среды одним из ключевых вопросов становится подготовка профессиональных кадров для решения новых задач в различных сферах деятельности.

В течение последних десятилетий бизнес-среда претерпела существенные трансформации - появились новые направления деятельности, новые специальности, новые задачи для профессионалов, новые рынки для сбыта и приобретения товаров и услуг, новые международные партнеры и т.д. Соответственно, обозначился и круг проблем, связанных с новыми требованиями. Сегодня необходимо, чтобы система подготовки экономистов-международников была направлена на формирование категории профессионалов, готовых работать в меняющихся условиях и при этом добиваться успеха. Главная цель подобных нововведений заключается в повышении конкурентоспособности и мобильности будущих молодых специалистов. Это становится требованием современных реалий жизни, когда для успешности специалиста необходимо, чтобы он много умел и все успевал, обладал не только профессиональными навыками и знаниями, но и был способен адаптироваться к быстро меняющимся условиям окружающего мира.

В отношении экономистов-международников требования особенно часто меняются и дополняются. Сегодня грамотный специалист в области международной экономики должен прекрасно ориентироваться в самом предмете изучения (экономика), свободно владеть одним или несколькими иностранными языками, уметь общаться с людьми разной культурной принадлежности, а также быть способным быстро принимать решения.

Следовательно, процесс обучения экономиста-международника должен включать в себя спектр задач по формированию и развитию у студента ряда навыков и умений, которые необходимы для эффективных межкультурных коммуникаций в рамках профессионального общения. Одним из ключевых компонентов коммуникативной компетенции в профессиональной среде является коммуникативная мобильность - особое личностное качество человека, которое заключается в умении специалиста в ходе профессионального общения быстро реагировать на нестандартные или проблемные ситуации.

На сегодняшний момент не сложилось единого мнения о том, в чем сущность коммуникативной мобильности, не утверждены однозначные и общепризнанные требования к технологиям ее создания и развития у будущих выпускников экономических вузов. Поэтому в первую очередь стоит определить набор максимально действенных инструментов формирования у студентов (будущих экономистов-международников) умений и навыков, способствующих эффективному коммуникативно-мобильному поведению.

Отметим, что выработка указанных навыков лучше всего происходит в рамках профессиональных кризисных ситуаций межкультурного взаимодействия. В процессе обучения студентов подобные ситуации можно и нужно моделировать и анализировать, применяя не только традиционные, но и инновационные, а также интерактивные методы обучения [2]. Важность последних особенно велика. Такие интерактивные методы, как деловые игры, тренинги, метод кейсов и др., безусловно, способствуют выработке у будущих экономистов-международников навыков как коммуникации в общем, так и коммуникативной мобильности в частности.

Рассмотрим подробнее ключевые виды интерактивных методов формирования у студентов навыков коммуникативной мобильности.

Один из распространенных методов - деловая игра. К примеру, в рамках деловой игры студенты могут быть разделены на нескольку групп: фирма А из России, компания В из США, фирма С из КНР, а также группа переводчиков. Моделируя в процессе деловой игры различные ситуации, например, проблемы двустороннего и трехстороннего взаимодействия, трудности общения носителей языка с теми партнерами, для которых английский язык не является родным, работая с деловыми партнерами через переводчика и без него, обсуждая различные аспекты поставок и взаиморасчетов и т.д., студенты учатся мыслить критически, быстро принимать решения, общаться - происходит

формирование целого ряда важных компетенций, а именно профессиональных и коммуникативных. К участию в деловых играх в процессе обучения студентов-экономистов можно привлекать как самих будущих специалистов, так и приглашенных экспертов, тем самым обеспечивать как возможность приобретения навыков коммуникативной мобильности, так и обмен опытом.

Следует отметить, что проведенные исследования в рассматриваемой области свидетельствуют о том, что «при межкультурном общении вероятность непонимания намного … возрастает, так как принадлежность коммуникантов к разным культурам часто нарушает их ожидания. Это вызывает негативные эмоции по отношению к партнеру-коммуниканту и всей культуре, которую тот представляет, приводит к неудаче весь процесс общения» [3, с. 147]. Соответственно, обратим внимание, что обстоятельства межкультурного общения иногда носят проблемный характер взаимодействия участников. В сфере международных экономических отношений, в том числе в бизнес-среде в целом, часто возникают ситуации, когда необходимо объяснять, доказывать или обосновывать свою точку зрения. Иногда это сложно делать даже на родном языке, так как требуется знание и понимание специальных терминов, излагаемой стратегии, позиции фирмы и т.д., умение быстро принимать решения, готовность отвечать на сложные вопросы и т.д.; в случаях международного общения перечисленные аспекты также дополняются «трудностями перевода». Как следствие, у бизнес-партнеров часто возникают проблемы с взаимопониманием, усваиванием информации, разночтениями и неверным восприятием, и это все может стать причиной профессиональных конфликтов, срывов договоренностей и разрывов деловых отношений. С целью помочь будущим специалистам в области международной экономики избежать этих распространенных ошибок имеет смысл обратиться к таким методам интерактивного взаимодействия, как тренинги и мастер-классы.

Основной из задач тренинга является переход от теории к практике. Как правило, тренер делится собственным практическим опытом с участниками группы, обучает их эффективным приемам практического взаимодействия. В обучении будущих экономистов - международников следует активно использовать такие виды тренингов, как тренинг знаний (для отработки профессиональных компетенций) и тренинг навыков (в целях практического применения полученных знаний).

В рамках использования в качестве инструмента мастер-классы в обучении происходит передача уже сложившейся технологии, опыта, умений и навыков. При отсутствии у студентов практического опыта в работе с иностранными партнерами, а также в условиях невозможности проанализировать их собственный опыт и варианты поведения в различных ситуациях, будущие экономисты остро нуждаются в реальных практических советах. Мастер-классы, организованные с участием профессиональных, практикующих экономистов-международников, помогут будущим специалистам в их профессиональном становлении. Этот метод взаимодействия позволит им увидеть в действии компетенции, необходимые для успешной профессиональной деятельности.

Также следует обратить внимание на «проблему возражений» - в любой беседе или диалоге возражения или работа с возражениями являются существенной частью коммуникации. Умение парировать обвинения и подозрения, задавать каверзные вопросы и с блеском отвечать на них, все это также является одной из задач коммуникативной мобильности. Зачастую один из собеседников теряется, когда ему задают неожиданные вопросы, а по результатам он может допустить ошибку в переговорах или пойти на уступки. Подобные ситуации нередко возникают и в общении носителей одного языка, а в ситуациях межкультурного общения вероятность их появления существенно возрастает. Соответственно, опять возникает вопрос о свободном владении языком общения, включая идиоматические выражения и фразелогизмы, а также вопрос о психологической готовности отвечать на «неудобные» вопросы и задавать их на используемом языке.

В целях формирования указанных навыков целесообразно использовать метод Сократа или Сократический диалог. Суть данного интерактивного метода состоит в том, что подразумевается постановка таких вопросов в процессе коммуникации, которые способствуют работе мышления специалиста, концентрации внимания, адекватной оценке текущей дискуссии и своей роли в ней. В идеальной форме экономисты-международники должны в совершенстве владеть данной технологией, чтобы в процессе ведения бизнес-переговоров никакие вопросы партнеров или посредников не могли поставить их в тупик. С другой стороны, данный метод способствует и формированию умения задавать в нужный момент «неудобные» вопросы, способные заставить собеседника засомневаться и пойти на уступки.

Таким образом, экономисты-международники в ходе профессионального общения со специалистами из других стран и культур должны не только отлично владеть знаниями в профессиональной среде, но и обладать безупречным знанием иностранного языка (или единого языка ведения переговоров, или родного языка собеседника), а также располагать широкими познаниями межкультурного характера. Отметим, что в случае проведения переговоров на английском языке с партнерами из разных стран коммуникативные стратегии и поведение специалиста должны различаться в зависимости от того, общается ли он с носителями английского языка или с другими иностранцами, для которых английский язык также не является родным. При этом специалист, используя английский язык, должен вести общение с такими людьми, основываясь на тех нормах этикета и правилах коммуникации, которые характерны для страны собеседника. В целях обучения таким навыкам, а также развития необходимых компетенций действенным средством являются интерактивные методы.

Подводя итоги, отметим, что коммуникативная мобильность является важным фактором для формирования качественно подготовленного экономиста-международника, а одним из действенных способов ее формирования является использование в учебном процессе различных интерактивных методов обучения. Именно такие методы представляют собою то средство, которое способствует комплексному развитию у будущих экономистов-международников ряда важнейших компетенций, в том числе и коммуникативной мобильности. Кроме того, интерактивные методы способствуют повышению активности самих студентов, развивают их творческий и практический подход к решению реальных задач, предлагаемых в рамках деловых игр, мастер-классов и тренингов. Благодаря такому под-

ходу в будущей профессиональной деятельности выпускники смогут опираться на полученный опыт, использовать приобретенные навыки и компетенции, обладая которыми, они повысят свои шансы на успех на рынке труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. СПб.: Флинта, 2002. 384 с.

2. Еримбетова, С. Использование интерактивных (диалоговых) технологий обучения в процессе творческого саморазвития личности учащихся. Ч.: Вестник высшей школы, 2003. 50 с.

3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

4. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М.: Юнити-Дана, 2003. 352 с.

5. Гейхман Л.К. Интерактивное обучение общению (Общепедагогический подход): дисс. д-ра пед. наук, Е. 2003. 426 с.

6. Гейхман, Л.К. Интерактивное обучение общению как модель межкультурной коммуникации. М.: Вестник МГУ, 2003, 147 с.

7. Добрынина, Т.Н. Педагогические условия применения интерактивных форм обучения в педагогическом вузе: дисс. канд. пед. наук, Н., 2003. 167 с.

УЧЕБНИК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ

Якушев М.В.,
кандидат педагогических наук, доцент, профессор,
кафедра немецкого языка,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: учебник, электронный учебник, учебно-методический комплекс, компоненты УМК, целостность и концептуальность, навигатор
Key words: textbook, electronic textbook, educational-methodical complex, components of EMC, integrity and conceptuality, navigator

Аннотация. Учебник рассматривается в качестве основного инструмента, комплексной информационно-процессуальной модели системы обучения.

Подчеркивается его взаимосвязь с другими компонентами УМК, которые должно объединять единство философско-педагогической и методической концепции авторов. Оставаясь ядром системы средств обучения, печатный учебник обеспечивает системное усвоение минимальных требований образовательного стандарта, в то время как остальные средства способствуют реализации принципа вариативности в выборе дополнительного материала, приемов презентации и способов его усвоения.

The textbook is considered as the main tool, a complex information-procedural model of the teaching system. Its relationship with other components of EMC, which should unite the unity of philosophical-pedagogical and methodical concept of the authors, is emphasized. Being the core of the system teaching, the textbook provides a systematic assimilation of the minimum requirements of the educational standard, while the remaining means contribute to the implementation of the principle of flexibility in the choice of additional material, techniques of presentation and ways of mastering.

Несмотря на то, что некоторые ученые (Дж.Дьюи) отрицают возможности учебника как средства обучения, поскольку он не в состоянии выразить проблемность и ситуативность обучения в конкретных условиях, теория учебника рассматривается в современной дидактике как самостоятельный раздел теории содержания образования. В.А. Канке полагает, что учебник представляет собой концептуальное образование и человек, как существо само концептуальное, просто нуждается в нем. Концепция научно-теоретического ряда и методологические преференции способствуют концептуальному отбору материала, его структурированию. В данном контексте учебник, упорядочивая знания, систематизируя их, выступает, по мнению философа, в роли навигатора, «центра концентрации знаний» и не имеет в мире знаний альтернативы [5, с. 46].

Исследователи сходятся во мнении, что современный учебник становится своеобразным посредником между двумя системами – учителем и учащимся и характеризуют его как многомерную, многоаспектную, многофункциональную комплексную информационную модель, имеющую системные признаки и разветвленную структуру. Очевидно, что данные параметры и отличают учебник от других видов учебной литературы.

Сложная архитектоника учебника и его многофункциональность привели к тому, что он используется, как правило, в комплексе с другими средствами обучения: рабочими тетрадями, справочниками, таблицами, методическими рекомендациями и т.д. В системе стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу учебник традиционно классифицируется как официально утвержденное учебное издание, содержащее систематическое изложение учебной дисциплины, соответствующее учебной программе. В Письме Минобразования РФ от 23.09.2002 № 27-55-570/12 «О терминах «учебник» и «учебное пособие» дополнительно указывается, что содержание учебника должно удовлетворять требованиям государственного образовательного стандарта в области федеральной компоненты и полностью раскрывать примерную программу по конкретной дисциплине. Учебник, как правило, создается на базе апробированного пособия, которое, в свою очередь, может охватывать не всю дисциплину, а лишь часть (несколько разделов) примерной программы. В отличие от учебника пособие может включать не только апробированные, общепризнанные знания и положения, но и разные мнения по той или иной проблеме.

Развитие издательского дела и появление разноплановой учебной литературы повлекли за собой внесение соответствующих поправок. Так, в Межгосударственном стандарте «ГОСТ 7.60-2003 «СИБИД. Издания. Основные виды. Термины и определения» [3], введенном в действие в качестве национального стандарта Российской Федерации с 1июля 2004 г., расширяется перечень учебных изданий. Дополнительно к учебнику и учебному пособию приводятся новые дефиниции:

рабочая тетрадь - учебное пособие, имеющее особый дидактический аппарат, способствующий самостоятельной работе учащегося над освоением учебного предмета.

учебный комплект - набор учебных изданий, предназначенный для определенной ступени обучения и включающий учебник, учебное пособие, рабочую тетрадь, справочное издание.

Кроме того, разделяется два вида изданий:

печатное издание - издание, полученное печатанием или тиснением, полиграфически самостоятельно оформленное;

электронное издание - издание, для использования которого необходимы средства вычислительной техники.

Для определения места учебника в современном образовательном процессе необходимо, на наш взгляд, прояснить:

1. Суть терминологических споров в отношении аббревиатуры УМК.

2. Характер отношений между учебником и остальными компонентами УМК.

3. Перспективы развития электронных изданий.

К определению УМК

В своей монографии В.П. Журавлев [4], исследуя вопросы преображения количественного состава и качественного наполнения УМК, подчеркивает, что идея писать методическое руководство учебной деятельностью принадлежит российскому педагогу и литератору М.Б.Чистякову, создавшему к «Курсу истории словесности» «Практическое руководство к постепенному упражнению в сочинении» (1847 год). В 1840-е годы историк русской литературы А.Д.Галахов создает систему учебно-методических пособий по литературе в виде хрестоматий и справочника-практикума. Уже в то время дидакты понимали, что для всестороннего обеспечения учебного процесса одного учебника недостаточно. Так появляется учебный комплекс, расширяющий возможности учебника и насыщающий его дополнительной информацией и разнообразными заданиями, знакомящими с приемами познавательной деятельности в виде практикумов, сборников задач, хрестоматий, справочников, таблиц и т.п.

Идею комплексности учебника, пожалуй, впервые выдвигает В.Н.Шульгин в 20-х годах прошлого века. Говоря о необходимости создания выверенной учебной литературы, педагог не признает блочный характер учебной книги, когда по каждой теме создается отдельная папка учебных материалов, составляющих в совокупности учебный курс. «Нельзя рассыпать и случайно соединить странички внутри каждого комплекса-книги. – пишет В.Н.Шульгин, - Здесь они должны быть подчинены строгой логике плана. .. между ними должно быть внутреннее единство, методическое и программное единство» [10, с. 8].

Отечественные педагоги Ю.К. Бабанский и Д.Д. Зуев призвали в свое время скоординировать и превратить вспомогательные средства в поликомпонентную учебно-методическую систему. Учебно-методический комплекс (УМК) понимается ими как открытая многоуровневая система, где учебник – ядро, объединяющее все остальные компоненты, позволяющие индивидуализировать, дифференцировать, мотивировать процесс усвоения знаний, организовать самостоятельную работу. Первоначальное разделение понятий «учебный комплекс» и «учебно-методический комплекс» было связано с обращенностью к субъектам образовательного процесса, где первый - нацелен преимущественно на обучающегося, а второй – на обучающего.

В методике обучения иностранным языкам наибольшее распространение получили термины: «учебно-методический комплекс», «учебно-методический комплект», «предметно-методическая линия», «серия учебников». Их трактовка нередко вызывает разночтения, что может вызвать разногласия в функциональном назначении и системности использования основных средств обучения.

Аббревиатура УМК появляется в 70-е годы прошлого века. В соответствии с имеющимися представлениями, учебный комплекс изначально трактовался как система дидактических средств в обучении конкретному предмету. Эта многокомпонентная и многоуровневая система учебных пособий дополняла учебник как определяющий и координирующий центр. Дальнейшее развитие системы средств обучения привело к созданию на рубеже XX–XXI вв. учебно-методических комплектов. Определяющим становится создание системы средств, объединенных общей методической концепцией для обучения конкретному предмету в определенном классе. В настоящее время учебно-методические комплекты составляют предметно-методические линии (ПМЛ), называемые в зарубежной методике чаще «серия учебников». Преемственность учебного материала и возможность успешного продолжения изучения языка на следующем уровне является, по мнению Е.Б. Александровской и Н.В. Лосевой [1], важнейшей характеристикой ПМЛ и может быть реализована с помощью системной подачи материала в виде его концентрического представления. Преемственность материала и единство структуры должна обеспечить концептуальная общность методологических подходов и методических принципов. Отличительной чертой такой линии является, по замечанию В.П.Журавлева, взаимосвязь этапов обучения и наличие авторских альтернативных программ, к которым и создаются учебники, которые, тем не менее, остаются «ядром, центром притяжения для дополнительных учебных пособий» [4, с. 76].

Таким образом, ПМЛ представляет собой совокупность УМК, построенных на едином подходе к определению целей обучения и принципам отбора содержания учебного материала, поэтому объектом внимания закономерно становится, как правило, УМК для определенного класса (этапа) обучения.

Приведенные точки зрения имеют право на существование. Мы склонны расшифровывать аббревиатуру УМК как учебно-методический комплекс, поскольку в нашем представлении именно комплекс обеспечивает единство и системность, преемственность компонентов, тогда как комплект обозначает лишь некий набор, перечень, степень укомплектованности. Очевидно, что аббревиатура УМК подразумевает следующие признаки: системность, многоуровневость, многокомпонентность, полифункциональность и взаимодополняемость, единство философско-педагогической и методической концепции авторов. Кстати, разработчики нового УМК по истории, чей подход к созданию учебников может стать ориентиром для авторов учебников по другим предметам, используют именно термин «комплекс».

Состав УМК и место учебника

Современный УМК отличает его комплексный характер, внутреннее методическое и программное единство. На сегодняшний день наиболее распространены две точки зрения относительно взаимосвязи учебника и других компонентов УМК. Согласно первой из них – учебник представляет собой ядро системы обучения.

Характеризуя учебную книгу как сложное социокультурное явление, которое отличает двуединая педагогическая сущность – учебник как источник знаний и как средство обучения, В.П.Журавлев указывает на главенствующую роль учебника в многокомпонентной системе средств обучения, обогащающей его развивающим дополнительным материалом и образующей в совокупности «информационную образовательную среду». Вместе с тем, исследователь отмечает, что проблема УМК научно не разработана и необоснованна, в дидактике отсутствуют единые дефиниции понятий, не определены сам состав УМК и функции входящих в него компонентов. Именно поэтому «Иерархические отношения в

системе видов учебных средств неравноправны: учебник, осуществляя координирующую функцию, превращает совокупность компонентов учебно-методического комплекса (а позднее и учебно-методического комплекта) в систему дидактических средств. Таким образом, - пишет исследователь, - учебник обеспечивает себе центральное, определяющее, главное место в созданной системе. Стало быть, все остальные компоненты системы (хрестоматии, практикумы, справочники и т. д.) выполняют свою важную, самостоятельную, незаменяемую другими учебными средствами функцию, но все же подчиненную, дополнительную по отношению к учебнику» [4, с. 82].

Аналогичной точки зрения придерживаются Е.Б. Александровская и Н.В. Лосева. Исследователи приходят к заключению, что учебный процесс и поныне можно считать «учебникоцентричным», поскольку именно учебник является носителем содержания обучения, языковой нормы, страноведческой информации. Авторы концепции учебника французского языка отмечают, что «учебник сегодня необходим как организующий и структурирующий элемент программы, как ориентир, задающий основные методические принципы и направления работы и позволяющий оценить динамику продвижения учащихся» [1, с. 59].

Представители второго направления не склонны отделять учебник от других компонентов УМК. Учебник не является для них единственным и всеобъемлющим средством обучения. Появление учебно-методических комплексов и комплектов, предметно-методических линий обусловлено, прежде всего, тем, что учебный комплекс, обладая большей дидактической вариативностью, направлен на обеспечение определенной свободы, как преподавателя, так и обучающихся в выборе действий, способов усвоения, самоорганизации, способствуя, тем самым, максимальному учету индивидуальных особенностей памяти, восприятия, мышления и т.д. Не случайно в большинстве работ, посвященных основам создания учебника, отдельно рассматривается его связь с другими средствами обучения.

Вместе с тем, не следует забывать слова Н.И.Кареева о том, что отсутствие гибкости становится, как правило, важнейшим недостатком учебников, погруженных в «царство рутины», на которое его обрекают регламентированность обильных примерных программ и объяснительных записок, а задача учителя видится в разъяснении и дополнении учебника, принуждении учеников к умственным операциям [6]. Успешный учебник, согласно педагогу, должны отличать возможности комбинирования и пересмотра последовательности изложения, творческий и вдумчивый подход к организации учебного процесса, демонстрации взаимоотношений и связей различных явлений. «Принцип подвижности отдельных частей учебника» становится, по сути, первым упоминанием о концентрической организации материала, связи учебного материала по горизонтали и возвращение к нему на более высоком уровне при изучении последующих явлений.

О значении и роли УМК И.Ю. Низовая высказывается следующим образом: «Учебник выполняет в полной мере свои функции, если он сопровождается пакетом учебно-программных изданий (программы, учебно-методические планы), учебно-практических изданий (практикумы, сборники упражнений, рабочие тетради, хрестоматии, сборники тестов), учебно-справочных изданий (словари, справочники, наглядные пособия), наглядные материалы (видеофильмы, слайды, карты, таблицы) и др.» [9, с. 16].

Несомненно, современный УМК по иностранным языкам может включать в себя разнообразные средства обучения, а многокомпонентность его состава, целесообразность и оптимальность их использования считается важным критерием анализа учебника. В проведенном нами анализе некоторых УМК мы попытались проследить, насколько полно привлекаются авторами имеющиеся в их распоряжении средства обучения [11]. Результаты показали, что аутентичные УМК значительно шире используют обучающие возможности всех средств обучения. Авторы отечественных УМК ограничиваются выпуском наиболее необходимых компонентов: учебника, книги для учителя, рабочей тетради и книги для чтения. Такое положение дел связано, по-видимому, не только с трудоемкостью создания комплекса качественных пособий, но и с дороговизной изданий и низкой покупательской способностью субъектов образовательного процесса. Обязательным компонентом УМК следует все же признать книгу для учителя, показывающую механизм работы с учебником.

В этой связи представляет интерес замечание Г. Нойнера: «Для меня введение нового учебника возможно только в том случае, если к нему прилагается книга для учителя» [12, с. 88]. Распространено утверждение о том, что книга для учителя должна давать не только примерный план урока, но и альтернативные варианты его проведения, советы по работе с сильными / слабыми учащимися, дополнительными материалами. Работать без книги для учителя крайне трудно, так как она раскрывает замысел авторов, а если «учитель по-иному интерпретирует цели, содержание и методы обучения, чем это предусматривает учебник, то противоречия внутри реального педагогического процесса еще более обостряются» [2, с. 277]. Развивая свою позицию в дальнейших работах, И.Л.Бим говорит о том, что всем особенностям обучения ИЯ надлежит найти свое отражение в УМК, который должен состоять как минимум из учебника, рабочей тетради на печатной основе, книги для чтения, звукозаписей, книги для учителя.

Итак, большинство исследователей рассматривает учебник как компонент УМК, а оценка имеющихся средств обучения является составной частью каталогов критериев. Отлично понимая взаимосвязь всех средств обучения и необходимость их использования, в данном исследовании мы уделим основное внимание учебнику как компоненту, представляющему собой модель реализации системы обучения, ведущему средству стимулирования образовательной деятельности, для которого характерно ясно выраженная авторская методическая концепция, ощущение «присутствия автора учебника», обращенность к ученику, постановка задач и подведение итогов, демонстрация прогресса в обучении.

Авторы концепции нового учебника истории отмечают, что учебник должен стать «навигатором» в информационном пространстве, стимулировать учащихся к получению новых знаний из других источников, демонстрировать и способствовать овладению исследовательскими приемами, развивать критическое мышление, способность к сопоставлению, анализу и интерпретации.

В современных условиях масштабного пересмотра основных положений образовательной системы и инновационных процессов учебник «представляет собой основной комплекс материалов для достижения программных образовательных целей по учебной дисциплине, успешного решения учебно-воспитательных задач через активизацию учения средствами выбранного метода обучения, формирования предметной компетентности у учащихся, интерактивной организации учебного процесса, развития адекватной самооценки школьников, их культурного и нравственного созревания, интеллектуального и личностного роста и, в целом, создания благоприятных возможностей для учебных достижений» [8, с. 12]. Мы приводим полную цитату Р.П.Мильруда в силу следующих обстоятельств. Во-первых, это одно из последних и наиболее полных определений учебника. Во-вторых, оно позволяет иметь в виду весь УМК, когда мы говорим об учебнике, дизайн которого в виде учебно-методического комплекса, по мнению ученого, давно уже стал привычным. Данное определение наделяет также учебник решением не только предметных задач, но и глобальных целей образования. Не менее важным является, наконец, ссылка на то, что учебник может предлагать достижение целей разными методами и средствами, но его отличают предметное содержание, соответствующее стандартам и примерной программе.

Если принять во внимание высказывание В.А.Канке о том, что миссия образования «состоит в его интегративной роли, оно должно обеспечить целостность общества в условиях, когда оно разделено на сильно различающиеся в концептуальном отношении регионы» [5, с. 63], то можно с уверенностью утверждать, что основная задача УМК заключается в обеспечении вариативности образования и ориентации на разнообразие возможностей и потребностей учителя и обучающихся.

Взаимоотношения автор – читатель изначально определяют адресат, направленность учебника. Поэтому в УМК необходимо заложить максимальные возможности индивидуализации и дифференциации, активизации обучающихся, актуализации, интересности и занимательности, выразительности содержания, полезности (прагматичности) знаний. Проблематизация материала и способов его изложения, квазидиалоговый характер текстов, ориентированных на воображаемого собеседника будут способствовать реализации сформулированных положений.

Мы придерживаемся точки зрения В.А.Канке, согласно которой учебник является концептуальной основой используемых преподавателем методов, методической базой его деятельности. Но эта основа должна быть максимально точно и ясно сформулирована, отчетливо представлена методология, авторская метапозиция.

Электронный учебник

Новая полоса изысканий в области компонентного состава УМК представлена исследованиями, посвященными определению роли и места электронного учебника в образовательном процессе. Отличительной особенностью системы образования в информационном обществе, пришедшему на смену индустриальному, является ее нацеленность на формирование способности и готовности личности к обучению на протяжении всей жизни. Развитие ИКТ расширяет доступ к возможностям образования, способно повысить его качество за счет передовых методов преподавания и повышения конкурентоспособности рынка образовательных услуг и эффективности управления.

В ответ на сформулированный запрос разработчики нового УМК по истории характеризуют весь комплекс как средство, обеспечивающее информационное пространство и познавательную модель, помогающую найти ответы на вопросы мировоззренческого характера: «В значительно расширившемся информационном пространстве школьных курсов учебник истории в его традиционной форме может и должен сохранять свою образовательную миссию. Тем не менее, роль учебника приобретает новые черты и особенности. Учебник должен не только давать информацию и предлагать интерпретации, но и побуждать школьников самостоятельно рассуждать, анализировать исторические тексты, делать выводы и т. д.» [7].

В работах последних лет исследователи регулярно обращаются к проблеме создания и использования электронных учебников, характеризуют их достоинства и недостатки. Все же, многие авторы рассматривают электронный учебник вне отрыва от печатного и общей теории учебника Отмечается, что в ближайшей перспективе компьютерное сопровождение (видео, тренажеры, фильмы) может стать лишь частью учебника, дополняющей его, реализующей вариативность, индивидуализацию и самостоятельность обучающихся. В целом электронный учебник (компьютерный курс) по иностранным языкам, так же как и печатное издание, по мнению И.Ю.Низовой - часть методической системы, отражающая: особенности учебного процесса, цели обучения, особенности изучаемого языка, стратегию учебных действий, психологию усвоения/обучения. Основу такого курса, как и прежде, составляют «учебные тексты и действия над ними в виде инструкций к упражнениям и заданиям, выполняемые на текстовом материале, с целью формирования языковых, речевых и коммуникативных умений» [9, с. 72].

Таким образом, исследователи единодушны во мнении, что создание электронного учебника проходит те же этапы и включает в себя все характеристики печатного издания, дополняя его специфическими функциями. Электронный учебник можно отнести скорее к новому виду, но не типу учебного издания, поскольку мы не обнаруживаем пока типологических характеристик и принципиальных отличий в отборе и презентации материала, методах и способах его организации и усвоения. Разнообразные приемы, формы и виды работы, предлагаемые ИКТ, расширяют методический репертуар, но не могут составить методологическую основу концепции электронного учебника, которая бы свидетельствовала о его специфичности.

Завершить дискуссию можно мыслью В.А.Канке о том, что споры о верховенстве (приоритетности, доминировании) печатного или электронного издания следует прекратить, поскольку, так или иначе, концептуальная матрица задается традиционным учебником, составляющим «сердцевину образовательного комплекса», а «основное достоинство текстового учебника состоит в его ярком концептуальном содержании», которое не могут пока выразительно представить в мультимедиаформах [5, с. 75].

Формулируя свое отношение к вопросу о месте и роли учебника иностранного языка в системе средств обучения, обозначим следующие позиции:

1. Учебник как центральное звено и ядро системы средств обучения является системообразующим компонентом и должен носить целостный, самостоятельный и завершенный характер. Авторы учебной литературы должны понимать, что учебник выступает в роли основного инструмента, обеспечивающего усвоение зафиксированного в стандарте содержания образования, сам по себе должен представлять собой систему, минимальную, но достаточную не только для овладения материалом примерной программы по дисциплине, но и для достижения метапредметных и личностных результатов образования в средней школе, формирования всей системы универсальных учебных действий.

2. Все компоненты УМК должны дополнять учебник и создаваться с учетом принципов единой методической концептуальности и преемственности, вариативности и открытости, обеспечивающих избирательность субъектов образовательного процесса, определенную свободу выбора их использования, стимулировать творческую и автономную деятельность обучающихся. Введение дополнительных средств обучения не должно перегружать учебный процесс, а их использование не должно сказываться на полноте и системности усвоения. Другими словами, невозможность использования того или иного компонента УМК в силу разного рода обстоятельств не должно оказаться помехой в усвоении программного содержания. В этом смысле при создании УМК следует руководствоваться принципом избыточности, дополнительности. Некоторые компоненты УМК могут быть интегрированы в учебник, но не должны делать его зависимым от их использования.

3. Разработки, посвященные электронным ресурсам, основаны на положениях, сформулированных относительно традиционного учебника. Электронный учебник можно рассматривать на современном этапе как дополнительное издание, способное предложить некоторые эффективные и разнообразные пути презентации и отработки материала. Существующие электронные ресурсы пока не обладают концептуальностью, свойственной печатным учебникам и потому пока не в силах полностью их заменить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Александровская Е.Б., Лосева Н.В. Концепция нового курса французского языка // Иностранные языки в школе. 2013. № 7. С. 59-62.

2. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М., Рус.яз., 1977. 288 с.

3. ГОСТ 7.60-2003 «СИБИД. Издания. Основные виды. Термины и определения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/42/42116/index.php (дата обращения 10.04.2014)

4. Журавлёв В.П. От азбуки до учебно-методического комплекта (к истории создания учебно-методических комплектов по литературе для общеобразовательной школы): Монография. М.: МПГУ, 2011.136 с.

5. Канке В.А. Философия учебника: монография. М.: Университетская книга, 2007. 118 с.

6. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. Санкт-Петербург: Русская школа, 1900. 80 с.

7. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/kontsieptsiia-novogho-uchiebno-mietodichieskogho-komplieksa-po-otiechiestviennoi-istorii (дата обращения 26.01.2014).

8. Мильруд Р.П. Учебник иностранного языка: синергетика жанра или энергетика автора? // Иностранные языки в школе. 2005. № 8. С. 12-18.

9. Низовая И.Ю. Теория и практика создания электронного учебника по русскому языку как иностранному: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 193 с.

10. Шульгин В.Н. О новом учебнике. М.: Работник просвещения, 1928. 32 с.

11. Якушев М.В. Концептуальные основы оценки качества учебника иностранного языка. Монография. Орел, ОГУ, 2009. 166 с.

12. Duszenko M. Lehrwerkanalyse. Fernstudieneinheit XX. Erprobungsfassung. Berlin, München, Leipzig, Wien, Zürich, New Jork: Langenscheidt, 1994. 216 S.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЭССЕ: ИНВАРИАНТ И МОДИФИКАЦИИ

Бузальская Е.В.,
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра РКИ и методики его преподавания,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: речевой жанр, концепт, модус, диктум, модальность
Key words: speech genre, concept, modus, dictum, modality

Аннотация. Статья посвящена описанию поля вариативности речевого жанра эссе – ядра (основных критериев базового канона) и периферии (вариантов реализации жанра). Пропозиция жанра объединяет в себе параметры диктума и модуса, следствием их характеристик становятся сигнификативное и денотативное значения жанра которые, в свою очередь определяют сферы рефлексии автора эссе (стилевую детерминацию жанра). Субстанциональный уровень реализации пропозиции (референты и концепты) характеризует тематическую диффузность жанра.

The article is devoted to the description of the variability of the speech genre of the essay: to identify the main criteria of the image of the genre and its variants. The proposition of the genre combines the parameters of the dictum and modus, a consequence of their characteristics become signification m and denotation values of the genre, which define the sphere of reflection of the author (stylistic determination of the genre). Substantial level of the proposition (referents and concepts) describes thematic diffusion of the genre.

В эпоху вступления человечества в информативное общество личные записи авторефлексивного характера получают статус общественно значимых в публицистике, философии и литературе, проникая таким образом в разные стили речи. Человечество в настоящее время все более нуждается в субъективно интерпретированной информации, поскольку объективные факты развивают цивилизацию, но не влияют на её культуру. В связи этим в последние 20 лет наблюдается резкий рост роли эссеистики в публицистической, научной и художественной литературе.

Почти все исследователи, занимавшиеся поисками источника возникновения жанра эссе, отмечают, что он в большей степени нацелен не на передачу информации, а на субъективную интерпретацию фактов, осуществляемую при наличии автора-проводника, поскольку «подлинный, хотя не всегда явленный его предмет, стоящий в именительном падеже, - это сам автор, который в принципе не может раскрыть себя завершённо, ибо по авторской сути своей незавершим» [Эпштейн 1987:124]. В связи с этим жанр эссе «генетически связан с проповедями» [Березкина 1984: 8] (отсюда его назидательность), с философскими и религиозными трактатами (ориентированность на рассуждение), с мемуарами и исповедью (умозрительность авторской рефлексии, использование методов самоанализа). Тематика эссе не имеет ограничений, предметом рефлексии может стать любой объект, предмет, явление как окружающей, так и фикциональной действительности (фантазии, фантастика, фильмы, сказки и пр.). Форма эссе также произвольна: эссе может существовать в форме статьи, письма, романа, записок, очерка и т.д. Эссе не принадлежит к жанрам с жёсткой структурной организацией, может быть выполнено как художественное, публицистическое, научно-публицистическое произведение, и даже как официально-деловой документ (эссе в форме резюме).

В связи со всем этим попытка рассмотреть на его примере полевую структуру сложного речевого жанра представляется наиболее продуктивной.

Полевая структура, как известно, имеет неизменное ядро (инвариант, обязательные характеристики) и периферию (модификации, зону вариативности). В лингвистике, применительно к предложению, инвариантные характеристики формируют диктум. Модифицирующим началом диктумного основания принято считать модус, под которым понимают «все многочисленные аспекты семантики – эмотивность, модальность, референциальность и т.п. высказывания, которые так или иначе связаны с возможными формальными преобразованиями предложения и способами его использования, не нарушающими его пропозициональное значение» [Зеленщиков 2010: 91]. Представляется логичным перенести данное деление общего содержания лингвистического объекта на 1) диктумное и 2) модусное основания на речевой жанр, с поправкой на специфику его природы.

1. Диктумное основание речевого жанра формирует инвариант речевого жанра - обобщённую редуцированную структуру коллективного сознания, ограничивающую диапазон функциональной вариативности жанра. Для речевого жанра эссе диктальными характеристиками являются: 1) обязательная референциальная связь с фактами объективной реальности; 2) которые подвергаются авторскому субъективному анализу; 3) реализованному в разговорном стиле.

А.Д. Шмелев, разрабатывая теорию референции предложения, пишет о том, что необходимо различать референ-

цию дескриптивную и индексальную. Первая характеризуется там, что дескрипитивня именная группа «не содержит в своём составе местоименных референциальных показателей» [Шмелев 2002: 31], во второй именной группе «тип референции предопределён типом местоименного референциального показателя» [Шмелев 2002:32]. Перенося эти термины в поле характеризации жанра, можно предположить, что дескриптивная референция будет характеризовать те варианты жанра, которые возникли на основе непосредственных наблюдений автора; индексальная референция – на основе вторичных, более сложных наблюдений и рассуждений автора, отсылающие адресата к кодированным вербально фактам культуры, (архитектура, скульптура, музыка и др. способы передачи своего видения мира в этом случае будут приравниваться к фактам реального мира) – т. е. к предшествующим текстам и именам. Так, например, эссе о дереве в парке будет иметь дескриптивный референт, тогда как эссе о творчестве писателя – индексальный (если только автор этого эссе не сам этот писатель, для которого его творчество - жизнь его души - дескриптивно).

В сознании носителя языка референтная соотнесенность представлена сетью ментальных пространств, которые Жиль Фоконье определял как упорядоченные множества, открытые для пополнения их новыми элементами и отношениями [Fauconnier 1994: 16]. Это своего рода конструкции, модели ситуаций, формирующие когнитивную основу представлений о мире [Lakoff 1987: 281]. В лингвистике ментальным пространствам соответствует понятие денотативное пространство, понимаемое как «фрагмент внеязыковой действительности, которому принадлежит референт некоторого языкового выражения» [Шмелев 1988: 65]. Применительно к речевому жанру, соответственно, денотативное пространство представляется возможным трактовать как принадлежность жанра к определённой сфере человеческой деятельности, ограниченной набором ситуаций, детерминированных предметными областями этой деятельности (экономикой, политикой, математикой и др.).

Именно на этом параметре традиционно строятся попытки создать общую типологию речевых жанров. Все они оказываются частичными, не охватывающими всей сети, что объясняется неограниченным количеством сфер человеческой деятельности. В то же время основание типологии можно возвести к диктуму, в котором ментальные поля соединены в системы мировидения – Картины мира. Типология речевых жанров дедуктивным методом – исходя из их принадлежности к определённой Картине мира - представляется более верной для описания группы объектов, количество которых является непостоянной величиной.

Поскольку существует лишь три способа познания мира – мифологический (магический), научный (рациональный) и религиозный (интуитивно-профетический), представляется возможным говорить о том, что базовых Картин мира также три: Мифологическая картина мира, Научная и Религиозная. Выделяемые исследователями Наивная и Художественная картины мира – интегративные образования, включающие в себя результаты «наработок» трёх базовых Картин мира. В связи с этим речевые жанры, возникшие в Наивной и Художественной картинах мира, стилистически потенциально переходны. Принадлежащие к трём исходным Картинам мира речевые жанры не обладают стилистической вариативностью, они жёстко тематически фиксированы и, как правило имеют столь же жёсткую структуру.

Таким образом, уровни реализации инварианта речевого жанра можно обобщить в следующей таблице (табл. 1).

Табл. 1. Уровни реализации инварианта речевого жанра и их функциональное назначение

Уровень реализации пропозиции речевого жанра	Значение данной категории
Диктум	Принадлежность речевого жанра к определённой системе мировидения
Денотативное поле	Тематическая вариативность, связанная с принадлежностью темы к определённой сфере человеческой деятельности и, как следствие, стилевая принадлежность речевого жанра
Референтная соотнесённость	Соотнесённость речевого произведения с объектами реального мира, имеющими как индексальную, так и дескриптивную природу.

2. Вторым компонентом описания речевого жанра является модус. Модус речевого жанра включает в себя несколько параметров существования жанра: модальность, субъект модальности, сигнификат речевого жанра.

Общая модальность которая, применительно к высказыванию, является отношением этого высказывания или предложения к реальности [Виноградов 1986: 80], может интерпретироваться применительно к речевому жанру как отношение речевого жанра к монолатеральному (de dicto) или билатеральному (de re) мирам. Иными словами, общая модальность речевого жанра основана прежде всего на его принадлежности к монолатеральному миру – если исходит из дескрипции реально существующей референтной ситуации; или билатеральному, если движение описания ситуации исходит из концептуальной области. Для речевого жанра эссе, в силу его ориентации на умозрительные построения, актуальна модальность de re, так как автор чаще всего пишет о потенциальной возможности, об одном из способов трактовки, об интерпретации, не претендуя на то, что это доказываемое им истинно и для других контекстов.

Модус речевого жанра включает в себя учёт стратегической вариативности жанра. Данная целевая направленность реализации авторской интенции формирует «модусное авторское начало» [Копытов 2007: 153]. Известно, что читатель, в процессе восприятия текста становится соавтором произведения, в связи с этим представляется возможным для обозначения продуцирующего смыслы субъекта (автора и читателя) использовать понятие модальный субъект.

Модальный субъект может быть монреферентным (как в дневниковых записях, когда автор и адресат одно и то же лицо) и полиреферентным. Полиреферентность видится также неоднородной: автор может обращаться к определённой группе лиц (ограниченная профессиональными, возрастными, гендерными, национальными и др. характеристиками полиреферентность), или к массовому читателю (неограниченная полиреферентность) как, например, в публицистических текстах. Таким образом, выбор веду-

щей стратегии подачи информации уточняет тип субъекта модальности. Например, в ситуации скрытой полемики (модальность убеждения) автор становится пропонентом («субъектом точки зрения»), его адресатами могут быть оппонент («субъект иной точки зрения») и\или объект убеждения (читатель или слушатель, которого убеждают в правильности той или иной точки зрения) [Тань Аошуан 1988: 170-171].

В результате субъективной переработки информации о денотате, полученной из окружающего мира, в поле модуса формируется сигнификат – «образ-прототип, <…> независимый от языка ментальный комплекс,<…> интегральный образ, имеющий относительно самостоятельное существование в общей концептуальной системе субъекта» [Зеленщиков 2014: 161]. Применительно к речевому жанру, сигнификат представляет собой образ-прототип структурной организации текста. При этом речевые жанры, обладающие стилистической переходностью, могут иметь несколько форм организации, так, эссе может быть формлено как письмо, дневниковые записи, статья, доклад, путевые заметки, личные записи, и т.п.

В связи с этим форма реализации речевого жанра влияет на его структуру неодинаково: для стилистически непереходных речевых жанров форма диктует структуру, тогда как для жанров, обладающих переходностью, функцию определения субъективного содержания речевого жанра берет на себя ведущий жанровый концепт. Информацию об уровнях реализации модуса речевого жанра можно обобщить в следующей таблице (табл. 2).

Табл. 2. Уровни реализации модуса речевого жанра и их функциональное назначение

Уровень реализации модуса речевого жанра	Значение данной категории
Модус	Определение модальности, субъекта модальности стратегической установки речевого жанра
Сигнификативное поле	Формальная вариативность речевого жанра (канон оформления)
Концептуальная соотнесённость	Структурная организация текста

Общие параметры описания содержания речевого жанра – его диктумное и модусное начала - также могут быть формализованы в таблице (табл.3).

Табл.3. Содержание речевого жанра

Когнитивный аспект	Модус	Диктум
Семантический аспект	Сигнификат	Денотат
Субстанциональный аспект	Концепт	Референт

Согласно этой модели поле вариативности речевого жанра эссе можно описать следующим образом.

Эссе принадлежит к Наивной картине мира, ментальных пространств три: публицистическое, художественное и научно-публицистическое (академическое и официально-деловое эссе могут быть признаны принадлежащими к этому жанру лишь условно, поскольку удовлетворяют не всем характеристикам инварианта). Вследствие этого эссе имеет три глобальных стратегии реализации жанра, это: а) убеждение; б) трансляция авторского восприятия фрагмента Картины Мира; в) интерпретация информации. По степени воздействия на собеседника убеждение – самая сильная, а интерпретация – слабая стратегия. В то же время, по степени влияния (не логическая, а иррациональная, эстетическая интервенция автора в сознание читателя) самой яркой является трансляция авторского восприятия фрагмента, самой слабой стратегией – убеждение. Для эссе характерен модус de re; модальный субъект – полиреферентный, ориентированный на массового читателя. Модификациями пропозиции жанраявляются субжанры, которые представляют собой конкретизацию общей стратегической жанровой установки жанра по отношению к определённому денотатному пространству (сфере человеческой деятельности) и референтной соотнесённости (выбору между индексальными и дескриптивными референтами).

Каждое из ментальных и производных от них денотатных пространств можно описать при помощи трёх типов концепта: гештальта, фрейма и сценария. Соответственно, структура конкретной реализации жанра, принадлежащего к одному ментальному пространству, будет иметь три варианта. Поскольку эссе принадлежит не к одному, а к трём пространствам, диапазон вариативности этого жанра ограничен девятью типами структуры. Данные характеристики скреплены формой реализации жанра. Сигнификативное значение речевого жанра эссе включает в себя формы доклада, статьи, письма, романа, дневниковых записей, заметок путешественника, очерка, стихотворения и т.д.

Таковым, согласно параметрам описания речевого жанра как лингвистического объекта, в общих чертах представляется поле вариативности жанра эссе, инвариантные и модификационные установки его канона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эпштейн М. Н. Законы свободного жанра// Вопросы литературы, 1987, №7.— с.135-145
2. Березкина В. И. Проблема типологии стилевого развития эссе как речевого жанра// Прагматика и типология коммуникативных единиц языка: Сб. Науч. тр. Днепропетровск: ДГУ, 1989. - с.6-11
3. Дмитровский А. Л. Жанр эссе: очерк теории жанра – Орел: ОГУ, 2006
4. Касевич В. Б.., Храковский В. С. От пропозиции к семантике предложения. — Типология конструкций с предикатными актантами. Под ред. В. С. Храковского. Л., 1985.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986
6. Russell B. Logic and knowledge. London, 1956.
7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений\ отв. ред. Успенский В. А. Изд. 5-е испр, - М.: Издательство ЛКИ, 2008
8. Platts M. Ways of meaning: an introduction to a philosophy of language. London: Routlege and Keagan Paul. 1979.
9. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

10. Апресян Ю. Д. Деиксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. – Семиотика и информаика. Вып. 28, Москва, 1986.

11. Шмелева Т. В. Текст сквозь призму метафоры тканья// Вопросы стилистики, Саратов – 1998

12. Шмелева Т. В. Тривиальность и имидж автора// Я и другой в пространстве текста. Пермь-Любляна. – 2007

13. Копытов О. Н. Образ автора и модусное авторское начало: перспективы развития понятий// Я и другой в пространстве текста. Пермь-Любляна. – 2007

14. Fauconnier, G. 1994. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press.

15. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. – Chicago: The University of Chicago Pressб 1987.

16. Манерко Л. А. Основы концептуального интегрирования ментальных пространств/ Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Сб. науч. тр. Рязань 2002 под ред. Л. А. Манерко; Ряз. Гос. Пед. университет имени С. А. Есенина - с. 17-29

17. Тань Аошуан Неявная пропозициональная установка в контексте полемики (на материале китайского языка)// Референция и проблемы текстообразования (сб. науч. трудов) отв. ред. Н. Д. Арутюнова М.: Наука.- 1988 – с169-190.

18. Шмелев А. Д. Проблема выбора релевантного денотативного пространства и типы миропорождающих операторов// Референция и проблемы текстообразования (сборник науч. трудов) / от вред Н.Д. Арутюнова 1988- М.: «Наука». - с.64-80.

СКРЫТЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ*

Гордиевская М.Л.,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра сопоставительного изучения языков,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ключевые слова: скрытая семантическая категория, криптотип, словоизменительная семантическая категория, информативная семантическая категория, коммуникативная семантическая категория
Key words: hidden semantic categories, cryptotype, informative and communicative semantic categories

Аннотация. В данной статье поднимается проблема необходимости системного описания скрытых семантических категорий (криптотипов) русского языка. Под скрытыми семантическими категориями понимаются такие регулярные оппозиционные значения в языке, которые не обладают специальным грамматическим показателем, но выражаются при помощи синтаксической трансформации (например, активность/инертность, версия и др.). В статье предлагаются подходы к выявлению семантических категорий, управляющих маргинальными тенденциями в синтаксисе. Выделяются информативные и коммуникативные семантические категории.

The article deals with the urgent necessity of description of hidden semantic categories (cryptotypes) as a system in the Russian language. Hidden semantic categories can be defined as regular opposition of meanings, which have no special grammatical markers, but could be expressed by syntactic transformation (for ex. action/inaction, version etc). New methods of discovery of semantic categories governing marginal syntactic trends are discussed. The author suggests that there are informative and communicative semantic categories in the Russian language.

1. Введение в проблематику. В каждом отдельном языке есть свой набор стандартных значений, выражающихся часто оппозиционно: единичность vs. множественность, определенность vs. неопределенность, активность vs. инертность, контролируемость vs. неконтролируемость и др. В целом можно сказать, что набор этих значений универсален для языков мира, однако одни языки приспособились выражать данные значения при помощи грамматических средств (граммем, изменений корня, артиклей), другие же – делают это с помощью синтаксических средств. В последнем случае речь идет о языковых механизмах, которые работают, «не оставляя следов» в виде грамматических форм. Именно эти языковые механизмы лежат в основе так называемых криптотипов. Семантические категории, которые выражаются имплицитно (т.е. не обладают формально выделяемыми, морфологическими средствами выражения в языке), но включаются в систему языка на основании «косвенных» (например, синтаксических) признаков, позволяющих говорить об их присутствии, получили название криптотипов. Этот термин был впервые введен в научное обращение Б.Л. Уорфом в 1938 г.[1]

Криптотипы, или скрытые семантические категории, представляют собой одну из не решенных до сих пор задач лингвистики. Проблемы, которые возникают в связи с описание криптотипов следующие: порою достаточно трудно выделить семантическую категорию из более общего семантического типа (например, категорию версии или посессивности из более общего понятия «свой /чужой»); кроме того, сложно бывает определить, является ли выделенное значение семантической категорией в данном языке, наконец, наибольшую трудность составляет задача описания этого невидимого «невооруженным глазом» явления в данном языке. Скрытые семантические категории представляют собой один из вариантов выражения имплицитного содержания языковых единиц. В связи с этим в статье предлагается для выделения скрытых семантических категорий, в частности в русском языке, привлекать сведения из других языков (в которых данные категории являются словоизменительными) или же обращаться к фактам прежнего состояния языка (т.е. к истории языка).

Изучение криптотипов (скрытых семантических категорий), с нашей точки зрения, проливает свет на многие явления языка, которые рассматриваются как плохо поддающиеся лингвистическому анализу и объяснению: колебание нормы и недопустимые трансформации.[2]

2.Магистральные и маргинальные тенденции в синтаксисе и проблема их описания. В системе синтаксиса любого языка всегда можно выделить два типа тенденций: магистральные – актуальные (характерные для данного синхронного состояния языка) правила создания синтаксических структур, и маргинальные – исключения из этих правил. Маргинальные тенденции, с одной стороны, являются продуктом распада «старых» синтаксических структур, приспособления реликтов к новой системе, с другой – они возникают в результате нарождения новых, еще «не окрепших» тенденций. Иными словами, маргинальная тенденция демонстрирует динамику становления синтаксической структуры, представляет собой явление, которое следует рассматривать только сквозь призму диахронии.

Системные описания синтаксиса русского языка учитывают, прежде всего, магистральные тенденции (контролирование согласования в именной группе; координация подлежащего и сказуемого, способы построения сложного предложения и др.). Если же тенденция выглядит не линейно, т.е. нельзя сформулировать одно правило, которое бы объясняло все случаи поведения синтаксической конструкции, то такая тенденция чаще всего игнорируется.

1. См. Уорф, 1972.

2. В дальнейшем изложении предпочтение будет отдаваться термину «скрытая семантическая категория», т.к. термин «криптотип» в настоящее время используется в лингвистической литературе в несколько ином значении: «смыслы, которые не заключены в конкретных словах, но которые все-таки выявляются в лингвистическом анализе» [Проскурин, Орехова 2013]

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-04-00145а « Имплицитное содержание единиц русской речи: системное описание»).*

Однако именно эти маргинальные тенденции объясняют наличие «запретов» и ограничений на употребления тех или иных синтаксических конструкций (например, почему в одних случаях мы можем провести безличную трансформацию: Он веселится => ему весело, а в других нет: Он сердится = >*ему сердито.) К маргинальным относятся и колебания синтаксической нормы. Так, к устойчивому колебанию нормы следует отнести употребление либо единственного, либо множественного числа глагола-сказуемого при подлежащем, выраженном именной группой с количественным числительным: На занятие пришло пять студентов vs. На занятие пришли пять студентов. Известно, что язык не терпит дуплетных форм. Если одна синтаксическая структура на протяжении длительного периода не заменяется другой полностью, это говорит лишь о том, что семантика этих структур не тождественна.

Совершенно очевидно, что маргинальные тенденции покоятся на каких-то достаточно прочных, но «невидимых» основаниях, которые образуют оппозиции.

3. Языковые антиномии и их экспликация в языковых оппозициях. Как известно, язык приспосабливается для описания картины мира таким образом, что многие явления воплощаются, в частности в грамматике, в виде антиномий (единица/множество; активность/инертность; определенность/неопределенность, контролируемость/неконтролируемость).

Языковые антиномии, безусловно, принадлежат к области языковых универсалий и могут иметь разную внутреннюю структуру (бинарность, многочленность, иерархичность):

a. Бинарные антиномии: например, в языке противопоставлены активность и инертность действия, определенность или неопределенность субъекта/объекта.

b. Многочленные антиномии: например, временная парадигма. В русском языке это триада: прошедшее – настоящее – будущее (Данная многочленная антиномия- это объединение бинарных антиномий: прошедшее / настоящее ; настоящее /будущее).

c. Иерархические антиномии. Антиномии могут быть представлены в виде включенных множеств, т.е. иметь внутреннюю иерархию. Лучше всего это иллюстрируют количественные антиномии в русском языке, где единица противопоставлена множеству, а множество в свою очередь неоднородно и представлено большим и малым множеством; собирательным множеством; партитивным множеством.[3]

Антиномия воплощается чаще всего в виде грамматической оппозиции: единственное/множественное число (двойственное или тройственное, если антиномия в данном языке иерархична): противопоставление одушевленных/неодушевленных существительных в русском языке и др. Однако могут быть выражены имплицитно – посредством синтаксической трансформации.

4.О понятии «семантическая категория». Данная проблема разрабатывалась в общем языкознании[4], сопоставительной лингвистике, но почти не применялась к синтаксической системе.

Устойчиво выражаемой в языке (в целом ряде языков) антиномии мы можем условно придать статус семантической категории. Для нашего исследования важно дать лишь самое общее понятие. Итак, семантическая категория – некая важная для носителей языка антиномия, которая выражается средствами языка.

С точки зрения содержания условимся различать: коммуникативные и информативные семантические категории.

Коммуникативная семантическая категория маркирует способ выражения отношения к адресату (Кем я считаю адресата?): взрослый/невзрослый, обладающий высоким/низким социальным статусом. Так, например, в баскском языке оппозиция взрослый/невзрослый регулярно выражается с помощью апофонии палатализации:

Взрослый невзрослый:
Красивый Eder ejer
Собака Zakur ttattur[5]

В японском языке степень социальной близости между говорящим и адресатом также находит грамматическое выражение. Достаточно рассмотреть словоизменение глагола быть (оппозиция регулярно выражается с помощью суффиксов и аналитических форм):

Нейтрально/неформально/сверхвежливо/официально
des+u/ da/ de-gozaimasu/ de aru[6]

Проявлением категории «статусности» является, по-видимому, наличие мужского и женского варианта речи, зафиксированного в языке яна.[7]

Информативная семантическая категория маркирует добавочную[8] информацию под некоторым углом зрения. Это некая реплика в сторону: «для меня еще важно показать, что…». К информативным семантическим можно отнести, например, следующие категории:

контролируемость/неконтролируемость действия: Я не сплю («действие совершено намеренно») / Мне не спится («это происходит без умственного, эмоционального или физического усилия»);

версия: Я купил сумку (действие совершено без учета интересов – нейтральная версия); Я купил себе сумку (действие совершено в собственных интересах – центростремительная версия)[9];

активность/инертность: Четверо сидели в зале, а остальные ушли в буфет (объекты активны); В зале сидело четверо (объекты инактивны, статичны);

С точки зрения способа выражения, семантические категории подразделяются на словоизменительные и скрытые.

В языке оппозиционное значение может быть грамматикализовано. В этом случае мы имеем дело со словоизменительной категорией: $\Sigma\rightarrow$ слово $+\sigma$

$\Sigma^1\rightarrow$ слово $+\sigma^1$,

где Σ – значение, σ – граммема, выражающая это значение; Σ^1- оппозиционное значение, σ^1- граммема, выражающая оппозиционное значение. Именно так в русском языке представлены в самых общих случаях категории количества, времени.

Однако в ряде случаев оппозиционные значения не по-

3. Гордиевская, 2014, с 96-105..
4. См. работы Т.В. Булыгиной,1980, И.А.Мельчука,1998, Дж. Лакоффа, 2011.
5. И.А. Мельчук 1998,134
6. Там же, с. 228
7. Э. Сепир, Мужской и женский варианты в языке яна//Избранные труды по языкознанию и культурологи,1993 ,с.455-460.
8. Под основной информацией понимаются те пропозиции, которые вычленяются из структуры высказывания
9. Гордиевская 2012, 64-71.

лучают грамматического (морфологического) оформления. Такое оппозиционное значение оформляется средствами синтаксиса:

Σ→ синтаксическая структура (1)

Σ^1→ синтаксическая структура (2),

где Σ – значение; Σ^1- оппозиционное значение.

Итак, под скрытыми семантическими категориями (криптотипами) подразумеваются такие регулярные оппозиции значений в языке, которые не обладают специальным грамматическим показателем, но выражаются при помощи синтаксической трансформации.

5. Скрытые семантические категории в русском языке.

К числу скрытых семантических категорий в русском языке принадлежит, например, значение контролируемости/неконтролируемости действия.

Контролируемое действие:

А. (Я) не сплю.

Б. А царица хохотать, да плечами пожимать….

Неконтролируемое действие:

А. (Мне) не спится (безличная трансформация)

Б.*) А царица молодеть да толстеть…. (нулевая трансформация – формирование «запрета»).

Иначе говоря, в русском языке категория контролируемости проявляется в том, что значение ‘совершается ли данное действие под полным или под неполным контролем агенса’ передается при помощи синтаксической трансформации. Как видим, безличной трансформации не поддаются действия, которые нельзя описать как полностью контролируемые агенсом:

(1)Мне сегодня хорошо спалось (неконролируемость)

Но нельзя:

*Мне сегодня хорошо елось и пилось (контролируемость)

* Мне сегодня замечательно вздорилось (контролируемость)

Однако неправильная структура может быть использована в литературе как художественный прием: Но все чаще игралось и вздорилось, пилось и елось в совершенно пустых, торжественно безлюдных комнатах (Б. Пастернак, Детство Люверс). В Национальном корпусе русского языка много примеров употребления предикатов елось и пилось, но все это разные типы языковой игры (чтобы елось, и пилось, и….).[10]

(2) Мне страшно. Мне холодно (неконролируемость).

Но нельзя:

*Так показывают, когда кому-то недовольно или рассердито (из курсовой работы студента -иностранца) (контролируемость).

Другая не менее важная скрытая категория активности/инертности, достаточно влиятельная в прошлом индоевропейских языков, в русском языке выражается в колебании нормы. Множеству активных субъектов обычно соответствует сказуемое во множественном числе. Но в случае с подлежащим, выраженным именной группой с числительным, наблюдаются колебания: Два человека сидели в зале vs. В зале сидело два человека/Два человека сидело в зале. Активное действие оформляется множественным числом, инертное – существование, местоположение – единственным.

Сказуемое, выраженное активным глаголом, почти всегда стоит во множественном числе: Две кошки пили молоко; нельзя* Две кошки пило молоко.

Сказуемое, выраженное инертным глаголом (например, экзистенциальным), допускает варианты: Две кошки были у нее vs. Две кошки было у нее.[11]

Морфология (грамматические категории и соответствующие граммемы) отражает чаще всего лишь общее положение вещей: например, противопоставление единица vs. множество хорошо прослеживается в грамматических системах многих индоевропейских языков. Однако более детальные смыслы, важные для носителей языка, грамматика часто «не показывает». Они-то и воплощаются имплицитно, т.е. без участия грамматических показателей. Эти скрытые, неявно выраженные смыслы, как правило, оказываются в ведении синтаксиса. Имплицитность выражения не лишает эти смыслы способности выстраиваться в достаточно строгие оппозиции, что дает основание считать их семантическими категориями.

Возникает вопрос, универсальна ли семантическая категория? Имеем ли мы право проецировать некоторые известные в иных языках словоизменительные категории на русский язык?

Семантическая категория в целом универсальна (во всех языках есть способы показать ту или иную антиномию), вопрос в том только, какую позицию эта антиномия будет занимать в системе языка: будет она находиться в центре или на периферии. В зависимости от того, насколько существенна для носителей языка семантическая категория, средства ее выражения могут быть специализированы или в качестве средства выражения могут быть привлечены ресурсы другой категории. Так, в русском языке средства категории количества широко применяются для выражения других семантических категорий.

Если для баскского языка различие взрослый/невзрослый существенно и находится в центре системы, то для русского оно периферийно, это не значит, что данная коммуникативная семантическая категория не отражена в языке:

В русском языке нет ясно выраженной оппозиции, но есть рефлекс «невзрослый», выражаемый при помощи инклюзива:

О маленьком ребенке можно сказать: А мы уже пошли. А у нас зубики режутся, а о взрослом человеке так сказать нельзя:*а мы уже права получили.

Если в японском языке четко дифференцируется статусность – для этого используется аффиксация, это не означает, что в русском нет специального способа подчеркнуть вежливость по отношению к адресату:

В русском языке противопоставление неформально/официально представлено особыми правилами употребления единственного и множественного числа:

Неформально официально

Ты читала? Вы читали?

Ты умная! Вы умная! (нельзя *) Вы умные!)

Иначе говоря, «на поле» данной коммуникативной семантической категории в русском языке «играет» другая категория – количества – центральная в русском языке; она и берет на себя кое-какие «чужие» функции.

К скрытым семантическим категориям, например в русском языке, относятся:

контролируемость/ неконтролируемость

10. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)

11. Гордиевская 2013, 435-442.

категория версии,
активность/инертность,
определенность/неопределенность
количество («количество» как иерархически устроенная категория выражает не только противопоставление один/много, но и более частные значения: единица/дуалис, малое/большое множество; партитивное/совокупное множество).

В других языках эти же семантические категории могут иметь не скрытый, а вполне материальный характер, выражая оппозицию при помощи граммем или артиклей. Семантические категории являются теми скрытыми пружинами, которые определяют: «так можно сказать или так нельзя сказать по-русски», именно поэтому они заслуживают тщательного описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи//Аспекты семантических исследований. М.,1980.

2. Гордиевская М.Л. Количественные антиномии в современном русском языке русском языке//Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. М.2014.

3. Гордиевская М.Л. Категория активности/инертности как существенный синтаксический параметр (на материале анализа русских синтагм)//Когнитивные исследования языка, вып.13, Москва -Тамбов, 2013.

4. Гордиевская М.Л. Категория версии и ее реализация в синтаксисе русского языка // Urbi et Academiae, № 1(3), с. 64-71. 2012.

5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2011.

6. Мельчук И.А. Курс общей морфологии.Т.2. Москва-Вена, 1998.

7. Проскурин С.Г., Орехова О.М. Криптотип. Семиотические подходы к неявной грамматике// Критика и семиотика. 2013/1(18).

8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии.М.,1993.

9. Уорф Б.Л. Грамматические категории//Принципы типологического анализа языков различного строя, М., 1972.

10. www.ruscorpora.ru//Национальный корпус русского языка [интернет-ресурс].

ТЕСТОВЫЙ КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ ТЕСТОВОЙ СИСТЕМЫ MARLINS ENGLISH LANGUAGE TEST)

Иваненко Т.И.,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра «Иностранные языки»,
Камчатский государственный технический университет

Ключевые слова: тестирование, контроль знаний, классификация, коммуникативные умения, образовательный процесс, MARLINS ENGLISH LANGUAGE TEST
Key words: testing, control of knowledge, classification, communication skills, international, educational process, MARLINS ENGLISH LANGUAGE TEST

Аннотация. В статье формулируется цель, объект и задачи контроля как составной и неотъемлемой части учебного процесса. Автор выделяет разновидности и формы контроля знаний обучающихся иностранному языку. В статье проводится комплексное описание тестирования как одной из форм контроля знаний обучающихся, излагаются преимущества и недостатки тестового контроля знаний, а также отличия тестового контроля от традиционного опроса и письменного контроля. Автор выделяет существующие международные системы тестирования на знание английского языка у плавсостава на судне. Особый акцент в работе делается на тестовой системе в режиме онлайн “Marlins English Language Test”, которая проверяет моряков на понимание письменного и разговорного английского языка.

he aim, object and tasks of control system as an integral part of the educational process are stated in the article. The author defines the types and forms of knowledge control when teaching a foreign language. A comprehensive description of the test as a form of foreign language knowledge control among learners is given. The advantages and disadvantages of test control and the differences of test control from the traditional survey and writing control are pointed out. The author defines the current international systems that test knowledge of English. A special emphasis is given to the online test system “Marlins English Language Test” that examines seafarers’ understanding of written and spoken English.

В ходе модернизации процесса образования происходит изменение целевых установок, содержания и технологии обучения. Использование современных информационных технологий обеспечивает интенсификацию и актуализацию учебного процесса. Стремительная информатизация современного общества выдвигает на передний план проблемы развития эффективных методик обучения, а также совершенствования системы автоматизированного контроля и измерения уровня знаний. Быстрая и качественная оценка знаний обучающихся является актуальной проблемой образовательного процесса [6, с.125].

Для любой системы образования важнейшим остается объективный контроль качества знаний и на этой основе построение результативных алгоритмов обучения. Контроль как составная часть учебного процесса используется тогда, когда нужно установить, как обучающиеся используют изучаемый язык, насколько они продвинулись в его изучении, или диагностировать имеющиеся у них проблемы и обеспечить им необходимую обратную связь (Брейгина М.Е., Климентенко А.Д., 1979; Гальскова Н.Д., Шаповалова В.М., 1981; Миньяр-Белоручев Р.К., 1984) Целью контроля является выявление уровня усвоения знаний обучаемыми на разных этапах учебного процесса, определение соответствий выявленного уровня запланированным знаниям и использование полученных данных для управления последующим процессом обучения.

Основная задача обучения иностранному языку заключается в умении выражать собственные мысли на изучаемом языке и понимать речь на этом языке других людей. Таким образом, контролю подлежат все аспекты языковой коммуникации: аудирование, говорение, чтение и письмо [9].

Различают следующие виды контроля обученности иностранному языку:

1. Предварительный контроль, проверяющий исходный уровень подготовки по иностранному языку;

2. Текущий контроль, т.е. контроль умений и навыков, полученных после прохождения некоторой части лексического и грамматического материала. Он осуществляется периодически на протяжении всего процесса обучения;

3. Промежуточный или рубежный контроль, который обычно проводится после изучения раздела или урока. Результаты такого контроля позволяют корректировать дальнейший ход учебного процесса;

3. Итоговый контроль, который проводится, как правило, после завершения обучения;

4. Заключительный контроль проводится по окончании обучения Его цель — заключительная проверка достигнутого обучаемым уровня знания иностранного языка [5,с.98].

В современной литературе по методике обучения иностранным языкам выделяют следующие формы контроля.

1) устный контроль, или собеседование;

2) письменный контроль;

3) тестирование.

Причем все эти формы контроля могут быть индивидуальными и фронтальными.

Контроль часто отождествляется с формализованной проверкой или тестированием. Однако формальный контроль (например, в форме промежуточного теста или итогового экзамена) — не единственный его вид. Не менее важными являются также неформальный (или текущий) контроль, осуществляющийся на занятии и при выпол-

нении домашних заданий, а также использовать тесты и оценивать то, как они выполняются [3].

Интенсивный рост интереса к системам тестового контроля знаний в отечественной науке оправдывается тем, что традиционная система контроля переживает определенный кризис. Недостатки традиционных методов во многом очевидны. Простота и универсальность устного контроля весьма привлекает, однако он выборочен, не дает возможности выслушать всех учащихся и уделить каждому из них достаточно времени. Такая проверка знаний, являясь в своей основе экспертной системой, в то же время оперирует экспертными оценками, проставленными единственным экспертом - преподавателем, и лишь в исключительных случаях создаются экспертные комиссии. Естественно, что в этих условиях нельзя обеспечить объективность результатов контроля [6, с.19].

Тестовый контроль в отличие от традиционного опроса и письменного контроля всегда предполагает некоторое измерение. По этой причине выставляемая по итогам тестирования оценка отличается большой объективностью и независимостью от возможного субъективизма преподавателя, когда выставляемая оценка в определенной степени основана на впечатлении обучающего, его личных симпатиях или антипатиях по отношению к тому или иному обучаемому [5]. В работах В.С. Аванесова, Ж.А. Байрамовой, Н.Ф. Ефремовой, К.Г. Кречетникова, А.Н. Майорова, Ю.М. Неймана, А.В. Смирнова, В.А. Хлебникова, М.Б. Челышковой, А.Г. Шмелёва широко обсуждаются вопросы организации тестирования, методические аспекты, влияющие на результаты тестирования, принципы составления тестовых заданий, различные методики разработки тестов. В них отмечается, что тестирование - одна из наиболее технологичных и объективных форм педагогического контроля.

Обсуждая проблемы применения тестов в обучении, большинство авторов не подвергают сомнению эффективность применения тестирования для организации текущего и рубежного контроля (Е.А. Михайличев, Д.А. Таевский, Л.В. Шкерина). Такое применение тестов позволяет преподавателю с минимальными затратами времени и усилий получать информацию о качестве усвоения изучаемой дисциплины. Достаточно хорошо изучено влияние регулярного применения текущего тестового контроля на качество обучения (В.Н. Ефимов, Н.В. Изотова, М.Р. Кудаев). Тем не менее, вопрос о применении тестирования для итогового или предварительного контроля, имеет как сторонников, так и противников.

Высокая технологичность тестового контроля позволяет реализовать основные преимущества, к которым следует отнести: повышение эффективности контроля за счет увеличения частоты и регулярности тестирования; наличие одинаковых для всех обучаемых правил проведения контроля и адекватной интерпретации тестовых результатов; возможность протоколирования всех этапов контроля и автоматизации статистической обработки результатов контроля; реализация механизмов самодиагностики и самоконтроля [2, 275].

Тесты в настоящее время применяются на всех этапах обучения и являются наиболее распространенной формой контроля и самоконтроля в системе образования. Тестовый контроль возможен в «бумажной» форме, когда учащимся выдаются листы бумаги с напечатанными тестами, но по-настоящему он эффективен только в «компьютеризованном» виде [1].

Компьютерное тестирование является более технологичным по сравнению с бланковым: оно позволяет свести к минимуму затраты преподавателя на организацию контроля за счёт сокращения времени на проверку работ и статистической оценки результатов; компьютерное тестирование обеспечивает более объективные результаты, за счёт уменьшения возможностей для недобросовестного выполнения заданий путём случайной перестановки заданий теста и отвлекающих вариантов ответа в задании; помогает избежать ошибок, допущенных при проверке тестовых бланков, обеспечивает повышение проверочной ёмкости заданий за счёт использования мультимедийных компонентов, возможности применения адаптивных технологий контроля и организации пошагового контроля.

Таким образом, на сегодняшний день именно тестовый контроль ближе всего соответствует всем требованиям, предъявляемым к педагогическому контролю, основными из которых являются: действенность, надежность и эффективность [8].

Существуют различные подходы к классификации тестов, используемых для обучения языкам: по назначению, объекту тестирования, цели, структуре, форме выполнения и т.д.

По назначению различают:

1) тесты оценки текущей успеваемости; тематические, предназначенные для проверки знаний по определенным пройденным темам;

2) периодические или промежуточные. Они служат для оценки знаний за определенный промежуток времени;

3) итоговые, оценивающие конечный результат обучения;

4) прогностические, цель которых — выявление способностей обучаемых к изучению иностранных языков;

5) профессиональные, определяющие общий уровень владения языком различными специалистами;

6) проверяющие знания языковых правил (тесты по грамматике и лексике);

7) оценивающие уровень речевой деятельности на иностранном языке (такие тесты проверяют знания по аудированию, устной речи, чтению и письму);

8) комбинированные [3, 370].

Для оценки уровня знаний обучаемых в тестах любого типа могут быть использованы следующие типы вопросов:

1) закрытые вопросы типа «верно - неверно»;

2) закрытые вопросы множественного выбора с одним верным ответом;

3) закрытые вопросы множественного выбора с возможностью выбора нескольких верных ответов;

4) открытые вопросы с кратким ответом;

5) открытые вопросы с развернутым ответом;

6) вопросы с альтернативным выбором (например: «Could you (lend, loan) me two dollars?»);

7) вопросы с завершением (например: «The sun rises in the East and sets in the ...»);

Должность	Разговорный тест	Компьютерный тест
Master, Chief Officer Chief Engineer	Intermediate	80%
2/ 3 Officers, Safety Officer, 2 Engineer, El Engineer, AC/REF Engineers, ETO	Lower Intermediate	70%
3/4 Engineers, Bosun, Pumpman	Lower Intermediate	65%
A/B, Motorman	Lower Intermediate	55%
(O/S, Wiper, Messman, Steward, Doctor, Hairdresser, Barman)	Elementary	45%
Fitter, Welder, Oiler, Turner, Electrician, Tunnelman, Deck Mechanic, Plumber	Elementary	55%

8) вопросы, предполагающие действие с группировками (например: «Исключите лишнее слово из следующего ряда слов: shout, tell, call, notice»);

9) вопросы, предполагающие сопоставления (например: «Выделите антонимы в следующих словах ...»).

Возвращаясь к формальному подходу необходимо сказать, что тесты и экзамены, реализующие формальный контроль, предназначаются, с одной стороны, для оценки того, как обучаемые умеют выполнять специфические коммуникативные задания, то есть насколько они владеют изучаемым языком, а с другой — для оценки того, насколько учебный курс отвечает целям, которые ставились при его разработке [7].

Четыре основных типа тестов, реализующих формальный контроль - это установочные тесты (entry / placement tests), тесты успешности изучения курса (progress / achievement tests), тесты владения языком (proficiency tests) и диагностические тесты (diagnostic tests).

Диагностические тесты следует применять весьма осторожно. Необходимо стремиться к тому, чтобы такие тесты не оказывали негативного воздействия на учебный процесс, ибо, как показывает практика, они нередко создают атмосферу напряженности, а порой и недоверия [6, с.276].

Необходимо остановиться подробнее на первых трех типах тестов, позволяющих осуществлять формальный контроль.

1. Установочные тесты проводятся перед началом обучения и выполняют, по крайней мере, три функции: а) определение уровня владения иностранным языком учащимися; б) диагностирование недостатков владения языком (при этом результаты теста следует рассматривать с конструктивных позиций, а именно — использовать, например, для определения характера и содержания курса иностранного языка); в) распределение учащихся по группам;

2. Тесты успешности изучения курса иностранного языка знакомы учителю в наибольшей мере, поскольку они строятся на изучаемом материале, осуществляя промежуточный контроль, обеспечивающий обратную связь, столь необходимую для оптимизации учебного процесса и совершенствования курса.

3. Тесты владения языком призваны реализовать итоговый контроль. Это, как правило, соотнесенные с критерием тесты. Их цель состоит в том, чтобы показать, насколько учащиеся научились решать коммуникативные задачи на изучаемом языке, что необходимо им для продолжения обучения на более высоком уровне. Ярким примером таких тестов является экзамен IELTS (International English Language Testing System), оценивающий способность иностранных студентов учиться в вузе в англоязычной среде.

Описывая существующие международные системы тестирования на знание английского языка у плавсостава, необходимо сказать, что данная разновидность английского относится к научному направлению «Английский язык для специальных целей» - ЯСЦ (English for special/ specific purposes - ESP), возникший в 60-е годы XX века в англоязычных странах. Иностранный язык для специальных целей носит коммуникативно-направленный и профессионально-ориентированный характер, а его задачи определяются потребностями специалистов соответствующего профиля в иноязычной профессиональной деятельности [12].

На сегодняшний день без владения английским языком в современном мире уже не обойтись. Любая серьёзная профессия предполагает знание в той или иной мере основ этого языка, ставшего благодаря компьютеризации международным. Не является исключением и профессия моряка. Английский язык для моряков всех стран без исключения – это способ профессионального общения и в длительных плаваниях и рейдах. Так, изучающий английский для моряков судомеханик должен знать названия технических устройств, а электромеханик должен разбираться в названиях электрооборудования на судне [11].

В настоящее время основными тестовыми программами проверки компетентности плавсостава на английском языке являются следующие программы: Marlins Test, SETS 6000, CES 4,1, Англомар и др. Далее необходимо дать краткое описание вышеперечисленных тестовых систем.

CES 4,1 - одна из самых популярных тестовых программ для проверки компетентности моряка на английском языке. Данная программа со звуковым сопровождением содержит около 5500 тысяч вопросов, состоит из 2 приложений. Тестирование проходит по пяти типам судов: навалочное, пассажирское, газовоз, химовоз, нефтеналивное. Использование программы Ces 4.1 для проверки знаний моряков соответствует общепринятым мировым стандартам и приветствуется норвежским классификационным обществом Det Norske Veritas при

выдаче сертификата судоходным и крюинговым компаниям на право формирования экипажей для иностранных ссудовладельцев.

Англомар — тестирующая программа для сдачи экзаменов по морскому английскому языку является необходимым и достаточным условием для работы как на российских судах загранплавания, так и в интернациональных экипажах. Справочно-информационная часть программы содержит толкование множества специальных терминов и образцы судовой документации и деловой переписки, которую удобно использовать на судне для составления документов, писем и радиограмм. Учебное тестирование дает возможность обучающемуся самостоятельно проверить уровень своей подготовки. В режиме контрольного тестирования проводится независимая и объективная оценка экзаменуемого. Программа «Англомар» рекомендована департаментом безопасности мореплавания, управлением персонала и учебных заведений. В конце теста на рабочем месте обучаемого и на месте инструктора-преподавателя формируется статистический отчет в текстовой и графической форме.

SETS 6000 - норвежская программа для обучения и оценки моряков, а также используется как обучающая система. Версия 6000 является мощной программой компьютерного тестирования. SETS 6000 имеет большой набор базы данных с более чем 6000 вариантами вопросов. Вопросы разделены на предметные области, которые охватывают каждого согласно его морской компетенции.

В настоящей работе дается детальная характеристика одной из международных тестовых систем на знание морского английского языка плавсоставом - Marlins Test, рекомендованная Ассоциацией Корпуса морской пехоты Великобритании (UK MCA - Marine Corps Association United Kingdom) согласно перечню классификаций тестов, о котором говорилось выше. Выбор данной системы тестирования для исследования продиктован очевидными факторами:

1. Признаваемость результатов теста в судоходных компаниях;

2. Комплексность оценки - проверяются все составляющие знания морского английского языка;

3. Профессиональная ориентированность – тестирование производится по сугубо морским темам;

Целевая аудитория для проведения тестирования - все члены экипажа не зависимо от должности на судне.

В процессе тестирования с использованием Marlins English Language Test проверяются: знания грамматики, специальной терминологии и способности воспринимать речь на слух. Тестирование Marlins проходит в два этапа: разговорный тест (TOSE) и компьютерный тест (Computer test). Количество вопросов – 85; время прохождения – 60 минут; количество попыток – 1.

Итак, по назначению Marlins Test является профессиональным, так как он определяет общий уровень владения языком специалистами разных должностей на судне от капитана до палубного механика1. По объекту тестирования тест Marlins представляет из себя комбинированный тест, который проверяет знания языковых правил (тесты по грамматике и лексике) и оценивает уровень речевой деятельности на иностранном языке (такие тесты проверяют знания по аудированию, устной речи, чтению и письму).

Для оценки уровня знаний обучаемых в тесте Marlins используются закрытые вопросы множественного выбора с одним верным ответом. Сдача любого международного экзамена подразумевает следующую структуру: Чтение (Reading), Письмо (Writing) - (около 60 мин.), Общение (Speaking) (около 15-20 мин.) и Аудирование (Listening): от 30-35 мин. Компьютерный тест “Marlins” проверяет уровень владения английским языком, принимая во внимание всего два аспекта: Чтение (Reading) and Аудирование (Listening). Этап «Письмо» (Writing) остается без внимания. Разговорный тест (TOSE – Marlin’s Test) проверяет навыки говорения.

Для ознакомления с тестом можно пройти пробный вариант Marlins Test, не требующий наличия лицензии. Это позволит определить уровень знаний английского языка у тестируемого на данный момент. Тест считается успешно пройденным, если набрано не менее 26 баллов. Пробный тест доступен всем желающим по ссылке [10].

Использование Marlins English Language Test позволяет судовой компании продемонстрировать, способность моряков общаться на английском языке, независимо от их национальности. На основе официального документа с результатом тестирования круинговые/судоходные компании выносят окончательное решение по приему моряка на работу сообразно действующим в этих компаниях стандартам и требованиям к уровню знаний персонала компании.

Таким образом, можно сделать вывод, что цель данного теста — реализовать итоговый контроль знаний по морскому английскому языку с и показать, насколько плавсостав научился решать коммуникативные задачи на изучаемом языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дистанционное обучение инженерным специальностям: Монография. - Сумы: ИТД «Университетская книга», 2005. – 333с .

2. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании. – М.: Академия, 2008. – 192с.

3. Зубов А. В. Методика применения информационных технологий в обучении иностранным языкам. – М.: Академия, 2009. – 137 С.

4. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность/ под ред. А. А. Миролюбова. - Обнинск, 2010. – 360 с.

5. Поляков О. Г. Тестирование по английскому языку как иностранному: теория и практика. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – 113 с.

6. Современные теории и методы обучения иностранным языкам. – М.: Экзамен, 2006. – 382 с.

7. Тестирование как элемент системы оценки качества обучения / Т. К. Щеглова, О. М. Крайник // Инновационные методы и средства оценки качества образования : материалы VI науч.-метод. конф. - М., 2008. - С. 268-273.

8. Щербинина А. И. Интеграция традиционного контроля и компьютерного тестирования как средство повышения эффективности обучения в вузе: Дисс. канд. пед. наук: 13.00.08. //Владивосток, 2007.— 165 с.

9. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. - М.: Филоматис; Омега-Л, 2006. – 478с (5)

10. Azov Marine Crew Management [Электронный ресурс]. – Режим доступа: httphttp://azovmarine.com/ru (10.11.2014)

11. Makarov Training Centre [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.makarov.gumrf.ru/testcentre/marlins.html. (10. 10. 2014)

12. Scientific World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/modern-linguistics-and-intercultural-communication-c112/11931-c112-048 (12.11.2014)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО И СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Исгендерова Вусаля,
Азербайджан

Ключевые слова: действительное, страдательное, сходство, разница, выражение, сопоставление, лексические.
Key words: transitif, intransitive, similarity, difference, expression, comparison, lexical

Аннотация. В данной статье мы пришли к выводу, что один и тот же глагол в ряде случаев в результате лексико-семантического, функционального и других влияний может употребляться и в действительном и в страдательном значениях. Это явление, как во французском языке, так и в азербайджанском языке стало закономерной языковой нормой. Это явление в обоих языках, являясь одним из ориентиров развития языковой системы, посредством грамматики регулирует лексико- семантическую связь между ними.

In the conclusion we came to the conclusion that the same verb in some cases as a result of lexical semantic, functional and other influences may be used in the actual values and the passive. This phenomenon, as in the French language, and in the Azerbaijani language was a logical language norm. This phenomenon, in both languages, as one of the landmarks of the language system by lexical-semantic grammar regulates the relationship between them.

Во французском языке, как и в азербайджанском, существенно отличающемся своей структурой строения, действительные глаголы, выражая действия над кем или чем-либо, имеют одинаковое значение. Действительные глаголы после себя требуют употребление объекта. С данной точки зрения действительные глаголы, выражающие прямое или косвенное действие, делятся на две группы. После страдательных глаголов объект не подлежит употреблению. Это явление в обоих языках имеет одинаковые грамматические особенности. Во французском языке один и тот же глагол в зависимости от лексико- семантических и функциональных особенностей, в том числе коммуникации предложения и семантики самого глагола, может выражать действительное и страдательное значения. В азербайджанском языке группа подобных глаголов, как и во французском языке, употребляясь с прямым дополнением, образует конструкцию. Однако во французском языке группа глаголов, выражающих действительное и страдательное значения, с лексической точки зрения, имеющие одинаковую форму, отличаются от глаголов в азербайджанском языке по своей семантике, фонематической и графической форме.

Следует отметить, что как во французском языке, так и в сравнительной типологии азербайджанского и французского языков при проведении исследования не было уделено должного внимания двухвалентным глаголам, имеющим действительное и страдательное значения. Не было уделено также внимание на их грамматические и семантические особенности. Нужно принять во внимание также и то, что по данному вопросу не было проведено глубокого исследования. Наряду с этим, не учитывались те трудности, с которыми сталкиваются студенты- азербайджанцы при изучении французского языка, отличающегося от азербайджанского языка своими структурными особенностями. В процессе преподавания французского языка, как в азербайджанском, так и во французском языке, при изучении глагольных конструкций действительного залога были выявлены языковые явления, которые подлежат специальному исследованию.

В частности, например, выражение одного и того же глагола под влиянием различных языковых факторов действительным и страдательным залогом во французском языке и их выражение одним и тем же глаголом в азербайджанском языке, а иногда глаголами, отличающимися лексико- графическими особенностями, вызывает затруднения, устранение которых требует более глубокого исследования. Действительные и страдательные глаголы в азербайджанском языке могут выражать во французском языке значения других глаголов и глагольных форм. Например, при выражении страдательного значения в азербайджанском языке средне-возвратным залогом во французском языке способствует выявлению отличительных лексико- семантических особенностей, которые обусловливают актуальность выбора темы для исследования. В ходе исследования, проведенного на основании материалов французского и азербайджанского языков было установлено, что как во французском, так и в азербайджанском языках конструкции глаголов действительного и страдательного залогов, их лексико- семантические и функциональные особенности соответствуют определенным закономерностям, связанными с лексико-семантическими и грамматическими особенностями, омонимией, синонимией, антонимией, многозначностью, выражением переносного значения, начального лексического значения, целью высказывания, а также влиянием других факторов. Влияние каждого из этих факторов неодинаково в обоих языках и имеет своеобразное важное значение в формировании лексико-семантических особенностей глагольных конструкций. Чтобы достичь определенных конкретных результатов, следует более подробно анализировать лексико-семантические особенности глаголов действительного и страдательного залога во французском языке, которые имеют отличительную форму в азербайджанском языке.

Как и многие другие языки, французский и азербайджанский языки прошли длительный исторический путь развития. В настоящее время это развитие в языковой системе и в частности в его лексико-грамматической сфере это ярко отражается в определенной степени. В ходе исторического развития языков слова и их лексико- семантические и грамматические значения подвергались изменениям и они приобретали новые оттенки в своих значениях. Эти изменения больше всего проявили себя в системе глагольных конструкций. Изменения происходили в лексико-семантическом значении , в том числе многозначности, синонимии, омонимии и антонимии слов, в формировании действительного и страдательного значения глаголов, которые сыграли решающую роль в историческом развитии

языка. В этом отношении в обоих языках, говоря о важности лексико-семантических особенностях глаголов действительного и страдательного залогов, следует учесть все вышесказанное.

В обоих языках по способу выражения своего значения могут быть действительными и страдательными. Часть данных глаголов в обоих языках образуют классы действительных и страдательных залогов. Во французском языке главная особенность действительных и страдательных глаголов заключается в отсутствии семантической взаимосвязи между ними в значении. Следует отметить, что французский и азербайджанский языки имеют своеобразные лексико-грамматические системы, которые коренным образом отличаются друг от друга. Это послужило тому, что действительные и страдательные глаголы, их омонимы, синонимы и антонимы не имеют глагол с соответствующими значениями, присущих данному языку. Поэтому приведенные образцы различны для каждого языка в отдельности и подход к ним тоже различен. В этом отношении, чтобы определить важную значимость данной проблемы, проследим за некоторыми омонимичными действительными и страдательными глаголами.

Voler Этот глагол в основном обозначает летать (в небе) и воровать. Данные слова отличаются своими семантическими значениями и имеют свои особенности. В своем первом значении «летать» данный глагол относится к страдательному залогу. Во втором значении «воровать» он относится к действительному залогу. Однако некоторые языковеды, исследующие славянские языки, утверждают, что с семантической точки зрения омонимичные глаголы действительного и страдательного залогов имеют очень близкую взаимосвязь. И именно в данной области было проведены специальные исследования. Например, в своем труде А. Блинкенберг, анализируя и описывая данный глагол с историко-этимологической точки зрения его развития отметил, что эти значения имеют одинаковое происхождение.

Droguer (1,67). Данный глагол в действительном залоге обозначает «принятие лекарств больше нормы» и принятие наркотических средств. В страдательном значении он обозначает ожидание, усталость, утомление, разочарование. Историческое развитие данного глагола показывает, что действительное и страдательное значения, отличающиеся друг от друга, образовались от слов с другими значениями, и между ними нет никакой семантической связи.

В азербайджанском языке омонимичные глаголы могут иметь действительное и страдательное значения. Как во французском, так и в азербайджанском языке омонимичные глаголы, имеющие различную этимологию, как и многозначные слова, имеющие одинаковую этимологию, впоследствии разветвляются на несколько значений. Многозначные глаголы считаются основным источником образования синонимов. Многозначные омонимичные глаголы, образуя синонимичные ряды с разными оттенками, сохраняют свое первичное действительное или страдательное значение. Даже в переносном значении в составе устойчивых сочетаний они сохраняют свое первоначальное значение. Синонимичные ряды, которые образует глагол «бросить», сохраняют действительное значение данного глагола. Это ярко прослеживается в таких сочетаниях, как: «бросать тень, бросить на плечи, бросить в темницу, бросить в самовар огня, сбросить флаг на землю, сбросить плод с дерева, взять что – то и сбросить, или (положить рядом). Или, например, « бросить сухой чай в чайник, перебросить какую – то вещь с одного места на другое, бросить волосы на спину, опустить руку на плечи, бросить якорь (поселиться где-то), опустить голову, заставить бросить кого- то плохую привычку, бросить в тюрьму кого-то». В сложных глаголах, образующихся от глагола «бросить», действительное значение сохраняется. Это наблюдается в таких словосочетаниях, как, например, «провожать в дорогу, сделать от души, выронить из рук, унизить в чьих-либо глазах, напомнить, кричать, бить тревогу». Значение данного глагола сохраняется также в сочетаниях: «отдалять, (искупать), бросить в воду, заставить трудиться, разводить сплетни, озадачить». Большинство многозначных глаголов в азербайджанском языке, образующих омонимичные ряды, наряду с тем, что, являясь близким по значению, сохраняют свои начальные семантико- грамматические особенности. Например, глагол бросить во всех своих значениях обозначает изменение положения чего – то, отсоединение. Оно приобретает значения, не присущие ему с изменением местоположения.

Говоря о действительном и страдательном значении одного и того же глагола, следует обратить внимание на умение точно определить его лексико- семантическую особенность, многозначность, омонимичность, стилистическое употребление, способность употребляться в переносном значении. Также следует проанализировать исторический путь его развития, этимологию, оттеночные значения, приобретаемые с прибавлением служебных морфем, особенности взаимоотношений с субъектом или объектом, способность вступления в синонимические ряды с другими глаголами и другие его особенности. (2.218).

На основе проведенного краткого анализа можно прийти к выводу, что один и тот же глагол, образующий синонимический ряд и быть многозначным может иметь действительное и страдательное значения. Глаголы, образующие омонимические ряды, имеющие одинаковую графическую и фонографическую особенность, считаются глаголами различных значений.

Как и во французском языке в азербайджанском языке ряд омонимов и многозначных глаголов, имеющих действительное и страдательное значения, могут образовывать синонимический и антонимический ряды. Примеры синонимичных глаголов действительного и страдательного залогов:

Понять – вспомнить- выщипывать - разорвать на клочки; искать – разыскивать; искать – гулять; говорить – беседовать; говорить – рассказывать; отделять – разделять, знать – познавать- изучать; спрашивать- расспросить; протереть – выметать; гулять – прогуливаться; прощать – извинить- оправдать; ограбить – разгромить. Данные глаголы могут выражать действительное и страдательное значения. Они могут иметь различные семантические и лексические особенности. Во французском языке один и тот же глагол, выражая действительное и страдательное значения, в страдательном залоге могут заменяться прономинальными видами.

Ce médicament guérit(le malade,la grippe)-Это лекарство излечивает(болезнь, грипп).

Cette maladie guérit lentement.-Эта болезнь излечивается медленно.

Cette maladie se guérira vite.-Эта болезнь быстро излечивается.

İl casse la branche.-Он ломает ветку.

La branche casse.-Ветка ломается.

La branche se casse.-Ветка сломалась.

Иногда во французском языке, словно все глаголы, употребляемые в страдательном значении, можно заменить прономинальным видом. Однако следует учесть, что это явление связано с семантической природой подлежащего. Результат исследования показывает, что в некоторых случаях, несмотря на общность подлежащего с глаголом- сказуемым, в одних предложениях страдательное значение глагола можно заменить прономинальным глаголом. В других предложениях такая возможность отсутствует.

L'aube blanchit l'horizon.L'horizon blanchit.L'horizon se blanchit.(3.212). В первом предложении глагол выступает в действительном значении, во втором предложении в страдательном, а в третьем предложении употребляется в прономинальном значениях. В первом предложении рассвет на горизонте – это естественное явление. С наступлением рассвета горизонт проясняется. В предложении L'horizon blanchit наступление рассвета связано с восходом солнца. Во французском языке большинство глаголов, употребляемых в действительном и страдательном значениях, страдательное значение может быть заменено прономинальным видом. Конечно, это явление не признается многими языковедами. По нашему мнению, это семантико- грамматическое значение проходит через определенный этап развития и пока не нашло своего отражения как семантико-грамматическая группа. В любом случае употребление одного и того же глагола в страдательном значении и в прономинальном виде соответствует закономерностям французского языка. В подобных предложениях страдательные глаголы, выражая естественный процесс, в прономинальном виде могут обозначать изменение положения и состояния. Брюно отмечает, что страдательное и прономинальное значение, выражаясь в различных грамматических формах, имеют одинаковую семантику. (4.298).

В предложениях с симметричными глаголами, в которых подлежащее выступает с глаголом- сказуемым в страдательном значении, связываясь с глаголом действительного залога, образует единство с прямым дополнением, выражая средневозвратный залог, который имеет преимущество во французском языке. Основная причина этого явления, с одной стороны связана с характерной внутренней лексико- семантической связью между подлежащим и страдательным глаголом. С другой стороны, с выявленными различными влияниями при выполнении действия прономинальным глаголом причины. Эта причина обусловливает активное употребление второго носителями данного языка. Выражение в некоторых случаях французских глаголов действительного залога прономинальным видом соответствует обычным глаголам страдательного залога в азербайджанском языке. Le temps avance и le temps s'avance.В обоих предложениях глагол переводится как прохождение времени. Глаголы со страдательным значением заменены прономинальным видом. Следует особо отметить, что в рассмотренных словарях среди глаголов с действительно- страдательным значением встречаются немало страдательных глаголов, которые заменяются прономинальным видом. Этим глаголам принадлежит большая роль в расширении страдательного значения.

Abétir,aigrir(1.49)amaigrir,(1.67)armer,arrêter,caler,caraméliser,déchirer,découvrir,gercer,gonfler,havir,incliner,jaunir,laver,loger,macérer,ouvrir,pâlir,passer,raidir,ralentir,salir,sécher,tarir.

Влияние замены страдательного значения глаголов соответствующими прономинальными видами во французском языке на развитие семантического значения имеет большую значимость. Это в свою очередь влияет на изменение грамматической формы, которое отмечено выше. Страдательные формы и прономинальные виды, употребляемые как грамматические синонимы в азербайджанском языке соответствуют только глаголам страдательного значения. В основном обе формы способны выражаться страдательным значением. Проведенное исследование свидетельствует о том, что во французском языке употребление страдательного значения синонимичным прономинальным видом происходит в основном у симметричных глаголов действительного и страдательного значения. Это тесно связано с единством состава симметричных глаголов с подлежащим и прямым дополнением. Приведенные из исследования глаголы со страдательным значением заменяются прономинальным видом:

Abêtir(3,5)

1.vt L'ordinateur abétit les enfants.-Компьютер способствует отупению детей.

2.vi Les jeunesses abétissent.-Тупеет молодежь.

3.pr Les enfants s'abétisent.-Тупеют дети.

Aigrir(3,49)

1.vt Le sel aigrit le lait.Соль окисляет молоко.

2.vi Le lait aigrit.Молоко киснет.

3.pr Son caractère s'est aigri.Его настроение становится кислым.

Bronzer(3,251)

1.vt Les baigneurs bronzent la peau au soleil.-Кожа пловцов загорает под солнцем

2.vi Les baigneurs bronzent au soleil.-Пловцы загорают под солнцем.

3.pr Les baigneurs se bronzent au soleil-Пловцы загорели под солнцем.

Brunir(3,255)

1.vt İls brunissent le visage au soleil-Их лица загорают под лучами солнца.

2.vi Le visage brunit au soleil-Лицо краснеет от солнца.

3.pr İls se brunissent au soleil-Они краснеют от лучей солнца.

Caraméliser (3.289)

1.vt İl caramélise du chocola-Оно делает какао карамельным.

2.vi Le chocola caramélise- Делает какао карамельным (выражает свойство).

3.pr Le chocola se caramélise-Какао становится карамельным (под другим воздействием).

Casser (3,301)

1.vt İl casse la branche-Он ломает ветку.

2.vi La branche casse-Ветка ломается(свойство в нем ломаться).

3.pr La branche se casse-Ветка сломалась (под внешним воздействием, в результате влияния ветра).

Déchirér(3,534)

1.vt Les épines lui ont décire le bras-Колючки исцарапали его руку.

2.vi Ce tissu ne déchire pas.Эта ткань не рвется (выражает внутреннее свойство и качество).

3.pr Cette robe se déchire vite-Это платье быстро рвется (выражает качество)

Découvrir (3,543)

1.vt Il a découver ses projets-Он раскрыл свои планы.

2.vi La mer découvre-Уровень воды в море понижается.

3.pr La source se découvre- Родник пробился, родник бьется, бьет из-под земли (выражает состояние как результат следствия чего-то).

Échouer (3,692.)

1.vt Il a échoué-Он уронил книгу.

2.vi Le livre a echoué-Книга упала.

3.pr Le livre s'est échoué dans le livre-Книга упала в воду.

Éclaircir (3,693)

1.vt Il faut éclaircir cette question-Следует выяснить этот вопрос.

2.vi Sa robe éclaicit-Ее платье теряет свой цвет.(выражает изменение состояния под внешним воздействием).

3.pr Les questions s'éclaircissent- Вопросы проясняются (выражает изменение состояния)

Следует отметить, что как и многие другие категории, категория действительного и страдательного залогов являются историческими категориями. Как и все языки, современный азербайджанский язык прошел длительный исторический путь развития. В ходе процесса развития изменились значения ряда глаголов. В связи с этим они перешли из одной категории в другую. Они стали многозначными и заняли широкое место как синонимы, антонимы и омонимы. Влияние этого развития на глаголы и присущие им особенности они или потеряли или же приобрели новые лексические значения. Глаголы проголодаться, походить, съежиться, сморщиться, наполниться, лениться, обижать, впитаться в ходе исторического развития приобрели действительное значение. В ходе исследования мы сделали попытку проанализировать способность выражать действительное и страдательное значения одним и тем же глаголом в современном азербайджанском языке под влиянием различных языковых факторов и описать сходные явления во французском языке.

Глагол «начать» как многозначный в основном употребляется в страдательном значении. Сегодня занятия начинаются в 9 часов. Конференция начала свою работу. Он начал есть. Однако в некоторых лексико- семантических случаях этот глагол, требуя прямой объект, приобретает действительное значение. Учитель вошел и спокойно начал вести урок. Он, не теряя времени, начал писать диктант. Дети начали искать дорогу. Когда глагол «начать» приобретает действительное значение, он выступает и образует сочетание с другим глаголом в соответствующем падеже. Он начал искать дорогу. Он начал писать диктант. Он начал пить чай. Конструкции, которые образует глагол «начать» в действительном и страдательном значении в обоих языках имеет одинаковые лексико- семантические особенности.

Следует отметить, что как в азербайджанском языке, так и во французском языке глагол «начать» как и глагол «работать», «читать» может употребляться без объекта в действительном значении. Как только он вошел (…) начал читать (…). Употребление в предложении после глагола «читать» прямого дополнения влияет на лексико- семантическое, грамматическое и функциональное значение. В подобных предложениях в обоих языках подразумевается прямое дополнение и его можно легко восстановить. А это связано с лексико- семантическими особенностями предыдущего глагола, выражающегося дательным падежом. Наличие прямого дополнения выражается в зависимости от предложения или содержания контекста. Это явление проявляется и во французском языке.

Глагол «положить» (класть) является многозначным и омонимичным. Он употребляется более чем в 30-ти значениях и в основном в действительном иногда в страдательном значении, например: держать, поручать, сделать, пропустить, предоставить возможность, задерживать, поручить, строить, установить, одеваться, одевать, уделять, тратить, проложить, вымостить, определить, выполнить, предложить, писать, исправлять, составить, удлинить, провожать, бросить, оставить, проходить, проявлять упорство. Глаголы с подобным значением – это: прекратить, остановиться, исчезнуть, могут употребляться более чем в страдательном значении.

Глагол mettre как и в азербайджанском языке, употребляется более чем в 20 значениях в действительном значении. А страдательное значение в отличие от азербайджанского языка, данный глагол заменяется прономинальным видом и употребляется в значении начать, садиться, присесть, расположиться, занять место, ложиться. Il se met devant son bureau-Он садится за письменный стол Il se met au travail-Он начал работать. В некоторых случаях он приобретает средневозвратное значение.Ce chandail se met sur la jupe-Этот свитер надевается сверх юбки

Вернуть. Этот глагол в действительном залоге обозначает: завершать, довести до конца, закончить, дополнить. Он закончил, завершил, довел до конца работу. Глаголы освободить, спасти, закончить означают выйти из тяжелого положения. Он Мамеда освободил, спас от врага. В страдательном значении данный глагол обозначает завершение, доведение работы до конца, закругление в работе. Это дело завершено, закончено, доведено до конца. В значении спастись. Он освободился, спасся от столкновения. В значении натерпеться, умереть, погибнуть. Он уже сдал концы, умер, погиб данный глагол приобретает страдательное значение. Во французском языке глагол sauver как и в азербайджанском языке, могут приобретать и действительное и страдательное значения. А в действительном залоге спасти означает «выйти из трудного положения». В значении спастись он переходит в прономинальный вид.

Садиться в транспорт. Если этот глагол выражается в значении «садиться в транспорт», он употребляется в страдательном значении, например: садиться на лошадь, оседлать лошадь, сесть в поезд. Во французском языке данный глагол выражается более устойчивым сочетанием

и приобретает значение действительного залога. Он сел на коня и умчался. Пословица: Сначала оседлай осла, прежде чем коня. Это за дело, оседлаешь такого коня, а заботиться о нем не можешь. В данном случае глагол приобретает более конкретное значение.

ЛИТЕРАТУРА:

1.G.Gougenheim.Statistiques linguistique et histoire du vocabulaire. Cahiers de Lexicologie, II,1960

2.Həsən Mirzəyev.Müasir Azərbaycan dilində fellərin leksik sinonimliyi. Bakı,1986

3.Ç.Babaxanova.Nouveau dictionnaire français-azerbaidjanais VolumeI.Edition “keuvsar”.Baku, 2011

4.Brunot.La pensée et la langue

ИНФОРМОНИМ КАК СВЕРНУТЫЙ ОНОМАСТИЧЕСКИЙ МИФ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ТАТАРСКИХ СМИ)*

Карабулатова И.С.,
доктор филологических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Ниязова Г.М.,
доктор филологических наук, доцент,
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: информонимы, СМИ, этническое самосознание, этнолингвоинформационное пространство, татары, мифологема, архетип
Key words: informonimy, media, ethno-linguistic and information space, ethnic identity, Tatars, myth, archetype

Аннотация. Не вызывает сомнений, что среди различных факторов, влияющих на этноидентификацию личности, на первом месте стоит языковая среда. Если мы посмотрим на виртуальную карту этнолингвоинформационного пространства (термин Г. М. Ниязовой, 2008) современной России, то обнаружим, что она голографически передает суть этноязыковой политики российского государства. Информонимия, как совокупность наименований всех средств массовой информации, обладает мощным потенциалом воздействия на глубинные структуры психики реципиента. На примере названий татарской периодики автор показывает, какие константы традиционной татарской культуры являются важными и транслируются из поколения в поколение.

There is no doubt that the language environment is on the first place among the various factors influencing the ethnic identity of the individual. If we look at the virtual map of ethno-linguistic and information space (the term G.M.Niyazova, 2008) of modern Russia, we find that the card transmits holographically are ethno-linguistic policy of the Russian state. Informonimy, as a set of names of all the media, has a strong potential to address the underlying structures of the mind of the recipient. The author shows the example of the names of Tatar periodicals, some constants traditional Tatar culture are important and are broadcast from generation to generation.

Несомненно, что средства массовой информации моделируют лингвоэтническое сознание как граждан России, так и мигрантов. Особенно четко мы можем видеть сейчас при освещении украинских событий 2013-2014 гг. в различных СМИ. Потенциально каждое сообщение СМИ содержит в себе основу для порождения мифа или поддержки уже существующего, или само является мифом [Ниязова 2008; Карабулатова 2008; Карабулатова 2014].

Мы считаем, что способом хранения ономастических знаний выступает ономастический модуль. Этот модуль имеет многоуровневую структуру, которая отражает когнитивные процессы в мозге реципиента. Вершиной структуры является сам оним, который расширяет непосредственное этимологическое, лексикографическое значение за счет увеличения разносторонних ассоциативных связей, которые, в свою очередь, выстраивают ономаконцепт. Сам ономаконцепт является также одной из иерархических структур ономастического мифа пространства в целом [Карабулатова 2008: 34], это позволило нам рассматривать «топоним как свернутый текст» [Карабулатова 2010: 50].

Впервые эта структура была разработана и предложена нами в работе по прогностической топонимике [Карабулатова 2008: 32], позже она была успешно апробирована и на других классах онимов [Карабулатова, Гузенко, Чаукерова 2011].

В России татарооориентированные и татарские СМИ занимают особое место, поскольку татары являются вторым по численности этносом в России, удерживая лидирующие позиции в таких регионах, как Татарстан, Тюменская область, Башкортостан, Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Оренбург, Омск, Саратов, Крым. За пределами России – в исторически обусловленных территориях Турции и Румынии.

Первая четверть XX столетия была «золотым веком» татарской национальной периодики, после которого наступил этап резкого упадка. В период между 1905 и 1917 годом каждый татарский промышленник и купец, несмотря на сложность получения разрешения от губернских властей, стремился начать выпуск газеты в своем городе, чтобы внести свою лепту в историю своего народа. Например, первым предпринял безуспешную попытку получить разрешение на издание татарской газеты в 1808 г. был профессор Казанского университета И. И. Запольский. В 1834 г. некий студент восточного факультета Казанского университета М. Г. Никольский обратился с просьбой к попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину разрешить издание газеты «Бахр-уль-ахбар» («Море новостей»), но, несмотря на поддержку профессора А. Казем-Бека, разрешение не было предоставлено.

В 1870-ых годах татарский просветитель Каюм Насыри обращается с ходатайством об издании газеты «Тан йолдызы» («Утренняя звезда»), но результат был отрицателен. Революция 1905 года открыла новые условия для возникновения татарской периодики: 2 сентября 1905 года в Санкт-Петербурге вышел первый номер первой татарской еженедельной газеты «Нур» («Луч»). Русская революция 1905-1907 гг. способствовала скачкообразному развитию татарских СМИ. Татарские газеты и журналы стали издаваться во многих городах Российской империи, где было представлено татарское население: Астрахань, Казань, Москва, Оренбург, Санкт-Петербург, Тобольск, Уфа, Уральск и т.д.

Географически основным центром татарской периодики была и остается Казань. Самой первой казанской газетой на татарском языке стала либеральная газета «Казан мохбире» («Казанский вестник»), чей первый номер вышел

* *Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету Министерством образования и науки РФ для выполнения проектной части государственного задания в сфере научной деятельности*

29 октября 1905 года. Официально ее издавал адвокат Саидгарей Алкин, один из основателей партии татарской буржуазии «Мусульман иттифакы» («Союз мусульман») [Хайретдинова, Карабулатова 2012: 58]. Чуть позже начала выходить вторая казанская газета «Йолдыз» («Звезда»), а 1 февраля 1906 года — третья газета «Азат» («Свободный»), в которой работали такие знаковые фигуры татарской культуры, как Галиаскар Камал и Гафур Кулахметов. В 1906 г. Рашид Ибрагимов начал выпускать татароязычную газету «Ульфат» («Дружба»), а уже в 1913 г. в Петербурге увидела третья питерская татарская газета — «Ил» («Страна»), на следующий год эта газета стала издаваться в Москве. С 1915 г. начала выходить ещё одна московская татароязычная газета — «Суз» («Слово»), позже ставшая именоваться как «Безнен юл» («Наш путь»).

Центрами татарского издательского дела выступали также Оренбург и Уральск. Именно в типографиях этих городов увидели свет первые номера газет или первые экземпляры книг практически всех тюркоязычных народов Средней Азии, так как до революции 1917 года у этих народов не было своего книгопечатания, своих типографий и своих газет. Это обусловило особое отношение к татарам у других народов тюркского мира как к носителям идей просвещения. Так, в Оренбурге, в 1907 году, начала выходить социал-демократическая газета «Урал», издателем которой был большевик Хусаин Ямашев, а уже в январе 1908 г. в Оренбурге увидел свет литературный журнал «Шура» («Совет»), издателем которого был золотопромышленник и известный татарский поэт Закир Рамиев (Дэрдмэнд).

Время издания первых татарских газет и журналов служит прекрасным образцом для современных предпринимателей, поскольку история с благодарностью зафиксировала имена татарских издателей. Из газет и журналов личностно-персонифицированной категории нам известны, по меньшей мере, следующие (в основном сатирического плана): «Авыл» (1917, Симбирск — Г. Шагиди), «Башкия торган чолгау» (1913, Казань (?) — М. Ганберов), «Борау» (1917, Уфа — С. Шарафутдинов), «Бэнд» (1902-1903, Казань — Ф. Амирхан), «Ваткыч» (1917, Пермь — В. Хангильдин), «Кусэк» (1916-1917, дер. Малая Уфимской губ. — Н. Исанбет), «Телеграф хэбэрлэре» (1915, Астрахань — А. Гумеров), «Солдат тавышы» (1917, Царицын — Г. Мусин), «Тан жиле» (1917, Ижевск — А. Искандер), «Чаян» (1917, Ташкент — Х. Туляков, И. Тагиров), «Юл» (1917, Петропавловск — С. Сагдетдин), «Яшен» (1906-1907, Уфа — Г. Ибрагимов) и др. Нелегальным изданием всероссийского звучания была газета «Эл-Ислах», выходившая в Казани под лозунгом «Все татарские шакирды, объединяйтесь!» (1905-1907) [Хайретдинова, Карабулатова 2012 а].

В советское время вопрос о выпуске газет решался исключительно партийными и советскими чиновниками, которые, обычно, не видели никакой необходимости печатания татарских газет, особенно вне Татарстана. Например, в советский период информонимы были типичны: «Кызыл сөңге» («Красное копье», Астрахань), «Ленин юлы» («Ленинский путь», Тобольск), «Солдат ялкыны» («Солдатское пламя»), «Маариф» («Просвещение») и др. Главной мифологемой советского периода было формирование советского человека. Этот стандартный набор устойчивых выражений, которые отражали советскую реальность и советскую артикуляцию оценок, что сближает этот пласт с традиционными константами толстовской фразеологии [Ломакина 2006]. Только в 1919-м году было издано более 20-ти большевистских газет на языке [Хайретдинова, Карабулатова 2012 (а): 48]. Этот языковой и культурный плюрализм пошатнулся в советское время.

Упадок периодической печати на татарском языке в советский период коснулся именования, содержания, тиража и географии распространения газет и журналов. Сами названия выхолащивались, унифицировались, представляли собой лишь кальки с русского языка. Это было задано главенствующей коммунистической идеологией страны. До революции содержание татарских газет и журналов представляло собой разноцветную палитру идеологических направлений — от праворадикальных до леворадикальных — а в советское время вся периодика выражала лишь идеи марксизма-ленинизма. Это разнообразие находило свое выражение уже на стадии имени газеты и/или журнала. Такое положение вещей было стандартным как для татарских, так и для других национальных СМИ. Второй этнос страны имел возможность издавать и читать периодику на своем родном языке после русской революции 1905—1907 годов во многих городах России, где компактно проживали татары, то в советский период татарские газеты выходили лишь в Татарстане и Башкортостане.

По сравнению со среднеазиатскими народами, для которых большевистская революция впервые в их истории открыла возможность издания газет на родном языке, татарское этнолингвоинформациооное пространство претерпело большой урон от революции. В принципе, до начала 1980-ых годов, можно перечислить по пальцам периодические издания на татарском языке: «Социалистик Татарстан» («Социалистический Татарстан», газета), два татарских общественно-политических и литературно-художественных журнала — «Казан Утлары» («Огни Казани») и «Азат Хатын» («Свободная женщина»), а также детский журнал «Ялкын» («Искра»), которые, по подписке, были также доступны и некоторой части татар вне своей республики [Хайретдинова, Карабулатова 2012 (а): 46].

Советские чиновники видели в татарах не древний народ с многовековой письменной культурой, а лишь население одной из автономных республик, которая должна была занимать второстепенное положение по сравнению с другими союзными республиками (Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, Украина). С распадом СССР, ситуация, казалось бы, должна была измениться в лучшую сторону: у быстро нарождающегося класса татарских бизнесменов и магнатов появились все возможности для учреждения и издания новых органов печати на татарском языке. Но этого не произошло. Частично это объясняется далеко зашедшей этнической ассимиляцией: у многих потенциальных издателей нет ни желания, ни интереса служить делу просвещения своего народа. В советское время более двух третей всех татар проживало вне Татарстана, доступ большинства татар к газетам на родном языке был серьёзно ограничен.

Информонимы являются, как правило, именами-символами, поэтому в наименованиях СМИ распространены лексемы, указывающие на принадлежность татарской культуре: «Татарстан», Татнет, «Татар илэ», «Татарстан яшлере» («Молодежь Татарстана»), «Татарстан дулкынында» («На волне Татарстана»), «Башкортостан», «Башкорт», «Кара дингез» («Черное море», Румыния), «Том сузе» (Томск) и др.

Наименования татарских СМИ зачастую носят мифо-

логический характер, поскольку они актуализируют определенную модель поведения и определенное отношение. Например: «Тулпар» («Конь-скакун», Уфа), «Кояш» («Солнце»), «Саф чишме» («Чистый родник», Екатеринбург) и др. [Хайретдинова, Карабулатова 2012: 59]. В российской истории мы видим мощный тюркско-татарский пласт, где наиболее яркими национальными татарскими образами-символами являются солнце, дорога, простор, широкая река, дом, дерево и т.п. [Хайретдинова, Карабулатова 2012: 60]. Эти образы являются ключевыми и для других кочевых народов [Зинченко, Карабулатова 2013: 140; Карабулатова, Зинченко 2013 (а): 204]. Эти образы активно эксплуатируются в именовании СМИ для разворачивания внутреннего диалога внутри личности реципиента и акцентуации определенных ассоциативных пластов культуры. То, что производят СМИ, может быть и вымыслом, иллюзией или порождать оные, и в то же время тиражируемые образы могут служить реципиенту примером для подражания, моделью поведения, а также приниматься как действительные, реальные события, имеющие к тому же особое значение. Решающим фактором в формировании феномена национальной идентичности является историко-политический контекст. Он выражается, например, в мифологическом, культурном или политическом национализме, вытекающем из древнейшего опыта наших предков, противостоящих враждебным силам. Например: газета «Азан» («Призыв к молитве», Самара), газета «Идел» («Волга», Казань), «Йолдыз» («Звезда», Казань), «Карчыга»(«Коршун»), «Көч» («Сила», Астрахань) и др. Это обнаруживает параллели в устойчивых выражениях в разноструктурных языках и культурах [Ахметова, Смагулова, Карабулатова, Чаукерова, Вафеева 2013].

Национальное самосознание – это одна из самых устойчивых доминант, присутствующая в современном обществе. На этом фундаменте строится конструкция национальной идентичности, включая ее культурный и политический аспект [Ворожбитова 2007]. Так в Республике Крым, в период вхождения республики в состав постсоветской Украины, татарские СМИ имели только названия на татарском языке, но все материалы в них публикуются на русском языке. Например, это такие СМИ, как «Арекет» («Движение», журнал на русском языке, Крым), журнал «Арзы» (Крым). Сейчас крымские татары получили больше возможностей для сохранения своей идентичности. Аналогично обстоит ситуация и в Белоруссии: газета «Жизнь татарская» (на русском языке, Минск, Белоруссия). Советский лингвоцид малых народов привел к неудовлетворительному знанию родного языка, что и привело к применению русского языка в татарском инфопространстве. Буферной зоной являются те СМИ, которые используют два-три языка. Например: «Къырым» – 80% на крымскотатарском языке и 20% на русском языке; «Alta bach» (Германия) – журнал в равных долях использующий немецкий, русский и татарский языки.

В последнее время региональные власти отдельных российских регионов публикуют газеты на татарском языке в местах их компактного проживания. Например, в Куйбышевской области издаётся газета «Бердәмлек» («Единство»), тираж которой не превышает 6 тысяч экземпляров. В Ульяновской области выходит газета « Өмет» (Надежда), чей тираж не превышает 7 тысяч. В Тюменской области – «Янарыш» (обновление, Тюмень), в Удмуртии также - ««Янарыш», «Татар деньясы» (Татарский мир, Омск), «Тартыш» (Борьба, Астрахань), Мохтарият» (Автономия, Саратов, Уфа). Крайне низкие тиражи таких изданий типичны для всех регионов, где выходят татарские газеты. Подавляющее большинство татар в диаспоре не имеют доступа к татароязычной прессе. По причине ассимиляции, у многих татар даже нет желания читать газеты на родном языке, поскольку «социогенез вербального поведения личности в значительной степени диктуется экстралингвистическими факторами» [Karabulatova 2013: 793]. Не вызывает сомнений, что современное этнолингвоинформационное пространство трансформирует ценностно-мотивационную структуру личности. Противовесом всем негативным тенденциям является Татарский Интернет («Татнет»), который, в некоторой степени, компенсирует недостатки в развитии татарской периодики [Zamaletdinov, Karabulatova, Yarmakeev, Ermakova 2014]. Среди таких интересных интернет-изданий можно назвать международный электронный журнал «АлТаБаш», вещающий на трех языках: татарском, немецком и русском. Единый список татарских СМИ (в период XIX-XXI вв.) включает в себя 351 наименование татарских СМИ. И в этом плане татары держат пальму первенства на постсоветском пространстве в целом.

Несомненно информонимия выполняет этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции. Названия татарских СМИ являются «ключевыми словами», запускающими и актуализирующими процессы этничности в языковом этносознании конкретного индивидуума. В связи с этим, поскольку татарское этнолингвоинформационное пространство имеет свою историю и многовековую традицию, необходима разработка единой комплексной программы, которая объединяла усилия различных татарских СМИ в сохранении и развитии этнической идентичности у татар как второго этноса Российской Федерации. Сами названия татарских СМИ являются «свернутыми этническими мифами с богатой ассоциативной сетью, которая разворачивается в языковом сознании реципиента в заданном номинативной единицей направлении» [Карабулатова 2008: 69].

Мы видим, что история развития татарских СМИ отражает процесс становления национального самосознания у татар, а интегративный характер татарских информонимов обусловлен взаимодействием этническо-национального, религиозно-конфессионального, государственного самосознания. Так, знакомство с ценностными доминантами татарской культуры происходит уже на уровне номинативных единиц СМИ: «Аллюки» (аналог «Баю-бай», детский журнал), Умма (Паства), «Эль-галями эль-ислами» (Исламский мир). Общепризнанно, что татарская культура проводит исламские ценности в мир российского социума, поэтому многие понятия ислама широко используются в сфере татарских СМИ. В этой связи можно констатировать, что информонимия отражает специфику татарского полилингвизма, для которого характерно использование родного языка, конфессионального и государственного русского [Карабулатова 2011: 78; Поливара, Карабулатова 2012: 65].

Мы полагаем, что замалчивание конфессиональной стороны трилингвизма у татар связано, на наш взгляд, с этнотравмами. Специфика взаимодействия татарской и русской культуры заключается в наличии так называемой «этнотравмы», связанной с определенными негативными историческими фактами в современной политике [Karabulatova 2013: 793]. Как правило, этнотравма приоб-

ретает гипертрофированные черты и требует включения в механизм национальной идентификации. Историческими примерами этнотравм являются поражение Казанского ханства в войне с Иваном Грозным, падение Сибирского ханства, войны на Северном Кавказе, введение «черты оседлости» для евреев в России, поражение Германии в Первой мировой войне и Версальский договор, и т.п. [Хайретдинова А.М., Карабулатова И.С.(а) 2012: 44]. Как правило, практически все татары кроме родного татарского не только владеют русским языком, но также и арабским. Причем усвоение языков идет в следующей последовательности: 1) татарский, 2) арабский, 3) русский, 4) иностранный (английский/ немецкий/ французский) [Карабулатова 2011: 80; Поливара, Карабулатова 2012: 67]. Нельзя отрицать влияния архетипов, которые формируют новые или усиливают прежние ценностные ориентации общества, ощущающего свою идентичность, которая представляет собой важнейший фактор построения позитивного имиджа народа, региона, страны в глазах общественности, так как предлагает основу для консолидации общества.

Мы должны понимать, что все поликомпонентное пространство татарских СМИ благодаря коммуникациям реализуется как носитель кода имиджа этноса, религии и государства в целом. Этнические константы в национальной информонимии «выполняют защитную функцию, являясь своеобразной реакцией на нестабильность общества как более древняя и устойчивая форма информационного структурирования мира» [Койше, Карабулатова 2013: 154].

Характер этнического поведения (социокультурного, прежде всего) также несет в себе специфику языка и культуры, прежде всего, при помощи национальноязычных СМИ. Все вместе это требует сегодня взвешенного подхода и интеграции сил национальной интеллигенции, бизнеса для сохранения этнической идентичности, языка и культуры у татар в целом. Одним из таких способов может стать создание ассоциации, которая бы регламентировала бы направления и наполнение современных татарских СМИ, что является особенно актуальным для татар, проживающих вдали от основного «этнического ядра».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахметова Б.А., Смагулова Г.К., Карабулатова И.С., Чаукерова Г.К., Вафеева А.Р. Теоретическое осмысление устойчивых сравнений в разноструктурных языках// Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел. - 2013. – № 2 (31). – С.134-138.

2. Ворожбитова А.А. Лингвориторический подход к формированию языковой личности в ситуации национально-русского двуязычия // Языковая личность в аспекте антропологии: Матер. региональной научно-практической конф. Ставрополь: СГПИ, Бюро новостей, 2007. С. 6–13.

3. Zamaletdinov R.R., Karabulatova I.S., Yarmakeev I.E., Ermakova E.N. Linguo-Propaedeutics of Ethnic Conflicts as a Basis for Stability in Complex Polyethnic Regions // Asian Social Science. Vol 10, No.20, 2014, ISSN 1911-2017; E-ISSN 1911-2025. Published by Canadian Center of Science and Education. Received: June 22, 2014 Accepted: July 15, 2014 Online Published: September 24, 2014. doi:10.5539/ass.v10n20p1.URL: http://dx.doi.org/10.5539/ass.v10n20p1

4. Зинченко А.А., Карабулатова И.С. Роль суеверий и поверий в сакрально-ритуальном дискурсе шаманской практики тундровых ненцев // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел. - 2013. № 5 (34), С.139-142.

5. Карабулатова И.С., Зинченко А.А. О проблемах лингвомоделирования языковой личности в ненецкой традиционной культуре// Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел. – 2013(а). № 5 (34), С.203-206 .

6. Карабулатова И.С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании современных носителей русского языка. - Тюмень: Печатник, 2008. – 254 с.

7. Карабулатова И.С. Топоним как свернутый текст // Человек и язык в коммуникативном простанстве: сборник научных статей. Красноярск. 2010. Т.1, №1. – С.50-53.

8. Карабулатова И.С. Языковая личность в контексте межкультурных коммуникаций// Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. - Кемерово: КГУКИ, 2011, №16. – С. 77-85.

9. Карабулатова И.С., Гузенко С.В., Чаукерова Г.К. Луна и солнце тюркского имени: метаморфозы имени собственного / Под общей редакцией И.С.Карабулатовой. – Тюмень: Вектор Бук, 2011. – 150 с.

10. Karabulatova I.S. The problems of linguistic modeling of new Eurasian linguistic personality in multilinguistic and mental environment (by example of onomasphere) // Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 791-795, 2013.ISSN 1990-9233.© IDOSI Publications, 2013.DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12262. – Режим доступа: http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(6)13/15.pdfhttp://www.idosi.org/mejsr/mejsr17%286%2913.htm.

11. Карабулатова И.С. Современная евразийская языковая личность как новая проблема лингвобезопасности в эпоху глобализации и миграций // Национальные приоритеты России. 2014. № 2 (12). С. 80-84.

12. Койше К.К., Карабулатова И.С. Эстимационная характеристика образа казаха-кочевника в романе Ф. В.Булгарина «Иван Иванович Выжигин» // Вестник Орловского государственного университета. Орел. – 2013. – № 2 (31). – С. 67-76.

13. Ломакина О.В.Отражение русского национального характера во фразеологии народных драм Л.Н.Толстого // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры: материалы междунар.науч.-практич.конф. (17-19 марта 2006 г.). – М.: Элпис, 2006. – С.43-45.

14. Ниязова Г.М. Современное информационное пространство. Современное информационное пространство: этнолингвофункциональный подход / под ред. И.С. Карабулатовой. – Тюмень: Печатник, 2008. – 164 с.

15. Поливара З.В., Карабулатова, И.С. К проблеме речевых дисфункций у детей-билингвов в полиэтничном пространстве // Культурная жизнь юга России, Краснодар, №1, 2012. – С.64-67.

16. Хайретдинова А.М., Карабулатова И.С. Специфика функционирования номинативных единиц этнолингвоинформационного пространства (на материале татарского языка) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово, Вып. №2 (15), 2012. С. 56-62.

17. Хайретдинова А.М., Карабулатова И.С.(а). О месте информонимов (номинативных единиц СМИ) в современном этнолингвоинформационном пространстве (на материале татарского языка)// Научное обозрение серия 2. Раздел «Лингвистика». Москва, №1, 2012. – С.42-50.

СОВРЕМЕННАЯ СПЕЦИФИКА ЭТНОИНТОНОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК В РЕЧИ УКРАИНЦЕВ - БИЛИНГВОВ В УСЛОВИЯХ ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЫ РОССИИ И УКРАИНЫ1

Карабулатова И.С.,
доктор филологических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Поливара З.В.,
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: украинцы-билингвы, инофоны, аттрикция, интерференция, орфоэпическая норма, этническая интонология (этноинтонология), иноэтничная среда, диаспора, близкородственный билингвизм
Key words: Ukrainian Bilingual, inophones, attriction, interference, pronouncing norm ethnic intonology (ethno-intonology), other-ethnicity environment Diaspora, closely related to bilingualism

Аннотация. В статье рассматривается, специфика сохранения и трансформации орфоэпических норм украинцев-билингвов, проживающих в Тюменской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Сегодня украинцы становятся объектом пристального внимания многих представителей научного знания, поскольку актуален вопрос: насколько развита дифференциация между Россией и Украиной. Тюменский регион имеет особый статус, представленный не только огромной территорией, но и полиэтничны лингвопространством, населённым многими этносами и субэтносами. Тюменские данные представлены в сопоставлении с результатами авторских обследований украинцев Полтавы и Львова. Украинцы занимают третью позицию по численности в Тюменской области, включая округа. В то же время языковая близость украинцев и русских способствовала появлению специфического этнического интонирования, обусловленного явлениями интерференции и аттрикции в речи тюменских украинцев. Миграция народов на территорию тюменского Севера, смена привычных занятий, языкового поведения, как правило, приводит к угасанию многих черт национальной культуры, языка, а затем и к практически полному исчезновению, но реликтовые черты сохраняются в виде этнически обусловленного интонирования. Наши наблюдения показывают нарастание явлений смешения произносительных норм по месту и по способу артикуляции как в русской, так и в украинской речи украинцев-билингвов тюменского Севера. Проблема билингвизма тюменских украинцев непосредственно связана с практическими потребностями совместного сосуществования людей различных этнических образований и групп в условиях освоения Севера. Методика исследования, примененная в работе, традиционна для исследований подобного рода, но не лишена некоторых инноваций ввиду сложности изучаемого объекта. Определенную практическую ценность представляет обобщение многолетнего опыта функционирования языка украинской диаспоры в Тюменской области, фиксация языковых фактов и событий, связанных с ним, их ценностно-смысловое обоснование.

Психолого-педагогический аспект исследования позволяет в результате анализа деятельности украинских воскресных школ выработать концептуальные рекомендации для дальнейшего их развития, успешного обучения украинскому языку детей в диаспоре. Изучение русско-украинского двуязычия в диаспоре Тюменской области позволяет дополнить теоретические положения проблемы близкородственного билингвизма. В частности, его лингвистический аспект – интерференцию, связанную с различными уровнями языка; определить уровень влияния экстралингвистических факторов на состояние украинского языка в диаспоральной среде.

The article examines the specifics of the conservation and transformation rules orthoepic bilingual Ukrainians living in the Tyumen region, the Khanty-Mansi and Yamal-Nenets Autonomous District. Today, Ukrainians are the object of attention of many members of the scientific knowledge as pressing question: how developed differentiation between Russia and Ukraine. Tyumen region has a special status, presented not only a vast territory, but also linguistic and multiethnic space inhabited by many ethnic groups and sub-ethos's. Tyumen data are shown compared with the results of surveys of Ukrainians copyright Poltava and Lvov. Ukrainians occupy the third position on the strength of the Tyumen region, including the District. At the same time the linguistic closeness Ukrainians and Russian contributed to the emergence of a specific ethnic intonation due to interference phenomena in speech and attriction of Tyumen Ukrainians. Migration of peoples in the Tyumen North, changing the usual activities, language behavior leads to the extinction of many features of national culture, language, and then nearly to extinction, but relict features are stored in the form of ethnically related intonation. Our observations show the growth of the mixing phenomena pronunciation norms in place and method of articulation in Russian and in Ukrainian bilingual speech Tyumen North. The problem of bilingualism Tyumen Ukrainians associated with the practical needs of co-existence of people of different ethnic groups and formations in the Context of the North. Method of research applied in the traditional for this kind of research, but is not without some innovation in view of the complexity of the object being studied. Certain practical value is a generalization of many years' experience of language functioning of the Ukrainian Diaspora in the Tyumen region, fixation of linguistic facts and events associated with them, their values and meanings justification.

Psycho-pedagogical aspect of the study allows to develop conceptual recommendations for further development of successful teaching Ukrainian children in the Diaspora as a result of analysis of the Ukrainian Sunday schools. The study of Russian-Ukrainian bilingualism in the Diaspora of the

** Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проектной части государственного задания в сфере научной деятельности*

Tyumen region allows us to supplement theoretical propositions closely related problems of bilingualism. In particular, its linguistic aspect - the interference associated with different levels of language; determine the level of influence of extra-linguistic factors on the state of the Ukrainian language in the Diaspora environment.

Интерес к языковой деятельности различных этнических образований обусловлен усилением позиций человеческого фактора в языке, свидетельствующего о смене базисной парадигматики. Сегодня на территории России в силу известных причин происходит активизация этносов как субъектов и объектов этнополитических процессов, в этой связи возрастает интерес к исследованию различных диаспоральных групп в разных аспектах, в том числе и в этнолингвистическом [Бабенко, 1997; Бабенко, Бабенко, 2007; Беженцев, Карабулатова, Койше, 2010; Тюменская область: народы, языки, культуры, 2007; Поливара, Карабулатова, 2011; 2011 (а); Этнолингвистика евразийского континуума, 2009; Ингушская диаспора, 2008; Ингушская диаспора, 2008; Ингушская диаспора, 2010; Ломакина, Шурухнова, 2004]. Следует отметить, что при этом в развитии национальных и федеративных отношений постепенно выделяется фактор особой этнической группы – диаспоры, претерпевающей пору оживления и обострения национального самосознания и национальной самоидентификации, где фактор языка становится одним из ведущих [Беженцев, Карабулатова, 2011; Поливара, Карабулатова, 2011 (а); Карабулатова, Карелина, 2006; Птицына, 2007]. Сложность и многоаспектность полилингвизма в контексте глобализации и миграций обусловили разносторонние аспекты изучения билингвизма (лингвистические, психолингвистические, социоэтнолингвистические, культурологические, педагогические), что вызвало появление многочисленных научных работ по этой проблеме [Фролов, Карабулатова, 2001; Карабулатова, 1997; 2001; 2004; 2006; 2007; Карабулатова, Исакова, 2007; Поливара, 2008; 2008 (а); Поливара, Карабулатова, 2011(а); Поливара, Карабулатова, 2013].

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года в Тюменской области проживает 157, 3 тыс. украинцев. Это третий по численности народ (после русских и татар), населяющий территорию региона. Численность украинцев уменьшилась по сравнению с 2002 г. [Тюменская область: народы, языки, культуры, 2007]. Однако, несмотря на значительное число украинцев, проживающих здесь, русско-украинское двуязычие до сих пор не достаточно исследовано. Научных исследований о функционировании украинского языка вне метрополии немного [Ажнюк, 1999; Бабенко, 1997; 2007; Буджак, 1987; Жлуктенко, 1964; 1990; Идзё, 2002; Карабулатова, 1997; 2001; 2004; 2006; 2007; Карабулатова, Карелина, 2006; Млечко, 2014; Фролов, Карабулатова, 2001; Поливара, 2008; Поливара, 2008 (а); Поливара, Карабулатова, 2013]. Ранее вопрос о языковой ситуации, особенностях поведения и языкового сознания украинцев Тюменской области частично рассматривался в работах тюменских исследователей [Демина, Карабулатова, 2004; Карабулатова И.С., 1997-2007;Карабулатова, Карелина, 2006; Поливара, 2008].

Проблема заключается в том, что на фоне сосуществования многообразия языков и диалектов наблюдается снижение функциональной роли родных языков и, как следствие, ассимиляция, а затем исчезновение языков переселенцев [Поливара, Карабулатова, 2011 (а)]. Тем не менее, желание сохранить родные языки и передать их своим детям присуще практически всем украинским мигрантам [Карабулатова, 2003: 11]. Их детям, оказавшимся в иноэтничной языковой среде, приходится одновременно осваивать несколько языковых систем. Так рождается лингвосреда, где «носитель» двух языковых систем общения называется билингвом [Поливара, Карабулатова, 2013]

Своеобразный свод правил, составленный и написанный на украинском языке известным историком, лингвистом, общественным деятелем И. Огиенко, называется «Наука об обязательствах к родному языку. Катехизис на родном языке для учителей, работников пера, духовенства, адвокатов, учащихся и широкой общественности» [1936]. О труде И.Огиенко в украинском научном поле стали активно писать в нулевых годах [Белая, 2000; Белая, 2001]. Украинское выражение «рідномовні обов'зки», используемое И. Огиенко, трудно поддается адекватному переводу на иностранный язык. Ведь не можем же мы сказать родноязычные обязанности? Мы можем сказать: обязательства по отношению к родному языку. Естественность этого выражения в устах украинца говорит сама за себя, подтверждая еще раз тезис о том, что в данном случае язык как этноконсолидирующий фактор занимает первое место среди прочих других. Попробуем все же найти адекватную формулировку, соответствующую украинской. Поскольку в книге даются наставления о том, чтобы каждая украинская семья в любых жизненных обстоятельствах пользовалась украинским языком, прилагала бы все усилия к сохранению его чистоты и непременно обучала родному языку своих детей, то вероятно, наиболее близким по смыслу будет текст: «Обязанности в отношении родного языка». Мы уделили внимание этому вопросу в связи с тем, что в книге И. Огиенко есть отдельная глава «Обязательства к родному языку в смешанных браках», где речь идет о неукоснительном исполнении украинцами определенных обязательств в отношении сохранения родного языка в смешанных браках. Вот некоторые правила «Катехизиса»:

1.Общество должно строго следить, чтобы его члены не вступали в смешанные браки.

2.Смешанный брак обычно приводит к языковому вырождению, самому большому греху против своей нации.

3.Если твоя жена иностранка (в украинском варианте – «чужомовна»), дословно «иноязычна», ты должен постараться, чтобы в семье господствовал твой родной язык и чтобы дети твои изучали родной язык еще с первого года жизни. Без этого – дети твои утрачены для нации (перевод – И.К.).

Сегодня кое-кого может покоробить жесткая категоричность требований «Катехизиса» И. Огиенко. Но необходимо помнить, что его книга написана в то время (1936), когда часть Западной Украины находилась под властью Польши и украинский язык был запрещен на этой территории. Возможно, эта категоричность столь длительное время культивировавшаяся в украинской среде способствовала проявлению ярко выраженных национальных черт характера, вплоть до крайне правых настроений.

Условия двуязычия по-разному отражаются на речевом развитии детей. Благоприятные обстоятельства (отсутствие патологий, регулярные занятия родителей с детьми) способствуют полноценному усвоению обоих языков. Од-

нако «все чаще в билингвальных условиях (особенно в случаях приоритета одного из языков) отмечается множество речевых отклонений от нормы, обусловленные как особенностями взаимодействия языковых систем, так и нарушением речевого развития недоминирующего языка, а нередко обоих языков» [Карабулатова, Поливара, 2011; Поливара, Карабулатова, 2011(а); Украина – Западная Сибирь: диалог культур и народов, 2007; 2008; Karabulatova, Polivara, 2013; Карабулатова, 2006; Карабулатова, Карелина, 2006].

Спорным в науке является соотнесение понятий билингвизм и владение другим языком как иностранным [Блягоз, 1989]. Так, исследователи утверждают, что «билингв мыслит или на одном, или на другом языке, тогда как владеющие иностранным языком инстинктивно переводят все на свой родной язык» [Балкина, Маханькова, 2007]. В большинстве же других работ владение любым другим языком (помимо родного) уже названо билингвизмом, однако разной степени выраженности.

На фоне сосуществования многообразия языков и диалектов наблюдается снижение функциональной роли родных языков и, как следствие, ассимиляция, а затем исчезновение языков переселенцев. О таких последствиях двуязычия в обществе и в национальных языках в лингвистической литературе говорится уже по крайней мере с 1922 года, но здесь целесообразно обратить внимание на новейшие доводы в исследовании билингвизма [Поливара, Карабулатова, 2013; Загоровская, 2010; Млечко, 2014; Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве, 2012; Языковая ситуация в Канаде, 2014; Карабулатова, Ниязова, 2007], где речь идет об отрицательных явлениях, вызванных так называемой ситуацией коллективного билингвизма.

По близости, по родству языков различают близкородственный и неблизкородственный типы билингвизма. Первый, с одной стороны, проще, однако трудности подстерегают в преодолении межъязыковой омонимии, избавления от акцента, правильном употреблении сочетаний слов и т.д.

Усвоение любого языка, его орфоэпической нормы начинается с «просеивания через лингвистическое сито» родного языка, сопоставления общего и противоположного. При этом, дифференциальные и конститутивные признаки фонем, артикуляторно-акустическая характеристика звуков часто оказываются размытыми.

С целью изучения трансформации орфоэпической нормы у инофонов, нами были изучены фонетические характеристики произносительной стороны речи у украинцев - билингвов, проживающих в Тюменской области а также на территории Украины (Полтавской и Львовской областей). В качестве респондентов были взяты украинцы, которые давно проживают на территории Тюменской области, не являются вынужденными переселенцами последнего времени, а относятся к потомкам миграционных волн заселения региона [Карабулатова, 2001].

Поскольку, русский язык принадлежит к восточнославянской группе индоевропейской семьи языков, наиболее близкими языками данной группы являются белорусский и украинский. Данные языки подвергаются постоянному взаимодействию и взаимовлиянию, что не может не отразиться на состоянии речевых процессов их носителей. Главными чертами, отличающими русскую фонетическую систему, являются отсутствие кратких и долгих гласных и отсутствие дифтонгов. Ритм и ударение также доставляют немало проблем для детей-билингвов, изучающих русский язык [Поливара, Карабулатова, 2011; Поливара, 2008]. Именно ритмико-интонационные навыки, а точнее их отсутствие, или не совпадение с другими разноструктурными и/или близкородственными языками, выдают их как иностранцев [Карабулатова, 2011; Карабулатова, Койше, Поливара, Жумагулова, Ахметова, 2012]. В славянских языках вопросы произносятся с падающей интонацией, что воспринимается носителями языка либо как невежливость, либо угроза со стороны коммуниканта [Карабулатова, Карелина, 2006].

Согласно теории артикуляторного подхода, разработанного отечественными учеными–лингвистами И.А. Грузинской и К.М.Колосовым, выделяются 3 основные типологические группы фонем: а) совпадающие в обоих языках; б) несовпадающие; в) частично совпадающие. Наиболее трудными для усвоения следует признать последние 2 группы, причем частично совпадающие фонемы будут представлять самую большую сложность. Действительно, губные звуки [М], [П], [Б] в русском и украинском языках похожи, однако, усвоить их артикуляцию гораздо труднее в силу того, что отличия в артикуляции для нетренированного уха не слишком заметны. В украинском языке фонема [М] имеет более выраженную нозальность и более низкую тональность, чем в русском языке, что обусловлено более ярко выраженной атакой при произнесении звука и более высокой концентрацией фокуса звука. Это явление усиливается в ситуации обращения, требующей изменения последующего гласного после [М], [Б]: [мамо, бабо]. Украинский [М] звучит более твёрдо даже в сочетании с йотированным [ja]: м*ясо, м*яч м*ята , поэтому на письме отделён от него разделительным апострофом. Дети – билингвы, пытаясь приспособить свой вариант произношения под нормированное русское произношение, прибегают к дополнительному согласному [Н]: мнясо, мнята мняч, и т.д. Губно-зубные звуки [В], [Ф] также имеют специфические особенности. В украинском языке фонема [в] - губно-губной сонорный щелевой звук, который не оглушается в русской речи украинцев в украинском языке, [в] переходит в неслоговой [у]. Наличие в украинском языке устойчивого сочетания [хв]: [хвиля, хвіст, хвилястий, вихвалятись, хворий] сказывается на произношении звука [Ф] и вызывает ряд фонетических ошибок типа: [Хведя, хвокус].

Фонетической особенностью украинцев-билингвов является (как и в английском языке) отсутствие позиционного оглушения звонких согласных, которое проявляется в первую очередь в сохранении звонкости конечного согласного : на пля(ж), а(ж) потрогать, до(жд’), как ра(з) снимался, пере(д) тобой, хле(б). Чаще всего неоглушенным в абсолютном конце слова и перед глухим согласным остается звук [в]: рако[в], бычко[в], домико[в], цвето[в]. Это объясняется тем, что в украинская фонема [в]- губно-губной сонорный щелевой звук, который не оглушается в русской речи украинцев (в украинском языке [в] переходит в неслоговой [ў]. В нескольких случаях звонкость сохраняется перед глухими на стыке морфем: ры[б]ки, коля[д]ки, бли[з]ким. Соноры [Р], [Л] имеют те же артикуляционные уклады, что и в русском языке, но, как показывают наши наблюдения, среди детей-билингвов украинцев явления ро-

тацизма встречаются значительно реже, чем среди русских детей. Вероятно, это может быть связано с тем, что в украинском языке структура сочетания двух согласных переднеязычных является устойчивой и часто встречаемой: [бджоли, дзеркало, джерела, дзьоб, дзвін]. Это, в свою очередь, подготавливает артикуляционную базу для усвоения сложного сонора-вибранта. По аналогии с родным языком, украинцы-билингвы часто смягчают звук [р] как например, в слове [бо[рь]щ]. Усвоение фонемы [л] также имеет свою специфику. Чаще она звучит смягчённо: [ласкаво, Ласуня] и имеет лабиальную тенденцию произношения. Наши исследования, выполненные на территории Полтавской и Львовской областей (2008-2013гг.), подтвердили данные предположения: было констатировано, что большинство украинских детей, истинных носителей родного языка уже к 3-4 годам овладевают нормированным произношением сложных сонорoв, требующих активного участия практически всех групп мышц языка. Наибольшие трудности представляет украинцам-билингвам усвоение русских аффрикат. Украинцы-билингвы смягчают звук [Ц] по аналогии с родным языком, как например, в слове [спе[ц'] иально]. Однако, твердое произношение согласного перед звуком [и]: [вы]шня в отличие от русского мягкого помогает им усвоить понятие отсутствия палатализации согласных перед гласным [і] как в английском языке [Аджнюк, 1999; Canada's Ethnocultural Mosaic, 2006; Буджак, 1987]. Украинский [sh'] твердый перед [о] : [щ]о , [щ]о це? и т.д. Украинский аффрикат [щ] не раскладывается на составляющие: [овощь] (укр.) и [овошьть](рус.), [щастя] (укр.) и [счастье] (рус.), не чередуется: [дощик](укр.) по сравнению с русским [дождик].

Несовпадение орфоэпических норм вызывает явления аттрикции (порчи) в родном украинском языке. Редуцированию подвергаются не только отдельные звуки, но и целые слоги, вызывающие деформацию звучащего контура слова: [сейчас[в речи украинцев преобразуется в [сичас, щас]. Данное явление аттрикции является предрасполагающим фактором к появлению, так называемого, суржика, которому не должно быть места в литературном украинском языке.

Украинцы чаще не правильно усваивают фонему [Ч], поскольку звук [ч] в украинском языке произносится всегда твердо: [ч]уть- чуть, ве[ч]еря, [ч]ерешни, [ч]еремшина, кру[ч]еники, мяч] и в русском языке не имеет твёрдого варианта: косто[ч]ками, [чеснок]. Украинский [ч] твердый перед всеми гласными, кроме [і]: [чіпати]. Фонема [ч] в русском и украинском языках различаются по месту образования: в русском языке это небно-губной, а в украинском – переднеязычный, альвеолярный звук. Чёткость произнесения данной фонемы, на наш взгляд, может рассматриваться как один из факторов тахилаличности украинской речи в условиях «насыщения» её звуками [ч], [щ], обуславливающих быструю переключаемость речевого аппарата. В украинском языке – переднеязычный, альвеолярный звук [ч] имеет артикуляторную общность по месту и способу образования с такими звуками-сонорами как [д], [т] и их сочетаниями с переднеязычными свистящими [дз] и [дж]. Какуминальные звуки [ш, ж] звучат более твёрдо. Хотя в украинском языке и нет такого сигнального показателя как долгота звука, но в потоке звучащей речи они выделяются яркими артикуляционными, оральными и акустическими характеристиками. Если характеризовать общий контур звучащей украинской речи, то его можно рассматривать как несколько ускоренный мелодичный фон с насыщением шипящих, аффрикат и акцентом твёрдого вибранта [р] : [попереджати, перепрошувати, добрый вечір]. Свистящие [с],[з] затушёвываются и имеют иную насыщенность и фонетическую нагрузку, чем в русском языке. Это в свою очередь, сказывается на общей более низкой тональности украинского языка и одновременно отражает прямые интерференции польского языка.

Определенные сложности при обучении русской фонетике детей- украинцев возникают с заднеязычными звуками [г], [к], [х]. В украинском языке звук [г] – это заднеязычный, фрикативный согласный. Аналогичные проблемы возникают при формировании нормированного русского [х] и [к]. В украинском языке они звучат несколько придыханно и всегда на мягкой атаке голоса, не имеют взрывного компонента: [Катря, куліш, коханий, проханий].

Таким образом, фонетическая система славянских языков русского и украинского, несмотря на кажущуюся похожесть и общность, имеют и значительные различия. Следовательно, трудности при изучении русского языка украинцами-билингвами неизбежны. Надо чётко осознавать, что родной (украинский) язык будет подвергаться явлениям интерференции. Именно качественное усвоение родного языка (литературных норм) в раннем детстве служит надёжным иммунитетом против аттриций, представленных «суржиком»: панчохи-чулки, шкарпетки-носки, сукня-плаття, цукор-сахарь. Соотношение языков может измениться в пользу того или иного языка, если будут созданы соответствующие условия: один из языков может частично деградировать (языковая аттрикция), перестать развиваться (фоссилизация), вытесниться из употребления (смена языка), забыться, выйти из употребления (языковая смерть); либо, наоборот, может возрождаться (ревитализация), поддерживаться (сохранение), доводиться до уровня официального признания и употребления (модернизация). Это обстоятельство потребует от специалистов осознанного психолингвистического анализа и подхода при обучении и усвоении артикуляционной нормы другого языка детьми-билингвами. Обучая согласным звукам русского языка билингвов-украинцев, необходимо обращать особое внимание на артикуляцию, палатализацию и аспирацию, не всегда совпадающие в языках одной восточнославянской группы. Также потребуется осознание, как фонемы соединяются в словах, а затем как эти слова соединяются в предложении, каковы особенности структурирования предложений того или иного языка. В естественной языковой среде это происходит опосредованно и одновременно. Ребёнок за относительно короткий период времени довольно легко овладевает произносительной нормой родного языка, осознавая речевую действительность. В условиях не родной языковой среды, постановке произносительных навыков следует уделить значительное время и внимание. Данная работа не ставит задачи рассмотреть все сопоставительные характеристики языков - контактёров, а лишь поднимает существующие проблемы, связанные с лингвистической адаптацией артикуляционного аппарата в иноязычной среде.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ажнюк, Б.М. Мовна єдність нації: діаспора й Україна. – Київ: Видавничий дім Бураго, 1999. — 452 с.

2. Бабенко, В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: Поведение малой этнической группы в полиэтничной среде / БНЦ УрО РАН. – Уфа, 1992. – 260 с.

3. Бабенко, В.Я., Бабенко, С.В. Украинцы Башкортостана: основные тенденции этнокультурного развития (конец XIX – начало XXI вв.) // Третьи Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительский альманах. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2007. – С. 118-129.

4. Балкина, Н.В., Маханькова И.П. Перевод шаг за шагом: пособие по переводу. М., Издательство Российского Университета дружбы народов, 2007.

5. Беженцев, Е.В., Карабулатова, И.С., Койше, К.К. Тюменская область – Казахстан: специфика государственной этноязыковой политики. – Тюмень: Вектор-Бук, 2010. – 124 с.

6. Белая, Е.М. Концептуальный устав родноязычных обязанностей И. Огиенко // Научный вестник Южноукраинского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. Зб. наук. пр. - Вып. 7 - 8, Одесса, 2000. - С. 70-76.

7. Белая, Е.М. Концепция языкового образования. Огиенко // Наука и образование 2001, № 2 – 3. - С. 100-103.

8. Блягоз, З.У. Аспекты и методы комплексного исследования национальнорусского двуязычия // Принципы и методы социолингвистических исследований. М., 1989.

9. Буджак, С.В. Лексическая интерференция в англо-украинском двуязычии Канады. - М: ИНИОН, 1987. - 48 с.

10. Демина, Л.В., Карабулатова, И.С. Особенности этномузыкального кода колыбельной песни украинцев Тюменской области // Украина – Западная Сибирь: диалог народов и культур. Тюмень, 2004. – С. 35 – 39.

11. Жлуктенко Ю.О. Українсько-англійські міжмовні відносини. Українська мова у США і Канаді. - К: Видавництво Київського університету, 1964. - 167 с.

12. Жлуктенко Ю.О. Українська мова на лінгвістичній карті Канади. - К: Наук. Думка, 1990. - 176 с.

13. Загоровская О.В. Положение русского языка в России начала XXI века и актуальные проблемы языкового образования/ О.В.Загоровская// Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: материалы VIII Международной научно-методической конференци/Подред.проф.О.В.Загоровской.-Воронеж: Научная книга, 2010 – С.3-9.

14. Идзе, В. Украинская диаспора в России, 2002. – 246 с.

15. Ингушская диаспора Тюменской области: социокультурные и этноязыковые проблемы сохранения идентичности в иноэтничном окружении/ Под ред. Сампиева И.М., Карабулатовой И.С. Коллект. монография. – Назрань: Пилигрим, 2008. – 274 с.

16. Ингушская диаспора в Тюменской области: проблемы сохранения зыка и культуры / Под ред. И.С.Карабулатовой. Коллект. Монография.– Тюмень: Изд.-во Тюменского государственного университета, 2010. – 328 с.

17. Карабулатова, И.С. Взаимодействие русского и украинского языков в топонимии российского Приишимья// Экология культуры и образования: филология, философия, история. - Тюмень, 1997. – С.34-38.

18. Карабулатова, И.С. Украинский гидронимический план в топонимии российского Приишимья // Принципы и методы функционально-семантического описания языка: итоги, направления, перспективы. Материалы конференции. Симферополь. 9-12 сентября 1997г. - М.- Симферополь, 1997 (а). – С.121-122.

19. Карабулатова, И.С. Региональная этнолингвистика: Современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области. Тюмень, 2001. – 226 с.

20. Карабулатова, И.С. Региональная этнолингвистика: колыбельная песня славянских народов Тюменской области. – Тюмень: Экспресс, 2003. – 31 с.

21. Карабулатова, И.С. К проблеме этнической идентичности украинцев Западной Сибири // Украина – Западная Сибирь: диалог народов и культур. Тюмень, 2004. – С 31 – 34.

22. Карабулатова, І.С.Специфіка українського фольклору Тюменьскоі області: до питання про функціонування в іншомовному оточенні (етнопсихолінгвістичний аспект) // Україньский вимір Міжнародний збірник інформаційних, освітніх, наукових, методичних статей з України та діаспори – Ніжин-Київ: НДУ им.М.Гоголя, 2006. – С. 8-9.

23. Карабулатова И.С., Карелина Л.Ф., 2006 Украинская диаспора Тюменской области: история, язык, культура / И.С. Карабулатова, Л.Ф. Карелина - Тюмень, Изд-во «Печатник», 2006. – 180с.

24. Карабулатова, И.С. К проблеме украинских онимов за пределами Украины: новый украинский пласт в ономастических субпространствах / И.С. Карабулатова // Украина – Западная Сибирь: диалог культур и народов. Украинская диаспора в полиэтничном регионе: Материалы международной научно-практической конференции. г.Тюмень, 10 ноября 2007г. – Тюмень: Типография «Печатник», 2007. – С.26-30.

25. Карабулатова, И.С., Исакова, А.А. Специфика функционирования украинских прагмонимов в языковом пространстве современной России // Украина – Западная Сибирь: диалог культур и народов. Украинская диаспора в полиэтничном регионе: Материалы международной научно-практической конференции. г.Тюмень, 10 ноября 2007г. – Тюмень: Типография «Печатник», 2007. – С.73-77.

26. Карабулатова, И.С., Ниязова, Г.М. Национальные украинские традиции в современном этнолингвоинформационном пространстве полиэтничного региона: к проблеме архегении и анархегении // Украина – Западная Сибирь: диалог культур и народов. Украинская диаспора в полиэтничном регионе: Материалы международной научно-практической конференции. г. Тюмень, 10 ноября 2007г. – Тюмень: Типография «Печатник», 2007. – С.77-83.

27. Карабулатова, І.С. Українська мова в ономастичному субпростору інших держав// ІІ Міжнародний конгрес \»УКРАЇНСЬКА ОСВІТА У СВІТОВОМУ ЧАСОПРОСТОРІ\». Київ:Науково-дослідний інститут українознавства НАН України, 2007(а). - с.345-351.

28. Карабулатова, И.С. Образ Украины в современном русском языковом сознании: ономастический миф пространства // Материалы Международной научно-практической «Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития». М., 2009. - С. 28-36.

29. Карабулатова, И.С. Языковая личность в пространстве межкультурных коммуникаций// Кемерово, 2011. Вестник КГУКИ, №17 – с.33- 40.

30. Карабулатова, И.С., Койше, К.К., Поливара, З.в.,

Жумагулова, Н.С., Ахметова, Б.З. Языковая личность в трансформирующемся сообществе (на примере билингвов в полиэтничном окружении). Коллектив. Монография. – Тюмень: Вектор Бук, 2012, 192 с.

31. Ломакина, О.В., Шурухнова, О.А. К вопросу о полилингвистической культуре // Образовательные аспекты туризма: менеджмент, маркетинг, инновации, коммуникации: Сборник материалов и докладов межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 23-24 ноября 2004 г. – Тула, 2004. – С. 206-208.

32. Млечко, Т.П. Русская языковая личность в поликультурном пространстве ближнего зарубежья. Автореферат д-ра филол.н. М.: РУДН, 2014. – 38 с.

33. Огиенко, І. Наука об обязательствах к родному языку. Катехизис на родном языке для учителей, работников пера, духовенства, адвокатов, учащихся и широкой общественности. Киев, 1936.

34. Поливара З.В. Проблема фонетических дисфункций у украинцев- билингвов, проживающих в Тюменской области// Материалы международной научно-практической конференции «Украина – Западная Сибирь в диалоге культур и народов: векторы и факторы взаимодействия»/ под ред.И.С.Карабулатовой/. – Тюмень: Печатник, 2008. – С. 23-27.

35. Поливара, З.В. Лингвомоделирование звукового контура у украинцев-билингвов , проживающих в полиэтничном регионе (на примере Тюменской области) // Материалы международной научно- практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики языка и литературы». Ульяновск, 21-23 мая 2008. – Ульяновск, 2008(а). – С. 69-73.

36. Поливара З.В., Карабулатова И.С. К проблеме речевых дисфункций у детей-билингвов в полиэтничном пространстве //Культурная жизнь юга России. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2011. Т. 5, №43. – С.64-67.

37. Поливара, З.В., Карабулатова И.С. Психолингвистические аспекты коррекции речевых дисфункций у детей-билингвов // Специальное образование, Екатеринбург, 2012, № 3(27). – С.93-101.

38. Поливара, З.В., Карабулатова, И.С. Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтничном окружении/ Под ред. И.С.Карабулатовой. Коллект. Монография. – Тюмень: Печатник, 2011(а).– 146 с.

39. Поливара, З.В., Карабулатова, И.С. Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтническом окружении. М.: Издательство «Наука», «ФЛИНТА», 2013: 2-е издание, стереотипное издание. - 132 с.

40. Птицына, Н.В. К вопросу о формировании вторичной языковой личности (на материале обучения японскому языку и культуре) // Современные проблемы науки и образования. – 2007, №3. – С.59-63.

41. Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве //Материалы Международной научной конференции (Бийск, 22 – 23 ноября 2012 г.) / отв. ред. Е.В.Белогородцева. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. – 160 с.

42. Украина – Западная Сибирь в диалоге культур и народов: украинская диаспора в полиэтничном регионе/ Материалы международной научно-практической конференции, г.Тюмень, 10 ноября 2007 г./ под ред.И.С.Карабулатовой/. – Тюмень: Печатник, 2007. – 204 с.

43. Украина и Западная Сибирь: диалог культур и народов. Векторы и факторы взаимодействия / Материалы международной научно-практической конференции, г.Тюмень, 13-15 ноября 2008г. /Под ред. И.С.Карабулатовой/ Тюмень: Печатник, 2008. -149 с..

44. Фролов, Н.К., Карабулатова, И.С. Украинский компонент в социолингвистическом и ономастическом пространстве Тюменского Пообья // Наукові записки. Серія: Філологічні науки.- Кіровоград, 2001. Вип.37. -С.75-79.

45. Языковая ситуация в Канаде: современные аспекты англо-украинского билингвизма // http://bo0k.net/index.php?p=achapter&bid=7900&chapter=1 Дата просмотра: 02.10.2014.

46. Canada’s Ethnocultural Mosaic, 2006 Census. http://www12.statcan.ca/english/census06/analysis/ethnicorigin/pdf/97-562-XIE2006001.pdf, дата последнего посещения - 1 октября 2008.

47. Karabulatova I.S., Polivara Z.V.Turkic and Slavs: bi-polylinguism in globalization and migrations (on an example of Tumen region)Turkic and Slavs: bi-polylinguism in globalization and migrations (on an example of Tumen region) // Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 832-836, 2013. ISSN 1990-9233. © IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12263

МИФОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТОПОНИМА СИБИРЬ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ)*

Карабулатова И.С.,
доктор филологических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Федорова Е.А.,
старший преподаватель,
Заводоуковский филиал Тюменского государственного университета

Ключевые слова: ономастическая мифолингвистика, топоним Сибирь, фильмография, наивное сознание
Key words: onomastic mytho-linguistics, toponym Siberia, filmography, naive consciousness

Аннотация. Авторы анализируют названия с использованием сибирской тематики с позиций репрезентации сибирских мифолингвистических стратегий. Авторы показывают, как названия художественных фильмов отражают перцепцию общественного сознания на номен Сибирь. Исследователи доказывают, что древние мифолингвистические интерпретации топонима Сибирь актуализируются благодаря современной фильмографии и отражают состояние фолк-истории и фолк-лингвистики.

The authors analyze the names using anthrax subject from the standpoint of representation Siberian mytho-linguistic strategies. The authors show how the name of the feature films reflect the perception of the public consciousness on the nomen Siberia. The researchers argue that the ancient myth-linguistic interpretation of the toponym Siberia updated by modern filmography and reflect the status of folk stories and folk linguistics.

Мы полагаем, что региональные нормы культуры оказывают свое определяющее влияние на формирование этнолингвистических норм языкового, речевого и культурного поведения, а также на характер мифолингвистических интерпретаций в аспекте наивного лингвомоделирования [Алимова, 2008; Дебренн, 2008; Девянина, 2008; Карабулатова. 2001; 2002; 2008; Кондратьева, 2008; Karabulatova, Fedorova, Saifulina, 2014].

На сегодняшний день сложно найти более мифологизированный оним, чем Сибирь. «Сибирь как колония» (Николай Ядринцев) – это был старт осознания Сибири в России, хотя некогда Дон, Поволжье, Кавказ были также регионами русской колонизации. Позже происходит расширение экзистенциональной перцепции Сибири под влиянием первичных негативных сибирских мифологем: «Сибирь как колония» → «Siberian Curse» /»Сибирь как проклятие» [Hill, Gaddy, 2003] → «The rape of Siberia» / «Изнасилованная Сибирь» [Time, 1995, от 4 сентября], «Siberia: the tortured land»/ «Сибирь как замученная земля» [Newsweek; Терских, 2011; Терских,].

Одним из способов продвижения науки в массы – это вбрасывание ярких образов в общественное сознание с помощью СМИ. Мы можем констатировать усиление и расширение образа Сибири как крайне не доброжелательного места для человека. Эти стереотипы базируются не столько на строго научных знаниях, сколько на образах, внушенных с помощью масс-медиа, художественной литературы и кинопродукции. Практически во всех языках Сибирь выступает женского рода, она пассивное начало, а поэтому она может быть подвергнута насилию. И лишь в украинском языке Сибір относится к мужскому роду и активному началу. Если обратиться к названиям кинопродукции, относящихся к сибирской тематике, то мы обнаруживаем мощную эксплуатацию старых сибирских мифологем. Единственно, что усиление мифолингвистической стратегии «Сибирь как место страха и насилия» происходит за счет образа ГУЛАГа. Таковы, например, «Within the Whirlwind» / «В вихре» бельгийский фильм, который вышел в прокат 4 августа 2014 г. в Германии, Польше и Бельгии. Он вроде и опирается на реальные события, одним из сценаристов является Евгения Гинзбург, но усиливает древнюю мифологему «Сибирь как чистилище». Фабула такова: Евгения Гинзбург, профессор литературы, была отправлена на 10 лет каторжных работ в сибирский ГУЛАГ. Там она теряет смысл и мотивацию жизни, но лишь любовь с лагерным врачом возрождает ее к новой жизни, дает толчок к переменам в ее судьбе.

Эта же идея является главной и в фильме «Syberiada polska»/ «Польская сибириада» (2013), где эпическая история о поляках, украинцах, евреях, которые были депортированы в Сибирь, показана глазами мальчика Сташека. Сташек едет в Сибирь со своей семьей и соседями из маленькой деревни восточных польских пограничных областей. В Сибири вместе со своими товарищами он начинает тяжелую борьбу за выживание, где самый страшный противник оказывается ужасная и беспощадная природа, сернистый холод и смертельный голод. Обстоятельства заставляют мальчика пересмотреть свою жизнь и расти быстрее. Вскоре ему придется узнать важную борьбу за выживание и принимать решения, которые будут, где ставка будет жизнь его родственников. Он также придется выбирать между любовью к еврейкой Зиной и русской Любкой.

В документальном фильме австралийского режиссера Софии Туркевич «Once My Mother» / «После моей матери» (2014) автор пытается понять, почему ее польская мать бросила ее. В ходе авторского расследования она узнает, что ее мать Елена бежала из сибирского ГУЛАГа, позже очутившись в Австралии. Страх прошлого вынудил ее бросить семилетнюю Софию в одном из детских домов Аделаиды. София Туркевич размышляет, как сибирский ГУЛАГ сломил и безвозвратно трансформировал психику ее матери. Находясь в среднем возрасте, София обнаруживает историю чудесного спасения Елены и пересматривает свое отношение к матери, которая в старости стала впадать в слабоумие и вновь возвращаться к страшным событиям сибирского периода своей жизни.

** Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проектной части государственного задания в сфере научной деятельности*

Сейчас готовится к выходу на экраны в марте 2015 г. фильм американских кинематографистов «Tiger, Tiger»/ «Тигр, Тигр», в основе фильма история любви американского летчика и женщины из сибирского ГУЛАГа. Действие развивается на поразительном фоне амурского тигра на Дальнем Востоке. Следует отметить, что и кинематографисты и американские ученые (уже упомянутые нами Hill C., Gaddy F.) также не различают Дальний Восток и Сибирь). Итак, американский летчик, наблюдая за амурским тигром, разбился. Этот летчик был обвинен в шпионаже и был отправлен в заключение. Семь лет спустя, он был освобожден и отправлен на поселение, где он знакомится с сильной духом молодой женщиной, бывшей москвичкой в жизни, которая по нелепому обвинению была отправлена в ГУЛАГ. Эти молодые люди испытывают лишения и трудности, не доверяют сначала своим чувствам, пока снова сибирский тигр не становится силой и объединяет их в любви.

Мифологема «Сибирь как родина необыкновенных людей» активно представлена в мировом массовом сознании, она отталкивается от образа Григория Распутина. Практически из Ниоткуда, из сибирской мглы (тьмы - Тмутаракани – Тюмени) приходит в русскую культурную столицу Григорий Распутин, человек необычайной внутренней силы, знахарь и провидец. Он персонифицирует само сакральное пространство Сибири, дополнительно мистифицируясь не только в русском языковом сознании. В европейском сознании Григорий Распутин – это образ русского народа, темного, но обладающего огромным потенциалом. Позже, отправляя царскую семью за Урал, за мистическую границу жизни и смерти, большевики приговаривали царский род к мистической смерти в мире Холода и Хаоса. «Человеческому», осененному крестом пространству Запада (Санкт-Петербург-Петроград), противостояло чужое и враждебное пространство Востока (Сибирь).

«Glocken aus der Tiefe - Glaube und Aberglaube in Rußland» / «Колокола из бездны: Вера и суеверие в России» немецкого режиссера Вернера Херцога документальный исследование российского мистицизма (2001). Первая половина фильма посвящена, прежде всего, российскому целителю и человеку, утверждающему, что он является реинкарнацией Бога, как и Иисус. Херцог использует в своем фильме основном интервью с русскими и сцены из религиозных служб Иисуса и новоявленного мессии Виссариона (Сергея Торопа). Херцог также делает отссылки на религию сибирских кочевников. Вторая половина фильма в первую очередь касается легенды о потерянном городе Китеже. Этот миф о городе, который был в опасности быть уничтожены мародерства монголов, но, граждане молились о спасении. Услышав их молитвы, Бог поместил город на дне глубокого озера, где он находится и по сей день. Некоторые даже говорят, что можно услышать колокола из церкви города. История рассказывается местным священником и паломниками, посещающих озеро. На протяжении всего фильма появляется персонаж, утверждающий о втором пришествии Иисуса. К самому концу фильма он благословляет зрителей фильма. Этот человек Сергей Анатольевич Тороп, бывший сержант милиции, основатель религиозных поселений на юге Сибири, который позже стал известен как религиозный лидер Виссарион, основатель «Церкви Последнего Завета», чья деятельность в России была квалифицирована как секстанская, псевдохристианская и тоталитарная [Прокошина, Короткая, Рекуц, Титовец, 2000].

Итак, «Сибирь есть источник всего необычного, некая terra incognita». Эта мощная мифологема активно эксплуатируется в масс-индустрии. В сентябре 1977 г. вышел канадский художественный фильм «Ilsa the Tigress of Siberia»/ «Илза – тигрица Сибири». Главной героиней фильма является некая Илза, которая работала в 1953 г. в одном из сибирских лагерей ГУЛАГа, где она психологически «ломала» умы политзаключенных, не согласных с коммунистическим режимом. Лишь один заключенный Якурин не поддается методам Илзы. Со смертью Сталина исчезает необходимость в сохранении таких лагерей, Илза вместе с охранниками решает умертвить всех узников и бежать. Из всех заключенных выживает лишь Якурин, который становится в 1977 г. тренером советской команды боксеров. На одном из соревнований в Монреале он посещает бордель и узнает, что владельцем канадского борделя является пресловутая Илза. Между ними снова разгорается борьба, где Добро (Якурин) побеждает Зло (Илза).

Итак, мы видим мифологему «Сибирь как источник враждебной женственности, как одна из земель Лилит». Эта идея активно развивалась и в Нидерландах. Сразу после фильма об Илзе там вышел в прокат в августе 1998 г. фильм с кратким, но емким названием «Siberia»/ «Сибирь». В фильме рассказывается, как Гуф и Уго, два голландских соседа по квартире в Амстердаме, организовали секс-бизнес для туристов, но помимо секс-услуг они грабили своих клиентов. Их мечта – совершить кругосветное путешествие, и ничто не предвещало беды, пока на их пути не встречается некая сибирячка Лара. Она влюбляет в себя одного из преступников и забирает все их деньги. В результате Гуф стремится заработать любым путем деньги, чтобы поехать в Сибирь, разыскать Лару и вернуть свои деньги. Древний топоним «Сибирь» вызывает живые реакции у большинства людей, живущих в разных уголках нашей большой планеты, как некое обозначение потустороннего, загадочного, ирреального пространства, где формируется духовная сила Земли-Геи, где максимально проявляется «загадочная русская душа». В связи с удаленностью и отсутствием знаний это место максимально мифологизировано.

В современной кинематографии стала разрабатываться другая мифологема – «Сибирь как рай». Эта идея стала отправной точкой для немецких создателей фильма «Happy People: A Year in the Taiga» / Счастливый народ: Один год в тайге», который появился на экранах 29 июля 2014 г. В центре истории жизнь коренных жителей приенисейской Сибири в поселке Бахтя. Камера следовала за главными героями в деревне в течение года. Туземцы, повседневная жизнь которых едва изменилась за последние столетия, продолжать жить своей жизнью в соответствии со своими культурными традициями, не обращали никакого внимания на кинематографистов.

С одной стороны, для большинства иностранцев Сибирь - это синоним России в целом (так относятся к Сибири в Великобритании и США). Центральной реакцией на предъявление слова «Сибирь» у респондентов из разных стран является «мороз», «холод», «смерть» и «мрак» (Венгрия, Словения, Германия, Австрия, Польша, Украина). В опросах участвовало 156 человек, которые никогда не были в Сибири. Следует отметить, что респонденты

владеют русским языком в той или иной степени. Опросы проводились нами с 2011 по 2013 гг. на территории стран Евросоюза. Так, ассоциативное поле топонима «Сибирь» у русскоязычных носителей (австрийцев и немцев) включает в себя следующие реакции: медведи (88), мороз (38), холод (20), алкоголь, водка, пиво (27), очень далеко (13), отсутствие цивилизации (7), безлюдные места (24), открытые люди (7), Газпром (6), красивые женщины (4), Распутин (4), колдуны (3), проклятье (2). В опросе участвовали австрийцы из Каринтии (Блэйбург и Клагенфурт) и Штирии (Грац), а также немцы из разных регионов Германии (Мюнхен, Розенхайм, Нойбург, Вуппераль). Для них Сибирь ассоциируется с чистилищем, с архетипическим восприятием сакрального места. Это может быть связано с удаленностью от Европы, ссылками европейцев в различные периоды истории, порнофильмами про Григория Распутина и устойчивыми мифами о нем в европейском языковом сознании и т.п. Стоит обратить внимание на то, что их соседи-венгры менее категоричны в своих отрицательных оценках. Историческая память как об этнотравмах, так и этнопризах достаточно сильна, и она продуцируется в последующих поколениях. Так, исторически венгры тесно связаны с сибирскими и уральскими пространствами, при этом в ассоциативное поле Сибирь у венгров входят следующие реакции: мороз (19), холод (18), жуть (14), темнота (10), богатство (9), бандиты (9), сказочная страна (9), медведи (8), водка (7), красивый лес (4), охота (3), деньги (3), рыбалка (2). В опросе участвовали не русскоговорящие венгры, проживающие в г.Бюке. Для поляков сибирские пространства актуализируют этнотравму исторического прошлого, когда последовательно ссылались поляки в Сибирь. Этнотравма, полученная в результате негативного опыта российско-польских отношений, сыграла свою отрицательную роль в восприятии Сибири поляками. У поляков встречаются такие ассоциации, как холод (29), мороз (29), медведи (20), ссылка (19), суровые люди (16), тяжелая судьба (14), тяжелая жизнь (11), испытания (9), Распутин (7) [Федорова. Карабулатова, 2013; Карабулатова, Замалетдинов. Сайфулина, Федорова, 2013]. Надо сказать, что тема Сибири широко исследуется как в самой Польше, так и российской полонии [Шунков, 2012; Филь, 2005; 2008; 2010]. В опросе участвовали как поляки из Познани, Щецина, Варшавы, так и из Тюмени, Тобольска. Сибирская полония привлекает внимание специалистов и просто поляков, интересующихся историей царского времени.

Следует отметить, что наличие и развитие полиэтничных связей между различными странами и регионами приводят к расширению ассоциативных полей топонима «Сибирь». Следует отметить, что для иностранных участников ассоциативного эксперимента практически неизвестны такие реакции, как «нефть» и «газ», столь широко распространенные для жителей России из других регионов. Для иностранных реципиентов в ядре реакций были условия на грани между мирами, между жизнью и смертью, дикие животные, при этом фантазийный компонент уводил в более древние пласты мифологизированного современного языкового сознания. Наши наблюдения показывают, что в языковом сознании русскоязычных билингвов имеет место смешение ассоциат русского и европейского языкового сознания.

Отправка или дорога в Сибирь в народном сознании приравнивается к путешествию в сакральный мир Смерти, в мир Иного, поэтому использование в качестве топонима слова «Сибирь» связано с обозначением запретного места, закрытого места, удаленного места с ярко выраженной негативной коннотацией. Украинский фольклор указывает на сакральность Сибири для украинского самосознания: «За Сибіром сонце сходить, Хлопці не зівайте. Ви на мене, Кармалюка, всю надію майте» [Карабулатова, Карелина, 2006]. Здесь У.Кармалюк (украинский Робин Гуд) проходит чистилище и обучение в сибирском топосе (ныне г.Заводоуковск Тюменской области), что позволяет украинскому культурному герою находить новые пути решения глобальных задач по улучшению жизни украинского народа в целом. Такое соотнесение хоронима Сибирь в народном языковом сознании с сакральным пространством перемещает саму Сибирь в реальность ирреальности. Именно эти смыслы сегодня наиболее активно эксплуатируются в современной рекламе и в России, и в мире в целом. Мы должны признать, что мифологемы топонима «Сибирь» активно эксплуатируются наивной и фолк-лингвистикой (термин Д.Ю.Полиниченко) в поисках «истинного» смысла номена «Сибирь», что находит свое яркое отражение в современной фильмографии.

Создание различных вариантов геополитического мифа региона (позитивного / негативного) невозможно без применения самых различных PR-технологий. Эти технологии опираются на фоновые знания [Афанасьева, Троценко, 2014; Терских, Маленова, 2012; Карабулатова, 2008]. В этом ряду названия художественных фильмов занимают важное место, актуализируя значимые участки нашего мифологизированного подсознания, выраженные теми или иными архетипическими стереотипами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алимова, Г.В. Проблема креативности языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей / ответ.ред. А.Н.Ростова. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2008 . – С 167-172.

2. Афанасьева, О.Е., Троценко, А.В. Категория «легенда» в региональном топонимическом пространстве (на примере Днепропетровской области Украины) // Псковский регионологический журнал, 2014, №17. – С.67 – 77.

3. Дебренн, М. Ассоциативный словарь как отражение наивных представлений о языке// Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей / ответ.ред. А.Н.Ростова. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2008 . – С.62-68.

4. Девянина, С.Г. О метаязыковой деятельности наивных лингвистов // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей / ответ.ред. А.Н.Ростова. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2008 . – С.68-75.

5. Карабулатова, И.С. Словарь топонимов и топонимических ассоциаций (на примере географических названий Тюменской области). – М.: ИЯ РАН, 2002(а). – 125 с.

6. Карабулатова, И.С. Русская топонимия в этнопсихолингвистическом аспекте. АДД. – Краснодар: КубГУ. 2002. – 30 с.

7. Карабулатова И.С., Карелина Л.Ф. Украинская диаспора Тюменской области: история, язык, культура. – Тюмень: Печатник, 2006. – 180 с.

8. Карабулатова, И.С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании современных носителей русского языка. - Тюмень: Печатник, 2008. – 254 с.

9. Карабулатова, И.С., Замалетдинов, Р.Р., Сайфулина, Ф.С. Федорова, Е.А., Лингвомифологическое пространство топонима «Сибирь» в современном языковом сознании // Горно-Алтайск. Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С.396-401.

10. Karabulatova, I.S., Fedorova, E.A., Sayfulina, F.S. A Linguo-Mythological Space of the Toponym «Siberia» in Contemporary Slavonic Linguistic Consciousness// World Applied Sciences Journal 30 (9): 1134-1138, 2014. ISSN 1818-4952 © IDOSI Publications, 2014.DOI: 10.5829/idosi.wasj.2014.30.09.14118. – Режим доступа:

http://www.idosi.org/wasj/wasj30%289%2914/9.pdf http://www.idosi.org/wasj/wasj30%289%292014.htm.

11. Кондратьева, О.Н. Концепт «слово» как квинтэссенция «наивной лингвистики» (на материале текстов Древней Руси) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей / ответ.ред. А.Н.Ростова. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008 . – С.101-109.

12. Полиниченко, Д.Ю. Наивная лингвистика и фолклингвистика // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей / ответ.ред. А.Н.Ростова. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С.44-49

13. Прокошина, Е.С., Короткая, Т.П., Рекуц. И.Ф., Титовец, А.А. Неокульты: «новые религии» века? Под ред. Майхровича Е.С. – 3 изд., дополн. – Минск: «Четыре четверти», 2000. – 240 с.

14. Hill, F., Gaddy, C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brookings Institution Press, Washington, 2003.- 240 p.

15. The rape of Siberia // Time, 1995, от 4 сентября

16. «Siberia: the tortured land»/ «Сибирь как замученная земля» // Newsweek.

17. Терских М.В. Имидж Сибири в аспекте брендинга туристической дестинации //Политическая лингвистика, 2011, №4, С.263-272

18. Терских М.В., Маленова Е.Д. Специфика метафорической объективации концепта «Siberia» в современном американском дискурсе // Политическая лингвистика, №4 (22), 2012. – С.211-220.

19. Федорова, Е.А., Карабулатова, И.С. О перцепции топонима «Сибирь» современной евразийской языковой личностью // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 3(32). С. 104-108.

20. Шунков, А.В. Сибирь в польской беллетристике XIX века (Шимон Токаржевский и его повести о сибирской каторге) // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 138 – 144.

21. Филь, С. Г. В свете польского маяка - Тюмень : Вектор Бук, 2008. - 268 с.

22. Филь, С. Г. Гуманитарные арабески о польском и русском наследии. - Тюмень: Вектор Бук, 2010. - 560 с.

23. Филь, С. Г. Польские страницы тюменского краеведения. - Тюмень: Вектор Бук, 2005. - 320 с.

К ВОПРОСУ МЕТАФОРИЗАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

Киева З.Х.,
кандидат филологических наук,
зав. отделом ингушского языка,
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Ключевые слова: метафора, метафоризация, семантическая деривация, перенос значения, ингушский язык, лингвистическая терминология.
Key words: metaphor, metaphorization semantic derivation, the transfer value, the Ingush language, linguistic terminology

Аннотация. Предметом анализа в статье является метафорический перенос, рассматриваемый как вид семантической деривации, при котором происходит переосмысление значения общеупотребительной лексической единицы, сопровождающееся переходом объекта номинации из одной понятийной сферы в другую.

The subject of analysis in the article is the metaphorical transfer, considered as a kind of semantic derivation in which there is rethinking the commonly used lexical unit, accompanied by a transition of the object category from one conceptual sphere to another.

Как известно, процесс превращения общелексической единицы в термин зависит от представленных в языке потенциалов пересемантизации слов на основе семантических процессов: метафоризации, метонимизации и др., то есть от семантического переосмысления с соответствующим переоформлением.

В лингвистической литературе под метафорой понимается (от греч. *metaphora* – «перенос») – «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеризации или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименование другого класса объектов, аналогично данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин метафора применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении» [7, с. 296].

При семантическом образовании терминов основной причиной для метафорического переноса является аналогия, которая выступает семантической основой схожих процессов в общеупотребительной лексике, терминологических системах различных наук, в том числе и лингвистической терминосистеме. Термины-метафоры возникают в процессе познания в результате установления более или менее сложных ассоциативных связей между предметами и явлениями окружающего мира.

При рассмотрении особенностей семантической деривации в лингвистической терминологии ингушского языка интерес представляют зафиксированные в словаре-справочнике специальной лексики [3], а также в двуязычных толковых словарях [5; 6; 8] терминологические единицы, образованные на базе языковой метафоры. Следует заметить, что большинство ингушских лингвистических терминов, образованных путем метафорического переноса, естественно относятся к разделам «Фонетика», «Лексика» и «Словообразование», так как эти разделы в основном состоят из собственно общеупотребительной лексики. Иными словами, в качестве источников пополнения метафорической системы лингвистической терминологии выступают те же основные группы лексики, что и в общеупотребительном языке.

Наблюдения над языковым материалом ингушского языка показывают, что лингвистические терминологические обозначения, возникшие на базе общеупотребительных слов, обязаны своим происхождением метафорическому переосмыслению, основанному на сходстве релевантных признаков: на сходстве функций, на понятийной ассоциативной связи, на сходстве принципов внутреннего устройства лексемы. Самыми распространенными видами из них является переосмысление на основе метафорического переноса, основанного либо на внешнем сходстве, либо на сходстве функций. Ассоциации, возникающие по сходству функций, являются более сложными, так как требуют не только внешней аналогии между разными индивидами и объектами научного познания, но и проникновения в сущность сопоставляемых явлений. В силу более простой ассоциации, большую часть терминов-метафор в лингвистической терминологии составляют те, которые созданы на основе аналогии понятийной ассоциации. Использование лингвистических терминов, образованных в результате ассоциативной связи, стало традиционным в ингушской грамматике. Сравните фразовые примеры из лингвистических источников:

1. Белгалза ***юхь*** *йола предложенеш лел духхьал дер белгалдоаккхаш, из белгалдоаккхар хьоа а ца веш* [9, с. 15] / *Неопределенно-личные предложения обозначают на действие, совершаемое неопределенными лицами, т. е. субъект действия остается необозначенным.*

2. Синонимий ***муг1аре*** *ца1 керттера хул, из къамаьл деча дукхаг1а юкъе лел, цун экспрессивни оттенкаш хилац* [2, с. 14] / *В синонимическом* ***ряду*** *одно слово является ведущим, оно является наиболее употребительным в речи и не имеет экспрессивных оттенков.*

Метафоризация в лингвистической терминосистеме ингушского языка осуществляется посредством активации значимых ассоциаций у исконно лексических единиц ингушского языка: *т1адам / точка, чаккхе / окончание, лард / основа, мотт / язык, кеп / вид, ха / время, хьарак / знак, оаз / звук, муг1 / ряд, урхе / подъем, г1ар / шум, юхь / лицо, маьже / член, г1а / шаг, дакъа / слог, часть.* Сравните фразовые примеры из лингвистических источников:

1. ***Метта*** *юкъе нийслу цхьан дешаех е цхьанкхиттача дешаех латташ йола предложенеш* [9, с. 17] / *В* ***языке*** *встречаются предложения, состоящие из одного слова или сочетания слов.*

2. Чаккхе д1аяькхача юхедисача дешах ***лард*** *оал* [4, с. 80] / *Часть слова без окончания представляет собой* ***основу.***

3. Цхьантайпара ***маьженаш*** *шоайла хоттаргашца е интонацеца ювзалу* [9, с. 22] / *Однородные* ***члены*** *предложения связываются между собой интонацией или союзами.*

4. Хандеша оттаме сказуеми шин е кхаь ***даькъах*** *латт* [9, с. 29] */ Составное именное сказуемое состоит из двух или более* ***частей.***

В результате метафоры по форме в ингушском языке возник лингвистический термин *такилг* / *тире*, основой для которого явилось общеупотребительное слово *такилг* / *тропинка*. Сравните фразовые примеры из лингвистических источников:

Нагахьа санна автора дешаш ма дарра къамаьла юкъе латте, царна хьалха а, т1ехьа а запятойи ***такилги*** *оттаду* [9, с. 55] */ Если слова автора стоят между прямой речью, то перед словами автора и после них ставятся запятая и* ***тире****.* Следует отметить, что лингвистическая терминоединица *такилг / тире* активно употребляется в ингушском языке параллельно с заимствованным из русского языка термином *тире*.

Лексическая единица *т1адам* в ингушском языке первоначально имела значение «капля». Впоследствии в результате метафорического переноса по сходству данная словоформа приобрела семантику пунктуационного знака «точка». Сравните фразовый пример из источников с пунктуационным термином *т1адам / точка*:

Нагахьа санна ма дарра къамаьл хадача ***т1адам*** *латта безаш хуле, автора дешашта т1ехьа т1адами тиреи оттаду, х1аьта д1ахо дода ма дарра къамаьл доккхача алапаца язду* [9, с. 55] */ Если на месте разрыва прямой речи следует* ***точка****, то перед авторскими словами ставятся запятая и тире, а после них – точка и тире, вторая часть прямой речи начинается с прописной буквы.*

Лексема *лаг1а / ступенька* с прямым базовым значением «ступенька», в результате семантической метафоризации трансформировалась в лингвистический термин с семантикой «степень»: *юхьера лаг1а / начальная степень, дистара лаг1а / сравнительная степень, лакхера лаг1а / превосходная степень.* Сравните фразовые примеры из лингвистических источников:

1. Миштали белгалдешай ***лакхерча лаг1о*** *хьахьокх цхьан х1аман чухь йола моллаг1а белгало вокха х1амай чухь йолчул эггара дукхаг1а хилар* [2, с. 106] / *Имена прилагательные в превосходной степени указывают на самую высокую ступень качества в предмете по сравнению с теми же качествами в других подобных предметах.*

2. Белгалдешай ***дистареи лакхерчеи лаг1аша****,* ***юхьерча лаг1а*** *санна, ц1ердешашца барт бу* [2, с. 154] *Прилагательные* ***сравнительной и превосходной степени,*** *так же как и* ***начальной степени,*** *согласуются с именами существительными.*

Перечисленные термины составляют ядро лингвистической терминологии ингушского языка и широко используются для образования новых терминов путем деривации, сложения и образования словосочетаний с определяющими и уточняющими словами. Они отличаются высокой частотой употребления, являются родовыми (гиперонимами) для других терминов данной терминологии. Сравните фразовые примеры из лингвистических источников:

1. Г1алг1ай метта ***мукъа оазаш*** *хила йиш я й1аьха а лоаца а* [3, с. 66] / *В ингушском языке* ***гласные звуки*** *могут быть долгими и короткими.*

2. ***Мукъаза оазаш*** *оал оаз д1аоалача хана багара арадоаг1ача фена духьала тайп-тайпара духьаленаш нийслуш хьакхоллача оазех* [4, с. 20] */* ***Согласными звуками*** *именуют звуки, при образовании которых струя выдыхаемого воздуха встречает различные препятствия на пути к проходу.*

3. Мукъаза оазаш хул ***зовнеи къореи*** [4, с. 20] / *Согласные звуки бывают* ***звонкими*** и ***глухими.***

В современном ингушском языке словоформа *мотт* / *язык* полисемная: прямым значением ее является «биологический орган живого организма»: *бежан мотт* «коровий язык»; переносным – «орган речи». Данная словоформа в лингвистической литературе употребляется как термин в следующем значении: «одна из самобытных семасиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т. п.» [1, с. 530]. Употребление словоформы *мотт / язык* в качестве лингвистического термина наблюдается в следующих сочетаниях: *г1алг1ай мотт / ингушский язык, къамаьла мотт / разговорный язык, йоазон мотт / письменный язык, 1илман мотт / научный язык, 1илманхочун мотт / язык исследователя, къаман мотт / национальный язык, г1алг1ай литературни мотт / ингушский литературный язык, наьна мотт / родной язык, дийна мотт / живой язык, гаргара мотт / близкородственный язык.* Сравните фразовые примеры из лингвистических источников:

1. ***Г1алг1ай меттала*** *йоазув хьалхаг1а латински алапашца хиннад, т1ехьаг1а эрсий алапах даькхад* [4, с. 4] */ Письменность* ***на ингушском языке*** *была создана на основе латиницы, затем переведена на кириллицу.*

2. Таханарча дийнахьа ***г1алг1ай литературни мотт*** *болаш а ба, кердача дешашца б1аьхий хулаш хьабоаг1аш а ба* [1, с. 6] */ На сегодняшний день* ***ингушский литературный язык*** *функционирует и пополняется новыми словами.*

3. Т1ехкьарча шерашка ***наьна мотт*** *1омабара а, из тахкара а теркам т1абахийтаб* [9, с. 10] */ В последние годы изучению и исследованию* ***родного языка*** *уделяется пристальное внимание.*

Лексическая единица *оаз* «звук», являющаяся по стилю нейтральной, имеет прямое значение «голос»: *безаме оаз / приятный голос, хоза оаз / красивый голос, ч1оаг1а оаз / сильный голос, сабаре оаз / спокойный голос, йижа оаз / тихий голос.* Сравните: *Берий* ***оаз*** *цунна лергах а кхетацар* / ***Голоса*** *детей до него и не доносились.*

В лингвистической терминологии семема «звук» возникает на основе базового прямого значения «голос» и употребляется в функции «определенного физического знака человеческой речи»: *къамаьла оаз / звук речи, къамаргара оаз / гортанный звук, мукъаза оаз / согласный звук, й1аьха мукъа оаз / долгий гласный звук, лака т1ара оаз / надгортанный звук, к1аьда сиглен оаз / мягкий небный звук, ч1оаг1ъяь мукъаза оаз / геминированный согласный звук, мукъа оаз / гласный звук, зовне оаз / звонкий звук, къора оаз / глухой звук, г1арах латта оаз / шумный звук, д1алаьца оаз / смычный согласный звук.* Сравните фразовые примеры из лингвистических источников:

1. Зовне ***мукъаза оаз*** *къорача оаза хьалхашка латташ хилча, из къора хоз* [4, с. 29] / *Если* ***звонкий согласный*** *стоит перед глухим согласным, то он оглушается.*

2. ***Мукъа оаз*** *оалача хана, дикка хоалуш, детталу ашара пхьаьнаш;* ***сонорен оазаш*** *д1аоалача хана к1езигаг1а детталу уж;* ***зовне мукъаза оазаш*** *оалаш кхы а к1езигаг1а детталу уж;* ***къораяраш*** *оалаш ашара пхьаьнаш в1алла а*

детталац [3, с. 44]. *При артикуляции* ***гласных звуков*** *отмечается напряженное колебание голосовых связок; при артикуляции* ***сонорных звуков*** *колебания голосовых связок слабее; при артикуляции* ***звонких согласных звуков*** *отмечается очень слабое колебание; при артикуляции* ***глухих звуков*** *голосовые связки вовсе не колеблются.*

3. ***Метта оазий*** *позиционни хувцамаш да: протеза (оаз д1ат1аоттаяр),* ***къора хийра*** *оазаш деша чаккхе зовнеялар, редукци (позицега хьежжа,* ***мукъа оаз*** *мелъялар е эргаялар)* [2, с. 58] / *Позиционные изменения* ***звуков речи****: протеза (приставки звуков к слову), озвончение* ***глухих звуков*** *в конце слова, редукция (позиционное ослабление и изменение звучания* ***гласных звуков****).*

Таким образом, процесс терминологической метафоризации является закономерным явлением и занимает важное место в формировании ингушской лингвистической терминологии. Терминологические единицы, образованные на основе метафорического переноса, благодаря своим потенциальным синтагматическим возможностям образуют новые термины и терминосочетания, способствуя дальнейшему обогащению словарного фонда ингушского языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2007. – 570 с.
2. Ахриева Р. И., Бекова П. Х., Мальсагова Л. Д., Оздоева Ф. Г. Х1анзара г1алг1ай мотт. – Грозный, 1997. – 265 с.
3. Барахоева Н. М. Х1анзара г1алг1ай мотт (лоацца дошлорг-хоаттарг). – Магас, 2008. – 146 с.
4. Гандалоева А. З. Ингушский язык: учебник для студентов 1 курса. – Магас, 2009. – 224 с.
5. Бекова А. И., Илиева Ф. М., Дударов У. Б. и др. Ингушско-русский словарь. – Магас, 2008. – 983 с.
6. Куркиев А. С. Г1алг1ай-эрсий дошлорг (Ингушско-русский словарь). – Магас, 2004. – 544 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 1990. – 685 с.
8. Оздоев И. А. Русско-ингушский словарь / Под ред. Ф. Г. Оздоевой, А. С. Куркиева. – М., Изд-во «Русский язык», 1980. – 832 с.
9. Оздоева Ф. Г., Кульбужев М. А. Г1алг1ай метта синтаксис (дешара пособи). – Магас, 2006. – 87 с.

ЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКИХ КАЗАХОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКА

Койше К.К.,
кандидат социологических наук, доцент,
Тюменский госуниверситет нефти и газа

Ключевые слова: сибирские казахи, языковая личность, характер интерференции, аттрикция
Key words: Siberian Kazakhs, linguistic identity, the nature of the interference, attriction

Аннотация. Статья делает акцент на языковой деятельности сибирских казахов с позиций особенностей культуры кочевника. Автор приводит как лингвистические, так и экстралингвистические данные, доказывающие, что рост числа заимствований у сибирских казахов обусловлен психотипом поведения кочевника.

Article focuses on the linguistic activity of Siberian Kazakhs from the standpoint of cultural characteristics of a nomad. The author gives both linguistic and extralinguistic data proving that the growth in the number of loans in Siberian Kazakhs caused psycho behavior nomad.

Сибирь вызывает интерес у исследователей всего мира уже довольно долгое время как полиэтнокультурное и полиязыковое образование со сложным устройством, в котором важную роль играют различные этнические группы и диаспоры, поэтому вопрос глубокого анализа эволюции языков и государственного регулирования их функционирования является чрезвычайно актуальным. В то же время предлагаемое исследование задает вектор анализа для других территорий России, где исконно проживают российские казахи (Саратовская, Оренбургская, Астраханская, Курганская области, Алтайский край, Новосибирская область и т.д.) в различных аспектах.

Русское население Сибири тесно контактировало и контактирует с представителями разноструктурных языков, последовательно ассимилировав многие народы, проживающие в этой местности (ханты, ненцы, манси, коми, казахи, татары, буряты, телеуты, якуты и др.), в результате чего появилось сложное по своему этногенетическому составу метисное население с преобладающим русским компонентом [Карабулатова, 2001: 46]. Казахи, являясь номадами, кочевниками, в силу специфики своей жизни хорошо адаптировались и адаптируются к новым условиям. Пограничные отношения между Россией и Казахстаном способствуют эволюции функционирования языков, находящей свое отражение в развитии евразийской языковой личности, реализующейся в векторе от тюркской языковой личности к тюркской русскоязычной языковой личности, от русской языковой личности до русской тюркскоязычной языковой личности в пространстве двусторонних отношений, способствуя гармонизации межэтнических отношений в зоне российско-казахстанского приграничья [Карабулатова, Койше, 2013]. Ранее мы останавливались подробно на отдельных аспектах этой проблемы на страницах Орловского вестника [см. работы Гультяев, Карабулатова, Койше, 2013; Карабулатова, Койше, 2013; Койше, 2013]. Сам характер естественного лингвомоделирования происходит под влиянием интенсивных контактов между русскими и казахами, обнаруживая множество переходных форм [Karabulatova, 2013: 794]. В связи с чем возникает справедливый вопрос о соотношении регионального, индивидуального и национального [Ломакина, 2009].

Проблема исследования языка сибирских казахов достаточно нова и актуальна в силу своей неразработанности. Так, в исследованиях И.С.Карабулатовой поднимался вопрос о необходимости детального обследования языка сибирских казахов, приводились отдельные моменты, свидетельствующие о языковой специфике сибирских казахов [1997-2013]. Исторические предпосылки формирования сибирских татар и сибирских казахов, причины их выделения и взаимодействия были обоснованы Н.А.Томиловым (1981-1995). Позже Г.К.Чаукерова проанализировала взаимопроникновение татарского и казахского языков в антропонимиконе сибирских татар и сибирских казахов [2005-2008]. М.А.Сагидуллин, рассматривая тюркские этнотопонимы на юге Тюменской области, приходит к выводу, что 75% казахских родов участвовали в этногенезе сибирских татар [2002]. Социолингвистом Е.В.Беженцевым анализировалась внутригосударственная политика по регулированию процессами этноязыковой ситуации в Тюменской области и Казахстане [2010]. Для рассмотрения эволюции функционирования казахского языка в русском сибирском окружении нам кажется, важным вывод, полученный З.В.Поливарой и И.С.Карабулатовой о том, что при мощных явлениях интерференции формируется нестандартная с точки зрения литературного языка региональная норма, отражающая этнические корни языковой личности и воспроизводимая последующими поколениями под влиянием усвоения ими того или иного типа произношения [2013: 19]. В работах К.К.Койше рассматривались экстра- и интралингвистические факторы, формирующие этноязыковую специфику сибирских казахов [2005-2013].

Сам характер кочевнической культуры заставлял особому относиться к человеку, к детям. Не случайно в казахской народной колыбельной песне мать говорит своему ребенку, что «я не знаю, откуда ты пришел в мой дом, почему Небеса прислали тебя ко мне, но раз ты пришел, все, что есть в доме – твое» [Карабулатова, 2004: 118].

Казахский этнос формировался длительное время. Он не пришел на эту землю в ходе каких-то колонизаций и завоеваний. Глубина исторического горизонта казахов очень велика. В первой половине XVI в. кочевья казахского хана Тугума находились на сибирских рубежах. Рассматривая вопрос об этногенезе чатов (группа томских татар), необходимо учитывать их связь с казахами. В результате двусторонних контактов происходило заимствование различных элементов культуры указанных народов, нередкими были случаи вступления в брачные отношения.

Расширение границ российского государства, отправка казачьих отрядов, строительство казачьих редутов и станиц, с одной стороны, способствовали проникновению русских на казахские земли, а с другой, заставляли казахов двигаться все дальше и дальше на север. Этот период начинается с середины XVIII в. и заканчивается первой третью XIX в.. В это время широко развиваются контакты между

казахами и казаками Иртышской и Ишимской линий. В то же время проекты, касавшиеся изменения статуса казахских кочевников, выражали основные приоритеты центральноазиатской политики России конца XVIII в.: распространение своего влияния в Средней Азии, установление прочных отношений со Средним и Старшим казахскими жузами, развитие торговых отношений с азиатскими странами, обеспечение безопасности южносибирских границ.

Таким образом, в последней четверти XVIII - начале XIX вв. российское правительство и власти Омска и Оренбурга разработали и осуществили целый комплекс мероприятий социально-экономического и политического характера, целью которых было как можно теснее «привлечь» Казахстан к России. Этот подход нашел свое выражение в активном строительстве на сибирских линиях домов для казахской знати, в практике выплаты жалований и подарков, в организации льготных условий перекочевки, что в целом способствовало развитию и укреплению русско-казахских отношений.

Таким образом, в середине XV в. казахи сформировались в отдельную этническую группу, а к середине XVI в. они находились под управлением единого ханства. В языковом отношении они принадлежат к кипчакской группе тюркских языков. Казахи являются прямыми наследниками кочевой культурной цивилизации европейско-азиатского субконтинента, которая сыграла большую роль в истории человечества.

Следует признать, территория современной Сибири (прежде всего. Омская, Тюменская и Новосибирская область) с древности испытывала мощное языковое напряжение под влиянием перемещений народов, интенсивности коммуникации на сибирской ветви Великого Шелкового Пути, исторически сложившимися маршрутами миграций казахских родов.

При анализе языковой деятельности сибирских казахов мы выделяем два важных момента: 1) речь сибирских казахов на русском языке и 2) речь сибирских казахов на родном языке. Эти два аспекта языковой деятельности сибирских казахов обнаруживают явления интерференции и аттрикции под влиянием русского языка [Karabulatova, Polivara, 2013: 834], что говорит о длительном и интенсивном характере взаимодействия в зоне российско-казахстанского пограничья [Karabulatova, Koyshe, Guultyaev, 2013], а в целом о специфике «языковой личности в контексте межкультурной коммуникации [Карабулатова, 2011: 77].

Мы наблюдаем специфику в адаптации русских слов и в языке сибирских казахов, проживающих в российской части российско-казахстанского пограничья (на юге Тюменской области и в Курганской области): «тұрба» от русского «труба» употребляется в двух значениях: 1) труба самовара и 2) печная труба; «шарып» - «шарф»; кіренке – «крынка»; күпшін – «кувшин» и др. Кроме того, встречаются и в языке западносибирских казахов и усеченные заимствованные слова: «зарпылат» – «зарплата», мәшін – «машина», «оғылоп» - «оглобля». Одним из ярким качеств тюркских языков (татарского и казахского) является сингармонизм, поэтому в словах в одном слоге не допустимо стечение двух согласных звуков и при заимствовании русских слов (или европейских слов через посредство русского) это явление устраняется апокой, эпентезой и протезой.

Соответственно классифицируемые исследователями речевые нарушения у жителей в зоне российско-казахстанского пограничья свидетельствуют об усвоении норм русского языка сквозь призму регионолекта и тюркских языков-контактеров [Karabulatova, Polivara, 2013; Поливара, Карабулатова, 2013]. На наш взгляд, это говорит о вариативности тюркской и русской языковой личности в ходе функционирования языков в пограничье.

Ранее мы останавливались подробно на мутуальном характере представителей евразийской языковой личности в российско-казахстанском пограничье [2005-2013], поскольку любая форма идентичности является не врожденным качеством, но интериоризируемым свойством человеческой психики, которое выбирается тем или иным индивидуумом, выражаясь в языковом и социально-культурном поведении, или может трансформироваться под воздействием социально-политического и идеологического контекста [Масанов, 1995; Октябрьская, 2002].

Хорошее знание казахского языка и культуры носителями русского языка, потомками переселенцев в Северном Казахстане, а ныне переехавших в Россию из Казахстана, обусловило, на наш взгляд, появление нового типа языковой личности, а именно русской тюркоязычной языковой личности [Карабулатова, 2013; 2014; Гультяев, Койше, Карабулатова, 2013; Койше, Карабулатова, 2013 (а)].

Нельзя сказать, что процесс заимствования шел только в направлении русские → казахи, русские →татары, татары → казахи. Он шел и в обратном порядке также, формируя новые черты в языках-контактерах российско-казахстанского пограничья [Карабулатова, Койше, 2012; Койше, 2013].

Непозиционное оглушение звонких согласных фонетического происхождения в ряде русских говоров на приграничной с Россией территории Северного Казахстана было вызвано иноязычным влиянием, получив дальнейшее развитие на русской почве. В речи казахов и татар в словах, заимствованных из русского языка, наблюдалось явление оглушения звонких согласных [Карабулатова, Койше, Поливара, Жумагулова, Ахметова, 2012: 67].

Наши наблюдения показывают, что казахи и татары в русской речи постоянно смешивают звонкие и глухие согласные в фонетически не обусловленном положении и в российской зоне и в казахстанской зоне российско-казахстанского пограничья: склатной ношык «складной ножик» (с.Сладково, с.Казанка Ишимский район, г.Ишим, д.Октябрьское, г.Петропавловск), пыл’и «были», друкой «другой» (д. Булановка Ишимский р-н, дд.Айдарлы, Жамбыл), нато «надо», готу «году», б’итный «бедный» (с.Неволино Ишимский р-н, д.Койбагор, с. Арыкбалык, с.Володарское), трутна «трудно», тва «два», хот’ат «ходят», поклату «покладу» (с.Благодатное Казанский р–н, д.Жумагул, г.Ишим, дер.Карасуль), атна «одна», тасв’итан’а «до свиданья», кар’ит «горит», латом «ладом»(д.Зырянка Ишимский р-н, д.Степное. д.Усово Сладковский р-н), упрал’и «убрали», пал’ит «болит» (с.Соколовка, д.Челгаши, дер.Неволино Ишимский р-н, с.Травное Ишимский р-н) [Карабулатова, Койше, Поливара, Жумагулова, Ахметова, 2012: 72].

В то же время факты казахского языка говорят, что как северо-восточный, так и остальные диалекты казахского языка еще до образования литературного языка заимствовали немало слов из арабского, персидского, русского и других языков. Но при всем этом каждый из диалектов

по-своему ассимилировал новые слова. Так, например, русское слово «кровать» в первое время на западе Казахстана звучало керуерт, на юге – керует, а на северо-востоке – кереует. Русское слово «самовар» на западе звучало самауын, а в южных и северо-восточных областях – самауыр. Русское слово «печь» – на западе звучало беш, на северо-востоке – пеш. В результате развившихся политических и экономических отношений между казахами и русскими, начиная с XVIII века, в лексику казахского языка, особенно в лексику носителей северо-восточного диалекта, вошло много русских слов.

Таким образом, для казахской ментальности, также как и для русской, характерно принятие новых черт из контактирующей культуры вместе с языковыми заимствованиями. Это является отличительной чертой для народов, устремленных осваивать новые территории, имеющих культуру кочевничества в качестве доминанты психотипа. Эта культура номадов нашла, на наш взгляд, прямое подтверждение в характере языковой деятельности сибирских казахов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беженцев Е.В., Карабулатова И.С., Койше К.К. / К.К.Койше/ Тюменская область – Казахстан: специфика государственной этноязыковой политики в условиях приграничья.– Тюмень: Вектор Бук, 2010. – 148 с.

2. Гультяев В.Н., Койше К.К., Карабулатова И.С. О проблемах формирования полилингвоментальной евразийской языковой личности в российско-казахстанском пограничье: языковые, социальные и экономические факторы // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – М. – 2013. - №1-2. – С.158-169.

3. Карабулатова, И.С. Региональная этнолингвистика: современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области. – Тюмень: изд-во Тюменского госуниверситета, 2001 – 228 с.

4. Карабулатова, И.С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. – Тюмень: Академия, 2004 – 268 с.

5. Карабулатова, И.С. Языковая личность в пространстве межкультурных коммуникаций // Вестник Кемеровского университета культуры и искусств. – Кемерово, 2011, №16. - С.77.

6. Karabulatova I.S. The problems of linguistic modeling of new Eurasian linguistic personality in multilinguistic and mental environment (by example of onomasphere) // Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 791-795, 2013.ISSN 1990-9233.© IDOSI Publications, 2013.DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12262.

7. Карабулатова И.С. Евразийская языковая личность: характер взаимодействия славянских и тюркских языков в коммуникативном пространстве российско-казахстанского приграничья // Человек и язык в коммуникативном пространстве. – Сб.науч.ст. Красноярск: СФУ, 2013. Т.4. №4. С.343-348.

8. Karabulatova I.S., Koyche .K., Gultyaev V.N. The Dialogue of Kazakh Steppe and Russian Forest: About the Character of Turkic-Speaking Linguistic Personality on the Territory of Russian-Kazakhstani Border-Zone // Middle-East Journal of Scientific Research 17 (7): 853-858, 2013. ISSN 1990-9233.© IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.07.12264.

9. Karabulatova I.S., Polivara Z.V.Turkic and Slavs: bi-polylinguism in globalization and migrations (on an example of Tumen region)Turkic and Slavs: bi-polylinguism in globalization and migrations (on an example of Tumen region) // Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 832-836, 2013. ISSN 1990-9233. © IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12263.

10. Карабулатова И.С., Койше К.К. Трансформации современной евразийской языковой личности российско-казахстанского приграничья // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово. – 2013. – №22-2. - С. 10-18.

11. Карабулатова И.С., Койше К.К., Гультяев В.Н. Вариативность современной евразийской русскоязычной языковой личности: тюркская русскоязычная языковая личность на территории российско-казахстанского приграничья// Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел. - 2013. – № 2 (31). – С. 48-56.

12. Карабулатова, И.С. Специфика русскоязычной языковой личности в условиях российско-казахстанского приграничья // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им.Г.И.Носова, 2014, №3. – С.115-116.

13. Карабулатова И.С., Койше К.К., Поливара З.В., Жумагулова Н.С., Ахметова Б.З.Языковая личность в трансформирующемся сообществе (на примере билингвов в полиэтничном окружении). Коллект. монография. – Тюмень: Вектор-Бук, 2012. – 192 с.

14. Койше К.К. Межкультурные взаимодействия казахов: исторические и демографические аспекты /Материалы международной научно-технической конференции, посвященному году России в Казахстане «Теория и Практика исследования процессов рыночных преобразований в странах Ближнего Зарубежья». – Тюмень – Павлодар, 2004. - С.161-162.

15. Койше К.К. Межкультурные взаимодействия казахов в исторических и демографических аспектах /Менеджмент в социальной сфере. Ученые записки кафедры социального менеджмента. - Тюмень: «Вектор Бук». – Вып. 7, 2005. - С.116-118.

16. Койше К.К., Карабулатова И.С. О языковых свидетельства распространения христианства среди сибирских татар и казахов // Материалы первой международной научной конференции «Православный ученый в современном мире: проблемы и пути их решения». – Воронеж: ВГУ, 2012, с. 134-137.

17. Койше К.К. О проблеме сохранения языка и культуры сибирских казахов в коммуникативном пространстве российско-казахстанского приграничья // Материалы международной научно-практической конференции IV Международные (XVIII Всероссийские) филологические чтения имени профессора Раисы Тихоновны Гриб «ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ», 23–25 мая 2013 г. – Лесосибирск. – 2013. – С.114-119.

18. Койше К.К. О мутационном характере современной евразийской языковой личности российско-казахстанского приграничья. // Вестник Тюменского государственного университета. – Тюмень. – 2013. - №1. – С.208-215.

19. Койше К.К., Карабулатова И.С. Эстимационная характеристика образа казаха-кочевника в романе Ф. В.Булгарина «Иван Иванович Выжигин» // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел. - 2013(а). – № 2 (31). – С. 67-76.

20. Койше К.К., Карабулатова И.С. О проблеме сохранения языка и культуры сибирских казахов в коммуникативном пространстве российско-казахстанском приграничье // Человек и язык в коммуникативном пространстве. – Сб.науч.ст. Красноярск: СФУ, 2013. Т.4. №4. С.348-354.

21. Койше К.К., Шайхулов А.Г., Карабулатова И.С., Сайфулина Ф.С., Чаукерова Г.К., Федорова Е.А. Казахи Тюменской области: история, язык, культура. Коллект.монография. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2013. – 168 с. ISBN 978-5-400-00950-1, УДК 39 (571.12+574), ББК Т521 (2-4 Тюм=632.4) -7, К 143.

22. Ломакина, О.В. Национальное в индивидуальном: пословицы и поговорки в художественных произведениях Л.Н.Толстого // Guadernos de Rusistica Española. – 2009. - №5. – С.11.

23. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Основы жизнедеятельности номадного общества. М.: Горизонт; Алматы: Социнвест, 1995. 319 с.

24. Октябрьская И.В. Казахская проблема. Этнополитическая и этноконфессиональная ситуация на юге Сибири // Россия-Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: Мат-лы семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений». Барнаул. 26-27 февраля 2002 г. Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2002. С. 167-177.

25. Поливара, З.В., Карабулатова, И.С.. Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтническом окружении. М.: Издательство «Наука», «ФЛИНТА» 978-5-9765-1651-9ISBN. Год 2013: 2-е издание, стереотипное издание, 132 стр.

26. Сагидуллин, М.А. Тюркские этнонимы в русской топонимии Тюменской области. АКД. Тюмень, 2002, 30 с.

27. Томилов, Н.А. Казахи Западной Сибири в XVI- начале XX вв. // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). -Томск: Томск. госуниверситет, 1995. - С.35-43

28. Шайхуллов, А.Г., Койше, К.К., Карабулатова, И.С. Специфика языковой деятельности казахов Сибири // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел. - 2013. № 4 (33). – С. 131-134.

29. Чаукерова, Г.К. Общетюркские основы личных имен казахов юга Тюменской области // VIII Сулеймановские чтения, материалы VIII межрегиональной конференции, г. Тобольск, 2005. – С.183.

30. Чаукерова, Г.К. Личные имена казахов Тюменской области в официально-деловом русском языке // Гуманитарные проблемы миграции: социально-правовая адаптация соотечественников в Тюменской области. – Материалы II Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Тюмень: Изд-во «Вектор-Бук», 2006. – С. 286-289.

ПЕРЦЕПТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ОПИСАНИИ ВНЕШНОСТИ ГЕРОЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ХОРЬ И КАЛИНЫЧ» И.С. ТУРГЕНЕВА)

Мещерякова О.А.,
доктор филологических наук, профессор,
кафедра языкознания и документоведения,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Зубцова М.Л.,
учитель русского языка и литературы,
СОШ №1 г. Ливны Орловской обл.,
соискатель,
кафедра языкознания и документоведения,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Ключевые слова: И.С. Тургенев, описание внешности, перцептивная лексика, денотативная сема, коннотативная сема
Key words: I.S. Turgenev, the description of the appearance, perceptive vocabulary, denotation seme, connotation seme

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перцептивной лексики при описании внешности героев в художественном тексте И.С.Тургенева. В произведение включены самые разнообразные перцептивные слова и словосочетания, с помощью которых усиливается зримость образа. Вместе с тем перцептивная семантика в произведениях русского классика включает не только денотативные, но и коннотативные семы, формирование которых связано с авторским познанием мира.

The article discusses the features of perceptive vocabulary in the description of the appearance of characters in works by I.S.Turgenev. The text includs a variety of perceptive words and phrases with which increases the visibility of the image. However, perceptive semantics in the works of Russian classic authors includes not only the denotation but also connotation semes, the formation of which is associated with the author's cognition of the world.

Портрет выступает важным компонентом художественного текста. С его помощью автор создает живой образ героя. Одновременно описание внешности является художественным способом индивидуально-авторского познания действительности. Таким образом, «художник, создавая портрет, стремится изобразить, запечатлеть отдельного человека <…> и преломить в данном произведении свое собственное отношение к предмету изображения» [Колосова 2012: 3.].

На разных этапах развития литературы подходы к созданию портрета не были одинаковыми, однако «наглядность, зрительная определенность, пластичность на протяжении веков считались необходимым условием словесного изображения» [Юркина 1999: 302].

Перцептивная лексика объединяет слова, обозначающие признаки внешнего мира, постигаемые с помощью органов чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса). Языковые единицы с подобной семантикой часто выступают важными компонентами такого изображения.

Произведения И.С.Тургенева включают самые разнообразные перцептивные слова и словосочетания, с помощью которых усиливается зримость образа. Вместе с тем перцептивная семантика в произведениях русского классика включает не только денотативные, но и коннотативные семы, формирование которых связано с авторским познанием мира [Мещерякова 2011].

В рассказе «Хорь и Калиныч», в самой первой из тех небольших зарисовок, что образуют цикл «Записки охотника», мы находим множество перцептивных деталей в описании внешности героев. Можно выделить три способа включения перцептивных единиц в описание внешности:

1) перцептивная лексика находится в синтагматических связях с номинациями лица по социальному (*мужик*), гендерному (*мужик, баба*), возрастному (*старик, мальчик)* признаку;

2) перцептивная лексика сосредоточивается вокруг соматизмов *лицо, глазки, головка* и др.;

3) перцептивная лексика связана с описанием речевых действий персонажей и выступает составной частью повествования.

Первый портрет, данный в самом начале рассказа, описывает два типа крестьян. В нем сопоставляется то, как живут и как выглядят мужики двух близкорасположенных губерний – Орловской и Калужской.

, , угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; оброчный обитает в просторных сосновых избах, глядит смело и весело, , торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах

Из перцептивной лексики автор в первую очередь употребляет ту, что обозначает высоту человеческого роста (*невелик ростом - высок ростом*) и очертания фигуры (*сутуловат*), т.е. размер и форму . Наряду с перцептивными характеристиками им дано описание эмоционального состояния людей, принадлежащих к 2 социальным группам (*угрюм, глядит исподлобья – глядит смело и весело*), используется характеристика их социального положения (*ходит на барщину - оброчный*), характера трудовой деятельности (*торговлей не занимается - торгует маслом и дегтем*), условий жизни (*живет в дрянных осиновых избенках; ест плохо, носит лапти - обитает в просторных сосновых избах; по праздникам ходит в сапогах*). Благодаря подобному контексту портрет приобретает черты социальной зарисовки. Такие особенности описания внешнего вида говорят об особом – экспозиционном типе портрета, который дается от лица повествователя, заинтересованного характерностью вида портретируемого представителя какой-нибудь социальной общности. У Тургенева различие между калужским и орловским мужиками как представителями двух социальных групп обусловлены не столько художественным пространством (губернии соседствуют друг с другом), сколько характером отношений между крестьянином и помещиком. Оброк как более прогрессивная форма таких отношений меняет крестьянина, делает его

счастливым и свободным. Перцептивные лексемы включаются в создание социального портрета, и контекстуальное окружение обогащает их ассоциативной семантикой. Слова и выражения *сутуловат, невелик ростом* приобретают со-значение ‘задавлен, пригнут к земле тяжелым трудом’. Свобода же дает человеку возможность выпрямиться, поэтому *высок ростом* (где лексема *высокий* имеет денотативное значение ‘имеющий большое протяжение снизу вверх, по вертикальной линии’) дополняется ассоциативным смыслом – ‘вольно и свободно дышит, живёт’. Представление о воле как о причине положительных изменений во внешности усиливается описанием кожи и цвета лица калужского мужика: . Семантика этих прилагательных, краткая форма употребления соотносится с формой постоянных эпитетов в фольклорном тексте и пробуждает в памяти читателя образ сказочного героя: *Емеля был в то время в пребогатом платье,* [4, 320]. Заметим, что соединение представлений о высоком росте и красивом лице – характерная черта портрета такого героя, который оценивается положительно: *«Здравствуй, крестник!»—отвечал государь, посадил его за стол, начал угощать всякими напитками и закусками, а сам на него смотрит-дивуется: — и умом смышлен,* [Афанасьев 2010: 383].

Используя перцептивные лексемы для характеристики встретившихся повествователю людей, в обозначении которых используется номинация лица (*старик, баба, парень* и др.), автор развивает социальные смыслы, дополняя ими конкретно-чувственную семантику. Так, в описании людей Полутыкина, т.е. принадлежащих к «калужскому типу», автор подчеркивает их большой рост. В первую очередь это относится к Калинычу: <…> *за деревней догнал нас человек лет сорока, худой* <...> *Это был Калиныч*. *Высокий рост* персонажа соотносится с портретом калужского мужика как особого социального типа, которому свойственна внутренняя свобода. Эта деталь заставляет по-иному посмотреть на привязанность Калиныча к Полутыкину – в его отношении к барину нет холопства, но есть способность быть преданным другом, таким же, каким он является и по отношению к Хорю. Перцептивный признак ‘высокий рост’ свидетельствует о характере героя, в котором главное - внутренняя свобода. Почему же тогда в Хоре автор подчеркивает противоположное качество – *низкий рост*? *На пороге избы встретил меня старик – лысый, , плечистый и плотный –* . Это, на наш взгляд, связано с тем, что изначально Хорь относится к «орловскому» социальному типу крестьянина. Сейчас он старик, как подчеркивает повествователь, и большую часть своей жизни он провел в крепостной неволе, а изменить жизнь его заставил случай: *Лет двадцать пять тому назад вот и пришел он к моему покойному батюшке и говорит: дескать, позвольте мне, Николай Кузьмич, поселиться у вас в лесу на болоте*. Однако двадцать пять лет жизни вольным человеком, хотя не изменило его внешне, сказалось на его детях. Не случайно в портрете одного из них упоминается не только высокий рост, но и возраст – двадцать лет, который указывает, что молодой человек – «дитя» калужского периода жизни Хоря: *Нас встретил молодой парень, .* Перцептивный признак ‘высокий рост’ становится доминирующим в описании всего семейства. Сыновья Хоря метафорически названы *великанами*, причем основой для переноса имени сказочного героя на крестьянских детей становится признак ‘высокий’: *Кругом телеги стояло человек шесть молодых , очень похожих друг на друга и на Федю. «Все дети Хоря!» – заметил Полутыкин*. Признак ‘высокий рост’ передает и эпитет *здоровый*, используемый при описании невестки Хоря: *Здоровая баба, одна из его невесток, принесла горшок с молоком*. Наивысшей точкой в обрисовке высокого роста всех членов семьи Хоря как представителей калужского типа крестьянства выступает словосочетание *рослый народ*. Обобщенное наименование группы лиц *народ* вместе с прилагательным *рослый* подводит итог описанию нового типа людей, высокий рост которых не результат генетической наследственности (ведь отец низкого роста), а социальной и духовной «переделки» человеком самого себя. Уход Хоря из кабалы на вольную жизнь, пусть даже на болоте, определил возможности глубочайших изменений его жизни и жизни будущих поколений. Осознание этого дает возможность *старику низкого роста* гордиться и своими высокими сыновьями, и собой:

Все его сыновья поочередно входили в избу.

– Что у тебя за ! – заметил я старику.

– Да, – промолвил он, откусывая крошечный кусок сахару, – на меня да на мою старуху жаловаться, кажись, им нечего.

Таким образом, экспозиционный портрет двух типов крестьян – «калужской» и «орловской породы», содержащий перцептивный признак ‘высокий - невысокий’, определяет характер последующих описаний персонажей. Перцептивный признак ‘высокий-низкий рост’ дополняется социальным признаком ‘внутренне свободный - несвободный’, благодаря чему выполняет ключевую роль в донесении авторской демократической мысли до читателя.

Конечно, под пером великого художника описание внешности двух главных героев выходит за рамки экспозиционного портрета социального типа крестьянина. Изображение тех или иных черт лица Хоря и Калиныча «распределяется» по всему тексту рассказа, а не ограничивается только ситуацией знакомства с героем. При этом через используемые перцептивные детали И.С. Тургенев стремится показать то индивидуальное, что соотносится с духовной сущностью каждого из героев.

При описании Калиныча предметом авторского изображения становится лицо героя. И.С. Тургенев обращается к различным зрительным модусам – к цвету, свету, форме. Цветообозначение *смуглый,* имеющее значение ‘темноватый, словно покрытый загаром (о коже)’, отсылает читателя к представлению о роде занятий героя, вынужденного много находиться и на солнце, и на морозе, и на ветру, отчего его кожа приобретает темноватый оттенок. Словосочетание *кое-где отмеченное рябинами* указывает на характер поверхности кожи: *Его добродушное , , мне понравилось с первого взгляда*. Причем выбранное автором слово *рябины* (‘содержащий пёстрые пятна на основном фоне ’) как бы отсекает возможность ассоциации с болезнью, оставляя представление о естественном, природном, связанном с образом любимого на Руси дерева рябины, его красивых ягод. Перцептивной деталью в изображении лица выступает и номинация «светлости», обозначенная прилагательным *ясный* и сравнением *как вечернее небо*, образ которого объединяет цвет и свет и ассоциируется с божественной красотой: *Я долго любовался его лицом, кротким и* . Все эти детали воссоздают не только внешность, но и поэтическую натуру Калиныча – человека, близкого природе, имеющего с ней особую связь.

При описании Хоря писатель также создает перцептивный контекст «вокруг» соматизмов, но, обращая внимание на отдельные черты, автор запечатлевает совсем иной образ.

Словесное портретирование глаз опирается на указание размера / формы (*маленькие*). Заметим, что семантика небольшого эксплицитно обозначена прилагательным, а имплицитно – существительным с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*глазки*), что усиливает впечатление об их маленьком размере: *Хорь заливался смехом, причем его исчезали совершенно*. Внимание к форме глаз позволяет И.С.Тургеневу обратиться к литоте (*маленькие глазки*). Отмечая маленький размер глаз и способность «исчезать», писатель усиливает наше впечатление о скрытности Хоря, его способности быть себе на уме, ведь глаза – зеркало души, и внешние черты Хоря соотносятся с характером: исчезающие маленькие глазки не позволяют никому из посторонних заглянуть ему в душу.

При описании лба, носа Хоря писатель употребляет прилагательные *высокий*, *шишковатый, курносый*. Денотативная семантика каждого из них ориентирована на форму. С помощью этих перцептивных единиц И.С. Тургенев как бы лепит барельеф со своего героя. Основой такого «скульптурного» образа является сравнение с Сократом: *Склад его лица напоминал : лоб, глазки нос*. Прилагательные *(лоб)* ориентируют на образ философа (интеллектуальная характеристика героя), однако *курносый*, помимо ассоциаций с Сократом, ориентирует на образ простолюдина (социальная характеристика). Предъявленный посредством перцептивных единиц, образ крестьянина-философа будет уточняться всем ходом дальнейшего повествования.

Взгляд И.С. Тургенева притягивает и волосяной покров отдельных участков лица русского крестьянина – бровей, усов, бороды. *брови, усы, борода* – прилагательные в этих словосочетаниях эксплицитно обозначают форму. Имплицитно обозначенные этими словами признаки не менее важны для повествования о русском мужике. Так, слово *курчавый*, имеющее значение ‘вьющийся, с завитками (о волосах)’ включает коннотативное значение ‘красивый’; слова *густые, длинные* несут представление об избытке, сверхнорме и вполне соответствуют образу сильного духом человека. Не случайно эти детали появляются в портрете Хоря тогда, когда он демонстрирует в разговоре с заезжим барином чувство достоинства, не меньшее, чем у дворянина (*Хорь присел на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступил со мною в разговор. <…> Он со мной все как будто соглашался; только потом мне становилось совестно, и я чувствовал, что говорю не то*…), когда он мыслит масштабно о путях развития России и заставляет об этом задуматься и повествователя: *Хорь молчал, хмурил и лишь изредка замечал, что, «дескать, это у нас не шло бы, а вот это хорошо – это порядок» <…> из наших разговоров я вынес одно убежденье, которого, вероятно, никак не ожидают читатели, – убежденье, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях*.

Перцептивный портрет главных героев включает звуковую характеристику речевых действий.

Ключевыми в звуковом портрете Калиныча является группа слов, связанная с обозначением характера пения: *Калиныч и поигрывал на балалайке; Калиныч , подпрыгивая на облучке, и все глядел да глядел на зарю*… Перцептивная лексика, номинирующая способность петь, развивает дополнительные коннотации, связанные с представлением о широкой душе русского человека, о его умении чувствовать красоту (не случайно автор упоминает зарю - источник песенного вдохновения Калиныча) и не разрушать её, о чем свидетельствует авторский комментарий по поводу силы голоса – *запел вполголоса*, т.е. не нарушил вечерней тишины. Подобная звуковая характеристика углубляет представление о Калиныче как о человеке, полном романтических чувств, умеющем тонко воспринимать красоту мира.

В звуковом портрете Хоря две группы перцептивных лексем составляют его характеристику: *заливался смехом - начинал подтягивать жалобным голосом*. Подобная семантическая раздвоенность (*смех* – веселье, *жалобный голос* - грусть) говорит о сложном и противоречивом характере, лишённом той целостности, которая присуща Калинычу. Кроме того, и одно, и другое речевое действие связано не с природой, а с размышлением Хоря о несправедливости в обществе. Таким образом, звуковая характеристика двух главных персонажей создает индивидуальный портрет каждого из них, подтверждая размышления повествователя о том, что для одного героя главное – это природа, а для другого – человек и общество.

Анализ участия перцептивной лексики в описании внешности героев рассказа «Хорь и Калиныч» показал ее большую роль в создании как экспозиционного портрета социального типа, так и индивидуально-психологического портрета, соотносимого с биографией и характером персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2010. – 1087 с.

2. Колосова С.Н. Типология и поэтика портрета в русской лирической поэзии: автореферат … докт. филолог. наук. – Москва, 2012. – 31 с.

3. Мещерякова О.А.Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И.А. Бунина: дис. … докт. филолог. наук. – Елец, 2011. – 458 с.

4. Юркина Л.А. Портрет // Введение в литературоведение: Литературное произведение: основные понятия и термины. – М., 1999. – С. 296 – 308.

ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ ЭТНОЛИНГВОИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Ниязова Г.М.,
доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: межэтнический конфликтный дискурс, лингвистическая безопасность, национальная безопасность, иллокуция
Key words: interethnic conflict discourse, linguistic security, national security, illocution

Аннотация. Автор рассматривает межэтнический конфликтный дискурс в современном этнолингвоинформационном пространстве России на примере анализа высказываний в социальной сети «Одноклассники» по поводу российско-украинских отношений. Автор подчеркивает иллокутивность межэтнического конфликтного дискурса, приводит его параметризацию и высказывает озабоченность в связи с углублением вербальных этнотравмирующих стратегий.

The author examines the ethnic conflict in the contemporary discourse of ethno-linguistic-Russian information space on the example of the statements in the «Odnoklassniki» about the Russian-Ukrainian relations. The author emphasizes the illocutionary interethnic conflict discourse leads its parameterization and expresses concern about the deepening ethno-traumatic verbal strategies.

Современная лингвобезопасность, в том ее толковании, которое предлагается И.С.Карабулатовой [2014: 216], подразумевает, прежде всего, обеспечение национальной безопасности посредством языковых средств [Карабулатова, 2014а], что, в конечном счете, обеспечивает лингвистическую профилактику межэтнических конфликтов [Zamaletdinov, Karabulatova, Yarmakeev, Ermakova, 2014]. Сегодня в связи с украинскими, сирийскими событиями, мы обнаруживаем столкновение принципов архегении и анархегении [Ниязова, 2008; 2013] в этнолингвоинформационном пространстве мирового сообщества. Нельзя не согласиться, что современные дискурсивные практики акцентируют внимание на усугубление конфликтной ситуации как таковой. Полагаем, что наблюдаемый сегодня межэтнический конфликт в этнолингвоинформационном пространстве можно начать разрешать раньше, чем он войдет в деструктивную фазу. Конфликтный опыт общения как человеческий ресурс выполняет деструктивную роль, если человек говорящий не умеет им управлять.

Коммуникативный регистр не релевантен конфликтному дискурсу, вместе с тем, любая коммуникативная неудача обладает конструктивным потенциалом, если только участники дискурса, развивающегося по любому сценарию не уклоняются от того, чтобы определять ситуацию. В качестве объекта для анализа возьмем социальную сеть «Одноклассники», в которой ярко отражены конфликтно-ориентированные дискурсивные стратегии в российско-украинском межэтническом конфликте. Так, например, в этой распространенной сети постсоветского пространства насчитвается 812 групп «Антимайдан», а групп, где также обсуждают события украинского майдана, насчитывается 172. В результате нагнетания антиукраинских настроений конфликт среди пользователей сети вошел в деструктивную фазу. Украина, в свою очередь, открыла пять социальных сетей, которые являются той этноинформационной площадкой, пропагандирующей современный украинский политический курс [Ворона, 2014, интернет-источник]. Украинские власти стали активно продвигать идеи дистанцированности не только на политическом, но и бытовом уровне. Активные антироссийские дискурсивные стратегии привели к тому, что из пяти украинских социальных сетей на рынке осталось только две [Ворона, 2014а, интернет-источник]. Мы должны констатировать, что сам межэтнический конфликтный дискурс обладает естественной сущностью как неизбежная данность эволюционного развития этнических групп: он ни позитивен, ни негативен, он просто есть. Однако в ходе межэтнического конфликтного дискурса возникает проблема реализации «современной языковой личности в пространстве межкультурных коммуникаций» [Карабулатова, 2011: 77].

Нельзя сказать, что украинско-российские отношения всегда были только позитивными, однако политика грамотного использования базисных установок этноса позволяла сохранять паритет в сфере межэтнических отношений [Карабулатова, Карелина, 2006; Тюменская область: народы, языки, культуры, 2007; Украина-Западная Сибирь, 2008].

Мы считаем, что в качестве межэтнического конфликтного дискурса выступает речевое взаимодействие коммуникантов-представителей разных этносов, в результате которого участники попадают в дискомфортное состояние из-за вербального воздействия друг на друга, в связи с тем, что иллокутивная доминанта речевого взаимодействия характеризуется наличием столкновения вербально выраженных целей. Отсюда, такая ярко выраженная экспрессия, нагнетание негативных эстимаций. Типа: «Кровавые выборы. Куда они приведут Украину?» (ролик от 28.10.2014), «Укропы поздравить вас с семидесятилетием освобождения от фашистов я не хочу, т.к. это была большая ошибка. Вас надо было добить вместе с немцами. Вы позор планеты Земля» (сообщение на форуме «Антимайдан» http://www.odnoklassniki.ru/anti.maydan.ukr) и т.д. Аналогично выстраивается дискурс и с украинской стороны:

«старечий маразм реваншиста гітлерівської заквaски на ймення Путін» [http://www.odnoklassniki.ru/mi100/topic/62969920594067] . Следует заметить, что такая экспрессивная негативная коннотация не будет служить поиску общей платформы и снижению конфронтации как с украинской, так и с российской строны.

Общение в рамках межэтническогоконфликтного дискурса представляет собой взаимодействие партнеров, которое осуществляется с помощью реплик или репликовых шагов, построенных из знаков естественного языка, с постоянным увеличением негативного коннотата. Взаимодействие общающихся сторон в диалоге конфликтной окраски возможно в том случае, если: а) партнеры по диа-

логу могут влиять друг на друга; б) это влияние упорядочено в единый процесс, правила которого можно регулировать.

Результатом такого противодействия явится достижение или провал коммуникативной цели; хотя бы один из участников будет испытывать негативные эмоции; хотя бы один из участников конфликтного дискурса обогатит свой семиотический тезаурус, прежде всего, представлением о рамках «власти», которая проявляется в конфликтном дискурсе характеристиками роли реципиента, владеющего инициативой. Вследствие этого возникает увеличение дистанции между индивидуальным и национальным [Ломакина, 2009], которая приводит к межэтническому рассогласованию внутри самой языковой личности [Ниязова, 2007]. Полагаем, в рамках межэтнического конфликтного дискурса между этими двумя терминами «власть» и «инициатива» можно поставить знак равенства, тогда «власть» следует считать строевым элементом прагматических отношений в межэтническом конфликтном дискурсе.

Анализ современных стратегий и тактик в социальных сетях показывает, что межэтнический конфликтный дискурс появляется при условии чрезмерно интенсивного воздействия одного из участников на другого, если оно воспринимается как таковое, и маркировано в языковом плане.

«Власть» обладает прагматической валентностью в конфликтном дискурсе если коммуниканты меняются ролями «начальник»/ «подчиненный» в следующем порядке:

1. В процессе решения об исполнении задания, у «подчиненного» может возникнуть иное мнение об изменении количества и наименования параметров заданных границ, или по поводу выбора даже самих границ границ окружающего бытия.

2. «Подчиненный» займется саботажем.

3. «Подчиненный» займется реализацией первоначально предложенных изменений границ окружающего бытия и не сможет этого сделать по причинам объективного характера.

4. «Начальник» не согласится с коррекцией изменений первоначально предложенных границ окружающего бытия, и останется в положении представителя первичной власти.

При поиске путей гармонизации необходимо находить общие базовые модели, уметь встать на позицию другого. Как сказал султан Арсалан Ивану Выжигину, чтобы «понять казахов, нужно самому стать казахом», что «показывает изменение динамики восприятия казахов с «минуса» на «плюс» в русском языковом сознании» [Койше, Карабулатова, 2013: 152. В результате российским властям пришлось приложить усилия, чтобы сменить негативный вектор оценки на позитивный в русском информационном пространстве в целом [Койше, Карабулатова, Гультяев, Ниязова, 2013]. Основополагающая роль в процессе транспонирования принадлежит контексту (в основном, прагматическому (социальному, межличностному) и ситуативному). Конфликтность может вызвать способ актуализации иллокутивного содержания. Выбранная одним из участников для этой цели языковая форма, интерпретируется партнером как «превышение полномочий» в рамках контекста. Мы сегодня до сих пор преодолеваем последствия вербальных этнотравмирующих стратегий с поляками, татарами, немцами, чеченцами [Карабулатова, Шаймерденова, Авакова, Ниязова, 2009: 218]. Теперь этот список будет дополнен украинцами. Чаще всего на интерпретацию иллокутивного содержания оказывает влияние соотношение социально-ролевых статусов, в меньшей степени - комплекс ситуативных и темпоральных, ситуативных и локальных факторов. Таким образом, мы можем говорить о том, что существуют различия не в самом контексте (как совокупности объективно существующих факторов), но в интерпретации контекста участниками интеракции. Самыми частотными эстимационно-негативными коннотатами являются: «террариум единомышленников», «кровавые выборы», «руське бидло», «цирк-шапито», «придурки», «укропы», «колорады», «бандеровцы», «обосранные шаровары» и т.п.

Семантические компоненты высказываний, являющиеся элементами иллокутивных показателей, обладают конфликтогенным потенциалом, в том плане, что являются активаторами коммуникативного рассогласования, наступающего вследствие неудовлетворенности общей пресуппозиционной базой и столкновения целей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ворона, Т. Пять украинских социальных сетей, созданных за две недели, 04.04.2014, http://ain.ua/2014/04/04/518701 . Дата обращения: 20.10.2014.

2. Ворона, Т. Из пяти новых украинских соцсетей выжило две с половиной, 11.07.2014, http://ain.ua/2014/07/11/532263 . Дата обращения: 20.10.2014.

3. Карабулатова, И.С., Карелина Л.Ф.Украинская диаспора в Тюменской области: история, язык, культура. – Тюмень: Печатник, 2006. – 180 с.

4. Карабулатова, И.С., Шаймерденова, Н.Ж., Авакова, Р.А., Ниязова, Г.М. Этнолингвистика евразийского континуума: теория и практика. – М.: изд-во РУДН, 2009. - 376 с.

5. Карабулатова, И.С. Лингвобезопасность современной России как мегаконцептуальный феномен: полилингвокультурная языковая личность в условиях глобализации и миграций // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб.науч.ст. Красноярск: СФУ, 2014. Т.5. №5. – С. 216-220.

6. Карабулатова, И.С. Современная евразийская языковая личность как новая проблема лингвобезопасности в эпоху глобализации и миграций // Национальные приоритеты России, Омск, №2 (12), 2014(а), С.80-84 .

7. Койше, К.К., Карабулатова. И.С. Эстимационная характеристика образа казаха-кочевника в романе Ф. В.Булгарина «Иван Иванович Выжигин» // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел. - 2013. – № 2 (31). – С. 152-156.

8. Койше К.К., Карабулатова И.С., Гультяев В.Н., Ниязова Г.М. Образ казаха-кочевника в информационном пространстве российско-казахстанского пограничья // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – М.– 2013. - №1-2. – С.151-159.

9. Ломакина, О.В. Национальное в индивидуальном: пословицы и поговорки в художественных произведениях Л.Н.Толстого // Guadernos de Rusistica Española. – 2009. - №5. – С.11.

10. Ниязова, Г.М. Этноид и этническая идентичность в этнолингвоинформационном пространстве современного полиэтничного региона// Известия высших учебных

заведений. Социология. Экономика. Политика. – Тюмень, 2007, №3. – С.72-74.

11. Ниязова, Г.М. Человек в современном информационном пространстве: этнолингвофункциональная архегения и анархегения // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень. 2008, № 1. – С.109 – 113.

12. Ниязова, Г.М. Этнолингвоинформационное пространство как арена межнационального и межконфессионального сотрудничества // Журналист. Социальные коммуникации. М., 2013, №1. – С.53-57.

13. Тюменская область: народы, языки, культуры. Энциклопедический справочник. Главный редактор – И..С.Карабулатова. – Тюмень: Экспресс. 2007. – 411 с.

14. Украина – Западная Сибирь в диалоге культур и народов: векторы и факторы взаимодействия. Материалы международной научно-практической конференции. 13-15 ноября 2008 г. Под ред. И.С.Карабулатовой. – Тюмень: Институт гуманитарных исследований ТюмГУ, 2009. – 149 с.

15. Zamaletdinov R.R., Karabulatova I.S., Yarmakeev I.E., Ermakova E.N. LINGUO-PROPAEDEUTICS OF ETHNIC CONFLICTS AS A BASIS FOR STABILITY IN COMPLEX POLYETHNIC REGIONS // Asian Social Science 2014; Vol.10, No.20, P. - 164-173. http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40805/22526 [Дата просмотра 28.10.2014]

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ:

16. http://www.odnoklassniki.ru/anti.maydan.ukr. Дата обращения 25.10.2014

17. http://www.odnoklassniki.ru/mi100/topic/62969920594067. Дата обращения 25.10.2014

18. https://www.youtube.com/watch?v=tJv0-CSFDZw. Дата обращения 27.10.2014.

КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО СКАЗОЧНО-ФАНТАЗИЙНОГО ТРИЛЛЕРА

Тананыхина А.О.,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка и лингвострановедения,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: сказочно-фантазийный триллер, фольклорная волшебная сказка, развитие сюжета, Пропп, функции действующих лиц
Key words: fairy thriller, folk fairy tale, plot development, Propp, functions of dramatis personae

Аннотация. Статья посвящена изучению композиционной структуры сказочно-фантазийного триллера. В качестве метода исследования используется сопоставительный метод: проводится аналогия композиции сказочно-фантазийного триллера структуре фольклорной волшебной сказки. Композиция современного сказочного триллера строится согласно традициям фольклорной волшебной сказки. Элементы-разряды волшебной сказки, описанные В.Я Проппом, присутствуют в сказочно-фантазийном триллере. Преемственность фольклорного наследия наблюдается в триллерах с элементами сказочно-фантазийной картины мира.

The paper deals with a plot development of English fairy thrillers. The text structure of fairy thriller compares and contrasts to the text structure of folk fairy-tale. The plot development of the modern English thriller is built under the traditions of the folktale. In modern fairy thrillers there are the functions of dramatis personae, described by Propp. The plot development of fairy thrillers is similar to the plot development of folk fairy tales. The succession of the folktale heritage is observed.

За долгую историю человечества волшебная сказка всегда обладала особой и чрезвычайной притягательностью. Являясь прямой наследницей мифа, волшебная сказка прошла долгую эволюцию, продолжая свое развитие и в настоящее время. Уникальная художественная форма волшебной сказки объединяет в себе миромоделирующую функцию и нравственную философию. Следует согласиться с мнением Е. М. Неелова, усматривающего генетическое родство волшебной сказки и научной фантастики [1, с. 47]. Известный исследователь сказки Е. М. Мелетинский абсолютно прав, обращая внимание на уникальную «сложность простоты» сказки и отмечая, что "… в волшебной сказке сквозь причудливую фантастику и вопреки ей проглядывает моделирование обязательной ступени жизни индивида" [2, с. 11]. Именно фантастичность в сочетании с миромоделирующей функцией и непременным акцентом на нравственную философию привели к тому, что в современном англоязычном дискурсе представлено большое количество сказочно-фантазийных произведений, которые можно отнести к жанрам любовного романа, детектива и триллера. Словарь литературоведческих терминов определяет триллер как «захватывающе интересное по содержанию произведение... с виртуозно организованным, держащим в напряжении читателя... сюжетом, быстрым и непредсказуемым развитием действия. Триллер в «чистом виде» может быть фантастическим, мистико-историческим, детективным, приключенческим, любовным, но обычно сочетает в себе одновременно несколько жанровых разновидностей» [3, с. 221-222]. Исходя из словарного определения, присутствие сказочно-фантазийной картины мира в триллере является вполне закономерным.

При рассмотрении структуры современных англоязычных сказочно-фантазийных текстов обращает на себя внимание то, что существует обязательная преемственность фольклорного наследия, волшебные сказочно-фантазийные тексты, выросшие из фольклорных волшебных сказок, также имеют единую структуру, берущую за свою основу структуру фольклорной волшебной сказки, блестяще сформулированную В. Я. Проппом [4, с. 22-25]. Согласно В.Я. Проппу, основные части фольклорной волшебной сказки представляют собой функции действующих лиц [там же, с. 21]. Являясь наследниками фольклорной волшебной сказки, современные сказочно-фантазийные тексты однотипны по своему строению. Так, сказочно-фантазийные любовные романы и детективы наследуют структуру фольклорной волшебной сказки [5, 6]. Разумеется, сюжеты всех сказочно-фантазийных текстов разных жанров не могут быть сведены в одну повествовательную схему, однако, важной чертой сказочных текстов является обязательная преемственность фольклорного наследия. О преемственности фольклорного наследия говорит и М. Н. Липовецкий, утверждая, что семантическое "ядро", "память жанра", "типологическом родство" присутствует в литературной сказке. Ученый разъясняет, что существует некий теоретический инвариант сказочного жанра, общий строй жанровой традиции народной волшебной сказки" [7, с. 9]. Необходимо отметить, что теоретический инвариант сказочного жанра находит свое продолжение не только в литературных сказках, но и в произведениях других жанров, репрезентирующих сказочно-фантазийную картину мира.

Рассмотрим композиционную структуру современного сказочно-фантазийного триллера. Интересным для анализа является популярный сказочно-фантазийный триллер Бена Ааронович "Rivers of London". По примеру В. Я Проппа, рассмотрим функции действующих лиц, то есть основные части сказочно-фантазийного триллера. Согласно мнению В. Я. Проппа, особое место в волшебной сказке занимает исходная ситуация. Хотя эта ситуация в сказке и не является функцией, она все же представляет собою важный морфологический элемент. Вслед за начальной ситуацией следуют функции. Все функции укладываются в один последовательный рассказ [3, с. 26].

1. Исходная ситуация. Обнаружен обезглавленный труп у церкви св. Павла в центре Лондона [8, с. 1-3].

2. Искатель соглашается или решается на противодействие (функция X) [3, с. 38]. Оказавшийся на месте преступления констебль Питер Грант взял свидетельские пока-

зания у призрака Николаса Уолпенни, мертвого уже более ста лет. Питер Грант становится главным героем триллера, которому предстоит или стать героем, устанавливающим порядок или умереть... [8, с. 5-9].

3. В распоряжение героя попадает волшебное средство (функция XIV) [3, с. 42]. Констебль Питер Грант становится учеником Томаса Найтингейла, шефа-инспектора отдела по расследованию убийств, являющегося настоящим волшебником, который знакомит Питера с волшебным миром и обучает законам волшебства. [8, с. 134].

4. Герой и антогонист вступают в непосредственную борьбу (функция XVI) [3, с. 48]. Шеф Питера Томас Найтингейл серьезно ранен и Питер в одиночку вступает в борьбу пока с неведомым ему противником [8, с. 263-265].

5. Герою предлагается трудная задача (функция XXV) [3, с. 56]. Эта функция присутствует в любом произведении, написанном в жанре триллера. Питер становится единственным героем, противостоящим пока неведомому ему противнику, Генри Пайку, волшебным способом вселяющимся в сознание любого человека. Питеру предстоит найти и обезвредить его [8, с. 264-265].

6. Задача решается (функция XXVI) [3, с. 57]. Не вызывает никакого сомнения, что и эта функция присутствует в любом триллере. Питеру удается с помощью магического светоча отправить Генри Пайка в небытие и уладить разногласия могущественных волшебных духов Лондона [8, с. 381-390].

Таким образом, в сказочно-фантазийном триллере можно выделить функции действующих лиц – шесть обязательных структурных элементов: исходная ситуация и пять обязательных функций действующих лиц.

В своей работе, посвященной волшебной сказке, В. Я. Пропп обращает внимание на то, что наряду с функциями, образующими основные элементы сказки, в волшебной сказке имеются и другие составные части, а именно, пять элементов-разрядов [3, с. 88]. Рассмотрим элементы-разряды, выделенные В. Я. Проппом, в сказочно-фантазийном триллере:

1. Функции действующих лиц [3, с. 26-61]. Как уже было отмечено, в сказочно-фантазийном триллере непременно присутствуют шесть обязательных элементов – исходная ситуация и пять функций (см. выше).

2. Вспомогательные элементы для связи функций между собой. В волшебной фольклорной сказке это осведомления [там же, с. 65], в сказочно-фантазийном триллере это повороты сюжета, ситуации, возникающие в ходе развития сюжета, которые, в свою очередь, порождают новые ситуации.

3. Мотивировки, то есть причины и цели персонажей, вызывающие те или иные поступки [там же, с. 69]. Как и в волшебной сказке, мотивировки придают сказочно-фантазийному триллеру особенный, яркий колорит.

4. Способы включения в ход действия новых лиц [там же, с. 77]. Если в сказке каждая категория персонажей имеет свою форму появления, то в сказочно-фантазийном триллере эту роль выполняет необычность, своеобразие, эксцентричность появления волшебных персонажей.

5. Атрибуты действующих лиц [там же, с. 80]. Атрибуты придают волшебной сказке ее яркость и красоту. По аналогии с волшебной сказкой, роль атрибутов сказочно-фантазийных персонажей в триллере чрезвычайно важна. Как и в волшебной сказке, это необычный внешний облик, сказочные особенности этого облика. Кроме этого, в сказочно-фантазийном триллере важная роль отводится необыкновенным аксессуарам действующих лиц, например, трости с серебряным набалдашником (a silver-topped cane), обладающей магической силой.

Таким образом, структурная схема волшебной сказки с точностью накладывается на структурную схему сказочно-фантазийного триллера. Кроме этого, в сказочном триллере, как и в волшебной сказке, широко используется волшебство и чудо, а также таинственность и загадочность, выполняющая важную роль в сказочном триллере. Следует согласиться с мнением Я. К. Маркулан, что и в триллере, также как и в детективе, загадки, улики, недосказанность в поведении героев, таинственная скрытость..., тотальная возможность подозревать всех участников – все это поленья, которые подбрасывает автор в огонь нашего воображения [9, с. 34]. Загадочность и таинственность в сказочно-фантазийном триллере часто связана с моментами страха и ужаса. Мария Татар, известная исследовательница сказки, совершенно справедливо отмечает, что основой привлекательности волшебных сказок являются красота и ужас, присутствующие в волшебной сказке, по ее словам “radiant beauty” и “jolts of horror” [10, с. 89]. Эти составляющие являются мощными стимулами для включения воображения читателей и в сказочно-фантазийном триллере. Моменты удивительной красоты и моменты, вызывающие страх и ужас, оказывают сильное воздействие на эмоциональную сферу читателей.

Моменты страха и ужаса являются характерными составляющими содержания сюжета сказочно-фантазийного триллера. Так, в анализируемом произведении довольно частотными являются кровавые сцены, вызывающие страх и ужас у читателей. Вот как описывает Питер Грант трагическую встречу с Брэндоном Купертауном, в сознание которого вселился Генри Пайк: “A voice, I thought it might be a man’s but very high-pitched, was screaming: ‘Have you got a headache now?’… I saw August Coopertown lying face down at the far end of the landing, one arm thrust through a gap in the banisters. Her hair was wet with blood and a pool was growing under her cheek. A man stood over her holding a wooden baton at least a metre and a half in length. He was panting hard. …I was staring right at his face. I assumed it must be Brandon Coopertown, but it was impossible to tell. I could see one of his eyes but a great flap of skin had been peeled back from around his nose and was covering the other eye. Instead of mouth he had a bloody maw full of white flecks of broken teeth and bone. I was so shocked that I stumbled and fell…” [8, с. 60]. Лексически концепт страха и ужаса реализуется в глаголах действия и состояния, содержащих эмотивные семы, а также и в прямой номинации состояния персонажа (was screaming, was growing, lying face down back, thrust through, was panting hard, was shocked, stumbled), существительных, содержащих отрицательную коннотацию (blood, flap of skin, maw, flecks of broken teeth) и прилагательных и словосочетаниях, в которых также содержится отрицательная коннотация (high-pitched, bloody, full of flecks, impossible to tell). Следует отметить амбивалентный характер признаков концепта ужаса. Визуальный признак (August Coopertown lying face down… one arm thrust through a gap in the banisters. Her hair was wet with blood and a pool was growing under her cheek. A man stood over her holding a wooden baton at least a metre and a half in length… one of his eyes but a great flap

of skin had been peeled back from around his nose and was covering the other eye. Instead of mouth he had a bloody maw full of white flecks of broken teeth and bone) поддерживается аудитивным признаком (A voice, I thought it might be a man's but very high-pitched, was screaming). Эмотивная составляющая представлена прямым описанием эмоции Питера, шокированного увиденной кровавой сценой (I was so shocked that I stumbled and fell).

В сказочно-фантазийном триллере вместе с моментами страха и ужаса присутствуют моменты удивительной красоты, например все волшебные существа, духи воды и рек удивительно красивы. Дух реки, мать Темза предстает в образе магически обворожительной темнокожей женщины: 'Let him in,' called a voice… It had a soft but distinctive Nigerian accent… She sat enthroned on the finest of the executive armchairs. Her hair was braided and threaded with black cotton and tipped with gold, so that it stood above her brow like a crown. Her face was round and unlined, her skin as smooth and perfect as child's, her lips full and very dark. She had … black cat-shaped eyes… As I stepped closer I could smell salt water and coffee, diesel and bananas, chocolate and fish guts. I didn't need Nightingale to tell me I was sensing something supernatural, a glamour so strong it was like being washed away by the tide [8, с. 108-110]. В этом случае также следует отметить амбивалентный характер признаков концепта. Визуальный признак концепта красоты (Her hair was braided and threaded with black cotton and tipped with gold, so that it stood above her brow like a crown. Her face was round and unlined, her skin as smooth and perfect as child's, her lips full and very dark. She had … black cat-shaped eye), сопряжен с аудитивным (Let him in,' called a voice… It had a soft but distinctive Nigerian accent) и обонятельным признаком (I could smell salt water and coffee, diesel and bananas, chocolate and fish guts). Эмотивная составляющая, передающая взволнованное и настороженное состояние Питера, очарованного красотой сверхъестественного магического существа и физически почувствовавшего присутствие волшебства, выражена в описании эмоции (I was sensing something supernatural, a glamour so strong it was like being washed away by the tide).

Многие западные исследователи сказок (М. Люти [11], М. Татар [10], Л. Бейкер-Сперри, Л. Грауерхольц [12] подчеркивают обязательное присутствие описания удивительной красоты в волшебных сказках. Макс Люти обращает внимание на то, что в сказках красота передается с помощью описания ясных, реальных, осязаемых вещей, которые сверкают, сияют и ослепляют [11]. Сказочно-фантазийный триллер наследует эту особенность волшебной сказки, об этом свидетельствует яркий эпитет (tipped with gold) и сравнение (like a crown).

Подводя итог, требуется сказать, что в сказочно-фантазийных триллерах можно выделить функции действующих лиц. В структуре сказочного триллера выделяется шесть обязательных элементов:

1. Исходная ситуация. Совершение преступления или возникновение какой-либо сложной проблемы.

2. Герой соглашается или решается на противодействие.

3. В распоряжение героя попадает волшебное средство.

4. Герой и антогонист вступают в непосредственную борьбу.

5. Герою предлагается трудная задача.

6. Задача решается.

В сказочном триллере, как и в волшебной сказке, широко представлено волшебство и чудо и таинственность и загадочность. Сказочных триллер наследует также и важнейшие элементы волшебной сказки – моменты описания удивительной красоты и моменты описания страха и ужаса.

По законам эволюционного развития волшебная фольклорная сказка в современном англоязычном дискурсе получила свое развитие и продолжение в таких литературных жанрах как авторские сказки, фэнтези, научная фантастика. Объективные законы развития сказочного жанра повлияли на проникновение сказочно-фантазийной картины мира в другие жанры художественной литературы: любовные романы, детективы и триллеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неелов Е.М. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск, 1987. 124 с.

2. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. 279 с.

3. Книгин И.А. Словарь литературоведческих терминов. Саратов, 2006. 270 с.

4. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2003. 144 с.

5. Тананыхина А.О. К вопросу о морфологии англоязычного сказочно-фантазийного детектива // Studia Linguistica, вып. 22. Межвузовский сборник научных трудов РГПУ им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2013. с. 237-244.

6. Тананыхина А.О. Композиционная структура англоязычного сказочно-фантазийного любовного романа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал № 1. Том 7. Филология. СПб, 2014. с. 110-119.

7. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки. Свердловск, 1992. 183 с.

8. Aaronovitch B. Rivers of London. Gollancz. Great Britain, 2011. 392 p.

9. Маркулан Я.К. Зарубежный кинодетектив. Л., Искусство, 1975. 168 с.

10. Tatar M. Enchanted Hunters: the Power of Stories in Childhood. N.Y., 2009. 296 p.

11. Luthi M. The European Folktale: Form and Nature. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 200 p.

12. Baker-Sperry L., Grauerholz L. The Pervasiveness and Persistence of the Feminine Beauty Ideal in Children's Fairy Tales. Gender and Society, Vol. 17, No. 5 (Oct., 2003), pp. 711-726.

ФУНКЦИЯ ЛИЦА ПРОИЗНОСЯЩЕГО, РАЗВОДЯЩАЯ ЯЗЫКИ РАЗЛИЧНЫХ СТРАТЕГИЙ

Тариева Л.У.,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка,
Ингушский государственный университет

Ключевые слова: парадигма лиц, лицо Произносящее, актант,
успешный речевой акт, удачный речевой акт, модальное лицо
Key words: paradigm persons face uttering, actant successful speech act, a successful speech act modal face

Аннотация. В данной статье представляется одна из функций лица Произносящего, характерологического для прономинативных языков. Лицо Произносящее, на грамматическом уровне представленное эргативной формой имени, является таким участником ситуации, который запускает механизм ненаблюдаемых имманентных функций индивида (озвученное говорение).

This article introduces one of the functions of the person uttering, characterological for pronominativnyh languages. The person uttering at the grammatical level represented ergative form of the name, is a party to such a situation that triggers unobservable inherent functions of the individual (voiced speaking).

Парадигма лиц ингушского языка, включающая четыре гетерогенно-гомогенных лица, демонстрирующих таксономические отношения: лицо Созерцающее, лицо Слышащее, лицо Говорящее, лицо Произносящее [Тариева 2013], базируется на шифтерном представлении собственного эго. Эгоцентричные шифтеры (термин shifter (переключатель) употреблен в соответствии с концепцией Р. Якобсона [1972] закодированы в семантически строго дифференцированных группах глаголов, которые нельзя смешивать.

Парадигма лиц ингушского языка содержит в своем составе наиболее активное имманентное лицо, названное нами Произносящим, введенное в обиход лингвистического исследования [Тариева 2013, 2014], которое выполняет, в отличие от других компонентов парадигмы, несколько функций кряду.

Лицо Произносящее, как компонент парадигмы лиц ингушского языка, представляет основного полифункционального актанта эргативной стратегии кодирования. «Актант (от лат. ago – привожу в движение, действую) – любой член предложения, обозначающий лицо, предмет, участвующий в процессе, обозначенном глаголом» [ЛЭС 1990]. Актант диахронически представляет, прежде всего, лицо, а только затем предмет. Лицо Произносящее может быть квалифицировано в качестве актора (деятеля, активного лица) в силу того, что является непосредственным участником ситуации, на поверхностном (грамматическом) уровне представленный в ингушском языке (и других нахских языках) эргативной формой имени, указывающей не на обстоятельства процесса, а запускающее механизм произнесения при удачном речевом акте.

Эргативный актант квалифицируется нами в терминах [Теньер 1988: 117] как живой организм, участвующий в ситуации в любом качестве. Лицо Произносящее, представленное эргативной формой имени, не просто участник ситуации, он запускает механизм ненаблюдаемых имманентных функций индивида (аз оал / я произношу, аз дувц / *я рассказываю,* т.е. озвучено говорю). Лицо Произносящее – это актант, обосновывающий всегда присутствующего в речевой ситуации имманентного субъекта, обнаруживающего внутреннюю фоническую способность индивида – произношение, указывающее на онтологическую способность индивида к акустически охарактеризованной речи, при удачном речевом акте, т. е. если человек не немой. Это значит, что в любом речевом акте данное лицо всегда присутствует в процессе общения, что и обеспечивает лицу в эргативной форме имени в ингушском языке (и др. нахских также) статус активного (актора).

Дж. Л. Остин в работе «Слово как действие» (лекции VII-VIII) указывает на то, что «Фонетический акт – это просто акт произнесения определенных звуков». Для ингушского прономинативного языка фонетический акт – это удачное совмещение звукового действия, совершаемого лицом-актантом в эргативной форме имени, который накладывается на акт говорения, совершаемый другим лицом Говорящим, представленным на поверхностном уровне номинативной формой имени. Прагматически лицо Произносящее (аз оал / я произношу) озвучивает немое речение. Речение, к которому способен Говорящий, представляет собой успешный, а не удачный речевой акт, так как остенсивная (кинетическая) передача информации, обусловливающая акт коммуникации, вполне закономерное явление.

Синхронно в ингушском языке лицо Произносящее выполняет одновременно несколько совмещенных в речевом акте функции, одной из которых является наложение акустической речи на артикуляционную. Эргативное лицо таким образом нечто именует и/или сообщает акустически, экспонируя семантическую структуру, то, что Дж. Остин назвал ретическим актом. С другой стороны, семантика высказывания базируется на соответствующей языку грамматической структуре, т. е. фатический акт по Дж. Остину.

Функция лица Произносящего, как нам представляется, обеспечивает перформативность высказывания, так как «Произнося перформативное высказывание, человек скорее совершает нечто, а не сообщает, но само произнесение данных высказываний является осуществлением некоторого акта, или действия [*Остин* 1962, 1986]. Осуществление лицом Произносящим своего онтологического свойства акустического речения на самом деле обнаруживает сочетание трех функций: синхронное совмещение с речевым актом, само акустическое исполнение (задействование голосовых связок), результирующее артикуляционно-акустическим произношением, которое не бессмысленно, т.е. ретично по Остину [1962, 1986].

Совмещение лица Произносящего с актом говорения,

производимого лицом Говорящим, есть, на наш взгляд, удачный речевой акт, так как наиболее полно реализует постулированные возможности индивида.

Лицо Говорящее, стоящее в центре современного лингвистического исследования [Золотова 2001], релевантно для языков номинативной и эргативной стратегий, Лицо Произносящее в трех перечисленных выше ипостасях релевантно для языков эргативной стратегии.

Дж. Л. Остин [1962], представлявший локутивный акт, дифференцированный на: а) фонетический акт, б) фатический акт, в) ретический акт и Дж. Р. Сёрль, выделявший акт произнесения и пропозициональный акт [1965], не акцентировали внимание на бинарности фонетического акта, в силу того, что номинативные языки синхронно индифферентны грамматической дифференциации лица Говорящего и лица Произносящего.

А между тем высказывание, чтобы быть названным успешным и удачным должно быть исследовано на предмет интеграции в одном речевом акте трех эго (артикулирующего (со/я), акустического (аз/я), и модального (сона/я).

Удачное сочетание лица Говорящего и лица Произносящего в ингушском языке (и других нахских языках) есть успешное совмещение артикуляционного (остенсивного, кинетического) речения и произнесения в одном акте сообщения (или номинации). Совмещение двух гетерогенных физиологических действий (артикуляционное и акустическое) с понятийным актом сообщения (и/ или номинации) можно назвать «магическим ритуалом» в терминах [Арутюнова 1990], так как осуществлен прототипический акт: наблюдаемое речение одного лица совмещается с ненаблюдаемым имманентным произнесением другого лица. В таком случае мы можем утверждать, что перформативность экспонирует не два одновременных действия, а три гетерогенных.

Основное отличие лица Произносящего от лица Говорящего заключается в том, что последнее обнаруживается модальным лицом Созерцающим.

Лицо Созерцающее, как нам представляется, изосемично Наблюдателю в терминах [Апресян 1986], в то время как лицо Произносящее экспонируется модальным лицом Слышащим с эпистемическим статусом высказывания [Тариева 2014]. Лицо Говорящее и Лицо Произносящее – это первые лица, без которых невозможен удачный акт коммуникации, поэтому они (оба лица) и получают в ингушском языке (и других нахских языках) статус субъекта на уровне высказывания.

Для того, чтобы акт коммуникации состоялся, необходимо обязательное присутствие функции лица Говорящего, вызванного к жизни чувствительностью лица Созерцающего с эпистемическим статусом высказывания (Сона ***(AFF)*** гу*, со (NOM)* лув */* я вижу*, что я говорю*). Лицо Произносящее синхронно лицу Говорящему, ибо совмещается с актом артикуляции в силу онтологических свойств речевого акта. Имманентность лица Произносящего обнаруживается в том, что акт говорения, направленный на передачу информации, возможен и при элиминированном лице Произносящем, в то время как успешный речевой акт не может состояться при эллипсисе лица Говорящего и наличии лица Произносящего.

Лингвистическая антропоцентрическая мысль или стандартные теории до сих пор не поднимали вопрос интерпретации речевых актов на предмет интеграции и дифференциации двух гетерогенных лиц: Говорящего и Произносящего в канонической речевой ситуации. А между тем эргативный ингушский язык отделяет акт говорения от акта произнесения. Теория речевых актов, выдвинутая Дж. Остином, представляя локутивный (лекция 7 и 80), выдвигает на первый план устройство локутивного акта, а не личностный (от слова лицо) характер их различения. Фонетический аспект представления канонической речевой ситуации, предполагающий дифференциацию двух лиц, за которыми стоит акт говорения (артикуляции) и акт произнесения (акустики), в эргативном ингушском языке на поверхностном уровне (морфологическом) оформлен различными падежами имени:

1) Со (***NOM)*** йист хул */* Я говорю (т.е. артикулирую единожды);

2) Со (***NOM)*** лув */* Я говорю (т.е. артикулирую не единожды, в речевом потоке);

3) Аз (***ERG)*** оал */* Я произношу (т.е. озвучено говорю единожды, не немой).

4) Аз (***ERG)*** дувц */* Я рассказываю (озвученный поток речи).

Наличие функции лица Говорящего, противопоставленного лицу Произносящему, обусловливает наличие различных адресатов, со «включенным» лицом Созерцающим и/или Слышащим.

В рефлексивном режиме интерпретации канонической речевой ситуации [Тариева 2014] адресатом может быть Слышащий, т. е. лицо, слышащее само себя. Согласно концепции Г.Г. Кларка и Т.Б. Карлсон, слушающие также являются адресатами. На самом деле: в канонической речевой ситуации выделяется лицо Произносящее, которое предполагает не только «слушающих с их ролями», и «случайных слушающих» [Кларк, Карлсон 1986], но также, как нам представляется, и слышащего, который в рефлексивном режиме интерпретации должен быть введен в теорию речевых актов при интерпретации речевых актов эргативно-номинативных нахских языков. Дж. Л. Остин, рассуждая об обстоятельствах произнесения высказывания, указывает, что «говорение всегда обязано быть осуществлением какого-то действия, то есть разряд таких смыслов, которые все вместе равняются «говорению» (saying) в полном объеме. Мы можем допустить, не настаивая на конкретных формулировках или уточнениях, что сказать нечто всегда означает: (А.а) осуществить акт произнесения определенных звуков («фонетический» акт), где произнесенное – это фон» [Остин 1962, 1987]. Лицо Слышащее, валентное лицу Произносящему, индифферентно акту Говорения. Интенция лица Слышащего, экспериенциально доставляющая информацию о лице Произносящем в соответствующую ячейку перцептивного мышления, результирует аудитивной эвиденциальностью, т.е. акустическим картированием [Тариева 2014], которое наряду с визуальным картированием, представляет ту форму, которая, если использовать терминологию Л. Витгенштейна имеет «общее с действительным миром [Винтгенштейн 1958: 33].

Кумуляция аудитивной картированной информации в ментальном мире индивида открывает один из возможных миров в континууме перцептивного мышления индивида. Термин «возможный мир» употреблен в соответствии с концепцией Яако Хинтикка [1980].

Таким образом:

1. Структура речевого акта с точки зрения дифференциации лица Говорящего и лица Произносящего до сих не рассматривалась в языкознании, а между тем, оба лица семантически и грамматически дифференцированы в ингушском (и др. нахских языках) языке.

2. Акт говорения (артикуляции) есть успешный речевой акт в канонической речевой ситуации в «рефлексивном режиме интерпретации», введенном в обиход лингвистического исследования в [Тариева 2013].

3. Акт говорения (артикуляции) синхронный с актом произнесения (акустики) есть, на наш взгляд, удачный речевой акт в канонической речевой ситуации, так как наиболее полно представляет имманентные возможности индивида.

4. Совмещение обоих актов дает основание квалифицировать такой речевой акт как перформативный, так как говорение есть одновременно и осуществление такого действия как произнесение при успешном и удачном речевом акте, т. е. есть озвучение артикуляционного речевого акта. И с этой точки зрения, используя тезис К. Гергена о том, что все наши высказывания о чем бы то ни было и весь язык перформативен и конвенциален [Герген 1997], мы можем утверждать, что речевой акт с совмещенными гетерогенными, но смежными лицами, перформативен.

5. Оба смежных семантически неоднородных лица: одно запускающее механизм артикуляции, другое – акустический механизм, на поверхностном уровне представлены различными грамматическими формами имени.

6. Конвенциальность речевого акта, организованного совмещением лица Говорящего и лица Произносящего заключается в том, что оба лица экспонируются различными модальными лицами (первое – Созерцающим, второе – Слышащим).

7. Лицо Созерцающее валентно лицу Говорящему; лицо Слышащее валентно лицу Произносящему.

8. Модальные лица (Созерцающее и Слышащее) семантически гомогенны, так как функционируют в пределах континуума перцептивного мышления, в пределах которого они удостоверяются субъектом с эпистемическим статусом высказывания (Сона *(AFF)* хов, сона *(AFF)* гу / Я знаю, что я вижу).

9. Модальные лица, обнаруживающие диктальные лица, представлены на морфологическом уровне аффективной формой имени (сона ***(AFF)*** гу, со *(NOM)* лув / Я вижу, что я говорю; сона *(AFF)* хоз, аз *(ERG)* оал / я слышу, что я произношу).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание и толковый словарь // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1986. № 3.

2. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990.

3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат: Пер. с нем. И. Добронравого и Лахути. – М.: Изд-во иностр. Лит-ры, 1958. – С 133.

4. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. – М. 2001. – №1. – С. 105-114.

5. Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие речевой акт. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. 3. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с.

6. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

7. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 22–129.

8. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. – С. 151–169.

9. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. – С. 170–194.

10. Тариева Л.У. Парадигма лиц в ингушском языке // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве: материалы III Международной научной конференции. – Нальчик: Каб.-Балк.ун-т, 2013. – 463 с.

1. Тариева Л.У. Рефлексивный режим интерпретации канонической речевой ситуации // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М., 2013, №4. – С. 84-88.

11. Тариева Л.У. Модальная функция лица Слышащего на материале русского и ингушского языков. Российский научный журнал 3 (41)´ 2014. Russian 3 (41) ´ 2014 scintific journal/ Институт истории и археологии УрО РАН г. Екатеринбург. Отпечатано в ООО «Полиграфия». – 2014. – С.257-262.

12. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. – М.: Изд-во «Прогресс», 1988. – 656 с.

13. Хинтикка Я. Логико-эпистемиологические исследования // Избранные статьи / Пер. с англ. Я. Хинтикка. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

14. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Антипова Т.В.,
доктор экономических наук, профессор,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Ключевые слова: государственные закупки, контроль в сфере закупок, органы внутреннего г
осударственного финансового контроля, инновации контроля
Key words: government procurement, procurement control, external bodies of state financial control, innovation

Аннотация. В статье показана возможность инновационного развития государственного финансового контроля в сфере закупок с учетом накопленного научного мирового опыта. Проанализированы ключевые положения действующих нормативно-правовых актов в сфере контроля государственных закупок. Рассматривается, кто и как осуществляет контроль в сфере государственных закупок. Схематично проиллюстрированные основные составляющие инновационного процесса контроля в сфере государственных закупок положены в основу формирования методической базы контроля. Творческая идея данной статьи состоит в использовании инновационных методов и новейших технологий настоящего времени в процессе контроля государственных закупок.

The paper illustrates a possibility to innovative development of state financial control in the light of the scientific world experience. There is analyzes the key provisions of the existing legal acts in the sphere of control of public procurement. We consider who and how controls in procurement. Schematically shows the basic components of the innovation process control in the procurement of public institutions as a basis for the formation of methodological base control. Creative idea of this paper is using innovative methods and the latest technology in the government procurement.

Термин «инновация» происходит от латинского «novatio», что означает «обновление» (или «изменение, перемена»), и приставки «in», которая переводится с латинского как «в направление», если переводить дословно «Innovatio» — «в направлении изменений». По мнению Милославского И., «слово инновация обозначает такое новшество и/или нововведение, которое, во-первых, делает соответствующую систему существенно более эффективной, и, во-вторых, как следствие, имеет положительную оценку. Поэтому, встречая в текстах слово инновация, следует понимать, что за ним стоит весьма радикальное улучшение чего-либо.»[1]. То есть, «инновация — это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы»[2]. Обобщенно это понятие может применяться также и к творческой идее, которая была осуществлена. Творческая идея в данном случае состоит в том, чтобы в процессе контроля закупок использовать инновационные методы и новейшие технологии настоящего времени. Как отмечает П. Г. Крадинов: «Система закупок для нужд государства — прокьюремент — в странах с развитой рыночной экономикой прошла достаточно длинный путь эволюционного развития. В них государство не рассматривается как отдельный экономический субъект, который имеет собственные нужды, отличные от потребностей общества. Перед Россией, не имеющей такого опыта, стоит задача ускоренного внедрения инновационных технологий государственных закупок.»[3]

В последнее время в российской сфере контроля государственных закупок произошли серьезные законодательные новации: внесены изменения в Бюджетный кодекс РФ и утвержден новый Федеральный закон. Согласно действующей редакции Бюджетного кодекса РФ, в настоящее время государственный финансовый контроль подразделяются на внутренний и внешний[4]. Таким же образом классифицируются и органы государственного финансового контроля. Эта классификация строится по отношению к исполнительной власти. Если органы государственного финансового контроля находятся внутри исполнительной власти, то это органы внутреннего государственного финансового контроля, а если вне ее – то это органы внешнего государственного финансового контроля. При этом органы внутреннего государственного финансового контроля осуществляют контроль в сфере закупок, а органы внешнего – аудит в сфере закупок. Таким образом, в дальнейшем для целей настоящей статьи рассматривается деятельность органов внутреннего государственного финансового контроля. При этом необходимо иметь в виду, что «внутренний государственный финансовый контроль в сфере бюджетных правоотношений является контрольной деятельностью Федеральной службы финансово-бюджетного надзора (далее – Росфиннадзор), органов государственного финансового контроля, являющихся соответственно органами (должностными лицами) исполнительной власти

1. Милославский И. Новизна с последствиями. http://izvestia.ru/news/349367
2. Милославский И. Новизна с последствиями. http://izvestia.ru/news/349367
3. Крадинов П.Г. Система государственных закупок в ЕС и подходы к оценке ее эффективности // Финансовый журнал. 2013. № 3 (17). С. 37-46.
4. БК РФ, Ст. 265, п.1.

субъектов РФ, местных администраций, Федерального казначейства (финансовых органов субъектов РФ))»[5]

Кроме Бюджетного кодекса РФ в сфере государственных закупок действует Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон 44-ФЗ), вступивший в силу с 01.01.2014.

Кто проводит проверки государственных закупок? В соответствии с п. 1 Ст. 99 Закона 44-ФЗ, контроль в сфере закупок осуществляют следующие органы контроля в пределах их полномочий:

1) федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, контрольный орган в сфере государственного оборонного заказа, органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления муниципального района, органы местного самоуправления городского округа, уполномоченные на осуществление контроля в сфере закупок;

2) федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, финансовые органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, органы управления государственными внебюджетными фондами;

3) органы внутреннего государственного финансового контроля, определенные в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации.

Таким образом, если расшифровать подпункт 3) пункта 1 Статьи 99 Закона 44-ФЗ, положениями БК РФ, получим следующий перечень:

- федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок (Федеральная антимонопольная служба - ФАС РФ), контрольный орган в сфере государственного оборонного заказа (Рособоронзаказ), органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации (например, Министерство по регулированию контрактной системы в сфере закупок Правительства Пермского края);

- федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (Федеральное Казначейство РФ и его территориальные органы по субъектам Федерации), финансовые органы субъектов Российской Федерации, органы управления государственными внебюджетными фондами;

- органы внутреннего государственного финансового контроля:

- Росфиннадзор,

- органы государственного финансового контроля, являющихся соответственно органами (должностными лицами) исполнительной власти субъектов РФ,

- Федеральное казначейства (финансовых органов субъектов РФ).

В этом сводном перечне дважды фигурируют органы Федерального казначейства и финансовые органы субъектов РФ: как органы, осуществляющие контроль в сфере государственных закупок; так и как органы внутреннего государственного финансового контроля. Тем самым, вероятно, подчеркивается исключительная значимость этих контролирующих органов.

После того, как мы разобрались кто (какие государственные органы) вправе осуществлять контроль в сфере государственных закупок, следует понять, как они должны это делать.

Государственный контроль в сфере закупок осуществляется путем проведения плановых и внеплановых проверок[6]. Плановые проверки проводятся в соответствии с годовым планом контролирующего органа. При этом плановые проверки проводятся не чаще, чем один раз в шесть месяцев[7], в отношении каждого заказчика, контрактной службы заказчика, контрактного управляющего, постоянно действующей комиссии по осуществлению закупок и ее членов, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения, операторов электронной площадки.

Внеплановые проверки проводятся, в основном либо в случае получение обращения участника закупки, либо при поступлении информации о нарушении нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок[8].

Что же конкретно проверяется в ходе контроля государственных закупок? В соответствии с п. 1 ч. 8 ст. 99 Закона 44-ФЗ, контроль государственных закупок проводится в отношении:

1) соблюдения требований к обоснованию закупок, предусмотренных ст. 18 Закона 44-ФЗ, при формировании планов закупок и обоснованности закупок;

2) нормирования в сфере закупок, предусмотренного ст. 19 Закона 44-ФЗ, при планировании закупок;

3) определения и обоснования начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), при формировании планов-графиков;

4) применения заказчиком мер ответственности и совершения иных действий в случае нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта;

5) соответствия поставленного товара, выполненной работы (ее результата) или оказанной услуги условиям контракта;

6) своевременности, полноты и достоверности отражения в документах учета поставленного товара, выполненной работы (ее результата) или оказанной услуги;

7) соответствия использования поставленного товара, выполненной работы (ее результата) или оказанной услуги целям осуществления закупки.

Порядок осуществления такого контроля устанавливается Правительством РФ, высшими исполнительными органами государственной власти субъекта РФ в соответствии с требованиями, определенными в ч. 11 ст. 99 Закона N 44-ФЗ.

При проведении контроля государственных закупок необходимо учитывать порядок разрешения противоречий между результатами проверок региональных и федеральных органов. Общее правило разрешения противоречий: решения, вынесенные органом более низкого уровня, не могут противоречить решениям органа более высокого уровня, вынесенным в отношении одной и той же закупки (ч. 17 и 18 ст. 99 Закона N 44-ФЗ). Если в отношении одной

5. Бюджетный кодекс РФ, Ст. 265, п.3.

6. Закон 44-ФЗ, Ст. 99, п.3.
7. Закон 44-ФЗ, Ст. 99, п.14.
8. Закон 44-ФЗ, Ст. 99, п.15.

и той же закупки принято несколько решений контрольных органов разного уровня, то применению подлежит решение контрольного органа более высокого уровня (ч. 19 и 20 ст. 99 Закона N 44-ФЗ).

Что нужно сделать, для того, чтобы государственный контроль в сфере закупок развивался и соответствовал международному уровню? Инновационному развитию контроля в сфере государственных закупок способствует анализ и адаптированное применение международного опыта. Для этого проанализировано 166 источников в EBSCO и 259 источников – в PROQUEST, выданных на запрос "innovation & oversight or government auditing & public sector or government contracts or procurement". В результате анализа международных источников установлено, что за рубежом существует масса инструкций и нормативов в части инновационного развития контроля в сфере государственных закупок, включая концептуальные установки (см. GAO-14-306[9]). Одной из таких концептуальных установок является схема инновационного процесса, авторская интерпретация которой приведена на рис. 1. Такая схема применима и в сфере контроля государственных закупок.

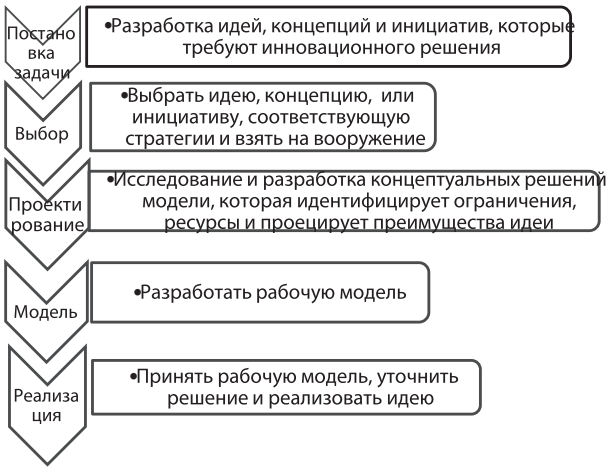

Рис. 1. Схема инновационного процесса

В результате анализа и переосмысления изображенной на рис. 1 схемы инновационного процесса, разработана рабочая модель проведения контроля в сфере государственных закупок. Эта рабочая модель представляет собой блок-схему методики контроля с использованием информации, размещенной на официальном сайте www.zakupki.gov.ru (далее – Сайт). Блок-схема изображена на рис. 2.

Детализация процесса, изображенного на рис. 2 может быть представлена в виде скриншотов, полученных в результате поиска информации на Сайте.

Для определения объекта контроля в сфере закупок заходим на сайт и выбираем вкладку «Расширенный поиск». Экран компьютера будет выглядеть так, как на рис. 3.

Формирование реестра завершенных закупок объекта контроля осуществляется посредством заполнения формы расширенного поиска. Определяющими моментами поиска являются введение наименования объекта контроля (или выбор из предлагаемого списка) и обозначение «Закупка

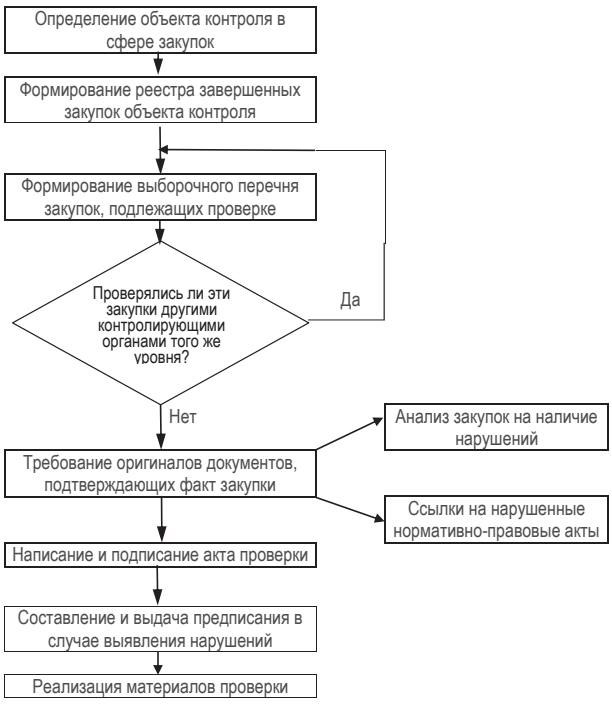

Рис.2. Блок-схема процесса проверки закупок

завершена», если проводится последующий контроль.

После формирования реестра закупок, есть смысл отсортировать информацию по цене закупок. В результате сортировки самая дорогостоящая закупка будет стоять на первом месте и далее - закупки по убыванию цены.

Из наиболее крупных закупок необходимо сформировать перечень закупок, подлежащих проверке. Во избежание противоречий, порядок разрешения которых описан выше, целесообразно проверить, не подлежала ли контролю та или иная закупка. Например, в реестре закупок инспектора заинтересовал номер 0352100005514000091. Для того, чтобы определить проверялась ли эта закупка, возвращаемся на главную страницу Сайта и активируем вкладку «Результаты контроля по 44-ФЗ» в левом столбе сайта. После введения номера закупки в строке поиска, получим скриншот, изображенный на рис. 6

По результатам поиска выбираем вкладку «Сведения о результатах контроля», содержимое которой выглядит как на рис. 7.

В сведениях о результатах контроля мы можем видеть, что выдано предписание, содержание которого можно открыть в файле формата *.docx или *.pdf, активировав соответствующую ссылку. После открытия файла с текстом предписания, можем видеть, что по результатам проверки закупки № 035210000551400091 предписано:

«1. Федеральному государственному казенному учреждению комбинат «Иртыш» Управления Федерального агентства по государственным резервам по Сибирскому Федеральному округу в срок до 30.10.2014:

- отменить протокол рассмотрения заявок на участие в электронном аукционе № 0352100005514000091 от 03.10.2014;

- аннулировать аукцион в электронной форме на поставку светодиодного светильника промышленного для нужд ФГКУ комбинат «Иртыш» Росрезерва (извещение №

9. Источник: GAO-14-306 «Agency Needs to Improve Outcome Measures to Demonstrate the Value of Its Innovation Lab Report to Congressional Requesters», March 2014, http://www.gao.gov.

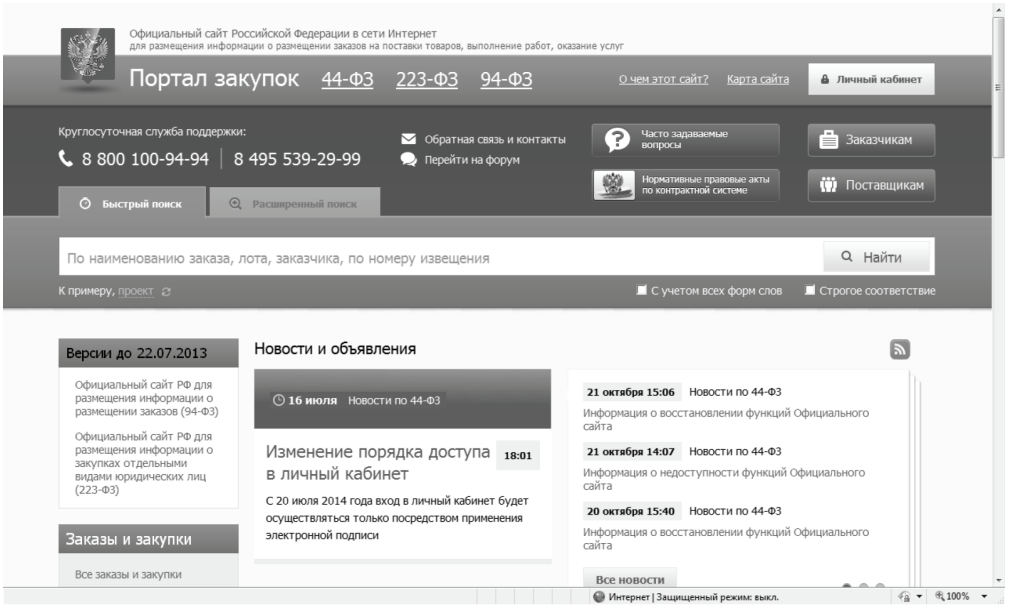

Рис. 3

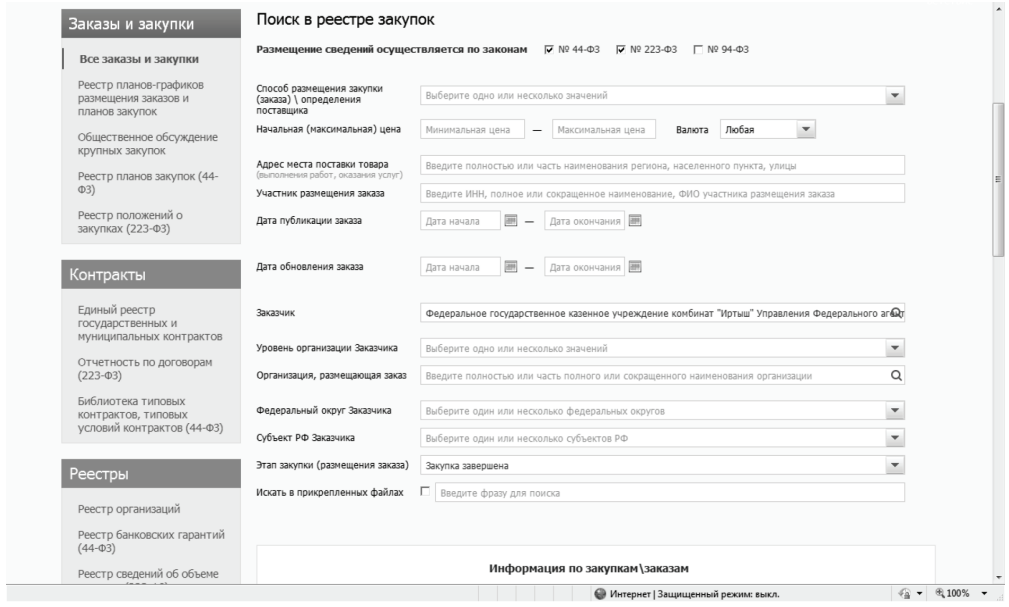

Рис. 4. Форма поиска для формирования реестра закупок.

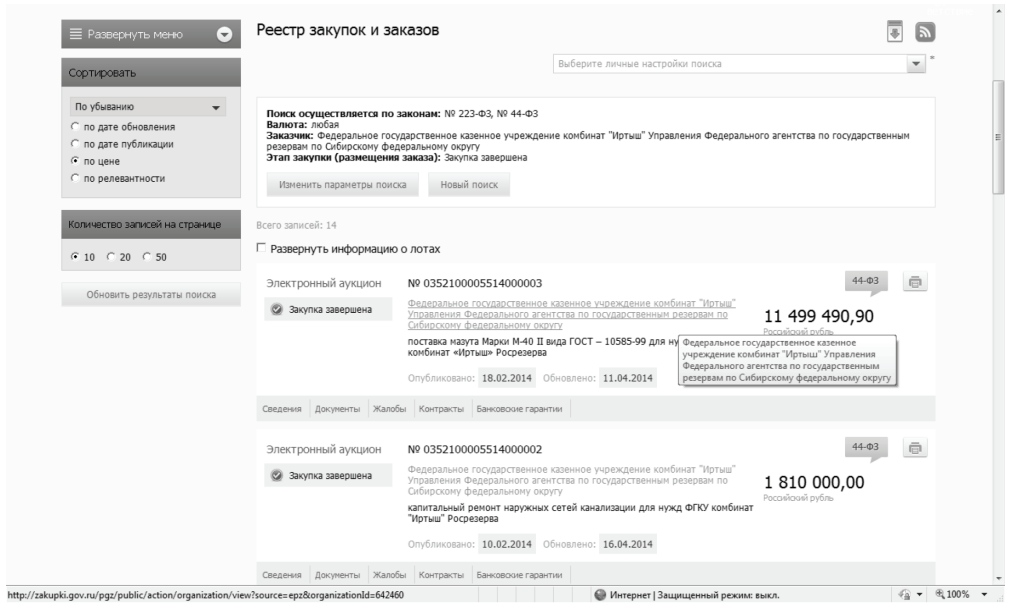

Рис. 5. Форма поиска для формирования реестра закупок.

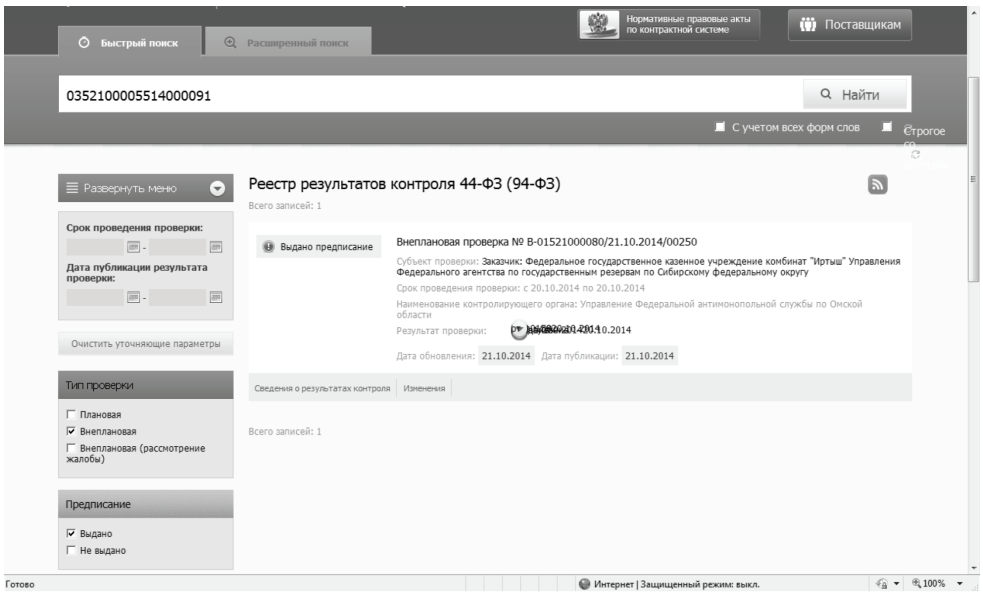

Рис. 6. Поиск результатов контроля закупки по номеру 0352100005514000091.

Рис. 7 . Сведения о результатах контроля

0352100005514000091).

2. ОАО «ЕЭТП» обеспечить Федеральному государственному казенному учреждению комбинат «Иртыш» Управления Федерального агентства по государственным резервам по Сибирскому Федеральному округу возможность выполнения действий, указанных в пункте 1 настоящего предписания.

3. ОАО «ЕЭТП», Федеральному государственному казенному учреждению комбинат «Иртыш» Управления Федерального агентства по государственным резервам по Сибирскому Федеральному округу об исполнении пунктов 1 и 2 настоящего предписания проинформировать Омское УФАС России в срок до 31.10.2014 с приложением подтверждающих документов.

Контроль исполнения предписания возложить на члена Комиссии <……..>.

Настоящее предписание может быть обжаловано в судебном порядке в течение трех месяцев со дня его принятия.

Невыполнение должностным лицом заказчика, должностным лицом уполномоченного органа, должностным лицом уполномоченного учреждения, членом комиссии по осуществлению закупок, оператором электронной площадки, специализированной организацией в установленный срок законного предписания, требования органа, уполномоченного на осуществление контроля в сфере закупок влечет за собой административное наказание в виде административного штрафа в соответствии с частью 7 статьи 19.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.»

Поскольку закупка номер 0352100005514000091 уже была проверена и по ней вынесено предписание, можно смело исключать ее из реестра закупок, подлежащих проверке, формировать новый перечень закупок и переходить к требованию документов по этому перечню. При этом необходимо помнить, что органы государственного финансового контроля обязаны работать только с оригиналами документов.

Далее, проанализировав документы закупок на наличие нарушений и сделав ссылки на нарушенные нормативно-правовые акты, пишется акт, который подписывается затем в контролируемой организации.

Одними из самых трудоемких этапов является вынесение предписание и реализация материалов проверки, поскольку оспаривание результатов проверки основывается на предписании. Порядок урегулирования разногласий по акту проверки описан ранее[10], поэтому в данной статье не рассматривается. По статистическим данным, судебное разбирательство по результатам контроля инициируется в 1% случаев. Но этого процента хватает для того, чтобы быть предельно аккуратными в процессе вынесения предписаний. Необходимо четко отслеживать изменения в нормативно-правовой базе, чтобы избежать ссылок в предписании на устаревшие или недействующие нормативно-правовые акты.

Несмотря на простоту процедур контроля закупок при использовании инновационного подхода (с использованием данных Сайта), на момент завершения статьи на этом Сайте не обнаружены результаты контроля закупок органами Росфиннадора и Федерального казначейства. В основном результаты контроля размещают те органы, которые были уполномочены осуществлять контроль в прошлом, в рамках предшествующего закона о государственных закупках. Вероятно, вновь уполномоченные органы не готовы к проведению контроля закупок в связи с отсутствием методик, положений, обучения персонала и пр.

Но, поскольку использование бюджетных средств на проведение закупок, занимает все больший объем, актуальность этой темы будет только нарастать. А объем проверенных органами внутреннего государственного финансового контроля бюджетных средств – один из критериев оценки их работы. Новеллы в законодательстве повышают их ответственность за качество и своевременность проведения контроля в сфере закупок, его востребованность. При этом законодатель через расширение полномочий позволяет органам внутреннего государственного финансового контроля оперативно вмешиваться в процесс закупок, своевременно предотвращать отдельные нарушения, нивелировать негативные последствия.

Что касается фундаментальных задач, поставленных перед контролем государственных закупок, необходимо сделать так, чтобы результаты этого контроля стали неотъемлемой частью стратегического планирования в кратко- и среднесрочной перспективе. Для этого необходимо выстроить систему оценки эффективности государственных закупок, без формирования которой невозможно оценить функционирование системы закупок и совершенствовать ее

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипова Т.В. Государственный финансовый контроль в регионах: учеб. пособие. Пермь: ПГНИУ, 2014.

2. Антипова Т.В. Критерии оценки эффективности государственного аудита получателей бюджетных средств // Вестник Марийского государственного технического университета. – 2008. – Специальный выпуск «Аудит». С. 184-190.

3. Антипова Т.В. Методика аудита эффективности // Экономические науки. – 2008. – № 8. С. 381-385.

4. Антипова Т.В. Обеспечение экономической безопасности регионов путем повышения эффективности государственного финансового контроля // Транспортное дело России. – 2013. - № 6 (109). С. 14 – 16.

5. Антипова Т.В. Оценка эффективности деятельности муниципальных учреждений // Аудит и финансовый анализ. 2014. № 3, С. 312-315.

6. Бибиков А.А. О полномочиях органов внешнего финансового контроля при осуществлении аудита в сфере государственных и муниципальных закупок // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 1-2. С. 45-51.

7. Гусева Т.А. Государственный и муниципальный контроль в сфере государственных (муниципальных) закупок // Конкурентное право. 2014. № 2. С. 43-45.

8. Иванова Е.Л. Ведомственный контроль в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд // Советник бухгалтера бюджетной сферы. 2014. № 3 (135). С. 92-94.

9. Курносов В.В. Контроль в сфере государственных и муниципальных закупок Новгородской области // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2014. Т. 1. № 2-1 (2). С. 7-14.

10. Мельник М.В., Антипова Т.В. Особенности аудита эффективности государственных (муниципальных) учреждений // Аудит и финансовый анализ, № 6, 2010. С. 198-208.

11. Терехова Е.В. Внутренний государственный (муниципальный) финансовый контроль (инвестиционный аспект) // Вопросы экономики и права. 2014. № 67. С. 45-49.

12. Крадинов П.Г. Система государственных закупок в ЕС и подходы к оценке ее эффективности // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2013. № 3 (17). С. 37-46.

13. Куличев Р.Б. Контроль в сфере подрядных работ для государственных нужд (виды, порядок и особенности осуществления) // Право и экономика. 2014. № 5 (314). С. 19-24.

14. Милославский И. Новизна с последствиями. http://izvestia.ru/news/349367

15. Ялялиева Т.В. Эффективность и контроль использования бюджетных средств контрактной системой государственных закупок // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2014. № 3 (37). С. 56-64.

16. Antipova, T. (2014) Effectiveness of Budgetary Entities. Journal of Modern Accounting and Auditing. February 2014, Vol. 10, N 2. pp 248 – 251.

17. GAO-14-306 (2014). Agency Needs to Improve Outcome Measures to Demonstrate the Value of Its Innovation Lab Report to Congressional Requesters, March 2014. http://www.gao.gov.

18. Piskunov A. (2013). Common Principles for Audits of Public Contracts: An Opportunity for INTOSAI Cooperation. International Journal of Government Auditing – July 2013, pp 13-15.

19. Kuhn, M., Siciliani, L. (2013) Manipulation and auditing of public sector contracts. European Journal of Political Economy. Dec 2013, Vol. 32, pp 251-267. 17p. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2013.08.002.

20. McGuinness K. (2013) Enhancing contract management. Summit FALL 2013. pp. 8-10.

10. Антипова Т.В. Протокол разногласий по акту ревизии бюджетополучателей // Советник бухгалтера социальной сферы, № 9(33), 2005.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УРОВНЯ ТЕХНОЛОГИИ В МОДЕЛИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ФИРМ

Бобков А.Л.,
кандидат технических наук, доцент,
кафедра экономики и организации производства,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Ключевые слова: организационное развитие, модели жизненного цикла организации, организационные кризисы,экономико-технологического развития фирм, экономический уровень технологии
Key words: organizational development, models of life cycle of the organization, organizational crises, economical and technological development of firms, economic level of technology

Аннотация. В статье рассматриваются существующие модели организационного развития и возможности их практического использования при прогнозировании кризисов организационного развития. Авторами предлагается новый подход к моделированию организационного развития, базирующийся на теории экономико-технологического развития фирм, а также использование показателя экономического уровня технологии для прогнозирования кризисов организационного развития.

In article existing models of organizational development and possibility of their practical use are considered when forecasting crises of organizational development. Authors offer new approach to modeling of the organizational development, based on the theory of economical and technological development of firms, and also use of an indicator of an economic level of technology for forecasting of crises of organizational development.

Рассматривая вопросы организационного развития необходимо, прежде всего, определиться с понятием «организационного развития» и провести краткий анализ наиболее распространенных моделей организационного развития.

К настоящему времени в теории развития организации общепринятыми являются следующие термины и определения: под развитием организации понимается процесс ее изменения (т.е. последовательность событий с начала и до конца существования организационной единицы). При этом изменение рассматривается как эмпирическое наблюдение различия в форме, качестве или состоянии организационной единицы со временем. В свою очередь, под организационной единицей подразумевается, как правило, организация в целом [1]. Эти термины и определения верно отражают суть теории развития как научного объяснения того, КАК и ПОЧЕМУ изменяются и развиваются организация, какие механизмы выступают причиной наблюдаемых событий, а также отдельные условия или обстоятельства, стоящие за этими причинными механизмами. Чтобы ответить на эти главные вопросы теории организационного развития – КАК, ПОЧЕМУ и КОГДА происходят изменения в деятельности организации, попробуем рассмотреть существующие научные школы теории развития организации.

К настоящему времени из большого количества теоретических подходов, объясняющих организационное развитие, наибольшее распространение получила теория жизненного цикла организации. В теории жизненного цикла процесс изменения какой-либо организационной единицы обязательно проходит через определенную последовательность стадий, каждая из которых заканчивается кризисом. В случае преодоления кризисных явлений, организация переходит к следующей стадии и продолжает свое развитие. В противном случае, она прекращает свое существование.

Суть каждой из стадий жизненного цикла и причины кризисных явлений описываются различными моделями организационного развития, наиболее известными из которых являются модели И. Айзедиса и Л. Грейнера. В каждой из моделей организационного развития выделенные стадии описывается набором параметров (или, переменных), относящихся к внутренней среде и структуре организации. В большинстве предложенных моделей эти переменные включают структуру и возраст организации, ее размер, темпы роста и др.

Таким образом, стадию жизненного цикла можно представить как уникальную конфигурацию переменных, связанных с ситуацией в организации и структурой. Причиной происходящих изменений при переходе к следующей стадии развития, по мнению А. Чандлера [1], является реакция организации в форме изменения ее организационной структуры в ответ на общий рост и рыночные проблемы.

Рассмотрим в качестве примера наиболее известную модель организационного развития, - модель Л. Грейнера. В своей модели Л. Грейнер выделяет пять этапов развития организации, отделяемых друг от друга моментами организационных кризисов:этап развития, основанный на творчестве, этап развития, основанный на руководстве, этап развития, основанный на делегировании, этап развития, основанный на координации и этап развития, основанный на сотрудничестве. Каждый из этапов завершается соответствующим организационным кризисом, - лидерства, автономии, контроля, границ и доверия (см. рис.1).

Недостатки, предложенной Л. Грейнером модели, достаточно очевидны. Например, Ю. Мироненко и А. Тереханов [3] отмечают: «… некорректно утверждать, что любое современное предприятие обязательно пройдет указанный путь. Например, почему организационная структура предприятия непременно должна пройти последовательно следующие стадии: неофициальная, функциональная централизованная, функциональная дивизиональная, ориентированная на продукт, матричная? … Какие субъективные характеристики и пути решения проблем организационного развития бизнеса необходимо учитывать руководству компании? Какие затраты, и на каком этапе должна нести компания, чтобы достойно встретить и преодолеть кризисные явления?». Л. Грейнер также осознавал, недостатки разработанной им модели: «моя модель

Рис. 1. Модель организационного развития Л. Грейнера

Источник: Ю.Д. Мироненко, А.К. Тереханов «Роль стратегического управления предприятием в его организационном развитии»

— это довольно понятная попытка объединить единичный жизненный цикл … я включил в модель понятие кризиса, поскольку не смог найти данных о том, что стадии естественным и автоматическим образом следуют друг за другом. Таким образом, в данной модели не гарантируется будущая жизнь или конечное состояние»

Таким образом, рассматривая развитие организации в рамках теории жизненного цикла можно сделать следующие выводы:

1. все организации в процессе своего развития проходят определенные стадии (этапы);
2. каждая стадия жизненного цикла заканчивается кризисом, только преодолев который, организация продолжит развиваться;
3. природа кризисов вызвана несоответствием организационной структуры общим ростом организации или возникающими рыночными проблемами;
4. наступление кризисов в существующих моделях организационного развития определяется качественными а не количественными показателями.

Решение указанных недостатков существующих моделей организационного развития представляется возможным путем разработки нового теоретического подхода, базирующегося на теории экономико-технологического развития фирм.

Модель экономико-технологического развития организации фактически объединяет в себе четыре основных теоретических подходов, объясняющих организационное развитие:

- ✓ диалектическую теорию (производственная структура фирмы переходит от последовательной к параллельной, и затем снова к последовательной на ином уровне развития),
- ✓ телеологическую теорию (на основе количественных показателей экономико-технологического комплекса фирм можно разрабатывать стратегию развития организации [6, 7]),
- ✓ эволюционную теорию (в рамках экономико-технологического комплекса фирм (ЭТКФ) можно также оперировать анализом популяции, т.е. большой группы организаций),
- ✓ теорию жизненного цикла.

На последней теории необходимо остановиться более подробно. Фактически, существующие модели организационного развития (И. Айзедиса, Л. Грейнера, **Д. Хлебникова и др.**) были разработаны в рамках данной теории, и показывают какие этапы проходит организация с момента своего основания до прекращения существования.

В модели экономико-технологического развития организации можно выделить два вида развития:

1. эволюционное, - связанное с движением фирмы внутри данного уровня ЭТКФ и характеризующееся постепенным ростом ее эффективности,
2. революционное, - связанное с переходом на новый уровень ЭТКФ и приводящей к «перепроектированию» организации скачкообразному росту ее эффективности.

Кризис в организации с позиции теории экономико-технологического развития представляет собой ее «застой» относительно ее конкурентов и может наступать как при нахождении организации внутри данного уровня ЭТКФ, так и при достижении организацией верхней границы соответствующего уровня ЭТКФ. В последнем случае, появление кризиса является обязательным, поскольку фирма уже исчерпала все возможности эволюционного развития и для дальнейшего своего развития ей необходимо осуществить к новой структуре организации производства и управления. Именно такие кризисные явления наблюдали многие исследователи. В частности,Чайлд и Кизеротмечали «В известной степени успешно преодоленный кризис может представлять собой новое рождение в том смысле, что инициированные изменения достаточно радикальны и могут привести к появлению организации с совершенно новым лицом»[1].

При эволюционном развитии фирмы, возникновение кризисных явлений также возможно и, как было указано

1.«Управление изменениями: Хрестоматия», стр. 27

выше, это связано с уменьшением уровня эффективности фирмы относительно ее конкурентов.

В теории экономико-технологического развития в качестве интегрального показателя эффективности деятельности организации используется показатель экономического уровня технологии (ЭУТ), который характеризует эффективность затрат труда и капитала в производстве:

$$ЭУТ = U = \frac{L^2}{B} \quad (1),$$

где: *L* – технологическая производительность, определяемая отношением добавленной стоимости к среднесписочной численности работающих;

B - технологическая вооруженность, определяемая годовыми затратами капитала в производстве.

Как видно из формулы (1), показатель экономического уровня технологии характеризует как качество используемых технологий в процессе производства продукции (оказания услуг), так и эффективность организации и управления производством. Этим показатель ЭУТ принципиально отличается от большинства наиболее часто используемых интегральных показателей деятельности фирмы – EVA, MVA, CFROI, EBM и других, оценивающих эффективность деятельности компании с позиции совокупного дохода акционеров (Total Return of Shareholders - TRS)[8].

Показатели, отражающие уровень и динамику прибыли также имеют ограниченное применение с позиции оценки эффективности деятельности компании. Это связано с тем, что для оценки эффективности деятельности компании, как показывают проведенные расчеты [8], гораздо важнее не абсолютное значение получаемой прибыли, а ее соотношение с величиной капитала, вложенного на генерирование этой прибыли.

Как показали проведенные исследования [5], показатель ЭУТ не только характеризует эффективность деятельности организации, но и является хорошим прогнозным инструментом.

На основе проведенного анализа значений показателя ЭУТ и прибыли организации было выявлено, что рост или падение показателя ЭУТ,как правило, опережает рост или падение прибыли организации до налогообложения. Иными словами, по направлению движения показателя ЭУТ можно определить будет ли в последующих периодах расти прибыль организации.

Таким образом, используя выявленные закономерности, можно использовать показатель ЭУТ в качестве индикативного показателя наступления кризисов в модели экономико-технологического развития организации.При этом, как показывают проведенные расчеты, для линейных (вертикально-интегрированных) фирм использование показателя ЭУТ в качестве индикативного показателя наступления кризисов обеспечивает более высокую точность прогнозирования по сравнению с сетевыми (горизонтально-интегрированными) фирмами. Объяснением этого факта, по мнению авторов, является то, что эффективность функционирования линейной (вертикально-интегрированной) фирмы характеризуется эффективностью наиболее слабого ее элемента. В то время как для сетевой (горизонтально-интегрированной) фирмы, общая эффективность представляет собой усредненное значение составляющих ее элементов.

В любом случае, показатель ЭУТ не следует использовать в качестве единственногопоказателя надвигающегося кризиса и однозначно интерпретировать падение его значения как начало кризисных явлений в организации. В каждом конкретном случае, при падении значения показателя ЭУТ необходимо провести его факторный анализ и провести сопоставление набора показателей, определяющих границы уровня ЭТКФ со значениями этих показателей для данной организации. Однако использование показателя ЭУТ позволит менеджменту организации заблаговременно получить информацию о надвигающихся кризисных явлениях и разработать меры поих преодалению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Управление изменениями: Хрестоматия. 2-е изд. / Пер. с англ. под ред. Г.В. Широковой; Высшая школа менеджмента СПбГУ.: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2010. – 496 с.

2. Дмитрий Хлебников Бизнес: проблемы роста [Электронный ресурс] // Питер-Консалт. Управленческий консалтинг: сайт. — URL: http://www.piter-consult.ru/home/Articles/company-stage-crisis/bussines-rising-problems.html (дата обращения: 17.04.12).

3. Мироненко Ю.Д., Тереханов А.К. Роль стратегического управления предприятием в его организационном развитии [Электронный ресурс] // Питер-Консалт. Управленческий консалтинг: сайт. — URL: http://www.piter-consult.ru/home/Articles/company-stage-crisis/strategic-role-HR.html (дата обращения: 17.04.12).

4. Денисов И.В. Теория экономико-технологического развития фирм. Монография. Тула. Изд-во «Гриф и К», 2008. – 245 с.

5. В. Юсим, В. Белявский, Е. Свердлов, А. Ярушин Прогнозные возможности показателя «Экономический уровень технологии» Журнал «Экономический анализ: теория и практика», № 1 январь 2005.

6. Бобков А.Л. Методология разработки корпоративных стратегий на основе теории экономико-технологического развития фирм Экономика России: теория и практика возрождения: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9. – М., «СФК-офис», 2011. – 148 с.

7. Бобков А.Л. Методология и инструменты разработки корпоративной стратегии: экономико-технологический подход Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. №1 (1) / 2012. Научный журнал.

8. Коупленд Т., ДолгоффА. Expectations-Based Management. Как достичь превосходства в управлении стоимостью компании. [пер. с англ. Э.В. Кондуковой]. М.: Эксмо, 2009. – 384 с.

СТРАТЕГИИ И РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОЛГОСРОЧНОГО СОЦАИЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО КОМПЛЕКСА

Какосьян Э.К.,
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра продюсирования и управления в социально-культурной сфере,
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Ключевые слова: управление, развитие, стратегия, туристские предприятия, санаторно-курортный комплекс
Key words: management, development, strategy, tourist enterprises, resort complex

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы управления социально-экономического развития санаторно-курортного комплекса в соответствии с интегрированным подходом. Предлагается стратегия долгосрочного социально-экономического развития туристских предприятий и санаторно-курортного комплекса, основанная на эффективном использовании ресурсного потенциала и включающая в себя все направления экономического, социального, инновационного, маркетингового характера.

The article examines the management of socio-economic development of the spa complex, in accordance with an integrated approach. Proposes a strategy for long-term socio-economic development of tourism enterprises and spa complex, based on the efficient use of the resource potential and includes all areas of economic, social, innovation, marketing character.

В соответствии с интегрированным подходом к управлению социально-экономическим развитием туризма и в целом санаторно-курортного комплекса, взаимодействующие элементы системы стратегического управления должны способствовать достижению экономического роста гостиничных и туристских предприятий в составе санаторно-курортного комплекса. При этом в технологические элементы системы стратегического управления должны входить стратегии экономической, маркетинговой, социальной, структурно-организационной, финансовой, инвестиционно-инновационной, медико-оздоровительной направленности.

Экономически результативное осуществление таких функций интегрального управления, как планирование, регулирование, прогнозирование, организация, программирование, стимулирование, контроль, учет и анализ возможно в рамках стратегий, наполняемых экономическими, социальными, финансовыми, инновационными, организационными мерами, ориентированными на достижение максимальных экономических результатов.

Санаторно-курортный комплекс региона, как социально-экономический вид деятельности сферы услуг, свои стратегические целевые установки обеспечивают посредством таких видов деятельности, как санаторный отдых и оздоровление, туристский и гостиничный. Первичными являются санаторные субъекты хозяйствования, предприятия отдыха, туристские базы, гостиницы. Наряду с ними, большое значение для формирования и функционирования санаторно-курортного комплекса имеет инфраструктура, включающая туристские хозяйствующие субъекты и агентства, экскурсионные бюро, развлекательный бизнес, учреждения культуры (музеи, театры, концертные залы), природные заповедники, исторические, культурные и природные достопримечательности, предприятия общественного питания, здравоохранения и медицинского обслуживания.

Оценка ресурсного потенциала, экономических результатов функционирования санаторно-курортного комплекса, на наш взгляд, возможна на основе:

ресурсов санаторно-курортного комплекса, в качестве которых выступают природные (морские ресурсы, бальнеологические, лечебные грязи), трудовые (среднесписочная численность работников, доля врачей в трудовых ресурсах) и материальные (основные фонды, общая и жилая площадь);

мощности санаторно-курортного комплекса, определяемой численностью и видами деятельности его предприятий, количеством номеров, мест в месяц максимального возможного потребления его услуг;

потенциала санаторно-курортного комплекса, который можно рассматривать как с перспективных позиций, так и имеющихся условий на основе установленных возможностей полного использования наличного спального фонда и соответствующего количества путевок на календарный год;

уровней эффективного использования ресурсного потенциала посредством определения численности размещенных лиц, количества проданных путевок, численности отдыхающих и оздоравливающихся в расчете на 100 мест спального фонда;

интенсивности деятельности в субъекте хозяйствования санаторно-курортного комплекса, определяемой во времени размерами потребления финансовых средств как в целом, так и по группам расходов (условно-постоянные, условно-переменные, оплата труда с начислениями), инвестиций в основной капитал, а также такими относительными показателями, как расходы на один рубль основных фондов, инвестиции на среднегодовую стоимость основных фондов, себестоимость путевки;

результатов деятельности санаторно-курортного комплекса, характеризуемых выручкой от продажи услуг, работ, валовым доходом (выручка без материальных затрат), маржинальным доходом (выручка без переменных затрат), прибылью;

уровней эффективности функционирования санаторно-курортного комплекса, определяемых фондоотдачей, производительностью труда, окупаемостью инвестиций, рентабельностью активов, показателей финансового состояния (платежеспособности, устойчивости, ликвидности).

Принимаемые стратегии социально-экономического развития санаторно-курортного комплекса и туристских предприятий в рамках разноуровневых управленческих структур должны реализовываться в процессе поэтапного достижения целевых установок посредством:

разработки и целенаправленного внедрения нормативно-правовых и административно-распорядительных актов федеральных, региональных и муниципальных органов

управления социально-экономическим развитием территориально-районированных рекреационных образований;

создания и применения комплекса мер по реализации таких функций интегрального управления, как планирование, регулирование, программирование, организация, прогнозирование, контроль и учет;

применения методов, технологических процедур реального достижения планируемых экономических, социальных результатов, повышения эффективности деятельности санаторно-курортного комплекса и туристских субъектов хозяйствования.

Процесс реализации стратегий социально-экономического развития санаторно-курортного комплекса территориально-районированного образования в своей технологической трансформации может быть выражен посредством:

конкретизации и корректировки функционального назначения и целевой ориентации санаторно-курортного комплекса, установления текущих и долговременных целей деятельности и развития объектов управления;

стратегий экономической, социальной, инновационной, финансовой, маркетинговой направленности на достижение ориентиров экономической результативности, в рамках которых реализуется комплекс мер по нейтрализации негативных влияний факторов внешней среды на развитие санаторно-курортного комплекса;

формирования адекватной организационной структуры планируемым экономическим и социальным результатам;

Принятие и осуществление стратегий социально-экономического развития туристского или гостиничного хозяйствующего субъекта, территориально-районированного образования в целом должно быть тесно согласовано с ресурсными возможностями туристских предприятий, санаторно-курортного комплекса, информационными данными об изменениях состояния внешней среды в долгосрочном периоде, с общей технологией системы стратегического управления, ориентированной на достижение целевой установки объекта управления.

Таким образом, стратегия долгосрочного социально-экономического развития туристских предприятий и санаторно-курортного комплекса в целом должна на основе эффективного использования ресурсного потенциала включать в себя все направления экономического, социального, инновационного, маркетингового характера, отражать как свою целевую ориентацию, так и системы стратегического управления, выступать в виде самостоятельного технологического элемента в системе стратегического управления, содержать количественные и качественные параметры стратегической цели санаторно-курортного комплекса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аблеева А.М. Методические аспекты инвестиционной стратегии развития предприятия // Соц. политика и социология. – 2010. – №8. – С.406-416.

2. Александрова А.Ю. География туризма. Учебники: допол. пособ. - М.: КноРус, 2013.

3. Богданов Е.И., Гусев И.С. Методические особенности оценки экономической эффективности санаторно-курортных комплексов // Вестник Национальной академии туризма. Изд-во: Национальная академия туризма - № 2. - 2012. - С. 43-46

4. Ветитнев А.М., Дзюбина А.В. Санаторно-курортные и SPA-услуги: противопоставление или совместное развитие? / Вестник национальной академии туризма. СПб.: Изд-во «Национальная академия туризма», №2, 2012. - С.48-52.

5. Григорьев А.В., Вагузова О.В. Инструменты управления инновациями в санаторно-курортном комплексе. – Смоленск: Изд. «Универсум» - 2012. -164с.

6. Егоров В.Е. Государственно-правовое регулирование организованного туризма. - Псков: «ЛОГОС Плюс», 2011. - 112 с.

7. Кроливецкий Э.Н. Стратегия и системность развития туристских услуг/ Вестник института экономики и управления Санкт-Петербургского университета кино и телевидения. Выпуск 2 (27) – СПб.: Изд-во СПбГУКиТ, 2009. - С. 81-84.

8. Царенко В.А. Санаторно-курортный комплекс как социально-экономическое явление: Препринт. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010.

9. Чернышев А.В. Геоэкономические аспекты формирования конкурентоспособного гостинично-туристского комплекса. – М.: Изд-во МГУЛ, 2001.

10. Чудновский А., Жукова М., Кормишова А. Теория и методология социально-экономических исследований в туристской индустрии. – М.: Изд-во: КноРус, 2014.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ КРЕСТЬЯНСКОГО (ФЕРМЕРСКОГО) ХОЗЯЙСТВА

Яковлев Н.А.,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
кафедра «Аграрная экономика и право»,
Орловский государственный аграрный университет

В истории развития Российского государства земельные ресурсы играют определяющую роль в правовой, социальной, экономической и политической сферах, определяя динамику и потенциал российского сельского хозяйства как ключевой отрасли, обеспечивающей продовольственную безопасность страны. Являясь ограниченным и невосполнимым ресурсом, земля в условиях рыночной экономики и гражданского оборота земель получает свойство товара и становится объектом имущественных отношений.

На современном этапе развития общества земля выполняет множество функций. В одном случае земля рассматривается как объект хозяйственной деятельности, являющийся основой сельскохозяйственного, лесохозяйственного и иного производства, в другом - она выступает как пространственно-территориальный базис размещения различных объектов недвижимости, в третьем земля - это территория государства, т.е. пространственный предел государственной власти, и т.д. В силу этого земельное законодательство традиционно относится к отраслям, на состоянии которых наиболее остро и болезненно отражаются политические, экономические и идеологические изменения в обществе.

Поэтому создание и развитие земельного законодательства, регулирующего сложившиеся и вновь складывающиеся общественные отношения, связанные с землей, - одна из острейших проблем, стоящих перед государством. Без создания полноценной нормативно-правовой базы дальнейшее развитие земельных отношений становится невозможным не только для функционирования отдельных общественно-социальных институтов, но и общества в целом.

Актуальность рассматриваемой темы - изучение особенностей правового режима земель крестьянского (фермерского) хозяйства, подтверждается многочисленными проблемами правовой теории и практики в данном сегменте правового регулирования. Само по себе крестьянское (фермерское) хозяйство как субъект права имеет по оценкам специалистов неоднозначный статус в российском законодательстве, что еще более усугубляет проблемы землепользования. С одной стороны, правоприменительная практика показывает неосведомленность многих глав крестьянских (фермерских) хозяйств в вопросах оформления земель, что является следствием правовой безграмотности населения, с другой – дискуссии о совершенствовании правового регулирования земельных отношений с участием крестьянских (фермерских) хозяйств не прекращаются и в научных кругах на протяжении последних лет, что говорит об объективных проблемах в существующем законодательстве, выявляет его пробелы как в теории земельного права, так и в практике правоприменения.

Проблемам земельных правоотношений в сельском хозяйстве в последние годы уделяется повышенное внимание, что является очередным подтверждением актуальности данной темы исследования. Земельным реформам в России в исторической ретроспективе посвящены труды Ю. Лютых[1], Н. Комова[2], А. Анисимова[3]. Особенности функционирования крестьянского (фермерского) хозяйства как субъекта земельного права раскрываются в публикациях и комментариях к нормативно-правовым актам Н. Калинина, А. Удачина, В. Устюковой, Ю. Вольдмана, М. Тихомирова и других правоведов. Неоднократно акцентировал внимание на совершенствовании земельных правоотношений в сельском хозяйстве на основе института частной собственности Л. Резников.

Для создания фермерского хозяйства и осуществления его деятельности могут предоставляться и приобретаться земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения (п.1 ст.11 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

Для строительства зданий, строений и сооружений, необходимых для осуществления деятельности фермерского хозяйства, могут предоставляться и приобретаться земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения и земель иных категорий (п.2 ст.11 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

В ст. 11 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» имеются в виду земельные участки, которые могут предоставляться и приобретаться как при создании фермерского хозяйства, так и в дальнейшем, если в процессе осуществления деятельности хозяйства возникнет необходимость в новых земельных угодьях (например, для расширения производства, строительства дополнительных складских сооружений и т.п.).

Земли сельскохозяйственного назначения - это земли за чертой поселений, предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей.

В состав земель сельскохозяйственного назначения включаются:

1. сельскохозяйственные угодья - пашни, сенокосы, пастбища, залежи, а также земли, занятые многолетними насаждениями (садами, виноградниками и др.);

2. земли, занятые внутрихозяйственными дорогами и коммуникациями; древесно-кустарниковой растительностью, предназначенной для обеспечения защиты земель от воздействия негативных природных, антропогенных и техногенных явлений; замкнутыми водоемами; зданиями, строениями, сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции.

Перечисленные виды земель могут быть предоставлены и приобретены как на этапе создания фермерского хо-

1. Лютых Ю.А. Земельные отношения в России. Исторический и современный аспекты. – Красноярск: Кн. изд-во, 1995.

2. Комов Н., Родин В., Алакоз В. Земельные отношения и землеустройство в России. - М.: Русслит, 1995.

3. Анисимов А.П. Понятие земель специального назначения и их правового режима. – Волгоград, 2000.

зяйства, так и в процессе его деятельности, если возникнет потребность в дополнительных земельных ресурсах.[4]

Особенности использования земель сельскохозяйственного назначения установлены ст. 78-79 ЗК РФ. Граждане, ведущие фермерское хозяйство, могут использовать такие земли для ведения сельскохозяйственного производства, создания защитных насаждений, научно-исследовательских, учебных и иных, связанных с сельскохозяйственным производством, целей. Использование земель сельскохозяйственного назначения должно осуществляться в строгом соответствии с целевым назначением данной категории земель и разрешенным использованием. При этом способы использования земель не должны причинять вред земле как природному объекту, в т.ч. приводить к деградации, загрязнению, захламлению земель, отравлению, порче, уничтожению плодородного слоя почвы и иным негативным воздействиям.

Гражданам, использующим земли сельскохозяйственного назначения, следует иметь в виду, что несоблюдение требований закона об использовании земельного участка в соответствии с его целевым назначением является грубым нарушением правил рационального использования земли, которое может повлечь принудительное изъятие земельного участка и прекращение прав на него (ст. 285 ГК РФ, ст. 6 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»).

Помимо земель сельскохозяйственного назначения для нужд фермерского хозяйства могут быть предоставлены земли иных категорий, например, земли поселений, земли лесного фонда, земли водного фонда, земли запаса.

Земельные участки из земель названных категорий могут быть предоставлены, в частности, для строительства зданий, строений и сооружений. Условия и порядок предоставления земельных участков для строительства установлен ст. 30-32 ЗК РФ.

Субъектами прав на земельные участки являются граждане - члены хозяйства, а не само хозяйство как комплексный субъект предпринимательской деятельности (п. 1 ст. 12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»). Приобретенные или предоставленные для создания и деятельности фермерского хозяйства земельные участки, по общему правилу, принадлежат его членам на праве совместной собственности, т.е. их земельные доли считаются равными. Однако сособственники указанных земельных участков при желании вправе установить также долевую собственность на земельные участки, определив размеры своих долей в соглашении о создании хозяйства (п. 3 ст. 6, ст. 4 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

В случае, когда фермерское хозяйство создано одним лицом (п. 2 ст. 1 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»), земельные участки для создания и деятельности хозяйства предоставляются гражданину, создавшему хозяйство, или приобретаются им и находятся в его собственности. Если впоследствии в такое фермерское хозяйство будут приняты новые члены (ст. 14 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»), то они также получают право на предоставление и приобретение земельных участков для нужд фермерского хозяйства (п. 1 ст. 12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

Земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут быть предоставлены гражданам России в собственность (за плату или бесплатно) и в аренду. Случаи, когда земельный участок может быть предоставлен гражданину в собственность бесплатно, устанавливаются законодательством. Так, согласно п. 5 ст. 20 ЗК РФ, граждане, обладающие земельными участками на праве постоянного (бессрочного) пользования, имеют право однократно бесплатно приобрести их в собственность. При этом взимание дополнительных денежных сумм помимо сборов, установленных федеральными законами, не допускается. Максимальные размеры земельных участков, предоставляемых гражданам бесплатно, устанавливаются: а) из земель, находящихся в федеральной собственности - федеральными законами; б) из земель, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации - законами субъектов Федерации; в) из земель, находящихся в собственности муниципальных образований - нормативными правовыми актами органов местного самоуправления (п. 2 ст. 33 ЗК РФ).

Порядок определения норм предоставления земельных участков, в т.ч. для создания крестьянского (фермерского) хозяйства и осуществления его деятельности, установлен ЗК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 33 ЗК РФ предельные (максимальные и минимальные) размеры земельных участков, предоставляемых гражданам в собственность из находящихся в государственной или муниципальной собственности земель для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, устанавливаются законами субъектов Российской Федерации. Так, Законом Орловской области от 15 апреля 2003 года N 320-ОЗ «О предельных размерах и условиях предоставления земельных участков в собственность граждан»[5] установлено, что минимальный размер земельного участка, предоставляемого гражданам в собственность для создания и осуществления деятельности фермерского хозяйства разнится в зависимости от среднерайонной нормы бесплатной передачи земельных участков в собственность граждан, установленной органами местного самоуправления на момент приватизации сельскохозяйственных угодий в соответствии с федеральным законодательством. Например, для Троснянского района минимальный размер составляет 5,1 га, тогда как для Корсаковского района – 13,6 га. Максимальные же размеры установлены Законом Орловской области «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Орловской области»[6]. Пункт 5 ст.2 данного закона предусматривает, что размер общей площади земельных участков сельскохозяйственных угодий, которые расположены на территории одного сельского района Орловской области и могут находиться одновременно в собственности гражданина, его близких родственников, а также юридических лиц, в которых данный гражданин или его близкие родственники имеют право распоряжаться более чем 50 процентами общего количества голосов, приходящихся на акции (вклады, доли), составляющие уставные (складочные) капиталы

4. Комментарий к Федеральному закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» / Отв. ред. Тихомиров М.Ю. (автор комментария - Тихомиров М.Ю.). – М., 2006. – С. 75.

5. Закон Орловской области от 15 апреля 2003 года N 320-ОЗ «О предельных размерах и условиях предоставления земельных участков в собственность граждан» (ред. от 21.03.2005 N 496-ОЗ) // СПС «Гарант».

6. Закон Орловской области от 5 июня 2003 года N 331-ОЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Орловской области» // СПС «Гарант».

данных юридических лиц, не может быть более чем 35 процентов общей площади сельскохозяйственных угодий в границах одного сельского района Орловской области.

Размеры земельных участков, находящихся в частной собственности и предоставляемые гражданам для создания фермерского хозяйства и осуществления его деятельности на основании гражданско-правовых договоров, законом не ограничиваются.

Пунктом 3 ст. 11 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» устанавливается, что земельные участки, предоставляемые и приобретаемые для создания фермерского хозяйства и осуществления его деятельности, формируются в соответствии с земельным законодательством Российской Федерации.

Формирование земельного участка - комплекс организационных работ, направленных на индивидуализацию земельного участка как объекта гражданских прав. Понятие «формирование земельного участка» впервые введено ст. 30 ЗК РФ, определяющей порядок предоставления земельных участков для строительства из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

В соответствии с подп. 1 п. 4 ст. 30 ЗК РФ формирование земельного участка включает проведение следующих работ:

- подготовка проекта границ земельного участка и установление его границ на местности;

- определение разрешенного использования земельного участка;

- определение технических условий подключения объектов к сетям инженерно-технического обеспечения;

- принятие решения о проведении торгов (конкурсов, аукционов) или предоставлении земельных участков без проведения торгов (конкурсов, аукционов);

- публикация сообщения о проведении торгов (конкурсов, аукционов) или приеме заявлений о предоставлении земельных участков без проведения торгов (конкурсов, аукционов).

В ст. 12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» указан порядок предоставления земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для создания фермерского хозяйства и осуществления его деятельности.

Статья определяет порядок предоставления только тех земель, которые находятся в государственной или муниципальной собственности. Земельные участки из земель, находящихся в собственности граждан и юридических лиц, могут приобретаться для нужд фермерского хозяйства на основании гражданско-правовых договоров (аренды, купли-продажи, дарения, безвозмездного пользования и др.), а также в порядке наследования (ст. 1110-1185 ГК РФ).

В отличие от ст. 5 Закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» 1990 г., ст.12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» регламентирует порядок предоставления только земель сельскохозяйственного назначения. Земельные участки из земель иных категорий могут предоставляться и приобретаться в порядке, установленном ст. 30-32, 34 ЗК РФ.

По смыслу ст. 3 и п. 1 ст.12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» правом на предоставление земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения в целях создания фермерского хозяйства и осуществления его деятельности обладают глава фермерского хозяйства и другие его члены. На лиц, состоящих с хозяйством в трудовых отношениях, но не являющихся членами этого хозяйства, действие ст. 12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» не распространяется. Это означает, что названные граждане не вправе претендовать на предоставление земельного участка для нужд фермерского хозяйства, в котором работают.

Граждане, которые заинтересованы в предоставлении им земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для создания фермерского хозяйства и осуществления его деятельности, подают в исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления заявления, в которых должны быть указаны (ч. 1 ст. 12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»):

1. цель использования земельных участков (создание, осуществление деятельности фермерского хозяйства, его расширение);

2. испрашиваемое право на предоставляемые земельные участки (в собственность или аренду);

3. условия предоставления земельных участков в собственность (за плату или бесплатно);

4. срок аренды земельных участков;

5. обоснование размеров предоставляемых земельных участков (число членов фермерского хозяйства, виды деятельности фермерского хозяйства);

6. предполагаемое местоположение земельных участков.

Этот перечень является исчерпывающим. Поэтому органы, в которые подаются заявления, не вправе требовать указания каких-либо дополнительных сведений, помимо перечисленных в п. 1 ст. 12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».[7]

К заявлению обязательно прилагается соглашение, заключенное между членами фермерского хозяйства в соответствии со ст. 4 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Исключением является случай, если КФХ создано одним лицом (п. 1 ст. 4 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

В соответствии с п. 1 ст. 28 ЗК РФ земельные участки из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, могут быть предоставлены гражданам в собственность или в аренду.

Статья 10 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» устанавливает общее правило, согласно которому земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются гражданам в собственность на торгах. Исключение из этого правила установлено ст. 12 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», которая предусматривает упрощенную процедуру предоставления земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения для создания фермерского хозяйства и осуществления его деятельности. Правила п. 1 ст. 10 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» применяются

7. Комментарий к Федеральному закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» / Отв. ред. Тихомиров М.Ю. (автор комментария - Тихомиров М.Ю.). – М., 2006. – С. 96.

к отношениям по предоставлению земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения для создания фермерского хозяйства и осуществления его деятельности лишь в случае, когда о предоставлении участка в собственность было подано два и более заявлений. В этом случае предоставление соответствующего земельного участка осуществляется на торгах.

Аналогичным образом решается вопрос о предоставлении земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения в аренду, если на один и тот же участок претендует два и более гражданина. Такой земельный участок также предоставляется на торгах.

Организация и проведение торгов (конкурсов, аукционов) по продаже земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, а также права на заключение договоров аренды таких земельных участков осуществляются в соответствии со ст. 38 ЗК РФ, ст. 447-449 ГК РФ в порядке, установленном постановлением Правительства РФ от 11.11.2002 г. N 808 «Об организации и проведении торгов по продаже находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков или права на заключение договоров аренды таких земельных участков»[8].

Орган местного самоуправления или по его поручению соответствующая землеустроительная организация на основании заявления, указанного в п. 1 ст. 4 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», или обращения исполнительного органа государственной власти с учетом зонирования территорий в течение месяца обеспечивает изготовление проекта границ земельного участка и утверждает его.[9]

Исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления в течение 14 дней принимает решение о предоставлении испрашиваемого земельного участка в собственность за плату или бесплатно либо в аренду с приложением проекта его границ (п.4 ст.12 Закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

Договор купли-продажи или аренды земельного участка для создания, осуществления деятельности или расширения фермерского хозяйства заключается в течение 7 дней после представления заявителем кадастровой карты (плана) земельного участка в исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления (п.5 ст.12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

Кадастровая карта (план) земельного участка представляет собой единый документ, состоящий из разделов, предназначенных для отражения определенных групп характеристик поставленного на государственный кадастровый учет земельного участка. Кадастровая карта, как правило, содержит шесть разделов: общие сведения о земельном участке; план (чертеж, схема) границ земельного участка; план (чертеж, схема) границ части земельного участка; описание границ земельного участка; описание поворотных точек границ земельного участка[10].

Договор купли-продажи заключается в письменной форме. Согласно ст. 425 ГК РФ, договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения. Договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом (п. 3 ст. 433 ГК РФ). Обязательная государственная регистрация договора продажи недвижимости предусмотрена лишь для договора продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры (п. 2 ст. 558 ГК РФ) и для договора продажи предприятия (ст. 560 ГК РФ).

Таким образом, договор продажи земельного участка считается заключенным с момента подписания сторонами договора как единого документа. Государственной регистрации в этом случае подлежит не сам договор, а переход права собственности к покупателю. Значение государственной регистрации заключается в том, что только с момента такой регистрации покупатель становится собственником земли (даже если его фактическая передача состоялась задолго до государственной регистрации перехода права собственности - п. 2 ст. 551 ГК РФ).[11]

Передача земельного участка по договору купли-продажи в собственность покупателя осуществляется на основании передаточного акта или иного документа о передаче (акт приема-передачи, сдачи-приемки и т.п.). С момента подписания сторонами этого документа обязанность продавца передать земельный участок и обязанность покупателя принять его считаются выполненными. Уклонение одной из сторон от подписания документа о передаче земельного участка на условиях, предусмотренных договором, расценивается как отказ продавца от исполнения обязанности передать земельный участок, а покупателя - от обязанности принять его (ст. 556 ГК РФ).

Договор аренды земельного участка заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписываемого сторонами. По общему правилу, установленному ГК РФ, договор аренды земельного участка подлежит обязательной государственной регистрации. Однако ЗК РФ делает исключение из этого правила. Пункт 2 ст. 26 ЗК РФ устанавливает, что договор аренды и договор субаренды земельного участка, заключенные на срок менее чем один год, не подлежат государственной регистрации.

В договоре аренды земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения может быть предусмотрено, что арендуемый земельный участок передается в собственность арендатора по истечении срока аренды или до его истечения при условии внесения арендатором всей обусловленной договором выкупной цены (п. 4 ст. 9 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», п. 3 ст. 609 ГК РФ). Договор аренды с названным условием должен быть заключен в письменной форме и подлежит обязательной государственной регистрации независимо от срока и субъектного состава сторон.

По общему правилу ст. 610 ГК РФ срок договора аренды определяется сторонами договора, однако законом могут устанавливаться максимальные и минимальные сроки. Так, максимальный срок аренды земель сельскохозяйственного назначения установлен п. 3 ст. 9 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Такой договор может быть заключен на срок, не превышающий 49 лет. Если в договоре аренды установлен больший срок, то договор считается заключенным на 49 лет.

8. СЗ РФ. – 2002. - N 46. Ст. 4587.

9. Завражных М. Л. Аграрное право. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – С. 59.

10. Правила оформления кадастрового плана земельного участка, утвержденного приказом Росземкадастра от 10.04.2001 г. N ГЗК-1-Т.О-04-01-01 // Российская Газета. 2001. - 11 июля.

11. Комментарий к части второй Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина // СПС «Гарант».

Решение исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления об отказе в предоставлении земельного участка для создания фермерского хозяйства и осуществления его деятельности может быть оспорено в судебном порядке (п.6 ст.12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

Возможность судебного обжалования решений органов государственной власти и органов местного самоуправления закреплена на конституционном уровне (ст. 76 Конституции РФ1). В соответствии с п. 1 ст. 61 ЗК РФ ненормативный акт исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, не соответствующий закону или иным нормативным правовым актам и нарушающий права и охраняемые законом интересы гражданина в области использования и охраны земель, может быть признан судом недействительным.

Минимальные размеры земельных участков не устанавливаются для фермерских хозяйств, основной деятельностью которых является садоводство, овощеводство защищенного грунта, цветоводство, виноградарство, семеноводство, птицеводство, пчеловодство, рыбоводство или другая деятельность в целях производства сельскохозяйственной продукции по технологии, допускающей использование земельных участков, размеры которых меньше минимальных размеров земельных участков, установленных законами субъектов РФ (п.7 ст.12 ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

ЛЕГИТИМАЦИЯ ТРУДОЛЮБИЯ, БЕРЕЖЛИВОСТИ И БОГАТСТВА В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Дудар Т.Е.,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и этики,
Сыктывкарский государственный университет

Ключевые слова: богатство, трудолюбие, бережливость, Томас Мор, Эразм Роттердамский, Томмазо Кампанелло
Key words: wealth, diligence, thrift, Thomas More, Erasmus, Tommaso Campanella

Аннотация. В статье исследуется процесс легитимации таких ценностей новоевропейской культуры как трудолюбие, бережливость, богатство. Показано, что новая аксиологическая матрица культуры начинает формироваться в философском дискурсе эпохи Возрождения в трудах Томаса Мора, Эразма Роттердамского, Томмазо Кампанеллы.

The article explores the process of legitimation of diligence, thrift and wealth as values of European culture. It is shown that a new axiological matrix begins to form in the philosophical discourse of the Renaissance in the works of Thomas More, Erasmus, Tommaso Campanella.

Философские идеи важны для общества, поскольку, начиная работать в общественном сознании, они оказывают влияние на мировоззрение эпохи, а через него, в свою очередь, на мировоззрение каждого человека. Посредством этого процесса философские идеи спускаются на нормативный уровень, где инициируют трансформацию экономических, политических и прочих институтов общества. Именно на уровне философского анализа появляется возможность высшего уровня осмысления «вызовов» современности - тех «вызовов», которые детерминируют трансформационные процессы, происходящие, в частности, в аксиологической сфере современной культуры.

В современном обществе и культуре центральное место занял человек, озабоченный лишь статусной символикой обладания материальными богатствами, повышением жизненного уровня, показным мотовством, находящийся в поиске игровых ситуаций и воплощающий в себе «богемствующий гедонизм» [5]. Такой человек снова становится «мерой всех вещей» - индивид получил возможность самостоятельно решать, в какой ситуации какую именно социально легитимную систему ценностей (традиционную мораль долга или рыночную мораль личного интереса) он будет использовать. Современное «биморальное общество» [7, с. 149] продолжает воспроизводить ценностную систему, часть ценностей которой стали «пустыми», так как «противоречат реальности - гедонистическому образу жизни» [1, с.647], насаждаемому современной массовой культурой.

Подобные тенденции формируют проблемное поле поиска места современного человека в универсуме, в культуре, задают цели переосмысления системы его ценностных доминант. В частности, насколько актуальными для современного человека остаются такие ценности как бережливость, трудолюбие, рассудительность, богатство? Поиск ответа на этот вопрос целесообразно начать с установления истоков – когда и как именно происходила легитимация этих ценностных установок, заложивших основу аксиологической матрицы современной культуры. На наш взгляд, процесс их легитимации начинается именно в философском дискурсе Возрождения, в трудах великих гуманистов Томаса Мора, Эразма Роттердамского, Томмазо Кампанеллы. Обратимся к первоисточникам.

Как отмечала польская исследовательница морали М. Оссовская, в Средние века «похвалы трудолюбию было бы напрасно искать в репертуаре моральных норм рыцарских идеологий. Нормой была праздность, причем демонстративная праздность. Праздности надо было придаваться так, чтобы это было заметно, - ведь она служила отличительным признаком классовой принадлежности, а бережливость в кругу привилегированных была качеством, которого стыдились и которое надлежало скрывать». [4, с. 243] Напротив, в трудах Эразма Роттердамского, Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы прослеживается обратный процесс - делегитимизация праздности и роскоши в контексте их «выпадения» из принципа жизни в «согласии с природой». Жить в соответствии с законами природы - значит, быть трудолюбивым, бережливым, деятельным, – такова этическая доминанта этих гуманистов Возрождения.

Томас Мор вскрыл порочность праздности, расточительности, скупости и роскоши. В своем знаменитом произведении «Утопия» мыслитель критиковал праздность как один из ведущих пороков общества. Наживать богатство ежедневным трудом - это была очень смелая и далеко не бесспорная для того времени идея. Придворная служба, военная служба, наследство, ростовщичество, алхимия - вот что приходило на ум человеку, решившему разбогатеть. [4, с. 242]

По мнению Т. Мора, жизнь праздного человека напоминает жизнь трутня, который кормится трудами других. К праздным категориям населения гуманист относил женщин, священников, богачей, владельцев поместий,

челядь (как писал Т. Мор, «весь этот сброд ливрейных бездельников»), нищих, (по словам Т. Мора, «предающихся безделью под предлогом какой-либо болезни» [3, с. 121]), а также «огромное число знати», которое «живет за счет арендаторов своих поместий, которых для увеличения доходов стрижет до живого мяса. Эти аристократы окружают себя огромной толпой телохранителей, которые не учились никогда никакому способу снискивать пропитание». [3, с. 59] Такие люди, воспитанные среди праздности и наслаждений, «привыкли только хвастливо бросать гордые взгляды на соседей и презирать всех по сравнению с собой» [3, с. 60], но не способны своим трудом достать себе пропитание. Не жаловал Т. Мор и тех, кто занимался «бесполезными и ненужными ремеслами», то есть ремеслами, которые «служат только роскоши и похоти». Праздность этих людей порочна, поскольку, с одной стороны, «вся эта изнывающая от безделья и праздности масса людей, потребляет столько продуктов, производимых трудами других, сколько нужно их для двух изготовителей этих продуктов». С другой стороны, они не могут надлежащим образом удовлетворять «потребности природы», будучи склонными к всевозможным излишествам. [3, с. 122]

Гуманист полагал, что общество нельзя назвать справедливым и благородным, если оно расточительно одаряет так называемых благородных, ничего не делающих, живущих только лестью и изобретающих никчемные удовольствия, и совершенно не заботится о земледельцах, угольщиках, поденщиках, ломовых извозчиках и рабочих, без которых не было бы вообще никакого общества. Дворянин, золотых дел мастер или ростовщик, писал Т. Мор, «совершенно ничего не делают или дело их такого рода, что не очень нужно государству, а жизнь их протекает среди блеска и роскоши, и проводят они ее в праздности или в бесполезных занятиях, тогда как поденщики, ломовые извозчики, рабочие, земледельцы, труд которых необходим в такой степени, что ни одно общество не просуществует без него и года, влачат жалкое существование». [3, с. 217]

Расточительность и роскошь, свойственные всем слоям населения, - неизбежные спутники праздности. Как считал Т. Мор, «и у слуг знати, и у ремесленников, и почти что у самих крестьян, одним словом, у всех сословий заметно много чрезмерной пышности в одежде, излишняя роскошь в еде». [3, с. 65] Роскошь порождает несправедливое распределение доходов, мешает вести добродетельный образ жизни.

В праздности видел источник всех пороков общества и Томмазо Кампанелла. Пребывающие в праздности, по мнению мыслителя, пропадают от безделья, скупости, телесных недугов, ростовщичества. Культ праздности в сочетании с пренебрежительным отношением к труду создал порочную ситуацию, когда богатства и почетного положения можно добиться только порочным путем: грабежом государства, скупостью, лицемерием, предательством. [2, с. 45] Поскольку в обществе того периода труд не являлся добродетелью и почетным занятием, то обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами «занимаются кое-как и только немногие и с величайшим отвращением». [2, с. 70] Если нищета делает людей негодяями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями, то богатство культивирует в человеке надменность, гордыню, невежество, делает изменниками, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками. Богатство, нищета, а также праздность в одинаковой степени, как считал мыслитель, калечат человеческую природу, ввергая человека в пороки.

Какова же этическая альтернатива праздности? На каких принципах следует выстраивать нравственную жизнь? Философский дискурс Возрождения дает ответы на эти вопросы. Томас Мор провозгласил высшей ценностью бережливость, считал единственным источником благ трудолюбие. Он полагал добродетельной только такую жизнь и такое поведение людей, которые согласуются с законами природы. [3, с. 147] А это возможно, если люди будут следовать трудолюбию, бережливости, пользе, простоте в быту, умеренности в своих потребностях. Остальное есть только фальшь и порок. Наибольшую симпатию у Т. Мора вызывали «люди скромные и простые и повседневным трудом приносящие больше пользы обществу, чем себе лично». [3, с. 97] Жизнь таких людей проходит в работе, они не сидят праздно, а занимаются усердно своим ремеслом. Часы досуга такие люди употребляют не на бесполезное времяпровождение, леность или излишества, а на какие-либо полезные занятия, к которым испытывают склонность. Т. Мор был убежден, что именно труд в сочетании с бережливостью является залогом и источником всяческих благ. Отсутствие возможности бездельничать, проведение всего времени либо в привычной работе, либо в благопристойном отдыхе - вот условия изобилия во всем. [3, с. 136] Труд должен быть направлен на приготовление только того, что требуют принципы пользы и удовольствия. Труд рассматривался Т. Мором не как тяжелое бремя, а как добродетель: трудиться почетно.

Бережливость есть источник благ и спутник трудолюбия. Бережливость - это то качество, считал Т. Мор, которое позволяет избежать как лишних материальных затрат, так и бесполезного труда. Это не проявление бедности, а бережливость. Гуманист сетовал, что «в других же местах одному человеку не хватает четырех или пяти верхних шерстяных одежд, да еще разноцветных, а вдобавок требуется столько же шелковых рубашек». [3, с. 125]

Рассудительность, по мнению Эразма Роттердамского, неотделима как от реальной жизни, так и от здравого смысла. Этим отличается рассудительность «мудреца, который ничего не решается предпринять», от рассудительности того, кто постоянно вращается в самой гуще жизни, ни перед чем не робеет, не боится принимать смелые решения, поскольку «истинная рассудительность сказывается в деловитости». [6, с. 62] Благополучие достигается там, где ремесло человека стоит ближе к здравому смыслу: «имения законников умножаются, между тем как теолог, постигающий глубочайшие тайны божества, жует волчцы и ведет жестокую войну с клопами и блохами». [6, с. 73] Знание должно приносить практическую пользу, потому что именно такое знание не оторвано от жизни и согласуется со здравым смыслом. Человек обязан, как считал Т. Мор, «заботиться о своей выгоде, не нарушая законов природы, требование благоразумия, а иметь в виду также и интересы общественные - твой долг. Похищать чужое удовольствие, домогаясь своего, несправедливо». [3, с. 150]

Каков же тип человека, которому присущи новые ценности? Э. Роттердамский, в своих трудах конструирует подобный тип человека. Гуманист отталкивался от идеи о том, что человек, как природное существо, должен следовать законам природы и соответствовать своей чело-

веческой природе. [6, с. 70] Не следует презирать жизнь, потому что, поступая так, человек «действует наперекор здравому смыслу» [6, с. 150], ведь именно в жизни земной заключается предназначение человека. Оторванный от реальной жизни с ее повседневными заботами, человек становится беспомощным в самых простых вопросах, касающихся устройства практических дел.

Эразм Роттердамский также выделял два альтернативных описанному выше типа человека, система жизненных смыслов и ценностей которых несовместима с добродетелью. Первый тип представляет собой феномен человека, чрезмерно пренебрегающего земными делами, а второй тип есть человек, который, наоборот, чрезмерно увлечен земными делами. Человек первого типа характеризуется презрительным отношением к деньгам, к практическим «житейским делам». [6, с. 152] Ко второму типу Э. Роттердамский относил людей, которые заняты «собиранием богатств и удовлетворением своих телесных нужд: плотское вожделение, голод, сонливость, гнев, гордость, зависть». [6, с. 126] Их активность и деловитость вырождается в праздность, чревоугодничество, и, в конце концов, в потерю здравого смысла. По мнению гуманиста, первый тип людей достаточно безобиден, а второй следует подвергнуть жесткой критике. Мыслитель высмеивал их расточительство («этот пихает себе в глотку все, что только удастся раздобыть, хотя, быть может, вскоре ему придется голодать, иной - весь в долгах, накануне разорения, а мнит себя богатеем»), праздность и леность («этот ничего не знает приятнее сна и досуга»), суетность («есть и такие, которые вечно шумят и волнуются по поводу чужих дел, своими же пренебрегаются»), скупость («для другого нет высшего блаженства, как жить всю жизнь в нищете, лишь бы наследнику досталось побольше»), бесполезные усилия («этот ради малой и неверной прибыли рыщет по морю, вверяя волнам и ветрам свою жизнь, которую нельзя купить ни за какие деньги; другой предпочитает искать сокровищ на войне, вместо того, чтобы дома наслаждаться покоем и безопасностью»), обман («найдутся и такие, которые удобнейший путь к обогащению видят в том, чтобы подольститься к одиноким старичкам»). [6, с. 97]

Итак, согласно взглядам гуманистов эпохи Возрождения, человек нового типа, разумный человек, живет согласно здравому смыслу, он активен, предприимчив, решителен в мирских делах, который не презирает, а принимает свою человеческую сущность, данную природой. Он не презирает ни плотские, ни духовные потребности, которые гармонично в нем сочетаются. Такой человек более склонен к страстям нейтральным, естественным, а именно, любви к отечеству, нежности к детям, к родителям, к друзьям. [6, с. 153]

Вопрос о нравственности богатства затрагивается в трудах Эразма Роттердамского. Человек, заполучивший богатство безнравственным путем, по его мнению, сам становится безнравственным, поскольку такой путь противоречит законам природы. В частности, «неправедно нажитым богатством» обладают, как считал гуманист, купцы, которые «ставят себе самую гнусную цель и достигают ее наигнуснейшими способами: вечно лгут, воруют, жульничают, надувают и при всем том мнят себя первыми людьми в мире потому только, что пальцы их украшены золотыми перстнями». [6, с. 98] Они приумножают свое богатство всеми правдами и неправдами, что есть нарушение здравого смысла, а значит, и законов природы. Эразм Роттердамский полагал, что нравственным будет такой образ жизни, который в наибольшей степени соответствует здравому смыслу, и такая деятельность человека, которая основывается на применении тех деловых качеств, которые он приветствовал. Нравственно только то богатство, которое достигнуть посредством трудолюбия, деловитости, рассудительности и здравого смысла.

Итак, в философском дискурсе Возрождения начинается выстраивание новой аксиологической матрицы культуры. Это был двухсторонний процесс. С одной стороны, происходило разрушение нравственных санкций праздности, расточительности, роскоши как отличительной черты классовой принадлежности. С другой стороны, актуализировались поиски новых оснований для нравственной санкции богатства, легитимации бережливости, трудолюбия, рациональности и разумности, поскольку старые формы их легитимации в культуре теряли свою значимость. В трудах таких мыслителей Возрождения, как Т. Мор, Э. Роттердамский, Т. Кампанелла, бережливость и трудолюбие легитимизуются как социально и культурно значимые качества, поскольку они есть результат «здравого смысла», трактуемого как согласующиеся с «законами природы». Именно «законы природы» становятся критерием значимости тех или иных нравственных качеств человека.

В целом, человек в философском дискурсе всегда позиционировался как незавершенное явление, а значит, внутренне противоречивое и постоянно становящееся. Становление и переосмысление ценностных доминант человека в новых культурных реалиях, представляет собой, таким образом, закономерный процесс. Поэтому в самой человеческой природе заключается значительный потенциал для позитивных ценностных трансформаций. Думается, что и трудолюбие, и бережливость, и разумность не потеряют своей значимости и займут достойное место в трансформирующейся системе ценностей современной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999. – 783 с.

2. Кампанелла Томмазо. Город Солнца. М., 1959.

3. Мор Томас. Утопия. М., 1953. - 302 с.

4. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987. - 528 с.

5. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. – 492 с.

6. Роттердамский Эразм. Похвала Глупости. М., 1991.- 464 с.

7. Hendry J. Between Enterprise and Ethics. Business and Management in a Bimoral Society. Oxford, 2004. - 330 s.

ШОПЕНГАУЭР: ОПЫТ-ТЕКСТ

Коротков Д.М.,
кандидат философских наук, старший преподаватель,
кафедра истории зарубежной философии,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: Шопенгауэр, характер, этика, ничто, материя, воля
Key words: Schopenhauer, character, ethics, nothing, matter, will

Аннотация. Идя путем теневых дефиниций Шопенгауэра, автор пытается разобраться в вопросе о том, какое значение философ придавал акту чтения-понимания его главной работы. Последняя понимается, таким образом, не как проект мысли, но как испытание, настраивающее мысль.

Following shadow definitions of Schopenhauer, the author tries to make clear the Schopenhauer's understanding of reading-comprehension act of his main work. The latter is understood therefore not as project of a thought, but as an ordeal that tunes a thought.

Поскольку теперь мы подошли к тому, что привычно называют практической философией, - пишет Шопенгауэр в начале IV книги своей главной работы, - то нам тут сразу нужно бы оговориться, сказав, что никакой практической философии вообще-то нет, а есть только теоретическая философия, с которой мы и имеем постоянно дело. Это потому, продолжает он, что философии просто бессмысленно быть практической, т.е. кому-то что-то предписывать, руководить поведением или пытаться изменить характер. Есть только то, что есть, и, в этом смысле, наше дело «размышлять и изучать» и доводить до отчетливости разума то, что смутно понимает чувство. Не нужно ничему ни наставлять, ни учить. Эта мысль повторяется несколько раз и создает тем самым впечатление нередких у Шопенгауэра эмоциональных фигур, отстраняющих его от других авторов его времени, которые, в его глазах, не переставая, чему-то учили своего читателя.

Но, конечно, это не совсем так. Не совсем так, даже если брать эту поверхностную задачу не учить и потому не быть как все, поскольку именно здесь Шопенгауэр как нельзя более всего походит на того мыслителя, известное противостояние которому было одним из движителей его собственной мысли: Гегель тоже никого ничему не учил. Но его «Феноменология духа» представляет собой совершенно то же, на что нацеливается Шопенгауэр: это не то, что нас учит, привходя в нас внешним корпусом знаний, но то, что должно составить наш опыт, преображая нас изнутри таким образом, чтобы из этого «нутри» пустой или романтизированной повседневности мы, наконец-то, вышли в открытость подлинного мира как он есть вместе с нами. Более того, если не принимать в серьезный расчет задачу обозначения в мире своей уникальности, то план «ничему не учить» очень скоро натыкается и на текстологические препятствия, где Шопенгауэр открыто говорит об изменениях, которые могли бы с нами начать происходить, если мы внимательно пойдем по тропе познания, которую он перед нами открывает. Это видно, например, когда сказав об эмпирическом и умопостигаемом характерах, он переходит к описанию приобретенного характера, т.е., по сути, к практикам себя. Все представлено теперь таким образом, что эмпирический характер, а именно, тот самый слабовольный бесхарактерный характер, – что в результате познания мира, в результате хождения указанной тропой познания, что он может быть снят или замещен характером приобретенным, представляющим собой как бы прочный как железо внутренний стержень этического человека, не подверженного колебаниям неустойчивого внешнего мира. То есть, изменения четко видны как предполагаемые. И, наконец, можно и о том сказать, что они вовсе тут не смотрятся как нечто случайное или меркнущее на фоне печальной истины мира, которая открывается читателю на каждой странице. Они есть средоточие и цель самой работы, понимание которой, мы повторимся, представляет собой опыт сознания или, по-другому, опыт мира как себя самого, где этот опыт мира есть открытие себя как мира и мира как себя, преображение, которое еще непонятно, коснется ли нашего духовного космоса только, либо самой нашей плоти, когда, поняв себя таким образом, мы окажемся не в собственном теле, или, лучше сказать, не собственным телом, но телом Вселенной, чьи объекты станут незримыми органами возникшего так организма.

Это последнее – не случайное предчувствие. Для начала отметим, что именно так, организмом, Шопенгауэр называет свой главный труд [2, с. 39]. Номинация, которая носит не орнаментальный характер всего лишь, но говорит именно то, что хочет сказать. А именно, что, поскольку это труд буквально, то, будучи трудом, он естественно является и организмом, поскольку труду им свойственно быть, поскольку ведь в своем исходном значении, которое Шопенгауэр не то чтобы улавливает, но культурой которого он все еще живет, труд – εργόν – как раз и есть то, что делается организмом в ходе своего осуществления. Причем не так, разумеется, что результат труда, представляющий собой нечто внешнее или, если угодно, отчужденное, мог бы стать организмом. А так, что εργόν это такой труд, который, если даже и делает нечто себе внешнее, то делает он это не ради этого внешнего, а ради того только, чтобы само это производство поэтизировало своей энергией деятеля, собравшегося в нечто для себя новое самим ходом труда. Это, иначе говоря, труд без принуждения извне и, в этом смысле, труд как живая субстанция, развертывающаяся там, где ей самой показалось удобным развернуться, и организующая это подошедшее ей место как свою собственную точку.

Неспроста и точка. Шопенгауэр, это правда, редко говорит о точках, и в этих редких примерах не то чтобы лучше всего выражалась суть его мысли. Чаще всего эти примеры случайны. Но случайны они все-таки только в качестве плана выражения. То есть, если покопаться в более привычных Шопенгауэру терминах и посмотреть, не соответствует ли что-то из его понятий тому, что можно было бы перевести как точку, то очень скоро мы найдем, что не-

что такое, безусловно, есть. Это опять организм или его труд как организм. Его работа, труд – это и есть точка. Это понятно сразу же, в самом начале, в первом предисловии к его труду, в первом параграфе этого предисловия, где Шопенгауэр пишет о том, как читать его книгу. Когда вы ее будете читать, говорит он, вы должны понимать, что то, что она должна сообщить, заключается в одной единственной мысли. Позволим себе, кстати, заметить, что точно также начинается и «Феноменология духа» Гегеля: все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как субстанцию только, но равным образом и как субъект, пишет Гегель. Все дело только в этом –выразить одну мысль. Это – дело и труд. Это одна мысль и одно дело. И в этой дело-мысли, конечно, слышится еще и Фихте, но также общая тоска эпохи, ищущей абсолютного Я, которое бы было предельным началом или совершенной точкой, точкой и тотальностью одновременно, монадой, которая есть мир.

Идем дальше и видим другие слова геометрии, начинающие теперь бросаться в глаза. Что представляет собой упомянутый нами ранее эмпирический характер, т. е. такой характер, когда мы без конца отдаемся своим желаниям? Известно, что – это «лишь раскрытие характера умопостигаемого» [2, с. 284]. А если в образах, то своим раскрытием он «опишет все-таки не прямую, а волнистую, неровную линию» [2, с. 292]. Почему? – да потому что его носитель просто не знает сам себя. А не зная себя, своих сил, возможностей, способностей и проч., он будет кидаться на все подряд, думая, что все может. А потом он будет отступать, столкнувшись с тем, что ему не по силам и т. д. Короче, он не знает своих границ, его кривит туда-сюда. Итак, точка, неровная линия и граница – это словарь этической геометрии Шопенгауэра, хотя бы на этом его статьи и заканчивались. Но этого уже достаточно, поскольку мы поняли, к чему тут клонят. Тут ведь мало сказать, что если мы пойдем тропой этой книги, то бесхарактерный эмпирический характер должен будет смениться характером приобретенным, т. е. собственно характером. Мало, потому что это должен едва ли что-то изменит. Это просто слово или, пускай, даже мысль, но это всего лишь порядок иллюзии, который внутри себя и своими средствами ничего по существу изменить не может. Именно поэтому и не нужно никого учить. То есть, суть возможных тут изменений не в словах и не в благих мыслях, но в чем-то другом, и мы пока что просто предположим, что лежит она где-то в области самой по себе геометрии, следы которой докатились и до нас, и в данном случае благодаря Шопенгауэру, а именно, в древней космоустроительной геометрии, подспудно лежащей во всем том, что в нашем случае оказалось сказанным в его книге.

В этом смысле, если и сегодня еще возникает вопрос о том, как же все-таки и, несмотря на все сказанное и пересказанное, и перечитанное, перейти от ситуации, когда характера у человека просто нет, к проявлению в нем вдруг некоего его подобия, или, еще точнее, откуда взять самое трудное, а именно, силы или хотя бы просто желание на первотолчок к этому переходу, то, надо сказать, что Шопенгауэр прямо нам на него не ответит. Сказано будет нечто похожее, но, все-таки, не то. Если мы обратимся к 24-му абзацу 55 параграфа «Мира как воли представления», мы это увидим. Там написано: чтобы обрести характер, – познай себя. Если буквально, то приобретенный характер «есть не что иное, как возможно совершенное познание собственной индивидуальности», или, тут же, что он есть как «отчетливое знание неизменных свойств нашего собственного эмпирического характера, знание степени и направления духовных и телесных сил, т. е. всех достоинств и слабостей собственной индивидуальности» [2, с. 293]. То есть, познай себя, а именно, бесстрашно обратись к тому, кто ты есть на самом деле, несмотря даже на возможное предчувствие, что ты слаб и так далее, – прими это и раз из раза делай только то, что тебе по рождению свойственно: «свое поведение, и без того необходимое в силу нашей индивидуальной природы, мы сознательно сводим теперь к ясным и всегда имеющимся у нас принципам, под руководством которых мы осуществляем его так обдуманно, как если бы оно было заученным» [2, с. 293]. Речь, стало быть, идет не только о самопознании, которое могло бы быть разве что как начало, а о практике поступка. Узнай – делай – и увидишь,– ты выпрямишься, станешь с характером. При этом не нужно бояться, что в хаосе нынешней расхлябанности ты больше открыт для мысли, которой проще влететь в расхлябанность, чем в ригидные схемы возникающего характера. Не нужно, поскольку мысль, так влетевшая, бессмысленна. Она та же иллюзия, что и любая мысль или слово или отдельная вещь без своего космоса. Смысл, если он вообще есть, есть только в воле-в-себе, линии проявления которой ты можешь узнать и неизменно практиковать. Линии, которые могут стать ясными линиями твоих поступков, но также ясными линиями твоей мысли, – не той, случайно влетевшей и не имеющей своего космоса, так сказать, павшей мысли. А той, которая выражает неизменную геометрию, составляющую твой характер.

Никто не спорит, что сказанное смотрится как нечто важное. Но будем честны, Шопенгауэр, все-таки, не отвечает на наш вопрос. Он говорит близкое, но не то. Он говорит о практиках себя, но не о том, как перейти к этим практикам, не о том, как сделать так, чтобы появились силы, чтобы вновь пришедший увидел в них тот необходимый объем, достаточный ему, чтобы себя впервые преодолеть. Шопенгауэр не случайно поэтому не раз упоминается М. Фуко среди тех мыслителей, кто в европейской мысли XIX века обращается к забытой теме заботы о себе, как она впервые была предъявлена Платоном, ярко проявилась в I-II веках нашей эры, а затем исчезла [1, с. 43, 277]. Обращается постольку, поскольку забота о себе, уйдя в тень самопознания, оставила нас один на один с пустотой мышления, оторванного от мира, и которое не дает ничего, кроме внешнего, ненаполненного и отчужденного «я», такого же никчемного характера, такого же тела, лица и т. д., короче, всякого рода внешности, за которой совершенно ничего не стоит. Не стоит, это правда, и Шопенгауэр ведь и видит мир как иллюзию, т. е., другими словами, как совершенное овнешнение или предельное отчуждение, и предлагает нам пройти сквозь эту видимость, видимость самих себя, прежде всего, чтобы обрести утраченную плотность или характер. Отсюда и практики себя, а именно, чтобы преодолеть, наполниться, стать не внешним. Но мы еще раз повторим, что нет ответа на вопрос о первом преодолении себя или о преодолении страха, будь он в форме бессилия, иронии или безразличия, – на вопрос о том, как не побояться того, что то, что сейчас в руках, тот наличный или, так сказать, первоначальный капитал сил, что всего этого подозрительного объема не хватит, чтобы действительно состояться в качестве характера.

Но такого, сюда входящего ответа и не будет, и мы сказали, что хотя бы просто потому что таким ответам сюда не войти ни словом, ни мыслью. Поэтому же нет и потайного хода обратно, который мог бы выглядеть как некий всем моментам момент, и который, если его долго читать и присматриваться, то сквозь него проступит нечто такое, от чего прямо волосы дыбом. Вместо этого, как мы знаем, есть повествовательная фактура, нередко нарушаемая эмоциональными вспышками автора, но, тем не менее, все-таки, ровная. Ни ретардаций, ни глубокомысленных цезур, ни нагнетаний, ни разрежений.

Но, с другой стороны, одна особенность этого текста все-таки смущает. А именно, что эта фактура, т.е. со всем своим повествовательным объемом, в котором чего только нет, представляет собой, мы сказали, и одну единую мысль, и организм, и точку. Это означает, что что-то не то происходило с начертанием этой точки, и что, следовательно, что-то не то должно происходить с ее распознаванием. Как минимум для той эпохи, не вконец еще избалованной стилистическими эффектами и совсем ими не избалованной, если речь шла о философии, т.е. о предельной строгости мышления, ясного в своем последовательном развитии от мысли к мысли, предъявление своего текста в качестве одной мысли, причем такой, которой нет как привычной нам мысли-о-чем-то, не могло быть заурядным обстоятельством.

Это, действительно, не совсем обычно. И это же представляет собой один из тех существенных моментов, из-за которых перед нами все еще стоит вопрос о том, куда нам причислять Шопенгауэра: это классическая или неклассическая философия? – нам, вроде бы, неважно совершенно. Но это видимость неважности, поскольку ведь только внутри этого вопроса мы начинаем понимать, каков был опыт мысли автора и, соответственно, какой именно опыт ему казалось возможным передать нам как живой опыт. Что мы видим, прежде всего? Для начала, что то, что здесь есть, есть как нелинейное мышление, и что, следовательно, нет никакого доверия ко всей этой солярной мифологии истины, расположенной внутри повсеместно распространенной линейной мысли классической эпохи: «само содержание не допускает прямолинейного хода мысли» [2, с. 278], пишет Шопенгауэр. Иными словами, перед нами организм или точка, не предполагающая исхождения из нее ничего такого, что было бы как лучи расходящейся истины. Дальше, если еще раз обратиться к тому, что Шопенгауэр говорит о том, как читать эту книгу, то проступят контуры внутреннего этой точки: книгу нужно читать два раза [2, с. 39], и первый раз внимательнее, чем второй, а именно, с тем, чтобы с первого же раза получилось запомнить ее содержание. Не то чтобы слово в слово, но так, чтобы читая ее второй раз, можно было бы то, что только что прочиталось, сразу же связать с любой ее другой частью, которая в памяти с прошлого раза [2, с. 278]. Как связать? Так, что от одного сюжета можно сходу перейти к любому другому, причем буквально, что к любому другому, т.е. не нужно искать в памяти, какой из них выбрать, чтобы был ближе по смыслу. Как перейти? – и здесь нам нужно быть точнее, поскольку выясняется, что нет, на деле, никаких ни переходов, ни движения от одного к другому, как это предполагается при линейном чтении, разворачивающемся в плане «раз так, то значит так». Все по-другому. Совершенно любой сюжет предполагает любой другой и как бы утопает в этом другом. Или так, что один из них, который только что прочитан и засветился пониманием, что он может тут же раствориться в том, который стоит у него за спиной некой темной фигурой, как и тот, который есть как темная фигура, может тут же утонуть в первом, во втором и в третьем, и в каком угодно. Суть в том, что все эти части или сюжеты равны, несмотря на видимое для нас различие языка и мысли, в них выраженных. Это одно и то же, и, стало быть, точка, о которой идет речь, не имеет внутренних контуров, или так, что проступив, они сразу же исчезли.

Возьмем два примера. «В 1833 году все газеты сообщили, что английский историк, д-р Лингард в январе в Дувре нарочно уморил себя голодом; по дальнейшим сведениям, это оказался не он сам, а его родственник» [2, с. 370]. Этот пример – за спиной. Теперь, который засветился: «Когда я брожу в раздумьи, – Шопенгауэр цитирует Петрарку, – мною овладевает такая сильная жалость к самому себе, что я рыдаю, а это вовсе не в моем характере» [2, с. 351]. Итак, вторым примером нам, среди прочего, сказано, что у Петрарки есть тот самый характер, о котором мы уже говорили, – приобретенный характер. Это, стало быть, не человек, которого по пустякам будет кидать из стороны в сторону. Но, тем не менее, он отдался чувствам, что можно понять и так, что он не выдержал, провалился в слабость или бесхарактерность. Но это не тот случай. Действительно, в том, что мы читаем, скорее, угадывается, что Петрарка, человек с характером, т. е. знающий себя, свои силы, способности и т. д., знающий, потому что все о них понял в какой-то момент жизни, не останавливается на практике способностей, которые он понял, но его понимание расширяется за эти пределы, выходит за границы его этического «я» или его характера и движется в сторону мира как такового. Жалость к себе выступает здесь, следовательно, как познание мира как себя и себя как мира. Таким образом, это не жалость к себе или так, что, пускай, это она, – но ее нужно относить не к Петрарке, а к самому по себе миру, предъявившему себя в своем гении, а именно в Петрарке. Это жалость к себе самого мира – одновременно жалость и плач.

Второй пример – родственник д-ра Лингарда уморил себя голодом. Более чем странный на сегодняшний день пример, но речь тут, видимо, идет о том, что этот родственник, действительно, некогда жил, имел свое тело, лицо и глаза, свою кожу, морщины, к которым он привык, свой запах, привычки, работу, семью и т. д. И вот, – предположим и это, – что в какой-то момент, когда он шел по улице, рассматривая свои башмаки, или, может быть, лежал или стоял или ел, ему вдруг пришло в голову, что в мире все не так. Его осенило познание, то самое, которое обращается на себя, потом на мир, и которое довело Петрарку до слез. В данном случае, однако, мы видим нечто большее, чем случай Петрарки, который слился с подноготной плачущего мира. Нечто большее, потому что в данном случае ни воления, ни недостатка, ни страдания как раз нет, или, по крайней мере, именно так это понимает Шопенгауэр. Уморил себя голодом, таким образом, это не специально, в смысле, что не ел, но хотел. Это – не хотел есть до такой степени, что забыл, что такая необходимость или хотя бы просто возможность существует. Нет самой воли. Познание зашло далеко за ту границу, где остался Петрарка, и сняло саму волю. И это не самоубийство, специально отмечает Шопенгауэр, поскольку здесь нет такого, что хочется

слишком много, а его нет и никогда не будет, поэтому и жить не стоит. Это именно не-воление. Познание настолько глубокое, – а на самом деле, глубже просто некуда, – что оно само себя снимает и остается не размеченная миром плоть, представляющая собой нечто более фундаментальное, чем даже плоть «зоологической» природы. Это даже не цветок, который тянется к Солнцу. Это ничего никуда не тянется, но пребывает равной себе материей. Редкий случай, под вопросом, возможный ли на самом деле, и Шопенгауэр хоть и оставляет его как нормальный, тем не менее, окружает его размышлением о безумии.

Итак, два примера, с которыми одно и то же. Внешне они о разном, но план содержания в данном случае не важен, поскольку любой пример, любой факт или любая вещь мира, демонстрирует нам, если присмотреться, одну и ту же мысль. И это не о том, что мир есть воля и представление. Это вообще не о чем-то, поскольку о чем-то всегда линейно. Это не о чем-то, а что-то. Это одна истина, одна мысль, один труд и один организм, который, однако, не так сделан, что как бы составлен из идущих по тексту полумыслей, примеров, сюжетов. А так, что нет никаких полумыслей, но если внимательнее следить за тем, что происходит, когда глаза бегут по словам, бегут линейно, вперед, к концу абзаца, страницы, параграфа, главы или книги, если следить за тем, как происходящее при этом колыхание мысли, дробящейся всеми этими графическими неудобствами, нам откровенно предъявляет наличие одной и той же энергии, различимой только своими степенями, привычно оформляемыми нами различимыми друг от друга мыслями, – если следить за всем этим, то самому этому слежению будет уже не до мыслей или полумыслей, но оно само себя найдет как эту указанную энергию и станет дорогой или отступанием от мира, где сама эта дорога-отступание и есть то дело, труд или εργόν, который нам тут представлен, – та самая энергия-мысль, составляющая единственное содержание книги.

Текст Шопенгауэра поэтому читается совершенно не так, как это обычно нами делается. Мы об этом не думаем, поскольку Шопенгауэр, действительно, не так очевиден в своем стремлении переорганизовать наше внимание силами самого по себе текста. Это не Ницше, на фоне которого стилистика Шопенгауэра смотрится наивно. Но откуда это у Ницше? А выходит так, что ницшевская мысль движется именно тем способом, как ее организует текст Шопенгауэра, – не линейно, но отступающим от мира движением, не предполагающим линейного письма. Поэтому если мы хотим сказать, что Ницше «преодолевает» Шопенгауэра, то речь в этом случае должна идти не о том, что он преодолевает его в смысле обнаружения каких-то новых содержаний, а о том, что идя шопенгауэровским путем-отступанием, он оставил Шопенгауэра позади себя. Захваченный этим отступанием, он вовлекался туда, куда оно его вело, а именно, буквально в не-воление или в Ничто мира, как оно обозначается Шопенгауэром, в то самое Ничто, в котором для Шопенгауэра заканчивается классический мир света и истины, – но в котором не могло быть ничего иного, кроме «нового начинания» и подлинной воли, что демонстрирует нам Ницше.

Есть еще один аспект, который нельзя не принимать в расчет. Этот текст, мы сказали, нужно читать по-другому, но нельзя забывать, что его нужно читать дважды. Это не случайно, что дважды, что не трижды, хотя ведь третье и последующие прочтения принесли бы, наверно, еще более глубокое понимание. Дважды. Так, что есть первое прочтение, внимательное, такое, после которого вся мысль уже собралась в ожидание, – не в ожидание содержаний, которые теперь удобно будут одно к другому прилаживаться, – а в ожидание как фундаментальный настрой, в просто ожидание, в разомкнутое замирание, – и есть второе прочтение, когда ожидание дождалось, и есть встреча или пересечение памяти и только что прочитанного. Пересечение прошлого и настоящего, где настоящее напоминает ожидающее его прошлое, выводит его из тени и так наполняется. Таким образом, этим странным и, вроде бы, пустым требованием «читать дважды» Шопенгауэр так организует наше внимание, чтобы оно снова научилось быть припоминающим вниманием, мышлением, которое в пределе есть всегда припоминание, поскольку не куда угодно разворачивается, но идет забытой и одновременно знакомой дорогой, где то, что она знакома, удостоверяется нахождением мыслью самой себя, что схватывается в нас моментами прояснения души, тем самым самопознанием, необходимым для обретения ясной внутренней геометрии или характера.

В этом смысле, Шопенгауэр остается верен тому, что он пишет. Ни при чем тут родственник д-ра Лингарда, ни Петрарка, ни другие примеры, ни его собственные размышления, ни путь в Ничто, который можно вычитать из его книги, когда перед нами один за другим проходят опыт обыденного сознания и эстетический опыт, опыт этический и аскетический. Это можно писать, а можно не писать, поскольку все это, в конце концов, иллюзия, поскольку все содержательное или, скажем иначе, видимое – внутренним или внешним взором, это без разницы, – иллюзия. И само негодование Шопенгауэра, когда он говорит о непонимающих его или о тех, кто думает иначе, относится не к столько к содержательному плану, сколько к отсутствию самого настроя у этих непонимающих, к расхлябанности и отсутствию правильности мышления, которое, если его настроить на свой собственный лад, если надлежащим образом его запустить, если дать ему быть самим собой и не пользоваться им то так, то эдак ради иллюзорных целей, то оставшись собой и нами невостребованное, оно свернется в себя, т. е. сделает именно то, о чем пишет Шопенгауэр. Причем свернется так, что пойдет именно той дорогой, которую тут можно вычитать, но о которой можно было умолчать, поскольку все равно свернется так, а не иначе. Ведь ясно, что запущенное, сдвинутое с места или как бы вытолкнутое из обыденности, оно пойдет только туда, где оно будет находить себя. Оно пойдет путем геометрии, но не мистической геометрии древности, а той, что перед нами геометрии, вроде геометрии улиц или города, ближайших лиц или знакомых тел и так далее, т.е. очертаний того каждодневного обстояния, которое составляет необдуманный обыденный опыт, а если быть ближе к Шопенгауэру, то линиями того эстетического континуума, которым окружен человек его времени, забывший, что то, чем он окружен, – архитектура, парки, скульптура и так далее, – что все это творения гения, что это мудрые линии, которые мы разучились видеть. Оно пойдет, стало быть, путем, который оно уже видело, но видело слепо или бессознательно, а теперь начинает видеть ясно и отчетливо.

Оно пойдет сюда и перейдет, тем самым, от обыденного к эстетическому опыту мира, который не есть нечто сразу же раз навсегда сделанное, но предполагает, вероятно, внутри себя множество переходов от одного взгляда к другому, возвращения и отказы от принятого, разрывы связей и новые лица, короче, все эти подгонки и наладки различных узлов, – и так до момента, пока оно не поймет, что окончательной четкости или остановки здесь никогда не будет, и что все эти подгонки и наладки, что они просто бессмысленно ширят состоявшуюся уже, вроде бы, точку – точку, которая выйдет, в конце концов, из себя ненавистью к опустелому миру этих мудрых линий и столкнется с законом, в противоборстве с которым она раскроется этическим опытом или как бы другой точкой.

Таким образом, эстетический опыт заканчивается, и проявляется опыт этический, который есть также опыт государства и правосудия и предполагает собой нечто совершенно иное, чем можно было бы подумать. Это не опыт заученного закона, не механическое знание внутреннего государственных институций, но такое знание, которое возникает через противостояние закону и его неприятие. Это странно, с одной стороны, поскольку сама идея нарушения закона никак не вяжется ни с характером, ни с общественным положением, ни с воспитанием Шопенгауэра. Но с другой стороны, именно потому и не вяжется, поскольку характер в случае Шопенгауэра, как он сам о себе не раз говорит, уже есть, и не требуется его производство, возможное только через нарушение закона. По сути же тут так, что столкновение с законом наполняет этот последний единичной страстью, которая не понимает, в свою очередь, что через это самое нарушение в нее заползли уже угрызения совести или, иначе говоря, сам закон, печатающийся теперь на кривых линиях ее преступных желаний. Вся суть, в конечном счете, только в этом: сколько страсти, – столько наказания, а сколько принятого наказания, т.е. такого, против которого больше не восстает страсть, т.е. принятых и осмысленных угрызений совести, т.е. принятого мира, как он есть, – настолько сильный характер, представляющий собой, стало быть, не маску строгости, одетую зачем-то на лицо, а принятый мир, который отпечатался на лице своей болью.

Итак, можно отметить, что только здесь и можно состояться в качестве характера, – не на уютной геометрии родной улицы и знакомых лиц, но в риске и броске в мир, в котором будь, что будет, и где предполагается в качестве исхода о-своение так или иначе организованной территории, принятие государства как себя, а себя как государства, где последнее есть как моя формальная граница, а право – как внутренняя геометрия возникающего так характера. Это можно отметить, и это важно, что и у Шопенгауэра есть этот популярный момент о нарушении и насилии как условиях становления. Но нам еще важнее увидеть, как работает в данном случае мышление само по себе, т. е. без его сужения к психологическим обстоятельствам риска. А именно, коль скоро мы сказали, что оно настроено Шопенгауэром на то, чтобы открыться в качестве припоминания; если оно заведено таким образом и вброшено в какое-то движение; если оно уже прошлось по геометрии своего ближайшего обстояния, то теперь, вероятно, стоит признать, что по сути ничего не должно измениться и в этом новом, по виду, опыте: и мышление, ведь, действительно, все также припоминает и узнает себя, поскольку узнает здесь закон, который раньше не замечало. Не тот закон, который как на небе закон или как хтоническая жуть древнего права, но как здесь и сейчас наличный закон, закон государства, который не хотелось принимать высокомерию эстетика или рассеянности и глупости обывателя. Закон, который, в этом смысле, до сих пор был бессознательной манифестацией воли, а теперь о-своен и как бы втерт характером в бывшую тут безвольную страсть. Закон, который есть теперь само мышление приобретенного таким образом характера, то политическое или полисное, если угодно, мышление, не волнуемое никакими несобственными помыслами, не берущееся за то, потом за это, а потом отступающее, но мышление, верное своим силам и своим способностям, поскольку оно их теперь знает.

Но есть проблема, которая опять возвращается. Как и тогда, когда мышление не могло до конца успокоиться в своей ближайшей геометрии и состояться в ней равной себе и ладной точкой собственной локальной красоты; как и тогда, когда пересмотрев все формы красоты и, не на чем не остановившись, оно вырвалось вовне, также здесь оно интуитивно чувствует нечто большее самого себя и выходит за свои пределы. Мы уже это видели, когда рассматривали случай Петрарки.

Действительно, поскольку мышление еще не чисто́, поскольку мы всегда смешиваем результаты мышления и само мышление, которое не может иметь никаких результатов вне нас и само по себе, то для начала складывается впечатление, что этический характер, сделанный этим мышлением, сделанный болью принятого в себя мышления или самой объективности, что он есть как бы предел и совершенство мышления, развернутого здесь, наконец-то, финальным синтезом государства и человека, разума и веры, неба и земли и т. д. В каком-то смысле, это и на самом деле так: этический человек это человек совершенный. Это совершенное совпадение формы и мысли, мысли и внешних черт, внутренней и внешней геометрии, речи и мысли, мысли и закона, тела и места, мысли и места и так далее. Но проблема все-таки в том, что если не забывать удерживать мышление так, как его выстроил Шопенгауэр, не сбрасываясь в его содержательные модусы, если удерживать мышление мышлением, не полагая его творения чем-то окончательным, а отпустить его в его собственную деятельность, то оно пойдет туда, где оно видит себя, а не нас. Оно пойдет припоминанием, припоминая, что помимо закона этой территории и этого времени, помимо всего этого временного правосудия, есть нечто такое, что оно едва помнит, но что выходит за пределы этой территории и этого времени. Оно с необходимостью придет к тому вечному правосудию, само чувство которого при одновременном созерцании ничтожности закона государства вызывало плач у Петрарки.

Это момент, когда этический характер разрывается расползающимся мышлением, и само оно, ширясь, организует последнюю видимую нами точку, которую Шопенгауэр однажды называет благородным характером [2, с. 365]. Человек, затянутый сюда мышлением, – Христос, ботхисаттвы, шраманы, отчасти Петрарка – это не собственно человек, но, скорее, как последняя граница видимости или космоу-

строительной геометрии. Это граница или как последний опыт, недоступный самому Шопенгауэру, в чем он открыто признается [2, с. 365], но опыт, все-таки, возможный ввиду наличия исторических тому подтверждений, как равно, – и что еще важнее, – в виду необходимости самого хода мышления, которое невозможно удержать нижними границами, какими бы широкими они не были, и которое уходит от этих границ, сворачиваясь для нас и разворачиваясь для себя, идя к своему собственному помимо нас опыту. В этом смысле, не потому человек ищет вечного правосудия, что он хорош, – человек чаще у Шопенгауэра плох, – а потому что само по себе мышление ищет свой собственный закон, единую сетку закона, встроенного как-то в тотальность Вселенной. Закона, который можно предчувствовать, сравнивая с ним этот наш нижний закон, – плача и сострадая всему миру в целом, – опять же Христос, ботхисаттвы, Петрарка, – но в котором можно развоплотиться, позволив усталому от нас мышлению вернуться туда, откуда оно само родом,– отчасти Ницше, отчасти родственник д-ра Лингарда – а именно, по ту сторону представления и воли.

Что это или что здесь? Это ведь не то чтобы простой вопрос. Но если мы возьмем самый известный пассаж из «Мира как воли и представления», тот самый, где Шопенгауэр говорит о том, что мир начинается первым раскрывшимся глазом, то что-то об этом опыте можно будет предположить даже извне. Буквально сказано следующее:

«И все же от этого первого раскрывшегося глаза, хотя бы он принадлежал насекомому, зависит бытие всего мира, как от необходимого посредника знания, – знания, для которого и в котором мир только и существует и без которого его нельзя даже помыслить, ибо он всецело есть представление и в качестве такового нуждается в познающем субъекте как носителе своего бытия. Даже самый этот долгий период времени, наполненный бесчисленными превращениями, через которые материя восходила от формы к форме, пока, наконец, не возникло первое познающее животное, – даже это самое долгое время мыслимо лишь в тождестве такого сознания, чей ряд представлений, чья форма познания и есть оно, время, и вне них оно теряет всякое значение, обращается в ничто» [2, с. 76].

Итак, речь идет, в том числе, о материи, которая, как это видно по тексту, каким-то образом есть до первого раскрывшегося глаза.

Вообще, понятно, что когда мы говорим о материи в том смысле, как ее понимает Шопенгауэр, то мы особо не задумываемся, потому что хорошо известно, что материя у него это причинность. Шопенгауэр посвящает этому вопросу весь четвертый параграф своей главной книги, где это обстоятельно разъясняется и несколько раз повторяется. Материя это причинность. Но это, однако, только отчасти так. На самом деле, в тексте угадываются два вида причинности и, соответственно, два вида материи. Есть та причинность, о которой нам в лоб говорит Шопенгауэр, а именно, та самая, лучше всего нам известная, та, в которой вещи нам представляются, в какой они падают и звучат падением, ударяют и приносят боль, касаются – приносят удовольствие, т. е. есть сама собой понятная причинность, причинность, так сказать, плоскостная или синхронная, формирующая поле представления. Но есть причинность, которая, напротив, вытягивает мышление из поля представления и тянет его внутрь себя, т. е. причинность, так сказать, диахронная. Итак, две причинности. Что касается материи, то два типа ее существования устанавливаются совершенно также: есть материя, о которой Шопенгауэр говорит, и есть материя, о которой он не говорит, но которой не может не быть, если иметь в виду его замысел. Первый случай это материя плоскости или мира представления, – это та же тяжесть, звук падения, ощущения приятного и неприятного, причинно сменяющие друг друга, т. е. материя здесь представляет причинность, и одновременно это она и есть. Что касается второго случая, то здесь с материей сложнее, поскольку уже здесь, в этом отдельном случае, она также предстает как бы в двух формах, а еще точнее будет сказать, что как форма и как расформированность или как развоплощенность. Действительно, материя тут есть и как то, что представляется как другая сторона тянущейся отсюда причинности, т. е. как сама энергия влечения, оформленная диахронной причинностью. Но она же с необходимостью должна выявиться и в конце этого движения как нечто такое, что по ту сторону движения и формы. Материя, стало быть, есть в этом случае и как движение, и как пребывание на исходе влечения и вне его причинности. И, в этом смысле, материя и причинность это не совсем одно и то же. Это не одно и то же, потому уже, что мы видим, что материя есть и по ту сторону движения и, стало быть, по ту сторону причинности, причем всякой причинности, какой бы тяжелой она нам не казалась. Она есть, мы сказали, как ее исход и развоплощение; она начинается там, где причинность заканчивается. Но заканчивается причинность не так, что как бы вдруг останавливается, а так, что предельно разворачивается по шару Вселенной и развоплощается в ней как в беспричинной материи, что значит, что мышление, которое всегда причинно, которое и есть причинность или как сетка причинности, что оно возвращается к тому, что оно помнит как свой первейший исток, как то, к чему оно всегда возвращалось, и что есть как Ничто всегда причинного мышления, – как Ничто мышления, поскольку нет никакого его содержания, поскольку мышление не пользуется здесь как ни попадя материей, чтобы стать содержательным, но потому что, напротив, материя живет здесь не знающим себя мышлением, которое ни от чего не отражается.

Таким образом, если мы говорим о Ничто, которое есть у Шопенгауэра как начало и завершение всего предъявленного им движения, то нам не нужно ломать голову, представляя непредставимое. Ничто это ничто мышления и, в этом смысле, нам его не представить, поскольку здесь нет геометрии представления, которая ушла в себя, развернувшись тотальностью материи. Более того, вполне логично предположить, что тут нет и воли, поскольку никакая воля тут не выскребает из материи желательные ей в представлении содержания. Мир еще не начался или уже закончился. Нет первого познающего глаза, хоть бы это был глаз насекомого.

Но это все-таки не значит, мы сказали, что ничего вообще нельзя предположить о том, что здесь есть, ведь существуют те последние границы, с которых видно, в чем может развоплотиться созерцающий: поскольку его взгляд уже прошел по всей геометрии мира, вбирая ее в себя тяжелым познанием; поскольку не осталась ни невовлечен-

ной в себя видимости, ни понятийных структур, видимых его умному взору, то остается только одно, куда его может вовлечь захватившее его влечение: само целое, которое он только что видел, полное тело Вселенной, чьи только что виденные объекты суть теперь неразличимые органы так возникшего организма, т.е. точки и тотальности одновременно: «в этом и состоит праджнапарамита буддистов, «по ту сторону всякого познания» [2, с. 378], т. е. точка, где нет больше субъекта и объекта», пишет Шопенгауэр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб. 2007
2. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М. 1992.

РАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ В ПРАВОСЛАВНОЙ ИКОНЕ «ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ»

Кузнецова О.Н.,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных наук,
Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина

Ключевые слова: иконопись, канон, богословие, преображение, рационализм, метафизика, символ, понимание
Key words: an icon, a canon, divinity, transformation, rationalism, metaphysics, a symbol, understanding

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения рационального и метафизического в православной иконописи, рассматриваемой на примере иконы «Преображение Господне». В связи с этим в работе актуализированы проблема понимания и проблема метода в исследовании иррациональных аспектов искусства. Данную статью следует рассматривать в контексте общей мировоззренческой проблематики художественного творчества.

Article is devoted a problem of a parity rational and metaphysical in art to the orthodox icon considered on an example of an icon «Transformation of the God». In this connection in work the problem of understanding and a method problem in research of irrational aspects of art is staticized. Given article should be considered in a context of the general world outlook problematics of art creativity.

Эта статья является, в известной степени, продолжением исследования мировоззренческих проблем религиозного искусства, нашедших отражение в предыдущих работах автора, опубликованных ранее в данном журнале и требующих на себя ссылок [1]. Продолжая размышлять о философских аспектах церковного искусства, с необходимостью актуализируем тезис о том, что в русской и православной иконописи в целом нашла свое воплощение исихастская концепция о Боге непознаваемом в своей сущности, но проявляющем эту сущность в светоносной благодати Христа и тех, кто при жизни сподобился стяжать божественную энергию Света. Известный богослов и основоположник теории исихазма Григорий Палама в своем учении проводит главную мысль о том, что Иисус Христос есть Свет, который изливается в наш мир как непостижимое и несказанное – «неизреченное сияние». По возможности в доступной для человека форме этот Божественный Свет был показан Христом своим ближайшим ученикам на горе Фавор, когда он взял с собой Петра, Иакова, Иоанна «…на гору высокую одних и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет. И вот, явился им Моисей и Илия, с Ним беседующие» [2, Мф. XVII, 1- 3]. Отсюда – Фаворский Свет Преображения: не чувственный, не тварный, поэтому осиянные им апостолы оказались причастными ему не на чувственном уровне, а на сверхчувственном, где человеческого зрения недостаточно. По этой причине явление невыразимого Света во всей его полноте не могло быть увидено очами физическими. Потому-то и представлено оно было апостолам для восприятия «очами духовными», в переживании его как явления метафизического, неземного, вызывающего в человеке сложные чувства: и восторга, и ужаса, и чего-то еще, чему мы смертные не можем подыскать название.

Поскольку система мировоззренческих смыслов как духовных ценностей в восточной форме христианства формировалась под влиянием идей исихазма, то категория Света в православии, в целом, и в иконописи, в частности, приобретает первостепенное значение, заглавный смысл. В связи с этим, для всех истинных иконописцев прошлого и настоящего всегда актуальна трудноразрешимая проблема: выразить невыразимое; изобразить «неизреченное сияние» Христа в иконе церковного праздничного чина «Преображение Господне».

Безусловно, в иконописи, история становления которой восходит к первообразам византийских мастеров, утвердился определенный иконографический канон, своеобразная изобразительная константа, представленная системой обязательных символов. Коснемся этого вопроса предельно эскизно, напомнив читателю то, о чем он, возможно, вполне осведомлен. В иконе «Преображение Господне» это горки, у подножия которых изображаются поверженные апостолы, на вершине – Христос в «просиявших одеждах» на фоне мандорлы (символ Преображения) с исходящими от нее лучами Света. Слева и справа от Спасителя изображаются образы пророков Ильи и Моисея. Число лучей также имеет символическое значение: три луча – Христос и два пророка; шесть – Христос, два пророка и три апостола, восемь лучей – Христос, два пророка, три апостола, Бог Отец и Бог Дух. Надо сказать, существуют и несколько иные трактовки символических значений числа лучей Божественного Света. Так, например, три луча – суть Божественная Троица.

Цвет в иконописи также несет в себе символическую нагрузку. Пурпурный или багряный цвет – цвет царя. Привилегией царей являлась возможность носить пурпурные одежды. Отсюда – известная «багряница», надетая на Христа в насмешку перед его казнью. Кроме того, в этот цвет часто бывают окрашены одежды иконных образов Богоматери как царицы Небесной. Красный – символ жертвенности и Воскресения Христа, а также божественной энергии – все того же Неизреченного Света. Красным небесным огнем канонически сияют на иконах крылья ангелов самого высшего, девятого чина – серафимов, которые пребывают у самого престола Господня. Синий (голубой) цвет – символ высшего, вечного мира. Синий цвет также утвердился в церковном искусстве как цвет Богоматери. Зеленый цвет – цвет надежды на будущее обновление жизни, Преображения мира, которое связывают со вторым пришествием Христа. Коричневый цвет – символ земли, праха, мира сего, временного и тленного, человеческой природы, подвластной смерти. Золотой цвет символизирует вечное сияние Царствия Небесного, Свет которого озарил гору Фавор в таинстве Преображения Господня, и часто выступает фоном в православных иконах. Белый цвет в иконописи есть сам Божественный Свет: «… одежды же Его сделались белыми как свет».

Черный цвет – достаточно многозначный символ в иконописи. Это и цвет смерти, пещеры или могилы, зияющей адской бездны. Однако в некоторых сюжетах, в частности,

в иконе «Преображение Господне» черный цвет часто выступает цветом тайны Божественного Света, умонепостигаемую природу которого символизирует мандорла, окрашенная именно в черный цвет или же в оттенки темно-синего и темно-зеленого. То есть, неоспоримая, привычная для глаза и ума полярность белого и черного цветов здесь нивелируется в их своеобразном тождестве «оксюморонного» порядка: так светло, что темно; так ярко, что для глаз человеческих становится черным. В учении отцов-исихастов, за Божественным Светом прочно закрепляется атрибут его безоговорочной непознаваемости разумом человека. Святитель Григорий Палама говорил о Божественном Свете как об «умонепостигаемом мраке», как о «беспросветной тьме». Поэтому неприступный Фаворский Свет действительно мог показаться апостолам яркой слепящей темнотой, усилившей эффект «Его просиявших белых одежд» и повергшей смертных ниц.

Здесь нельзя не признать то, что весь опыт описаний встречи человека с метафизическим, его экзистенциального переживания проявления Божественного в его высшей форме обнаруживает некоторое бессилие слова как универсального носителя информации. В связи с этим, обращает на себя внимание то, что в учении исихазма практика молитвенного молчания (исихия) является единственным путем приобщения человека к Божественному, которое является ему энергиями Фаворского Света, реакцией на который, согласно учению, должно быть опять же его безмолвное созерцание. Поэтому в исихазме вербальное воплощение основных теологических смыслов не является таким уж богатым, особенно в русском православии. Нельзя переоценить вклад в утверждение исихазма на почве русской православной культуры Сергиея Радонежского, Нила Сорского, Серафима Саровского, Паисия Величковского, старца Амвросия, но этот вклад слабо вербализирован в более чем скромных и немногочисленных письменных источниках.

То есть, в очередной раз мы акцентируем внимание на проблеме выражения невыразимого языковыми средствами. Вероятно, большинству людей знакомы краткие по времени душевные состояния, невыразимые словами. В рассматриваемых обстоятельствах эта проблема усугубляется принципиально иным уровнем переживания – переживанием высшего порядка, которое, по сути, является прозрением в созерцание горнего. Сложность, почти невозможность передачи всей глубины метафизики Божественного Света обнаруживает себя, как было уже отмечено выше, и в иконописи. Поэтому в иконописи выработался свой язык – система канонических изобразительных символов, которые являются носителями базовых теософских смыслов.

Для выявления степени семантического соответствия языка иконописных символов и передаваемой ими информации об иррациональной природе Божественного Света необходимо обратиться к известным и малоизвестным образам «Преображения Господня». Результаты сравнительного анализа, проведенного в отношении достаточно обширного ряда православных икон «Преображения Господня», находящихся в храмах, а также представленных музейными и частными коллекциями, позволяют сделать отдельные интересные, на наш взгляд, обобщения. Настолько, насколько позволяет жанр статьи, укажем на некоторые из них.

Возвращаясь к символике цвета в иконописи, и, прослеживая ее отраженность в конкретных иконах «Преображения Господня», мы констатируем ее достаточно широкую вариативность применительно к живописному воплощению самого Божественного Света. Мандорла может быть окрашена в холодный голубой цвет, она может быть бирюзовой, золотой или желтой, зеленой, красной, коричневой, темно-синей, черной и белой. То есть, спектральный выбор изографа в этом случае не регламентируется жестким предписанием канона, поскольку его, такого привычно жесткого, здесь просто нет. Эта ситуация объясняется задачей невероятной сложности, поставленной перед иконописцем: выразить «невыразимое» обычными природными изобразительными средствами. При этом цветовая привязанность к канону незыблемо исполняется, например, в изображении одежд Христа, – на фоне мандорлы любого цвета они остаются «белами как свет».

К сожалению, следует отметить, что даже свобода цветового предпочтения, имеющаяся у изографа при изображении Божественного Света в иконе «Преображение Господне» зачастую не решает задачу передачи эмоционального приближения к переживанию метафизической природы Божественного Света, поскольку надо признать, что условный язык иконописных символов предельно рационален. Икона изначально не задумывалась апостолами и отцами церкви Христовой как художественное произведение, икона – символический текст, призванный просвещать, назидать, напоминать. Однако у иконы кроме рациональной компоненты должна быть и иррациональная составляющая, иначе, строго говоря, икона не будет являться сама собой. Именно иррациональная или «надрациональная» составляющая православной иконы сообщает ей истинную духовность, понимаемую здесь как присутствие в ней Божественной Благодати.

Дело в том, что феномен иконописного творчества в христианстве традиционно связывается с идеей интуитивного божественного прозрения мастера, с неким метафизическим прорывом его подготовленного сознания в духовные высоты иного мира. Иными словами, человек стяжает Божественную Благодать, созерцая тот самый Нетварный Свет. В этой встрече божественного и человеческого и осуществляется таинство сотворчества, что неизбежно отражается в иконе, являя ее чудом, неподвластным рациональному объяснению, каковым является «Троица» Андрея Рублева. В силу особой сложности творческих задач, рациональных и метафизических, иконописец, безусловно, должен быть «высоколобым» книжником, посвященным и погруженным в глубины теософского учения исихазма и практику исихии ради утончения души, прозрения духовных очей и встречи с Божественным Светом, который своим неуловимым, метафизическим отсветом отразится в иконе.

Голубой пламень грозных молний Света Преображения, сотрясающего вселенную, в иконе Феофана Грека; тихое сияние странного теплого, розоватого Света, который равномерно заполняет собой и небо, и землю, одинаково окрашивая то и другое, размывая границы между ними, в «Преображении» Андрея Рублева; необъяснимо узнаваемый эффект Фаворского Света, сбегающего легкими рефлексами по горкам, тихо заполняющего собой все пространство иконы трансцендентным, чуть различимым зеленоватым оттеночным звучанием в иконе «Преображение Господне» (1685 г.) из Спасо-Преображенской церкви в Новгороде, – все это есть не поддающиеся анализу метафизические составляющие иконы, гармонично

сочетающиеся с рационализмом канонических символов иконописи. Именно это мерное единство рационального и метафизического в иконе позволяет ей оставаться и назидательным текстом, и собственно Откровением, носителем Света, что характеризует далеко не каждую икону.

Рассмотрим впервые удивительное своеобразие «мерного единства» рационального и метафизического в одной из икон «Преображения Господня», эффект эмоционального воздействия которой невозможно ни забыть, ни объяснить. Это очень известный образ «Преображения Господня», датируемый XVI веком, авторство создания которого приписывают одному из афонских монахов. Местонахождения данной иконы – Бухарест, Музей искусств. В иконе соблюдена библейская сюжетная повествовательность, изображены даже восходящие на гору и сходящие с нее Христос и апостолы, что характерно далеко не для всех икон этого ряда. В целом композиция традиционно поляризована: светлый верх – темный низ. Коричневый цвет горы и ее подножия является фоном для фигур апостолов, поверженных тонкими и острыми лучами золотого Света, над головами которых отсутствуют нимбы, что говорит об отсутствии в настоящий момент причастности учеников Христа к Божественному Свету, он им чужд, он пугает их. Тела падающих апостолов изображены как-то комковато, вызывая ассоциацию с тяжеловесностью падающих камней.

Прямую противоположность им являют собой как бы парящие в воздухе фигуры Христа, Илии и Моисея. Этот эффект усиливается тем, что горки, на которых стоят святые, залиты Светом, окрашивая их золотом, что делает их почти неразличимыми на общем золотом фоне иконы. Образ Христа окружает мандорла черно-серого оттенка, густо пронизанная золотыми лучами, и в этом есть что-то тревожащее. Три небольших луча сдержанного темно-красного оттенка также содержат в себе множество золотых лучей, окончания которых объединяются в тонкие и длинные золотые спицы Света, четко пронизывают всю вертикаль пространства и кажутся колющими фигуры апостолов как что-то чужое и лишнее. С высоким художественным профессионализмом используются всего три сложных по оттенкам цвета, с тем чтобы не потерять в ненужном мельтешении и излишней цветовой суете Самое Главное. Коричневый цвет земного праха, куда можно отнести и темные фигуры апостолов, явно противопоставлен золотому. В этом коричневом скупым включением трижды мелькает темный пурпур одежд Иакова, но над всем и во всем доминирует золотой цвет Света Преображения. Он заливает собой все, бликует везде, от него невозможно спрятаться, он все пропитает и всюду просочится, он найдет тебя везде. Перед экспрессией этого Света меркнут даже «молнии» «Преображения» Феофана Грека.

Этот странный и неожиданный драматизм можно попытаться объяснить своеобразным соприкосновением рационального и нерационального, уверенного нашего понимания и обманутого нашего понимания. Наш разум, обуянный искусствоведческими стандартами и религиозными канонами, понимает, что Свет – золотого цвета, наш глаз, ведомый стандартами разума, тоже готов согласиться с этим. Золотой цвет это хорошо. Но «незастандартизированная» человеческая душа тревожится и боится этого «золотого» цвета Божественного Света, потому что сам цвет-Свет не спокоен. Он не равномерен, не гладок, он клубится, теряя свойства света, мы не узнаем в нем свет. Он – лава, он – плазма не золотого, но тягуче-желтого цвета, который мы ощущаем почти физически. Это не свет в нашем человеческом понимании, но это Свет, открывшийся духовным очам иконописца в его творческом прорыве в Высший мир, где другая, чужая «физика», которую человечество не может поправить, но может принять или не принять. Единством рационального и метафизического в данной иконе обусловлено наличие двух возможных уровней ее восприятия и понимания: собственно рационального, – произведение выдержано в рамках иконописного канона и библейского стандарта; метафизического – не вписывающегося в границы человеческого разума, вырывающего сознание из состояния покоя, напоминающего человеку о свободе и необходимости личного выбора, данного человечеству Христом.

Представляется вполне очевидным то, что задача выявления метафизических глубин иконописного текста не может апеллировать к стандартной логике, требуя иного, соответствующего предмету, методологического «стандарта». В нашем случае были использованы некоторые приемы герменевтической логики: «вживания», «вчувствования», конгениальности, абстрагирования, идеализации и интерпретации. Тогда, когда речь заходит о возможности исследования иррациональных аспектов творчества, всегда актуализируется проблема метода, и это отдельная тема для разговора. Но в контексте нашего краткого обозначения данной проблемы с радостным удивлением можно назвать имена современных ученых-петербуржцев Н. А. Соловьёва и С. В. Посадского, которые в своих, представленных для широкого обсуждения научных обоснованиях пытаются рассматривать саму метафизику в качестве метода исследования [3].

В заключение нельзя не вернуться к «открытию» нашей иконы, которой, по сути, посвящена эта статья. Икона, которая отталкивает и притягивает, грозит и зовет, гипнотизирует и загадывает загадки, не отпускает. Одна из загадок иконы осталась в нашем общем размышлении о ней без ответа. Уникальной особенностью этой иконы является то, что среди спускающихся с горы фигур апостолов после Преображения Христова выделяется одна – фигура Петра. Его одежды поменяли цвет: из темных они, подобно просиявшим одеждам Спасителя, стали белыми «как свет». Загадка ждет рационального ответа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Кузнецова, О.Н. Проблема понимания мировоззренческих смыслов в иконе «Преображение » // «Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования» – Орел: Изд-во ОГУ, 2012 г. – №6(26) – С. 202-206.

2. Новый Завет – М.: НП «Успенское Братство», 2014. – 304 с.

3. Соловьёв, Н. А. , Посадский, С. В. Панентеистическая метафизика и квантовая парадигма − СПб.: НП-Принт, 2014. − 376 с.

ПРОБЛЕМА ФАКТОРОВ ПЕРЕХОДНЫХ СОСТОЯНИЙ ОБЩЕСТВА

Куракина Е.В.,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф.Устинова

Ключевые слова: система, фактор, трансформационные процессы, кризисные состояния, элементы, обмен
Key words: system, factor transformation processes, crises, elements exchange

Аннотация. В статье анализируются факторы трансформации сложноорганизованных систем. Выявляются основные причины, приводящие общество как органическую систему к кризисным состояниям.

This paper analyzes the factors of transformation of complex systems. Identify the main causes leading society as an organic system in crisis.

В естественнонаучной и философской литературе используются самые различные понятия для воспроизводства закономерностей развития сложноорганизованных систем: «источник развития», «причина развития», «фактор развития», «движущая сила развития», «механизм развития» и т. д. Нами используются понятие «фактор» и «движущая сила развития». При этом под фактором развития понимается необходимая и относительно активная сторона взаимодействия в развитии сложноорганизованных систем. Под движущей силой развития подразумевается взаимодействие необходимых факторов, в результате которого возникает качественно иная сложная закономерность развития сложноорганизованных систем. [1, С.51]

Переходные - трансформационные процессы в жизни общества начинают происходить, только тогда, когда противоречия между его элементами и подсистемами не могут больше сглаживаться существующей системой. Она теряет способность к саморегуляции. Подобные процессы происходят не только под действием внешних факторов, действие которых ведет к изменению системы в том случае, если эти факторы превосходят по силе внутренние противодействующие факторы самой системы, и тем самым преодолевают ее инерцию. При осуществлении любого влияния на систему реакция ее различных элементов и подсистем будет различна. Существенно повлиять на систему они могут лишь в том случае, если большая часть элементов системы будут сочетаться с возмущением, производимым внешним воздействием. Сила воздействия при этом может быть даже не столь значительна. «Под возмущением будем понимать, всякое не соответствующие процессам обычной жизнедеятельности системы, воздействие на нее или на ее отдельные элементы, приводящие хотя бы к временным отклонениям от обычных (функционально обусловленных) результатов жизнедеятельности».[2С.24]

Возмущения, возникающие внутри системы и приводящие впоследствии к ее изменению, имеют специфические причины. Рассмотрим сначала этот механизм возникновения внутрисистемных возмущений (который находит, в частности, свое отражение в экономике).

Расшатывание системы изнутри происходит наиболее быстро при накоплении большого числа свободных потенциалов, которые не имеют внутрисистемных связей с другими элементами системы. В самоуправляющей системе это может быть вызвано ее усложнением и несовершенством существующих внутрисистемных связей. Те же самые процессы могут происходить и в управляемой системе и возникать в следующих случаях:

1.Регулирующий орган получает информацию от одного элемента, но не передает ее другому, нарушая информационную связь.

2. Регулирующий орган получает информацию от одного элемента не в полном или искаженном виде, но передает ее другому элементу.

3. Информация передается от одного к другому элементу в искаженном или неполном виде и при этом искажается дополнительно еще в процессе передачи. Накопление в системе свободных потенциалов может происходить также вследствие ослабления свойств, присущих взаимодействующим элементам, например, в результате неоднократного воздействия на эти элементы. Накопление свободных потенциалов неизбежно начинает оказывать на нее определенное воздействие, первым следствием которого, является разбалансировка системы - образование в некоторых местах системы излишков свободных потенциалов, а в других местах, наоборот, их дефицит и вследствие этого усиление диспропорций в использовании ресурсов. Затем свободные потенциалы, накопившиеся с излишком, начинают образовывать собственные связи, которые не входят в основную структуру, а затем и свои собственные структуры, которые и являются впоследствии причиной наиболее серьезных внутренних возмущений[2]. Так как эти образования до определенного времени не учитываются существующей системой и не включены в ее информационный обмен, они образовывают свои информационные подсистемы. Подобные подсистемы могут существовать параллельно с основной информационной системой, обеспечивая информацией незначительное количество элементов, которые являются заместителями элементов, недостающих в основной системе. В этом случае эти параллельные структуры могут существовать значительно долгое время, не увеличиваясь в размерах, хотя и производя определенное незначительное возмущение[3].

Ситуация значительно усложняется, когда подобные не пристроенные потенциалы появляются в системе не только в результате искажения информационного обмена, но также из-за большой жесткости существующей структуры, которая не допускает возможность образования между элементами новых внутрисистемных связей, таким образом, сильно ограничивает степень их свободы. В таких случаях возникающие параллельные информационные и другие подсистемы начинают вступать в конкурентные отношения с основной системой, доводя ее до разрушения и возникновения новой структуры.

К внутренним возмущениям в системе добавляются

и внешние, которые возникают в результате воздействия на систему других систем, а также и от более высокоорганизованной системы, частью которой является данная система (например, непредвиденные природные явления). Различия во внешних и внутренних возмущениях весьма существенны и заключаются в том, что внутренние возмущения накапливаются в определённой мере постепенно, и в принципе их можно просчитать и попытаться предотвратить последствия, внешние возмущения практически непредсказуемы и массовы. Чтобы система была устойчива к внутренним возмущениям, она должна соответствовать следующим условиям. Первым условием устойчивости является наличие в системе надежной информационной связи, ее развитие и укрепление (с целью максимального включения в структуру системы свободных потенциалов, т.к. именно накопление этих потенциалов и ведет к возникновению внутренних возмущений.)

Вторым условием является максимальная гибкость системы, выражаемая степенью адаптивности элементов. Адаптивность непосредственно зависит от наличия степеней свободы, которыми обладает элемент для вступления в различные внутрисистемные отношения с другими элементами, быстрого переключения с одного вида отношений, уже несоответствующих условиям функционирования системы, на другие, более подходящие в данной ситуации. При этом вступать в подобные отношения могут не только отдельные элементы, но и элементы, образовавшие внутрисистемные пары с такими же парами элементов. Например, «производитель-подсистема торговли» может отъединиться с элементом «производитель N-го вида товара» [3]. Общество является управляемой системой, следует отметить, что сам управляющий, регулирующий орган может вносить в систему дисбаланс. Поэтому информационный обмен в подобной системе должен находится на очень высоком уровне, особенно это касается развития обратных связей между элементами и регулирующим органом. Если система, даже сильно организованная, больше ориентирована на одностороннее поступление информации только к регулирующему органу, она не может считаться устойчивой. Поэтому регулирующий орган должен содействовать максимально лучшему функционированию внутрисистемных элементов, получать лучшие, исходя из потребностей системы результаты их деятельности, помогать им в различных ситуациях, предотвращая возможный кризис.

Одной из главных причин возникновения нарушений информационного обмена в системах с сильным регулирующим органом является слабая чувствительность регулирующего органа. Например, в экономике крупные потери для одного предприятия могут быть совершенно неощутимы на уровне отрасли. Следующей причиной может являться то, что многие процессы и отношения в системе не поддаются прямому регулированию. Это не учитывалось, в известной мере, в централизованном планировании социалистической экономики.

В централизованной экономике нарушение информационного обмена объясняется наличием слабо развитых обратных связей между государством и его звеньями с потребителями. Результатом чего является усиление разрыва между потребителями и производителем, растущая независимость последнего от массового потребителя, оторванность одного от другого[5].

Особое внимание следует обратить на социальные элементы системы общество. В функционировании имеют место серьезные проблемы в процессе смены социального строя. И одной из главных проблем является адаптация населения к новым условиям жизни. К новой системе управления. Адаптация подразумевает под собой успешное приспособление к нормам общественного устройства, изменение стереотипа своего поведения в соответствии с ними, причисление себя к определенной социальной группе. В результате чего структура населения может ухудшаться, происходит массовое обнищание и возникновение криминогенной обстановки в обществе. Неадаптированность населения к новым условиям ведет к разрыву многих прежних отношений. Население становится все более пассивным, как говорилось ранее на примере сложноорганизованных (молекулярных систем), увеличивается количество не-пристроенных, неадаптированных элементов. В переходные периоды происходит смена идеологии общества. Так как старая идеология, мировоззренческие установки уже не соответствуют требованиям правящей прослойки. Возникает необходимость в новых стандартах поведения и образа жизни[3].

Таким образом, основные причины, приводящие общество как органическую систему к кризисным состояниям, состоят в следующем:

Первой из причин кризисных состояний общества является несовершенство информационных связей. В экономике это выражается в том, что из-за неосведомленности производителя в каком-то месте рынок может быть перенасыщен определенным продуктом, в другом же может существовать его острый дефицит[3]. Остановка производства избыточного продукта также происходит не сразу. Как говорилось ранее, не нашедшие себе применение в структуре системы элементы начинают объединяться между собой. В экономике начинают образовываться параллельные структуры, называемые теневой экономикой. В политической жизни общества это выражается в возникновении различные объединений, оппозиционных групп [6]. Следует отметить, что такие объединившиеся в подобного рода связи элементы намного более восприимчивы к новшествам и прогрессу, чем элементы основной структуры. Какое-то время они могут существовать в рамках существующей структуры, пока система достаточно прочна и обладает гибкостью, но как только она начинает утрачивать эти качества, происходит рост неструктурных элементов и их объединений. Система затрачивает все больше усилий для их подавления, а не на собственное развитие и входит в предкризисное состояние. В экономике это выражается в снижении темпов роста производительности труда, отсутствии стимулов профессионального роста у работников, смещении ценностных ориентаций в обществе в целом. Существующая в обществе идеология, являющаяся фундаментом любого стабильного, процветающего общества, перестает удовлетворять его интересы, не соответствует процессам в нем происходящим, максимально не учитывает интересы различных социальных групп. В результате чего возрастает неудовлетворенность социальных групп своим положением в обществе, возрастает недовольство существующей системой управления. Возникает необходимость в создании новых форм идеологии, наиболее адекватно отвечающих современной реальности.

Во-вторых, в каждой системе потенциально присутствует (заложена) возможность, вариант ее экстенсивного

развития. Пока система развивается внутри своих границ, она имеет, реализует свой потенциал развития, но когда она исчерпывает этот потенциал, она вынужден или затормозить свой рост, или перейти в иное качественное состояние[3]. В такой ситуации излишний экономический и научно-технический потенциал может быть реализован за границами системы, либо посредством внедрения новых различных технологий, принципиально новых видов продукции.

В-третьих, кризисные состояния возникают вследствие дефицитности в экономической подсистеме прибыльных отраслей. В результате чего разрастается коррумпированность общества, складывается легальный рынок коррумпированных услуг, власть и бюрократия срастаются с теневой экономикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мозелов А.П. Материалистическая диалектика и теория движущихся сил живого//Докт. дис.-Л.,1985.с.51.

2. Костюк В.Н. Изменяющиеся системы.-М.: Наука, 1993.с.24.

3. Кузьмин С.А. Социальные системы: Опыт структурного анализа.-М.: Наука, 1996.191с.

4. Абалкин Л.И. Избранные труды в 4-х томах. Т.4: В поисках новой стратегии.-М.: Экономика, 2000.799с.

5. Ломакин В.К. Мировая экономика. 3-е изд., стереотип. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 672 с.

6. Россия 2015: оптимистический сценарий/ Под ред. Л. И. Абалкина.- М.: Институт экономики РАН, 2002.416с.

П. КЛОДЕЛЬ И М. ВОЛОШИН – ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОСТОКА

Сорокина Г.А.,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра иностранных языков,
Московский государственного юридического университет им. О.Е. Кутафина

Ключевые слова: Клодель, Волошин, Восток, ориентализм, буддизм, литературная интерпретация
Key words: Claudel, Voloshin, Orient, Orientalism, Buddhismus, literary interpretation

Аннотация. Автор статьи сравнивает взгляды на культуры Востока французского поэта П.Клоделя и русского поэта и литературного критика М.Волошина.

The author of the article compares the views on the orietntal cultures of French poet P.Claudel and Russian poet and literary critic M.Voloshin.

Фигура Максимилиана Волошина (1877–1932) в контексте культуры своего времени замечательна среди прочего и тем, что он был выдающимся посредником, посредником между людьми, идеями и культурами. Это со всей очевидностью мы осознаем, когда речь заходит о творчестве Поля Клоделя (1868–1955), прочно вошедшего в русскую культуру во многом благодаря Волошину: в 1911 году в седьмом номере известного в то время журнала «Аполлон» вышла статья Волошина «Клодель в Китае». Она содержала и несколько отрывков из книги Клоделя «Познание Востока» в переводе самого Волошина. Эта книга на французском языке, конечно, была достаточно хорошо известна определенному кругу русской читающей публики. Заслугой же Волошина было то, что его интерпретация идей и образов Клоделя не только привлекла более пристальное внимание к этому произведению и расширила круг его читателей, но и включила сочинение Клоделя в контекст русской культуры.

Поль Клодель – французский дипломат, религиозный писатель, поэт, драматург, эссеист. В качестве дипломата он служил во многих странах Европы, а также в США, Бразилии, Японии, Китае. В 1895 году он отправился на дипломатическую службу в Китай, а в 1900 году в Париже вышел его сборник стихотворений в прозе «Познание Востока».

Сегодня имя Клоделя занимает почетное место в ряду славных французских писателей. Однако в России оно известно, пожалуй, только специалистам, поэтому выход в свет в 2010 году книги «Познание Востока» в русском переводе стало важным литературным и культурным событием, открывающим на новом этапе этого писателя российскому обществу. Знаменательно и то, что эта публикация была приурочена к столетнему юбилею первой презентации Волошиным сочинения Клоделя в России.

Тема «Клодель и Волошин» уже звучала в контексте российских научных исследований. Одной из интереснейших концептуальных работ является, в частности, статья И.С.Смирнова [4]. Публикация же в России полного текста этого самого известного сочинения Клоделя дает возможность продолжить изучение как его творчества, так и творчества Волошина, оценить их философские и эстетические воззрения, связанные с Востоком и буддизмом.

Французское общество с восторгом и восхищением восприняло «Познание Востока», оценив ее как великое произведение литературы. Поэтический язык Клоделя удивительно тонок, выразителен и точен, ему доступно изображение и самого высокого, и самого низкого в жизни Востока. Он пишет о философии, религии, архитектуре, императорах, монахах, а также о нищих, могилах, смерти, обыденной жизни людей в их неприглядном виде, и все это сливается у поэта в единую симфонию мира: «У каждого дерева свое лицо, у каждого зверька – своя роль, у каждого голоса – свое место в симфонии. <…> Некогда я с радостью обнаружил, что все на свете существует в определенном согласии, и сейчас лишь мой взгляд удостоверяет это тайное родство, благодаря которому чернота сосны сочетается с ясной зеленью кленов, и, восстанавливая прежний замысел, я называю свой визит смотром. Я – Инспектор Творения, сверщик существующих вещей; прочность этого мира – материя моего блаженства! В тишине собственной души я наслаждаюсь прелестью всего сущего. Я понимаю гармонию мира…» [3, с. 241–243].

Буддизму Клодель также отводит значительное место в своей книге. Мистическое сознание автора, отразившееся во всех его произведениях, проявилось и в описании буддийских реалий. Точны и изящны слова поэта, изображающие буддийскую храмовую архитектуру, внутреннее убранство храмовых пространств: «Под первым портиком стоит золотая статуя толстого Будды. Правая ступня лежит поверх левой, что указывает на третью степень самопогружения, при которой сохраняется сознание. Глаза закрыты, но под золотой кожей видна красная плоть растянутого рта с расширяющимися углами в форме восьмерки, он улыбается улыбкой спящего. <…>

В глубине главной залы, высокой и просторной, видны четыре или пять золотых колоссов. Посредине на троне восседает самый большой из них. Его глаза и рот закрыты, ноги поджаты, а свисающая рука указывает на землю «жестом свидетельства». Таким под священным деревом осознал себя совершенный Будда, освобожденный от круговращения жизни, приобщившийся к собственной неподвижности. Другие, тоже с закрытыми глазами, свешивают над ним свои животы. На лотосах сидят небесные Будды: Авалокитешвара, Амитабха – Будда западного Рая и Будда неизмеримого света. У их ног бонзы совершают ритуалы» [3, с. 33–35].

Клодель мастерски, с кинематографической точностью представил внешнюю сторону буддизма. В том, что касается религиозно-философской сути буддизма, поэт занимает христианоцентристскую позицию. Будучи глубоко верующим католиком, он устрашен бездной небытия, которую увидел в идее нирваны. При этом Клодель приемлет понимание мира как единого целого, которое присутствует и в буддизме. Об этом он пишет: «обнаружив неразрывную связь всего земного, они [мудрецы – Г.С.] нашли в ней опору для своей философии. Пусть все по отдельности преходяще и бренно, всеобщее богатство пребудет неис-

черпаемым. <…> Предположив, что все образовано из однородных частиц, и перенеся этот принцип на себя, они поняли: все то мимолетное, недоказуемое и необъяснимое, что заключено в них, – это сам факт их пребывания в мире, а освобожденный от пространства и времени элемент – понимание случайности собственного существования» [3, с. 257–259].

Но далее он решительно отвергает все положения буддизма, называя их дьявольским обманом. Буддийские мудрецы и философы по Клоделю «не захотели узнать абсолютное существо, и тому, кого называют Буддой, было дано довести до предела языческое кощунство. <…> Но в человеке живет ужас перед тем, что не есть Абсолют, и, стремясь разорвать страшный круг Тщеты, Будда без колебаний сливается с Небытием. <…> И его учение превратилось в призыв к чудовищному причастию. Метод заключается в том, что Мудрец, последовательно изгнав из своего разума идею формы чистого пространства, даже само представление об идее, в конце концов достигает Небытия, а затем погружается в Нирвану» [3, с. 259–260]. И именно здесь, согласно мысли Клоделя, кроется сатанинская тайна, ведь буддизм он считает религией языческой, и такая позиция во многом определяет специфику его познания Востока. Это познание носит скорее эстетический характер, то есть оно односторонне. Книга наполнена восторгом, восхищением и любованием всем увиденным. Важна здесь также идея единства мира, которая есть и в христианстве. Однако Клодель предстает здесь, прежде всего, человеком Запада, ощущающим свое превосходство, человеком, обладающим духовной истиной. И в этом он солидаризируется с теми философами, которые, изучая Восток, буддизм, оценивали их с западоцентристских и христианоцентристских позиций.

Позднее, уже в начале 70-х годов XX века, о католицизме Клоделя достаточно четко высказался писатель Гайто Газданов. По его мнению существуют «писатели и поэты, творчество которых насквозь проникнуто религиозными тенденциями, причем вполне определенными – католическими. <…> Клодель был очень известен и как поэт, и как драматург. <…> И вот, несмотря на известность этих авторов и их несомненный литературный талант <…> – большинство их произведений не на уровне их таланта. <…> Свести все многообразие мира к замкнутой системе принципов католической церкви – задача чаще всего непосильная» [2, с. 239].

Сам Газданов, как известно, во многих своих произведениях, обращаясь к художественной трактовке идей буддизма, избегал какой-либо декларативности и проповедничества в репрезентации буддийского учения, однако, тонко передавал духовную сущность различных сторон этого религиозно-философского учения.

Эстетика Востока, представленная Клоделем, обогатила западную, в том числе и русскую, литературу новыми идеями, темами, образами, новым видением жизни стран Востока. Привнеся эту эстетику на Запад, поэт расширил представления западного общества о Востоке. Китайская тема под воздействием Клоделя мощным потоком ворвалась в литературу Запада и России, оказав свое общекультурное влияние, как на творчество многих авторов, так и на восприятие читателей. Многие китайские темы, мотивы и образы стали модным увлечением западного и российского обществ, превратились в так называемую «китайщину». Но вместе с тем следует отметить огромное познавательное значение книги Клоделя для западного общества – она стала поистине очередным «открытием» Востока.

Однако вернемся к статье Волошина «Клодель в Китае». В ней автор прослеживает процесс проникновения идей и образов Востока в западную литературу и искусство на протяжении всего XIX столетия, результатом чего стало формирование такого явления как экзотизм: «Эта экзотика девятнадцатого века явилась перенесением в область мечты и слова той страсти к географическим приключениям, которыми ознаменованы первые века новой истории. Когда иссякли века путешествий и открытий, тогда все, что было деянием, стало мечтой, претворилось в литературу» [1, с. 369].

Обозначая важные вехи в формировании ориентализма как лжевосточного стиля, Волошин отмечает, что изначально экзотизм и ориентализм возросли прежде всего на почве средиземноморских культур – Турции, Греции, Карфагена, Египта, Персии. Постепенно литературная география расширяется: сладостная экзотика романов французского писателя Пьера Лоти охватила уже все меридианы и все широты земного мира, продвигаясь на Дальний Восток. «Вкус к Дальнему Востоку стал возникать во Франции со времен Гонкуров. Уже Булье делал удачные стихотворные имитации китайской поэзии. Жюдит Готье, обладающая необычайными для французского литератора знаниями японского и китайского языков, в своих исторических романах открыла новые пути восточной экзотики, основанной на глубоком понимании национального фольклора. Япония торжествовала в живописи импрессионистов» [1, с. 372].

Для Волошина было важно определить место Клоделя в этом процессе. Для него Клодель, как и Гоген, прежде всего, творческие личности, они едут на Восток не за экзотикой, а «в поисках первобытной и здоровой человеческой пищи» [1, с. 373]. Клодель едет в Китай, чтобы «проникнуться новыми системами познания, новой логикой искусства» [1, с. 373]. Познавая различные стороны жизни Китая, Клодель представил в своей книге то, что Волошин, обобщая все идеи Клоделя, обозначил как «логика молитвы, логика храма, логика письма, логика садов, логика города – вот ступени посвящения в мистерии Востока, по которым шел Клодель» [1, с. 390].

Культуры Востока, Китая как в изображении Клоделя, так и в интерпретации Волошина, в соответствии с веяниями века, наполнены мистическим содержанием. Одна из мистических линий в книге Клоделя связана с его изучением логики смерти, пронизывающую всю культуру Китая. «Клодель нашел свой собственный путь, ведущий через область смерти. Он нашел свою точку зрения на китайскую жизнь на высотах, занятых гробницами» [1, с. 393].

Мы уже цитировали отрывок из книги Клоделя, посвященный буддийскому храму, который Волошин включил в свою статью, учитывая интерес читателей начала XX века к буддизму.

Поэт часто обращается к традиционным образам китайского искусства: дерево, сияние луны, дождь, река, сосна, источник и другие. Волошина восхищает проникновение Клоделя в реальность, осязаемость окружающей действительности: природа и ее образы у поэта величественны и могучи, у него редко появляются элементы декоратив-

ности, ставшие достаточно привычными во многих произведениях западной литературы, обращавшихся к Востоку. Волошин пишет: «Как далеко мы ушли от привычных экзотических «Chinoiseries» и других едких раздражителей вкуса, свойственных экзотике Дальнего Востока. Китай у Клоделя, несмотря на все обилие и на всю реалистическую точность местных деталей и красок, встает для каждого, как его собственная древняя человеческая родина» [1, с. 394].

Книга Клоделя, по мысли Волошина, завершает процесс познания Востока XIX века, став его вершиной и вместе с тем началом новой эры. Статья Волошина во многом способствовала более глубокому пониманию идей и образов Клоделя в русском обществе, а также преодолению наивного ориентализма, способствовала обретению новых интонаций, большей философской адекватности и глубины в изображении Востока, Китая в русской литературе. Волошин в этой статье выступил как первый переводчик и интерпретатор произведений Клоделя в России.

Важно отметить и то что, статья Волошина, поэта и художника, кроме тонкого анализа процессов и явлений, связанных с западным восприятием Востока, содержит и собственные оригинальные мысли Волошина о Востоке, Китае, искусстве, религиях. Особенностью волошинского восприятия Востока является то, что «с годами всеобщность, всеохватность, даже космичность пронизывает все творчество поэта; Восток укладывается в его универсум как необходимый элемент. Правда, восточная тематика почти не оставляет следа во внешней словесной фактуре стиха, растворяясь в его духовной сердцевине» [4, с. 178]. Так об одной из важнейших идей религиозно-философских учений Востока – идее перевоплощения – он писал: «Я не сам ли выбрал час рожденья, век и царства, область и народ» (Готовность, 1921).

Духовная и творческая устремленность Волошина на Восток проявилась в многочисленных интерпретациях восточных идей, отразившись в его живописи, поэзии, литературно-критических работах, письмах, в общении с современниками. Волошин, так же как и Клодель, принадлежит к той яркой плеяде представителей творческой интеллигенции, которые начали культурный диалог «Восток–Запад», столь значимый в контексте всей культуры XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин М. Клодель в Китае // Клодель П. Познание Востока. М., 2010.

2. Газданов Г. О негласной иерархии в обществе и тенденциозности в литературе // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М., 2005.

3. Клодель П. Познание Востока. М., 2010.

4. Смирнов И.С. «Все видеть, все понять…» (Запад и Восток Максимилиана Волошина) // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1985.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Абрамова М.В.,
аспирант, ассистент,
кафедра теории и методики гуманитарного образования,
Псковский государственный университет

Ключевые слова: интерактивность, русский язык как иностранный, учебно-научный текст, диалогичность
Key words: interactivity, Russian as a foreign language, training scientific text, dialogueness

Аннотация. В статье рассматриваются основные трактовки понятия «интерактивность» в аспекте преподавания русского языка как иностранного. Обосновывается использование понятия интерактивности в качестве характеристики учебно-научного текста. Основное внимание акцентируется на раскрытии интерактивного потенциала учебно-научного текста в обучении русскому языку иностранцев.

The article regards the main definitions of interactivity in teaching Russian as a foreign language. It considers the usage of the concept “interactivity” as a characteristic of a training scientific text. The author concentrates on the development of the interactive potential of a training scientific text in teaching Russian to foreign students.

На современном этапе развития общества важной характеристикой многих процессов и явлений в сфере образования становится интерактивность. Повышенный интерес к данной проблеме со стороны исследователей и педагогов-практиков отражается в появлении целого гнезда понятий, атрибутом которых выступает прилагательное «интерактивный». Интерактивное обучение, интерактивный подход, интерактивный метод, интерактивный режим, интерактивный урок, интерактивная лекция, интерактивное пособие, интерактивный текст, интерактивная доска – эти и другие подобные термины встречаются в дидактической и методической литературе повсеместно. Особую актуальность идеи интерактивного подхода к обучению приобретают в сфере преподавания иностранных языков, в частности, русского языка как иностранного (РКИ). [5, 9] При этом, несмотря на безусловную актуальность категории интерактивности для всех участников образовательного процесса, единого понимания сущности данного явления и определяющего его термина среди ученых до сих пор нет.

Целью настоящей статьи является выявление интерактивного потенциала учебно-научного текста и возможностей его активизации в процессе обучении инофонов научному стилю речи. Однако прежде чем приступить к рассмотрению данной проблемы, следует уточнить само понятие интерактивности. В переводе с английского языка термин «интерактивность» (inter – «между, взаимно», act – «действовать») означает «взаимодействие». Соответственно, «интерактивный» – «основанный на взаимодействии» [1, с. 84]. Очевидно, что подобное определение допускает множество толкований. Наряду с понятием «интерактивность» также используется термины «интеракция» [11] и даже «интерактив» [12], что ещё более усложняет задачу. Анализ литературы по данному вопросу позволяет выявить две основные тенденции в понимании интерактивности.

Согласно первой, интерактивность связывается или практически отождествляется с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебном процессе. Характерными примерами являются определения термина «интерактивный» в различных современных электронных словарях как «относящийся к взаимодействию с компьютером, к диалогу «человек-машина» [16], «использующий средства и устройства взаимодействия компьютера с пользователем; диалоговый» [16], «находящийся в режиме взаимодействия, беседы, диалога с чем-либо (например, с компьютером) или с кем-либо (человеком)»[12] . При этом не учитывается, что термин «диалоговый» в информатике используется в качестве характеристики программного обеспечения, а не внутренней активности пользователя. Вопрос же о том, насколько правомерно в принципе говорить о каком-либо полноценном диалоге между человеком и компьютером, скорее относится к области научной фантастики. Таким образом, на практике речь может идти только об использовании современных ИКТ в качестве посредника при взаимодействии субъектов образовательного процесса. Однако очевидно, что само по себе применение ИКТ на уроке ещё не делает учебный процесс интерактивным, поскольку интерактивность «не задается автоматически информационными технологиями, но обеспечивается практикой общения, особенностями использования людьми возможностей, предоставляемых этими технологиями» [13, с. 27]. Не случайно некоторые исследователи [7, 9] отмечают, что в большинстве случаев контакты между преподавателем и учащимися на уроке с использованием ИКТ носят квазиинтерактивный характер [7].

С учетом вышесказанного, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает другой подход к пониманию

интерактивности, в больше степени характерный для некомпьютерного обучения, при котором интерактивность рассматривается сквозь призму межсубъектного взаимодействия. По мнению И.Д. Фомичевой, интерактивность – это «характеристика процесса коммуникации, речевого или текстового взаимодействия, а не технической системы передачи информации» [13, с. 27]. В данном определении на первый план выходит сам процесс взаимодействия между субъектами, диалог, обмен информацией, который может быть интерактивным независимо от того, осуществляется ли он при посредстве ИКТ или нет. Так, Н. Суворова, говоря об интерактивном обучении, подчеркивает, что это, «прежде всего, диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие учителя и ученика»[13, с. 27]. По мнению Ю.Ю. Гавронской, интерактивное педагогическое взаимодействие – это интенсивная и целенаправленная деятельность субъектов педагогического процесса по организации взаимодействия в целях развития [3, с. 102]. При этом интерактивное обучение нацелено не на передачу информации, а на формирование компетентности [4, с. 151]. С. Б. Ступина определяет интерактивное обучение как обучение, основанное на психологии человеческих взаимоотношений и взаимодействий, понимаемое через совместный процесс познания, где знание добывается в совместной деятельности через диалог, полилог [131, с. 17].

Многие исследователи отмечают существующую в настоящее время двойственность понимания интерактивности, когда один и тот же термин отражает и характеристику межсубъектного взаимодействия, возникающего в процессе обучения, и дидактическое свойство средства обучения [4, с. 150]. С данной ситуацией необходимо считаться, хотя подобная терминологическая путаница не может не вызывать неудобств. Таким образом, под интерактивностью в педагогике понимается: 1) характеристика процесса обучения, отражающая степень вовлеченности его участников в диалог, взаимодействие, в ходе которого достигаются цели обучения; 2) качественная характеристика средств обучения, которая отражает их возможности воздействия на личности субъектов взаимодействия и позволяет им выступать в качестве катализатора общения с целью активизации естественно-мотивированного коммуникативного взаимодействия в учебном процессе [14, с. 13]. Необходимо подчеркнуть, что в обоих случаях интерактивность может проявляться в разной степени [13, с. 28], что позволяет говорить о возможности усиления данной характеристики с целью интенсификации учебного процесса, в нашем случае, процесса обучения инофонов научному стилю речи.

В то же время, следует отметить, что участниками педагогического общения являются не только преподаватели и студенты, но и «тексты» [8]. Если проблемы методов и технологий интерактивного обучения довольно подробно освещены в специальной литературе [3, 4, 5, 6, 11, 12], то вопросы, связанные с использованием интерактивного потенциала учебных текстов, на наш взгляд, изучены недостаточно. Между тем, именно учебный текст, с одной стороны, выступающий в качестве средства обучения, с другой – представляющий основное содержание образования, может стать действенным средством стимулирования и поддержания интерактивного характера учебного процесса.

По мнению И.Д. Фомичевой, интерактивность проявляется через характеристики текстов, может быть изучена через них [13, с. 27]. Речь в данном случае идет не о так называемых «интерактивных текстах», или электронных гипертекстах, снабженных ссылками и мультимедиа, а о свойстве текста как такового. Любой текст по своей природе диалогичен, так как имеет автора (адресанта) и читателя (адресата). Согласно определению М.Н. Кожиной, диалогичность письменной речи – это «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакций адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога» [10, с. 45]. Особенно ярко данное свойство проявляется в художественном тексте, что приводит к возникновению специфического типа общения, при котором собеседниками выступают автор, персонажи и читатель художественного произведения. Несмотря на то, что подобное общение носит виртуальный характер и осуществляется посредством художественного текста, оно представляет собой межличностное взаимодействие и подчиняется основным закономерностям, присущим общению в целом [6, с. 215]. Таким образом, диалогичность текста выступает в качестве стимула для внутреннего диалога читателя, взаимодействия с «текстом», которое впоследствии может перерасти в дискуссию, межсубъектное взаимодействие, или стать основой для создания новых текстов. Все вышеизложенное в полной мере относится и к тестам, характерным для других стилей речи.

Поскольку основной целью изучения студентами-инофонами русского языка является овладение коммуникативной компетенцией в учебно-научной и профессиональной сферах, научный стиль речи выступает в качестве ведущего аспекта обучения РКИ на среднем и продвинутом этапах. Рассмотрим особенности научного текста с точки зрения его интерактивного потенциала. Так как диалогичность – «неотъемлемое свойство творческого научного мышления» [10, с. 47], научный письменный текст по природе своей также диалогичен. Способами выражения диалогичности в научном тексте являются: 1) «разговор» с другими упоминаемыми лицами (идейными единомышленниками или противниками), 2) сопоставление (столкновение) нескольких точек зрения; 3) «разговор» с читателем, приглашение его к сомышлению; 4) «разговор» со своим вторым (объективированным) Я [10, с. 48]. М.Н. Кожина выделяет такие разновидности диалогичности научной письменной речи, как диалог-унисон, диалог-спор, перевод темы в другую плоскость, а также вопросо-ответный комплекс [10, с. 50-51]. В частности, вопросо-ответный комплекс характерен для научных работ, посвященных дискуссионным проблемам, решению творческих задач. Вопросо-ответный комплекс широко используется и в учебных текстах как одно из средств стимулирования мыслительной активности учащихся. Другим важным аспектом диалогичности научного текста является интертекстуальность, под которой понимается связь текста с другими текстами. Таким образом, в роли коммуникантов в процессе чтения учебно-научного текста могут выступать сами учащиеся, преподаватель, автор текста и ученые-представители различных точек зрения, что позволяет говорить об интерактивном потенциале учебно-научного текста в аспекте преподавания русского языка как иностранного.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что диалогичность как категория присутствует не только в научном диалоге, но и в научной монологической речи. При этом диалогичность в том или ином научном тексте может быть выражена в большей или меньшей степени. Например, степень выраженности диалогичности двухкомпонентных циклов, в которых в явном виде представлена и позиция субъекта, и ее оценка, выше, чем однокомпонентных, когда одна из позиций лишь подразумевается [10, с. 50]. Можно предположить, что использование учебно-научных текстов с более выраженной диалогичностью будет способствовать активизации взаимодействия учащихся с учебно-научным текстом, стимулированию межличностного взаимодействия.

Кроме того, в отношении учебно-научных текстов особое значение приобретает направленность текста на конкретного адресата. От того, в какой мере содержание и характер текста соответствуют языковому уровню учащегося, его национальным и возрастным особенностям, когнитивному стилю, во многом завит успешность взаимодействия читателя с тестом. Е.В. Белоглазова определяет адресованность текста как «материализованную в ткани текста программу интерпретации текста, представляющую собой совокупность средств опосредованного регулирования автором текста процесса понимания его текста читателем» [2, с. 7]. Очевидно, что данное свойство текста играет важнейшую роль в процессе обучения. Так, С.Б. Михеева, рассматривая диалог студента с текстом, отмечает, что взаимодействие студента с «текстами» можно назвать интерактивным, если «обеспечивается «диалоговость», то есть «текст» осуществляет управление познавательной деятельностью студента» [8]. В данном случае речь идет о взаимодействии учащегося с текстом, внутреннем диалоге, в ходе которого происходит не только активное овладение учебным материалом, но и формирование необходимых компетенций. Например, А. Папалиа (A. Papalia) [15], изучая используемые студентами различные стратегии чтения текстов на неродном языке, рассматривает данный процесс как взаимодействие студента с текстом, диалог между известным и неизвестным, требующий максимальной внутренней активности учащегося. При этом он предлагает учащимся использовать различные приемы и стратегии взаимодействия с иноязычным текстом, нацеленные на активизацию их мыслительной деятельности, внутреннего диалога с текстом [15].

Разумеется, учебный текст также может и должен стимулировать учащихся к последующей коммуникативной деятельности, активизировать реальное общение субъектов образовательного процесса. И.Б. Череповская, рассматривая возможности усиления интерактивного потенциала учебного пособия по русскому языку как иностранному на печатном носителе, обозначает такие требования к содержанию учебных текстов, как аутентичность, дискуссионность, проблемность и креативность [14, с. 71]. Все эти характеристики вполне могут быть реализованы на материале научного стиля речи.

Раскрытию интерактивного потенциала учебно-научного текста на всех этапах работы с текстом могут способствовать специально сконструированные текстовые задания интерактивного типа [5, 14]. На уровне микротекстов учебных заданий интерактивность может быть индуцирована за счет следующих приемов: 1) персонификация автора учебного пособия; 2) обращенность речи учебного задания; 3) поли-ориентация задания на различные когнитивные стили восприятия; 4) прием «вызова»; 5) прием «выхода в языковую среду»; 6) ориентация задания на расширение арсенала стратегий учащихся [14]. Также возможно увеличение числа виртуальных коммуникантов за счет введения в контекст заданий персонифицированных героев (иностранный студент, студент-носитель языка, известный ученый и др.), представляющих определенный тип коммуникативного и когнитивного поведения и вызывающих положительные эмоции у субъектов учебного взаимодействия.

Таким образом, понимая под интерактивностью текста его качественную характеристику, отражающую возможность вовлечения участников учебного процесса в диалог с текстом, стимулирования и поддержания активной мыслительной деятельности и межсубъектного взаимодействия, мы пришли к выводу, что учебно-научный текст обладает достаточным интерактивным потенциалом, который может быть успешно реализован в процессе обучения инофонов научному стилю речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Текст] / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Белоглазова, Е.В. Лингвистические аспекты адресованности англоязычной детской литературы: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Е.В. Белоглазова // Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПБ, 2001. – 16 с.

3. Гавронская, Ю. «Интерактивность» и «интерактивное обучение» [Текст] / Ю. Гавронская // Высшее образование в России, 2008. - №7. - С. 101-104

4. Гавронская, Ю.Ю. Формирование специальной химической профессиональной компетентности при интерактивном обучении химическим дисциплинам студентов педагогического вуза / Ю. Ю. Гавронская // Известия Российчкого государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. - №30. – Том 8. – С. 144-154 [Электронный ресурс]: Режим доступа:

http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-spetsialnoy-himicheskoy-professionalnoy-kompetentnosti-pri-interaktivnom-obuchenii-himicheskim-distsiplinam-studentov

5. Гончаренко, Н.В. Интерактивные формы работы с текстом по специальности при обучении русскому языку иностранных студентов-медиков / Н.В. Гончаренко [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://sociosphera.com/publication/conference/2013/203/interaktivnye_formy_raboty_s_tekstom_po_specialnosti_pri_obuchenii_russkomu_yazyku_inostrannyh_studentovmedikov/

6. Комаров, А.С. Межличностное взаимодействие читателя, автора и персонажа художественного текста [Текст]. / А.С. Комаров // Вестник МГИМО-Университета, 2012. - № 5. - С. 215-220.

7. Коротаева, Е.В. Интерактивное обучение: вопросы теории и практики обучения / Е.В. Коротаева [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journals.uspu.ru/attachments/article/99/

8. Михеева, С.Б. О классификации интерактивных моделей обучения / С.Б. Михеева // Психология, социология и педагогика. - 2014. - № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psychology.snauka.ru/2014/01/2704 (дата обращения: 31.07.2014).

9. Обсков, А.В. К проблеме организации интерактивного обучения иностранному языку в вузе / А.В. Обсков // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin), 2012. – 11 (126). – С. 120-124

10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / Под. ред. М.Н. Кожиной. - М. Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

11. Ступина, С.Б. Технологии интерактивного обучения в высшей школе: Учебно-методическое пособие [Текст] / С.Б. Ступина. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – 52 с.

12. Суворова, Н. Интерактивное обучение: новые подходы / Н. Суворова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://balota2.narod.ru/data/mietodyka.html (дата обращения 28. 12. 2011)

13. Фомичева, И.Д. Продолжение пути, или в поисках интерактивности [Текст] / И.Д. Фомичева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 2011. - №1 – С. 21-36

14. Череповская, И.Б. Учебное пособие интерактивного типа для краткосрочных курсов РКИ (продвинутый этап обучения): дисс. … канд.пед. наук: 13.00.02 [Текст] / И.Б. Череповская// Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. - М., 2005 – 208 с.

15. Papalia, A. Interaction of reader and text / A. Papalia [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.udel.edu/eli/educ647/rivers/Rivers6.pdf

16. Академик [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/— Загл. с экрана.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ КРИЗИСНЫХ КОММУНИКАЦИИЙ

Акимович Е.В.,
аспирант,
кафедра связей с общественностью в бизнесе,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: кризис, кризисная коммуникация, кризисный менеджмент
Key words: crisis, crisis communication, crisis management

Аннотация. В статье представляется понятийный аппарат современной теории кризисных коммуникаций. Приводится анализ таких ключевых понятий, как кризис, кризисная коммуникация и кризисный менеджмент, предложенных ведущими зарубежными и отечественными теоретиками области, а также специалистами-практиками. Наряду с этим в статье предлагается авторская классификация базовых определений категории «кризис», основанная на оценочном значении данного понятия. Также в статье осуществлена попытка продемонстрировать взаимосвязь определений кризисного менеджмента и кризисной коммуникации, благодаря чему становятся очевидными истоки кризисной коммуникации как самостоятельной области для изучения.

The article presents a conceptual framework of modern crisis communication theory. The analysis of key definitions such as crisis, crisis communication and crisis management, proposed by leading Russian and foreign theorists and experts as well, is also provided. Along with that the article proposes a classification of basic definitions of crisis, adopted from attitudinal meaning of the concept. Also there is an effort to demonstrate interconnection between the definitions of crisis management and crisis communication, in response to this fact, the origin of crisis communication as independent scientific field for study is revealed.

Несмотря на то, что кризисная коммуникация достаточно давно стала объектом исследований, в научном сообществе нет единого, принятого всеми подхода к определению понятия «кризис». Ряд исследователей придерживаются мнения, что кризис – всегда негативное явление, другие более сдержанны в высказывании однозначно негативной оценки, третьи, наоборот, подчеркивают изначальный нейтральный характер любого кризиса, среди которых существует взгляд на кризис как на благоприятную возможность для организации.

К группе трактовок с ярко выраженной негативной оценкой могут быть отнесены дефиниции Бартона и Джордан-Мейер. К примеру, Бартон определяет кризис как «происшествие, которое неожиданно, негативно и непреодолимо» [4, с.18]. Джордан-Мейер, разработчик методологий работы с медиа в условиях кризиса, пишет, что все кризисы имеют провоцирующие события, «нечто, что ставит на колени; когда все внимание медиа обращено на вас» [7, с.6]. Дефиниции Фридмэна, Финка и Реджестера можно отнести к группе «умеренно негативного характера». Фридмэн пишет, что это «не обязательно плохое явление. Оно может быть радикальной переменой как к лучшему, так и к худшему". Похожее определение предлагает и классик кризисной коммуникации Финк, определяя кризис как «поворотный момент к лучшему или худшему» [4, с.18]. Реджестер, один из ведущих английских специалистов в области управления кризисами, также разделяет данную точку зрения, называя кризисами «поворотные моменты в жизни организации». Он дает следующее определение кризиса: «это событие, по вине которого компания попадает в центр не всегда доброжелательного внимания СМИ и других внешних целевых аудиторий, в том числе акционеров, политиков, профсоюзных организаций, движений в защиту окружающей среды, которые по той или иной причине вполне законно интересуются действиями организации» [3]. Противоречивый характер кризиса подчеркивается и в работах Пирсона и Клэра. Они понимают кризисы как «двусмысленные события, которые прерывают нормальное течение деятельности организации» [9, с. 59-76] .

Здесь же стоит отметить и дефиниции с акцентом лишь на потенциально негативных последствиях кризиса. Например, Фирн-Бэнкс трактует кризис как «наиболее важное событие с потенциально негативным эффектом, оказывающим влияние на организацию, компанию или индустрию, также как и на общественность, продукт, источники снабжения или доброе имя. Оно прерывает нормальные коммерческие операции и иногда может угрожать существованию организации». Похожих взглядов придерживаются Митрофф и Анагнос, хотя в определении кризиса ударение делают на масштабах влияния события на организацию. В их трактовке кризис – это «событие, которое влияет или имеет потенциал повлиять на всю организацию. Поэтому, если что-то оказывает влияние только на небольшую, отдельную часть организации, это может не быть крупным кризисом. Для возникновения крупного кризиса, оно должно вызвать большие потери человеческих жизней, собственности, финансовых доходов, репутации, и общее состояние и благополучие организации" [4, с.18]. Об отрицательных эффектах упоминает и Кумбс, который предпринял попытку уловить общие особенности в современной теории кризисных коммуникаций, давая дефиницию кризису. По Кумбсу, кризис – это восприятие непредсказуемой угрозы, которая может угрожать важным ожиданиям стейкходеров и может серьезно воздействовать на организацию, создавая отрицательные эффекты [5, с. 2-3]. О перцептивной природе кризиса упоминают и Улмер, Селлнау и Сиджер, когда пишут о том, что любые угрозы относятся к сфере нашего восприятия, и это обстоятельство повышает уровень неопределенности события: люди в организации могут по-разному относится к одной и той же угрозе, воспринимать ее в качестве потенциального кризиса или нет [2, с. 15-21].

Интересно подчеркнуть, что дефиниция категории «кризис», предложенная Улмером, Селлнау и Сиджером входит в группу определений с умеренно положительной оценкой кризиса. Исследователи рассматривают кризисы

в качестве «благоприятных возможностей для извлечения уроков и улучшения процессов работы», подчеркивая, что в силу своего характера кризисы имеют потенциал сделать организацию сильнее [2, с. 15].

Херманн выделил три характерные особенности, по которым кризис можно отличить от других неприятных происшествий: неожиданность, угроза и дефицит времени на реакцию. Учитывая данные характеристики кризиса, Улмер, Селлнау и Сиджер предложили определение организационного кризиса, объединяющее параметры всех типов кризисов, начиная от промышленных происшествий и заканчивая кризисами, вызванными стихийными бедствиями. Организационный кризис – «это особое, неожиданное и нестандартное событие или ряд событий, которые создают высокий уровень неопределенности и угрозы или воспринимаются как угроза для приоритетных (первоочередных) целей организации» [2, с.15-21].

Д.П. Гавра отмечает, что среди всего массива существующих дефиниций понятия кризис, наиболее авторитетными могут считаться определения, предложенные Т. Кумбсом и К. Фирн-Бэнкс, несмотря на то, что данные исследователи исходят из разных отправных точек: К.Фирн-Бэнкс работает в объективистском ключе, в то время как Т. Кумбс – в субъективистском [1, с.18-19].

Учитывая то, что большинство теоретиков так или иначе подчеркивают наличие отрицательных эффектов кризиса, кризисный менеджмент определяют как набор условий, сконструированных для преодоления кризиса и уменьшения ущерба, нанесенного им. Иначе говоря, кризисный менеджмент направлен на то, чтобы предотвратить или свести к минимуму негативные последствия кризиса и посредством этого защитить организацию, стейкхолдеров и индустрию от причиненного вреда. Кризисный менеджмент развился из готовности к аварийным ситуациям, поэтому включает в себя 4 взаимосвязанных процесса: 1) предотвращение, 2) подготовка, 3) реакция, 4) ревизия [5, с. 5-6]. Данные процессы соотносимы с тремя этапами кризисного менеджмента: докризис (осуществление превентивных мер), кризис (разработка и воплощение антикризисных планов), посткризис (оценка эффективности принятых мер). Изучение и анализ этих фаз кризисного менеджмента предоставляет механизм для понимания сферы действия кризисной коммуникации[4, с. 20].

В определении понятия кризисной коммуникации может быть выделено два базовых подхода: в рамках первого в качестве основной функции коммуникации в условиях кризиса выделяют информационную, в рамках второго – функцию убеждения, формирования мнения. Об этих функциях кризисной коммуникаци пишут, в частности, Пирсон и Клэр. Кризисные сообщения призывают реципиента принять некоторые действия во избежание возможных угроз или губительного эффекта и создают рациональное понимание риска, выполняют функцию убеждения. Кризисное сообщение делает понятным положение вещей и информирует о действиях, которые должны быть приняты [8, с. 543-544]. Таким образом, в классическом понимании кризисная коммуникация – это процесс сбора и обработки информации для кризисной команды принятия решений наряду с созданием и распространением кризисных сообщений для людей вне команды [4, с. 20-21] .

В целях укрепления положения кризисной коммуникация как самостоятельной дисциплины Д. П. Гавра предлагает освободить ее от излишней оценочной нагрузки и понимать как “коммуникационное взаимодействие социального субъекта, находящегося в кризисе, со всеми значимыми аудиториями (стейкхолдерами)» [1, с. 23].

Финк подчеркивает, что четкое понимание различий в понятиях кризисного менеджмента и кризисной коммуникации имеет жизненно важное значение для практиков кризисного менеджмента, которые зачастую употребляют эти термины как синонимы, что в корне неверно. Кризисный менеджмент имеет дело непосредственно с кризисной действительностью, то есть с действительностью того, что происходит на самом деле – фактическое управление действием, которое часто разворачивается за пределами внимания аудитории, в то время как кризисная коммуникация управляет восприятием этой самой действительности, сообщая общественности, что происходит (или то, что считается нужным знать общественности о происходящем), это формирование общественного мнения [6, с. 8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: матер. междунар. науч. конф., (23 апреля 2014 г.) / отв. ред.-сост. Д. П. Гавра. – СПб.: Свое издательство, 2014. – 158 с.

2. Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М. Эффективная кризисная коммуникация. – Харьков. – 2011. 267 с.

3. Чумиков А.Н. Управление кризисными ситуациями. URL: http://www.twirpx.com/file/653617/ (19.03.13)

4. Coombs T., Holladay S. The Handbook of crisis communication. – Chichester. – 2012. 737 p.

5. Coombs T. Ongoing crisis communication. – Los Angeles. – 2007. 207 p.

6. Fink S. Crisis communications. The definitive guide to managing the message. McGraw Hill Education, 2013. 315 p.

7. Jordan-Meier J. The four stages of highly effective crisis management: how to manage the media in digital age. – Boca Raton. – 2011. 296 p.

8. Spence P.R, Lachlan K.A., Griffin D.R. Crisis communication, race, and natural disasters/ P.R. Spence, K.A. Lachlan, D.R. Griffin //Journal of Black studies. - 2007. - № 4. – P. 539-554.

9. Pearson, C.M., Clair, J.A. Reframing Crisis Management/ C.M. Pearson, J.A.Clair//The Academy of Management Review. – 1998. - №1. – P. 59–76.

НАПРАВЛЕННОСТЬ САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ УЧАЩИХСЯ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аргунова М. П.,
аспирант,
кафедра методики преподавания иностранных языков,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
учитель английского языка,
Якутский городской лицей

Ключевые слова: саморазвитие личности, типология направленности, направленность саморазвития, обучение иностранному языку, среднее звено
Key words: personal self-development, orientation typology, self-development orientation, foreign language learning, middle school

Аннотация. В статье представлена типология направленности саморазвития личности учащихся в контексте обучения иностранному языку в основной общеобразовательной школе. Рассмотрены педагогические условия саморазвития личности в процессе обучения иностранному языку.

A typology of personal self-development orientation in the context of foreign language learning in the middle school is presented in the article. Pedagogical environment stimulating self-development during learning a foreign language is observed.

Средний школьный возраст (от 10-11 до 14-15 лет) представляет собой наиболее сложный переходный период от детства к взрослости, когда возникает центральное психическое, личностное новообразование человека – «чувство взрослости». Специфическая социальная активность подростка выражается в повышенной восприимчивости к усвоению ценностей и норм поведения [2, с. 176], поэтому весьма важно на этом этапе сформировать у подростка основу мировоззрения и шкалы ценностей, задать конструктивные установки его развития, сформировать привычку к постоянному саморазвитию личности. В этой связи актуальность приобретает целенаправленное создание педагогических условий саморазвития личности в процессе обучения в основной общеобразовательной школе, при этом благоприятную среду для стимулирования саморазвития в силу своего гуманитарного характера и богатого содержания представляют уроки иностранного языка.

Изучение языков способствует повышению познавательной активности, расширению кругозора, развитию умения применять опыт решения старых задач для решения новых, расширению картины мира, а значит, саморазвитию. По мнению Т. К. Цветковой, овладение иностранным языком – есть, прежде всего, приобщение к иной культуре, овладение новым социально-культурным содержанием [1]. Билингвальные дети обладают преимуществом, которое заключается в своеобразной «гибкости» мышления, творческом подходе к работе с информацией разных уровней. Также благотворное влияние билингвизма проявляется во взаимодействии с окружающими людьми – дети-билингвы характеризуются более высокой ориентацией на общение. При этом положительное влияние многоязычия отмечается не только в случае естественного билингвизма, но и в условиях приобретения второго языка в процессе обучения в школе [6, с. 120]. Таким образом, можно отметить большое значение обучения иностранному языку как основы саморазвития личности.

В процессе обучения иностранному языку мы опираемся на концепции И. А. Зимней и Я. С. Гальперина. Согласно И. А. Зимней [2], речевые механизмы соотносимы с тремя фазами речевой деятельности: мотивационно-побудительной, ориентировочно-исследовательской и исполнительной. В ориентировочно-исследовательской и исполнительной фазах речевой деятельности работают как общефункциональные механизмы, например, опережающее отражение, осмысление, оперативная и постоянная память, так и основывающиеся на общефункциональных специфически речевые механизмы. Мы придерживаемся точки зрения Я.С.Гальперина, что для оптимизации управления процессом усвоения знаний и умений в составлении ориентировочной основы действий для первоначального ознакомления с понятиями, первоначальной выработки навыков необходимо использовать поэтапное формирование умственных действий. Построенное на основе такого подхода обучение иностранному языку осуществляется в рамках деятельностной модели, состоящей из трех этапов: мотивационно-побудительного, аналитико-синтетического и реализующе-контрольного.

Целью мотивационно-побудительного этапа является формирование языковых знаний. Учебная деятельность состоит из презентации нового материала и перцептивно-репродуктивных упражнений, которые развивают универсальные умения производить действия по образцу, обобщать, выполнять структурные изменения в соответствии с речевой задачей, а также логические универсальные действия.

Цель аналитико-синтетического этапа – формирование речевых навыков. Учебная деятельность включает работу с текстом по изучаемой теме. На данном этапе используются репродуктивно-продуктивные упражнения, способствующие формированию универсальных личностных учебных действий, выраженных в самоопределении, нравственно-этическом оценивании и смыслообразовании, и универсальных коммуникативных учебных действий, связанных с осознанным построением высказывания.

Целью реализующе-контрольного этапа является формирование речевых умений. В учебную деятельность входят ролевые и деловые игры, круглый стол и презентация проектов. Учащимися выполняются продуктивно-творче-

ские упражнения. Деятельность учащихся на третьем этапе позволяет учащимся реализоваться как личность, что толкает их к саморазвитию.

Данная модель предполагает освоение каждой темы при последовательном прохождении ее трех этапов как повторяющегося цикличного процесса. Повторяющийся комплекс деятельностной модели благоприятствует прочному овладению универсальными учебными действиями, что развивает умение учиться, а значит, и способность учащихся к саморазвитию.

При этом в процессе обучения иностранному языку с целью обеспечения саморазвития личности учащихся в процессе обучения, а также повышения эффективности усвоения учебного материала необходимо создать следующие педагогические условия саморазвития личности учащихся:

1. Духовно-нравственный пример педагога;
2. Фасилитаторская деятельность педагога;
3. Интеграция духовно-нравственного воспитания и обучения на основе обогащения общечеловеческими ценностями содержания образования, построенного с учетом сферы жизненных интересов и условий учащихся.

Саморазвитие личности нами рассматривается как целенаправленное самоизменение в соответствии с задачами деятельности и целями жизни, которое определяется генотипом и фенотипом и имеет неравновесный, нелинейный и случайный характер. За основу исследования саморазвития личности учащихся нами принята концепция А.В.Петровского [5], рассматривавшего личность в трех аспектах, а также структура индивидуальности В.П.Кузовлева (трехкомпонентная структура индивидуальности, включающая индивидную, субъектную и личностную подструктуры) [4]. Согласно данной классификации, личностная подструктура включает в себя сферу жизненных интересов, в то время как индивидная и субъектная – возрастные и психологические особенности и познавательную стратегию человека.

В сфере личностной подструктуры саморазвитие может выражаться в расширении кругозора, появлении новых хобби и увлечений, развитии нравственного стержня, повышении общей жизненной успешности и т.п. В сфере индивидной подструктуры саморазвитие может быть выражено в укреплении психологической системы саморегуляции. В сфере субъектной подструктуры саморазвитие проявляется в расширении познавательных стратегий, развитии гибкости мышления, увеличении набора и автоматизации универсальных учебных действий и т.п.

Содержательная характеристика саморазвития личности учащихся в процессе обучения иностранному языку в основной общеобразовательной школе определяется развитием коммуникативных, творческих и аналитических способностей личности. Поскольку личность представляет собой взаимосвязанную систему, саморазвитие личности может протекать во всех проявлениях жизни учащихся, которые в контексте обучения иностранному языку можно объединить в три основные сферы: социальная успешность, учебная успеваемость и успешность овладения иностранным языком.

Под социальной успешностью личности мы подразумеваем наличие у ребенка друзей, его присутствие в референтной группе одноклассников, наличие у него хобби и внутренней учебной мотивации, благоприятствующей повышению учебной успеваемости, что может быть связано с развитием у ребенка познавательных и логических универсальных учебных действий. Под учебной успеваемостью в нашем исследовании мы подразумеваем семестровые оценки по иностранному языку. Под успешностью овладения иностранным языком мы имеем в виду степень владения иностранным языком по аспектам. Последние две сферы нами разграничены, поскольку учебная успеваемость представляет собой сложносоставную величину, зависящую не только от уровня владения языком по нескольким аспектам, но и от метапредметных умений и навыков учащихся, таких как упорство в достижении цели, общительность, аккуратность и т.п.

Автор кодификатора планируемых результатов освоения основной образовательной программы, внедряемого в общеобразовательных учреждениях г.Якутска, М.М.Шалашова [7] пишет, что требования к результатам освоения основной образовательной программы могут быть представлены в виде системы личностных, предметных и метапредметных результатов. Под личностными М.М.Шалашова понимает ценностно-смысловую ориентацию учащихся. Метапредметные результаты представляют собой систему универсальных учебных действий, интегрированных понятий, которые должны быть сформированы у учащихся. Показателем личностного развития учащегося, по мнению ученого, являются освоенные им способы действий, необходимые для дальнейшего обучения, самостоятельного поиска познавательной информации, готовности к взаимодействию с окружающими. Предметные результаты определяют систему знаний и умений.

На основе данного подхода с целью оценки эффективности педагогических условий саморазвития в процессе обучения иностранному языку, а также для выявления типа направленности саморазвития личности учащихся была разработана типология направленности саморазвития. На основе сочетания приведенных параметров нами выделено семь типов: 1) социальный; 2) учебный; 3) иноязычный; 4) социально-учебный; 5) социально-иноязычный; 6) учебно-иноязычный и 7) общий.

Данные типы можно подразделить на три группы: односоставные (социальный, учебный и иноязычный тип), двусоставные (социально-учебный, социально-иноязычный и учебно-иноязычный) и трехсоставные (общий). На наш взгляд, принадлежность к односоставным типам подразумевает начальную стадию саморазвития личности – зародившись в одной из жизненных сфер, процесс не успел затронуть другие. Принадлежность к двусоставным типам – признак наличия прогрессирующей стадии процесса саморазвития личности. Принадлежность к трехсоставным означает, что процесс саморазвития личности протекает во всех сферах, а значит, находится в активной стадии. Таким образом, данная типология направленности саморазвития позволяет определить прогресс процесса саморазвития личности.

Анализ выполненных контрольных заданий показал, что в обучении экспериментальной группы необходимо было сделать упор, в первую очередь, на развитии умений чтения и говорения, а также уделить повышенное внимание изучению лексики и грамматики. Поскольку преобладающее число учащихся оказалось носителями визуального стиля учения, следовало усилить преподавание грамматики опорой на схемы, таблицы и визуальные образы. При

обучении говорению также было решено использовать иллюстративный материал. Поскольку на втором месте по распространению в данной группе находился кинестический стиль, необходимо было включить в процесс обучения подвижные игры, возможность тактильной работы с учебным материалом. Также для дополнительного развития аудиального стиля было целесообразно проводить вербальные параллели с родным языком, уделяя внимание проговариванию важных моментов.

Анкетирование выявило наличие в группе учащихся, не имеющих друзей. Для них, а также для тех, кто не вошел в референтную группу одноклассников, необходимо было создать условия успеха, которые могли быть созданы в рамках работы с элементами проектной методики и другой совместной творческой деятельности. Самоактуализация на уроке существенно способствует завоеванию уважения и признания одноклассников, включению в коллектив, повышению самооценки, учебной мотивации и обретению веры в себя.

УМК по английскому языку для школ с углубленным изучением английского языка авторов И.Н.Верещагиной и О.В.Афанасьевой, по которому обучались контрольная и экспериментальная группы, построен по принципу избыточности и предполагает свободный выбор заданий учителем на свое усмотрение. Обучение экспериментальной группы было интенсифицировано с помощью внедрения элементов игровой методики и викторин, организованных на основе взаимосвязанных упражнений из учебника, специального подбора учебных текстов и т.п. Все перечисленное было применено в комплексе на основе деятельностной модели обучения иностранному языку: на первом этапе презентация материала была реализована с опорой на визуальный материал, либо с включением подвижных игр; на втором этапе работа с текстом была организована по группам, с опорой на визуальные образы, словесные описания или инсценировку (для развития разных стилей учения); на третьем этапе были организованы дебаты, сценки, соревнования и защита исследовательских проектов по темам серий уроков. При этом на первом этапе модели был включен компонент сотрудничества, на втором этапе – соревновательный компонент, на третьем этапе – элементы творческой деятельности и на каждом из этапов – элементы групповой работы и опора на визуальные образы.

В целом, на основе учета особенностей учащихся экспериментальной группы в рамках экспериментально-опытного обучения нами были обеспечены условия для саморазвития их личности с упором на формирование активной жизненной позиции, духа товарищества, расширение кругозора и воспитание толерантности к мнению окружающих, развитие лексических, грамматических и речевых навыков.

Для оценки результатов нами в два этапа были проведены анкетирование по методике В.П.Кузовлева [3], анкетирование на определение учебного стиля, а также контрольные тесты и задания по грамматике, лексике, чтению, аудированию и говорению. Исследование позволило выявить существенный рост уровня сформированности навыков и умений по грамматике, лексике, монологической и диалогической речи учащихся экспериментальной группы, а также положительную динамику по чтению, что указывает на эффективность обучения иностранному языку в рамках экспериментально-опытного обучения.

Распределение учащихся по типу направленности саморазвития личности представлено в табл. 1.

Таблица 1. Тип направленности саморазвития личности учащихся

Тип направленности саморазвития личности	Контрольная группа	Экспериментальная группа
Отсутствие саморазвития	0%	7%
Социальный	14%	0%
Учебный	7%	0%
Иноязычный	0%	7%
Социально-учебный	21%	0%
Социально-иноязычный	21%	21%
Учебно-иноязычный	7%	21%
Общий	29%	43%

Из таблицы видно, что наиболее распространенными являются сложносоставные типы направленности: социально-учебный, социально-иноязычный, учебно-иноязычный и общий, что подтверждает интегральный характер процесса саморазвития личности: изменения в одной подструктуре влекут за собой изменения в другой. Отсюда видно, что первые, изолированные, типы направленности (социальный, учебный и иноязычный) представляют собой начальную стадию саморазвития – этап, когда изменения только начались в одной из подструктур и не успели затронуть другие.

Поскольку все замеры были произведены в одно и то же время для всех учащихся, успешность саморазвития их личности можно определить по стадии саморазвития – на основе предложенной нами типологии направленности саморазвития личности. При этом в экспериментальной группе у 43% учащихся – общий тип направленности, а значит, процесс саморазвития личности более результативен; в контрольной группе к этому типу принадлежат 29%, что существенно ниже, чем в экспериментальной.

Также была отмечена связь между уровнем интеллектуальных способностей и успешностью саморазвития личности. Высшая стадия саморазвития, то есть седьмой тип направленности, наблюдался у учащихся со средним и высоким уровнем интеллекта, согласно результатам теста Р.Б. Кэттэлла, в то время как начальная стадия была замечена у учащихся с самыми низкими в группе показателями по данному фактору.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что процесс обучения иностранному языку на основе деятельностной модели является благоприятной средой для создания педагогических условий саморазвития личности, эффективность которых подтверждена нашим исследованием. Разработанная нами типология позволяет проводить анализ успешности саморазвития и вносить необходимые корректировки в образовательный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: Изд-во МГПИЯ им. Мориса Тореза, 1999. – 199 с.

1. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. – 2-е изд., доп., испр. и перераб. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. – 384 с.

2. Кузовлев В.П. Методическая характеристика класса как средство индивидуализации процесса обучения иноязычному общению // ИЯШ – 1982. – № 6. – С.31.

3. Кузовлев В.П. Структура индивидуальности учащегося как основа индивидуализации обучения иноязычной речевой деятельности // ИЯШ № 1, 1979. Сс. 21-29.

4. Петровский, А.В. Вопросы истории и теории психологии: избранные труды. – М.: Педагогика, 1984. – 272 с.

5. Фомин, М.М., Федоров, Н.В. Языковое воспитание детей в двуязычной семье: монография. – Якутск: Изд-во Северо-Восточного федерального университета, 2010. – 129 с.

6. Шалашова, М.М. Кодификатор личностных и метапредметных результатов // Справочник заместителя директора школы. - № 4 / 2013. – С. 51-62.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И МЕТОДЫ ЕЁ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКИМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

Артемова Л.А.,
старший преподаватель, аспирант,
кафедра русского языка как иностранного,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Ключевые слова: интерференция, русский язык как иностранный, китайская аудитория, обучение русским прилагательным
Key words: interference, Russian as a foreign language, the Chinese audience, teaching Russian adjective

Аннотация. В данной статье рассматривается учёт интерферирующих факторов при обучении русским прилагательным китайских студентов. Использование родного языка в роли помощника значительно упрощает восприятие материала студентами и делает учебный процесс более результативным. Преподавателю следует использовать соответствующую стратегию при преподавании, а также создавать упражнения, которые помогут преодолеть потенциальные ошибки в речи студентов.

This article examines accounting interfering factors in teaching Russian adjective Chinese students. The use of the mother tongue as an assistant simplifies perception of the material the students and makes the learning process more effective. The teacher should use appropriate strategies for teaching, as well as create exercises that will help to overcome the potential errors in the speech of students.

В настоящее время в российских вузах большую часть контингента студентов-иностранцев составляют китайские учащиеся. Студенты на разных этапах изучения русского языка не могут избежать явления интерференции родного (китайского) языка. В данной статье рассматривается учет интерферирующих факторов родного языка при обучении китайских студентов русским прилагательным.

Известно, что при изучении иностранного языка родной язык или первый иностранный оказывают отрицательное воздействие (интерференцию) на новый язык, провоцируя многочисленные ошибки, особенно на лексическом уровне. [11, с. 5] Стоит подчеркнуть, что степень генетического сходства или расхождения родного и изучаемого языка во многом определяет вероятность возникновения интерференции. «…родственные языки в общем учить легче, чем далекие…» [2, с. 47]. Китайский и русский языки являются далекими друг от друга в генеалогической классификации. Следовательно, китайским студентам трудно освоить все явления русского языка. На начальном этапе изучения иностранного языка противостоять влиянию интерферирующих факторов особенно сложно. «…родной язык, несомненно, можно устранить из учебного процесса, но его нельзя устранить из головы учащегося». [8, с. 52] Перед преподавателем стоит задача учитывать то, что сочетаемость в китайском (родном для студентов) и русском языках различная. Отбор материала, основанный на критерии несовпадения значений прилагательных русского и китайского языков, объяснение разницы в сочетаниях языковых единиц при подаче материала помогают повысить эффективность обучения.

Студенты неосознанно переносят закономерности родного языка на изучаемый язык. Интерференция – результат столкновения и наслоения культурного и языкового опыта учащегося с новым языком и, соответственно, культурой. Интерференция – явление, возникающее неосознанно. Интерференция затрудняет успешное овладение иноязычной системой. [6, с. 22]. При подаче языкового материала является эффективным производить сопоставительный анализ русских прилагательных с китайскими, что поможет на этапе знакомства с лексикой избежать неосознанного переноса явлений родного языка на изучаемый язык.

На лексическом уровне интерференция обусловлена несовпадениями в отношениях между означающими, означаемыми и знаками в разных языках. Часто можно наблюдать различия ассоциативных полей лексики, несовпадения лексической сочетаемости и многое другое. [5, с. 5] Лексическая интерференция – «все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре» [5, с. 129]. Различают три главных типа лексической интерференции: 1) заимствование; 2) калькирование: 3) семантическая интерференция и 4) изменение употребительности лексической единицы одного языка под влиянием единицы другого языка. Рассмотренные нами структуры прилагательных позволяют нам дополнить классификацию еще одним видом – сочетаемостной интерференцией. При изучении русских прилагательных студенты затрудняются в выборе подходящего существительного, так как сочетаемость в двух языках разная. При подаче материала следует сразу показывать студентам возможную сочетаемость отобранных прилагательных с существительными в русском языке. Например, сочетаемость таких прилагательных, как густой, твёрдый, бедный, верный, сырой, круглый, гибкий, глубокий, глухой, добрый, резкий, сырой, точный с существительными в русским и китайском языках различная. Следовательно, нужно акцентировать внимание на этом при подаче материала в аудиторию.

На лексическом уровне интерференция уходит своими корнями в неформализованную логико-семантическую область. Когда сопоставляются значения двух или более слов разных языков, необходимо рассматривать всю цепь их парадигматических связей и синтагматику, т. е. функционирование слова. Этим и объясняется объем трудностей, возникающих при описании интерференции в области лексической семантики. [4, с. 114] Лексическая интерференция – вмешательство лексики одной языковой системы в другую [9, с. 134]. «При лексической интерференции наиболее частотным механизмом является заимствование, а межъязыковое отождествление наблюдается в основном при так называемых семантических сдвигах – изменениях

значения слова под влиянием отождествленного с ним близкого, но не полностью совпадающего по значению слова другого языка» [1, с. 40]

Типичными примерами интерференции на лексическом уровне в аспекте русских прилагательных могут послужить: неверное употребление прилагательного, расширение или сужение лексического значения прилагательного, образование несуществующих единиц с использованием иностранных суффиксов.

Пригорская А.Г., описывая лексико-семантическую интерференцию в речи учащихся молдавских школ, делает вывод, что «весьма сложной методической проблемой, трудности которой возрастают в связи с интерферирующим влиянием родного языка, является проблема изучения сочетаемости слов. Наблюдения над русской речью учащихся молдавских школ показывает, что учащиеся затрудняются в выборе подходящего сочетания слов. В определении основных сочетательных возможностей слова по причине расхождений в лексической сочетаемости и совместной встречаемости слов – эквивалентов в русском и молдавском языках». [7, с. 23] Преподавателю следует создавать упражнения на отработку навыков студентов сочетать прилагательные с другими словами.

Интерференция ярко проявляется в тех случаях, когда изучающий иностранный язык допускает ошибки в устной и письменной речи на иностранном языке, перенося правила родного языка на изучаемый, и при этом игнорируя нормы речи изучаемого языка. В случае скрытой интерференции изучающий иностранный язык не допускает ошибок, заменяя сложные грамматические и лексические конструкции простыми. В этом случае не наблюдаются ошибки, но речь учащихся упрощается и беднеет.

Явление интерференции напрямую связано с соотнесением системы родного языка и с методом преподаванием языка иностранного. Современная практика преподавания иностранных языков доказывает, что преподавание, игнорирующее родной язык учащихся, не является эффективным. «Использование знаний родного языка учащихся в процессе преподавания иностранного упрощает восприятие новых явлений иностранного языка учащимися, что делает процесс обучения более простым и результативным» [3, с. 323].

Преподавателю-русисту целесообразно учитывать специфику структуры родного языка учащихся, чтобы уметь корректно подбирать примеры, помогающие студентам соотнести данную категорию и способы ее выражения в родном и изучаемом языках. [10, с. 30]. Родной язык учащихся может выступать в качестве помощника при показе студентам разницы в значениях прилагательных в русском и родном языках. Так студенты сами видят разницу в структуре русских прилагательного. Данный способ является эффективным, потому что осмысление всех значений слова русского и родного языка дает учащимся возможность осознанно противостоять влиянию интерферирующих факторов родного языка.

Ошибки, спровоцированные интерференцией, могут появляться на всех уровнях языка: фонетическом, морфо-синтаксическом, лексико- семантическом. Прогнозирование ошибок в русской речи иностранцев – хороший лингвометодический прием при презентации любого языкового материала. Частично методика преподавания русского языка строится на прогнозировании ошибок, которые может допустить обучаемый, перенося знания родного языка на изучаемый.

Осведомленность о типах ошибок учащихся является необходимой для преподавателя, только при наличии этих знаний преподаватель способен должным образом и своевременно корректировать ошибки учащихся и определить их причину.

Преодоление ошибок, вызванных интерференцией, может осуществляться по двум направлениям: профилактическое и корректировочное. Профилактические меры направлены на то, чтобы не допустить возможных ошибок, корректировочные – на исправление уже имеющихся ошибок.

Можно выделить профилактические меры по предупреждению интерференции: 1) преподаватель должен быть компетентен не только в иностранном языке, но и в родном языке учащихся; 2) учитывать особенности родного языка учащихся, постоянно помнить о типичных ошибках, которые совершают изучающие иностранный язык; 3) иметь список типичных ошибок, которые следует рассмотреть и проанализировать перед подачей материала в иностранную аудиторию; 4) сбор ошибок в базу, которая разделяет ошибки на письменные и речевые; 5) использовать соответствующую стратегию при преподавании, а также упражнения, которые помогут преодолеть потенциальные ошибки. Мы также считаем эффективным: 1) создание упражнений, направленных на преодоление ошибок, вызванных интерференцией на лексическом уровне; 2) упражнения с прилагательными, которые меняют своё лексическое значение в зависимости от существительного, с которым они используются; 3) упражнения для перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акимова И. И., Киргизов В. Д. Методическая целесообразность учета типологических особенностей родного языка учащегося при обучении русскому языку как иностранному (на примере категории субстантивного числа в русском и китайском языках). Русский язык как средство реализации диалога культур: сборник статей участников 2-й Международной научно-практической конференции 16-18 марта 2005 года. – Хабаровск: Издательство хабар. Гос. техн. Ун-та, 2005. 300 с.

2. Багана Ж., Хапилина Е. В. Контактная лингвистика : Взаимодействие языков и билингвизм: монография / Ж. Багана, Е. В. Хапилина. – М.: Флинта : Наука, 2010. 128 с.

3. Блажевич Ю. С. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на материале языка русских эмигрантов в Португалии). Диссертация кандидата филологических наук. 10.02.19. НИУ «Белгородский государственный университет». Белгород, 2011. 170 с.

4. Васильева Г. М., Вишняков С. А. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку : учеб. пособие для высш. Учеб. заведений / [Г. М. Васильева и др.] ; под ред. И. П. Лысаковой. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 270 с.

5. Литвинова Е. М. Лингвистическая интерференция при переводе. Учебное пособие. НОУ ВПО «Московская гуманитарно-техническая академия» Факультет иностранных языков, Кафедра общей лингвистики и переводоведения. Москва, 2009. 48 с.

6. Малых Л. М. Введение в мультилингвальное обуче-

ние. Принципы сравнения языков: учеб. пособие / науч.ред. Т. И. Зеленина. – М.: Флинта : Наука, 2011. 112 с.

7. Пригорская А. Г. Лексико-семантическая интерференция в речи учащихся молдавских школ. Монография. Министерство Народного Образования Молдавской ССР. Научно-исследовательский институт педагогики. Кишинев, «Штиинца», 1989. 113 с.Розанова С. П. Лексическое трудности при изучении русского языка: Учеб. пособие / С. П. Розанова, Т. В. Шустикова. – М.: Флинта : Наука, 2009. 184 с.

8. Слесарева Ирма Петровна Проблемы описания и преподавания русской лексики: Учебное пособие. Изд. 3-е, испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 176 с.

9. Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция. Сборник научных трудов. Министерство народного образования Казахской ССР. Казахский Ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1989. 170 с.

10. Chinese language interference in written English. Nancy Duke S. Lay. http://wac.colostate.edu/jbw/v1n1/lay.pdf

ВАРИАНТНОСТЬ, СИНОНИМИЯ И АНТОНОМИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Белоусова Л.Д.,
старший преподаватель,
кафедра англистики и межкультурной коммуникации,
Институт иностранных языков,
Московский городской педагогический университет

Ключевые слова: фразеологическая вариантность, фразеологическая синонимия, фразеологическая антонимия, фразеологические единицы, характеризующие внешность, семантическая группа
Key words: phraseological variability, phraseological synonymy, phraseological antonymy, phraseological units characterising appearance, semantic group

Аннотация. В статье рассматривается проблема отличия фразеологической вариантности от фразеологической синонимии, а также особенности явления фразеологической антонимии. Основная часть статьи посвящена анализу и сравнению различных типов фразеологических вариантов, синонимов и антонимов, характеризующих внешность человека в английском и русском языках. Сформулированы выводы о современном состоянии проблемы фразеологической вариантности, синонимии и антонимии, а также об общих и различных чертах данных явлений в двух языках.

The article is devoted to the problem of distinction of phraseological variability from the phraseological synonymy and it also covers the problem of phraseological antonymy. A considerable part of the article deals with the analysis and comparison of different types of phraseological variants, synonyms and antonyms characterising people's appearance in the English and Russian languages. As a result of the analysis, deductions were made on the current state of the problem of phraseological variability, synonymy and antonymy and also about some common and different features of these phenomena in two languages.

Многие лингвисты на протяжении долгого времени занимаются проблемой вариантности, синонимии и антонимии фразеологических единиц. Как в русском, так и в английском языке существует большое количество фразеологизмов, сходных по семантике, но различающихся своим лексико-грамматическим оформлением, однако ученые по разному трактуют это явление и дают разные определения вариантам фразеологических единиц. Явление вариантности достаточно тесно связано с синонимией. Основным вопросом, который пытаются разрешить в данной области является вопрос - что считать вариантами, а что - синонимами того или иного оборота. При разграничении данных явлений возникают трудности теоретического и практического характера.

При рассмотрении проблемы вариантности фразеологических единиц большинство ученых принимает во внимание три направления: вариантность и инвариантность, тождественность и вариантность, вариантность и синонимия. В.М. Солнцев определяет инвариант как «абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от ее конкретных модификаций - вариантов» [6, с.33].

Существует большое количество определений фразеологического варианта. Одним из наиболее распространенных является определение, предложенное Н.А. Кирсановой: «Под вариантами фразеологических единиц понимаются формы, которые различаются отдельными компонентами или их грамматическим оформлением» [3, с.24]. Н.Н. Амосова дает другую формулировку: «Структурными вариантами идиомы являются сочетания, допускающие известные формальные вариации второстепенного порядка, не отражающиеся ни на мотивировке идиомы, ни на характере ее реализации» [1, с.100].

А.И. Смирницкий определяет фразеологические варианты как формальные изменения, т.е. изменения по лексическому составу, а также утверждает, что признание тех или иных образований вариантами одного и того же слова требует следующих условий:

а) «чтобы, различаясь, они имели общую корневую часть, а следовательно – материально, в звуковой оболочке выраженную лексико-семантическую общность»;

б) «чтобы, вместе с тем, не было соответствия между материальными, звуковыми различиями и различиями лексико-семантическими, т.е. чтобы первые не выражали последних» [5, с.13].

Также, А.И. Смирницкий отмечает, что «различие между вариантами, не являющееся различием грамматических форм, может быть либо лексико-семантическим, не выраженным во внешней стороне слова, либо, напротив, внешним, но тогда не выражающим никакого лексико-семантического различия» [5, с.14]. Концепция вариантности слова, предложенная А.И. Смирницким, положена в основу определений фразеологических вариантов и других ученых, занимающихся фразеологией.

А.В. Кунин указывает на то, что фразеологические варианты - это «разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [4, с. 26]. А.В. Кунин выделяет пять типов фразеологических вариантов. Рассмотрим данные типы на примере фразеологических единиц, характеризующих внешность человека:

1. Лексические варианты - это такие разновидности фразеологических единиц, в которых один или несколько компонентов допускают взаимозамену, которая не нарушает общего тождества. Основным условием тождества фразеологизма является наличие в его вариантах хотя бы одного общего компонента и сущность их лексического значения, так как на основе общности семантики несколько оборотов объединяются в один фразеологизм. Например, в английском языке: (as) thin as a rake/ as a stick/a rail/a lath/ as a thread-paper/as a whipping-post (букв. худой как щеп-

ка/палка/рельс/планка/полоска бумаги/позорный столб) - худой как скелет; be as tall as a beanpole/lamppost (букв. высокий как жердь/фонарный столб) - каланча. В русском языке: пугало (чучело) огородное (гороховое).

Для лексической вариантности характерно синонимическое отношение варьируемых компонентов или их тематическое сходство.

2. Морфологические варианты - разновидности фразеологических единиц, один из компонентов которых изменяет свои морфологические категории. Морфологические изменения могут наблюдаться в фразеологических единицах разных структурных типов как в английском так и в русском языках: easy on the eye(s) - приятный на вид, приятной наружности; to look like death warmed up/over - краше в гроб кладут; (as) ugly as sin - страшный как смертный грех; knit one's brows/brow - хмурить брови. В русском языке: худ/худой как щепка - об очень худом человеке; чуть от земли видать (видно/виден) - очень маленького роста; бледен как смерть/ бледный как смерть - очень бледный.

3. Синтаксические варианты - фразеологические обороты с изменениями синтаксической структуры. В английском языке: a black look/to look black - выглядеть сердитым, мрачным, хмуриться; Beauty is only skin-deep/Beauty is but skin deep - Красота только на поверхности; bag of wind/wind bag - болтун, пустозвон. В русском языке: косая сажень в плечах/плечи косая сажень - человек могучего телосложения,очень широкий в плечах; во плоти и крови/ облечься в плоть и кровь - получать доступный для восприятия вид; как небо и земля/ небо и земля - не иметь никакого сходства, очень отличаться внешне и внутренне.

4. Позиционные варианты - фразеологические единицы у которых возможна вариация местоположения или перестановка компонентов. Например, в русском языке: каланча пожарная/пожарная каланча - очень высокий человек; ходячий скелет/ скелет ходячий - очень худой человек. Необходимо отметить, что в рассматриваемой группе фразеологических единиц, характеризующих внешность человека, в английском языке отсутствуют позиционные варианты.

5. Квантитативные варианты - варианты фразеологических единиц с неодинаковым числом компонентов, образованные путем их усечения или прибавления, при этом семантика фразеологической единицы остается неизменна. Например, в русском языке: не идет (ни) в (какое) сравнение - несоизмеримый; (одна) кожа да кости - чересчур худой и изможденный. В английском языке: (as) fat as an alderman - тучный, полный; (mere) skin and bones - кожа да кости.

Также необходимо отметить, что некоторые исследователи выделяют орфографические варианты фразеологических единиц, которые создаются вариацией написания одного и того же фразеологического оборота. Например, в английском языке: can't say bo/boh/boo to a goose - робок, мухи не обидит. Однако в группе фразеологических единиц, характеризующих внешность человека, таких вариантов не встречается ни в русском ни в английском языке.

Для того чтобы отличить фразеологические варианты от синонимов, необходимо рассмотреть определения разных ученых в отношении явления фразеологической синонимии. Как в вопросах вариантности, так и в вопросах фразеологической синонимии до сих пор не выработалось единого мнения ученых по данному аспекту.

В.П. Жуков говорит о том, что «фразеологические синонимы - это фразеологизмы с тождественным или предельно близким значением, соотносительные с одной и той же частью речи, по преимуществу обладающие одинаковой или сходной синтаксической сочетаемостью (эта особенность характерна прежде всего для одноструктурных фразеологизмов), но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения; либо стилистической окраской, либо тем и другим одновременно» [2, с.140].

М.И. Фомина подчеркивает, что к фразеологическим синонимам относятся близкие или тождественные по значению единицы, которые имеют схожую грамматическую и функциональную роль, но по-разному характеризуют обозначаемое явление [7]. Основываясь на том факте, что фразеологические синонимы сходны с лексическими, у них можно выявить следующие качества:

1. При наибольшем семантическом сближении, у них есть различия в оттенках значения, сфере употребления, стилевой принадлежности, экспрессивно-стилистической роли;

2. Фразеологические синонимы соотносятся с одной и той же частью речи;

3. Они могут иметь сходные или различные структурно-грамматические модели;

4. Отличаются похожей или одинаковой лексической (или синтаксической) сочетаемостью [7].

В зависимости от своих семантических и стилистических показателей, выделяют три разновидности фразеологических синонимов:

1. Идеографические фразеологические синонимы - фразеологические единицы, которые выражают одно и то же понятие, но отличаются оттенками семантики, например в английском языке: (as) lean as a rake - to be very thin (тощий, худой как щепка); (as) dry as a mummy - to be extremely thin (высохший как мумия, чересчур худой). В русском языке: не ахти какой - о ничем не выделяющемся, среднем, заурядном человеке, не отличающемся яркими свойствами или особенностями (обычно с оттенком неодобрительности); ногтя не стоит - о совершенно ничтожном в сравнении с кем-либо человеке (обычно с оттенком презрения).

2. Стилистические фразеологические синонимы - фразеологические единицы, тождественные по своему значению, но отличающиеся в стилистическом плане. Необходимо отметить, что стилистические различия могут проявляться в одноструктурных синонимах и их не следует путать с фразеологическими вариантами, например в английском языке: a yard of pump water - тощий, как скелет (жарг.); (as) thin as a rake - худой, тощий (нейтр.). В русском языке: худ/худой как щепка - очень худой, тощий (разг.); живые мощи - очень худой, тощий (книжн.).

3. Стилистико-идеографические фразеологические синонимы - фразеологические единицы, которые различаются одновременно и в семантическом плане (разными оттенками значения) и в стилистическом, например, в английском языке: be all fur coat and no knickers - обманчивая привлекательность (брит. разг.); Beauty dies and fades away, but ugly holds its own. - Красота только на поверхности. Не в красоте ценность человека.(пословица, книжн.). В русском языке: глиста в скафандре - тощий, как скелет; высокая, худая, некрасивая девушка (жарг.); худ/худой как щепка - очень худой, тощий (разг.).

В данную классификацию не входят такие фразеологические обороты, которые различаются по своему структурному и лексическому составу, но являются одинаковыми по своему значению и стилистике. И.И. Чернышова определяет такие фразеологические обороты как равнозначные фразеологические синонимы [8]. Если придерживаться точки зрения И.И. Чернышевой в отношении фразеологической синонимии, можно фактически исключить явление вариантности фразеологических единиц. Однако, принимая во внимание определения фразеологических вариантов, которые были рассмотрены выше, мы полагаем, что такие одноструктурные фразеологизмы следует относить к вариантам одной и той же фразеологической единицы.

Фразеологические единицы, также как и лексические, могут вступать в антонимические отношения. Однако, необходимо отметить, что антонимия лексических единиц развита намного глубже, нежели антонимия фразеологических единиц. Это возможно объяснить тем, что в лексикологии объем изучаемых понятий и реалий намного шире, чем во фразеологии, а в семантику лексических единиц входит намного больше явлений окружающей действительности. Наиболее важными семантическими признаками антонимов являются противоположные значения и семантическая общность, то есть, как и лексические, так и фразеологические антонимы должны выражать одно и то же родовое понятие. В работах ряда исследователей также обозначается еще один обязательный признак антонимов - хотя бы частичное совпадение сочетаемости. А.В. Кунин определяет фразеологические антонимы как «кореферентные фразеологизмы, относящиеся к одному грамматическому классу, частично совпадающие или полностью не совпадающие по лексическому составу, имеющие общий семантический компонент при наличии полярных значений и различающиеся или совпадающие в стилистическом отношении» [4, с.57]. Из рассматриваемых в данной работе фразеологических единиц, характеризующих внешность человека в английском и русском языках, можно выделить несколько семантических групп фразеологических антонимов, таких как:

1. Низкий рост - высокий рост. В английском языке: be as tall as a beanpole (высокий как каланча) - a bit-size boy (мальчик с пальчик). В русском языке: верста коломенская (очень высокий и худощавый) - мужичок с ноготок (мальчик или мужчина очень маленького роста).

2. Худоба - полнота. В английском языке: be reduced to a skeleton (быть истощенным, превратиться в кожу да кости) - like the side of a house (толстый как бочка). В русском языке: живые/ходячие мощи (о предельно исхудавшем, изможднном человеке) - поперек себя толще (об очень полном человеке).

3. Красивый внешний облик - уродливый внешний облик. В английском языке: be as cute as a button (симпатичная как куколка) - an ugly duckling (гадкий утенок, некрасивый человек). В русском языке: ни кожи ни рожи (кто-либо некрасивый внешне или худой) - Апполон Бельведерский (красивый, физически совершенный юноша, мужчина).

4. Внешнее сходство - внешнее различие. В английском языке: like two peas in a pod (похожий как две капли воды, имеющий абсолютное внешнее сходство) - cannot hold a candle to someone/ be not a patch on (не выдерживать сравнения с кем-либо, в подметки не годиться кому-либо). В русском языке: как две капли воды напоминать/похож (лицо или предмет имеет абсолютный аналог, очень похож внешне на другого человека или предмет) - другой породы/ другого пошиба (человек, сильно отличающийся от других людей по своим каким-либо качествам); на одну колодку (очень похожий одинаковый) - белая ворона (редкий, необычный по своим качествам человек, резко выделяющийся среди других людей).

5. Здоровый внешний вид - болезненный внешний вид. В английском языке: be as fit as a fiddle (выглядеть как огурчик, свежим и здоровым) - be no spring chicken (не первой молодости/свежести, выглядеть постаревшим). В русском языке: кровь с молоком (румяный, цветущий, крепкий) - краше в гроб кладут (о худом человеке с нездоровым видом).

6. Красивая и модная одежда - старая и немодная одежда. В английском языке: in your glad rags (при полном параде, шикарно одетый) - down at hill (бедно и неряшливо одетый). В русском языке: в пух и (в) прах разодеться (одеться крайне пышно и нарядно) - ни к черту не годиться (оценочная характеристика чего-либо (одежды) как никуда не годной, очень плохой).

7. Обычная внешность - необычная, выделяющаяся внешность. В английском языке: Plane Jane (простушка, женщина с ничем не выделяющейся внешностью) - a rare bird (редкая птица, необычный человек). В русском языке: не ахти какой (о ни чем не выделяющемся, среднем, заурядном человеке) - весь из себя (демонстративно роскошный (лицо или группа лиц кичиться своей внешностью, внешними атрибутами и т.п.)).

Таким образом, английские и русские фразеологические единицы, характеризующие внешность человека вступают в синонимико- антонимические отношения, что является проявлением системных свойств фразеологического состава обоих языков. И в русском и в английском языках встречается достаточно большое количество вариантов фразеологических единиц, при этом в обоих языках чаще всего встречается лексический тип варьирования, при котором меняется один или несколько компонентов фразеологической единицы. Также целесообразно отметить, что в обоих языках в рассматриваемой группе фразеологических единиц присутствуют разные типы фразеологических синонимов (идеографические, стилистические, а также стилистико-идеографические и фразеологические синонимы), также как и несколько семантических групп фразеологических антонимов.

В целом, рассмотрев определения фразеологических синонимов, антонимов и вариантов, предложенные разными учеными, их признаки и примеры в русском и английском языках, можно сделать вывод о том, что в обоих сравниваемых языках существуют разные виды варьирования. При этом проблема отождествления и идентификации фразеологических единиц не может считаться до конца решенной. Существует ряд противоречивых моментов при разграничении фразеологических вариантов и фразеологических синонимов. Изучение различных точек зрения ученых при определении лингвистического статуса фразеологического варианта, и исследование специфики фразеологического варианта в английском и русском языках позволяют говорить о том, что вариативность является фундаментальным свойством языка, присущим всем его

единицам и уровням. При этом, фразеологическая вариантность является частной проблемой вариантности в языкознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. - Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1963. - 208 с.

2. Жуков В.П. Русская фразеология. - М.: Высшая школа, 1986. - 310 с.

3. Кирсанова Н.А. Значение и структура фразеологической единицы. - Саратов, 1979. - 65 с.

4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1986. - 336 с.

5. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. - М.: Изд-во лит-ры на ин. языках, 1956. - 260 с.

6. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы, «Вопросы языкознания», 1984, № 2. - с.31-43.

7. Фомина М.И., Бакина М.А. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие. - М.: Изд-во ун-та Дружбы народов, 1985. - 63 с.

8. Чернышова И.И. Актуальные проблемы фразеологии, «Вопросы языкознания», 1977. - №5. - с. 225-245.

СЛЕДСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ – ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО НА МЕСТЕ КРАЖИ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ ИЗ ТРУБОПРОВОДОВ

Булатецкий А.С.,
адъюнкт,
кафедра криминалистики,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

Ключевые слова: типичная следственная ситуация, первоначальный этап расследования, кража нефти и нефтепродуктов из трубопроводов, подозреваемый, задержание
Key words: typical investigative situation, the initial stage of investigation, theft of oil and petroleum products from pipelines, the suspect, detention

Аннотация. Задержание подозреваемого на месте преступления является одной из типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования краж нефти и нефтепродуктов из трубопроводов. В статье рассматриваются ее разновидности, анализируются проблемные вопросы организации и тактики их разрешения.

This article discusses the variety of investigating situation related to the detention of a suspect at the scene of the theft of oil and petroleum products from pipelines, analyzed this problem arising in the organization and tactics to resolve them.

Расследование краж нефти и нефтепродуктов из трубопроводов (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ), как правило, представляет собой сложный, кропотливый, а порой и достаточно длительный процесс выявления подозреваемых, собирания необходимых доказательств и преодоления порой мощного противодействия со стороны преступных групп, обладающих высокой организацией, значительным интеллектуальным и материальным потенциалом.

Изучение 170 уголовных дел по рассматриваемому виду краж позволило установить, что одной из типичных следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе их расследования, является та, в которой преступник (преступники) задерживается на месте совершения преступления либо по горячим следам (63% случаев).

Такое задержание происходит до возбуждения уголовного дела как лицами, осуществляющими охрану трубопроводов (сотрудниками службы безопасности, частных охранных предприятий, вневедомственной охраны и т.п.), во время регулярного патрулирования территории их пролегания, осуществления целенаправленного рейда или постоянного наблюдения за местом конкретной врезки в случае ее заблаговременного обнаружения – 43% случаев, так и сотрудниками оперативных подразделений правоохранительных органов (МВД, ФСБ) при проведении оперативно-розыскных мероприятий в ходе оперативных разработок – 39% случаев[1]. Кроме того, в 2% изученных случаев преступники были задержаны при транспортировке похищенного инспекторами ГИБДД на стационарном посту, однако, исходя из материалов данных уголовных дел, они были заранее оповещены о необходимости такого задержания сотрудниками службы безопасности потерпевшей организации. В оставшихся 16% случаев преступники были установлены и впоследствии задержаны при проверке заявления о преступлении в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, однако подобное задержание не относится к рассматриваемой следственной ситуации.

Указанная типичная следственная ситуация, с одной стороны, является наиболее благоприятной: преступник задержан с поличным и, казалось бы, дело за малым – зафиксировать факт преступления, быстро выполнить необходимые следственные действия и направить уголовное дело в суд для рассмотрения по существу. Однако, с другой стороны, и она зачастую имеет ряд особенностей, которые порой могут быть даже не известны следователю, значительно ее усложняющих. В первую очередь это происходит потому, что она является внезапной для следователя и требует заблаговременных организационных мер по обеспечению постоянной готовности следственно-оперативной группы, а также научно-технических средств, для выезда на место происшествия в любой момент и осуществлению там всех необходимых действий, в том числе по фиксации факта задержания[2].

Проведенное исследование позволяет выделить несколько основных разновидностей рассматриваемой следственной ситуации:

1) на месте преступления задержано одно лицо;

2) на месте преступления задержано несколько лиц;

3) на месте преступления задержано одно или несколько лиц, при этом установлено, что другим членам преступной группы удалось скрыться;

4) преступник задержан непосредственно после совершения кражи, как правило, при транспортировке нефти или нефтепродуктов.

В *первой* разновидности указанной следственной ситуации задержанное лицо, как правило, приезжает на автомобиле к месту уже ранее изготовленной врезки в трубопровод, либо отводу от нее, чтобы совершить хищение путем обычного перекачивания нефти или нефтепродуктов в цистерну автомобиля, которая может быть замаскирована в его кузове, или в любые другие емкости.

Исходя из криминалистической характеристики, кражи нефти и нефтепродуктов ввиду особенностей своего механизма обычно в одиночку не совершаются. Проведенное нами исследование показало, что группой лиц по предварительному сговору было совершено 89% всех преступлений по изученным нами «раскрытым» уголовным делам, организованной группой – 5%[3]. В практике также известны случаи, когда группа лиц, совершавших подобные кражи, была признана преступным сообществом, а их действия дополнительно квалифицированы по ч. 2 ст. 210 УК РФ[4]. И только в 6% случаев преступления якобы совершались в одиночку, что, судя по способу преступления, описанному в материалах уголовных дел, вызывало определенные сомнения. Поэтому в рассматриваемой разновидности следственной ситуации задержанный, скорее всего, является обычным исполнителем в рядах высокоорганизованной

преступной группы, задача которого совершать регулярные непосредственные хищения нефти, нефтепродуктов и их транспортировка. Таким образом, одной из основных проблем, стоящих перед следственными органами, является определение всего механизма преступления и установление других членов преступной группы, прежде всего организаторов.

Ввиду изложенного, наиболее целесообразным в данной ситуации представляется выполнение следующих действий:

– тщательный осмотр места происшествия, а также прилегающей территории, с фиксацией и изъятием всех предметов, в том числе самой конструкции врезки, имеющих значение для расследования, и образцов веществ для последующего их исследования;

– опрос задержанного лица до возбуждения уголовного дела, подробный допрос подозреваемого, при наличии возбужденного дела, с выяснением всех обстоятельств и условий его участия в совершении кражи;

– тщательное изучение личности подозреваемого, его навыков и умений, в частности, способность самостоятельно изготовить врезку в трубопровод;

– опрос и последующий допрос представителя потерпевшего, специалиста и свидетелей, в том числе принимавших участие в задержании;

– направление отдельного поручения в оперативные подразделения о производстве оперативно-розыскных мероприятий по установления личностей других участников преступной группы, а также выявлению дополнительных свидетелей преступления;

– при наличии возбужденного уголовного дела производство обысков, в том числе неотложных, в различных помещениях, где могут находиться интересующие следствие объекты, например, храниться ранее похищенные нефть или нефтепродукты, инструменты для изготовления врезки и т.д.;

– собирание документов (путем выемки у представителя потерпевшего или направления соответствующего запроса об их предоставлении), содержащих сведения о причиненном материальном ущербе, стоимости и правильном наименовании похищенного, транспортировке нефти или нефтепродуктов, фактах падения давления в трубопроводе, его повреждении в результате совершенного преступления и работоспособности, возникновении аварийных ситуаций и т.д.;

– осмотр, при необходимости с участием специалиста, всех изъятых объектов и документов с последующим признанием их в качестве вещественных доказательств в соответствии с нормами УПК РФ;

– назначение соответствующих судебных экспертиз;

– решение вопроса об избрании меры пресечения для задержанного подозреваемого в виде заключения под стражу.

Следует заметить, что подобная ситуация может иметь некоторые особенности и в части квалификации преступления при его совершении посредством врезки в трубопровод с отводом, постоянно соединенным с накопительной емкостью, как правило, замаскированной под землей, из которой, собственно, и происходит конечное изъятие нефти, нефтепродуктов. Примером является следственная ситуация, когда Ф. был задержан сотрудниками полиции при перекачивании с помощью помпы дизельного топлива из емкости, закопанной в землю и соединенной отводом с врезкой в нефтепродуктопровод «Рязань – Тула – Орел», в емкость, замаскированную в кузовной части автомобиля «КАМАЗ». В ходе расследования Ф. признал свою вину только лишь в попытке совершить кражу именно из указанной емкости, а не из трубопровода. При этом он пояснил, что данную емкость ранее обнаружил случайно, кто закопал ее в землю, провел к ней отвод и выполнил врезку в трубопровод, ему не известно. В результате, ввиду отсутствия каких-либо доказательств о причастности Ф. к краже нефтепродуктов непосредственно из тела трубопровода, а также наличия у него сообщников, его действия были переквалифицированы на ч. 1 ст. 158 УК РФ и в последующем рассмотрены даже не федеральным, а мировым судом[5].

По нашему мнению, причиной такого исхода расследования стала откровенно непрофессиональная работа правоохранительных органов, которые должным образом не проанализировали и не оценили следственную ситуацию первоначального этапа расследования, предварительно не выявили «цепочку» преступных связей и, как следствие, упустили возможность доказать причастность обвиняемого к более тяжкому преступлению.

Во *второй* разновидности рассматриваемой следственной ситуации первоначального этапа расследования, совершенного группой, преступники могут быть задержаны как при совершении очередной кражи из ранее изготовленной врезки в трубопровод, так и при совершении преступления впервые.

В данной ситуации одной из основных проблем для органов предварительного следствия является четкое разграничение ролей каждого из участников преступления. Так, зачастую в преступных группах выделяются организаторы, которые в первую очередь координируют деятельность всей группы, а иногда и осуществляют ее первоначальное финансирование; непосредственные исполнители – выполняют врезку, занимаются непосредственным хищением, транспортировкой и т.д.; и так называемые наблюдатели – предупреждают о появлении любых посторонних лиц в момент совершения преступления[6].

Кроме того, отдельно стоит выделить лиц, которые могут оказывать содействие преступникам «со стороны», а именно: предоставлять ту или иную информацию, создавать благоприятную обстановку для перевозки нефти и нефтепродуктов, «крышевать», оказывать помощь в реализации похищенного, и т.д. Такую роль обычно исполняют сотрудники собственных служб безопасности потерпевших организаций, действующие сотрудники правоохранительных органов, например ДПС, бывшие сотрудники таких органов, пользуясь своими прежними связями и авторитетом, а в некоторых случаях даже высокопоставленные государственные чиновники[7].

Таким образом, в данной ситуации представляется целесообразным выполнение комплекса вышеуказанных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий с акцентом на установление роли каждого из задержанных в совершении преступления, а также выявление их возможных сообщников.

Третья разновидность рассматриваемой типичной следственной ситуации возникает в том случае, когда при задержании, которое, как правило, происходит в темное время суток, некоторым преступникам удается скрыться с места совершения кражи. Причинами этому могут служить

отсутствие должной организации и планирования проведения тактической операции по задержанию; неожиданное обнаружение факта совершения преступления, например, при проведении рейда; отсутствие должных навыков к проведению подобного мероприятия при его осуществлении сотрудниками собственной службы безопасности потерпевшей организации; высокий уровень организации преступной группы и др.

В данной ситуации основной акцент должен быть сделан на производство комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, способствующих установлению и задержанию скрывшихся преступников по «горячим» следам. Важное значение в этом смысле приобретает тщательное производство осмотра места преступления с фиксацией и изъятием всех объектов, имеющих доказательственное значение, подробные опросы очевидцев, а также задержанных лиц (допросы после возбуждения уголовного дела) с выяснением информации о личностях скрывшихся преступников, а также избрание им меры пресечения в виде заключения под стражу с целью ограничения возможности оказания противодействия расследованию и совершения новых преступлений.

Так, в июле 2011 года преступная группа в составе нескольких человек через несанкционированную врезку в промысловый нефтепровод «ДНС-0120 Дороховка – УППН Павловка», принадлежащий ООО «ЛУКОЙЛ-Пермь», пытались похитить через нее 14м[8] нефтесодержащей жидкости, общей стоимостью более 94 тысяч рублей, закачав ее в цистерну грузового автомобиля «КАМАЗ». В момент совершения кражи один из участников преступной группы Б. был задержан сотрудниками службы безопасности предприятия, а преступление пресечено. Другим похитителям удалось скрыться. В ходе предварительного следствия Б. давал ложные показания, отказывался сообщать истинные сведения о своих сообщниках, однако ему все же была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. В результате, в ноябре 2011 года подследственный Б. совместно со своим родственником Г. и иными вновь неустановленными следствием лицами уже через другую несанкционированную врезку в тот же трубопровод, изготовленную на другом его участке, похитили 10м^3 нефтесодержащей жидкости, закачав ее в цистерну грузового автомобиля «МАЗ», под управлением Г. Отъехав с места преступления Г. был задержан сотрудниками полиции. В дальнейшем была установлена причастность к данной краже Б. Тем не менее, ему и Г. была снова избрана вышеуказанная мера пресечения, не связанная с лишением свободы[9].

Указанный пример наглядно показывает особую значимость быстрого и организованного проведения комплекса вышеперечисленных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и тактических операций на первоначальном этапе при рассматриваемой разновидности следственной ситуации, невыполнение которых или их промедление может привести к возможному сокрытию преступников и утрате важных доказательств.

В *четвертой* разновидности рассматриваемой следственной ситуации, когда задержание преступников осуществляется при перевозке похищенной нефти или нефтепродуктов, одной из главных проблем является максимально быстрое установление места фактически совершенной кражи для производства его тщательного осмотра. В свою очередь, задержанные могут отрицать факт причастности к преступлению, предоставить поддельные документы, а также попытаться сбежать. Поэтому, в данном случае крайне важным является организация четкого взаимодействия следователя, оперативных работников, а также представителей потерпевшей организации (если такая организация установлена), при производстве первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и фиксации всех необходимых доказательств.

В случае подобного задержания целесообразным представляется произвести осмотр его места, в частности, автомобиля, на котором осуществлялась транспортировка. При этом необходимо изъять из его емкости образцы перевозимых нефти, нефтепродуктов, а также все обнаруженные документы, главным образом, имеющие отношение к перевозке (товарно-транспортную накладную, путевой лист, разрешение на перевозку опасных грузов и т.д.), для последующего изучения содержащейся в них информации, а также установления их подлинности. После проведения указанного осмотра следует принять меры к установлению места, где непосредственно была совершенна кража.

При анализе и оценке рассмотренных четырех, а также любых иных разновидностей типичной следственной ситуации, связанной с задержанием преступников, необходимо учитывать, что кражи нефти и нефтепродуктов из трубопроводов зачастую являются продолжаемыми преступлениями. Это означает, что преступники изначально имеют целью неоднократное хищение максимального объема сырья на протяжении длительного временного периода. Именно поэтому в 90% изученным нами уголовных дел способом совершения указанных преступлений является та или иная врезка в трубопровод, позволяющая реализовать подобные цели.

Ввиду изложенного, все выполняемые действия следователя в рассматриваемой следственной ситуации должны быть направлены не только на доказывание последнего факта кражи, непосредственно при совершении которого (или сразу после) были задержаны преступники, но и на установление возможной неоднократности такого хищения. Анализ уголовных дел данной категории показал, что в 83% случаев доказывался только факт одноразового совершения кражи нефти и нефтепродуктов, сразу после которого преступники были задержаны. В свою очередь, только в 5% случаев было установлено, что кражи совершались неоднократно в течение месяца, в 6% – от одного до 3 месяцев, в 2% – от 3 до 6 месяцев, в 4% – от 6 месяцев до года. Таким образом, на практике неоднократность совершения рассматриваемых краж доказывается относительно редко.

Одним из способов подтверждения неоднократности совершения кражи нефти, нефтепродуктов из трубопровода в одной его точке может стать выявление наличия на автомобиле, на котором перевозилось похищенное, установленной системы постоянного отслеживания его местонахождения. Подобные устройства в настоящее время имеются на многих современных грузовых автомобилях с целью контроля за использованием топлива его наемными водителями. С помощью сохраненной в его памяти информации можно выявить факты неоднократного появления

данного автомобиля на месте преступления в конкретные даты и время. Подобный метод можно использовать и в других следственных ситуациях.

В такой же мере действия следователя должны быть изначально направлены на установление и доказывание факта повреждения трубопровода, за которое предусмотрена ответственность по ст. 215[10] УК РФ. В противном случае обвинение может оказаться беспочвенным и не подтвердиться в суде. Так, в ходе расследования кражи нефти из нефтепровода «Холмогоры-Клин», совершенной осенью 2008 года, не был доказан такой признак состава преступления, как возможность повлечь нарушение нормальной работы нефтепровода. Мало того, при наличии предъявленного обвинения в совершении хищения именно из магистрального нефтепровода, что является квалифицирующим признаком, в уголовном деле отсутствовали даже доказательства его принадлежности к категории таковых, в результате чего приговор по нему был отменен кассационным определением вышестоящего суда.

Перечень рассмотренных разновидностей типичной следственной ситуации, связанной с задержанием преступников, не является исчерпывающим. Так, В.А. Шепель в своем исследовании выделяет три ситуации, определяемые степенью воплощения преступного умысла, а именно: лица могут быть задержаны в процессе подготовки к изъятию нефтепродуктов, непосредственно в момент изъятия или при транспортировке похищенного.

Таким образом, задержание преступников с поличным не гарантирует легкого и беспроблемного процесса расследования краж нефти и нефтепродуктов из трубопроводов. В указанной типичной следственной ситуации с учетом анализа и оценки ее конкретных обстоятельств необходимо осуществлять все вышеперечисленные действия в максимально короткие сроки, реализуя по возможности эффект неожиданности для них задержания и разоблачения преступников. Это позволит уже на первоначальном этапе собрать максимальное количество изобличающих вину доказательств и предотвратит последующее возможное стремление подозреваемых (обвиняемых) каким-либо образом попытаться избежать уголовной ответственности и оказать какое-либо дополнительное противодействие расследованию. Соответственно, данная ситуация будет положительно разрешена, а проведение предварительного следствия на последующем и заключительном этапах окажется менее затруднительным.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Данные указаны только с учетом изученных уголовных дел, по которым лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых, были установлены (130).

2. См.: Лавров В.П., Сидоров В.Е. Расследование преступлений по горячим следам. М. 1989. С. 7.

3. В подобных случаях действия участников организованной преступной группы квалифицировались по п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ.

4. См., например: Определение Верховного суда РФ от 14.02.2003 №13-о02-22 [Электронный ресурс] URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=18262 (дата обращения 18.03.2014).

5. Архив судебного участка №44 Захаровского района Рязанской области. Уголовное дело (арх. № 1-12/2013).

6. См.: Грищук Д.Ф., Магизов Р.Р. Оперативно-розыскная характеристика лиц, совершающих кражи нефти и нефтепродуктов из магистральных трубопроводов // Следователь. 2009. №8. С. 30-31.

7. См.: Клюев С. Уголовно-правовая квалификация хищений нефти из трубопроводов // Законность. 2008. №11. С. 23; Архив Вязниковского городского суда Владимирской области. Уголовное дело (арх. № 1-313/2010); Сайт «Версия» [Электронный ресурс] URL: http://versia.ru/articles/2011/jun/20/anatoliy_kashin (дата обращения 19.03.2014).

8. Архив Чернушинского районного суда Пермского края. Уголовное дело (арх. № 1-135/2012).

9. Архив Кировского областного суда. Уголовное дело (арх. № 22-956).

10. См.: Шепель В.А. Расследование краж нефтепродуктов, совершаемых при их хранении и транспортировке: Дис. … канд. юрид. наук. Омск. 2004. С. 73-74.

СТРУКТУРА ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СВОЙСТВ СОВЕСТИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Ван Хаоюй,
аспирант,
кафедра психологии человека,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: жизненные ценности, совесть, студенты, личность, внутренний мир
Key words: life values, conscience, students, personality, innr peace

Аннотация. Проблеме изучения характера жизненных ценностей и свойств совести у современных российских студентов посвящено достаточное количество как отечественных, так и зарубежных научных трудов в области философии, психологии и социологии. В свою очередь это говорит о том, что тема носит изученный характер, но в то же время она не теряет своей актуальности, так как ей принадлежит важная роль как в жизни общества в целом, так и в жизни отдельной личности. К тому же жизненные ценности и свойства совести у студентов не несут постоянного показателя, являясь динамично развивающимся и постоянно меняющимся понятием, так как само студенчество формируется из разных слоев общества.

Abstract. The problem of studying the nature of life values and properties of conscience in modern Russian students devoted a sufficient number of both domestic and foreign scientific publications in the fields of philosophy, psychology and sociology. In turn, this suggests that the subject is studied in nature, but at the same time it does not lose its relevance, since it plays an important role in the life of society as a whole and in the life of the individual. In addition, the values of life and properties of the conscience of the students do not bear a constant figure, as a dynamic and evolving concept, since the very students formed from different walks of life.

Жизненные ценности представляют собой ориентиры, определяющие направленность, содержание и главенствующие виды деятельности человека в различные периоды жизни.

Жизненные ценности имеют сложную структуру, которая определяется направленностью на материальные или духовные ценности, что является основанием для выделения двух типов личности, названные условно «материальный» и «духовный»[1].

Для «Материального типа личности» свойственна высокая общая интернальность, интернальность в области неудач, достижений, межличностных и семейных отношениях. Эти личности могут быть охарактеризованы, как активные, энергичные, предприимчивые, со здравым смыслом, реалистичные, практичные, использующие опыт, как стремящиеся занять достойное место в определенной социальной структуре. Это личности - социально зрелые, уравновешенные, спокойные, твердые, в решении практических вопросов избегающие всего необычного, надежные в практических вопросах, склонные ориентироваться на групповые нормы, больше доверяющие рассудку, чем чувствам, действующие по логике, интуицию подменяют расчетом, не стремящиеся к тому, чтобы быть самим собой[2].

Для «Духовного типа личности» свойственно интуитивное и гуманное восприятие мира и людей, стремление быть самим собой и иметь ценность в своих глазах, высокая чувствительность, глубокие реакции в области тонких эмоций, мягкость к себе и окружающим, сентиментальность и эмоциональность, в групповой деятельности направленность на достижение цели, художественное восприятие мира, самобытность мировоззрения и своя собственная неповторимая манера поведения, утонченный вкус и богатое воображение, действия по интуиции, а не по логике и здравому смыслу, проявление интереса к абстрактным проблемам.

В понимании современных российских студентов жизненные ценности формируют такие составляющие как «любовь», «дружба – друзья», «этические ценности», в целом все то, что связано с «личной жизнью», но полноценного спектара ценностей, который может быть представлен в ценностном поле личности, выражен незначительно. Российские студенты придают незначительную важность таким составляющим жизненные ценности, как «внутренний мир личности», «достижения личности», такое пренебрежение ведет к ограничению активности личности и ее творческих возможностей.

Для современных студентов «жизненные ценности» в первую очередь это то, что является для них главным, необходимым, что способно быть идеалом и целью для них. Приоритетными для ценностного мира личности студентов, как уже отмечалось, являются ценности «личной жизни», которые являются наиболее значимыми и соответствуют некоторым основным новообразованиям студенческого возраста, таким, как жизненное обустройство, начало семейной жизни, построение системы ценностей и этического сознания как ориентиров собственного поведения. Данные приоритеты возможно отнести к духовным, но материальные ценности для студентов занимают далеко не последнее место. Навязанные современным российским студентам европейский и западные стереотипы красоты, успешности, «продвинутости», требует все больших капиталовложений, для поддержания имиджа и популярности студентов.

Следующую позицию в иерархии жизненных ценностях российских студентов занимает «здоровый образ жизни». Но студенты придерживается его не в полной мере и в большой степени для того, чтобы соответствовать эталонам красоты современного общества, посещая

1. Матюх Е.Т. Жизненные ценности современной молодежи в условиях социального риска. Современные проблемы науки и образования, 2012. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа. www.science-education.ru.

2. Матюх Е.Т. Жизненные ценности современной молодежи в условиях социального риска. Современные проблемы науки и образования, 2012. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа. www.science-education.ru.

спортзалы, злоупотребляя химическими средствами для достижения быстрого резлуьтата, при этом оставляя в своей жизни такие вредные для здоровья привычки, как курение и алкоголь, зачастую употребляя «легкие наркотики» (курительные смеси).

Отражение потребностей и интересов в ценностном поле личности студентов выражается в том, что к выпускному курсу, как для женщин, так и для мужчин характерно повышение значимости ценностей, связанных с ценностями «карьеры», а также то, что наибольшая идентичность ценностных полей мужчин и женщин, необходимая для высокой степени взаимопонимания, наблюдается в возрасте 21-22 лет, в период актуальности создания своей собственной семьи[3]. В данном возрасте у студентов наблюдается определенность в расстановке приоритетов в выборе «карьера» или «семья». Проблема выбора состоит в том, что если на путь «карьера» студент становится планомерно и осознанно, то путь «семья» зачастую не является сознательным выбором, скорее необдуманным выбором. В результате чего «семья» жизненная ценность утрачивает свою значимость.

Представления о совести у российских студентов сводится к следующему: они считают, что из глубины сердца звучит голос, удерживающий их от некоторых поступков; что у каждого человека есть какой-то внутренний стержень; переживают, когда не могут помочь нуждающемуся в помощи человеку. Жизнь кажется им осмысленной, их внутреннее Я кажется им достойным внимания. Им знакомы укоры совести; они не согласны с тем, что нравственность и совесть - понятия, имеющие слабое отношение к реальной жизни; считают, что безнравственные поступки больше вредят совершающим их; они не согласны с утверждением о том, что они бы не хотели воспитывать своих детей как совестливых людей[4]. Совокупность мнений современных российских студентов о совести, позволяет утверждать о существовании в сознании позитивного окрашенного общечеловеческого комплекса нравственных представлений, восходящего к образу позитивной, принимаемой совести, выполняющей функции различения добра и зла и направляющей ее обладателя к добру.

На характер формирования и развития жизненных ценностей и свойств совести у российских студентов оказывают свой влияние различные факторы жизни, как внешние, так и внутренние. К внутренним факторам можно отнести возраст, пол, индивидуальность студенты и т.п., к внешним факторам – ближайшее окружение, система общественных ценностей и др.

Приведенные выше жизненные ценности являются наиболее выраженными среди современного российского студенчества, а изученные свойства совести, являются подтверждением того, что на первом месте у студентов среди жизненных ценностей находится «личная жизнь», с присущей ей многообразием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершинина Н.А. Трансформация системы ценностных ориентаций студенчества. Ломоносовские чтения, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lib.socio.msu.ru.

2. Матюх Е.Т. Жизненные ценности современной молодежи в условиях социального риска. Современные проблемы науки и образования, 2012. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа. www.science-education.ru.

3. Черкасова А.А. Российская молодежь в условиях финансового и духовно-ценностного кризиса: как выжить. Материалы научно-практической конференции IV Ковалевские чтения: СПбГУ, 2009. С. 517-520.

4. Юревич А. В. Нравственное состояние современного российского общества. Психологический журнал, 2009. № 3. С. 107-117.

3. Черкасова А.А. Российская молодежь в условиях финансового и духовно-ценностного кризиса: как выжить. Материалы научно-практической конференции IV Ковалевские чтения: СПбГУ, 2009. С. 518.

4. Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества. Психологический журнал, 2009. № 3. С. 110.

ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ: ШОС СТАЛКИВАЕТСЯ С НОВОЙ СИТУАЦИЕЙ

Ван Чаоцин,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: новая ситуация, ШОС, вызовы ,проблемы
Key words: new situations , SCO , challenges .problem

Аннотация. Международный финансовый кризис оказал сильное влияние на весь мир, ШОС принимает новую ситуацию и новые вызовы, преодолевает негативное воздействие мирового финансового кризиса, способствует развитию инновационных идей и механизмов по созданию и улучшению новой точки экономического роста, углублению дальнейшего всестороннего сотрудничества, укреплению потенциала развития и своего международного влияния.

The current international situation have created a powerful shock and profound impact on the world. Calmly deal with the new situations and challenges, the SCO overcome the international financial crisis, continue innovative development ideas, improve the new mechanism of its organization, and find new economic growth points. its policy of Comprehensive and wide-ranging cooperation has a further development, so the development potential and the international influence of SCO will continue to enhance.

Глава I. Новые вызовы влияют на развитие ШОС

1. Международный финансовый кризис нанес мощный удар по мировой экономике и оказал глубокое влияние на ее структуру: в 2008 году ипотечный кризис США вызвал мировой финансовый кризис; таким образом, реальной и виртуальной экономике западных стран был нанесен тяжелый удар, что привело в результате к мощному падению рынка, три крупнейших мировых экономики – экономики Европы, США и Японии – демонстрируют медленный или отрицательный рост, тенденция к спаду очевидна. В современном мире начался новый этап, в котором происходят глобальные изменения, в связи с чем необходимо внесение серьезных корректив. Международный финансовый кризис повлиял на исторический процесс. ШОС, как и БРИКС, ставший символом развивающихся экономик, имеет все более активное влияние на мировой политической и экономической арене. Мировая экономика начала перемещаться в Азиатско-Тихоокеанский регион, новой тенденцией в международной политике стала многополярность и демократизация, постепенно развивается новый международный политический и экономический порядок.

2. Международный финансовый кризис оказал огромное влияние на ШОС: Международный финансовый кризис в разной степени воздействовал на государства-члены и государства-наблюдатели ШОС. Во всех странах экономический рост либо замедлился, либо пошел на спад, в государствах-членах ШОС произошло общее снижение двусторонней и многосторонней торговли, объемы сотрудничества сократились. Экономика Китая потерпела основной ущерб в области промышленности и внешней торговли, экономический рост в целом замедлился, объемы экспорта и внешнеторговых кредитов резко сократились, инвестиционный потенциал снизился. В России темпы роста валового внутреннего продукта снизились, промышленное производство испытывает серьезный спад, традиционная промышленность неконкурентоспособна, экспорт энергоресурсов подвержен мировому колебанию цен. Мировой финансовый кризис в различной степени повлиял и на экономику стран Центральной Азии.

3. Увеличилось количество региональных конфликтов, возросла напряженность в регионах, ситуация становится неконтролируемой. Влияние финансового кризиса на развивающиеся страны постепенно увеличивается, что привело к серьезным социальным волнениям на Ближнем Востоке и в Северной Африке: Арабская весна вызвала серьезные потрясения во всем регионе, гражданская война в Ливии и Сирии привела к долгосрочному хаосу, ситуация на Ближнем Востоке становится неконтролируемой. Стратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе усугубила давние проблемы в Восточной Азии, вокруг Восточно-Китайского моря и Южно-Китайского моря, территориальные споры и вопросы независимости территорий усиливают напряженность во взаимоотношениях с соседними странами. США объединяется с Японией, Филиппинами и другими странами, провоцируя споры с Китаем, цель которых - сдержать экономическое развитие и предотвратить мирный подъем экономики Китая. Что касается России, следует отметить, что в августе 2008 года произошел конфликт между Россией и Грузией, присоединение Крыма в 2014 году, столкновение России и Украины, США и ЕС ввели экономические санкции в целях дальнейшего ослабления России, напряженность в отношениях между Россией, США и ЕС возрастает.

4. Нетрадиционные угрозы безопасности возрастают: Международный терроризм представляет самую большую угрозу. Не следует забывать о талибах в Афганистане, «трех силах зла» в Центральной Азии, чеченских сепаратистах, Исламском движении Восточного Туркестана, которые представляют серьезную угрозу стабильности регионов. В 2014 году экстремистская организация провела масштабные террористические акты в пограничных районах между Ираком и Сирией; в Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в Северной Африке прошел ряд террористических актов. Международный терроризм также с помощью Интернета и социальных сетей ведет пропаганду экстремистской идеологии, обучает террористическим методам, производит призывающие к терроризму аудио- и видеозаписи, собирает денежные средства на террористическую деятельность, планирует террористические атаки, и в связи с этим борьба с интернет-терроризмом является одной из важнейших задач ШОС.

В последние годы в Красном море, в Аравийском море и в Индийском океане возник разгул пиратства, банды совершают грабежи проходящих судов с использованием передового оружия, в мире перенос энергии и внешняя торговля сталкиваются с серьезными испытаниями, что делает международную обстановку сложнее и напряженнее. Птичий грипп, вирус Эбола и другие инфекционные заболевания представляют собой серьезную угрозу для

мира и спокойствия во всем мире, нетрадиционные угрозы безопасности снова оказываются в фокусе внимания.

Глава II Главные проблемы сталкивается развитию ШОС

1. ШОС в отношениях между Китаем и Россией: развитие ШОС зависит от развития китайско-российских отношений, в которых существует некоторая неопределенность, в частности, политические отношения между Россией и Китаем лучше, чем экономические отношения, официальные отношения лучше, чем отношения между гражданами этих государств. Эту ситуацию трудно быстро изменить. Российская дипломатия считает наиболее важными отношения между Россией и США, а отношения между Россией и СНГ также являются одним из приоритетных направлений российской дипломатии. Россия создала ОДКБ, ЕврАзЭС и Таможенный союз в рамках СНГ, в то время как отношения России с Китаем отходят на второй план, равно как и отношения России и ШОС. Китай и Россия являются инициаторами ШОС, и отношения между этими двумя странами могут кардинально повлиять на развитие этой организации. Г. Чуфлин считает, что «значительная доля власти на постсоветском пространстве находится в руках России, которая влияет на политические перспективы Шанхайской организации сотрудничества и ее отношения с Западом..»[1,с.280] А.·Ларин отмечает, что «хотя нынешнее китайско-российское взаимодействие проходит на высоком политическом уровне, тем не менее отсутствует эффективная стратегия сотрудничества - особенно в том, что касается политического доверия между Китаем и Россией: уровень доверия здесь ниже, чем между странами Варшавского договора в Центральной Европе, то есть изначально стабильное и прочное сотрудничество между двумя странами не оправдало ожиданий.»[2,с.87] Таким образом, отметим важность стратегического партнерства и сотрудничества между этими двумя странами и то, что дальнейшее их укрепление будет содействовать развитию ШОС.

2. В китайско-российских отношениях существует множество нерешенных вопросов, которые мешают нормальному развитию двусторонних отношений, кроме того, существуют внутренние противоречия двустороннего торгово-экономического сотрудничества: Китай экспортирует в Россию в основном продукцию легкой промышленности, Россия экспортирует в Китай, главным образом, энергию и оружие. В настоящее время в негосударственной торговле между двумя странами отмечается упадок, уменьшение двусторонних инвестиций, объем торговли незначителен, существует большой разрыв между ожиданиями и реальностью. Дестабилизация экономических отношений неизбежно влечет за собой дестабилизацию политических отношений. Китай постепенно развивает свою военную промышленность и повышает ее потенциал, что последовательно приведет к сокращению импорта российского оружия. Российские СМИ дают Китаю, главным образом, отрицательные оценки, отсутствует рациональный и объективный анализ, что приводит к отсутствию у русских объективного взгляда на Китай и препятствует нормальному сотрудничеству народов двух стран. В Китае переводится и издается большое количество русской литературы, в России, напротив, переводится и издается незначительное количество китайской литературы, что говорит о неравном положении. В России существует Институт Конфуция, а кроме него китайская культура и язык преподается лишь в нескольких университетах, специалистов и экспертов по Китаю очень мало в России, что напрямую говорит об отсутствии объективных и беспристрастных оценок в отношении Китая. Известный российский ученый С Тихвинский считает, что «развитию отношений с Китаем будут способствовать талантливые эксперты-китаисты, но старые ученые постепенно уходят из жизни, и передавать наследие российско-китайской дружбы постепенно становится некому.»[3,с.432] Ю. Лысенко также отмечает, что «в России не придают значения высокому уровню знаний китайских экспертов, и эта ситуация рано или поздно станет негативным фактором в развитии российско-китайских отношений .»[4,с.169]

3. Серьезная проблема существует в рамках ШОС: сотрудничество в ШОС существует в основном для решения проблем, возникших в связи с финансовым кризисом, причем в этих решениях задействованы китайские инвестиции и кредиты. Сотрудничество в борьбе с терроризмом базируется, главным образом, на базе двусторонних военных учений, отсутствует коллективное сотрудничество государств-членов: так, Узбекистан отказывается принимать участие в совместных действиях. Кроме того, страны-наблюдатели и партнеры по диалогу не проявляют энтузиазма и инициативы в области сотрудничества и взаимодействия, в частности, так и не были созданы совместные антитеррористические силы быстрого реагирования, противостоящие «трем силам зла», не создан механизм раннего предупреждения чрезвычайных ситуаций и региональных конфликтов и реагирования на них. А. Клименко считает, что «реализация контртеррористических операций в таких случаях требует регулярных войск - это первоочередной фактор, который следует принимать во внимание, когда мы размышляем о дальнейшем развитии ШОС .»[4,с.101] Хотя сотрудничество государств-членов ШОС расширяется, между ними подписаны различные соглашения, но эти соглашения не реализованы, государства-члены выдвигают различные требования и непоследовательно относятся к реализации соглашений. Вопрос о том, что делать в случае внутреннего конфликта в государстве-члене ШОС, или в случае конфликта между государствами-членами и не членами ШОС, как следует справляться с этими конфликтами – до сих пор является насущной проблемой ШОС .

Глава III Новые разработки в рамках ШОС

1. Борьба с «тремя силами зла» и другими нетрадиционными угрозами безопасности по-прежнему остается первоочередной задачей ШОС на каждом саммите Глав государств ШОС, на каждой встрече лидеров органов обеспечения правопорядка и безопасности обсуждается борьба с «тремя силами зла» как одна из важнейших тем, в том числе обсуждается разработка и совершенствование законов и нормативных актов, направленных на борьбу с «тремя силами», и следует отметить, что государства-члены ШОС проводят весьма последовательную политику в понимании этого вопроса. с 2002 года ШОС проводила двусторонние и многосторонние совместные антитеррористические и военные учения 20 раз, вооруженные силы и спецподразделения государств-членов ШОС также провели совместные военные учения, в частности, Китай с Индией и с Пакистаном провел двухсторонние антитеррористические учения. Сотрудничество в сфере

безопасности сосредоточено не только на борьбе с «тремя силами зла», но и на борьбе с транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, интернет-терроризмом, и т. д. В 2008 году ШОС также создала механизм безопасности проведения крупных международных спортивных мероприятий и международных конференций, что внесло неоценимый вклад в сотрудничество структур правоохранительных организаций в сфере безопасности в рамках ШОС. Так, в 2008 году были проведены Олимпийские игры в Пекине, в 2010 г. – ЭКСПО Шанхая, в 2013 г. - Всемирная Универсиада в Казани, в 2014 г. - Зимние Олимпийские игры в Сочи, всего за последние 6 лет было проведено более 20 крупных международных мероприятий, что говорит о несомненном успехе разработанного механизма безопасности. В рамках сотрудничества органов обеспечения правопорядка и безопасности разных стран приобретается бесценный опыт организации и проведения подобных масштабных международных мероприятий.

После вывода войск США из Афганистана к концу 2014 года талибы могут вернуться, экстремистская организация на Ближнем Востоке по-прежнему будет проводить крупномасштабные террористические акты, ситуация ЦА будет ухудшаться, и в этом случае к борьбе с терроризмом ШОС должна отнестись еще более серьёзно, а следовательно, быстро начать формирование сил быстрого реагирования, которые будут привлекаться в регионах в случае угрозы террористических актов и чрезвычайных ситуаций. Специальный представитель Президента РФ по делам ШОС Леонид Моисеев считает, что «ШОС никогда не станет военным блоком, а будет механизмом чисто экономического сотрудничества. В ряду международных и региональных учреждений ШОС постепенно находит свое место под солнцем.» [5]

2. Сотрудничество по энергетике и транспорту станет одной из основных точек экономического роста ШОС Россия и Казахстан богаты нефтью и газом, и являются важными поставщиками энергетических ресурсов, Китай же является на энергетическом рынке одним из важнейших потребителей этих ресурсов, в связи с чем энергетическое сотрудничество в рамках ШОС является лучшим выбором. В мае 2014 года, во время визита президента Путина, две страны подписали соглашения о сотрудничестве в области энергетики общей сложностью более чем на 400 млрд долларов США. Вице-премьер России Игорь Сечин заявил, что «подписание межправительственного соглашения о сотрудничестве в нефтяной сфере повышает уровень взаимодействия между двумя странами в энергетической области и имеет важное значение для содействия двустороннему сотрудничеству в различных областях, и, кроме того, отражает высокий уровень политического доверия, что поможет нашим странам совместно справиться с международным финансовым кризисом». Следует отметить, что Китай и Россия подписали меморандум о строительстве высокоскоростной магистрали Москва – Казань. Для создания экономической зоны Шелкового пути также предложено создать большой транспортный канал от Балтийского моря до Тихого океана, ускорить совершенствование приграничной транспортной инфраструктуры и постепенно объединить транспортной сетью Восточную, Западную и Центральную Азию в целях содействия экономическому развитию стран и народов.

3. Продолжение стратегического партнерства между Китаем и Россией, укрепление доверия между нашими двумя странами, Китай и Россия являются взаимно стратегического тыла, укрепление солидарности и дружбы между двумя странами является очень важно, совместно справиться с глобальным кризисом и региональными вопросами, именно поэтому Китай должен помочь России справиться с экономическими санкциями США и ЕС, а также содействовать быстрому и качественному развитию ШОС. ШОС действительно способствует поддержанию мира и стабильности в регионах и содействует развитию механизмов многостороннего сотрудничества, а также совместному процветанию, и становится важной силой на мировой политической арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке - глобализация, безопасности. М.: Наука. Москва, 2006.325с.

2. Эдуард Лозанский. Россия между Америкой и Китаем. М.:Международные отношения, Москва, 2007.288с.

3. Тихвинский С. Л. Воспоминания дипломата и заметки историка. М.:Наука. Москва, 2006.520с.

4. Секретариат Форум партии. Китайско-русские отношения в глобальном и региональном видения. М.: Современный мир, 2007. 229с.

5.http://www.cetin.net.cn/cetin2/servlet/cetin/action/HtmlDocumentAction?baseid=1&docno=423575

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ ДОШКОЛЬНИКОВ

Воронич Е.А.,
аспирант,
кафедра специальной (коррекционной) педагогики,
Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

Ключевые слова: коммуникативные умения, невербальная коммуникация, мимико-жестикуляторная речь
Key words: communication skills, nonverbal communication, mimic and zhestikulyatornaya speech

Аннотация. В статье рассматривается вопрос развития коммуникативных умений детей дошкольного возраста и оценки невербального компонента в их структуре. Предлагается диагностическая методика по оценке мимико-жестикуляторной речи дошкольников и возможности ее применения в педагогической практике.

The article discusses the development of communicative skills of preschool children and evaluating non-verbal component in their structure. Proposed diagnostic method for evaluating mimico-gesticulatory speech of preschool children and the possibilities of its application in teaching practice.

Проблема невербального общения в системе речевой коммуникации, включенная в область научного познания, с позиции философии, психологии, педагогики, психолингвистики представляет исторический, научно-теоретический и практико-ориентированный интерес. Учитывая важность рассматриваемой категории с позиции актуализации развития невербальных умений у детей в рамках образовательного процесса, нам представляется необходимым раскрыть терминологическую характеристику понятий, основываясь на психолого-педагогическую литературу.

Так, коммуникация, по мнению А.А. Бодалева [3], представляет собой отражение людьми друг друга, осуществляемое посредством вербальных и невербальных знаковых систем. Невербальная коммуникация в научной литературе рассматривается как разновидность коммуникации, в которой коммуникативный акт осуществляется при помощи паралингвистических средств, включающих первичные семиотические системы, построенные из кинетических компонентов (жестов, пантомимы, сигнальной системы) [4].

Невербальная коммуникация, как средство общения и взаимопонимания людей в процессе субъект-субъектного взаимодействия, осуществляется одновременно с вербальным изложением информации. Данный компонент коммуникации рассматривается Б.Ф. Ломовым [8], как второй по отношению к слову информационный канал в системе сообщения. В.А. Лабунская [7], отмечает, что невербальная коммуникация несет информацию в соответствии с основным средством общения - речью, а также проявляется через кинесические, просодические, экстралингвистические, мимические структуры.

Особенности понимания и вербализации кинесических знаков подвергаются анализу в работах О.К. Агавеляна [1], в которых отмечается значимость невербальных компонентов коммуникации, несущих определенную смысловую нагрузку, и выполняющих важную роль в общей ситуации взаимодействия субъектов. В научных исследованиях отмечается, что вербальная часть сообщения обычно накладывается на предварительно развернутую схему невербальных компонентов, а в ситуации нарушения общения страдает весь невербальный репертуар (О.С. Гольдфарб [5]). Возможность оперирования невербальными средствами коммуникации в ситуации общения зависит от умения использовать знания в межличностном взаимодействии.

Установлено, что коммуникативные умения рассматриваются в качестве способа выполнения информативных, перцептивных интерактивных действий, от которых зависит готовность личности к общению (Ю.А. Каляева [6]). М.В. Белянина [2] разделяет их на вербальные (умение выразительно говорить и читать, правильно интонировать собственную речь, выражать в словах мысли и чувства и т.д.) и невербальные (умение владеть своим психофизическим состоянием в процессе коммуникативного акта, показывать жестом и мимикой фактическое эмоциональное напряжение).

Использование детьми в процессе коммуникации средств невербальной коммуникации не всегда находит отражение в семантическом восприятии партнера по общению. Это свидетельствует о том, что коммуникативные умения, необходимые при коммуникативном акте, не сформированы в структуре социально-перцептивной сферы ребенка. Для понимания локальных проблем, в данном контексте, приоритетным вопросом становится система оценки коммуникативных умений детей дошкольного возраста.

Невербальная коммуникация в коммуникативном процессе изучается учеными как явление, неразрывно связанное с вербальной системой. Исследователей интересует не то, что произносит коммуникант, а то, как он это делает.

Согласно научным данным, изучением особенностей невербальной коммуникации, и ее проявлением в различных ситуациях занимались многие исследователи, однако оценка возможностей невербальных умений дошкольников в литературе раскрыта недостаточно. Известно, что уровень понимания, осознания ребенком своей речи как деятельности может служить средством диагностики уровня интеллектуального развития, где когнитивная составляющая коммуникативного акта связана с его эмоциональной составляющей, поэтому оценка семантической стороны коммуникации посредством выявления особенностей мимико-жестикуляторной речи дошкольников представляет научно-практический интерес.

Образовательный процесс в дошкольном учреждении предполагает организацию взаимодействия воспитанников в едином образовательном пространстве в разных видах деятельности, что предопределяет включение в содержательные направления общеобразовательной программы ориентиров, направленных на развитие у детей коммуникативных умений, в том числе, позволяющих дошкольникам использовать невербальные средства общения.

В данном контексте возникает потребность разработки материалов, позволяющих педагогу ориентироваться в возможностях детей. Основанием для отбора методического

Таблица 1. Уровень развития невербального компонента коммуникативных умений детей

Невербальные средства коммуникации	I уровень (низкий) коммуникативных умений	II уровень (средний) коммуникативных умений	III уровень коммуникативных умений (высокий)
Мимика	Ребенок не способен раскрыть диапазон мимических проявлений основных эмоциональных состояний. Мимика характеризуется малой подвижностью. Интерпретация мимических конфигураций ребенка другим лицом затруднено	Ребенок способен частично раскрыть диапазон мимических проявлений основных эмоциональных состояний. Подвижность мимики находится в зависимости от степени вовлеченности в деятельность. Интерпретация мимических конфигураций ребенка другим лицом вызывает незначительные затруднения	Ребенок способен раскрыть диапазон мимических проявлений основных эмоциональных состояний. Мимика характеризуется подвижностью, что свидетельствует об оживленности и быстрой сменяемости восприятия впечатлений и внутренних переживаний. Мимические конфигурации ребенка адекватно интерпретируются другим лицом
Жесты	Ребенок не способен использовать в зависимости от ситуации коммуникативные жесты.	Ребенок способен использовать коммуникативные жесты. Жестовая речь зависит от ситуации коммуникации, ее адекватность не всегда соответствует действительности	Ребенок способен использовать в зависимости от ситуации коммуникативные жесты
Пантомимика	Ребенок проявляет сосредоточенность на задаче, однако не способен образно - пластически перевоплотиться. Смысловое содержание позы не понятно окружающим	Ребенок проявляет сосредоточенность на задаче, однако образно - пластическое перевоплощение не всегда соотносится с замыслом. Смысловое содержание позы интерпретируется окружающими с трудом	Ребенок проявляет сосредоточенность на задаче, способен образно - пластически перевоплотиться. Смысловое содержание позы понятно окружающим

инструментария, позволяющего строить педагогическую деятельность с позиции актуальности анализируемой проблемы в процессе образовательной деятельности, является разработка материалов, ориентированных на проведение педагогической диагностики по оценке невербальных коммуникативных умений детей.

Остановимся на рассмотрении диагностической методики, разработанной с учетом нейрофизиологии и нейропсихологии, целью которой является оценка мимико-жестикуляторной речи дошкольников. В качестве исследования используются две серии заданий, каждая из которых содержит тестовые пробы на мимические проявления, жестикуляцию, пантомимику. Диагностика осуществляется по двум показателям: по словесной инструкции (ребенку предлагается выполнить задания по словесной инструкции педагога) и по графической инструкции (ребенку предлагается показать кинесические средства невербальной коммуникации, изображенные на картинке).

Серия заданий I по изучению мимико-жестикуляторной речи дошкольников по словесной инструкции:

1. Показать с помощью мимики эмоции по предложенной ситуации:

- радость – ребенок получил долгожданный подарок;
- гнев – ребенок рассердился на драчуна;
- страх – к ребенку подбежала злая собака;
- печаль – ребенок потерял любимую игрушку;
- удивление – ребенок неожиданно увидел, как летят мыльные пузыри;
- обида – ребенку не досталось конфеты.

2. Отразить с помощью жеста заданную установку:

- приветствие - ребенок здоровается с другом;
- просьба о тишине – ребенок просит другого человека помолчать;
- запрет – ребенок запрещает брать свою игрушку;
- предложение – ребенок предлагает подойти к нему;
- указание на объект – ребенок показывает на предмет;
- желание – ребенок показывает, что хочет кушать.

3. Воспроизвести в заданной ситуации выразительные движения предложенных образов:

- пройтись в развалочку как медведь;
- осторожно пробежать как лиса;
- пройтись как цапля;
- попрыгать как заяц;
- проползти как змея;
- проскакать как конь.

Серия заданий II по изучению мимико-жестикуляторной речи дошкольников по графической инструкции:

1. Показать с помощью мимики эмоции, изображенные на картинке:

радость, гнев, страх, печаль, удивление, обида.

2. Отразить с помощью жеста действие, указанное на картинке:

- прощание – человек машет рукой;
- просьба – человек показывает жест «дай»;
- предложение – человек показывает жест «на»;
- отказ – человек прячет руки за спиной;
- благополучие – человек вытягивает вперед руку, сжимая ладонь в кулаке и, выпрямляет вверх большой палец;
- запрет - человек грозит пальцем.

3. Воспроизвести выразительные движения образов, изображенных на картинке: человек расчесывает волосы; человек чистит зубы; человек подметает пол; человек кушает; человек спит; человек играет на дудочке.

Обработка результатов:

Максимальное количество баллов, начисляемых за успешное выполнение тестовых проб по двум показателям, равно 36 баллам (серия заданий I -18 баллов; серия заданий II -18 баллов). Каждая проба оценивается отдельно, где невыполнение задания – 0 баллов, выполнение задания – 1 балл. Полученные данные заносятся в протокол.

Подсчитывается сумма баллов по всем пробам в двух сериях. Значения от 0 до 6 баллов оцениваются как низкий уровень. Значения от 7 до 12 баллов оцениваются как средний уровень. Значения от 13 до 18 баллов оцениваются как высокий уровень.

Полученные значения свидетельствуют об успешности применения мимико-жестикуляторной речи дошкольни-

ков по словесной инструкции и при показе кинесических средств невербальной коммуникации, изображенных на картинке.

На основе подсчета суммарного балла по двум сериям заданий определяется общий уровень умений дошкольника в применении невербальных средств коммуникации:

- от 0 до 12 баллов – низкий уровень;
- от 13 до 24 баллов – средний уровень;
- от 25 до 36 баллов – высокий уровень.

Невербальные средства коммуникации по каждой позиции (мимика, жесты, пантомимика) оцениваются отдельно (табл. 1):

- от 0 до 4 баллов – низкий уровень;
- от 5 до 8 баллов – средний уровень;
- от 9 до 12 баллов – низкий уровень.

Универсальность невербального кода заключается в том, что он открывает субъектам коммуникативных отношений возможности для объяснения и понимания друг друга. Владение коммуникативными умениями, включающими невербальный компонент, позволяет моделировать речевое высказывание посредством мимико-жестикуляторной речи, что обусловливает расширение коммуникативной сферы детей и способствует продуктивному взаимодействию с окружающими людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агавелян О.К. Социально-перцептивные особенности детей с нарушениями развития. – Челябинск: Издатель Татьяна Лурье. – 1999. – 356 с.
2. Белянина М.В. Формирование коммуникативных умений у студентов факультетов начальных классов педвузов средствами иностранного языка.- Москва, 1996. - 189 с.
3. Бодалев А.А. Психология общения: Избранные психологические труды. -2-ое издание. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. — 256 с.
4. Бориснёв С.В. Социология коммуникации: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. - 270 с.
5. Гольдфарб О.С. Невербальное общение и внушаемость детей с нарушениями интеллекта: Монография. – М.: АПР и ПРО, 2004. – 136 с.
6. Каляева Ю.А. Формирование коммуникативных умений учащихся начальных классов школы-интерната : дисс. ... канд. пед. наук / Ю.А. Каляева. – Магнитогорск, 2002. – 144 с.
7. Лабунская В.А. Проблема обучения кодированию – интерпретации невербального поведения // Психологический журнал. 1997. № 5. С. 84–94.
8. Ломов Б.Ф. Категория деятельности и общения в психологии / Б. Ф. Ломов // Вопросы философии. 1979. - № 8. - С. 47-68.

КОНЦЕПТ «РОЖДЕСТВО» В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Гассельблат О.А.,
аспирант,
кафедра русского языка,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: концепт, микрополе, лексическое значение, семантический компонент, коннотативный компонент, экспрессивная окраска
Key words: concept, microfield, lexical meaning , semantic component metaphor connotative component, expressive painting

Аннотация. Статья раскрывает особенности текстового представления концепта Рождества в текстах русских поэтов. Особое внимание уделено раскрытию специфических особенностей трансформации семантики одноименного концепта.

The article reveals the features of the text representation of the concept of Christmas in the texts of Russian poets. Particular attention is paid to the disclosure of the specific characteristics of the transformation semantics of the concept of the same name.

Концепт в научных работах рассматривается как динамический конструкт, обладающий способностью развития и воспроизведения в самых разнообразных вариантах. Традиционно выделяются различные виды концептов, например, *Душа, Милосердие, Интеллигент* и др. Прецедентный феномен — явление, значимое в культурном и когнитивном отношении и имеет «сверхличностный характер» (Ю. Караулов), под его воздействием формируется концепт (Н.М. Орлова). Таким образом, прецедентная ситуация Рождества, одна из наиболее освоенных европейской культурой, может рассматриваться как концепт.

В Евангелии от Матфея и от Луки Рождество описано достаточно лаконично, представлена фактическая информация без описательных конструкций в соответствии с целью текста – сообщения Благой Вести о рождении Спасителя мира. Семантическое поле «Рождества» состоит из небольшого количества ядерных лексических репрезентантов:

Мария, Иосиф, Младенец, Вифлеем, Царь Иудейский, Ирод, ясли, звезда, волхвы, пастухи, Ангел, дары, Спаситель.

Интересно наблюдение над развитием концепта, обусловленным особенностями национальной картины мира, природными, социальными и политическими условиями.

В творчестве М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, Льва Мея можно отметить общие особенности употребляемой лексики **Золотого века** русской поэзии: обилие устаревшей высокой лексики (*лик, воссиял, сребристый, очи*), библеизмов, в том числе библейских цитат (*злато, смирна и ливан, глас вопиющего в пустыне*):

Сегодня будет Рождество,весь город в ожиданьи тайны, он дремлет в инее хрустальном и ждет: свершится волшебство.

Метели завладели им, похожие на сновиденье. В соборах трепет свеч и пенье, и ладана сребристый дым.

Под перезвон колоколов забьётся колоколом сердце. И от судьбы своей не деться – от рождества волшебных слов…

(М.Ю. Лермонтов)

Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.
(А.А. Фет)

То были времена чудес…
И в бедных яслях Вифлеема,
Под песнь хвалебную Эдема,
Младенец дивный воссиял…
(Лев Мей)

Поэты особо отмечают сверхреальность праздника. Даже в небольшом объеме исследуемого материала поэзии Золотого века представлено 7 языковых единиц со значением «*чудо, волшебство»,* и только 1 лексема со значением «*искупление, страдание*». Поэтому можно говорить о преобладании мажорной тональности в рождественских стихах этого периода.

В рассмотренных текстах поэтов **Серебряного века** ядерными семантическими компонентами остаются слова: *звезда (12), Рождество (8), небо, небесный (10), ночь (6), снег (6), осел, вол (10), верблюд (3), ясли (7), свечи (5), елка (4), Младенец (4), толпа (4), холод, зима, Мария, дева (4).* Появляются новые лексические репрезентанты, связанные с воспроизведением окружающих автора географических особенностей, в частности русской зимы: *ветер, пурга, вьюга, холод, метели, лед, мороз.* Действие переносится в *лес* и в *пещеру;* появляются *ели, мандарины, звуки флейты и свирели.* В текстах Серебряного века присутствуют лексемы, называющие домашних животных и сельскохозяйственный быт: *хутор, гумно, скирда, бычок, ослик, волки*, тут же *верблюды*. В лексико-семантическом поле «Рождество» этого периода появляется слово *толпа* (4 употр.), отсутствующее в текстах других периодов. Отсутствуют лексемы со значением *спасение, страдание, молитва.* В текстах присутствуют 2 лексемы «*плакать*». И употребляются лексемы с положительным семантическим компонентом: «*сияющий взор», «темноте счастливой», «смеющийся хрусталь», «снежно-белой тишине*» создают соответствующую атмосферу стиха. Таким образом, для рождественских стихов поэтов Серебряного века характерна радостная тональность, как и для текстов Золотого века:

И город был полон веселым рождественским звоном
(А.А. Ахматова)

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки…
(О. Мандельштам)

Особняком в поэзии Серебряного века стоит рождественская тема в текстах В. Маяковского.

Поэты - «шестидесятники», современники И. Бродского, также обращаются к теме Рождества. Концепт Рождество в их текстах также репрезентируется ядерными лексемами: *Рождество (23), звезда (9), Мария, дева (5), небо (4) ангел (7*), *елка (7).* Появляются новые экспликан-

ты: *ночь* (количество форм этого слова увеличивается в два раза (12), *метель* (4), *молитва* (2), *пустота, пустыня* (6). Появление последних лексических единиц в АСП «Рождество» показательно: исчез внутренний духовный смысл праздника, остались внешние обрядовые действия: поставить елку, накрыть праздничный стол:

«*В честь рождественской елки /*
Пляшут, пьют и поют»
(С. Липкин).

Это подтверждается также отсутствием в текстах «шестидесятников» лексем со значением «*спасение, искупление», «чудо, волшебство*»:

Кто говорит, что мы должны страдать,
Уязвлены терновою занозой,
Когда звезда умеет так сиять
И пахнуть осликом и розой…

Присутствуют слова: *Санта-Клаус, свобода, беженцы, пляски, пенье, молиться*. Появление первых трех слов можно связать с политической ситуацией, с подпольным знакомством с западной культурой.

Тема Рождества для **И. Бродского** особенно важна. Сам поэт в своих воспоминаниях и интервью неоднократно говорил о своем обещании писать по стихотворению каждый год на Рождество. Это обещание он старался исполнять до конца своих дней. В статье «Никакой мелодрамы. Беседа с И. Бродским» журналист Виталий Амурский вспоминает слова Бродского:

«… Каждый год на Рождество я стараюсь написать по стихотворению. Это единственный День рождения, к которому я отношусь более-менее всерьез…».

«…Я стараюсь каждое Рождество написать по стихотворению, чтобы таким образом поздравить Человека, который принял смерть за нас».

Солженицын говорил, что у Бродского «рождественская тема обрамлена как бы в стороне, как тепло освещенный квадрат» [Лосев 2011]. Христианская мифологема Святого семейства всегда присутствует в его творчестве: рождение в пещере, космическая связь между младенцем и звездой, остановка в пустыне во время бегства в Египет. Однако, как замечали многие исследователи, любовь к евангельскому сюжету не связана у поэта с верой в личное спасение. Единственная форма загробного существования, признаваемая Бродским, это – тексты, «часть речи». Перо поэта надежнее, чем любые религиозные обряды: «От него в веках борозда длинней, чем у вас с вечной жизнью с кадилом в ней» [«Aere perennius»].

Иосиф Бродский написал двадцать три стихотворения, посвященных Рождеству и Новому году. Их обычно объединяют в один Рождественский цикл, но по времени он разделен на два периода. Первый - ранний, советский (1961-1973 г.г) период содержит всего семь. В этих текстах много личных переживаний и эмоций поэта, его включенности в жизнь, в которой много одиночества и пустоты.

Второй период – поздний, американский (1987-1995 гг), включает 16 стихотворений. От этих стихотворений веет холодной вечностью, в них почти нет личных эмоций, есть некая отстраненность, словно поэт смотрит на жизнь как молчаливый и посторонний наблюдатель.

Рождественский цикл вырастал постепенно в течение всей жизни поэта: каждый год по одному стихотворению за исключением десятилетнего перерыва между жизнью в Советском Союзе и жизнью в эмиграции. Цикл рассказывает скорее о самом поэте, вехах его становления, развития, настроениях и мыслях.

Рождественская лексика в стихотворениях поэта стилистически нейтральна, в основном употребляется в стихотворениях, посвященных празднику Рождества, кроме лексемы *рождество* в «Стихах на смерть Т.С. Элиота», где она имеет темпоральное значение:

…Католик, он дожил до **Рождества**.

В двух случаях в контексте присутствует языковая игра:

1). «переворачивание» ситуации Рождества;

Волхвы *забудут адрес твой.*
Не будет звезд над головой.
(«1 января 1965 года»)

2). Ситуация «подмены» высокого низким;

…нимб заменяют ореолом лжи,
а ***непорочное зачатье*** *– сплетней,*
фигурой умолчанья об отце…
(«ANNO DOMINI»)

Из поля концепта «Рождество» в текстах поэта исчезают лексемы *елка, ангел*, они не являются атрибутами Рождества Бродского. Количество некоторых других ядерных семантических компонентов увеличивается вдвое: *звезда (18), небо (7), ночь (14), Младенец (9), волхвы (6), Царь (7*) по сравнению с их количеством в других периодах. В Рождестве И. Бродского, по сравнению с текстами других рассматриваемых поэтов, наибольшее количество «погодных» репрезентантов: *снег (9), холод (5), ветер (6*), *пурга (3), метель, лютая стужа, снежная крупа*. Событие в большинстве случаев происходит в *пещере* (10). Таким образом, автор создает самые неблагоприятные условия для персонажей евангельской истории. В стихотворениях И. Бродского абсолютно исчезает мажорная тональность, ощущение праздника. Для поэта Рождество прежде всего чудо, во-вторых, событие историческое, вселенское. В рассматриваемых стихах 7 лексем со значением «чудо».

Представленный ниже фрагмент отмечает другую особенность репрезентации концепта Религия.

В Рождество все немного волхвы.
В продовольственных слякоть и давка.
Из-за банки кофейной халвы
производит осаду прилавка
грудой свёртков навьюченный люд:
каждый сам себе царь и верблюд …
И разносчики скромных даров
в транспорт прыгают, ломятся в двери,
исчезают в провалах дворов,
даже зная, что пусто в пещере:
ни животных, ни яслей, ни Той,
над Которою – нимб золотой

Приведенный текстовый фрагмент интересен интерпретацией рождественской истории. В стихотворении, посвященном Бродским Рождеству, описывается современная ему ситуация празднования Рождества, в котором сохранились праздничные действия, уже не основанные ни на каких традиционных ценностях. Называются все персонажи рождественской истории, воссоздается даже ощущение праздника, но от праздника остались лишь

слякоть, давка, осада прилавка и нет понимания сакральности: в пещере пусто. Семантические компоненты *ночь* (18) и *пустота* (18) представлены в выбранных текстах в преобладающем количестве, являются ядерными в данном поле. Добавим, что словосочетание *навьюченный люд* рифмуется со словом *верблюд* (можно увидеть подспудное сравнение: люди как верблюды). В последних строках перечисляются отсутствующие персонажи и предметы. Мотив «отсутствия, пустоты» повторяется у Бродского часто и особенно продуктивен. В «Колыбельной» 1992 года как рефрен повторяются строчки:

Привыкай, Сынок, к пустыне. Под ногой,
окромя нее, твердыни нет другой.
В ней судьба открыта взору за версту.
В ней легко узнаешь гору по Кресту.

В некоторых стихотворениях И. Бродского физическое отсутствие становится идеальной формой бытия («Наряду с отоплением в каждом доме…», «Ты забыла деревню, затерянную в болотах…», «Посвящение стулу», «Письма римскому другу», «Похороны Бобо» и многие др.).

С мотивом «пустоты, отсутствия» тесно связан мотив «отрицания» в рождественском цикле, он выражается в использовании большого количества отрицательной частицы НЕ (25 употреблений) и усилительной НИ (18 употреблений) при описании рождественской ситуации:

Ни волхвов, ни осла,
ни звезды, ни пурги
(«Спать, рождественский гусь…»)
Волхвы забудут адрес твой.
Не будет звёзд над головой.
(«1 января 1965года»)
…даже зная, что пусто в пещере:
ни животных, ни яслей, ни Той,
над Которою — нимб золотой.
Пустота. […]
Кто грядет — никому непонятно:
мы не знаем примет, и сердца
могут вдруг не признать пришлеца.
(«24 декабря 1971»)

Отрицанием и создается атмосфера пустоты, отсутствия сакральности в празднике.

В Рождественском цикле И. Бродского необходимо отметить еще некоторые особенности, отличающие репрезентацию концепта Рождество в творчестве И. Бродского от репрезентаций одноименного концепта в творчестве других поэтов. Бродский называет Сына и Отца: *беглый, бездомный, каторжанин («В воздухе – сильный мороз и хвоя…», «Представь, чиркнув спичкой…»*). Основатель христианства действительно не имел дома: «*И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные - гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову*» [Мф. 8:18-22]. Он спасался от преследований Ирода, книжников и фарисеев, да и самого израильского народа; в конце был осужден как разбойник и предан позорной казни. В стихотворении *«В воздухе – сильный мороз и хвоя…»* биография Иисуса Христа передается лексикой современного И. Бродскому уголовного мира (дважды сидевший в Крестах, полтора года отбывший в ссылке, Бродский был знаком с эти миром):

верят в Христа, так как сам он - беглый:
родился в пустыне, песок-солома,
и умер тоже, слыхать, не дома…

Таким образом, следует отметить, что И. Бродский в своей художественной картине мира трансформирует концепт «Рождества», что наблюдается в угасании отдельных сем и, наоборот, в привлечении в семантическое поле этого концепта новых сем, часто противоречащих традиционному восприятию рассматриваемого концепта.

Рассмотрение концепта Рождество было бы неполным без обращения к творчеству современных поэтов. Представляется наиболее показательным творчество **Тимура Кибирова**, поэта неординарной религиозности. Количество стихотворений этого поэта на библейские и религиозные темы не один десяток, в том числе 5 стихотворений с рождественской тематикой.

Особенностью экспликации концепта Рождество в стихах Т. Кибирова прежде всего следует назвать замену ядерных репрезентантов *Мария, Дева, Младенец, Иосиф, пастухи, волхвы* разговорными словами, такими как *Мама, ребенок (мальчик, карапуз, сынок), папаша, мужики.*

Мохнатые шапки сжимая в руках,
Мужики смущенно толклись в дверях,
И папаша ума не мог приложить,
Чем всех угостить, куда посадить,
А Мама не видела никого,
Кроме родного Сынка своего,
И жвачку жевал медлительный вол,
И прядал смешными ушами осел,
А ребеночек титьку сосал
(«Вертеп»)

В стихотворении Т. Кибирова Рождество – бытовая ситуация в обычном доме:

На девятом месяце Мария.
Снега нету. Но подмёрзла грязь.
К свету льнут растения живые
За двойными стёклами хранясь…

В обычной русской семье с традиционным поведением каждого члена семьи:

И папаша ума не мог приложить,
Чем всех угостить, куда посадить […]
А ребеночек титьку сосал.

Происходит десакрализация праздника. Из лексико-семантического поля концепта Рождество в стихах Т. Кибирова исчезли слова *елка, свечи, Мария, Дева, спасение, страдание, молитва, чудо, волшебство, пустота*. Рождество как бы потеряло свою вселенскую значимость и экзистенциальную сложность (как у И. Бродского) и стало простым семейным событием.

Новорождённый Карапуз,
Грудной Младенец Иисус
Дарует снова Новый год,
Ещё один нам шанс даёт!

Поют над снегом ангелки,
Что снова Он простил грехи,
Не по заслугам — просто так,
И снова с носом вечный Враг!
(«Вольное переложение текста кантаты Дитриха Букстехуде «Das neugeborne kindelein»)

Одно из стихотворений «Рождественская песнь квартиранта», казалось бы, своим названием обращает читателя к ситуации Рождества, но в самом стихотворении поэт

Таблице 1.

	Серебряный век	Шестидесятники	Иосиф Бродский	Тимур Кибиров
Звезда	12	9	18	1
Рождество	8	23	11	5
Небо, небесный	10	4	7	8
ночь	6	12	14	3
Снег	6	-	9	4
Животные	10	2	2	10
Верблюд	3	-	4	-
Ясли	7	3	4	2
Свечи	5	3	6	-
Елка	4	7	-	-
Младенец	4	5	9	Ребеночек, мальчик, карапуз 12
Толпа	4	-	-	-
Холод	3	-	5	-
Зима	3	-	-	-
Мария, дева	4	5	3	-
Христос	2	-	-	мама
Спасение	-	-	3	-
Чудо, волшебство, тайна	3	-	7	-
Волхвы	2	3	6	5
Ветер	2	3	6	1
пастухи	3	2	4	мужики
Ангел	2	7	-	6
плакать	3	2	-	-
Пламень	2		-	-
Царь, царский	1	3	7	5
Метель	-	4	1	-
Страдание	-	2	-	-
Молитва	-	2	-	-
Пустота, пустыня	-	6	18	-
Пещера	-	-	10	-
не			25	
ни			16	

описывает плотские отношения со своей возлюбленной, пародируя язык 18 века, используя библейские, античные прецедентные названия и имена. Если И. Бродский в некоторых своих стихах поднимает такую проблему как исчезновение духовных основ праздника Рождества, поэт описывает исполнение только внешних обрядов, то в стихах Тимура Кибирова вслед за духовными религиозными основами праздника исчезли и внешние его атрибуты. В этом стихотворении в день Рождества Спасителя ничего не происходит, лирический герой остается в постели со своей возлюбленной.

Таким образом, исследование диахронического аспекта развития концепта Рождество в творчестве русских писателей отразило развитие самого русского общества от детского благоговения и непосредственной веры в рождение Спасителя к постепенному внутреннему, а затем и внешнему опустошению праздника. Изменения в лексической экспликации концепта можно проследить в ниже приведенной таблице 1.

ИСТОЧНИКИ:

Сергеева Е.В. Лексическая экспликация концепта «Религия» в русском языке // Политическая лингвистика. – Выпуск (2) 22. – Екатеринбург, 2007.

Библия – центр [Электронный ресурс] // http://www.bible-center.ru/ru/bibleface (дата обращения 30.05.2014).

Орлова Н.М. Динамический характер библейской прецедентности // http://www.km.ru/referats/D7898053C3CC479ABCEC6585B075B110 (дата обращения 30.05.2014).

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905Г.: РАЗРАБОТКА И УТВЕРЖДЕНИЕ

Губарь А.И.,
старший преподаватель,
Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)

Ключевые слова: манифест, власть, диктатура, конституция, митинг, демократия, буржуазия, дума, стачка, демонстрация
Key words: manifest, power, the dictatorship, the Constitution, protest, democracy, the bourgeoisie, the Duma, strike, demonstration

Аннотация. В статье раскрыты вопросы разработки и утверждения Манифеста 17 октября 1905г. Своим происхождением Манифест обязан смутами и волнениями в столицах и во многих местностях империи. Отражена реакция на издание царского Манифеста трудящихся масс и представителей различных политических партий, которые оказывали большое влияние на развитие политической ситуации в стране.

The Manifesto of October 17, 1905.: development and approval. Anatoliy Gubar, senior lecturer, Moscow state engineering University(MAMI)

The article considers the issues of development and approval of the Manifesto of October 17, 1905. Its origin Manifest must unrest and riots in the capital and in many areas of the Empire. Reflected the reaction to the publication of the Tsar's Manifesto of the masses of workers and representatives of various political parties, which had great influence on the development of the political situation in the country.

Момент Октябрьской всеобщей политической стачки оценивается как временное равновесие борющихся сил, царизм уже не в силах подавить революцию, а революция еще не в силах раздавить царизм. Такое соотношение сил порождало растерянность и колебания в правящих кругах. Крайние реакционеры А. П. Игнатьев, К. И. Пален, И. Л. Горемыкин и др. советовали царю «назначить энергичного военного человека, и всеми силами постараться раздавить крамолу»1. Другие считали этот акт рискованным, из-за недостатка войск, прибегнуть к военной диктатуре и предлагали, пока не поздно, пойти на уступки общественному мнению и даровать конституцию. В это время С. Ю. Витте обращается к царю с просьбой о встрече, чтобы изложить свои соображения о современном тревожном положении. Царь Николай II дал согласие.

9 октября С. Ю. Витте прибыл в Петергоф и подал царю записку, где доказывал неизбежность дарования конституции. Она была составлена В. Д. Кузьминым- Караваевым и впервые напечатана под заглавием «Канун 17 октября. Задачи правительства»2. В записке подчеркивалось, что «ход исторического прогресса неудержим, идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформы, то путем революции...»3. Мирное решение кризиса еще возможно, но для этого государственной власти, как и в 50-е годы XIX века, «подлежит и открыто стать во главе освободительного движения». Тогда правительство «приобретает опору и получит возможность ввести движение в границы и в них удержать... Но «государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституционный», тем более что на него царь уже вступил манифестом 6 августа 1905 года»4.

Для успокоения рабочих предлагались лишь отдельные паллиативные мероприятия, сглаживающие подавление труда капиталом: нормировка рабочего дня, государственное страхование рабочих, образование примирительных камер и т. д. В целях ослабления аграрного движения намечалась продажа крестьянам казенных земель, расширение деятельности Крестьянского поземельного банка и как крайняя мера выкуп ренты, получаемой помещиками в виде арендной платы. Для разрешения национального вопроса С. Ю. Витте считал возможным предоставление Польше, Грузии, а так же другим частям Кавказа автономии в области начального и среднего образования, гражданского законодательства, содержания полицейской охраны и т.п.

По убеждению С. Ю. Витте, предлагаемая им программа преобразований могла вызвать замешательство, раскол в революционных рядах, переход на сторону царизма либеральной буржуазии. Выбора нет, заключал Витте. Необходимо стать во главе охватившего страну движения, или отдать его на растерзание стихийных сил5. Но царь продолжал верить в «спасительную» силу полицейской нагайки. Вечером 13 октября С. Ю. Витте получил от него телеграмму: «Впредь до утверждения закона о кабинете поручаю Вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно»6. О программе реформ, изложенной в виттевской записке, вовсе не упоминалось. На следующее утро С. Ю. Витте прибыл в Петергоф и доложил, что одним механическим объединением министров, смотрящих в разные стороны, смуту успокоить нельзя. Он прямо заявил, что если царь хочет назначить его первым министром, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать7.

15 октября в Петергофе под председательством царя состоялось совещание, в котором участвовали великий князь Николай Николаевич, министр двора В.Б. Фредерикс, генерал-адъютант О.Б. Рихтер и С.Ю. Витте. На совещании Витте заявил, что «при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода: диктатура или вступление на путь конституции»8. Сам же С.Ю. Витте полагал, что о самодержавии более не может быть и речи и что надо дать конституцию9. Затем он прочитал свой проект манифеста. Присутствующие не возражали. В то же время С.Ю. Витте просил царя не решаться на подписание столь серьезного акта, не уяснив его всестороннего значения.

После отъезда С.Ю. Витте царь передал проект манифеста на рассмотрение членов Государственного совета И.Л. Горемыкина и А.А. Будберга, приглашенных также в Петергоф, но не участвовавших в совещании. Они составили четыре варианта манифеста, из которых два последних носили печать компромисса с проектом С.Ю. Витте. В них извещалось, что царь немедленно дарует гражданские свободы, тогда как в проекте С.Ю. Витте дарованию свобод должна предшествовать выработка соответствующих за-

конопроектов и проведение их в законодательном порядке. Проекты Горемыкина-Будберга не предоставляли Государственной думе решающего голоса в законодательстве и сохранили куриальную систему выборов10.

Прежде чем принять окончательное решение, царь захотел проконсультироваться с Д.Ф. Треповым. Вечером 15 октября ему был препровожден виттевский проект манифеста, с тем чтобы он тотчас же написал свое откровенное мнение. Царь еще не оставил мысли раздавить «крамолу» силой, поэтому ему хотелось твердо знать, считает ли Д.Ф. Трепов возможным водворить порядок в Петербурге без больших жертв. В своем ответе 16 октября Д. Ф. Трепов мирился с дарованием конституции, но считал необходимым взять «канвой» для нее одну из самых консервативных конституции Европы - прусскую.

По каждому пункту виттевского проекта Трепов сделал оговорки в реакционном духе. Он согласился с дарованиями свободы слова, совести, собраний, но при соответствующих строгих и ясных законах и судах, гарантирующих от злоупотреблений. Вопрос о личной неприкосновенности ему предоставлялся в данное время неразрешимым. Д. Ф. Трепов высказался против всеобщего голосования.

Третий пункт манифеста, по его мнению, следовало изложить так, чтобы закон воспринимал силу по одобрению его не только Государственной думой, но и Государственным советом и после утверждения его императором. По вопросу о том, в состоянии ли он гарантировать восстановление порядка в Петербурге без пролития крови, Д. Трепов доложил, что не может «не теперь, не в будущем дать эту гарантию, крамола так разрослась, что вряд ли без этого суждено обойтись»11.

Признание Д.Ф. Трепова о невозможности подавить «крамолу» без кровопролития, по словам самого Николая II, значительно облегчило тяжесть окончательного решения вопроса о вступлении на путь самых широких реформ. В письме Д. Ф. Трепову 16 октября 1905 г. царь писал: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все больше количество людей, и в конце концов случилось неизбежное! Тем не менее, по совести, я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшим будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же. Искренний Ваш друг Николай»12.

Мирясь с неизбежностью конституции, царь терзался сомнениями на счет меры и объема уступок. Программа С. Ю. Витте казалась ему, как и Д. Ф. Трепову, чересчур радикальной. Он предпочитал горемыкинскую «конституцию» виттевской. 16 октября около полуночи В. Б. Фредерикс приехал к Витте и по поручению царя ознакомил его с двумя проектами, составленными И. Л. Горемыкиным и А. А. Будбергом. С. Ю. Витте не пошел ни на какие уступки и еще раз просил Фредерикса уговорить царя не издавать манифеста, а утвердить и обнародовать одну программу будущего правительства, относя все изложенное в ней к инициативе, указаниям и воле царя.

В. Б. Фредерикс ответил, что вопрос о манифесте решен бесповоротно. Тогда С. Ю. Витте заявил, что если прочитанные им проекты манифестов признаются целесоответственными, то, по его мнению одного из авторов их и следовало бы назначить председателем Совета министров13.

Неизвестно, как долго продолжались бы эти колебания, если бы на сторону С. Ю. Витте не встал решительно близкий в то время к царю великий князь Николай Николаевич. 15 октября он принял лидера «Независимой рабочей партии» гапоновского типа М. А. Ушакова. Великий князь хотел узнать у него, как справиться с массовыми политическими забастовками. Ушаков ответил, что рабочих «партийная интеллигенция» (т.е. социал-демократы) наталкивает на революцию с требованием республики, которую большинство народа не желает... Народ ненавидит бюрократическое средостение, которое отделяет царя от народа, и желает конституционной монархии. Когда Николай Николаевич спросил: «А где же люди, которые способны и все могут это устроить?» -Ушаков назвал Витте»14.

Уверовав в возможность при помощи «конституции» добиться восстановления порядка, великий князь отклонил предложение В. Б. Фредерикса взять на себя роль диктатора. Николай Николаевич заявил, что будет, наоборот, упрашивать государя согласиться с программой Витте и подписать его проект манифеста, а если Николай II не пойдет на это и захочет назначить Николая Николаевича диктатором, то он застрелится на его глазах15. Под давлением С.Ю. Витте и великого князя Николая Николаевича 17 октября в шестом часу вечера царь подписал манифест16. С. Ю. Витте был назначен председателем Совета министров.

Царский манифест начинался с признания того, что своим происхождением он обязан смутам и волнением в столицах и во многих местностях империи. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, царь для успешного осуществления намеченных им к умиротворению государственной жизни реформ признал необходимым объединить деятельность правительства. В его обязанности входило:

«1). Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2). Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, представить за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3). Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий постановленных от неё властей»17.

Заканчивался манифест 17 октября словами: «Призываем всех верных сыновей России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле»18.

Как только стало известно об издании манифеста 17 октября улицы городов тот час же заполнились народом, появились красные знамена, возникли импровизированные шествия с пением «Марсельезы» и грандиозные митинги, где открыто произносились речи о свободе. Ораторами по-

всюду выступали представители различных политических партий, но наибольшим успехом пользовались социал-демократы.

Так, в Одессе на многотысячном митинге либеральный профессор

Е.Н. Щепкин с пафосом говорил «О наступившей новой эре, о том,

что время борьбы прошло, теперь надо строить новую счастливую

жизнь на основе царского манифеста»19. Но удержать настроение

масс в рамках мирной манифестации не было никакой возможности.

Например, командующий войсками Одесского военного округа А.В.

Каульбарс сообщал рапортом «проявление чувств, вызванных в

населении высочайшим манифестом», вылилось в форму

«демонстративных процессий антиправительственного Направления». Демонстранты, с вызывающим видом проходили по городу с красными флагами, на многих из которых были надписи: «Долой самодержавие!» Мощные колонны демонстрантов окружили здания полицейских участков и потребовали освобождения политических арестованных, угрожая в случае отказа освободить их силой»20.

В Москве на митингах в университете, консерватории и других местах, по отчету репортера «Русского слова», «ораторами выступали исключительно представители социал-демократической партии, пользующиеся наибольшим влиянием и авторитетом среди рабочих организаций. Ораторы подчеркивали, что акт 17 октября знаменует собой крупную победу народа над правительством, но нельзя недооценивать этого события, как делают это представители либеральной буржуазии. Последняя «была всегда пособницей бюрократии и врагом народа. Ныне готовая примериться на правительственной подачке, она становится между двумя борющимися врагами: народом и правительством. И мы должны ей крикнуть: Прочь, или ты будешь раздавлена!»21.

Обескураженные неожиданной реакцией народных масс на «монаршую милость», царское правительство должно было пойти на новые уступки. 21 октября 1905 г. была объявлена политическая амнистия, правда в урезанном виде. Д.Ф. Трепов был удален с официальных постов товарища министра внутренних дел, заведующего полицией и петербургского генерал-губернатора. Справедливости ради, следует заметить, что Д.Ф. Трепов в письме царю просил уволить его от занимаемых должностей, мотивируя тем, что он расходился с С.Ю. Витте в способах выполнения программы последнего22. Но царь не хотел расстаться со своим верным слугой. Д.Ф. Трепов был назначен дворцовым комендантом, сделавшись самым интимным советчиком царя. Все шаги Николая II предпринимались отныне под диктовку Д.Ф. Трепова.

В то же время царизм решил мобилизовать своих сторонников. Под защитой казаков и солдат, под руководством сыщиков, провокаторов и переодетых полицейских на улицах появились «патриотические» демонстрации с пением «боже царя храни», с трехцветными флагами и портретом царя. Толпы хулиганов, босяков и наёмных убийц громили и убивали евреев, избивали интеллигентов и сознательных рабочих. По далеко не полным подсчетам либерального публициста В. Обнинского, «более чем в ста городах, и притом на протяжении всего двух-трех недель, разыгрывались однородные и по программе, и по преступности сцены дикой расправы с мирными жителями. Менее чем в месяц было убито от трех с половиной до четырех тысяч человек, а ранено и изувечено более десяти тысяч»23. Так только что дарованная «конституция» окрасилась кровью трудового народа.

Выход в свет Манифеста 17 октября вызвал взрыв радости у буржуазии. Уже на второй день 18 октября на Московской бирже был отслужен молебен по случаю царской «милости» - дарования конституции. После молебна фабрикант С.И.Четвериков провозгласил: «Слава царю, который благо народа поставил выше охранения прерогатив своей власти, слава великому гражданину Витте, который отныне неразрывно связал своё имя с этим поворотным моментом жизни русского народа». Слова эти были покрыты долго не смолкавшим «Ура»24.

Одесское купечество и промышленники, высоко ценя «великий акт истории» - манифест 17 октября, приветствовали Витте как «восприемника русской гражданской свободы»25. Подобные обращения к Витте с выражением ему полного доверия и обещанием содействия поступали от многих земских собраний, городских дум, биржевых комитетов, съездов промышленников и других буржуазных организаций. Весть о манифесте 17 октября была встречена с энтузиазмом и иностранной буржуазией. Как доносил царский посол в Париже А. И. Нелидов, в деловых кругах Франции, манифест произвёл самое благоприятное впечатление. Английская «Таймс» 3 ноября 1905 г. утверждала, что «только Витте может восстановить спокойствие России и только он может защитить интересы Западной Европы, вложивший миллиарды своих сбережений в русские ценности»26. Либеральная буржуазия видела великое значение акта 17 октября в том, что «при новых условиях открываются возможности для сторонников всех направлений...мирным путём отстаивать свои убеждения»27. Либералам казалось, что теперь массовое движение не будет чертить целиной, а войдёт в мирное русло парламентской борьбы.

Московский стачечный комитет, в котором преобладали делегаты профессиональных союзов интеллигенции, обратился к рабочим с призывом временно прекратить забастовку. Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза разослало по всем дорогам депеши о прекращении забастовки28. Однако на некоторых дорогах к этим депешам относились недоверчиво. Железнодорожники подозревали правительственную провокацию и только после проверки их подлинности становились на работу. На прекращение железнодорожной забастовки повлияло также объявление министерства путей сообщения, что правительством будут приняты меры к улучшению быта низших служащих и что если служащие встанут на работу 24 октября, то за забастовку они не будут преследоваться и за забастовочные дни им будет уплачено жалованье. К 27 октября было восстановлено движение поездов по всем железным дорогам, за исключением Варшавско-Венской и Лодзинской.

Вслед за москвичами Петербургский Совет рабочих депутатов постановил 21 октября прекратить всеобщую политическую забастовку.

Одновременно либералы усиленно муссировали легенду о мирном характере Всероссийской октябрьской всеобщей стачки. Так, на заседании Петербургской городской думы издатель «Петербургской газеты»: гласный Худяков воскликнул в восторге: «Не так, как другие страны, - мы получили конституцию без капли крови». Когда же один из журналистов перебил его речь: «Это неправда! Россия залита кровью... тюрьмы переполнены», то дума была возмущена и послышались крики: «Вон его, вон!»29.

В то же время следует заметить, что расчёт либералов и царского правительства на скорое и прочное умиротворение страны не оправдались. Боевой авангард российского пролетариата -большевики с самого начала не делали никаких иллюзий в отношении манифеста 17 октября. В условиях самодержавия В. И. Ленин видел лишь первую победу революции, которая «далеко еще не решает судьбы дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать»30. В листовках большевики предупреждали, что царский манифест был уловкой, временным отступлением самодержавия на новые позиции с целью выигрыша времени и перегруппировки своих сил.

18 октября 1905г. ЦК РСДРП в обращении к «Русскому народу» указывал, что обещания царя полны лжи, лицемерия, уверток и ловушек. Чтобы упрочить за народом завоеванные права и добиться новых, ему нужны не бумажные обещания, а надежные гарантии, необходимо немедленное вооружение народа, созыв Учредительного собрания, полная амнистия всем политическим ссыльным и заключенным. Обращение призывало к продолжению всеобщей забастовки31. В другой листовке ЦК РСДРП манифест 17 октября оценивался как стремление царизма поделиться властью с буржуазией, чтобы, опираясь на все подавлять революционное движение. «Только всенародным вооруженным восстанием сметем мы с лица земли врага и завоюем себе свободу»32 - указывалось в одной из листовок.

Таким образом, манифест 17 октября, во-первых, объявлял о необходимости даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. Во-вторых, в нем объявлялось о расширении состава думских избирателей за счет этих классов населения, которые нынче совсем лишены избирательных прав. В-третьих, устанавливалось незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы. Провозглашалась создание объединенного Совета министров. За законностью действий министров должна была наблюдать Дума. Гражданские свободы и законодательные права Государственной думы приближали манифест к конституционному акту, предлагали качественное изменение политического и социального строя России. В то же время в манифесте не говорилось о сословном и национальном равноправии, о равенстве избирательных прав, об учреждении ответственного перед Думой правительства, поэтому, почва для дальнейших столкновений между обществом и властью сохранялась.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Письмо Николая II Марии Федоровне от 19 октября 1905 г. //Красный архив.1927. Т. 3 (22).С. 167.

2. Из эпохи освободительного движения. До 17 октября 1905 года.- СПб.:1907.

3. Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. Изд. 2-е,переработ, и доп. М.:1970. С.140.

4. Там же. С. 140-141.

5. Красный архив. 1925. Т. 4-5 (11-12). С. 61.

6. С. Ю. Витте. Воспоминания. Т.3. С. 12.

7. Письмо Николая II Марии Федоровне от 19 октября 1905 года //Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 167.

8. Записка князя Н. Д.Оболенского //С. Ю. Витте. Воспоминания. Т.3. С. 28.

9. Дневник А. А. Половцева // Красный архив. 1923. Т. 4. С 79.

10. Проекты манифеста Горемыкина - Будберга// Красный архив. 1925. Т. 4-5(11-12). С.92-96.

11. Былое. 1919. №14. С. 110-111.

12. Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 144.

13. Витте С. Ю. Воспоминания. Т.3. С. 29-30.

14. Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 144.

15. Записки Редигера о 1905г.// Красный архив. 1931. Т.2(45). С. 89.

16. Собрание узакононений. 1905, окт. 17. Отдел первый. Ст. №1658.

17. ПСЗ. Собр. 3-е, Т.XXV. Отд. 1. №26803.

18. Там же.

19. Кон. Ф. За пятьдесят лет. Т. 3-4.- М.: 1936. С.258.

20. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Часть первая - М. Л.: 1965. С. 179-180.

21. Русское слово. 1905. 21 окт. с. 58.

22. Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 151.

23. Обнинский В. Полгода русской революции. - М.: 1906. С. 42.

24. Черменскии Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 147.

25. Там же.

26. Там же.

27. Русские ведомости. 1905. 18 окт.

28. Русское слово. 1905. 19 окт.

29. Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 149.

30. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.12. С. 27.

31. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905г. С.196-198.

32. Там же. С. 199-200.

ДОМОВАЯ ПРИСЛУГА ПЕТЕРБУРГСКИХ ДОХОДНЫХ ДОМОВ: ДВОРНИК КАК ФЕНОМЕН ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Демидович Д.М.,
соискатель,
кафедра русской истории,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: доходный дом, повседневная жизнь, дворник, прислуга, Петербург, конец XIX века.
Key words: apartment house, everyday life, janitor, household servants, St. Petersburg, brink of XIX century.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимодействия жильцов петербургских доходных домов и дворников на рубеже XIX - XX веков. Анализируются их обязанности и особенности этого вида домовой прислуги. Проведенное автором исследование позволяет сделать вывод о двойственном положении дворника – с одной стороны, они были низшим слоем обслуживающего персонала, с другой – их опасались и старались добиться его расположения.

The article deals with the questions of interaction between tenements of St. Petersburg apartment houses and janitors at the turn of XIX – XX centuries. Author analyzes their duties and various peculiarities of this type of household servants. The author's research allows to outline somewhat ambivalent status of the janitor – on the one hand, they belonged to the lowest levels of domestics, on the other – they were often apprehended or even feared of by tenants, that were therefore obliged to seek their favor.

На рубеже XIX – XX веков наличие прислуги в доходных домах было характерной чертой любого города. Городская прислуга делилась на домашнюю и домовую. К первой категории относились горничные, кухарки, лакеи и другая прислуга, нанимаемая жильцами квартир. Ко второй было принято относить ту прислугу, которую нанимал домовладелец, то есть швейцаров, ремонтников и дворников. Согласно переписи населения 1869 года наиболее часто встречавшейся домовой прислугой были дворники [4, с. 375].

Уже у современников фигура дворника вызывала большой интерес. Существует широкий круг литературных произведений, посвященных этому типажу [3, 6, 18, 19]. В 1937 году вышло издание мемуарного характера, посвященное жизни московского дворника [8]. О взаимоотношениях дворников и полицейских упоминает в своей статье А.Б. Николаев [9, с. 13 – 14]. Если же говорить о научных исследованиях, рассматривающих обслуживающий персонал городских домов в целом и, в частности, дворникам, то круг их значительно уже. Автору известно две статьи, раскрывающие данный вопрос [1, 2]. Однако они носят обзорный характер и ставят своей задачей рассмотреть функционирование института домовой прислуги с начала XVIII века до сегодняшнего дня. Кроме этого, исследованию домовой прислуги посвящен параграф диссертации Е.Д. Юхнёвой [20, с. 179 – 184]. В нем в большей мере затронуты статистические данные относительно количества домой прислуги в Петербурге рубежа веков. Цель данной статьи – заполнить имеющиеся лакуны и рассмотреть основные обязанности дворников и вопросы взаимодействия домовой прислуги и жильцов доходных домов рубежа XIX – XX веков.

Дворников нанимали владельцы почти всех доходных домов. Из 9635 петербургских домов – только 541 дом зимой и 403 летом обходились без них. Как правило, это были дома с небольшим количеством сдаваемых квартир (до 5). Количество дворников в доме росло пропорционально количеству квартир в нем. Так в домах с 2 – 3 квартирами на каждые 6 домов было 5 дворников, в четырех-пятиквартирных домах на каждые 10 домов – 9 дворников. В домах, в которых было более 6 квартир, имелся хотя бы один дворник. В домовладениях, которые имели более 100 квартир, насчитывалось 9 – 10 двориков [16, с. 666 – 671].

Главной особенностью дворника как прислуги становится его многофункциональность. Круг обязанностей дворника был очень широк. В него входили уборка территории (двор и тротуар около дома), зимой уборка снега и наледи, а летом различного мусора, навоза, песка, и поливка тротуара водой. Согласно Обязательному постановлению по санитарной части Санкт-Петербурга, к 8 часам утра мостовые и тротуары должны были быть очищены, а затем в течение дня «чистота тротуаров поддерживается уборкой случайно накопившегося мусора» [5, с. 29]. Также к обязанностям дворника относились колка дров и разноска их по квартирам. Дворник следил за наполнением мусорных баков, так как вывозить мусор нужно было только при полном их заполнении, и за тем, чтобы крышки на баках всегда были закрыты. Еще одной обязанностью дворников было следить за порядком во дворе дома. В 10 часов вечера дворник запирал ворота дома, и после этого пропускал только припозднившихся жильцов.

Важнейшей обязанностью дворника была охрана жильцов и их имущества от воров. Как правило, дворники, проработавшие длительное время в своей должности, умели разбираться в людях и могли определить намерения человека по его внешнему виду и поведению. «Григорий узнавал подозрительных посетителей чутьем, по первому взгляду, и выпроваживал их обыкновенно тем, что начинал придираться вопросами о том, к кому и зачем идешь, а потом вопросами о паспорте и месте жительства» [3, с. 76].

Еще одной отличительной особенностью дворников от другой прислуги было двойное подчинение. С одной стороны, дворники нанимались домовладельцами и получали жалование от них, а с другой – находились на службе в полиции. Поэтому еще одной их обязанностью было дежурство на улицах. Время дежурства дворников на постах также менялось в зависимости от сезона: с 1 сентября по 1 марта оно начиналось в 4 часа по полудню и заканчивалось в 8 утра, а с 1 марта по 1 сентября – в 7 часов вечера и заканчивалось в 6 утра. Дворники стояли на посту согласно расписанию, которое составлял домовладелец, и сменялись каждые 2 часа. На время дежурства дворник получал у домовладельца бляху (номерной жетон). Во время

дежурства дворники должны были следить, чтобы ворота охраняемых ими домов были закрыты и рядом находились исправные звонки. Также дворники были обязаны следить «за всеми лицами, входящими и выходящими из дома и чтобы не было наклеиваемо где бы то ни было никаких объявлений, афиш и т.д.» [5, с. 67].

Дворники за свой труд получали от 7 до 10 рублей в месяц от домовладельца и дополнительные деньги за различные услуги жильцам, не входящие в их обязанности. Например, дворник мог принести воды (если отсутствует водопровод), помочь при переезде с тяжелой мебелью или перенести корзины с выстиранным бельем из прачечной на чердак и т.д.

Также за каждым дворником были закреплены определенные лестницы или квартиры, с которых он получал чаевые при поздравлении с Рождеством, Пасхой и именинами. В литературе XIX века часто встречаются упоминания о таких чаевых. Например, Н.А. Лейкин писал: «Вот у нас по угловой лестнице... Граф Дербаловский занимает квартиру в пять комнат и по рублю в праздник дворникам дает, а под ним купец Разносов в двенадцати комнатах существует – и синицу (5 рублевая купюра – Д.Д.) отваливает» [6, с. 33 – 37]. В.И. Даль так же описывал в своих произведениях эту традицию: «У него (дворника Григория – Д.Д.), как у самого хозяина, квартиры все были расценены по доходу, от гривенника, получаемого по два раза в год с прежалкого и прекислого переплетчика…и до красненькой (10 рублевая купюра – Д.Д.) двух квартир второго этажа. Он перенял у остряка Ивана давать постояльцам своим прозвания по числу рублей, получаемых от них к рождеству и к святой: «двугривенный переплетчик», «трехрублевый чиновник» и проч. Этим способом, о котором слухи доходили иногда до честолюбивых жильцов, ему даже удавалось повышать водочный оклад, и жилец поступал тогда с трехрублевого в пятирублевый разряд» [6, с. 77].

Вопрос о подарках прислуге к праздникам вызывал у многих квартиросъемщиков недовольство. «В первый день Нового Года у меня было 40 градусов. Но визитеры поздравители не знают сострадания… И кого только не приходило. Помимо наших шести с половиной дворников – заявились три и три четверти дворника из дома визави. Мотивировали поздравления более чем странно “может, на будущий год у нас квартиру снимите”. Памятуя, что с дворниками ссориться не безопасно при нынешней политической ситуации, дал им на чай» [17, с. 5].

Делая поправку на то, что данная цитата взята из юмористического журнала, все же можно предположить, что поздравители (в основном это были дворники) для квартиросъемщиков были большой статьей расходов, от которой стремились избавиться всевозможными способами. То, что данный вопрос волновал жителей города в описываемый период, свидетельствует появление после праздников в периодических изданиях большого количества сатирических очерков, посвященных вопросу чаевых домовой прислуге. Часть из них посвящена описаниям поздравителей, а часть – способам от них избавиться. Например, в «Юмористическом альманахе» за 1907 год приводится актуальный на тот момент способ избавления от незваных визитеров: «Вот бы сказал спасибо тому, кто изобрел бы средство от этих поздравителей. Прямо никаких денег не хватает, чтобы всех удовлетворить… А я придумал! Приклеил на наружных дверях бумажку с надписью “член конституционно-демократической партии” и как только является поздравитель, я ему сейчас же докладываю: “Читал?”. Если читал, то должен понять, что я европеец, а ежели понял, то значит должен знать, что ты, голубчик, опоздал на 13 дней, у нас теперь уже январь, и, следовательно, приходи в будущем году. Только не опоздай» [10, с. 14].

Несмотря на общее недовольство сложившейся традицией, на чаевые дворникам все же не скупились. Это было связано, прежде всего, с тем, что дворник имел слишком много рычагов давления на жильцов, начиная с отпирания ворот припоздившимся жильцам и заканчивая возможностью донесения в полицию о неблагонадежности.

Такая зависимость жильцов от дворников приводила к тому, что дворники «напрямую не без удовольствия нарушают свои должностные инструкции, от безнаказанности своих действий “самодурничая и своевольничая”. Дворники хамили, грабили, подстрекали к дракам или своевольно разрешали конфликты в меру своего вкуса и силы» [1, с. 151]. Доходило до того, что в некоторых домах старшие дворники требовали от жильцов, снимавших дешевые квартиры, первыми им кланяться.

Говоря о взаимоотношениях дворников и квартиросъемщиков, нельзя обойти стороной вопрос о воровстве. Часто дворники являлись соучастниками краж. Обладая информацией о привычках жильцов, об их имуществе и имея возможность пропустить нужных людей в нужную квартиру, дворник становился очень удобным сообщником. Как правило, в случае соучастия дворник просто передавал информацию об отсутствии жильцов в квартире [11, с. 2].

Однако у дворника была возможность и для самостоятельного воровства. В.О. Михневич указывает на то, что в XIX веке дворник – это «охранительная и доверительная власть в доме, и, пользуясь прерогативами этой власти, может беспрепятственно взломать замки и разграбить охраняемое имущество» [7, с. 299]. Только за половину 1870 года в газете «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» было опубликовано четыре заметки о подобных кражах [12, 13, 14, 15]. Кроме этого, в силу особенностей профессии дворник должен был разбираться и в людях и в уголовных делах. Поэтому он знал, как, проворовавшись, скрыть следы преступления. Самым простым способом было поджечь кладовую или квартиру, где хранилось украденное имущество. В.О. Михневич приводит несколько примеров такого укрывательства. Например, на Малой Московской улице произошел пожар в кладовой, где хозяева дома хранили меховые вещи. В ходе следствия было обнаружено, что в гардеробе у жены старшего дворника и у любовницы младшего дворника оказались шубки, ротонды, бархатные мантильи, которые были опознаны хозяйкой сгоревшей кладовой. В конце концов, дворники признались, что они обокрали кладовую, а затем подожгли ее, чтобы скрыть следы преступления [7, с. 299]. Кроме поджогов, чтобы скрыть следы преступления, дворники могли обвинить в краже приходящую прислугу (например, ремонтников и прачек), уличных торговцев и т.д.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что роль дворника в городской среде была высока. В связи с развитием городов и появлением отличающейся от деревенской формы организации городской жизни, возникла необходимость в формировании новых институтов контроля над обществом. В сельской местности роль социального контролера выполняла община и соседи. В городской

среде, где мобильность населения была значительно выше, а соседские отношения сводились к минимуму, функцию контролера выполнял дворник. Именно поэтому фигура дворника была очень неоднозначна. С одной, стороны дворников можно назвать низшим слоем обслуживающего персонала: об этом свидетельствует низкий уровень заработной платы, обширный круг обязанностей, условия проживания и т.д. С другой стороны, несмотря на то, что дворник являлся прислугой, все жильцы дома знали его по имени, давали чаевые и старались избегать конфликтов. Такое двойственное положение дворника делало его уникальным феноменом городской жизни рубежа XIX – XX веков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисова И.Б., Приамурский Г.Г. Петербургский дворник: государство и чистота // Неприкосновенный запас. 2006. № 2 (46). С. 148 – 151;

2. Гончаров С.А. Петербургский дворник – литературный тип и реальность (XIX – XX веков) // Studia Litteraria Polona-Slavica. № 4. Warszawa, 1990. S. 169 – 171;

3. Даль В.И. Петербургский дворник // Петербург в русском очерке XIX века. Л., 1984. С. 71 – 81;

4. Домовая прислуга (по переписи) // Домовладелец. 1896. № 19;

5. Загвоскин А.А. Управление домом. Практические сведения для домовладельцев и управляющих домами, с прил. черт. канализации, примеров сметы, ежемесячных приходно-расходных ведомостей и годового отчета. СПб., 1912;

6. Лейкин Н.А. Именины старшего дворника // Цветы лазоревые. Юмористические рассказы. СПб., 1885. С. 33 – 37;

7. Михневич В.О. Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб., 2003;

8. Нефедов П., Зенин Е. Дворники раньше и теперь. М., 1937;

9. Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. Leiden, Boston, 2012. Т. 5;

10. П.Г. Злободневные разговоры // Юмористический альманах. 1907. № 7 (128);

11. С.-Петербург. Дневник приключений. Кражи // Ведомости С.-Петербургской городской полиции.1870. 23 июня;

12. С.-Петербург. Дневник приключений // Ведомости С.-Петербургкой городской полиции. 1870. 24 марта;

13. С.-Петербург. Дневник приключений // Ведомости С.-Петербургкой городской полиции. 1870. 31 марта;

14. С.-Петербург. Дневник приключений // Ведомости С.-Петербургкой городской полиции. 1870. 17 апреля;

15. С.-Петербург. Дневник приключений // Ведомости С.-Петербургской городской полиции. 1870. 10 марта;

16. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1900. Табл. 6;

17. Снежок. Праздничные итоги // Юмористический альманах. 1907. № 7 (128);

18. Успенский Г.И. Дворник // Сочинения Глеба Успенского: в 2 т. СПб., 1896. Т. 1. С. 898 – 902;

19. Чехов А.П. Умный дворник // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 1975. Т. 2. С. 72 – 74;

20. Юхнёва Е.Д. Жилище как элемент бытовой культуры городского населения: на материалах Петербурга конца XIX века: Дисс. … к. ист. н. СПб., 2004;

МУХАДЖИРСТВО ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ТУРЦИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И РЕЗУЛЬТАТАХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ)

Дзуматова З.Р.,
старший преподаватель,
кафедра истории России,
Ингушский государственный университет,
старший научный сотрудник,
отдел истории Ингушетии,
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Ахриева

Ключевые слова: переселение, Северный Кавказ, Турция, мухаджирство, миграция, горцы, черкесы
Key words: relocation, North Caucasus, Turkey, resettlement, migration, highlanders, Circassians

Аннотация. В данной статье анализируются процесс переселения горцев Северного Кавказа в Турцию во второй половине XIX века. Основное внимание уделяется актуальному вопросу – что заставило горцев Кавказа покинуть родную землю и отправиться в Османскую империю. Рассмотрены труды многих российских и турецких авторов, материалы зарубежной европейской печати и архивные документы. Также освещается вопрос последствий переселения для мухаджиров.

This article analyzes the process of relocation of highlanders of the Northern Caucasus to Turkey in the second half of the XIX century. The main attention is focused on the pressing question - what caused the Caucasian highlanders leave their homeland and go to the Ottoman Empire. Works of many Russian and Turkish authors, foreign European press materials and archival documents are considered. The consequences of relocation for resettlers is also discussed.

В данной статье освещается еще одна сторона трагической истории горцев Северного Кавказа, вынужденно покинувших свою родину во второй половине XIX века. Причины мухаджирства можно подразделить на несколько групп: реакционная политика царизма на Кавказе; англо-турецкие происки на Кавказе; роль ислама в переселении; самообольщение горцев, уверенных в прекрасной для них жизни в Турции; стремление горских феодалов к переселению; другие причины переселения.

21 марта 1864 г. окончилась Кавказская война, которая легла тяжелым бременем не только на горцев, но и на царскую администрацию. Регулярные потери России на Северном Кавказе составляли примерно одну четвертую всех сил, переброшенных в этот регион. Согласно генералу Е.А. Головину, командовавшего войсками на Кавказе, в 1838–1843 гг. ежегодно гибло до 30 тысяч человек, и шестая часть доходов империи шла на ведение войны на Северном Кавказе [1. С. 23]. Понятно, что после окончания войны, Россия приступила к окончательному покорению края. Царская администрация желала освободить земли от «враждебной нам части населения» и заселить сюда «угодных нам людей» [5. С. 79-81], такими угодными людьми были казаки, крестьяне-переселенцы из Центральных губерний, черногорцы и другие жители Боснии и Герцеговины, желавшие переселиться в Россию.

Турция была заинтересована в переселении, обессиленная от постоянных внешнеполитических неудач и внутреннего развала [8. С. 182], она хотела: а) решить тяжелую демографическую ситуацию; б) укрепить свою армию за счет переселенцев, так как турецкая армия находилась на грани развала, войска не получали жалования месяцами, офицерам годами не выдавали рационов; в) усилить антиславянский элемент на Балканах, расселив мухаджиров среди христианского населения; г) заселить переселенцами пустынные земли и пограничные территории; д) поднять экономику за счет новой рабочей силы; е) использовать мухаджиров в будущих войнах против России.

Турецкие феодалы были заинтересованы в переселенцах как в «живом товаре». В XIX в. работорговля в Турции приносила огромные деньги, людей продавали во все страны Малой Азии и в Египет, красивых девушек можно купить по 60-80 рублей за каждую, ребенка 11-12 лет любого пола можно купить за 30-40 рублей [7. С. 307]. Работорговцы находились под защитой государства. В 1909 г. в Османской империи был издан «Закон о запрещении торговли пленными неграми, черкесами и другими рабами и джарие (женщина в гареме)», следовательно, до 1909 г. работорговля в Порте была узаконена. Мухаджиры пополняли рынки рабов, свободные люди сами продавались в рабство или продавали своих детей, женщины оказывались в гаремах.

Свою роль играло и то, что Турция выступала как главная защитница и лидер всего мусульманского мира. Хотя в свое время она не оказала помощи Шамилю, теперь решила показать горцам свое раскаяние и «искреннее» желание помочь единоверцам.

В свою очередь, Англия стремилась отвлечь внимание России от Балканского полуострова, используя борьбу кавказских горцев за независимость и поддерживая Оттоманскую Порту.

Многие исследователи считают, что ислам играл главную роль в переселении горцев. Якобы религиозный фанатизм толкал людей покидать земли своих предков и отправляться в неизвестность, из желания «жить и умереть» на магометанской земле. Нельзя забывать, что ислам не получил на Кавказе такого масштабного распространения, а в большей части населения, особенно в низких сословиях, религиозные верования состояли из смеси остатков язычества, христианства и ислама. Об этом говорит и существование адата – обычного права, и то, что исламское государство Шамиля – Имамат не прижилось, так же как и шариатский суд. Ислам начал распространяться на Северо-Восточном Кавказе в VIII в. после захвата арабами Дербента, закрепился он только в Чечне и на юге Дагестана. С 1784г. на Кавказе начинают распространяться мусульманские обряды, появляются первые мечети. Но это не мешало горцам поклоняться своим языческим богам. И хотя в этот период здесь начинает внедряться учение суфийских братств (тарика), мюридизм стал здесь явлением политическим, лишь внешне имеющим религиозную окраску. Мюридизм

добивался независимости для кавказских народов, воюя с Россией, но не стремился к священной войне против всего мира неверных, как это представляли турецкие агенты. Более исламизирована была горская знать, которая и хотела переселиться в Турцию, для упрочения своего положения.

Самообольщение горцев, уверенных в прекрасной для них жизни в Турции - долгое время считалось главной в процессе переселения. Темные, необразованные горцы решили «дружно» уйти жить в другую страну, уверенные, что там им будет хорошо. Переселению горцев способствовали слухи, которые начали распространяться за несколько лет до окончания Кавказской войны: горцев собираются переселить в болотистые районы Кубани, установить солдатчину и проводить насильственно христианизацию [2. С. 811]. В 1853-1854 гг. под влиянием духовенства население ждало появления турецких войск для освобождения всех мусульман от христианского ига и одновременно боялось, что после окончания войны всех обратят в христианство. А тут как раз в это время действительно была начата миссионерская деятельность, возникли волнения, пришлось эту деятельность прекратить. Реформы 60-х гг. XIX в. тоже вызвали слух, что хотят отнять вотчинные земли, начать брать в рекруты и постепенно обратить в русскую веру. Отсюда возникло движение за переселение в Турцию [2. С. 46].

Часть исследователей мухаджирства придерживаются мнения, что горская знать подбила кавказцев к переселению. А так как среди соплеменников они пользовались большим авторитетом, то могли повести за собой многих. Руководствовались феодалы соображениями собственной выгоды. Отмена крепостного права 1861 г. привела к потере феодалами своих привилегий, удержать за собой крепостных крестьян было невозможно. Еще в 1843 г. Николай I объявил о признании за кавказскими мусульманами высших сословий прав, существовавших в России, а в 1846 г. земли этих сословий были признаны потомственной собственностью, зависимые от помещиков крестьяне считались все же государственными поселянами. Нечеткость земельных прав и сложность определения статуса различных категорий высших сословий привели к тому, что они, в отличие от грузинских тавад и азнауров, так и не были приравнены к российскому дворянству, права которого каждый отдельный мусульманин мог получить только на службе или по высочайшему соизволению [2. С. 46-47]. Соответственно, горские феодалы стремились в Турцию. Но процесс переселения начался задолго до отмены крепостного права, когда их положение было стабильным, и переселяться в Порту не было необходимости.

Кроме перечисленных были и другие причины переселения: а) тяжелое экономическое положение крестьян, ведь в отличие от других областей, в Закавказье освобождение от крепостной зависимости было проведено в 1864-1873 гг. и на условиях более тяжелых для крестьян, чем во внутренних губерниях. Правительство не взяло на себя выплату выкупных ссуд помещикам и поэтому не ввело и обязательного выкупа надельных земель, представив его добровольному соглашению крестьян с бывшими владельцами. В результате, получив личную свободу, крестьяне продолжали отбывать денежные и натуральные повинности за землю [3. С. 95]. б) переселение 50-60-х гг. XIX в. в Турцию было связано с результатами Крымской войны. Мусульманские жители Кавказа и Таврической области рассчитывали, что населенные в основном ими земли отойдут от России либо, получив независимость, либо будучи включены в состав Турции. Когда эти надежды не оправдались, жители Кавказа и Тавриды под воздействием турецкой агитации заявили о своем желании эмигрировать в Турцию [3. С. 94].

Всех мухаджиров с Северного Кавказа называли «черкесами», независимо от национальности. Переселение 50-60-х гг. проходило в годы «Танзимата» (араб. преобразования). С конца 30-х и до начала 70-х годов XIX века в Турции пытались проводить реформы, вызванные углублением кризиса Османской Империи, возникшего вследствие роста внутренних противоречий и обострения борьбы европейских держав за господство на Балканах и Ближнем Востоке. Прогрессивные круги Турции пытались спасти империю от распада и гибели.

Но «Танзимат» практически прекратил свое существование при султане Абдул-Хамиде II (1876-1909), когда в стране воцарился самодержавный режим феодальной реакции – «Зюлюм» (араб. насилие) [7. С. 306]. Турецкая экономика находилась в упадке, засевалась лишь небольшая часть пригодной для обработки земли.

Жизнь мухаджиров в Турции была очень тяжелой: непривычный климат, эпидемии, голод приводили к массовым жертвам переселенцы помещены в грязи и скучены – отсюда ужасающая смертность [7. С. 307]. Переселенцы получили самую плохую землю, их расселяли по всей империи, продавали в рабство, в рекруты турки брали только неженатых, и потому горцы продавали своих жен и детей и поступали на службу [4. С. 53], количество свалившихся на них бедствий было велико.

В 1908 году произошла Младотурецкая революция, Османская империя рухнула, но положение мухаджиров не сильно улучшилось. Отрицая наличие национального вопроса в Турции, младотурки хотели насильственно ассимилировать национальные меньшинства, разрешая сохранить свою религию, но не свой язык и требуя сохранения единой и неделимой Османской империи [4. С. 56]. Переселенцы подвергались притеснениям, не имели права говорить на родном языке, соблюдать обычаи и традиции, шло насильственное отуречивание. С другой стороны, мухаджиры получили в собственность земельные наделы, которые могли обрабатывать, также по шариату было установлено равноправие в земельных вопросах, что привело к уравнению в правах всех сословий.

После окончания в 1864 г. войны на Западном Кавказе, огромное большинство горского населения этой части края переселилось в Турцию и значительные пространства богатых и живописных земель восточного прибрежья Черного моря оказались свободными для заселения. Из всех земель был составлен Черноморский округ и был внесен проект о его заселении [6. С. 15].

Русское правительство допустило на побережье армян и греков из Турции. Из Грузии началось стихийное переселение мингрелов в Абхазию. В 1896-1897 гг. было решено, что впредь следует сосредоточить усилия на создание на побережье «ядра русских людей», которые служили бы проводниками русского влияния на местное население. Эти усилия вылились в раздачу лучших земель в качестве «культурных участков» петербургской высшей бюрократии. Создание крестьянских хозяйств практически не велось. Закавказье долгое время служило местом ссылки

русских сектантов. Лишь в 1889 г. было разрешено добровольное переселение крестьян [2. С. 34].

Наиболее худшие результаты переселение имело для самих горцев. Им пришлось покинуть землю своих отцов и отправиться в другую страну. При этом они претерпевали многочисленные бедствия и лишения, тысячи из них умерли в пути, еще больше в самой Турции. Потомки мухаджиров оказались лишенными возможности придерживаться национальных обычаев и традиций, подверглись насильственному отуречиванию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Кавказа. Махачкала, 1972.

2. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XIX вв). СПб., 1998.

3.Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX вв. Этностатистические исследования. СПб., 1996.

4. 12. Кипкеева З.Б. Карачаево-Балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000.

5. РГВИА. Ф.450. Оп.1. Д. 64. Л. 79-81.

6. РФ РГБ. Ф. 1-74. Д. 11348. Л. 15.

7. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т.1.Нальчик, 2001.

8. Чекменев С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // Всесоюзная научно-практическая конференция (24-26 окт. 1990 г.). Нальчик, 1994.

ТЕХНОЛОГИИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Дмитриева Т.Ф.,
старший преподаватель,
кафедра уголовного права и уголовного процесса,
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

Ключевые слова: технико-криминалистические средства, осмотр места происшествия, обнаружение следов, фиксация следов, изъятие следов преступления
Key words: technical and criminalistic means, the inspection the scene, detection of traces, fixation of traces, removal of traces

Аннотация. В работе на основе теоретического анализа и практического опыта экспертно-криминалистической деятельности предлагаются технологии применения технико-криминалистических средств при осмотре места происшествия, включающие технологии обнаружения, фиксации, изъятия следов и материальных объектов преступления. Представляется, что данные технологии позволят обеспечить качество и результативность применения технико-криминалистических средств при осмотре места происшествия, а также разработать на их основе предложения и рекомендации для практического использования следователями, лицами, производящими дознание, специалистами.

On the basis of theoretical analysis and practical experience of expert and criminalistic activities technologies of application of technical and criminalistic means during the inspection the scene are offeredand including detection technologies, fixation, and removal of traces and the material objects of the crime. It seems that these technologies will ensure the quality and effectiveness of application of technical and criminalistic means in the inspection the scene, and to develop on their basis proposals and recommendations for the practical use of investigators, persons conducting the inquiry, experts.

Введение. Качественное и результативное применение технико-криминалистических средств (далее ТКСр) при проведении осмотра места происшествия (далее – ОМП) позволяет осуществить предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом задачи уголовного процесса в Республике Беларусь[1] и назначение уголовного судопроизводства – в Российской Федерации[2]: собрать доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого; установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц, а также выдвинуть версии, избрать пути их проверки и реализации, а иногда и вынести суждение о самом характере происшедшего события[3]. Некачественный, безрезультативный в части обнаружения, фиксации и изъятия следов и материальных объектов преступления ОМП, в ряде случаев может серьезно повлиять на дальнейшее расследование уголовного дела, привести к утрате ценнейших доказательств, которые невозможно получить при проведении других следственных действий (далее – СД). Поэтому обеспечение эффективности ОМП – основная задача следователя, лица, производящего дознание (в Республике Беларусь), дознавателя (в Российской Федерации), специалиста при его проведении. В современных условиях динамического развития инноваций во всех сферах жизнедеятельности как белорусского, так и российского общества, большое практическое значение имеет совершенствование имеющихся и разработка современных технологий применения ТКСр при ОМП.

Основная часть. Собирание доказательств – это понятие комплексное, включающее действия по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению доказательств. Следы – важное средство установления объективной истины по делу, поэтому работа с материальными следами на месте происшествия – исходный и наиболее важный момент раскрытия и расследования преступлений[4]. При этом качество и полнота извлечения криминалистически значимой информации при ОМП находится в прямой зависимости, во-первых, от выбора ТКСр и технологий, применяемых для выявления, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств; и, во-вторых, от уровня квалификации лица, использующего ТКСр. Несмотря на большое разнообразие ТКСр, имеющихся на вооружении правоохранительных органов Беларуси и России, существование теоретических знаний и практических рекомендаций относительно их использования на ОМП для обнаружения, фиксации и изъятия следов и объектов преступления, на практике иногда возникают проблемы с их применением, что препятствует достижению эффективности данного СД. По нашему мнению, указанный факт является значительным пробелом, поскольку четкое понимание технологий применения ТКСр при ОМП позволит обеспечить его результативность для достижения главной цели – оказание помощи в раскрытии и расследовании преступлений.

О наличии проблем применения ТКСр при проведении ОМП ученые писали и ранее. Так, Н.В. Шепель отмечала, что низкий уровень раскрываемости преступлений в значительной степени объясняется существенными недостатками в использовании следователями научно-технических средств и методов, входящих в арсенал экспертно-криминалистических подразделений[5]. Б.Ю. Тхакумачев исследо-

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. по состоянию на 23 янв. 2012 г. – Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. – С. 11.

2. Статья 6 Назначение уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РФ) [Электронный ресурс] / Договор-Юрист.Ру. – Режим доступа : http://dogovor-urist.ru/кодексы/уголовно_процесс_кодекс/статья_6/ . – Дата доступа : 16.10.2014.

3. Ведерников Н.Т. К вопросу о повышении эффективности осмотра места происшествия / Н.Т. Ведерников, Н.С. Дергач // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе / [Редкол.: В.Ф. Волович (отв. ред.) и др.]. – Томск, 1983. – С. 206.

4. Карлов, В.Я. Использование криминалистической техники в расследовании преступлений : науч.-практ. пособие / В.Я. Карлов ; Моск. акад. экономики и права. – М. : Экзамен, 2006. – С. 112, 119.

5. Шепель, Н.В. Взаимодействие следователя с сотрудником экспертно-криминалистического подразделения при раскрытии и расследовании преступлений : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.В. Шепель ; ГО УВПО «Омская академия МВД России». – Барнаул, 2006. – С. 3.

вал проблемы деятельности правоохранительных органов, связанные с тактикой применения технических методов и средств для обнаружения, закрепления и изъятия предметов и документов[6]. Т.В. Барсукова среди типичных ошибок ОМП выделила не применение в ходе осмотра технических средств либо ненадлежащее их применение; поверхностную фиксацию в протоколе ОМП обнаруженных объектов[7]. Н.А. Хакимов на основе изучения протоколов ОМП выявил следующие недостатки его проведения: «а) в ходе осмотра нередко изымаются объекты, не имеющие отношения к расследуемому событию; б) часть следов уничтожается при транспортировке; в) в большей степени внимание обращается на следы пальцев рук и гораздо меньше – на следы обуви, наложения волокон на одежде подозреваемого»[8]. А.А. Леви и В.В. Воскресенский, среди недоработок ОМП, повлекших следственные ошибки, указали: обнаружение не всех имевшихся на месте происшествия следов и иных вещественных доказательств; не изъятие с места происшествия обнаруженных следов и вещественных доказательств; неприменение необходимых ТКСр в ходе осмотра; отсутствие в протоколах ОМП (более чем в трети случаев) нужной информации об обстановке места происшествия и следах преступления; не указание изъятых вещественных доказательств[9] В.К. Козлов пишет, что неоправданно редко изымаются с мест совершения преступлений следы обуви[10]. Т.В._Варфоломеева отмечает недостаточно квалифицированное использование ТКСр при моделировании вещественных доказательств[11].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, очевидна актуальность исследования технологий применения ТКСр в процессе ОМП, представляющих как теоретический, так и практический интерес. Технология – это наиболее целесообразный и эффективный способ осуществления неких трудовых операций в должной последовательности[12]. Криминалистические технологии в ОМП – это непрерывный процесс использования комплекса современных ТКСр и методов, тактико-криминалистических приемов в условиях дефицита времени, необходимости решения значительного числа сложных мыслительных задач при крайней недостаточности информации о событии преступления[13]. В структуре системы технико-криминалистического обеспечения (далее – ТКО) ОМП, по нашему мнению, технологии применения ТКСр отражают механизм деятельности субъекта данной системы по использованию конкретных методов, способов, приемов и средств в определенной последовательности. С учетом предложенной нами систематизации ТКСр ОМП[14] можно сказать, что технологии их использования включают применение ТКСр для: 1) обнаружения следов преступления, 2) их фиксации, 3) изъятия следов преступления.

1. Криминалистические технологии применения ТКСр для обнаружения при ОМП следов и объектов преступления, по нашему мнению, включают пять групп технологий применения ТКСр для обнаружения: 1)_следов папиллярных узоров (рук и ног); 2) микрообъектов; 3) металлических предметов; 4) неметаллических следов и оъектов (трупов или их частей); следов биологического происхождения; пылевидных частиц от обуви на текстильных изделиях; взрывчатых, наркотических и химических веществ; человека; тайников); 5) аудио-, видеозаписей или фотоизображений.

1) Криминалистическая технология применения ТКСр для обнаружения следов папиллярных узоров (рук и ног) предполагает использование определенных методов в строго определенной последовательности, в зависимости от вида следа, особенностей следовоспринимающей поверхности, ее площади, временного интервала образования следа, условий проведения поиска. Использование дактилоскопии для целей выявления преступлений дало толчок к разработке научно-технических средств обнаружения следов рук[15]. Сегодня используемые для этих целей разнообразные ТКСр позволяют успешно идентифицировать человека по отображениям его папиллярных линий. Методы выявления невидимых и слабовидимых следов папиллярных узоров подразделяют на четыре группы: а) визуальный (оптический); б) физический; в) химический; г) физико-химический, которые при осмотре важно использовать именно в этой последовательности.

Приоритерным при ОМП является использование визуального (оптического) метода обнаружения следов папиллярных узоров, который основан на усилении их видимости за счет создания наиболее выгодных условий освещения и наблюдения. К приемам визуального метода относятся: освещение и осмотр поверхности под определенным углом; осмотр прозрачных предметов на просвет; применение различных светофильтров; облучение слабо видимых потожировых следов ультрафиолетовыми лучами. В качестве источников света используются переносные фотоосветители, различные фонари, специальные источники – ультрафиолетовые осветители, эндоскопы, гибкий оптоволоконный эндоскоп, фиброскоп. Особый интерес представляет современный оптический прибор RUVIS – обозреватель места преступления, который использует

6. Тхакумачев, Б.Ю. Тактико-организационные особенности участия специалиста при производстве следственных действий : автореферат дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Б.Ю. Тхакумачев ; Балкарский гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. – Нальчик, 2005. – С. 18-19.

7. Барсукова, Т.В. Неотложные следственные действия и ошибки при их производстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.В. Барсукова ; Воронежский ин-т МВД России. – Воронеж, 2003. – С. 22.

8. Хакимов, Н.А. Практика применения научно-технических средств при осмотре места происшествия (по материалам уголовных дел) / Н.А. Хакимов // организационно-тактические проблемы расследования преступлений : Межвузовский сб. науч. тр. / Красноярский ун-т. – Красноярск, 1990. – С. 98.

9. Леви, А.А. Недостатки осмотра места происшествия как одна из причин следственных ошибок / А.А. Леви, В.В. Воскресенский // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве : сб. науч. тр. / Куйбышевский гос. ун-т. – М., 1988. – С. 44-45.

10. Козлов, В.К. О путях повышения результативности осмотра места происшествия, осуществляемого без участия специалиста / В.К. Козлов //Экспертная практика / ЭКУ ВНИИ МВД СССР. – М., 1986. – Вып. 24. – С. 28.

11. Варфоломеева, Т.В. Производные вещественные доказательства : криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т.В. Варфоломеева ; Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. – Киев, 1973. – С. 8.

12. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : Норма : Инфра-М, 2001. – С. 85.

13. Аминев, Ф.Г. Об использовании криминалистических технологий при осмотре места происшествия / Ф.Г. Аминев // Рос. следователь. – 2009. – № 20. – С. 3.

14. Дмитриева, Т.Ф. Система технико-криминалистических средств, используемых при осмотре места происшествия / Т.Ф. Дмитриева // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. – № 1. – С. 42–45.

15. Грамович, Г.И. Основы криминалистической техники: процессуальные и криминалистические аспекты / Г.И. Грамович. – Минск : Выш. шк., 1981. – С. 49

технологию формирования изображения по отраженному ультрафиолетовому излучению, чтобы определить местонахождение необработанных скрытых следов пальцев на пористых поверхностях на расстоянии более чем 4,5 метра при дневном свете или в полной темноте и позволяет фиксировать их на фотокамеру[16]. Эффективен при ОМП современный светильник большой мощности с собственным источником электропитания «SL-350»[17]; источник экспертного света FAL 2000, предназначенный для обнаружения различных скрытых следов (потожировых следов, волос и других)[18].

Физический метод выявления следов папиллярных узоров основан на адгезионных (прилипающих) свойствах, когда окрашивание следа происходит за счет осаждения на его веществе мельчайших частиц красителя; либо адсорб-ционных (поглощающих) свойствах следообразующего вещества, когда окра-шивание происходит за счет внедрения частиц красителя в вещество следа. При ОМП наиболее распространено выявление следов рук с помощью мелкодисперсных дактилоскопических порошков и дактозолей. В настоящее время в беларуси на практике получили широкое распространение двухцветные порошки, разработанные Белорусским Государственным университетом Республики Беларусь. Для обнаружения старых невидимых следов рук (ног) на многоцветных поверхностях применяется метод, основанный на способности вещества следа люминесцировать под действием ультрафиолетового и инфракрасного излучения, электрооптических биноклей, для чего применяются флюоресцирующие порошки и их смеси. Метод использования физических проявителей применяется для выявления следов на влажных, жирных поверхностях, железобетоне, кирпиче, дереве, на клейкой стороне липкой ленты и др. Сегодня распространение получили жидкие проявители «SPR» и «Дакти» в двух вариантах: черный для светлых поверхностей и белый («Дакти-2») – для темных. Выявление следов рук на клейких поверхностях пленок осуществляется с использованием набора «Стикер» (Россия) позволяющего производить работу в два этапа: 1) отделение пленки от поверхности объекта; 2) выявление следов рук. Невидимые следы папиллярных узоров, когда традиционные методы не дают результатов, можно выявить методом лазерной флюорографии с помощью переносного твердотельного лазера типа ПДСП (прибор диагностики следов преступлений). Метод термического вакуумного напыления позволяет выявлять следы рук (ног) на бумаге, неокрашенном дереве, на полиэтиленовых пленках, для чего необходим специальный прибор. На металлических поверхностях следы рук выявляются путем их окапчивания копотью от горящей канифоли, резины.

Химические методы выявления следов папиллярных узоров при ОМП используются редко, так как они основаны на химических реакциях между компонентами потожирового вещества следа и определенными реактивами, вызывающими их окрашивание или люминесценцию. К таким методам относятся следующие. Выявление следов папиллярных узоров раствором нингидрина, аллоксана, азотнокислого серебра, диазафлуорена (DFO). Наиболее эффективным является использование паров цианакрилата, позволяющих выявлять следы на различных поверхностях, в закрытых помещениях (комнатах, салонах автомашин, автобусов и т.д.). Данный метод основан на химическом процессе взаимодействия паров цианокрилата («суперклея»), аминокислот, жирных кислот и белков, содержащихся в скрытых отпечатках пальцев и водяных паров, в результате полимеризации которых происходит проявление папиллярных узоров, и называется процессом фьюмингования[19]. Для этих целей в условиях ОМП целесообразно применение цианокрилатового геля в удобной пластиковой упаковке, а в качестве герметичной камеры использование не только специально стационарной камеры, но и картонных коробок, контейнеров из пенополистирола, пластиковых мешков для мусора и т.п. В настоящее время наибольшее распространение получили «конверты», которые забрасываются в обрабатываемое помещение, и в результате испарения эфира Х-цианакрилатовой кислоты выявляются не только свежие, но и «старые» невидимые следы. К современным ТКСр относится компактная портативная цианоакрилатная окуривающая система «Foster & Freeman SUPERfume» для мест преступлений[20]. Следы рук (ног) на бумаге, стекле, коже (в том числе на теле человека), на металлической фольге, металлах, сплавах, на липком слое клеящих лент и т.д. выявляют с помощью тетроксида рутения, при использовании черного судана – на свече, неровных жирных и липких поверхностях, а также на внутренних поверхностях резиновых перчаток, с помощью раствора марганцевокислого калия с серной кислотой – на полиэтилене.

Физико-химический метод выявления следов рук основан на комплекс-ном взаимодействии определенных реагентов с потожировым веществом следа при использовании и физических свойств, и химических реакций. При осмотре места происшествия может осуществляться выявление следов рук путем обработки их парами йода с помощью йодной трубки, либо йодосодержащих порошков «Крайод» и «Полийод».

Эффективность обнаружения следов папиллярных узоров в значительной степени зависит от последовательности применения средств и методов, при этом каждый предыдущий способ не должен препятствовать возможности обнаружения следов с использованием последующих ме-

16. Оптический прибор Обозреватель места преступления RUVIS // KRIM-MARKET.RU [Электронный ресурс] : интернет магазин криминалист. оборудования и расход. материалов. – Режим доступа : http://www.krim-market.ru/2010-10-10-20-15-07/85--ruvis.html. – Дата доступа : 26.11.2014.

17. Светильник большой мощности с собственным источником электропитания для исследования места преступления «SL-350» // Бюро Научно-Технической Информации [Электронный ресурс] : техника для спецслужб. – Режим доступа : http://www.bnti.ru/des.asp?itm=4083&tbl=02.09.01. – Дата доступа : 26.11.2014.

18. Источник экспертного света «Gold Panther FAL 2000»: аппаратура для исследования следов и вещественных доказательств // Бюро Научно-Технической Информации [Электронный ресурс] : техника для спецслужб. – Режим доступа : http://www.bnti.ru/des.asp?itm=4189&tbl=02.09.06. – Дата доступа : 26.11.2014.

19. Натура, Д.А. О получении криминалистически значимой информации в ходе осмотра места происшествия сотрудниками ФБР США / Д.А. Натура // Вестн. криминалистики. – 2010. – Вып. 2. – С. 51.

20. Портативная цианоакрилатная окуривающая система «Foster & Freeman SUPERfume» для мест преступлений // Бюро Научно-Технической Информации [Электронный ресурс] : техника для спецслужб. – Режим доступа : http://www.bnti.ru/des.asp?itm=6227&tbl=02.09.01.&p=1. – Дата доступа : 26.11.2014.

тодов, поскольку. различные способы обнаружения поразному влияют на сохранность следов.

2) Криминалистическая технология применения ТКСр для обнаружения микрообъектов. Для обнаружения микрообъектов обычно используются различные оптические приборы (лупы типа «Регула», микроскопы), микропылесосы, эффективные для изъятия твердых микрообъектов из труднодоступных мест (отверстий, щелей), а также с больших поверхностей, в том числе пористых. Углесодержащие микрочастицы хорошо поглощают инфракрасные лучи и поэтому в поле зрения электронно-оптического преобразователя выглядят темными, например, несгоревшие порошинки, частицы протекторной резины, угля, сажи и т.д. Для обнаружения микрочастиц на одежде и других предметах используются ртутно-кварцевые лампы и электронно-оптические преобразователи. Современные криминалистические лаборатории оснащаются эффективным средством обнаружения микрообъектов – детектором скрытых следов, оборудованным на базе переносного лазера YAG-Nd с автономным питанием[21].

3) Криминалистическая технология применения ТКСр для поиска металлических предметов. Для обнаружения металлических предметов используются приборы, действующие по принципу образования вторичного магнитного поля вокруг такого предмета. В настоящее время используются различные металлоискатели армейского образца, электронные миноискатели («Дирижер», «Стерс» и другие). Из числа малогабаритных металлоискателей можно назвать такие как «ВМ-611», «СТЕРХ-МАСТЕР», действующие в режиме «все металлы». Для выявления при осмотре транспортных средств признаков изменения заводских номеров используется прибор «Контраст», а для определения возможностей транспортировки золота в портфелях, сумках, карманах одежды применяется прибор «Киноварь». Для сбора осколков взрывного устройства, разбросанных на большой площади при ОМП, связанном со взрывом, используется поисковое магнитное приспособление ПМП-1.

4) Криминалистическая технология применения ТКСр для обнаружения неметаллических следов и объектов включает применение ТКСр для отыскания трупов и их частей; следов биологического происхождения; пылевидных частиц от обуви на текстильных изделиях; взрывчатых, наркотичеких и химических веществ; человека; тайников; аудио-, видео-изображений или фотоизображений. Для поиска трупов или их частей используются приборы, реагирующие на наличие в почве сероводорода, электрощупы, тралы и другие, прибор «Поиск-1», газоанализатор. Особенностью объектов биологического происхождения являются их малозаметность и возможность изменения свойств с течением времени, что требует применения специальных технических приемов и средств. К ним относятся: криминалистическая лупа с подсветкой (увеличение не менее 3,5х), осветительные приборы, в том числе с автономным питанием. При ОМП невидимые кровяные следы обнаруживают с помощью реактивной бумаги «Гемоцвет-1», пробы с реактивом «Воскобойникова», люминолом, спиртового раствора бензидина и перекиси водорода, раствора лейкомалахитовой зелени в эфире, «Гемофана», а также раствора 3,3-диаминобензидина, порошка «Черный амид» темно-коричневого цвета с лиловым оттенком. Лучше всего слабо видимые и невидимые следы крови, спермы, пота и других выделений человека обнаруживаются в затемненном помещении с помощью возбуждающих люминесценцию ультрафиолетовых лучей приборов. Наличие следов спермы можно обнаружить с помощью специального реагента «Фосфотест». При положительной реакции появляется яркая фиолетовая окраска. К следам биологического происхождения относятся также запаховые следы, которые или причисляются к микроколичествам следов-веществ или образуют самостоятельную группу микрообъектов. Следы запаха ни визуально, ни с помощью каких-либо ТКСр на месте происшествия не обнаруживаются, но остаются на предметах, к которым прикасался преступник, для работы с которыми применяются комплекты, представляющие собой наборы герметично укупоренных сосудов, микронасосов, абсорбирующих материалов и т.д. Обнаружение пылевидных частиц от обуви на ковровых и других изделиях осуществляется с использованием различных приборов, наиболее распространенным из которых является прибор «Следокоп». Для обнаружения взрывчатых веществ может использоваться прибор, реагирующий на азот, содержащийся во взрывчатке, при наличии которой появляется радиоактивный изотоп азота. Его наличие и регистрируется прибором. С помощью миниатюрного прибора фирмы Ion Track (США), включающего детектор ионов, компьютер, принтер, переносной пробоотборник, можно обнаружить тротил, гексоген, семтекс. Для квалифицированного осмотра места взрыва необходимо иметь целый ряд предметов, в совокупности сосредоточенных в мобильном комплекте «Кратер». Следы различных химических веществ (нефтепродуктов, клея и пр.), также как и следы биологического происхождения, могут быть обнаружены в затемненном помещении с помощью возбуждающих люминесценцию ультрафиолетовых лучей, источником которых могут быть различные приборы. Следы наркотических веществ выявляются с помощью комплектов «Политест», тестов «СИГМА» и других детекторов. Для поиска людей, скрывающихся в помещениях или вывозимых на транспортных средствах, используется прибор «Лаванда». Тепловые следы, возникающие при совершении преступления, можно выявить с помощью тепловизоров. Для поиска тайников используются переносные рентгеновские установки «Фрегат-М», комплексы «Шмель», радиоизотопные отражательные толщемеры и другие поисковые наборы. Для обнаружения тайников в земле применяется ручной бур, в соломе и мягкой мебели – щупы. Для поиска тайников с неметаллическими вложениями изучаются возможности применения приборов, работающих на основе звуковой локации, емкостного метода, метода сверхчастотных колебаний (радиоволн), акустической голографии. Для отыскания тайников, оборудованных в бетонных строительных конструкциях, может использоваться прибор «Жасмин», который не только позволяет обнаружить пустоты, но и определить расстояния до них. Технологии обнаружения аудио-, видеозаписей или фотоизображений влючают методы работы

21. Габа, А.И. Современные возможности криминалистического исследования веществ, материалов и изделий из них : практ. пособие / А.И. Габа, Д.В. Исютин-Федотков ; Респ. ин-т высш. шк. – Минск : РИВШ, 2009. – С. 39.

с такими элементами материальной обстановки места его совершения, как электронные приборы с функцией памяти (телефонные аппараты, смартфоны, планшеты и иные), обладающие свойством сохранять в электронной памяти вводимую владельцем информацию личного характера, а также сведения об обстоятельствах их эксплуатации. При ОМП можно обнаружить объекты, содержащие уголовно релевантные записи, созданные различными электронными цифровыми средствами, к которым относятся цифровые регистраторы речи и камеры видеонаблюдения (том числе различные web-камеры), а также мобильные телефоны, системы IP- и Интернет-телефонии и иные средства пакетной передачи оцифрованной речи.

2. Криминалистические технологии применения ТКСр для фиксации следов и объектов преступления при ОМП представляют систему действий субъектов поисково-познавательной деятельности, направленной на процессуальное, криминалистическое и оперативное запечатление информации в установленной законом и подзаконными актами форме. Криминалистическая фиксация осуществляется в четырех формах: вербальной, графической, наглядно-образной и предметной. Вербальная форма фиксации объединяет протоколирование и звукозапись. Описание в протоколе является методом комплексным, в результате использования которого воспроизводится и запечатлевается информация, воспринимаемая всеми рецепторами человека – зрительным, слуховым, обонятельным, осязательным и вкусовым. Протокол ОМП является источником доказательства по делу, поэтому в нем полно и объективно отражаются ход и результаты осмотра с соблюдением соответствующих правил. Алгоритм описания следов и иных вещественных доказательств в протоколе осмотра места происшествия можно представить в следующем виде: 1) общая характеристика места нахождения следов и иных объектов (в том числе, предполагаемого); 2) методы и технические средства обнаружения, фиксации, изъятия следов и объектов; 3) месторасположение каждого следа или объекта (расстояние от двух относительно неподвижных ориентиров); 4) форма (конструкция, контур); 5) размеры; 6) цвет и особенности каждого следа и ино-го объекта; 7) дополнительный способ фиксации (планы, схемы, чертежи, зари-совки, фотосъемка, аудио-, видеозапись и примененные при этом технические средства и условия съемки); 8) способ изъятия (в натуре, с предметом, с частью предмета, перекопирование на пленку, изготовление слепков и т.д., цвет и размер пленки, материал слепка); 9) упаковка следа или вещественного доказательства (во что упакован, какие надписи сделаны на упаковке, чьими подписями заверены). Сущность фоноскопического метода (звукозаписи) состоит в том, что специальное электронно-механическое устройства (магнитофон, диктофон и др.) преобразует физические свойства устной речи в составляющие ее фонемы, в систему электромагнитных колебаний – фонограмму, а фонограмму – обратно в устную речь. Графическая форма проявляется в измерении, составлении планов, схем, чертежей и зарисовок. Наглядно-образная форма фиксации заключается в фото- и видеосъемке, осуществляемой в ходе ОМП по правилам судебной фотографии, с использованием различных технических средств, в том числе цифровых устройств и возможностей голографии. Интересным и перспективным является предложение Э.А. Ли о создании с помощью специализированной компьютерной программы панорамной, трехмерной и масштабной модели, максимально воссоздающей материальную обстановку места происшествия, которая сможет восприниматься с разных ракурсов, визуализироваться в изменяющемся масштабе. Такая программа предполагает применение цифровой фото- и видеосъемки, а также лазерного сканирования места происшествия[22]. Предметная фиксация обнаруженных при ОМП следов и объектов осуществляется путем изъятия самого предмета – носителя следа, способом консервирования объекта или моделирования его свойств и качеств. При этом консервирование объекта осуществляется в случае, когда затруднительно изъять и сохранить объект из-за его специфических свойств, а моделирование – когда нельзя сохранить объекты из-за их неотделимости от окружающей обстановки, либо из-за размеров (из способов различают изготовление объемных моделей с помощью гипса, полимерных слепочных масс и закрепление поверхностных следов-отображений с помощью специальных пленок.

3. Криминалистическая технология изъятия следов и объектов преступления. Целью изъятия, также как и фиксации, является сохранение определенных свойств и качеств обнаруженных при ОМП объектов. Отличие изъятия от фиксации заключается в различии путей решения стоящей перед ними общей задачи – сохранения определенных качеств, свойств и признаков объектов, имеющих значение для установления истины по делу. При проведении ОМП возникает необходимость в изъятии самых разнообразных следов и объектов, находящихся в твердом, полутвердом, жидком, газообразном состоянии. Выбор ТКСр для изъятия обнаруженных при ОМП следов и объектов зависит от их природы, свойств, качеств и преследуемых целей. Их делят на средства, предназначенные для изъятия твердых объектов (отвертки, стеклорезы и т.п.), жидкостей (медицинская аппаратура, сосуды, марля и т.д.), сыпучих (совки, ситечки и др.), газообразных веществ (путем консервации – с помощью шприца и иглы, путем адсорбции – с помощью фрагмента ткани, фольги, банки), микрообъектов (специальные пленки, пинцеты, пробирки и пр.). Упаковка – один из окончательных этапов собирания следов или объектов, от которого, порой, зависит сохранение результатов всех предыдущих этапов собирания (обнаружения, фиксации, изъятия) и характер исходных данных. Она выполняется с соблюдением определенных требований и гарантирует защиту изъятых следов (объектов) от изменений и возможной подмены.

Заключение. Характерная особенность ТКО ОМП, заключается в том, что от результативности применения ТКСр зависит не только эффективность данного СД, но и увеличение объема необходимой для выявления и расследования преступления доказательственной информации. Новизна представленных криминалистических технологий применения ТКСр для обнаружения, фиксации и изъятия следов и объектов преступления заключается, во-первых, в группировке криминалистических знаний с учетом исследуемого вопроса соответственно предложенной ранее системе ТКСр; во-вторых, в использовании знаний

22. Ли, Э.А. Совершенствование использования компьютерных технологий в расследовании преступлений : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Э.А. Ли ; Кыргыз. гос. юрид. акад. при Правительстве Кыргыз. Респ. – Бишкек, 2011. – С. 19.

о современных направлениях развития и возможностях их использования при ОМП с целью достижения результативности данного СД. Используя предложенные технологии обнаружения, фиксации и изъятия следов и объектов преступления при ОМП, субъект его ТКО становится более подготовленным для дифференцированного подхода к выбору совокупности конкретных технологий и последовательности применения ТКСр, требующих владения значительными объемами теоретических знаний и практических навыков для получения качественно более полной и содержательной информации о преступнике, механизме совершения преступления в каждом конкретном случае.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Желтова Н.В.,
ведущий научный сотрудник,
отдел изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы,
сравнительного анализа пенитенциарного законодательства,
Научно-исследовательский институт ФСИН

Ключевые слова: в тюрьме должно быть меньше тюрьмы, охрана прав и свобод, законных интересов осужденного, социальная адаптация осужденных, Постпенитенциарная ресоциализация осужденных, реформирование уголовно-исполнительной политики государства
Key words: in prison should be less then prison, the legitimate right of the interests, freedoms of convicts, The Russian Federation Prison System Overall Strategic Conception Development to 2020, the reform of the penal policy of the state, post-penitentiary adaptation and socialization of prisoners

Аннотация. Автор публикации затрагивает одно из направлений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Речь идет о гуманизации карательной политики государства, создании предпосылок для внедрения программы постпенитенциарной адаптации и ресоциализации осужденных, в соответствии с международными минимальными стандартными правилами обращения с заключенными, соблюдении прав и законных интересов граждан.

Publication author touches upon one of the branches of The Russian Federation Prison System Overall Strategic Conception Development to 2020. We are talking about the State punishment policy humanization, and creating of legitimate preconditions for introduction post-penitentiary adaptation and socialization program for convicts according The International Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners, compliance the legitimate right of the interests of citizens.

Современная история уголовно-исполнительной системы России – это история изменения карательной политики государства, перехода от тоталитарных форм подавления личности к гуманным методам воздействия на осужденного с целью возвращения его в общество. По принципу: в самой тюрьме должно быть меньше тюрьмы. Перемены в государственной политике в начале 90-х годов XX века, изменение ценностных ориентиров общества определили проведение социально-экономических преобразований, в том числе в области исполнения уголовных наказаний. Реформирование уголовно-исполнительной системы России (далее - УИС) происходит на основе Конституции Российской Федерации, которая соединила два базовых приоритета – высочайший статус прав и свобод гражданина и сильное государство, подчеркнув их взаимную обязанность уважать и защищать друг друга [1:1, 6:1]. Задачи охраны прав и свобод человека и гражданина, общественной безопасности от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений установлены статьей 1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), основанного на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права [2]. Задача охраны прав, свобод и законных интересов осужденных, а так же оказание им помощи в социальной адаптации наряду с регулированием порядка и условий отбывания наказаний стали приоритетными в деятельности органов и учреждений УИС [3].

Для реализации поставленной законом цели исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными гражданами, руководство Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) планомерно совершенствует деятельность органов и учреждений УИС. Государство не только наказывает в соответствии со ст. 44 УК РФ за совершенное преступное деяние. Задача, используя законные способы и методы воздействия на правонарушителя, оказать ему помощь в постпенитенциарной адаптации, содействовать его ресоциализации в обществе после освобождения из мест лишения свободы, предотвращения рецидива преступлений.

Для целей статьи автор использует понятийный аппарат, распространенный в практической деятельности сотрудников и специалистов УИС: адаптация – (лат.) приспособление [11:9], пенитенциарный – лат. в значении относящегося к покаянию (добровольному признанию в содеянном) в процессе отбывания уголовного наказания [12:469], постпенитенциарная адаптация – этап, следующий за отбыванием наказания, «законопослушная социальная адаптация» [12:470] освободившегося осужденного, воспитание у него правовой модели поведения, формирования устойчивого уважения к закону, преодоление правового нигилизма [7:6]; ресоциализация – процесс повторного вживания (бывшего преступника) в систему представлений о ценностях, существующих в обществе [12:647].

Вопросы ресоциализации осужденных, отбывших сроки уголовного наказания, урегулированы уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации в Главе 22 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее УИК РФ). Задачи постпенитенциарной адаптации осужденных, предотвращения повторных преступлений поставлены в подпрограмме 3 «Регулирование государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний» Государственной программы Российский Федерации «Юстиция» до 2020 года [7]. В целях профилактики деликтов, недопущения рецидивов преступлений, государство, воздействуя через Закон на преступников, одновременно дает им возможность с помощью общего (ст. 112 УИК РФ) образования, получения начального профессионального образования (ст. 108 УИК РФ), через правопослушное поведение реабилитироваться и восстановить навыки жизни в обществе. Иными словами, научить жить по средствам и способностям. По данным ФСИН России по состоянию на июль 2014 год в учреждениях УИС России содержалось 657 тысяч человек [10:4]. Ежегодно из мест

лишения свободы освобождается около 300 тыс. осужденных [10:32]. Ведомственная статистика показывает, что освобождаясь из мест лишения свободы, около половины из них уже утратили социальные, семейные и трудовые связи. С трудностями регистрации по месту жительства, трудоустройства и трудозанятости «на воле» ежегодно встречаются более 200 тысяч освобождаемых из мест лишения свободы. В результате вывоза значительной части заключенных (свыше 1,5 миллионов человек) за пределы родных регионов у многих из них необратимо разрушаются семейные, социально-полезные связи. В результате приоритетными становятся задачи профилактики повторной преступности, ресоциализация, постоянное воздействие на осужденного психолого-педагогическими методами исправления личности в условиях ИК. В положениях главы 22 УИК РФ предусмотрена обязанность администрации учреждений, исполняющих наказание, содействовать освобождаемым осужденным в трудовом и бытовом устройстве, получении при необходимости медицинской помощи [3]. Администрацией учреждений ведется постоянная работа с осужденными по их подготовке к возвращению в общество гражданами с правопослушным поведением и адаптации после отбытия срока наказания [3], обеспечить себе жизнь законными способами и средствами. С осужденными в течении срока отбывания наказания проводится работа по различным коррекционным и воспитательным программам: работают психологи, медики, другие специалисты в исправительных и воспитательных колониях в соответствии с нормами УИК РФ (ст. ст. 108, 112) реализуются общеобразовательные и профессиональные программы обучения, организуются места работы в исправительном учреждении. Кроме того, в зависимости от поведения и отношения к труду, степени правопослушного поведения к осужденному в колонии применяются меры поощрения, в частности, работает система «социальных лифтов». В результате ее применения только в 2013 году около 40 тысяч осужденных переведены из обычных условий отбывания наказания в облегченные, более 14 тысяч – из исправительных колоний в колонию-поселение, более 1 тысячи – из исправительных колоний особого режима в исправительные колонии строгого режима [10:7].

В современной пенитенциарной системе России администрация учреждений, сотрудники социальной службы создают условия для бытового и трудового устройства освобождаемого осужденного. С этой целью ведомство привлекает специалистов органов местного самоуправления, федеральной службы занятости, в субъектах Российской Федерации. Администрация учреждений и органов УИС обязана убедиться, есть ли жилье у освобождаемого осужденного, во взаимодействии с органами местного самоуправления, федеральной службой занятости, органами социальной защиты содействуют его возвращению по месту жительства, при необходимости обеспечивают его одеждой, оплачивают проездные документы, участвуют в организации его дальнейшего трудоустройства. Ни один осужденный не освобождается из мест лишения свободы без надлежащего медицинского освидетельствования. По представлению администрации учреждения, исполняющего наказание, для освобождаемых инвалидов, осужденных мужчин и женщин, достигших пенсионного возраста, обеспечиваются места в домах инвалидов и престарелых.

Особую сложность адаптации и ресоциализации представляют осужденные с отбыванием длительных, свыше 10 лет, сроков отбывания наказания. По мнению многих известных ученых-пенитенциаристов, длительные сроки лишения свободы ведут к негативному, необратимому изменению личности осужденного, утрате им социально-полезных связей, что приводит к трудностям в последующей адаптации к жизни на свободе и ресоциализации осужденного. Осужденный не видит перспектив освобождения, утрачиваются стимулы к исправлению.

В связи с возникающими в практике исполнения наказаний проблемами адаптации осужденных, в рамках совершенствования уголовно-исполнительной политики ведется поиск и использование новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, дополнение системы поощрений осуждённых иными стимулами к правопослушному поведению и активной ресоциализации. Сотрудники исправительных учреждений, специалисты психологической службы УИС участвуют в формировании у осужденных уважительного отношения к правилам, принципам и традициям человеческого общежития. В тех регионах, где эффективно работают центры социальной реабилитации осужденных (Республика Карелия, Красноярский и Пермский края, Архангельская, Воронежская области, Нижегородская, Новосибирская, Свердловская и другие), уровень рецидивной преступности незначительный и составляет 3,5% - 4% [13].

Большое значение для поддержания у осужденных стимулов к исправлению, формированию у них цели и стремления жить в обществе, подчиняясь его законам, встать на путь исправления играют общественные объединения, правозащитные организации. Особое место в адаптации осужденных в обществе занимает Русская Православная Церковь, с которой подписано ныне действующее Соглашение в области духовного окормления и религиозно-нравственного просвещения осужденных [9]. Церковь активно способствует возвращению осужденных граждан к законопослушанию, предполагая, что проблемы гражданского воспитания напрямую зависят от тесного сотрудничества Церкви, общества и государства.

Президентом России В.В. Путиным подписан Указ № 842 от 4 августа 2006 года о создании общественных Советов при Федеральных органах исполнительной власти [5:7]. Во исполнение этого Указа подписан приказ Директора ФСИН России № 32 от 26 января 2007 года [8]. Основной целью совета является привлечение общественности к участию в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, защите прав и законных интересов сотрудников, работников, ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах. При территориальных органах созданы территориальные общественные советы, одна из главных задач которых содействие в социальной адаптации осужденных и реабилитации лиц, освободившихся из исправительных учреждений. Численность представителей общественного совета при территориальных органах ФСИН России, включая Общественный Совет при ФСИН России, составил 1060 человек.

Активно включились в процесс социальной адаптации осужденных и ресоциализации лиц, готовящихся выйти на свободу, общественные наблюдательные комиссии [4], членами которых в течении 2013 года осуществлено 1980

посещений учреждений УИС. Что обеспечивает прозрачность деятельности УИС в соблюдении прав и законных интересов осуждённых и персонала.

По мнению автора, для координации и обеспечения деятельности федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных организаций по оказанию помощи в социальной адаптации лицам, освободившимся из мест лишения свободы, необходимо подготовить законопроект и внести на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации законопроект «Об основах социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы». В законе возможно предусмотреть создание специализированных учреждений социального обслуживания, в том числе для несовершеннолетних, домов ночного пребывания для временного размещения освободившихся из мест лишения свободы, создание специальной службы по социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы с приданием этой службе государственного статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года http://www.rg.ru/gazeta/rg/2009/01/21.html http://www.constitution.ru/index.htm

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.97.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014). Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru – 04.06.2014.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (принят ГД ФС РФ 18.12.1996) (ред. от 23.06.2014). Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru – 24.06.2014.

4. Федеральный Закон от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ (ред. от 21.12.2013) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». «Собрание законодательства РФ», 16.06.2008, № 24, ст. 2789., «Российская Газета», № 39-40, 19.06.2008. Официальный Интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru - 23.12.2013.

5. Указ Президента Российской Федерации № 842 от 4 августа 2006 года «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам». http://www.rg.ru/ 8 августа 2006 г. «Российская Газета». Федеральный выпуск № 4138. 16 с.

6. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года http://www.kremlin.ru/transcripts/19825#sel=

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»; http://government.ru/docs/11973/ 118 с.

8. Приказ Директора ФСИН России № 32 от 26 января 2007 года «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы».

9. Соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Русской Православной Церковью от 21 декабря 1999 года.

10. Итоги деятельности уголовно-исполнительной системы. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной Службы исполнения наказаний за 2013 год. Организационно-инспекторское управление ФСИН России. Объединенная редакция ФСИН России. Официальный сайт ФСИН России www.fsin.su www.фсин.рф 96 с.

11. Большой юридический словарь. М. Инфра-М. 1999. 790 с.

12. Энциклопедия пенитенциарного права. Самарский юридический институт ФСИН России. 2013. 750 с.

13. Тюремный портал России. http://prisonlife.ru/trud.

МИФОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОГО НЕНЕЦКОГО ШАМАНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ ЯМАЛА)

Зинченко А.А.,
старший преподаватель,
Тюменское высшее инженерно-командное училище

Ключевые слова: тундровые ненцы, шаманизм, мифолингвистика, сакрально-ритуальный дискурс
Key words: tundra Nenets, shamanism, myth-linguistics, sacral-ritual discourse

Аннотация. Автор рассматривает сакрально-ритуальный дискурс шаманской практики тундровых ненцев в контексте предлагаемой и разрабатываемой региональной мифолингвистики. Автор указывает на наличие взаимосвязей мифа шамана, мифа клиента, мифа семьи и рода, мифа этноса и мифа региона.

The author considers sacred-ritual discourse of shamanic practices tundra Nenets in the context of the proposed and developed a regional myth-linguistics. The author points to the linkages of the myth of the shaman, the myth of the client, of family, and the myth of kind, the myth of the ethnic group, the myth of the region.

Формирование каждого элемента культуры происходит в течение очень длительного времени, в то время как его исчезновение может произойти в очень короткий период времени. Одно из таких уникальных явлений – это традиционный ненецкий шаманизм, который пронизан традиционной мифологией. Известно, что мифология выступает как наиболее ранняя мировоззрения, соответствующая архаичному обществу форма восприятия, как первоначальная культура духовная культура человека. Мифология есть фантастическое художественно-образное отражение действительности, возникающее в результате одушевления природы и всего мира.

Мифолингвистика как научное направление обозначена С.З. Агранович и Е.Е. Стефанским [2003], позже эти идеи были развиты в русле ономастической мифолингвистики И.С. Карабулатовой, Р.Р. Замалетдинова, Ф.С. Сайфулиной и Е.А. Федоровой [2013], Е.А. Федоровой и И.С. Карабулатовой [2013], Е.А. Федоровой, К.К. Койше и И.С. Карабулатовой [2012], Е.А. Федоровой и В.П. Сливинским [2013], Е.А. Федоровой, К.К. Койше и И.С. Карабулатовой [2012], I.S. Karabulatova, E.A. Fedorova, F.S. Sayfulina [2014].

Эти идеи мифолингвистической ономастики являются одним из составляющих элементов «определения витальности древних имен» [Карабулатова, 2008: 24]. В то же время, мы полагаем, мифолингвистика может быть весьма эффективной при анализе «сакрально-ритуального дискурса ненецкого шаманизма» [Зинченко, Карабулатова, 2013: 139]. Уникальные сведения о верованиях ненцев описаны А.А. Поповой [1944], З.Н. Куприяновой [1965]. Существенный вклад в исследование религиозных традиций ненцев внесла Л.В. Хомич, известный специалист по этнографии ненцев. Ею опубликовано большое количество работ, в которых рассматриваются различные аспекты религиозных воззрений и культовой практики ненцев.

Из зарубежных ученых в изучение архаической культуры ненцев заметный вклад внесли финские лингвисты М.А. Кастрен и Т.В. Лехтисало [1956; 1998]. Публикации по частным вопросам, которые касаются верований ненцев, принадлежат специалистам из Венгрии П. Хайду и Л. Гальди. На воззрения ненцев обратил внимание и теолог-теоретик патер В. Шмидт, который решился истолковать их с точки зрения своей концепции изначальности веры в единого Бога и посвятил им отдельный том в своем многотомном исследовании [Малая энциклопедия народов Тюменской области, 2005: 195-202]. Сведения о шаманизме ненцев также включены в обобщающие работы Е.Д. Прокофьевой о шаманских бубнах и шаманском костюме [1961; 1971]. Среди современных исследователей ненецкого шаманизма следует отметить А.В. Головнева [1994; 2000; 2004]; И.С. Карабулатову [2005; 2006; 2006а; 2006б; 2006в; 2006г; 2006д; 2006е; 2006ж; 2010; 2010(а); 2014]; И.С. Карабулатову и В.Н. Евсеева [2008], И.С. Карабулатову и Е.А. Бондарец [2005], Л.А. Лара [2001; 2003; 2011], I. S. Karabulatova and A.A.Zinchenko [2014]; А.А. Зинченко и И.С. Карабулатову [2013; 2013а]; П.Г. Турутину [2011]. Новые сведения о ненцах в динамике представлены в современных описаниях этнической палитры Тюменского региона [Малая энциклопедия народов Тюменской области, 2005]. Однако в науке по-прежнему ощущается потребность и в новых материалах, и в новых попытках осмыслить накопленные сведения с учетом внутренней интроспекции. Мы имеем авторский опыт интроспекции, что позволяет глубже понять нюансы ненецкой культуры.

В традиционной ненецкой культуре миф – это рассказы о первопредках, космогонические предания, топонимические предания и легенды, о деяниях богов и героев, мифы о животных (мифы об оленях, мифы о медведях, вороне, муравьях), которые «вплетены» в реальную жизнь современных ненцев. Содержание мифа мыслится вполне актуальным [Карабулатова, 2004; Карабулатова, Бондарец, 2005; Живая традиция заговора, 2005]. До сих пор в традиционной ненецкой культуре различие между реальным и сверхъестественным не проводится. Например: ««О Я Миня – мать наша,О небесная наша мать! Мы к тебе обращаемся! Нум Вэсоко – отец наш небесный,Мы к тебе обращаемся! Наши дети плачут, Они призывают вас к милосердию! Хывы! Хывы! Хывы!». В этой связи показательны ненецкие родовые ритуалы, рассказы для детей о беременности, колыбельные песни как личностные сакральные мифы [Карабулатова, 2004: 76; Karabulatova, Zinchenko, 2014: 1344-1347]. Ритуальный дискурс обращения к богам в примере показывает, что его иллокутивная структура строится вокруг доминанты «Мы обращаемся, просим…», представленной эксплицитной перформативной формулой. Структура самой шаманской песни имеет много схожих черт с другими фольклорными жанрами [Ломакина, 2011; Карабулатова, 2004; Карабулатова, Евсеев, 2008].

Шаман мыслится как связующее звено между мирами, который активно использует миф личности шамана, миф личности клиента, миф семьи, миф этноса и миф региона.

Миф здесь представляет собой как бы словесный текст для драматического представления-ритуала, но что в этом случае является первичным – миф или обряд – вызывает споры у исследователей [Головнев, 1995; Куприянова, 1965; Лар, 2011; Карабулатова, 2004; 2005; 2010; Зинченко, Карабулатова, 2013].

В сакрально-ритуальном дискурсе шаманской практике тундровых ненцев миф дает материал для содержания религиозных верований ненцев. В мифолингвистической практике ненецкого шаманизма основу составляют обряды, ритуал, в котором является обязательным участие членов рода. Шаманский обряд у тундровых ненцев представляет собой как бы инсценировку мифа, а миф выступает как объяснение и/или обоснование совершаемого обряда, его истолкование, он утверждает и восстанавливает принятую в данном сообществе систему ценностей, поддерживает и санкционирует определенные нормы поведения. При этом в каждом отдельно взятом ритуале (имянаречение, лечение) используется свой специфический круг лексем, оборотов, актуализирующих то или иное состояние у реципиентов [Карабулатова, Зинченко, 2013: 203-206; Karabulatova, Zinchenko, 2014: 1344-1347]

В суровых условиях северной природы, обладая лишь примитивными самодельными орудиями трудах, тундровые ненцы полагались только лишь на собственные силы и опыт предков. Тундровые ненцы веками приспосабливались к окружающему миру, поэтому они чтят его законы и получают все необходимое для жизни, пропитания, сохранения здоровья. Весь мир, вся планета – это все живой организм, все имеет память и силу, так полагают ненцы. И сама Земля, по представлениям тундровых ненцев, может как помочь людям, так и навредить и отомстить. Например, в шаманском призыве мы наблюдаем постепенное увеличение напряжения воздействующего эффекта путем накопления (аккумуляции) иллокутивного потенциала доминанты. Сравните пошаговое преобразование просьбы («Просим вас, наши Великие Я Миня и Нум Вэсоко»; «О наши великие духи-хранители! Помогите нашим рыбакам»; «Помогите, великие духи воды!») путем конкретной спецификации («Пусть жизнь людей будет Радостна и прекрасна, Пусть будет много ягеля Для наших оленей, Пусть растут наши Маленькие оленята. Пусть пополняются наши стада»; «Помогите нашим рыбакам. Пусть у рыбаков будутПолные сети белой рыбы»; «Помогите нашим кормильцам, Помогите нашим мужчинам, Помогите нашим рыбакам. Помогите им преодолеть Эти волны и ветер»), т.е. постепенно воздействуя на отдельные части с переходом на целое.

Нельзя не согласиться с мнением исследователей, что в основе мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено. Мы полагаем, что лингвокультурологический анализ сакрально-ритуального дискурса шаманской практики тундровых ненцев невозможен без основ региональной мифолингвистики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агранович, С.З., Стефанский, Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни (Очерки по мифолингвистике) – Монография. – Самара: Самар.гуманит. акад., 2003. – 168 с.

2. Головнев, А. В. История Ямала. Тобольск; Яр-Сале, 1994. - 126 с.;

3. Головнев, А. В. Путь к Семи Чумам //Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург-Салехард, 2000. - С.208.

4. Головнев, А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. - 344с.

5. Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики/ Под ред И.С.Карабулатовой. – Тюмень: Экспресс, 2005. – 366 с.

6. Зинченко, А.А., Карабулатова, И.С. Роль суеверий и поверий в сакрально-ритуальном дискурсе шаманской практики тундровых ненцев // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел. - 2013. № 5 (34), С.139-142;

7. Зинченко, А.А., Карабулатова, И.С. Сакрально-ритуальный дискурс шаманской практики у тундровых ненцев: к постановке вопроса// Мир науки, культуры, образования. - Горно-Алтайск. 2013а. № 6 (43). С.394-397.

8. Karabulatova, I. S. and Zinchenko, A. A. Tyumen Nenets Sacral Childhood Culture as an Ethnolinguistic Mechanism of Preserving Ethnic Identity // Middle-East Journal of Scientific Research, 2014, № 20 (11): 1344-1347.

9. Карабулатова, И.С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. – Тюмень: Академия. 2004. – 268 с.

10. Карабулатова, И.С. Антропонимия лесных ненцев // Энциклопедия «Ямал». Главный редактор – Г.Ф.Шафранов-Куцев. Тюмень: ИД «Сократ», 2006. Т.4. – С.43.

11. Карабулатова, И.С. Антропонимия народов Ямала // Энциклопедия «Ямал». Главный редактор – Г.Ф.Шафранов-Куцев. Тюмень: ИД «Сократ», 2006(а). Т.4. – С.43-44.

12. Карабулатова, И.С. Антропонимия тундровых ненцев // Энциклопедия «Ямал». Главный редактор – Г.Ф.Шафранов-Куцев. Тюмень: ИД «Сократ», 2006(б). Т.4. – С.44-45;

13. Карабулатова, И.С. Ненецкая традиционная песня // Энциклопедия «Ямал». Главный редактор – Г.Ф.Шафранов-Куцев. Тюмень: ИД «Сократ», 2006(в). Т.4. – С.185-186.

14. Карабулатова, И.С. Неща// Энциклопедия «Ямал». Главный редактор – Г.Ф.Шафранов-Куцев. Тюмень: ИД «Сократ», 2006 (г). Т.4. – С.193.

15. Карабулатова, И.С. Обряд имянаречения ненцев // Энциклопедия «Ямал». Главный редактор – Г.Ф.Шафранов-Куцев. Тюмень: ИД «Сократ», 2006(д). Т.4. – С.205.

16. Карабулатова, И.С. Традиционная музыкальная культура // Энциклопедия «Ямал». Главный редактор – Г.Ф.Шафранов-Куцев. Тюмень: ИД «Сократ», 2006(е). Т.4. – С.299-230.

17. Карабулатова, И.С. Тэтэль-вэтэль // Энциклопедия «Ямал». Главный редактор – Г.Ф.Шафранов-Куцев. Тюмень: ИД «Сократ», 2006 (ж). Т.4. – С.307.

18. Карабулатова, И.С. Общая характеристика антропокосмоса знахарства // Живая традиция заговора Сибири: Сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики. - Тюмень: Экспресс, 2005. С.12-37.

19. Карабулатова, И.С. Традиционные лечебные заговоры Сибири в сакральном дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации. Электронный журнал. – Тверь: ТвГСА, 2006, Т.1, №4. – С. 13-19.

20. Карабулатова, И.С. Слово от редактора // Живая традиция заговора Сибири: Сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики. СПб., 2010, 2 изд. - С.3-10.

21. Карабулатова И.С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании носителей русского языка. – Тюмень: Печатник, 2008. – 254 с.

22. Карабулатова, И.С., Бондарец Е.А. Заговор: имя собственное в сакральном дискурсе знахарской практики / под ред И.С.Карабулатовой. – Тюмень, 2005. 371 с.

23. Карабулатова, И.С., Евсеев, В.Н. Заговоры: знахарство и поэтика жанра, бытование в Тюменском крае (в соавторстве с В.Н.Евсеевым) // Живое слово. Фольклор юга Тюменской области в школе: пособие для учителя (материалы по региональному фольклору)/ Под ред.В.Н.Евсеева. Тюмень: Печатник, 2008 . – с.139-158.

24. Карабулатова, И.С., Зинченко, А.А. О проблемах лингвомоделирования языковой личности в ненецкой традиционной культуре// Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел. - 2013. № 5 (34), С.203-206.

25. Карабулатова, И.С., Замалетдинов, Р.Р., Сайфулина, Ф.С., Федорова, Е.А. Федорова, Е.А. Лингвомифологическое пространство топонима «Сибирь» в современном языковом сознании // Горно-Алтайск. Мир науки, культуры, образования. 2013. – № 6 (43). – С. 396-401.

26. Куприянова, З.Н. Эпические песни ненцев. М., 1965.

27. Лар, Л.А. Культовые памятники Ямала. Хэбидя я. Тюмень, 2003. 173 с. Лар, Л.А. Мифы и предания ненцев Ямала. Тюмень, 2001. 294 с.

28. Лар, Л.А. Религиозные традиции ненцев в XVIII – начале XX вв. Тюмень–Салехард, 2011.

29. Ломакина О.В. О современном лексикографическом описании русских пословиц // Русский язык в школе. – М., 2011, №5. – С.107-110.

30. Lehtisalo, T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956.

31. Лехтисало, Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск, 1998.

32. Малая энциклопедия народов Тюменской области / Сост. И.С.Карабулатова - Тюмень: Вектор Бук, 2005. – С.458.

33. Попов, А. А. Енисейские ненцы (юраки) // Изв. РГО. 1944. Т. XXVI. Вып. 2-3.

34. Прокофьева, Е.Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961;

35. Прокофьева, Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. Л., 1971. (Сб. МАЭ. Т. XXVII).

36. Турутина, П.Г. Шаман и его бубен: Традиции, обряды и легенды лесных ненцев. Новосибирск, 2011. 171 с.

37. Федорова, Е.А., Карабулатова, И.С. О перцепции топонима «Сибирь» современной евразийской языковой личностью / // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – № 3(32). – С. 104-108.

38. Федорова, Е.А., Койше, К.К., Карабулатова, И.С. Мифолингвистическая интерпретация хоронима «Сибирь»: тюркско-монгольская перцепция в европейском пространстве // М., Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2012. – №6. – С. 192-200.

39. Федорова, Е.А., Сливинский, В.П. Сибирь в лингвомифологическом континууме России: постановка проблемы осмысления в русском языковом сознании // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – №22-2. – С. 27-33.

40. Федорова, Е.А. Специфика восприятия топонима «Сибирь» в современном языковом сознании // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – № 4 (33). – С. 297-298.

41. Karabulatova, I.S., Fedorova, E.A., Sayfulina, F.S. A Linguo-Mythological Space of the Toponym «Siberia» in Contemporary Slavonic Linguistic Consciousness / I // World Applied Sciences Journal 30 (9): 1134-1138, 2014. ISSN 1818-4952 © IDOSI Publications, 2014.DOI: 10.5829/idosi.wasj.2014.30.09.14118http://www.idosi.org/wasj/wasj30%289%2914/9.pdf http://www.idosi.org/wasj/wasj30%289%292014.htm

42. Karabulatova, I. S. and Zinchenko, A. A. Tyumen Nenets Sacral Childhood Culture as an Ethnolinguistic Mechanism of Preserving Ethnic Identity // Middle-East Journal of Scientific Research, 2014, № 20 (11): 1344-1347.

43. Федорова, Е.А., Койше К.К., Карабулатова И.С. Мифолингвистическая интерпретация хоронима «Сибирь»: тюркско-монгольская перцепция в европейском пространстве // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – Москва, 2012. –№6. – С. 192-200.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НИКНЕЙМОВ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Касумова А.Ш.,
аспирант,
кафедра русского языка,
Дагестанский государственный технический университет

Ключевые слова: Веб-личность, именные неологизмы, никнеймы, онимы, тематическая группа
Key words: Web personality, personal neologisms, nicknames, names, subject group

Аннотация. Данная статья посвящена изучению виртуальных онимов молодых кавказцев. Для выявления своеобразия никнеймов кавказцев и отображения их языковой Интернет-картины мира онимы рассматриваются с точки зрения их отнесенности к той или иной тематической группе. Основанием для данной классификации является общность центрального компонента в семантической структуре никнейма. Кроме того, обнаружены источники заимствований при создании ников.

This article is devoted to the study of virtual names of young Caucasians. Identifying the peculiarity of Caucasian nicknames and displaying their linguistic Internet picture of the world requires the consideration of names in terms of their relatedness to a particular subject group. The basis for this classification is the commonality of a central component in the semantic structure of a nickname. In addition, the sources of borrowings used for the creation of nicknames have been discovered.

Язык выступает в Интернете как «единственное средство формирования и функционирования веб-контента и веб-личности, поэтому человек и общество актуализируются в Интернете в исключительно вербальной сущности» [2, с. 9]. Роль такого персонального воплощения в виртуальном мире выполняет в первую очередь никнейм, а также вся сопутствующая ему информация (реальное имя, пол, возраст, место проживания, интересы и др.) – аккаунт. Данный тандем служит для создания целостного образа пользователя в Интернете.

Важно отметить, что большинство пользователей Интернета пытаются «обыграть» своё сетевое имя всеми доступными способами, которые позволяют выгодно акцентировать их оригинальность и индивидуальность одновременно. Изобретатели сетевых имён не скупятся на графические средства. Крайне популярны символы, цифры, необычные шрифты, буквы других алфавитов, имитирующие начертание имени, что автоматически делает никнейм визуально необычным и притягательным. Этим набором средств активно пользуются как обладатели ников-автонимов: كأحبان Джайрулаев, Рафиз ক্ষ, Гαsαμδ€ķοß), так и скрывающиеся под псевдонимами: ღ°ʃспаηч δσδ°ʃღ, ΞΞЯ ηάριçую τęδя ß çвøём çξрдцξΞΞ. Наиболее частотны парные символы, служащие своеобразным обрамлением: ♛Cʏʃlɛúмαn ʃƫaçʏмѡß♛, ☂♥Гаджиева♥☂, ♥Jenny♥. Часто дополнительным элементом никнейма становятся эмотиконы-смайлы, передающие эмоции пользователя. Практически все выражают радостное состояние, в основном улыбку: ッδαδαζьκα ツ.

Популярность имеет механизм словообразовательного калькирования, то есть образования никнейма посредством перевода имени или фамилии на другой язык либо его переиначивания на манер другого языка, в основном – английского и арабского: مارك (Икрам), ह MaGoMeDov ह (Магомедов).

Никнеймы зачастую носят характер именных неологизмов, порой даже окказионализмов, так как представляют собой индивидуальные новообразования имен собственных в виртуальном пространстве, не отмеченные в словарях национального языка как имена собственные, соответствующие данному пользователю времени, живущие только в виртуальном дискурсе и поэтому обладающие признаком необычности, новизны, не свойственные для системы имен собственных, наблюдаемые только на страницах Интернета. Например: НЕЗНАКОМКА ТВОЯ, ZaChEm MnE NiK, Временный гость На этом свете.

На выборе ника сказывается общая культура Homo Interneticus, его профессиональная принадлежность, социальный статус и возраст, а также творческое начало личности (Волчек, 2011, 68): *Фотограф*, Молодой Барон, σχστηΙκ ηα ΙΚραçυβыχ δεβγωεΙκ.

Виртуальное имя прежде всего должно быть оригинальным, привлекать к себе внимание, сообщать что-то о своем носителе. Игровой характер сетевого общения поощряет самые неординарные имена. Кроме того, их легко можно менять: сегодня ты Черная Пантера, завтра Девчонка без тормозов, а послезавтра – существо противоположного пола.

В результате проведенного анализа нами выделены следующие тематические группы (в дальнейшем – ТГ) никнеймов: ТГ-1 «Никнеймы, образованные от антропонимов» (☂♥Гаджиева♥☂, ह MaGoMeDov ह), ТГ-2 «Никнеймы, образованные от мифонимов» (Змей-Горыныч, AnGeL (от англ. angel – ангел), ТГ-3 «Никнеймы, образованные от зоонимов» (Butterfly, муха), ТГ-4 «Никнеймы, связанные с именами известных личностей, киногероев, героями мультфильмов, с названиями фильмов» (ღ°ʃспаηч δσδ°ʃღ, ღКρυωτυαну Роналду ღ), ТГ-5 «Никнеймы-обращения» (πσๆsцμь ɑцσù ๆs σsɑцσs, Включи блютуз, я тебе любовь передам, Ты на фоне у меня в айфоне, Иди потеряйся, тоже мне принц), ТГ-6 «Никнеймы, образованные от слов и словосочетаний, характеризующих определенные особенности человека» (ТвоЯ ПлОхая Дево4ка, ßɑωц πρцоритеты для мєня не авторитєты), ТГ-7 «Никнеймы с затемненной семантикой» (ibhf gh, ღ ღ,- ☘ɕɕɕɕɕɕ).

Безусловно, данная тематическая стратификация имеет относительный характер: многие тематические группы перекрещиваются друг с другом (так, например, никнейм (بحلا ةطارخ بحلا ةطارخ) входит в ТГ-6 , и в ТГ-7.

Охарактеризуем одну из самых продуктивных тематических групп.

Была проведена тематическая стратификация никнеймов и было выявлено шесть тематических групп (ТГ) никнеймов.

ТГ-6. Никнеймы, образованные от слов и словосочета-

ний, характеризующих определенные особенности человека:

1. по профессии: *Фотограф*, Банкир

2. по положению в обществе: ГРАФиня, Принцесса, ЛюБиМаЯ ПрЫнЦеССа, ДяДя Тимка. Император, да да да Принцесса, Принц в спортивках, Молодой Барон, Принц по кличке Хулиган

3. по особенностям характера, его пристрастиям:

СкРоМнЫй МаЛьЧиШкА, ТвоЯ ПлОхая Devo4ka, ßaωu ηρцоритεты для мєня не авторитεты, Зимняя загадка, Счастье tam Gde Я, ƌaƌaζьka Ψ, Đøđþыū mальчиs пø ķлцчķê lsþaçавчиs, папин бродяга мамин симпотяга, Дéвøчкå с врêдным хâррāктêрøм, ♥Yлыбlsa милая♥ глаза lsаріие ♥, BAD BOY, Gentleman ε), σχστηIκ ηα IKραζυβыχ ðεβγωεIκ, (ג״) Наглый фрукт (ג״), яяхεζιsa lЈЈα Ìs, ур0D)), 𝓜y 𝓵if𝓮 𝓜y 𝓡ul𝓮s, βζяkuฬu чγωkάฬu ηε δάλγюζь, Нę трачγ Дøрøгuχ ςлøβ μа Дęωęвыχ люДęй, ₡люδøвь ęрýñδα Ђратва ήαβςεгδα₡, ßőльńűk °ς علیمین, Магусик Я, Личность ОА, Heart of Caucasus.

по национальной принадлежности:

05 УВАЖАЕМЫЙ 86 (05 - код региона Республики Дагестан), КУРДАДЫ ЙИ ЗЫ АРСЕН ЙИ (из рутульского языка «я Арсен из селения Ихрек»), 05 Бродяга 86, Лачка Я, ॐ ыςтиңңыйჼ۞ჼ۞ჼ лεʒґиң05ჼ۞ჼ۞ჼ, ÏηĞůŠhKā ş 06 ŔéGíÓňÂ, ţíXõ ÏηĞůŠhKā μå çāйťё, Где Танцую Ÿ Лезгинку от Души Ÿ, нохчо_даг, пО танцУй сО мнОй лезгинкУу, Я без тебя как Анжи без Траоре, къуМукъ яш, Sыη ßε λцкцх Гσр, ★из О Ѣ, Дербент ДАГ 05, بك Avarka روص, Ахьмад Абу Хайруллах1 (чеченец), Vip persona s 05 regiona, Pó ţébę bógăźńîk pÍâćhęţ (умыкание невесты, характерное только для жителей Кавказа), ҜʃЈцʒҜʃЈʒ 1999, zaika 09 (Карачаево-Черкесия), timur005Dag, milana07 (Кабардино-Балкария), chechendr (чеченец), Снежная королева 15 (республика Северная Осетия-Алания), NOXCHO (чеченец), Nogaec 09, AlinkaK09, Горянка09, Лезгинка Я, LeZgIn4iK, (@) *^^^*_Горец _*^^^*.

Данная ТГ характеризуется использованием: символов, эмотиконов, аббревиатур, кириллицы, арабского языка, греческих букв, сочетанием букв различных алфавитов, цифровых индикаторов, латиницы, чередованием прописных и строчных букв. Самую многочисленную подгруппу составляют никнеймы, образованные из греческих букв и сочетанием греческих букв и кириллицы (σχστηIκ ηα IKραζυβыχ ðεβγωεIκ).

Итак, мы обнаружили, что практически для всех национальностей Северного Кавказа при образовании никнеймов характерно цифровое выражение национальной принадлежности. Анализ показывает, что для кавказцев при образовании никнеймов характерно частое употребление символов, эмотиконов и элементов из арабского языка, использование латиницы, сочетание латиницы и кириллицы. Для кавказских никнеймов также характерны сочетания с оценочными словами (ЛюБиМаЯ ПрЫнЦеССа, Принц в спортивках, Zloy_TpakTopucT). Ники кавказцев могут немало сказать о типах личности, скрывающихся за ними. Есть ники, указывающие на душевное состояние пользователя, социальный статус, возраст, родственное положение, религиозную и национальную принадлежность, последнее особенно важно для представителей кавказской молодежи в связи с многообразием наций и языков, в частности, в одном из кавказских регионов – в Дагестане. Несмотря на то, что Дагестан - «гора языков», важно отметить, что в нем постоянно происходит взаимодействие и взаимопроникновение в речь элементов иностранных языков. Именно это стало причиной появления в виртуальных онимах дагестанцев разноязычных элементов (помимо традиционных дагестанских языков и межнационального русского языка мы также наблюдаем элементы английского и арабского языков).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Г. Н. Новации в русской речи дагестанцев XXI века. –Махачкала, 2011.

2. Трофимова Г. Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты… автореф. дис.… д-ра филол. наук.— М., 2004.

3. Odnoklassniki.ru

ПОНЯТИЕ ЛОГОСА В САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ МЫСЛИ

Качмар С.Л.,
специалист,
НУ «Львовская политехника»

Ключевые слова: Логос, современное православное богословие, богопознание
Key words: Logos, Russian orthodox theology, knowledge of God, self-identification

Аннотация. В статье исследуется история понимания понятия Логоса в истории современного православного богословия. Автор демонстрирует сложный процесс рецепции этого понятия православными богословами как один из путей самоидентификции современной православной мысли. В статье доказывается необходимость новых подходов для понимания специфики православного богословия.

The article examines the history of understanding the concept of logos in the history of modern Orthodox theology. The author demonstrates the complex process of reception of this term by Orthodox theologians as a way of self-identification in russian Orthodox thought. The paper proofs the need for new approaches to understanding specificity of Orthodox theology.

Для осознания стратегий развития современного христианской мысли важно понимать специфику крупнейших ее богословско-конфессиональных течений: православия и католицизма. В данной статье мы ставим перед собой цель рассмотреть генеалогию самоидентификационных процессов в русской православной мысли через призму различных интерпретаций в ней одного из главнейших понятий богопознания в христианстве – понятия Логоса. По обозначенной темой можно выделить работы историков русской философии и богословия: В. Лосского, В. Зеньковского, С. Хоружого, а также зарубежных исследователей: А. Николса, А. Уильямса и др.

История словоупотребления понятия логоса в античной философии отсылает нас к Гераклиту с его учением о вечно сущим Логосе, который является разделено присущим в природе [1 DK], и который дает возможность знать все как одно[1] [50 DK], к стоикам, которые принимают гераклитову концепцию, называя разделенно-присущий в природе Логос семенными логосами (λόγος σπερματικός) [Marci Antonini Imperatoris commentarioriorum quos ipse sibi, IV. 21], к попытке Филона Александрийского благодаря понятию логоса перекинуть мостик между Афинами и Иерусалимом (“Что общего между Афинами и Иерусалимом? Александрия [1, 144]”), и наконец к христианской традиции, в которой впервые Иоанн Богослов в начале своего Евангелие использует это понятие, но уже в личностном смысле, в понимании Христа (Иван. 1: 1)[2].

Патристика также не остается в стороне разработки концепции логоса. Уже один из первых христианских апологетов Иустин Мученик (Философ), сам пройдя все искушения эллинской философии и в конце обратившись в “единственно правильную философию” (христианство) [2], является зачинателем традиции использования понятия логоса в христианской литературе вне Библии. Иустин фактически синтезирует концепции личностного Логоса апостола Иоанна и стоическую концепцию семенных логосов. Христос, Он же Логос, открывается нам, за Иустином, через семенные логосы, правда, воспринимая которые, мы всегда постигаем истину лишь частично. Так, по мнению Иустина, древние, например, Сократ, частично познали Христа, будучи “христианами до Христа” и все то, “что было когда-либо сказано истинного, – наше”. Однако всю полноту истины человек в силах постичь лишь с приходом в этот мир самого Христа [4].

Эта традиция, несмотря на присутствие в меньших масштабах иного видения, выступавшего против любых попыток познания истины без прихода Христа (Татиан, Феофил, на Западе – Тертуллиан), распространяется в христианском богословии (Ипполит, Климент Александрийский), а уже у каппадокийцев и в последующих поколениях восточных богословов гносеологическая традиция логоса трансформируется в учение о естественном богословие в противоположность познанию через Откровение.

В XX в. в западном богословии Пьер Тейяр де Шарден, следуя святоотеческой традицией, критически рассматривая все религии и духовные движения со всеми их особенностями, признает в отношении них, как и в отношении всех человеческих достижений “закон интеграции природного в сверхъестественное”. Он хочет, чтобы христианство, истинная религия и Откровение, распростерло бы свои руки, чтобы обнять всю целостность новой пульсации религиозной энергии, что поднимается снизу, чтобы быть преображенной [5, 124]. Об этом же говорит и другой католический богослов XX века. Ганс Урс фон Бальтазар: “Это небывалое, непоколебимое, исключительное сосредоточение всех путей к Богу в едином Посреднике ... [Цит. по: 5, с. 119]”. В итоге, Второй Ватиканский Собор вслед за Отцами Церкви и богословами Средневековья и вопреки менее терпимом к нехристианским религиям периоде, который шел за ними, по-своему выражает древнюю концепцию логоса, признавая, что люди, которые искренне ищут Бога, могут быть спасены, даже если они не обладают определенными знаниями о Христе [там же; 6, 306].

На Востоке, где у христианства нет однозначной позиции относительно данной проблемы, звучат прямо противоположные мнения: можно вспомнить о. Александра Меня с его христианским универсализмом в стиле вышеприведенных католических взглядов, а можно и, например, выступления некоторых иерархов православной Церкви, которые весьма резко высказываются в сторону других религий [напр.: 7].

В начале XX в. здесь, в России, разгорелись в чем-то

1. Это, очевидно, только с легкой руки Платона, которому очень хотелось для подчеркивания своей позиции, которая должна была стоять выше спора «любителей идей» (Парменид) с «людьми земли» (Гераклит), заклеймить последнего, как впоследствии Лейбниц скажет, материалистом, выделяя из его взглядов только сторону «Πάντα ῥεῖ».

2. Долгое время такое использование считалось простым заимствованием из словаря греческой культурной традиции, однако учитывая глубокое изучение библейских текстов в наше время и обнаружение текстов Кумрана, стало очевидно, что понятие Слова Божия не было чуждо традиции народа Ветхого Завета [3].

показательные споры, начатые в XIX в. славянофилами и западниками. С 1910 по 1915 гг. на территории России выходил российский вариант международного философского журнала "Логос", задачей которого было ознакомление читателя с западной философией. С одной стороны, эту прозападную затею критиковал Владимир Эрн, а с другой, – защищали Семен Франк и Андрей Белый.

Эрн призвал отказаться от студий западной философии, которая по своей сути является совокупностью рационалистических и мертвых схем, а не органической, "логосной", (такой для него была философская традиция античности, достигла своей вершины в восточной патристике) [См.: 8, с. 77, 78]. Франк и Белый, как могли, защищались собственными аргументами (Запад дал миру вечные ценности [9, 135], русская философская мысль развивалась под влиянием западной, а идеология славянофильства – под влиянием Георга Гегеля [10], система Гегеля как раз развивает понятие логоса античной философии, преодолевая ограниченность рассудочной форм мышления [9, 133]) , но в конце концов ссылались на т. н. универсализм (не путать с другим универсализмом, о котором мы говорили выше) Владимира Соловьева, который, говоря терминологией диалектики Гегеля, "снял" предмет спора между славянофилами и западникам XIX в. и был достаточным авторитетом для решения спора; впрочем Эрн считал, что Соловьев как раз был на его стороне.

Обратимся к истокам проблемы: первыми из славянофилов, критиковавших рационализм Запада, были Алексей Хомяков и Иван Киреевский. "Рим разорвал всякую связь, – писал Хомяков, – между познанием и внутренним совершенствованием духа [11, с. 55]". По мнению Кириевского: "стремясь к истине умозрения, восточные мыслители прежде всего переживают о правильности внутреннего состояния мыслящего духа, западные – более о внешней связи [12, с. 274]".

Позже Соловьев, будучи сначала сам близок к славянофильству [13, 456], под влиянием Тютчева отошел от односторонности критики славянофилов. Хотя, как думает Василий Зеньковский, при всей своей изменчивости в отношении историософии и понимании Церкви, Соловьев был верен той своей интуиции, которая сложилась у него уже под влиянием Шеллинга, что познание истины есть познание интуитивным [14, 471].

Такая специфичная позиция Соловьева не была проанализированной участниками спора. Франк в означенной статье вообще отказался от гносеологического анализа проблемы соотношения ratio и logos, поскольку, заявил он, эту проблему сам его оппонент, то тесть, Эрн, который ее и поднял, в своей статье нисколько не эксплицирует [14, 131].

Таким образом, очевидно, что в такой ситуации преградой к решению проблемы стояли недоразумения историко-философского и терминологического характера. Например, Франк указывал на то, что понятие логоса философией античности мыслилось как логико-метафизический принцип, а в античном христианстве – как принцип личностный, и поэтому древняя философия ближе к новой философии, нежели к христианству [14, 136]. По этому поводу, конечно, можно задать вопрос Франку, как же тогда можно христианскому мыслителю, каковым Франк себя называл, защищать современную ему философию, коль она столь далека от христианства? Ясно одно, что для Франка и Соловьева[3] восточная патристика, исток русского философствования, не была наиболее авторитетным способом мышления.

Но была ли она таковой и для Эрна? Ведь русский философ был на стороне, типичной на то время в России, религиозной философии, которая пыталась, как мы уже показали на примере Соловьева, освободить разум от христианского Откровения, утверждая, что сам разум может прийти к истине Откровения [15, 125]. Безусловно, прав Франк, указывающий на отличия логоса античной философии и восточной патристики. Да и вообще, с обращением к специфике словоупотребления понятия логоса в восточной патристики призывы Эрна к логоцизму восточной традиции, а позже вслед за ним и общая характеристика Алексеем Лосевым всей русской философии, как философии Логоса, философии, которая развивалась на основе греко-православных представлений [16, 215] выглядит не столь однозначно. Ибо, как мы уже кратко указывали, понятие логоса в святоотеческой традиции Востока постепенно, с возрастанием влияния платонизма и уменьшением влияния стоицизма, все более четко трансформируется в ясно выраженное понятие как раз того, против чего Эрн и выступал, в понятие естественного разума (φυσικός λόγος) [См., напр.: Basilius Magnus. Homilia 7 in Heaxameron. PG. T. 29. Col. 157]. То же понятие, которое имел ввиду Эрн, в восточной патристике принято называть в большинстве случаев умом (νούς). Но, конечно, даже и оно само по себе без веры в Откровение могло служить для святых Отцов и негативным целям.

Таким образом, мы видим, какими сложными путями шло осмысление того, что можно назвать одной из главнейших, а следом за Густавом Шпетом, самой оригинальной темой всей русской философии [17, 37], осмысление славянофильской проблемы, проблемы логосносности (не совсем удачное для этого слово, как мы уже отметили), русской мысли, через которую осуществлялись попытки самоидентификации русской религиозной философии. Итак, этот путь, если можно так кратко и неполно его изложить, включает в себя первых славянофилов: Хомякова и Киреевского с их отожествлением восточной, православной мысли с заботой прежде всего о правильности внутреннего состояния мыслящего духа в отличии от западного превалирования внешней связи понятий в богословский построениях. Хотя уже Хомяков критиковал Киреевского за идеалистическое восприятие в этом контексте реализации византийского способа мышления в культуре и философии Руси (Киреевский, по Хомякову, выдавал желаемое за действительное) [12, 419]. Далее, как мы уже упоминали, следует универсалистская позиция Соловьева, которая стала для многих удовлетворительным ответом на поставленный славянофилами вопрос; и возобновление интереса к проблеме в лице Эрна в форме так называемой борьбы за Логос, а также ответ ему Франка в духе Соловьева. Нужно среди прочего также вспомнить об о. Павле Флоренском с его, как выразился Зеньковский, воскрешением главного славянофильского вопроса в духе Кириевского [13, 823].

При всем этом, к сожалению, философия Соловьева и Флоренского была не чиста от примеси рационализма в своих построениях. И все же русская мысль развивалась,

3. Соловьев однажды в "Критике отвлеченных начал" прямо высказался о том, что он думает об античном христианстве: дескать, святоотеческая мысль не владела полной истиной, поскольку разум в ее построениях не имел полной свободы [15, 349-350].

как отметил Сергей Хоружий, от осмысления религиозного опыта вообще к осмыслению конкретно православия [18, 71-71]. Этот поворот к православной мысли надлежит приписать представителю русской эмиграции: Георгию Флоровскому. Главным посылом для искания путей к аутентичному восточному христианскому богословию послужил для Флоровского центральна идея всего богословия еще одного русского эмигранта – о. Сергия Булгакова – идея Софии [19, 24], которую он заимствует у Соловьева через Флоренского. Выходом из этой ситуации Флоровский видел в возврате к Отцам Церкви. Конечно, как и католичество, православие все время, так или иначе, хотело соотноситься со святоотеческим наследием: после сильнейших влияний со стороны католицизма и протестантизма, которые начались в эпоху правления Петра I, в которую, по выражению Флоровского, которое он заимствует у Освальда Шпенглера, в русском богословии произошла "псевдоморфоза" [19, 139]; во второй половине XIX-го века проявляется особая заинтересованность восточными Отцами Церкви. Но только в веке XX-ом появляется так называемый неопатристический синтез – основа для формирования всех современных православных богословських систем [20, 3], которые во главу своих построений ставят именно обращение к Отцам Церкви.

Флоровский, как и Соловьев, от радикализма славянофилов, намеченного еще в сборнике "Россия и Латинство" [21, 169], переходит к требованию более тщательного анализа отличий двух ветвей христианской богословия в "Путях русского богословия" [22, 514]. Все же разумной кажется критика Анатолия Черняева мистифицирования Флоровским эпохи Отцов Церкви и не внимание последнего к историческим различиям эпох христианской античности и средневековья [23, 92]. Владимир Лосский, другой представитель неопатристического синтеза, уже не, если так можно выразится, толерантен к Западу. Он критикует западное богословие за отделение в нем мистики от схоластики [24, 26] и ослабление апофатического момента в познании Бога [24, 58]. Ту же критику, относящуюся к западному апофатизму можна найти и в работах представителя младшего поколения неопатристического синтеза – о. Иоанна Мейендорфа [25, 252]. Так же и упоминаемый нами ранее В. Зеньковский, уже не представитель неопатристического синтеза, а Парижской школы, долгие годы возглавляемой о. Булгаковым (в работах которого тоже слышится преклонение перед авторитетом Отцов), критикует западное богословие за рационализм, который можно найти уже у первых латинских авторов и который позже, когда Фома Аквинский разделил сферы разума (ratio) от Откровения, послужил фактором развития автономных наук и секуляризации на Западе [26].

В наши дни и на Украине (и не только, наверное, в связи со сменой государственного курса на евроинтеграцию), растет интерес к проблеме взаимоотношении западного и восточного образов мышления. Стоит отметить весьма показательную дискуссию, которая состоялась вначале 2013 г. между двумя киевскими философами: Андреем Баумейстером и Юрием Черноморцем [27]. Баумейстер, который со студенческой скамьи увлекался Платоном, неоплатонизмом, Гегелем, о. Флоренским и Лосевым, со временем заинтересовался мыслью Фомы Аквинского [28, 15], о жизни и трудах которого и написал в 2012 г. монографию. На упомянутой нами дискуссии Баумейстер защищал Фому и томизм от уже обозначенной нами критики со стороны восточного богословия. Его оппонент в понимании истинного богословия, Черноморец в 2011 г. написал нашумевшую в узких кругах украинской и русской патрологии, а также упоминаемую в очень авторитетном международном журнале "Studia Patristica" монографию "Византийский неоплатонизм от Дионисия Ареопагита до Геннадия Схолария" и выступал как раз в роли критика Аквината и его последователей. Его критика исчерпывалась уже приведенной нами классической аргументацией, Баумейстер тоже использовал классические контраргументы. Все же более подробно киевский философ защищает католическую мысль от возможных нападок со стороны православия в своей монографии. Во-первых, Баумейстер приводит известные случаи из жизни Фомы: явления ему Девы Марии, апостола Петра и Павла, постоянные молитвы перед своим студиями, целомудренность, которую Фома берег до конца жизни [28, 26], его слова после одной из Святых Мессы, что все, что он писал, кажется ему соломой в сравнении с тем, что ему теперь было открыто [28, 38]. Во-вторых, Баумейстер защищает Фому от, пожалуй, главного упрека в его сторону, а именно, того, что Фома окончательно разделил сферу естественного и благодатного познания, тем самим открыв дверь для секуляризации мышления. Баумейстер, как и еще один неотомист Этьен Жильсон [29], приводит слова основателя томизма, которые убеждают нас в том, что Фома верил в то, что даже естественное познание существенно зависимо от Божьей благодати [28, 108]. Кроме этого, дискуссия в конце имела предметом спора понятия опыта, которое стоит, по мнению Черноморца, в центре всего богословья восточной Церкви. Его оппонент отвечал на этот упрек Фоме тем, что последний не конструировал свои идеи, но брал именно из собственного опыта. В этой связи можно также привести мысли Анны Уильямс, автора специальной статьи на нашу тему, что в основании разницы между западным и восточным христианским богословием лежит вовсе не нюансы использования ими логоса, то есть, логики, а отличие богословских типов двух ветвей [30, 680]. Христианский Восток, продолжает Уильямс, анализируя статьи православного теолога Христоса Яннараса и статью католика Илтида Третована, которые сравнивают две Церкви, винил Запад в рациональности, антиномичности, а Запад наоборот винил Восток в иррационализме [30, 681]. Уильямс делает попытку примирить две позиции, в том числе, используя те аргументы, которые приведены нами выше, заканчивая свою статью в стиле Соловьева характеристикой восточной христианской богословской традиции как несистематическую (unregular), а западную – как систематическую (regular)[4] [30, 698-699]. Можно вспомнить также и Джона Милбанка, одного из основателя очень популярного сейчас межконфессионального течения богословия, с подобным же определением отличия православного и католического богословия (православное богословие он называет романтическим, а католическое – классическим [31]. Кстати, Милбанк в свое время тоже попытался проинтерпретировать мысль Фомы Аквината в том же духе, что и Жильсон и Баумейстер, на что получил столь же отрицательный, сколь и расплывчатый ответ от современных неотомистов [32,

4. Уильямс использует тут, как она пишет, деление богословия, предпринятого Карлом Бартом, но в отличие от первой, Барт не использовал это деление в применении к отличиям восточного и западного богословия [30, 699].

59]. Такой же умеренный взгляд на отличия использования логики в богословие православия и католицизма мы встречаем в течении католического богословия, которое особо интересовалось восточной патристикой (Андре де Любак, Жан Данилео, Ханс Урс фон Бальтазар и др.) [33].

Подводя итоги, скажем, что сложный путь осмысления Логоса в русской мысли демонстрирует один из главных инструментов ее самоидентификации. Можно предположить, что незаангажированный читатель, к сожалению, уже понял, какой хаос царит в столь важной теме. Обычно, на аргументы католиков по поводу чрезмерности обвинений в их сторону православная мысль не склонна отвечать контраргументами. Так и упомянутая дискуссия, как и множество опубликованных робот на эту тему, без особой плодотворности свелась практически только к очертанию собственных позиций каждой из двух сторон, не проявляя при этом усилий найти общий знаменателя в дискуссии. То есть, на сегодняшний день фактически отсутствует конфессионно незаангажированного сравнительного анализа нюансов теории богопознания двух веток христианства, с тщательной сверкой текстов и подключением историческо-социальной компаритивистики, начиная патристикой и заканчивая средневековьем, и остается только выразить надежду на его появление.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Хоружий С. С. Перепутья русской софиологии // О старом и новом. – Спб: Алетейя, 2000 – с. 141-168

2. Иустин, философ и мученик Диалог с Трифоном иудеем // Творения. — М.: Паломник; Благовест, 1995. — с. 125-132

3. Аверенцев С. С. Патристика: Неповторимость опыта и общезначимость примера // Синопсис: Богослов'я, філософія, культурологія. – Православний часопис. – 2001. – № 4–5. – с. 81–87

4. Иустин, философ и мученик Апология 2 // Творения. – М.: «Паломник» — «Благовест», 1995. – С. 105-125

5. Любак де, А. Парадокс и тайна церкви. – Милан: Христианская Россия, Б. г. – 144 с.

6. Рауш Т. Церковь и собор // Современное католическое богословие. Хрестоматия – М.: ББИ, 2007. – 673 с.

7. Никон (Васюков), арх. Ответ на «Разъяснение ЦОСКР в связи с обращением архиепископа Уфимского и Стерлитамакского Никона к мэру Москвы Ю.М. Лужкову по поводу строительства храма Кришны в Москве» и заявление Президента Ассоциации индийцев в России (АИР) Санджит К. Джха

8. Эрн В. Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Сочинения. – М.: Издательство «Правда», «Вопросы философии», 1991. – С. 71-109

9. Франк С. Л. Еще о национализме в философии. Ответ на ответ В. Ф. Эрна // Русская мысль. – М., 1910. – С. 130-137

10. Белый А. Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли // В.Ф. Эрн: pro et contra. Личность и творчество Владимира Эрна в оценке русских мыслителей и исследователей: антология: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии [РХГА], 2006. – С. 292-298.

11. Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси // Полное собрание сочинений. – Т. 2. – М., 1886. – С. 27-93

12. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – С. 248-293

13. Зеньковский В. В. История русской философии – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.

14. Франк С. Л. Философские отклики. О национализме в философии // Русская мысль. - М., 1910. – Год тридцать первый, кн. IX. – С. 162-171.

15. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве // Чтения о богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из "Трех разговоров..."; Краткая повесть об Антихристе. – СПб.: "Худож. Лит.", 1994. – С. 32-201

16. Лосев А. Ф. Русская философия // Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.

17. Шпет. Г. Г. Очерки развития русской философии. – Ч. I. – СПб., 1922. – 348 с.

18. Хоружий С. С. Философский процесс в России как встреча философии и православия // О старом и новом. — СПб.: Алетейя, 2000. — С. 62-117

19. Nichols A. Light from the East: Authors and Themes in Orthodox Theology. – London: Sheed & Ward, 1995. – 241 pp.

20. Христокін Г. В. Релігієзнавчй аналіз вчень про богопізнання в сучасній православній теології : Автореф. дис... к-та филос. наук: 09.00.11/ Інст. Філос. ім. Г. Сковороди АН України. – К., 2010. – 15 с.

21. Флоровский Г. В. Два завета // Россия и Латинство. – Берлин: Логос, 1923. – С. 152-177

22. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. – Париж, 1937. 4-е издание) – К.: Путь к истине, 1991. – 600 с.

23. Черняев А. В. Г. В. Флоровский как философ и историк русской мысли. – М.: ИФРАН, 2009. – 199 с.

24. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Богословие. – М.: Издательство им. Святителя Льва, папы Римского, 2009. – С. 11-350

25. Мейендорф И., прот. Введение в святоотечекое богословие. – Мн.: Лучи Софии, 2007. – 387 с.

26. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. – Т. 2 – М.: Издательство «Канон», 1996. – 559 с.

27. Головащенко С. И. Диспут "Фома Аквинский: pro et contra" – враження зацікавленого очевидця. – Режим доступа : http://www.religion.in.ua/main/20352-disput-foma-akvinskij-pro-et-contra-vrazhennya-zacikavlenogo-ochevidcya.html

28. Баумейстер А. О. Тома Аквінський: вступ до мислення. Бог, буття і пізнання. – К.: Дух і Літера, 2012. – 408 с.

29. Жильсон Э. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского // Избранное. Том 1. – М., СПб., Университетская книга, 1999. – 496 с.

30. Williams A. The Logic of Genre: Theological Method in East and West // Theological Studies. № 60, 1999. – 679-707 pp.

31. Milbank J. The New Divide: Romantic Versus Classical Orthodoxy. – Modern Theology. № 26, 2010. – 26-38 pp.

32. Marenbon J. Aquinas, Radical. Orthodoxy and the Importance of Truth // Deconstructing Radical Orthodoxy: Postmodern Theology, Rhetoric, and Truth. – Ashgate Publishing, Ltd., 2005. – 191 p.

33. Проспери П. Возвращения к Отцам: "Sources chrétiennes" // Православное богословие и запад в XX веке. История встречи. – Христианская Россия, 2006. – 228 с.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

Климчук Ю.Ю.,
аспирант,
педагог-психолог коррекционной школы II вида,
Институт специальной педагогики и психологии

Ключевые слова: психологическое благополучие, представление о счастье, подростки с нарушением слуха, слабослышащие, превентивные мероприятия, социализация, профессиональная ориентация, удовлетворенность жизнью
Key words: psychological well-being, the idea of happiness, teenagers hearing impaired, hard of hearing, preventive activities, socialization, professional orientation, life satisfaction

Аннотация. За последние 10 лет в отечественных и зарубежных научных изданиях возросло количество публикаций, посвященных тематике психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и субъективного счастья. Такая активная дискуссия обусловлена не только стремительными переменами в обществе и информационной нагрузкой на психику, но и необходимостью поиска новых подходов для решения изменившихся социальных задач человека.

Психологическое благополучие – интегральная характеристика физического, эмоционального, психологического и социального функционирования личности, основанная на его субъективном восприятии. Совокупный опыт чувственного восприятия формирует представления. Представления аккумулируют обобщенные понятийные и речемыслительные образы, формируют мировоззрение и отражают главные аспекты психологического благополучия. Представления слабослышащего подростка формируются в своеобразных условиях слуховой депривации, а, следовательно, также обладают своеобразием. Глубокое понимание того, что делает подростка с нарушением слуха счастливым, позволяет раскрыть его потенциальные способности в настоящем и избежать многих социальных и поведенческих проблем в будущем.

Over the past 10 years the number of publications devoted to topics of psychological well-being, life satisfaction and subjective happiness in domestic and foreign scientific journals has increased. Such an active debate has been called forth not only by rapid changes in society and the information load on the psyche, but also by the necessity of searching new approaches for solving the changed social tasks of human being.

Psychological well-being is the integral characteristic of the physical, emotional, psychological and social functioning of an individual, based on his/her subjective perception. The combined experience of sensory perception forms ideas. The ideas accumulate generalized conceptual and speech-and-mental images, form world view and reflect the main aspects of psychological well-being. The ideas of an hard of hearing teenager are formed in the peculiar conditions of auditory deprivation and, therefore, the ideas possess especially. Fundamentally important idea of our project is that conditions for the formation of a «happy person» should be created preventively. The understanding of what really makes an auditory handicapped adolescent happy or unhappy allows to reveal his/her potential abilities in the present and to avoid many of the social and behavioral problems in the future.

«…На что похоже счастье?
я думаю, что счастье похоже на улыбку мамы…» (авт. из беседы со слабослышащей девочкой-подростком)

Вопросы изучения счастья, психологического благополучия и удовлетворенности жизнью сегодня выходят далеко за рамки одной только позитивной психологии, возникшей как отдельное направление сравнительно недавно. Психология, социология и педагогика идут рука об руку в изучении личности, которая способна сохранять активную жизненную позицию и оптимистический взгляд на настоящее и будущее в столь стремительно меняющемся мире. Специальная психология в большей степени, чем другие науки, должна быть озабочена вопросами изучения субъективного счастья и психологического благополучия личности с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Ведь именно в субъективных представлениях о благополучии и субъективных самоощущениях личности находятся ресурсы, позволяющие личности реализоваться во всей полноте.

Личность – понятие, характеризующее особое свойство психики, способ ее организации и саморегуляции. Личность – это и форма существования и единственный способ развития человека. В отечественной сурдопсихологии развитие личности детей и подростков с нарушением слуха изучали В.Г. Петрова, В.Л. Белинский, М.М. Нудельман, А.П. Гозова, Т.Н. Прилепская, Э.А. Вийтар, Т.В. Розанова, И.А. Михаленкова и др. Необходимым условием успешного развития личности ребенка является систематическое увеличение разнообразия и сложности внешних воздействий. У неслышащего и слабослышащего ребенка объем внешних воздействий чрезвычайно сужен, взаимодействие с внешней средой затруднено. Формирование личности ребенка с нарушением слуха идет в условиях замедленного процесса обработки информации. Недостаточность чувственного опыта ограничивает возможности в получении спонтанного усвоения социального опыта. Развитие в условиях слуховой депривации накладывает отпечаток на развитие всех психических систем личности.

Зная особенности развития личности подростка с нарушением слуха можно не только осуществлять дифференцированный подход в процессе обучения, но и помочь избежать многих трудностей подросткового периода, сформировать активную жизненную позицию.

Формирование представлений имеет большое значение для всей сознательной жизни человека. Изучением представления и отдельных его аспектов в разное время занимались такие ученые и исследователи, как Л.С. Выготский, Л.М. Веккер, Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Л. В. Занков, Л. И. Тигранова, П.В. Яшкова, А.А. Гостев и др.

У подростков с нарушением слуха, в силу имеющих-

ся сложностей с осмыслением информации, наблюдаются трудности с формированием обобщенных представлений. Произвольное воспроизведение представлений также затруднительно для подростков с нарушением слуха.

Как правило, представления не бывают только слуховыми или только зрительными. Каждое представление включает в себя компоненты разных сенсорных систем. При нарушении одного из сенсорных каналов восприятия, формирующиеся представления неизбежно приобретают своеобразные черты. Применение ряда проективных методик позволило нам получить данные, которые выявили особенности представлений о счастье и психологическом благополучии подростков с нарушением слуха.

Семья и ближайшее окружение ребенка закладывают фундамент представлений ребенка о счастье и благополучии. В семье ребенка учат различать добро и зло, учат делать выбор и принимать решения. Выбор человека зависит не только от внешних факторов, но и от представлений человека о счастье, о добре и зле, о справедливости, о чести и достоинстве.

А всегда ли есть выбор у подростка? А у подростка с ОВЗ? Что вообще помогает человеку делать выбор в пользу жизни, в пользу добра и милосердия в тяжелых жизненных ситуациях? Виктор Франкл ученый, психолог и философ, переживший ужасы второй мировой войны, детально описывает изменения психики в условиях, когда у человека отнимается все, кроме свободы сделать выбор и возможности отнестись к обстоятельствам так или иначе. В.Франкл пишет, что даже в самых жутких условиях остается место для смысла жизни и возможности «выпрямить» человека, «сориентировав его на какую-то цель…» (В.Франкл, 2012).

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), здоровье - это состояние полного физического, психического и духовного благополучия. Основу психологического благополучия составляют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, каждый из которых, в свою очередь, тесно связан с представлениями человека о себе и окружающем мире. Психологическое благополучие - важнейшая составляющая счастья каждого человека. Счастье - социокультурный феномен, понятие, которое наиболее полно отражает особенности психологического благополучия всего общества, понятие, которое активно используется в подростковой среде для описания образа «идеальной жизни». Понятие «счастье», как любое другое понятие такого уровня обобщения, эволюционирует вместе с эволюцией общества. Неоправданно частое или не всегда уместное использование в рекламных сообщениях одного и того же понятия размывает, искажает и даже подменяет его реальное значение, формируя тем самым ложные представления. Ложные представления о счастье могут стать причиной неудовлетворенности жизнью и оказать негативное влияние на психологическое благополучие личности. Глубокое понимание психологами, педагогами, родителями того, что действительно делает ребенка счастливым, или несчастливым в настоящем, поможет существенно повысить эффективность реализации на практике идей интегративного обучения, патриотического воспитания, социализации и профессиональной подготовки подрастающего поколения в будущем.

Активный интерес к теме счастья в обществе сегодня, на наш взгляд, обусловлен еще и существованием определенного психологического “напряжения” внутри общества и его отдельных групп, а также связан с меняющимися потребностями человека.

Психологическое благополучие – интегральная характеристика физического, эмоционального, психологического и социального функционирования личности, основанная на опыте субъективного восприятия. Совокупный опыт восприятия формирует представления человека. Представления человека во многом формируют мировоззрение и жизненную позицию личности. Представления слабослышащего подростка формируются в своеобразных условиях слуховой депривации, а, следовательно, обладают определенным своеобразием. «С возрастом это своеобразие уменьшается, но удерживать в памяти сложный наглядный материал или выполнять задания по его сопоставлению, продолжает вызывать трудности. Произвольное воспроизведение представлений затрудняет детей с нарушением слуха, так как им сложнее, чем слышащим, использовать приемы опосредованного запоминания и осмысления» (И.А. Михаленкова, 2006). Изучение аспектов психологического благополучия подростков с нарушением слуха, понимание общности представлений о счастье слышащих подростков и подростков с нарушением слуха, на наш взгляд, является отличным инструментом формирования общества равных возможностей, основанного на единстве взглядов, взаимного уважения и понимания.

Мы убеждены, что предлагаемый нами подход в исследовании психологического благополучия и изучение представления о счастье подростков с нарушением слуха является актуальным, практически значимым и социально ориентированным. Знание особенностей представления подростков о счастье и превентивное создание условий для его развития является, на наш взгляд, важным условием оптимизации процессов обучения, воспитания, социализации и профессиональной подготовки.

Мы имеем результаты исследований, проведенных в 2012-2014 годах на базе общеобразовательных школ и специальных коррекционных школ I и II вида города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, которые позволяют предположить, что именно изучение представления о счастье, дает возможность наиболее полно раскрыть все аспекты психологического благополучия подростков с нарушением слуха. В пилотном исследовании приняло участие 75 учащихся старших классов в возрасте 16-18 лет. В экспериментальную группу вошли 39 слабослышащих и неслышащих старшеклассников специальных коррекционных школ I-го и II-го вида; контрольную группу составили 36 учащихся 10-11 классов общеобразовательной школы Санкт-Петербурга. Нами выявлена положительная корреляция между показателями общей удовлетворенности жизнью и параметрами эмпатии. В ходе сравнительного анализа общего уровня эмпатии в экпериментальной и контрольной группах были получены достоверные различия по t-критерию Стьюдента с вероятностью ошибки менее 5% (p=0,011318). Это позволяет считать средний и низкий уровень общей эмпатийности специфическим признаком экспериментальной группы подростков. Субъективно более счастливые подростки контрольной группы обладают достоверно более высоким уровнем общей эмпатии по сравнению с экспериментальной группой подростков с нарушением слуха. Интересна на наш взгляд и выявленная в экспериментальной группе положительная корреляционная связь параметра эмпатии с героями художественных

произведений (фильмов) с параметрами вероятности невроза и нейротизма – коэффициенты корреляции: +0,45 и +0,47 соответственно. Можно предположить, что образы героев современного молодежного, развлекательного кино, телевидения, современных книг, доступных подросткам; образы, активно предлагаемые телевизионной рекламой и средствами массовой информации, в определенной степени могут повышать вероятность невротических проявлений у подростков. В целом, уже сейчас можно уверенно говорить о том, что развитие эмпатийных способностей, способность к сопереживанию, сопричастность и «включенность» в коллективный труд, позитивно влияют на формирование жизненной позиции, расставляет акценты в иерархии ценностей, влияет на психологическое благополучие подростка и его представление о счастье.

Оригинальность нашего исследования состоит в изучении психологического благополучия подростков с нарушением слуха посредством изучения представления о счастье. Представления о счастье подростков с нарушением слуха, наряду с общим для подросткового возраста пониманием счастья, отличаются от представлений подростков контрольной группы, меньшей обобщенностью, чаще связаны с лично пережитыми недавними событиями (встреча с друзьями, получение подарка, день рождения, поход в кафе, покупка, экскурсия). Неслышащие подростки часто используют для определения счастья элементы сленговой молодежной речи, междометия, «слова – маркеры» - аналоги жестовой речи. Подростки с нарушением слуха существенно реже, чем подростки контрольной группы, используют такие абстрактные понятия, как взаимопонимание, уважение, благополучие, гармония. Хочется также отметить, что в ответах подростков экспериментальной группы часто находит отражение влияние рекламы и средств масовой информации и рекламы, в ответах присутствовали фразы рекламного храктера, например, что счастье - это «счастливые часы», «счастливы вместе», «скидки 100%», «бонусы», «шоппинг». Внутригрупповые различия заметны по частоте упоминания в ответах таких когнитивных составляющих субъективного счастья, как наличие цели и смысла жизни, признание, уважение, потребность помогать другим. Значимость когнитивных составляющих субъективного счастья для подростков контрольной группы выше, чем для подростков с нарушением слуха. Наиболее значимыми составляющими объективного счастья для контрольной группы являются – семья, образование и достаток, а для экспериментальной группы первую позицию заняли социально-бытовые составляющие объективного счастья, а вторую и третью позицию заняли – семья и образование. Для слабослышащих подростков деньги и удача являются более значимыми составляющими объективного счастья, чем для их неслышащих сверстников. А здоровье и устроенность быта более значимы для неслышащих подростков, чем для их слабослышащих и слышащих сверстников. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что представления о счастье подростка с нарушением слуха отличаются меньшей обобщенностью и несколько смещены в сторону составляющих «житейского счастья». В то время как у слышащих подростков в представлении о счастье превалируют эмоциональные и когнитивные составляющие субъективного благополучия.

Знание особенностей представлений о счастье современных подростков с нарушением слуха позволит превентивно направить обучающие мероприятия по формированию «счастливой личности» с ограниченными возможностями здоровья в реалистичное и полезное для общества русло, позволит более эффективно проводить профориентационную работу с подростками, справляться с трудностями кризисных периодов развития и проводить работу по профилактике формирования иждивенческой жизненной позиции и позиции выученной беспомощности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аргайл М., Психология счастья, СПб, Питер, 2003. – 271 с.

2. Грабенко Т.М., Михаленкова И.А., Эмоциональное развитие слабослышащих школьников, СПб, Речь, 2008. – 256 с.

3. Климчук Ю.Ю., Диагностика представления о счастье подростков с нарушением слуха / Развитие специального образования в современной России: психолого-педагогическая диагностика и коррекция лиц с ограниченными возможностями здоровья: сборник статей межвузовской научно-практической конференции молодых ученых, 17-18 апреля 2012 г. / под науч. ред. Л.М. Шипицыной, С.Т. Посоховой. – СПб.: НОУ «Институт специальной педагогики и психологии», 2014. – 325 с.

4. Климчук Ю.Ю., Субъективность счастья: традиционные точки зрения и перспективы исследования / Перспектива человека: гуманитарное сознание и его парадоксы: сборник статей межвузовской научно-теоретической конференции/ сост. и науч. ред. С.Т. Посохова, А.И. Извеков.- СПб.: НОУ «Институт специальной педагогики и психологии», 2014. – 183 с.

5. Михаленкова И.А., Практикум по психологии детей с нарушением слуха, СПб, Речь, 2006. – 96 с.

6. Франкл В., Сказать жизни «Да!» , М., Альпина нонфикшн, 2012. – 239 с.

ПОНЯТИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ковальчук Д.В.,
магистрант,
Московский финансово-юридический университет

Ключевые слова: государственная гражданская служба; государственная политика; государственное управление; государственный гражданский служащий; кадровый состав государственной гражданской службы; органы государственной власти
Key words: civil service; public policy; governance; civil servant; civil service staff; public authorities

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее актуальные проблемы формирования кадрового состава государственной службы в системе государственного управления. Выделены основные проблемы формирования кадрового состава государственной службы.

The most pressing problems of forming the staff of the public service in the public administration system are considered in the article. The basic problems of the staff formation of the public service are examined.

Под государственным управлением понимается деятельность органов государственной власти по реализации выработанного политического курса.

Организационно-правовой аспект государственного управления отражается в деятельности органов государственной власти, направленной на решение задач социально-экономического и политического характера. В своем издании Е. Масленникова подробно рассматривает методологию, процесс и виды государственной политики. Например, содержание государственной политики составляет совокупность целей, задач, приоритетов развития, программ, которые разрабатывают и реализуют органы публичной власти с привлечением институтов гражданского общества. Процесс формирования и реализации государственной политики называется «политическим циклом» и включает несколько этапов:

- первый этап (инициирование политики) составляют анализ ситуации, выбор приоритетных общественных проблем, принятие решения о разработке политики в конфликтной сфере, определение основных ее целей и направлений [, с. 87].
- второй этап (разработка политики) включает разработку целевых программ, их согласование, принятие официального документа о политике/программе с определением источников финансирования;
- на третьем этапе (выполнение политики) происходит непосредственная реализация политики/программы, осуществляется мониторинг и контроль;
- четвертый этап (оценка политики) составляют оценка результатов и последствий.

По мнению Е. Масленниковой, государственная политика - есть преобразование политических целей в государственные программы и практические действия по достижению соответствующих результатов. Реализация государственной политики представляет собой планомерный процесс использования органами публичной власти и институтами гражданского общества имеющихся в их распоряжении ресурсов для достижения поставленных целей. Это предполагает совокупность взаимосвязанных мер и форм поведения, которую следует отличать от выполнения политики как результата [, с. 88].

Государственная гражданская служба, являясь основным субъектом государственной политики, означает профессиональную деятельность людей, объединяемых целями этой службы. Поэтому её можно рассматривать как социальную систему, в которой имеются объекты и субъекты управления. Одним из таких объектов можно считать кадровый состав гражданской службы, который формируется, направляется, управляется соответствующей подсистемой - субъектом управления. Для реализации целей субъекта управления ему важно иметь информацию о структуре и функциях объекта управления. Выявление особенностей объекта управления системе государственной гражданской службы является задачей первой главы данного исследования.

Термин «кадровый состав» прочно вошёл в обиход в литературе о государственной кадровой политике, управлению персоналом в целом и государственной службе, в частности. В то же время в литературе практически отсутствует определение данного понятия, что затрудняет социологический анализ кадрового состава государственной гражданской службы.

Профессор В.А. Сулемов определяет «...кадровый состав через кадровый потенциал, человеческий, материальный, количественные и качественные параметры работников аппарата органов государственной власти, обеспечивающих реализацию их полномочий и функций» []. В этом определении кадрового состава выделяется необходимость анализа черт, параметров, т.е. косвенных критериев. В то же время не определяется сущность данного состава.

В определении профессора В.С. Нечипоренко подчёркивается, что «Кадровый состав государственной службы характеризует её возможности (потенциал) в выполнении возложенных на неё функций». Здесь одно понятие (кадровый состав) определяется через другое (кадровый потенциал), которое не является синонимом первого, а имеет собственное содержание: совокупность социальных возможностей государственных служащих, которые могут быть приведены в действие, использованы для решения определённых задач [].

В научной литературе встречается также термин «кадровый корпус» как синоним понятия «кадровый состав» [, с. 113]. Представляется, что такой подход в настоящее время не даёт возможности выявить сущность кадрового состава государственной службы в целом, поскольку понятие «кадровый корпус» закрепилось за отдельными видами государственной службы, обладающими особым статусом («дипломатический корпус», «офицерский корпус»), а не за государственной службой в целом.

Таким образом, отправной точкой исследования проблемы является выявление сущности понятия «кадровый состав государственной службы». Представляется, что, в решении этой задачи следует исходить из положений системного подхода.

Понятие «состав» означает совокупность людей, образующая какое- нибудь целое». Кадровый состав государственной гражданской службы представляет собой целостное образование, обладающее, благодаря единству составных элементов, качественно новыми характеристиками. Это находит некоторое отражение в принципах государственной гражданской службы [, с. 119]:

«1) приоритет прав и свобод человека и гражданина;

2) единство правовых и организационных основ федеральной гражданской службы и гражданской службы субъектов Российской Федерации;

3) равный доступ граждан к гражданской службе и равные условия её прохождения;

4) профессионализм и компетентность гражданских служащих;

5) стабильность гражданской службы;

6) доступность информации о гражданской службе;

7) взаимодействие с общественными объединениями и гражданами;

8) защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность».

Понятие «совокупность» означает «сочетание, соединение, общий итог чего-нибудь».

Понятие «совокупность» применительно к государственной гражданской службе означает сочетание, соединение двух уровней этой службы - федеральной службы и службы субъектов Российской Федерации, которые в свою очередь, соединяют государственных служащих, работающих в различных государственных органах власти и управления. В связи с этим можно говорить о кадровом составе гражданской службы субъекта Федерации, федеральной государственной гражданской службы Российской Федерации. В данном случае следовало бы различать целое и части.

Государственная гражданская служба Российской Федерации по отношению к государственной службе субъектов Федерации, кадровым составам федеральных министерств и ведомств выступает как единое, целое, сложное, обладающее новым качеством и содержанием. По отношению к этому целому кадровые составы государственной гражданской службы субъектов Федерации, федеральных министерств и ведомств выступают как более простые (по степени простоты), мелкие или крупные (по масштабу), существенные и второстепенные (по их роли в целом).

Государственный служащий в этом целом выступает первичной (элементарной) частицей, имеющей свои индивидуальные особенности, отличающие качества служащего от свойств государственной гражданской службы в целом и проявляющиеся в многообразии действий, составляющих содержание государственной службы как профессиональной деятельности.

Целостность кадрового состава государственной гражданской службы в настоящее время можно определить как становящуюся, ещё не ставшую целостностью. При достижении этой целостности становится возможным наступление третьего этапа укрепления целостности государственной гражданской службы Российской Федерации.

Части кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации (федеральной, субъектов Федерации) различаются по количественным показателям, обладают относительной самостоятельностью. В определённой мере это касается и кадровых составов министерств и ведомств, поскольку, по закону, гражданская служба заканчивается на обеспечении полномочий государственных органов [].

В методологии исследования кадрового состава государственной гражданской службы важна трактовка понятия «кадры», поскольку речь идёт не о составе людей вообще, а о кадровом составе государственной службы.

В концепции кафедры государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте Российской Федерации понятие «кадры» определяется как часть персонала организации, обладающая профессиональными способностями и статусом, необходимым и для достижения целей организации [, с. 31].

Профессор В.А. Сулемов под кадрами понимает «постоянный, штатный, как правило, профессионально квалифицированный состав работников общества, государства, в том числе и организации (предприятия, учреждения), непосредственно участвующих в реализации их задач и функций». При этом автор выделяет три признака «кадровости» работников:

1) относительно устойчивая профессиональная квалификация работника, как правило, имеющего специальную подготовку;

2) постоянный характер служебно-трудовой деятельности, которая является обычно основным источником его существования и жизнеобеспечения;

3) социально-должностное положение работника в трудовом коллективе, когда его деятельность фактически реализует или обеспечивает исполнение функций и задач данной организации (а не охрану зданий, обеспечение их эксплуатации) [, с. 36-37].

В то же время нельзя согласиться с определением «кадров» В.Р. Веснина, который отождествляет кадры с трудовым потенциалом, считая, что кадры - это «только исполнители», «сотрудники - безропотные подчиненные», которые, по сути, мало отличимы от производственного оборудования или инструментария. В связи, с чем кадровый потенциал можно трактовать, как карточную колоду, двигать как шахматные фигуры, использовать как рабочую производственную силу, иногда поощряя, а иногда наказывая» [, с. 3]. В этом определении проявляется недооценка кадров, их возможности в рыночных отношениях переходить от одного работодателя к другому, обеспечивающему более благоприятные условия для работы.

С термином «кадры» тесно связано понятие «кадровый потенциал» государственной службы. Этот потенциал означает совокупность профессиональных возможностей государственных служащих, которые могут быть использованы для решения задач государственных органов. Представляет научный интерес определение кадрового потенциала государственной службы, данное Е.А. Радаевой «как совокупности имеющихся профессиональных способностей и возможностей кадров, обеспечивающих квалифицированный управленческий труд, эффективное вы-

полнение служебных обязанностей в соответствии с должностным регламентом» [, с. 10].

Термин «кадровый потенциал» не является синонимом понятия «кадровый состав», а характеризует одну из сторон этого состава — возможности кадров, ресурсы государственного органа, оставляя в стороне другие, например, целостность, взаимосвязи частей и т.д. Для выражения специфики кадрового потенциала используется также понятие «резерв кадров», включающее наиболее активную и подвижную часть кадрового состава государственной службы.

Исследование кадрового потенциала государственной службы позволяет иметь некоторое представление о состоянии её кадрового состава: так, важные стороны кадрового потенциала могут быть не использованы, - что ослабляет кадровый состав; и наоборот, имеющиеся качества государственных служащих могут не отвечать современным требованиям, что также снижает возможности кадрового состава. Это имеет значение в работе по воспроизводству кадрового состава государственной службы.

Для понимания кадрового состава государственной службы как объекта социологического исследования представляется целесообразным рассматривать государственных служащих как социальную общность. Так, В.Д. Лысенко (Ростов-на-Дону) считает, что государственные служащие представляют собой большую по численности и значимую по своей деятельности социально-профессиональную общность [, с. 307].

Общность обычно определяется как группа отдельных индивидов людей, которую можно охарактеризовать какими-либо общими признаками. Среди таких признаков, имеющих место и в государственной службе, как устойчивой общности, являются образование, совместная жизнедеятельность, общие интересы, условия и образ жизни, близость ценностей, социальных норм и других регуляторов.

Кадровый состав государственной службы как реальная социальная общность характеризуется признаками социальной системы, социальными связями, осознанием служащими целей своей деятельности и жизни.

При этом кадровый состав государственной службы относится к большим общностям — (по величине) и групповым - по содержанию деятельности. Такие общности играют важную роль в развитии общества и государства в целом, отличаются активными действиями.

Как групповая общность кадровый состав государственной службы входит в социальную структуру общества, определяет социальное положение личности государственного служащего, в той или иной мере его потребности, интересы.

Кадровый состав как статусная группа характеризуется своим стилем жизни, вытекающим из уважения, почестей, привилегий этой группы. Этот стиль проявляется в особом формировании и закономерностей развития организационной культуры государственной гражданской службы, этике и культуре поведения государственных гражданских служащих [, с. 153].

Для кадрового состава государственной службы России характерно наличие гарантий, которые не являются привилегиями особых статусных групп государственных служащих, а также специальным механизмом компенсации потерь, которые связанны с комплексом определенных запретов и ограничений для государственных гражданских служащих. В Российской Федерации, несмотря на активное реформирование государственной гражданской службы, происходящее в настоящее время, актуальной проблемой является развитие кадрового состава государственной гражданской службы как статусной группы. При этом, наиболее насущными задачами являются, прежде всего повышение социального статуса государственных служащих на основе применения постоянного обучения, пополнения кадрового состава за счёт развития профессионализма государственных служащих в системе государственного управления.

В рамках понимания кадрового состава государственной службы как статусной группы, важное значение имеет престиж (согласно изречению М. Вебер этот термин носит значение «статусная почесть»), под которым понимается любое качество, присеваемое группе большинством людей [, с. 152].

На наш взгляд, кадровый состав современной государственной гражданской службы Российской Федерации как социально-профессиональной группы представляет собой совокупность людей, выполняющих управленческие функции в системе государственной власти, обладающих соответствующими профессиональными навыками и специализацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2012 № 6-ФКЗ, от 30.12.2012 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ). // Российская газета, № 237, 25.12.1993.

2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 02.04.2014) «О государственной гражданской службе Российской Федерации».// Собрание законодательства РФ.02.08.2004. № 31. Ст. 3215.

3. Вебер М. Избранное. – М.: Юрист, 2012.

4. Веснин В.Р. Управление персоналом: Теория и практика. Учебник. – М.: Проспект, 2010.

5. Концепции государственной службы и кадровой политики, разработанные кафедрой государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте Российской Федерации. – М.: РАГС, 2013.

6. Лысенко В.Д. Государственный служащий в системе государственной службы// Государственная служба. Учебник/под ред. В.Т.Игнатова. – Ростов-на-Дону: Март, 2014.

7. Масленникова Е.В., Пресняков М.В., Тататринова Л.Н., Чанов С.Е. Государственная гражданская служба в Российской Федерации. – М.: Ось-89, 2013.

8. Мельников В.П. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность: учеб. пособие / В. П. Мельников, В. С. Нечипоренкова. – М.: Изд-во РАГС, 2013.

9. Нечипоренко В.С. Теория и организация государственной службы. Курс лекций. – М.: РАГС, 2012.

10. Панышева С. А., Громов В.Ю. Кадровое обеспечение государственной и муниципальной службы. Учебно-методический комплект. – Нижний Новгород: ВВАГС, 2008.

11. Радаева Е.А. Востребованность кадрового потенциала государственной гражданской службы (социологический аспект)/ Автореферат диссертации... кандидата социологических наук. – М.: РАГС, 2014.

12. Сулемов В.А. Государственная кадровая политика в современной России: теория, история, новые реалии. Монография. 2-е изд. – М.: РАГС, 2012.

13. Тавокин Е.П. Государственные служащие: тенденции развития кадрового состава федеральной гражданской службы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – №3.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАРКОПРОФИЛАКТИКИ

Колесников С.С.,
аспирант,
Социологический институт РАН,
методист учебно-методического отдела по социальной реабилитации и ресоциализации
лиц с зависимым и созависимым поведением,
Городской информационно-методический центр «Семья»

Ключевые слова: социальная реабилитация, наркопрофилактика, социальная сфера, «реабилитационная карьера»
Key words: social rehabilitation, drug prevention, social services, «rehabilitation career»

Аннотация. В статье на основе анализа нормативных документов раскрывается содержание понятия «социальная реабилитация», а так же особенности его употребления в практике социальной наркопрофилактики.

In the article on the basis of the analysis of normative documents uncovers the concept of «social rehabilitation», and difficulties with the use of this complex concept in the practice of social drug prevention.

Вопрос немедицинского потребления наркотиков в современном российском обществе стоит как никогда остро и представляется одним из важнейших на сегодняшний день в сфере социальной работы. Так, по данным Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, 5,6% населения России регулярно или эпизодически потребляют наркотики и 2% являются активными наркопотребителями, а это 3 млн. человек [10]. Иными словами, следуя логике популяционной пропорции, можно ориентировочно оценить количество активных наркопотребителей в Санкт-Петербурге в 80 тыс. человек, что делает проблему профилактики наркопотребления более чем актуальной.

Тяжесть ситуации усугубляется тем, что существующая федеральная система профилактической работы (подразумеваются все направления профилактики, в том числе профилактика рецидивов - реабилитация) просто не способна справиться с тем количеством наркопотребителей, которое нуждаются в реабилитации, но не находятся в фокусе профилактических мероприятий. В своём интервью глава ФСКН Виктор Иванов говорит, о том, что «в стране сейчас порядка 500 различных центров и фондов, которые работают с наркопотребителями и зависящими от алкоголя людьми», отмечая, что «наркопотребители туда не обращаются <…> в реабилитационном центре Курганской области лежит порядка 50 алкоголиков — и ни одного наркопотребителя. То же самое в других регионах. Вот и вся система» [9]. Иным словами, несмотря на заинтересованность государства и общества в сокращении количества наркопотребителей и возвращении их в общество, необходимые для этого условия начали формироваться только сейчас с созданием «национальной системы комплексной реабилитации и ресоциализации лиц, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях» в рамках Государственной программы РФ «Противодействие незаконному обороту наркотиков» [3].

Цель данной работы: рассмотреть специфику употребления и содержание понятия «социальная реабилитация» в контексте социальной наркопрофилактики. В фокусе нашего внимания находится социальный конструкт «социальная реабилитация».

Сообразно цели обозначим некоторые задачи, стоящие перед автором:

продемонстрировать изменение логики конструирования понятия «социальная реабилитация» с учетом динамичного контекста;

определить основные принципы социального подхода к социальной (sic) реабилитации наркопотребителя;

рамочно обозначить особенности социальной реабилитации в качестве элемента профилактической работы.

Говоря о «социальной реабилитации» нам необходимо рассматривать несколько аспектов употребления этого понятия: (1) нормативный аспект, как документально данное определение – конструкт, призванный оптимизировать управленческий цикл реабилитационного учреждения; (2) научный аспект понятия, необходимый для обеспечения единства смысла и определенной степени эвристической свободы; (3) оперативный аспект понятия – значение в котором понятие используется в повседневной практике социальной работы. Очевидно, что эти аспекты дополняют друг друга, но, при этом, не совпадают. Необходимо также отметить, что содержания этих конструктов претерпевали определенные мутации в процессе изменения логики формирования смысла понятия. Наибольшим изменениям подвергся нормативный аспект понятия, повлекший за собой слабое изменение научного определения и почти не повлиявший на то оперативное значение, которое вкладывали в это понятие специалисты в повседневной практике. Именно через рассмотрение смыслового содержания и изменения логики его определения мы раскроем понятие «социальная реабилитация».

Как в случае с любым социальным конструктом мы можем отследить определенный процесс изменения логики его формирования. В нашем случае мы можем выделить два момента континуума, когда понятие фиксируется в документах: два ГОСТа, посвященных социальному обслуживания населения, 2005 и 2012 годов.

Государственным стандартом 2005 года установлено следующее определение социальной реабилитации - это «система мероприятий, направленных на восстановление утраченных гражданином социальных связей, социального статуса, устранение или возможно полную компенсацию ограничений жизнедеятельности» [1]. Данное определение носит целеориентированный характер и раскрывает понятие через обозначение направлений деятельности, каковых определяется три: (1) восстановление социальных связей и социальной «самости», через «вписание» человека в социум; (2) восстановление социального статуса, то есть, возвращение к устойчивому положению в общественной си-

стеме, связанному с определёнными ожиданиями, правами и обязанностями, выраженными в репутации, престиже и авторитете [6, с. 293]; (3) снятие ограничений жизнедеятельности или выравнивание возможностей для существования и развития.

Приведенное здесь определение дано вне контекста работы с наркопотребителями. Однако деятельность по социальной реабилитации лиц, отказавшихся от немедицинского потребления наркотиков, имеет специфический характер, связанный с психо-био-социальной природой наркозависимости. Специфическое понимание «реабилитационных услуг лицам, зависимым от наркотических средств, психотропных веществ и алкоголя» прописано в специализированном стандарте 2012 года и сформулировано как «действия реабилитационных учреждений, предусматривающие проведение совокупности медицинских, психологических, воспитательных, педагогических, социально-психотерапевтических, правовых и социальных мер, направленных на восстановление физического, психического, духовного (sic) и социального здоровья, способности функционирования в обществе (реинтеграцию) без употребления психоактивных веществ, и направленные на избавление вышеуказанных лиц от патологической зависимости от психоактивных веществ, восстановление их личности и социального статуса, преобразование и восстановление мировоззрения этих лиц, направленного на соблюдение здорового образа жизни» [2]. При сохранении основных целей и направлений реабилитации в этом определении делается акцент на сервисную составляющую (услуги), при этом не используется собственно понятие «социальная реабилитация». Это связано, на наш взгляд с тремя факторами: (1) коммерциализацией (по крайней мере, попытками коммерциализации) социальной сфере с акцентом на отдельную услугу, как единицу товара; (2) медикализацией [12], которая наиболее явно проявляется в категории «здоровья» и обороте «патологическая зависимость»; и (3) поспешностью создания и, как следствие, несогласованностью специализированного ГОСТа с массивом государственных стандартов, принимаемых в качестве основания деятельности. Мы еще вернемся к этому определению позже, однако, важно понимать, что не все в этом определении ясно автору настоящей работы. Загадкой остаётся формулировка «духовное здоровье», которая, возможно, связана с пониманием наркозависимости как психо-био-социо-духовной проблемы.

Наряду с примерами из российского нормативного пространства необходимо рассмотреть и международные дефиниции. Ориентиром может служить определение, приведенное в материалах Всемирной организации здравоохранения, посвященных вопросам наркопрофилактики [17, с. 62]. Здесь же мы приводим более позднюю версию этого текста, использованную уже Управлением по наркотикам и преступности ООН. Социальная реабилитация – это «процесс, с помощью которого индивид с расстройством вследствие употребления вещества обретает оптимальное состояние здоровья, психологическое и социальное благополучие» [11]. Далее в определении приведены структура и подходы к реабилитации, которая должна завершиться «социальной реинтеграцией в более широкое общество» [11]. Несмотря на медикализацию понятия, в нём прослеживается целеориентированный характер и раскрываются все три аспекта психо-био-социальной природы наркозависимости.

Это определения, на взгляд автора, можно рассматривать как показательное. Когда общество говорит о наркоманах, оно говорит в терминах и понятиях медицины. Так, например, следующее определение, несмотря на обилие социологических терминов, взято из области наркологии. Социальная реабилитация – это «система медицинских, психологических, воспитательных, образовательных, социальных, правовых, трудовых мер, направленных на реадаптацию больных, их ресоциализацию и реинтеграцию в общество при условии отказа от употребления психоактивных веществ (ПАВ)» [7, с. 80-81]. Это определение представляет собой «кальку», другого, данного в «Приказе 500»: «Реабилитацией является совокупность медицинских (лечебных), психологических, социальных, образовательных и трудовых мер, направленных на восстановление физического и психического состояния больного, коррекцию, восстановление или формирование его социально приемлемых поведенческих, личностных и социальных качеств, способности приспособления к окружающей среде, полноценного функционирования в обществе без употребления психоактивных веществ, вызывающих наркологическое заболевание» [14]. Медицинский характер приведенного выше определения очевиден. Так же как очевидна схожесть определений, приведенных в ГОСТ Р 54990-2012 и «Приказе 500».

Для представителей социальной сферы медицинские определения и медицинские методические разработки (например, работы СПб НИПНИ им В.М. Бехтерева [8, 13, 15, 16]), наряду с определениями, данными в нормативных документах, представляются своеобразными ориентирами, так как собственно социальные концепции отечественной наркопрофилактики находятся в стадии становления. В связи с этим, существуют определенные риски, которые уже проявляются среди специалистов по социальной работе. Мы не ставим себе целью рассмотреть их все, остановимся лишь на тех, что принципиально важны для раскрытия специфического понимания реабилитационной, да и вообще профилактической работы в сфере социального обслуживания.

Первая укоренившаяся практика – это определение наркомана как «больного». Здесь не рассматривается медицинский аспект реабилитации больных наркоманией (Z50.3 по МКБ-10), а подразумевается его социальный эквивалент, что неприемлемо с позиции принципов социальной работы, так как лишает человека права на ошибку и ограничивает свободу воли. Происходит лейблинга (наклеивания ярлыка) клиента как наркомана и связанная с этим стигматизация. О которой более подробно мы поговорим, когда будем рассматривать особенности социальной работы как элемента наркопрофилактики.

Второй момент, отличающий, по нашему мнению, социальный подход от медицинского или «нормативного» – это релятивистская позиция с ориентацией на потребности клиента. В отличие от медицинского и правового подхода, которые ориентированы на норму как таковую, социальная работа в своём основании имеет уважение и принятие потребностей клиента per se. В качестве иллюстрации этого тезиса можно привести, не пользующиеся популярностью у чиновников от ФСКН, низкопороговые сервисы [23] или программы снижения вреда [22].

В-третьих, необходимо обратить внимание на «новый язык» социальной работы, который служит средством

преодоления и обособления сферы от права и медицины. Средством служат своеобразные «лингвистические игры», а именно, добавление части «социо-» к медицинским и правовым понятиям. Именно таким образом появляются такие понятия как «социально-психотерапевтические меры». Системная работа по созданию собственного понятийного аппарата социальной работы началась относительно недавно.

Четвертая позиция, по которой можно проследить определённое влияние медицины – это своеобразный «континуум взаимодействия», временное пространство взаимодействия службы с клиентом. В отличие от медицины [5; 20, p. 233-236] и исследований «моральной карьеры» [18], сфера социальной профилактики наркопотребления начинает взаимодействовать с клиентом до возникновения у него непосредственного «знакомства» с наркотиками и продолжает работать с ним на всех этапах его карьеры наркопотребителя [19; 21], включая периоды его реабилитации, ремиссии и рецидивов – «реабилитационную карьеру».

Какое же содержание вкладывается в понятие «социальная реабилитация», когда мы говорим о социологическом его содержании? Первым аспектом социальной реабилитации является деятельность по «восстановлению социальных связей». Специфика данной, прописанной в определении государственного стандарта, цели заключается в том, то наркозависимость обусловлена помимо прочего социальными фактами, то есть окружением. И возвращение реабилитанта в его социальное окружение immutatum чревато рецидивом (еще одно понятие, требующее перевода с медицинского языка на социальный). Иными словами, речь идёт о необходимости параллельной работы с социальным окружением реабилитанта (зависимым и созависимым поведением близких) и изменением социальных условий среды (закрытие притонов, изменение отношения к отказавшимся от употребления наркотиков и т.п.), того, что в материалах Управления по наркотикам и преступности ООН названо «широким обществом» [11]. В качестве альтернативы может быть выбрано новое социальное окружение: новое место жительство, новые люди, новый «символический универсум». Отметим, что вторая стратегия пользуется популярностью, особенно при прохождении реабилитации в религиозных реабилитационных центрах и кардинальном изменении imago mundi и своего места в ней.

Восстановление социального статуса представляет собой вторую сложность при работе по социальной реабилитации, так как значительная часть реабилитантов имеет очень низкий и нестабильный социальный статус. Часто в процессе реабилитации речь идет о создании каких-то оснований для закрепления любого социально приемлемого положения: получения профессии, образования, обучения элементарным навыкам ручного труда, повышения культурного уровня. Но не этот аспект представляет наибольшую сложность при восстановлении социального статуса. Аутостигматизация и лейблинг причиняют куда больше проблем в постреабилитационный период [4]. «Клеймление» «наркоманом», «наркошей», «нариком» становится проблемой, которая не может быть решена на уровне специалиста, а требует проработки на уровне политики и общества в целом.

Немалую роль в процессе стигматизации играют также разнообразные заболевания (приобретенные или развившиеся в процессе «наркотической карьеры»), которыми страдает порядка 70% всех наркозависимых. Это проблема должна быть рассмотрена как трехсторонняя: (1) объективные ограничения и особенности, связанные с заболеванием; (2) субъективное отношение к заболеванию; (3) общественное отношение к заболеванию и информированность о его наличии.

Если второй аспект этой проблемы может быть проработан в условиях реабилитационного центра (информирование, медикаментозная поддержка, мотивирование на лечение и т.п.), третий решается ситуативное через выборочное информирование или его избегание, а также информационные кампании, то первая составляющая проблемы решается отдельным компонентом реабилитационной работы. В тесной связи с работой по повышению статуса и дестигматизацией ведется разработка стратегий по снижению влияния последствий приема наркотических веществ. Зачастую, последствия приема сильно ограничивают возможности и перспективы данного направления социальной реабилитации и сводят его к элементарным навыкам самообслуживания и ручному труду.

В этой работе мы рассмотрели основное содержание конструкта «социальная реабилитация» применительно к сфере социального работы по наркопрофилактике. Очевидно, что данная работа не претендует на всеохватывающее рассмотрение проблемы, однако, нашей задачей было лишь обозначить некоторые сложности и перспективы, возникающие при тщательном рассмотрении столь значимого понятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание населения: термины и определения» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://szn.amurobl.ru/gost/1264162564.02296-31933.pdf. – Дата обращения: 19.11.2014.

2. ГОСТ Р 54990-2012 «Социальное обслуживание населения: реабилитационные услуги лицам, зависимым от наркотических средств, психотропных веществ и алкоголя. Основные виды социальных услуг». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://hand-help.ru/documents/gost_54990-2012_reabilitaciya.pdf. – Дата обращения: 19.11.2014.

3. Государственная программа Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.fskn.gov.ru/pages/main/info/official_information/22132/index.shtml. Дата обращения: 19.11.2014.

4. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf – Дата обращения: 19.11.2014.

5. Гоффман И. Моральная карьера душевнобольного пациента // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал, 2001, № 1. С. 100-141.

6. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Т. 2. М.: АСТ, Вече, 1999. С.294.

7. Иванец Н.Н., Пелипас В.Е., Дудко Т.Н., Цетлин М.Г. Организационно-методические аспекты реабилитации наркологических больных // Наркомания в России - угроза

национальной безопасности страны. М.: Совет Федераций, 2005. С. 80- 92.

8. Илюк Р.Д., Шишкова А.М. Мотивационные и когнитивно-поведенческие вмешательства в реабилитации ВИЧ-инфицированных потребителей опиатных наркотиков с коморбидными психическими расстройствами: Методические рекомендации. СПб.: СПб НИПНИ им В.М. Бехтерева, 2012. С. 56.

9. Интервью председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России Виктора Иванова газете «Коммерсантъ» 19.11.2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/events_main/2014/1119/092633422/detail.shtml. Дата обращения: 19.11.2014

10. Информационно-аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков в I квартале 2014 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml. Дата обращения: 19.11.2014.

11. Лечение наркомании и реабилитация: практическое руководство по планированию и осуществлению [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unodc.org/docs/treatment/Guide_R.pdf. - Дата обращения: 20.11.2014.

12. Михель Д.В. Медикализация как социальный феномен // Вестник СГТУ. 2011. № 4 (60). Вып. 2. С. 256-263.

13. Организация лечебно-реабилитационной среды в практике работы учреждений, оказывающих наркологическую помощь (в стационарных и амбулаторных условиях): Методические рекомендации. СПб.: СПб НИПНИ им В.М. Бехтерева, 2014. С. 30.

14. Приказ Минздрава РФ от 22.10.2003 №500 «Об утверждении протокола ведения больных «Реабилитация больных наркоманией (Z50.3)» [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.hand-help.ru/documents/potokol_reabilit_narko.doc. - Дата обращения: 20.11.2014.

15. Применение наркологического консультирования и краткой психокоррекционной интервенции в комплексной профилактике зависимости от алкоголя в работе бригад первичного звена амбулаторной и стационарной медицинской помощи: Методические рекомендации. СПб.: СПб НИПНИ им В.М. Бехтерева, 2012. С. 26.

16. Психотерапия в лечебно-профилактических учреждениях наркологического профиля (принципы организации, формы и методы работы): Методические рекомендации. СПб.: СПб НИПНИ им В.М. Бехтерева, 2014. С. 52.

17. Словарь терминов, относящихся к алкоголю, наркотикам и другим психоактивным средствам. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 1996. 82 с.

18. Соловьёва З. Обитатели “ночлежки” и других благотворительных организаций в перспективе социологии повседневности [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_solov.htm. - Дата обращения: 20.11.2014.

19. Becker H.S. Becoming a marihuana user // The American Journal of Sociology, 1953, №59 (3). P. 235–242.

20. Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 288.

21. Goode E. Multiple drug use among marijuana smokers // Social Problems, Vol. 17, № 1, 1969. P. 48-64.

22. Harm reduction [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Harm_reduction - Дата обращения: 20.11.2014.

23. Islam M.M., Day C.A., Conigrave K.M. Harm reduction healthcare: From an alternative to the mainstream platform? // International Journal of Drug Policy, 2010, № 21 (2). P. 131–133.

ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ПЕДОФИЛИЯ» КАК ЯРКИЙ ПРИМЕР ПАТОЛОГИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Кононов А.Д.,
магистр юриспруденции, аспирант,
Государственный университет – УНПК

Ключевые слова: педофилия, расстройство сексуального предпочтения, психические расстройства, ограниченная вменяемость, принудительные меры медицинского характера
Key words: pedophilia, disorders of sexual preference, mental disorders, limited sanity, intervention measures of a medical nature

Аннотация. Статья посвящена соотношению правового и медицинского понятия «педофилия» в контексте с новым основанием назначения принудительных мер медицинского характера.

The article is devoted to correlation of the legal and medical concept “pedophilia” in the context of intervention measures.

Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ «педофилия» впервые введена в текст нормативно-правового акта в качестве юридического термина. Отныне педофилия является не только медицинским или социальным, но и правовым понятием. Оно включено в текст уголовного закона (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ), является уголовно-релевантным, и в этой связи необходимо уяснение его смысла и содержания. Учитывая отсутствие легальной дефиниции, определение данного понятия невозможно без обращения к сфере психиатрии, специальной литературе и ведомственным актам в области здравоохранения.

Согласно Международной классификации болезней (МКБ-10) педофилия – это сексуальное предпочтение детям обычно пребуртатного или раннего пубертатного возраста [6]. Для постановки диагноза «педофилия» должны быть соблюдены следующие условия: 1) лицо удовлетворяет общим критериям G1, G2, G3 для части F65 (расстройства сексуального предпочтения) и 2) особым критериям Б, В для F65.4 (педофилии). Общие критерии гласят, что лицу должны быть свойственны интенсивные сексуальные влечения и фантазии, включающие необычные предметы или поступки (G1), лицо или поступает в соответствии с этими влечениями, или испытывает значительный дистресс из-за них (G2), это предпочтение длится минимум 6 месяцев (G3); в особых критериях F65.4 указано, что у лица должно быть предпочтение половой активности с ребенком или детьми пубертатного возраста (то есть специфицируется природа необычных сексуальных влечений и фантазий, упоминаемых в критерии G1), а также, что ему не меньше 16 лет и он минимум на 5 лет старше детей, на которых указывалось в предыдущем критерии [5].

Можно констатировать, что уголовно-правовая норма, выраженная в п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, максимально «медикамизирована», т.к. сконструирована в точном соответствии с диагностическими критериями МКБ-10.

Так, законодательная формулировка «расстройство сексуального предпочтения» соответствует наименованию группы F65 в МКБ-10 и устанавливается по общим критериям G1, G2, G3. Введенное понятие «…(педофилия)…» соответствует коду F65.4 в МКБ-10 и устанавливается по особым критериям Б, В.

Формулировка «совершившим…преступление против половой неприкосновенности…» (согласно прим. к ст. 73 УК РФ к таковым относятся преступления, предусмотренные ст. 131 - 135, 240, 241, 242.1 и 242.2 УК РФ) соотносится с общим критерием G2 «поступает в соответствии с этими влечениями».

Признак «несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста» соответствует особому критерию Б «половой активности с ребенком или детьми пубертатного возраста». При этом потерпевшие в возрасте до 12 лет (примечание ст. 131 УК РФ) – соответствует формулировке МКБ-10 (зеленая книга) «сексуальное предпочтение детям обычно пребуртатного… возраста». Потерпевшие в возрасте от 12 до 14 лет (ч. 3 ст. 134 УК РФ, ч. 2 ст. 135 УК РФ) - формулировке МКБ-10 (зеленая книга) «сексуальное предпочтение детям обычно … раннего пубертатного возраста».

Признак «совершившим в возрасте старше 18 лет» соответствует особому критерию В «и он на 5 лет старше ребенка или детей, на которых указывалось в критерии Б».

В рамках настоящего исследования постараемся ответить на вопрос, насколько обосновано построение уголовно-правовой нормы, определяющего основание назначение принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ), в четком соответствии с диагностическими критериями МКБ-10.

1. Установив признак «старше 18 лет», законодатель фактически исключает возможность назначения ПММХ лицам, страдающим педофилией, но не достигшим совершеннолетия. Как указал Верховный суд РФ «ни пункт «д» части 1 статьи 97 УК РФ,… ни другие нормы не предусматривают возможность назначения принудительных мер медицинского характера страдающим расстройством сексуального предпочтения лицам, совершившим названные преступления в возрасте до 18 лет» [10].

По данному признаку очевидна следующая логика законодателя: если максимальный возраст потерпевшего в «педофильном» преступлении не достигает 14 лет, то минимальный возраст преступника «старше 18 лет». Более того, так определив возраст, законодатель избегал следующего возможного противоречия. Формулировка части 2 статьи 97 УК РФ позволяет отнести расстройство сексуального предпочтения, не исключающее вменяемости, к одной из разновидностей психических расстройств, не исключающим вменяемости. И если вопрос о снижении наказания совершеннолетним лицам, совершившим преступление в состоянии ограниченной вменяемости, до сих пор остается неразрешенным (в судебной практике существуют самые различные подходы), то в отношении несовершеннолетних Верховный суд РФ в п. 14 Постановления Пленума от 01.02.2011 № 1 выразил однозначную позицию: «Психическое расстройство несовершеннолетнего, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания в качестве смягчающего обстоятельства …» [11]. В то же время Федеральный закон от 29.02.2012 N 14-ФЗ, которым введено новое основание на-

значения ПММХ, направлен на усиление уголовной ответственности за преступления сексуального характера. При ином подходе к установлению возраста лица, в отношении которого применяются ПММХ, наблюдалось бы явное противоречие.

Однако при подобном подходе полностью игнорируется, что по медицинским показаниям, по тому же особому критерию «В» педофилия может диагностироваться и у лица, достигшего 16-, 17-летнего возраста, когда его сексуальные побуждения, фантазии, предпочтения направлены на детей в возрасте до 12 лет. Более того, данный критерий (возрастная разница в 5 лет), как и другие диагностические критерии расстройств сексуальных предпочтений, является достаточно условным.

Так, в Преамбуле к МКБ-10 сказано «настоящие описания и указания не несут в себе теоретического смысла и не претендуют на всеобъемлющее определение современного состояния знаний о психических расстройствах. Они представляют собой просто группы симптомов и комментарии, относительно которых большое число советников и консультантов во многих странах мира договорились как о приемлемой основе определения границ категорий в классификации психических расстройств» [6]. То есть диагностические критерии являются относительными, могут варьироваться в зависимости от конкретного психиатрического случая, определенной ситуации, клинической картины. Они не являются непреложными однозначными директивами, требующими неукоснительного использования и применения во всех без исключения случаях. Это не нормативные предписания, и конструирование уголовно-правовой нормы в четком соответствии с психиатрическими диагностическими критериями является малообоснованным.

Мы поддерживаем уголовную политику, не допускающую даже гипотетическую возможность смягчения наказания за преступления сексуального характера, совершаемые под воздействием парафилий и сексуальных девиаций. Однако отсутствие снижения наказания таким лицам не означает, что многие из них (в том числе и 16-, 17-летние) не нуждаются в принудительном лечении, соединенном с исполнением наказания. Если в силу психического расстройства, его этиологии, патогенеза, динамики протекания, возможности рецидива болезни, иным медицинским показаниям, лицо представляет опасность, то к нему необходимо применять принудительное лечение.

Полагаем, что разрешить данную проблему возможно, если, наконец-то, разграничить основание для возможного смягчения наказания и основание для назначения ПММХ с позиции того подхода, который получил обоснование в отдельном исследовании. Согласно такому подходу основанием для учета при назначении наказания (и возможного смягчения) должна являться именно ограниченная вменяемость в единстве медицинского критерия (психическое расстройство) и юридического критерия (неспособность в полной мере осознавать свои действия и руководить ими). Основанием для назначения ПММХ, соединенных с исполнением наказания, является не ограниченная вменяемость, а только общественная опасность лица, совершившего преступление и страдающего психическим расстройством (психическое расстройство, которое связано с опасностью для самого лица или других лиц или возможностью причинения иного существенного вреда).

Включив признак «старше 18 лет» в пункт «д» части 1 статьи 97 УК РФ, законодатель, по сути, помимо возраста уголовной ответственности, предусматривает и возраст применения ПММХ, что является нонсенсом. Юридическим критерием общественной опасности (как основания применения ПММХ) является совершение преступления. Субъектом преступления является лицо, достигшее 16 лет (применительно к ст. 133, 240, 241, 242.1 УК РФ) либо 14-лет (применительно к ст.131, 132), исключение в виде 18 лет предусмотрено в ст.ст. 134, 135, 242.2 УК РФ. Таким образом, если лицо в возрасте 16 лет совершило половое преступление, например, в отношении лица до 12 лет, то оно также помимо наказания может нуждаться в принудительном лечении при наличии медицинских показаний.

Законодатель, определяя подобные критерии, фактически вторгается в область психиатрии, утверждая, что до 18 лет диагностирование педофилии невозможно, а если и возможно, то в применении лечения нет необходимости. Решение подобных вопросов – вопросов диагностики психических расстройств - является прерогативой психиатров, сексологов. Таким образом, законодатель необоснованно ограничивает круг лиц, в отношении которых могут быть необходимы неотложные меры психиатрического воздействия при наличии соответствующих медицинских показаний. Подобный подход противоречит и международным стандартам, рекомендующим применять коррекционные меры в отношении всех несовершеннолетних, совершивших сексуальные посягательства на детей. Согласно п. 3 ст. 16 Конвенции Совета Европы программы или меры оперативного вмешательства должны разрабатываться или адаптироваться таким образом, чтобы «отвечать потребностям развития детей, совершающих преступления сексуального характера, в том числе тех, кто не достиг возраста наступления уголовной ответственности, с тем, чтобы решать проблемы, связанные с их половым поведением» [7]. Среди несовершеннолетних, совершивших сексуальное злоупотребление детьми, наблюдается серьезное снижение уровня рецидива на 72 % в случае, если в отношении них применялось необходимое лечение [4, с. 31].

На основании вышеизложенных аргументов, мы полагаем необходимым исключить признак «в возрасте старше 18 лет» из пункта «д» части 1 статьи 97 УК РФ.

2) Признак «не достигших 14-летнего возраста». В немногочисленных публикациях, посвященных проблеме нового основания применения ПММХ, периодически всплывает вопрос о возрасте потерпевшего от сексуальных преступлений, при совершении которых возможно принудительное лечение: «Почему к лицу, напавшему на ребёнка, не достигшего четырнадцати лет надо применять принудительные меры медицинского характера, а напавшего на шестнадцатилетнего подростка «такие принудительные меры» принимать не стоит. Это лицо не совсем больное?» [3].

В этой связи считаем необходимым более детальное рассмотрение данного вопроса. Применительно к главе 18 УК РФ данный признак разбивается на следующие категории: 1) до 12 лет (примечание к ст. 131 УК РФ), 2) от 12 до 14 лет (ч. 3 ст. 134, ч. 2 ст. 135 УК РФ). В связи с этим в ч.1, 2 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ выделена еще одна категория несовершеннолетних – в возрасте от 14 до 16 лет.

На первый взгляд, все достаточно логично. Согласно МКБ-10 (зеленая книга) педофилия – это сексуальное

предпочтение детям обычно препубертатного и раннего пубертатного возраст. О возрастной границе, которую имели ввиду психиатры, можно судить по тому варианту классификации педофилии, который был предложен в 2009 году при разработке DSM-5 («Руководство по диагностике и статистике психических расстройств» Американской психиатрической ассоциации). В зависимости от возраста (степени полового созревания) объекта сексуального влечения предлагалось выделить следующие разновидности: педофильный тип - влечение к допубертатным детям (11 лет и младше); гебефильный тип - влечение к раннепубертатным детям (11-14 лет). Эфебофилия - влечение к половозрелым подросткам постпубертатного возраста (15-19 лет) [15]. При этом эфебофилия не является разновидностью педофилии и не имеет самостоятельной нозологической единицы ни в МКБ-10, ни в DSM-5.

ФЗ от 27.07.2009 № 215-ФЗ, впервые в истории отечественного законодательства разбивший категорию малолетних на лиц до 12 лет и лиц от 12 до 14 лет (в ст. 134 и 135 УК РФ (в ред. ФЗ от 27.07.2009 N 215-ФЗ)), подвергся вполне обоснованной критике. «Остается очевидным и тот факт, что в научных изысканиях по уголовному праву и криминологии критерий «двенадцатилетний возраст» не нашел своего криминологического обоснования» [2, с.14], преступное посягательство на лиц в возрасте от 12 до 14 лет представляет не меньшую общественную опасность, чем посягательство на лиц в возрасте до 12 лет. Очевидно данный ФЗ находился под влиянием психиатрической науки. Данный ФЗ позиционировался как «антипедофильный», а время его принятия четко совпало со временем вносимых предложений при разработке DSM-5.

Не избежал влияния психиатрии и ФЗ от 29.02.2012 № 14-ФЗ, что выразилось в конструировании уголовно-правового предписания пункта «д» части 1 ст. 97 УК РФ, где возраст потерпевших от «педофильных» преступлений был ограничен 14 годами. Однако насколько обоснованным является такое построение уголовно-правового предписания? Отвечая на поставленный вопрос, следует отметить следующее.

1) В медицине и сексологии не существует четких границ пубертатного периода. Согласно справочнику по сексологии «пубертатный период - это возрастной период, на протяжении которого в организме происходит внутренняя перестройка, завершающаяся достижением половой зрелости, то есть способности к размножению. У юношей период полового созревания колеблется между 12 и 16 годами, у девушек - между 11 и 15» [9]. Другие источники говорят о том, что «период полового созревания занимает около 10 лет и заканчивается к 18 годам» [12, с. 28]. Третьи говорят, что «сроки начала и завершения пубертата…сугубо индивидуальны. Одна девочка в 13 лет уже обладает телом взрослой девушки, другая имеет совершенно детскую фигуру» [8]. При этом практически все исследователи сходятся во мнении, что возраст полового созревания зависит от многих условий. «Различия в развитии выявляются не только между детьми в разных странах, но даже из разных районов одной и той же страны» [12, с. 31].

2) Именно в связи с неоднозначностью границ пубертата, МКБ-10 не имеет возрастных характеристик, выраженных в конкретных числах. Даже если МКБ-11 (планируемая к опубликованию в 2015 году) последует примеру DSM-5 и укажет конкретный возраст объекта сексуальной направленности, не следует забывать, что диагностические критерии имеют рекомендательный характер и определяют лишь общие границы категорий психических расстройств в рамках классификации.

3) Лицо, страдающее педофилией, может совершить преступное посягательство на лицо, формально достигшее 14 лет, но не обладающее признаками половой зрелости (либо объективно - в силу конституции тела или особенностей физиологического развития, либо субъективно – в силу особенностей восприятия самим субъектом преступления). При этом, совершая такое сексуальное посягательство, субъект вполне может действовать в соответствии со своим педофильным влечением. С точки зрения психиатрии важнее не то, в отношении лица какого возраста совершено деяние и как поступает подэкспертный, а в соответствии с какими побуждениями, фантазиями, влечениями он так поступает.

Указание на конкретный возраст потерпевшего имеет принципиальное значение при конструировании составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, как для разграничения общественной опасности преступных посягательств на несовершеннолетних, так и для квалификации по конкретному пункту, части, статье УК РФ и дальнейшей индивидуализации и назначения наказания. Но указание на конкретный возраст потерпевшего не имеет и не может иметь такого же значения в основании назначения ПММХ, неизбежно связан с вторжением в область психиатрии и установлением дискриминационных правил принудительного лечения.

4) Граница между педофилией и эфебофилией является условной. И несмотря на то, что эфебофилия не имеет самостоятельной нозологической единицы, если она вызывает патологические изменения в поведении, то может диагностироваться как F65.8 «Другие расстройства сексуального предпочтения» и 302.9 «Парафилия неуточнённая». Очевидно, такие лица также нуждаются в принудительном лечении, причем содержание такого лечения не отличается существенно от лечения педофилии.

Таким образом, законодатель, вторгаясь в область психиатрии, не дает возможности проведения экспертизы и назначения ПММХ в отношении лиц, совершивших половые преступления против несовершеннолетних в возрасте от 14 лет и старше, необоснованно ограничивая как круг потерпевших от «педофильных» преступлений, так и круг лиц, страдающих педофилией и нуждающихся в принудительном лечении, если такое расстройство представляет опасность для него или окружающих.

В этой связи мы полагаем, что указание на лиц «не достигших 14-летнего возраста» необходимо исключить из пункта «д» части 1 статьи 97 УК РФ, а также из взаимосвязанных с ним норм части 4.1 статьи 79 и части 4 статьи 80 УК РФ.

3. В заключении следует отметить, что выбранный законодателем подход явно указывает на тенденцию патологизации преступности и на перенос акцентов из области права в область психиатрии.

Во-первых, использование в тексте уголовного закона чисто медицинской терминологии («педофилия», «расстройство сексуального предпочтения») формирует в общественном сознании представление о том, что уголовный закон борется не с половыми посягательствами на половую неприкосновенность несовершеннолетних, а с педофилией.

Во-вторых, даже не вопрос использования подобной терминологии является принципиальным. Дело в том, что законодатель выстраивает признаки уголовно-правового предписания в точном соответствии с диагностическими критериями психического расстройства. Признаки правовой нормы могут оказаться не просто соотносимыми с диагностическими критериями психиатрии, а находящимися в корреляционной зависимости от них, когда изменение психиатрических критериев приводит, в конечном счете, к изменению признаков, указанных в уголовном законе (т.е. к снижению возраста сексуального согласия, сокращению возраста потерпевшего, пересмотру возраста беспомощности или иной декриминализации). УК РФ – это система, и указание признаков в одной уголовно-правовой норме неизбежно вызывает необходимость соотнесения их с теми же признаками в других уголовно-правовой нормах.

Диагностические критерии постоянно пересматриваются. Именно поэтому необходимо предостеречь законодателя от некритичного следования за новациями психиатрической наукой (что явно прослеживается в пункте «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ и связано с серьезными просчетами, на которые указано выше).

На протяжении последних лет в психиатрической среде прослеживается однозначная тенденция по депатологизации педофилии. Уже в DSM-5 указывается, что парафилии (необычные сексуальные предпочтения и побуждения) сами по себе психическими расстройствами не являются, а парафильное расстройство диагностируется, если лицо испытывает дистресс из-за своих предпочтений или действует в соответствии с ними. Согласно комментариями DSM-5, если у таких лиц отсутствует чувство вины, стыда, беспокойства из-за своих импульсов, и согласно их сообщениям и юридически зафиксированным историям они никогда не действовали в соответствии с такими импульсами, то такие лица имеют педофильную сексуальную ориентацию, но не педофильное расстройство [14, p. 698]. Правда в последующем АПА сообщило, что указание на педофильную ориентацию следует считать ошибкой и читать как «педофильный сексуальный интерес» [13], но факт остается фактом. В качестве иных примеров депатологизации можно привести следующие отличия от МКБ-10: 1) DSM-5 отверг предложения по выделению допубертатного и раннепубертатного типа педофилии, и относит к таковой только влечение к допубертатным детям (правда расширив возраст допубертата формулировкой «13 лет или младше»); 2) в DSM-5 имеется замечание о том, что педофилия не диагностируется у лиц постпубертатного юношеского возраста, если они имеют длящиеся половые отношения с 12-13-летними [14, p. 697]. Окончательный текст МКБ-11 планируется опубликовать в 2015 году, но уже сейчас в опубликованной бета-версии педофилия заменена на «педофильное расстройство» [16].

Как видим, благодаря самой психиатрии грань, отделяющая психическую норму от нормы социальной, оказывается размытой. В этом контексте уместно вспомнить опыт депатологизации и декриминализации гомосексуализма. Эти процессы во многих странах проходили практически одновременно, а иногда опережая друг друга. Последним шагом стало исключение гомосексуализма из МКБ-10 в 1989 году, что привело к его окончательной декриминализации во многих странах, в том числе в странах постсоветского пространства (1992 – Украина, Эстония, Латвия, 1993 – Литва, Россия, 1994 – Беларусь, 1995 – Молдавия и др.). Мы не призываем вернуться к уголовной ответственности за добровольные гомосексуальные контакты между совершеннолетними. Это лишь один из немногих примеров того, насколько велико влияние психиатрии на формирование установок в общественном сознании. Сначала сексуальная девиация признается психической нормой, затем перестает быть уголовно наказуемой, затем становится социальной нормой, в конечном счете легализуется (например, в форме однополых браков).

Безусловно, решение вопроса о том, что является, а что не является психическим расстройством, не входит в перечень юридических проблем, это сфера компетенции психиатров и сексологов. Но именно в этой связи мы и предлагаем отказаться от выстраивания пункта «д» части 1 статьи 97 УК РФ в соответствии с психиатрическими критериями.

Задача УК РФ не облегчать диагностику психическим расстройств, а предусмотреть адекватные меры уголовно-правового воздействия. Юридической задачей является четкое установление уголовно-правовых запретов, однозначное признание того, что любое сексуальное посягательство на несовершеннолетнего обладает повышенной общественной опасностью, поскольку посягает не только на половую незрелость, но и на нормальное физическое, психическое, социальное, нравственное половое развитие несовершеннолетних, и должно преследоваться по закону, вне зависимости от того, что подтолкнуло субъекта к совершению общественно опасного деяния – психическое расстройство в рамках вменяемости, сексуальная ориентация или сексуальный интерес.

Если же такое лицо страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости, но представляющим опасность для себя или окружающих, то ему могут быть назначены ПММХ, соединенные с исполнением наказания. Вопросу содержания, эффективности и процессуальной стороны принудительного лечения, назначаемого по п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, посвящено отдельное исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова М.И. Новое основание применения принудительных мер медицинского характера // Сборники конференций НИЦ Социосфера. - 2012. - № 26. - С. 23-27.

2. Волков К.А. Пробелы уголовной статистики и ответственности за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. N 5. С. 13 - 15.

3. Греку В. П. Юридическая природа принудительных мер медицинского характера // Молодой ученый. - 2013. - №4. - С. 379-383.

4. Жога Е.Ю., Плюгина И.О. Уголовно-правовые и судебно-психиатрические проблемы применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступления против половой свободы малолетних // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2013. - № 1 (19). - С. 30-33.

5. Классификация психических расстройств МКБ-10. Исследовательские диагностические критерии [Электронный ресурс] // Центр современных психотехнологий :

[сайт]. URL: http://psytech-center.ru/lib/ (дата обращения: 23.07.2014)

6. Классификация психических расстройств МКБ-10. Клинические описания и диагностические указания [Электронный ресурс] // Центр современных психотехнологий : [сайт]. URL: http://psytech-center.ru/lib/ (дата обращения: 23.07.2014)

7. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS N 201) [рус., англ.] (Заключена в г. Лансароте 25.10.2007) (Россия подписала Конвенцию 01.10.2012 (Распоряжение Президента РФ от 25.06.2012 N 276-рп), ратифицировала с оговорками (Федеральный закон от 07.05.2013 N 76-ФЗ). Конвенция вступила в силу для России 01.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 17 февраля 2014 г. N 7. Ст. 632.

8. Короткий В. И. Основы семейной психопедагогики (курс лекций) / В.И. Короткий. - Архангельск: Март, 2003. - 178 с.

9. Люлько А. Справочник по сексологии и андрологии, 1994. [Электронный ресурс] // URL: http://www.medideal.ru/zlsexology/sexology-0921.shtml (дата обращения: 22.07.2014)

10. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.04.2014) [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 02.04.2013) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета, N 29, 11.02.2011; Российская газета, N 74, 05.04.2013.

12. Психофизиологические и медико-социальные аспекты сексуальности у детей: Учебное пособие. Волгоград, 2006 . - 74 с.

13. APA Statement on DSM-5 Text Error. Pedophilic disorder text error to be corrected. American Psychiatric Publishing (31 октября 2013). [Электронный ресурс] // URL: http://www.dsm5.org/Documents/13-67-DSM-Correction-103113.pdf.

14. American Psychiatric Association: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition. Arlington, VA, American Psychiatric Association, 2013. – 947 p.

15. Blanchard R., Lykins A. D., Wherrett D., Kuban M. E., Cantor J. M., Blak T., Dickey R., Klassen P. E. Pedophilia, Hebephilia, and the DSM-V [Электронный ресурс] // Archives of Sexual Behavior. - June 2009. - Vol. 38(3). - P. 335-350. URL: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18686026 (дата обращения: 22.07.2014).

16. ICD-11 Beta Draft (Joint Linearization for Mortality and Morbidity Statistics [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения : [официальный сайт] URL: http://apps.who.int/classifications/icd11/browse/l-m/en#/http://id.who.int/icd/entity/517058174

ВОПРОСЫ ДУАЛИСТИЧЕСКОГО И КООПЕРАТИВНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Костенко Н.И.,
доцент,
кафедра Конституционного и муниципального права,
Государственный университет-УНПК

Ключевые слова: Германия, дуалистический федерализм, кооперативный федерализм, Основной Закон ФРГ
Key words: Germany, dualistic federalism, cooperative federalism, Basic Law for the Federal Republic of Germany

Федерализм как форма решения вопроса о территориально-политической организации общества и разграничения предметов ведения между союзом и входящими в его состав государственными образованиями вызывает особый интерес в силу той роли, которая принадлежит федеративным государствам в современном мире. Несмотря на то, что подавляющее большинство государств мира являются унитарными, немало стран имеют федеративное политико-территориальное устройство. Эти государства расположены на всех континентах. При этом в Западном полушарии федеративные государства занимают более четырех пятых его территории. И хотя за последние десятилетия имел место и распад целого ряда федераций, тем не менее, их численность в мире возросла почти в четыре раза. Многие ведущие эксперты считают, что федерализм является эволюционирующей системой, как бы промежуточным этапом на пути к унитарной системе правления. По мнению Карла Дж. Фридриха, «федерализм можно лучше понять, если рассматривать его как процесс, как развивающуюся структуру взаимоотношений, а не статичную конструкцию, регулируемую жесткими незыблемыми нормами».

Место и значение федерализма в современном мире определяется не только численностью федеративных государств. Внимание к этим проблемам сегодня обусловлено и многими другими объективными обстоятельствами.

Во-первых, многие крупнейшие и влиятельнейшие страны мира - США, Россия, ФРГ, Индия, Канада, Бразилия, Мексика это федеративные государства. Составляя всего лишь 13% общего числа стран нашей планеты, федеративные государства охватывают треть населения и половину территории земного шара.

Во-вторых, за последние десятилетия в мире появились такие страны, которые содержат в своей политико-территориальной организации немало элементов федерализма. Речь идет о регионалистских государствах или государствах автономий, Италии, Испании, Великобритании, Шри-Ланке, которые находятся на стыке с федерациями и процесс федерализации в них продолжается.

В-третьих, в мире происходит как распад старых федераций, так и возникновение новых. В связи с этим есть все основания полагать, что использование принципа федерализма в политико-территориальном устройстве стран мира в дальнейшем будет расширяться.

Федерализм включает в себя как форму государственного устройства в ряде стран так и, в более широком смысле, политическое движение за федеративное устройство. По мнению Даниэля Элазара, одного из наиболее авторитетных и известных исследователей проблем федерализма, «латинский федерализм близок по смыслу древнееврейскому фундаментальному библейскому понятию, означающему соглашение с Богом и одновременно соглашение между людьми, которые строят свои отношения на основе договора». Проще говоря, это выполнение взаимных обязательств[1].

Важным критерием, отражающим особенности федерализма с точки зрения типа связей, является характер и степень взаимосвязанности и взаимозависимости субъектов федеративных отношений в системе разделения государственной власти. С учетом этого критерия выделяются два типа федерализма: дуалистический и кооперативный. Дуалистический федерализм характеризуется строгой фиксированностью в конституции разделения функций и полномочий между федеральной властью и властями субъектов федерации. Суть дуалистического федерализма состоит в разделении власти в федеративном государстве таким образом, чтобы оба уровня управления не зависели друг от друга и обладали самостоятельным статусом, установленным в конституции.

Концепция дуалистического федерализма предполагает двойственность суверенитета в федерации: суверенитет федеративного образования и суверенитет его субъектов[2], что не соответствует реальному положению вещей. По этой причине дуалистический федерализм невозможно воплотить в «чистом виде». Суверенитет является одной из обязательных качественных характеристик независимого государства. Поэтому субъекты федерации не могут обладать суверенитетом, ибо в противном случае их союз был бы конфедерацией. Если государство входит в состав другого государства, то потеря, а не просто ограничение суверенитета, неизбежна. Суверенитет — не просто независимость государства, которая всегда относительна. Суверенитет предполагает их неподчиненность друг другу. Поэтому субъекты федерации, даже обладающие широкими полномочиями, не являются суверенными образованиями[3].

Таким образом, модель дуалистического федерализма в «чистом виде» вряд ли сможет полноценно функционировать. Если оба уровня власти будут «совершенно независимыми друг от друга», то рано или поздно федерация перестанет существовать.

Федеративная Республика Германия является одной из стран, обладающих уникальным опытом построения демократического, правового, социального федеративного государства. «Федерализм, — отмечает известный немецкий

1. Савельев А. Н. Федерализм европейский и федерализм российский – http://www.vasilievaa.narod.ru/ptpu/6_1_02.htm.
2. Фадеева Т.М. Европейский федерализм: современные тенденции / РАН ИНИОН. Центр соц. Науч.- инф. исслед. Отд. ист. наук; отв. ред. А.А. Твердохлеб. М., 2000. С. 7
3. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права М., 1982. С. 50

государствовед М. Боте, — выступает как форма, которая позволяет в границах большого государственного образования сохранять исторически сложившееся многообразие и своеобразие традиций, обычаев и культуры различных групп и слоев населения или наций»[4].

Отношение к государству в Германии традиционно формировалось в рамках двух противоположных политических концепций. Первая из них может быть названа идеалистической или романтической. Её родоначальником многие считают Иоганна Готтфрида фон Гердера, чей центральный постулат состоит в определении нации через культурные детерминанты. Вторая предусматривает развитие государства обусловленое его формулой — «Природа государства – это, во-первых, власть, во-вторых, власть, и в-третьих, тоже власть». Отсутствие собственного национального государства сделало поиски сильной модели государственности в Германии особенно интенсивными.

Уже с начала XIX века, когда формирование необходимых для дальнейшего социально-экономического развития структур федеративного типа затруднялось противоречивыми устремлениями разобщённых княжеств, прослеживается федеративный элемент в государственном устройстве Германии[5].

Элементы федеративного устройства Германии были заложены еще в первой федеральной конституции 1871 г., констатировавшей завершение процесса объединения страны. Этим актом, в частности, предусматривалось создание бундесрата как федералистско-монархического правительственного органа, формирующегося из представителей правительств вошедших в состав объединенной Германии государств. Обладая правом абсолютного вето, Бундесрат тех лет выполнял функции верхней палаты федерального парламента.

В годы Веймарской республики роль федерального органа стал играть Рейхсрат. Полномочия этого политического института, по сравнению с прежним бундесратом, были существенно ограничены. Он был лишен и права абсолютного вето. Созданная в 1871 г. Германская империя сочетала в себе различные традиции и принципы при доминировании прусской государственности, доля прусского населения превышала 60%, а прусский король стал императором Германии. К началу XX века в империи сложилась устойчивая тенденция к унитаризму, при которой понизилось влияние бундесрата и повысилась роль рейхстага как выразителя общих интересов империи[6].

С приходом к власти национал-социалистов Германия превратилась в жестко централизованное унитарное государство. Традиция федеративного развития страны оказалась прерванной. Ее восстановление началось лишь после краха нацистского режима.

Данные теоретические предпосылки, стоявшие у истоков современной германской модели федерализма позволили в дальнейшем реализовать немецкую модель федерализма на уровне органов государственной власти в Германии. Согласно основному закону ФРГ Бундесрат является одним из пяти постоянных конституционных органов страны, наряду с Федеральным Президентом, Бундестагом, Федеральным Правительством и Федеральным Конституционным Судом. Конституция ФРГ определяет, что законы страны принимаются Бундестагом, а Бундесрат призван выполнять контрольные функции, решения Бундесрата призваны играть роль своего рода сдерживающего фактора в случае принятия скоропалительных законопроектов, оказывать влияние на решения бундестага и федерального правительства. По своему статуту имперский бундесрат как центральный союзный орган был равноправен в законодательной сфере имперскому парламенту — рейхстагу. На деле его полномочия были даже шире, поскольку он имел право распускать рейхстаг и устанавливать порядок приведения в исполнение имперских законов. Обладал он и правом законодательной инициативы[7].

«Имея статус органа Федерации и не являясь земельным органом или «земельной палатой» в собственном смысле слова, Бундесрат отражает один из основных принципов федерализма – единство в многообразии»[8].

Современное федеративное государственное устройство, по модели ФРГ, предполагает, что при выполнении своих функциональных задач центр и федеральные единицы взаимно контролируют и дополняют друг друга. В этом взаимозависимом процессе бундесрату отведена роль противовеса своего рода контрвласти по отношению к бундестагу и федеральному правительству. Одновременно он является связующим звеном между Федерацией и землями.[9]

Особое место среди политических институтов, обеспечивающих успешное функционирование германской федеративной системы, занимает согласительный комитет, созываемый по инициативе бундесрата, бундестага либо правительства страны для урегулирования противоречий между этими тремя конституционными органами.

Федеративное государственное устройство в ФРГ имеет в принципе только два уровня: федерация как целое государство и федеральные земли как члены этого государства. Но на практике появился третий, неформальный уровень отношений федерации и земель, который получил название — кооперативный федерализм. Произошло это так. Наряду с горизонтальной самокоординацией земель сложилась практика вертикальной координации по оси федерация — земли, то есть участия федерации в земельном финансировании.

В рамках вертикальной координации создаются различные комиссии, состоящие из представителей федерации и земель. Смещение компетенций в сторону федерации ослабляет федерализм. Сотрудничество предполагалось как здоровая конкуренция, но — кооперативный федерализм выхолащивает её суть. А главное — нарушается принцип субсидиарности, состоящий в том, что государство должно

4. Гоптарёва И. Б. О некоторых сторонах политики взаимодействия разноуровневых структур власти -http://www.orenburg.ru/culture/credo/21/goptareva.html.

5. Бусыгина И. М. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал формирования // Полис, 2000, №5. С. 110.

6. Й. Релинг. Федерализм и демократия. Конституционный порядок в ФРГ // Практика федерализма. М. , 1999. С. 173

7. Кастель Е.Р. Некоторые специфические черты конституционализма в Германской империи 1871 г. — В кн.: Государственное управление и право: история и современность. Т. 1. Л., 1984, с. 108.

8. Макарычев А. С. Регионализм и территориальное устройство в посттоталитарных странах: сравнительные характеристики России и ФРГ -http://www.policy.hu/makarychev/rus2.htm317.

9. Мюллер У. 2002 Федерализм как фактор европейской интеграции -http://www.vasilievaa.narod.ru/ptpu/6_1_02.htm.

брать на себя только те задачи, выполнение которых регионам не под силу.

Германские либералы утверждают: надо снижать благотворительную роль государства, повышать персональную ответственность и пробуждать утраченную инициативу среднего сословия.[10]

Некоторые социал-демократы доказывают необходимость нового урегулирования финансовых выравниваний, ограничив полномочия центра такими сферами, как оборона, правопорядок, права человека, внешняя политика и создание рамочных условий для экологии, экономики и социальной политики, а также существенно ограничить право вето бундесрата.[11]

Правовой основой регулирования федеративных отношений в ФРГ выступают Основной закон страны, Конституции земель, Закон «О финансовой помощи» 1988 г., Закон «Об обеспечении федеральной программы консолидации» 1993 г.

Федеральная система страны, созданная в 1949 г., основывается на американской «дуалистической модели федерализма», подразумевающей равновесие между федерацией и ее субъектами, наделенными особой компетенцией и не вмешивающимися в дела друг друга. Так, земли обрели свои конституции, парламенты и правительства. В законодательной сфере стало труднее ограничивать компетенции земель, нежели во времена Веймара. Конституция требует, чтобы перед заключением международных договоров, затрагивающих условия существования каких-то земель, данные земли были своевременно заслушаны федеральными органами. Земли правомочны принимать законы в той мере, в какой конституция не отводит данное право федерации. Выделенная ст. 74 конкурирующая законодательная компетенция[12] по сути дела отнесена по умолчанию к компетенции земель, за исключением прямо оговоренных Конституцией ФРГ случаев, обозначенных в ст. 72:

- если вопрос не может быть эффективно урегулирован законодательством отдельных земель;

- если регулирование вопроса законодательством земли могло бы нарушить интересы другой земли или всей страны в целом;

- если этого требует соблюдение правового и экономического единства, в частности соблюдение единообразия жизненных условий на территории не одной земли.

Однако центральная власть выступает практически единственным законодателем; законодательство в землях играет гораздо менее значимую роль. «Земли в Германии являются во многом административными единицами, обладающими, правда, очень жизнеспособной демократической структурой со своим парламентом и правительством, опирающимся на парламентское большинство».[13]

Классическая схема «дуалистического суверенитета» была видоизменена в ФРГ. Концепция германского «кооперативного федерализма» основана на идее выгодного сотрудничества центра и субъектов федерации, взаимодополняющих друг друга: федерализм как разделение политической ответственности между правительством федерации и правительствами земель, отношения независимости и сотрудничества, содействия, складывающиеся в процессе формирования национальной политики, основанные на переговорах и компромиссах на каждом уровне управления. Земли и Федерация совместно вырабатывают федеральное законодательство. Так, Основной Закон ФРГ устанавливает ответственность правительств земель за исполнение федеральных законов; Бундесрат наделен правом приостанавливающего вето и правом абсолютного вето в отношении федерального законодательства в случае, когда федеральные законы затрагивают важные интересы земель.

В Германии наблюдается устойчивая тенденция централизации и единообразия законодательного процесса. После 1949 г., в соответствии с поправками к Конституции, роль парламентов земель в сфере законотворчества была сужена. Однако вместе с расширением законодательных полномочий федерального уровня возросла роль правительств земель в процессе обеспечения исполнения федеральных законов, увеличилось число федеральных законов, затрагивающих существенные интересы земель и потому требующих согласия Бундесрата (т.е. представленных в нем правительств земель) до вступления закона в силу. «Конституция ФРГ не содержит специального раздела, регулирующего вопросы федерализма, но она вся пронизана им. Субъекты федерации имеют свою конституцию, законодательство, представительные и исполнительные органы власти, но суверенитетом обладает федерация в целом, а не отдельные земли».[14]

В 1969–1970 гг. были проведены конституционные реформы, в результате которых полномочия земель в сферах высшего образования, экономического развития регионов, сельскохозяйственных структур и береговой охраны были определены как «общие задачи федерации и земель». Основные инвестиционные проекты земель стали финансироваться центром и землями совместно, ибо земли оказались не в состоянии консолидировать финансовоёмкие области политики, играющие важную роль в выравнивании «различий экономических возможностей» или в «улучшении условий жизни» «общества в целом».

Первоначально Основной Закон предусматривал ассигнование доходных статей основных налогов землям или федеральному центру для обеспечения их отдельных обязательств. Собранные налоги могли перераспределяться в ограниченных пределах между центром и землями и между высокодоходными и низкодоходными землями в ответ на изменившиеся условия и потребности. В результате пересмотра Основного Закона в 1950-х гг. и в 1969 г. доходные статьи основных налогов федерации и земель были объединены; устанавливалась сложная система перераспределения налоговых поступлений между федерацией и землями и между более и менее богатыми землями. Эта реформа была нацелена на то, чтобы в конце финансового года земля имела показатель от среднего дохода на душу населения не ниже 95% - «система финансового выравнивания».

10. Бовкун Е. А. Германия в поисках другого федерализма 2004 – http://www.russia-today.ru/2004/no_04/04_parallels_1.htm http://www.orenburg.ru/culture/credo/21/goptareva.html.

11. Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1981с. 50-61.

12. Конституция Федеративной Республики Германии // Конституции зарубежных государств. М., 1999. С. 182–184.

13. Шнайдер Х.-П. Многообразие европейского опыта федерализма // http: //www.isn.rsuh.ru/iu/journal/journal1.2001.

14. Калина В. Ф. Национальные модели. С. 2004.

Введение особого порядка «финансового выравнивания» вызвало немало нареканий со стороны руководителей новых земель, например, видного деятеля ХДС К.Биденкопфа, возглавившего земельное правительство Тюрингии, однако мнение федерального правительства, поддержанное лидерами западных земель, победило.[15]

Некоторые земли обратились в Конституционный Суд в связи с несправедливостью «системы выравнивания». Конституционный Суд осторожно подошел к принятию решений в 1986 г. и в 1992 г. в целях обеспечения солидарности между землями. Некоторые из высокодоходных земель, стали поддерживать идею политики самоуправляющихся земель. Напротив, земли, более слабые в экономическом отношении, были склонны рассматривать федерацию как источник финансовой поддержки. При этом они попадали во все большую зависимость от центра, диктующего политику.

Согласно условиям Договоров об объединении предполагалось, что новые земли приобретут опыт, накопленный в ФРГ. Однако восточным землям не доставало налоговых поступлений для разрешения экономических проблем. После объединения средние доходы от налогов на душу населения к 1992 г. составили лишь 40 % от средних показателей в остальных землях. В новых землях требовалось произвести значительные расходы, особенно в сферах транспорта и связи, городского планирования, защиты окружающей среды и образования. Несмотря на то, что именно новые федеральные земли получают большую часть денежной помощи из кассы Европейского Союза, их положение остается достаточно сложным.

Финансовая слабость новых земель могла вынудить их согласиться признать вмешательство федерального центра в их основные полномочия. Особому риску подвергались полномочия земель в культурной, образовательной, информационной, экономической сфере, а также в областях инфраструктуры и городского планирования. Разделение Восток – Запад угрожало сплоченности, необходимой для эффективного сотрудничества земель с федерацией. После объединения новым землям пришлось самостоятельно формулировать политику по вопросам школьного и высшего образования, социального обеспечения, торговли с Восточной Европой и бюджета.

Интеграция новых земель на востоке обострила угрозы «кооперативному федерализму». В процессе дискуссии 1990 г. были выработаны основные принципы участия земель в реформировании федерации по условиям объединения. Однако земли не воспользовались полномочиями, предоставленными им в процессе реформ и упустили возможность стать эффективным противовесом федерации. Расхождение интересов, углубившееся после объединения, оказалось непреодолимым, и земли не смогли согласованно реагировать на возникающие проблемы. Договоры об объединении 1990 г. предписали проведение дискуссий по вопросам реформы федеративной системы. Они велись в конституционной комиссии – органе Бундесрата, которая направляла предложения в совместную комиссию Бундестага и Бундесрата. В отличие от формализованного паритетного процесса принятия решений, вопросы «финансового выравнивания» обсуждались в процессе параллельных межправительственных переговорах между федерацией и землями.

Под термином «кооперативный федерализм» немецкие юристы обозначают сложившийся в Германии особый механизм взаимодействия союза и земель, основанный на координации деятельности[16]. Он функционирует в форме постоянных конференций премьер-министров и соответствующих министров земель и федерации, проводимых не реже одного раза в год, в ходе которых вырабатываются совместные постановления, программы и иные акты, нацеленные на решение наиболее сложных и актуальных проблем[17].

Особенностью германского кооперативного федерализма является введение неизвестного американскому праву понятия конкурирующей компетенции властей федерации и земель. Как считает К. Хессе, кооперативный федерализм в Германии есть общая формула более совершенного сотрудничества между федерацией, землями и общинами, которая задается институтом конкурирующей компетенции. Осуществляемое на основе четкой концепции и координации сотрудничество может содействовать необходимому в современном социальном государстве единообразному и эффективному выполнению государственных задач, не приводя к централизации[18].

Кроме того, федеративное государственное устройство ФРГ в качестве неписанного принципа конституционного права включает также требование «доброго поведения» со стороны земель к федерации. Согласно этому принципу, конституция требует от федерации и земель не только внешней корректности в выполнении их государственно-правовых обязанностей, но и постоянного поиска и налаживания добрых, дружеских отношений с федерацией[19].

Федеративная проблема в Германии не выглядит столь противоречивой, как в России. В отличие от нашей страны, отдельные субъекты ФРГ не добились особых льгот и привилегий, не стали заключать отдельные федеративные договоры, хотя финансовая помощь центрального правительства была далеко не одинакова для всех них. Земли стремились добиться уступок от центра, образовывали коалиции, в отличие от России, где каждый субъект федерации, как правило, выступал один на один с центром.

Федеративный строй в Германии имеет глубокую конституционную традицию, которая была прервана только унитарным государством национал-социалистов в 1933–1945 гг. Федерализм оправдал себя, учитывая особенности и проблемы регионов. Федеративное государство призвано, прежде всего, обеспечивать свободу. Земли принимают участие в законодательном процессе: главы правительств земель представлены в верхней палате парламента – Бундесрате. Немецкий федерализм связывает между собой внешнее единство и внутреннее многообразие, аналогично федерализму США и Швейцарии. Сохранение регионального многообразия – традиционная задача федерализма.

Федеративное государство укрепляет и демократический принцип, обеспечивая полицентризм власти и поли-

15. Витковский О.В. Федерализм против централизма. Некоторые политико-географические аспекты и проблемы воссоединенной Германии. — В кн: Вопросы экономической географии зарубежных стран. М., 1992, с. 91-92.

16. См.: Государственное право Германии. М., 1994. С. 83; Вальтер Р. Проблемы федерализма в Федеративной Республике Германия // Современный немецкий конституционализм. М., 1994. С. 16.

17. См.: Ледях И.А. Федерализм и демократия. На форуме юристов. Из выступления Г. Винер // Государство и право. 1992. № 4. С. 144.

18. См.: Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 123.

19. Там же. С. 138.

тическую активность на местах. Граждане воздействуют на политический процесс, участвуя в выборах в своей земле. Именно реализация полномочий на решение вопросов на региональном уровне воспитывает у граждан и должностных лиц ответственность за свою жизнь, деятельность своего предприятия, за развитие своего города.

Федеративное устройство Германии учитывает различные мажоритарные соотношения в регионах. Оппозиционная на уровне федерации партия может иметь большинство в землях и тем самым брать на себя политическую ответственность в процессе управления.

В распоряжении федеративной системы также имеются такие методы придания динамики общественному и политическому развитию, как экспериментирование в узкой сфере и состязание земель. Модель в рамках одной земли, будучи результативной, может быть перенесена на другие земли.

Все перечисленные достоинства дали германскому федерализму жизнеспособность, но вопрос о разграничении полномочий центра и субъектов федерации особенно важен для определения формы системы организации управления. Германский Основной Закон основан на идее «кооперативного федерализма». В отличие от американской, «дуалистической модели», где Конституция ограничивается установлением исключительной компетенции центра и передачей всех остальных полномочий субъектам федерации, Основной Закон Германии предусматривает «презумпцию компетенции» земель, регламентирует две сферы законодательной компетенции – исключительного федерального законодательства и конкурирующего законодательства федерации и земель.

В области совместного законодательства круг случаев вмешательства федерации четко определен, федерация также уполномочена на издание рамочных законов. Однако в условиях состояния обороны федерация в Германии фактически превращается в унитарное государство, где центр получает максимум законодательных и исполнительных полномочий. Присоединенные к Германии земли попадают в прочную финансовую зависимость от федерации, поэтому принцип «кооперативного федерализма», несомненно, будет несколько видоизменен. Но серьезные разногласия заинтересованных сторон до сих пор не привели к поправкам конституционно-правового принципа. Тщательность разработки проектов, которые могут повлиять на отношения между землями и федерацией и на отношения между землями, высокая культура политического спора, стремление к взаимовыгодному и мирному разрешению противоречий интересов гарантируют стабильность системы «кооперативного федерализма» в Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1.Конституция Германской империи от 16 апреля 1871г. /Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVIII-XIX в.в. - М.,1957. С 268-269.

2.Веймарская конституция от 11 августа 1919 г./ Хрестоматия по новейшей истории.- Том I. 1917-1939.- М. 1960, Lhotta, Roland, Kilper, Heiderose. Foederalismus in der Bundesrepublik Deutschland. Kursenheit 1-3. FernUniversitaet. Hagen, 1992.

3.Федеральный закон «Для унификации земель с рейхом» от 31 марта 1933./ Lhotta, Roland, Kilper, Heiderose. Foederalismus in der Bundesrepublik Deutschland. Kursenheit 1-3. FernUniversitaet. Hagen, 1992.

4.Федеральный закон «О новом устройстве государства» от 30 января 1934 года./ Deutschland. Informationen zur politischen Bildung. Leitender Redakteur Horst Poetzsch. Neudruck.1992.

5.Франкфуртский документ №1/ Lhotta, Roland, Kilper, Heiderose. Foederalismus in der Bundesrepublik Deutschland. Kursenheit 1-3. FernUniversitaet. Hagen, 1992.

6.Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. в ред. Федерального закона от 27 октября 1994 года./ Конституции иностранных государств-. М., 2001.

7. Бовкун Е. А. Германия в поисках другого федерализма – http://www.russia-today.ru/2004/no_04/04_parallels_1.htm.

8.Бидекопф К. Федерализм и социально-экономическое развитие// Мировая экономика и международные отношения. - 2001. -№3.

9.Бланкенагель А. Распределение компетенции между федерацией и землями. // Государство и право.- 2003.- № 3.

10.Бусыгина И. М. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал реформирования // Полис. - 2000. -№5.

11.Васильев В.И. Некоторые аспекты современной дискуссии о германском федерализме// Политические исследования. - 2000. - №1.

12.Васильев В.И. Современный германский федерализм: политические реалии и проблемы развития. / В.И. Васильев Дисс… док. пол. наук. - М., 2001

13. Гоптарѐва И. Б. О некоторых сторонах политики взаимодействия разноуровневых структур власти –http://www.orenburg.ru/culture/credo/21/goptareva.html.

14.Кастель Е.Р. Германский федерализм: историко-правовое исследование(1849-1990 г.г.). / Е.Р. Кастель. Дисс. докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1998.

15. Макарычев А. С. Регионализм и территориальное устройство в пост-тоталитарных странах: сравнительные характеристики России и ФРГ –http://www.policy.hu/makarychev/rus2.htm317

16. Мюллер У. Федерализм как фактор европейской интеграции – http://www.vasilievaa.narod.ru/ptpu/6_1_02.htm

17. Савельев А. Н. Федерализм европейский и федерализм российский – http://www.vasilievaa.narod.ru/ptpu/6_1_02.htm

ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Кочеток Н.Г.,
аспирант,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
Средняя общеобразовательная школа № 474

Ключевые слова: включение, включение инклюзивное образование,
преимущества инклюзивного образования, проблемы инклюзивного образования
Key words: inclusion, inclusion, inclusive education, the advantages of inclusive education, problems of inclusive education

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об основных понятиях инклюзивного образования. В этой связи изучаются плюсы и минусы инклюзивного образования в современном социуме. Автор обосновывает актуальность инклюзивного образования и выделяет важные аспекты в подготовке специалистов инклюзивного образования.

The article discusses the basic concepts of inclusive education. In this context, examines the pros and cons of inclusive education in modern society. The author substantiates the relevance of inclusive education and highlights the important aspects in the training of specialists of inclusive education.

Система образования в России не первое десятилетие находится в состоянии модернизации. Накоплено много разного опыта, но в целом преобразование носило несколько дискретный характер, было больше направленно на совершенствование форм и методов преподавания, нежели на создание единой по идеологии концепции, способной объединить инновационные устремления педагогического сообщества. В целом, идеология инклюзии может стать «точкой сборки» инновационных процессов в образовании, отвечая современным целям: повышение качества образования и его доступности.

Постановка вопроса о создании в России системы инклюзивного образования является исключительно важной. Например, только в Москве живет 24 тысячи детей-инвалидов, которые в своем большинстве нуждаются в том, чтобы стать полноценными членами общества. По большому счету инклюзивное образование — это результат развития идей гуманизма, основывающихся на исключительной ценности человеческой личности, ее уникальности, праве на достойную жизнь каким бы ни было ее физическое состояние, праве на обладание всеми ценностями современной цивилизации.

Общеизвестно, что человек — существо социальное. От того, как формируется социум, как в нем воспринимается человек с ограниченными возможностями, как он вписывается в общество и какое место в нем занимает, зависит ни много ни мало духовное состояние и здоровье самого общества. С этой точки зрения успешное введение инклюзивного образования возможно лишь в обществе, обладающем здоровой нравственной основой. Но процесс этот взаимозависимый. Существование инклюзивного образования, в свою очередь, укрепляет нравственное здоровье общества. В этом плане перед современной Россией стоит немало проблем.[5]

Что же такое инклюзия и инклюзивное образование?

Инклюзивное образование (фр. Inclusif - включающий в себя, лат. Include - заключаю, включаю) — процесс развития общего образования, который подразумевает доступность образования для всех, в плане приспособления к различным нуждам всех детей, что обеспечивает доступ к образованию для детей с особыми потребностями. Инклюзивное образование стремится развить методологию, направленную на детей и признающую, что все дети - индивидуумы с различными потребностями в обучении. Инклюзивное образование старается разработать подход к преподаванию и обучению, который будет более гибким для удовлетворения различных потребностей в обучении. Если преподавание и обучение станут более эффективными в результате изменений, которые внедряет инклюзивное образование, тогда выиграют все дети (не только дети с особыми потребностями).

Понятие «инклюзивность» (из англ. языка «inclusive» — включающий в себя) всё чаще находит отражение в сфере современного образования. Содержание образования заключается не только в системе полученных знаний и приобретенных умений и навыков, но и в усвоении социального опыта общения, накопленного за всё время существования человечества. А это значит, что получить качественное образование, доступное уровню развития – законное право любого ребенка, независимо от его религиозной и расовой принадлежности, физических, умственных, языковых и других особенностей. В этом и заключается понятие «инклюзивное образование», то есть включение в общеобразовательную среду всех детей с особыми потребностями, позволяющее ощутить им свою общественную значимость и добиться определенного социального статуса.

Сложившаяся отечественная система образования не в полной мере удовлетворяет условиям социальной адаптации каждого ребенка с особенностями личностного развития, тем или иным образом, выделяющимся из большинства. Такому ребенку зачастую трудно объяснить необходимость посещения специализированных учебных учреждений отдельно от своих друзей. Находясь в изоляции от социума, дети с особыми потребностями часто не имеют возможности получить приемлемый уровень образования, а также лишены возможного полноценного общения. Посещение обычных общеобразовательных школ наравне со своими сверстниками, применение педагогами определённых психолого-педагогических и методических приемов при обучении позволяет «особым» детям в полной мере реализовать свои способности и достичь успехов в учебно-образовательном процессе в соответствии с их развитием.

Рассмотрим основные плюсы инклюзивного образования.

Основное преимущество инклюзивного подхода в обучении — это создание гибкой образовательной среды, удовлетворяющей каждого ребенка, соответствующей индивидуальным интеллектуальным, физическим и психическим потребностям. Несомненным плюсом для общества является интеграция и социализация детей с ОВЗ

(ограниченными возможностями здоровья). Но главное, к чему призывают сторонники совместного обучения, – это искоренение дискриминации и воспитание толерантности: дети, получающие инклюзивное образование, учатся милосердию, взаимоуважению и терпимости. Итогом внедрения такой методологии должно стать улучшение качества жизни учащихся в целом и тех из них, кто относится к социально-уязвимым группам.

Рассмотрим проблемы инклюзивного образования в условиях современности.

Мировая практика подобного обучения не выявила никаких отрицательных последствий ни для детей с ограниченными возможностями, ни для их соучеников, но на данный момент в российских реалиях существует ряд препятствий к внедрению инклюзии. Они носят как объективный, так и субъективный характер. В первую очередь, многие школы и, более того, педагоги не готовы к изменениям в традиционных формах, принципах и методах обучения. Ключевой проблемой в развитии инклюзивного образования является подготовка кадров. Создавая единую образовательную вертикаль в своем округе (детский сад — школа —центр), объединяющую детей от младенчества до школы, надо накопить практический опыт профессиональной подготовки специалистов для инклюзивного образования, опираясь на реальный запрос педагогов. При этом основные затруднения педагоги испытывают как раз в навыке дифференциации учебных планов, программ, методических подходов в организации инклюзивного обучения. Помимо этого, современное положение дел в образовании создавало объективные трудности в адекватной подготовке кадрового потенциала для инклюзивных образовательных учреждений. Выявлены основные неразрешенные проблемы, препятствующие развитию инклюзивного образования:

- несовершенная образовательно-организационная система школ, проблемы управления инновационным процессом инклюзии в условиях слабого нормативно-правового обеспечения (инклюзивное образование возможно лишь в тех образовательных учреждениях, где есть гуманистическая идеология, принят командный стиль работы, есть административная воля лидера к принятию инновационных подходов в образовании);
- неподвижность стандартов образования (давно приняты, не учитывают современных запросов общества, не ориентируются на реальный портрет современного ребенка и разнообразие его образовательных потребностей);
- слабое методическое обеспечение (учебники ориентированы на накопление академических знаний, не учат решать реальные жизненные проблемы, самостоятельно работать с информацией, не учитывают различный уровень способностей учеников, трудно дифференцировать учебный материал под потребности учеников);
- непроработанность вопросов финансового и нормативно-правового обеспечения инклюзивного процесса (парадокс: подушевое финансирование ребенка с ограниченными возможностями зависит от типа школы, которую он выбирает, — в коррекционной оно значительно выше, нежели в инклюзивной).

Участвуя в подготовке специалистов для инклюзивного образования, можно выделить некоторые аспекты, важные для эффективного роста профессиональной компетентности педагогов. Конечно, необходимо дать классический (минимальный или углубленный) блок знаний об отклоняющемся развитии и основах коррекционной работы. По окончании курса педагог должен быть сориентирован по основным аспектам нозологии дефекта и ознакомлен с возможностями коррекционной педагогики. Помимо классического блока знаний об отклоняющемся развитии важно учесть принципиально новые подходы к повышению квалификации педагогов. Важным аспектом подготовки кадров являются интерактивные формы обучения, включая тренинги, педагогические консилиумы, открытые обсуждения стратегии сопровождения ребенка, культурологические дискуссии и прочее. Так же помимо этого, было бы идеально, если бы подготовка специалистов имела модульный принцип компоновки курса обучения, могла быть гибко изменена под реальные запросы профессионалов, была бы рассчитана на различные уровни глубины освоения знаний. Немалую роль в вопросе успешного внедрения инклюзии играет консервативность общества и, в частности, косность взглядов родителей здоровых детей, которые часто выступают против того, чтобы их дети учились вместе с инвалидами. Нелегко преодолеть и материальные трудности – многие школы попросту не оборудованы для нужд детей с ОВЗ.

На государственном уровне нет пока четких правовых и экономических норм для инклюзивного образования. Тем не менее именно это направление признано приоритетным во многих российских основополагающих документах.

Обратимся к проблемам, с которыми сталкиваются участники образовательного процесса на начальном этапе внедрения инклюзивного образования:

Психологические проблемы учителей:

Идея инклюзивного образования действительно займет свое место в образовательном процессе только в том случае, если она овладеет умами учителей, станет составной частью их профессионального мышления. Требуются специальные усилия, чтобы это произошло. Опыт внедрения инклюзивного образования показывает, что учителя и другие специалисты не сразу начинают соответствовать тем профессиональным ролям, которые требуются для данной формы обучения. Они проходят несколько стадий: начиная с явного или латентного сопротивления, переходя к пассивному, а затем и к активному принятию происходящего. Специалисты испытывают страх: «Смогу ли я сделать это?» Они боятся не справиться и потерять работу, боятся ответственности, боятся рисковать. Страх и неуверенность также связаны с тем, что специалисты боятся, что не будут полностью контролировать происходящее, что им придется просить о помощи учеников, родителей или педагогов, тем самым, признав, что они не имеют ответов на абсолютно все вопросы. Советы, которые дают в таких случаях, просты: нужно делать свое дело, несмотря ни на что. Следует посмотреть в лицо своим страхам и продолжать работать, несмотря на них, тогда они станут меньше и отдалятся. ««Выжившие» после проведения реформ рассказывают, что в течение нескольких недель они испытывали страх, а затем, как по волшебству, он проходил. Но в данном случае речь идет о правах человека, и идти навстречу переменам мы должны все равно. Понятно, что в такой кризисный период людям нужна поддержка. И все же урок, который был извлечен из первых опытов, таков: нужно посмотреть в лицо страху и отвести взгляд; назвать его по имени и идти дальше».

Проблемы, которые возникают у «обычных» детей и их родителей:

Родители детей, которые развиваются типичным образом, иногда высказывают опасение, что присутствие в классе детей, которые требуют особой поддержки, может задерживать развитие их собственного ребенка. Однако же, опыт показывает обратное. Успеваемость детей, которые развиваются типичным образом, не падает, а часто их оценки оказываются даже выше в условиях инклюзивного образования, чем в обычном классе массовой школы. Имеются свидетельства, согласно которым школы, наиболее успешно включающие и обучающие детей с ограниченными возможностями, в то же время оказываются самыми лучшими для всех остальных детей. И наоборот: самые лучшие школы для всех детей являются лучшими и для детей с ограниченными возможностями. В отношении поведения, социального развития и успехов в учебе, особенно в разговорной речи, достижения детей, обучающихся в школе, придерживающейся инклюзивной формы образования, значительно выше. А отношение сверстников к нетипичным детям напрямую зависит от наличия твердой позиции взрослых и климата в классе в целом. Наблюдения американских специалистов показывают, что те, кто, до школы посещал детские сады вместе с детьми с ограниченными возможностями, относились к ним спокойнее и с большим пониманием, чем даже учителя, впервые начавшие работать с ними. [3]

Возникает вопрос: может ли Россия решить эту проблему к 2015 году, когда предполагается достичь выполнения целей развития тысячелетия в образовании для всех? Насколько реально в сегодняшней России реализация идеи инклюзивного образования, то есть реализация Программы ООН «Образование для всех»? На этот вопрос однозначно ответить непросто. Россия находится в стадии глубокой общественно-политической трансформации. Эта трансформация происходит бурными темпами и содержит в себе как позитивные, так и негативные стороны. Без понимания тех и других сложно понять перспективы реализации в России одной из важнейших программ мирового сообщества, какой является программа «Образование для всех».

Таким образом, инклюзия – это процесс развития предельно доступного образования для каждого в доступных школах и образовательных учреждениях, формирование процессов обучения с постановкой адекватных целей всех учеников, процесс ликвидации различных барьеров для наибольшей поддержки каждого учащегося и максимального раскрытия его потенциала. Следовательно, учитель нового типа должен не только владеть соответствующими профессиональными психолого-педагогическими умениями, но быть личностью подлинной гуманитарной образованности, способной понимать современную социокультурную ситуацию в стране, обладать высокой нравственной культурой, видеть смысл собственной жизни в служении ребенку, людям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Интеграция детей с ограниченными возможностями в образовательный процесс. Начальная школа Авторы-составители: Возняк И.В. / Годовникова Л.В. Издательство: Учитель, 2011 с 87

2. Валицкая А.П. Инклюзивное образование как образование для всех / А.П. Валицкая, В.А. Рабош // Инклюзивное образование: проблемы совершенствования образовательной политики и системы: материалы междунар. конф. 19–20 июня 2008 г. – Санкт–Петербург, 2008. – С. 72–78.

3. Грозная Н. Включающее образование: история вопроса, современное положение дел, международный опыт // Материалы официального сайта Совместного проекта ЕАР / Джойнт «Интеграция детей со специальными потребностями в еврейскую общину г.Москвы». Режим доступа: http://school.msk.ort.ru/integration/index.php?p=teor_Voivspdmo

4. Интегрированное и инклюзивное обучение в образовательном учреждении. Инновационный опыт Авторы-составители: Соколова В. Р. / Седегова А. Н. / Наумов А. А. Издательство: Учитель, 2013 с.147

5. Инклюзивное образование: российская специфика В. С. Шилов Москва, Россия, Инклюзивное образование: проблемы совершенствования образовательной политики и системы: Материалы международной конференции. 19–20 июня 2008 года. — СПб.: Изд-во РГПУим. А. И. Герцена, 2008. — 215 с.

6. Инклюзивное образование [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/инклюзивное_образование. - Загл. с экрана.

7. Инклюзивное образование в России. Постановка вопроса [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.radugazvukov.ru/istok_audio_trading/ special/articles_for_specialists_in_t/detail.php?ID=1969. - Загл. с экр

ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ И ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ

Кузнецова Ю.В.,
аспирант,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
ГБОУ СОШ № 189 «Шанс» Центрального района Санкт-Петербурга

Ключевые слова: социализация современных подростков, социально-культурная деятельность как способ социализации, внеурочная деятельность, социокультурное пространство образовательного учреждения, проектирование субъектно-субъектных отношений, индивидуальный маршрут развития и гражданская позиция современного школьника
Key words: socialization of modern teenagers, welfare activities as a way of socialization, extracurricular activities, sociocultural space of educational institution, design of subject-subject relationship, individual way of development and civil position of modern students

Аннотация. В статье показан и раскрыт социокультурный потенциал внеурочной деятельности как способа и процесса социализации современных подростков. Теоретические аспекты проблемы раскрыты в практико-ориентированной деятельности различных клубных объединений образовательного учреждения через проектное и интерактивное взаимодействие в разновозрастном сообществе педагогов и школьников.

This article shows sociocultural potential of extracurricular activities as a way and process of socialization of modern teenagers. Theoretical aspects of the issue are shown in the practice-focused activities of various clubs of educational institution through project and interactive cooperation in the multi-age community of teachers and students.

Стратегической целью государственной политики в области образования является повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина.

Федеральный государственный образовательный стандарт требует от ученика не суммы знаний, а умения ставить познавательные цели, говорить, писать, слушать, искать и перерабатывать информацию, формулировать вопросы, вступать в диалог, определять способы взаимодействия и сотрудничества в процессе деятельности, выявлять проблемы в общении и находить способы их решения, осуществлять моральный выбор, исходя из социальных и личностных ценностей, в конечном итоге – умения ориентироваться в стремительно меняющемся мире.

Таким образом, сегодня ученик – центр образовательной системы, а главная задача школы – выявление его потенциала и формирование индивидуальности, что, как показывает опыт, наиболее успешно происходит при условии интеграции урочной и внеурочной деятельности.

Как правило, на уроках работают по единой программе, общей для класса, в котором очень разные ученики. Именно внеклассная работа, более свободная и по содержанию, и по форме, даёт возможность самореализации учителю и ученику как взаимодействующим творческим субъектам.

Учитель видит и изучает ученика в учебном процессе, но именно во внеурочной деятельности он имеет больше возможностей узнать о его интересах, предпочтениях, проблемах, которые его занимают. В совместной творческой деятельности ярко выступают личности ученика и учителя и им легче лучше узнать друг друга.

Внеклассные занятия дают возможность и требуют установления «зоны актуального развития», особой для каждого ученика. Отсюда прочерчивается маршрут в «зоны ближайшего развития» (Л. С. Выготский), разные для разных подростков.

Также во внеурочной деятельности реализуется одна из основных потребностей подростка – потребность в поддержке и положительной оценке его деятельности, его достижений «значимыми взрослыми» или сверстниками, о чём в своё время писал ещё К. Д. Ушинский, утверждавший, что успешная деятельность всегда приятна ребёнку и воспитатель должен позаботиться о том, чтобы доставить ему такой успех в той области деятельности, в которую он его хочет ввести [1]. Действительно, переживая ситуацию успеха, подросток осознаёт свои возможности, обретает веру в себя, что повышает уровень самоуважения и качество самооценки, вследствие чего развивается его позитивная «Я-концепция», формируются новые более мощные мотивы деятельности, поэтому одной из задач внеклассной работы является построение психологически безопасной для подростка развивающей среды, в которой целенаправленно создаётся ситуация успеха.

Такая среда формируется в школьных клубах по интересам.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова даётся следующее толкование: клуб – «общественная организация, объединяющая людей на основе общности, сходства, близости интересов, занятий»[2].

В Российской педагогической энциклопедии детские и подростковые клубы рассматриваются как общественные организации, добровольно объединяющие группы детей в целях общения по интересам, а также для отдыха и развлечения детей и подростков[3].

Мы будем рассматривать клуб как добровольное объединение участников образовательного процесса – учащихся, педагогов и других «значимых взрослых» с целью осуществления разнообразной познавательной, творческой и проектной деятельности, направленной на развитие творческих способностей, социализацию и формирование гражданской позиции.

Клуб «Вдохновение» ГБОУ № 189 «Шанс» Санкт-Петербурга объединяет учащихся, увлечённых литературным творчеством, и имеет несколько направлений работы: развитие творческих способностей, участие в проектах и конкурсах разных уровней, издание школьной газеты «Твой шанс», сбор материалов и проведение экскурсий по школьной экспозиции, посвящённой поэту-блокаднику Юрию Воронову. В этой разнообразной деятельности происходят социализация и становление гражданской позиции

подростка, развивается мотивация к познавательной деятельности в соответствии с его увлечениями и интересами.

На занятиях клуба обсуждаются новинки русской и зарубежной литературы, что даёт возможность через осмысление круга чтения и направленности интересов учащихся выстроить индивидуальную программу чтения, которая поможет войти в зону ближайшего развития, а впоследствии - выбрать приоритетные направления деятельности и, возможно, даже будущую профессии.

Участники клубного объединения знакомятся и с основами журналистики. Каковы особенности публицистического стиля речи? Что такое статья, новостная и информационная заметка, очерк, эссе, репортаж и фоторепортаж? Как написать путевые заметки или отзыв о книге, фильме, спектакле? Придумать интересный, необычный, привлекающий внимание читателя заголовок? Как работать с источниками информации? Взять интервью? Что такое макет издания? Ответы на эти и многие другие вопросы, возникающие в процессе издания школьной газеты, учащиеся получают на занятиях клуба в процессе знакомства с историей развития газетных жанров, лучшими образцами журналистского творчества, а также участвуя в мастер-классах, в том числе во время ежегодного городского обучающего семинара по школьной журналистике, проводимого Ассоциацией гимназий Санкт-Петербурга, наконец, в практической деятельности по созданию школьной газеты.

Необходимо подчеркнуть, что знания, полученные в процессе деятельности и жизненно необходимые для её осуществления, усваиваются быстрее и являются более прочными, чем те, усвоение которых не мотивировано и затем не востребовано в практической деятельности. «Безвопросное» обучение приводит к тому, что знания не усваиваются учеником и не могут впоследствии применяться в деятельности. Часто причина этого - в попытке дать ответ на вопрос ещё до того, как этот вопрос возник в сознании ученика, и поэтому ответы ему не нужны. Знания не востребованы учащимся – следовательно, не происходит процесс «присвоения» этих знаний. М.М. Бахтин утверждал, что смысл - это ответ на вопрос[4]. Эта идея Бахтина подробно разработана в философско-педагогической концепции Библера [5] и нашла своё воплощение в школе диалога культур[6], основанной на обучении в системе диалога.

Следуя выстраиваемым с помощью учителя или иного «значимого взрослого» индивидуальным маршрутам развития, увлечённые журналистикой учащиеся - участники клубного объединения - могут попробовать себя не только в традиционных, но и в новых, порождённых временем формах творческого самовыражения, например, таких как блог.

Блог становится всё более значимым источником информации и новостей о политической, экономической, общественной и культурной серах жизни страны и мира (согласно данным онлайн-опроса MASMI Russia , проведённым в январе 2010 года, уже тогда он являлся таковым для 18,5% опрошенных) [7]. По данным статистики, уже сейчас более 50 % блогеров считают себя журналистами [8].

Существует даже мнение, что примерно к 2020 году блоги придут на смену СМИ. В пользу этого говорят такие преимущества блогов перед традиционными СМИ, как «многочисленность «корреспондентов»» и, следовательно, «возможность получить разностороннюю информацию, исходящую непосредственно от очевидцев, таким образом «составляя себе интегральную картину происходящего из многих точек зрения»», «независимость и объективность», отсутствие редактуры, а также географических и временных границ (в блоги люди пишут откуда и когда угодно), возникающая благодаря этому многомерность информационной картины; бесплатность контента для читателей»[9]. Блог даёт и гораздо больше возможностей для осуществления «обратной связи», чем традиционные СМИ.

Участникам клуба было предложено попробовать себя в роли блогеров, размещая записи на стене своей страницы социальной сети «ВКонтакте». Читатели этого подобия блога – а среди них не только члены клуба – охотно делятся с автором (авторами) своей информацией, пишут гостевые посты и активно комментируют прочитанное, тем самым превращаясь из читателей в авторов. Можно согласиться с высказыванием российского исследователя интернет-журналистики Романа Жолудя: «Аудитория перестает быть аудиторией, она становится основным производителем информации»[10].

Возможно, популярность блогов среди участников клубного объединения объясняется не только их активной ролью в создании контента, но и тем, что блог предоставляет им широчайшие возможности для общения, самопрезентации, саморазвития, рефлексии, а также имеет психотерапевтический эффект.

Вызывает интерес подростков и участие в различных Интернет-проектах. Например, в международном Интернет-проекте «Диалог культур», посвящённом Году культуры в России, основной целью которого было воспитание у молодёжи восприятия культуры и традиций народов России и разных стран мира в духе взаимопонимания и взаимоуважения.

Работая в рамках проекта над эссе «Я с удивлением узнал, что …» учащиеся 8 класса Сирадж Исмаилов и Андрей Радевский рассказывали о ещё недавно не знакомых им национальных традициях, обычаях и культуре стран мира, вызвавших их удивление. Этот творческий опыт дал многое для самопознания и развития мировоззрения учащихся: осмысляя культурные традиции народов мира, отличающиеся от привычных с детства, и знакомясь с размышлениями других участников проекта, подростки включились в межкультурное общение, осознали, что каждый из них является «иным» по сравнению с представителями других народов и стран и в то же время через осмысление и понимание настроились на диалог с другой культурой, проявляя чуткость и интерес к иной ментальности и иерархии ценностей, иным традициям и образу жизни, воспринимая их в тесной взаимосвязи с собственным видением мира и культурным опытом. Андрей Радевский стал дипломантом конкурса эссе проекта «Диалог Культур», рассказав в творческой работе о турецких традициях гостеприимства, сравнивая обычаи турецкого и русского народа, иллюстрируя свои наблюдения пословицами и поговорками, в которых заключён опыт поколений. К участию в этом проекте клуб «Вдохновение» привлёк также учащихся младших классов. Они представили свои рисунки в номинации «Пословица недаром молвится»

Интерес участников клубного объединения вызвал и проект «Книга, помогающая выжить…», посвященный 70-летию полного снятия блокады Ленинграда и организованный Центральной городской детской библиотекой

им. А.С. Пушкина г. Санкт-Петербург. Познакомившись на сайте библиотеки с рассказами блокадных детей о книгах, которые помогли им выжить, современные подростки постарались рассказать о прочитанном ими, о тех книгах, которые могли бы помочь их сверстникам в сложной жизненной ситуации. Проект заинтересовал учащихся восьмого класса Анну Кокунову и Андрея Радевского. Анна писала о фантастическом романе братьев Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста»», объяснив свой выбор тем, что «эта книга учит … прислушиваться к сердцу и к голосу своей совести и принимать решения, поставив себя на место тех, кому трудно, кому нужна твоя помощь, кто тебе доверяет. Она может помочь принять решение в трудной жизненной ситуации». Андрей выбрал малоизвестную широкому кругу читателей книгу, написанную его учителем М.Б. Лебедевой «Одна жизнь. Памяти мамы…». Начав эссе с рассказа о себе, с того, с какими жизненными трудностями пришлось столкнуться ему самому (они связаны с серьёзными проблемами со здоровьем), Андрей признался, как часто у него опускались руки, когда он сталкивался с проблемами в учёбе и спорте, как часто он уставал от необходимости вновь и вновь усилием воли заставлять себя «быть как все», чтобы продолжать учиться на «4»и «5», не просить и не искать снисхождения к себе со стороны учителей и сверстников, продолжать заниматься спортом, и как книга его учителя поддержала его в стремлении не опускать руки, продолжать бороться с обстоятельствами. Прежде чем посоветовать обратиться к книге М.Б Лебедевой другим подросткам, Андрей на собственном опыте убедился, что она заставляет по-новому взглянуть на собственные проблемы, сравнивая их с теми, которые выпали на долю блокадных подростков, среди которых была и героиня книги Любовь Лебедева (Закатова), снова и снова убеждаясь в том, что нет таких преград, которые не смог бы преодолеть человек, если будет всеми силами стремиться к этому. В данном случае участие в проекте послужило катализатором рефлексии и самоанализа, играющих одну из ключевых ролей в самопознании и самовоспитании подростка. Важным для автора оказалось и то, что прочитанная им книга «рождает чувство сопричастности к героическому прошлому нашего города и страны», «гордость за то, что я петербуржец, ленинградец»: «Больше всего прочитанная мною книга поразила меня тем, что в ней описана жизнь близких мне и родных людей, тех, кого я хорошо знаю с раннего детства. Описаны места, где я бывал – Нарвский проспект, Троицкий Собор. И всё это - не сценарий художественного фильма, не исторический роман, повествующий о вымышленных событиях, всего лишь похожих на реальность, и о превратностях судьбы вымышленных литературных персонажей. Это сама жизнь, судьбы простых людей, тех, кто живёт рядом с нами. Они пережили и видели своими глазами важнейшие события истории нашей страны. Каждая страница их биографии оказывается значимой и помогает понять, как из человеческих судеб складывается история нашего Отечества».

Именно такое видение истории и осмысленное подростком «чувство сопричастности» к героическому прошлому становится прочной основой патриотизма.

Желание старшеклассников участвовать в Интернет-проектах в немалой степени определяется тем обстоятельством, что «продукты» их творческой деятельности - рисунки, отзывы о прочитанном, эссе - размещаются во Всемирной сети, становятся доступными многочисленной аудитории пользователей ПК, что важно для подростков.

На занятиях клуба происходит расширение кругозора и развитие творческих способностей учащихся. Каждое такое занятие состоит из нескольких «блоков» (обычно их 2-3, реже 4):

- теоретической части (знакомит с жанрами журналистики, конкретными приёмами журналистской работы);

- мини-дискуссии (даёт возможность свободно высказывать свою точку зрения и учит аргументировано и корректно по отношению к оппоненту отстаивать её),

- работы за компьютерами (позволяет получить практические навыки набора и редактирования текста, вёрстки и т.д.),

- игры (в т.ч. деловой игры), практической работы (создание собственных журналистских или литературных текстов);

- творческой части (тренинги «Окно», «Метафора», «Ассоциации» и другие)[11]. Разнообразие форм и содержания работы помогают поддержать интерес членов клуба к литературному творчеству, избежать рутины и скуки.

Пристального внимания к художественным способностям и наклонностям юных авторов и повышению уровня их писательского мастерства требует и работа над конкурсными сочинениями.

Интересные результаты с точки зрения художественной формы и содержания были получены в процессе работы над сочинениями к конкурсу «Мой нравственный правовой выбор».

Обсудив на уроках в 8-11 классах принятые правительством РФ меры, направленные на борьбу с коррупцией, учитель обществознания А.В. Моисеева в качестве домашнего задания предложила учащимся творчески изобразить разные способы борьбы с коррупцией. Подростки рисовали плакаты, делали коллажи. Кто-то задумал написать сочинение, эссе. Члены клуба «Вдохновение», узнав о том, что в конкурсе «Мой нравственный правовой выбор» есть и литературная номинация «Сказка против коррупции», загорелись идеей написать именно сказку, совместив выполнение домашнего задания с конкурсной работой. Сказки получились разные: у восьмиклассницы Анастасии Гавриловой – почти народная «Колобок против коррупции», у учениц 10 класса Ольги Дрозд и Валерии Большаковой – сатирическая и почти философская «Сказка про то, как Коррупцию победить», у Владислава Кузнецова из 8А – весёлая, с мягким юмором «Про Кощея и меч-леденец». Чтобы создать сказку, нужен был высокий уровень правовых знаний, способность анализировать происходящее вокруг, индивидуальное видение проблем, стоящих перед современной Россией, осознание их как личностно значимых.

По условиям конкурса автор должен был не только продемонстрировать правовые знания, но и предложить свой рецепт борьбы с коррупцией. Заметим, что ни один из авторов работ даже «ради красного словца» не нашёл для взяточников ни одного доброго слова и каждый дал свой рецепт победы над коррупцией в «одной, отдельно взятой стране»:

«И порешили они так: тех, кто взятки берёт, на самые тяжёлые работы направлять, чтобы они на себе почувствовали, каким трудом, с потом и кровью, копейка трудовая добывается. А ещё имена мздоимцев на центральной площади оглашать, чтобы все знали: вот идёт бесчестный

человек, взяточник. И в законе прописать, чтобы всё до последней копеечки, что нечестно нажито, государственной казне отходило и на пользу честных людей государством направлялось. И чтобы пока не отмолит свои грехи судья неправедный или чиновник государственный, не устоявшие перед искушением, не было бы им прощения! А чья вина перед людьми велика – тех в острог сажать с ворами да убийцами, пока не раскаются и вину свою не искупят». (О. Дрозд, В. Большакова)

«Главное – неотвратимость наказания!» (В. Кузнецов)

«Думаю, и в реальной жизни победить коррупцию можно именно так: проявив незаурядную смекалку, прислушиваясь к голосу собственной совести, следуя родительскому наказу: никогда не брать и не давать взяток». (А. Гаврилова)

Следует обратить внимание, что хотя в основе сказки традиционно лежит вымысел, каждый из подростков так или иначе связывал происходящее в сказке с реалиями современной жизни. Особенно ярко эта связь прослеживается в сказке учениц 11 класса, которую они закончили так:

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Так и борется честный люд с коррупцией до сих пор. И конца-края этой борьбе не видно».

Так творческий посыл, возникший на уроке, находит индивидуальные формы воплощения во внеурочной деятельности. В какой-то мере избранная литературная форма определяется литературным образцом, но творчески перерабатывается в соответствии с интересами учащегося, эстетическими предпочтениями и уровнем сформированности его литературного вкуса. Востребованность знаний по различным учебным дисциплинам в творческой деятельности меняет отношение юного автора-учащегося к его индивидуальной урочной деятельности, является стимулом развития мотивации к учению. Одно дело – изучение сатирических сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина на уроке, где они могут и не вызвать интереса учащегося, но несмотря на это, он всё равно будет должен прочитать и проанализировать их с точки зрения «художественных средств» и «приёмов создания сатирических образов». И совсем другое – необходимое самому подростку для личностно-ориентированной деятельности проникновение в творческую лабораторию талантливого писателя-сатирика, автора «Сказок для детей изрядного возраста» Михаила Ефграфовича Салтыкова-Щедрина, чтобы «подсмотреть» используемые автором художественные приёмы и добавить их в собственную «творческую копилку»… В последнем случае возникает не традиционное «безвопросное» обучение, а личностно-значимый для подростка процесс присвоения знаний, инициированный осознанием своего «незнания» и последующими вопросами, ответы на которые ему жизненно необходимы. А инициируется этот процесс во внеурочной деятельности.

Среди разнообразных культурных сфер, в которых пробуют себя дети, есть и школьный музей. В 2008 году при поддержке Санкт-Петербургской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» в школе была создана экспозициия, посвящённая поэту - блокаднику Юрию Воронову, в прошлом – ученику 189 школы, автору поэтических сборников «Белые ночи», «Блокада», «Метроном», «Долгое эхо», в которых поэт очень сдержанно, просто и правдиво рассказал о блокаде Ленинграда как очевидец тех далеких трагических событий. Она расширила музейное пространство школы (музей, рассказывающий о военной судьбе подводных лодок типа «С» Краснознамённого Балтийского флота, легендарной «С-13» и её командире Герое Советского Союза А.И. Маринеско, работал в ней к тому времени уже несколько десятилетий) и активно используется во внеурочной деятельности. Юные экскурсоводы из клуба «Вдохновение» проводят экскурсии по экспозиции, рассказывают о ленинградском поэте-блокаднике, читают его стихи. Происходит «подключение» к истории страны и города, подростки ощущают себя звеном в исторической цепи времён, а не «Иванами, не помнящими родства» Это важный шаг по пути взросления и социализации.

Клуб «Вдохновение» часто выступает в роли организатора разнообразной внеурочной деятельности, связанной со школьным музейным пространством. Это не только экскурсии для учащихся и гостей школы, но и подготовка и проведение линеек к памятным датам, конкурсов рисунков и плакатов, создание творческих и исследовательских работ, подготовка к конференциям и, конечно же, организация и проведение встреч с ветеранами-блокадниками. Такие встречи вызывают неизменный интерес учащихся. Созданные участниками клуба с использованием материалов школьной экспозиции «Поэт-блокадник Юрий Воронов», а также воспоминаний блокадников и книг о блокаде Ленинграда творческие и исследовательские работы стали основой специального «блокадного» номера школьной газеты «Без нас эта память мертва». На ежегодном городском конкурсе школьной прессы в 2014 году газета «Твой шанс» стала победителем за серию публикаций, посвящённых ленинградской блокаде.

Члены клуба есть и среди победителей районного конкурса творческих и исследовательских работ «Выстоял, сражался, победил», посвящённого 70 годовщине полного снятия блокады Ленинграда (Это учащиеся 8 и 10 классов Валерия Большакова, Андрей Радевский, Ксения Макаровская , Ольга Дрозд, Денис Яковлев), и среди победителей посвящённой тому же историческому событию городской акции «Блокадная ласточка» (Ксения Макаровская , Ольга Дрозд, Денис Яковлев). Отрывки работ победителей конкурса прозвучали на Пискарёвском мемориальном кладбище в канун Дня Победы, лучшие работы были вручены ветеранам-блокадникам на праздничном концерте в концертном зале «Октябрьский».

Возможность деятельности, которая осознаётся подростком как не только интересная и отвечающая его индивидуальным запросам, но и социально-значимая, способствует формированию позитивной «Я-концепции».

Экскурсионная, творческая и исследовательская деятельность участников клуба «Вдохновение», тесно связанная с музейным пространством школы, способствуют сохранению исторической памяти, духовно- нравственному развитию подростков, формированию гражданской позиции.

В работе клуба принимают участие подростки разных возрастов, обучающиеся в разных классах. Опыт показывает, что организация разновозрастного взаимодействия в подростковом коллективе имеет большой воспитательный потенциал (младшие видят и осознают возможности и перспективы личностного роста, старшие – социальную ответственность, что меняет психологический микроклимат в школе и создаёт позитивную направленность социализации), способствует разностороннему развитию лич-

ности подростка, формированию позитивной активности и в то же время – удовлетворению разнообразных индивидуальных запросов в социально-значимых, личностно-ориентированных видах деятельности. В разновозрастной среде активно реализуются собственные потенциальные возможности подростка, создаются благоприятные условия для развития организаторских умений.

Участвуя в творческих конкурсах или проектной деятельности, подростки ощущают необходимость связей и контактов не только с учителем, но и с другими взрослыми людьми, выступающими в роли консультантов, экспертов и т. д. Это открывает новые направления деятельности, помогает нестандартно, по-новому увидеть жизненную перспективу, порой даже выбрать профессию, выводит за пределы довольно ограниченного школьного мира.

Работа над школьной газетой побуждает осмыслять проблемы, искать пути их решения, что приводит к более тесному общению с учащимися разных возрастов, учителями и родителями. Газета – возможность осмысления происходящего вокруг, понимания того, как функционируют средства массовой информации, расширения круга общения, в который включаются горожане, представители общественности, учащиеся разных классов, администрация школы. Всё это ускоряет процесс социализации личности.

В этих разнообразных видах и проявлениях свободной, неформальной внеурочной деятельности и есть самый перспективный путь социализации. На этом пути вместе с учеником, помогая ему понять самого себя, осмыслить волнующие его проблемы, наметить перспективы развития, оказывается учитель.

Создавая в образовательном учреждении единое социокультурное пространство, где соседствуют школьный музей и клубы по интересам, разнообразная проектная деятельность и издание школьной газеты, современный учитель отвечает на вызовы времени, меняя образовательную парадигму с «субъектно-объектной» на «субъектно-субъектную» [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шарков А.С., Захаревич Е.В. Петербургская земская учительская школа: Живой опыт работы в духе идей К.Д. Ушинского; 2-е изд, доп. – СПб.: Нестор-История, 2012. С. 172

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка под редакцией Н.Ю. Шведовой. – М., 1986. С. 278

3. Российская педагогическая энциклопедия. – М.: Русский язык, 1999. С. 446

4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества – М.: Искусство, 1986. С. 369.

5. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. М.: Политиздат, 1991.

6. Курганов С.Ю. Ребёнок и взрослый в учебном диалоге. М.: Просвещение, 1989.

7. Отчёт по России по результатам 17-й волны проекта «ОнЛайн Монитор». С.22 /http://www.onlinemonitor.ru/files/images/Report_autu...

8. Блоги заменят СМИ? http://russia.blog.nimbuzz.com/2010/04/23/blogi-zame...

9. Артур Вельф. Удовлетворение социального влечения // Деньги. 2008. № 40 (697). С. 13 окт. http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1038254.

10. Роман Жолудь. Журналистика и вызовы Веб 2.0 // http://journ.elsu.ru/jourpro136.htm.

11. Школа диалога культур: Идея. Опыт. Проблемы. Кемерово: АЛЕФ, 1993.

12. Андреев О., Комсосольцева Н. Школьный клуб журналистики. – Школьное планирование, № 6 , 2012. С. 114-115

13. Севостьянова Н.В. Деятельность школьного клуба как условие формирования готовности подростков к межкультурному общению. – Мир науки, культуры, образования № 5 (30) 2011

14. Тимофеева Г. Блоги: журналистика будущего? Научно-культурологический журнал № 14 (287)

15. Паладьев С., Интеграция учебной и клубной деятельности в воспитательной системе общеобразовательной школы. - Воспитательная работа в школе, № 2, Февраль 2012, С. 70 -73

16. Горшкова В.В. Межсубъектная педагогика: тенденции развития. – СПб.: ИОВ РАО, 2001, 256 с.

ГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Матвеев А.П.,
старший преподаватель,
институт иностранных языков,
Московский городской педагогический университет

Ключевые слова: японский язык, эмотиконы, невербальная коммуникация, паралингвистика, культуры высокого контекста, культуры низкого контекста, псевдографика
Key words: japanese language; emoticons; nonverbal communication; paralinguistics; high context cultures; low context cultures; pseudographics; ASCII art

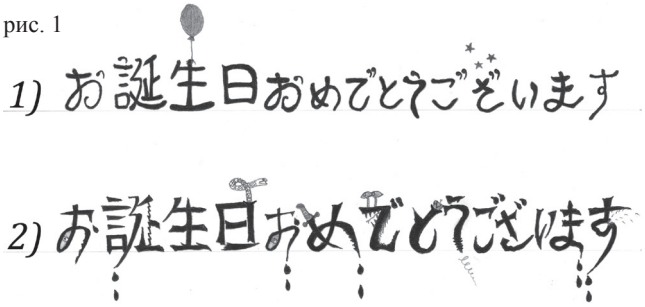
Аннотация. Данная статья освещает современное состояние использования паралингвистических средств общения в японской лингвокультурной среде. В статье даётся обзор самых распространённых на сегодняшний день графических средств невербальной коммуникации, приводятся примеры самых употребительных японских эмотиконов, объясняются причины появления псевдографики именно в эпоху компьютерного набора. Автор подтверждает состоятельность теории Эдварда Холла о высококонтекстуальных и низкоконтекстуальных культурах применительно к общению в Интернете.

This article elucidates modern condition of the use of paralinguistic communication means in the Japanese lingvo cultural environment. The article is notoriously understandable even for those not dealing with Japanology. It gives a survey of the most widespread graphic means of nonverbal communication as of today. The examples of the most often used Japanese emoticons are given. The reasons of pseudographics' appearance just at the era of computer typesetting are explained. The theory of Mr. Edward Twitchell Hall concerning cultures of high and low context is confirmed in its consistence for the Internet communication.

Паралингвистические средства общения (далее – ПСО) – это невербальные, неязыковые средства. Выделяют три основных вида ПСО: фонетические (разного рода звукоподражания и прочие звуки), кинестетические (жесты и мимика) и графические (о которых пойдёт речь в этой статье).

Графические ПСО представляют собой некоторые особенности почерка или шрифта, графические дополнения к знакам письменности, заменители этих знаков, фон текста и др., но чаще всего – сконструированные из знаков препинания изображения, служащие для выражения эмоций или состояний говорящего простым способом, не требуя долгих объяснительных предложений. В случае с выражением эмоций графические ПСО также именуются эмотиконами (от англ. *emotion*).

рис. 1

Сначала остановимся на менее распространённых вариантах графических ПСО, перечисленных выше.

Особенности почерка и начертания. Здесь имеется в виду та составляющая рукописного текста, которая передаёт некую семиотическую прагматическую информацию, не являясь при этом словами или знаками препинания; это письменная невербальная коммуникация. В качестве примера можно привести фразу お誕生日おめでとうございます (перев.: С днём рождения), написанную в двух вариантах:

Сразу видно, что второй вариант не вполне соответствует содержанию. Хотя все символы, входящие во фразу, написаны одинаково верно, как и сама фраза, но внешний вид (невербальная составляющая) вносит весомый вклад в то, как читатель её воспринимает. Этот пример является самым ярким. Конечно, чаще можно встретить более тонкие различия. Множество особенностей почерка, такие как наклон, жирность, использование цвета и др., в своей совокупности, в немалой степени влияют на перцепцию реципиента.

Другой разновидностью графических ПСО можно назвать и особенности шрифтового дизайна, которая отличается от предыдущей тем, что здесь рассматривается уже не рукописный, а компьютерный или типографский текст. Приведем примеры:

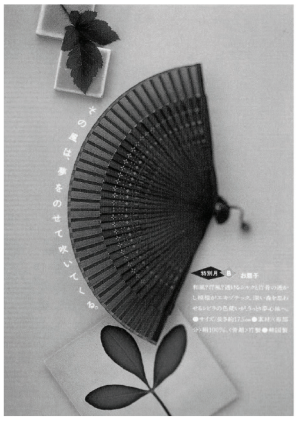

рис. 2 [5]

рис. 3 [5]

На рис. 2 показан пример окружения текстом контура рисунка, а на рис. 3 – пример разбросанного расположения знаков. Что несёт читателю невербальная составляющая на этих примерах? Окружение контура рисунка текстом создаёт красивый эффект, подчёркивая стиль и делая акцент именно на веере, а не, скажем, на трёх красных лепестках.

Вербальная составляющая подтверждает акцент на веере: «Этот ветер приносит с собой мечту», имеется в виду ветер от веера. Нечёткое расположение знаков письма на втором примере невербально передаёт нам ощущение лёгкости восприятия текста ещё до его прочтения. О том же говорит нам и сам текст, который можно перевести как «Синий ветер и станцевавший полдень».

Графические дополнения к знакам письменности – это ещё один вариант графических ПСО. Примеры можно увидеть на рис. 1. – шарик и звёздочки в первом варианте написания; змея, глаза, зубы и кровь – во втором варианте. Такие графические дополнения призваны ещё более усилить эффект от выбранного варианта написания (или шрифта). Их существование и эффективность обусловлены, по-видимому, тем, что они сразу бросаются в глаза, т.е. читатель воспринимает их (как и гарнитуру шрифта или способ написания от руки) раньше, чем содержание текста, лишь в следующую долю секунды читается сам текст. Если текст большой, то доля секунды превращается в несколько секунд. Иными словами, чем больше текст, тем дольше проходит времени, прежде чем человек переключится с созерцания графических невербальных элементов на непосредственно чтение.

Подвидом этих ПСО можно считать персонифицированные знаки письма, когда к знаку добавляются некие элементы (руки, ноги, глаза, рот и др.), служащие для того, чтобы читатель воспринимал этот знак как живое существо. Этот способ нередко применяется в рекламе или в детских книжках и пособиях.

Ещё один вид графических ПСО – заменители знаков письменности (например, букв). Однако в случае с японской письменностью термин «буква» не применим: здесь либо знак азбуки, либо иероглиф. Под заменителями знаков письма понимаются знаки или изображения, ставящиеся на место знака письма, замещая его собой, и похожие на него по внешнему виду. Например:

рис. 4 [1]

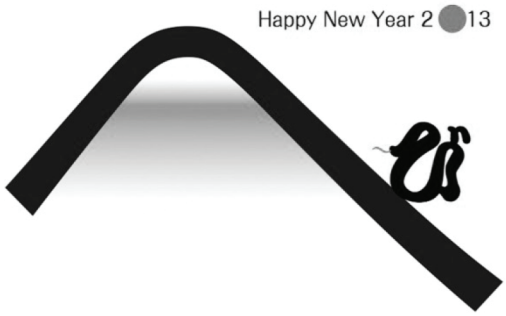

рис. 5 [3]

На рис. 4 написано слово うなぎ (угорь). Первый знак в слове (う) изображён в виде угря, что придаёт слову большую выразительность и полноту восприятия. На рис. 5 изображено слово へび (змея), в котором знак び стилизован под змею.

Нередко встречается и другой вид графических ПСО – использование фона текста как носителя невербальной информации. В этом случае идея фона дополняет идею текста. Например, у текста о самурайских мечах может быть ненавязчивый фон, на котором изображены мечи или сами самураи. Или, например, краткий очерк о географии Японии может по краям текста содержать небольшие изображения, представляющие различные знаковые для Японии природные объекты: гору Фудзи, цветущую сакуру, внутреннее Японское море (Сэтонайкай), заснеженный остров Саппоро, жаркую Окинаву, озеро Бива, волну цунами и другое.

Вышеописанные варианты графических ПСО, несомненно, интересны сами по себе и заслуживают отдельных исследований. Но поскольку они встречаются реже, а их суть в меньшей степени специфична для японской лингвистической среды, то далее следует поговорить об эмотиконах – ведь именно они ассоциируются с термином графические ПСО.

В России эмотиконы стали известны под названием «смайлики» (от английского глагола *to smile* – «улыбаться»). Первым эмотиконом было сочетание двоеточия и закрывающей круглой скобки, что, будучи повёрнутым на 90 градусов по часовой стрелке, давало примитивное изображение улыбающегося лица. Однако понятия эмотикон и смайлик неидентичны: термин смайлик, как ясно из его этимологии, обозначает передачу разного рода улыбок, посредством пунктуационных и других знаков; эмотикон шире, он передаёт не только улыбки, но эмоции вообще.

Такое языковое явление, как эмотиконы – это яркий пример отражения эмоций в письменном языке. В подавляющем большинстве случаев эмотиконы изображают человеческие лица. Они появились вместе с введением в обиход компьютерного набора, а когда появилась возможность обмениваться электронными письмами, они обрели ещё больший размах во всех странах, где такая возможность была. Но японцы, заимствовав это явление, как и в других случаях какого-либо заимствования, внесли в него свой неповторимый колорит.

Стоит отметить, что, в японских эмотиконах, как и в графике анимэ, почти никогда не изображается нос. Кроме того, японские эмотиконы не просто являются другими по порядку использования печатных символов (скобок, точки, точки с запятой, двоеточия, слеша, обратного слеша и др.), но и обладают очень интересной особенностью – читаются вертикально, а чтобы прочитать американские смайлики, необходимо мысленно переворачивать их по часовой стрелке на 90 градусов. Возможно, это указывает на сообразительность, в известной мере присущую японцам, чьё мышление, в силу своей нестандартности, способно генерировать весьма интересные идеи. В японских эмотиконах нередко можно увидеть в вертикальном изображении более детальные лица, чем это принято в западной культуре и субкультурах. В приведённых ниже примерах есть эмотикон, изображающий машущую руку рядом с лицом, что означает приветствие. На находчивость японцев указывают и довольно интересные идеи в плане графической

семантики: многие привычные нам символы предстают в непривычном виде. Приведём некоторые примеры. Так, знак подчёркивания символизирует рот, звезда Астериск – покраснение на щёках, вертикальные линии (штамбы) букв Т передают идею, что слёзы текут рекой (в отличие от одной слезинки, которая обозначается знаком «запятая»), знак процента обозначает двоящиеся от долгого созерцания монитора глаза, угловые скобки похожи на сузившиеся от злости глаза и др.

Изображение	Значение
^_^	улыбка
^_-	подмигивание
^^	улыбка через силу
;_;	плач
(T_T)	горький плач
v_v	грусть
o_o	удивление
V_v	неприятное удивление
O_O	большое удивление
O_o	очень большое удивление
_	фанатение
@_@	обалдение
>_<	злость
-_-	болезнь
+_+	смерть
%_%	после ночи за компьютером
*^_^*	покраснение от смущения
(-.-)Zzz…	сон
(^_^)/~~	приветствие

Табл. 1. Самые распространённые японские эмотиконы, *изображающие человеческие лица,* и передающие соответствующие эмоции [2]

Многие штампы взяты из традиций анимэ и манга. Например, самый распространённый японский эмотикон «^_^» – это классика японской мультипликации и комиксов, так изображается простая улыбка. Штамп здесь – это глаза в виде знаков «^». Другой распространённый штамп – глаза в виде крестов, традиционно символизирующие смерть.

В Японии эмотиконы обозначаются термином каомодзи (顔文字), т.е. буквально «лицевые знаки» или «знаки, изображающие лица». Однако не всегда эмотиконы изображают человеческие лица.

Изображение	Значение
=^_^= или =^.^=	кошка
^..^	свинья
\/o_o\/	краб
_@/\	улитка
}}i{{	бабочка
><>	рыба
x_x	зомби, живой мертвец
Y(O,,,,O)Y	Ктулху[1]
(x(x_(x_x(O_o)x_x)_x)x)	живой среди зомби

Табл. 2. Некоторые японские эмотиконы, изображающие животных и мифических существ

Существуют и другие эмотиконы, используемые реже. Это дизайнерские варианты, во многом основанные на графическом восприятии текстовых символов (в большей степени, чем классические). Такие эмотиконы не требуют особого подхода и классификации по той причине, что они не являются стабильными, то есть могут меняться от автора к автору (своеобразная графическая окказиональная дивергенция).

Изображение	Значение
(_)>	маленькая округлая кофейная чашка
[_]?	большая чашка для чая или кофе
(_)3	пивная кружка
()~~~()	наручники
****	зима
<)	кусок пиццы

Табл.3. Примеры дизайнерских (авторских) эмотиконов

Как целое направление в использовании эмотиконов можно выделить т.н. псевдографику[1] – использование текстовых литер и знаков пунктуации для формирования сложных графических изображений. Псевдографика позволяет передавать более детальные изображения и избегать, таким образом, многозначных трактовок. Но её сложность и использование более одной строки ограничивает сферу применения псевдографики и фактически выделяет её в обособленную группу. Псевдографику можно считать одним из видов современного искусства, объединяющего человека, письмо и компьютер. Приводимое ниже посредством знаков пунктуации изображение сидящего зайца – один из примеров псевдографики. сидящий заяц.

(___/)
(='.'=)
(")_(")

Конечно, псевдографика технически вполне могла существовать и до появления компьютеров, даже до типографий, но в силу ряда причин широкое распространение она получила лишь в современную эпоху всеобщей компьютеризации. Среди этих причин можно отметить следующие:

1. Основной причиной, по-видимому, является всеобщая доступность компьютерного набора: когда возможность печатать появилась в каждом доме, вероятность проявления творчества резко возросла.
2. С появлением компьютеров знаки можно было не только вводить, но и стирать, набирая новые, а также перемещать блоки текстов, изменять форматирование и т.д., что способствовало более быстрому реагированию пользователей на изменения текста (а это, в свою очередь, давало импульс творческому мышлению).
3. Кроме того, благодаря быстрому форматирова-

1. и далее псевдографика рассматривается как разновидность общего понятия эмотиконы, а не как его противоположность.

нию, некоторые сочетания знаков могли появиться случайно, что натолкнуло на мысль об уже намеренном использовании символов в качестве элементов графики.

Сегодня псевдографика представляет собой полноценную творческую субкультуру. К примеру, для создания псевдографических картинок уже появились специальные инструменты – программы автоматического конвертирования настоящей графики в псевдографику (особенно хорошо они работают с чёрно-белыми изображениями), а также есть специальные программы, создающие кадр за кадром мультфильмы, в которых все кадры – это картинки псевдографики.

Особенно интересно рассмотреть эмотиконы применительно к различию между так называемыми «культурами с низким контекстом» и «культурами с высоким контекстом». Эти различия ввёл в 1976 году американский антрополог, невербалист и один из создателей техник НЛП Эдвард Холл [4]. Согласно его идее, культуры с низким контекстом – это те народы, которые большую часть коммуникативной информации передают в словах и неких определённых знаках. Такие народы более логичны, линейны, чётко изрекают свою мысль, открыто выражают недовольство, а недосказанность считают признаком недостаточной осведомлённости. И напротив, культуры с высоким контекстом – это те, которые в большой степени используют невербальные аспекты коммуникации, опираясь на контекст и предполагая, что собеседник сможет понять мысль, даже несмотря на недостаточную логичность ее выражения. Такие культуры имеют тесные связи среди членов группы, а каждый индивид знает то, что знает и каждый другой (т.е. широко используется т.н. апелляция к всеобщему мнению). Им свойственна и близка невербальная коммуникация, скрытая манера речи, умение говорить глазами, отсутствует открытое выражение недовольства.

Согласно этой классификации, японцы однозначно относятся к культуре с высоким контекстом (в противовес, например, немцам, которые являются яркими представителями культуры с низким контекстом). Именно поэтому неудивительно, что эмотиконы как графические ПСО и как средства невербальной коммуникации стали в Японии столь популярны и многогранны в своём выражении.

Исследователь из японского университета Аомори Барри Каванаг (который ставит Японию во главу списка, т.е. считает японцев самой высококонтекстуальной культурой) в этой связи задаётся вопросом: как японцы, будучи культурой высокого контекста, компенсируют нехватку невербальных аспектов общения в Интернете, который исконно является низкоконтекстуальной коммуникационной средой? Интернет был создан в США – культуре с низким контекстом, и его функционирование, следовательно, повторяет общие принципы низкого контекста. Каванаг выясняет, что использование эмотиконов как раз и является той отдушиной для японцев, что позволяет компенсировать эту ситуацию и добавлять в Интернет-коммуникацию нотки невербальности и недосказанности.

Каванаг провёл несколько исследований по данной теме. В частности, он опросил 78 пользователей Интернет-пейджеров (средств оперативного обмена сообщениями) на предмет того, насколько охотно они используют эмотиконы во время активной переписки. По результатам этого опроса выяснилось, что пользователи из Северной Америки используют эмотиконы с вероятностью 65,25%, в то время как пользователи из Дальнего Востока – с вероятностью 75,75%, т.е. более охотно [6]

Ещё большую разницу между использованием эмотиконов в Америке и в Японии выявило другое исследование Каванага. На этот раз для исследования были взяты корпусы текстов, представляющих собой записи Интернет-дневников. Всего было проанализировано 40 англоязычных и 40 японоязычных дневников с общим количеством записей, равным 200. Общее количество предложений в них составило 8000. Авторы дневников, вошедших в корпус, были строго отобраны согласно полу: 20 дневников японок, 20 дневников японцев, 20 дневников американок, 20 дневников американцев. Предметом исследования в этом случае являлась частотность употребления простых знаковых эмотиконов и псевдографики в данных Интернет-дневниках. Результаты оказались следующими. Числа в таблицах – это количество найденных эмотиконов.

корпус	пол авторов	простые эмотиконы	псевдографика
американский	мужчины	2	0
	женщины	11	4
японский	мужчины	190	61
	женщины	88	161

Табл.4. *Частотность употребления* эмотиконов в американском и японском корпусах

Таким образом, можно заключить, что японские мужчины используют простые эмотиконы в 95 раз чаще, чем мужчины-американцы. Впрочем результат «2» настолько мал, что его можно сравнить с нулём. Можно сказать, что американским мужчинам вообще не свойственно использование эмотиконов в Интернет-дневниках (как простых, так и представляющих собой псевдографику). Американские женщины используют их чуть чаще, однако, по сравнению с японцами обоих полов, всё равно очень редко. Японки вставляют в свою письменную речь эмотиконы в 8 раз чаще американок, а псевдографику – в 40 раз чаще.

Стоит отметить, что в Америке мужчины менее охотно используют эмотиконы, чем женщины, а в Японии ситуация иная. Если речь идёт о псевдографике, то там наблюдается та же тенденция, а простые эмотиконы в Японии мужчины используют более чем в 2 раза чаще женщин. Если считать общее количество эмотиконов в японском лингвистическом корпусе без деления на простые и псевдографику, то результаты у мужчин и женщин получаются схожими: 251 у мужчин и 249 у женщин. Тут можно заключить, что стремление к использованию эмотиконов в Японии у мужчин и женщин одинаковое, однако мужчины больше тяготеют к простым однострочковым эмотиконам, а женщины – к псевдографике.

Общее числовое превосходство результатов японского корпуса над результатами американского подтверждает тот факт, что Япония является культурой с высоким контекстом, а эмотиконы служат одним из инструментов компенсации сухости и ограниченности Интернет-общения. Японский учёный, адъюнкт-профессор Осакского экономического университета Нирофуми Кацуно в связи с этой

темой приводит высказывание японца, часто использующего эмотиконы при письме в Интернете: «Я использую каомодзи, когда мои сообщения выглядят слишком серьёзно. У каомодзи есть возможность смягчать нюансы сообщений. Также я использую их, когда хочу выделить что-либо. Когда я говорю с кем-то вживую, то всегда знаю, что могу передать нюансы предложения посредством тона голоса или выражения лица, но в Интернете или электронной почте я не могу таким же способом выразить пробел между тем, что может дать письменное предложение и тем, что я хочу сказать. Чтобы заполнить этот пробел, я и использую каомодзи» [7].

Таким образом, эмотиконы в Японии сегодня имеют очень широкое распространение и основания для своего существования. От простого смайлика «^_^» до сложных творческих находок и псевдографики – всё применимо в современной Японии. К тому же, это однозначно свидетельствует о тесном переплетении графических паралингвистических средств общения с компьютерными технологиями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Описание особенностей приготовления угря [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://homepage2.nifty.com/inakanounagiya/zatsugaku.html

2. Список эмотиконов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jumi jumi12.narod.ru/smailiki.html

3. Частный онлайн-дневник японца [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cmngc.blogspot.ru

4. Hall E. Beyond culture. — New York: Doubleday, 1976.

5. Hitoshi Mitomi, Maya Kishida. Typographic composition in Japan. — Tokyo: P.I.E. BOOKS, 2002. — 216 c.

6. Kavanagh B. A Cross-Cultural Analysis of Japanese and English Non-Verbal Online Communication: The Use of Emoticons in Weblogs // Intercultural Communication Studies XIX. – 03.2010

7. Katsuno H, Yano C.R. Face to face: On-line subjectivity in contemporary Japan // Asian Studies Review. – 2002. – 26(2).

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Пример изображения мифического существа посредством эмотиконов. Ктулху – божество древнеарабского пантеона, описанное в фолианте Абдула Альхазреда «Некрономикон»; позже Г.Ф. Лавкрафт популяризировал его, и теперь оно весьма популярно.

ТЕНДЕНЦИИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В ПЕТЕРБУРГЕ В XX ВЕКЕ

Никитина Ю.В.,
кафедра рисунка,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Ключевые слова: Петербург, XX век, образование, искусство
Keywords: Petersburg, XX century, education, art

Аннотация. В статье систематизируются различные явления в развитии профессионального и дополнительного художественного образования взрослых в Петербурге XX века.

This article summarizes development of professional and additional art education of adults in St. Petersburg in the twentieth century.

Анализируя различные явления в художественном образовании взрослых в Петербурге XX века, мы приходим к необходимости систематизировать разнообразие форм его организации и выделить периоды развития, характеризующиеся новыми явлениями в изучаемой области. Значимость данной темы для методики преподавания изобразительного искусства в дополнительном образовании высока. Если в области профессионального образования постоянно говорится о существовании системы, традиций, основательных методик, то сфера дополнительного образования как будто появилась совсем недавно — с ростом популярности идеи «обучения длинною в жизнь» — и, кажется, длительной методической традицией не обладает. Однако если обратиться к истории вопроса, то выяснится, что такой взгляд на дополнительное образование противоречит фактам.

Чтобы иметь возможность выявить тенденции в каждой области, мы разделили интересующий нас период времени на несколько отрезков, каждый из которых характеризуется новыми явлениями в области профессионального и в области дополнительного образования взрослых. Разумеется, периодизация условна, поскольку некоторые явления, ярко разворачивавшиеся в одном временном отрезке, не могут просто прекратить существование в следующем — они угасают или меняют форму постепенно. В каждом временном периоде, который мы выделили, описывается положение дел и в профессиональном, и в дополнительном художественном образовании взрослых. Распределение явлений происходит исходя из цели образовательного процесса. Такое разделение необходимо для обобщения, и хочется отметить, что сферы профессионального и дополнительного образования связаны, взаимопроникновение между ними всегда присутствует. Особенно много пересечений наблюдается в области допрофессионального образования. Есть, например, такая форма организации педагогической работы, как репетиторство, в зависимости от задач студента репетиторство может быть и профессионально ориентированным, и досуговым. Точно так же и подготовительные курсы в специализированных учебных заведениях могут посещать не только будущие студенты.

Первый временной отрезок, с 1893 г. до 1918 г., дает нам возможность проследить, что уже существовало в стране в данном промежутке времени и ранее. В области профессионального художественного образования работала Императорская академия художеств, учебное заведение, существующее с 1757 г., и готовившее профессиональных художников. В 1893 году произошло принятие нового устава, который позволил привлечь впреподаванию в Академии выдающихся художников реалистического направления (среди них И. Е. Репин, И. И. Шишкин, А. И. Куинджи). Эту дату мы выбрали в качестве начала первого временного отрезка периодизации. Профессиональные учебные заведения, выпускавшие учителей изобразительного искусства и художников для промышленности, в это время еще не были разделены на два отдельных направления. Центральное училище технического рисования, в 1876 г. организованное на средства барона А.Л. Штиглица, и Рисовальная школа при Императорском обществе поощрения художеств, существующая с 1857 г. (а до этого - Рисовальная школа для вольноприходящих на Бирже), работали и в том, и в другом направлении, а Рисовальная школа еще вела подготовку к поступлению в Академию) [3]. Также надо отметить, что небольшие частные художественные школы, школы при предприятиях и вовсе существовали с 1806 г., здесь сфера профессионального напрямую соприкасается с дополнительным.

В области дополнительного образования работали народные дома — заведения, занимающиеся культурно-просветительской деятельностью. Крупным деятелем просвещения и одним из первых теоретиков внешкольного образования был В.И.Чарнолусский. В книге «Основные вопросы организации внешкольного образования в России», опубликованной в 1909 г., он пишет о видах внешкольного образования как о единой системе, выделяя в ней: 1) школы для взрослого населения; 2) учреждения для удовлетворения потребностей в чтении (библиотеки, общественные издательства, книжная торговля); 3) учреждения для распространения научных и специальных знаний среди населения (курсы, лекции, чтения); 4) общественные развлечения (театры, кинематограф, концерты и спорт); 5) музеи и картинные галереи; 6) народные дома [6].

В Петербурге первый народный дом открылся в 1883 году, однако только после 1905 года народные дома стали финансироваться и поддерживаться властями: считалось, что их деятельность поможет сдерживать революционную активность населения. Встречались и негосударственные народные дома, финансируемые частными лицами. Основными задачами народных домов были развитие внешкольного образования, борьба с неграмотностью и пьянством, лекционная работа, просвещение населения. Посещение и участие в занятиях было бесплатным. В качестве примеров народных домов в Петербурге можно привести дом-читальню на Лесном проспекте, учреждение которого в 1901 году — заслуга семьи Нобелей, Лиговский народный дом С. В. Паниной (1903) — Дом культуры железнодорожников. Высказываются предположения, что

успешная работа народных домов, в частности, Дома Паниной обеспечивалась сочетанием строгости правил распорядка и благожелательной, дружеской атмосферы, поддерживаемой среди воспитанников и работников Дома.

Второй временной отрезок, с 1918 г. по 1932 г., в области профессионального образования характеризуется лихорадкой переименований и переформирований и появлением огромного количества творческих объединений. В начале периода все художественные учебные заведения оказались направлены на выпуск специалистов для промышленности в первую очередь. 12 апреля 1918 года Академия художеств была полностью упразднена. Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств превратилось в Петроградские свободные художественно-учебные мастерские. [4] В 1920 г. образован ВХУТЕМАС — высшие художественно-технические мастерские, цель работы которых в декрете Совета Народных Комиссаров обозначена как «подготовить художников-мастеров высшей квалификации для промышленности, а также инструкторов и руководителей для профессионально-технического образования». [4; 329] В 1927 году мастерские преобразуются в Высший художественно-технический институт (ВХУТЕИН). В 1932 г., после череды переформирований, данное учебное заведение преобразовано в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры. Логика переформирований на данном временном отрезке такова: движение от первоначальных революционных преобразований в области методики и ориентации на промышленность к более традиционным методическим формам и задачам. С Центральным училищем технического рисования происходило то же, что и с Академией. После 1918 г. училище было реорганизовано, а вскоре прекратило существование как самостоятельное учебное заведение, и было воссоздано только в 1945 году. Рисовальная школа при Императорском обществе поощрения художеств общества поощрения художеств после возобновления работы в 1918 году множество раз переименовывалась и преобразовывалась. [1] В данный период это учебное заведение было ориентировано в большей степени на промышленность. Забегая вперед, следует отметить, что бывшая Рисовальная школа постепенно превратилась в одно из ведущих государственных художественных учебных заведений Ленинграда, готовившее дипломированных художников различных специальностей. Сейчас мы знаем его под названием «Санкт-Петербургское художественное училище имени Н.К.Рериха».

В области дополнительного образования мы наблюдаем появление домов культуры, заменивших народные дома. Массовое развитие же домов культуры началось в стране с ноября 1920 года, а первым «дворцом культуры ВЦСПС» стал Дворец культуры имени А. М. Горького в Ленинграде. Первые дворцы и дома пионеров и школьников в СССР были открыты в 1923—1924 годах в Москве. Кроме того, в книге «Русское изобразительное искусство» И. И. Пикулева присутствует информация об открытии художественных школ и студий, где «в 1918 году в них обучалось около 6 тысяч человек, занимавшихся без отрыва от производства» [8; 173].

Особое место в области образования взрослых занимали различные кружки и объединения, которые искали новых участников не только среди профессионалов, но и среди одаренных любителей. Основы дальнейшей работы многих групп были заложены именно в это время, но ряд из них в связи с началом реакционной политики 1930-х оказался в сложном положении. В качестве даты, фиксирующей окончание второго периода, мы выбрали 23 апреля 1932 года, когда ЦК ВКП(б) принимает постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», в котором обозначена необходимость роспуска существовавших литературных и художественных групп и образование единых творческих союзов. Позже, 25 июня в Москве и 2 августа в Ленинграде, возникают Областные союзы советских художников.

Третий период, с 1932 г. по середину 1950х, достаточно сложно охарактеризовать однозначно. В начале его некоторые явления, причина возникновения которых связана с особенностями и новациями второго периода, еще продолжали свое существование. Однако постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» стало знаком начала политики реакции. Авторы «Истории русского и советского искусства» говорят об этом времени как о периоде усиления тенденций унификации [4], кроме того это период становления социалистического реализма как направления. К последней части данного периода относится послевоенное восстановление профессиональных и дополнительных образовательных учреждений. Это время постепенного развития Союзов художников, превращения его в обладающее возможностями и ресурсами учреждение. Примерно укладывается в данный период работа Ленизо, кооперативого товарищества ленинградских художников, распределявшее заказы и ведущее продажи через сеть магазинов. Также в данный период идет расширение и специализация профессионального образования. Одно из самых интересных явлений в этой области — появление худграфов, художественно-графических факультетов при педагогических институтах. Таким образом, происходит отделение учителей изобразительного искусства от художников для промышленности. Старейший в СССР и Российской Федерации художественно-графический факультет Московского педагогического государственного университета появился в 1941 г.

Дополнительное образование сосредоточено вокруг домов культуры, а группы и объединения, бурно развивавшиеся в прошлом периоде, уходят в тень или исчезают. Как раз в данном временном промежутке в студии при ДК начал работать О. А. Сидлин, основатель одной из самых известных школ, действовавших в основном в сфере дополнительного образования.

Четвертый период, с середины 1950-х по середину 1980-х. в области профессионального образования характеризуется плавным развитием, расширением полномочий и распространением новых форм работы и преподавания по стране. Академия полностью принимает роль наследницы Императорской академии и ее методических традиций, и начинает выполнять множество дополнительных, культурно-просветительских функций, организаций выставок, работы с молодежью и т.д. В 1960е годы XX века по стране распространяются худграфы, а худграф при Московском педагогическом государственном университете становится научно-методическим центром для всех художественно-графических факультетов педагогических институтов СССР. В государственном педагогическом институте им. Герцена худграф появился в 1959 г.

В области дополнительного образования в послевоен-

ный период можно отметить распространение такой формы культурно-просветительских учреждений, как дома культуры, и в других странах социалистического лагеря. Дома культуры занимались не только работой с населением и образованием, но и проведением выставок, встреч с художниками, и т.д. Наблюдается и развитие художественных объединений-кружков. Имеет смысл рассказывать об этих явлениях параллельно, так как многие художники преподавали в домах культуры и формировали вокруг себя круг друзей-учеников, который следовал за мастером, если он менял место работы. Так, например, происходило с О. А. Сидлиным, который начал обучать взрослых в 1935 году, и постепенно вокруг него сложился круг последователей, людей, близких по духу. Ученики вспоминают, что в студию принимались все желающие, строгого отбора не было, но оставались далеко не все — большинство не готово было к индивидуальному стилю преподавания, свойственному Сидлину [10]. С другой стороны, для В.В. Стерлигова подобная работа при официальном заведении выглядела бы странно. В шестидесятых годах он создает своего рода домашнюю академию, «незримый институт», в котором обучает тех, кто желает у него учиться, основам «чашно-купольного» метода. [9] Если Сидлин ищет собратьев по духу и среди непрофессионалов, Стерлигов и Кондратьев работают в основном с талантливыми выпускниками Академии. [6]

Пятый период, с середины 1980-х по конец XX века, характеризуется несколькими тенденциями и явлениями в профессиональной области. Первое, что мы наблюдаем - стремление к возвращению имен и традиций, второе - нарастание узкой специализации, третье - появление в технических вузах гуманитарных факультетов, или пограничных направлений, готовящих дизайнеров, и четвертое - появление факультетов переподготовки (например ФПС при Санкт-Петербургском политехническом университете, факультет переподготовки специалистов, который преподает прикладные основы дизайна, и рисование на планшете, и т.д.), центров повышения квалификации, и т.д. Последнее явление кажется нам самым любопытным.

В сфере дополнительного образования происходит коммерциализация образования и, соответственно,вся данная сфера начинает руководствоваться не только методикой или системой, но и потребностями взрослых, которые будут оплачивать занятия. После перестройки студии при домах культуры переходят на самоокупаемость и функционируют по принципу любой другой художественной студии для взрослых. Студий и частных школ открывается множество (среди наиболее известных можно назвать «Артишок», школа при галерее «Матисс», «Артика», «Артерия» и т.д.), они планируют программы и курсы, исходя из запроса потребителей. Лишний раз подтверждает взаимопроникновение профессионального и дополнительного образования то, что ряд педагогов, преподающих в высших учебных заведениях, преподает и в школах для взрослых. Учебные заведения, готовящие художников и педагогов-художников, также стараются не отстать и предлагают программы для желающих, например, научиться рисовать портрет или делать батик, и др. Относительно широко распространяется такая форма организации деятельности, как мастер-класс. Такая форма занятий предполагает разовое посещение, в ходе мастер-класса демонстрируется определенный прием, и в результате посетитель уходит либо с самостоятельно сделанной по примеру работой, либо с полученным знанием о том, как ее сделать. Появляются школы и программы, ориентированные на пенсионеров, например, школа третьего возраста, которая действует с 2008 года в рамках программы «образования длинною в жизнь». Проект работает в помещениях Государственного центра социального обслуживания населения Невского района.

Рассмотрев таким образом историю развития образования взрослых в Петербурге, нельзя не заметить, что в области профессионального образования сравнительно медленнее происходит появление новых форм, новых программ, оно ориентировано на сохранение традиций, методик, и формируется согласно мнению научного сообщества, преподающих художников, т.е. регулируется «сверху».Такая неторопливость часто оценивается негативно, однако она позволяет сохранить системность в изложении материала, обеспечить надежность и высокое качество знаний. Сфера же дополнительного образования формируется и меняется намного активнее, особенно в последний выделенный нами период, и быстрее отвечает на запросы общества (в том числе и потому что от этого зависит финансовое благополучие частных школ и студий). Она часто формируется «снизу», соответствуя запросам посетителей школ и курсов, и быстро расширяется. Однако отсутствие строгих стандартов и разнообразие частных программ не всегда является плюсом: стремясь получить как можно больше посетителей, некоторые частные школы жертвуют системностью и качеством образования ради «быстрого результата». Поиск баланса, возможности сохранения традиций и удержания интереса посетителей в дополнительном образовании взрослых сегодня — одна из самых интригующих и актуальных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Боровская, Е. А. Санкт-Петербургская рисовальная школа для вольноприходящих учеников и ее роль в развитии русского искусства. Опыт историко-художественной реконструкции (1839-1917) : автореф. дис. д-р. искусствовед. наук: 17.00.04. - М. , 2012.

2. Всеобщая история искусств. Т. 6, книга 2 / Под ред. Чегодаева, А.Д. - М.: Искусство, 1966. - 838 с.

3. Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под ред. Горкина, А. П. . - 2-е изд. изд. - М.: Росмэн, 2007. - 1123 с.

4. История русского и советского искусства: Учебное пособие для вузов / Алленов, М. М. , Евангулова, О. С. , Плугин, В. А. и др.; под ред. Сарабьянова, Д. В. . - 2-е изд. изд. - М.: Высшая школа, 1989. - 448 с.

5. Круг Кондратьева / Вострецова, Л. Н. , Мочалов, Л. В., Новикова, Ю. В., - СПб. : «П.Р.П.», 2005. - 264 с.

6. Основы андрагогики: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Колесникова И.А., Марон А.Е., Тонконогая Е.П. и др.; Под ред. И.А.Колесниковой. — М.: Издательский центр «Академия», 2003 - 240 с.

7. Павел Иванович Басманов — СПб.: PalaceEdition, 1996. - 40 с.

8. Пикулев, И. И. Русское изобразительное искусство. - М. : Просвещение, 1977. - 288 с.

9. Пространство Стерлигова / Герман, М.Ю., Гуревич, Л. Я., Карасик, И. Н., - Спб.: «П.Р.П.» , 2001. - 210 с.

10. Школа Сидлина / Сост. Андрущенко, А. В., Басин, А. Н., Чурилова, Е. Б., - СПб. : «П.Р.П.», 2001. - 224 с.

ПОНЯТИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ В ТЕОРИИ ОМОНИМИИ

Пашкина О.Ю.,
аспирант,
кафедра современного русского языка и общего языкознания,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Ключевые слова: омонимия, грамматические омонимы, классификация омонимов, омоформы, омоморфемы
Key words: homonymy, grammatical homonyms, classification of homonyms, homoforms, homomorphemes

Аннотация. В статье уточняется содержание понятия грамматических омонимов, которое в теории омонимии трактуется неоднозначно. Анализируются некоторые классификации омонимов, включающие омонимичные слова различной частеречной принадлежности; определяется место грамматических омонимов в структуре классификаций.

The paper specifies the content of the notion of grammatical homonyms, which is ambiguously interpreted in the theory of homonymy. Some of the classifications of homonyms, including homonymous words of different parts of speech are analyzed; the place of grammatical homonyms in the structure of the classifications is defined.

В отечественном языкознании различным вопросам изучения омонимии посвящено большое количество работ. По словам В.В. Виноградова, «интерес к изучению омонимов, их происхождения и развития в отдельных языках, а также в семьях и группах родственных языков, к изучению функций омонимов, их типов и условий их сохранения и употребления в том или ином языке то разгорался, то ослабевал и даже погасал в разные периоды истории науки о языке» [3, с. 3]. В настоящее время проблема омонимии не утратила своей актуальности. В частности, новый аспект данной проблемы представляют случаи омонимичного совпадения иноязычных слов разных частей речи, например, существительного и аналитического прилагательного: ***топ*** *горячих новостей* и ***топ****-лист книжного магазина*; *слушать* ***рок*** и *лидер* ***рок****-группы*; *дисквалифицировать за* ***допинг*** и *пройти* ***допинг****-тест*. В лингвистической литературе омонимичные единицы разных частей речи обычно именуют грамматическими омонимами.

Традиционно **омонимией** принято называть «звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом» [7, с. 344]. По мнению Ю.С. Маслова, «в теории языка представляется целесообразным исходить из значительно более широкого понимания омонимии и омонима, чем то, которое необходимо сохранить в практике лексикографической работы» [11, с. 198]. Под **омонимией** ученый понимает «всякое тождество звучания двух (или нескольких) разных означающих как на “уровне” слов, так и на “уровне”, с одной стороны, морфем и морфемосочетаний, а с другой – словосочетаний» [там же].

В монографии «Теория лексической и грамматической омонимии» Л.В. Малаховский выделил **четыре основных признака омонимии**: тождество звучания и тождество написания (признаки плана выражения) и различие лексических и различие грамматических значений слов (признаки плана содержания) [8, с. 37]. Исследователь пишет: «Омонимические отношения между словами возникают лишь в том случае, если слова, тождественные в плане выражения, различаются в плане содержания» [8, с. 38]. Ученый поясняет, что «при этом нет необходимости в том, чтобы все четыре признака присутствовали одновременно, достаточно, если слова тождественны между собой хотя бы по одному из признаков плана выражения и различаются хотя бы по одному из признаков плана содержания» [там же].

Названные выше признаки омонимии легли в основу определения омонимов. Л.В. Малаховский толкует **омонимы** как «слова одного и того же языка в один и тот же период его существования, тождественные друг другу хотя бы в одном из компонентов плана выражения, т.е. совпадающие по звучанию и/или по написанию во всех или некоторых грамматических формах (и во всех или некоторых фонетических и графических вариантах) и при этом различающиеся хотя бы по одному из компонентов плана содержания – лексической и/или грамматической семантике» [8, с. 56]. Данное определение представляется нам наиболее полным, учитывающем признаки выражения и содержания сравниваемых слов.

В лингвистической литературе существует многообразие различных классификаций омонимов, что объясняется различными критериями, которыми руководствуются ученые при выделении типов омонимов. Ю.С. Маслов классифицирует омонимы по нескольким признакам [10, с. 117-119]. Для нас интересно деление, которое основывается на наличии/отсутствии семантической связи между словами и на принадлежности омонимичных слов к одной и той же или к разным частям речи: *«чисто лексическая» омонимия*, *«грамматическая омонимия слов»*, *«лексико-грамматическая» омонимия*. Между лексическими значениями слов *бор* ‘хвойный лес’, *бор* ‘стальное сверло, употребляемое в зубоврачебном деле’, *бор* ‘химический элемент’ отсутствует смысловая связь, этим примером Ю.С. Маслов иллюстрирует *«чисто лексическую» омонимию* [10, с. 117]. Слова разных частей речи *течь* (глагол) и *течь* (имя существительное), связанные по лексическому значению, иллюстрируют *«грамматическую омонимию слов»* [там же]. Выбор данного термина ученый объясняет тем, что термин *«грамматическая омонимия»* часто используется в значении «звуковое тождество разных грамматических форм (одного слова)» [там же]. *«Лексико-грамматическая» омонимия* представляет собой смешанный тип: «в этом случае омонимы и по лексическому значению никак не связаны, и к тому же принадлежат к разным частям речи» [10, с. 118]. Например, *простой* ‘не составной’ и *простой* ‘вынужденное бездействие’ [там же].

Похожую терминологию для обозначения трех основных типов омонимов используют также Р.А. Будагов (*лексические*, *морфологические* и *лексико-грамматические омонимы*) [2, с. 46-47], Г.И. Рихтер (*лексические*, *морфологические* и *лексико-морфологические омонимы*) [12, с. 27-28], однако полного совпадения в трактовках данных терминов у этих авторов не наблюдается. На наш взгляд,

наиболее последовательной является трактовка и примеры Ю.С. Маслова.

Л.В. Малаховский на материале английского языка разработал классификацию, состоящую из нескольких омонимических категорий: *типов*, *подтипов* и *классов омонимов*. Ученый назвал **четыре типа омонимов**, каждый из которых обладает одним из основных признаков омонимии: *омонимы фонетические* (обладают тождеством звучания), *омонимы графические* (обладают тождеством написания), *омонимы лексические* (различаются по лексическим значениям), *омонимы грамматические* (различаются по общелексемным грамматическим значениям) [8, с. 69].

Такая категория, как подтип, представляет собой результат сопоставления между собой двух формальных типов (фонетических и графических омонимов) и двух содержательных типов (лексических и грамматических омонимов). Таким образом, Л.В. Малаховский выделяет **три формальных подтипа омонимов** и **три содержательных подтипа омонимов**. Формальные подтипы: *омонимы фонетико-графические* (характеризуются тождеством звуковой и письменной формы), *омонимы чисто фонетические* (тождественны по звучанию, но различаются по написанию), *омонимы чисто графические* (совпадают по написанию, но различаются по звучанию). Содержательные подтипы: *омонимы лексико-грамматические* (различаются по лексическим и по общелексемным грамматическим значениям), *омонимы чисто лексические* (различаются по лексическим, но тождественны по общелексемным грамматическим значениям), *омонимы чисто грамматические* (различаются по общелексемным грамматическим значениям, но тождественны по значениям лексическим) [8, с. 70-71]. Исследователь особо поясняет термин *омонимы чисто грамматические*: «Необходимо сразу же сделать оговорку, что уточнитель «чисто» здесь вовсе не означает, что между омонимами, к которым этот термин применяется, нет никаких лексико-семантических различий. Речь идет лишь о том, что вещественный компонент, лежащий в основе лексических значений слов типа FALL *v* ‘падать’ и FALL *n* ‘падение’, один и тот же, их словарные толкования обязательно имеют общую часть» [8, с. 71-72].

Класс – это двуплановая омонимическая категория, в отличие от типа и подтипа, которые, по терминологии Л.В. Малаховского, являются категориями одноплановыми. Каждый тип и подтип омонимов характеризуется или признаками плана выражения или признаками плана содержания; класс является категорией, «обладающей одновременно признаками и плана выражения, и плана содержания» [8, с. 75]. Различные комбинации трех формальных подтипов омонимов с тремя содержательными подтипами в результате дали **девять формально-содержательных классов**: *омонимы фонетико-графические,* которые могут быть *лексико-грамматическими*, *чисто лексическими* и *чисто грамматическими*; *омофоны лексико-грамматические*, *чисто лексические* и *чисто грамматические*; *омографы лексико-грамматические*, *чисто лексические* и *чисто грамматические* [8, с. 75-76]. Необходимо пояснить, что вместо терминов *чисто фонетические* и *чисто графические* омонимы Л.В. Малаховский использует синонимичные термины *омофоны* и *омографы*.

Отметим, что похожая классификация, состоящая из девяти видов омонимов, была предложена Н.П. Колесниковым на материале русского языка [5, с. 7-8]. В классификации Н.П. Колесникова также учитываются лексические и грамматические значения омонимичных единиц, особенности их написания и произношения, «вытекающие» из определения омонимов, сходного с определением омонимов Л.В. Малаховского. Н.П. Колесников трактует омонимы как «слова с разным лексическим и/или грамматическим значением, но с одинаковым (тождественным) написанием и/или произношением» [5, с. 7]. Тем не менее классификации различаются: Л.В. Малаховский при построении классификации рассматривает только слова, а Н.П. Колесников – слова и формы слов. С нашей точки зрения, классификация омонимов Л.В. Малаховского, состоящая из нескольких омонимических категорий, обладает большой ценностью для различных исследований по омонимии.

Большое внимание вопросу о грамматической омонимии уделял В.В. Виноградов. В его статье «О грамматической омонимии в современном русском языке» омонимия слов, принадлежащих к разным частям речи, называется *грамматической* [4]. Соответственно, омонимичные слова разных частей речи – это *грамматические омонимы*. В этой же работе, посвященной грамматической омонимии, ученым подробно рассматривается *флексийная*, *суффиксальная* и *префиксальная омонимия*. Уже в более поздней работе В.В. Виноградов пишет, что «омонимы следует отличать не только от созвучных омофонных или совпадающих по звукам речевых цепей либо синтаксических отрезков иного качества, но и от омофонных морфем» [3, с. 7]. По мнению ученого, «омофонные морфемы можно называть омоморфемами» [3, с. 8]. Тем не менее в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой в статье об омонимах *грамматические омонимы* определяются как «грамматические аффиксы, совпадающие по звучанию, но несовместимые по значению» [1, с. 287]. Пример: русск. *-а* в *стола* – *-а* в *жена* [там же]. Отметим, что в этом же словаре в отдельной статье *омоморфемы* толкуются как «омонимичные морфемы» [там же].

Кроме того, *грамматическими омонимами* иногда называют совпадающие грамматические формы одного или разных слов. В таком случае термины *грамматические омонимы* и *омоформы* часто оказываются синонимами. В ЛЭС *грамматические омонимы* определены как омонимичные грамматические формы слов. В качестве примеров приведены: *большой*, *молодой* как формы им. п. ед. ч. муж. рода (*большой дом*, *молодой человек*), род. п. ед. ч. жен. рода (*большой дороги*, *молодой поросли*), дат. п. ед. ч. жен. рода (*большой дороге*, *молодой поросли*) [7, с. 345]. В «Кратком справочнике по современному русскому языку» под редакцией П.А. Леканта *омоформы (грамматические омонимы)* обозначают совпадающие формы одного слова или разных слов. При этом отмечается, что формы разных слов могут быть родственными по корню (*супруга* – форма им. п. ед. ч. ж. р. и *супруга* – форма род. п. ед. ч. м. р.; *зло* – существительное, *зло* – краткая форма прилагательного и *зло* – наречие); неродственные слова могут относиться к одной части речи и к разным частям речи (*вожу* от *водить* и *вожу* от *возить*; *стих* – существительное и *стих* – глагол) [6, с. 32].

Итак, термином *грамматические омонимы* в языкознании обозначают: во-первых, слова, тождественные в плане выражения, но принадлежащие к разным частям речи; во-вторых, совпадающие формы одного слова и разных слов;

в-третьих, грамматические аффиксы, одинаковые по форме, но различные по значению.

На наш взгляд, *грамматическими омонимами* следует называть совпадающие по звучанию и написанию слова разных частей речи, обладающие близостью лексических значений, например, *печь* (гл.) и *печь* (сущ.). Нам представляется продуктивным использование понятия грамматических омонимов в исследовании омонимии разных частей речи, возникающей в сфере иноязычной лексики (подробнее об этом см. в [9]). См.: грамматические омонимы двух частей речи *допинг* (сущ.) и *допинг* (неизм. прил.); грамматические омонимы трех частей речи *онлайн* (сущ.), *онлайн* (неизм. прил.) и *онлайн* (нареч.). Для обозначения омонимичных форм одного слова или разных слов в языкознании следует предпочесть термин *омоформы* (например, *новости* – сущ. мн. ч им. п. и *новости* – сущ. род. п. ед. ч.; *математика* – сущ. им. п. ед. ч. и *математика* – одуш. сущ. род. п. ед. ч.), а для обозначения омонимичных аффиксов – *омоморфемы* (например, окончание -а в словах *студентка* и *дома*).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: «Сов. Энциклопедия», 1966. 608 с.

2. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Изд-во «Просвещение», 1965. 492 с.

3. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. №5. С. 3-17.

4. Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе. 1940. №1. С. 1-12.

5. Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1978. 631 с.

6. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант; под ред. П.А. Леканта. 2-е изд., испр. доп. М.: Высш. шк., 1995. 382 с.

7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.

8. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии / отв. ред.: Р.Г. Пиотровский; вступ. ст.: Н.Л. Еремия. 2-е изд., доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

9. Маринова Е.В., Пашкина О.Ю. Грамматическая омонимия в сфере иноязычной лексики // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 12. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2011. С. 133-139.

10. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учебник для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. СПб: Филологический факультет СПбГУ, М.: Издательский центр «Академия», 2005. 304 с.

11. Маслов Ю.С. Омонимы в словарях и омонимия в языке (к постановке вопроса) // Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь профессора Б.А. Ларина. Изд-во Ленинградского университета, 1963. С. 198-202.

12. Рихтер Г.И. Вопросы классификации омонимов в русском языке // Филологические науки. 1961. №1. С. 24-31.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТРАДИЦИИ

Прокошева Е.Д.,
аспирант,
Владимирский государственный педагогический университет

Ключевые слова: цивилизационная традиция, православная педагогика, культурно-педагогический аспект, духовный аспект цивилизационной традиции, культурный аспект педагогической традиции
Key words: civilizational tradition, Orthodox pedagogy, cultural and pedagogical aspect, the spiritual aspect of civilizational traditions, cultural aspect of pedagogical tradition

Аннотация. В настоящей статье, в основу которой положен цивилизационный подход (Н.Я. Данилевский, Л.А. Степашко, А.Дж. Тойнби, М.В. Захарченко, О. Шпенглер), освящены некоторые аспекты цивилизационной педагогической традиции. Предпринята попытка проанализировать становление традиции в контексте взаимодействия институтов общественного участия и государства. В центре внимания триада: Церковь, государство, общество.

Abstract. In this article, which was based on the civilizational approach (NY Danilevsky, LA Stepashko, AJ Toynbee, MV Zakharchenko, Spengler), sanctified by some aspects of civilization pedagogical tradition. An attempt was made to analyze the formation of traditions in the context of interaction between the institutions of public participation and the state. The focus of the triad: the Church, the state and society.

Сегодня разрушению структурной целостности России способствуют многочисленные факторы: ценностная дезориентация, внедрение двойных стандартов, социальная аномия и, конечно же, попытки использования иных цивилизационных начал в пространстве педагогической традиции. В этих условиях даже само осознание негативного влияния данных факторов может послужить серьезным стимулом для «изменений в важнейших сферах жизни российского государства и общества» [7], а найденный в процессе осмысления преемственности ценностей духовной культуры способ решения проблемы может послужить возрождению России. Таким образом, первичной становится задача сохранения национальной идентичности России, и педагогическое сообщество должно быть ориентировано на осмысление России как цивилизации, на творческое восприятие всего исторического, культурного и духовного опыта России. Выступая 19 сентября 2013 года на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», Владимир Путин определил Россию как «государство-цивилизацию, скрепленное русским народом, русским языком, русской культурой, русской Православной Церковью и другими традиционными религиями России» [4].

Рассматривая в настоящем исследовании историю России в контексте взаимодействия институтов общественного участия и государства, в контексте триады: Церковь – государство – общество, мы видим, что от Древней Руси и вплоть до настоящего времени прослеживается историческая преемственность православной традиции, которая в самом широком понимании является цивилизационной традицией. Само понятие «цивилизационная традиция», разработанное и предложенное профессором М. В. Захарченко, обозначает внутреннюю систему связей православной традиции с другими элементами цивилизации: с воспитанием, образованием, культурой, политикой, бытом, искусством, педагогикой. [6, с. 23–31]. В своих работах М. В. Захарченко рассматривает православную традицию как основу русской цивилизации. Такой же трактовки придерживается Г. Шестун. Амфилохий Радович, В.Н. Тростников, Н.Я. Данилевский воспринимают православную традицию как органическую часть русской цивилизации. В. Н Расторгуев впервые называет Православие «культурообразующей религией России»[5, с. 23–31]. Определяя место православной традиции в современной цивилизационном процессе, М.В. Захарченко подчеркивает, что в основании типа цивилизационного развития России лежит религиозная традиция православного христианства [6, с. 108–110].

Феномен православной традиции ярко проявляется в XXвеке, когда на государственном уровне ставился вопрос о ее уничтожении и предпринимались все необходимые для того действия. Однако традиция не просто выжила, она оказалась чрезвычайно востребована в XXI веке. Предположив, что ценностное ядро православной традиции, несмотря на давление внешних факторов, не изменяется, а изменяются лишь механизмы трансляции, мы, обратившись к истории русской педагогической мысли, проследили по эпохам передачу традиций православного воспитания в их взаимосвязи с другими элементами педагогической культуры России [3, с. 235–237].

В настоящей статье представлена одна из частей цивилизационной традиции, проанализировано становление одного из ее аспектов —духовно-культурного. Данный аспект рассмотрен на протяжении пяти исторических периодов. На необходимость увидеть взаимосвязь духовной и культурной традиции указывают труды С. С. Хоружего и М. В.Захарченко. В них традиция представлена в двух направлениях: 1) как священное церковное Предание в рамках духовной традиции; 2) как аксиологическая, или культурно-историческая традиция: передача идеалов, норм, ценностей, культурных форм (сюда входят философские школы и традиции). С.С. Хоружий отмечает, что духовная традиция есть «личностный, энергийный, антропологический феномен» [8, с. 15], содержанием которого будет мистико-аскетический опыт духовной практики, а способом трансляции становится личностное общение, направленное к общему и личному бытию.

В настоящем статье мы рассматриваем пять исторических периодов в следующей периодизации. Опираясь на дореволюционную периодизацию П. Ф. Каптерева[2, с. 7], выделяем первые три периода: церковный, государственный и общественный. Далее, ориентируясь на современную периодизацию И. А. Кузьмина[1, с. 60–61],вычленяем еще два периода: советский — до 1991 года, и постсоветский — после 1991 года, где временно́й границей является распад СССР.

Итак, начиная с IX века, со времени формирования

	Субъекты педагогической деятельности		
Исторические периоды	Церковь	Общество (педагогические сообщества, семья, монастыри)	Государство
Предпосылки	С IX века - Православие как государственная религия; церковно-богослужебная потребность в образовании.		
	1ый этап		
1 период «Церковный» Начало Крещение Руси 988 г.	С IX века • Школы при храмах • Учителя из духовенства • Книжное душеспасительное научение: воспитательное начало, церковная нравственность, обучение грамотности.	• С XI века монашеские институты - центры Просвещения, носители высших духовных ценностей (библиотеки, иконописные мастерские, школы певческого искусства, монашеская письменность, летопись • XV век – Хронограф – отечественная и всемирная история (монаха Пахомия Серба) • XV век – преп. Сергий Радонежский – «нравственный воспитатель народа» • основы западноевропейской образованности.	С IX века Школы при княжих дворах: Душеспасительное научение и западноевропейская образованность.
	2 этап		
предпосылки	Потребность в церковно-религиозном просвещении против засилья западной схоластики 1386 - объединение Литовского государства с западной Русью.		
	• XVII век - основание Киево-могилянской академии (1659г.)	С XV века социальная, культурная, просветительская и религиозно-духовная деятельность православных братств юго-западной Руси • Элементарные школы братств • Религиозные и светские дисциплины • Проникновение латинского языка и схоластики.	XVII век – (1687г) – основание Московской славяно-греко-латинской академии • Древнерусский университет • Церковные богословские дисциплины • Общее образование • Меньшая часть учеников из духовного звания.
ВЫВОД	Церковно – религиозный тип образованности обеспечивает вхождение в окружающий культурный мир		
Предпосылки	Государственный курс на секуляризацию образования, обособление общественных слоев, необходимость в организации узко-профессионального образования.		
	1 этап		
2 период «Государственный» Начало Реформ Петра I Конец XVI начало XVII века	• Церковно-приходские школы с обучением грамоте и душеспасительным научением • Усиление миссионерской деятельности Православной Церкви – Просвещение языческих народов Руси церковными деятелями • 1720г. – основание Санкт-Петербургской духовной школы по образцу иезуитских школ • С 1721 г. открытие духовных школ 3х разрядов: академии, семинарии, училища (проект Феофана Прокоповича).	• XVII век Оптина Пустынь – центр духовного руководства.	С XVII века По указу Петра 1 открываются: • частные профессиональные школы • Ремесленно-технические • Специальные • Начальные школы элементарной грамотности • Арифметические школы • Высшие учебные заведения • Более 50 школ приказной службы • Московская академия рассматривается как царская школа обеспечивающая общее образование, готовящее людей для государственной службы • Учрждено Военное Ведомство.

С 1801-1825 –правление Александра 1	• Закрепление сословности Церковной школы. • Устав 1804 и устав 1814гг – приоритетные направления изучение Святоотеческого Предания и истории философии • Устав для гимназий 1828г. закрепляют сословный принцип.	Закрепление сословности общества.	• 1802г. – образовано Министерство Народного Просвещения. • Согласно уставу 1814г. в университетах обучают разночинцев и семинаристов.
ВЫВОД	Образовательные учреждения становятся строго сословными; Церковно - религиозный тип образованности делится на церковный и светский относительно организаторов (Церковь-государство), происходит частичная секуляризация образования.		
	2 этап		
предпосылки	Государственная политика на сближение с западноевропейской философией Возрождения		
Начало Правление Екатерины II (1762г.)	• Введение гуманитарных дисциплин в курс духовных школ • Митр. Филарет Дроздов – перевод Евангелия на русский язык -сердечное и деятельное богословие -образование внутреннего человека; • Смыкание философии и богословия.	• Увлечение элиты общества западноевропейской философией • Сокращение числа монастырей по указу императрицы • Конец XVIII – начало XIX века – Серафим Саровский (1754г.р. - 1833) - духовный лидер из народа для всех слоев общества • Конец XVIII век - расцвет Оптиной Пустыни.	• Заимствование дисциплин из системы западноевропейского просвещения в образовательных учреждениях всех типов • Гуманизация общего образования • С 1791г. начинает действовать благотворительное Ведомство императрицы Марии Федоровны.
ВЫВОДЫ	Переосмысление и воцерковление элементов западноевропейской культуры через православное мировоззрение и расширение курса образовании за счет гуманитарных дисциплин. Единовременная устойчивость православной культуры и веры и привнесение элементов западноевропейской культуры в цивилизационную традицию России.		
Предпосылки	Александровское время - Смена эпох (философское пробуждение).		
3 период «Общественный» Начало 1861 г - Отмена крепостного права при Александре II .	• Сохраняется система духовных школ 3х разрядов • Стремительное развитие церковно-приходских школ при храмах.	С конца XIX века происходит активизация общественной педагогической деятельности: • Учительские съезды, курсы, народные университеты, библиотеки, педагогические партии, союзы • Педагогическая литература • «Воспитание через Церковь» Феофана (Говорова). • Теория средней школы Н.И.Пирогова • Национальная и народная школы Ушинского Воспитание без участия в таинствах Церкви К.Д.Ушинского • Национальная русская школа Рачинского • Свободное воспитание и образования Толстого и Писарева • Конец XIX века – теории славянофилов • Вопросы семейного и общественного воспитания Духовный центр – Оптина Пустынь.	• Окончательно формируются 4 ведомства образования: Министерство просвещения, церковное, военное, благотворительное (императрицы Марии Федоровны) • С 1864 г.- растет финансовое участие государства в устройстве земских школ • Открываются благотворительные институты Марии Федоровны воспитывающие добрых супруг и хороших хозяек Образование основывается на западноевропейской цивилизационной традиции (но сохраняется православное мировоззрение) – воспитание гражданственности западного протестантского образца.
ВЫВОДЫ	Осознание веры через культуру, научное - теоретическое обоснование православной педагогической культуры; разночтение в организации духовно-нравственного воспитания через Таинства Церкви и вне Церкви как сакрального религиозного института.		
предпосылки	Декрет от 23 января 1918г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», насильственная секуляризация образования.		

первых древнерусских церковных школ грамотности, вплоть до открытия первых древнерусских университетов в виде Духовных академий в Киеве и Москве, что сопровождалось активной просветительской деятельностью монашеских общин (с XI века), церковно-религиозный тип образованности обеспечивает древнерусскому менталитету вхождение в окружающий культурный мир и укореняет в православно-восточной христианской традиции. В этом направлении Церковь, государство и общество действуют согласованно — как единый педагогический союз.

Во втором историческом периоде, вследствие реформ Петра I церковно-религиозный тип образования впервые условно делится на церковный и светский. Это деление не отражает характер образования, оно указывает принадлежность образовательного учреждения к Церкви или государству. Во всех школах преподается Закон Божий, работают церковно-приходские школы, усиливается миссионерская деятельность, просвещаются народы Западной и Восточ-

	1 этап		
4 период «Советский» Начало Государственный переворот 1917г.	• С 1918г - происходит принудительное закрытие всех церковных образовательных учреждений. С 1944 – • открытие Богословско-пастырских курсов в Москве • Духовная академия и семинария в Москве и Ленинграде и нескольких семинарий в России - обучаются дети духовенства -учебные дисциплины исключительно цековно-богослужебные и богословские.	• Закрываются и разрушаются монастыри, ликвидируются монашеские общины. • Идеология строителей коммунизма является основополагающей в педагогических теориях. • Православное воспитание осуществляется в семье. • Воспитание на образцах классической русской литературы, основанной на христианских ценностях.	Идеология коммунизма строится на моральных традиционных ценностях: • преданность идеям коммунизма – верность Богу; • коллективизм – соборность, • патриотизм - гражданственность; • дисциплина – аскетика и пр. • Формируется государственная система начального, среднего, высшего общего и среднеспециального образования в основе которой, советская идеология.
	2 этап		
	Духовные школы русского зарубежья.	• Православные педагоги и философы русского зарубежья исследуют вопросы православной традиции в России: • В.В.Зеньковский – решает проблемы педагогики в свете христианской антропологии • И.А.Ильин считает возможным возрождение России через христианскую веру.	
ВЫВОДЫ	В советский период отечественная педагогическая традиция развивалась в двух хронотопах: советская педагогика (ценностные установки христианства были отчасти переосмыслены как моральные установки советского человека) и педагогика русского зарубежья (христианские традиции сохранены).		
предпосылки	Разрушение идеологии коммунизма. Запрос православно - ориентированной части общества на образование, основанного на цивилизационной традиции России. Государственный курс на восстановление преемственности традиций в современном образовании.		
5 период «Постсоветский» 1991г. распад СССР	1993г. – сформулирована образовательная концепция Русской Православной Церкви: • Восстановление системы церковного образования • Конвертация дипломов духовных образовательных учреждений • Миссионерская деятельность Церкви по отношению к обществу • С 1993 г. открывается: Общецерковная аспирантура и докторантура 6 духовных академий (2 в России), 50 семинарий, более 40 духовных училищ. Во всех епархиях действуют православные гимназии, воскресные школы (258 школ во Владимирской области).	• С 1991г - открываются негосударственных образовательные учреждения: гимназии, училища, лицеи и пр. • частные образовательные учреждения: детские сады, приюты • религиозные образовательные учреждения • обсуждение национальной доктрины государственного образования • С 1993г на приходах силами прихожан и духовенства во всех епархиях открываются воскресные школы для детей и взрослых • Православное воспитание осуществляется в системе дополнительного образования: организация кружков, православных молодежных и детских лагерей, патриотических и пр. организаций.	• С 1993 г. открытие теологических факультетов и кафедр, православных университетов • Концепция духовно-нравственного воспитания в Федеральном Государственном стандарте образования • 1914г. - в государственную систему образования входит дошкольное образование.
ВЫВОДЫ	На протяжении всей истории России - от древнего периода до настоящего времени – в отечественном образовании прослеживается историческая преемственность духовно-культурной традиции, по преимуществу православной.		

ной Сибири, Аляски. Монастырь Оптина Пустынь действует как центр духовного просвещения для всех слоев населения. С 1721 года идет работа по завершению формирования системы духовного образования 3-х ступеней: училище, семинария, академия.

В третьем периоде, вследствие политики сближения с западноевропейской философией Возрождения (Екатерина II), в учебный курс всех школ, включая духовные, вводятся гуманитарные дисциплины, заимствованные из системы западноевропейского образования. В результате происходит смыкание философии и богословия как сердечной и деятельной науки (митр. Филарет (Дроздов)). К концу XVIII века православные сообщества и Церковь сохраняют влияние на духовное становление человека, но в преддверии нового этапа в истории образования формируется элита общества, ориентированная на западные модели ментальности.

Со времени реформ Александра II начинается период

активной деятельности педагогической общественности. Растет финансовое участие государства в организации земских школ. Во вновь открывающихся учебных заведениях организация образования основывается на привнесенной западноевропейской цивилизационной традиции — воспитание гражданственности западного протестантского образца. Стремительно развиваются церковно-приходские школы. Особенное значение приобретают педагогические теории общественных деятелей, рассматривающих проблемы в контексте заимствования или отрицания педагогического опыта Западной Европы (Л.Н. Толстой, Д.И. Писарев, С.А. Рачинский, К.Д. Ушинский, Н.И.Пирогов, епископ Феофан (Говоров)). Славянофилами формулируются теории русской ментальности, укорененные в православной вере. Таким образом, в третий период в атмосфере общественных дискуссий рождается осознание «православной веры через культуру» и как следствие — научно-теоретическое обоснование православной педагогической культуры.

В советский период в результате внутригосударственной политики насильственной секуляризации школы происходит принудительное закрытие всех духовных учебных заведений, монастырей. Идеологи советского периода предлагают иную интерпретацию цивилизационных ценностей классической русской литературы, образцы которой полагаются в основу начального, среднего, общего и средне-специального образования. Православное воспитание в советской России было возможно только в семье. Открыто занимаются вопросами православного образования представители русского зарубежья (В.В. Зеньковский, И.А. Ильин). С 1943 года в советской России начинают открываться первые Духовные школы, но они рассматриваются как узкопрофессиональные и исключительно сословные. Несмотря на то, что в советский период борьба за педагогическую культуру идеологически представляется как освобождение образования от влияния религии, отечественная педагогическая традиция сохраняет свое цивилизационное основание и развивается в двух хронотопах: советская педагогика, с ценностными установками христианства, переосмысленными как моральные установки советского человека, и педагогика русского зарубежья.

С 1991 года, когда произошел окончательный распад СССР, происходит стремительное разрушение идеологии коммунизма. В это время начинает открыто звучать запрос православно-ориентированной части общества на образование, основанное на цивилизационной традиции России. А в начале XXI века четко определяется государственный курс на восстановление преемственности цивилизационных начал в образовании.

Особенности становления духовно-культурной цивилизационной традиции в истории отечественного образования в контексте взаимодействия институтов общественного участия и государства

Вывод:

Подводя итог сказанному, отметим, что на протяжении всей истории **России — от древнего периода до настоящего времени** — прослеживается преемственность духовно-культурного аспекта цивилизационной педагогической традиции, которая, при взаимодействии трех основных социальных институтов: общества, государства и Русской Православной Церкви, находится в постоянном диалоге с западной педагогической культурой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Истоковедение. М.: Издательский дом «Истоки», 2008. Т. 9.

2. Каптерев П. Ф. История русской педагогии / предисл. Н. В. Бордовской, послесл. В. П. Борисенкова. СПб.: Алетейя, 2004.

3. Прокошева Е. Д. Осмысление принципов православной педагогики в современной педагогической науке // Вестник орловского государственного университета, № 2, 2014.

4. Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России. Электронный ресурс http://kremlin.ru/news/19243 (Дата обращения: 08.05. 2014).

5. Расторгуев В. Н. Русский народ и мировое цивилизационное наследие. М.: ИИЯ.

6. Шестун Георгий, игумен; Захарченко М. В. Цивилизационный подход к разработке концепции предмета «Православная культура»// «Образование и наука», № 10(78), 2010.

7. Хвыля-Олинтер Н. Шанс на изменение курса развития России // Официальный сайт центра научной политической мысли и идеолигии (Центр Сулакшина). Электронный ресурс http: //rusrand.ru/forecast/shans-na-izmenenie-kursa-razvitija-rossii (Дата обращения: 18. 09. 2014).

8. Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Издательский дом «Парад», 2005.

ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСИКЕ ЗОНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ

Салимзянов А.И.,
аспирант,
кафедра гражданского права и гражданского процесса,
Академия социального образования

Ключевые слова: особая экономическая зона, иностранный инвестор, льготное налогообложение
Key words: special economic zone, foreign investor, privileged taxation

Аннотация. Настройка специальных экономических зон в целях содействия экономическому и научный потенциал национальной экономики становится одним из наиболее эффективных и перспективных форм привлечения инвестиций, в том числе иностранных инвестиций. Особого правового режима применяется при таких экономических зон для ведения бизнеса направлена на предоставление инвесторам - резидентам из главных экономических жилойкомплекс с определенными стимулами для того, чтобы продвигать свои инвестиционной деятельности. Примерами таких мер могут быть установлены как льготное налогообложение, свободной таможенной зоны и гарантий от неблагоприятного изменения законодательства.

Setting up special economic zones in order to promote economic and scientific potential of national economy becomes one of the most effective and promising forms to attract investments, including foreign investment. Specific legal regime applied at such economic zones for doing business is aimed to providing investors - residents of the main economic zone- with certain incentives in order to promote their investment activities. Examples of such measures can be set as privileged taxation, free customs zone and guaranties against unfavorable changes in legislation.

Во многих государствах одной из эффективных и перспективных форм привлечения инвестиций с целью развития экономического и научного потенциала становится создание экономических зон. Экономический феномен, именуемый оффшорным бизнесом, является международно-экономическим явлением, представляющим собой сложный и комплексный процесс. Основная идея оффшорного бизнеса строится на сложной концепции экономической сущности [1, с.144], которая основывается на извлечении прибыли.

На международной арене анализом создания и функционирования подобных зон занимается организация ЮНИДА (подразделение ООН, имеющее штаб-квартиру в Вене). В мировой практике выделяют четыре типа свободных зон:

- зоны свободной торговли - расположенные в основном в крупных транспортных узлах в развивающихся и развитых странах (например, в Нидерландах, Латвии, Италии);

- производственные, или промышленно-производственные зоны - присутствуют в основном в Южной Корее, Бразилии и Мексике;

- технико-внедренческие зоны, или технополисы, технопарки - Япония, США, многие страны Западной Европы, Индия, страны Юго-Восточной Азии;

- сервисные зоны, или зоны услуг - страны Западной Европы, Юго-Восточной Азии и Карибского бассейна, Кипр.

Также отметим, что в разных странах применяются два альтернативных метода создания свободных зон. В первом случае они создаются в соответствии с государственной программой и преимущественно на бюджетные средства, управляются ведомственной структурой и предусматривают разрешительный порядок осуществления частных инвестиций (Китай, частично Южная Корея). Во втором случае (он распространен в мире гораздо чаще) свободной зоной управляет юридическое лицо в виде компании развития (частной или смешанной формы собственности), которая строит отношения с инвесторами на гражданско-правовой договорной основе, при заявительном (уведомительном) порядке инвестирования [2, с.115].

Правовое регулирование инвестиционной деятельности в особых экономических зонах в Российской Федерации осуществляется федеральными законами от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее - Закон № 116-ФЗ) [3], от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [4] и от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» [5].

Однако первые шаги по созданию территорий, на которых действовал особый режим ведения предпринимательской деятельности, в Российской Федерации были сделаны в начале и середине 1990-х годов. Предполагалось, что это будет стимулировать развитие обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, производство новых видов продукции, транспортной инфраструктуры, а также туризма и санаторно-курортной сферы. Так в 1994 г. была учреждена зона экономического благоприятствования «Ингушетия» в одноименной республике [6]. Позднее такие зоны были образованы и в ряде других регионов [7-11]. Правовое регулирование создания и функционирования этих зон проводилось не законами, а подзаконными актами: так, общие вопросы, касающиеся режима этих экономических зон, находили отражение в правительственных распоряжениях и постановлениях, президентских указах, международных договорах и других нормативных актах, что не могло обеспечить надлежащий уровень правовой защиты инвестиций.

По сути, созданные в Российской Федерации свободные экономические зоны трансформировались в офшоры. Компании регистрировались на соответствующих территориях, пользовались предоставляемыми им привилегиями, а деятельность свою вели за ее пределами. Большинство из этих зон так и не стали функционировать в полной степени, а их деятельность во многом нарушала федеральное законодательство. Таким образом, цели, поставленные при создании этих зон, не были достигнуты, вследствие чего зоны ликвидировали.

В соответствии с происходящими в экономике России переменами изменились задачи социально-экономической политики государства, а также задачи налоговой политики, главная цель которой - обеспечение экономического роста путем стимулирования равномерного и позитивного развития экономики, формирования доходной части бюджета. С этой целью государство ищет пути совершенствования системы налогообложения, для стимулирования предпринимательской деятельности. Одно из направлений совершенствования системы налогообложения, которое поддерживается государством, - это упрощение для определенных лиц порядка уплаты налогов путем значительного сокращения числа налоговых платежей, временного освобождения от уплаты налогов, уменьшения налоговых ставок, а также создание на отдельных территориях государства особой организационной формы производственной и предпринимательской деятельности, которая потенциально имеет огромные перспективы, - это особые экономические зоны (далее - ОЭЗ).

Понятие ОЭЗ в отечественной науке стало использоваться сравнительно недавно. Ранее действовавшие нормативные правовые акты периода 1990 - 1995 гг. первоначально предусматривали зоны свободного предпринимательства, а затем – свободные экономические зоны [12]. Более того, в литературе (особенно экономической) и законодательстве ряда стран можно встретить множество и других подобных наименований: «специальная экономическая зона»; «офшорная зона» и т.д.

В Российской Федерации функционируют 25 ОЭЗ, из которых 4 - промышленно-производственного типа («Алабуга», «Липецк», «Тольятти», «Титановая долина») , 4 - технико-внедренческого типа («Дубна», «Томск», «Зеленоград», «Санкт-Петербург») , 3 - портового типа («Ульяновск Восточный», «Советская гавань», «Мурманск») , 7 - туристско-рекреационного типа («Алтайская долина», «Бирюзовая Катунь», «Байкальская гавань», «Ворота Байкала», «Куршская Коса», «Гранд Спа Юца», «Остров Русский»). В совокупность ОЭЗ туристического типа (туристический кластер), действующих на территории Российской Федерации, входят ОЭЗ, расположенные в Карачаево-Черкесской Республике, Краснодарском крае, Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Северная Осетия - Алания, Республике Дагестан.

Режим ОЭЗ предоставляет инвесторам право получать таможенные и налоговые льготы, другие привилегии. Так, по данным Минэкономразвития России, существующая в ОЭЗ система налогообложения обеспечивает их резидентам получение 30-процентной финансовой выгоды [13]. Действующий в ОЭЗ особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности заключается в предоставлении резидентам ОЭЗ стимулирующих мер, направленных на развитие инвестиционной деятельности. В частности, в настоящее время законодательством Российской Федерации об ОЭЗ для резидентов ОЭЗ предусмотрены: 1) льготный налоговый режим; 2) таможенный режим свободной таможенной зоны; 3) гарантия от неблагоприятного изменения законодательства.

Закон № 116-ФЗ предусматривает в качестве условия для приобретения индивидуальными предпринимателями и коммерческими организациями статуса резидента ОЭЗ и внесения соответствующей записи в реестр резидентов заключение с органами управления ОЭЗ соглашения о ведении деятельности на территории таких зон.

Государственная регистрация, точнее внесение сведений в реестр резидентов ОЭЗ, имеет административно-правовую природу. Основное значение такой процедуры заключается в том, что она обеспечивает приобретение лицом статуса резидента ОЭЗ и тем самым позволяет установить, распространяется ли на данное лицо специальный режим осуществления предпринимательской деятельности в ОЭЗ или нет. Это своего рода допуск инвесторов, который выражается в предоставлении лицу права на осуществление предпринимательской деятельности на территории ОЭЗ, а также вытекающих из этого иных субъективных прав [14, с. 33].

Представляется, что подобная административная процедура для резидента ОЭЗ является излишней, поскольку она выступает дополнительным обременением (административным барьером) для физического или юридического лица. Заключенное между органом управления ОЭЗ и резидентом ОЭЗ соглашение о ведении деятельности в ОЭЗ устанавливает весь круг прав и обязанностей сторон и тем самым служит наиболее эффективным средством согласования интересов государства и инвестора. Именно такой договор и должен, на наш взгляд, являться необходимым и достаточным основанием для предоставления преференциального режима для резидентов ОЭЗ.

В настоящее время все созданные в Российской Федерации ОЭЗ предусмотрены федеральными законами. Однако возникает вопрос, могут ли органы государственной власти субъектов Российской Федерации совместно с органами местного самоуправления самостоятельно создавать ОЭЗ и устанавливать организационные, правовые и экономические основы регулирования хозяйственной деятельности на территории таких зон. В литературе на этот счет можно встретить противоположные точки зрения. Одни авторы полагают, что создание ОЭЗ находится в компетенции Российской Федерации [15, с. 63]; другие, напротив, считают, это не может быть предметом исключительного ведения Российской Федерации, и, как следствие, указывают на целесообразность создания региональных зон [16, с. 71].

Как представляется, если органы государственной власти субъектов Российской Федерации прямо уполномочены федеральным законом на регулирование тех или иных вопросов режима в ОЭЗ, как это предусмотрено, в частности, ОЭЗ Магаданской области, то принятие законов субъектов Российской Федерации по этим вопросам является правомерным [17]. Однако в остальных случаях ответ, скорее всего, будет отрицательным, по крайней мере, в отношении создания ОЭЗ согласно Закону № 116-ФЗ. Последний прямо устанавливает четыре возможных типа ОЭЗ (ч.1 ст.4), которые могут создаваться на территории Российской Федерации только на основании постановления Правительства Российской Федерации (ч.1 ст.6).

Тем не менее, на уровне субъектов Российской Федерации предпринимались попытки принимать законы об ОЭЗ или об иных подобных зонах, причем как до принятия Закона № 116-ФЗ, так и после вступления его в силу (в частности, в республиках Бурятия, Татарстан, Владимировской, Волгоградской, Курганской, Липецкой, Мурманской, Новгородской, Самарской областях [18- 20]. К примеру, Закон Липецкой области от 18 августа 2006 г. № 316-ОЗ «Об

особых экономических зонах регионального уровня» [20] определяет ОЭЗ регионального уровня как территориально обособленный комплекс на участке, имеющем общую границу (кроме туристско-рекреационной зоны и зоны агропромышленного типа), в пределах которого созданы благоприятные условия для ведения предпринимательской деятельности (ст.2 Закона об ОЭЗ). Как было указано выше, в зависимости от целей создания и направлений инвестиционной деятельности на территории данной области могут создаваться ОЭЗ регионального уровня промышленно-производственного, агропромышленного, технико-внедренческого, туристско-рекреационного типов (ч.1 ст.3 Закона об ОЭЗ).

Подводя итог, следует заключить, что правовое регулирование инвестиционных отношений в особых экономических зонах является несовершенным и требует, систематизации действующего законодательства Российской Федерации путем принятия одного федерального закона и расширения видов особых экономических зон. Кроме того, представляется целесообразным отменить процедуру государственной регистрации резидентов особых экономических зон, связав приобретение лицом статуса резидента особых экономических зон с заключением соглашения о ведении деятельности в особых экономических зонах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кабир Л.С. Организация офшорного бизнеса. М.: Финансы и статистика, 2002. С. 144.

2. Обзор законодательства, регулирующего вопросы функционирования зон с особым экономическим режимом в зарубежных странах. М.: Центр стратегических разработок при Правительстве Российской Федерации, 2011.

3. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»// СЗ РФ, 2005, № 30 (ч. II), ст. 3127.

4. Федеральный закон от 10.01.2006 № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 2006, № 3, ст. 280.

5. Федеральный закон от 31.05.1999 № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» // СЗ РФ, 1999, № 23, ст. 2807.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 1994 г. № «О зоне экономического благоприятствования на территории Ингушской Республики» // СЗ РФ, 1994, № 9, ст. 1023.

7. Постановление ВС РСФСР от 14.07.1990 № 106-1 «О создании зон свободного предпринимательства» //Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 1990, № 7, ст. 107.

8. Постановление ВС РСФСР от 13.09.1990 № 165-1 «О создании зон свободного предпринимательства» //Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 1990, № 15, ст. 162.

9. Указ Президента РФ от 04.06.1992 № 548 «О некоторых мерах по развитию свободных экономических зон (СЭЗ) на территории Российской Федерации» //Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 1992, № 24, ст. 1325.

10. Указ Президента РФ от 22.03.1995 № 300 «О свободной экономической зоне «Кабардино – Балкария» // СЗ РФ, 1995, № 13, ст. 1125.

11. Распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР от 7.06.1991 «О хозяйственно-правовом статусе свободной экономической зоны в Кемеровской области» // Ведомости РФ, 1991, № 24, ст. 816.

12. Закон РСФСР от 4 июля 1991 г. № 1545-1 «Об иностранных инвестициях в РСФСР» // Ведомости РФ, 1991, № 29, ст. 1008.

13. Электронный ресурс: URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm. Дата обращения 15 сентября 2014 г.

14. Доронина Н.Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций (постановка проблем и варианты решений): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.

15. Свободные экономические зоны и развитие туризма / М.М. Амирханов, Ю.А. Барзыкин, П.П. Чуваткин и др. Сочи: СГУТиКД, 2006.

16. Павлов П.В. Свободные экономические зоны в развитии национальной экономики. Таганрог: ТИУиЭ, 2005.

17. Закон Магаданской области от 29.06.1999 г. №75-ОЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» // Магаданская правда. 1999. 6 июля.

18. Закон Республики Татарстан от 22.04.1998 г. № 1569 «О свободной экономической зоне «Алабуга» // Республика Татарстан. 1998. 3 июня.

19. Закон Курганской области от 2.03.1999 г. № 188 «О локальных зонах экономического развития в Курганской области» // Новый мир. 1999. 10 марта.

20. Закон Липецкой области от 18.08.2006 г. № 316-ОЗ «Об особых экономических зонах регионального уровня» // Липецкая газета. 2006. 25 августа; 2007. 13 апреля; 2008. 31 мая; 2010. 12 марта, 3 ноября.

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Семенов В.В.,
адъюнкт,
Владимирский юридический институт ФСИН России

Ключевые слова: противодействие раскрытию преступлений, нейтрализация противодействия, осужденные, пенитенциарное учреждение, субъект расследования, уголовно-исполнительная система
Key words: opposition to the disclosure of crimes, the neutralization reaction, convicts, prison, the subject of the investigation, the correctional system

Аннотация. В данной статье автор пытается раскрыть сущность оперативно-розыскного преодоления противодействия раскрытию, и особенности ее нейтрализации. Автор анализирует не только мнения различных авторов, но также рассматривает действующее законодательство для качественно-проведенного исследования общих сторон нейтрализации и преодоления противодействия, оказываемых сотрудниками.

In this article, the author tries to reveal the essence of operational-investigative overcome resistance to disclosure, and especially its neutralization. The author analyzes not only the opinions of various authors, but also considers the current legislation for the qualitative study of general-side neutralizing and overcoming the resistance provided by the staff.

На сегодняшний день, несмотря на то, что сотрудники должны быть эталоном исполнения законов в Российской Федерации, обязаны защищать права и свободы человека, в реальности, учащаются случаи совершения должностных преступлений. Причин совершения таких преступлений очень много: во-первых, недобросовестное исполнение своих служебных обязанностей; во-вторых, отсутствие антикоррупционного воспитания; в-третьих, отсутствие чувства служебного долга; в-четвертых, слабохарактерность, выраженная в невозможности противостоять чужой воле. Все перечисленные проблемы являются, в большей степени, сложно исправимыми, т.к. возникли вследствие некачественного воспитания. Единственным методом исправления данной сложившийся ситуации является качественный подбор сотрудников правоохранительных органов. Особое внимание должно уделяться подбору сотрудников уголовно-исполнительной системы, т.к. деятельность в исправительных учреждениях требует от сотрудника бескомпромиссного и беспринципного подхода к исполнению служебных обязанностей.

К сожалению, факт совершения должностных преступлений присутствует в уголовно-исполнительной системе. В.Н. Бодяков отмечал: «… сущность должностных преступлений в УИС заключается в совершении должностным лицом, вопреки интересам службы, противоправных действий (бездействий) с использованием своего служебного положения, причиняющих существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан» [1; с. 11]. Так, за второй квартал 2014 года было возбуждено 158 уголовных дел в отношение сотрудников, причем наиболее встречаемыми статьями являются ст.ст.290,291 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) (получение взятки, дача взятки) – 40 уголовных дел; ст.228 УК РФ (преступления, связанные с наркотиками) – 34 уголовных дел; ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) – 19 уголовных дел[1].

Особенностью противодействия раскрытию преступлений со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы будет являться форма совершения, а именно сокрытие преступления. Необходимо сказать, что проводимое нами исследование опирается на вероятные возможности противодействия. Связано это, главным образом, с тем, что успешное противодействие может привезти к тому, что преступление вообще не будет выявлено, поэтому статистические данные не могут полностью показать, в каких преступлениях совершается противодействие, а в каких нет. Большое внимание должно уделяться классификации противодействия раскрытию преступлений, совершаемых сотрудниками УИС в пенитенциарных учреждениях.

К сожалению, в реальности встречаются случаи, когда сотрудник уголовно-исполнительной системы оказывает противодействие, имея общую цель с осужденными. Так, в результате незаконной связи с осужденными, сотрудник пенитенциарного учреждения может обсуждать преступный замысел и способы его сокрытия. В результате совместной деятельности сотрудник исправительного учреждения может осуществлять: 1) информирование осужденного; 2) непосредственно-физическую помощь; 3) привлечение других сотрудников.

Информирование осужденного заключается в том, чтобы предоставить информацию о возможных, удачных местах совершения побега; время и порядок смены караула, а также другой информации, которая может помочь осужденному (заключенному) совершить и сокрыть преступление. Вторая группа, непосредственно-физическая помощь заключается, прежде всего, в прямом содействии сотрудника в совершении преступления осужденным. К таким способам можно отнести: помощь в подготовке места совершения побега; создания условий для физической расправы над осужденным и т.п.

Третья группа свойственна в основном руководящему составу, так как в процессе привлечения других сотрудников будет являться фактор влияния верхних слоев на нижние. Кроме этого, в данном случае, может присутствовать корыстная заинтересованность обоих сторон в совершении преступления. Так, в результате проноса мобильного телефона, наркотических средств и т.д. сотрудник договаривается с начальником караула о слабо-проведенном обыске, впоследствии вознаграждение делится на всех участников преступления. В данной группе необходимо, по нашему мнению, обозначить еще один преступный случай, а именно представление осужденного к условно-досрочному ос-

1. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за июнь 2014 г. Форма 2-УИС.

вобождению (далее УДО). Здесь преступление может совершаться по разным мотивам, в одном случае сотрудник совершает из корыстных побуждений, в другом случае из-за негативного влияния на него со стороны родных и близких осужденного.

Перечислив случаи, совершения сотрудником преступлений, содействуя осужденным, необходимо заметить, что данный факт подчеркивает актуальность проводимого исследования и дает право разобрать способы и приемы противодействия раскрытию преступлений. Любое противодействие совершается путем решения трех самостоятельных задач: недопущения выявления признаков преступления; созданием помех в осуществлении деятельности органам следствия, дознания, а также оперативным работникам; создания помех в осуществлении деятельности при правосудии.

Главным основанием для классификации, в нашем случае, является цель субъекта противодействия. Данное основание содержит в себе два индивидуальных вида: первое, когда сотрудники пенитенциарного учреждения оказывают противодействие раскрытию преступлений без участия осужденного (заключенного); второе, когда сотрудники осуществляют противодействие раскрытию, имея общую, конечную цель с осужденным (заключенным). На основании анализа статистики и знания специфики уголовно-исполнительной системы, мы можем определить, не только конкретные, часто совершаемые преступления осужденных, но также и противодействие, которые совершают сотрудники. В местах лишения свободы главным способом противодействия является укрывательство факта совершения преступления от органов следствия. Главной причиной является нежелание снижать статистические показатели исправительного учреждения. Данный способ совершения противодействия является единственным примером, когда само действие исходит не от лица, совершившее преступления и не от пострадавшего, а именно от лица, не имеющего отношения к преступлению. Анализируя данную ситуацию необходимо отметить, что факт противодействия направлен не только на оставления факта совершения преступления без внимания, но также и на недопущения самостоятельно осужденным написать заявление о совершении преступления. Настоящее противодействия может достигаться различными способами, такими как: запугивание осужденного, как сотрудниками, так и другими осужденными; обещание каких-либо льгот в будущем или УДО.

Большое количество преступлений, совершаемых сотрудниками, связаны с превышением и злоупотреблением полномочиями. Так, в ведомственных нормативно-правовых актах, описаны основания применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Данные основания являются исчерпывающими, и ненормативное применение грозит юридической ответственностью. Нередко встречаются на практике случаи, когда сотрудник применяет физическую силу, без имеющих на то оснований. Причем необходимо сказать, что факт совершения преступления, будет являться и фактом противодействия, когда осужденный боится сообщать об этом другим сотрудникам администрации исправительного учреждения. Еще один случай, когда сотрудники пенитенциарного учреждения могут оказать противодействия раскрытию преступлений это укрывательство преступных действий, которые совершаются с корыстным умыслом, другими словами действия, которые подпадают под диспозицию ст.160 УК РФ. Учащены случаи, когда занимаемая должность в пенитенциарном учреждении позволяет контролировать производящую продукцию, вследствие чего у данных лиц возникает преступный замысел в нелегитимной реализации товара. Данный преступный факт скрывается по средствам подлога, который, в свою очередь, невозможно выявить без специальной проверки.

После рассмотрения возможных видов противодействия раскрытию преступлений, совершаемые сотрудниками пенитенциарных учреждений, нам представляется необходимым проанализировать методы выявления признаков противодействия, что немаловажно именно для практической деятельности. Необходимо начать с того, что выявление признаков противодействия это сложный процесс определенных должностных лиц, по собиранию информации о возможном противодействии раскрытию преступлений. Данный процесс подразделяется на криминалистическое и оперативно-розыскное выявление. В первом случае выявлением занимаются субъекты расследования, другими словами следователи и дознаватели. Наше исследование большей частью касается особенностей противодействия в местах лишения свободы, именно поэтому нас интересует оперативно-розыскное выявление. Данный вид выявления используется оперативными работниками, главными способами которых являются проведение оперативно-розыскных мероприятий и привлечение конфидентов.

После получения информации о совершенном либо совершающем преступлении, оперативный работник должен узнать не только обо всех особенностях преступления, но также и о применяемом способе сокрытия. Является актуальным замечание, что противодействие раскрытию преступлений, которые совершают сотрудники правоохранительных органов, чаще всего совершается в форме сокрытия преступлений.

Большое внимание должно уделяться организационно-тактическим формам и методам нейтрализации и преодоления противодействия раскрытию. Так же как и в процессе выявления, нейтрализация и преодоление подразделяется на криминалистическое и оперативно-розыскное. Главной отличительной чертой нейтрализации и преодоления является время осуществления, а именно нейтрализация осуществляется, когда информация получена, но самого факта противодействия еще не было. В свою очередь, преодоление противодействия это уже деятельность непосредственно направленная на ликвидацию уже оказанного противодействия.

В связи с тем, что противодействие раскрытию преступлений, которые совершают сотрудники, оказывают в форме сокрытия преступления, нейтрализации такого вида быть не может, т.к. сокрытие преступления, предполагает, что уголовное дело еще не возбуждено, но противодействие уже оказывается. В результате изложенного, мы приходим к заключению, что следующим видом деятельности оперативных сотрудников в борьбе с противодействием будет выступать оперативно-розыскное преодоление противодействие. Для полного исследования оперативно-розыскного преодоления необходимо проанализировать некоторые нормы законодательства, затрагивающие деятельность оперативных работников. Главным законодательным актом, который регламентирует деятель-

ность оперативных работников, является Федеральный закон «об оперативно-розыскной деятельности» (далее ФЗ «об ОРД») от 12.08.1995 г. №144-ФЗ. Так, в ст.1 ФЗ «об ОРД» прописано, что оперативно-розыскной деятельности это «вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Анализируя данное определение, мы можем выделить главный, для нас, признак, а именно, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством оперативно-розыскных мероприятий. В ст. 6 ФЗ «об ОРД» перечислены все оперативно-розыскные мероприятия (далее ОРМ), такими являются: Опрос; наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент.

Справедливым, по нашему мнению, является перечень оперативно-розыскных мер по нейтрализации противодействия раскрытию перечисленный В.А. Ищенко:

1) выявление на ранних стадиях намерений осужденных оказать криминальное противодействие, осуществляемое путем: ориентирование осужденных, оказывающих конфиденциальное содействие оперативными аппаратами мест лишения свободы, на выявление подобных фактов; создание информационного массива данных о событиях, явлениях, осужденных, касающихся криминального противодействия уголовному преследованию; организации взаимодействия с сотрудниками других служб и отделов исправительной колонии, а также с органами предварительного следствия;

2) документирование фактов криминального противодействия предварительному расследованию;

3) правовая оценка оказываемого противодействия.

4) прогнозирование поведения осужденных, противодействующих расследованию, и их окружения, влияния на обстановку воровских авторитетов.

5) общая оценка перспектив возможного развития событий с учетом бездействия оперативного аппарата;

6) Разработка плана мероприятий по предупреждению противодействия осужденных предварительному расследованию, такими мероприятиями являются: побуждение противодействующих лиц к отказу от нежелательных негативных действий; инициирование обстоятельств, делающих невозможным достижение замыслов противодействующих лиц [2; с.112-113].

На основании приведенной классификации нейтрализации противодействия, а также анализированного законодательства, мы можем сформулировать выводы, которые будут относится непосредственно к оперативно-розыскному преодолению противодействия раскрытию преступлений, совершаемых сотрудниками:

1) Использование конфидентов для нейтрализации противодействия раскрытию преступлений. Здесь необходимо уточнить, что, так как мы исследуем проблему противодействия со стороны сотрудников пенитенциарных учреждений, в связи с этим традиционное применение конфидентов не поможет в полной мере. Во-первых, чтобы пресекать, нейтрализовывать и преодолевать противодействие, необходимо владеть информацией о состоянии преступности и возможных субъектов правонарушений не только со стороны осужденных и заключенных, но и, главным образом, среди сотрудников уголовно-исполнительной системы. Во-вторых, аппарат конфидентов должен иметь непосредственный контакт с сотрудниками, которые совершают противодействие раскрытию преступлений. В-третьих, своевременность передачи информации конфидентами о возможном противодействии для успешной нейтрализации и преодоления противодействия.

2) Проведение ОРМ имеет самое непосредственно значение и место в системе нейтрализации и преодоления противодействия раскрытию преступлений. Далее необходимо разобрать каждое ОРМ, для полного анализа специфики применения его для преодоления противодействия. Так:

а) Опрос. Данное ОРМ, заключается в сборе (добывании) информации в процессе непосредственного общения оперативника или по его поручению другого лица с человеком, который осведомлен или может быть осведомлен о лицах, фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения задач ОРД [3; с. 322]. Настоящее ОРМ не так сильно связано с преодолением противодействия как некоторые другие мероприятия, но, имеет непосредственное отношение подготовке такой процедуре, а именно сбор и фиксация оперативной информации поможет оперативному работнику в удачном преодолении противодействия.

Автор не случайно предлагает включить данное ОРМ в перечень способов преодоления противодействия раскрытию, совершаемыми сотрудниками, так как в данном случае процесс получения оперативно значимой информации будет зависеть от качества проведения именно этого мероприятия.

б) Исследование предметов и документов. Согласно мнению авторитетных ученых, данное ОРМ проводится с привлечением специалистов, т.е. сведущих лиц, обладающих научными, техническими и иными специальными познаниями, необходимыми для изучения указанных материальных объектов при решения задач ОРД [3; с. 334]. Раннее мы говорили, что наиболее частое противодействие раскрытию преступлений, которые могут совершить сотрудники пенитенциарного учреждения является укрывательство фактов и признаков преступления от органов расследования, путем не фиксации их соответствующим образом. При получении информации о сокрытии преступлений, сотрудниками исправительного учреждения, оперативный работник должен прибегнуть к проведению такого ОРМ как исследование предметов и документов для подтверждения противодействия. В случае, отсутствия фиксированной информации о совершенном преступлении оперативный работник обязан передать, соответствующим образом, в органы расследования.

Необходимо сказать, что процесс оперативно-розыскной нейтрализации и преодоления противодействия более связан со своевременной передачей оперативным работником информации о возможном противодействии. Свя-

зано это в первую очередь с тем, что все процессуальные решения производит субъект расследования, и оперативный работник проводит соответствующие мероприятия только для выявления, пресечения и предупреждения преступлений. Примечательно для нашего исследования, будет являться та деятельность, которая направлена на преодоление противодействия на стадии выявления, которое, в свою очередь, в криминалистической науке называется нейтрализацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1) В.Н. Бодяков. Расследование должностных преступлений в уголовно-исполнительной системе: Автореф. Дисс. … канд. юрид. наук. –Владимир, 2009.

2) Ищенко В.А. Противодействие предварительному расследованию в местах лишения свободы и направления его нейтрализации: Дисс. …канд.юрид.наук. – М, 2007.

3) Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2010. – Х.

НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ АВТОРСКОЙ ПРОГРАММЫ ЗАНЯТИЙ СПОРТИВНЫМ ТУРИЗМОМ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

Токмаков А.А.,
преподаватель,
кафедра туризма,
Уфимский государственный университет экономики и сервиса

Ключевые слова: спортивный туризм, авторские программы, подростки с ДЦП, метод стабилометрии
Key words: tourism, author of the program, young people with cerebral palsy, a method stabilometry

Аннотация. Программа занятий спортивным туризмом для подростков с ДЦП. Рассматривается влияние применения средств туризма на физическое и психическое состояние организма подростков. Расписанны этапы занятий, приведены допустимые часы занятий, описаны блоки тренировочного процесса. Рассмотрен метод стабилометрии в тренировочном процессе.

The program of occupations by sports tourism for teenagers with a children's cerebral palsy. In this work influence of application of means of tourism on a physical and mental condition of an organism of teenagers is considered. In addition stages of occupations are painted, admissible school hours are given, blocks of training process are described. The stabilometriya method in training process is also considered.

Актуальность темы обусловлена значительной распространенностью поражений опорно-двигательного аппарата и постоянным ростом количества детей-инвалидов с нарушениями соответствующих функций, несмотря на значительный прогресс медицины и развитие цивилизации. В течение длительного времени инвалидность вследствие травм органов опоры и движения занимает третье место, уступая заболеваниям сердечно-сосудистой системы и злокачественным новообразованиям [4]. Среди инвалидов особенно много лиц с поражением опорно-двигательного аппарата (ОДА), в том числе с таким сложным заболеванием, как детский церебральный паралич (ДЦП). Инвалидность по ДЦП занимает первое место в структуре детской инвалидности по неврологическому профилю [3], тяжесть заболевания обусловлена как двигательными, так психическими и речевыми нарушениями.

В последнее время во всем мире произошло осознание проблемы трудностей адаптации к обычной жизни личности человека с ограниченными возможностями и в связи с этим реальной зависимости этих людей от общества. Являясь частью общества, человек с ограниченными возможностями имеет полное право как на самореализацию, так и на реализацию себя в обществе. Проблемы обучения, воспитания и социализации детей с церебральным параличом взаимосвязаны с вопросами физического воспитания, поиска эффективных методик развития двигательной сферы, развития локомоторной функции и повышения уровня развития физических качеств. Двигательная и трудовая деятельность детей с церебральным параличом возможна только при постоянной физической активности, поэтому уровень развития двигательных умений и навыков, степень развития физических качеств играет важную роль в их социальной адаптации [2].

Один из способов решения данной проблемы для лиц с ограниченными возможностями - повысить свои физические возможности и, тем самым, научиться лучше справляться со своим недугом. Одним из наиболее целесообразных восстановительных мероприятий в этом плане является привлечение инвалидов к занятиям физической культурой и спортом. В последнее время среди инвалидов особой популярностью, в виду своей доступности, пользуется спортивный туризм. Помимо увеличения двигательной активности он может в значительной степени приблизить жизненное пространство инвалидов к жизненному пространству здоровых людей [1].

Цель работы – научное обоснование системы двигательной реабилитации подростков с детским церебральным параличом. Для достижения поставленной цели нами была разработана программа двигательной реабилитации подростков с детским церебральным параличом средствами спортивного туризма в сочетании с методом стабилометрии и экспериментально доказана ее эффективность. Нами проводились занятия спортивным туризмом с детьми 13-17 лет на базе ГБОУ ДОД Республиканского детского оздоровительно-общеобразовательного центра туризма, краеведения и экскурсий г. Уфы и Уфимской специальной коррекционной общеобразовательной школы-интернат №13 VI вида для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Контрольная группа (34 чел.) занималась по стандартной программе спортивного туризма, разработанной Константиновым Ю.С. Экспериментальная группа (32 чел.) занималась с по разработанной нами авторской программе.

Общие сведения о программе.

В данной программе представлен план туристско-спортивной работы, адаптированный к возможностям детей-инвалидов. Программа рассчитана на 2 года обучения. Возраст детей – 13-17 лет.

В авторской программе в 1 год обучения большое значение уделяется физической подготовке, адекватной возможностям каждого ребенка-инвалида. В учебную программу включены: занятия по основам спортивного туризма, общая физическая подготовка, включающая занятия с направленным действием на мышцы верхних и нижних конечностей с выявленными нарушениями функций, занятия на компьютерном стабилоанализаторе с биологической обратной связью «Стабилан-01», занятия телесно-ориентированной терапией, контрольные тренировки, экскурсии, ориентирование, выживание в экстремальных условиях, тестирование психических и физических качеств.

В том случае, если в силу индивидуальных особенностей ребенок не может освоить предлагаемый план обучения, в последующие годы этот ребенок (находясь в той же группе) повторяет уже усвоенные знания и навыки, не переходя в основную группу (2-ой год обучения) с повышенной сложностью заданий.

Дети-инвалиды, успешно преодолевшие 1 год обучения, переходят в основную группу, занимаются по более сложной программе на 2 году обучения.

При разработке авторской программы занятий спортивным туризмом с использованием компьютерного стабилоанализатора с биологической обратной связью «Стабилан-01» были использованы физиологически обоснованные педагогические принципы: доступность, сознательность, постепенность, активность, наглядность, систематичность, индивидуальность.

Нарушение этих принципов - недостаточная продолжительность или нерегулярность занятий, активного отдыха; однотипность форм занятий, их монотонность - снижает эффективность реабилитации и отрицательно влияет

на состояние нервно-психической сферы инвалида. При составлении программы реабилитации были использованы общие принципы построения программ занятий, которые апробированы в практике и методике физического воспитания.

В занятиях комплексной направленности одновременно предусматривалось развитие отдельных физических качеств и способностей, а также создавались условия для повышения функционального потенциала сердечно-сосудистой, дыхательной и нервно-мышечной систем.

Для повышения устойчивости в вертикальном положении и выработки нового «правильного» двигательного стереотипа движений в содержание занятий спортивным туризмом были введены компьютерные стабилографические игры, при их выполнении реализовалась визуальная обратная связь, которая позволяла произвольно корректировать вертикальную позу самому занимающемуся и формировать двигательный навык сохранения равновесия в критических, неустойчивых для него положениях. Для эффективного расслабления и снятия мышечных спазмов применялись упражнения по телесно-ориентированной терапии.

На начальном этапе обучения основной упор производился на развитие координации и выносливости, так как без должного уровня развития этих качеств в дальнейшем обучение становится крайне сложным и медленным, обуславливается это спецификой заболевания. Большое значение уделялось воспитанию скоростно-силовых качеств. Использовались вспомогательные упражнения, которые способствуют повышению максимальной силы, силовой выносливости, гибкости, а также средства, заимствованные из других видов спорта и адаптированные к инвалидам с ДЦП. Для этого в общеподготовительные упражнения включались элементы спортивной гимнастики и разновидности подвижных и спортивных игр.

Выполнение практически каждого элемента спортивного туризма в процессе прохождения программы, параллельно с воспитанием физических качеств, несет в себе корригирующее воздействие.

Например, такой простой и базовый блок, как вязание узлов, способствует улучшению мелкой моторики, что в свою очередь, по мнению многих ученых, является мощным инструментом для развития сенсорных способностей и активизирует работу высшей нервной деятельности подростка, кроме того способствует разработки контрактур в суставах кисти.

Такие небольшие элементы, как: открыть «карабин-автомат», «замуфтовать» карабин типа «РИНГ», подключить «восьмерку», «жумар», «решетку», «гри-гри» и т.п. специальное снаряжение, также способствуют развитию мелкой моторики, памяти, а при дальнейшем обучении способствуют развитию и пространственно-логического мышления.

Прохождение «навесной переправы» требует у занимающихся спортивным туризмом довольно большого приложения сил. При её прохождении у тренируемого активно работают мышцы рук, плечевого пояса и ног.

«Круто-наклонная навесная переправа» по технике наведения и прохождения существенно не отличается от «навесной переправы», но по специфике прохождения является более сложной в плане приложения больших физических усилий. Данный вид препятствия предлагается тренируемым, успешно прошедшим «навесную переправу» для усложнения и увеличения физической нагрузки, соответственно и уровня тренированности.

Прохождение препятствия «бревно» способствует развитию координации, а за счет цилиндрической формы бревна, тренируемые вынуждены распределять свой вес по стопе таким образом, чтобы сохранить равновесие, это призывает их ставить ноги в нормальное положение, что не свойственно детям с ДЦП в повседневной жизни.

Препятствия «спуск» и «подъем» также способствуют тому, что ребенок-инвалид, приспосабливаясь к условиям естественной среды, начинает располагать ноги в естественную позу, возникает необходимость одновременно держаться руками за «перила» и контролировать положение рук относительно страховочного узла, что усложняет процесс и ставит перед тренируемым условия, при которых его сознанию приходится работать в режиме многозадачности.

При преодолении препятствия «паутина» ребенку необходимо передвигаться на четырех точках опоры (руки, ноги) и опираться на веревку диаметром 10 мм, и вполне естественно, что для координации движения ему необходимо правильно и своевременно переносить вес своего тела и распределять его на все точки опоры.

«Параллельные перила» отличаются от препятствия «бревно» тем, что вместо бревна тренируемые передвигаются ногами по веревке. Это препятствие является переходом на более высокий уровень подготовки.

Следующим более сложным видом препятствий является «переправа по бревну способом новомаятник» При прохождении этого препятствия тренируемому требуется достаточно сильно развитая координация, так как, «перила» закреплены только с одного «берега», а другой конец веревки свободно лежит на земле, и тренирумый преодолевает этап, опираясь на «перила» закрепленные на отдаленной опоре.

Препятствие «гать» - преодоление болота с помощью жердей, требует больше физических усилий, чем прохождение «бревна». Тренируемым требуется не просто способность к хорошей координации, но и навыки работы в команде. Это препятствие преодолевается по тактико-техническим характеристикам намного лучше и эффективнее, если его одновременно проходят несколько человек (2-3 человека, либо вся команда). Это способствует естественному выделению в команде личности лидера, вхождению ее в социум посредством открытого диалога с членами команды.

Общая физическая подготовка и специальная физиче-

ская подготовка включают в себя, как общепринятые физические упражнения (подтягивания на перекладине, жим в упоре лежа, бег, гимнастические упражнения с использованием различных предметов и без, подвижные игры и т.д.), так и специальные упражнения. К примеру подростки в различных вариациях (по парно, командно, хаотично) передают друг другу мяч, при этом в усложненном варианте увеличивается количество мячей, уменьшается время передачи, подбираются мячи различного веса и диаметра, что способствует улучшению подвижности нервных процессов, внимания, концентрации и межмышечной координации.

Особенности реализации авторской программы.

В работе с детьми-инвалидами с диагнозом ДЦП необходимо учитывать такие особенности освоения ими туристских знаний, как замедленное усвоение информации, необходимость периодического повторения пройденного материала, замедленное выполнение поставленной задачи, рассеянное внимание.

Для детей-инвалидов с церебральным параличом, характерна разная, в зависимости от тяжести заболевания, степень освоения преподаваемого материала, а также разный уровень допустимых физических нагрузок.

Формы работы с детьми-инвалидами по авторской программе:

- теоретические учебные занятия;
- практические учебные занятия;
- специальные развивающие занятия;
- общая физическая подготовка, включающая занятия с направленным действием на мышцы верхних и нижних конечностей, с выявленными нарушениями функций, занятия на компьютерном стабилографическом комплексе «Стабилан-01» и телесно-ориентированую терапию;
- экскурсии и экскурсионные поездки;
- туристские походы;
- тестирование психологических и физических качеств.

На теоретических учебных занятиях дети приобретают базовые знания, необходимые для занятий спортивно - оздоровительным туризмом.

Практические занятия по азам спортивного туризма включают приобретение навыков спортивного туризма. Это - преодоление сложного природного рельефа с использованием специального снаряжения, укладка рюкзака, установка палатки, разжигание костра, работа с компасом, вязка узлов, оказание первой медицинской помощи.

К практическим занятиям детей-инвалидов вплотную примыкают специальные развивающие занятия, конкретное содержание которых определяет педагог дополнительного образования, в зависимости от основного направления работы применительно к данной группе детей. Для детей с ДЦП это, прежде всего, развитие пространственного мышления, совершенствование интеллектуальных способностей, тренировка физических и волевых качеств.

Экскурсии для детей с ограниченными возможностями проводились с использованием специального транспорта и городского транспорта общего пользования. Во втором случае дети учатся ориентироваться в городе, взаимодействовать с окружающими людьми, приобретают практические навыки правил поведения в городе и правил дорожного движения.

В процессе туристского похода проводились занятия «Выживание в экстремальных условиях». Во время этих занятий отрабатывались навыки передвижения в различных условиях – лесная тропа, заросли, бурелом, подъем и спуск. Во время передвижения дети узнают о характере окружающей их местности, учатся выбирать место для укрытия, сооружать убежища, ориентироваться на местности.

Учебно-тематический план

Тематический план обучения одного года рассчитан на занятия группы детей-инвалидов три раза в неделю.

Моторная плотность при ознакомлении с новым материалом составляет 20 – 30%, при разучивании нового материала 30 – 40%, закрепление и совершенствование 40 – 70%

Виды подготовки	1-й год обучения (час.)	2-й год обучения (час.)
1. Теоретическая подготовка	30	22
2. Техническая подготовка	60	56
3. Тактическая подготовка	14	20
4. Общая физическая подготовка	60	60
5. Специальная физическая подготовка	16	20
6. Контрольные испытания (приёмные, промежуточные, переводные), психологические, физические	14	14
7. Ориентирование на местности	10	8
8. Выживание в экстремальных условиях	12	16
Итого	216	216
Количество тренировочных дней	108	108
Количество соревновательных дней	4	6

Теоретическая подготовка. В этом разделе изучаются теоретические основы преодоления сложного природного рельефа с использованием специального снаряжения (различные виды веревок: «восьмёрка», «жумар», «блок ролик», «шант» и т.д). В частности, изучаются правила по организации и наведению различных видов препятствий: навесная переправа, бревно, спуск, подъем и т.д. Изучаются виды узлов и способы их применения.

Техническая подготовка. Отрабатывается техника и способы вязания узлов, различные варианты наведения и прохождения препятствий. Осваиваются различные виды страховки на каждом из них.

Тактическая подготовка. Данный блок предусматривает обучение тренируемого подбору средств и методов ведения дистанционной деятельности в изменяющихся условиях, подбору специального снаряжения и техники преодоления сложного природного рельефа, исходя из условий дистанции.

Общая физическая подготовка направлена на всестороннее развитие занимающихся. Применяются упражнения для шеи, мышц рук и плечевого пояса, туловища и ног из различного исходного положения с

применением инвентаря. Основой выполнения двигательных действий в процессе занятий на стабилане, являются запрограмированные компьютерные стабилографические игры («мячики», «фигурки по кресту», «построение картинок», «октаэдр» и т.п.).

Специальная физическая подготовка направлена на развитие специальных физических качеств, необходимых в спортивном туризме. В занятия включаются элементы соревновательных действий, и их вариации, а также движения и действия сходные с ними по форме или характеру проявляемых способностей. Упражнения подбираются с таким расчетом, чтобы обеспечить более направленное и дифференцированное воздействие на совершенствование физических способностей и формирование навыков необходимых занимающимся, с учетом нарушенных функций. К числу специальных упражнений относятся также и имитационные упражнения, которые подбираются таким образом, что бы действия занимающегося как можно больше соответствовали по координационной структуре и характеру выполнения и, особенно, по кинематике, избранному виду спорта.

Контрольные испытания.

Этот блок предназначен для получения и подтверждения результатов по физической и технической подготовленности занимающихся за время занятий спортивным туризмом. Контрольная тренировка проводится не реже одного раза в три месяца.

При занятиях спортивным туризмом для детей с ДЦП предусматриваются соревнования различного уровня.

Тестирование занимающихся проводиться в начале и в конце учебного года для отслеживания динамики психических и физических качеств.

Ориентирование на местности включает приемы и способы ориентирования на местности, на дистанциях, изучение оборудования контрольного пункта (КП), техники отметки на КП на заданной и маркированной дистанциях, знание символьных легенд КП.

При ориентировании на местности дети изучают технические навыки чтения карты, ориентирование с помощью компаса, сопоставление карты с местностью, прохождение и анализ дистанций по разным видам ориентирования: заданное, по выбору, на маркированной дистанции.

Выживание в экстремальных условиях.

Спорт для инвалидов ставит высокие требования не только к физической, технико-тактической, но и психологической подготовке.

Общая психологическая подготовка заключается в формировании и закреплении черт характера и качеств личности, особенно необходимых спортсменам-инвалидам. Этот сложный педагогический процесс условно можно разделить на общую подготовку, включающую воспитание мотивов, которые побуждают к систематическим занятиям, совершенствование двигательных навыков, преодоление трудностей, и подготовку к соревнованиям, когда проводится работа по достижению наивысшей психологической готовности к конкретным соревнованиям.

Для эффективного влияния на психическое состояние инвалидов занимающихся спортивным туризмом в процессе тренировки необходимо воспитывать у них морально-волевые качества, развивать и совершенствовать внимание, наблюдательность, умение управлять своими эмоциями. Для решения этих задач в программу был включен блок «выживание в экстремальных условиях».

Во время этих занятий отрабатываются навыки передвижения в различных условиях – лесная тропа, заросли, бурелом подъем и спуск. Изучается техника оказание первой медицинской помощи, ваиды костров и способы их разведения, иды убежищ и техника их постройки в разные времена года, приготовление подручных приспособлений для добычи пищи (удочки, ловушки); очитка воды и т.п. При однодневных походах приобретаются навыки пребывания в лесу без карты, нахождения путей выхода из незнакомого леса, изготовление различных видов носилок.

Апробация данной программы в Республиканском детском оздоровительно-образовательном центре туризма краеведения и экскурсий, показала положительные результаты. Она позволяет улучшить их двигательные возможности, повысить уровень развития физических качеств детей с ДЦП, расширить кругозор знаний, приобрести необходимые навыки и умения. Занятия по программе оказывают положительное влияние на психосоматическое состояние.

Выводы

При сравнивании полученных результатов развития основных физических качеств, таких как выносливость, координация, силовые и скоростно-силовые способности у детей с ДЦП, занимающихся по авторской программе в конце 1-го года занятий отмечаются достоверные различия показателей по сравнению с детьми, занимающимися по общепринятой программе Константинова Ю.С.

Подростки с ДЦП, занимающиеся по авторской программе спортивного туризма имеют достоверно более низкие показатели тревожности, что в свою очередь способствует более быстрому запоминанию нового материала, повышению уровня общительности и, как следствие, уровня социализации.

Более 87,64% экспериментальной группы перешло после 1-го года обучения из группы начальной подготовки в основную группу, что составило 28 подростков из 32, в то время как в группе, занимающейся по стандартной программе - лишь 20,5%, что составило 7 подростков из 34.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровский В.И., Дубровская А.В. Лечебная физическая культура [Текст]. М. : Изд-во «БИНОМ», 2010, 448 с.

2. Ковалева Ю.А. Оценка эффективности разработанной методики с использованием костюма «Адели» для детей младшего школьного возраста с церебральным параличом [Текст] // Адаптивная физическая культура. 2009. №1 (37). С. 28-31.

3. Семенова К. А. Восстановительное лечение больных с резидуальной стадией детского церебрального паралича [Текст]. М. : Антидор, 1999. 384 с.

4. Шабельник В.И, Чемерисов В.В., Шевченко П.В. Первичная инвалидность и травматизм в Украине за 1981 - 1992 года [Текст] // Медико-социальная экспертиза и реабилитация инвалидов. Днепропетровск,1995. Вып. 28.С. 33-36.

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Ушакова Н.Б.,
ассистент,
кафедра экономики товарных рынков,
Тюменский государственный нефтегазовый университет

Ключевые слова: глобализация, российский рынок труда, безработица, занятость, экономически-активное население, профессиональное образование
Key words: globalization, the Russian labor market, unemployment, employment, economically active population, vocational education

Аннотация. В статье проведено исследование российского рынка труда с точки зрения проблем и тенденций его развития. Особое внимание обращено на правовое регулирование рынка труда в Российской Федерации, доказано несовершенство современной нормативно-правовой базы в этой области.

In this paper a study of the Russian labor market in terms of problems and trends. Particular attention is paid to the legal regulation of the labor market in the Russian Federation, proved inadequate modern regulatory framework in this area.

В условиях глобализации мировой экономики проблема обеспечения эффективного функционирования национальных рынков труда является одной из самых актуальных и, несомненно, приоритетных. Создание условий, необходимых для взаимодействия работников и работодателей, обеспечение стабильности и равноценности их взаимоотношений — достаточно сложная и серьёзная задача. Весьма важно создать такие условия на рынке труда, чтобы работники и работодатели чувствовали себя в равной степени полноправными и равноценными участниками трудовых отношений. Особого внимания требуют, прежде всего, вопросы регулирования занятости и рынка труда в целом [9].

Проблема формирования эффективного рынка труда, а также его поддержание и развитие — задача, прежде всего, государства. Для этого правительству необходимо:

1) подготовить полноценных участников рынка труда — работодателей и работников. Здесь на его плечи ложится задача обеспечения возможности качественного полноценного образования для всех слоёв населения, подготовки квалифицированных рабочих и специалистов во всех областях;

2) очень важно создать именно те условия, в которых участники смогут взаимодействовать — то есть сам рынок;

3) важно обеспечить профессиональную и территориальную мобильность участников рынка труда, решить бытовые проблемы работников — проблемы связанные с жильём и образованием;

4) немаловажно производственным процессом затрагивать все регионы страны, все слои населения, равномерно распределяя рабочие места по стране и развивая слабые и упадочные регионы;

5) помимо подготовки самих участников производственного процесса и создания условий для его функционирования очень серьёзной задачей является разработка и создание своеобразных правил и условий действия на рынке, а также регулирование и контроль над их соблюдением. Необходима разработка такого законодательства, которое бы позволило, как работникам, так и работодателям чувствовать себя равноправными участниками трудовых отношений;

6) наконец, при анализе тенденций и проблем развития российского рынка труда, чрезвычайно важно учитывать национальные особенности. [2]

На сегодняшний момент национальный рынок труда имеет множество серьёзных проблем. Это, в первую очередь, разрешение таких важнейших вопросов, как: устранение открытой безработицы, повышение оплаты труда, достойное пенсионное обеспечение граждан, совершенствование системы трудового страхования, обеспечение мобильности рабочей силы, повышение уровня производительности труда, обеспечение эффективности занятости, преодоление чрезмерной дифференциации доходов различных слоёв населения и многие другие вопросы. [3] Ключевыми принципами российской политики занятости должно стать применение программного подхода по использованию социального партнерства, когда социально ориентированная рыночная экономика поддерживает высокие темпы экономического роста и разумный уровень социальной защиты и социального консенсуса. [8].

Чрезвычайно важно при этом учитывать тот факт, что в России имеет место неблагоприятная демографическая ситуация. Российский рынок труда необходимо совершенствовать в условиях превышения смертности над рождаемостью. Ещё одной существенной преградой для изучения социально-трудовых отношений в России является наличие огромных размеров неформального скрытого сектора экономики. [6] Таким образом, основные проблемы создания полноценно функционирующего рынка труда сводятся к вопросам образования, обеспечения профессиональной и территориальной мобильности, а также к вопросам законодательства, регулирующим и контролирующим трудовые отношения. [1]

Что касается последнего, то необходимо отметить, что современное законодательство в области рынка труда сложилось в последнее двадцатилетие. В СССР защита населения от безработицы не требовалась, поскольку Конституция СССР обеспечивала гражданам гарантированное право на труд. С изменением типа экономической системы ситуация кардинально изменилась. [5] На сегодняшний день трудовые отношения в России регулируются Конституцией Российской Федерации, Трудовым Кодексом и рядом Федеральных законов о политике в области труда и занятости. Однако российское законодательство до сих пор остаётся, к сожалению, одним из самых серьёзных препятствий для совершенствования национального рынка труда.

Начиная с 1991 г., в Российской Федерации было при-

Таблица 1. Численность безработных в 2002–2012 гг.

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
По данным обследований населения по проблемам занятости											
Численность безработных, тыс. чел.	7059	6287	6154	5683	5775	5208	4998	4232	5289	6427	6800
По данным Федеральной службы по труду и занятости											
Численность безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, тыс. чел.	1037	1122	1499	1638	1920	1830	1742	1553	1522	2145	2200

нято более 100 федеральных законов, касающихся принципов функционирования рынка труда. Важным шагом в формировании правовой базы для функционирования национального рынка труда явилось принятие Трудового Кодекса Российской Федерации в феврале 2002 года. Однако, несмотря на все указанное выше, в России до сих пор нет целостности в правовой сфере рынка труда, законодательство в данной области далеко не совершенно. [7]

Бесспорным является тот факт, что в связи с развивающейся стремительным образом глобализацией, а также процессами интернационализации практически всех сфер жизни общества, Россия должна считаться с тенденциями мирового рынка труда. Однако на данный момент ею ратифицирована всего лишь одна из восьми конвенций в области защиты от безработицы и содействия занятости, разработанных Международной организацией труда (МОТ) — это конвенция номер 122 «О политике в области занятости» (была принята Международной организацией труда в 1964 г. и ратифицированная ещё СССР).

Таким образом, можно со всей уверенностью отметить, что на данный момент в России практика действия международных стандартов организации и регулирования отношений в социально-трудовой сфере находится лишь в самом начале длительного пути. Хотя, безусловно, интеграционные процессы и функционирование рыночных механизмов в современной России подталкивают процесс становления развитого рынка труда, цивилизованных социально-трудовых отношений, формирования принципов страхования и социальной защиты работников к его развитию и совершенствованию. Исправление недостатков законодательства должно привести к незамедлительным положительным результатам.

Формально же согласно современному российскому законодательству в сфере труда работники находятся в достаточно защищённом положении, где-то даже более защищённом, чем в западном законодательстве. [4] Так, в российском законодательстве страхование по безработице осуществляется за счёт средств государственного бюджета и носит всеобщий характер. По сравнению со странами Европы в России пособием по безработице охватывается более широкий круг лиц и на более длительный период. После окончания срока выплаты пособий по безработице законодательно предусматривается прочая материальная поддержка [1]. Однако на практике ситуация намного печальнее, чем может казаться. Пособие по безработице находится на катастрофически низком уровне в сравнении с уровнем прожиточного минимума. Другой пример — хотя законодательство обязывает структуры частного предпринимательства социально защищать своих работников, в реальной практике частный бизнес далеко не всегда заботится о защищённости своего трудового коллектива. Так, официальный уровень оплаты труда, как правило, существенно занижен, иногда вообще идёт «чёрной» зарплатой в конвертах. Следовательно, последующая социальная защита и материальная поддержка работников в случае увольнения находятся на минимальном уровне. [9]

Нельзя не отметить и тот факт, что в законодательстве очевидны пробелы в обеспечении профессиональной подготовки и переподготовки кадров на производстве, в обеспечении гибких форм занятости. Население имеет недостаточный доступ к информации о свободных рабочих местах, а также практически не имеет возможности к трудовой миграции. Эти и многие другие проблемы законодательства отражаются на достаточно больших слоях населения, которые должны были бы быть поддержаны и защищены государством.

Наиболее уязвимыми группами населения в рамках рынка труда являются безработные. Недостаточные права в рамках трудовых отношений имеют подростки, люди преклонного возраста и женщины. В особую категорию можно также вынести жителей сельской местности. Наиболее тяжёлая ситуация возникает у тех, кто временно остался без работы и находится в её поиске. Права данной категории граждан регулируются Законом «О занятости населения в Российской Федерации» [2]. Данный закон в первой его редакции был принят в 1991 г., а позднее изменялся и дополнялся большое количество раз, и каждый раз данные изменения и дополнения были приняты не в пользу безработной категории граждан. [8]

Реализация прав безработной категории граждан согласно закону о занятости подразумевает, в первую очередь, их материальную поддержку, а также помощь в получении дополнительного образования (переподготовки) или новой профессии. Однако проблема в том, что эта поддержка предоставляется только тем, кто официально зарегистрирован в государственных службах занятости. Интересны статистические данные табл. 1, характеризующие процентное соотношение безработных и официально зарегистрированных в службах занятости в качестве безработных. [3]

Как видим из таблицы, численность безработных по данным обследования населения по проблемам занятости превышает численность безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, в несколько раз. В 2000 г. этот разрыв был больше, чем в 7 раз, далее с каждым годом этот показатель постепенно снижался, тем не менее, до сих пор продолжает оставаться на высоком уровне. Лишь небольшая численность безработных

идёт регистрироваться в службах занятости, остальные не возлагают надежд на возможность найти работу через подобные службы. [4]

Иначе говоря, население в России не рассчитывает на поддержку со стороны государства в решении проблемы безработицы. Однако даже та небольшая часть безработных, рассчитывающая на эту помощь, вовсе не удовлетворена действиями служб занятости и поддержкой государства, т.к. по их мнению, материальную поддержку, оказываемую безработным, нельзя назвать полноценной поддержкой, позволяющей спокойно получать дополнительное образование или искать нужную работу. Так, если в 1996 г. минимальный размер пособия по безработице приравнивался к минимальному размеру оплаты труда, а максимальный размер пособия не ограничивался, то начиная с 2003 г., минимальный размер пособия по безработице был равен 30% прожиточного минимума, а максимальный размер пособия — 100% прожиточного минимума. В 2008 г. минимальный размер пособия по безработице был равен 781 рублю, а максимальный размер пособия составлял 3124 рубля [5]. При этом в четвертом квартале 2008 г. прожиточный минимум составлял 4630 рублей [6], а минимальный размер оплаты труда на 1 января 2009 г. был установлен в размере 4330 рублей [7]. Таким образом, весьма очевидна ухудшающаяся тенденция в материальной поддержке безработной категории граждан.

На состояние рынка труда серьёзнейшее влияние оказывает демографическая ситуация в стране, ибо функционирование рынка труда — не просто процесс потребления (использования) и обращения рабочей силы, но и её формирования и воспроизводства. К сожалению, в современной России, как и в других развитых странах мира, сложилась тяжёлая демографическая ситуация. По данным на 1 января 2012 г. численность постоянного населения Российской Федерации составила 141 927 297 человек. При этом численность экономически-активного населения по итогам обследования населения по проблемам занятости — 74,6 млн чел., что в процентном отношении к общей численности населения страны составляет 52%. [8]

При этом если рассматривать численность экономически-активного населения России за последние годы, то наблюдается прирост показателя. Так, в 2012 г. численность экономически активного населения составила 75046 тыс. чел., в 2011 г. — 74187 тыс. чел., в 2010 г. — 73811 тыс. чел., в 2009 г. — 72909 тыс. чел., в 2008 г. — 72835 тыс. чел. [9] Однако следует понимать, что в условиях отрицательной демографической ситуации этот рост не является долгосрочным, поскольку имеет место старение экономически-активного населения. В 2012 г. количество занятых в экономике составляло 70965,1 тысяч человек, но уже в январе 2011 г. данный показатель составил 67700 тыс. чел. В 2008 г. произошёл резкий спад в численности занятых в экономике, который связан с разразившимся кризисом 2008 г. и соответственно выросшим уровнем безработицы. [11]

Продолжая анализ занятости населения, следует отметить, что большая часть занятых сосредоточена в организациях крупного и среднего размера. Так, по данным на конец 2011 г. в организациях, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, было занято 35,8 млн чел., что в процентном отношении к общей численности занятых составило 51,6%. Кроме того, в организациях среднего и крупного размера привлекалось на условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера 1,8 млн человек. [10] Общее число замещенных рабочих мест для полной занятости работников в этих организациях, определенное как суммарное количество работников списочного состава, совместителей и работников, выполнявших работы по договорам гражданско-правового характера, в феврале 2009 г. составляло 37,6 млн и было меньше, чем в 2008 г. на 1,4 млн человек, или на 3,6%. Равновесию экономической системы соответствует определенный уровень занятости, при этом обычно спрос на труд превышает существующий объем занятости [6].

Можно отметить серьёзную зависимость занятости от уровня образования. Наибольший процент занятых имеет высшее профессиональное образование — 27,8%. На втором месте — люди со средним профессиональным образованием — 25,9%. При этом интересно отметить, что женщин с высшим и средним профессиональным образованием больше, чем мужчин. У женщин этот показатель составляет 30,5% и 31,0% соответственно, а у мужчин — 25,2% и 20,9%. [10] То есть связь безработицы с образованием явно прослеживается.

Подводя итоги, можно констатировать, что, несмотря на то, что количество экономически активного населения и занятых в экономике с каждым годом увеличивается, количество безработных продолжает оставаться на плачевно высоком уровне. Кроме того, следует учитывать тяжёлую демографическую ситуацию в стране, исходя из анализа которой, нельзя с уверенностью говорить о положительных тенденциях развития рынка труда в будущем. В ситуации, когда страна сама не может пополнять свою рабочую силу, она вынуждена привлекать её со стороны. Именно поэтому сегодня в России так сильно обострён вопрос трудовой иммиграции. Значительную часть рабочей силы России сегодня занимают представители Китая, стран СНГ и так далее. Иммиграционный процесс, в свою очередь, ставит под угрозу задачу национальной безопасности и сохранения национальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Некрестьянова С. Социально-экономические условия, влияющие на общероссийский и региональные рынки труда // Резонанс. — 2009. — № 5. — С. 55.

2. Закон РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», в редакции от 18.10.2007 г. // Собр. законодательства РФ. — 2007. — № 15 (Октябрь)

3. Федеральная служба государственной статистики www.gks.ru/wps/portal, 2010.

4. Киселёва К.И. Проблемы занятости населения Российской Федерации // Труд и социальные отношения. — 2011. — № 12. — С. 115.

5. Киселёва К.И. Проблемы занятости населения Российской Федерации // Труд и социальные отношения. — 2012. — № 12. — С. 116.

6. Ушакова Н.Б. Принципы управления занятостью в условиях раночной экономики. // Социология. Экономика. Политика. – 2011. - № 3. С. 21.

7. Федеральная служба государственной статистики www.gks.ru/wps/portal, 2010.

8. Хаматханова М.А. Рынок труда и занятость в Европе: опыт и возможности его применения в России. // Проблемы экономики, -2013.- №1. С. 47.

9. Хаматханова М.А. Сущностные характеристики и механизм построения современного рынка труда. // Научно-практический журнал Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Экономика и Право. – 2012. №11-12. С.3.

10. Россия 2010: статистический справочник / Федеральная служба государственной статистики / Ред. В.Л. Соколин, Э.Ф. Баранов, М.И. Гельвановский — М., 2010. — С. 255.

11. Федеральная служба государственной статистики www.gks.ru/wps/portal, 2012.

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОРГАНОВ: ПРАВА ДОНОРА И РЕЦИПИЕНТА В КОНТЕКСТЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ЗАКОНА

Фадеева М.А.,
аспирант,
кафедра уголовного права,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: биоэтика, медицина, Инструкция по констатации смерти человека, трансплантация органов, донор, реципиент, закон, справедливость, общее благо, частные интересы, конфликт интересов
Key words: bioethics, medicine, instructions `for determining death, transplantation of human organs, donor, recipient, law, justice, common blessing, private interests, conflict of interests

Аннотация. В статье автор поднимает проблему конфликта интересов донора и реципиента, анализирует закон, регулирующий правоотношения в области трансплантации человеческих органов, с позиции принципов этики, морали и справедливости.

The author raises the issue of conflict of interest of the donor and the recipient, analyzes the law regulating relations in the field of transplantation of human organs, from the standpoint of the principles of ethics, morality and justice.

Несмотря на «огромный положительный потенциал», новые научные технологии неизбежно повлекли за собой возникновение этических и правовых проблем [1, с. 296-297]. Остро встал вопрос о защите прав личности в области клинического исследования лекарственных средств и фармакологических препаратов, экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), суррогатного материнства и пр. На сегодняшний день также обсуждаются этические и правовые проблемы использования современных генетических технологий в педиатрии [2, с. 55], биохимических и генетических технологий в спортивной медицине [9, с. 53].

Серьёзная проблема заключается в существенном «отставании» принятия правовых норм за стремительным развитием медицины, фармации. Этот факт объясняется спецификой общественных отношений, которые строятся не только на естественно-правовых, но и на этических принципах.

Одной из самых современных, научно развивающихся отраслей медицины, считается трансплантология, специфика которой состоит ещё и в том, что правовые основы регулирования отношений имеют характерный субъектный состав. При изъятии органов для трансплантации в правовые отношения вступают пациент (донор органов), его родственники или законные представители, реципиент, медицинская организация и врач. Если говорить о доноре и его родственниках или законных представителях с одной стороны, и о реципиенте – с другой, то, по справедливому мнению исследователей, здесь «уже изначально заложена возможность конфликта интересов», которые основываются на конституционном праве человека на охрану здоровья (интересы реципиента) и на личную неприкосновенность (интересы донора) [10, с. 52].

Исследователи определяют решение основной этико-правовой проблемы в сфере трансплантологии как баланс интересов прав индивида на получение квалифицированной медицинской помощи и «права общества быть защищённым» [10, с. 52-53]. Вне всякого сомнения, достичь «баланса» интересов для законодателя представляется крайне трудным, практически невозможным. Это связано с тем, что интересы донора и реципиента можно рассматривать с разных правовых позиций. Конституция Российской Федерации гарантирует право на жизнь, охрану здоровья, медицинскую помощь. В Руководящих принципах ВОЗ по трансплантации органов речь идёт о необходимости предоставления «упорядоченной структурной основы для процедур приобретения и трансплантации человеческих органов в лечебных целях с соблюдением этических принципов» (выделено мною – М. Ф.)[14]. Именно поэтому Руководящие принципы защищают как интересы донора, так и интересы реципиента, отмечая, что «краеугольным» камнем трансплантации органов является согласие пациента на изъятие органов после смерти [14].

Справедлива мысль, что закон направлен на то, чтобы «разумно решать любую из координационных проблем сообщества… ради общего блага для данного сообщества» (выделено мною – М.Ф.) [11, с. 344]. Однако что же является общим благом? И насколько общее благо способно удовлетворить частные интересы и наоборот?

Допустим, мы признаем интересы умершего (донора) исключительно как интересы личности, а интересы пациента (реципиента) как интересы общества или государства в целом, заинтересованного в улучшении здоровья и трудоспособности своих граждан. Трудно не согласиться с тем, что вышеуказанное предположение не является однозначным, так как частные интересы «неизбежно сводятся» к интересам «более общим», то есть корпоративным, общественным или государственным, которые по своей структуре «внутренне противоречивы». Суть в том, что интересы как общие, так и частные «не монолитны по своей структуре, внутренне противоречивы» [13, с. 58]. Интересы сторон противоречивы, подвижны, но это вовсе не говорит о невозможности компромисса. Вне всякого сомнения, возможно и совпадение интересов, то есть «социальная кооперация» [8, с. 20]. Задача законодателя найти эти «пересечения» интересов, сбалансировать должным образом права и обязанности субъектов правоотношения.

По мнению Дж. Финниса, теоретические проблемы правоведения решаются ценностями и «принципами разумности» (выделено мною – М.Ф.), «составляющими предмет биоэтики» [11, с. 443]. Однако к проблеме соотношения права, морали и закона на сегодняшний день нет единого подхода. Далеко не всегда мораль становится составляющей основой права. Справедливо убеждение Г.В. Мальцева, что «мораль бескомпромиссно осуждает убийство человека человеком, но это не мешает юристам рассматривать умерщвление преступника, приговорённого к смертной казни, как юридическую обязанность палача, состоящего при королевском суде, или, как бывает в наше время, в штате тюремного учреждения» [6, с. 292].

По мнению исследователей, право – «есть форма общественных отношений», свобода и справедливость могут «быть её компонентами», то есть наполнителями этой формы [7, с. 10]. Справедливость же, по мнению юристов, может быть как законной, так и правовой, например, защита более слабого члена общества. Однако, по мнению А.И. Эминова, «признание некоей вечной справедливости», определяющей содержание права, «невозможно в принципе» [13, с. 52-53].

Для анализа прав и свобод основных субъектов правоотношения в области трансплантации органов (донора и реципиента) представляется целесообразным коснуться вопроса справедливости закона.

«Зеркалом развития биоэтики» учёные считают проблему смерти мозга [3, с. 14]: человек по закону считается умершим, тогда как фактически дыхание и сердцебиение его поддерживается с помощью реанимационных мероприятий. Является ли подобное положение с позиции биоэтики справедливым и разумным?

На поставленный вопрос трудно, практически невозможно, дать однозначный ответ. Термин «биоэтика», впервые употреблённый В. Поттером, можно определить как связь между гуманитарными науками, своеобразный «мост» между биологией и этикой. Вне всякого сомнения, с одной стороны, отмечается тенденция к «гуманизации» правовых норм, то есть к созданию таких правовых норм, которые в большей степени защищающие права человека. В медицинской практике таким примером служит информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство, которое является необходимым условием медицинского вмешательства, дыбы исключить лечение, не оправданное состоянием здоровья пациента, опыты или научные эксперименты.

Однако с появлением новейших технологий в медицине неизбежно происходит трансформация этических принципов. Трудно не согласится с В.С. Нерсесянцем, что «правовое долженствование» обновляется и конкретизируется в процессе исторического развития, также изменяются и обновляются цели права и его ценности, «которым должен соответствовать закон» [7, с. 11].

Приведём пример. Эвтаназия определена в науке как умышленное причинение смерти неизлечимо больному пациенту, которое осуществляется по его просьбе медицинским работником, или иным лицом по мотивам сострадания и с целью избавления его от физических или психических страданий [5, с.90]. На сегодняшний день в Российской Федерации запрещена эвтаназия, её осуществление квалифицируется в судебной практике как убийство, тогда как, в установленном законом случае, разрешено прекратить или вовсе не проводить реанимационные мероприятия.

С позиции медицинских работников, смерть мозга есть такое состояние человека, когда «границы жизни и смерти стёрты». Иными словами, в зависимости «от социального контекста», такого человека можно признать «частично живым» или «частично мёртвым» [4, с. 7]. Отметим, что до 1984 года такой человек признавался живым, после 1984 года – мёртвым [4, с. 7]. Следовательно, законодатель одним «росчерком пера» противоправное деяния «превращает» в разрешённое законом действие: до 1984 года отключение системы жизнеобеспечения считалось убийством, а после 1984 года – это разрешённое соответствующими нормативно-правовыми актами медицинское мероприятие.

Следует отметить, что диагноз смерти мозга в нашей стране ставится исключительно совершеннолетнему пациенту. Это объясняется особенностью нервной системы у детей. Принято считать, что необратимое состояние в педиатрии может наступить спустя более продолжительное (по сравнению с взрослым человеком) время от одного до шести месяцев в среднем, а в некоторых «рекордных» случаях более десяти лет [1, с. 13-14].

Соотношение между правом и моралью можно рассматривать либо «с позиции моральной обоснованности и оправданности права» либо «с позиции их обособленности и несводимости друг к другу» [7, с. 79]. Инструкция по констатации смерти человека на основании диагноза смерти его мозга морально обоснована и оправдана необходимостью развития трансплантологии, но, тем не менее, возможность постановки диагноза смерти мозга в педиатрии вызывает в обществе острые дискуссии. Специалисты утверждают, что именно отсутствие подобной Инструкции является «огромным препятствием в развитии биоэтики и трансплантологии в педиатрии»[1, с.15]. Однако если Инструкции по констатации смерти мозга несовершеннолетних будет утверждена, легализовано детское донорство, то законодателем должны быть выработаны «особые механизмы социальной защиты» интересов несовершеннолетних пациентов и их родителей (законных представителей) [4, с. 9], сведены к минимуму возможные злоупотребления.

Есть мнение, что законодательное регулирование констатации смерти мозга призвано защитить пациента от врачебного произвола, более чётко регулировать отношения между родственниками пациентов, врачебным персоналом и трансплантологами [1, с. 10], то есть всеми субъектами правоотношений в области трансплантации органов.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что соотношение права, справедливости и закона не является абсолютной, постоянной величиной, так как понятие «справедливость», «моральные ценности» переменчивы, непостоянны. Внедрение новейших технологий во все сферы общественных отношений, в том числе в медицину и фармацию, влечёт за собой некую трансформацию этических принципов (в нашем случае биоэтических), а, следовательно, и требует современного инновационного подхода к принятию правовых норм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, А.А. Проблемы правового регулирования диагностики смерти мозга детей»/ А. А.Баранов, А.Я. Иванюшкин и др.//Российский педиатрический журнал. – 2010 – № 4. – С. 13-14.

2. Иванюшкин, А.Я. Евгеника: от утопии к науке и…от науки к утопии? А.Я. Иванюшкин, Ю.Е.Лапин и др.//Российский педиатрический журнал. – 2013 – № 2. – С. 55-59

3. Иванюшкин, А.Я., Проблема смерти мозга как зеркало развития биоэтики/ А.Я. Иванюшкин//Биоэтика и права человека: сборник тезисов докл.1-го Российского конгресса с международным участием.– Казань. Медицина, 2008. – С.13-14.

4. Иванюшкин, А.Я. и др. Философские и этико-правовые аспекты смерти мозга (к дискуссии вокруг «Инструкции по констатации смерти ребёнка на основании диагноза

смерти мозга»)/А.Я., Иванюшкин, Ю.Е. Лапин и др.// Российский педиатрический журнал. – 2008. – № 6. – С. 4-9

5. Капинус, О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление (уголовно-правовые проблемы): дисс. д.ю.н. – М. 2006.

6. Мальцев, Г.В. Нравственные основы права. – М.: СГУ, 2009. – С. 292

7. Политико-правовые ценности: история и современность/Под ред. В.С. Нерсесянца. – М. 2000. – 256 с.

8. Ролз, Дж. Теория справедливости/пер. с анг. Целищев В.В. – Новосибирск. 1995 – 535с.

9. Смирнов, И.Е. Спорт высших достижений в свете биоэтики/И.Е.Смирнов, А.Я. Иванюшкин и др.// Российский педиатрический журнал. – 2014. – № 1.

10. Тарабарко, Н.В. Этико-правовые проблемы донорства как главный тормоз развития клинической трансплантации органов/ Н.В.Тарабарко, Е.В. Фомичёва //Вестник Российской АМН. – № 11 – 2006. – С. 52-56

11. Финнис, Дж. Естественное право и естественные права /пер.с анг. В. Гайдамана и А. Ванихиной. – Москва. – 2012. – 559 с.

12. Чернышёва, Ю.А., Уголовно-правовые вопросы распоряжения человека своим телом /Ю.А. Чернышева// Общество и право. – 2012. – № 4 (41). – С. 296-298.

13. Эминов, А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования/А.И. Эминов//Известие высших учебных заведений: Правоведение. – 2013. – 2. – с. 52-61.

14. Руководящие принципы ВОЗ [Электронный ресурс] – URL: http://www who. int /transplantation/ …дата доступа: 26 ноября 2014.

ОБУЧЕНИЕ ПЛАНИРОВАНИЮ КАК ВЕДУЩЕЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ ПРИ РЕШЕНИИ СТЕРЕОМЕТРИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Фам Тхи Зьеу Тху,
аспирант,
кафедра методики обучения математике и информатике,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: действие планирования, стереометрические задачи, задания для обучения планированию
Key words: action planning, problems in solid geometry, tasks to teach planning

Аннотация. В статье обосновывается, что универсальное учебное действие планирования является ведущим составляющим звеном самостоятельной учебно-познавательной деятельности учащихся при решении стереометрических задач. Приводится набор приемов, который целесообразно использовать для развития у школьников умения планировать. Показано, как эти приёмы можно реализовать при изучении темы “Параллельность прямых и плоскостей” через использование специально разработанных заданий.

The article explains that universal education action planning is the leading component of independent activities of students while solving problems in solid geometry. A set of methods is presented and is useful for the development planning skills of students. It is shown how these methods can be implemented in the study of the topic “The parallelism of lines and planes” through the use of specially designed tasks.

1.Что такое действие планирования учебной деятельности

Важнейшей задачей современной системы образования является формирование универсальных учебных действий (УУД), обеспечивающих школьникам умение учиться, способность к саморазвитию и самосовершенствованию. В 2008 г. А. Г. Асмолов и его коллеги уточнили само понятие «универсальное учебное действие» и выделили четыре основных блока таких действий: *личностный*, *регулятивный*, *познавательный и коммуникативный* [1]. При этом действие планирования учебной деятельности может быть рассмотрено как один из видов УУД (УУД регулятивного вида или УУД коммуникативного вида). В 2012 г. определяя требования к результатам освоения основной образовательной программы для школьников, авторы [10, с.4] акцентируют внимание на развитии самостоятельности “… в планировании и осуществлении учебной деятельности” у школьников. Исходя из этого, можно сделать вывод, что поиск способов формирования действия планирования учебной деятельности школьников, в том числе и при обучении математике, лежит в русле достижения поставленных перед системой образования целей.

Перед тем, как определить понятие планирования, сначала уточним понятие «план», поскольку именно план является результатом выполнения действия планирования. По мнению таких авторов, как Дж. Миллер, Ю. Галантер и К. Прибрам [6, с.30] план это “иерархически построенный процесс в организме, способный контролировать порядок, в котором должна совершаться какая-либо последовательность операций”. При этом в своей работе, Т. В. Меркулова [7, с.32] пишет, что “план – это перечень действий по преобразованию предмета предстоящей деятельности, выделенных на основе осознания её цели, актуализации системы соответствующих данной деятельности содержательных и операционных знаний о её предмете”. На основе этих позиций, мы вполне согласны с А. Г. Асмоловом [1] в том, что под планированием понимается определение последовательности промежуточных целей с учетом конечного результата и поиск соответствующих действий, а также установление последовательности их выполнения.

Таким образом, в отличие от других действий, связанных с манипулированием, планирование происходит в мышлении, иначе говоря, оно является идеальной формой деятельности. Система его действий, по мнению Е. И. Исаева [3], носит преднамеренный характер (замысел) и осуществляется на основе предвидения индивидом результатов будущих действий на определенную “глубину”.

Действие планирования рассматривается не просто как функция мышления, а как определенного рода способность. Возможность человека предвидеть то, что получится в результате его будущих усилий, возможность иметь образ будущего результата, образ того, что должно получиться, относится к более общей способности действовать “в уме”. Эта возможность может быть установлена и развита, прежде всего, с помощью воздействия процесса обучения.

2.Значение действия планирования для развития самостоятельной учебно-познавательной деятельности при решении стереометрических задач

В школе важную роль играет самостоятельная учебно-познавательная деятельность (СУПД), осуществление которой способствует не только хорошему овладению школьниками знаниями, умениями и навыками, но и готовит их к будущей самостоятельной жизни. Анализ ряда исследований позволил нам выделить существенные признаки СУПД, которая обычно рассматривается как учебно-познавательная деятельность, которая выполняется школьниками либо полностью самостоятельно (без какой-либо помощи), либо с частичной помощью учителя. При этом самостоятельность учащихся выделяется доминирующей, а учитель только играет роль помощника.

Роль действия планирования для развития СУПД у школьников будем рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, оно является важным компонентом в процессе выполнения СУПД, а с другой стороны – отдельным действием, осуществление которого приводит к развитию мыслительных операций, играющих роль основы для успешного осуществления СУПД.

Как любая деятельность, СУПД развивается в соответствии со следующими этапами [8]: постановка цели деятельности; мотивация деятельности; планирование деятельности; выполнение деятельности; проверка результатов деятельности; исправление обнаруженных недочетов; сопоставление результатов и цели деятельности; оценка результатов деятельности.

Среди указанных выше компонентов, на наш взгляд, действие планирования деятельности занимает важное место. Это можно объяснить тем, что в соответствии со структурой СУПД планирование – это поиск подходящих действий для достижения поставленных целей. А для этапа выполнения действия, выделенные при планировании действия, являются основой («каркасом»). Более того, анализ предложенных действий и порядка выполнения их в плане предоставляет возможность находить другие варианты или обнаруживать ошибки в решении задачи, осуществляя последующие этапы контроля и оценивания. Этот взгляд, в частности, выражен В. В. Давыдовом следующим образом: «чем больше “шагов” своих действий может предусмотреть ребенок, и чем тщательнее он может сопоставить их разные варианты, тем более успешно он будет контролировать фактическое решение задачи» [2, с.83].

К тому же, следует учитывать результат исследования Е. И. Исаева [3, с 52] , который состоит в следующем: “успешность осуществления учебной деятельности во многом зависит от возможностей школьников предусмотреть предстоящие действия, от умения выделить различные варианты выполнения задания, проанализировать особенности каждого варианта и выбрать наилучший”.

Следовательно, в качестве одного из компонента структуры СУПД, действие планирование играет особую роль.

Во втором аспекте - действие планирования, рассмотренное как средство для развития мыслительных операций, можно найти в нескольких работах таких авторов, как Е. И. Исаев, В. Х. Магкаев и др. Говоря о роли анализа, в своей работе [3] Е. И. Исаев считает, что планирование зарождается внутри анализа, поскольку выделение ребёнком исходного и основного отношений задачи связано с возникновением замысла о возможности построения преобразующих действий. Но, чтобы получить совершенный план учащиеся должны ещё пользоваться другими мыслительными операциями. Например, для составления найденных действий в правильном порядке, очевидно, нам нужно провести операцию синтеза, а операция сравнения позволяет нам выбрать оптимальный из нескольких вариантов, и т.д.. Следовательно, планирование является результатом выполнения сочетания основных мыслительных операций. Иначе говоря, через планирование школьники овладевают основными мыслительными операциями на высоком уровне.

Рассмотрим роль действия планирования для наиболее типичной деятельности при обучении математике – решение задач. Процесс решения задачи требуется от школьников выполнения планирования своих действий. Это, прежде всего, относится к геометрическим задачам. Этому можно найти подтверждение в работах Е. И. Исаева [3] и В. Х. Магкаева [5]. По мнению Л. М. Фридмана, Е. Н. Турецкого [9], в процессе решения задачи этап поиска способа решения, по своей сути, – это разработка идеи решения задачи. Тем не менее, для воплощения этой идеи решения необходимо определить действия и последовательность их выполнения, т.е. выполнить планирование процесса решения. Поэтому, планирование является следующим, после поиска, этапом в процессе нахождения решения задачи. Другими словами, если поиск играет роль общих ориентировок решения, то планирование – конкретных действий по решению задачи.

Следует учитывать, что в отличие от алгебраических задач, которые часто решаются с помощью алгоритмов, не существует такого алгоритма для решения стереометрических задач. Поэтому, при решении конкретной стереометрической задачи необходимо осуществлять планирования действий.

Выше приведенное рассуждение позволяет нам сделать вывод, что развитие способности к планированию – это одна из необходимых предпосылок для успешного осуществления СУПД у школьников вообще, и для решения стереометрических задач, в частности.

3. Способы обучения планированию при работе со стереометрическими задачами

Проблемам, связанным с поиском способов обучения планированию, уделяют внимание многие исследователи, например, В. Х. Магкаев, М. А. Кубышева, М. В. Рогатова, Е. И. Исаев, Т. В. Меркулова и др. Однако, большинство предложенных способов предназначено для младших школьников и подростков. А в данной работе мы говорим о старшеклассниках, которые отличаются более высоким уровнем овладения мыслительными операциями и умением самоорганизации учебной деятельности и др. Поэтому, при построении приёмов, используемых для развития умения планирования необходимо учитывать эти особенности.

На основе имеющегося понятия “планирование” считаем, что для развития умения планирования, в первую очередь, важно сформировать у школьников умение определять промежуточные цели с учётом конечного результата и умение устанавливать найденные действия, соответствующие каждой цели, в нужной последовательности.

Мы предлагаем следующую стратегию развития умения планировать деятельность: сначала знакомить учеников с действиями, составляющими процесс планирования; и затем шаг за шагом включать их в построение плана для последующего самостоятельного выполнения этого процесса.

Приём 1: Учитель предлагает одну цель, и, по крайней мере, два готовых плана ее достижения. Среди них существует только один корректный вариант, а остальные – не корректные. Учащиеся должны выбрать корректный из заданных вариантов.

Приём 1 используется для формирования у школьников первоначальных представлений о плане решения задачи, т.е. перечне действий.

Приём 2: Учитель предлагает одну цель и, по крайней мере, два готовых плана, каждый из которых может привести к достижению заданной цели. Учащиеся должны выбрать наиболее рациональный план.

Приём 2 естественен в том смысле, что при решении любой проблемы человек всегда стремится к нахождению самого оптимального (при выполнении требуется наименьшее время и сила) варианта.

Посредством использования двух приведённых приёмов мы хотим научить школьников одному важному свойству – план должен быть не только корректным, но и самым оптимальным для каждого ученика.

Приём 3: Заранее составленный учителем план «разрезается» по шагам, а задача учащихся – выстроить эти шаги в нужную последовательность для достижения сформулированной цели. Значение этого приёма состоит в том, чтобы ученики осознали взаимосвязи шагов в плане.

Приём 4: Учитель привлекает учащихся к строительству плана с помощью таких вопросов: “Какова цель

вашей работы?", "Что дальше?", "Какой шаг нужно выполнить теперь?", и др. С помощью учителя, школьники сами выдвигают промежуточные цели и соответствующие действия на основе выполненного поиска решения задачи. При этом ученики одновременно усваивают способы мышления. В этом приёме на основе ответов школьников учитель корректирует свои указания. Поэтому, приём 4 целесообразно использовать на уроках решения задач, повторять неоднократно при работе с достаточным количеством задач.

Приём 5: Ученики сами планируют решения задач, и затем выполняют шаги по данному плану для получения ответа. Этот приём предполагает высокий уровень самостоятельности учащихся при выполнении планирования.

4.Средства развития действия планирования при изучении темы

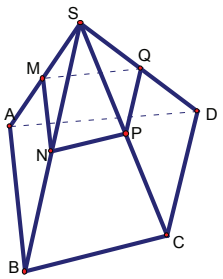
«Параллельность прямых и плоскостей»

Проведённый анализ значения действия планирования, с одной стороны, утверждает роль планирования в процессе решения задачи, а с другой стороны, предоставляет средства для развития умения планировать в процессе решения математических задач. Каждый из указанных выше приемов является основой для создания заданий для учащихся. Приведем примеры таких заданий для формирования у школьников умения планировать при изучении темы "Параллельность прямых и плоскостей":

Задание А, соответствующее приёму 1

-Выберите из двух предложенных планов тот, по которому можно решить задачу 1.

Задача 1: Дана пирамида SABCD. Пусть M, N, P, Q – соответственно середины боковых сторон SA, SB, SC, SD. Доказать, что две плоскости (MNPQ) и (ABCD) параллельны.

План 1:

-Доказать, что прямая MN параллельна прямой AB;

-Доказать, что прямая PQ параллельна прямой CD;

-Следовательно, плоскость (MNPQ) параллельна плоскости (ABCD).

План 2:

-Доказать, что прямая MN параллельна прямой AB;

-Доказать, что прямая NP параллельна прямой BC;

-Сделать окончательный вывод о параллельности плоскостей (MNPQ) и (ABCD), что плоскость (MNPQ) параллельна плоскости (ABCD).

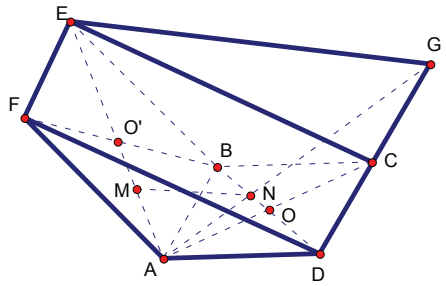
Задание Б, соответствующее приёму 2

-Выберите наиболее рациональный для вас из двух планов решения задачи 2.

Задача 2: Даны два параллелограмма ABCD и ABEF, не лежащие в одной плоскости. Пусть точки M и N делят, соответственно, отрезки AE и BD в отношениях 1: 2. Доказать, что прямая MN параллельна плоскости (CDF).

План 1:

Пусть G - точка пересечения прямых AN и DC

-Доказать, что треугольники ABN и GDN подобны;

-Доказать, что точка N делит отрезок AG в отношении 1:2;

- Доказать, что прямая MN параллельна прямой EG;

-Доказать, что прямая EG принадлежит плоскости (CDF).

План 2:

- Доказать, что прямые FM, CN, AB пересекаются в одной точке;

-Доказать, что M – точка пересечения медиан треугольника FAB;

-Доказать, что N – точка пересечения медиан треугольника ABC;

-Доказать, что прямая MN параллельна прямой FC;

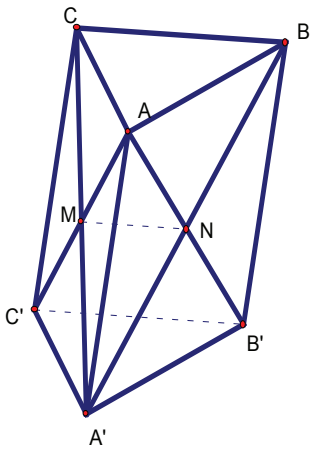
-Доказать, что прямая MN параллельна плоскости (CDF).

Задания В, соответствующие приёму 3

-Занумеруйте следующие пункты в правильном порядке для того, чтобы получить план решения задачи 3.1

Задача 3.1: Дана призма ABC.A'B'C'. Доказать, что общая прямая двух плоскостей (AB'C') и (A'BC) параллельна плоскости (BB'C'C).

-Доказать, что общая прямая двух плоскостей (AB'C') и

(A’BC) является прямой MN;

-Доказать, что прямая MN параллельна плоскости (BB’C’C);

-Доказать, что две прямые MN и C’B’ параллельны;

-Пусть N – точка пересечения двух прямых A’B и AB’;

-Доказать, что N – середина отрезка AB’;

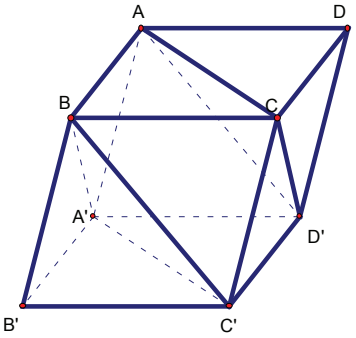
- Пусть M – точка пересечения двух прямых A’C и AC’;

-Доказать, что M – середина отрезка AC’.

-Выбери и занумеруй пункты в списке, чтобы получить план решения задачи 3.2

Задача 3.2: Дан параллелепипед ABCD.A’B’C’D’. Доказать, что две плоскости (BA’C’) и (ACD’) параллельны.

- Доказать, что прямые AC и A’C’ параллельны;
- Доказать, что ACC’A’ является параллелограммом;

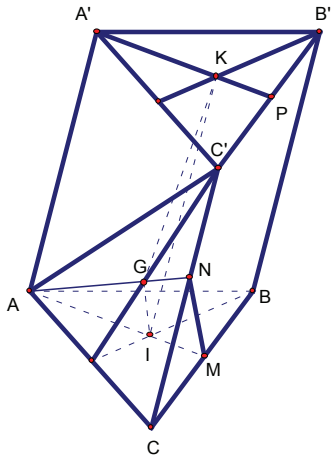

- Доказать, что BA’D’C является параллелограммом;
- Доказать, что прямые BA’ и CD’ параллельны;
- Доказать, что отрезки BA’ и CD’ равны;
- Доказать, что прямые AD’ и BC’ параллельны;
- Доказать, что отрезки AD’ и BC’ равны;
- Доказать, что BC’D’A является параллелограммом;
- Доказать, что плоскости (BA’C’) и (ACD’) параллельны.

Задания Г, соответствующие приёму 4

-Напишите ответы на вопросы, чтобы составить план решения задачи 4

Задача 4: Дана призма ABC.A’B’C’. Пусть I, K, G – точки пересечения медиан треугольников ABC, A’B’C’, ACC’, соответственно. Доказать, что плоскость (IKG) параллельна плоскости (BB’C’C).

1.Какова цель этой задачи? .....

2.Что нам нужно доказать, чтобы утвердить плоскость (IKG) параллельна плоскости (BB’C’C)?

3. Существует ли две пересекающиеся прямые, которые принадлежат плоскости (BB’C’C) и параллельны плоскости (IKG), соответственно, и какие?

5. Доказать, что две плоскости (BB’CC’) и (IKG) параллельны?

……

-Чтобы решить задачу 4, нам нужно выполнить следующие действия по очереди:

Действие 1:……

Действие 2:……

Действие 3:……

…

Задания Д, соответствующие приёму 5

-Составьте план решения задачи 5, и затем выполните по которому для получения результата задачи 5.

Задача 5: В плоскости (P) дан параллелограмм ABCD. Через A, B, C, D проходят четыре прямые a, b, c, d, которые не лежат в плоскости (P) и две любые прямые из них параллельны. Произвольная плоскость пересекает a, b, c, d в точках A’, B’, C’, D’ соответственно. Доказать, что четырёхугольник A’B’C’D’ является параллелограммом.

5. Общие выводы

Исходя из вышесказанного, приходим к следующим выводам:

1.Действие планирования состоит в определение последовательности промежуточных целей с учетом конечного результата и поиск соответствующих действий, а также установление последовательности их выполнения, поэтому процесс формирования этого действия должен предполагать формирование всех выделенных его компонентов.

2.Действие планирования, с одной стороны, можно рассматривать как важнейший компонент структуры СУПД. С другой стороны, его можно рассматривать как способность человека предвидеть то, что получится в результате его будущих усилий, возможность иметь образ будущего результата, образ того, что должно получиться. Эта способность оказывается важной и необходимой для каждого человека, её значения не только лежит в сфере обучения, но и в организации жизнедеятельности человека. Поэтому, развитие действия планирования считается одной из важнейших задач в процессе обучения учащихся, в том числе и математике.

3.При обучении решению стереометрических задач на примере темы “Параллельность прямых и плоскостей” мы предлагаем использовать набор приёмов и соответствующих заданий для того, чтобы познакомить школьников с сущностью и способами осуществления действия планирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А. Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе, – М.: Просвещение, 2008. 151с.

2. Давыдов В. В. Умственное развитие младших школь-

ников процессе обучения// Психолого-педагогическое изучение личности школьника. М., 1977.

3. Исаев Е. И. Психологическая характеристика способов планирования у младших школьников.// Вопросы психологии, № 2, 1984.

4. Магкаев В. Х. Некоторые вопросы конструирования диагностической методики развития умственного плана действий. – В кн.: Материалы симпозиума по вопросам разработки диагностических методов определения уровня умственного развития детей. – Рига, 1970, с 154 – 159.

5. Магкаев В. Х. Экспериментальное изучение планирующей функции мышления в младшем школьном возрасте. – Вопросы психологии, 1974, № 5, с. 98 – 106.

6. Миллер Дж., Галантер Ю., Прибам К. Планы и структура поведения. – М., 1965. 238с.

7. Меркулова Т. В. Формирование умения планировать у младших школьников: на примере дисциплины “Математика”. Диссертация на соискание учебной степени канд. пед.н.- Елец., 2007. 215с.

8. Стефанова Н. Л., Подходова Н. С. Методика обучения математике в профильной школе: Учебное пособие для организации самостоятельной работы студентов. – СПБ.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 235с.

9. Фридман Л. М., Турецкий Е. Н. Как научиться решать задачи. М.:Просвещение, 1989.192с.

10. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования, 2012.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ИНТЕРАКТИВНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМЫ И ТИПОЛОГИИ

Филатов А.Н.,
аспирант,
кафедра искусствоведения,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Ключевые слова: интерактивное искусство, алгоритмическое искусство, художественный образ в интерактивном искусстве, генеративное искусство
Key words: interactive art, algorithmic art, art image of interactive art, generative art

Аннотация. В статье проводится исследование художественной образности интерактивного произведения искусства на основе анализа работ художников-алгористов, задаются основные проблемы в исследовании интерактивных форм искусства.

The article based on research of interactive artwork imagery of algorithmic paintings, author talks about basic problems in exploration of interactive art forms.

Интерактивное искусство – современный вид творческой деятельности, который вовлекает зрителя во взаимоотношение с произведением искусства посредством взаимодействия с ним, чаще всего посредством компьютерных технологий. Такое произведение искусства предполагает видоизменение и переосмысление художественного образа в рамках созданной художником концепции. При этом такая система может не только реагировать на действия пользователя, но и генерировать новые художественные образы в пределах заданного алгоритма. Дальнейшее развитие компьютерных систем поможет внедрять также элементы искусственного интеллекта, которые позволят расширять систему координат, внутри которых разворачивается интерактивное произведение искусства.

Под произведением интерактивного искусства понимается комплекс программных и аппаратных систем, которые позволяют генерировать и воспроизводить определенную концептуальную авторскую идею, воплощенную в мультимедийном произведении.

С технической точки зрения это совокупность элементов, включающая в себя программный код (алгоритм), и различные аудиовизуальные элементы, управляемые и интерпретируемые данной программой.

При этом предполагается наличие неких управляющих элементов – это могут быть виртуальные кнопки, слайдеры, джойстики, шлемы виртуальной реальности, реакция на голос и жесты и т.д., которые позволяют пользователю «общаться» с интерактивным произведением искусства. Автором интерактивного произведения искусства можно считать человека или группу разработчиков, которые создали программный код и совокупность аудиовизуальных материалов, которые позволяют пользователю интерпретировать изначальную концепцию интерактивного произведения.

С концептуальной точки зрения это среда для творчества, ограниченная лишь фантазией автора, который создает тот изначальный виртуальный мир, который будет интерпретироваться пользователем. Автор создает зерно, определенный потенциал для развития художественного образа. При этом возможности для развития такого художественного образа многовариантны, но не бесконечны. Ограничение состоит лишь в мастерстве создателя этой концепции, глубиной описания объектов внутри нее.

Интерактивное искусство предполагает единство двух составляющих: технологической и творческой. От соотношения творческой и технологической составляющих и зависит природа художественной образности в интерактивном произведении.

Художественный образ – всеобщая категория художественного творчества: присущая искусству форма воспроизведения, истолкования и освоения жизни путём создания эстетически воздействующих объектов [13].

При этом характер образа может быть традиционным (обращение к узнаваемым архетипам, народным образам), так и полностью авторским. При этом автор может использовать различные приемы для создания этих образов – подобие, метафору, ассоциативный ряд, аллегории и т.д.

Начнем анализ художественного образа в интерактивном произведении с культовой фигуры в генеративном искусстве - художника Сан Басе* (далее используемые термины «генеративное» и «алгоритмическое» искусство следует считать синонимами).

Общее впечатление данной картины [12,1]- довольно позитивное, благодаря ярким цветам. Напряженность создается за счет того, что изображение симметрично, не хаотично. Изображение составлено из разноформных цветовых пятен, но они имеют четкую пространственную группировку. Можно рассматривать большие элементы как возможную деконструкцию форм реального мира, потому что они могу напоминать нам башни, горы, возможно деревья и т.д. Природный мотив просматривается в меньшей степени, потому что в природе редко встречаются формы с таким количеством острых углов. Мы видим три большие фигуры, составленные из множества мелких, присутствует плановость за счет клеток на переднем плане, которые в перспективе создают ощущение плоскости, за которой вырастают уже остальные фигуры. За фигурами план создается за счет того, что цвета становятся более темными и приглушенными.

Композиция удерживается в пределах порядка, здесь нет хаоса. Разноформные абстрактные элементы тяготеют либо к фону, либо к фигурам.

Можем найти отсылку к живописи Макса Эрнста - «Рисунок природы» (1947), Сальвадора Дали «Галатея сфер» (1952), Хуана Миро «Натюрморт со старым ботинком (1937).

Образ-замысел - сам художник, его концепция. Это близко к субъективной абстракции. Образ-произведение - символическая, выдуманная реальность. Здесь нету господства линий как таковых, линия ограничивает форму, тяготеет к геометрии. Образ целого - наше впечатление,

персонажа нет. В большей степени идет работа подсознания.

Мир воображения, фантазии, вымысла, тонкие ассоциативные связи. Можно отметить приближение к детскому сознанию, идет поиск первоначала искусства. Появляются отдельные буквы, но еще не слова. Футуристы тоже пытались найти новые созвучия, изобретали «заумный язык». Сохраняются определенные каноны изобразительного искусства, здесь мы фиксируем этап искусства до искусства. Алгоритмическое искусство пытается описывать мир воображаемый, мир видимый пока не возможен, пока что нет интеллектуальных и программных ресурсов для изображения видимого мира, это область искусственного интеллекта.

Сан Басе пытается представить абстрактные образы как реальные объекты. Такая картина выглядит словно она нарисована с натуры, но «пейзаж» при этом нереален. На такой картине есть реалистичные поверхности, тени, перспектива и освещение, но образы на картине не имеют никакой связи с реальностью. Т.е. реалистично нарисовано нечто нереальное. Художник называет свой стиль «Абстрактным Сюрреализмом». Художник задает общую композицию картины и общий сюжет, а вариации (изменения реальности) делает компьютер.

Данная картина уже гораздо менее абстрактна [12,2], здесь мы можем видеть некий виртуальный пейзаж, где есть плановость, горы, небо, вода и даже вымышленный город, который можно наблюдать благодаря текстурам с окошками. Автор создает некий ландшафт, сгенерированный случайным образом, только текстуры, наложенные на этот ландшафт содержат объекты реального мира (скорее всего это фотографии) и заданы они совершенно целенаправленно. Благодаря этому можно совершенно точно идентифицировать виртуальный пейзаж. Нам открывается панорамный вид на сказочный город, выполненный в «фэнтезийной» стилистике. Цвета очень яркие, насыщенные. Вода чистая и прозрачная. Общее впечатление - сказочный, радостный город. В картине преобладают природные мотивы, ярко выражена плановость. Даже иногда кажется что сейчас увидишь обитателей этого города, идущих по своим делам и корабли, выплывающие из за гор. Изображение крайне конкретное и детализированное, можно найти аналоги в классической итальянской живописи, где художники изображают тосканские пейзажи. Работа с перспективой и глубокая детализация дают узнаваемый образ сказочного города.

Подобие здесь является главенствующим способом создания художественного образа. Несомненно, это авторский образ, не лишенный традиционных приемов в изображении пейзажа.

Здесь можно провести параллели с работой Карла Фридриха Шинкеля «Средневековый город на берегу реки» (1813, Берлин, Музейный остров). Художник, работавший на рубеже XVIII-XIX веков создавал тщательно детализированные изображения городов, при этом обладающих определенным сказочным обаянием. Сказывалась его профессиональная деятельность архитектора, но при этом как художник он добавлял теплоту и слегка приукрашал действительность, усиливая такие явления реального мира, как радуга, небо, солнечный свет.

На этой картине [12,3] опять же преобладает природный мотив, фигуры гор, деревьев и неба легко узнаваемы. Только в данной работе перспектива выражена не настолько ярко, объекты находятся более близко друг к другу. Цвета яркие, имеют множество тональных оттенков. Деревья выглядят чуть более агрессивно по отношению к горам, за счет острых объектов, из которых они составлены, а также черных вкраплений. Горы довольно воздушные, благодаря дымке, которая их окружает. Здесь даже можно обнаружить некое сходство с картинами Рериха. Художественный образ создается за счет легкоузнаваемых объектов природной формы, пространственная композиция достаточно упорядоченная, деревья расположены симметрично, в картине присутствует воздушность, легкость. Пейзаж вполне можно представить в динамическом виде, где горы могу переливаться и менять цветовой тон, небесная дымка может медленно ползти за горизонт. Картина легко может лечь на музыку, в силу своей легкости и присутствия множества цветовых оттенков, которые могут менять свое состояние в соответствии с музыкальным рядом.

Эта картина [12,4] гораздо более агрессивна. Создается впечатление огромного объекта, вырастающего из чрева города. Объект этот острый, неприятный, угрожающий. Такое впечатление создается благодаря острым углам, а также серо-желтым цветовым оттенкам, которые напоминают ржавчину, также стоит обратить внимание на ребристую текстуру, которая дает ощущение техногенного происхождения данного объекта. Условно этот объект можно разделить на два и они по форме напоминают кресты. Ощущение их громадности создается текстурой, что находится под объектом, и она напоминает город или поле с высоты птичьего полета. Объект расположен высоко над линией горизонта, значит он визуально представляется очень большим. Также в объекте можно различить две фигуры, соединенные вместе.

Художественный образ здесь авторский, напряженный, отдаленно напоминает археологическую реминисценцию «Анжелюса» Милле, выполненную Сальвадором Дали (1934, Флорида, Санкт-Петербург).

Только здесь картина еще более массивная, создающая гнетущую атмосферу техногенной катастрофы. Возможно также ассоциация с картиной «Предчувствие гражданской войны», образ там имеет агрессивную, доминирующую над остальным пространством форму, она словно «душит» окружающее пространство, вызывая ощущение нависшей угрозы. Оба образа весьма осязаемые и четкие, у Сальвадора Дали форма имеет антропоморфный характер (здесь четко выделяются фрагменты человеческого тела), здесь же он скорее техногенный, т.к. текстура объекта напоминает микросхемы или сшитые листы железа.

Это совершенно абстрактная картина [12,5], вызывающая ассоциации с мятой бумагой. Тем не менее, композиционно картина выстроена, ибо имеет по центру ярковыраженный овал, внутри которого присутствуют еще две овальные фигуры. Это может также напоминать деформированный китайский символ «инь-янь», который символизирует гармонию всего сущего. Цветовая гамма в произведении различается лишь тонально, в основном здесь присутствуют лазурно-голубой, желтый и фиолетовый цвета. Здесь, в отличие от предыдущих примеров, композиция не имеет ярко выраженной пространственной глубины, основная фигура лежит на плоскости. Данную картину можно легко представлять в динамическом виде, как линии деформируются, приобретая новые формы. Данная работа

представляет собой чистую абстракцию, она может вызывать некие ассоциативные образы, связанные с внутренним миром и миром подсознания. При этом колорит выражен в едином стиле, присутствует композиционный центр, внутри которого происходят всевозможные деформации. Образ подвижный, динамический, сугубо авторский.

Абстрактное искусство искало новый язык, чтобы выразить эмоции, настроения посредством чистых линий, красочных пятен, генеративное искусство же ищет новые методы создания картин. На данном этапе развития технологий картины чаще всего получаются абстрактными, и поддаются тем методам анализа, которые применимы к абстрактному искусству. По мере усложнения методов генерации изображений мы будем видеть более сложные работы, в которых присутствуют более конкретные и узнаваемые образы, которые будут содержать тонкие аллегории и метафоры, а также в определенной степени цитирование традиционных образов.

Произведения генеративного искусства отличаются разной степенью беспредметности, но объединяет их одно - стирание противоположности между реальностью и фантазией, объективным и субъективным, стремление показать творческий акт во всей его чистоте, не замутненный утилитарной целью. Художник оперирует теми же средствами художественного образа, что и абстракционисты - форма, цвет, ритм, цветовые пятна.

Здесь [12,6] мы можем видеть чисто абстрактную картину, составленную из однородных элементов - кругов и квадратов. Цвета яркие, создающие позитивное настроение. Сразу же можно обнаружить сходство с картинами Кандинского и Миро. Здесь фигуры максимально просты и даже примитивны, но вместе создают весьма затейливую и даже музыкальную композицию, которая легко ляжет на какую-то легкую мелодию. Отчасти картина может напоминать о тибетских мандалах, только здесь нет ярко выраженного композиционного центра. Фигуры расположены весьма хаотично, но ими заполнено не все пространство холста, в картине есть воздух за счет того, что оставлено пространство по краям. Художественный образ создается благодаря ассоциациям, характер образа - авторский. Замыслом является отражение внутреннего мира художника, возможно его настроения. При этом настроение картины - позитивное, благодаря ярким цветам.

Данная работа [12,7]представляет собой абстрактную композицию, которая может вызывать определенные ассоциации с бушующим морем, волнами и птицами над ним. Вдали можно разглядеть то ли парусник, то ли горы. Художественный образ напряженный из-за ломаных, нервных линий и острых углов. Пространственное решение присутствует благодаря тому что на переднем плане объекты темнее, а на дальнем - светлее, что создает определенную глубину. Образ авторский, построен на возникновении ассоциаций, которые вызывают абстрактные фигуры. Колористическое решение выполнено в желто-серой цветовой гамме, фон практически однотонный. Настроение картины - скорее тревожно-печальное, возможно это шторм, крушение корабля и т.п. В композиционном центре много воздуха, основные фигуры сосредоточены по краям, они словно хотят вторгнуться центр своими острыми линиями.

А это [12,8] абстрактная композиция, тем не менее вызывает ассоциации с работой Пикассо «Портрет девушки», потому как мы можем рассмотреть такие явные элементы как глаза и губы среди многочисленных фигур. Здесь используется такой прием как цветовой градиент, переход из фиолетового в оранжевый. Композиция упорядочена, благодаря тому что основные фигуры расположены по горизонтальной линии примерно по середине.

Линии имеют плавный изгиб, фигуры - повторяющиеся элементы ввиде полос. Композиция создает приятное ощущение благодаря мягким цветовым переходам, овальным фигурам. Формы превращаются в геометрические блоки, понятие о плоскости и перспективе здесь размыто, связь с реальностью существует только благодаря губам и глазу. Чистая абстрактная форма, которая отражает внутренний мир художник, работу подсознательного. Отсутствует обращение к традиционным образам. Здесь даже можно уловить некие черты дадаистского стиля, основные фигуры очень просты, их сложность лишь является следствием детализированности отдельных элементов. Это своего рода деконструкция традиционной живописи, попытка найти некое ядро, первоисточник изображения. Генеративное искусство также как и абстракция изучает беспредментные явления - переливы перламутра, игра красок на небе, рябь на воде, прихотливое взаимоотношение линий на листьях, корнях и т.д., абстрактный рисунок на лепестках цветов. Также как и абстракция, генерируются изображения скорее свойств предметов, чем сами предметы. Учитывая то, что фрактал является базисом, основным кирпичиком в построении компьютерного изображения, ассоциации с биоморфными объектами не случайны, ибо в природе фракталы также встречаются крайне часто.

Рассмотрим работы еще одного легендарного цифрового художника и мастера видеоинсталляций. Герхард Манц [9] является признанным мастером современного визуального искусства. Его работы - это динамические, неповторяющиеся картины, развивающиеся во времени, бесконечные визуальные миры в 3D. Это не анимация в традиционном смысле, картины создаются в реальном времени и объекты находятся в состоянии постоянной трансформации. Картинка проживает свою собственную жизнь, объекты перемещаются и трансформируются в рамках оригинальной концепции художника.

Это одна из его самых реалистичных работ, пейзаж, напоминающий классическую японскую живопись [12,9]. Работа выполнена с крайней степенью детализации, в едином колористическом решении, при этом тяготеет к фотореализму. Мы можем наблюдать весьма проработанные кроны деревьев и отражения на воде. Композиционно картина решена довольно просто - середину разделяет горизонт, основными объектами являются деревья, при этом они совершенно разные. Картина весьма воздушная, художественный образ лирическо-романтический, созерцательный. Здесь используется принцип подобия, ведь объекты вымышленного мира здесь оперируют образами реального мира, никаких аллегорий и метафор. Образ целого вызывает ощущение природного спокойствия, гармонии, ощущение еще неоткрытого участка планеты, куда не ступала нога человека. Образ авторский, но есть обращение к традиционным жанрам пейзажной живописи, возникают ассоциации с пейзажами Шишкина и с японской каллиграфией.

Это уже чисто абстрактная работа Герхарда Манца [12, 10]. Ритм работы создается за счет повторяющихся элементов - кругов, квадратов, линий. Абсолютно авторский

образ, явные параллели с работами Кандинского и Поллока. Здесь сочетаются правильные геометрические фигуры со случайными органическими элементами, похожими на морскую пену и брызги от краски. Здесь гармонично сочетаются природная экспрессия и математическая точность. Композиция делится пополам горизонтальной строчкой из белых квадратиков, можно интерпретировать ее как набор пикселей. Фигуративность и параллели с образами реального мира отсутствуют.

Основным методом создания художественного образа является цвет и форма, фигуры в генеративном искусстве обладают свойством самоподобия.

Можно сделать вывод о том, что алгоритмическое искусство проходит путь, схожий с классическим искусством, только в обратном направлении. Компьютерное искусство двигается от абстрактного искусства к реализму, к более сложным алгоритмам, позволяющим создавать образы, которые будут иметь определенное подобие в реальном мире. Возможно, на более поздних этапах мы будем наблюдать этап компьютерного возрождения, когда накопленный мировой опыт в художественной культуре в связке с искусственным интеллектом даст возможность получать более сложные и интересные художественные образы композиции. В данном случае, абстрактные полотна это лишь первые шаги.

Отдельно стоит отметить то, что компьютерное интерактивное искусство постоянно обращается к мировому художественному наследию, создавая многочисленные имитации уже классических абстрактных работ.

Так, компьютерный сайт Make My Mondrian [10] позволяет создавать картины в стиле Мондриана, а Jacksonpollock.org [11] поможет вам создать картину в стиле Поллока. Художественные образы, созданные в таких программах, могут быть идентичны тем идеям и концепциям, которые вкладывали эти художники в процессе создания собственных картин. Сохраняется идея тотальной абстракции, использование определенных цветов и художественных приемов. Так, у Мондриана это лишь вертикальные и горизонтальные линии, и определенный набор цветов, у Поллока это экспрессия, созданная случайным разбрызгиванием красок. Имитация как вид компьютерного искусства имеет право на существование, ведь он позволяет знакомить пользователей с уже известными и классическими произведениями искусства.

Интерактивное искусство дает ответ на вечные авангардистский вопрос - что такое есть произведение искусства. Ответ такой - произведение искусства есть момент творчества. Т.е. то самое время, когда произведение создается. А оставшаяся после этого картинка – всего лишь свидетельство о том, что случилось.

Можно отметить, что если раньше художник господствовал над тем художественным образом, который он создает, то сейчас художественный образ может существовать собственной жизнью, бесконечно интерпретируя себя в рамках той художественной концепции и компьютерной программы, в которой он был создан.

Главной задачей становится непосредственно акт творчества, а не тот художественный образ, который получился в процессе его создания. Коммуникация, так же как интерпретация, становится процессом создания смысла, творческой в своей основе деятельностью. Интерактивное искусство демистифицирует роль художника, сводя её к функции создателя контекстов, внутри которых реципиент может развивать процесс его или ее творчества. В настоящее время понятие автора заменяется понятием авторства.

Традиционное определение произведения искусства состоит в том, что это материальное воплощение художественного образа, что также подходит и к интерактивному искусству, пусть мы и воспринимаем картины опосредованно через призму компьютерной программы. Интерактивность вводит в схему движения художественного образа от автора к зрителю посредника ввиде компьютерного алгоритма. Он в свою очередь воплощает художественные образы в момент взаимодействия пользователя с данной программой.

Необходимо отметить, что произведение интерактивного искусства более чем классическое произведение подчинено художественному произволу ввиде интерпретирования пользователем. Таким образом, восприятие и интерпретация могут быть сильно отличны от того контекста, в котором данное произведение было создано. Традиционно художник был ограничен красками и холстом, некими материальными вещами, которые он использует в процессе творчества, художник в области интерактивного творчества ограничен же лишь технологическим и программным обеспечением, в рамках которого он создает свое произведение. Как утверждает Т.Е. Шехтер: “ Виртуальность — не только новая форма существования искусства, но и форма его отрицания, так как являет собой: — отрицание художественной деятельности в традиционном ее понимании; — отрицание произведения искусства как материального артефакта; — исключение из художественного обихода и восприятия важнейших характеристик произведения искусства как явления реального мира. Виртуальное состояние искусства, виртуальное бытие искусства должно рассматриваться как независимый и самостоятельный вид творческой деятельности» [8].

Главная сила цифровых технологий в искусстве – это власть синтеза. Сила компьютеров заключается в синтезе, в объединении существующих форм и таких новаторских способов, которые дают совершенно новые возможности. Речь идет о синтезе фотографии, фрактальных алгоритмов и возможностей человеческой руки, 3D-моделирования и т.д., и всем этим управляет сознание художника. Возможности изобразительных компьютерных технологий художественного творчества бездонны: огромный выбор инструментов, колоссальный цветовой спектр, возможность отменить свои действия, сохранить любой момент своей работы –все это недоступно в традиционной живописи. Появляются новые методы создания художественного произведения, меняются методы восприятия и взаимодействия с произведением искусства. Интерактивное искусство – это искусство создания контекстов и компьютерных алгоритмов, в рамках которых генерируется художественный образ.

Интерактивное искусство дает ответ на извечный вопрос – «Что есть произведение искусства?», расширяет границы художественности. Образ-замысел в таком произведении подчинен бесконечной интерпретации и варьированию себя. Художник ограничен только технологическими возможностями, которые предопределяют особенности и творчества и дальнейшего восприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

*Сан Басе (родился 1 декабря 1956 в России) – современный канадский художник, специализируется на генеративном искусстве, окончил школу изящных искусств (1974 г.), доктор по кибернетике в Техническом университете (1979 г.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Dag Svanaes “Understanding Interactivity. Steps to a Phenomenology of Human-Computer Interaction»

2. Hammet, Fransis. Virtual reality. N. Y., 1993.

3. Shrum, Liu. What is interactivity? // Journal of Advertising. – 2002. Winter. – Vol.31, №4. – P.53

4. Myron W. Krueger. Artificial reality: Past and future // Virtual reality: theory, practice and promise / Ed. Sandra K. Helsel and Judith Paris Roth.Meckler. Westport and London, 1991. P.19-26.

5. Бранский В.П. Искусство и философия. М., Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 704 с.

6. Дворко Н. И. Профессия – режиссер мультимедиа. – СПб.: СПбГУП, 2004. – с.

7. Шлыкова О.В. Культура мультимедиа. – М.: , 2004. – с.

8. Шехтер Т.Е.. Художественное воображение и логика фрактала // Виртуальное пространство культуры: Материалы научной конференции, 11-13 апреля 2000 года. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С.58-62

9. Электронный ресурс http://www.gerhard-mantz.de/ (Дата обращения 21 октября 2014)

10. Электронный ресурс http://www.tristesse.com/~howie/Flash/MondRect.html (Дата обращения: 13 октября 2014)

11. Электронный ресурс www.Jacksonpollock.org (Дата обращения 13 октября 2014.)

12. Электронный ресурс. Иллюстративный материал для статьи. http://goo.gl/yHtdJK (Дата обращения 12 ноября 2014.)

13. Электронный ресурс. Философская энциклопедия. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4956

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В ЯЗЫКЕ СМИ

Шейхи Хоссейн,
аспирант,
кафедра русского языка как иностранного,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Ключевые слова: глаголы говорения, значение, информация, прямая речь, косвенная речь, язык СМИ
Key words: verbs of speaking, meaning, information, direct speech, indirect speech, language media

Аннотация. Глаголы говорения представляют большой интерес для лингвистики. На протяжении многих лет ученые исследуют глаголы говорения на уровне лексико-семантических групп, лексико-семантических вариантов, включая их в различные лексические поля и подполя. В настоящее время глаголы говорения изучаются с точки зрения передачи информации. Данная статья посвящена исследованию глаголов говорения со значением передачи информации в языке СМИ.

Verb of speaking are of great interest for linguistics. For many years, scientists are investigating the verbs of speaking at the level of lexical-semantic groups, lexical-semantic variants, including them in different lexical fields and subfields. Currently verbs of speaking are studied from the viewpoint of information transmission. This article focuses on study of verbs of speaking with the value of information transfer in the language of media.

В статье анализируются глаголы *говорить*, *говориться*, обозначающие передачу информации в наиболее общем виде и глаголы *диктовать*, *продиктовать*, передающие дифференцированное представление об информации. В качестве источника были привлечены материалы языка СМИ, размещенные на сайте национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). В соответствии с классификаций глаголов говорения, предложенной Т.В. Матвеевой, глаголы *говорить*, *говориться*, *диктовать*, *продиктовать* включены в подполе речевая деятельность, в ЛСГ глаголов произнесения с базовым глаголом *произнести* [Матвеева 1988].

Материалом для исследования послужили выдержки из газеты «Комсомольская правда», региональных СМИ, РБК Daily, размещенных на сайте национального корпуса русского языка за апрель-май 2011 года. Было отобрано по 100 примеров с глаголами *говорить*, *говориться*, *диктовать, продиктовать*.

Цель нашего исследования – выявить различия между глаголами со значением передачи информации по содержанию (теме), статусу и форме (прямая и косвенная речь[1]).

Глаголы *говорить*, *говориться*, *диктовать*, *продиктовать* имеют значение ‘передать информацию адресату в наиболее общем виде’, т.е. произносить какой-то текст, делая его доступным в смысловом и информационном планах. Любопытно на этот счет мнение А.А. Зализняк, которая считает, что любое высказывание с глаголом *говорить* предполагает либо автора высказывания как говорящего лично, либо автора, передающего (транслирующего) высказывания, заполненные языковым выражением, т.е. субъектом глагола *говорить* [Зализняк 2000:382]. Приведем некоторые примеры, где автор высказывания – говорящий – использует форму прямой речи:

(1) Накануне главного конкурсного дня «КП» пообщалась с певцом. – Трудно прогнозировать результат, но я привык побеждать, – ***говорит*** *Алексей* [11].

(2) Мы обратились в суд и 30 марта 2011 года получили разъяснения о порядке действий, – ***говорит*** *заместитель руководителя УФССП по Новосибирской области Роман Тропин* [1].

Из приведенных примеров явствует: говорящие *Роман Тропин* и *Алексей* реально произносят высказывания, содержание которых тождественны языковому выражению, заполняющему “соответствующую валентность[1] глагола *говорить*” [Зализняк 2000:383]. Иными словами, с компонентом предложения “слова автора” (*говорит Алексей*, *говорит Роман Тропин*) соотносится информационно-смысловое ядро “прямая речь”, содержащее в себе действительное или возможное положение дел: в первом высказывании содержится предположение – победить в конкурсе, во втором – разъяснения суда как действительное правовое положение дела. К сказанному добавим: информационно-смысловое ядро “прямая речь” обоих высказываний – это истинные суждения, которые не нуждаются в верификации. Признак ядра “прямая речь” обоих высказываний: глагол *говорить* употреблен в форме 3-его лица единственного числа, изъявительного наклонения.

В примерах 1 и 2 глагол *говорить* имеет значение передачи информации – сообщение об актуальных в момент речи событиях, содержания (темы) которых могут быть различные: уверенность в победе и разъяснения суда.

Обратимся к примерам, где используются высказывания в форме косвенной речи, синтаксически организованной как сложноподчиненное предложение.

(3) Друзья и коллеги ***говорят*** *мне, что, если бы не было жюри, то победа была бы однозначно за Россией* [11].

(4) Она ***говорит****, что встретились они то ли в 33-м то ли в 34-м году, меж тем как Булгаков замыслил свой роман в 28-м* [3].

В примерах 3 и 4 компоненты предложения “слова автора” представляют собой главное предложение, придаточная часть – воспроизводимое высказывание.

На уместный вопрос, какой смысл высказывания передается при его передаче в форме прямой и косвенной речи, хорошо ответила Н.Д. Арутюнова: «Объектом вербализации в большинстве случаев является коммуникативный смысл высказывания (оформить словесно), как бы он ни был выражен – прямо или косвенно. Вербализуется то, что хотел сказать, имел в виду участник коммуникации» [Арутюнова 1992: 47].

Обращают на себя внимание случаи опущения части передаваемой информации в исходном высказывании с прямой речью:

(5) Маму парня Ирину Асаенок поразило отношение адвоката Михеева к своему подзащитному: – Мог бы ему хоть речь приличную написать, Михееву такой срок «светит», а он ***говорит*** *«простите»* [16].

1. Валентностные качества глаголов речи рассмотрены в работе [Горегляд 1994:7].

(6) В милицию тоже не ходил, ***говорит*** *– некогда* [10].

В 5 и 6 примерах адресату речи приходится восстанавливать часть информации (*он говорит «простите»*, *говорит – некогда*) путем импликаций из смысла исходных высказываний. В примере 5 передающий информацию (*Ирина Асаенок*) сообщает только то, что сказал адвокат (*«простите»*), а адресату речи важно то, что хотел сказать адвокат: или попросить прощение за то, что не написал речь подсудимому, или отказаться защищать Романа Асаенка. В примере 6 автор публикации как субъект речи (Карелина И.) сообщает буквально (*говорит – некогда*), а адресат речи хочет знать, что хотел сказать герой статьи: или у него нет времени, чтобы сходить в милицию, или он тяжело болен, или он чего-то боится.

Примеры 5 и 6 показывают, что при передаче чужого высказывания субъектом речи в основном передается его скрытый смысл, который, по словам А.А.Зализняк, нуждается в предметно-аналитической модификации [Зализняк 2000:388].

Анализ употребления глагола *говориться* показал следующее. Обычно он служит для передачи содержания высказываний в форме косвенной речи (примеров на данный глагол с прямой речью мы не нашли). Приведем контексты, где авторы передают (транслируют) высказывания, заполненные языковым выражением, т.е. объектом глагола *говориться*.

(7) В сообщении ***говорится*** *об умышленном сокрытии денежных средств, причитающихся городскому бюджету путем незаконной предпринимательской деятельности фирм-однодневок, о многочисленных нарушениях правил пожарной безопасности, торговле контрафактной продукцией, незаконном использовании труда мигрантов* [8].

(8) Население там небольшое, кругом, как ***говорится****, «сват-брат»* [20].

(9) Иннокентия Михайловича Смоктуновского, например, вообще не принимали в театры, чуть не гнали, как ***говорится*** [14].

Пример 7 свидетельствует о передаваемом смысле оригинального текста (это *сообщение*, которое имеет определенное содержание – тему) и о субъекте речи – авторе публикации (Жолобова М.). В примерах 8 и 9 сообщение авторов-трансляторов (Перминова К., Маргиева Н., Плешакова А., Ремизова М.) включает в себя вводное сочетание (союзную конструкцию) *как говорится* в значении “как принято говорить, как говорят” [**Ожегов 2003:**135]. Любопытно, что вводное сочетание *как говорится* указывает на источник информации – безличный глагол *говорят*, благодаря чему сообщение получает отрицательную эмоциональную оценку (в примере 8 объект оценки – *«сват-брат»*, за которой скрывается эмоция автора-транслятора, в примере 9 субъект оценки – *Иннокентий Михайлович Смоктуновский*, за которой скрывается эмоциональное отношение актера Александра Лазарева, указывающее на субъективную модальность высказывания [**Романова** 2008: 64-106]. Отметим, что мнение Т.В.Романовой совпадает с точкой зрения А.А.Зализняк, которая, рассматривая класс глаголов, описывающих разнообразные способы говорения, пишет о том, что такие глаголы обычно помимо дескриптивных компонентов содержат еще оценочный, где “оценка, встроенная в глагол, практически всегда является отрицательной” [Зализняк 2000:397]. И с этим нельзя не согласиться.

По отношению к анализируемым глаголам *говорить*, *говорится* особняком стоят глаголы *диктовать - продиктовать*. Большинство употреблений этих глаголов отражает императивную направленность высказываний, ориентированных на ту или иную ситуацию – событие, условие, факт с вытекающей из него необходимостью. Обратимся к примерам.

(10) Мы хотим закупать комфортабельные машины, но администрация ***диктует****: для участия в конкурсах покупать «ПАЗики», – справедливо замечает Валерий Водницкий* [23].

В примере 10 глагол *диктует* указывает на событие, связанное с приобретением машин. При этом желание субъекта речи – *закупать комфортабельные машины* (*Валерий Водницкий*) противоречит волеизъявлению администрации перевозчика пассажиров – *покупать «ПАЗики»*.

Приведем пример, в котором глагольная форма *диктуемые* указывает одновременно на факт и условие.

(11) К счастью, результаты лабораторных исследований воды показали, что и в исходной воде, и в точке перед подачей в распределительную сеть концентрация диметилтерефталата, дибутилфталата и диоктилфталата не превысила значения, ***диктуемого*** *санитарными правилами* [24].

Предметом сообщения являются факт (*результаты лабораторных исследований воды*) и условие, задаваемое *санитарными правилами*. А вот об этих условиях субъект речи (Таскина Е.) ничего не сообщает, поэтому адресату речи опущенную часть информации приходится восстанавливать на свое усмотрение: или он обращается к санитарным правилам, или игнорирует опущенную часть информации.

Глагол *продиктовать* в исследуемом материале представлен формой краткого страдательного причастия *продиктован*.

(12) Для нас не составит большого труда написать вам СМС или ***продиктовать*** *по телефону адрес, где давно уже находится ваш номер* [15].

В примере 12 приставочный глагол *продиктовать* употреблен в том же значении, что и глагол *диктовать*: “медленно и раздельно произносить что-нибудь с тем, чтобы слушающий записывал” [**Ожегов 2003:**166]. Учитывая лексическое значение глагола *продиктовать*, можно отметить, что он употребляется в сфере межличностных, социальных или деловых отношений.

(13) Встревоженная женщина во имя светлого будущего своего родственника была согласна расстаться с кругленькой суммой и сама ***продиктовала*** *сообразительному жулику свой адрес* [19].

Как показывает пример 13, в межличностной сфере субъект речи действует, исходя из определенной ситуации: либо добровольно передает адресату речи сведения определенного рода, либо – под угрозой насилия.

(14) Реакция силовиков, по словам политолога, ***продиктована*** *позицией политической власти страны* [21].

(15) По его словам, принятие данного постановления ***продиктовано*** *необходимостью приведения областного закона «Об образовании» в соответствие с изменениями, внесенными в федеральное законодательство* [18].

Скажем, что в исследуемых материалах глагольная форма *продиктован*, образованная от глагола *продиктовать*, употребляется преимущественно в значении: “предписы-

вать что-либо для безоговорочного выполнения, навязывая свою волю кому-либо, предъявляя какие-либо требования" [4, 2000:259]. Отметим, что как глагол *диктовать*, так и форма *продиктован* указывают на важность передаваемой информации, о которой идет речь в СМИ. Кроме того, они по-разному характеризуют сферу коммуникации: в случаях *диктовать - продиктовать* речь идет о межличностных отношениях, в случаях *продиктовать - продиктован* – о межличностных, социальных или деловых отношениях.

(16) Прошлогодняя жара, когда с покупателями случались обмороки, ***диктует*** *главное направление обустройства: в центральном павильоне будет обязательно установлена приточновытяжная вентиляция, а окна уже сейчас завешиваются светонепроницаемой пленкой* [5].

В примере 16 глагол *диктует* употреблен в переносном значении – перенос значения глагола речи указывает на мотивировку действия. В 16-м примере высказывание ориентировано на факт (*прошлогодняя жара*, следствием чего стали *обмороки*) с вытекающей из него необходимостью – установкой вентиляции *в центральном павильоне* рынка. Кроме того, сообщается о мотивировке действия, связанного с глаголом *диктует*: субъект действия (администрация рынка) беспрекословно выполняет то, что *диктует* ему *прошлогодняя жара*. В таком случае, как считает М.Я. Гловинская, валентность субъекта действия при глаголе выражается названием коллектива, учреждения, СМИ [Гловинская 2000:410].

Итак, проведенный анализ глаголов *говорить*, *говориться*, *диктовать - продиктовать* показал следующее.

Глагол *говорить* может употребляться со значением передачи информации различного рода содержания в виде сообщения об актуальных в момент речи событиях. Статус передаваемой информации в основном носит общий характер. Форма прямой и косвенной речи предпочтительная. Отмечены случаи опущения части передаваемой информации в исходном высказывании с прямой речью.

Глагол *говориться* передает (транслирует) информацию по содержанию, касающемуся любой сферы действительности. Статус передаваемой информации в основном носит негативный характер. Предпочтительна форма косвенной речи.

Глаголы *диктовать - продиктовать* в зависимости от лексического значения могут передавать информацию, ориентированную на ту или иную ситуацию – событие, условие, факт с вытекающей из него необходимостью. Коммуникативные ситуации характеризуются ими по-разному. Статус передаваемой информации в основном носит императивный (предписательный) характер, указывая на ее важность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алексеев В. У приставов осталось 11 недель, чтобы продать «кошачий питомник» в центре Новосибирска // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 13/05/2011.

2. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. – М.: «Наука» 1992. – С. 40-52.

3. Балуева А., Чудакова М. автор «Жизнеописания Михаила Булгакова»: «Маргарита была женщина милая, но недалекая...» // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 13/05/2011.

4. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2000. – 1536 с.

5. Весна на «Первомайском» рынке // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 04/05/2011.

6. Гловинская М.Я. Глаголы со значением передачи информации // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 403-416.

7. Горегляд Е.Н. Глаголы речи в белорусском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1994. – 28 с.

8. Жолобова М. «Лужники» - спорткомплекс или базар? // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 13/05/2011.

9. Зализняк А.А. Глагол говорить: три этюда к словесному портрету // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 381-402.

10. Карелина И. Челябинцы собирают доказательства против риэлторов // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 13/05/2011.

11. Лаптева Е., Ремизова Мария. Скандалы 'Евровидения' 2011: Воробьева обвинили в том, что он не умеет петь, а певицу из Армении - что не так танцует // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 14/05/2011.

12. Лексико-семантические группы глаголов: Учебный словарь-справочник / Под общ. ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 153 с.

13. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

14. Маргиева Н., Плешакова А. Ремизова М. Александр Лазарев: «В театре такие отношения, что от них может лопнуть сердце...» // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 04/05/2011.

15. Маянцева А. В московские дворы пришли интернет-рэкетиры. Часть 2 // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 22/03/2011.

16. Муратшина Д. Дело Романа Асаенка: главный обвиняемый в убийстве студента сказал последнее слово // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 14/05/2011.

17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2003. – 944 с.

18. Пашкова Т. Сельским педагогам на Урале будут полностью компенсировать расходы на содержание жилья // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Новый регион 2, 12/04/2011.

19. Пензина Т. В Пензе осужден телефонный мошенник // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 04/05/2011.

20. Перминова К. Забайкальские чиновники хотят отнять у инвалида жилье // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 13/05/2011.

21. Петров П. Чем отличались расследования терактов в России и Белоруссии // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru РБК Daily, 18/04/2011.

22. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография. – Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 310 с.

23. Румянцева Т. В Твери одни маршрутчики подрались с другими // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Комсомольская правда, 26/04/2011.

24. Таскина Е. Роспотребнадзор усилил надзор за питьевой водой в Екатеринбурге и состоянием Волчихинского водохранилища // RIA.RU. – URL: http://search.ruscorpora.ru Новый регион 2, 11/04/2011.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДВИГАТЕЛЬНОЙ САМОРЕАБИЛИТАЦИИ ПРИ ТРАВМАХ ПОЗВОНОЧНИКА С ПОВРЕЖДЕНИЕМ СПИННОГО МОЗГА ПОСЛЕ ВЫПИСКИ ИЗ СТАЦИОНАРА

Штоколок В.С.,
Уральский федеральный университет

Ключевые слова: самореабилитации, двигательная реабилитация, травма позвоночника; силовой марафон
Key words: self-rehabilitation, motor rehabilitation, spinal injury; Power marathon

Аннотация. В статье рассмотрен процесс организации двигательной самореабилитации в домашних условиях после выписки из лечебного учреждения, с последующей и социализации больных через участие в силовом марафоне.

This article describes how the organization of the motor self-rehabilitation at home after discharge from the hospital, followed by patients and socialization through participation in the force marathon.

Актуальность. Реабилитация больных с травмами позвоночника с повреждением спинного мозга является серьезной проблемой для общества. С каждым годом увеличивается количество больных с такими травмами [6]. Это связано с увеличением количества автокатастроф, бытовых и спортивных травм, техногенных аварий, глобальных вооруженных конфликтов и т.д. Усилия врачей, проводящих успешное и своевременное хирургическое лечение на основе современных технологий, способствуют увеличению количества больных с травмами позвоночника.

В физической реабилитации больных с травмами позвоночника с повреждением специалистами по физической реабилитации ведется научно-методическая работа[1,3,6]. Предлагаемые методики предназначены для использования специалистами по ЛФК и врачами. Вместе с тем, не рассматриваются эффективность самостоятельных занятий в домашних условиях больных после выписки из лечебного учреждения.

О широких возможностях самореабилитации больных с травмами позвоночника с повреждением спинного мозга показано в исследованиях В.А. Качесова, 2007[4]. Вместе с тем, данные специалисты проводят исследования самореабилитации больных с травмами позвоночника только на примере травм в шейном отделе.

Ряд авторы для решения данной проблемы предлагают создание «школ для больных с травмами позвоночника с повреждением спинного мозга». Процесс реабилитации строится следующим образом: больные на протяжении нескольких дней находятся в стационаре, где проходят обучение по выполнению физических упражнений предстоящего этапа занятий, после чего в течение нескольких месяцев проводят самостоятельные занятия дома, после чего проводится следующий этап обучения.

При выборе данного способа реабилитации возникает ряд проблем: не в каждом лечебном учреждений организованы такие школы, это связано с недостатком специалистов по реабилитации больных с данной травмой; во-вторых, больные во многих случаях проживают на достаточном расстоянии от лечебного учреждения (в другом населенном пункте). Все вышеуказанное, не позволяет организовать подобным способом реабилитацию больных. В доступных нам методиках не рассматривается их дальнейшая социализация. Вопросы социализации больных с травмами позвоночника с повреждением спинного мозга, рассматриваются отдельно от основного процесса физической реабилитации. Человек, получивший такую травму, теряет связь с обществом, что негативно сказывается на его психологическом состоянии. Чем длительнее проходит разрыв с внешней средой, тем тяжелее последствия и труднее вернуть больного в общество.

Все выше сказанное требует разработки такой методики реабилитации, которая бы позволяла проводить реабилитационные мероприятия в домашних условиях с минимальным участием инструкторов по ЛФК и близких больного. Решение данной проблемы видится в создании методики двигательной самореабилитации больных на основе персонального тренинга после выписки из лечебного учреждения.

Цель исследования – научное обоснование методики обучения двигательной самореабилитации больных с травмами позвоночника в грудном и поясничном отделах с повреждением спинного мозга после выписки из лечебного учреждения на основе персонального тренинга.

Гипотеза исследования: предполагалось, что методика обучения двигательной самореабилитации больных с травмами позвоночника в грудном и поясничном отделах с повреждением спинного мозга после выписки из лечебного учреждения будет эффективной, если:

> проведен теоретический анализ и определены основные положения, отражающие специфику двигательной самореабилитации больных при травмах позвоночника в домашних условиях;

> определены основные формы, методы и средства комплексной двигательной самореабилитации больных с использованием индивидуально-деятельностного подхода на основе персонального тренинга;

> разработана программа двигательной самореабилитации, выстроены алгоритмы выполнения физических упражнений разной направленности и применения самомассажа в сочетании с гидропроцедурами после выписки из стационара и определена их эффективность;

> выявлены организационно-педагогические, методические, информационные условия, активизирующие процесс формирования знаний и умений у больного, и их самостоятельное использование на тренировочных занятиях для восстановления нарушенных и утраченных функций;

> создан программный комплекс, состоящий из мультимедийных программ, обеспечивающий самостоятельные тренировочные занятия больных с целью обучения их двигательной самореабилитации;

> установлены необходимые условия организации здорового стиля жизни больного с травмами позвоночника с повреждением спинного мозга после выписки из стационара и участия в физкультурно-спортивной деятельности;

> разработаны практические рекомендации по оптимизации двигательной самореабилитации больных при травмах позвоночника с повреждением спинного мозга на основе персонального тренинга в домашних условиях.

Теоретико-методологическими основаниями проведенного исследования явились: идеи философской антропологии (И.М. Быховская, 1997; Л.А. Закс, 2005), способствующие раскрытию не только предмета деятельности, но и самого человека, который стремится реализовать себя; социализации как процесса становления личности (Г.М. Андреева, 1996; М.А. Галагузова, 2006, А.В. Мудрик, 1991); индивидуально-дифференцированный подход в физическом воспитании на основе субъектного опыта (М.Я. Виленский, 2004; В.С. Макеева, 2013); личностно-деятельностный подход, обеспечивающй общенаучный уровень методологии.

Основу построения структуры и методики физической реабилитации составили: теоретические положения о роли и значении физической культуры в реабилитации (С.Н. Попов, 2005; Н.А. Белая, 2001; В. А. Епифанов, 1990; В.И. Дубровский, 2002); об управлении здоровьем, физическим и эмоциональным состояниями человека (Р.М. Баевский, 1979; В.С. Макеева, 2009); о социализации инвалидов через участие в соревнованиях (С.Н. Попов, 1999); теории и методики обучения силовым упражнениям (В.И. Дикуль, 2010 ; Б.И. Шейко, 2003) самомассажу (В.И. Дубровский, 1998; А.А. Бирюков 1987)

Для проверки гипотезы использовалась совокупность методов:

Теоретические методы: сравнительно-сопоставительный: системный; логический анализ психолого-педагогической, медико-биологической литературы; изучение и обобщение педагогического опыта.

Эмпирические методы: обсервационные (наблюдение, самонаблюдение); психолого-педагогические и социологические (опрос, анкетирование, тестирование, самооценка); медико-биологические (оценка уровня физического состояния по безнагрузочному тесту Е.А. Пироговой, оценка адаптационного потенциала системы кровоснабжения по Р. М. Баевскому, вегетативный индекс Кердо, показатель двойного произведения, индекс Руфье – Диксона, коэффициент экономичности кровообращения, коэффициент выносливости); экспериментальные (констатирующий, формирующий эксперименты); стандартные методики количественного и качественного анализа.

Биохимические методы исследования: определение кислородной емкости и содержание мочевины крови.

Опытно-экспериментальная база исследования больницы г. Алапаевска и МО «Алапаевское» Свердловской области, госпиталь ветеранов г. Екатеринбурга. Исследованием были охвачены пациенты в возрасте от 40 до 73 лет.

Научная новизна результатов исследования определяется тем, что впервые:

1. Определена и обоснована сущность, структура и содержание методики обучения двигательной самореабилитации больных при травмах позвоночника в грудном и поясничном отделах с повреждением спинного мозга после выписки из лечебного учреждения.

2. Выявлены основные принципы, определяющие эффективность методики обучения двигательной самореабилитации больных при травмах позвоночника с повреждением спинного мозга после выписки из стационара.

3. Обоснована методика обучения двигательной самореабилитации больных при травмах позвоночника в грудном и поясничном отделах с повреждением спинного мозга на основе персонального тренинга, включающая структуру, алгоритм функционирования, средства, методы и формы реализации и условия ее эффективности.

4.Реализованы созданные мультимедийные программы, которые способствуют самостоятельному освоению больными техники выполнения физических упражнений и массажных приемов, вне стационара без привлечения специалиста по ЛФК и массажиста.

5. Обосновано участие в силовом марафоне инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата, как способ эффективной социальной адаптации.

Теоретическая значимость исследования определяется в обогащении теории адаптивной физической культуры новыми знаниями о сущностных характеристиках методики двигательной самореабилитации; конкретизирует наиболее эффективные средства, методы и формы реализации тренировочного процесса при травмах позвоночника; обогащает научные представления о комплексе условий по восстановлению индивидуального здоровья больного, способствующих развитию его личности, социальной адаптации.

Практическая значимость исследования заключается в разработке и внедрении в процесс больных при травмах позвоночника с повреждением спинного мозга после выписки из лечебного учреждения на основе персонального тренинга в домашних условиях; обосновании ее структуры и содержания; создании и проверке на практике системы педагогических воздействий, обеспечивающих эффективность восстановительного процесса больного; выработке алгоритмов выполнения лечебной гимнастики при вялом периферическом параличе конечностей в сочетании с самомассажем и гидропроцедурами в ходе занятия и в процессе всего периода реабилитации.

В исследовании выделены цели периодов, задачи по этапам и их продолжительность; включены основные средства восстановления работоспособности парализованных конечностей (для восстановления статического и динамического равновесия, функций передвижения, навыка правильной ходьбы); интегрированы комплексы физических упражнений с комплексами самомассажа живота, способствующие восстановлению нарушенной функции тазовых органов; внедрена методика самостоятельного выполнения пассивных упражнений нижними конечностями больным; использованы мультимедийные программы, обучающие больных самостоятельному выполнению комплексов физических упражнений и самомассажа с указанием дозировки, особенностей выполнения без участия массажиста и инструктора по АФК; внедрена система самодиагностики таких больных для формирования основ самопознания (процесс определения своих способностей и возможностей) и умения осуществлять комплексную диагностику своего физического и эмоционального состояний, а также анализ, сравнение собственных результатов.

Разработка и использование методики двигательной самореабилитации позволит эффективно восстанавливать утраченные функции организма, и проводить эффективную социализацию таких больных через участие в силовом марафоне в современное общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая Н.А. Лечебная физкультура и массаж: Учебно-методическое пособие для медицинских работников./ Н.А. Белая. М.: Советский спорт, 2001. 268 с.

2. Бирюков А.А. Лечебный массаж: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. /А.А. Бирюков – М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

3. Дубровский В.И. Лечебная физическая культура (кинезотерапия): Учеб. для студ. высш. учеб, заведений. – 2-е изд., стер / В.И. Дубровский. – М.: Гума-нит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 608 с.:

4. Качесов В.А. Основы интенсивной самореабилитации / В.А. Качесов. – М.: Издательская группа «БДЦ-ПРЕСС», 2007. – 174 с.

5. Кузнецов И. Лечение позвоночника по методу Дикуля /И. Кузнецов М.: АСТ, 2010. 63 с.

6. Макеева, В. С. Профессионально-личностное развитие будущего учителя в процессе физического воспитания: монография / В. С. Макеева. – Орел: Изд-во ОрелГТУ, 2001. – 295 с.

6. Попов С.Н. Физическая реабилитация: учебник для студ. высш. учеб. заведений / С.Н. Попов. – 3-е изд. – Ростов н/Д, 2005. – 608 с.

7. Шейко Б. И. Пауэрлифтинг / Б. И. Шейко. М.: Физкультура и спорт, 2003. 365 с.

ОБРАЗ ВЛАСТИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» В 1970-Е ГОДЫ

Яковлева А.А.,
аспирант,
кафедра политической истории,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ключевые слова: советская сатира, журнал «Крокодил», образ власти.
Key words: Soviet satire, Magazine «Crocodile», Image of the Authority

Аннотация. Статья посвящена анализу образа власти на страницах сатирического журнала «Крокодил» в 1970-е годы. Целью является типологизация образов власти, рассмотрение динамики их развития и определение средств их художественного выражения. Выделяются следующие типы образов власти: бюрократа, работников министерств, региональной и местной власти, руководителей предприятий, председателей колхозов и совхозов, судебной и партийной власти. Делается вывод, что смещение акцентов на критику хозяйственной власти, создание ее негативного образа, позволяло на контрасте сформировать в общественном сознании положительный образ партийной власти, борющейся с кризисными явлениями в различных сферах жизни общества и государства.

The article is devoted to analysis of the image of authority on the pages of satirical magazine «Crocodile» in the 1970s. The goal of the article is to represent the typology of images of authorities, the dynamics of their development and the definition of their means of artistic expression. There are the following types of images: bureaucrat, heads of ministries, regional and local authorities, heads of enterprises, chairmen of collective farms and state farms, judicial and political authorities. It is concluded that the criticism of economic authorities, creating its negative image, gave an opportunity to create a positive image of the party authorities that fought with the crisis in different spheres of society and state.

Проблема образа власти в художественной культуре актуальна в теоретическом и практическом плане. В историческом исследовании рассмотрение вопроса о том, как власть представлена в литературе и искусстве позволяет констатировать состояние образа власти в массовом сознании в определенный исторический период, что, в свою очередь, даёт возможность более точно охарактеризовать общественно-политическую ситуацию в стране, а также понять, насколько власть оказывала влияние на формирование общественного сознания средствами культуры. Изучение образа власти позволяет создать социально-психологический портрет носителя власти, выявить понимание природы власти, определить то место, которое занимает власть в политическом сознании.

1970 годы – эпоха, которая в настоящее время вызывает острые, противоречивые суждения. С одной строны, этот период характеризуется нарастанием кризисных явлений во всех сферах жизни государства и общества, с другой, исследователи представляют «семидесятые» как время расширившихся возможностей для индивидуального выбора позиции (как эстетической, так и гражданской), этот выбор определял характер взаимоотношений власти и художника [19].

Объектом рассмотрения в данной статье является образ власти на страницах журнала «Крокодил» в 1970-е годы. Цель статьи - типологизация образов власти, расссмотрение динамики их развития и определение средств их художественного выражения.

В 1922 году в бывшем трактире купца Воробьева в Охотном ряду из иллюстрированного приложения к «Рабочей газете» родился сатирический журнал «Крокодил»: «27 августа 1922 года сквозь «прорванную» полосу «Рабочей газеты» высунулась пасть красного крокодила. Именно такой была обложка первого номера, нарисованная Иваном Милютиным» [16, с. 181]. «Крокодил» стал главным юмористическим журналом СССР, был изданием газеты «Правда». Сначала это был еженедельник, с 1932 года он стал выходить 3 раза в месяц. В 1970-е годы человеку, удачно пошутившему, говорили: «Двадцать копеек»! Именно столько стоил номер «Крокодила». То есть он стал по-настоящему народным эталоном сатиры и юмора. В 1972 году журнал был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В середине 1980-х годов тираж «Крокодила» составлял 5 млн. 600 тыс. экземпляров. С 1992 года журнал стал выходить один раз в месяц, его тираж резко снизился и упал до 50 тысяч к концу 1990-х годов. В 2000 г. была сделана попытка радикально модифицировать журнал, сменив формат на А4, бумагу на глянец, периодичность с ежемесячной на еженедельную и т.п. Но вернуть интерес широкой публике к журналу уже не удалось. В 2001 году была сделана вторая попытка возрождения журнала, теперь уже в прежнем формате – появился «Новый Крокодил», главным художником которого был проработавший долгие годы в советском «Крокодиле» Владимир Мочалов. Летом 2004 г. журнал также прекратил свое существование. В сентябре 2005 года вышла третья версия модифицированного постсоветского «Крокодила» под редакцией Сергея Мостовщикова.

В СССР издания типа «Крокодила» имелись в каждой союзной республике. На Украине, к примеру,выпускался журнал «Перець», в котором в разное время сотрудничали такие известные украинские сатирики и юмористы, как Остап Вишня (П. М. Губенко), Степан Олейник, Павло Глазовой, Федор Макивчук и др. В Белоруссии печатали сатирическо-юмористический журнал «Вожык» («Еж»), в Латвии «Дадзис» («Терновник»), в Литве «Шлуота» («Метла») и т.д.

Журнал «Крокодил» в 1970-е годы возглавлял Е.П. Дубровин. В этот период в нем публиковались фельетоны В. Канаева, Р. Киреева, А. Моралевича, С. Бодрова, Ю. Борина, А. Ходанова, А. Вихрева; юмористические рассказы С. Комиссаренко, Б. Привалова, Л. Наумова, Б. Ласкина, М. Казовского, Е. Шатько и многих других авторов, рисовали карикатуры Г. Огородников, Г. Андрианов, Ю. Черепанов, С. Спасский, Е. Ведерников, В. Добровольский, Е. Гуров, И. Сычев, В. Мочалов, активно шла работа с читателями.

Структура журнала определялась основными рубри-

ками. Наряду с редакторской статьей, в рассматриваемый период фельетоны, карикатуры, сатирические очерки и стихи компоновались в рубрики «Нарочно не придумаешь», «Ба, знакомые все лица!», «Крокодильский веселый кроссворд» (КВК), «Улыбки разный широты», «Под углом 40 градусов», «Вилы в бок», «Какой я Хозяин?», «Крокодил помог», «Читатель взволнован», «Мимоходом», «Приз справедливости», «По тому же поводу», «Предсъездовский крокодильский контроль» и другие. Во многих рубриках в журнальных статьях, фельетонах и карикатурах поднималась тема управления и власти.

Можно выявить несколько типов образов власти. Во-первых, это обобщенный «образ бюрократа». В 1974 году «Крокодил» начал конкурс «Бюрократ - 74» или «Всесоюзный отлов бюрократов всех видов и мастей». Особое внимание уделялось «словесному портрету злоумышленника». Из наиболее ярких характеристик: «Уши…обладают странным свойством: слышат все, что доносится к ним сверху, и абсолютно не воспринимают ни единого звука снизу. Рот хорошо приспособлен для произнесения таких слов: «обсудить, обговорить, отложить, отклонить»[4, с. 2]. Первые результаты конкурса отражались в № 5 в заметке «Отлов начался!»: «…бюрократ действительно многолик и разношерстен. В одном случае он выступает в облике матерого отписчика, … в другом – это сановный глушитель инициативы и зажимщик прямой и нелицеприятной критики, в третьем – бессовестный очковтиратель…» [13, с. 3]. Результаты «отлова» отразились в карикатурах В. Жаринова и А. Цветкова, в фельетоне «Музыкальный момент»[8, с.3], в статье «Дело вполне серьезное»[11, с.8] и др.

Образ бюрократа имел несколько вариантов. Так, «образ руководителей министерств» носил негативный характер. Их критиковали за отсутствие должного контроля за подведомственными предприятиями. Например, на одной карикатуре была изображена встреча ответственного проверяющего из министерства с фанфарами, троном на белом коне и плакатом в рядах встречающих со словами «Удачной охоты! Ни пуха, ни пера!, Министерство сельского строительства УССР, Министерство заготовок УССР, тресты «Укрэлеватормельстрой», «Укрэлеватормельмонтаж» [20, с. 4]. Кроме того, отмечались нестыковки в работе, межведомственный склоки. Автор одной из статей задает риторический вопрос: «Так почему же причастные к хлебному делу ведомства столь равнодушны к этому интересному делу - выпечке лаваша, который представляет из себя безотходную технологию»[18, с. 6]. Объектом критики часто становилось разбазаривание народных средств. В адрес Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР высказывались обвинения в связи с разбазариванием минеральных удобрений: «… местные объединения Госкомсельхозтехники за новые комбайны, которые доставляются в колхозы и совхозы… россыпью, деньги взимают сполна, как за укомплектованные, отрегулированные и обкатанные» [3, с. 2]. Еще одним поводом для критики было раздувание штатов. Так, говоря о работе Главного управления охраны водных ресурсов Министерства и мелиорации и водного хозяйства РСФСР, отмечалось: «Когда заходит речь о таких серьезных вещах, как удешевление и совершенствование управленческого аппарата, а именно в тех его звеньях, которые бы полагалось упразднить, или, в крайнем случае, удешевить, люди пытаются создать видимость работы и сочиняют цельнонадувные документы…» [15, с. 6]. В целом работники министерств особенно активно критиковались в начале 1970-х годов, реже к середине 1980-х. При этом критика всегда была конкретна: назывались министерства и ведомства, фамилии руководителей, подробно описывалась критикуемая проблема.

Другим был «образ региональных и местных властей», который также был негативным. Их обвиняли в бюрократических проволочках, раздувании штатов и документооборота. Например, в заметке описывалась «Операция «Ура»: как из одного управления коммунального хозяйства стало три, соответственно, в три раза увеличился штат руководителей, при этом объем работы остался прежним. Названы фамилии «героев», объем возросших на содержание аппарата затрат. При этом во главе данного процесса – «сам исполком». «УРА – это должно было означать «Усовершенствование Работы Аппарата». А у подмосковных коммунальников получилось несколько иное. А именно: «Увеличим Раздутый Аппарат!» [5, с. 2].

Отдельно выделяется «образ руководителя предприятия,колхоза или совхоза». Объектом критики стало очковтирательство, безынициативность, казнокрадство. Показательна заметка о соревнованиях руководителей на «лично-кабинетное первенство по новому виду спорта: кто размахнется шире» между директорами двух крупных заводов в Уфе и Волгограде. Суть спортивного состязания: покупка дорогой теле-радио техники в личные кабинеты и в кабинеты других руководителей. «Сумма баллов подсчитывается. А ну, кто размахнется еще шире?» - вопрошает автор. Или об уловках, к которым прибегают руководители крупных предприятий для «натягивания» показателей для выполнения плана, а также о подгонках плановых цифр так, чтоб потом план был не только выполнен, но и перевыполнен [7]. На карикатуре Е. Щеглова изображается простая колхозница, сбрасывающая с фонарного столба указания председателю, написанные на листках бумаги, а на вопрос о том, зачем она так делает, отвечает, что «наш председатель привык, чтобы ему указания сверху спускали» [21, с. 3]. В рубрике «Вилы в бок» описывается, как местная власть в совхозе «Хорошеборский» Кемеровской области в лице директора совхоза, парторга и председателя рабочкома отправляют работникам совхоза поздравительные открытки без марки, доплатные, которые, чтоб получить, надо заплатить гривенник, т.е. 10 копеек. «Так экономнее, - сообразили совхозные руководители. - Нечего за казенный счет поздравлять» [17, с. 4]. Скорее, исключением был положительный образ руководителя. Например, председатель колхоза в Нефтечалинском районе на Каспии Н.А. Алиев характеризуется не только как отличный хозяйственник, но и любитель по вечерам беседовать с людьми и читать Низами [12, с. 2].

«Образ судебной власти» не был популярным. Критика судебных органов была редкой, причем речь шла не о судебной системе в целом, а о конкретных проштрафившихся на местах, например о том, как саратовский транспортный прокурор И.А. Папин строит личный гараж из «фондируемого материала» [14, с. 5].

Более популярным был «образ партийной власти». Если хозяйственная власть всех уровней оценивалась однозначно негативно, то партийная власть, центральная, региональная характеризовались неоднозначно. Как правило, партийные органы были представлены в отношении

критикуемых учреждений как контролер и воспитатель. С этой целью в журнале «Крокодил» в 1970-е годы существовала рубрика «Крокодил помог», а в 1980-е годы - «Приз справедливости», в которых руководители партийных органов окружного, областного и городского уровней отчитывались, какие меры приняты по фельетонам.

Интересным приемом формирования образа партийной власти стало ее изображение в качестве «фона», на котором разворачивалась критика власти хозяйственной. Так, в номерах за 1977 год появилась рубрика «Пятилетка ставит вопрос». Структура рубрики представляла наличие цитаты из докладов Л.И. Брежнева и материалов партийных съездов и пленумов и фельетон с критикой на заданную тему. Например, на изображении в виде красного флага была написана цитата «Ведение подсобных хозяйств… играет в данное время полезную роль в нашей экономике». Из доклада Л.И. Брежнева на сессии Верховного Совета СССР 4 октября 1977 года». И ниже - фельетон о том, как прокисает молоко у сдатчиков [10, с. 4]. Или о нерадивых председателях колхозов, которые в горячий сезон «уезжают к родственникам», а потом идут просить денег в долг из-за неурожая [9, с. 4-5].

После мая 1982 года появилась рубрика «Чтобы колос стал КОЛОССОМ», в подзаголовках помещались цитаты из выступления Л.И. Брежнева или партийные лозунги, как «Пленум Центрального Комитета ЦК КПСС…одобрил Продовольственную программу СССР на период до 1990 года». Основную часть представляли сатирические заметки и фельетоны. В 1983 году эту рубрику сменила рубрика «Июльский пленум ЦК КПСС. Крокодильский пост». В 1985 году эстафету приняла рубрика «Навстречу съезду».

Говорить о том, что образ партийной власти был однозначно положительным, не приходится. Например, в фельетоне специального корреспондента Я. Герсамии рассказывается о том, как райком партии Хачмасского района Азербайджанской ССР «перевоспитывал» А.Г. Гаджиева, взяточника и хапугу, переводя его «для исправления» с одной руководящей должности на другую, «под крыло трудового коллектива» [6, с. 5]. Истоки истории берут начало в 1954 году. В 1970 году начальник заготуправления Главного управления Совета Министров Азербайджанской ССР по заготовке, переработке и реализации овощей и плодов товарищ Кулиев в очередной раз спрашивает: «Куда же, о господи?!» Автор заметки отвечает: «И нам остается лишь набраться терпения и гадать, куда переведут Гаджиева для окончательного исправления». Казалось бы, ответ очевиден – куда должен быть отправлен разоривший не одно предприятие руководитель, но не случайно в заметке приведены должность и фамилия высоких покровителей горе-руководителя и у читателя возникает резонный вопрос: «А не отправить вслед за Гаджиевым и Кулиева?».

Таким образом, можно сделать вывод, что партийная власть была в целом вне критики. В конце 1970-х годов она упоминалась в журнале, как правило, только в связи с крупными партийными событиями, которые выступали ориентирами в борьбе с недостатками. В выпусках 1980-х годов она представлялась как нечто обобщенное, стоящее над всеми, формирующее основную линию развития страны. Персонально отмечался только Л.И. Брежнев, точнее, цитаты из его выступлений. Партийная региональная и местная власть упоминались в качестве главного контролера за руководителями - хозяйственниками всех уровней. Эти образы характеризовались конкретностью, указывались обкомы, райкомы и горкомы партии и их руководители, которые не всегда вовремя, но все же реагировали на критику и способствовали устранению проблем на местах.

Резкой открытой критике и сатире подвергались хозяйственные руководители всех уровней, от министерских работников до руководителей предприятий и колхозов. Анализ поднимаемых на страницах журнала «Крокодил» проблем показывает, что постепенно происходило их «мельчание». Так, в 1984 г. описывалось, как «поссорился совхоз «Кировский» с участком Мелиоративным» при строительстве локальной теплотрассы, погрязнув в бюрократических проволочках [1, с. 4-5], а в 1985 – «макси-проблемы мини-трактора» [2, с. 4].

В целом, на страницах журнала «Крокодил» в 1970-е годы прорабатывался образ власти, выделялись его отдельные типы (бюрократа, работников министерств, региональной и местной власти, руководителей предприятий, председателей колхозов и совхозов, судебной и партийной власти), апробировались средства художественной выразительности. Смещение акцентов на критику хозяйственной власти, создание ее негативного образа, позволяло на контрасте сформировать в общественном сознании положительный образ партийной власти, борющейся с кризисными явлениями в различных сферах жизни общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бердический А., Климов А. Как поссорился совхоз «Кировский» с участком Мелиоративным // Крокодил. 1984. № 10.

2. Борин Ф., Джалагания Р. Какой я Хозяин? // Крокодил. 1984. № 12.

3. Борин Ю. Кукушка с «подзаводом» // Крокодил. 1981. № 18.

4. В поиск! // Крокодил.1974. № 1.

5. Весенин Е. Операция «УРА» // Крокодил. 1971. № 5.

6. Герсамия Я. В порядке перевоспитания // Крокодил. 1970. № 2.

7. Голуб А. Медведи на лесозаготовках // Крокодил. 1976. № 4.

8. Елохин В. Музыкальный момент // Крокодил. 1974. № 5. С. 3.

9. Канаев В. Миллион до получки // Крокодил. 1982. № 1.

10. Канаев В. Путешествие с простоквашей // Крокодил. 1977. № 35.

11. Матвеев Е. Дело вполне серьезное // Крокодил. 1974. № 5. С. 8.

12. Митин В. Если по-хозяйски // Крокодил. 1982. № 32.

13. Отлов начался // Крокодил.1974. № 5.

14. Почем гараж? // Крокодил. 1981. № 23.

15. Семенов М. К вопросу об удешевлении управленческого аппарата // Крокодил. 1970. №2.

16. Стыкалин С., Кременская И. Советская сатирическая печать 1917 – 1963. М.: Госполитиздат, 1963.

17. Трушин Н. По гривенничку// Крокодил. 1970. № 2.

18. Убилава К. Тот самый лаваш // Крокодил. 1982. № 11. С. 6.

19. Художественная жизнь России от 1970-х к 1990-м. Культурологические записки. Вып.5. М., 1999; Художественная жизнь России 1970-х. Исследования, материалы, документы. Культурологические записки. Вып.6. М., 2000; Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001.

20. Черепанов Ю. Торжественная встреча ответственного проверяющего из министерства. Карикатура // Крокодил. 1972. № 3.

21. Щеглов Е. Карикатура // Крокодил. 1974. № 4.

НОВОСТИ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ НА АВТОРЕФЕРАТЫ

ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ ПОДДУБНОЙ Е.В. «ИЗНАСИЛОВАНИЕ И НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КВАЛИФИКАЦИЯ», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК (ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 12.00.08 -УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО)

Дьяченко А.П.,
официальный оппонент,
доктор юридических наук, профессор

Актуальность избранной темы обусловлена следующими обстоятельствами: характером и степенью общественной опасности этих тяжких сексуальных преступлений, их медико-социальными и психологическими последствиями, особенно для несовершеннолетних и малолетних (недооцененных законодателем); их сравнительной распространенностью, высокой латентностью и неблагоприятным прогнозом на будущее; недостаточной эффективностью анализируемых норм Особенной части УК и практики их применения; тем, что ни в теоретическом, ни в законодательном аспектах избранная тема еще далеко не исчерпана.

Эти обстоятельства и предопределили актуальность и значимость избранной темы для науки и практики.

Научная новизна определяется как выбором самой темы, так и подходами к ее изучению. Автор одним из первых провел оригинальное монографическое исследование, посвященное актуальным проблемам борьбы с насильственными сексуальными преступлениями (ст. 131, 132 УК России).

Научная новизна избранной темы также конкретизируется и в положениях, выносимых на защиту.

Цели и задачи исследования достигнуты с использованием современных общенаучных и частных методов, в связи с чем обоснованность и достоверность выводов, положений и предложений, сформулированных в диссертации, как и личный вклад автора в их разработку, сомнений не вызывает.

К достоинствам настоящей работы, в частности, следует отнести:

эволюцию развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, их научную периодизацию;

развернутую уголовно-правовую характеристику признаков составов

преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК России, особенно таких

базовых понятий, как: «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство», «иные действия сексуального характера», без которых невозможна правильная и обоснованная квалификация содеянного;

доктринальную разработку понятия непосредственного объекта данных преступлений, до сих пор вызывающую острую дискуссию среди отечественных криминалистов;

анализ статистических данных о состоянии и динамике преступлений по ст. 131, 132 УК России за последние годы;

конкретно-социологическое исследование, проведенное автором, и включающее в себя сбор и изучение материалов уголовных дел за последние два года, опубликованную судебную практику по делам этой категории, а также опрос около 100 экспертов по специально разработанной программе;

сравнительный историко-правовой анализ отечественного уголовного законодательства, УК стран Содружества и уголовного законодательства отдельных зарубежных государств за эти преступления;

внесение и обоснование комплекса предложений и рекомендаций по совершенствованию диспозиций и санкций ст. 131, 132 УК России и повышению эффективности судебной практики об этих преступлениях, а также ряд других интересных новелл.

Настоящая диссертация не свободна от недостатков, по которым следует высказать замечания, отдельные из них носят полемический характер.

1. Заслуживает поддержки авторское предложение о введении повышенной ответственности за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, совершенные «близким родственником или лицом, обязанным по закону заботиться о потерпевшем» (с. 9, 166-169, 189-190).

Однако вряд ли этого достаточно: во-первых, не совсем ясно, о каких именно лицах идет речь, особенно во втором случае, а, во-вторых, ни действующий УК России, ни Пленум Верховного Суда РФ (2004 г.) не содержат каких-либо разъяснений в этой части.

Представляется, однако, что было бы целесообразно решить эту проблему следующим образом: либо в новом примечании к ст. 131, 132 УК России сформулировать полный перечень этих лиц, либо дополнить Пленум Верховного Суда РФ по делам данной категории соответствующими разъяснениями.

2. В работе использована не совсем полная статистика о преступлениях по ст. 132 УК РФ (с. 3), в связи с чем целесообразно ее дополнить более полными показателями за последние годы;

3. В диссертации вносится и обосновывается интересная новелла о дифференциации ответственности и более

строгих наказаниях за совершение преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, с учетом возраста малолетнего потерпевшего, например, до 10 лет, от 10 до 14 лет (с. 11, 170-171, 193) и предлагается дать эти разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ (2004 г.) по делам этой категории.

В науке уголовного права содержатся и иные возрастные периоды этих лиц (например, до 7 лет, от 7 до 14 лет). Вместе с тем, представляется, что авторское предложение нуждается в конкретизации.

Во-первых, с участием различных специалистов целесообразно разработать научно-обоснованные критерии этих возрастных групп малолетних потерпевших; во-вторых, предлагаемую новеллу предпочтительнее реализовать в самом УК России в виде нового примечания к ст. 131, 132 УК РФ, а, в-третьих, соответствующие разъяснения об этом можно сформулировать, напрмер, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ (2007 г.) о практике назначения судами уголовного наказания.

Сделанные замечания не влияют на общую положительную оценку проведенного исследования, которое представляет собой самостоятельную, творчески завершенную монографическую работу, отличающуюся актуальностью, научной новизной, имеющую существенное теоретическое и практическое значение для решения проблем Особенной части уголовного права и борьбы с этой преступностью.

Работа носит теоретико-прикладной характер, ее научные результаты могут быть использованы в законодательной деятельности Госдумы РФ по совершенствованию уголовного законодательства о преступлениях, предусмотренных ст. 131, 132 УК России, в деятельности правоохранительных органов и судов по применению этого законодательства, в учебном процессе высших юридических образовательных учреждений, в научно-исследовательской, экспертной и правозащитной деятельности по избранной теме.

Основные идеи, выводы и предложения, сформулированные в работе, получили апробацию в выступлениях соискателя на заседании кафедры уголовного права МГЮА и на международной научно-практической конференции (Москва, 2008 г.), в четырех научных статьях, в том числе в двух из них, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК. Внедрение научных рекомендаций подтверждается соответствующими актами.

Автореферат и опубликованные научные статьи отражают содержание диссертации, которая оформлена надлежащим образом.

С учетом изложенного, можно сделать заключение о том, что диссертация Поддубной Е.В. на тему: «Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и квалификация» соответствует критериям установленным ч. 2 ст. 8 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (2002 г.), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук (по специальности 12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право).

ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК САМОЙЛЕНКО К.В. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕМЬЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08)

Исаев Н.А.,
доктор юридических наук, профессор,
кафедра уголовного права,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Нормативно-правовая база уголовного права, направленная на защиту половой свободы и половой неприкосновенности личности в РФ, в последнее время претерпела существенные изменения. Законодатель значительно повысил меры уголовной ответственности за данный вид преступлений, тем самым проявив свою политическую волю и показав значимость борьбы с сексуальным насилием. Другим значительным направлением уголовной политики, находящем отражение в законодательной деятельности, являются охрана семьи и забота о нравственности. Значительный вклад в разработку проблемы противодействия насильственной преступности внутри семьи и прежде всего сексуальной насильственной преступности вносит исследование Самойленко К.В.

Изучение автореферата показывает, что соискатель в целом достаточно успешно справился с поставленными исследовательскими задачами, которые предполагают анализ уголовно-правовой и криминологической характеристики преступлений сексуально-насильственного характера, совершаемых в семье; разработка ряда предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм в данной области, а также теоретическое обоснование и разработку системы мер по профилактике внутрисемейного сексуального насилия.

На основе анализа действующей нормативной базы, исследование теоретических основ уголовно-правовой доктрины и широкой эмпирической базы, автор приходит к ряду обоснованных выводов и рекомендаций, которые имеют существенную научную новизну. К таковым в частности можно отнести выделение виктимологической характеристики личности сексуального семейного насилия, выделение и анализ факторов, детерминирующих данный вид преступности. Вполне обоснованным и необходим представляется предложение автора введения специальных статистических учетов случаев сексуального насилия в семье, учреждениях здравоохранения и образования и др.

Полученные автором результаты прошли значительную апробацию и были представлены 4 научными статьями, опубликованными в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Рамки представленного отзыва не позволяют более широко останавливаться на различных аспектах диссертационного исследования, что однако нисколько не умаляет его значимости.

Вместе с тем некоторые позиции работы вызывают критические замечания. Остановимся на некоторых наиболее принципиальных из них.

Так, например, предложение автора ввести квалифицированным составом совершение насильственного сексуального преступления в отношении совершеннолетних членов семьи представляется достаточно спорным, так как в качестве квалифицирующего признака будет выступать родственная связь или членство в семье.

Дискуссионным также является предлагаемая авторская редакция ч.2 ст. 133 УК РФ, когда квалифицированный состав к понуждению к действиям сексуального характера рассматривается как в отношении несовершеннолетнего так и в отношении совершеннолетнего родственника или другого члена семьи, в тоже время как несовершеннолетний родственник отнесен к особо квалифицированному составу.

Однако, указанные замечания носят достаточно дискуссионный характер и не влияют на вывод, что исходя из автореферата диссертация на тему Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия сексуальной насильственной преступности в семье является законченным научным исследованием, удовлетворяющим предъявляемым требованиям, а Кристина Владимировна Самойленко как ее автор заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата юридических наук.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ:

Абрамова М.В.,
аспирант, ассистент, кафедра теории и методики гуманитарного образования, Псковский государственный университет.
marina_avis-rara@mail.ru

Акимович Е.В.,
аспирант кафедры связей с общественностью в бизнесе, Санкт-Петербургский государственный университет.
business.pr@jf.pu.ru

Антипова Т.В.,
доктор экономических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Аргунова М.П.,
аспирант, кафедра методики преподавания иностранных языков, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; учитель английского языка, Якутский городской лицей.
miraargunova@yandex.ru

Артемова Л.А.,
старший преподаватель, аспирант, кафедра русского языка как иностранного, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.
lili-mermaid@mail.ru

Баева Т.А.,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербург.
tamarabaeva@mail.ru

Барсукова О.В.,
кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии образования, Академия психологии и педагогического образования Южного Федерального университета

Белоусова Л.Д.,
старший преподаватель кафедры англистики и межкультурной коммуникации, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет,
milabelousova@yandex.ru

Бобков А.Л.,
кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и организации производства, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Богданова Н.В.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
nvbogdanova.imop@mail.ru

Бондаренко М.В.,
кандидат юридических наук, Академия ФСО России

Бочкарева Т.Н.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры международного права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Бузальская Е.В.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры РКИ и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет.
helve@yandex.ru

Булатецкий А.С.,
адъюнкт кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.
BUL303@rambler.ru

Бумагин А.Н.,
Председатель суда, Арбитражный суд Орловской области.
info@orel.arbitr.ru

Буряк В.А.,
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ростовский институт (филиал) Российского Экономического университета им Г.В. Плеханова

Ван Хаоюй,
аспирант, кафедра психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
wanghyaoyu904045570@126.com

Ван Чаоцин,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
wangchaoqing2004@sina.com

Воронич Е.А.,
аспирант, кафедра специальной (коррекционной) педагогики, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования.
voronich71@mail.ru

Гассельблат О.А.,
аспирант кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
olyah77@mail.ru

Гордиевская М.Л.,
кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительного изучения языков, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Горева О.М.,
кандидат социологических наук, доцент кафедры Математические методы в экономике, Тюменский государственный нефтегазовый университет.

Горшкова В.В.,
доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии, декан факультета культуры, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Гришина Е.Б.,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт им. В.В. Лукьянова

Губарь А.И.,
старший преподаватель, Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)

Дейнеко С.В.,
соискатель, Тюменский государственный нефтегазовый университет. sema_79@bk.ru

Демидович Д.М.,
соискатель кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
d_demidovich@bk.ru

Дзуматова З.Р.,
старший преподаватель кафедры истории России, Ингушский государственный университет; старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Ахриева.
Djazira79@mail.ru

Дмитриева Т.Ф.,
старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, подполковник милиции в отставке.
DTF1106@yandex.ru,
DTF1106@tut.by

Дубровский О.Н.,
кандидат юридических наук, доцент, Тувинский государственный университет

Дудар Т.Е.,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и этики, Сыктывкарский государственный университет.
tandu2004@mail.ru

Желтова Н.В.,
ведущий научный сотрудник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства, Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва

Зинченко А.А.,
старший преподаватель, Тюменское высшее инженерно-командное училище

Зубцова М.Л.,
учитель русского языка и литературы СОШ №1 г. Ливны Орловской обл., соискатель кафедры языкознания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.
m-a-r-i-a-2@yandex.ru.

Иваненко Т.И.,
кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Камчатский государственный технический университет, Петропавловск-Камчатский.
krasota39@yandex.ru

Исаев Н.А.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
nikolajisaev@yandex.ru

Исгендерова Вусаля,
Азербайджан

Какосьян Э.К.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры продюсирования и управления в социально-культурной сфере, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения.
evakoks@mail.ru

Капустина Е.Г.,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра административного права и административной деятельности ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Карабулатова И.С.,
доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
radogost2000@mail.ru

Касумова А.Ш.,
аспирант, кафедра русского языка, Дагестанский государственный технический университет.
Rutul2010@yandex.ru

Качмар С.Л.,
специалист, НУ «Львовская политехника».
poedgar@ukr.net

Киева З.Х.,
кандидат филологических наук, зав. отделом ингушского языка, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева.
z-kieva@mail.ru

Климчук Ю.Ю.,
аспирант, педагог-психолог коррекционной школы II вида, Институт специальной педагогики и психологии.
piter-reklama@mail.ru

Ковалева Н.Л.,
аспирант, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Ковальчук Д.В.,
магистрант, Московский финансово-юридический университет.
bakardosova@mail.ru

Ковров В.В.,
кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет.
lev23@list.ru

Ковтунович М.Г.,
кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры Организационной и экономической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет.
marinakovt@mail.ru

Койше К.К.,
кандидат социологических наук, доцент, Тюменский госуниверситет нефти и газа.
radogost2000@mail.ru

Колесников С.С.,
аспирант, Социологический институт РАН; методист учебно-методического отдела по социальной реабилитации и ресоциализации лиц с зависимым и созависимым поведением, Городской информационно-методический центр «Семья»

Комарницкий А.В.,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Комаров О.Е.,
кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики, права и философии, Павлодарский государственный педагогический институт, Республика Казахстан.
KomarovOE@mail.ru

Кононов А.Д.,
магистр юриспруденции, аспирант, Государственный университет – УНПК, kononov.
alexander2011@yandex.ru

Коротков Д.М.,
кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра истории зарубежной философии, Санкт-Петербургский государственный университет.
cherepahamitya@mail.ru

Косарев С.Ю.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургская юридическая академия.
kos-s-pb@mail.ru

Костенко Н.И.,
доцент кафедры Конституционного и муниципального права, Государственный университет-УНПК, г. Орел

Котельницкая Л.И.,
кандидат технических наук, доцент, кафедра информационных технологий, Ростовский институт (филиал) Российского Экономического университета им Г.В. Плеханова

Кочеток Н.Г.,
аспирант, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов; Средняя общеобразовательная школа № 474 г. Санкт-Петербурга.
natalja_ilina.74@mail.ru

Кузнецова О.Н.,
кандидат философских наук, доцен т, кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных наук, Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина

Кузнецова Ю.В.,
аспирант Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов; ГБОУ СОШ № 189 «Шанс» Центрального района Санкт-Петербурга.
sk2566@ya.ru

Кулев А.Г.,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Куракина Е.В.,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова.
kurakina_elena@list.ru

Лавицкая М.И.,
доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Российский государственный социальный университет, г. Москва.
marinalv2010@yandex.ru

Лавров В.В.,
кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры

Лимарева Е.С.,
старший преподаватель, кафедра административного права и административной деятельности ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Матвеев А.П.,
старший преподаватель, институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет.
lun@nm.ru или tatsu@takamaro.ru

Медведева В.
Е., кандидат педагогических наук, доцент кафедры социального управления и конфликтологии, Орловский государственный университет.
veraxx@mail.ru

Мещерякова О.А.,
доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.
lameo56@yandex.ru

Миленин Ю.Н.,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Никитина Ю.В.,
кафедра рисунка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ниязова Г.М.,
доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет.
radogost2000@mail.ru

Осипова А.А.,
кандидат психологических наук, доцент, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ростовский институт (филиала) Российского Экономического университета им Г.В. Плеханова

Осипова Л.Б.,
кандидат социологических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет.
lev1026@yandex.ru

Пашкина О.Ю.,
аспирант, кафедра современного русского языка и общего языкознания, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
opashkina@yandex.ru

Поливара З.В.,
Тюменский государственный университет.
radogost2000@mail.ru

Прокошева Е.Д.,
аспирант, Владимирский государственный педагогический университет. prokosheva.
elena@bk.ru

Расщепкина Н.А.,
кандидат химических наук, доцент, кафедра химии, Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королёва (национальный исследовательский университет).
rasshhepkina.natalja@rambler.ru

Рудица Н.Б.,
доктор PhD, кандидат социологических наук, профессор кафедры истории, географии и социальных дисциплин, Инновационный Евразийский университет, Республика Казахстан.
NRuditsa@mail.ru

Рянский Р.Л.,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии юго-востока Руси, Курский государственный университет.
juilar1300@gmail.com

Салимзянов А.И.,
аспирант кафедры гражданского права и гражданского процесса, Академия социального образования, г. Казань

Семенов В.В.,
адъюнкт, Владимирский юридический институт ФСИН России.
valentine_semenov91@mail.ru

Семухина Е.В.,
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социальной психологии, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Соловьев О.Г.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Сорокин А.И.,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова

Сорокина Г.А.,
кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский государственного юридического университет им. О.Е. Кутафина.
inyazmgua@mail.ru

Сытников А.Ф.,
кандидат исторических наук, кафедра философии и истории, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС».
saf.49@mail.ru

Тананыхина А.О.,
кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
allatan@mail.ru

Тариева Л.У.,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ингушский государственный университет, г. Магас.
Tarieva00@mail.ru

Тихонова А.В.,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Смоленский государственный университет.
a.v.tikhonova@gmail.com

Токмаков А.А.,
преподаватель кафедры туризма, Уфимский государственный университет экономики и сервиса.
aleksandr.tokmakov@mail.ru

Торохтий В.С.,
доктор педагогических наук, профессор, Московский городской психолого-педагогический университет

Устинова О.В.,
кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет.
sema_79@bk.ru

Ушакова Н.Б.,
ассистент кафедры экономики товарных рынков, Тюменский государственный нефтегазовый университет.
nata_ush@mail.ru

Фадеева М.А.,
аспирант, кафедра уголовного права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Фам Тхи Зьеу Тху,
аспирант кафедры методики обучения математике и информатике, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.
thuya52002@mail.ru.

Федорова Е.А.,
старший преподаватель, Заводоуковский филиал Тюменского государственного университета

Филатов А.Н.,
аспирант, кафедра искусствоведения, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.
afilatov2002@gmail.com

Фомичёв А.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент, кафедра административного права и административной деятельности ОВД, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова

Хаматханова М.А.,
кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики товарных рынков, Тюменский государственный нефтегазовый университет, РФ.
a_ahilgov@mail.ru

Цагарева А.К.,
кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков для естественнонаучных факультетов, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова.
tcagaraeva@mail.ru

Шаталов Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Шейхи Хоссейн,
аспирант кафедра русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
h_sheykhi@mail.ru

Шилова Н.Н.,
доктор экономических наук, профессор, Тюменский государственный нефтегазовый университет.
frmtmn@yandex.ru

Шишов М.А.,
соискатель, Московский городской психолого-педагогический университет

Штоколок В.С.,
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

Яковлев Н.А.,
андидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры «Аграрная экономика и право», Орловский государственный аграрный университет

Яковлева А.А.,
аспирант кафедры политической истории, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. aelita.
yakovleva@yandex.ru

Якушев М.В.,
кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка, Орловский государственный университет.
yakuschev@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования» — это академический научно-практический журнал, отражающий результаты оригинальных научных исследований теории и методологии в различных областях гуманитарного знания. В нем освещаются новейшие исследования, концепции и теории, свежие практические идеи и инициативы, результаты. Также на страницах журнала печатаются результаты практической деятельности специалистов.

Редакция журнала принимает статьи от российских и зарубежных авторов по следующей тематике:

- Юридические науки как теоретической так и практической направленности (анализ действующего законодательства, практика его применения на досудебных и судебных стадиях).
- Исторические и политические науки
- Социальные науки
- Экономические и демографические процессы
- Культурные традиции и новации
- Проблемы и перспективы развития науки и образования
- Проблемы психологии и педагогики
- Антропология и этнография
- Вопросы философии и этики

Эмпирические исследования, концепции, метаанализ, рецензии на книги, количественные и качественные исследования, социальные инновации, обзоры литературы, ретроспективы, взгляды практиков - все это может быть объектом исследований. Отдельной рубрикой журнал печатает методические и учебно-методические комплексы, лекции ведущих специалистов в области гуманитарных и социальных наук.

Журнал издается периодически каждые два месяца (6 номеров в год).

Каждая статья рецензируется. После положительной оценки рецензента, редакционная коллегия определяет возможность публикации статьи в журнале.

Отправленная статья (материалы) не должна быть ранее нигде опубликованной, не может быть отправлена для публикации в другие издания. Если статья будет принята в журнал, она не должна публиковаться в той же форме на английском или каких-либо других языках без письменного согласия редакционной коллегии. Печатая статью автор дает согласие на ее размещение в информационных базах и сети интернет, без дополнительного соглашения с ним.

Плата за публикации статей с аспирантов не взимается.

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСИ

Рукопись, предоставляемая в редакцию, должна иметь: аннотацию на русском и английском языках, содержащую название рукописи, данные автора обязательно (Ф.И.О.) полностью, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, краткое содержание рукописи объемом до 0,25 страницы машинописного текста, УДК, рецензию, протокол заседания кафедры с рекомендацией к публикации.

Рукопись представляется в редакцию в виде файла на диске с использованием Winword, размер шрифта 14 (Times New Roman), интервал полуторный, абзац 1,25, страницы не нумеруются.

Ввод формул производить в редакторе формул Microsoft Equation 2.0. Иллюстрации выполняются на компьютере и вставляются в файл статьи. В таблицах все наименования проставляются полностью, без сокращения слов. Объем статьи до 14 страницы.

Параметры страницы: Поля верхнее: 2,5 см; нижнее: 2 см; левое: 2,5 см; правое: 2,5 см.

Название статьи должно содержать не больше 7-8 слов.

Библиографический указатель (список литературы) дается авторами в конце статьи в порядке последовательности ссылок в тексте. Ссылки на литературу в тексте заключаются в квадратные скобки. В списке литературы указываются: а) для журналов и сборников - фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала (сборника), номер или том, место и год издания, стр.; б) для книг - фамилии и инициалы авторов, название книги, место издания, название издательства, год издания, стр. (ГОСТ 7.1 - 84). В список литературы вносят только те работы, которые опубликованы в печати.

Список литературы не должен превышать 15 наименований источников.

Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Диски со статьями не возвращаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

Причины отклонения статей редколлегией или рецензентом сообщаются авторам.

Корректура статей иногородним авторам предоставляется.

Плата за публикацию не взимается.

Журнал включен в систему российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Электронный вариант статьи, аннотация, подписка на журнал высылаются по e-mail: nikolajisaev@yandex.ry; info@alef-press.com

Индекс Роспечати 48561. Организована подписка на журнал в редакции и через систему Яндекс-деньги.

Пожалуйста, отправляйте Ваши статьи:

профессор Николай Исаев, главный редактор

Телефон +7919-200-20-20

WWW.ALEF-PRESS.ORG

Подписка на журнал

Подписной индекс агентства «Роспечать» по каталогу «Газеты и журналы»
на I полугодие 2015 года – 48561;
Подписка в редакции по электронной почте:
nikolajisaev@yandex.ru
Сайт журнала в Интернет: www.alef-press.org
Подписка через Интернет:
№ счета в платежной электронной системе Яндекс-Деньги: 41001259025909,
Стоимость одного номера журнала с 2010 г. составляет 1000.00 рублей за номер по каталогу Роспечати без учета почтовых расходов.

Учредители

ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», Ю.М. Антонян, Н.А. Исаев
Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

Издатель

Издатель: Исаев Н. А.
ООО «Издательский Дом «Алеф-Пресс»
Отпечатано: полиграфическая фирма «Горизонт»
302025, Орел, Московское шоссе, 137, корп. 5.
Тел/факс: (4862) 30-00-70
Подписано в печать 20 ноября 2014 г. Формат 60x901/8
Учёт.-изд.л. – 41.5. Тираж 1050 экз. Заказ № 607
Цена свободная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия, свидетельство ПИ №ФС77-32438 от 09 июня 2008 г.

Журнал включен в систему
«Российский индекс научного цитирования»

ISSN 1997-9878
13001
9 771997 987001